

В.Н. Чхаидзе

ФАНАГОРИЯ
в VI–X веках

МОСКВА
2012

УДК 80/81
ББК 83.3(0)4
Ч 63

Ответственный редактор:
И.Л. Кызласов, доктор исторических наук

Рецензенты:
А.В. Сазанов, доктор исторических наук
В.С. Флёрв, кандидат исторических наук

Исследование выполнено в группе средневековой археологии
евразийских степей Института археологии РАН

Работа над книгой осуществлена в рамках Программы
фундаментальных исследований Президиума РАН
“Историко-культурное наследие и духовные ценности России”

Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках / В.Н. Чхаидзе. – М., 2012. 590 стр. илл.

ISBN 978-5-905055-09-6

Работа посвящена изучению археологии, истории и культуры раннесредневекового города на Таманском полуострове – Фанагории. В научный оборот вводятся археологические материалы культурных слоев городища VI–X вв., определяется место Фанагории в системе синхронных памятников Северного Причерноморья и Северо-Западного Предкавказья, а также, историческая роль города в рассматриваемый период. Впервые представлено систематическое описание остатков строительных комплексов и вещевых материалов. Показана вариабельность проникновения достижений византийской цивилизации, а также хазарского влияния в зоне Таманского региона. В работе значительно уточнены историко-культурные представления о городах, расположенных в периферийных владениях Византийской империи в Северном Причерноморье, и, одновременно – на юго-западной окраине Хазарского каганата.

Книга рассчитана на археологов, историков, студентов исторических факультетов и на широкий круг читателей, интересующихся средневековой историей юга России.

© В.Н. Чхаидзе, 2012
© ИД «Триумф принт», 2012

Светлой памяти

**Андрей Геннадьевич Атавин
(1954–2004)**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I.	
Постройки и планировка раннесредневекового города.....	13
Глава II.	
Материальная культура Фанагории в VI–X вв.	128
Глава III.	
Некрополи средневекового города.....	214
Глава IV.	
История средневековой Фанагории.....	257
Заключение	276
Приложение.	
Находки османского времени на территории Фанагории.....	282
Источники, литература, архивные материалы.....	286
Список сокращений.....	346
Summary.....	348
Таблицы.....	354
Иллюстрации.....	391

ВВЕДЕНИЕ

В предыдущей работе нами была подробно рассмотрена история и археология Таматархи – раннесредневекового города, располагавшегося на территории современной станицы Тамань и в разное время входившего в состав Византийской империи и Хазарского каганата (Чхаидзе, 2008а). Настоящее исследование является логическим продолжением прошлой работы и посвящено раннесредневековой Фанагории, находящейся в 25 км восточнее Таматархи, на том же берегу Таманского залива.

Городище Фанагория располагается на западной окраине современного поселка Сенной Темрюкского района Краснодарского края. Это один из важнейших памятников классической и раннесредневековой археологии на территории Северного Причерноморья. Жизнь на городище продолжалась со времени основания здесь греческой колонии в первой половине VI в. до н.э. и до начала X в. н.э.

Фанагория, основанная в 540-х гг. до н.э. жителями города Теос, первоначально выступала в качестве полиса, но уже в конце V в. до н.э. вошла в состав Боспорского царства и стала столицей Азиатского Боспора. В начале III в. н.э. город был захвачен, вероятно, скифами. После нашествия гуннов в IV в. Фанагория была включена в состав Византийской империи. Во второй четверти VI в. город был разрушен тюрками, и жизнь здесь на некоторое время замирает, но уже со времени установления хазарского господства в Приазовье (середина VII в.) Фанагория, сохранившая свое античное название, известна как один из административных центров Хазарского каганата. В первой половине X в. жизнь в городе затухает. Только на береговой части городища в X–XI вв. существует небольшое поселение. В XVI–XVIII вв. здесь же находился населенный пункт, в составе Османской империи.

В эпоху средневековья Фанагория располагалась на одном из островов, составлявших дельту р. Кубань. Северной границей острова являлось одно из русел Кубани – Субботин ерик, южной – Шемардинский рукав¹.

Топография памятника (Рис. 1) такова: городище спускается к заливу двумя террасами – т.н. “верхним” и “нижним” городом. Верхнее плато на южной и восточной границах имеет крутые, почти вертикальные склоны. Нижнее плато городища на востоке выделяется менее четко, слегка поднимаясь над окружающей местностью двумя возвышенностями, вытянутыми с юга на север, по направлению к заливу. Между восточной границей городища и высокими холмами к востоку от него расположена узкая лощина, простирающаяся с севера на юг, по которой проходила древняя дорога. Холмы к востоку от городища являются естественными возвышенностями, на них и за ними располагался некрополь. Южная пологая часть городища также была занята разновременным некрополем. Западная граница верхнего плато городища отмеченная лишь невысоким подъемом. На нижнем плато западная граница не выделяется (Блаватский, 1941б, с. 222; 1951а, с. 189–190, 209; Кобылина, 1956, с. 11–12; 1989, с. 18–20; Паромов, 2003, с. 157). Площадь

¹ Согласно данным геоморфологических бурений, проведенных в 2008 г. Боспорской экспедицией ГИМ, существование Субботинового Ерика и Шемардинского рукава в эпоху античности подвергается сомнению (Журавлев и др., 2011, с. 281).

памятника, вместе с ушедшей под воду северной частью составляет не менее 60 га, из которых 12-15 га затоплены водами Таманского залива, граница проходила в среднем на расстоянии 220-240 м от современной береговой линии (Блаватский, 1958, с. 87; 1961, с. 279, рис. 1; Блаватский, Кузищин, 1959, с. 130-131; 1961, с. 136-138, рис. 1; Кузнецов, 2005, с. 77, 88-90; Таскаев, 2009, с. 130-131, 139).

На большей части территории городища Фанагория прослеживается культурный слой раннесредневекового времени (VI – начало X вв.), перекрывающий античные слои. В эпоху средневековья город был порто-вым и естественно располагался на участках, максимально приближенных к морю (первая надпойменная терраса), составляющих в длину 600 м, а в ширину 120 м. Тогда же граница города продвинулась на восток, причем территория, ранее находившаяся вне городской черты, оказалась застроенной (Блаватский, 1940, с. 300; 1941б, с. 221, 226). Можно констатировать, что в эпоху раннего средневековья протяженность города составляла в длину более чем 800 м, в ширину – 700 м (с учетом затопленной части). Общая территория Фанагории занимала не более 50 га.

На городище Фанагория специалистами – антиковедами: Л.П. Харко, В.Д. Блаватским, М.М. Кобылиной, И.Д. Марченко, А.К. Коровиной, В.С. Долгоруковым и др., были выявлены мощные слои, датирующиеся VI в. до н.э. – IV в. н.э. Судя по отсутствию следов разрушений, которые неизбежно фиксировались бы в стратиграфии, а также по немногочисленному керамическому материалу V–VI вв. н.э., жизнь после гуннского нашествия в Фанагории, как и в других городах Таманского полуострова, продолжалась до второй четверти VI в. (Буданова и др., 2011, с. 191). Слой V–VI вв., когда Фанагория попала под власть Византии и времени тюркского нашествия на Боспор, здесь мало выражен (Паромов, 2004, с. 106). Также в изученных слоях Фанагории существует разрыв между 570–580 гг. и началом VII в., что, без сомнения, указывает на события, последовавшие за тюркским погромом Боспора и Крыма. Основные центры Боспора уже не смогли восстановиться (Сазанов, 1999а, с. 36-37, табл. 7). Вероятно, одним из таких центров являлась Фанагория, так как судьба города в конце VI – первой половине VII вв. практически неизвестна. В третьей четверти VII в. завершается история византийского Боспора, что связано с приходом сюда хазар и установлением системы кондомината – византийско-хазарского «двоевластия» (Сазанов, 1991б, с. 25; 1999а, с. 39-40; Науменко, 2001, с. 346, 350; Сорочан, 2002, с. 512, 522; Чхаидзе, 2008а, с. 268). Слои начала VIII – начала X вв. (толщиной 1,5-2,5 м) прослеживаются практически на всей территории Фанагории и датируются массовым материалом (Плетнёва, 1981б, с. 68; 1999, с. 145-146; Атавин, 1987а, с. 31-32). В это время в Фанагории, так же как и в соседней Таматархе, появляются новые строительные традиции, прежде всего ранее не известные строительные приемы (кладка «ёлочка» – *opus spicatum*). Складывается новая планировка жилых кварталов и меняется весь керамический комплекс.

Долгое время считалось, что жизнь в Фанагории замирает не ранее XIII в. (Блаватский, 1940, с. 288; 1941а, с. 24-25; Кобылина, 1989, с. 121; Захаров, 2002, с. 143), однако установлено, что это произошло в начале X в.

(Кропоткин, 1957, с. 36-38), вероятно, вследствие природных факторов (Атавин, 1987а, с. 33-34; 1988, с. 23).

Хронологические рамки настоящего исследования обусловлены временем византийского, а также болгаро-хазарского присутствия в северо-причерноморском регионе, что подтверждается письменными источниками и археологическими данными. Нижний временной рубеж исследования связан со второй четвертью VI в. – временем разгрома Боспора гуннами (утигурами). Верхнюю хронологическую границу следует относить к первой четверти X в. – времени, когда жизнь на территории памятника прекращается.

Археологические раскопки Фанагории были начаты в 1853 г.² – историография этого вопроса достаточно подробно освещена в целой серии различных работ (Ростовцев, 1925, с. 263-272; Кобылина, 1956, с. 5-10; 1989, с. 5-50, 122-124, рис. 6-7, 20, 49; Даньшин, 1992А, л. 6-7; Паромов, 1993, с. 111-142; 2004, с. 105-107; Тункина, 2002, с. 572-576; 2010, с. 44-47, 85-88, рис. 15-18, 20, 78; Захаров, 2002, с. 143-144; Плетнёва, 2003а. С. 180; Панкратова, 2008, с. 267-269; 2011, с. 347-352; Фанагория, 2008, с. 20-25; Виноградов, 2009, с. 273-286; 2010, с. 39-45; и др.) и это избавляет нас от повторения уже сказанного. Отмечено, что научное археологическое изучение Фанагории, началось в 1926–1931 гг. и с 1936 г. – материалы этих работ, вплоть до 1995 г. мы и используем в настоящем исследовании. Поэтому охарактеризуем вкратце только те раскопы, на которых были выявлены средневековые объекты.

В 1936–1937 гг. на городище Фанагория работала совместная экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина и ГИМ под руководством Алексея Петровича Смирнова (1899–1974) и Владимира Дмитриевича Блаватского (1899–1980) (Рис. 2.1) (Блаватский, 1941а, с. 5-62). В 1938–1940 гг. работами экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина руководил В.Д. Блаватский (Блаватский, 1940, с. 287-300; 1941б, с. 220-222). В 1939 г. работы экспедиции ГИМ проводились под руководством Натальи Валентиновны Пятышевой (1907–1984) (Пятышева, 1960, с. 111-124).

Основной задачей исследований было установление западной и восточной границ города. С этой целью с западной и восточной стороны городища, а также вдоль берегового обрыва был заложен ряд раскопов, на которых были выявлены городские средневековые слои. Прежде всего, это расположенный в северной части памятника, на береговом обрыве, раскоп «Город А», во время исследований которого, продолжавшихся на протяжении нескольких лет (1936–1937, 1939, 1970, 1973–1974 гг.), были выявлены слои V – начала X вв. (Блаватский, 1936А, л. 3-4, 16-25; 1937, с. 161-162; 1938, с. 135-137; 1940, с. 290; 1941а, с. 6-8, 24-25; 1951а, с. 189; Смирнов, 1937А, л. 4-7; Пятышева, 1939А, л. 3-14; 1960, с. 111-117; Кобылина, 1970А, с. 3-7; 1971, с. 110-111; Долгоруков, 1974А, л. 2-5; Долгоруков и др., 1975, с. 107).

На раскопе «Северный город», расположенном на береговом обрыве, ра-

² Следует отметить, что первым локализовал Фанагорию французский путешественник и дипломат Абри де ла Мотрэ (ок. 1674–1743 гг.), который в 1711 г. отметил: «между Таманью и Темрюком я не заметил ничего, кроме развалин, еще довольно значительных, но которые изо дня в день становились все меньше из-за жителей этих двух городов, которые время от времени разбивали различные части этих зданий для постройки новых домов и т.д. Местоположение [этих развалин] показалось мне совпадающим с древней Фанагорией...» (АБКИЕА, с. 126; ср.: Герц, 1870, с. 70).

боты также продолжались в течение нескольких лет (1939–1940, 1948–1949, 1954 гг.). Здесь были вскрыты слои V– начала X вв., в том числе обнаружены фундаменты нескольких строений. Впервые удалось проследить средневековую городскую планировку (Блаватский, 1939А, л. 3-19; 1940А, л. 3-40, 77-78; 1940, с. 293-294, 298; 1941б, с. 220; Кобылина, 1948А, л. 29-30, 32, 37-43; 1949А, л. 17-32; 1950, с. 93-95; 1951б, с. 235-236; 1954А, л. 2-19).

Незначительный средневековый слой был выявлен на раскопах в северо-западной части памятника – 1936 г. «Некрополь А» (там же открыто разрушенное погребение) (Блаватский, 1936А, л. 5, 33-39; 1940, с. 290; 1941а, с. 6-7, 26-27; 1951а, с. 189); в восточной части памятника – 1939 г. «Восточный берег» (Блаватский, 1939А, л. 65-67; 1940, с. 300); 1940 г. «Восточный береговой» (Блаватский, 1940А, л. 80-84; 1941б, с. 221) и «Северо-восточный» (Блаватский, 1940А, л. 85-88).

Средневековые грунтовые погребения были выявлены на раскопах: в западной части – 1939 г. «D» (Блаватский, 1939А, л. 74-75; 1940, с. 300; 1951а, с. 209); восточной части – 1939–1940 гг. «Восточный некрополь» (Блаватский, 1939А, л. 76-89; 1940А, л. 92-105; 1940, с. 298-300; 1941б, с. 221; 1951а, с. 210-221); южной части – 1940 г. «Южный» (Блаватский, 1940А, л. 106-121; 1941б, с. 222; 1951а, с. 221-226).

В 1947 г. работы на городище Фанагория были возобновлены экспедицией ИИМК АН СССР под руководством Марии Михайловны Кобылиной (1897–1988) (Рис. 2.1).

Ряд раннесредневековых объектов выявлен на раскопе «Холм Г», расположенном в центральной части городища, работы на котором проводились в 1948–1949 гг. (Кобылина, 1948А, л. 14-16, 25-28; 1949А, л. 13-16; 1950, с. 91-93; 1951б, с. 232). Средневековый слой исследован в 1954 г. и на раскопе «Западный» (Кобылина, 1954А, л. 34-36), расположенном на берегу.

Хорошо сохранившаяся часть средневекового города была открыта на раскопе «Центральный», исследования на котором проводились в 1959–1960, 1968, 1970–1972, 1974 гг. В 1968 г. в составе Фанагорийской экспедиции над изучением средневековых слоев работал отряд под руководством Светланы Александровны Плетнёвой (1926–2008) (Рис. 2.2); тогда же на нескольких участках работы проводились под руководством Алексея Константиновича Зайцева. В 1970 г. изысканиями средневекового отряда руководил Валерий Сергеевич Флёров (Кобылина, 1959А, л. 2-25; 1960А, л. 119-131; 1963а, с. 97-100; 1969а, с. 90; 1970б, с. 111; 1971, с. 110; 1971А, л. 5-7; 1972а, с. 144; 1972А, л. 2-3; 1974А, л. 2-3; Плетнёва, 1968А, л. 38-54; Зайцев, 1968А, л. 23-37; Флёров, 1970А, л. 16-25).

Несколько раскопов были заложены вдоль береговой полосы. Незначительный слой был обнаружен на раскопе «Береговой I» (1968 г.) (Кобылина, 1968А, л. 17-18; 1969а, с. 91). Остатки нескольких зданий, вымосток и хозяйственных ям V – начала X вв. открыты на раскопах «Береговой А» (1971–1972 гг.) (Долгоруков, 1971А, л. 20, 31-41; 1972а, с. 145-146; 1972б, с. 93; 1972А, л. 20-25, 31; 1975, с. 55-58) и «Береговой Б» (1971 г.) (Долгоруков, 1971А, л. 41-48; 1975, с. 58-59).

Фундаменты зданий и несколько печей были открыты в 1973 г. в раннесредневековых слоях раскопа «Юго-Западный» (Кобылина, 1973А, л.

12-21; 1978, с. 30-35; Кобылина, Долгоруков, 1974, с. 112).

Средневековые грунтовые погребения были выявлены на южной окраине городища на раскопах «Майские II и III» (1947 г.) (Кобылина, 1947А, л. 14-17; 1949, с. 47; 1951а, с. 236-240); «Керамик» (1952, 1954, 1955, 1964 гг.) (Кобылина, 1952А, л. 24-26; 1955А, л. 24; 1956, рис. 26; 1964А, л. 3-5; 1967, с. 129) и «Участок А» (1965 г.) (Кобылина, 1965А, л. 8-9; 1970а, с. 72).

В 1947 г. в западной части городища экспедицией были исследованы погребения в каменных ящиках (Кобылина, 1947А, л. 27; 1949, с. 48-51; Атавин, 1986б, с. 91). В 1973 г. новые погребения этого типа были открыты на раскопе «Западный» (Кобылина, 1973А, л. 29-34, рис. 63-76; Кобылина, Долгоруков, 1974, с. 113).

В 1975–1992 гг. Фанагорийской экспедицией ИА АН СССР руководил Владислав Серафимович Долгоруков (1940–2001) (Рис. 2.3). Раскопки городских слоев на протяжении ряда лет (1975–1977, 1979–1980 гг.) проводились в центре городища, на раскопе «Верхний город»³, где было выявлено несколько раннесредневековых ям и разрозненные кладки фундаментов (Долгоруков, 1975А, л. 17, 22-25; 1976А, л. 27-30; 1977А, л. 11-14; 1979А, л. 25-26; 1980А, л. 29; Басовская и др., 1977, с. 86).

В период с 1982 по 1985 гг. на памятнике работал средневековый отряд под руководством Андрея Геннадьевича Атавина (1954–2004) (Рис. 2.4). Исследования были сосредоточены на берегу залива, на раскопе «Береговой Стратиграфический», где было выявлено пять строительных периодов, охватывающих всю средневековую жизнь города с VI по начало X вв. (Атавин, 1982А, л. 1-19; 1983А, л. 1-8; 1984А, л. 1-10; 1984, с. 107-108; 1985А, с. л. 7-17; 1986б, с. 90-91; 1987, с. 126; 1988, с. 21-22).

Слои VIII – начала X вв., содержащие фундаменты крупного здания, выявлены на раскопе «Берег», расположенном на береговом обрыве, работы на котором проводились в 1989, 1994–1995 гг. (Завойкин, Атавин, 1989А, л. 1-21).

В 1978 г. на раскопе «Юго-Западный некрополь», находящемся на значительном удалении от городища, был выявлен ряд погребений, которые можно соотносить со средневековым периодом жизни города (Масленников, 1978А, л. 1-24; Кузнецов и др., 1979, с. 134).

Значительные работы, связанные с прокладкой напорного трубопровода, проводились на раскопе «Южный город» в 1979–1991 гг. В 1979–1981, 1984–1986, 1988 и 1990 гг. здесь было выявлено 146 грунтовых погребений средневекового периода (Усачева, 1979А, л. 10-18; Долгоруков, 1980А, л. 32-44; 1981А, л. 33-34; 1983, с. 116; 1984А, л. 14, 50-51; 1985А, л. 118, 122; 1987, с. 137; Новиков, 1981А, л. 1-21; Завойкин, 1988А, л. 23-25; 1990А, л. 14-15).

В целом можно констатировать, что к настоящему времени едва ли раскопано более 1% всей площади городища (Завойкин, Кузнецов, 2012, с. 131).

Средневековые материалы из археологических раскопок на территории памятника до сих пор не получили должного отражения в научной литературе, впрочем, так же как и исторические разработки. Абсолютное большинство работ, посвященных Фанагории, имеют целью изучение

³ С 1995 г. работы на раскопе проводятся археологической экспедицией Института археологии РАН, под руководством В.Д. Кузнецова (Phanagoreia, 2009, p. 32; Кузнецов, 2009, с. 394).

античного периода ее истории, в то время как средневековые материалы в таких работах если и упоминаются, то вкратце или мельком (Кобылина, 1951б, с. 232, 235-236; 1963б, с. 129-130; 1967, с. 129; 1989, с. 120-121; Долгоруков, 1991, с. 43; Кузнецов, 1998, с. 8). Единственным исключением является работа А.Г. Атавина, в которой рассматривается история изучения средневекового города (Атавин, 2009, с. 89-92).

Первое упоминание средневекового материала с городища Фанагория содержится у К.К. Гёрца. При его раскопках в 1859 г. были обнаружены архитектурные фрагменты, вероятно, принадлежащие большому зданию, амфора и пифос (Гёрц, 1870, с. 78, 86).

Во время раскопок А.Е. Люценко близ городища Фанагория, к юго-востоку от сопки Блевака, в 1865 г. впервые были исследованы два погребальных каменных ящика эпохи средневековья, датированные концом X – серединой XI вв. (ОАК, 1866, с. VII; Гёрц, 1870, с. 98).

В советской литературе первые краткие упоминания средневековой Фанагории содержатся в работах В.Д. Блаватского, которым в 1936–1940 гг. были выявлены верхние средневековые слои памятника с незначительными остатками сооружений, находками этого времени, прежде всего, керамическими. Тогда же на западной окраине городища были открыты средневековые погребения (Блаватский, 1940, с. 290, 293-294, 298-300, рис. 4-5; 1941а, с. 6-8, 24-27, рис. 2; 1941б, с. 220-222; 1951а, с. 189, 210-226, рис. 13.1, 14.5, 17.1).

В работах М.М. Кобылиной, посвященных результатам исследований 1947–1948 гг., описаны семь каменных ящиков (Кобылина, 1949, с. 48-51), 17 грунтовых погребений (Кобылина, 1951а, с. 236-240, рис. 1) и средневековые слои на одном из раскопов (Кобылина, 1951б, с. 235-236, рис. 76б).

Специальная статья Б.А. Рыбакова была посвящена каменной матрице для отливки серег, происходящей из раскопок городища и датированной IX–X вв. (Рыбаков, 1956, с. 180-181, рис. 1-2).

Впервые картина средневековой жизни города, основанная на материалах раскопок 30-х–40-х гг. XX в., вкратце была представлена В.В. Кропоткиным, который и высказал мнение о прекращении жизни в Фанагории до середины X в., отметив, что здесь не встречаются изделия из стекла и керамики, характерные для второй половины X–XIV вв. (Кропоткин, 1957, с. 36-38). Опираясь на раскопочные материалы, средневековую Фанагорию охарактеризовал А.Л. Якобсон (Якобсон, 1958, с. 477-478, рис. 2.5, 5а.1; 1964, с. 39), а затем Дм.Ил. Димитров (Димитров, 1987, с. 89-90, 133-134, обр. 13-14) и А.В. Гадло (Гадло, 2004, с. 96-99)⁴.

Значительный интерес представляют работы, в которых рассматривается средневековый нумизматический материал, происходящий с территории городища. Здесь встречены византийские монеты V–XI вв. (Кропоткин, 1961, с. 40; 1962, с. 22, 47; 1965, с. 167; Шелов, 1962, с. 119, 125; Харко, 1968, с. 98, рис. 3.2; Фролова, 1981, с. 103), подражания византийским милиарисиям конца X–XI вв. (Крушкол, 1951, с. 259; Голенко, 1953, с. 270-

⁴ Отметим также, что А.П. Смирнов, основываясь на бытовавшей в 50-х гг. XX в. гипотезе о связи славян с культурой полей погребальных урн и черняховской культурой, соотносил одно из фанагорийских погребений III–IV вв. и ряд находок керамики с ранним появлением славян, наряду с готами и сарматами, в Крыму и на Тамани (Смирнов, 1958, с. 277-278; см.: Марченко, 1956а, с. 124-125).

272, рис. 1.1-3, 6, 7; 1961, табл. I, II, IV; Кропоткин, 1962, с. 22, рис. 1.1-3, 6, 7; 1965, с. 168; Шелов, 1962, с. 117), восточные монеты VIII в. (Марков, 1910, с. 14), наконец, монеты Османской империи и Крымского ханства XVI–XVIII вв. (Шелов, 1962, с. 84, 99, 111, 116, 120).

В опубликованном отчете о работах 1939 г. Н.В. Пятышевой описаны и средневековые слои (Пятышева, 1960, с. 111-117, рис. 1). В статьях М.М. Кобылиной и В.С. Долгорукова подробно сообщается об исследовании средневековых слоев на трех раскопах – в центральной и береговой частях городища (Кобылина, 1963а, с. 97-100, рис. 37.П; Долгоруков, 1975, с. 54-59, рис. 1-3). Из раскопок в центральной части города М.М. Кобылиной описан средневековый слой, который она, правда, неверно интерпретировала как слой IV в. н.э. (Кобылина, 1978, с. 30-35, рис. 1-3; см.: Сазанов, 1989, с. 51).

Средневековый керамический материал, в разное время полученный из раскопок Фанагории, использовался в специальных разработках И.Б. Зеест (Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX.986), А.Л. Якобсона (Якобсон, 1979, с. 5-64, рис. 33.1), А.В. Сазанова (Сазанов, 1989, с. 56-57; 1999а, табл. 7; 1999б, с. 233-235; 2012, с. 167-169, 175-176), В.С. Флёрова (Флёров, 2001, с. 159-173, рис. 1-8), И.О. Гавритухина (Гавритухин, 2008, с. 362-365, рис. 1.7, 19).

Я.М. Паромовым был составлен археолого-топографический план Фанагории, на который были нанесены все известные раскопы 1853–1992 гг. и, безусловно, те раскопы, на которых присутствует средневековый слой (Рис. 1) (Паромов, 1993, с. 111-148). Им же обобщены сведения о позднеантичной Фанагории (Паромов, 2003, с. 157-158, табл. 64).

В последние годы была начата публикация средневековых материалов из раскопок последних лет на раскопе «Верхний город» (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 393-428, рис. 1-33), в том числе изучение археозоологических материалов (Добровольская, 2008, с. 347-350; 2009, с. 113-118; 2010, с. 439-444, рис. 1-3; Добровольская, Попова-Бондаренко, 2011, с. 102-105, рис. 1).

Однако впервые обратилась к изучению средневековых слоев Фанагории С.А. Плетнёва. В результате собственных раскопок в центре городища ею был исследован небольшой жилой участок и прослежена городская планировка. Эти материалы послужили базисом для написания небольшой, но принципиально важной работы (Плетнёва, 1981а, с. 15-16, рис. 3-6). В дальнейшем С.А. Плетнёва неоднократно возвращалась к материалам этих раскопок – ею была проделана работа по их обобщению и воссоздана примерная картина жизни средневекового города (Плетнёва, 1967, с. 48, 195, № 248; 1981б, с. 67-68, рис. 42; 1986, с. 55; 1999, с. 145-149, рис. 102-103; 2003а, с. 179-183, табл. 71; 2003б, с. 95-97, рис. 39).

Впоследствии археологией и историей средневековой Фанагории плотно занимался А.Г. Атавин. Им впервые были обобщены погребения из раскопок 1952–1968 гг. (Атавин, 1986, с. 262-266, табл. 1, рис. 1-2), а также аргументировано показано, что жизнь в Фанагории окончательно затухла вследствие влияния природных факторов – повышения уровня моря и занесения русел Кубани (Атавин, 1987, с. 29-34; Голенцов, Атавин, 1987, с. 78-83). В результате проведения археологических раскопок А.Г. Атавину удалось получить стратиграфическую шкалу, отражающую основные этапы жизни Фанагории с V

по начало X вв. (Атавин, 1988, с. 21-23). Помимо этого, А.Г. Атавиным были подробно разработаны классификации фанаго-рийской керамики: лощеной (Атавин, 1992, с. 173-191, рис. 1-17, табл. 1-3) и позднеантичной краснолаковой (Атавин, 1993, с. 149-171, рис. 1-10, табл. 1-2). Еще одна работа посвящена истории изучения средневекового города (Атавин, 2009, с. 79-95). По существу, указанные исследования являлись частями диссертационной работы А.Г. Атавина, от написания которой ему пришлось отказаться.

Материалы средневековой Фанагории получили отражение и в некоторых наших работах. Так были рассмотрены: амфорный материал из раскопок 1939–1980 гг. (Чхаидзе, 2005а, с. 443-456, рис. 1-8); находки высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (Чхаидзе, 2008б, с. 398-413, рис. 1-6); обобщен средневековый нумизматический материал (Чхаидзе, Атавин, 2005, с. 348-356, рис. 1-2); мы обращались ко всем известным погребальным памятникам из некрополей Фанагории (Чхаидзе, 2004а, с. 406-407; 2006а, с. 53-55, 58-60, рис. 1-3, 8-10), в том числе была проделана обобщающая работа (Чхаидзе, 2006в, с. 196-198; 2009а, с. 495-499, рис. 1). В нескольких исследованиях затрагивались различные аспекты раннесредневековой истории и археологии города (Чхаидзе, 2005б, с. 356-361; 2006а, с. 61-63, рис. 11; 2008а, с. 229-234; 2012а, с. 14-22; Флёров, Чхаидзе, 2007, с. 309-311, рис. 1; Виноградов, Чхаидзе, 2012, с. 51-57, рис. 1). Практически все эти разработки вошли в настоящее издание и были во многом дополнены.

Также большую роль в настоящей работе играют привлекаемые в качестве аналогий материалы из синхронных Фанагории памятников, прежде всего, расположенных по соседству Кеп (Чхаидзе, 2006б, с. 487-504, рис. 1-13; Таскаев, Чхаидзе, 2007, с. 403-410, рис. 1) и Таматархи (Чхаидзе, 2008а), а также городищ и поселений Крымского полуострова (Майко, 2004; Сорочан, 2005; Романчук, 2007; Могаричев и др., 2007; 2009; Зинько, Пономарев, 2009; и др.).

Здесь хотелось бы выразить признательность А.В. Сазанову и В.С. Флёрову, взявшим на себя труд быть рецензентами данной работы и высказавшим ряд ценных замечаний на заключительном этапе работы над нею.

За предоставленные в наше распоряжение материалы раскопок городища Фанагория мы благодарны В.С. Флёрову, А.А. Завойкину, Ю.В. Горлову, Я.М. Паромову, а также ныне покойным С.А. Плетнёвой и, конечно – А.Г. Атавину, памяти которого и посвящено это издание⁵.

⁵ Здесь же мы считаем своим приятным долгом, поблагодарить за то, что они есть – наших близких и друзей: Ингу Дружинину, Олега Радюша, Дениса Каштанова, Андрея Черкасова, Татьяну Ильину, Александра Шевченко, Сергея Вальчака, Сергея Демиденко, Анку Кадиеву, Шарля Скакова, Аниту Козубову, Аттилу Тюрка, Замиру Галиеву, Евгения Гончарова, Лазаря Голубева, Эльмиру Устаеву, Евгения Нарожного, Павла Сокова, Игоря Воробьева, Владимира Шалобудова, Илью Седенькова, Павла Успенского, Александра Клещенко, Андрея Виноградова, Дениса Белецкого, Александра Грищенко, Андрея Можайского, Вадима Майко, Валерия Науменко, Михаила Горелика, Максима Квитницкого, Сергея Воронятова, Алексея Белякова, Дмитрия Рукавишников, Михаила и Елену Соколовых, Елену Турбину (Коваль), Валентина Полоскина, Сергея Матвеева, Алексея Ахапкина, Алексея Ильина, Михаила Лопухина, Илью Королева, Дарью Жданову, Егора Богодяжа, Дениса Сарычева, Евгения Калмычкова, Тамару Калмычкову, Ольгу Дружинину, Ираклия Чхаидзе, Александра Шубадёрова. Признательность всем соратникам по Гермонаско-Тмутараканской, Северо-Кавказской, Адыгейской и Албазинской археологическим экспедициям, студентам Московского государственного гуманитарного университета (МГГУ), коллегам по византийскому семинару ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ.

Отдельные слова благодарности и почтения родителям: Николаю Ивановичу и Ирине Давидовне.

ГЛАВА I

ПОСТРОЙКИ И ПЛАНИРОВКА
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Площадь городища Фанагория, вместе с ушедшей под воду северной частью составляет не менее 60 га, из которых 12-15 га затоплены водами Таманского залива. Прослеженный культурный слой раннесредневекового времени (VI – начало X вв.) перекрывает античные слои. В эпоху средневековья город располагался на участках, максимально приближенных к морю (первая надпойменная терраса), составляющих в длину 600 м, а в ширину 120 м. Тогда же граница города продвинулась на восток.

Городище Фанагория раскапывалось не сплошной площадью, а отдельными участками, в силу чего различные раскопы отстоят друг от друга на достаточно большом расстоянии. Условно, раскопы, содержащие средневековые слои, можно объединить по месту расположения в различных частях памятника: в северной части, центральной части и восточной части¹. В соответствии с этим делением построено описание жилищ и хозяйственных сооружений из слоев VI – начала X вв. Средневековые некрополи, окружающие город с запада и юга, рассматриваются отдельно.

Северная часть городища (Рис. 1) – вытянутый береговой участок, является местом расположения большинства раскопов, на которых выявлены раннесредневековые слои Фанагории: «Город А», «Северный город», «Северо-Восточный», «Западный», «Береговой I», «Береговой А», «Береговой Б», «Берег» и, конечно, раскоп «Береговой Стратиграфический», где была получена средневековая стратиграфическая шкала, которая может быть применима к материалам остальных раскопок Фанагории.

Раскоп «Береговой Стратиграфический» (1982–1985 гг.) был заложен на территории нижнего плато памятника, на берегу, с целью исследования именно средневековых слоев Фанагории. Высота берега над уровнем воды составляла более 3 м. Площадь раскопа составила 200 м². Здесь было выявлено пять строительных периодов, отражающих основные этапы жизни города с поздней античности до развитого средневековья: 1. конца IX – начала X вв. 2. второй четверти VIII – середины IX вв. 3. начала VII – начала VIII вв. 4. второй четверти – третьей четверти VI в. 5. третьей четверти V – начала VI вв. Мощность культурного слоя составила 3,2-3,6 м (Атавин, 1982А, л. 1-19; 1983А, л. 1-8; 1984А, л. 1-10; 1984, с. 107-108; 1985А, л. 4-22; 1986б, с. 90-91; 1987б, с. 126; 1988, с. 21-22; 1992, с. 173-174; 1993, с. 170; Паромов, 1993, с. 141, № 82; Сазанов, 1999а, табл. 7; 1999б, с. 233-235).

Первоначально раскоп состоял из двух неправильной формы площадей

¹ Зачастую в тексте, а также в таблицах и подписях к рисункам дается аббревиатура каждого раскопа: «Город А» – ГА; «Северный город» – СГ; «Восточный берег» – ВБ; «Восточный береговой» – ВБер; «Северо-Восточный» – СВ; «Холм Г» – ХГ; «Керамик» – К; «Западный» – З; «Центральный» – Ц; «Береговой I» – БI; «Береговой А» – БА; «Береговой Б» – ББ; «Юго-Западный» – ЮЗ; «Верхний город» – ВГ; «Южный город» – ЮГ; «Береговой Стратиграфический» – БС; «Берег» – Б.

5х5 м, за исключением северных, т.к. они являлись обрывом берега Таманского залива. Между площадями была оставлена бровка шириной 0,3 м. Впоследствии с юга были прирезаны площади III и IV, с востока площади V и VI.

Стратиграфически выделены пять слоев, не считая гумусного, который на различных участках раскопа имел толщину от 0,2 м до 0,3 м. В верхней части слой был нарушен перекопами.

Первый сверху слой (конец IX – начало X вв.), мощностью 0,25-0,80 м – светло-серая рыхлая супесь, образовался в последний период жизни средневекового города. Слой перерезали ямы 6 и 11 (Рис. 3), образовавшиеся в результате выборки камня в позднее средневековье и в новое время.

Второй слой (второй четверти VIII – середина IX вв.), имел толщину от 0,25 до 0,9 м. Это желтовато-серая рыхлая супесь с развалами сырца. В ней часто встречаются крупные куски сырцовых блоков и остатки сырцовых стен, что хорошо заметно в профиле южного и западного бортов площади III, где были обнаружены остатки сырцовых стен дома 2, лежащего непосредственно под стенами дома 1 (Рис. 4, 5). Слой часто прорезан ямами, вырытыми в последний период жизни средневекового города.

Третий слой (начала VII – начало VIII вв.) – желтовато-серая плотная супесь с обломками пачины, сырца и угольками, мощностью 0,14-0,7 м. Он также был несколько испорчен в период существования второго средневекового слоя. В нем часто встречались крупные прослойки углей и пачины, оставшихся от производственной деятельности в период существования дома 2. В ЮЮВ углу площади II, в месте пересечения бровки и южного борта площади, третий слой незаметно переходил в темно-серую рыхлую супесь также с обломками пачины, угольками и сырцом. Вместо третьего слоя на площади II в профиле читался именно этот слой, идущий непосредственно за вторым, и отделенный от него вымосткой 13. В западном борту площади II он вклинивается к основанию сырцовых стен дома 2 (Рис. 17).

Четвертый слой (второй четверти – третьей четверти VI в.) – желтовато-серая, плотная супесь с обломками пачины, сырца, большим количеством углей и золы, а также, известковой крошки. Слой перекрыт пожарищем второй четверти VI в., после чего жизнь на участке ненадолго замирает, однако вскоре опять возобновляется. Незначительные остатки сырцовых стен этого слоя сторели в огне пожара.

Пятый слой (третья четверть V – начало VI вв.) был перекрыт прослойкой пожара, датированной промежутком времени между 450 и 480 гг. Прослойка пожара отличается большим количеством угля, золы, шлака, битой посуды и остатками обгоревшего зерна. Здесь же встречены камни от металлических машин, обстреливавших город со стороны залива.

Проследим за работами на раскопе по слоям, сверху вниз.

Первоначально, на площади II были обнаружены основания стен двух последовательно сменявших друг друга домов.

Дом 1 (Рис. 3-5) открыт на глубине от -22 до -57 м. Состоял из трех кладок (2, 3, 4). Длинной осью дом ориентирован перпендикулярно берегу Таманского залива. Фундаменты стен представляли собой панцири из двух

рядов камней, уложенных «ёлочкой» с забутовкой из земли, керамики и менее крупных камней.

Западная (длинная) кладка 2 дома (Рис. 4) ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Ее длина 4,00 м, ширина 0,6 м, глубина 0,25 м, подошва на глубине 0,44 м. Она состояла из двух рядов камней (панциря) с земляной забутовкой между ними. В забутовке встречены фрагменты черепицы, античных и средневековых амфор, светильник типа плоски (Рис. 127.13), кусок бронзового изделия и венчик стеклянной античной чашечки (Рис. 130.2). В высоту кладка сохранилась на два ряда камней (около 0,35 м).

На расстоянии 2,6 м (ширина внутреннего помещения дома) от кладки 2, параллельно ей, открыта восточная кладка 3. Фундамент, сложенный «ёлочкой», сохранился на высоту одного ряда камней. Эта кладка более фундаментальна – ее забутовка состояла из крупных фрагментов черепицы, керамики, камней. Длина 3,8 м, ширина 0,7 м, глубина подошвы 0,52 м. Почти в центре кладки имелся разрыв (вход в здание?). Южную часть кладки сильно попортила поздняя яма 11, прорезавшая ее и сырцовую стену дома 2, существовавшего в более раннее время (Рис. 3, 5). Яма 11 (дно открыто на глубине 1,18 м) – поздняя, о чем говорит находка стенки с ручкой поливного (полива зеленая) красноглиняного кувшина XVIII–XIX вв. В забутовке кладки 3 встречено большое количество керамики.

Дом 1 (Рис. 3-5) размерами 3,6х2,4 м, видимо, являлся двухкамерным (пятистенка), хотя следы внутренней стены не были обнаружены. Северная стена дома 1 сохранилась очень плохо – осталось лишь несколько камней. Видимо, она частью была разобрана, а часть ее упала в море. Южная стена дома 1 не обнаружена. Пол не обнаружен. Из находок в доме 1 следует отметить венчик и стенки средневекового пифоса, донце и ручку амфоры (Рис. 77.7, 87.11) и дно лощеного сосуда.

К югу от дома 1 выявлена яма 10 (Рис. 3), заполненная золистой смесью с прослойками золы (видимо, остатки очага). Яма имела неправильно округлую форму. Диаметр ее с запада на восток 1,3 м, глубина 0,3 м. Дно ямы – крупные камни железняка и обожженная глиняная обмазка.

На расстоянии 3 м к востоку от дома 1 выявлены остатки сильно разрушенной кладки 5, также выложенные «ёлочкой» (Рис. 3-5). Общая длина сохранившейся части примерно 3,62 м, ширина 0,6 м, глубина подошвы 0,60 м. Часть ее разрушена ямой 6, поздней по происхождению. Судя по направлению кладки 5 (с ССЗ на ЮЮВ), она могла относиться как к остаткам ограды двора дома 1 (кладка 5 шла под острым углом к стенам дома 1), так и к остаткам иного, не сохранившегося дома, остальные стены которого были разобраны в новое время на камень (развалы 1, 7, 9) (Рис. 3).

Рядом с кладкой 5 было найдено большое количество обломков железных предметов – двойной крюк, железный гвоздь, крупный металлический штырь округлой в сечении формы с остатками крюка на нем, остатки дверного замка (Рис. 131.18). Находка всех этих предметов к востоку от стены 5 заставляет предположить существование двери или калитки с металлическими частями.

К северу и востоку от кладки 5 находилось несколько развалов камней (1, 7, 9), образовавшихся от выборки камня в XVIII–XIX вв.

Яма 6 (А) (Рис. 3, 4. Табл. 5) располагалась между домом 1 и кладкой 5. Она неправильной формы, шириной с севера на юг 1,7 м, с запада на восток 1,58 м. Ее глубина 1,25 м. Заполнение ямы – гумусированная темная супесь с большим количеством керамики (Рис. 77.1 9, 89. 14, 91. 11, 32) и черепицы. Среди находок надо отметить игральную кость из астрагала коровы с вделанным в центр кусочком бронзы (Рис. 132.9), остатки поливной чашечки и фрагмент горла с ручкой кувшина XVI–XVII вв. (Рис. 126. 4-5), половина лепешкообразного грузила (Рис. 133.9), глиняное биконическое пряслице (Рис. 133.17), два гвоздя (Рис. 131.48-49).

Вышеописанные архитектурные остатки относятся к последнему периоду жизни средневековой Фанагории: к концу IX – началу X вв. Время их бытования – время образования первого выделенного культурного слоя – светло-серой рыхлой супеси.

После разборки фундаментов дома 1 оказалось, что они лежат непосредственно на остатках сырцовых стен дома 2, которые получили соответствующие обозначения 12 и 12а (Рис. 4-5). Стены имели то же направление, что и стены дома 1 (с ССЗ на ЮЮВ) и сложены из крупных блоков сырца, размерами 0,5х0,3х0,25 м. Швы между блоками прослеживались плохо. Длина западной стены 4,2 м, ширина 0,6-0,65 м, высота 0,2 м, длина восточной – 4,62 м, ширина 0,6 м, высота 0,25 м.

С внешней стороны к восточной стене вплотную примыкала печь, остатки которой прослеживаются с глубины 0,88 м. Здесь было найдено лезвие железного ножа (Рис. 131.33).

Уже описанная яма 10 прорезала вымостку 13 (Рис. 4), состоящую из фрагментов разбитых амфор. Среди керамического материала из вымостки встречена стенка красноглиняной средневековой корчажки с прочерченным знаком (Рис. 97.5). Под вымосткой была обнаружена обмазка из обожженной глины и часть вымостки 16 (Рис. 4-6) из крупных кусков железняка. Все описываемые вымостки и обмазки были лишь частично затронуты раскопками (большая часть их уходила под южный борт раскопа), вероятно они являлись полом дома. Об этом говорит то, что вымостка из кусков железняка вплотную примыкала к кладке 14, выложенной «ёлочкой» (Рис. 4, 5).

Кладка 14 была (Рис. 4-5) вскрыта лишь частично (большая часть ее уходила под борт раскопа). Но направление и глубина от поверхности заставляют ее отнести (как вымостки 13 и 16) к периоду жизни дома 2.

Фундаменты стен дома 2 были открыты после разборки остатков его заплывших сырцовых стен (Рис. 4-5). Они гораздо массивнее, нежели фундаменты дома 1, возникшего позднее. Кладка дома 2 также выложена «ёлочкой», но из более крупных камней (Рис. 5, 6). В забутовке более мелкие камни, керамика, черепица. Длина восточной кладки 4,5 м, ширина 0,6 м, высота 0,3 м. Длина западной кладки 4,3 м, ширина 0,75 м, высота 0,2 м.

Если считать, что продолжением западной стены дома 2 является кладка 14, то длина дома – более 6 м. Северной стены дома не сохранилось. Она либо

была разобрана, либо упала в море. Остатки сырцовых стен были видны в профиле южного борта (Рис. 18). Остатки западной сырцовой стены дома 2 также великолепно прослеживались в западном борту раскопа (Рис. 17). Ширина дома 3,2 м.

Вновь открытый дом 2 (Рис. 7.1-2) размерами 4,25x2,0 м – двухкамерный (пятистенка). Он делился на неравные помещения внутренней стенкой, сложенной из крупных камней. В середине камни уложены плашмя, обозначая проход из одного помещения в другое. Пол дома – глинобитный, хорошо утопанный. При его разборке встречены следы четырех ремонтов (подмазок). Вход в дом располагался, скорее всего, в западной стене – это разрыв между кладкой 14, уходящей под южный борт раскопа и западной длиной стеной дома 2.

В северном помещении открыта хозяйственная яма 1 (Рис. 6) неправильной округлой формы. Диаметр ее по верхнему краю 1 м, глубина 0,85 м. Яма несколько сужалась ко дну. Заполнение – темно-серая рыхлая супесь. Здесь встречены обломки черепицы, пифосов, античных и средневековых амфор, стенка высокогорлого кувшина, обломки кухонной, лепной и лощеной керамики, кости крупного и мелкого рогатого скота, птицы и рыб.

На уровне второго, считая сверху, пола у восточной стены дома 2, встречено пятно золы и мелких угольков. Здесь найдена нижняя часть круглодонной бороздчатой амфоры (Рис. 87.6) и фрагменты стенок другой (Рис. 7.3).

У северо-восточного угла дома, вплотную к нему, была пристроена сильно разрушенная печь (Рис. 7.4-6). Размеры ее с севера на юг 1,5 м, с запада на восток 1,25 м. При ее разборке встречены остатки пода. Рядом с печью найдена фрагментированная фляга с росписью красной краской (Рис. 100.2) и донце крупного кухонного горшка с линейным орнаментом. Кроме того, встречено два фрагмента бронзового гвоздя и большой кусок железного шлака. Место расположения печи и характер находок позволяют считать, что она носила производственный характер.

К востоку от дома 2, на площади I, у северной границы раскопа, также прослежены остатки печины, видимо от совершенно разрушенной печи (Рис. 6). У южного борта площади встречена группа крупных камней от какой-то разрушенной в древности стены (Рис. 6).

Периоду жизни дома 2 соответствует второй и третий выделенные культурные слои: второй четверти VIII – середины IX вв. и начала VII – начала VIII в. Дом существовал довольно долгое время – об этом свидетельствуют неоднократные ремонты полов и устройство вымосток. К наиболее позднему периоду жизни дома 2 относилось устройство очага (яма 10). Здесь была обнаружена верхняя часть лощеного пифоса (Рис. 124.3).

Слой конца IX – начала X вв. был исследован на площади IV (Рис. 8-9), где на глубине 0,61 м был открыт развал камней (Рис. 8.1), среди которого были найдены и фрагменты керамики. На остальной вскрываемой площади никаких сооружений не было обнаружено, за исключением площади III, где у северного борта на глубине 0,59 м были открыты два камня ракушечника, один из которых оказался грузилом для сети с желобками для привя-

звания веревки (Рис. 8.2).

По мере углубления, в южной части площади IV был открыт второй слой развала из камней песчаника и ракушечника неправильной формы (Рис. 9.1). Некоторые группы камней сохраняли видимость кладки «ёлочкой», но направление ее проследить было невозможно из-за сильного разрушения. Среди камней встречены разбитые средневековые черепицы (Рис. 129.11).

Остатки сохранившейся кладки 11 были прослежены в северной части площади IV, почти у ее границы, на глубине 0,93 м (подошва). Кладка состояла из одного ряда камней песчаника и ракушечника средней величины, уложенных «ёлочкой» по направлению ЗЮЗ, ВСВ. Длина кладки 1,4 м, высота 0,16 м, ширина 0,2-0,26 м (Рис. 9.2).

На площади III, в центре северной границы, на глубине 0,68 м, был раскопан небольшой развал камней от разрушенной стены, видимо упавшей, так как камни лежали неаккуратно, но «ёлочкой»; а также небольшой отрезок кладки 11а, на глубине 0,88 м (Рис. 9.3). Длина кладки 0,84 м, высота и ширина 0,12-0,15 м. Состояла из одного ряда камней, уложенных «ёлочкой». Возможно, кладка 11а имела в высоту еще один ряд, так как рядом и выше были обнаружены отдельные камни. Направление такое же, как и у кладки 11 – З-СЗ, В-СВ, хотя она несколько глубже по уровню. Возможно, кладки 11 и 11а когда-то составляли единое целое.

По мере углубления, в северной части площади III был расчищен завал крупных камней ракушечника и песчаника, лежавший под развалом, открытым выше (Рис. 10). Прослежены остатки сырца прямоугольной в плане формы размерами 1,0x0,5 м. Южнее развала была открыта кладка 13 (Рис. 11.1), состоящая из западной и восточной частей (в центре стена имела разрыв). Она состояла из одного ряда некрупных камней, уложенных «ёлочкой» по направлению ЗЮЗ, ВСВ. Второй ряд камней в высоту не сохранился, за исключением одного в восточной части кладки. Общая длина кладки 3,12 м, высота 0,12-0,16 м, ширина 0,12-0,2 м. Глубина залегания камней 1,16 м, подошва открыта на глубине 1,44 м. Под восточной частью кладки прослежен слой сырца длиной 1 м, шириной 0,5 м. Завал камней, находящийся севернее кладки 13 – это ее упавшая часть (Рис. 11.2). Видимо, кладка 13 была частично разрушена ямой Д, оставшейся от последнего периода жизни городища.

Яма Д (Рис. 11.3. Табл. 1) имела неправильно округлую форму. Ее ширина с востока на запад 1,2 м, глубина около 0,5 м, дно достаточно ровное, открыто на глубине 1,52 м. Яма была заполнена темно-серым рыхлым суглинком. Здесь был найден гвоздь (Рис. 131.50).

На площади VI была открыта кладка 17. Она имела направление с ССЗ на ЮЮВ и, таким образом, перпендикулярна кладке 13. Скорее всего, кладка 17 являлись оградой двора дома 2 (Рис. 11.5). Своей северной частью кладка 17 подходила непосредственно к береговому обрыву. Ее общая длина 7,37 м, ширина 0,4-0,5 м, высота 0,12-0,25 м (сохранилась в высоту на один ряд камней, подошва открыта на глубине 1,45 м). В южной части кладки был выявлен дверной проем, по-видимому, от калитки. Проем был вымощен фрагментами керамики и костями животных. Ширина проема 1,12 м. С юга про-

ем ограничивал довольно крупный обработанный блок песчаника с выемкой для установки столба калитки. Судя по расположению выемки, калитка открывалась внутрь двора (Рис. 11.6).

К юго-востоку от кладки 17, на площади V, была открыта яма Е, также появившаяся в последний период жизни города (Рис. 11.4. Табл. 1). Яма неправильной округлой формы была заполнена гумусированным темно-серым суглинком. Среди находок отмечается большое количество средневековой керамики, кость с граффито в виде корабля (Рис. 132.11). Ширина ямы с севера на юг 2,08 м, глубина 0,58 м, стенки имели наклон вовнутрь, дно довольно ровное, открыто на глубине 2,01 м.

Стены 11, 11а и 13 были остатками южной стены двора дома 2, которая несколько раз перестраивалась в течение его существования. Происходило это потому, что южная стена, если судить по культурному слою, находилась на склоне и от этого была достаточно неустойчивой. Восточная стена 17 с воротным камнем не подвергалась ремонту, а существовала все время жизни дома 2. Ямы Д и Е были вырыты в самый последний период жизни данного района, видимо, в период существования дома 1.

У западного борта площади IV, после разборки завала из камней, было открыто продолжение кладки 14 (Рис. 11.7, 12). Кладка находилась на расстоянии 0,8 м от западной стены дома 2 и имела с ней одинаковую конструкцию и одинаковое направление с ССЗ на ЮЮВ. Кладка 14 сложена в «ёлочку» из двух рядов крупных камней с забутовкой из более мелких камней внутри. Ее общая длина 3,44 м, ширина примерно 0,5 м, высота 0,24-0,34 м, открыта на глубине 0,94 м, подошва – 1,05 м. Кладка сохранилась в один-два ряда, верхний сложен из более мелких камней. В южной части кладки лежали более крупные камни. Здесь кладка делала поворот к западу и уходила под западный борт раскопа.

К востоку от кладки 14 на расстоянии 1,3 м, на глубине 1,06 м, были доследованы остатки вымостки 16а (Рис. 11.8. Табл. 5), состоящей из фрагментов амфор (Рис. 70.7, 17, 71.3-4, 77.21-22) и кухонной посуды. Среди других находок из вымостки следует отметить глиняное пирамидальное грузило (Рис. 133.19). Западная часть вымостки 16а была потревожена ямой позднего времени. Ширина вымостки с севера на юг 0,8-1,0 м, длина с запада на восток примерно 3,10 м.

По мере углубления раскопа, под слоем земли в 0,12-0,2 м, на глубине 1,2 м под вымосткой 16а, была обнаружена и доследована вымостка 16б (Рис. 12), состоящая из камней железняка, почти по всей площади подмазанных обожженной глиной и в некоторых местах укрепленных керамикой. Вымостка 16б своей западной частью примыкала к кладке 14 и строилась, по-видимому, вместе с ней. От кладки 14 она протягивается одним языком к востоку, заходя на площадь III, а другим – к югу. Общая длина вымостки с запада на восток 5,3 м, ширина с севера на юг 2,5 м (Рис. 12. 1-2). После сооружения вымостки 16б этот участок несколько раз подвергался перестройкам, в результате которых появилась вымостка 16а, кладки 11, 11а, 13, и другие сооружения.

По-видимому, кладка 14 относилась не к дому 2, а к другому сооружению, которое осталось нераскопанным, причем можно допустить, что как дом 2, так и кладка 14, относились к какому-то одному хозяйственному комплексу. Кладка 14 относится к периоду существования дома 2, но сооружена чуть позже него, так как выше его по уровню и, как хорошо наблюдалось в профиле, (Рис. 19) кладка 14 и вымостка 16б были сооружены на остатках какого-то менее капитального (сырцового) сооружения, относящегося непосредственно к периоду строительства дома 2 или несколько раньше него. После занесения землей вымостки 16б, но еще в период существования кладки 14 и дома 2, укладывается вымостка 16а и стены 11, 12, 13 и т.д.

Ряд сооружений на раскопе относится к слою начала VII – начала VIII вв. На северной части площадей I и II, на глубине 1,9-2,0 м, были встречены совершенно расплывшиеся остатки печей. Их размеры: 0,8x0,7 м, 2,3x0,7 м, 0,5x0,8 м и 0,6x0,6 м (Рис. 13, 13.1). Толщина одной из них прослежена в западном профиле бровки – примерно 0,2 м (Рис. 19).

К югу от остатков печей в северо-восточном углу площади I, была раскопана яма З (Рис. 13. Табл. 1) длиной с севера на юг 1,84 м, с запада на восток 1,2 м, глубина 0,16 м, дно открыто на глубине 2,13 м. Яма неправильной удлиненной формы была заполнена супесью с большим количеством угля и золы. В заполнении встречены очень мелкие фрагменты керамики и костей животных, здесь же было найдено пряслице, выточенное из стенки красноглиняной амфоры (Рис. 134. 28). Характер заполнения ямы говорит о ее производственном назначении. Видимо, она относилась к печам, остатки которых прослежены севернее.

На площади II на глубине 2,18 м встречено большое зольное пятно размерами 3,2x1,9 м, выше которого, видимо, находились остатки сырцового пола или подмазки, так как оно в двух местах было перекрыто пятнами сырца. Над южной частью зольника позже была вырыта яма Ж округлой формы, диаметром 0,6 м и глубиной 0,27 м (дно открыто на глубине 1,93 м). Яма была заполнена рыхлой супесью серого цвета, в которой встречены очень мелкие фрагменты керамики, части костей животных и рыб.

Всю южную часть площадей I и II, на глубине 1,7-2,0 м занимали вымостки из крупных и средних камней песчаника и ракушечника, развалы камней, вымостка Г из обожженной глины и фрагментов амфорных стенок, пятен расплывшегося сырца, которые находились примерно на одном уровне. Их общая длина с запада на восток 10 м, с севера на юг около 1 м.

Пространство между площадями I и II прямо по линии бровки в период существования всех этих сооружений было перегороджено стеной из сырцового кирпича размером 0,3x0,1 м, что хорошо прослежено в западном и восточном профилях (Рис. 13.1). Позже эту стену прорезала яма 6(А).

На площади III к слою относилась вымостка В (Табл. 1), открытая на глубине 1,87 м, размерами 1,1x1,14 м и толщиной 0,8-0,10 м. Вымостка из обожженной глины и черепков средневековых амфор. Там же обнаружены два пятна расплывшегося сырца размерами 0,8x0,4 и 0,5x0,7 м и толщиной 2-3 см.

Архитектурные остатки были обнаружены и на площадях V и VI. Это открытая на глубине 1,97-2,17 м кладка 17а, находящаяся непосредственно под кладкой 17, но гораздо глубже ее. Кладки 17 и 17а – ограда двора или граница между двумя усадьбами. Собственно стеной кладку 17а назвать нельзя. Это длинная, из очень мелких фрагментов керамики и костей, неширокая вымостка (длина примерно 8,4 м, ширина 0,2-0,6 м), положенная на плотную супесь серо-желтого цвета. Поверх вымостки были положены средние и крупные камни песчаника и ракушечника без следов обработки, высотой в один ряд. Направление кладки 17а с ССЗ на ЮЮВ (Рис. 13.2).

К востоку, на расстоянии 1,08 м находилась кладка 15, перпендикулярная ей. Длина 1,66, ширина 0,72 м, высота 0,1-0,2 м, открыта на глубине 2,29-2,44 м. Кладка сложена в «ёлочку» из двух рядов более крупных камней ракушечника и песчаника и более мелких камней в качестве забутовки между ниш (Рис. 13.2-3).

К юго-востоку и востоку от кладки 17а встречено несколько групп камней, частью обработанных, частью нет, и представляющих собой остатки разрушенных сооружений.

В результате было выяснено, что если размеры территории усадьбы оставались прежними – об этом нам говорит кладка 17а, ограничивавшая с востока эту территорию, то характер сооружений на этом участке довольно сильно изменился. Нигде не встречено следов или фундаментов крупных построек на каменном цоколе. В этот период здесь находились постройки из сырца. Правда, был открыт каменный цоколь стены 15, но если считать стену 17а границей усадьбы, то стена 15 выходит за ее пределы и относится к другой усадьбе. Что касается характера раскапываемого участка, то он, в последующий период, по-видимому, являлся производственным. Таким образом, судя по керамическому материалу, открытые сооружения относятся к началу VII – началу VIII вв.

Слой второй четверти – третьей четверти VI в. был представлен незначительными остатками сырцовых стен и группой камней 18 (Рис. 14.3) на границе площадей II и IV (глубина залегания 1,96-2,70 м), а также очагом открытого типа (тандыр), обнаруженном на глубине 2,44 м в центре площади II (Рис. 14).

У западного борта площади II на глубине 2,12 м были обнаружены кости кошки и располагавшийся рядом раздавленный кувшин (Рис. 14.1-2). С севера и востока располагались остатки сырцовых стен (глубина 1,97-2,04 м), уходящие в западный борт – угол дома с вымосткой из ракушки, камки и обожженной глины (Рис. 14.1).

На площади I открыта яма К (Табл. 1, 5), в которой найдено донце рюмки (Рис. 130.32). Севернее, на глубине 2,24-2,30 м, обнаружены два сырца, печина и камни.

Этот комплекс был перекрыт толстым слоем пожарища – обнаруженная у западного борта стена была сильно обожжена. Пожарище прослежено на площади IV в западном борту на глубине 1,65-2,04 м.

Слой третьей четверти V – начала VI вв. также был перекрыт слоем силь-

ного пожара, вероятно связанного с нашествием, так как здесь были обнаружены камни от метательных машин.

На площади II на глубине 2,87-3,18 м открыты остатки большого здания (дом 3), сложенного из крупных камней и известняковых полуобработанных блоков (Рис. 15, 16.1-2). Данное здание было построено, видимо, в период поздней античности. От дома 3 сохранилось одно помещение размерами 6,4x2,8 м, ориентированное длинными сторонами по линии ССЗ-ЮЮВ. Часть здания (кладка 19) уходила в западный борт раскопа. К длинной восточной стене (кладка 20) (Рис. 16.3) дома 3 вплотную примыкала стена из двух панцирей менее крупных камней с земляной забутовкой между ними (кладка 20а) – следы более поздней перестройки. Вход в помещение, вероятно, был с востока, о чем позволяет говорить отсутствие камней в центре западной стены и находящийся там большой плоский камень (порожек).

К востоку от дома 3, на площадях I и VI на глубине 2,64-2,91 м, раскопаны остатки двух сильно разрушенных каменных стен (кладка 21 и 22), перпендикулярных его стенам и представлявшим единое целое. Направление ЮЮЗ-ССВ (Рис. 16.4-5). Вероятно, это остатки пристройки. Внутри пространства, ограниченного этими стенами, найден почти целый средневековый пифос 1 (Рис. 16.6; Табл. 1, 5). Из заполнения пифоса происходит ряд амфорных фрагментов (Рис. 70.15, 72.28, 73.6, 82.13).

За пределами стен, к югу от них, на глубине 2,94 м, была открыта сырцовая печь 1 подпрямоугольной формы, в устье которой был вмазан небольшой гладкостенный пифос 2 (Рис. 16.7, 98.6. Табл. 1, 5), являющиеся одним комплексом. При разборе печи были найдены фрагменты амфор (Рис. 72.46, 87.33, 91.43, 92.27), фрагменты лепных горшков (Рис. 103.19-20). В заполнении пифоса также открыты фрагменты амфор (Рис. 70.1, 73. 11, 13, 97. 9), фрагменты лепных горшков (Рис. 103. 21-24, 106. 29), трехрожковый светильник (Рис. 128. 9). Фрагменты двух амфор встречены и в пифосе 2 и в печи 1 (Рис. 73.3, 5).

Рядом располагалась яма И (Табл. 5), частью уходящая на площадь III. В яме найдены фрагменты амфор (Рис. 87.31, 91. 42), лепная керамика (Рис. 103. 25, 106. 17), ручки столовых кувшинов (Рис. 116. 31-32).

В северо-восточном углу площади VI находилась яма М (Табл. 1, 5), округлой формы, дно открыто на глубине 3,81 м. В яме обнаружены фрагмент ойнохои (Рис. 115.29), грузило (Рис. 133.13) и точильный камень (Рис. 136.33). Южнее располагались остатки сырцовой печи 2 квадратной формы (глубина 3,30 м).

На площадях III и V открыты развалы камней 2 и 3, а также яма Л (Рис. 16.8. Табл. 1, 5). В яме найдены фрагменты амфоры (Рис. 70.1), также найденные в заполнении пифоса 2; ручка и донце лепных горшков (Рис. 113.12, 37), венчик пифоса (Рис. 99.26).

У западного борта площади IV, на глубине 3,10 м открыта яма П (Табл. 5) округлой формы, рядом с которой, южнее, на глубине 2,65 м открыта сырцовая печь 3 квадратной формы, уходящая в западный борт. В юго-восточном

углу площади – развал камней 1.

По мере углубления, на площади IV были открыты ямы Н и О, содержащие два керамических комплекса (Рис. 198, 199. Табл. 1, 5). В яме Н (глубина 3,11 м) обнаружены: разбитая амфора (Рис. 85.5), амфора с отбитым дном (Рис. 79.6), ручка с частью тулова и днище амфоры (Рис. 78.8-9), горловина, ручка и донце амфор (Рис. 80.1, 16, 87.32), ручка и венчик амфор (Рис. 82.12, 91.32), два фрагмента высокогорлых кувшинов (Рис. 95.7, 96.39), два гончарных горшка (Рис. 111.1, 31), ручка лепного горшка (Рис. 113.13), фрагмент ойнохой (Рис. 115.32). Яма О находилась к югу от дома 3, дно ее открыто на глубине 3,40 м. В яме найдена раздавленная амфора (Рис. 74), днище и венчики амфор (Рис. 70.2, 20, 73.8), четыре фрагмента высокогорлых кувшинов (включая горловину с ручкой) (Рис. 95.6, 13, 96.12-13), венчики лепных горшков (Рис. 103.26-27), верхняя часть ножа (Рис. 131.35).

На этом работы на раскопе были окончены.

Как уже отмечено, все сооружения слоя были перекрыты слоем пожара с большим количеством угля, золы, битой посуды и остатками обгоревшего зерна². По красному лаку и амфорному материалу слой пожара можно датировать 20-30 гг. VI в. Среди находок обнаружено множество фрагментов амфорного материала V–VII вв., оконного стекла (Рис. 130.39-48). Отмечены: амфорные пробки (Рис. 134.63-67), глиняные пряслица (Рис. 134.20-28), лепешковидные грузила (Рис. 133.11-13), лепной светильник (Рис. 127.19), ножки от рюмок (Рис. 130.22-35), железные гвозди (Рис. 131.52-59), бронзовая бляшка от поясного набора (Рис. 131.7).

В свою очередь слой третьей четверти V – начала VI вв. перекрывал прослойку пожарища конца V в. Анализ угля из этой прослойки дал дату 320±70 гг., однако А.В. Сазанов, рассмотревший краснолаковую керамику из слоя, датировал пожарище 450–480 гг., отметив, что известна ненадежность некалиброванных дат античного и средневекового периодов (Сазанов, 1999б, с. 233-235; ср.: Герцен, 1990, с. 166).

Всего за время работ на раскопе «Береговой Стратиграфический» было выявлено 45 818 фрагментов керамики, из которых 12 438 относились к эпохе средневековья. Статистические подсчеты и датирующий материал приведены в таблицах (Табл. 1, 5).

Раскоп «Берег» был заложен в центральной части нижнего плато городища, также вдоль береговой линии. Работы здесь производились в 1989 г. под руководством А.Г. Атавина и А.А. Завойкина, затем в 1994–1995 гг. – Ю.В. Горловым. Исследования имели охранный характер, их цель – сохранение прибрежного культурного слоя памятника от разрушения водами Таманского залива. Площадь раскопа составила более 250 м² (Завойкин, Атавин, 1989А, л. 1-21; Атавин, 1992, с. 174; Паромов, 1993, с. 141, № 86).

В 1989 г. вдоль берега была разбита полоса из семи площадей 5х5 м, с запада на восток (I–VII), а так же в работу были приняты площади, примы-

² В квадрате б обнаружены обгоревшие зерна ячменя, пшеницы, проса и одно виноградное семечко.

кающие с севера, вплоть до берегового обрыва (IA-VIIA).

Культурный слой раскопа хорошо стратифицирован. В нем четко прослежено несколько напластований, относящихся к последнему периоду жизни раннесредневекового города, времени гибели и последующему периоду использования развалин в качестве места для хищнической выборки камня в новое время.

Сверху по всей площади раскопа прослежен гумусированный слой с корневищами растений, толщиной около 0,10 м.

Под ним открыт культурный слой, образовавшийся в Новое время (XVII–XIX вв.), когда развалины городища служили местом выборки камня для построек турецко-татарского и казачьего населения. Именно к этому слою относятся находки XVI–XVIII вв.: зеленая и желтая поливная керамика (красной глины). На площадях VI-VII были выявлены ямы и перекопы, оставленные турецко-татарским населением. У самого края берегового обрыва, по всей видимости в позднесредневековое время, находилось какое-то сооружение, возможно связанное с рыболовной деятельностью населения. В профиле прослежены остатки сырцовый стенки (?) и подпрямоугольное углубление, заполненное серой супесью и наклонными прослойками угольков и хорошо сохранившейся камки. В заполнении найдены обломки железного гвоздя и раннесредневековых амфор, попавших сюда из перекопанного средневекового слоя.

Из находок Нового времени отмечены: стеклянная лепешка из темно-синего стекла с растительным орнаментом, нанесенным белым и желтым стеклом (Рис. 130.72); фрагменты турецких курительных трубок розовой и красной глины орнаментированной и с подлощенной поверхностью (Рис. 139.12-18); секировидная бронзовая подвеска (Рис. 131.8); фрагмент белоглиняной чашки с синим растительным орнаментом (Рис. 126.10).

Первый культурный слой (конец IX – начало X вв.) – серая плотная супесь, прослеженная почти на всей площади раскопа, мощностью от 0,02 до 0,50 м. В основном слой утолщался к северу, в сторону залива, вклиниваясь к южному борту. За счет его образования дневная поверхность получила повышение к северу и западу.

Второй культурный слой (вторая четверть VIII – середина IX вв.) – серая рыхлая гумусированная супесь, прослеженная на всей площади раскопа. Мощность слоя достигала 1 м.

Третий культурный слой (начало VII – начало VIII вв.) представлен желто-серой рыхлой или более плотной супесью (суглинок). На отдельных площадях (IIA, IVA) с вкраплениями пещины, сырца и углей. Слой образовался в период существования и разрушения зданий завершающего периода жизни раннесредневекового города. Мощность его достигала 0,80 м.

Культурный слой на раскапываемом участке был насыщен фрагментами керамики, причем около 60% ее относилось к античному времени и только 40% – к периоду средневековья. Средневековая керамика в свою очередь включает в себя черепицу, обломки пифосов, амфор различных типов, фрагменты черно-смоленых кувшинов, лощеную и краснолаковую посуду, ойнохой, простую кухонную круговую и лепную посуду.

В результате раскопок слоя конца IX – начала X вв., на уровне 0,60-0,80 м по всей площади раскопа был вскрыт развал камней от средневековых построек, разобранных и перекопанных в новое время (Рис. 20-21). Развал состоял из камней песчаника и ракушечника нерегулярной формы, размерами от нескольких сантиметров до полуметра в длину, высоту и ширину. Часть камней лежала на различной глубине, что свидетельствовало о хищнической выборке камней от построек. В развалах камня на площадях IA-IIIА невозможно проследить какой-либо закономерности; но на площадях IVА-VIIА и IV-VII вместе с развалами камня были открыты верхние части кладок, идущих с севера на юг и с запада на восток. При разборке развала среди прочих камней были встречены фрагменты архитектурных деталей античного времени, применявшиеся во вторичном использовании в кладках разобранных домов³

Стратиграфически выявленные развалы соотносятся со вторым слоем – серой гумусированной рыхлой супесью. Здесь встречено большое количество керамики (Табл. 5). Это, прежде всего, фрагменты раннесредневековых амфор. Встречаются и более поздние типы – воротничковых амфор (Рис. 94.1-5). Выше развала и в развале встречены фрагменты средневековых черепиц, а также венчики и стенки средневековых и античных пифосов (Рис. 99.27-30, 32-33). Встречены фрагменты лощеной (Рис. 125.33-34) и кухонной круговой и лепной керамики (Рис. 105.23-24; 111.3-5). Присутствуют высокогорлые кувшины (Рис. 96.18, 41-42). Встречен фрагмент более раннего подобного кувшина бежевого теста с примесью извести, мелкого шамота и крупных блесков золотистой слюды, который можно датировать VII в. н.э. (Рис. 95.12). В этом слое найдено несколько десятков фрагментов средневековых ойнохой с плоским дном и пальцевыми вдавлениями у места прикрепления ручки к венчику (Рис. 115.41-43). Встречаются и фрагменты краснолаковых тарелок и мисок конца IV – первой половины VI вв., попавшие из более ранних слоев. Также встречены: фрагмент зеленого оконного стекла VI в. (Рис. 130.49), три каменных оселка для заточки ножей (Рис. 136.34), каменное лощило (Рис. 136.42), костяной наконечник стрелы (Рис. 132.17), железное калачевидное кресало с несомкнутыми и завитыми концами (Рис. 131.41), два фрагмента стенок средневековых амфор с граффити, один из которых относится к типу воротничковых (Рис. 97.10-11) и четыре фрагмента синих стеклянных браслетов (Рис. 130.51-54).

Таким образом, можно прийти к выводу, что верхняя часть культурного слоя была уничтожена выборкой камня в XVI–XIX вв. При этом произошло нарушение в некоторых местах до глубины 1,2-1,4 м и частью уничтожены постройки последнего строительного периода, хотя стены их и проступали на площадях IV-VII. Возможно, перекопами полностью уничтожены постройки строительного периода конца IX – начала X вв. средневековой Фанагории. Также не исключено, что на данном участке подобных

³ В квадрате IIА был обнаружен фрагмент античной капители пилястры, на оборотной стороне которой находилась греческая надпись: манумиссия (Даньшин, 1993, с. 59-62, рис. 1-2). Фрагмент вторично был использован в качестве архитектурного декора и уже после этого попал в кладку средневекового строения.

сооружений не было, а постройки строительного периода VIII – середины IX вв. существовали непрерывно вплоть до гибели города. Таким образом, датой прекращения жизни на данном участке можно считать конец IX – первые десятилетия X вв., но не позднее 930-х годов.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. – желто-серой рыхлой или более плотной супеси. На глубине 0,8-1,2 м вскрыты остатки двух больших домов (площади IA-II и IVA-VIIA).

Дом 2 (Рис. 22, 23.1-4) располагался на площадях I-II. От него сохранились две внешние стены (кладки А и Б) и две внутренние разделительные (кладки В и Г). Южная и западные стены дома, видимо, оказались за пределами раскопа.

Северная стена – кладка А (Рис. 22) ориентирована по линии восток-запад и имела длину 6,7 м, ширину 0,8 м. Состояла из двух панцирей с забутовкой между ними. В высоту сохранилась на три-четыре ряда кладки – около 0,65- 0,70 м. Камни неправильной формы и различной величины (0,40x0,30x0,24 м; 0,26x0,20x0,20 м; 0,32x0,20x0,22 м; 0,38x0,34x0,12 м; 0,30x0,30x0,28 м; 0,34x0,26x0,16 м и др.), уложены «ёлочкой» (Рис. 23.4). У западной оконечности кладка А была частью разобрана, частично разрушена (камни с севера от кладки) и оканчивалась крупным валуном размерами 0,70x0,62x0,58 м, являвшемся угловым. Под стеной прослежена подсыпка из песка толщиной 0,06 м.

Западная стена – кладка Б, идущая под прямым углом к кладке А, была ориентирована по линии север-юг. Сохранившаяся длина 1,56 м, часть ее уходила под южный борт раскопа. Как и кладка А, она состояла из двух панцирей, сложенных из камней неправильной формы, с забутовкой между ними. В высоту сохранилась на два ряда кладки; камни также уложены «ёлочкой». Между кладкой А и кладкой Б имелся разрыв, который, вероятно, был проходом в помещение, так как, во-первых, в угловом валуне стены А имелись вертикальные углубления, в которых мог вращаться штырь двери; во-вторых, прослежены следы каменной вымостки порога – плоские камни песчаника и булыжника (Рис. 23.3).

Кладка В проходила с севера на юг от середины стены А к южному борту раскопа. Делила дом внутри на помещения I (западное), II и III (восточные). Длина кладки 3,20 м, ширина около 0,40 м. Состояла из двух рядов камней в поперечнике и одного-двух рядов кладки «ёлочкой» в высоту на 0,20-0,40 м (Рис. 23.4).

Кладка Г была ориентирована с запада на восток и проходила между кладками Б и В, деля восточную часть дома на два помещения – II и III. Длина кладки 3 м, ширина 0,32-0,40 м. Состояла из мелких и средних по размерам камней песчаника и ракушечника, уложенных в два ряда «ёлочкой», с забутовкой между ними. В высоту кладка Г сохранилась в один ряд 0,15-0,20 м.

Пол дома 2 открыт на глубине 1 м. Он представлял собой утоптанную землю, без какой-либо подмазки глиной. Почти на уровне пола и чуть выше кладки Г, разделяющей восточную часть дома 2 на помещения II и III, были найдены фрагменты двух раздавленных средневековых пифосов (Рис. 23.2),

один из которых был сделан из красной грубой глины и имел ровную, ничем не декорированную внешнюю поверхность, а другой, тоже красной грубой глины, по поверхности украшен расчесами многозубчатого штампа в разных направлениях. Часть фрагментов этих пифосов была найдена выше, в перекопанном слое (Рис. 99.28, 30-31). Кроме того, к находкам в доме следует отнести фрагмент средневековой черепицы (Рис. 129.6), тулово лощеной корчаги (Рис. 118.2); куски глиняной фляги с выпуклой центральной частью с круговым орнаментом в виде набегающей волны (Рис. 100.3)

Из индивидуальных находок следует отметить бронзовую геральдическую бляшку со следами позолоты (Рис. 131.13), бронзовые скрепки (Рис. 131.28-29), железный гвоздь (Рис. 131.60), фрагмент железного накладного замка, ручку лепного светильника (Рис. 128.10). В помещении II у кладки Г была найдена ступка из песчаника и обломок зернотерки из известняка (Рис. 136.26-27), ряд архитектурных деталей (Рис. 136.9-12).

Керамика, которая характеризует период существования дома 2 – прежде всего раннесредневековые амфоры, большое количество лощеной кухонной круговой керамики, довольно много фрагментов высокогорлых кувшинов. Встречаются фрагменты средневековых ойнохой и краснолаковой посуды.

Таким образом, временем постройки и функционирования дома 2 можно определить первую половину IX в.

Остатки дома 4 (Рис. 22, 23.5-6, 24) были вскрыты у края берегового обрыва на площадях V-VII и IVA-VIIA. Ориентирован он, как и дом 2, по сторонам света. Сохранились остатки пяти стен (кладки А, Б, В, Г, Д), делящих внутреннее пространство дома на четыре (!) помещения: I, II, III и IV. Северной стены дома 4 не сохранилось, так как в результате разрушения берега она обвалилась в залив.

Кладка А (Рис. 22, 24.1) – внешняя западная (угловая) стена дома 4: открыта в северо-восточной части площади IV, ориентирована по линии север-юг. Северная часть стены разрушена в результате абразии берега. В длину имела 1,60 м, шириной 0,80 м. В высоту сохранилась на один ряд кладки «ёлочкой» – 0,40 м.; двупанцирная с забутовкой более мелким камнем. Южный угловой камень стены (песчаник) – самый крупный в кладке 0,60x0,50x0,30 м.

Кладка Б (Рис. 22, 24.2-3) – южная стена дома 4, располагалась на площадях V-VII. Ориентирована по линии восток-запад и следовала почти под прямым углом к кладке А. Сильно разрушена, особенно на площадях VI и VII, поэтому не примыкала к кладке А вплотную, а от восточной ее части на площади VII сохранились лишь отдельные камни цоколя, лежащие строго по линии стены. Общая длина сохранившейся части (площади V-VI) 9,60 м, ширина 0,50-0,80 м. В высоту сохранилась на два ряда кладки «ёлочкой» 0,40-0,55 м. Возведена панцирем, с забутовкой мелким камнем и фрагментами керамики. Под стеной прослежена песчаная подсыпка толщиной 0,04 м.

Кладка В (Рис. 22, 24.4) – внутренняя разделительная стена дома 4, ориентированная по линии ССЗ-ЮЮВ (отклонение от линии север-юг около 20°), прослежена почти параллельно кладке А и перпендикулярно кладке Б; ограничивала с востока помещение I. Приблизительные (из-за

обвала строительных остатков в залив) размеры помещения: в длину (с востока на запад) 6,60 м, в ширину (с севера на юг) 1,20-2,70 м; длина кладки В – 2,0 м, ширина – 80 м. В высоту сохранилась на один ряд кладки «ёлочкой» 0,30 м. Возведена из камней песчаника и ракушечника, между панцирями – забутовка мелкими камнями и щебнем.

Кладка Г (Рис. 22, 24.5) – внутренняя разделительная стена дома 4. Открыта на площади VIA, ориентирована по линии север-юг и следует параллельно кладке В. Северная часть не достигала края берегового обрыва, так как была уничтожена большой ямой нового времени, а южная часть не примыкала вплотную к кладке Б из-за выборки камня в то же время. Общая длина сохранившейся части 1,84 м, ширина 0,48-0,60 м. В высоту сохранился один ряд кладки «ёлочкой» 0,20-0,26 м. Стена Г ограничивала с востока помещение II. Размеры помещения с востока на запад 2,0 м, с севера на юг 2,80 м.

Кладка Д (Рис. 22, 24.6) – внутренняя разделительная стена дома 4. Открыта на площади V; ориентирована по линии север-юг, параллельна кладкам А и Г и перпендикулярна линии стены Б. Северная ее часть не доходила до берегового обрыва (уничтожена, как и кладка Г ямой нового времени); ее южная часть также не доходила до линии кладки Б на площади VII (как и последняя уничтожена выборкой камня в то же время). Длина кладки Д – 2,24 м, ширина – 0,62-0,70 м. В высоту она сохранилась на один ряд камней кладки «ёлочкой» (0,20-0,22 м). Как и предыдущие, кладка была построена в виде панциря с забутовкой более мелкими камнями и обломками керамики. С востока кладка Д ограничивала помещение III. Его размеры с востока на запад 2,3 м и с севера на юг 3,0-3,2 м. Одновременно кладка Д являлась западной стеной условно выделяемого помещения IV, так как восточной стены его не открыто, она или была разобрана полностью в новое время, или же находилась за пределами раскопа.

Таким образом, общие размеры дома 4, составляют 16,90 м с востока на запад и от 2,0 м до 6,2 м с севера на юг. Этот дом является одним из самых больших средневековых домов, открытых при раскопках Фанагории. Интересной его особенностью являлось наличие нескольких выходов, по крайней мере двух. Один вход открыт на площади VI в южной стене дома (кладка Б) и вел в помещение II. Он представлял собой разрыв в стене шириной 0,60 м и был оформлен по западному краю стены крупными полуобработанными блоками песчаника, размерами 0,54x0,36x0,24 м. Второй – тоже открыт на площади VI и вел в помещение III; аналогично, представлял собой разрыв стены (кладка Б), шириной всего 0,30 м. Он был оформлен по западному и восточному краям полуобработанными блоками песчаника и ракушечника, размерами: 0,38x0,28x0,32 м и 0,38x0,26x0,32 м. Вполне возможно, что дом существовал довольно продолжительное время. Так не исключены, во-первых, внутренние перестройки; во-вторых – увеличение его размеров за счет пристроек и удлинения к востоку южной стены Б. Об этом позволяют говорить небольшие различия в ориентировке разделительных стен дома В, Г, Д), и то, что южная стена дома отходила к западной не под прямым углом, чуть выступая за внешнюю линию западной стены А внутрь помещения I. Пол в помещениях дома представлял собой

утоптаный грунт, без подмазки глиной.

Наибольшее количество фрагментов керамики из дома 4 относится к раннесредневековым амфорам; встречаются фрагменты воротничковых амфор и фрагменты амфор позднеантичных типов. Несколько увеличивается процент амфор с зональным рифлением (Рис. 92.28). В незначительном количестве присутствуют фрагменты высокогорлых кувшинов. Имеются обломки краснолаковой посуды, лощеной посуды (Рис. 124.10), кухонных горшков (Рис. 103.28-29, 105.32-34). Отмечена бронзовая фибула (Рис. 131.1); фрагмент плоского браслета синего стекла; фрагменты железных ножей. При разборе стен дома 4 встречены обломки архитектурных деталей античного времени из известняка и песчаника, а также венчики двух красноглиняных пифосов. Время существования дома 4 можно определить так же, как и дома 2 – первая половина IX в. Возможно, что дом 4 был построен несколько раньше дома 2.

Кроме дома 4 в юго-восточном углу площади IV были открыты остатки стены еще одного дома, который полностью находится за пределами раскопа, под южным его бортом (Рис. 22). Отрезок стены был ориентирован по линии ССЗ-ЮЮВ, имел длину 0,66 м и ширину 0,80 м. В высоту сохранился на два ряда кладки: около 0,22-0,24 м. На уровне подошвы стены, к востоку от нее, в профиле хорошо читался ряд сырцовых кирпичей, габаритами 0,36x0,40x0,12 м, которыми по всей видимости, был выложен пол помещения.

Культурный слой начала VII – начала VIII вв. – желто-серой рыхлой или более плотной супеси (суглинка). Располагался на глубине 1,0-1,4 м на разных площадях. Здания этого строительного горизонта не были полностью раскрыты: остатки стен дома 1, и дома 7, а также развал глинобитной печи 6.

К дому 1 (Рис. 25) можно отнести кладку А, расчищенную у восточного борта площади I и частично уходящую под бровку между площадями I и II. Ориентирована по линии север-юг и находилась непосредственно под разделительной кладкой В дома 2 второго строительного горизонта. Длина ее раскопанной части 3,10 м, ширина до 0,40 м. Сложена в два панциря, с забутовкой между ними, из подработанных камней песчаника неправильной формы, известняка и ракушечника, уложенных «ёлочкой». Размеры камней кладки от 0,20x0,20 м до 0,44x0,36 м. На расстоянии 1,20 м к востоку от кладки А, на площади II были открыты остатки полуразрушенной кладки Б, ориентированной по линии ССЗ-ЮЮВ, почти параллельной стене А. Ее длина 1,68 м, ширина 0,76 м; сложена в два панциря с забутовкой. Расстояние между стенами и ориентировка обеих стен не позволяют сделать какой-либо вывод об их взаимосвязи, однако возможно, что кладка Б построена немного позже кладки А.

К западу и северо-западу от кладки А, у юго-западного угла раскопа и у северной границы площади I были расчищены развалы камней и обработанных блоков, представляющие, вероятно, остатки стен, разобранных на камень. Небольшие скопления камней неправильной формы вскрыты и на площади II. Среди вскрытых остатков стен и скоплений камней найдены обломки различных архитектурных деталей античного времени. Средневе-

ковой керамики на этом участке не встречено совсем, а из находок можно отметить только плохо сохранившуюся железную мотыжку и два железных гвоздя.

Остатки дома 7 (Рис. 25) – верхние камни двух его стен (кладки А и Б) открыты на площадях VII и VIIА.

Кладка А – северная стена дома 7, расположена в северо-восточной части площади VIIА, у восточного борта раскопа. Ориентирована по линии восток-запад. Был раскрыт лишь верхний ряд стены – камни уложены «ёлочкой». Ее длина 1,20 м, ширина 0,18-0,24 м.

Кладка Б – южная стена дома 7, расположена в центральной части площади VII и идет параллельно кладке А от восточного борта раскопа до западного борта площади, с востока на запад. Длина ее раскрытой части 3,80 м, ширина 0,68-0,88 м. Состояла из двух панцирей кладкой «ёлочка» с забутовкой между ними.

Остатки полуразрушенной печи 6 (Рис. 25) вскрыты в северо-восточном углу площади VIА, у границы берегового обрыва. Она овальной формы в плане (северо-западная часть обвалилась в залив); размеры – 1,54 м с севера на юг и 1,0 м запада на восток. От свода сохранились лишь остатки печин, завалившиеся внутрь топки. Топочное отверстие располагалось в восточной части, так как здесь в стенке печи имелся разрыв шириной 0,44 м. Печь была сделана из сырой глины, приобретшей красно-коричневый цвет в результате действия огня. Имела следы подмазки и утолщения стен сырцом, что говорит о довольно длительном времени ее использовании. Общая толщина стенок камеры составляла 0,20-0,30 м, высота развала 0,20 м. Вокруг печи выявлены границы припечной ямы. Диаметр ямы с севера на юг 4,0 м, с запада на восток 5,4 м.

На площадях VI-VIА и VII-VIIА уменьшается количество фрагментов раннесредневековых амфор. Как примесь, из верхних слоев продолжают встречаться фрагменты высокогорлых кувшинов, а из нижних – обломки амфор и красного лака. Найдена двусторонняя литейная формочка из плитняка для отливки солярных украшений (Рис. 135.6).

Скорее всего, дома 1, 7 и печь 6 были построены в VII в., и просуществовали до середины VIII в., когда на их месте были возведены постройки последующего строительного периода.

Работы на раскопе «Берег» были продолжены в 1994–1995 гг.

В 1994 г. с западной стороны, вдоль берега была разбита полоса из четырех площадей (I-IV) размерами 5x5 м, а так же площади, примыкающие с севера, вплоть до берегового обрыва.

Сверху по всей площади раскопа прослежен гумусированный слой с корневищами растений, толщиной около 0,10 м. В северной части площадей III и IV отмечено пятно отвала раскопа 1989 г. длиной 9,5 м, шириной до 4,2 м, мощностью 0,18 м.

Вскрыто два культурных слоя: конца IX – начала X вв. и второй четверти VIII – середины IX в. (только затронут) (Рис. 26).

Слой конца IX – начала X вв. – серая плотная супесь, прослеженная почти на всей площади раскопа, мощностью от 0,09 до 0,38 м. К северу слой

утолщался, вследствие чего дневная поверхность получила повышение к северу и западу.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. – серо-коричневый суглинок, прослеженный на всей площади раскопа. Прослеженная мощность достигала 0,05-0,25 м. В северной части площадей III и IV слой был нарушен перекопом, толщиной до 0,25 м.

К слою конца IX – начала X вв. относились кладки 1, 2, 3 и группы камней 4.

Кладка 1 (Рис. 26) открыта в северо-западной части площади I, на глубине 0,02 м (подошва – 0,40 м). Сложена в два панциря, с забутовкой между ними. Состояла из камней известняка и ракушечника положенных наклонно, «ёлочкой». Длина кладки 3,2 м, толщина 0,43 м, высота 0,45 м.

Кладка 2 открыта в северо-восточном углу площади II. Открыта на глубине 0,03 м (подошва – 0,42 м). Сильно фрагментирована.

Кладка 3 (Рис. 26) располагалась на площади II. Открыта на глубине 0,02 м (подошва – 0,40-0,42 м). Являлась остатками более массивной кладки выложенной «ёлочкой».

Группа из трех камней 4 (Рис. 26) обнаружена в центре площади II. Открыта на глубине 0,04 м (подошва – 0,40-0,42 м).

Как показали исследования предыдущего слоя, кладка 3 и группа камней 4 были связаны между собой.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. был вскрыт частично. К нему относились разрозненные группы камней вскрытые на всех площадях раскопа на глубине 0,14-0,38 м. На площади I были обнаружены два камня округлой формы и один подквадратной, с выдолбленными выемками.

В 1995 г. к раскопу с западной стороны была сделана прирезка из четырех площадей (V-VIII), вытянутых вдоль берегового обрыва в линию с запада на восток (Рис. 27). С запада на восток они равнялись 5 м, с юга на север их длина колебалась в зависимости от линии берегового обрыва от 6 до 6,5 м.

На раскопе так же вскрыто два слоя.

Слой конца IX – начала X вв. Грунт слоя представлял собой серую сухую супесь с включениями угольков и золы. Толщина слоя колеблется от 0,1 до 0,8 м (в перекопах). В этом слое строительные остатки не обнаружены. Находки представляют собой разновременный и разнородный материал. Среди них преобладает массовый и разновременный археологический материал, довольно сильно размельченный: фрагменты античных и средневековых амфор, красноглиняных кувшинов, сероглиняных кувшинов, краснолаковых мисок, тарелок и кувшинов, лепных и лощеных горшков, керамических пробок, пирамидальных грузил, турецкая курительная трубка (Рис. 139.19) из перекопа.

К данному слою принадлежит единственный сохранившийся строительный объект – кладка 6.

Кладка 6 была обнаружена в южной части площади VIII в 0,75 м от южного борта и в 2 м от западного (Рис. 27, 28.1). Поверхность открыта на глубине 0,24-0,36 м. Кладка вытянута по линии восток-запад. Сохранившаяся длина 0,7 м. По всей видимости, была сложена в два панциря с

забутовкой. Сохранились только часть южного панциря и забутовка. Первоначальная ширина равнялась примерно 0,5 м. Сохранился один ряд камней (ракушечник). Камни панциря имели средние размеры (около 0,2х0,2 м), в забутовке – мелкие.

Слой начала VIII – середины IX вв. – представлял собой серо-коричневый суглинок с включениями угольков и печны. Толщина слоя колебалась в пределах 0,25-0,5 м. Как и в предыдущем слое, находки представлены массовым и разновременным материалом: фрагментами античных и средневековых амфор, красноглиняной керамики (кувшины, кастрюли, миски), краснолаковой посуды (миски и тарелки), сероглиняными кувшинами, лепными горшками и мисками, пирамидальными грузилами (Рис. 133.21), лепной и лощеной керамикой.

К слою относились объекты: кладки 7, 8, 11, 12, вымостки 10, 14, развалы камней 9, 15, 17.

Кладка 7 находилась в юго-западном углу площади VIII в 0,25-0,45 м от западного борта (Рис. 27, 28.1, 3). Ориентирована по линии север-юг. Сохранившаяся длина кладки осталась неизвестной потому, что она, по-видимому, уходила под южный борт, а так же ее северный конец резко понижался и уходил под невскопаный грунт. Такое понижение поверхности кладки может объясняться наличием под ним более ранней по времени ямы. Длина открытой части кладки 1,50 м, ширина 0,5 м. Сложена в два панциря, забутовкой служила глина. Камни панцирей имели небольшие размеры (в среднем 0,1х0,15 м.). Это дикарный камень, известняк, железняк, ракушечник. Однако отдельные плоские камни уложены в «ёлочку». Расчищено два ряда камней в кладке, хотя в действительности их сохранилось не менее трех. Поверхность лежала на глубине 0,05-0,25 м.

Кладка 8 была обнаружена в юго-восточном углу площади VIII в 0,6 м от восточного борта и уходила под южный борт (Рис. 27, 28.2). Сохранившаяся длина около 1,4 м, ширина определению не поддается. Ориентирована почти точно с севера на юг. По-видимому кладка была сложена в два панциря с забутовкой. Сохранился лишь фрагмент западного панциря. С восточной стороны рядом с кладкой лежало четыре камня, которые могли быть остатками восточного панциря. Камни фундамента (ракушечник, известняк, железняк) имели средние размеры (примерно 0,2х0,2 м.). Сохранилось не менее двух рядов камней. Поверхность открыта на глубине около 0,2 м.

Развал камней 9 находился в западной половине площади VIII (Рис. 27, 28.7). Частично уходил под западный борт, частично подходил к самому береговому обрыву. Камни лежали плотно только в южной части объекта. Здесь его поверхность понижалась с востока на запад. В северной части камни лежали не плотно, с довольно большими разрывами. Лишь в одном месте, ближе к северному концу, несколько камней лежали в одну линию, параллельно западному борту раскопа. В подавляющем большинстве камни представляли собой ракушечник, средних размеров, часто уплощенной формы. Поверхность открыта на глубине 0,07-0,32 м.

Вымостка 10 была обнаружена западной части площади VI и отчасти заходила на площадь VII (Рис. 27, 28.4). Сохранилось три ее фрагмента

вымостки. Один из них, самый большой, находился в 1,65-1,7 м от южного борта, второй, расположенный в 0,95 м к югу от первого, примыкал к южному борту и уходил под него, третий, расположенный в 0,9 м к северу от первого, находится в 4,3 м от южного борта и в 1,25 м от западной границы площади VI. Два последних фрагмента вымостки очень невелики (0,7x0,2 м и 0,7x0,4 м.). Самый большой фрагмент, находящийся между двумя последними, имел размеры 2,6 м (с востока на запад) x 0,6-1,6 м (с севера на юг). Вымостка имела ровную, но довольно сильно выбитую поверхность (особенно в восточной своей части). Сложена из камней средних размеров (ракушечник, дикарный камень, железняк, плитняк), обычно неуплощенной формы, и фрагментов керамики (черепиц, пифосов, амфор). При этом количественно преобладали камни. Материал вымостки уложен преимущественно в один слой. У западного конца объекта лежал блок ракушечника размером 0,18x0,36 м. Поверхность вымостки открыта на глубине 0,20-0,29 м. Функциональное назначение объекта остается неясным (вымостка улицы, двора и т.п.).

Кладка 11 открыта в северо-восточном углу площади VI; отчасти заходила на площадь V и отстояла на 4,3-4,6 м от южного борта (Рис. 27, 28.5). Ориентирована по линии восток-запад. Восточный и западный концы кладки оборваны. Она сохранилась на длину не более 3,4 м, ее ширина 0,5 м. Сложена в два панциря с забутовкой. Камни панцирей (ракушечник, плитняк, железняк, булыжник) имели средние размеры (около 0,2x0,15 м.). Камни забутовки меньше по размеру. Кладка сложена в «ёлочку». Сохранилось по крайней мере два ряда камней. Поверхность объекта открыта на глубине 0,17-0,37 м.

Кладка 12 находилась в северо-восточной части площади V. Южный конец оборван на расстоянии 3,2 м от южного борта; северный конец обрушился в море (Рис. 27, 28.6). Ориентирована по линии север-юг. Имела длину 3,1 м. Техника сооружения кладки представляется довольно ясной. В выкопанную траншею были уложены камни фундамента. Ширина фундамента была несколько больше ширины стены (примерно на 0,1 м с каждой стороны). Пространство между камнями фундамента и стенками траншеи было заложено камнями (в северной части плоскими). На камнях фундамента лежал первый ряд камней стены, уложенных в «ёлочку», за исключением тех, которые из-за своей формы не могли быть так положены. Поверхность этого ряда была выровнена при помощи мелких камней и небольшого количества обломков черепиц и пифосов. Изначально стена была сложена в два панциря с забутовкой. Сохранился только западный панцирь и некоторое количество камней и черепков забутовки. Восточный панцирь не сохранился. Ширина стены могла достигать 0,8 м. Камни западного панциря имели довольно большие размеры, от 0,2x0,3 м до 0,3x0,5 м. Большинство из них относится к породе ракушечника. Поверхность кладки наклонена с запада на восток. Поверхность лежала на глубине 0,03 м.

Вымостка 14 была обнаружена в северо-восточном углу площади VIII в 3,05 м от южного борта; примыкала к границе с площадью VII (Рис. 27). Сохранившиеся размеры 1,2x1,5 м. Функциональное назначение (вымостка улицы, двора и т.д.) остается неизвестным. Вымостка сложена из камней

средних и мелких размеров (от 0,3х0,1 м до 0,05х0,05 м), среди которых преобладает ракушечник, и фрагментов керамики (обломки черепиц и амфор). Материал уложен в один слой. Поверхность довольно ровная, но сильно выбита, лежала на глубине – 21-0,33 м.

Развал 15 находился в юго-западном углу площади V и уходил под южный борт (Рис. 27, 28.8). Функциональное назначение определить невозможно по причине крайне плохой сохранности и небольших размеров (1,2х0,6 м). Состоял из небольшого количества камней (ракушечник) и фрагментов керамики. Поверхность лежала на глубине 0,07-0,18 м.

Развал 17 был обнаружен на площади V в 1,7 м от южного борта и в северной части оборван обрушившимся берегом (Рис. 27, 28.9). Определить его функциональное назначение крайне затруднительно по причине весьма плохой сохранности. Вытянут по линии север-юг и имел длину 4,5 м. Ширина колебалась от 0,2 до 1,1 м. Состоял из камней ракушечника, плитняка и известняка не очень больших размеров (0,2х0,2 м) и обломков керамики. Его поверхность открыта на глубине 0,12-0,26 м.

Раскоп «Город А» раскапывался в 1936–1937, 1939, 1970, 1973–1974 гг. Общая площадь раскопа – 725 м² (Блаватский, 1936А, л. 15-18; 1937, с. 161-162; 1938, с. 135-137; 1940, с. 290; 1941а, с. 6-8, 24-25, рис. 1-2; 1951а, с. 189; Смирнов, 1937А, л. 4-6; Пятышева, 1939А, л. 2-12; 1960, с. 111-117, рис. 1; Кобылина, 1970А, л. 3-7; 1971, с. 110-111; Долгоруков, 1974А, л. 2-5; Долгоруков и др., 1975, с. 107; Паромов, 1993, с. 126, № 24; Атавин, 2009, с. 89).

Разбит в северо-западной части городища, над обрывом, поднимающимся на 6-7 м над уровнем моря. Первоначально состоял из 17 площадей, каждая – 5х5 м. Толщина средневекового слоя составляла от 0,4 до 0,7 м. Слой конца IX – середины X вв. на раскопе отсутствовал.

В 1936–1937 гг. выше средневекового слоя, на площадях I и III были обнаружены остатки деревянной постройки нового времени, залегающие на глубине 0,20-0,30 м в гумусном рыхлом и мусорном слое. На площади XVI также прослежены остатки постройки: лежащие беспорядочно группы известняка и песчаника, большие куски штукатурки, деревянные, вбитые в землю столбы. На площадях III, IV, VIII и XVII до глубины 0,30-1,30 м прослежены следы выборки камня нового времени. Вероятно отнесение этого слоя к XIX в.

Средневековые слои толщиной 0,4-0,7 м отделены от вышележащего слоя прослойкой угля (пожарище) толщиной 0,01-0,02 м. Сооружения средневековых слоев (грунт представлен гумусом с примесью суглинка) сохранились довольно плохо (на площадях I-IV, X, XII-XIV) (Рис. 29). Уцелели части нерегулярных вымосток, залегающих на глубине от 0,32 до 0,70 м, имеющих 0,06-0,16 м в толщину. Эти вымостки (3, 9, 12, 13, 14) одинаковы и состояли из фрагментов керамики (позднеантичных и раннесредневековых амфор и черепицы), мелких камней и гальки. Фрагменты амфор из вымосток 12 и 13 относились к сосудам средневекового, римского и отчасти эллинистического времени.

Находящаяся на площади I-III кладка 7, представляла собой остатки фундамента постройки. Кладка 7 небрежно сложена из нерегулярных

камней, расположенных в три ряда; между камнями были заложены обломки черепицы, а также амфоры античного времени; кладка, сохранилась в высоту на 0,47 м, ее подошва находилась на глубине 1,05 м.

На площадях IV и XVII, на глубине 0,60 м открыта вымостка 41, размерами 2,5x1 м, имеющая неровную поверхность и состоящая из крупных обломков черепицы, толстостенных сосудов и мелких камней.

Аналогичная вымостка 90 (Рис. 29.3) открыта на площадях X и XIV на глубине 0,65 м. Площадь вымостки 0,60x1,20 м.

Также в средней части площади XIV, на одном уровне с вымосткой 90 обнаружена узкая полоса мелкого булыжника, проходящая в направлении с севера на юг. В слое был открыт целый ряд развалов камней (1, 2, 34, 35, 36, 37, 39), расположенных частично в одиночку, частично группами. Частью эти камни представляли развалы кладок.

На площадях X, XII, XIII и XIV в верхней части слоя обнаружена свидетельствующая о пожаре прослойка угля толщиной 0,01-0,02 м. Вещевые находки в слое весьма многочисленны. Преимущественно это фрагменты глиняной посуды и черепиц. Отмечена находка бронзового византийского перстня.

Небольшая мощность слоев, по-видимому, объясняется слабой заселенностью данного участка в течение такого продолжительного промежутка времени. Датировка может быть установлена в пределах начала VII – середины IX вв.

Среди находок отмечено множество щебня, реберчатые и рифленые амфоры, черепица, фрагменты лощеных сосудов. Отмечен бронзовый византийский перстень с щитком, на котором вырезаны три глазка, фрагменты стеклянных браслетов.

Слой второй четверти – третьей четверти VI в. имел глубину 0,7-1,0 м и представлен гумусом с примесью суглинка.

К слою относилась кладка 114 (Рис. 29.4), открытая на площади XV, вероятно, являвшаяся остатком водостока, в виде нескольких камней, с одним камнем, поставленным на ребро. Подошва кладки открыта на глубине 1 м.

Также к слою относятся вымостки 15-17, 21, 40, 41, 43, 51 состоящие из битых амфор раннесредневекового и эллинистического времени.

На площади XVI в слое была обнаружена медная монета плохой сохранности V–VI вв. (Крушкол, 1951, с. 262, № 29).

В 1939 г. работы на раскопе были продолжены. С юго-востока к раскопу была сделана прирезка из пяти площадей (XVIII-XXII) размерами 5x5 м каждая (Рис. 30).

Средневековые слои перекрывал слой XIX в., толщиной от 0,05 до 0,45 м, выявленный на площадях XIX, XX, XXII. Слой представлен кладками из бута и саманного кирпича с примесью камки, деревянными кольями, вымостками из мелкого и среднего бута с битой черепицей, выгребными ямами.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. Имел глубину 0,05-0,45 м от современной поверхности, толщина слоя 0,30-0,40 м.

Каменная кладка 2 (Рис. 30.2) расчищена на границе площадей XIX, XX, XXII. Имела направление север-юг и уходила под нераскопанный борт

площади. Открыта на глубине 0,55 м. Длина кладки 2,80 м, ширина 0,55 м, высота 0,35-0,40 м. Состояла из небрежно уложенного в «ёлочку» бута на глине. Сохранился только нижний ряд камней.

Вымостка 26 размерами 0,9x0,59 м, состояла из небрежно уложенного в глине бута и черепков.

Слой начала VII – начала VIII вв. залегал ниже слоя конца IX – начала X вв. на 0,75 м и прослежен лишь на площади XXII. Грунт слоя – гуммированный суглинок и глина с прослойками песка. Толщина слоя 0,10-0,40 м. Все обнаруженные объекты являлись одним помещением (кухня или дворик).

Небольшие части вымосток 30 и 31 состояли из плохо утрамбованных в глине бутовых камней. Размеры: 0,4x0,52 м и 1,10x0,80 м.

Остатки сырцового очага (Рис. 30.3) (сырцовый под и части стенок). Размеры 0,97x0,55 м.

Круглая выемка (вероятно, для пифоса) в вымостке 31, диаметром 1,05 м, глубиной 0,15 м.

Каменная, округлая крышка пифоса с вырезанным на ней крестообразным знаком (Рис. 30.4). Диаметр 0,55 м, толщина 0,05 м.

Слой второй четверти – третьей четверти VI в. имел глубину 1,95 м.

Каменная вымостка 18 (Рис. 31.4) открыта на площадях XIX-XX, площадью 5,0x1,30 м. Прослежена вдоль южного борта раскопа, уходя под него. Непосредственно под вымосткой грунт был перемешан с золой и углем, образуя горелую прослойку толщиной 0,30 м. Вымостка состояла большей частью из равной величины камней, размером 0,20x0,30 м, плотно пригнанных друг к другу. Местами – из бутовых камней неравной величины с вкрапленными среди них большими и средними фрагментами черепицы и толстостенных сосудов.

В юго-западном углу вымостки был прослежен ряд таких черепичных наслоений, вероятно – следы позднего ремонта. Вся вымостка лежала на тонкой, песчано-глинистой подстилке.

С вымосткой 18 связана и подковообразная группа из шести мелких бутовых камней, лежащих на одном уровне.

В слое открыты черепичные вымостки меньшего размера: 21 (1,20x0,60 м) (площади XIX-XX), 9 (0,25x0,18 м), 10 (0,25x0,10 м), 11 (0,25x0,30 м), 12 (0,25x0,30 м) (площадь XVIII), 4 (0,70x0,40 м), 13-16 (4,0x2,2 м) (Рис. 31.1-2) (площадь XXI), составлявшие обрывки целой мостовой, однако не представляется возможным сказать, представляла ли она пол какого-то помещения или настил улицы. Согласно с рельефом местности, вымостки образовывали уклон к северу. Вымостки состояли из мелкого камня вперемешку с обломками толстостенных сосудов и черепицы, неровно уложенные в глине.

Зольная мусорная яма над вымосткой 6, глубиной 0,84 м, шириной 1,15 м, заполненная землей с обломками грубой закопченной керамики красной и оранжевой глины и костями животных (главным образом бараньи и коровьи кости).

Слой V – начала VI вв. имел глубину 2,45 м.

К архитектурным остаткам слоя относятся: два отрезка стены плохой бутовой кладки на глине: стена 3-3а (Рис. 31.6) (на площадях XIX-XX).

Среди бута попадались обломки черепицы. Длина кладки 3 – 1,95 м и продолжающей ее кладки 3а – 0,85 м. Расстояние между фрагментами 1,65 м. Ширина кладки 0,7 м, сохранившаяся высота 0,10-0,20 м.

Вымостка 22 была представлена отдельно сохранившимися участками (самый большой размером 0,85x0,60 м). Состояла из черепицы с бутлом.

На расстоянии 0,55 м от кладки 3, в вымостке, принадлежавшей по-видимому, дворику, оказалось гнездо с поддонной частью пифоса 1 (Рис. 31.5-6), диаметром 0,60 м.

Стена 3-3а, вымостка 22 и пифос 1 (находившийся во дворе) относились к одному жилому комплексу.

Под восточный борт раскопа уходили вымостки 1-2, 5-8, 16 (площади XVIII, XXI). Являлись частями одной сплошной вымостки. Сложены из черепицы и мелкого бута, плотно утрамбованных, толщиной 0,01-0,15 м.

Вымостка 5 (0,55x0,20 м) была сильно разрушена. В грунте – масса черепков с известковым грязным налетом от разрушенных вымосток.

Вымостка 6 (Рис. 31.3) (1,0x1,5 м) состояла из сплошных черепков, уложенных с наклоном к югу. Ее западный конец уходил под насыпь вымостки 4, восточный – под борт площади XXI.

Под вымосткой 6 оказалась субструкция, состоящая из слоя песка (толщиной 0,30 м) и лежащей под ним утрамбованной глины (толщиной до 0,70 м). Так как под этой субструкцией выявлены следы сильного разрушительного пожара, уничтожившего более ранние сооружения, то очевидно, целью ее устройства была нивелировка поверхности того строительного периода, к которому она относилась. Продолжением ее явилась каменная вымостка 7 размером 1,15x0,40 м.

Грунт между вымостками 5-7 – мягкий, рассыпчатый, желто-коричневого цвета с примесью песка.

Вымостка 16 имела размеры 0,90x2,0 м.

В слое найдены обломки рифленой и реберчатой посуды, плоские кирпичи с желобчатой поверхностью и кремовым ангобом, светильник местной работы из темно-бурой глины (Рис. 127.1), дисковидное глиняное грузило, вогнутое с одной стороны, на которой насечками нанесено изображение схематической, женской фигуры (Рис. 133.3).

В 1970 г. с восточной стороны раскопа, на поверхности, примыкающей к высокому крутому обрыву, были разбиты шесть площадей (XXIII-XXVIII), каждая 5x5 м (Рис. 32, 33.1).

К вскрытым слоям второй четверти VIII – середины IX вв. (толщина 0,60 м) относился комплекс кладок и развалов камней, залегающих на глубине 0,48-0,53 м от поверхности. Грунт слоя гумусирован, в нем много мелких и средних камней, относящихся к разрушенным кладкам.

Кладки 1-2, 3, 4 (Рис. 32) образовывали одно помещение размерами 4,6x3,3 м. Эта постройка продолжалась на восток – кладка 3 уходила в восточный борт раскопа. Ширина помещения около 3,30 м, длина не ясна.

Кладка 1-2 (Рис. 33.2-3) сохранилась частями (у восточного борта площади XXV и северного борта площади XXVI) по направлению ССВ-ЮЮЗ. Сохранившаяся длина 4,60 м, ширина около 0,70 м, высота 0,10-

0,20 м. Кладка имела два панциря из мелких камней (булыжник, известняк, песчаник, плитняк) уложенных «ёлочкой». Сохранилась большая часть восточного панциря и фрагменты западного панциря, на северном окончании которого находился большой камень 0,45x0,40x0,10 м, вероятно угловой.

Кладка 3 (Рис. 33.4) проходила под прямым углом к кладке 1-2. Состояла из двух рядов мелких камней и обломков керамики между ними. Кладка ориентирована с запада на ВЮВ. Имела длину 3,30 м, ширину 0,40 м, высоту 0,08-0,18 м. Размеры камней (булыжник, плитняк, известняк, ракушечник): 0,20x0,15x0,03 м; 0,08x0,07x0,03 м. С юга и запада к кладке примыкал развал камней и керамики 3а, занимающий площадь 1,30x1,70 м. Завал открыт на глубине 0,53 м.

Кладка 4 (Рис. 33.4) располагалась параллельно кладке 102, под прямым углом к кладке 3. Открыта на глубине 0,48 м. Ее длина 2,76 м, ширина 0,60 м, высота 0,16-0,26 м. Имела два панциря, между ними забутовка. Верхний панцирь сложен из более крупных камней. Размеры камней (булыжник, известняк, плитняк): 0,30x0,40x0,20 м; 0,16x0,10x0,07 м. Вероятно, кладка 4 являлась перегородкой, разделяющей помещение на две части.

Развал камней 4а был открыт в восточной части площади XXVII на глубине 0,50 м. Находился к югу от кладки 4. Состоял из камней (плитняк, ракушечник, известняк) различной величины (от 0,40 до 0,10 м). В развале найдены часть жернова и обломок мраморной облицовочной плитки.

Среди находок в слое отмечены: большое количество стенок амфор, больших лощеных сосудов с орнаментом, фрагмент большого сероглиняного сосуда с вдавленным орнаментом на тулове и по краю горла, фрагменты позднесредневековых сосудов со светло-зеленой и желтой поливой, плоский камень (длина 21 см, ширина 17 см, толщина 4 см) из зеленого гранита, с округлыми заостряющимися краями и двумя круглыми просверленными отверстиями, фрагменты точильных камней, два астрагала, много костей домашних животных.

Ниже прослежен слой начала VII – начала VIII вв. толщиной 0,40-0,60 м. Грунт – сухой суглинок неровной плотности. Строительные остатки незначительны, однако количество находок возросло. К слою относились вымостка 5 и развал камней 6 (Рис. 32).

Вымостка 5 (Рис. 33.5) открыта у западного борта площади XXV. Имела рваные очертания, сохранилась в виде узкого языка, вытянутого с востока на запад. Открыта на глубине 0,92 м. Длина 2,35 м, ширина 0,80 м, толщина 0,10 м. Состояла из фрагментов керамики черепицы и мелких камней, уложенных в один слой.

Развал камней 6 (Рис. 33.6) обнаружен к востоку от вымостки 5, на глубине 0,96 м от поверхности; подошва на глубине 1,92 м. Состоял из мелких и средних камней булыжника, песчаника, известняка неправильной формы, лежащих неровно, на различной глубине. Сохранился на протяжении 1,40 м в виде полосы шириной 0,40 м.

Среди находок в слое отмечены: большое количество стенок и ручек амфор, фрагменты лепных и лощеных сосудов, краснолаковая керамика,

пирамидальные грузила, грузило в виде плоского камня известняка с отверстием посередине, высокая ножка светильника (Рис. 128.3), фрагмент бронзовой фибулы, фрагментированные стеклянные сосуды и оконное стекло, кусок глиняной обмазки со следами камыша, много костей домашних животных.

Слой второй четверти – третьей четверти VI в. не выявлен.

К слою V–VI вв. относились: развал камней 7 и кладка 8 (Рис. 32). Слой прослежен до глубины 1,20-1,60 м. Грунт – серый суглинок.

Кладка 8 открыта на глубине 1,29 м в южной части площади XXVII и юго-восточной части площади XXV. Ориентировка кладки по линии северо-восток – юго-запад, не совпадала с кладками вышележащих слоев. Длина 2,94 м, ширина 0,70 м. Сложена из мелких камней, фрагментов керамики и черепицы. Поперек кладки, во всю ширину, лежал крупный блок известняка.

Развал камней 7 (Рис. 33.6) открыт на глубине 1,18 м в юго-восточной части площади XXV. Вероятно, остатки кладки, проходившей под прямым углом к кладке 8. Сохранились два крупных камня булыжника 0,50x0,40x0,12 м и 0,40x0,25x0,12 м и несколько более мелких. Размеры развала 0,80x0,85 м.

Среди находок слоя встречено большое количество фрагментов амфор (292 стенки и ручки). На площади XXVII встречены обломки лепных сосудов (Рис. 104.34), носик лепного светильника (Рис. 127.4), фрагменты краснолаковых чаш и лощенных сосудов.

В 1974 г. работы на раскопе были продолжены. Раскопки велись на площадях XXVIII (5x3,5 м) и XXIX (5x5 м), прирезанных к раскопу с востока⁴.

Глубина слоев начала VII – середины IX вв. неравномерна – от 0,20 до 0,85 м. Грунт – гумус с суглинком серо-коричневого цвета. Из строительных остатков к слою ко времени относились обнаруженные на площади XXIX кладки 18, 20 и вымостка 21.

Кладка 19 располагалась в северо-западной части площади XXIX, начиналась в 3 м от восточного борта и имела протяженность с севера на юг 1,75 м. Ширина стены 0,63-0,53 м. Сложена насухо из положенных горизонтально камней рваного известняка и булыжника. Размеры камней: 0,30x0,40x0,15 м; 0,10x0,8x0,6 м. Кладка сохранилась в высоту на один ряд камней и состояла из двух панцирей и забутовки (мелкие камни, фрагменты керамики). Глубина залегания кладки от поверхности 0,15 м; подошва на глубине 0,27 м.

Кладка 20 располагалась в центре площади XXIX, ориентирована с востока на запад, уходя своей плохо сохранившейся частью в восточный борт площади в 2 м от его северного борта. Сохранилась в длину на 2,90 м, ширина стены в западной части 0,70 м, в восточной 0,25 м. Сложена насухо из рваного известняка, плитняка и ракушечника. Размеры камней: 0,30x0,12x0,15 м; 0,5x0,4-0,6 м. Кладка сохранилась в высоту на один ряд камней и состояла из двух панцирей и забутовки из мелких камней и фрагментов керамики. Открыта на глубине 0,14 м; подошва 0,20-0,22 м.

Вымостка 21 располагалась в центре площади XXIX. Имела рваные очертания, вытянутые с востока на запад на 4,10 м. Ширина вымостки 0,50 м в восточной части и 1,40 м в западной. Вымостка состояла из мелких

⁴ Иллюстративный материал к отчету за 1974 год, в Архиве ИА РАН отсутствует.

и средних камней 0,2х0,6х0,4 м; 0,10х0,15х0,18 м и фрагментов античных амфор. Вымостка уходила в восточный борт площади в 1,40 м от его южной стенки. Поверхность вымостки лежала на глубине 0,48 м; подошва 0,60 м.

Находки слоя многочисленны и разновременны. Это фрагменты амфор, корчаг, кувшинов и иной столовой посуды; встречались отдельные фрагменты лощеной керамики, лепной кухонной посуды, а также краснолаковых тарелок и мисок. Найдено небольшое бронзовое кольцо из гладкой круглой в сечении проволоки со слегка заходящими друг за друга концами.

Глубина слоя V – начала VI вв. неравномерна, от 0,85 до 1,30 м. Грунт – гумус с суглинком серо-коричневого цвета, светлее, чем в предыдущем слое, с включением пятен сырца. К слою относится яма В, открытая на площади ХХІХ.

Яма В была расположена в западной части площади ХХІХ; прямоугольная в плане, уходила в западный борт площади в 1,77 м от его южной стены и имела ширину в том месте 0,93 м. Длина ямы с востока на запад 1,30 м. Глубина 0,30 м (1,60 м от поверхности). Стенки ямы покаты, дно горизонтально. Заполнение – рыхлое, золистое, содержало фрагменты античной черепицы, керамической тары, лепной керамики – аналогичных слою.

Вещевые находки слоя представлены многочисленными фрагментами позднеантичной и раннесредневековой керамики: стенками амфор (в том числе одна – с византийским (?) дипинто), стенками, донцами и венчиками красноглиняной и сероглиняной (лощеной и без лощения) посуды, фрагментами краснолаковой столовой посуды, лепных сосудов, костями домашних животных. Найдены две медные монеты, а также два каменных круглых жернова (диаметр 37-38 см и 34-33 см; высота 7-8 см и 3-4 см; диаметр отверстия внутри 3,4 см и 3 см).

Раскоп «Северный город» был разбит в 1939 г. на северном краю нижней террасы городища (Блаватский, 1939А, л. 3-19; 1940А, л. 3-40, 77-78; 1940, с. 293-294, 298, рис. 4-5; 1941б, с. 220; Паромов, 1993, с. 128, № 33; Захаров, 2002, с. 144). Высота обрыва в этом месте достигала 4 м. Первоначально состоял из трех площадей: II и III по 5х5 м, с севера примыкала площадь I трапециевидной формы, имевшая 10 м в длину. Вскрытая площадь составила 85 м². В 1940 г. с запада были прирезаны площади IV (прямоугольной формы) и VII (близкая по форме прямоугольному треугольнику), с востока площадь V (неправильной формы, приближающаяся к трапеции), с юга площадь VI (5х5 м). Мощность средневековых слоев составила более 2,5 м. (Табл. 5).

Слой конца IX – начала X вв. (Рис. 34) мощностью 0,60 м, представлен довольно плотным, гуммированным суглинком темно-коричневого цвета.

К слою относились кладки 101, 101а, 101в (фундамент стены) и вымостки 102, 103, 103а, 103в, 103с, 103д, 103е, кладки 156, 158, 188, 189, 170, 170а, 202, 203, 219 и развалы кладок или вымосток 157, 160, 160а, 160б.

Кладка 101 открыта на площади III на глубине 0,93 м. Длина сохранившейся кладки 1,44 м, ширина 0,84 м. Сохранилось два ряда камней высотой 0,32 м. Состояла из крупных камней известняка неправильной формы с частичной обработкой граней. Имела направление по линии восток-запад.

Между двумя рядами камней – забутовка из мелких камней.

Кладка 101а, открытая на глубине 0,98 м, являлась продолжением кладки 101 с небольшим разрывом (0,50 м). Подходила под прямым углом к кладке 101 с севера, образуя угол помещения. Состояла из двух камней известняка различной величины. Длина 0,60 м, ширина 0,25 м, высота 0,20 м.

Кладка 101b, обнаруженная на глубине 0,98 м, была сложена «ёлочкой» из камней известняка небольших размеров (0,28x0,08 м и др.).

Вымостка 102 открыта на глубине 0,82 м на площади III. Состояла из булыжника и плитняка, была выложена в один ряд и имела неровную поверхность. Представляла собой небольшую узкую площадку длиной 0,95 по линии север-юг. Ширина 0,30 м, толщина 0,10.

Вымостка 103 из мелких камней бута и булыжника была обнаружена на глубине 0,86 м, в западной части площади I. Имела неправильную форму, была слегка наклонена к северу. Сохранилась в длину на 1,80 м. Ширина 0,90 м, толщина 0,15-0,18 м. Поверхность очень неровная, в некоторых местах, где вымостка была повреждена, камни торчали острыми углами. Размеры отдельных камней 0,10x0,11x0,18 м. Камни лежали плотно, в один слой, местами в два.

Вымостка 103а, открытая на глубине 0,86 м, представляла собой часть вымостки 103. Располагалась на 1 м к востоку и была аналогична ей по структуре. Имела длину 0,80 м, ширину 0,70 м, толщину 0,10-0,30 м. У ее края находилось несколько больших камней известняка размерами 0,50x0,33x0,24 м, 0,37x0,29x0,14 м, 0,24x0,26x0,28 м и пр. Эти камни, вероятно, принадлежали развалившейся кладке.

Вымостка 103b была обнаружена в северо-восточной части площади I. Представляла собой небольшую площадку длиной 0,80 м, шириной 0,20 м, толщиной 0,15-0,25 м.

Вымостка 103с открытая на глубине 0,80 м, аналогична вышеописанным, уходила в восточный борт площади I. Выступала из борта в виде небольшой площадки длиной 0,82 м, шириной 0,53 м, толщиной 0,20 м.

Вымостка 103d находилась на глубине 0,87 м. Открыта в центральной части площади I. Имела неправильную форму: длину 1,50 м, ширину 0,70 м., толщину 0,15-0,25 м.

Вымостка 103е аналогична предыдущим. Имела в длину 0,76 м, в ширину 0,50 м.

Таким образом, в слое был открыт угол здания и отдельные части большой каменной мостовой.

Кладка 156 (Рис. 34.1) открыта на глубине 0,45-0,52 м на площади V, ориентирована с севера на юг. Длина 2,45 м, ширина 0,90 м, высота 0,25-0,38 м. Выложена «ёлочкой». Состояла из плотно лежащих в один, местами в два ряда мелких камней и булыжника размерами 0,44x0,20x0,13 м, 0,22x0,06x0,24 м, 0,14x0,20x0,06 м и пр. Среди камней встречались осколки плитняка.

Кладка 158 прослежена под прямым углом к кладке 156, на глубине 0,51 м. Проходила по линии запад-восток, вдоль южного борта площади V. Длина кладки 9,42 м, ширина 0,96 м, высота 0,06 м. Состояла из мелких камней бута, плитняка и булыжника, лежащих в один или два ряда.

Вероятно, кладки 156 и 158 представляли собой фундаменты одного помещения, к которому относились и группы камней 157, 160, 160а и 160b (возможно, развалы фундаментов поперечных стен, параллельных кладке 156).

Развал 157 располагалась к востоку от кладки 156, на глубине 0,24 м. Представлял собой группу камней известняка и песчаника, лежащих в один-два ряда. Размер занимаемой площади: длина 1,20 м, ширина 0,95 м. Толщина 0,06 м.

Развал 160 располагался в восточной части площади V на глубине 0,65-0,72 м. Состоял из отдельно лежащих камней плитняка и песчаника. Занимаемая площадь в длину 5,20 м, в ширину 1,20 м. Толщина 0,07 м.

Развалы 160а и 160b находились к северу от развала 160 на том же уровне и представляли собой составные части развала 160.

Развал 160а представлял группу из шести камней, занимающих площадь 0,80 м в длину и 1 м в ширину; толщиной 0,20 м.

Развал 160b – группа из двух камней, лежащих отдельно и занимающих площадь длиной 0,80 м, шириной 1 м; толщиной 0,08 м.

По всей видимости, эти кладки являлись остатками фундаментов стен какой-то большой постройки. При этом, возле кладки 156 и развала 157 были обнаружены три камня с выдолбленными в середине углублениями, которые служили базами деревянных столбов.

Кроме того, был найден камень в форме стрельчатой арки с четырехугольным отверстием в средней части и плоским основанием (Рис. 136.4).

Развал 170 открыт на площади VI на глубине 0,81 м. Представлял собой группу из трех камней известняка, поставленных на ребро («ёлочка»). Размеры камней 0,17х0,13х0,19 м и пр. Камни занимали в длину 0,67 м, в ширину 0,15 м; высота 0,67 м. Развал являлся остатками фундамента саманной стены, ориентированной с севера на юг.

Группа камней 170а открыта на глубине 0,78 м, занимала площадь 0,66х0,30 м. Толщина залегания 0,10 м. Вероятно – развал кладки.

Группа камней 188 (Рис. 34.2) открыта на глубине 1,01 м на площади IV. Состояла из камней известняка и булыжника средних размеров (0,22х0,44х0,07 м, 0,19х0,14х0,11 м и пр.), лежащих в один ряд «ёлочкой». Занимаемая площадь имела форму буквы “Т” длиной 1,06 м, шириной 1,45 м. Толщина 0,06 м.

Кладка 189 открыта на глубине 1,24 м и представляла собой фундамент стены, проходящей с ССЗ на ЮЮВ вдоль восточного борта площади IV. Длина 1,80 м. Сложена из камней известняка и булыжника различной величины и формы, шириной 0,60-0,68 м. Наряду с камнями неправильной формы, имелись разбитые правильные квадраты. Размеры камней 0,47х0,27х0,09 м, 0,24х0,32х0,14 м, 0,18х0,11х0,07 м. Сохранился один ряд кладки и два ряда в средней части. Кладка имела два панциря с забутовкой между ними. Камни панциря выложены «ёлочкой». На северном окончании кладка 189 под прямым углом поворачивала на восток, длиной 0,97 м. Таким образом, это угол здания, к которому, вероятно, относились вымостки 101, 101а, 101b и 101с. При сооружении здания, к которому относилась кладка 189, были использованы более древние постройки слоев VII – середины IX вв.

С севера под кладку 189 подходило несколько камней кладки слоя VIII – середины IX вв. на том же уровне, что и кладка 190. Под прямым углом к кладке 189 с запада подходила кладка 191 слоя VII – начала VIII вв., очень хорошей сохранности, продолжавшая существовать в VIII – начале X вв. по-видимому, использованная для здания со стеной 189.

Кладка 202 открыта на глубине 1,27 м. Представляла собой группу камней в северо-западном углу площади VII. Вытянута с ССВ на ЮЮЗ, длиной 1,70 м, шириной 0,75 м, высотой 0,20 м. Кладка состояла из беспорядочно лежащих в один ряд на разных уровнях камней известняка неправильной формы, размерами 0,23х0,15х0,14 м.

Кладка 203 представляла собой группу беспорядочно лежащих камней, открытых на глубине 1,40 м. Камни известняка и булыжника мелких размеров (0,15х0,20 м, 0,07х0,22 м). Размеры занимаемой площади: 2,75 м в длину, 1 м в ширину.

Группа камней 219 открыта на глубине 1,15-1,30 м в юго-западном углу площади VII. Камни известняка и булыжника. Возможно, развал вымостки. Среди камней неправильной формы (0,13х0,1 м, 0,22х0,18 м) имелась одна плита правильной формы (0,35х0,24х0,014 м). Камни залегали в один-два ряда и имели ровную поверхность.

Большое количество камней, кусков сырца и цемянки, среди находок слоя в рыхлом грунте свидетельствовали о выбранных кладках. Находки мелких скоплений сырца – остатки разрушившихся сырцовых стен.

Находки представлены сильно измельченной керамикой, с известковым налетом: фрагменты амфор, лепных и гончарных горшков, лощеной посуды, каменное грузило с просверлиной, фрагмент зернотерки, круглое грузило с клеймом; из перекопов происходила поливная керамика, фрагмент турецкой курительной трубки. Большое количество костей животных: крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, кости рыб, раковины мелких моллюсков, шип ската.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. (Рис. 34) толщиной 0,50 м был представлен средней плотности, сухим, гуммированным суглинком коричневого цвета, с мусорными включениями обломков сырца, угля, камней, камки. Местами слой нарушен ямами. Глубина слоя 0,95-1,37 м.

Этот слой также представлен значительными остатками построек. Множество случайных камней, куски сырца, перерытый грунт свидетельствуют о разрушенных строениях и выбранных кладках.

Архитектурные остатки представлены кладками и группами камней 104, 190, 209, 159, 161, 161а, 162-165, 166, 166а, вымостками 114, 171, 171а, 174, 176, 178, развалом кладок 177 и 211.

Кладка 104 открыта на глубине 1,30 м. Представляла собой узкую и длинную группу камней выложенных «ёлочкой», ориентированную с севера на юг, длиной 3,95 м, шириной 0,58 м, толщиной 0,08-0,10 м. Камни неправильной формы, уложены в два ряда; размеры камней 0,23х0,16х0,06 м и пр.

Вымостка 114 находилась под вымосткой 103 последующего слоя. Открыта на глубине 1,14 м, имела форму неправильного четырехугольника длиной 1,60 м, шириной 0,80 м, толщиной 0,20-0,22 м. Поверхность

неровная. Вымостка была сложена из бутовых камней средней величины (0,11x0,07x0,12 м и пр.), плотно уложенных в один, иногда в два слоя.

На площадях II и III было обнаружено по мусорной яме.

Кладка 159 обнаружена на глубине 0,37-0,42 м (подошва – 0,97-1,02 м) в центре площади V, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Представляла собой часть стены, выложенной из средней величины камней известняка, булыжника и сланца, внизу более массивных, вверху более плоских. Камни были уложены в три яруса «ёлочкой» и в два панциря с забутовкой посередине. Длина кладки 1,30 м, ширина 0,78-0,80 м, высота 0,60-0,65 м. Размеры отдельных камней 0,24x0,19x0,10 м; 0,25x0,21x0,13 м и пр.

От нижнего яруса кладки 159 отходила к югу группа из нескольких небольших камней 163. Камни неправильной формы (плитняк, известняк и булыжник), лежащие в один ряд и образующие неправильную фигуру. Обнаружены на глубине 0,90 м (подошва – 1,02 м). Длина кладки 0,50 м, ширина 0,50 м, высота 0,06 м.

Продолжением кладки 159 являлся и развал камней 164, открытый на глубине 1,04 м (подошва – 1,04 м) и уходящий под кладку 158 вышележащего слоя. Развал камней известняка и булыжника неправильной формы, лежащих беспорядочно в один, местами два ряда. Камни занимали площадку длиной 0,70 м, шириной 0,75 м, высотой 0,05 м.

Под прямым углом к продолжению основания кладки 159, с севера от кладки 158, подходила кладка 162. Глубина ее залегания 0,91 м (подошва – 1,16 м). Длина 1,60 м, ширина 0,25 м, высота 0,23 м. Кладка состояла из довольно крупных камней известняка размерами 0,13x0,23x0,27 м и пр., торцами наружу, лежащих с небольшим наклоном на восток. Вероятно, кладка 162 представляла собой стену того же помещения, к которому относилась кладка 159. Таким образом, под зданием слоя конца IX – начала X вв. было обнаружено здание слоя VIII – середины IX вв.

Параллельно кладке 159, к западу от нее, были расположены группы камней 161 и 161а – возможно, что они представляли собой остатки стены того же помещения.

Группа из довольно мелких, бутовых камней 161 (размеры 0,16x0,12x0,50 м и пр.) беспорядочно лежавших в один слой около кладки 156, занимающие площадку длиной 0,90 м, шириной 0,20 м, толщиной 0,20 м. Глубина залегания от поверхности 0,75 м (подошва 0,95 м).

Группа камней 161а находилась на расстоянии 0,16 м от группы камней 161. Состояла из мелких бутовых камней известняка и булыжника, лежащих беспорядочно, в один ярус. Камни занимали площадь длиной 0,50 м, шириной 0,35 м, толщиной 0,20 м. Глубина залегания от поверхности 0,76-0,78 м (подошва – 0,96-0,98 м).

Группа камней 166 и 166а являлись остатками развала кладок, связанных с помещением 159-162.

Группа камней 166 выступала к северу из-под кладки 158. Состояла из трех больших камней булыжника и известняка различной формы, размерами 0,35x0,32x0,06 м и 0,23x0,22x0,15 м. Камни занимали площадь 0,89 м, шириной 0,35-0,22 м. Глубина залегания от поверхности 0,94 м (подошва – 1,06 м).

166а – большой плоский камень, лежащий на уровне группы камней 166. Это известняк, длиной 0,40 м, шириной 0,25 м, высотой 0,12 м.

Группа камней 165 находилась между кладкой 158 и южным бортом площади V. Была раскрыта только на поверхности и состояла из бутовых камней и булыжников. С запада к ней примыкала большая плита, уходящая в нераскопанный борт. Глубина залегания – 0,80 м. Вскрытая площадь 1,65 м, длина 1,40 м, ширина 0,25 м.

В средней части площади VI обнаружена вымостка 171, занимающая площадь длиной 1,20 м, шириной 0,40 м, залегающая на глубине 0,90 м (подошва – 1,05 м). Состояла из камней булыжника и известняка неправильной формы и различной величины (размеры 0,20х0,23х0,08 м; 0,13х0,12х0,08 м), лежащих очень скученно. В промежутках между камнями встречались мелкие фрагменты керамики. Толщина вымостки 0,15 м.

В северо-западном углу площади VI находилась вымостка 171а – по всей вероятности – разрушенная часть вымостки 171. Это группа разбросанных и мелких камней, занимающих площадь длиной 0,65 м, шириной 0,65 м, толщиной 0,10-0,15 м. Глубина залегания 0,95 м.

Вымостка 174 находилась у северного борта площади VI и состояла из средних размеров булыжника и известняка и крупных фрагментов амфор. Размеры камней 0,14х0,12х0,12 м и пр. Вымостка залегала довольно ровной площадкой длиной 1,10 м, шириной 1,0 м. Толщина 0,10 м, глубина 1,04 м (подошва – 1,14 м). Имела небольшой наклон на северо-запад, в сторону глубокой мусорной ямы на площади III.

Вымостка 176 находилась у южного борта площади VI. Аналогична вымостке 174. Состояла из одного слоя камней известняка и булыжника, между которыми встречались фрагменты керамики. Занимала площадь 0,70х0,45 м. Толщина 0,10 м, глубина залегания 1,07-1,17 м.

Вымостка 178 располагалась в северо-западном углу площади VI и уходила в западный борт. Состояла из камней известняка, булыжника и фрагментов керамики. Площадь занимаемая вымосткой имела длину 1,0 м, и ширину 0,60 м.

Так как вышеописанные вымостки аналогичны по структуре и залегали на одном уровне, то можно считать, что они являлись остатками одной большой мостовой, может быть двора, примыкающего к зданию, вскрытому на площади V.

Развал кладки 177 занимал площадь длиной 1,0 м, шириной 0,80 м и находился на глубине 1,12 м (подошва – 1,22 м). Состоял из камней мелкого бута, известняка и булыжника. Камни лежали на разной высоте на расстоянии нескольких сантиметров один от другого, между ними находились фрагменты керамики. Толщина залегания 0,10-0,12 м.

Кладка 190 (Рис. 34.2) открыта на площади IV на глубине 1,31-1,60 м (подошва – 1,79 м). Она проходила через площадь, в направлении с севера на юг. Ее длина составляла 2,11 м, ширина 0,56-0,58 м, высота 0,14-0,36 м. Эта кладка представляла собой фундамент саманной стены и состояла из двух ярусов камней. Нижний ярус представлен массивными камнями известняка, кварцита, песчаника и мраморовидного известняка средней величины

и формы (размеры 0,38x0,35x0,14 м; 0,20x0,24x0,04 м и пр.), положенных наклонно, в виде двух панцирей, между которыми находился бут. От верхнего яруса сохранился только один ряд мелких камней известняка и песчаника, размерами 0,18x0,15x0,09 м и др., неправильной формы, довольно плоских, с наклоном к югу.

В прирезке к площади IV была обнаружена группа камней 209 (Рис. 34.2), состоящая из камней плитняка, известняка и булыжников, размером 0,17x0,21x0,08 м и др., лежащих нерегулярно на различных уровнях. Камни занимали площадь 3,20 м длиной, 0,68 м шириной. Их поверхность открыта на глубине 1,10 м. Группа камней уходила в борт нераскопанной площади.

Развал кладки 211 открыт в средней части площади VII. Представлял собой группу камней, беспорядочно лежащих, иногда наклонно, частично налегающих друг на друга. Материал – известняк, песчаник, булыжник, размерами 0,21x0,19x0,05 м; 0,16x0,08x0,05 м и др. Глубине залегания 1,75 м (подошва – 2,0 м). Размеры занимаемой площади: 1,0x1,0 м.

Среди находок в слое присутствуют фрагменты амфор, лощеных сосудов, черепицы. Отмечены: грубый светильник и каменный светильник. Под развалом кладки 211 обнаружены фрагменты меча (?). Встречены кости лошадей, коровы, овцы, свиньи, птицы, рыб.

Слой начала VII – начала VIII вв. (Рис. 35) толщиной 0,30 м, представлен гуммированным суглинком черно-серого цвета. Подошва слоя открыта на глубине 1,40-1,74 м (1,98 м на площади IV).

В слое обнаружены архитектурные остатки: части одного помещения С (площадь I): кладки 106, 105, 105а, 107, вымостка 108 и кладка 110 и завал камней 110а; часть жилого комплекса на площади IV – кладки 191, 201, цемянковый пол 239, вымостка 213 и пифос; а также разрозненные объекты на площадях V-VII: кладки и их развалы 167, 168, 173а, 181, 182, 238 и вымостки 169, 235.

Кладка 106 открыта на глубине 1,60 м на площади I. Была ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. В восточной части кладки сохранился один ряд камней, в западной – три. Сложена на грязи из больших, неправильной формы камней известняка. В каждом ряду лежало по два больших камня, между ними – забутовка из мелких камней. Длина сохранившейся части кладки 1,75 м, ширина 0,70-0,75 м, высота 0,30-0,60 м. Восточная часть кладки уходила под вымостку 103.

Кладка 105 открыта на глубине 1,40 м в северо-восточной части площади II. Подошва кладки лежала на слое глины толщиной 0,30-0,35 м. Была ориентирована с ССЗ на ЮЮВ и под прямым углом пересекалась с направлением кладки 106. Сложена на грязи из шести крупных камней известняка, уложенных в один слой. Три из них представляли собой приближающиеся к квадратам блоки с плохо отесанными сторонами; другие три камня стесаны только с наружной стороны. Камни положены по два, посередине между ними – мелкие бутовые камни. Длина кладки 0,95 м, ширина 0,80 м, высота 0,20-0,30 м.

Кладка 105а находилась на глубине 1,50 м в северо-восточной части площади I. Состояла из трех камней: большого блока песчаника стесанного

с двух наружных (северной и восточной) сторон (длиной 0,70 м, шириной 0,65 м, высотой 0,24 м) и небольших камней размерами 0,30x0,28x0,18 м и 0,35x0,08 м. Длина кладки с востока на запад 0,95 м, с севера на юг 0,60 м, высота 0,20 м.

Кладка 107 сохранилась очень плохо. Она была обнаружена у западного борта площади II на одном уровне с кладками 106, 105 и 105а. Состояла из четырех камней известняка неправильной формы со стесанными сторонами, уложенными в один слой. Ориентирована с ССВ на ЮЮЗ. Ее направление под прямым углом пересекалось с направлением кладки 105. Вероятно кладка 107 являлась остатками южной стены помещения С.

Кладка 110 и завал камней 110а, располагавшиеся в средней части площади I между кладками 106 и 105, 105а, имели довольно неопределенный характер. Частично они представляли собой развал постройки, частично вымостку – вероятно настил под полом помещения С.

Кладка 110 залегала под кладкой 104 последующего слоя, на глубине 1,40 м. Имела форму довольно неровной площадки и состояла из одного слоя камней плитняка, булыжника и бута, лежащих на одном уровне или близко друг к другу, или отдельно. Размеры камней 0,31x0,12x0,11 м; 0,11x0,19x0,01 м; 0,38x0,25x0,10 м; 0,15x0,10x0,05 м и пр. Длина кладки 0,50 м, ширина 0,20 м, толщина 0,12-0,46 м.

Завал камней 110а представлял собой развал кладки северной стены помещения С. Был открыт на глубине 1,30-1,40 м. Длина завала с запада на восток 3,96 м, самая широкая часть 0,85 м, самая узкая 0,15 м, высота 0,15 м. Завал состоял из беспорядочно лежащих отдельных камней различной величины (0,32x0,29x0,15 м; 0,19x0,15x0,10 м и пр.), мелкого бута и отдельных булыжников. Камни лежали разрозненно или один около другого, примыкая непосредственно к камням кладок 106 и 105а.

К северо-восточному углу помещения С примыкала находившаяся вне здания вымостка 108, расположенная на глубине 1,19 м в юго-восточном углу площади I и уходившая в ее восточный борт. Вымостка ровная, с небольшим уклоном к югу, очень плотная, лежала на глиняном подстиле светло-желтого цвета (как и кладка 105). Состояла из плоского мелкого щебня. Длина вымостки 1,66 м, ширина 1,26 м, толщина 0,09 м.

Таким образом в слое открыты северная, восточная и южная стены помещения С, дающие возможность определить его размеры: с севера на юг 5,75 м, с востока на запад 4,80 м. Особенностью кладки помещения С являлось то, что грунт под ним был укреплен глиняным настилом (светло-желтого цвета), толщиной 0,10-0,12 м. Это настил был обнаружен под кладками 105 и 107 и под вымосткой 110.

Общий характер остатков стен помещения С, выложенных из камня, слоя начала VII – начала VIII вв., существенно отличается от фундаментов саманных стен слоев второй четверти VIII – начала X вв. Ориентировка стен всех трех слоев совпадала.

Между кладками 106 и 105, у северного борта площади I, на глубине 1,5 м было расчищено погребение 1 (см. Глава III). Судя по положению, погребенный умер насильственной смертью.

Кладка 191 проходила через площадь IV с ЗЮЗ на ВСВ под прямым углом к кладке 189; ее западный конец выходил на площадь VII. Кладка открыта на глубине 1,40 м (подошва – 2,16 м). Имела длину 3,95 м, ширину 0,70-0,88 м, высоту 0,76 м. Сохранились 4 яруса кладки, выложенной двумя панцирями с забутовкой между ними. Западный конец кладки сильно разрушен. Кладка сложена из камней известняка, песчаника и булыжника различной величины (размеры 0,31x0,26x0,09 м; 0,43x0,20x0,17 м и пр.). Камни панциря выложены «ёлочкой»: в нижнем ярусе (фундамент) с наклоном к востоку, во втором ярусе (низ цоколя) – к западу, в третьем (верх цоколя) – к востоку. Четвертый ярус сильно поврежден. В западной части стены имелся дверной проем, проходящий через всю ширину стены; его длина с востока на запад 0,75 м, ширина равна ширине стены – 0,88 м. Проем разрезал стену до нижнего яруса кладки так, что поверхность нижнего яруса являлась порогом прохода. Сохранилось боковое обрамление прохода в виде двух плит с восточной стороны, размерами 0,30x0,24x0,18 м; 0,40x0,27x0,15 м и с западной стороны в виде одной плиты размером 0,44x0,31x0,09 м. В порог прохода в северо-западном углу был вставлен грубо отесанный камень правильной формы с выдолбленным углублением; камень размерами 0,41x0,27x0,10 м; диаметр отверстия 0,15 м. Камень служил для упора деревянного столба, на который вешалась дверь (или штыря последней). Плиты, обрамлявшие проход у его южного края были вертикально стесаны и имели выемку, глубиной 0,04 м, возможно, для дверной рамы.

У западной части кладки 191, с юга, примыкал кусок цемянкового пола 239, открытого на глубине 1,83 м – по всей вероятности это пол внутреннего помещения, возможно, дворика. Протяжение пола с запада на восток 1,10 м; с севера на юг 1,50 м. Состоял из цемянки, наложенной на слой очень мелких камней, под которыми прослеживались мелкие фрагменты керамики, кусочки сырца и кости.

У восточной стороны кладки 191 находился углубленный в землю пифос, связанный с этим же комплексом. Пифос был накрыт каменной плитой длиной 0,75 м, шириной 0,40 м, толщиной 0,03 м, которая плотно лежала на краях пифоса и была примазана раствором. Пифос средневековый, изготовлен из оранжево-красной глины, поверхность покрыта мелким рифлением в виде параллельных полосок, идущих в разных направлениях и пересекающихся. Высота пифоса 0,80 м, диаметр 0,73 м, с широким отверстием без ободка и с заточенными краями. Вероятно это половина пифоса, использованная как чан. Пифос был укреплен при помощи раствора на разбитом дне другого пифоса больших размеров, который подпирался тремя камнями. На дне пифоса обнаружено большое количество засохшего цемянкового раствора.

Кроме этого комплекса на площади IV открыт развал кладки 201, находящийся к северу от кладки 191 и имеющий параллельную ориентировку с ЗЮЗ на ВСВ. Развал состоял из трех больших камней известняка неправильной формы, размерами 0,27x0,27x0,12 м; 0,35x0,31x0,09 м. Между ними – мелкие камни. Глубина залегания 1,83 м (подошва – 2,06 м). Занимаемая площадь длиной 0,70 м, шириной 1,52 м, толщиной 0,23 м.

На прирезке к площади IV была обнаружена часть каменной вымостки в виде выкладки 213, имеющей размеры 0,60x0,48 м, толщиной 0,05 м. Она состояла из тщательно уложенных с небольшими промежутками в 1-2 см камней, из которых 5 – камни плитняка и 1 блок известняка (размеры 0,25x0,25x0,05 м; 0,18x0,10x0,05 м и пр.). Глубина залегания 1,43 м.

Развал мощного фундамента 167 открыт на площади V. Представлял собой тесную группу камней, лежащих вытянуто с ССЗ на ЮЮВ, длиной 4,0 м, шириной 0,83 м. Среди камней встречены большие глыбы (длиной 0,65 м, шириной 0,43 м, высотой 0,30 м). Между крупными камнями залежали камни меньших размеров и совсем мелкие. Камни лежали с наклоном к востоку. Глубина залегания 1,16 м (подошва – 1,36 м). Развал подходил под тупым углом к кладке 168, вероятно являясь развалом фундамента того же здания.

Кладка 168 открыта в восточной части площади V, проходила с запада на восток. Состояла из одного яруса камней известняка неправильной, но приближающейся к квадратам формы; наружная сторона камней стесана. Кладка имела два панциря, в середине – мелкий бут. Размеры отдельных камней: 0,33x0,22x0,23 м и др. Длина кладки 2,0 м, ширина 1,30 м, высота 0,10-0,60 м. Подошва открыта на глубине 1,55 м.

На площади V также открыт фрагмент черепяной вымостки 169, выступающий к востоку из-под группы камней 165. Вымостка состояла из средней величины фрагментов керамики. Глубина залегания подошвы 1,25 м; толщина 0,06 м.

В средней части площади VI был открыт развал кладки 181, залегающий на глубине 1,40 м (подошва – 1,55 м). Общая площадь развала 0,60x1,20 м, толщина 0,30 м. Развал состоял из камней известняка и битого плитняка средней величины, размером 0,07x0,12x0,05 м и др. Камни залежали неровно, в случайном расположении на различных уровнях. При разборе завала, между камнями, обнаружено много костей животных, куски сырца и керамики.

Около западного борта площади VI открыта группа камней 182, состоящая из трех отдельных небольших булыжников, лежащих на различных уровнях в случайном расположении. Размеры булыжников: 0,10x0,08 м др. Площадь занятая камнями: 0,205x0,20 м. Глубина залегания 1,55 м (подошва – 1,75 м).

На площади VII, у южного борта, на глубине 1,50 м (подошва 1,68 м) открыта группа 238 из четырех камней известняка, неправильной формы, размерами 0,22x0,16x0,10 м; 0,15x0,14x0,11 м и др. Один из камней небольших размеров имел выдолбленное отверстие. Камни занимали площадь длиной 0,44 м, шириной 0,46 м. Толщина залегания 0,10-0,11 м.

Вымостка 235 состояла из нескольких плоских камней известняка, залегающих ровной поверхностью. Открыта на глубине 1,30 м (подошва – 1,42 м) и занимала площадь длиной 0,34 м, шириной 0,20 м. Толщина вымостки 0,12-0,18 м. Размеры камней 0,30x0,18x0,06 м; 0,20x0,11x0,06 м и пр.

Находки в слое смешанные, так как он был поврежден ямами. Фрагмен-

ты керамики измельченные и средние. Характерна кухонная керамика, встречались фрагменты средневековой черепицы с клеймами, фрагменты амфор и лощеной керамики. Из находок особо следует отметить железный замок, светильник из камня, фрагменты глиняного светильника, грузило. Много костей животных – коровы, овцы, лошади.

Слой второй четверти – третьей четверти VI в. (Рис. 35) открыт на глубине 1,75-2,20 м. Грунт гуммированный, светло-коричневого цвета, неровной плотности и влажности, мусорный, с включениями сырца и золы, а также камки, ракушек мидий, мелкого бута и костей животных. Слой нарушен более поздними ямами. Толщина слоя 0,50-0,60 м.

К слою относились кладки 109, 173, 179, 180, 183, 200, 214, 241, глинобитное сооружение 172-175, печи 199, 212.

Кладка 109 открыта на площади II на глубине 2,10-2,20 м. Ориентирована с севера на юг. Сохранилась в длину на 2,15 м, в ширину на 0,61-0,70 м, в высоту на 0,14-0,22 м. С запада сохранился один ряд небольших камней кладки «ёлочкой», с востока – два ряда крупных камней известняка размерами 0,14x0,23x0,21 м; 0,22x0,30x0,17 м и пр. Поверхность кладки неровная; имела вид широкой «дорожки», немного искривленной и загибающейся с востока на запад в северном конце. Кладка 109, разделяющая остатки дома слоя VI–VII вв., ориентирована с незначительным отклонением от направления стен последующего слоя.

Кладка 200 (Рис. 35.1) находилась посреди площади IV. Она ориентирована с ССЗ на ЮЮВ и почти повторяла направление лежавшей над ней кладки 190, лишь немного отклоняясь на запад в северном конце. Кладка 200 открыта на глубине 1,10 м (подошва – 1,35 м). Длина ее 1,50 м, ширина 0,50-0,77 м, высота 0,48 м. Сложена в два яруса «ёлочкой», имела два панциря и забутовку между ними. У восточного панциря сохранилось два яруса, у западного – нижний ярус и часть верхнего. В северном конце кладка шире чем в южном, вероятно, камни расползлись. Кладка выложена из камней известняка, булыжника и песчаника различной величины и формы, размерами: 0,28x0,35x0,12 м; 0,28x0,31x0,05 м; 0,13x0,07x0,09 м; 0,17x0,07x0,02 м и пр.

В северо-восточной части площади IV была обнаружена развалившаяся печь 199 (Рис. 35.2), представлявшая собой завал полуобожженных сырцов, расположенных беспорядочно, тесной группой. Площадка, занимаемая разрушившимися сырцами, представляющая под печи – 1,40x1,20 м. Толщина залегания сырцов 0,36-0,48 м. Глубина залегания 1,75 м (подошва – 2,10 м). Сырцы фрагментированы, часть их – обгорелые. Прослеженная длина 0,33 м, толщина 0,05 м.

Вторая печь 212 была обнаружена у северо-восточного угла площади VII. Печь также представляла собой завал полуобожженных сырцов. Занимаемая площадь 0,96x0,30 м. Глубина залегания 1,12 м (подошва – 1,75 м). Скопления сырца лежали неравномерно отдельными группами. Основная группа – у северного борта, состояла из двух крупных фрагментированных сырцов, стоящих наклонно, сужаясь к низу, размерами 0,30x0,20x0,04 м и 0,26x0,24x0,03 м. Расстояние между ними вверху 0,85 м, внизу 0,44 м.

Вероятно эти сырцы сохранили диаметр печи.

С запада к завалу сырца примыкал тонкий жернов диаметром 0,45-0,50 м, толщиной 0,03-0,07 м. Отверстие диаметром 0,05 м. Жернов стоял почти вертикально, с небольшим наклоном к востоку.

С востока к печи 212 примыкали кладки 214 и 214а (Рис. 35.3), проходящие с ССЗ на ЮЮВ. Кладки лежали на глубине 1,88 м (поверхность 2,13 м). Кладка 214 имела длину 1,54 м, ширину 0,41 м, высоту 0,25 м; 214а – длину 0,48 м, ширина и высота аналогичны. Расстояние между кладками 0,72 м. Кладки имели два яруса камней, уложенных в два панциря с забутовкой между ними. Камни – известняк и булыжник (размеры: 0,16х0,10х0,08 м; 0,12х0,17х0,06 м и др.), поставленные на ребро, в нижнем ярусе с наклоном к северу, в нижнем – к югу. Кладки являлись остатками дверного прохода, который с северной стороны был обрамлен стоящей на ребре плитой известняка, длиной 0,42 м (в ширину стены), высотой 0,34 м, толщиной 0,12 м. Данные остатки – часть хорошо сохранившегося внутреннего помещения дома.

Целый ряд сильно разрушенных сооружений открыт на площади V. По всей видимости здесь находилось сгоревшее глинобитное сооружение 172-175. От него сохранился завал сырца, занимавший площадь протяжением 5,75 м с востока на запад и 1,25-2,50 м с севера на юг. Глубина залегания от поверхности скоплений сырца в западной части 1,34 м, в восточной части 1,75 м; подошва на глубине 2,0 м. Сырец залегал широкими пластами приблизительно толщиной 0,04-0,25 м неровно; наибольшее скопление сырца открыто у обрыва. В прослойках сырца имелись разрывы, завал имел явные следы пожара, местами уголь и зола перемешаны с кусочками обгорелого сырца. Куски сырца и пятна сажи прослеживались в толщу грунта приблизительно на 0,80-0,90 м. В западной части завала сырец имел вид пола, в береговой и восточной части – завалившейся стены.

Кладки 173, 179 и 180 очень плохой сохранности, также открыты на площади V.

Кладка 173 ориентирована с ССЗ на ЮЮВ. Открыт на глубине 1,45 м (подошва – 1,90 м). Сохранилось три неполных яруса камней «ёлочкой» с двумя панцирями и забутовкой между ними. Камни известняка и песчаника различной величины и формы (размеры: 0,50х0,30х0,10 м; 0,30х0,10х0,20 м и др.). Длина кладки 1,85 м, ширина 0,60-0,70 м, высота 0,45 м.

Кладка 179 представляла собой развал стены (или двух смежных стен) и ее ориентировка совпадала с направлением кладки 173 – вероятно они относились к одному помещению. Кладка 179 состояла из камней плитняка, известняка и песчаника, лежавших в двух горизонтах (две смежные стены?), некоторые из камней располагались *in situ* плашмя, другие перевернуты. Размеры отдельных камней: 0,30х0,22х0,04 м; 0,25х0,21х0,05 м и др.

Фрагмент кладки 180 находился на одном уровне с кладкой 173, возможно, являясь ее продолжением. Сохранился один ярус камней в один ряд длиной 0,86 м, шириной 0,15 м, высотой 0,19 м, ориентированный с севера на юг. Камни – известняк, булыжник, мрамор, размерами: 0,20х0,15х0,05 м; 0,20х0,16х0,07 м и пр. К востоку от этого ряда камней сохранилось несколько камней бута.

Кладка 183 у южного борта площади VI имела направление ЗЮЗ-ВСВ. Открыта на глубине 2,07 м (подошва – 2,27 м). Имела длину 2,0 м, ширину 0,5 м, высоту 0,20 м. Состояла из одного яруса крупных и мелких камней известняка, булыжника и песчаника неправильной формы (размеры: 0,35x0,15x0,20 м и пр.). Некоторые камни имели следы грубой обработки. Камни были тщательно пригнаны один к другому. Камни лежали горизонтально. Подошва кладки неровная, по форме камней.

Кладка 241 открыта на площади VII и находилась непосредственно под кладкой 214 (ниже подошвы на 0,20 м), с небольшим отклонением северного конца к западу. Открыта на глубине 2,25-2,35 м (подошва – 2,35-2,45 м). Кладка имела один ярус камней, при этом восточный панцирь опустился на 10 см ниже западного, сохранившегося хуже. Между панцирями, выложенными из мелких камней известняка и булыжника приблизительно равной величины (размеры 0,20x0,10x0,16 м; 0,13x0,10x0,09 м и пр.) бут не сохранился. Длина кладки 1,28 м, ширина 0,58 м, высота 0,10 м.

Находки слоя имели смешанный характер. Гораздо больше, чем в последующих слоях встречается античной керамики. Среди костей животных кроме крупного рогатого скота, встречены кости лошади, овцы, мелкого грызуна, птиц и рыб.

Слой V – начала VI вв. (Рис. 36) открыт на глубине 2,04-2,64 м. Грунт – гуммированный суглинок серо-коричневого цвета, неравномерной плотности и цвета, мусорный, перерытый. Включения угля, золы, цемянки. Толщина слоя 0,20 м.

В слое обнаружено значительное количество строительных объектов: кладки 111, 112, 115, 208, 228, группы камней 187, 192, 196, 204, 204а, 226, 229, вымостки 119, 119а, 184, 186, 227, 242, печи 118, 240.

Кладки 111, 112, 115 представляли собой стены одного здания, но различных помещений; кладки 111 и 112 – образовывали угол одного помещения D. Общий характер кладок одинаковый.

Кладка 111 открыта на глубине 2,35 м около северного борта площади II, под каменным завалом. Кладка ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. Сохранилась в длину на 3,75 м, в ширину 0,76 м, в высоту 0,40 м. Сохранилось три ряда небольших камней (0,30x0,26x0,10 м; 0,15x0,30x0,23 м и пр.) стесанных снаружи. В середине – забутовка.

Кладка 112 была связана в переплет с кладкой 111, подходящей к ней под прямым углом. Находилась на 0,18 м ниже стены 109 последующего слоя. Направления обоих кладок совпадало. Кладка 112 открыта на глубине 2,35 м. Ориентирована с ЮЮВ на ССЗ. Длина 3,30 м, ширина 0,54-0,60 м, высота 0,20 м. Сохранился лишь один ряд кладки. Состояла из больших камней известняка неправильной формы, стесанных снаружи и уложенных по два в ширину стены размерами 0,35x0,15x0,25 м; 0,22x0,25x0,20 м и пр. Между камнями находилась забутовка.

Кладка 115 открыта на глубине 2,20 м, возле восточного борта площади I. Ориентирована с ЮЮВ на ССЗ. Отступала от линии кладки 112 на 0,40 м к востоку. Длина 3,90 м, ширина 0,56-0,70 м, высота 0,50 м. Сложена из различной величины камней известняка и булыжника, размерами

0,43x0,33x0,30 м; 0,22x0,20x0,24 м и пр. Наружная сторона камней у всех стесана. Камни уложены по два в ширину стены, в середине стены забутовка. В северной части стены сохранилось три ряда кладки, в южной – два.

Вымостки 119 и 119а обнаружены на глубине 2,25 м, в средней части площади I, к востоку от кладки 115. Вымостка 119 занимала в длину 1,48 м (с севера на юг) и в ширину 0,95 м; 119а – в длину 1,74 м, в ширину 0,90 м. Камни лежали нерегулярно, на различной высоте, по одному, редко по два, на различном расстоянии один от другого, но все широкими плоскостями вверх. Отдельные группы имели ровную поверхность, производя впечатление развалившейся кладки. Большинство камней – крупный плитняк (0,43x0,27x0,05 м; 0,42x0,32x0,12 м и пр.), несколько известняков неправильной формы (0,30x0,26x0,20 м; 0,27x0,14x0,20 м и пр.), несколько булыжников и мелкого бута. Один из камней представлял собой половину плоского квадрата с пироном.

Печь 118 находилась у северного борта площади I. Длина печи с востока на запад 1,22 м, ширина с севера на юг 0,80 м. Обнаружена в разрушенном состоянии. Была выложена в яме и обложена камнями мелкого и крупного бута. В плане представляла собой полукруг, обращенный диаметром к северу. Нижняя часть печи – подстил, состоял из толстого слоя обломков крупных, частично обожженных сырцов толщиной 0,25-0,30 м. Подстил лежал на слое желтой сырой глины толщиной 0,02-0,04 м. С востока и запада, к углублению печи примыкали большие камни известняка. Камни с западной стороны сохранились в виде небольшой кладки шириной 0,64 м, длиной 0,75 м, высотой 0,45 м, по два больших камня в ширину кладки размерами 0,34x0,20x0,21 м; 0,35x0,22x0,12 м и пр. Между камнями – забутовка. С восточной стороны, сохранились только мелкие бутовые камни размерами 0,18x0,14x0,06 м; 0,15x0,10x0,11 м и пр., которые закруглялись вокруг печи. Внутри печи было обнаружено большое количество больших кусков сырца, золы и угля. Находки около печи сильно загрязненные.

Кладка 208 (Рис. 36.2) открыта около восточного борта площади IV. Ориентирована с ЗЮЗ на ВСВ. Открыта на глубине 2,82 м (подошва – 3,23 м). Имела длину 2,10 м, ширину 0,46 м. Кладка состояла из трех ярусов камней известняка и песчаника (размеры: 0,30x0,18x0,07 м; 0,24x0,12x0,09 м и пр.) и имела два панциря. Камни лежали плашмя, очень плотно, почти не оставляя места для бута. Нижний ярус выложен из более крупных камней размерами 0,40x0,35x0,13 м; 0,33x0,20x0,15 м и др. Восточный край кладки выходил на площадь III. На западном конце сохранился только один камень подошвы.

Группа камней 187 открыта в западной части площади V, неправильной формы. Длина 1,18 м, ширина 1,06 м, толщина 0,02-0,07 м. Открыта на глубине 2,50 м. Имела неровную поверхность и состояла из плотно лежащих небольших камней бута (известняка и булыжника) и мелких фрагментов керамики между ними. Размеры камней: 0,23x0,16x0,04 м; 0,20x0,10x0,03 м и пр.

Группы камней 204 и 204а представляли собой развал сооружения над винодельческими ваннами предыдущего слоя IV в.

Группа камней 204 уходила в южный борт. Открыта на глубине

2,6 м (подошва – 2,83 м). Занимала небольшую площадку 1,0x1,50 м и состояла из камней известняка и булыжника, залегающих неровно и на некотором расстоянии один от другого. Размеры камней: 0,12x0,14x0,03 м; 0,30x0,25x0,05 м и др.

Группа камней 204а находилась на одном уровне с предыдущей, в юго-западном углу площади V. Ее размеры 0,82x0,19 м. Она состояла из камней известняка лежащих на некотором расстоянии один от другого в один слой. Размеры камней: 0,50x0,28x0,07 м; 0,25x0,35x0,09 м и др.

В юго-восточном углу площади V была открыта черепяная вымостка 184, состоящая из плотного слоя мелких черепков, залегающих в среднем на 2-3 см. Площадь вымостки 1,0x1,2 м.

С севера под вымостку 185 подходил небольшой фрагмент такого же типа черепяной вымостки 185. Длина 0,50 м, ширина 0,55 м, глубина залегания 2,60 м.

Вымостка 186 располагалась в северо-восточной части площади V и состояла из измельченных черепков, галек и мелких камней и имела ровную плоскую поверхность. Открыта на глубине 2,85 м (подошва – 2,6 м). Подошва вымостки состояла из песка с дроблеными раковинами и измельченными черепками. Она занимала площадь длиной 5,12 м, шириной 3,25 м, толщиной 0,08-0,18 м. Вымостка 186 имела рваные края и сужалась до 1 м.

Группа камней 192 открыта у западного борта квадрата 6. Камни известняка и песчаника средней величины (размеры: 0,15x0,10x0,07 м; 0,28x0,13x0,11 м и пр.), плотно уложенные, с заполнением пустот между ними крупными и средними черепками амфор и толстостенных сосудов. Поверхность неровная. Толщина кладки 0,22 м, занимаемая площадь 0,60x0,68 м. Глубина залегания 2,40 м (подошва – 2,62 м).

Группа камней 196 уходила в южный борт площади VI. Имела характер кладки; состояла из крупных камней известняка, частично ракушечника, поверх которых лежали более мелкие камни неправильной формы и округлая крупная галька. Длина вдоль южного борта 2,54 м, ширина 0,80 м, глубина 2,42 м (подошва – 2,65 м).

Кладка 228 (Рис. 36.4) открыта на площади VII. Она немного сдвинута к западу по отношению к кладке 214 последующего слоя и почти совпала с нею по направлению. Кладка 228 имела хорошую сохранность, была выложена «ёлочкой». Открыта на глубине 2,5 м (подошва – 2,7 м). Сохранилось два яруса кладки, сложенной в два панциря с бутом между ними. В состав кладки входили камни известняка и плитняка неправильной формы, но приблизительно одинаковых небольших размеров (0,09x0,15x0,04 м; 0,09x0,10x0,12 м и др.). Один из камней правильной формы – параллелепипед 0,34x0,14x0,10 м. Камни поставлены на ребро, в нижнем ярусе с наклоном к северу, в верхнем – к югу. Между камнями – мелкий бут. Длина кладки 2,17 м, ширина 0,42 м, высота 0,20-0,25 м. В северной части кладки, над западным панцирем, сохранилась масса слежавшегося самана на протяжении 0,60 м, шириной 0,21 м, высотой 0,20-0,25 м. Саман сделан из гумусной земли. Это единственная сохранившаяся на месте часть саманной стены.

К западу от кладки 228 на глубине 2,34 м обнаружены остатки печи 240.

Они имеют вид кучи сырцов, каждый из которых представлял обломок большого плоского кирпича. 5 сырцовых кирпичей, расположенных по середине завала, по-видимому, являлись покрытием или стенками печи. Толщина этих сырцов 0,04 м. Размер завала 0,80х0,55 м. Зольная прослойка пода печи проходила на глубине 2,59 м или на 0,25 м ниже точки завала.

Таким образом, под комплексом «стена и печь» слоя второй четверти – третьей четверти VI в. находился аналогичный комплекс слоя V – начала VI вв. с сохраняющейся планировкой.

Группа камней 226 (Рис. 36.3) открыта у южного борта площади VII. Открыта на глубине 2,39 м (подошва – 2,67 м). Состояла из камней известняка, булыжника и песчаника неправильной формы и различных размеров (0,12х0,11х0,06 м; 0,13х0,13х0,06 м; 0,31х0,18х0,10 м и др.). Более крупные камни залегали внизу, выступая широко на восток; более мелкие камни лежали на крупных в два яруса и похожи на бут кладки. Размер площади, занимаемой камнями: 0,82х0,82 м. Толщина залегания 0,28 м.

Группа камней 229 вытянута с севера на юг длиной 0,95 м, шириной 0,20 м. Состояла из трех рядом лежащих камней размерами: 0,29х0,20х0,13 м; 0,28х0,16х0,06 м; 0,30х0,20х0,08 м и пр. Глубина залегания от поверхности 2,5 м (подошва – 2,65 м).

Вымостка 242 у южного борта площади VII состояла из нерегулярных камней известняка, песчаника и плитняка размерами 0,20х0,16х0,06 м; 0,10х0,08х0,06 м и пр. Она имела неровную поверхность, занимая площадь с востока на запад – 1,10 м, с севера на юг – 0,39 м. Толщина залегания 0,18-0,20 м. Глубина вымостки 2,42 м (подошва – 2,62 м).

Вымостка 227 была открыта в юго-восточном углу площади VII. Обнаружена на глубине 2,4 м (подошва – 2,48 м). Имела размеры: 1,10х0,82 м и толщину 0,08 м. Состояла из нескольких плит известняка неправильной формы средней величины (размеры: 0,36х0,24 м; 0,47х0,25 м; 0,40х0,24 м; 0,52х0,34 м), из них три плотно прилегали друг к другу, между ними и четвертой плитой – мелкие камни. Поверхность вымостки ровная.

Слой представлен остатками вымосток и фундаментов стен, большей частью сложенных из самана. Найдены фундаменты домов, выложенные «ёлочкой» из рваного или тесаного камня. На фундаментах лежали аналогичные каменные цоколи, которые поддерживали разрушившиеся стены из самана. Сохранились дверные проемы с каменными порогами, обрамленные поставленными на ребро плитами; в порогах углубления для штырей. Около развалин стен обнаружены остатки глинобитных печей, вымосток, жернова, большой пифос, изнутри обмазанный известковым раствором, фрагменты различной керамики и т.д. Особенно интересны изделия из железа, каменный киот, украшенный резным орнаментом, черепица с клеймом ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΝΟ, костяная ручка с резным изображением лошади и птиц. Встречены кости крупного рогатого скота, лошади, собаки.

В работе И.Т. Кругликовой отмечено, что лепная посуда в ранне-средневековых слоях раскопа 1939 г. представлена в большом количестве, в отличие от античных слоев (Кругликова, 1951, с. 89, табл. 1-2).

В 1948–1949 гг. работы на раскопе были продолжены (Кобылина, 1948А, л. 29-30, 32, 37-43; 1949А, л. 17-32; 1950, с. 92-95, рис. 41; 1951Б, с. 235-236, рис. 76б; Гадло, 2004, с. 98). В 1948 г. Вдоль берега, отступив к западу на 10 м, была сделана прирезка площадью 225 м².

Работа на данном участке заключалась в основном в раскрытии архитектурных остатков слоя конца IX – начала X вв. (Рис. 37). Эти остатки связаны с домом А – их верхняя поверхность была обнаружена на глубине 0,85 м подошва на глубине 0,80 м.

Дом А в северной части обвалился в море. Удалось раскрыть фундаменты четырех внутренних помещений: длинной стены 1, двух стен поперечных к ней с севера 2 и 5 и с юга 19, а также завал камня 3. Фундамент 1 (Рис. 37) имел протяженность с ВСВ на ЮЮЗ – 7,70 м, ширину 0,75 м и высоту 0,45-0,50 м; состоял из двух рядов нерегулярных камней средней величины, образующих два панциря, пространство между которыми забутовано мелким камнем и землей. Камни сложены на земле, камни в верхнем ярусе лежат плотно друг к другу, притом в слегка наклонном положении, приближаясь к кладке «ёлочкой». В нижнем ярусе камни положены горизонтально. Кладка 2 представляла собой фундамент поперечной стены дома А, и отходила под прямым углом от стены 1 на ССЗ, замыкая внутреннее помещение III и отделяя его от помещения II в переплет с кладкой 1; по технике аналогична кладке 1, камни восточного панциря лежат в «ёлочку»: длина кладки 2-3 м, ширина 0,75 м, сохранилась на высоту 0,45 м.

Кладка 5 представляла собой фундамент другой поперечной стены дома А, замыкавший внутренне помещение II с востока, она отходила под прямым углом от стены 1 на ССЗ, параллельно стене 2; от нее сохранилась только средняя часть и отдельные камни наружного панциря – два крупных камня 0,88x0,40 м и один средней величины (0,20x0,25x0,24 м). Кладка 5 имела длину 1,45 м, ширину 1,20 м, высоту 0,24 м. Расстояния между стенами 5 и 2 определяет размер помещения I с востока на запад – 2,10 м.

С ЗЮЗ к фундаменту 1 в притык примыкал фундамент 1а. Продолжая направление кладки 1, он имел немного иной характер кладки – сложен из больших необработанных камней ракушечника, лежащего горизонтально в один ярус, уложенных в два ряда с забутовкой пустот между ними мелкими камнями. Этот фундамент уходил в западный борт раскапываемой площади; вскрытая часть имеет длину 1,40 м, ширину 0,65 м, высоту 0,25 м. Фундамент 1а очевидно является более поздней пристройкой, связанной с помещением I здания А. Вместе с фундаментом 2 он образовывал угол II помещения здания А.

На расстоянии 1,30 м к ЮЮВ от кладки 1 в направлении под прямым углом к ней, обнаружен фундамент 19, связанный со зданием А; он разграничивает два внутренних помещения к югу от фундамента 1 – III и IV, связывая их проходом шириной 1,30 м около фундамента 1. Протяжение кладки 19 – 0,90 м, ширина 0,70 м, высота 0,24 м. Кладка 19 состояла из двух ярусов, уложенных в два ряда неправильной формы камней, уложенных на земле в несколько наклонном положении. Пространство между обоими рядами заполнено бутовым камнем и землей.

К этому же комплексу относится развал камней 3 длиной 0,80 м, шириной 0,70 м, толщиной 0,25 м, образующий с юга прямую линию, с севера – выпуклую; верхняя поверхность – неровная, имела наклон к северу, камни по южному краю лежали вплотную, между остальными – промежутки земли. Возможно, что камни 3 представляли собой развал стены IV помещения здания А, замыкавшие его с юга.

Все описанные кладки представляли собой фундаменты сырцовых стен, стоявшего в этом месте большого здания, вероятно, жилого дома. Они имели одинаковую глубину – 0,65 м. Восточная, западная и южная часть помещений этого дома уходила в нераскопанный грунт.

К этому же склону относилась кладка 4, обнаруженная к востоку от кладки 5 и не связанная со стеной 1. Ее направление ВСВ-ЗЮЗ, немного не совпадала с направлением стены 1, она представляла собой кусок фундамента длиной 1,60, шириной 0,50-0,55 м, толщиной 0,16 м; глубина залегания 0,55 м от поверхности. Фундамент состоял из одного яруса камней раковистого известняка неправильной формы, средней величины, лежащих в два ряда, горизонтально, довольно плотно друг к другу; промежутки между ними были заполнены землей. Кладка уходила в восточный борт раскопа, ее значение пока неясно; вероятно, она связана с другим комплексом помещений.

Грунт в слое – сухой черно-серый гумус. Находки: очень большое количество фрагментов средневековой керамики, среди них несколько горшков с линейным орнаментом, большинство же с разнообразным сдавленным орнаментом в виде точек, полос, волокнистых линий и т.п.; много фрагментов рифленых и реберчатых стенок сосудов, есть обломки черепицы, один с частью клейма “КНО”. В отдельных частях раскопа обнаружены три целые круглодонные реберчатые амфоры. Много костей домашних животных (овцы, коровы, лошади). На глубине, между камнями завала стены 1, обнаружен человеческий череп, лежащий лицевой стороной вниз.

Слои начала VII – середины IX вв. (Рис. 37) представлены кладками 14, 12 и 13. Глубина слоя 1 м, толщина 0,50 м.

Кладка 14 обнаружена на глубине 1 м от поверхности (подошва – на глубине 1,16 м). Имела протяжение с севера на юг 0,85 м, ширину 0,20 м, высоту 0,16 м. Она представляла собой четыре камня ракушечника (один крупный, три средней величины) неправильной формы, лежащих плотно прилегая один к другому, в один ряд. Кладка уходит в южный борт площади.

Фундаменты 12 и 13, образовывали угол помещения, остальная часть которого обвалилась в море. Обнаружены на глубине 0,70 м (подошва – 0,80 м).

Кладка 12 имела протяжение с северо-востока на юго-запад, она состояла из средней величины нерегулярных камней; сохранился только южный панцирь в виде ряда сложенных на земле и поставленных в наклонном положении.

В переплет с западным концом кладки 12 связана кладка 13, подходящая к ней под прямым углом. Кладка 13 имела протяженность 0,85 м, ширину 0,60 м, высоту 0,28 м. Она состояла из нерегулярных камней крупной и средней величины, лежащих в один ярус в два ряда, промежутки между

которыми заполнены мелкими бутовым камнем. Южный конец кладки уходит в борт раскопа.

Слой характеризуется гуммированным плотным суглинистым грунтом. Находок в нем значительно меньше, чем в верхнем слое, среди них стенки средневековых амфор с мелким рифлением, фрагменты стенок горшков из черно-коричневой глины с рифленным орнаментом, лощеных сосудов, осколки стекла. Присутствует значительное количество костей домашних животных, главным образом – коровы, овцы, меньше – лошади.

Слой V – третьей четверти VI вв. (Рис. 37) представлены каменным фундаментом сырцовых стен 8 и группой камней 9. Грунт слоя – суглинистый, гуммированный, сухой и плотный. Глубина слоя 1,20 м, толщина 0,30 м.

Кладка 8 обнаружена на глубине 1,20 м от поверхности; сложена из неправильной формы камней ракушечника средней величины, лежащих в два ряда; середина забутована мелким камнем, камни плотно уложены на глине. Под кладкой прослеживается слой глины толщиной 0,25 м. Протяжение кладки с С-СЗ на Ю-ЮВ – 3,35 м, ширина 0,40-0,50 м, толщина 0,10 м. С западной стороны северного конца кладки перпендикулярно к ней и на расстоянии 0,35 м от нее лежал квадрат ракушечника (0,25x0,45x0,30 м). Параллельно кладке 8 и на расстоянии 1,85 м к западу от нее находилась группа, состоящая из пяти нерегулярных камней средней величины, лежащих в один ряд с С-СЗ на Ю-ЮВ плотно друг к другу и 9 мелких бутовых камней с западной стороны последних. Они были сложены в один ярус на глине и представляют собою, по-видимому, остатки разрушенной кладки. Кладки 8 и 9, вероятно, относятся к одному зданию, стены которого были сложены из сырца.

Находки в слое: обломки раннесредневековых амфор, фрагмент стенки поливного византийского сосуда, обломки краснолаковых сосудов, много костей домашних животных (овцы, коровы, лошади).

Дальнейшая работа на этом участке была продолжена в 1949 г. К раскопу с юга были прирезаны площади: к площадям VI и V 1940 г. – площадь VIII (5x6 м); к площадям IV-VII – площади IX-X, их общая длина 15 м, ширина 5 м. Также к площадям IX-X с юга были прирезаны площади XI-XII, с целью выяснения значения выявленных средневековых архитектурных остатков.

Слой конца IX – начала X вв. представлен без архитектурных остатков, его глубина 0,35 м. Грунт сильно гуммированный, довольно плотный, проросший корнями растений. Находки – в основном фрагменты средневековой керамики – реберчатой и рифленной, один фрагмент лепного горшка с волнообразным прорезным орнаментом, много фрагментов поливной посуды с желтой, зеленой и голубой поливой, фрагмент лощеного сосуда с параллельными полосками, поделки из кости с продольным отверстием. Много костей домашних животных.

К слою второй четверти VIII – середины IX вв. глубиной 0,20 м (поверхность) – 0,75 м (подосва) относятся развалины жилого квартала, великолепно сохранившиеся на IX-XII площадях (на VIII площади были обнаружены лишь отдельные фрагменты кладок и развалы камней). Мощность слоя составляет 0,55 м. Обнаруженные архитектурные объекты

выглядят как единое целое (Рис. 38); вся юго-западная часть раскопанной площади представляла собою мостовую, от которой сохранились отдельные куски и камни; остальная же площадь занята каменным основанием здания, открытом на VII–IV площадях 1940 г. и, очевидно, в своей северной части обвалившимся в море. Здание представляло собой жилой дом; об этом свидетельствует и его планировка, и характер найденных в нем предметов: жерновов и глиняных сосудов. Дом был расположен на углу перекрестка улиц. Здание имело стены, ориентированные также, как стены здания того же слоя, раскопанного в 1948 г., и как остатки зданий, обнаруженные в 1939–1940 гг. Таким образом, следует, что городская планировка сохранялась на участке «Северного города», начиная с архаического периода и до конца существования города Фанагории, ибо все нижележащие фундаменты, как обнаруженные в 1948–1949 гг., так и в 1939–1940 гг. имеют одно и то же направление.

Сохранившаяся часть дома представляла собой в плане четырехугольник; длина его западной стороны 8,35 м, восточной стороны 6,40 м, длина южной стороны 9,75 м. Ясна длина дома с востока на запад, вдоль улицы, примыкающей к дому с юга (9,75 м), протяжение же всего дома с севера на юг остается неизвестным (так как северная часть не сохранилась). В сохранившейся части дома выявлены три помещения: помещение А очень большое, два другие – Б и В – маленькие.

Помещение А (Рис. 39.1) имело длину 7,25 м, сохранившаяся ширина 3,65 м. Внутри этого помещения были найдены четыре жернова различной формы: один плоский, с ромбовидным отверстием, два выпуклые, с рельефным кольцом вокруг круглого отверстия, один – обычный плоский с круглым отверстием (от него сохранилась половина).

В западной кладке 203 (Рис. 39.2) сохранился проход шириной один метр и около него с запада остатки крыльца, выходившего на улицу, а с востока – порог, ведущий внутрь помещения, а именно: со стороны улицы к проходу в кладке 203 на уровне нижнего ряда ее камней (вероятно, что только нижний ряд кладки был впущен в землю, остальные представляли собою каменное основание сырцово́й стены) примыкала выкладка П-образной формы длиной с востока на запад 0,70 м; шириной 1 м и высотой 0,10 м, из камней известняка более или менее правильной формы (их размеры: 0,30х0,23х0,10 м), положенных в один слой параллельно стене и под прямым углом к ней, в пространстве внутри этой выкладки оставлено свободное от камней место. Каменная выкладка, вероятно, представляла собой фундамент крыльца; непосредственно к этой выкладке примыкает мостовая улица. Ширина выкладки соответствует ширине пролета в стене; самый проход в стене с юга фланкирован большими плоскими, поставленными поперек кладки плитами длиной 0,47 м, высотой 0,20 м, шириной 0,13 м; порог, ведущий в помещение А, имел вид кладки, ширина которой равна ширине прохода, состоящей из одного ряда камней четырехугольной формы (размером: 0,30х0,23х0,10 м), уложенных на уровне нижнего ряда кладки 203. В помещение А можно было попасть и с юга, с другой улицы, через проход между помещениями Б и В.

Помещение Б (Рис. 39.3) имело четырехугольную форму, его протяжение с востока на запад равнялось 3,25 м, с севера на юг 2,55 м. Вход в комнату был с востока из вышеуказанного прохода. Об этом свидетельствует проем в стене. Ширина проема 0,83 м. Внутри помещения Б, под тупым углом к его восточной стене, на расстоянии 0,75 м от проема в стене, лежала длинная, хорошо отесанная плита песчаника, которая по своей длине соответствует ширине прохода; ее размеры: длина 0,92 м, ширина 0,20 м, толщина 0,09 м. Очевидно, она была связана со структурой прохода.

Каменное основание помещения В сохранилось гораздо хуже; только южная стена – целиком, от северной стены остался лишь нижний ряд кладки и частично сохранился нижний ряд кладки западной стены. Размеры комнаты: с северо-востока на запад около 2,60 м, с севера на юг 2,20 м. Внутри помещения В найдена узкогорлая разбитая реберчатая амфора, нижняя часть большого плоскодонного кувшина и половина жернова.

Ниже приводится описание отдельных частей дома.

Восточная часть каменного основания дома – кладка 189 (Рис. 38) имела длину 6,40 м, ширину 0,62 м, высота кладки на южном конце 0,30 м, на северном 0,65 м, открыта на глубине 0,35 м. Кладка сложена из трех рядов камней различной величины, главным образом, известняка, есть и булыжники. Камни верхнего ряда уложены «ёлочкой». Кладка состояла из двух панцирей с забутовкой между ними из очень мелких камней. Камни нижнего ряда, особенно в северной части, более массивны (0,25х0,30 м; 0,22х0,30 м и т.д.), камни верхнего ряда более мелкие (0,20х0,14х0,06 м; 0,16х0,20х0,10 м и т.д.).

Западная сторона каменного основания дома – стена 203 (Рис. 38) сохранилась на длину 8,35 м, ее ширина 0,64 м, высота 0,47 м. В южной части она сильно разрушена, в северной сохранилась хорошо. Состояла из четырех рядов камней, уложенных «ёлочкой» и, при этом, довольно мелких (0,17х0,12х0,04 м; 0,12х0,09х0,12 м и т.д.); в западной части нижнего ряда камни более крупные (0,20х0,20 м; 0,30х0,15 м и т.д.). Кладка состояла из камней известняка, песчаника и булыжников; есть камни вторичного использования с поврежденным профилем. Техника кладки аналогична вышеописанной.

Как указывалось выше, северная стена фундамента дома до нас не дошла. Южная стена 288-290 (Рис. 38) разрезана проходом; хорошо сохранилась ее западная часть 288 (длина 4 м, ширина 0,60 м, высота 0,44 м) и сильно разрушена ее восточная часть 290 (длина 2,80 м, ширина 0,60 м, высота 0,25 м, открыта на глубине 0,6 м); наиболее хорошо сохранившаяся ее часть имела панцири из четырех рядов кладки «ёлочкой». Техника кладки аналогична кладкам 189 и 203.

Внутренние части каменного основания стен имели такую же кладку, как и наружная. Кладка 270 (Рис. 38) (северная стена помещения В) длиной 2,87 м, шириной 0,52 м, высотой 0,15 м, открыта на глубине 0,8 м. Сохранился лишь нижний ряд в виде двух панцирей с забутовкой между ними.

От западной стены – 278 помещения В остались два нижних параллельных ряда камней, уложенных «ёлочкой» (от двух панцирей) между стенами 290

и 277; эта кладка настолько разрушена, что размеры прохода в комнату определить невозможно так как края его не сохранились.

Кладка 272 – северная сторона помещения Б, очень хорошо сохранившаяся, имела длину 3,35 м, ширину 0,54 м, высоту 0,43 м.

Кладка 289 (Рис. 38) – связанная в переплет с кладками 270 и 290, (восточная сторона помещения Б), открыта на глубине 0,52 м, сохранилась очень плохо, в виде остатков нижнего ряда двух панцирей.

Проход на южной стороне дома, возможно, представлял собой ворота – настолько крепко сложены наружные углы помещений Б и В. Полное представление об этом дает хорошо сохранившийся угол помещения Б; он был сложен из массивных каменных блоков правильной формы, положенных один на другой (0,40x0,20x0,30 м; 0,28x0,26x0,1 м). Юго-восточный угол здания сложен из таких же камней. Описанные остатки дома имеют полную аналогию в кладках, открытых в 1948 г. (этого же слоя).

Стены дома были сырцовые. Среди находок имеются два камня четырехугольной формы, служившие базами для укрепления тонких деревянных столбов.

К фундаментам дома примыкали остатки вымосток. Хорошо сохранившийся кусок мостовой 292 проходил около западной и южной стены дома. Размеры вымостки: протяжение с востока на запад 6,90 м, с севера на юг 1,35 м. Толщина вымостки 0,15-0,20 м. Вымостка состояла из одного ряда довольно крупных камней (0,23x0,13x0,04 м; 0,15x0,25x0,10 м; 0,20x0,20x0,05 м) известняка и песчаника; встречаются также небольшие продолговатые булыжники (0,13x0,12 м; 0,23x0,12 м и пр.) Другой кусок этой же мостовой примыкал к кладке 293, уходящей в западный борт нераскопанной площади и начинающей, очевидно, здание, находящееся на противоположной стороне улицы. Расстояние между описанным домом и стеной 293 дает ширину улицы, равняющуюся 4 м. Другая улица, проходящая с юга дома, сохранилась в очень разрушенном состоянии и судить о ее ширине без вскрытия площади к югу от раскапываемой, невозможно.

Вымостка, примыкающая к кладке 293, сохранилась на протяжении 2,10x1,20 м. Выступающая в профиле западного борта кладка 293 имела длину 4,40 м, высоту 0,50 м. Ее фас имел два ряда кладки «ёлочкой».

Находки, сопровождающие здание, в своей массе представляют обломки стенок средневековых рифленых и реберчатых сосудов с врезанным линейным и волнообразным орнаментом, плоские профилированные ручки, большие куски пифосов; найден почти целиком сохранившийся лепной сосуд с линейным орнаментом и просверлиной на горле, возможно для подвешивания; характерны обломки черепицы, железные гвозди, 2 железных лезвия, железное кольцо и скрепа, два рыболовных грузила: одно круглое, другое плоское пирамидальное. Встречаются незначительные измельченные находки античной керамики.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. на площади VIII был очень сильно поврежден, перекопан. Архитектурные остатки представляют собой лишь отдельные рваные куски когда-то находившихся здесь сооружений жилого квартала. Они залегают несколько ближе к поверхности на 0,10-

0,57 м, чем на площадях IX-XII. Это кладки 266, 267 и 268.

Кладки 266 и 267 представляли собой часть каменного основания сырцовых стен двух помещений. Кладка 266 ориентирована с севера на юг с небольшим отклонением на северо-восток (глубина залегания от поверхности 0,28 м; ее длина равнялась 1,90 м, ширина 0,35 м, высота 0,13 м; сложена из двух рядов мелких камней известняка, песчаника и булыжника (размеры камней 0,12x0,15x0,12 м; 0,12x0,10x0,10 м), уложенных «ёлочкой». При разборе кладки среди камней были найдены два куса жернова. Под прямым углом к этой кладке, при этом в переплет с нею, отходит к западу кладка 267, представляющая фундамент стены внутренних помещений, находившихся налево и направо от нее. О размерах этих помещений говорить не приходится, так как остатки слишком незначительны. Кладка 267 представляла собой два ряда мелких камней, уложенных «ёлочкой». Длина кладки 0,65 м, ширина 0,30, высота 0,20 м. Глубина залегания поверхности 0,12 м, подошвы 0,22 м.

Под прямым углом к стене 266, но на расстоянии 1,20 м к востоку от нее сохранилась часть более монументальной кладки (глубина залегания 0,15 м от поверхности, которая уходила в восточный борт раскопа. Ее размеры: длина 1,70 м, наибольшая ширина 0,60, наименьшая (хуже сохранившаяся) 0,10 м, высота 0,20 м. Сложена из камней известняка и булыжника, положенных «ёлочкой» по два в ряд. Камни различных размеров (0,35x0,35x0,15 м; 0,10x0,10x0,05 м), некоторые из них явно вторичного использования (фрагментированные квадраты). Глубина слоя (на площади VIII) от поверхности 0,12-0,40 м, толщина – 0,30 м.

К слою начала VII – начала VIII вв. на площади VIII относился развал камней 269 и на площадях IX-XII – кладка 279 и вымостка 291 (Рис. 38). Мощность слоя 0,20-0,30 м, глубина от поверхности 0,32 на площади VIII, 0,70 м – на площадях IX-XII. Развал камней 269 на площади VIII был обнаружен в юго-восточном углу и уходит в юго-восточный борт раскопа. Глубина залегания от поверхности 0,32 м. Развал занимал площадь 0,80x0,45 м, на высоту 0,13 м, он состоял из камней различной величины (0,26x0,10x0,05 м; 0,15x0,07x0,05 м и др.). Развал камней 269, очевидно, представляет разрушенную кладку. К тому же слою относился кусок кладки в виде двух рядом лежащих камней в юго-западном углу площади, на глубине 0,50-0,55 м от поверхности. Размеры камней: общая длина 0,50 м, ширина 0,28 м, толщина 0,05 м. Один камень (длиной 0,35 м, шириной 0,16 м, высотой 0,08 м) в северо-западном углу площади и один камень длиной 0,15 м, шириной 0,20 м, высотой 0,10 м – у северного борта. Эти камни имели неправильную форму и залегали на том же уровне, что и развал камней 269. Архитектурные остатки этого слоя на площадях IX-XII еще более незначительны, они были использованы при сооружении здания последующего слоя; кладка 279 служила основанием для кладки 272, она слегка выступала на север из-под кладки 272, но имела то же направление и ту же длину – 3,35 м, ширина выступающей части 0,22 м; высота 0,15 м.

Внутри помещения А были обнаружены два куса черепяной вымостки: 291. Один кусок этой вымостки размером 0,50x0,20 м, примыкал к кладке

272 с востока и лежал ниже ее основания на 0,25 м. Другой кусок вымостки находился в средней части помещения А и имел размеры 0,40х0,30 м.

В грунте, сопровождающем архитектурные остатки слоя, очень сильно гуммированном, неровной плотности, местами явно перекопанном, было обнаружено большое количество обломков средневековой керамики и костей домашних животных (коровы, овцы, свиньи); много реберчатых и рифленых стенок, а также лепных с линейным орнаментом, гладких лощеных, фрагмент блюда с зеленой поливой, часть плоского грузика пирамидальной формы, кусок жернова (диаметром 0,40 м, толщиной 0,09 м).

Слой второй четверти – третьей четверти VI в. открыт только на площади VIII, представлен перекопанным грунтом; кладки, очевидно, были выбраны. На восточном профиле выделялся залеганиями отдельных тонких (1,2-1 см) прослоек мелких камней и черепков. Мощность слоя равнялась 0,45-0,50 м. Глубина 1-1,55 м. Пласт гуммированного грунта неровного цвета характеризуется находками смешанного характера. Грунт мусорный, суглинок неровного цвета; много мелких камней, особенно в нижней части; среди них есть мелкие булыжники, очень много обломков керамики, встречаются почти целые амфоры, донца плоскодонных кувшинов; много обломков стенок рифленых сосудов, встречаются лепные с линейным орнаментом горшки, фрагмент большого лощеного сосуда с орнаментом; фрагмент сосуда с желто-зеленой поливой.

Слой V – начала VI вв. представлен кладками 273, 274, 280 и 112 (Рис. 40).

Кладки 273, 274 и 280 связаны с фундаментом одного здания, часть которого уходила в толщу восточного и южного борта раскопа. Внешней частью здания являлась кладка 274, более массивная, чем фундаменты стен внутренних помещений, подходящих к нему с юга; она заходила вглубь на 0,30 м больше, чем фундаменты внутренних стен. Кладка сложена из больших камней (0,30х0,30х0,20 м; 0,50х0,25х0,18 м и т.д.) неправильной формы, уложенных наружу стесанными сторонами, по два в ширину кладки, между ними мелкие камни. Сохранилось три ряда кладки. Кладка 274 направлена с востока на запад, имела длину 3,40 м, ширину 0,65 м, высоту 0,82 м. Глубина от поверхности 1,78 м.

Фундамент 273 в переплет с 274 подходил к кладке 274 с юга. Кладка 273 имела длину 1,50 м, ширину 0,80 м, высоту 0,50 м. Она обнаружена на глубине 1,55 м. Фундамент 273 на месте переплета также массивен, как 277, но имеет лишь два ряда кладки; при этом нижний ряд 273 соответствует третьему снизу 274, 273 залегает менее глубоко.

Кладка 273 представляла каменное основание стены, общей для двух помещений, к востоку и к западу от нее. Размеры помещения к востоку неясны, так как кладки 274 и 273 (Рис. 40.1) уходили в борт нераскопанной площади. Размеры же помещения к западу от стены 273 можно установить лишь частично, на основании сохранившихся двух ее северных углов: северо-восточного и северо-западного. Северо-восточный угол образует кладки 273 и 274. Северо-западный угол образует кладка 280, подходящая к фундаменту 274, к западу от 273, на расстоянии 1,92 м от нее. Следовательно, внутренняя северная сторона помещения – 1,92 м.

Кладка 280 сложена в переплет с кладкой 274. Она обнаружена на глубине 2,22 м. Ее длина 1,15 м, ширина 0,65 м, высота 3,38 м. Техника кладки аналогична остальным.

К тому же слою относилась кладка 112 (Рис. 40.2). Ее глубина от северо-восточного угла 1,60 м. Кладка 112 являлась продолжением стены 112 здания, открытого на раскопе 1940 г. Обнаруженный южный конец стены 112 равняется 1 м длины, 0,65 м ширины, 0,45 м высоты. Стена сохранила два ряда кладки из камней, уложенных по два в ширину кладки; крупные камни положены по одному поперек кладки; камни уложены горизонтально (размеры больших камней 0,52x0,25x0,15 м).

Грунт слоя представлял гуммированный суглинок. Слои повреждены ямами, о которых говорит обилие средневековой керамики, множество реберчатых и рифленых стенок сосудов. Отмечены крупные фрагменты черепицы и простой керамики, куски пифосов, плоские профилированные ручки, куски круглых тяжелых грузил.

В 1954 гг. на раскопе «Северный город» исследования были продолжены (Кобылина, 1954А, л. 2-19; Кропоткин, 1957, с. 37-38; Сазанов, 1999а, табл. 7). Работы производились на площади 360 м² – на площадях IX, X, XI, XII (100 м²), где в 1949 г. были выявлены строительные остатки средневекового слоя – каменное основание жилого дома и фрагменты вымосток улицы. Также: на площади XVII, примыкающей с юга к площади VI 1940 г. и площади VIII 1949 г., прилегающей с востока к вышеуказанным площадям IX и XI; размеры площади XVII – 5 м по линии север-юг, 12 м по линии запад-восток, всего 60 м²; площадь XVII была расширена на 1 м, на восток по сравнению с площадью VIII, к которой она примыкала, так как восточный борт площади VIII с 1949 г. значительно обвалился.

Вся территория площадей IX, X, XII, XVII, была исследована до уровня слоя II в. до н.э. С запада к этому участку примыкал второй участок, на котором исследовались исключительно средневековые напластования, это площади XIII, XIV, XV, XVI, каждая 6x6 м, всего 144 м².

Над строительными остатками слоя конца IX – начала X вв. в верхнем грунте (толщина 0,20 м) были выявлены фрагменты керамики с поливой зеленовато-желтого цвета XII–XIV вв., но, по мере углубления, этой керамики, уже не было и грунт непосредственно над строительными остатками слоя конца IX – начала X вв. датируется фрагментами светло-зеленой поливной посуды с белой глиной; там же встречены фрагменты реберчатых амфор, керамики с волнистым орнаментом.

Глубина залегания строительных остатков слоя конца IX – начала X вв. – 0,40-0,50 м от поверхности; подошва на глубине 0,90 м. Строительные остатки весьма фрагментарны. К ним относятся: на площади XIII – кладка 294 и развал камней 297, на площади XV – кладка 322 (в прирезке к юго-восточному борту площади XV) и развалы камней 299а, 299б, 299 в.

Кладка 294 (Рис. 41.1-2) ориентирована с востока на запад под прямым углом к кладке 293 (на площади X) и, вероятно, являлась внутренней стеной дома, открытого в 1949 г., внешней стеной которого можно считать кладку 293. Глубина залегания кладки 294 – 0,50-0,70 м, длина 4,50 м, ширина

0,68 м, высота 0,20 м. Сохранность кладки плохая, на месте лишь северный панцирь и часть южного панциря, сложенных из довольно крупных, камней (0,40x0,20x0,20 м; 0,30x0,30x0,15 м и др.) неправильной формы (известняка и булыжника). У западного конца кладки обнаружен жернов с выемкой для рукоятки, в кладке – большой фрагмент венчика пифоса.

Развал камней 297 состоял из булыжника и рваных небольших камней, среди которых встречены обломки керамики, куски пифосов и жерновов. Камни лежали в один ряд, некоторые отдельно. Площадь развала 1,72x1,60 м, глубина залегания 0,45-0,50 м.

Столь же неопределенный характер имели развалы камней 299а, 299б, 299в на площади XV (Рис. 41.3-4); они отличались рваными очертаниями, весьма однотипны, состояли из одного слоя беспорядочно лежащих камней неправильной формы, различных размеров: крупных и мелких. Более значительным являлся развал камней 299в, возможно – основания стены. Он имел определенную ориентацию с севера на юг (длина 2,80 м, ширина 1,40 м, высота 0,45 м), глубина залегания 0,35 м от поверхности; подошва на глубине 0,80 м. Размеры камней: 0,40x0,45x0,35 м; 0,23x0,24x0,30 м.

В развале 299б сверху лежала большая каменная ступа, с востока около кладки обнаружен хозяйственный комплекс, состоящий из трех средневековых пифосов, один из пифосов был закрыт жерновом, другой каменной плитой. Около пифосов найдена красноглиняная амфора в обломках и дно сероглиняного лощеного сосуда.

В прирезке к площади XV сделанной для расчистки пифосов, обнаружена кладка 322, ориентированная с севера на юг и находящаяся на расстоянии около 2 м от кладки 299б. Кладка выявлена не полностью, так как ее восточная и южная часть уходили в нераскопанную площадь. Вскрытая часть кладки имела длину 3,40 м, ширину 0,60-1,0 м. Сохранился один слой беспорядочно лежащих камней бута.

На соседней с востока площади IX-XII, к этим строительным остаткам примыкают сооружения, открытые в 1949 г.; они отличаются от вскрытых строительных остатков своей исключительной сохранностью, позволяющей представить размеры дома X в., его планировку, технику кладки фундаментов.

Обнаруженная в 1949 г. кладка 293, была доследована, она протянулась вдоль западного борта площадей X и XII и являлась основанием внешней стены дома, находящегося на площади XIII. Кладка 293 полностью аналогична кладке внешней стены дома на площадях IX и XI, ее длина 6,20 м, ширина 1 м. В ширину кладка несколько развалилась. Сохранился один ряд кладки – два панциря из крупных камней; уложенных «ёлочкой», между ними – бут.

Расстояние между кладкой 293 и 322 равняется 3,20 м; это приблизительно ширина улицы, проходящей по направлению с запада на восток.

К востоку от площадей IX-XII, на площади XVII были обнаружены только развалы кладок 300, 301, 302, 303, 304.

Развал кладки 300, расположенной у восточного борта раскопа, занимал площадь 1,63x0,77 м, толщина развала 0,15-0,12 м. Развал состоял из нерегулярных камней известняка (размерами 0,20x0,18 м; 0,08x0,12 м),

залегающих беспорядочной грудой. Развал обнаружен на глубине 0,50-0,62 м.

Развал камней 301 по-видимому, являлся развалом стены. Ориентирован с севера на юг, длина развала 1,90 м, ширина 0,55 м, толщина 0,17 м. Размеры камней различны: 0,42x0,30x0,10 м; 0,08x0,12x0,04 м. Глубина залегания 0,77-0,90 м.

Развал камней 302 представлял собой камни различной формы (0,15x0,20x0,12 м; 0,15x0,13x0,08 м. и др.), лежащие беспорядочно то плашмя, то на ребре, местами налегая один на другой. Развал имел определенное направление (север-юг) и по всей вероятности, являлся развалом стены. Длина развала 3,44 м, ширина различна – от 0,30 м до 1 м, толщина 0,25 м. Глубина залегания развала 0,45-0,70 м.

Направление развала 302 параллельно развалу 301, расстояние между ними равно 3,5 м.

Развал камней 303, открыт у южного борта площади XVII, прилегал с запада к развалу камней 302, состоял из крупных булыжников, рваного плитняка и ракушечника, залегающих беспорядочно, в разных горизонтах, то плашмя, то торчком на ребре. Самый крупный булыжник имел размеры 0,40x0,30x0,18 м. Площадь завала 1,75x1,10 м, толщина завала 0,37 м, глубина залегания 0,40-0,77 м.

Развал камней 304 находился в северо-западном, углу площади XVII, состоял из камней различных размеров, лежащих плотно и беспорядочно. Наибольшие камни размерами 0,50x0,50x0,25 м; 0,31x0,20x0,13 м. Занимаемая площадь 1,80x1,75 м.

При разборе развалов кладок и вымосток слоя найдены: обломок края каменной ступки, обломки жерновов, обтертая зернотерка, пест из удлиненной гальки, камень (0,46x0,37x0,17 м) со сквозным отверстием в центре (ширина отверстия 0,08 м), очевидно для установки деревянного столба.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. открыт на глубине 1,25 м. Строительные остатки фрагментарны: на площади XIII открыта кладка 298, на площади XIV – кладка 295 и печь 296, на площади XV – кладка 320, на площади IX – кладка 305 и развал камней 312.

Кладка 298 (Рис. 41.1-2, б) являлась каменным основанием небольшого четырехугольного в плане помещения А на площади XIII. Размеры его внутреннего пространства 1,90 м (по линии север-юг) на 2,0 м (восток-запад). Не сохранился северо-восточный, северо-западный и юго-западный углы кладки, камни юго-восточного угла уложены в переплет; почти полностью разрушена западная сторона помещения. Кладка имела два панциря из мелких камней, уложенных «ёлочкой», между ними бут. Длина сохранившейся северной части 1,70 м, ширина 0,38 м; длина восточной части 1,90 м, ширина 0,45 м; южная часть более массивна, длина 1,85 м, ширина 0,65 м. Кладка южной части помещения заключала несколько крупных камней. Сохранился один ряд кладки 298. Высота кладки 0,30 м, (высота крупных камней до 0,50 м), глубина залегания кладки 298 – 1,10 м от поверхности; подошва на глубине 1,40-1,60 м.

Кладка 295 (Рис. 41.5) на площади XIV ориентирована по линии запад-

восток, является основанием стены жилого дома, об этом свидетельствуют остатки печины с северной стороны ее западного конца. Длина кладки 4,40 м, ширина 0,50 м, высота 0,10 м. Сложена из небольших камней почти одинакового размера (0,22х0,13х0,10 м), уложенных «ёлочкой» по два в ширину кладки. Сохранился один ряд. Кладка отличается от кладок предыдущего слоя тщательностью и аккуратностью. Глубина залегания 0,95-1,05 м.

Печина 296 у западного конца кладки представляла собой скопление обломков горелого самана на площади 0,60х0,30 м, толщина 0,20 м, глубина залегания 0,80-1,0 м.

У восточного конца кладки 295 с юга лежала плоская плита известняка 0,55х0,30х0,20 м правильной четырехгранной формы (Рис. 41.5).

К югу от кладки 295 лежал жернов (Рис. 41.5), около которого обнаружено скопление сырцов – остатки сырцовых стен и глинобитного пола.

На площади XV к слою относится кладка 320, ориентированная по линии восток-запад, плохой сохранности. Кладка длиной 2,60 м, шириной 0,70-0,20 м. Имела два панциря из небольших камней неправильной формы, большей частью плоских (размеры камней: 0,38х0,08х0,22 м и др.), уложены «ёлочкой». Сохранился северный панцирь, один камень южного панциря и мелкий бут. В забутовке обнаружены фрагменты позднеантичной керамики и два обломка жернова из зеленоватого камня. Глубина залегания кладки 320 – 0,85-1,05 м.

На площадях IX и XI по линии север-юг прекрасно сохранилось каменное основание стены дома – кладка 305 (Рис. 41.6, 42.1), простиравшаяся в длину на 2,43 м и поворачивала под прямым углом на восток, образуя южную часть дома (сохранилась 0,60 м южной стены). Длина кладки 0,60-0,70 м. Южная стена построена в переплет с западной, угол укреплен крупными камнями. Кладка имела два панциря из довольно крупных и средних камней (размеры камней: 0,20х0,11х0,25 м; 0,20х0,60х0,15 м и т.д.), между ними бут. Камни панциря уложены в «ёлочку». Сохранились два ряда кладки. Высота кладки 0,55 м. Глубина залегания 1,20 м от поверхности; подошва на глубине 1,65 м.

Под прямым углом к продолжению кладки 305 на север обнаружена с востока почти совершенно разрушенная кладка 312, длиной 2,20 м, шириной 0,50 м, сохранились остатки одного ряда кладки – мелкие камни бута и несколько более крупных камней панциря; высота кладки 0,60 м. Глубина залегания 1,40 м от поверхности; подошва на глубине 1,50 м.

Стены дома, к которому относятся кладки 305 и 312 сырцовые – в отдельных местах площадей IX-XII, а также на площади XIII обнаружены слежавшиеся куски сырцов; пласт сырца (0,50х0,75 м) был обнаружен под развалом 307 следующего слоя.

Грунт слоя поврежден ямами выборки камня, гуммированный, местами рыхлый, местами плотный суглинок. Находки в слое: амфоры с яйцевидным дном; лепные сосуды с лишенным орнаментом; фрагмент гончарного сосуда коричневой глины с волнистым орнаментом. К востоку от кладки 305 (на территории помещения Б, открытого в 1949 г.) найдена группа железных предметов, среди них два сошника (один очень хорошей сохранности, другой распадавался). Прочие находки: грузила из стенок сосудов, обломки круглых

грузил, бронзовая застежка, глиняное пряслице, фрагмент светильника на высокой ножке, две бусины.

Остатки слоя начала VII – начала VIII вв. весьма фрагментарны, большая часть строительных остатков выбрана. К слою относятся: на площади XIII – завал сырца 310; на площадях XV–XVI – вымостка 324, кладки 325, 326; на площади IX – вымостка 313; на площади XI – развал кладки 317 и вымостка 306; на площади XVII – кладка 309.

В северо-восточном углу площади XIII, на глубине 1,80 м. Обнаружен завал сырца 310, прослеженный на площади 3,10x1,80 м. Значение его неясно.

Кладка 325 (площади XV–XVI) отличается от вышеописанных кладок большей монументальностью. Сохранился фрагмент кладки длиной 3,10 м, шириной 1,0 м, ориентированный с востока на запад. Камни уложены по два в ширину кладки, между ними мелкий бут. Размеры камней: 0,44x0,50x0,20 м, 0,45x0,35x0,18 м и т.д. Сохранился один ряд кладки высотой 0,20 м. Глубина залегания 1,60 м от поверхности; подошва на глубине 1,80 м.

По всей вероятности, к тому же зданию относится аналогичная кладка 326, обнаруженная у северного борта площади XVI. Кладка 326 прослежена по направлению под прямым углом к кладке 325. Выявлен небольшой фрагмент кладки 326, уходящий в бровку у северного борта площади XVI, длиной 0,40 м, шириной 1,10 м, высотой 0,15 м. Глубина залегания кладки 1,60-1,75 м.

Вымостка (?) 324 в юго-западном углу площади XVI полностью не выяснена, так как уходила в южный и западный борт раскопа. Она занимала площадь 1,60x2,50 м. Состояла из одного слоя неправильной формы средних и мелких камней, имела неровную поверхность. Глубина залегания – 1,60 м от поверхности; подошва – на глубине 1,80 м.

Незначительные остатки сооружений слоя имеются на соседних (к востоку) площадях. На площади IX – каменная вымостка 313. Она занимала площадь 3 м (север-юг) x 2,40 м (восток-запад). Вымостка сложена из крупных камней плитняка (0,40x0,30x0,20 м; 0,20x0,45x0,18 м и т.д.), между ними мелкие камни. Глубина залегания 1,60-1,80 м.

На площади XI, в юго-восточном углу, открыта черепяно-каменная вымостка 306, прилегающая к кладке 307.

Кладка 317, открытая в юго-восточной части площади XI, имела ломаные очертания, ее западная часть была сдвинута с основного направления, сохранившегося в восточной части, вошедшей в вымостку 306. Эта часть кладки соответствовала обычному направлению кладок раскопа – с востока на запад, с небольшими отклонениями. Общая длина кладки 2,50 м, ширина 0,50 м. Сохранился панцирь из мелких камней, уложенных «ёлочкой» (размеры камней 0,15x0,08x0,06 м и др.). Середина кладки заполнена бутом. Сохранились три ряда кладки. Высота кладки 0,35 м, глубина залегания 3,40 м от поверхности; подошва на глубине 1,74 м.

Вымостка 307 с востока имела ровную поверхность, состояла из слоя мелких камней плитняка и обломков керамики. Ее размеры: 2,60x2,55 м, толщина 0,05-0,07 м. Глубина залегания 1,65 м.

Вымостка 306 находила на фундамент 317 и частично его перекрывала.

Очевидно, во время существования вымостки 306 здание, к которому относилась кладка 317, уже не существовало.

На площади X к слою относился завал вымостки 311, состоящей из мелких камней бута, плитняка, крупной гальки; среди камней есть обломки стенок простых сосудов и кости животных. Размеры камней: 0,35x0,18x0,08 м; 0,08x0,12x0,06 м. Камни лежали в одном горизонте. Вымостка занимала площадь 2,0x1,15 м. Толщина вымостки в среднем 0,10 м. Глубина залегания 1,50-1,60 м.

В северо-западной части площади XI открыт развал кладки 317, состоящий из камней различной величины: булыжников и известняка (0,30x0,20x0,10 м; 0,40x0,35x0,12 м), лежащих беспорядочно отдельными группами то в один ряд, то налегая один на другой. Развал 317 занимал площадь 1,15 м (север-юг) x 0,70 м (восток-запад); вероятно к этому же развалу относилась группа камне 2 к северо-востоку от него, на расстоянии 0,20 м, занимавших площадь 0,50x0,40 м. Толщина развала 0,15-0,10 м, глубина залегания 1,55-1,65 м.

В северо-западной части площади XVII к слою относится фрагмент кладки 309 (Рис. 42.2), сложенной из крупных камней известняка, уложенных по два в ширину кладки (размеры камней 0,57x0,30x0,15 м; 0,35x0,28x0,26 м), камни неправильной формы; между ними мелкие камни. Кладка ориентирована с севера на юг, ее длина 1,95 м ширина 0,73 м, высота 0,33 м. На расстоянии 0,30-0,50 м к востоку находилась группа из трех камней, являвшаяся развалом той же кладки. Кладка обнаружена на глубине 1,50-1,55 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,83 м.

Слой начала VII – начала VIII вв. перекопан. Находки: фрагменты амфор гладких, реберчатых и рифленых; венчики лепной посуды серой глины; серая керамика с лощеными полосами. При расчистке развала сырца 310 обнаружены венчик амфоры с плоским краем, грубоглиняный венчик сосуда с полосками по краю, грузило, черноглиняный светильник без носика, фрагмент плиточного мрамора. Под кладкой 298 найдены амфоры красной глины с толстой ножкой, фрагменты средневековой реберчатой посуды, кувшины с плоскими ручками и т.д.

К слою второй четверти – третьей четверти VI в. относятся: на площадях XV-XVI – развалы камней 323, 328, кладка 329; на площадях IX-X – кладка 319; на площади XI – кладка 307 и развал печи 350; на площади XVII – кладка 314.

Кладка 329 открыта у северо-восточного угла площади XV. Обнаружена под завалом сырца и обожженной глины 310. Выявлен небольшой фрагмент кладки длиной 1,80 м (по линии восток-запад), шириной 0,40 м, высотой 0,30 м; восточный конец кладки уходил в бровку между площадями XV и X. Северная сторона кладки частично уходила в бровку между площадями XV и XIII. Кладка сложена из камней неправильной формы различных размеров. Сохранился один ряд кладки. Глубина залегания 1,65-1,95 м.

Развалы 323 и 328 открыты в западной части площади XV. Вероятно, составляли часть одной и той же вымостки; развал 323 состоял из мелких камней известняка и занимал площадь 2,10x1,80 м и 0,70x0,90 м (сохранялся двумя кусками с рваными очертаниями). Глубина залегания 1,80-1,90 м.

Аналогичный развал мелких камней 328 занимал площадь 2,95x1,20 м,

глубина залегания та же.

На площадях IX-XI к слою относилась кладка 319. Сохранился нижний ряд кладки, при этом развалившийся в ширину, *in situ* только южный панцирь из мелких камней, уложенных в «ёлочку». Кладка ориентирована с востока на запад, длина 4,50 м, ширина 0,75-1,10 м, высота 0,10 м. Глубина залегания 1,80-2,0 м.

На площади XVII к слою относился развал камней 308 и, вероятно, кладка 314.

Развал кладки 308 (Рис. 42.3), открытый у восточного борта площади XVII, представлял собой беспорядочную грудку камней, залегающих в разном горизонте. Длина развала 1,30 м, ширина 0,58 м; камни (булыжник, известняк) различного размера (0,20x0,40x0,12 м, наименьшие 0,12x0,08x0,10 м); с юга к этому развалу камней примыкал пласт горелых сырцов. Глубина залегания 1,80-1,90 м.

На расстоянии 0,60-0,80 м к северу от кладки 309 обнаружен небольшой фрагмент кладки 314 (Рис. 42.2), длиной 1,20 м, шириной 0,70 м, проходящей в том же направлении. Кладка 314 сложена из крупных неправильной формы камней известняка (размером 0,36x0,35x0,23 м; 0,29x0,22x0,08 м), между ними были уложены мелкие камни бута. Кладка обнаружена на глубине 1,75 м от поверхности, подошва на глубине 1,90 м.

Развал печи 350 имел прямоугольную форму 1,20x1,30 м. Глубина залегания 1,90-2,20 м; представлял собой скопление обломков сырцов, лежащих большей частью на ребре. Между ними скопление желтого песка и два камня известняка (0,18x0,18x0,05 м; 0,25x0,18x0,03 м). При разборе развала оказалось, что куски сырцов лежали на слое золы и сажи.

Грунт слоя – гуммированный суглинок, поврежден ямами выборки камня. Основной материал находок – раннесредневековая и античная черепица, фрагменты сосудов, стенки с мелким рифлением, сероглиняные лепные, с гребенчатым орнаментом.

В слое V – начала VI вв. обнаружены следующие строительные остатки: на площадях X-XII – кладки 339, 340, 341, 361; на площади XVII – камни 315 и 318. Мощность слоя около 0,60 м.

Кладка 339 представляла собой два (а, б) небольших фрагмента клаки, ориентированной с ССЗ на ЮЮВ; сохранился один ряд кладки, сложенной из довольно крупных камней известняка и песчаника (0,50x0,30x0,10 м; 0,18x0,18x0,19 м и т.д.) по два камня в ширину кладки, между ними бут. Длина кладки 339а – 1,30 м, ширина 0,65 м; длина кладки 339б – 0,70 м, ширина 0,80 м (деформирована).

Кладка 340 (Рис. 42.4-5) проходила под прямым углом к кладке 339. Сохранился лишь один (северный) ее панцирь из близких по величине неправильной формы камней известняка и песчаника (0,31x0,21x0,09 м и др.). С юга к ним примыкала развалившаяся забутовка. Длина кладки 1,80 м, ширина панциря 0,34 м, ширина развала бута 0,70 м. Высота кладки 0,14 м. Кладка обнаружена на глубине 2,20 м от поверхности; подошва открыта на глубине 2,34 м.

Кладка 341 (Рис. 42.4) открыта в южной части площади XI; ориентирована

с востока на запад с небольшим отклонением к юго-западу. Длина кладки 1,90 м, ширина 0,40 м, высота 0,26 м. Сохранился, по-видимому, только северный панцирь из близких по величине неправильной формы камней (0,39x0,25x0,22 м). Глубина залегания 2,22-2,48 м.

Фрагмент кладки 361 (Рис. 42.4) открытый на площади XI, заключал всего три камня, их направление – под прямым углом к направлению кладки 341. Длина 0,70 м, ширина 0,28 м, высота 0,05 м. Глубина залегания 2,27 м от поверхности; подошва на глубине 2,32 м.

Кладка 349 (Рис. 42.6) представляла собой часть водостока (у западного борта площади XII), ориентированного по линии ЗЮЗ-ВСВ. Длина водостока 1,37 м. Сохранилась только часть южной стенки из трех плит. Размеры камней 0,42x0,13x0,09 м; 0,47x0,11x0,10 м; 0,42x0,09x0,12 м. Высота кладки водостока 0,13 м, глубина залегания 2,20 м от поверхности; подошва на глубине 2,33 м.

На площади XVII остатки слоя еще менее значительны – камни 315 в юго-восточном углу и камни 318 у восточного борта площади.

Камни 315 представляли собой три отдельно лежащие камня. Глубина залегания 2,25-2,35 м. Часть кладки уходила в южный борт площади XVII. Размеры 1,0x0,70 м.

Камни 318 – камень и жернов. Глубина залегания 2,40-2,48 м.

На площади XIV у северного борта было обнаружено отверстие зерновой ямы. Яма, вероятно, была замазана глиной, так как около нее были найдены куски этой глины.

Грунт слоя перекопан. В юго-восточной части площади XVII появляется горелый грунт, в котором видны куски перегоревшего сырца, пласты сажи, перегоревшей глиняной обмазки, на которой имелись следы стволов камыша. Толщина пожарища 0,18-0,20 м. Пятно пожарища у восточного борта размерами 1,40x0,9 м.

Среди находок слоя отмечены: средневековая черепица, одноручные сосуды с пальцевым вдавлением у основания ручки, лепные сосуды с прямыми и закругленными бортиками, с профилированным краем, с рифлением волной. Характерны красноглиняные кувшины с ребристой ручкой, горшки грубой глины лепные без орнамента. Много античного материала.

Общая площадь раскопа «Северный город» по завершении работ составила около 670 м².

Раскоп «Западный» исследовался в 1954 г. (Кобылина, 1954А, л. 34-36; Паромов, 1993, с. 133, № 54). Расположен в 30 м к востоку от раскопа «Город А», на берегу залива. Раскоп имел форму треугольника, расположенного вершиной на запад, вершина срезана (Рис. 43.1). Длина площади с востока на запад 13 м, западная сторона 1,5 м, восточная 6 м. Площадь раскопа составила 47 м².

Раскоп доведен до глубины 4,5 м. Так как грунт оказался прорезан несколькими огромными средневековыми ямами, а строительных остатков обнаружено немного, поэтому стратиграфия культурных напластований, а также их дата являются предварительными. Средневековый слой на раскопе отличался мощностью – достигая 3 м толщины.

К верхнему слою конца IX – начала X вв. относится развал каменного основания здания у южного борта раскопа, проходящего параллельно южному борту по линии запад-восток в западной части раскопа (площадь II) и поворачивающего под тупым углом по направлению юго-запад–северо-восток (площадь I). Кладка обозначена № 1, ее западная часть – 1б, восточная – 1а.

Кладка 1 (Рис. 43.2) обнаружена на глубине 0,29-0,90 м от поверхности; подошва – 1,15-1,40 м. Отрезок 1б имел длину 3,5 м, ширину 0,75 м; отрезок 1а имел длину 6,8 м, ширину 0,50-1,15 м; строение этих двух отрезков одинаково; кладка 1а более разрушена и раздалась вширь. Кладка имела два панциря из камня неправильной формы, уложенных в «ёлочку», между ними бут. Сохранилось несколько рядов кладки (лучше сохранившиеся части имели пять рядов), при этом нижний ряд сложен из более крупных камней, верхние из более мелких. Высота кладки 0,90 м. В развале кладки встречаются отдельные фрагменты черепицы и красноглиняной керамики. Среди камней кладки имеется обломок жернова и камень со следами обработки.

Грунт – сухой, гуммированный суглинок. Находки смешанные – средневековые и позднеантичные, что свидетельствует о перекопанности слоя. Среди находок встречены фрагменты средневековых кирпичей, ручка высокогорлого кувшина. Стенки сосудов с черным лощением. Много мелкого камня, фрагменты мраморных облицовочных плиток, пирамидальное грузило.

Слой начала VII – середины IX вв. перекопаны и представлены незначительными фрагментами кладки 2 на площади II.

Кладка 2 ориентирована по линии север-юг, ее длина 1,5 м, ширина 0,60 м. Сохранился один ряд кладки высотой 0,50-0,20 м, имеющий два панциря из камней, уложенных «ёлочкой», бут не сохранился; в южной части панцирей два крупных камня (0,50x0,30x0,32м). Кладка обнаружена на глубине 1,15-1,30 м от поверхности; подошва на глубине 1,60 м.

Грунт – светлый, сухой суглинок. Находки смешанные, средневековые и античные; венчики черноглиняных сосудов с линейным орнаментом и без орнамента, фрагмент мраморной профилированной архитектурной детали, стенки высокогорлых кувшинов, фрагменты средневековых и античных амфор. Преобладает позднеантичный материал.

Слой второй четверти – третьей четверти VI в. перекопан, представлен фрагментом кладки 3. Кладка 3 лежала ниже кладки 2 на 1 м от подошвы кладки 2. Глубина ее залегания 2,60 м от поверхности; подошва на глубине 2,70-2,95 м. Это незначительный фрагмент кладки, ориентированной по линии ЮЮЗ-ССВ; длина кладки 1,20 м, ширина 0,40 м, высота 0,10-0,35 м. Сохранился один ряд камней, имеющий два панциря, уложенных «ёлочкой», близко один к другому.

Находки слоя смешанные – средневековые и, в основном, античные. Выделяются лепной светильник из черной глины, ножка лепного светильника, точильный брусок.

Раскоп «Береговой I» был разбит в 1968 г. в средней части нижнего города, на крутом склоне берегового обрыва (Рис. 43). Площадь раскопа

составляла 25 м² (Кобылина, 1968А, л. 17-18; 1969а, с. 91; Паромов, 1993, с. 137, № 70).

Средневековый слой, сильно нарушенный перекопами, был прослежен на глубину 0,92-0,96 м. К нему относился развал каменной вымостки 1 (Рис. 43.3), открытый на глубине 0,92 м; ее толщина 0,07 м. Площадь обнаруженного развала: по южному борту 1,40 м, по восточному – 2,15 м. Размеры камней (известняк, песчаник, плитняк) от 0,15х0,20 м до 0,24х0,37 м. Вымостка расположена грядой, идущей с северо-востока на юго-запад, так, что юго-восточный угол раскопа вымосткой не занят, а севернее развала вымостки грунт был очень рыхлый. В слое обнаружено небольшое количество средневековой керамики.

Раскоп «Береговой А» исследовался в 1971–1972 гг. Был разбит в западной части нижнего плато городища, на береговом обрыве. Южный борт раскопа была смещен на 30° к северу от направления запад-восток. В 1972 г. к южному борту раскопа была прирезана площадь II размерами 5х8,20 м. Восточный, южный и западный борта площади были сориентированы по сторонам света. Общая исследованная площадь составила 74 м². Раскоп был доведен до глубины 4,4 м (Долгоруков, 1971А, л. 20, 31-41; 1972а, с. 145-146; 1972б, с. 93; 1972А, л. 20-25, 31; 1975, с. 55-58, рис. 1-3; 1976, с. 78-79, рис. 1; Паромов, 1993, с. 137-138, № 71; Атавин, 2009, с. 91).

На глубине 0,60-1,00 м проходила нижняя граница слоя серого суглинка. Толщина слоя конца IX – начала X вв. достигала 0,40-0,60 м. Его нижняя граница лежала на глубине 0,50-0,60 м. К этому слою относилась вымостка 1.

Вымостка 1 (Рис. 44) располагалась в восточной половине раскопа. Северная часть вымостки была повреждена окопом военного времени и современным перекопом. Протяженность вымостки 9,15 м. Ширина в северной части 2,86 м, в южной 2,75 м. Поверхность вымостки относительно ровная, лежала на глубине 0,30-0,35 м. Подошва на глубине 0,50-0,60 м; в нижней на глубине 0,40 м. В некоторых местах камни выбраны. Вымостка сложена из мелких и средних камней ракушечника, известняка, плитняка и дикарных пород размерами: 0,40х0,30х0,30 м; 0,35х0,20х0,10 м; 0,20х0,15х0,07 м; 0,07х0,06х0,04 м. Камни вымостки выложены в один ряд, в некоторых местах в два-три ряда. В вымостку заложены фрагменты средневековой керамики и отесанные блоки известняка и ракушечника, вторичного использования, а также фрагменты керамики и черепицы. Поверхность вымостки понижалась на 0,30 м по направлению к восточному борту раскопа. В некоторых местах камни вымостки выбраны. Особенно сильно пострадала северная часть вымостки, где, по-видимому, в военное время были устроены окоп и блиндаж. Камни вымостки уложены в один, иногда в два ряда. Общая протяженность вымостки и ее очертания позволяют предполагать, что они являлись замощением средневекового города. Очевидно, что в IX в. дом, открытый в нижних слоях, окончательно гибнет и на его месте появляется мостовая или замощение двора (вымостка 1).

Крайне немногочисленные находки слоя в значительной степени фрагментированы и заизвесткованы. Они представлены фрагментами амфор, кухонной гончарной и лепной посуды, поливной посуды, стек-

лянных сосудов, носиком светильника, камнями и костями домашних животных, в том числе жерновом со следами сколов. Среди находок найдены фрагменты античной керамики. В восточной части вымостки было обнаружено горло амфоры (Рис. 90.13) с вложенными внутрь вещами: две бронзовые выпуклые бляшки и небольшой сосудик с отверстиями для подвешивания (Рис. 116.52). Назначение этих вещей непонятно возможно, это остатки детского погребения.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. представлен пластом серого суглинка толщиной 0,40-0,60 м, содержащего куски сырцовых кирпичей и пачины. Нижняя граница серого слоя лежала на глубине 0,90-1,10 м, верхняя – на глубине 0,60 м. Верхняя часть слоя испорчена военными окопами и современными перекопами. В нижней части слоя встречены горелые пятна и развалы сырцовых кирпичей. К слою относились кладки 5 и 8, и небольшие остатки глинобитного пола.

Кладка 5 (Рис. 45) располагалась в юго-восточном углу раскопа и сориентирована с юго-востока на северо-запад. Общее направление кладки параллельно направлению кладок 2, 4 и 6. Кладка 5 сложена «ёлочкой» в два панциря из крупных и средних камней ракушечника и песчаника размерами 0,20x0,18x0,15 м, 0,45x0,30x0,20 м, с забутовкой мелкими камнями на глиняном растворе. Подошва камней фундамента лежала на глубине 1 м, поверхность на глубине 0,08 м. Длина кладки 1,85 м, ширина 0,50 м, высота 0,22 м (один ряд камней). С обоих концов кладка оборвана поздними перекопами.

Кладка 8 (Рис. 46.3) была расположена в северо-восточном углу раскопа. Ориентирована с северо-востока на юго-запад, под прямым углом к кладке 5. Длина 1,80 м, ширина 0,60 м. Поверхность камней лежала на глубине 0,60 м, подошва на глубине 0,90 м. Кладка сохранилась на высоту 0,30 м (один-два ряда камней). Сложена из плоских необработанных камней железняка. Камни кладки мелких размеров 0,12x0,40x0,38 м, 0,10x0,15x0,20 м.

Почти по всей поверхности раскопа прослежены незначительные остатки глинобитного пола. Лучше сохранился пол в юго-восточном углу раскопа. Здесь его толщина достигала 0,10-0,20 м. Пол состоял из нескольких прослоек глины с примесью золы. В юго-западном углу раскопа на поверхности пола лежала плита пачины размерами 0,50x0,30x0,12 м. В западной части раскопа, по видимому на полу, обнаружен круглый жернов, расколотый пополам, диаметром 0,46 м. Жернов слегка вогнут к центру. Посредине жернова отверстие диаметром 0,07 м. Вероятно, к остаткам этого же дома относились два камня, выявленные в профиле прирезки и лежащие в центре раскопа несколько выше верхних камней кладки 2. Очевидно, после гибели здания начала VII – начала VIII вв. на их месте в тех же самых размерах и ориентации было возведено новое здание. Западную стену этого здания составляла, вероятно, еще стоявшая стена раннего дома (кладка 6). Фундамент 2 служил субструкцией новому фундаменту, выстроенному точно над ним. Этот поздний фундамент почти полностью уничтожен выборкой камней. От него сохранилось только два упомянутых выше камня.

Находок слоя немного. Все они сильно фрагментированы и заизвест-

кованы. Отмечены: фрагменты черепицы, амфор, красноглиняных и серо-глиняных кувшинов, лепной и гончарной кухонной посуды, краснолаковых мисок, встречены и фрагменты античной керамики. Интересны лепной светильник на высокой ножке, каменная формочка для отливки украшений, архитектурная деталь (плинтус) из известняка, железный предмет (плуг?), мраморная облицовочная плитка. Отмечены куски печины, мелкие камни, кости животных и рыб осетровых пород.

Слой начала VII – начала VIII вв. – желтый суглинок мощностью 0,60-0,80 м. Нижняя граница лежала на глубине 1,50 м. К этому слою относились кладки 2, 3 и 4, а также ямы Б и Г. Каменные кладки представляли собой остатки одного здания, состоящего по крайней мере из двух помещений (западного и восточного). К этому же зданию относились и земляные полы, прослеженные в обоих помещениях. В этом слое четко прослеживались два одновременных строительных периода, каждому из которых соответствовал свой уровень пола. Общая толщина этого слоя 1,10-0,80 м, в ямах слой спускался до глубины 1,30 м. Нижняя граница слоя лежала на глубине 2,0 м, верхняя на глубине 1,14-1,0 м от современной поверхности.

Кладка (фундамент) 2 (Рис. 45, 46.1-2, 4) располагалась в центральной части раскопа, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Южный край кладки уходил под южный борт раскопа. Северный край кладки сохранился *in situ*, поскольку здесь были обнаружены остатки внутреннего панциря фундамента 3, образующего северную стену здания. Кладка 2 прослежена в длину (с севера на юг) на 4,20 м. Кладка сложена в два панциря с забутовкой из мелких камней на глиняном растворе. Ширина кладки 0,60 м. В кладку заложены камни вторичного использования, а также фрагменты керамики. Подошва камней фундамента 2 лежала на глубине 2,25 м, верхний ряд на глубине 1,45 м. Фундамент сохранился, по-видимому, на полную высоту 0,90 м (шесть рядов камней). Два нижних ряда камней сложены из крупных, подчетыреугольной формы камней ракушечника и известняка размерами 0,80x0,30x0,25 м; 0,70x0,25x0,20 м. Камни нижних рядов уложены горизонтально. Четыре верхних ряда сложены в «ёлочку» из средних и мелких камней ракушечника, известняка, плитняка и валунов размерами 0,20x0,15x0,10 м; 0,15x0,15x0,07 м. Различие в технике кладки свидетельствует о двух одновременных строительных периодах. Этим двум строительным периодам соответствует два уровня глинобитных полов.

К северному краю кладки 2 примыкали остатки кладки (фундамента) 3, составляющей северную стену здания. Кладка 3 расположена в северной части раскопа и сориентирована с юго-запада на северо-восток. Состоит из двух частей, оборванных более поздними выборками камней, ямами и обвалом берегового обрыва. Западный край кладки 3 был соединен в переплет с северным краем кладки 2 и образовывал с ней прямой угол. В этой части сохранились только два нижних ряда камней внутреннего панциря и небольшая часть забутовки. Внешний панцирь и камни забутовки разрушены вследствие обвала земли берегового обрыва. Длина западной части кладки 3 – 1 м, ширина 0,35 м, высота 0,38 м. Открыта на глубине 1,92 м; подошва залегала на глубине 2,30 м. Кладка сложена из крупных и средних камней

ракушечника и плитняка размерами 0,60x0,30x0,25 м; 0,40x0,20x0,20 м. В восточном направлении кладка перерезана ямой А. Через 2,22 м по линии западной части кладки 3 прослежено ее продолжение, представляющее собой небольшой отрезок кладки, длиной 0,60 м, шириной 0,80 м, высотой 0,40 м. Подошва камней этой части кладки залегала на глубине 2,35 м, а поверхность на глубине 1,95 м. Кладка сложена в той же техники и из таких же камней, что и ее западная часть.

Продолжение стены в восточном направлении и северо-восточный угол помещения разрушены береговой осыпью. Фундамент 3 продолжался и в западном направлении, ограничивая с севера западное помещение дома. У западного фаса северного края кладки 2 был обнаружен один камень от нижнего ряда внешнего панциря. Этот камень образовывал прямой угол с фундаментом 2. Дальнейший ход фундамента в западном направлении проследить не удалось, вследствие разрушения берегового обрыва. Восточную стену восточного помещения образовывал фундамент 4.

Кладка (фундамент) 4 состояла из каменного цоколя и сырцовой кладки сверху. Кладка располагалась в северо-восточном углу раскопа и сориентирована с северо-запада на юго-восток. Состояла из каменного фундамента и сырцовой кладки наверху. Она прослежена в длину на 1,80 м. Ее продолжение уходило в восточный борт раскопа. Ширина кладки неизвестна, поскольку ее внешний наружный край лежал в нераскопанной площади. Однако, судя по тому, что она составляла часть одного здания, ограниченное стенами 2, 3 и 4 ее ширина должна приблизительно соответствовать ширине первых двух – около 0,60 м. Аналогично кладкам 2 и 3 фундамент 4 должен был состоять из двух панцирей, сложенных «ёлочкой» на глиняном растворе с забутовкой мелкими камнями. Подошва камней фундамента лежала на глубине 2,10 м. Высота фундамента 0,60 м (три ряда камней). Поверх камней фундамента была уложена кладка из сырцовых кирпичей, сохранившихся в высоту на 0,70 м (семь рядов кирпичей). Точные размеры сырцовых кирпичей установить не удалось, поскольку стены, в целом, уходили под восточный борт раскопа, а со стороны берегового обрыва они очень сильно заплыли. По-видимому, размеры кирпичей составляли 0,60x0,50x0,10 м (то есть один кирпич в ряд), или 0,30x0,50x0,10 м (два кирпича в ряд). Сырцовые кирпичи прослежены в длину на 1,70-1,60 м. Подошва сырцовой кладки лежала на глубине 1,50 м от современной поверхности.

Кладка 6 располагалась в юго-западном углу раскопа и сориентирована с юго-востока на северо-запад. Представляла собой западную стену западного помещения, состоящую из каменного фундамента с сырцовой кладкой поверху. Фундамент прослежен в длину на 1,40 м, его высота 0,40 м. (три ряда камней сложенных «ёлочкой»). Ширина фундамента, как и всей стены, неизвестна вследствие ее залегания под западным бортом раскопа. Вероятно, она не превышала ширину фундамента 2 – то есть около 0,60 м шириной. Подошва камней фундамента залегала на глубине 1,50 м. С глубины 1,10 м от поверхности начиналась сырцовая кладка высотой 0,30 м (три ряда кирпичей).

К этому же зданию относятся глинобитные полы, зафиксированные

в западном и восточном помещениях, а также прослеженные в южной и северо-восточной частях раскопа. Обнаружено два уровня глинобитных полов, свидетельствующих о двух одновременных строительных периодах. Полы состояли из тонких, хорошо утрамбованных прослоек глины с примесью золы, остатками растений (соломы или камки), сажи. Особенно большое количество золы лежало на поверхности отдельных глиняных подмазок. В некоторых местах на поверхности прослоек отмечены куски камки или соломы, а также известковая крошка. Поверхность глиняных подмазок нижнего пола в западном помещении лежала на глубине 1,70 м, в восточном помещении на глубине 1,82 м. Поверхность пола западного помещения немного повышалась в центре и понижалась по краям. Более заметное понижение 0,10 м по направлению к северной границе помещения, что объясняется, по-видимому, общим наклоном слоев к береговому обрыву. Особенно сильный перепад высот поверхности пола западного помещения в северо-западном углу, где он составлял 0,30-0,35 м по отношению к центральной части пола. Поверхность пола восточного помещения относительно ровная. Общая мощность глинобитных подмазок нижнего слоя составляла 0,20-0,30 м. Над поверхностью пола залегал слой желтого суглинка мощностью 0,20-0,30 м с включениями камки, кусков сырцовых кирпичей, печины и ракушек. Очевидно, он образовался в результате разрушения здания и состоял из остатков рухнувших сырцовых стен, деталей печей и крыши.

Выше был расположен верхний (более поздний) пол. Он также состоял из нескольких плотно утрамбованных прослоек глины (толщиной 0,02-0,03 м.) с примесью золы, соломы или камки. Общая мощность глиняных прослоек несколько меньше толщины нижнего пола: в западном помещении—0,08-0,15 м, в восточном—0,06-0,10 м. Поверхность верхнего пола в западном помещении лежала на глубине 1,55 м, в восточном на глубине 1,43 м. Поверхность полов восточного помещения понижается на 0,10 м в восточном направлении и на 0,14 м в северном. Поверхность пола западного помещения ровная. Над поверхностью пола лежал тонкий пласт (толщина 0,015-0,005 м) камки, вероятно, являющийся остатками крыши. Многочисленные глиняные подмазки (как нижнего, так и верхнего полов) свидетельствуют о продолжительности существования здания в течение двух строительных этапов.

Наличие большего количества золы, сажи, а также мелких углей, особенно у нижнего пола в восточном помещении, позволяют предполагать о производственном предназначении данной части дома в ранний этап его существования. На это же указывают многочисленные куски печины, встреченные здесь же, а также различные находки: куски железного, керамического или стеклянного шлаков, каменная формочка для отливки украшений (Рис. 135.3). Южные части как верхних, так и нижних полов обоих помещений, почти не прослежены. Очевидно, они разрушены в результате позднего перекопа, частью которого явилась яма В, обнаруженная в юго-восточном углу раскопа.

В восточной части раскопа, на полу, обнаружена верхняя часть амфоры

(Рис. 86.3) и красноглиняный кувшинчик со сливом (Рис. 45, 115.37).

В центре восточного помещения обнаружена яма Г, имеющая в плане овальную форму. Наибольший диаметр 1,40 м, наименьший 1,10 м. Глубина ямы 0,60 м. Яма заполнена мусорным суглинком темно-коричневого цвета. Среди находок отмечены фрагменты амфор, на некоторых имелись граффити, фрагменты краснолаковой раннесредневековой керамики, лодочкообразный светильник с ручкой во внутрь (Рис. 127.5). Яма Г по всей вероятности относилась к раннему периоду существования здания.

В северо-западном углу раскопа обнаружена яма Б диаметром 1,15 м и глубиной 1,20 м. Яма заполнена мусорным суглинком темно-коричневого цвета. На дне ямы лежала золистая прослойка толщиной 0,05-0,02 м с включениями пещины и углей. На этой прослойке замечены два отесанных известковых блока размерами 0,80x0,30x0,15 м. Один из них прямоугольной формы, другой по форме напоминал узкую усеченную пирамиду. В более широкой половине была сделана неглубокая подтепка, в результате которой она стала на 0,03 м уже остальной части. Назначение камней и причины их попадания в яму не ясны. Среди находок найдены фрагменты амфор, кухонной, гончарной и лепной посуды, кости животных, в том числе со следами расколов, мелкие камни известняка и ракушечника. Яма Б, по видимому, принадлежала к позднему этапу существования дома.

Находок слоя немного: фрагменты черепицы, амфор, краснолаковых блюд, сероглиняных горшков и кувшинов (в том числе с орнаментом из лощеных полос), железный гвоздь, пирамидальное грузило, бронзовая бляшка, обломок мраморной облицовочной плитки, пять бронзовых монет (античных?), камни известняка, пещины, каменная формочка для отливки украшений, пирамидальное и лепешкообразное грузило, фрагмент глиняной плитки с оттиснутым орнаментом, круглый лепной светильник, кости животных и рыб осетровых пород. Здесь также найден, хотя и крайне немногочисленный ранний материал, попавшей сюда в результате перекопов.

Слои V–VI вв. (вероятно, что слой второй четверти – третьей четверти VI в. отсутствовал) коричневого суглинка мощностью около 1 м прослежены на глубине от 1,50 м до 1,80- 2,40 м. К слоям относились выявленные на раскопе десять хозяйственных ям (Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П) (Рис. 47). Большая часть этих ям осталась нерасчищенными. Верхние части ям не были во время обнаружены в виду того, что грунт их заполнения смешался с грунтом слоя, предшествующих перепланировочных работ и долгое время не позволял уловить их в плане. Заплывшие границы ям также едва видны в профиле.

В разрезе ямы расширялись к своим днищам, образуя форму усеченного конуса. Подавляющее большинство ям, за исключением ямы Н, имело круглую в плане форму. Диаметры ям колебались от 1,40 м до 2,0 м. Некоторые из ям (А, Е, Ж) были прослежены на глубину 0,60-0,80 м. Остальные выби- рались только на глубину 0,20 м. Почти все ямы служили для сбора мусора. Только яма Н, очевидно, представляла собой следы выборки камней. Все ямы заполнены рыхлым мусорным суглинком темно-коричневого цвета с включениями песка, раковин мидий, обломков пещины. В грунте заполнения встречались камни.

Особенно много камней было найдено в яме Ж (Рис. 46.4), в том числе большие куски мраморных плит. Находки из ям довольно однородны и представлены в основном фрагментами позднеантичных и раннесредневековых амфор, лепной посуды, костями животных и рыб. Среди находок отмечены фрагменты краснолаковых блюд, стеклянных сосудов, орнаментированных синими глазками, фрагменты сосудов с густым рифлением, нанесенным гребенчатым штампом.

В яме А найдены фрагменты маленького кувшинчика, обломок каменного полированного топорика из зеленоватого камня, большое число кусков керамического или стеклянного шлака, куски железного шлака, стенки круглодонных корчажек со следами брака.

Яма О расположена в центре нижней части раскопа. Круглое в плане горло ямы диаметром 1,20 м лежало на глубине 2,04 м. Ко дну яма немного расширялась. Диаметр ямы 2 м, прослежена на глубину 1,80 м. Яма была заполнена грунтом, характерным для всего слоя – коричневым суглинком. Находки представлены фрагментами амфор, краснолаковых блюд, сероглиняных лощеных кувшинов с вдавленными полосами, античных амфор. В яме встречено большое количество кусков керамического, стеклянного и железного шлака, куски печины, кости животных, камни. Из ямы происходит раздавленный стеклянный бокал, орнаментированный синими напаянными каплями (Рис. 130.1), подставка на трехлопастной ножке (Рис. 133.1), обломок каменного полированного топорика из зеленого камня.

Яма П была расположена в юго-западном углу раскопа. Яма круглая в плане, имела диаметр по горлу 1,40 м, по дну 1,60 м. Глубина ямы 2,40 м. Горло ямы лежало на глубине 4,28 м. Грунт заложения – суглинок коричневого цвета. Сверху, вокруг горла ямы, лежали небольшие камни, вероятно происходящие из выброса при копании ямы. В яме найдены фрагменты амфор, в том числе позднеантичных, красноглиняных кувшинов, мисок, лепной посуды, краснолаковых блюд.

Находки слоя представлены фрагментами раннесредневековых амфор (среди них одно с граффито, другое с дипинто), позднеантичных амфор, красноглиняных и сероглиняных с лощением кувшинов, мисок, лепных сосудов. Найдены также камни, куски печины, кости животных и рыб. Выделяются два расколотых дисковидных жернова, дно сосуда с дырочками для изготовления творога и два лепных лодочкообразных светильника.

Раскоп «Береговой Б» был заложен в 1971 г. в центральной части нижнего плато городища к востоку от раскопа «Северный город». Мощность исследованного слоя составила 4,1 м. Выявленные средневековые слои: конец IX – начало X вв.; вторая четверть VIII – середина IX вв. (с фундаментом); начало VII – начало VIII вв. (слой перекопа). Исследованная площадь – около 18 м² (Долгоруков, 1971А, л. 41-48; 1975, с. 58-59; Паромов, 1993, с. 138, № 72).

Раскоп был разбит вдоль линии берегового обрыва, вследствие чего нижняя граница раскопа в восточном углу отклонялась на 16° от направления запад-восток. Длина раскопа с запада на восток 4,70 м, с севера на юг 1,80 м. Сверху слои были перекрыты гумусным слоем толщиной от 0,15 до 0,50 м.

Слой конца IX – начала X вв. представлен светло-серым суглинком.

Нижняя граница слоя проходила на глубине 1 м. Строительных остатков, относящихся к этому слою, не обнаружено. Примерно посередине слой полностью прорезан современной ямой, скорей всего окопом военного времени. Общая толщина слоя 0,70 м.

Находок слоя крайне мало. Большая часть их сильно фрагментирована и заизвесткована. Представлены главным образом фрагментами черепицы, средневековых и позднеантичных амфор. В слое найдены также кости крупного домашнего скота и рыб осетровых пород.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. – светло-коричневый суглинок. Его нижняя граница открыта на глубине 1,40-1,60 м. Его наибольшая мощность достигала 0,90 м наименьшая толщина 1,40 м. В некоторых местах в слой были включены прослойки золы. К этому слою относились кладка 1, вымостка 2 и яма А (Рис. 48).

Кладка 1 располагалась в северо-западном углу раскопа, сориентирована с севера-запада на юго-восток. Прослежена в длину на 1,0 м, однако, в береговом обрыве видно ее продолжение в северо-западном направлении еще на 1,90 м. Таким образом, общая длина кладки достигала 2,90 м, ширина 0,8 м. Кладка сохранилась в высоту на 1,10 м (пять рядов камней). Нижний ряд сложен из больших камней (0,50x0,25x0,40 м; 0,40x0,30x0,30 м), уложенных горизонтально. Четыре верхних ряда состояли из мелких и средних камней ракушечника, песчаника и известняка размерами 0,20x0,20x0,15 м; 0,20x0,30x0,10 м; 0,15x0,10x0,08 м, уложенных «ёлочкой». В кладку были заложены блоки ракушечника вторичного использования. Кладка сложена в два панциря с забутовкой мелким камнем на глиняном растворе. Подошва камней фундамента лежала на глубине 0,50 м.

Вымостка 2 была расположена на подошве слоя серого суглинка, в основном в центральной части раскопа. Состояла из средних к мелким камням, расположенных почти строго горизонтально. Среди камней встречаются куски пачины, кости животных, фрагменты керамики и черепицы. В некоторых местах камни и керамика лежали в два ряда. Камни прослежены с севера на юг в длину на 2,06 м, с запада на восток в ширину на 2,20 м. Подошва камней лежала на глубине 1,8 м.

Примерно в центре южного борта раскопа обнаружена яма А, грушевидной формы с диаметром вверху 0,80 м и по дну 1,20 м. Глубина ямы 1,40 м. Яма на половину уходила под южный борт раскопа. Была заполнена доверху камнями известняка, песчаника и ракушечника.

Находок слоя немного. В основном они представлены фрагментами средневековых амфор, черепицы гончарной и лепной посуды, сероглиняных сосудов, костями домашних животных и рыб (включая осетровые породы). Отмечены фрагменты трех бронзовых монет (античные?), бронзовый гвоздь, круглый жернов.

Слой начала VII – начала VIII вв. представлен темно-коричневым суглинком с примесью раковин мидий и известковой крошки. Его верхняя граница проходила на глубине 1,50-1,70 м от современной поверхности. На глубине 2,10-2,30 м этот слой прорезан зольной прослойкой толщиной

0,04-0,08 м. Внизу слой коричневого суглинка опускается на глубину 4,30 м. Толщина слоя 2,80-2,60 м. В целом слой представлял собой перекоп раннесредневекового времени. К этому слою относилась яма Б и кладка 3.

Кладка 3 (Рис. 48) располагалась в северной части раскопа и сориентирована в общем направлении с севера-запада на юго-восток. Ее длина 1,20 м, ширина 0,70 м. Очевидно кладка была в два панциря с забутовкой. От нее сохранился внешний панцирь, сложенный из крупных камней песчаника и ракушечника размерами 0,50x0,50x0,10 м и 0,32x0,25x0,20 м с забутовкой мелкими камнями. Кладка сохранилась в высоту на 0,50 м (три ряда камней). Подошва нижнего ряда камней фундамента 3 лежала на глубине 3,40 м.

Юго-восточнее кладки 3 располагалась яма Б диаметром 0,80 м. Яма имела цилиндрическую форму, глубиной 0,80 м. Грунт заполнения – темно-коричневый суглинок с примесью золы, известковой крошки и обломков раковин. На дне ямы лежали сброшенные камни. Находок в яме немного. В основном они представлены фрагментами стенок средневековых амфор, гончарной посуды, камнями и костями.

Керамический материал, происходящий из этого слоя, в значительной мере перемешан. Здесь встречаются фрагменты средневековой керамики, позднеантичных амфор, гончарных сосудов, фрагменты стеклянных сосудов, лепных лодочкообразных светильников, пирамидальных и лепешкообразных грузил (Рис. 133.5) (в том числе одно с оттиском креста), кости домашних животных и рыб, камни, печина, куски штукатурки.

Среди находок слоя отмечены стенка амфоры с граффи́то, фрагменты корчневоглиняного с нарезным узором кубка, бронзовая поделка в виде листа, являющаяся частью украшения светильника или сосуда, горло красноглиняной ойнохой с фрагментом из белых полос, куски мраморных облицовочных плит, полированной плитки зеленого камня, использованного вторично в виде пробки.

Ниже на раскопе выявлен слой IV–III вв. до н.э., где были открыты остатки цемяночного пола.

Центральная часть городища – достаточно обширная территория, включающая ряд холмистых возвышенностей. За все время исследования Фанагории, здесь было заложено значительное количество раскопов, однако только на четырех из них были выявлены средневековые слои: «Центральный», «Холм Г», «Верхний город» и «Юго-Западный» (Рис. 1).

Раскоп «Центральный» расположен в средней части нижнего плато городища, в 92 м южнее раскопа «Северный город». Исследовался с перерывами в течение 17 лет (1959–1975 гг.). Мощность культурного слоя 6,5 м, из них средневековый слой – 2 м (работы 1959–1960, 1968, 1970–1972, 1974 гг.) (Табл. 5). Исследованная площадь составила 575 м² (Кобылина, 1959А, л. 2-25; 1960А, л. 119-131; 1963а, с. 97-100, рис. 37.П; 1969а, с. 90; 1970б, с. 111; 1971, с. 110; 1971А, л. 5-7; 1972а, с. 144; 1972А, л. 2-3; 1974А, л. 2-3; Зайцев, 1968А, л. 23-37; Плетнёва, 1968А, л. 38-54; 1981б, с. 68, рис. 42.4-6; Флёров, 1970А, л. 16-25; Паромов, 1993, с. 135, № 60; Сазанов, 1999а, табл. 7; Флёров, Чхаидзе, 2007, с. 309-311, рис. 1; Атавин, 2009, с. 91; Флёров, 2011,

с. 142, илл. 27)⁵.

В 1959 г. было разбито 14 площадей (I-XIV), каждая размерами 5x5 м (Рис. 49).

В 1960 г. с юга были прирезаны площади XV, XVI, XVII, XVIII, с востока – площадь XIX. Также продолжались работы на площадях XI, XII, XIII, XIV. Помимо новых фундаментов средневекового периода была открыта большая улица, пересекающая раскоп с востока на запад.

В 1968 г. исследования средневековых слоев производились на площади V, VI и XXIII, а также прирезанных с востока XIX-XXII.

Площади XXIII, V и VI располагались в северо-западной части раскопа и примыкали к северной стенке площадей IV, I и II.

Площади V и VI, частично раскопанные в 1959 г., были засыпаны почти полностью и при засыпке раскопок бульдозером была снята часть поверхности городища по краю раскопа, поэтому отсчет глубин (с целью согласования их с замерахми 1959 г.) велся от расчищенной вымостки 38, открытой в 1959 г.

Слой на площадях V и VI был снят до глубины 2,20 м. Грунт на глубине от 1,60 м до 1,85 м – светлый коричневатого оттенка, суглинок, неоднородный, средней плотности. На глубине 1,85-1,93 м появляется густо-зеленый оттенок грунта, на керамике этого слоя зеленоватый налет, очевидно органического происхождения. На глубине 2,0 м по всей площади появлялся неоднородный пятнистый слой глины, цвета от ярко-желтого и зеленого до красно-коричневого; встречались вкрапления обожженной глины, толченой штукатурки или цемянки, вкрапления извести и угольков. Можно предполагать, что это – разровненный и утопанный развал сырца. Вероятно, этот слой глины являлся границей слоя второй четверти VIII – середины IX вв. и слоя начала VII – начала VIII вв.

Площадь XXIII граничила своей восточной стенкой с западным бортом площади V. Культурный слой был снят до глубины 1,85 м.

Слой X-XI вв. был открыт только на площади XXIII. Его мощность – 0,30-0,35 м. Представлен пахотой и гуммированным суглинком плохой сохранности. К этому слою относилась вымостка 3 (Рис. 50) в западной части площади, открытая на глубине 0,22 м. Вымостка строго горизонтальная, из восьми плоских булыжников размерами от 0,20x0,20x0,8 м, до 0,10x0,1x0,6 м. Вымостка неправильной овальной формы, ее длина по линии северо-запад – юго-восток 0,70 м.

Находки слоя разновременны и неоднородны. Помимо античной керамики встречены средневековые фрагменты амфор, кухонной посуды, венчик красноглиняного сосуда с широкой, плоской, примыкающей к венчику под прямым углом ручкой, фрагменты сосуда с поливой плохого качества (односторонняя болотно-зеленая и желтая полива), фрагмент подпрямоугольного плоского грузила из глины плохого качества. Немного костей жи-

⁵ Следует отметить, что план раскопа «Центральный» приводящийся в некоторых работах С.А. Плетнёвой отличается схематичностью и упрощенностью. Ряд кладок, открытых на различных глубинах и в различных слоях, искусственно объединены в здания, реконструкция же открытого жилого комплекса не соответствует действительности (Плетнёва, 1981а, рис. 6; 1999, рис. 103; 2003а, табл. 71.2-3; 2003б, рис. 39.2-3).

вотных: коровы, овцы, свиньи и собаки.

Строительные остатки слоя конца IX – начала X вв. сохранились в виде разрозненных каменных развалов и россыпей камней. Это развалы кладки А (площадь I), Б (площадь II), развалы камней: 4 и 5 (площадь III) и 5а (площадь IX), 6 (площадь IV), 13 и 15 (площади V и VI), 19, 19а, 19б, 20, 20а, 20б (площади VII и VIII), яма 89 (площади XVII-XVIII), завал камней 1 (площадь XXIII). Мощность слоя на различных участках раскопа – 0,60-1,0 м (на площади XXIII – 0,30-0,40 м). Грунт темно-серый, сильно гуммированный суглинок. Местами довольно рыхлый, золистый.

Развал кладки А (площадь I) имел размеры: длину 1,30 м, ширину 0,58 м, высоту 0,51 м. От нижнего ряда кладки сохранились четыре камня известняка в направлении ССВ – ЮЮЗ; от следующего ряда – один камень. Камни представляли собой грубо обработанные блоки размерами 0,38х0,19х0,17 м; 0,37х0,31х0,14 м. Глубина залегания кладки А – 0,28 м от поверхности; подошва на глубине 0,79 м.

Развал кладки Б (открыт в северо-западной части площади II) состоит из группы камней известняка, по форме приближающихся к правильной форме квадров, одного более массивного и других более плоских. Размеры развала: длина 0,50 м, ширина 0,20-0,40 м, высота 0,44 м. Глубина залегания 0,15 м от поверхности; подошва открыта на глубине 0,59 м.

Развал камней 4 открыт у северо-западного угла площади III, северо-восточного угла площади II и в восточной половине площади VI. Он имел неровную поверхность и рваные очертания. Длина развала 5,60 м по линии север-юг, наибольшая ширина 3,60 м, наименьшая 1 м; толщина 0,50 м. Глубина залегания 0,35 м от поверхности; подошва открыта на глубине 0,85 м. Развал состоял из большого количества камней, среди них встречались крупные квадры известняка вторичного использования, булыжника, куски гранита и множество осколков правильных квадров, камни бута.

Развал камней 5 – группа беспорядочно лежащих мелких камней у южного борта площади III. Развал образовался в результате пожара и выборки камня: в грунте между камнями встречался уголь, зола, горелая земля. Длина развала 1,90 м, ширина 0,60 м, толщина 0,40 м. Глубина залегания 0,22-0,25 м от поверхности; подошва на глубине 0,60-0,62 м.

Развал камней 5а протягивался с северо-запада на ЮЮВ через всю площадь IX и уходил в его южный борт. Развал состоял из таких же мелких и средних камней и раковистого известняка, лежащих в рыхлом грунте более или менее плотными скоплениями, вывернутых из первоначального положения, лежащих вверх острыми углами. Протяжение развала 5а – 4,65 м, ширина 0,30-1,05 м; толщина 0,52 м.

Развал камней 6 открыт у северного борта площади IV. Развал обнаружен на глубине 0,50 м от поверхности; подошва на глубине 1,10 м, имел рваные очертания, уходил в северный борт площади IV. Длина развала по линии восток-запад 5 м, вскрытая ширина 2,50 м, толщина 0,50-0,60 м. Развал имел неровную поверхность; он состоял из камней известняка, булыжника, плитняка (средних и мелких), залегающих в земле случайно более или менее тесными группами. В юго-западной части развала горизонтально лежал

жернов, поверхность которого была прорезана радиально расположенными врезами, утончающимися к центральному отверстию (диаметр 0,31 м, толщина 0,08 м, диаметр отверстия 0,07 м).

Развал камней 19 открыт на площади VIII, состоял из крупных камней (0,39x0,18x0,18 м; 0,28x0,23x0,20 м и др.), вывернутых из первоначального положения. Длина развала – 1,25 м, ширина 0,50 м, толщина 0,30 м. Длина развала 19а – 1,35 м, ширина 0,30 м. Длина развала 19б – 1 м, ширина 0,55 м. Глубина залегания 0,14-0,18 м от поверхности; подошва на глубине 0,44 м.

Россыпь камней 20, 20а, 20б была открыта на площади VII.

Россыпь камней 20 состояла из мелких камней, залегающих в один камень в рыхлом грунте. Длина 1,65 м, ширина 0,70-0,90 м, толщина 0,07 м. Глубина залегания 0,33 м от поверхности; подошва на глубине 0,38-0,40 м.

Россыпь камней 20а состояла из мелких камней в рыхлом грунте, залегающих в один камень. Длина 1,50 м, ширина 0,50 м, толщина 0,10 м. Глубина залегания 0,42 м от поверхности; подошва на глубине 0,52 м.

Развал камней 20б включал в себя беспорядочно лежащие камни средних размеров. Длина 0,60 м, ширина 0,45 м, толщина 0,15 м. Глубина залегания 0,30 м от поверхности; подошва на глубине 0,55 м.

Россыпь камней 13 открыта на площадях V и VI, представляла собой мелкие камни, залегающие в один слой. Протяжение 1,60 м, ширина 0,15-1,0 м. Глубина залегания 0,34 м от поверхности; подошва на глубине 0,41 м.

Россыпь камня 15 открыта на площади V, аналогична россыпи камней 13. Длина 1,60 м, ширина 0,20-1,05 м. Глубина залегания 0,45 м от поверхности; подошва на глубине 0,70 м.

Грушевидной формы яма 89 (Рис. 59.1) была открыта на площадях XVII-XVIII. Выявлена на глубине 1,60 м. Прорезала все средневековые слои. Глубина дна ямы 4,40 м, диаметр вверху 0,91 м, внизу 1,90 м. Грунт в яме мусорный, среди находок встречены фрагменты амфор, обломки черепицы, фрагмент зеленого поливного сосуда.

Завал камней 1 (Рис. 50) открыт в северо-западном углу площади XXIII, на глубине 0,15 м (в северо-западном углу площади) и 0,35 м (в центре площади). Длина по линии запад-восток 3,20 м, север-юг 3,30 м. Развал имел покат в сторону юго-востока. Камни мелкие диаметром 0,1-0,15 м, необработанные, известняк.

К этому же слою относилось скопление камки, прилегающее с юга к развалу камней (Рис. 50). Глубина обнаружения камки 0,23 м, размер 0,70x1,0 м, толщина 0,07-0,05 м. Под слоем камки обнаружено скопление углей, прослежены остатки трех перегоревших плах шириной 0,15-0,12 м, толщиной 0,03-0,04 м; плахи ориентированы в северо-западном направлении, параллельно друг другу с интервалом 0,1-0,12 м.

К слою второй четверти VIII – середины IX вв. (Рис. 50-54), вскрытому в 1959 г. относились: дом 1 – на площадях I, II, V, VI, VII и VIII (кладки 1, 2, 10, 31, и кладка 14); дом 2 – на площадях II, III и VI (кладка 23); дом 3 – на площадях XIII и XIV (кладки 40, 41, 42, 67, 68), дом 4 – на площадях XI и XII (кладки 47, 48, 69); верх вымостки 88 на площадях XI, XIV, XVII и XVIII. В 1968 г. были доследованы: кладка 14 на площади V – фундамент дома 1; кладка 23 на пло-

щади VI – фундамент дома 2; развалы камней 6, 7 и 8 и яма А на площадях V-VI; вымостка 37, кладка 10 и яма Б и погребение 1 на площади VI; на площади XXIII: кладки 16 (открыта в 1959 г.) и 12, развал 4 и кладка 9, развал 11. В 1959 г. также встречены фрагменты построек: кладки 7, 8, 9, 21 22, 16, 26, 49, вымостка 3; открыт верхний пласт вымостки 11. В 1960 г. открыты: кладка 79 – на площади XV, кладка 100 – на площади XVIII, кладка 99 и пол 105 – на площади XIX. Грунт слоя светло-коричневый суглинок, довольно плотный, гумусированный обильно насыщен керамикой. Мощность слоя 0,40-0,85 м.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. в 1968 г. был вскрыт и на площадях XX-XXII, которые были прирезаны к раскопу «Центральный» с восточной стороны, в целях дальнейшего исследования открытых в 1960 г. участков средневековой мостовой и развалов домов по обе ее стороны. Размер каждой площади 5x5 м. Площадь – 75 м². На площадях XX-XXII открыты кладки 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20, являющиеся остатками двух домов (5 и 6).

Культурный слой, вскрытый на глубину 1,4-1,6 м, на исследованном участке делился на три подслоя. Толщина первого (верхнего) подслоя 0,4-0,7 м. Это однородный серый гуммированный и довольно рыхлый грунт, почти пересохший на глубину 0,5 м. От второго подслоя он отделен прослойкой камки, благодаря которой удалось проследить этот слой не только в профилях, но и в плане: камни образовали скопления, местами лежали отдельно, или по два-три рядом и при подчистке их удалось выявить полностью подошву первого подслоя. В профиле она также достаточно хорошо видна (Рис. 54). Ни в одном из скоплений камней не удалось выявить кладок. Камни были набросаны беспорядочно – все они мелкие, необработанные. Вероятно этот первый подслой на данном участке представлял собой сплошной перекоп, образовавшийся при поисках древних кладок и при выемке камней из них. Все мелкие, ненужные для стройки камешки оставались на месте, на дне карьера. После этого карьер был, по-видимому, засыпан. Этот сплошной слой перекопа прослеживался, судя по профилям, на всей площади «Центрального» раскопа. Очевидно, он может свидетельствовать об очень большой застройке этого района в древности. Кладки здесь так тесно подходили одна к другой, что возникала необходимость для извлечения камня копать сплошными площадями, закладывая для этого своеобразные раскопы глубиной в 0,4-0,7 м.

Второй слой также являлся перекопом. Однако его очертания можно проследить на исследованных участках. Он выбрал кладки, нижние камни которых удалось проследить, и именно от него сохранились на площадях XX и XXII развалы камней, оставшихся в ямах после выборки крупного камня (Рис. 50, 54). Таким образом, этот перекоп также прослежен в плане и в профилях, хотя по внешнему виду мало отличался от первого – это тоже серая гуммированная рыхлая земля. Он более ранний, сравнительно с перекопом первого подслоя. То обстоятельство, что он очень явно шел только по кладкам и рядом с ними, свидетельствует о том, что кладки ко времени второго перекопа были еще видны на поверхности – их не искали и не рыли обширных котлованов, как позднее, когда образовался первый (верхний) подслой.

Третий, по-видимому нетронутый поздними перекопами подслоя, был только затронут исследованиями 1968 г. К нему относились те обрывки кладок, которые были обнаружены на участках, промежутки между кладками, вымостки, полы, заполнение хозяйственной ямы и пр.

На площади XXIII мощность слоя составляла 1,0-1,2 м. Сверху (0,40-0,45 м) плотный серый суглинок светло-коричневого оттенка, в восточной части встречается рассыпанное обожженное зерно. Ниже (0,60-0,70 м) более рыхлый, менее однородный, темный коричневатый суглинок с вкраплениями чистого песка, поверхность его почти горизонтальна на глубине 0,80-0,85 м, производила впечатление насыпного грунта. В южной части, в профиле раскопа был замечен перекоп этого слоя.

Дом 1 (Рис. 50.1) открыт на площадях V-VI, I-II и VII-VIII. В плане дом – вытянутый прямоугольник длиной 8,35 м, шириной 4,35 м. Здание включало в себя большое прямоугольное в плане помещение и небольшое, треугольное. Сохранились каменные цоколи стен дома, предназначенные для сырцовых стен. Цоколи сложены из камней твердого известняка, частью рваных, частью грубо отесанных прямоугольных блоков средней величины. Кладка – «ёлочкой»; каждые два ряда камней положены наискось под прямым углом один к другому.

Северная кладка 10 длиной 4,50 м, шириной 0,60 м, высотой 0,50 м; сохранилось четыре ряда кладки, внешний панцирь глубже внутреннего – на один ряд камней настолько широких, что они поддерживают почти весь цоколь. Западная кладка цоколя 1, деформировалась. От других кладок дома она отличалась своей мощностью, по-видимому потому, что выходила на улицу: в основании цоколя лежали крупные булыжники, достигающие в длину около полуметра. Внешний панцирь имеет пять рядов кладки, а внутренний – три. Третий ряд внешнего панциря как бы подпирает снаружи глинобитный пол дома. Таким образом, нижняя часть западной стены была заглублена в землю и служила фундаментом.

Южный цоколь 31 длиной 3,20 м, шириной 0,40-0,50 м, сохранился плохо: остался на месте лишь внутренний панцирь нижнего ряда камней, уложенных «ёлочкой», высотой 0,35 м. Почти в середине кладки лежала квадратная плита, на которую справа и слева опирались наклонно поставленные камни, их движение направлено с обоих концов к центру, по всей вероятности здесь находился вход в дом, плита могла быть опорой для порога.

Восточный цоколь 2 длиной 7,80 м, шириной 0,60-0,65 м, высотой 0,20-0,30 м сохранился на высоту одного, местами двух рядов камня, уложенных непосредственно на поверхность глинобитной площадки пола, этот цоколь – самый слабый из четырех, обрамляющих внутреннее пространство дома.

Глубина залегания цоколя дома: 0,40-0,80 м от поверхности; подошва открыта на глубине 0,80-1,25 м – кладки понижались к северу соответственно падению рельефа местности. В четырехугольном пространстве дома был обнаружен глинобитный пол. Пол был поврежден ямой поздней могилы, а ранее – при пожаре. При расчистке пола были обнаружены следы пожара в виде сажи и обгорелой, красного цвета глины, а также куски печины очага в разных частях пола, верхняя часть кувшина с широким прямым

раструбом, украшенном рифлеными полосками; каменный жернов, фрагменты черноглиняных горшков с линейным орнаментом, фрагменты круглодонных реберчатых амфор. Пол сохранился кусками вдоль северной и восточной стены и частично вдоль западной стены дома.

Лучше сохранился пол у восточной кладки 2, он представлял собой трамбовку из глины толщиной 0,05-0,06 м; местами под глиной встречались прокладки золы. Пол находится на глубине 0,93 м от поверхности земли.

К дому 1 с севера примыкало помещение треугольной формы, вероятно, выполнявшее хозяйственные функции. Северный угол этого треугольного помещения уходил в северный борт раскопа. Помещение ограничено с юга кладкой 10 (северный цоколь дома 1), с северо-запада монументальной кладкой 14; от кладки, ограничивавшей это помещение с востока, остались два камня средних размеров, лежащих на линии продолжения кладки 2 – восточного цоколя дома 1. Помещение было вымощено мелким камнем; сохранился кусок каменной вымостки длиной 2,40 м, шириной 1,40 м.

Кладка 14 (площадь V) являлась северо-западным цоколем дома 1. Выложена «ёлочкой» из трех рядов камней ракушечника и песчаника, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток, уходила в северный борт раскопа у границы площадей V-VI. Являлась продолжением кладки 1 и аналогична ей. Длина кладки 5,55 м, ширина 0,6 м, глубина подошвы 1,75 м. Камни панциря размером от 0,20x0,1x0,07 м до 0,50x0,30x0,15 м. Средняя величина камней верхних двух рядов 0,2x0,15x0,10 м. Нижний ряд состоял из более массивных камней, их средняя величина: 0,45x0,25x0,18 м. Камень рваный, незначительно подтесан с внешней стороны кладки. Забутовка состояла из мелких камней и отдельных амфорных фрагментов. Под кладкой – плотно утрамбованная глина с отдельными керамическими фрагментами и незначительным количеством толченого известняка. На глубине 2,10 м при зачистке обнаружены следы ямы фундамента этой кладки, хорошо заметные в глинистом слое.

Среди находок в кладке отмечается многочисленный амфорный материал; фрагмент дна сосуда с орнаментом (вертикальные полосы в нижней части, отделенной двумя желобчатыми поясками), округло-уплощенное дно – вероятно от кружки или кубышки; несколько кусков цемянки, неопределимые кости; небольшой черепок с темно-зеленой поливой. Под кладкой сравнительно много (около 15) фрагментов амфор.

К востоку от дома 1 открыта вымостка 12 из мелких плоских камней и булыжников, уложенных на трамбовке из глины, песка и золы, очень плотных. Глубина залегания 0,90-1,22 м от поверхности; подошва на глубине 0,95-1,27 м. Вымостка к северу немного понижалась. Она занимала площадь 2,60 м (по линии север-юг) x 2 м (восток-запад). Наибольшая толщина 0,20-0,25 м. Вымостка 12, по всей вероятности, находилась под навесом.

К востоку от дома, с северной стороны вымостки, были обнаружены четыре камня М с круглыми отверстиями, диаметром 0,12 м для вставки деревянного столба. Эта выкладка находилась на расстоянии 0,60 м к востоку от кладки 2 и в 1,60 м от северо-восточного угла дома. Среди камней вымостки 12 находился барабан колонны (известняк) с ионийскими каннелюрами.

Дом 2 находился к востоку от северо-восточного угла дома 1, на расстоянии 1,60 м от него (площади II, III, VI). Дом раскрыт частично, так как уходил в северный и восточный борт раскопа. Раскопана часть прямоугольного помещения, ориентированного с севера на юг, с небольшим отклонением северной части к западу, а именно кладка западного цоколя 23 и южного цоколя, связанные в переплет под прямым углом.

Глубина залегания цоколя дома 2 – 0,34 м от поверхности; подошва на глубине 0,64 м. Цоколь 23 (площадь VI) более массивный. Кладка выложена «ёлочкой» из одного ряда ракушечника, ориентирована по линии юг-север, с отклонением к западу, уходила в северный борт раскопа почти в середине борта. Длина 5,70, ширина 0,85-0,55, глубина подошвы кладки 1,35-1,40 м. Состояла из камней размером от 0,30x0,20x0,15 м до 0,45x0,40x0,17 м, при средней величине камней 0,40x0,30x0,15 м. Камень рваный, с незначительными следами обработки. Встречено несколько камней вторичного использования, обломки квадров одинаковой толщины 0,15-0,17 м и шириной 0,40 м; один из них служил основанием кладки в юго-западном углу цоколя. В забутовку между панцирями положены мелкие камни и фрагменты амфор. Кладка лежала на плотно утрамбованной субструкции из грубо размолотого бурого железняка толщиной 0,10-0,15 м.

Длина кладки южного цоколя – 1,80 м, ширина 0,50 м. Обе кладки цоколя имели один ряд камней, состоящих из двух панцирей и мелкого бута. Угловой камень цоколя больше других, на него опиралась «ёлочка» кладок.

В забутовке и в вымостке под кладкой встречено значительное количество средневековой, а также античной керамики. Средневековые фрагменты представлены: горлом и ручкой амфоры, венчиком тонкостенного оранжевоглиняного кувшина с ойнохоевидным сливом; фрагментами лепной кухонной посуды, кругового кухонного горшка с линейным орнаментом, кубышки или кружки с продольно-поперечными лощеными линиями.

Пол дома 2 открыт на глубине 1,35 м от поверхности, подошва на глубине 1,70-1,75 м. Пол глинобитный, плотный, однородный с примесью золы и редкими включениями мелких кусочков обожженной глины. Лежал на уровне середины цоколей. На глубине 1,70 м у восточного борта раскопа встречены тонкие прослойки камки (три пятна размером около 0,20x0,35 м). Пятен ям или перекопов при зачистке пола не обнаружено. У южной кладки обнаружен большой сероглиняный горшок с отбитым дном.

При проведении дальнейших работ на площадях XXIII, V и VI, в 1968 г. был выявлен ряд объектов, находящихся на границе слоя начала VII – начала VIII вв. и второй четверти VIII – начала IX вв. Вероятно эти кладки и вымостки относятся к обоим слоям (Рис. 51).

Вымостка 37 (средняя часть площади VI) открыта на глубине от 1,60 м до 1,70 м; имела длину 1,40 м, ширину 1,0 м. Неправильно округлой формы, частично срезана кладкой 23. Вымостка состояла из античной и средневековой амфорной керамики, камни – мелкий ракушечник. Очевидно, вымостка была связана с кладкой 10.

Кладка 10 (площадь VI) – частично сохранившиеся западный и южный

цоколи разрушенной постройки в западной половине площади (и одновременно восточная стенка треугольной пристройки к дому 1). Сохранились наружный панцирь западной стенки и внутренний панцирь южной стены. Глубина поверхности западной стены 1,65 м, южной 1,70 м, соответственно подошве 1,85 и 1,90 м. Западная кладка ориентирована по линии север-юг, ее длина 4,15 м; южная ориентирована по линии запад-восток с отклонением к северу, ее длина 1,85 м. Западная кладка состояла из мелких камней среднего размера 0,10x0,15x0,2 м; южная – из более крупных: 0,1x0,15x0,35 м. Камни – рваный ракушечник. В южной кладке использован жернов из известняка. Размеры жернова: диаметр 0,44 м; толщина в центре 0,07 м; толщина у края 0,06 м; диаметр отверстия 0,04 м. Нижняя часть жернова плоская, верх немного скошена от центра к краю. Край жернова сколот.

Керамика в помещении представлена главным образом фрагментами античных амфор. Средневековая амфорная керамика представлена несколькими фрагментами амфор; 10 фрагментами кухонной посуды с рифлением. На керамике отмечается зеленоватый налет, очевидно органического происхождения – это позволяет предполагать, что кладка принадлежала скотному двору или хлеву.

Развал камней 6 (граница площадей V и VI) открыт на глубине 1,80-1,95 м. 15 крупных камней (известняк) развала – диаметром от 0,30 м до 0,5 м. Длина развала по линии север-юг 1,0 м, запад-восток 1,40 м.

Развал камней 7 (площадь V) открыт на глубине около 2,0 м. Камни мелкие (ракушечник), диаметром от 0,10x0,20x0,15 м. Длина развала по линии север-юг 1,8 м, запад-восток 1,0 м. Вероятно, это часть развала 6.

Вымостка 8 (восточная часть площади VI) открыта на глубине 1,80 м. Вымостка – каменно-черепяная, в плотном глинистом грунте. Длина вымостки по линии север-юг 3,80 м, ширина 0,8 м, расстояние от восточного борта 1,05 м. Вымостка уходила в северный борт. Состав вымостки: амфорная (главным образом античная) керамика, обломки черепицы, мелкие камни (известняк). Своим восточным краем вымостка частично перекрывала яму Б.

Яма Б (площадь VI) открыта у западного борта. Была обнаружена при расчистке погребения 1, на глубине - 1,97 м в слое утоптанной неоднородной глины. Пятно ямы в плане круглое, диаметром 1,20 м, дно ямы открыто на глубине 3,40 м, диаметр дна 1,73 м. Яма в разрезе колоколовидная, дно почти горизонтально. Заполнение ямы: светло-коричневый в верхних слоях и затем темно-коричневый суглинок, в верхней части заполнения встречались камни известняка размерами 0,2x0,15x0,10 м. В яме найдено около ста фрагментов античной разновременной керамики. На глубине около 0,45 м (от края ямы) найдено около 50 фрагментов высокогорлого кувшина; в ручке кувшина отверстие (след ремонта). Также встречены кости овцы и коровы. В верхний слой ямы был положен (нижними конечностями) скелет погребения 1 (Рис. 195.2) (см. Глава III), к которому, очевидно и относятся фрагменты кувшина с плоской ручкой.

Кладка 5 (юго-восточный угол площади V) – угол здания, обнаруженный

на глубине 1,90 м, вероятно, относится к VIII в. Северная стенка угла здания была разрушена при строительстве кладки 14. Восточная стенка ориентирована по линии север-юг, северная – восток-запад с отклонением к северу. Длина северной стенки 1,60 м, восточной 1,0 м. Ширина 0,50-0,60 м. Кладка «ёлочкой» из средних размеров камней известняка.

Развал неоднородной глины на глубине 2,0-2,20 м, вероятно, являлся границей слоя второй четверти VIII – середины IX и начала VII – начала VIII вв. Этот слой слабо насыщен керамическим материалом: встречено около 20 фрагментов с рифлением, два фрагмента амфоры с граффити, немного кухонной керамики. Отмечены кости (около 15): зубы, челюсть коровы, зуб лошади.

На площади XXIII кладки 16 (1959 г.) и 12 относились к большому зданию, являясь его южной стеной (кладка 16) и внутренней стеной (кладка 12). В 1959 г. на площади V был выявлен угол этого здания. На площади XXIII кладка 16 (Рис. 51.1) обнаружена на глубине 0,40 м. Заходила в западный борт раскопа на расстоянии 0,50 от северного борта. Кладка состоит из двух панцирей с забутовкой из мелких камней. Камни панциря (известняк) имели размер 0,20x0,20x0,15 м (верхний ряд) и 0,40x0,30x0,20 м (нижний второй ряд); уложены под углом 45°. Кладка массивная, хорошего качества, камни снаружи подтесаны. Субструкции не обнаружено.

Кладка 12 обнаружена на глубине 0,65 м, строго перпендикулярна кладке 16; ее длина 0,5 м, уходила в северный борт раскопа. Ширина кладки 0,40 м; она состояла из двух рядов камней среднего размера. К востоку от нее на той же глубине обнаружены два пифоса, врытые в землю (расстояние до центра сосуда 2,70- и 3,35 м). Диаметр пифосов 0,50 м, диаметр горла 0,18 м, глина красная с вкраплениями извести.

Развал 4 (Рис. 50) открыт у восточного борта площади на глубине 0,45-0,50 м; состоял из мелких и средних камней. Два или три из них – *in situ* покоились на тонкой (0,05) песчано-железняковой субструкции на глубине 0,70 м. Камни известняковые, необработанные. Следы субструкции незначительны, эта субструкция лежала на восточной части кладки 9, обнаруженной на глубине 0,50 м, в центральной своей, наиболее сохранившейся части на протяжении по линии юг-север 1,40 м (Рис. 51.2). Кладка проходила из восточного в западный борт и ориентирована по линии восток-запад с отклонением к северу. Ширина кладки в сохранившейся части 0,60 м. Северный панцирь кладки сохранился лишь у западного борта раскопа. В центральной части кладки сохранились четыре ее ряда. Кладка нерегулярная (не «ёлочка»). Первый и второй ряды из камней сравнительно мелкого известняка размером 0,15x0,15x0,10 м, камни третьего ряда крупнее 0,30x0,20x0,15 м; нижний четвертый ряд из крупных камней 0,40x0,30x0,20 м. В этом слое обнаружено четыре обломка квадров шириной 0,4 м и толщиной 0,2 м; один целый грубый квадрат размером 0,75x0,3x0,15 м. Подошва кладки находилась на глубине 1,20 м. Во втором ряду кладки был использован барабан колонны из плотного известняка. Колонна, вероятно византийская, подтесана; диаметр 0,39, толщина барабана 0,18 м. В боках

барабана, строго друг против друга проделаны прямоугольные пазы размером 0,05x0,56, глубина паза 0,03 м. С юга к основанию кладки прилегает ровная полоса (шириной 0,75) чистого желтого песка (открыта на глубине 1,05-0,90 м). Подошва слоя песка довольно горизонтальна на глубине 1,20 м. Разборка кладки дала разновременный античный керамический материал, средневековой керамики мало и она не выразительна. Найден обломок грубой кормушки из ракушечника.

У южного борта раскопа также открыт развал 11 (частично уходил в западный и южный борта раскопа), глубина 1,35 м. Мелкие камни (0,15x0,10 м) в слое песка с толченым железняком, вероятно – субструкция разрушенной кладки. Ориентирована строго по линии восток-запад; длина 3,80 м, ширина 0,60 м, толщина около 0,15 м.

Площадь XXIII была доведена до глубины 1,85 м от поверхности. В этом пласте на керамике наблюдался зеленоватый налет. У восточного борта площади встречены тонкие следы камки; у западного борта – мелкие угольки; встречаются небольшие пятна песка и несколько кусков сырцового кирпича.

По всей вероятности, к слою относился и большой пифос, открытый к юго-востоку от дома 1, возле кладки 22. Пифос появился на глубине 0,76 м (Рис. 50).

В западной части раскопа был открыт верхний пласт вымостки 11, являющейся вымосткой улицы, протянувшейся с севера на юг и существовавшей на протяжении VII–IX вв. Улица постепенно сворачивала на северо-восток; ширина – не меньше 2 м, учитывая, что вымостка была уничтожена с восточной стороны канавой для фундамента здания последующего слоя (дом 1). Северный конец вымостки уходил в северный борт раскопа. Протяжение вскрытой вымостки 15 м, ширина от 1 м до 1,60 м.

К югу от домов 1 и 2 обнаружены фрагменты цоколей 21, 22, 7, 8, 9, 26 (на площадях II, III, VIII, IX), но их незначительность затрудняет реконструкцию бывших здесь сооружений; эта часть раскопа более всех пострадала от перекопов позднейшего времени.

Кладка 7 построена в переплет с кладкой 8, к западу под прямым углом к ней (площади II и III). Ориентирована с севера на юг с небольшим отклонением к западу. Имела три ряда камней, верхний ряд состоит из довольно крупных булыжников 10,28x0,28x0,15 м и др. Они уложены по два в ширину кладки; два другие ряда кладки из мелкого бута. Длина кладки 2,50 м, ширина 0,55 м, высота 0,48 м. Глубина залегания 0,72 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,20 м.

Кладка 8 имела два ряда кладки – верхний из булыжников, нижний из плоских булыжников и крупных бутовых камней. Длина кладки 1,70 м; ширина 0,55 м, высота 0,40 м. Глубина залегания 0,54 м от поверхности; подошва на глубине 0,94 м.

Вплотную к углу кладок 7 и 8 с востока примыкала кладка 9 (под прямым углом к кладке 8). Длина кладки 0,80 м, ширина 0,40-0,35 м, высота 0,39 м. Сохранились четыре ряда кладки, в два камня, в ширину кладки. Камни –

известняк-ракушечник, неправильной формы, стесанные с наружной стороны (их размеры: 0,25x0,24x0,15 м; 0,21x0,27x0,04 м и др.). Глубина залегания 0,61 м от поверхности; подошва на глубине 1,0 м.

Кладки 21 и 22 параллельны и одинаково ориентированы с севера на юг с небольшим отклонением северной части на запад; расстояние между ними 1,28 м; полностью аналогичны по своему строению; по-видимому, представляли собою цоколи сырцовых стен. Сложены в «ёлочку» из камней известняка средней величины, неправильной формы, а также небольших булыжников, уложенных по два в ширину кладки; между ними мелкий бут. Длина кладки 21 – 3,33 м, ширина 0,50 м, высота 0,12 м. Глубина залегания 0,90 м, от поверхности; подошва на глубине 1,02 м. Длина кладки 22 – 3,80 м, ширина 0,30 м, высота 0,11 м. Глубина залегания 0,89 м от поверхности; подошва на глубине 1,0 м. Кладка уходила в южный борт площади.

Кладка 26, являющаяся фрагментом цоколя, открыта на площади IX. Длина кладки 1,40 м, ширина 0,60 м, высота 0,33 м. Сохранился один ряд кладки из довольно крупных камней (0,50x0,35x0,40 м, 0,35x0,25x0,35 м и т.д.), по два камня в ширину кладки; между ниш бут, панцири кладки уложены «ёлочкой». Глубина залегания 1,0 м от поверхности; подошва на глубине 1,33 м.

К востоку от вымостки 12 была обнаружена вымостка 3 (в средней части площади II). Длина вымостки 3,20 м (по линии север-юг), ширина 1,60 м (восток-запад). Глубина залегания 0,92 м от поверхности; подошва на глубине 1,15 м от южного борта. Вымостка состояла из плоско лежащих крупных и мелких камней известняка разной формы и размеров. Сохранилась кусками, имеющими ровную поверхность. Среди камней есть плиты (0,40x0,30x0,50 м; 0,26x0,32x0,14 м; жернов (диаметром 0,44 м, толщиной 0,09 м), булыжники (0,55x0,21x0,07 м; 0,25x0,17x0,14 м и др.) и рваные камни – средних и мелких размеров.

В северо-западной части раскопа на площади IV и V открыт сильно разрушенный цоколь 49. Он лежал на верхнем настиле вымостки 11 предыдущего слоя (описание приводится ниже). Шел параллельно кладке дома 1. Он принадлежал дому, стоящему на западной стороне переулка, расстояние от кладки 1 определяет ширину переулка между двумя домами – 1,35 м. Размеры кладки 49 в длину 4,60 м, ширину 0,55-0,60 м, высоту 0,30 м. Глубина залегания 0,87 от поверхности; подошва на глубине 1,17 м. Кладка имела один ряд камней известняка средних размеров (уложенных по два в ширину кладки). При разборе кладки 49 были найдены три камня, служившие обрамлением круглого отверстия, очевидно, ямы или колодца; их внутренняя сторона была хорошо стесана по кругу. Вероятно, кладка 49 связана с кладкой 9, открытой на площади XXIII (Рис. 51).

Верх черепяной вымостки 88, прослеженной и полностью открытой в предыдущих слоях, обнаружен на площадях XVII, XVIII, XI и XIV. Вымостка ориентирована с востока на запад с отклонением к северу в восточной части. Вымостка многослойная, из обломков керамики и мелких камней. Как и вымостка 11 являлось покрытием улицы, которая продолжалась на запад и

пересекалась переулком 11. Также сохранился плотный песчаный подстил на площадях XV, XVI и XVII. Улица прослеживалась в длину на 20,6 м, ее ширина равнялась 3 м. По сторонам от улицы прослежены остатки домов.

В юго-восточной части раскопа открыты каменный цоколь дома 3 (площади XIII и XIV) и часть цоколя дома 4 (площади XI и XII).

Дом 3 (Рис. 50.2, 52) в плане вытянутый, прямоугольник, ориентированный с ССЗ на ЮЮВ, длиной 7,10 м, шириной 4,70 м (в средней части). Северная кладка 68 цоколя дома была сложена в «ёлочку», она имела два панциря, свободное пространство между ними заполнено бутом из мелкого известняка и мелкой керамики. Сохранность кладок цоколя хорошая, хотя разрушен северо-западный угол и большая часть западной кладки 67, восточная часть южной кладки 40 и средняя часть восточной кладки 41. Хорошо сохранившиеся углы здания дают представление об их конструкции. Северо-восточный угол здания замкнут массивной плитой; юго-западный угол сложен из четырех плит, лежащих одна на другой. Глубина залегания (юго-западный угол) 0,45 м (поверхность). Подошва кладок совпадала с уровнем пола. Пол дома глинобитный, желтовато-серого цвета с легким наклоном к северу. На полу был найден открытый черноглиняный светильник. В южной половине дома находился очаг в виде опрокинутого и вмazanного в пол горлом вниз амфоры. В юго-восточном углу дома лежала плита 0,50x0,20 м. Вход в дом, по всей вероятности, был с западной стороны на расстоянии 1,10 м от юго-западного угла в том месте, где стояли два камня (на расстоянии 1,40 м один от другого). На одном из камней сохранилась стоявшая вверх дном желобчатая амфора, возможно, фланкировавшая вход.

Дом стоял на перекрестии переуллка и улицы (вымостка 88). Ширина переуллка определяется расстоянием до дома 4, находящегося к западу от дома 3, а именно – 1,90 м. Переулок и улица определяются по единичным каменным плитам средних размеров (0,25x0,30 м), залегавших на одном уровне и обнаруженными к северу к западу и к северу от дома 3. Глубина их залегания 1,70-1,20 м.

Дом 4 (Рис. 52) находился на расстоянии 2 м к западу от дома 3 (площади XI и XII). Раскопана северная (кладка 69) и часть восточной (кладка 47) стен, открыт узкий каменный цоколь внутренней стены (кладка 48), идущей в 2,40 м от северной стены и параллельно последней. Длина северного цоколя (1,20 м на площади XI) общая – 2,50 м, восточного – 0,90 м, перегородки – 0,40-0,45 м. Все цоколи сложены в «ёлочку». Они сохранились на высоту одного ряда камней, но были несомненно, выше. Внешние стены имели два панциря с забутовкой, а поперечная стенка состояла из двух рядов камней в «ёлочку» без бута. В кладках находились камни вторичного использования. Так, в качестве наружного блока в восточный цоколь был заложен фрагмент базы мраморной колонны (Рис. 136.5). Цоколи сложены на плотной песчано-глинистой подстилке (пропорция: песок – 1 часть, глина – 2 части), толщиной 0,30 м, которая одновременно служила и полом самого помещения. Здесь же найден обломок синего стеклянного браслета.

Обращает на себя внимание техническая разница в кладке стен здания. Особенно мощной является северная стена, хорошо сохранившаяся с внешней стороны. Составляющие панцирь блоки правильно отесаны, им придана форма прямоугольных треугольников, и положены они так, что их верхние острые углы обращены внутрь кладки и несколько книзу, а противолежащие им торцы – образуют наружную стенную плоскость. Внешний панцирь северной стены опирался на крупные блоки, лежащие под ним. Они были заглублены в почву и как бы укрепляли ту песчано-глинистую площадку, на которой выстроен дом, а также образовывали нечто вроде отмоктки и контрфорса. Солидность конструкции северного цоколя – кладки 69 объясняется, по-видимому, тем, что эта сторона выходила на улицу, дом был не меньше, чем двухкомнатный и его уличный фасад, возможно, был двухэтажным или имел балконы.

Кладка 79 (граница площадей X и XV) – каменное основание дома. Была сложена «ёлочкой»; ее северо-западная часть была видна в южном борту площади X, открытого в 1959 г. Ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. Уходила в западный борт площади. Длина 3,50 м, ширина 0,80-1,20 м, высота 0,35 м. Глубина 0,65 м от поверхности; подошва открыта на глубине 0,95-1,0 м. Кладка имела два панциря из крупных камней известняка, поставленных наклонно, между ними мелкий бут. Размеры камней: 0,38x0,25x0,20 м; 0,25x0,28x0,10 м. Южный панцирь был образован из булыжников продолговатой формы; северный сложен из известняка, камни различные по обработке – встречались совершенно необработанные, стесанные только с внешней стороны кладки, а также квадраты правильной формы. Восточный конец кладки представлял собой угол здания, он был укреплен двумя большими дикарными камнями песчаника (0,84x0,35x0,42 м; 0,97x0,90x0,54 м).

Комплекс из двух строений (дома 5 и 6) был открыт в северо-восточной части раскопа (Рис. 50, 53-54).

Кладки 14-20 открыты на площадях XX-XXII. Большинство из них, пересекаясь, представляли собой остатки двух жилых комплексов. Только кладка 14, лежащая выше остальных, не связана с остальными.

Кладка 14 (Рис. 54.1) была обнаружена на глубине 1,0 м от поверхности на площади XXI. Ориентирована по линии ЗЗЮ-ВВС, длина расчищенной части 1,9 м, ширина ее 0,45 м. Кладка сохранилась на один нижний слой камней. Состояла из двух панцирей, сложенных из небольших камней в «ёлочку» и забутовки между ними из мелких битых камешков и обломков амфор, среди которых встречались массивные и окатанные водой ножки античных амфор, явно принесенных с берега моря. К западному концу кладки примыкал большой плоский камень, вероятно угловой. Видимо кладка относилась к самому позднему периоду жизни на исследуемом участке городища, остатки которого совершенно уничтожены первым перекопом. Рядом с этой кладкой с юга, на той же глубине, были обнаружены жернов, горшок и несколько крупных фрагментов амфоры. Все они были найдены в перекопе, но грунт этого перекопа был сильно отличен от грунта на других участках раскопа – он был перемешан с кусками обожженной глины, золой, угольками. Вероятно, в этом месте перекоп разрушил печь,

рядом с которой стояли горшок, амфора и жернов – обычный “припечный” ассортимент предметов. Можно предполагать, что кладка 14, разрушенная печь и вещи около нее относились к одному совершенно разрушенному комплексу – жилому дому, внутренняя часть которого находилась к югу от кладки. Возможно, что печь стояла в углу, который намечался благодаря сохранившемуся в кладке большому камню на ее западном конце.

Кладки 15 и 19 (площадь XXI) являлись фундаментами дома 5 (Рис. 54.2).

Кладка 15 открыта на глубине 1,1 м. Один ее конец уходил под северный борт раскопа. Длина открытой части 2,8 м, ширина 0,7 м. Ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Сохранилась на два ряда камней, высота 0,5 м, таким образом, нижний ряд лежал на глубине 1,6 м. Кладка состояла из двух панцирей, сложенных «ёлочкой». Внешний панцирь был сложен из более крупных камней, внутренний – из более мелких. Между панцирями – забутовка из мелких камешков и плитняк

Кладка 19 располагалась под прямым углом к кладке 15, западнее и составляла с ней угол дома 5. Она сохранилась значительно хуже – на один ряд камней, уложенных в той же системе (два панциря их крупных камней и забутовка из мелких камешков между ними). Западным концом кладка уходила на площадь III, но там она не была прослежена из-за перекопа. Длина прослеженного отрезка кладки 1,2 м, ширина 0,7 м. Кладка 19 не только была почти до основания разобрана, но и в древности была перерезана более поздней хозяйственной ямой, что, видимо, говорит о разрушении этой стороны здания еще до сооружения ямы. К нижнему ряду камней с внутренней стороны кладок 15 и 19, вплотную был примазан глинобитный пол. Толщина подмазки около 5 см. Глина ярко-желтая. Глубина пола от поверхности 1,6 м. На полу, рядом с кладкой 15, прослежено слегка углубленное обожженное пятно с угольками и золой – обычный так называемый тарелкообразный очаг.

Таким образом, кладки 15, 19, пол и очаг являлись остатками жилого комплекса. На полу было обнаружено два фрагмента кухонных горшков с рифлением и ручка амфоры с примесью шамота в тесте. Этот материал позволяет датировать дом второй четвертью VIII – серединой IX вв. Некоторое уточнение датировки можно сделать благодаря перерезавшей кладку 19 яме 1, которая, несмотря на то, что выкопана в культурном слое и засыпана им же, хорошо прослеживается с самого устья, поскольку прорезает кладку и пол дома 1. Размеры ямы: диаметр устья 1 м, дна 1,2 м, глубина 1 м. Форма – слегка конусовидная. Дно утрамбовано и подсыпано песком. Заполнение почти неотлично от культурного слоя, в котором яма выкопана. Выделить его удалось только из-за нескольких слоев камки в нем, попавших в заполнение от рухнувшего в яму перекрытия. Находки в яме (Табл. 5) в целом крайне невыразительны: несколько стенок амфор (возможно античных?), два фрагмента высокогорлых кувшина (Рис. 96.2-3), обломки костей животных, маленький кусок черепицы. Интерес представляют только фрагмент лепного горшка с вмятинами пальцем по венчику и стенки рифленого гончарного горшка. Можно констатировать, что яма 1 входила в те же временные рамки, что и дом 1, но ясно, что в пределах второй четверти

VIII – середины IX вв. дом является более ранней постройкой.

С внешней (южной) стороны кладки 19 и с юга от ямы 1, на глубине 1,5 м, хорошо прослежен слой утоптанной золистой земли, в котором край ямы выявлен столь же четко, как и в полу дома 5. Эта же золистая прослойка прослежена и на северном профиле площади XXI (Рис. 54). Она, вероятно, образовалась при пожаре дома. Верхний слой этой золистой прослойки – плотный, как бы слежавшийся. Вероятно, он образовался при тушении пожара водой или естественном тушении его дождем. Этот слой пожара дома 5, во-первых, перерезан ямой, а во-вторых, четко прослежен в культурном слое под кладкой 14. Он ниже кладки 14 на 0,5 м. Можно предположить, что время гибели дома 5 и строительства комплекса, в который входила кладка 14 – 50 лет; следовательно, можно считать, что дом с кладкой 14 датируется до середины IX в., а дом с кладками 15 и 19 – VIII в. Яма же была вырыта примерно на рубеже VIII–IX вв.

Под золистым слоем пожара с внешней стороны кладки 15, почти на глубине пола дома 5, был прослежен слой вымостки из мелких фрагментов амфор и костей животных (Рис. 53). Другим краем эта вымостка упиралась в нижние камни кладки 16, т.е. стратиграфически связывала дом 1 с комплексом, в который входила кладка 16. Связывает их не только вымостка, но и слой пожара, и одинаковая ориентировка кладок 15 и 16. Расстояние между кладками 15 и 16 – 1,2 м – такова была ширина переулка между домами.

От дома 6 на площадях XXI и XXII частично сохранились кладки 16, 18, 20. Была открыта южная часть дома 6, северная уходила под северный борт площадей XXI и XXII (Рис. 54.3).

Кладка 16 обнаружена на глубине 1,1-1,2 м. Сохранилась на высоту в два ряда. Ее длина 1,8 м, ширина 0,75 м. С восточной (внутренней) стороны она была частично разобрана, а южный ее конец сохранился только на один ряд камней. Камни панцирей верхнего ряда уложены «ёлочкой». Между панцирями – забутовка из мелких камешков. Северный конец кладки уходил под борт раскопа. Южный конец сильно разобран. Кладка с юга резко обрывалась (была разобрана до основания), на протяжении 2,6 м проследить ее было невозможно. Только у кладки 18, с которой она образовывала прямой угол, от нее сохранилось несколько камней последнего ряда.

Кладка 18 почти вся состояла из одного нижнего ряда камней (Рис. 54.3). Только в западной части остался и второй слой уложенных «ёлочкой» камней. Как и предыдущие, она состояла из двух насухо сложенных панцирей крупных камней и забутовки между ними из мелких камешков и фрагментов амфор. Длина кладки 3,65 м, ширина 0,75-0,80 м. Юго-восточный угол дома был разрушен, поэтому не удалось проследить кладку на всю длину, так же как и стык ее с кладкой 20, которая сохранилась на один (нижний) ряд камней (Рис. 54.3). Она также сложена насухо из двух панцирей крупных камней в «ёлочку» и забутовки более мелких камней между ними. Ее длина 3,50 м, ширина 0,85 м. Северный конец кладки, который должен был уйти под борт раскопа, разрушен перекопом, заметным и в северном профиле.

Таким образом, была вскрыта южная часть дома 6 (три стены). Его

ширина с внешней стороны равнялась 4,65 м, изнутри – 3 м. Никаких следов пола в этом жилище обнаружить не удалось, видимо, он был скрыт перекопом.

У юго-западного, внешнего угла этой постройки, было обнаружено непонятное сооружение, состоящее из четырех кусков выломанной плоской цемянки и одного плоского куска железняка, поставленных на ребро под углом в 45° , то есть в «ёлочку», и большого массивного (толщина 15 см) куска цемянки, перекрывающего их. Размеры куска 0,80x0,20 м. Это сооружение, как бы продлевающее южную стену дома 6, перегораживало проход между домами 5 и 6, в котором была обнаружена вымостка. Очевидно, проулок делал колено у угла дома 6 и поворачивал на запад. Это предположение как будто подтверждается небольшой уцелевшей от перекопа площадкой вымостки, аналогичной вымостке между кладками 15 и 16 и обнаруженной на границе площадей III, XIX и XXI. Характерно, что и глубина ее залегания от поверхности та же, что и у вымостки в переулке – 1,6 м.

Вымостка прослежена и на площади XIX – пол 105 был слегка наклонен к востоку. Длина 3,40 м, ширина 2,70 м, толщина 0,02-0,03 м. Обнаружен на глубине 1,95 м от поверхности; подошва открыта на глубине 2,05 м. Пол двухслойный: верхний слой цемянки толщиной 0,03 м отделен от нижнего слоем пожарища толщиной 0,12 м; нижний слой цемянки имел толщину 0,02-0,15 м. Верхняя цемянка серо-зеленого цвета, перегоревшая, побывавшая в огне, на ней лежала зола. Нижний слой цемянки светлого желтоватопрозрачного цвета с наклоном к востоку. В северном профиле площади XIX, выше верхнего слоя цемянки на 0,50 м, были видны большие куски более толстой и лучше сохранившейся цемянки; они лежали в несколько слоев, прилегая к наклонно стоявшему камню (0,32x0,13 м). На них лежал сплошной массив цемянки, в котором встречались крупные черепки. На уровне этих кусков цемянки в восточном профиле была видна нижняя половина пифоса 1 (высота 0,73 м). Пифос уступчатый, ширина уступов 0,12-0,13 м, наибольший диаметр 0,76 м.

С южной стороны к дому 6 примыкала какая-то постройка, видимо, открытый дворик. От нее сохранились остатки фундамента, полукруглого в плане, сложенного из двух рядов довольно крупных камней (Рис. 53). С южной и юго-восточной стороны к этой ограде вплотную подходила вымостка улицы 88. На площади XX она продолжалась и затем резко поворачивала на север, к морю. Дом 6 стоял на углу. Этим объясняется и полукруглая форма фундамента забора. Вымостка улицы была обнаружена на глубине 1,2 м от поверхности. В северном профиле площади XIV были хорошо видны еще две вымостки, подстилающие первую. Вероятно это мостовые, которые периодически обновлялись. Вымостки, как и в переулке, состояли из фрагментов античных и средневековых амфор и костей животных.

Продолжением ограды являлись кладки 99 и 100, открытые на площадях XIX и XVIII.

Кладка 99 (на площади XIX) являлась каменным основанием южной стены дома. Длина кладки 5 м, ширина 0,50-1,0 м, высота 0,50 м. Глубина

залегания 0,90 м от поверхности; подошва на глубине 1,40 м. Кладка была в двух местах повреждена выборкой камня и сохранилась тремя кусками: у восточного борта – угловая часть в виде большого камня (0,75x0,50x0,55 м), уложенного на ряд мелких камней; затем отрезок средней части кладки длиной 1,50 м, состоящей из двух рядов кладки в «ёлочку»; и западная угловая часть в виде большого камня (0,85x0,85x0,30 м). Дом, южной стеной которого являлась кладка 99, находился по северную сторону широкой улицы (кладка 88).

Кладка 100 (площадь XVIII) вероятно, являлась основанием забора, отделявшего двор или же пристройку от улицы. Кладка очень незначительная по сравнению с другими с массивными кладками слоя: она примыкала к угловому камню кладки 99 в юго-западном углу площади XIX, продолжая ее направление на запад. Длина кладки 1,40 м, ширина 0,55 м, высота 0,20 м. Глубина залегания 0,58 м от поверхности. Сохранился один ряд кладки в «ёлочку» с двумя панцирями, между которыми забутовка из черепков. Кладка 100 сложена из небольших камней (0,20x0,18x0,10 м). С запада была ограничена плитой известняка, стоящей на ребре (0,45x0,40x0,22 м).

Внутри ограды (между оградой и стеной дома), во дворике, находился завал камней (в этом завале был найден обломок небольшой капители от античной колонны), после снятия которых были обнаружены (как уже отмечено выше) вкопанные в ниже лежащие слои нижние части двух массивных яйцевидных пифосов (Рис. 54.3-4). Обломки этих пифосов обнаружены на площади XX. Диаметр первого пифоса около 1 м, диаметр второго 1,2 м. Пифосы средневековые, датирующиеся, как и остальной материал, не позже IX в.

Таким образом, на площадях XX-XXII были открыты: кладки 15 и 19 – часть дома 5 с глинобитным полом и очагом; кладки 16, 18, 20 – часть дома 6; кладка 17 – ограда двора, примыкающего к дому 6 и пифосы во в дворике; два разновременных настила улицы, поворачивающей у дома 6 на север – к морю (вероятно, к гавани); переулок между домами 5 и 6 с вымосткой, аналогичной вымостке улицы. Все перечисленные объекты синхронны. Общая их дата по материалу – вторая четверть VIII – середина IX вв. Однако, относительная хронология, установленная стратиграфически, позволяет думать, что улица и дома существовали в VIII, может быть начале IX вв. Слой их гибели – слой пожара, прослеженный вокруг дома 5. Некоторое время этот участок города пустовал – на нем выкопали в то время только хозяйственную яму, а затем – лет через 50 был вновь застроен. От этого второго периода застройки осталась только кладка 14. Судя по ее ориентировке, совпадающей с ориентировкой кладок домов 5 и 6, планировка города во второй период осталась в основном прежней – улица продолжала существовать. Однако переулочек был перекрыт домом кладки 14.

Все постройки второго периода застройки были уничтожены перекопами. Здания первого периода также сохранились очень плохо – нижние камни фундаментов, к тому же и исследованы они были не полностью, так как уходили под борта раскопа. Вскрытый слой датирован временем не ранее VIII в.

Среди находок слоя можно выделить: железный листовидный наконечник стрелы (Рис. 131.36); конец бронзового браслета с зернью и стеклянной вставкой (Рис. 131.5); обломок черепицы с надписью-клеймом ΘΕΟΔΟ...ΚΝΟ; лицевой щиток дверного врезного железного замка (Рис. 131.16); лепной светильник в виде открытой туфельки (Рис. 127.3).

К слою начала VII – начала VIII вв. (Рис. 55) относятся кладки 24, 25, 28, 30, вымостки 11, 27. Эти строительные остатки обнаружены главным образом в южной и в западной части раскопа. Кладки 24, 25, 28, 30, вымостка 27, относятся к одному комплексу. Лучше сохранился фундамент угла здания 28-30 (площади IX-III). Также открыты: развал черепично-каменной вымостки 80 (площадь XV), кладка 82 и вымостка 84 (площадь XVI), фрагмент кладки 85 (площадь XVII), развал камней 83 и сырцовая кладка 86 (площади XVII и XVIII). Грунт – гуммированный суглинок неровного цвета, от серо-коричневого и желто-коричневого до темно-коричневого. Мощность слоя 0,20-0,40 м.

Кладка 25 открыта на площадях VII и XVI. Ее северный конец завершался большим камнем, который являлся угловым камнем здания (0,70x0,50x0,50 м). Кладка 25 параллельна кладке 28 (площадь IX). От нее сохранился один ряд камней средних размеров, представляющих собою западный панцирь кладки, восточный панцирь сохранился только у углового камня. Размеры кладки 25: длина 4,8 м, ширина – 0,35 м (на южном конце) и 0,40-0,90 м (на северном конце). Высота – 0,52 м. Глубина залегания 1,16 м от поверхности; подошва на глубине 1,70 м.

Кладка 82 (площадь XVI, на чертежах отсутствует) – фрагмент основания дома, впритык к кладке 25. Кладка сложена в «ёлочку», имела два панциря, между ними – бут. Длина кладки 0,55 м, ширина 0,75 м, высота 0,56 м. Глубина залегания 1 м от поверхности; подошва на глубине 1,56 м.

Под прямым углом к направлению кладки 25 проходил фрагмент кладки 4, вероятно, относящейся к тому же зданию (площадь VII). Сохранился один ряд кладки длиной 1,80 м, шириной 1,0 м, высотой 0,15-0,27 м. Глубина залегания 1,05 м от поверхности; подошва на глубине 1,20 м. Кладка 24 была сложена из камней известняка, уложенных по два в ширину кладки, «ёлочкой»; между ними в середине мелкий бут. Камни большей частью плоские, неправильной формы, средних и мелких размеров, один камень вторичного использования.

Непосредственно к кладке 25 примыкала вымостка 11, являющаяся вымосткой улицы. Протяжение вскрытой вымостки – 15 м, ширина от 1 м до 1,60 м. Улица существовала, как показывает состояние настилов вымостки 11, в течение VII–IX вв. К слою относятся два верхние настила вымостки. Глубина залегания 1,30 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,55 м. Поверхность настилов разная. Первый настил вымостки представлял собой слой мелких черепков, лежащих на земле, толщиной 0,15 м. Второй настил вымостки состоял из мелких камней и мелких черепков, толщиной 0,10-0,15 м.

В восточной части раскопа к слою относились кладки 28 и 30, каменная вымостка 27, глиняная утрамбовка 29.

Кладка 28 находилась на площади IX. Представляла собой один ряд нерегулярных камней, подтесанных с наружной стороны. В кладке встречались камни вторичного использования (потерявшие свою форму блок камня, размерами 0,65x0,45x0,25 м; 0,50x0,35x0,28 м). Кладка уходила в южный борт. Длина кладки 28 – 5,10 м, ширина 0,42-0,58 м; высота 0,25-0,30 м. Глубина залегания 1,40 м от поверхности; подошва на глубине 1,55-1,62 м.

Кладка 30 располагалась под прямым углом к кладке 28; большой угловой камень 10,75x0,26x0,40 м – общий; кладка 30 полностью аналогична кладке 28 – она также состояла из одного ряда крупных камней неправильной формы. Обе кладки лежали на засыпи – плотный грунт, представляющий собою глину с примесью песка желтовато-коричневого цвета и малым количеством находок, есть прослойки песка, толщиной 0,11 м. Кладка 30 сохранилась в длину на 2,10 м; ее ширина 0,40-0,50 м, высота 0,23 м. Глубина залегания 0,92 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,15 м.

Вымостка 27 (площадь IX) подходила к кладке 28 с востока и лежала выше ее подошвы на 0,08 м. Глубина залегания 1,18 от поверхности; подошва открыта на глубине 1,28 м. Вымостка имела ровную плоскую, явно ухоженную поверхность. Она двухслойная – сверху настил из плоских камней, среди них есть булыжники, жернов, над ним – черепяно-каменный подстил. Размеры вымостки: длина 3,50, ширина 0,50 м. Толщина всей вымостки 0,12-0,14 м; толщина подстила 0,06 м.

Глиняная утрамбовка 29 лежала ниже подошвы кладок 7 и 8 последующего слоя. Глубина залегания поверхности 1 м, подошвы 1,29 м; ее размеры 2,80x2,40 м. Состояла из слоя желтой глины толщиной 2-3 см, лежащего на подстилке из мелких камней и черепков толщиной 0,20 м. Назначение утрамбовки неясно.

Развал черепяно-каменной вымостки 80 (площадь XV) представлял собой плохой сохранности пласт из средних и мелких камней, залегающих в одном горизонте (известняк, плитняк) и крупных обломков черепицы и амфор. Длина вымостки 3,35 м, ширина 1,40 м, толщина 0,23 м. Глубина залегания 1,35 м от поверхности; подошва на глубине 1,53 м. Вымостка 80 продолжала направление черепяной вымостки 11, являвшейся вымосткой переулка. При разборе вымостки найдены дно кормушки и край мраморного лутерия.

Фрагмент кладки 85 открыт у южного борта раскопа (площадь XVII). Кладка представляла собой один ряд округлых небольших камней, плотно уложенных, имеющих направление с юго-запада на северо-восток. Протяжение 1,60 м, ширина 0,15-0,48 м, высота 0,15-0,17 м. Глубина залегания 1,10 м от поверхности.

Развал камней (вымостки ?) 83 (площадь XVII-XVIII) состоял из довольно плоских булыжников, крупных и мелких камней известняка неправильной формы, лежащих беспорядочно на разном уровне, в мусорном грунте, насыщенном обломками костей и черепков. Поверхность развала неровная. Протяжение 2,80 м, ширина 1,05 м, высота 0,20 м. Глубина залегания 1,10 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,30 м.

Сырцовая кладка 86 (Рис. 55) открыта вдоль северного борта раскопа

(площадь XVIII); частично залегала под развалом камней 83. Длина кладки 4 м, ширина 0,83 м, высота 0,40 м. Глубина залегания 1,12 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,52 м. Сохранились пять рядов кладки из сырцовых кирпичей, толщина рядов сырца 0,08, 0,05, 0,10, 0,18 м. Основание кладки лежало на прослойке земли толщиной 0,55 м, отделяющей его от вымостки 88 предыдущего слоя.

Каменная вымостка 84 (площадь XVI, на чертежах отсутствует) улицы, состояла из крупных плотно уложенных булыжников и небольших камней известняка. Длина 1,25 м, ширина 0,80 м, толщина 0,16 м. Глубина залегания 1,12 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,28 м. При разборе вымостки найдены: два куса жернова, обломок каменной чаши, сильно оббитая дорическая капитель (известняк), миниатюрная капитель пиллястры.

Вымостка 88, прослежена так же как и в последующем слое. Основная ее часть относится к слоям V–третьей четверти VI вв., где и приводится описание.

В 1970 году проводились работы на площадях XI, XIX–XXII, где также был вскрыт слой начала VII – начала VIII вв. (Рис. 56).

На площадях XI, XIX, XX был достигнут уровень 1,6 м, на площадях XXI, XXII – 1,8 м. Были разобраны открытые в 1968 г. кладки 14, 15, 19 – на площади XXI и кладка 17 на площади XX (Рис. 57.1-2). Из хозяйственной ямы 1 была извлечена обнаруженная еще в 1968 г. нижняя часть большого красноглиняного лепного сосуда с грубым рыхлым комковатым тестом (Рис. 99.2) (пифос?). При выравнивании восточной стенки раскопа, была открыта плохо сохранившаяся кладка 21, лежащая почти на одном уровне с кладкой 20, открытой в 1968 г. (Рис. 57.4).

Большая часть площади XI была занята перекопом. Лишь у западной границы была прослежена сохранившаяся вымостка, которая образовалась в течение довольно долгого времени, по мере выброса на проходившую здесь улицу обломков разбитых амфор. Это самая нижняя прослойка вымостки, покрывавшей улицу.

В юго-западном углу площади было прослежено пятно обожженной глины, уходящее под стенку раскопа. Пятно соответствует слою, непосредственно подстилающему вымостку.

При расчистке вымостки найдены стеклянная светло-зелёная бусина шестигранной формы (Рис. 130.62) и бронзовая бусина, сделанная из согнутой толстой пластинки.

На площадях XIX–XXII были продолжены исследования комплекса, состоящего из двух домов (5 и 6) и примыкающему к ним дворику. При работе на этих участках кладки 16, 18, 20 были сохранены в качестве стратиграфических ориентиров. К концу работ кладка 16 была разобрана, но кладки 18 и 20 сохранены. Также были разобраны кладки 14, 19, 15 и кладка ограды дворику 17.

При снятии кладок, под ними, за исключением кладки 19, прослежены песчанисто-глиняные подсыпки. Направление кладок 15 и 14 не совеем

совпадало с направлением соответствующих им подсыпок. Не исключено, что это свидетельствует о перестройке находившихся здесь домов.

Внутреннее пространство дома 6 (Рис. 57.3), образованного кладками 16, 18, 20, оказалось заполненным развалом камней, нижние из которых находились на 0,40-0,50 м ниже уровня верхних граней кладок. Камни внутри кладок явно происходили из разрушенного участка кладки 16. В таком случае, вероятно, уровень пола находился значительно ниже, не менее чем на 40 см первого слоя камней кладок стен.

На площади XIX был прослежен отмеченный еще в 1968 г. перекоп, а на площади XX открыта часть вымостки, прослеженная в юго-восточном углу. Здесь же был открыт пифос 3 (Рис. 57.5-6), входящий с открытыми ранее пифосами 1 и 2 в комплекс двора возле дома 6.

При выравнивании восточной стенки раскопа на площади XXII была обнаружена почти полностью разобранный кладка 21 (Рис. 57.4).

На соседней площади XXI сразу же под уровнем кладки 15 начался слой золы и пережженной глины, в котором встречались хорошо сохранившиеся части сырцовых кирпичей. Этот пережженный слой толщиной в среднем 0,30 м занимал внутреннее пространство дома 5, образованного кладками 15 и 19. Для площади XXI была характерна золистость слоя, особенно вдоль кладки 16.

По имеющимся данным трудно определить, каково происхождение этого пережженного слоя. Либо это развал сырцовой стенки, основанием которой являлась кладка; либо это остатки здания, некогда находившегося на месте дома 5. Если допустить, что пол в этом помещении находился значительно ниже первого венца кладки, как в доме 6, то это развал сырцовых стен, если же пол не был углубленным, то это будут остатки более раннего сооружения.

Помимо этого, на границе площадей XIX и XXI, был обнаружен прямоугольный (0,90x1,0 м), сложенный из сырцовых поставленных на ребро кирпичей «жертвенник» (Кобылина, 1971, с. 110) с открытым очагом в центральной, также прямоугольной части (Рис. 58). «Жертвенник» был основательно разрушен и затоптан, в частности не сохранилась южная и часть западной стенок, однако по оставшимся стенкам можно судить, что они были глинобитные, ориентировка – длинными сторонами по линии север-юг. Высота кирпичей составляла около 0,30 м, толщина 0,12 м, длина 0,20-0,25 м. Короткие стороны состояли из трех, длинные – из четырех сырцов, обмазанных глиняным раствором. Во внутренней квадратной площадке горел огонь, о чем свидетельствуют обожженные стенки и наличие черно-серой золы, углей и пережженной глины. Внутри «жертвенника» был обнаружен несколько смещенный к юго-восточному углу каменный столбик (алтарь?), по форме напоминающий перевернутый усеченный конус, с диаметром верхней плоской грани около 25 см. Верхняя грань столбика находилась на одном уровне с верхними гранями сырцов, нижняя была вкопана в земляной пол «жертвенника». Стратиграфически ни с одной из кладок или открытых помещений связать находящийся ниже «жертвенник», не представ-

лялось возможным. Он мог быть синхронизирован лишь с располагавшейся севернее между стенами двух помещений золистой прослойкой пожарища.⁶

Необходимо подчеркнуть, что «жертвенник», расположенный на одном уровне с пожарищем, не может быть связан ни с одним из открытых на раскопе строений, которые возникли уже после его разрушения в начале VIII в. Вероятно отнесение «жертвенника» к открытому на раскопе в 1971–1972 гг. слою второй четверти – третьей четверти VI в. При этом важно подчеркнуть именно прямоугольную форму жертвенника. Приходится констатировать, что в настоящее время, вследствие отсутствия аналогий этому сооружению невозможно делать какие-либо определенные заключения относительно его связи с каким-либо культом (Флёров, Чхаидзе, 2007, с. 309-310).

Среди находок слоя следует отметить: каменную литейную форму для отливки женских украшений (Рис. 135.2); при зачистке восточной стенки раскопа на площади XXII был найден железный наконечник стрелы с прямоугольным сечением пера и круглым черенком; две пастовые бусы – круглая темно-бурая (Рис. 130.60) и прямоугольная зелено-голубая полосатая (Рис. 130.61).

В 1970 г. от одного из местных жителей был получен красноглиняный пифос с горизонтально срезанным венчиком, шаровидным туловом и маленьким плоским дном (Рис. 98.4). Шейка украшена лентой защипов и двумя волнистыми линиями. Пифос был обнаружен в 20-30 м к востоку от берегового раскопа на глубине около 0,50 м.

Строительные остатки слоя второй четверти – третьей четверти VI в. (Рис. 59) столь же фрагментарны, как и последующего слоя. Более или менее цельный комплекс открыт в западной части раскопа: вымостка 11 улицы (третий и четвертый настилы) и остатки дома с печью (кладки 17, 18, 44, 53, вымостка 52). В восточной части раскопа (площадь III) открыты фрагменты кладок 35, 51 и пол 29. В северной части раскопа (площади V и VI) кладка 37, развал камней 37а и куски вымосток 38 и 50. В южной части раскопа – яма 87. К слою также относятся: многослойная черепяная вымостка улицы 88-92-92а (площади XVII, XVIII, XI); фрагменты черепяно-каменной вымостки 94 и развал камней 97 (площадь XII); кладка 95, примыкающая к вымостке 94, мраморная плита и развал камней 101 (площадь XIII); кладка 91 и прилегающий к ней развал очага 93 (площадь XIV); фрагмент кладки 114 (площадь XIX). Грунт слоя – гуммированный суглинок, местами

⁶ В 1981 г. С.А. Плетнёвой был издан план «Центрального» раскопа, в который входил и комплекс двух зданий, примыкающий к ним замощенный двор с пифосами и жертвенником (Плетнёва, 1981б, рис. 42.4). Впоследствии этот план был значительно упрощен и неоднократно воспроизводился в различных изданиях, причем вопреки фактам, три пифоса были выстроены в одну линию, «жертвенник» приобрел форму квадрата; была предложена и реконструкция этого участка раннесредневекового города (Плетнёва, 1981а, рис. 6.5; 1999, рис. 103.5; 2003а, табл. 71.2-3). Появилось и описание объекта, где «жертвенник», интерпретированный как домашнее святилище, представлен квадратным с открытым очажком в центральной, тоже квадратной части. Это объяснялось распространенной (!) при сооружении ритуальных объектов планировкой «квадрат в квадрате» (Плетнёва, 1999, с. 147), при этом, забывая о находке каменного столбика, исследовательница пишет о прослеженной внутри конструкции круглой ямы, вероятно от столба, который вряд ли мог быть деревянным – предполагается, что в «жертвеннике» стоял каменный идол (Плетнёва, 2003, с. 181). Подобные положения повторяются в литературе (Захаров, 2002, с. 144).

плотный, местами рыхлый с большим количеством скоплений печины и сырца неровного цвета от желтовато-серого до коричневого. Слой носит следы перекопов: найдены турецкие трубки и фрагменты зеленой поливы. Мощность слоя 0,20-0,48 м.

Третий настил вымостки улицы 11 в восточной части был поврежден при сооружении фундамента 25 последующего слоя. Настил находился на глубине 1,55 м от поверхности; подошва на глубине 1,70 м; имел наилучшую сохранность, ровную хоженую поверхность. Состоял из мелких фрагментов керамики, гальки и костей. Кости загладились до полировки, толщина 0,06-0,08. Лежал на песчаном подстиле толщиной 0,08-0,10 м.

Четвертый настил вымостки 11 размещен в южной и северной частях: его южная часть состояла из черепков, костей и гальки, а северная часть, кроме того, включала много мелких камней и была менее ровная, чем южная.

Под четвертым настилом в северной части (площадь V) обнаружены пятый и шестой настилы, которые, по всей вероятности, являлись засыпью для выравнивания поверхности вымостки улицы. Глубина шестого настила – 1,70 м.

На площадях IV и X был выявлен дом 7, от которого сохранились: каменная кладка северной стены 17, фрагменты восточной каменной кладки стены 18 и 44, развал внутренней сырцовой стены 53 и часть вымостки 52 с печью.

Северная кладка 17 длиной 3,90 м (уходила в западный борт раскопа) шириной 0,60 м представляла собой кладку в «ёлочку». В наиболее хорошо сохранившейся ее части имелось четыре ряда кладки. Нижний ряд высотой 0,20-0,25 м представлял собой фундамент, сложенный из более крупных камней; последующие три ряда являлись цоколем дома. В западной части кладки 17 имелся порог, он был отделен большой плитой известняка, длиной 0,50 м, толщиной 0,22 м, шириной в ширину кладки. Порог полностью не выяснен, так как уходил в западный борт раскопа. Вскрытая ширина порога 0,34-0,40 м.

Северо-восточный угол здания был укреплен большим камнем. Кладка 18 сложена в переплет с кладкой 17, сильно разрушена: сохранился небольшой фрагмент длиной 1,40 м (вместе с угловым камнем), шириной 0,60 м, высотой 0,40 м.

Кладка 44 (площадь X) сильно деформирована. По всей вероятности, относилась к западному цоколю дома. Это один ряд кладки с двумя панцирями в «ёлочку» (из камней известняка средних размеров), между ними бут из мелких камней. Размеры кладки 44: длина 0,80 м, ширина 0,70-0,90 м, высота 0,40-0,50 м. Глубина залегания кладки 44 вплотную подходила к третьему и четвертому настилу вымостки 11.

На расстоянии 2,50-2,70 м к югу от северной стены дома проходила внутренняя сырцовая стена дома; от нее сохранился развал в виде массы сырца 53 длиной 2,52 м, шириной 0,45-0,55 м, толщиной 0,33 м. Глубина залегания развала 53 – 1,45 м от поверхности; подошва на глубине 1,78 м. Сырцовая стена разделяла восточную часть дома на два помещения, северное и южное. В северном помещении, в его северо-восточном углу

обнаружена печь, сложенная из плоских сырцовых кирпичей, покрасневших от длительного прокаливания их огнем.

Печь прямоугольная в плане, с устьем, обращенным к западу. Ее размеры: 0,90x1,0 м, высота стенок 0,22 м, последние были сложены из тонких кирпичей с наклоном к центру печи, и возможно, образовывавших над очагом сферический свод. Верхняя часть печи сильно разрушена и восстановить ее конструкцию полностью невозможно. Печь была размещена на вымостке 52 из плотно утрамбованных черепков, довольно крупных и острых. От вымостки сохранился кусок 1,05x1,68 м, толщина вымостки 0,12 м. Около устья печи стояла плоская лепная миска из грубо промешанной черной глины с примесью толченых морских ракушек.

Глубина залегания черепяного пола дома – 1,60 м от поверхности; подошва – на глубине 1,72 м. На полу жилища найдено каменное грузило с двумя отверстиями.

В западной части раскопа (площадь III) сохранились два фрагмента кладок 35 и 51 в «ёлочку».

Кладка 35 частично лежала на северном конце кладки 51 и, по-видимому, относилась ко второму строительному периоду слоя. Выложена «ёлочкой» и состояла из мелких, частично плоских камней известняка и железняка по два в ширину кладки, осколок каменного якоря, кусок каменного якоря, кусок зернотерки. Сохранился нижний ряд кладки и восточная сторона верхнего ряда. Глубина залегания 1,80 м, ширина 0,40-0,48 м, высота 0,25 м.

Кладка 51 обнаружена на глубине 1,32 м от поверхности; подошва на глубине 1,57 м. Ее длина 1,80 м, ширина 0,30-0,45 м, высота 0,25 м. Кладка сложена из булыжников и камней средней величины. Сохранился один ряд кладки в два булыжника или камня, уложенных в ширину кладки.

В северной части раскопа к слою относились: кладка 37, развал камней 37а и куски вымосток 38 и 50. Подошва этих объектов не всегда обнаружена, так как северная часть раскопа (на площадях V и VI) была доведена только до поверхности слоя.

Кладка 37 по всей вероятности, представляла собой каменное основание жилого дома. Она ориентирована с севера на юг. Глубина залегания 1,57 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,70 м. Ее ширина в наиболее сохранившейся части 0,60 м. Сохранился сильно разрушенный нижний ряд кладки – два панциря из мелких камней в «ёлочку», южная часть была сложена из более крупных камней.

Развал камней 37а находился к востоку от южного конца кладки 37, очевидно относился к тому же дому; занимал площадь 1,20x1,30 м.

Вымостка 38 состояла из мелких булыжников и примыкала к кладке 37 с востока. Ее протяжение по линии север-юг 1,80 м, восток-запад 0,85 м, толщина 0,10 м. Глубина залегания поверхности 1,60 м. Восточный край уходил под пол кладки 23 последующего слоя.

Вымостка 50 – черепяная, имела ровную поверхность, ее площадь 0,8x3 м. Глубина залегания 1,60 м. Примыкала к кладке 37 с запада.

У южного борта площади XVI открыта яма 87, уходящая в борт раскопа. Черепяная вымостка 88-92-92а (Рис. 59.2) обнаружена на площадях XVII,

XVIII и XI; она ориентирована с востока на запад с отклонением к северу в восточной части. Была прослежена практически во всех средневековых слоях. Поверхность имела небольшой наклон к юго-востоку. Ее длина 18,5 м, наибольшая ширина 8,80 м, толщина 0,60 м. Глубина залегания 1,95 м от поверхности; подошва открыта на глубине 2,55 м. Улица 88-92-92а продолжалась на запад и пересекалась переулком 11; сохранился плотный песчаный подстил на площадях XV, XVI и XVII. Его толщина 0,40-0,45 м. Он представлял собой субструкцию: четыре слоя песка, разделенных золистей землей; толщина слоев 3-4 см и 7-8 см. по всей вероятности, эта субструкция служила для выравнивания почвы под вымосткой улицы 88-92-92а, она выходила из-под черепяных настилов и прослежена на протяжении 16 м на запад, в том же направлении, что и улица 88-92-92а.

Вымостка 88-92-92а имела три черепяных настила. Верхний настил 88 имел ровную хоженую поверхность и представлял собой плотную насыпь из черепков (ручки и стенки амфор, обломки черепицы), а также большого количества крупных костей домашних животных и отдельных камней. Толщина настила 88 – 0,04-0,05 м. Верхний настил 88 прослежен на площадях XVIII и XI. Его западная часть сильно повреждена двумя ямами. Восточная имела прекрасную сохранность. Протяжение настила с востока на запад 9,8 м, ширина – 2,55 м. Настил 88 отделен от нижележащего второго черепяного настила 92а – слоем грунта толщиной 0,28-0,30 м. Вторым черепяным настилом 92а выступал из-под верхнего настила на площадях XVII, XVIII, XI и XIV. Он полностью аналогичен верхнему. Вторым настилом 92а отделен от третьего нижнего настила 92 слоем грунта толщиной 0,16 м. Он выявлен вне настила 88 в длину на 1,8 м, ширину на 3 м. Третий настил 92 выступал из-под второго настила на площадях XI и XIV. Он отличался наибольшей плотностью. Выявлен в длину на 9 м, в ширину на 2,8-3,0 м. Описанные три настила образовывали прочную вымостку улицы. Таким образом, улица прослеживалась в длину на протяжении трех настилов, на 20,6 м, ее ширина равнялась 3 м.

Фрагмент черепяно-каменной вымостки 94 был обнаружен у южного борта площади XII (уходил в борт). Вымостка занимала площадь 1,55x1,10 м, толщина 0,10 м. Глубина залегания 1,65 м от поверхности; подошва на глубине 1,90 м. Сложена из камней небольшого размера и фрагментов керамики, плотно уложенных. Поверхность вымостки ровная.

Кладка 95 (площадь XIII) примыкала к вымостке 94. Ориентирована с северо-востока на юго-запад. Длина 1,58 м, ширина 0,60 м, высота 0,20 м. Кладка обнаружена на глубине 2,05 м от поверхности; подошва открыта на глубине 2,25 м. Сохранился один ряд кладки с двумя панцирями (между ними бут). Камни – известняк и булыжник (их размеры: 0,25x0,10x0,40 м).

Кладка 91 открыта в северной части XIV, является, по всей вероятности, основанием внутренней стенки жилого дома. Сложена в «ёлочку» из двух рядов мелких камней. Сохранился один ряд кладки. Кладка ориентирована с ВСВ на ЗЮЗ, ее протяжение 2,60 м, ширина 0,20-0,35 м, высота 0,10 м. Глубина залегания 1,75 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,85 м.

Развал очага 93 вплотную прилегла к кладке 91 с севера. Он представляет собою развал обгорелых сырцов в горелом грунте. Занимал площадь 1,6x1,0 м. Высота развала 0,14 м. Глубина залегания развала очага 1,75 м от поверхности.

Развал камней 97 открыт в восточной части площади XII (отсутствует на плане). Глубина залегания 1,65 м от поверхности; подошва на глубине 1,80 м, состоит из двух крупных камней и скопления мелких камней, лежавших беспорядочно в мусорном золистом грунте. Длина развала 0,95-1,0 м, ширина развала 0,50-0,80 м.

Мраморная плита и развал 101 была открыта у восточного борта площади XIII. Ее назначение неясно. Она представляла собой большой блок прокенесского мрамора. С трех сторон профилирована, с четвертой сколота. Размеры: 0,97x0,85x0,21 м. Глубина залегания 1,75-1,85 м от поверхности; подошва на глубине 2,06 м. Плита примыкала к развалу каменной вымостки, уходящему в восточный борт XIII и XIV. Развал состоял из мелких камней известняка и ракушечника, среди них один мраморный обломок гладкой колонны. Развал занимал площадей в 1,80x0,50 м, глубина залегания 1,60 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,75 м.

Фрагмент кладки 114 (площадь XIX) длиной 0,80 м, шириной 0,41 м, высотой 0,12-0,13 м представлял собой один ряд кладки из камней известняка и ракушечника средних и мелких размеров, уложенных большей частью по два в ширину кладки. Между ними фрагменты керамики и черепицы, глубина залегания 1,86 м от поверхности; подошва открыта на глубине 1,98 м. Кладка находилась на известковом “полу” предыдущего слоя. “Пол” представлял собой тонкий плотный слой известковой крошки площадью 2,85x2,85 м.

Среди находок слоя в большем количестве, чем в предыдущих слоях встречен античный материал. Большое количество обломков керамики, очевидно, обнаружено вследствие разрушенных частей вымостки 88-92-92а.

Строительные остатки слоя V – начала VI вв. (Рис. 59) очень незначительны. Культурный слой носит следы больших перекопов, связанных с выборкой камня для позднейших построек. К слою относится фрагмент кладки 34 (площадь VIII), развал каменной вымостки 36 и яма 39 (площади II и III); каменная вымостка 96 (площадь XIII); известковый “пол” и лежащий на нем с запада развал камней В – очевидно остатки кладки, а также фрагмент кладки 102 (площадь XI) и яма 104 (площади XVI-XVII). Грунт неодинаковой плотности и неровного цвета гуммированный суглинок, местами плотный, глинистый, зеленовато-желтый, местами мягкий, темно-коричневый. Толщина слоя 0,40-0,60 м.

Кладка 34 (площадь VIII) – фрагмент каменного основания стены – ориентирована с севера на юг; сохранился один ряд кладки из камней, уложенных в «ёлочку». Длина 0,80 м, ширина 0,52 м, высота 0,27 м. Глубина залегания 1,85 м от поверхности; подошва на глубине 2,12 м.

Развал каменной вымостки 36 (площадь III) размерами 1,0x1,50 м; поверхность неровная, состояла из беспорядочно лежащих камней мелких и средних размеров, среди последних есть приближающиеся к правильным

квадрам. Наибольшая высота развала 0,25 м. Под развалом прослежен слой песка толщиной 0,12-0,17 м, возможно, подстил вымосткой. Глубина залегания 1,75 м от поверхности; подошва открыта на глубине 2 м.

Яма 39 открытая на площади II – круглая. Ее глубина 0,44 м, диаметр 0,76 м. Была заполнена золистым гуммированным грунтом, с фрагментами битой керамики (куски пифоса, реберчатые стенки, профилированные ручки амфор I–III вв. н.э., фрагмент сероглиняного сосуда с рифлением, кости животных: коровы, лошади, барана; оплавившееся стекло). На глубине 0,20 м в яме была найдена плита (песчаник) длиной 0,52 м, шириной 0,20 м, толщиной 0,007 м.

Вымостка 96 была открыта в юго-восточном углу площади XIII. Выложена из плоских камней ракушечника, известняка и плитняка (размеры камней 0,25x0,25x0,10 м; 0,24x0,24x0,05 м и т.п.). Камни уложены плотно; вымостка имела довольно ровную поверхность. Сохранилась на площади 2,90x2,45 м. Глубина залегания 2,20 м от поверхности; подошва открыта на глубине 2,30-2,40 м.

Фрагмент кладки 102 (площадь XI) представлял собой один ряд кладки средних размеров, стесанных с наружной стороны; его размеры: длина 0,90 м, ширина 0,40 м, высота 0,18 м. Глубина залегания 2 м от поверхности.

Яма 104 (площади XVI-XVII) обнаружена под слоем песка, подстилавшим вымостку улицы последующего слоя, и прорезала сооружение предыдущего слоя. Яма выявлена на глубине 2,52 м, круглая, книзу немного расширяется: диаметр вверху 2,05 м, внизу 2,12-2,18 м; глубина ямы 0,75 м. Имела сырцовую обкладку, сохранились шесть рядов сырцов высотой 0,55 м. Размеры сырцов: длина 0,50 м, высота 0,08-0,10 м, толщина 0,10 м. Назначение ямы неясно, возможно, это погреб. Яма была заполнена мусорным грунтом.

Исследованный в 1971 г. развал В на площади XIX состоял из небольших нерегулярных камней известняка. Камни лежали на нарушенном гуммированном грунте толщиной 0,15 м, под ними находился известковый “пол”. Глубина залегания поверхности развала В – 1,47 м, толщина 0,15 м. площади развала 1,65x0,65 м.

1971. Среди находок отмечено: большое количество мелких камней, измельченной керамики и черепицы, фрагменты толстого прозрачного стекла зеленого цвета, фрагмент стеклянного сосуда с синими глазками, два обломка оконного стекла, пряслице, бронзовый гроздь, бронзовая сильно окислившаяся пластинка, кости животных (барана, лошади, коровы, кости осетровых рыб).

В 1972 г. работы проводились на площади XX, где также был вскрыт слой V – начала VI вв. н.э. толщиной 0,76 м. Грунт – суглинок серовато-коричневато-неровного цвета со следами перекопов, с большим количеством мелких камней; строительных остатков не сохранилось.

В 1974 г. на площади XVII вновь вскрыта мостовая 88-92 (V–IX вв.), а на площади XXI были обнаружены незначительные раннесредневековые остатки – фрагмент вымостки 168 и печина 1 (V–VI вв.).

Вымостка 168 залегала на глубине 165-188 м, неправильной формы, протяженностью с севера на юг 3,10 м, с востока на запад 0,40-0,85 м. Вымостка уходила в северный борт площади. Выложена из плоских мелких камней

и черепков. Один из камней – плохо сохранившаяся капитель пилястры.

Мостовая 88-92 заключала чередование черепяных настилов и пластов песка и глины толщиной 0,62 м. Чередование слоев: настил черепков, смешанный с золой и мелкими камнями толщиной 3-8 см; пласт песка с включениями железняка толщиной 3-8 см; слой черепков с золой толщиной 3 см; слой глины 9 см; слой мелких черепков с золой 2 см; слой глины 8 см; мелкие черепки с золой 1-2 см; слой глины 30 см. Ниже шел черепяный настил античного времени. Таким образом, можно констатировать, что под черепяно-каменными настилами средневековой улицы сохранилась мостовая IV в. н.э. Эта магистраль города, ведущая к порту, существовала и в средневековый, и в античный период (Кобылина, 1973, с. 130).

Среди находок слоя отмечено наряду с раннесредневековым, еще большее количество античного материала. Фрагменты круглодонных реберчатых амфор, широкодонных амфор III–IV вв. Куски реберчатой вытянутой амфоры IV–V вв. и пр. Отмечены фрагменты краснолаковых чашек с орнаментом – насечками по краю. Найдена золотая монета императора Зинона (474–475/76–491) (Кропоткин, 1961, с. 40, № 21).

Раскоп «Холм Г» исследовался в 1948–1949 гг. (Кобылина, 1948А, л. 14-16, 25-28; 1949А, л. 13-16; 1950, с. 91-93; 1951Б, с. 232; 1956, с. 96; Паромов, 1993, с. 132, № 48). Он был заложен в северо-западном углу верхнего плато городища, расположенного к востоку от пологой лощины, в которой предполагалась древняя дорога, ведущая к порту. Высота холма с северной стороны, где спуск наиболее крутой – 12 м. Общая площадь раскопа составила 156 м². Культурные напластования на раскопе датированы V в. до н.э. – IX в. н.э. (Рис. 60).

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. являлся верхним на раскапываемом участке, отличался рыхлым гумусированным грунтом. На профилях он отделяется от нижележащего слоя темными прослойками сильно гумусированного грунта и остатками каменного настила. Глубина и толщина слоя 0,60 м. К этому слою относится каменная вымостка 1 в северо-западном углу участка. Она примыкает к углу военной траншеи. Вымостка 1 сохранилась двумя кусками: один размерами 0,83х0,50 м, другой 0,90х1,35 м; она представляет собою настил из камней различной величины (0,40х0,32х0,08 м; 0,25х0,22х0,15 м и др.). Толщина вымостки 0,10-0,15 м. Глубина залегания вымостки 0,55 м. Она лежит выше завала сырцовой стены предыдущего слоя на 0,45 м. Вымостка того же уровня длиной 0,90 м, шириной 0,20 м прослеживается по северному борту раскопа. На одном уровне с ними из западного борта выступал завал камней.

На камнях вымостки 1 и между камнями сохранилось скопление сырца (вероятно, завал сырцовой стены длиной 0,50 м, шириной 0,33 м, толщиной 0,15 м).

К слою принадлежит небольшая, расширяющаяся книзу яма 1, выступающая на профиле восточного борта; снизу яма выделяется тонкой прослойкой беловатого рассыпчатого грунта какого-то перегнившего содержимого. Нижний диаметр ямы 1,70 м (верхней части – неясен), высота 1 м.

Среди находок в слое много обломков керамики, мелких камней (среди

которых есть булыжники), кусков шлака, сырца, цемянки, костей крупных и мелких домашних животных. Наиболее характерные находки: край поливной тарелки с поливой зеленого цвета, рифленые и реберчатые стенки сосудов, фрагменты узкогорлых амфор, трапециевидное плоское грузило, фрагменты лощеных и лепных сосудов без орнамента и с линейным орнаментом на тулове, обломки сильно обожженного сосуда с орнаментом в виде рельефных полос, терракотовое украшение сосуда в виде схематического изображения животного, каменная ступка, кусок жернова, костяные поделки с плоско срезанными сторонами и орнаментом в виде насечки.

Слой начала VII – начала VIII вв. имел глубину 1,25 м и мощность 0,65 м. Грунт очень загрязнен, в нетронутых частях он более светлый чем предыдущий, чистого, слегка желтоватого цвета. Выявлены остатки хозяйственных построек, погибших, судя по следам огня, золы, копти, кусков шлаков, горелой земли, от пожара. Вдоль всего северного борта площади, на протяжении пяти метров и шириной 0,50 м, обнаружен завал сырцовой стены 2, в виде глиняной, тронутой огнем массы толщиной 0,30 м и местами 0,50 м. Этот завал обнаружен на глубине одного метра от северного борта. На уровне этого завала находилось отверстие зерновой ямы 6 (без каменной обкладки).

При расчистке ямы 6 были найдены фрагменты полукруглых калиптеров, плоские профилированные ручки реберчатых сосудов, фрагменты стеклянного сосуда с орнаментом в виде вдавленных линий и плоских, как бы срезанных, свалов и полос, целый сырец диаметром 0,26 м, шириной 0,22 м, толщиной 0,08 м, бронзовая фибула раннесредневекового типа, окислившаяся бронзовая монета. На дне ямы обнаружены следы зерна. Дно ямы 6 находилось на глубине 4,25 м. Ее высота 2,85 м, диаметр дна 2 м, диаметр отверстия 0,90 м.

Яма 9 врезалась в кладку 10; сохранилась только в нижней своей части. Она была заполнена рыхлым мусорным грунтом. Дно ямы обнаружено на глубине 2,39 м – оно плотно утрамбовано. Яма сохранилась на высоту 0,80 м, диаметр дна 1,40 м. При расчистке ямы найдены фрагменты стенок реберчатой посуды, плоских профилированных ручек, ножка светильника, огромное количество рыбных костей, угля, золы. Яма, возможно, имела хозяйственное назначение (зерновая).

Также в слое найдены: много мелких камней, шлака, костей домашних животных, обломки керамики, характерны фрагменты лепной посуды черной, коричневой и серой с белыми включениями, много фрагментов простых толстостенных сосудов, грубо профилированные ручки узкогорлых амфор; из других находок отмечаются одноручный сосудик, грузило вытянутое пирамидальной формы, со знаком в виде креста, обломок пряслица, фрагмент амфоры с процарапанными буквами, край и доньшко стеклянного сосуда, несколько фрагментов лощеных сосудов, окислившаяся бронзовая монета.

Слой V–VI вв. (слой второй четверти – третьей четверти VI в. вероятно отсутствовал) на профиле западного борта отделялся от верхнего слоя более светлым грунтом. Архитектурных остатков нет. Глубина слоя – 1,50 м, толщина 0,50 м. Среди находок встречаются: фрагменты узкогорлых

реберчатых амфор, небольшое количество античных измельченных фрагментов чернолаковых и краснолаковых сосудов, простой тонкостенный флакон, бронзовое колечко. Вся средняя часть площади перерезана более поздними зерновыми ямами, грунт здесь мусорный, много костей животных. В этом грунте найден фрагмент простого сосуда с орнаментом, нарезанным в виде ёлочки и фрагменты лепных горшков (из черной глины с белыми включениями) без орнамента и с вдавленным орнаментом. От нижележащего, слой отличается более светлым грунтом.

В литературе отмечено, что лепная посуда в раннесредневековых слоях на раскопе представлена в большем количестве, чем в античных слоях (Кругликова, 1951, с. 89, табл. 2).

В 1949 г. к раскопу с запада, по самому краю холма были прирезаны новые площади.

В слое конца IX – начала X вв. глубиной 0,25 м, мощностью 0,80 м, было обнаружено продолжение хозяйственного средневекового комплекса, открытого в 1948 г.: продолжение каменной вымостки 1, сохранившейся отдельными фрагментами, глубоко врытый в землю пифос А (на уровне мостовой обнаружена его крышка) и остатки трех таких же пифосов Б, В, Г (от них сохранились лишь нижние части), а также земляная яма на профиле северного борта V площади. Целый пифос А (Рис. 60) был обнаружен на глубине 0,20 м; он представлял собою массивную глиняную бочку с двумя рельефно показанными кольцами на тулове. Высота пифоса 1,30 м. Окружность тулова 3,12 м, толщина венчика 0,15 м. Пифос был закрыт жерновом простой круглой формы с небольшим отверстием диаметром 0,45 м и 0,35 м, толщиной 0,07 м.

В сопровождающем рыхлом, сильно гуммированном грунте, было обнаружено много средневековой керамики, стенки поздних реберчатых амфор, ручки плоские с канальцами на внутренней стороне, обломки соленов, светильник на высокой ножке, два фрагмента поливы голубой и красной, кости коровы, лошади, свиньи и барана.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. глубиной 1,64 м представлял продолжение остатков сооружений этого же слоя, обнаруженных на площади I в 1948 г. Грунт такой же мусорный, рыхлый, с множеством камней, золы, костей животных, обгорелого сырца. Мощность слоя 0,55 м. У северо-восточного угла площади прослежены следы пожара, много золы, обгорелого сырца, обнаружено продолжение массива сырца 1948 г. (толщиной 0,40-0,70 м), представляющего развал глинобитного сооружения 2, около него – залегание золы. В золе были обнаружены обгорелые солены и круглые желобчатые калиптеры (античные?), обгорелые сырцы. Слой поврежден огромными, более поздними ямами. Таким образом, сгоревшее здание не имело каменного фундамента, у него были сырцовые стены и черепичная крыша.

Находки в слое: ножка высокого светильника в виде пирамидки постепенно уменьшающихся колец, пряслице, профилированные средневековые ручки, фрагменты лепных сосудов с линейным орнаментом, фрагменты лощеных сосудов, много костей домашних животных (лошади, коровы, овцы) и рыб (судака), куски шлака.

Слой начала VII – начала VIII вв. глубиной 1,56 м, мощностью 0,20 м, архитектурными остатками не представлен. Грунт сильно гуммированный. Среди находок куски черепицы, много фрагментов стенок простых сосудов, среди них есть реберчатые, плоские профилированные ручки, фрагменты стенок лепных сосудов с орнаментом и без орнамента, фрагменты лощеных сосудов, костяная поделка в виде ручки, много костей домашних животных, особенно лошади, а также свиньи, барана.

Слой V–VI вв. архитектурными остатками не представлен. Его глубина 1,76–2,14 м. Имел мусорный неровного цвета грунт. Среди находок много фрагментов реберчатых амфор, стенки лощеных сосудов, много лепных без орнамента, фрагменты толстостенной простой кастрюли, много обломков черепицы.

В яме, прорезающей слой и ниже лежащие слои, обнаружены угли, розовый камень, костяк собаки, куски шлака, половина бронзового браслета, небольшое количество обломков черепицы и фрагменты стенок амфор.

Раскоп «Верхний город» был разбит в центральной части верхнего плато городища, рядом с многочисленными раскопами XIX в. Мощность культурного слоя – 4,56 м. Исследованная площадь составляет более 2550 м². Работы проводятся с 1975 г. по настоящее время (с перерывами). В данной работе используются средневековые материалы, полученные во время раскопок 1975–1977 и 1979–1980 гг.⁷ (Табл. 5) (Долгоруков, 1975А, л. 17, 22–25; 1976А, л. 27–30; 1977А, л. 11–14; 1979А, л. 24–25; 1980А, л. 29; Басовская и др., 1977, с. 86; Паромов, 1993, с. 139, № 76; Сазанов, 1999а, табл. 7).

В 1975 г. работы велись на площади I.

Слой VIII – начала IX вв. толщиной 1,0–1,20 м перекрывал ямы. Представлен темно-серым рыхлым, мусорным суглинком, перемешан и нарушен отвалом старого раскопа. Строительных объектов не обнаружено. Находок немного, все они в значительной степени заизвесткованы. Это разновременные фрагменты амфор, кухонной посуды, краснолаковой керамики, стеклянных сосудов, куски печины и цемянки.

Слой V–VI вв. (Рис. 61) – серая супесь толщиной 0,40–0,60 м. Подошва открыта на глубине 1,80 м. Грунт насыщен горелыми включениями и многочисленными фрагментами печины. Слои представлены черепяным завалом (Рис. 61) ямами А, Б, В, Г, Д, прорезающими нижние, античные слои и доходящими до материкового грунта. Все ямы имели грушевидную форму и являлись мусорными по назначению.

Яма А располагалась в центре площади I и частично уходила в нераскопанную площадь под восточный борт. В плане яма округлая, диаметр по верху 0,80 м, по дну 2,50 м, глубина 2,10 м. Заполнена мусорным грунтом с горелыми прослойками и фрагментами печины. В грунте заполнения обнаружены фрагменты разновременных амфор, краснолаковой керамики, гончарной и лепной кухонной посуды.

Яма Б располагалась в южной части площади I и уходила под восточный борт. Яма грушевидной формы, диаметр по верху 1,10 м, по дну 1,35 м, глубина 1,18 м. Заполнена рыхлым мусорным грунтом с включениями золы. В грунте

⁷ В настоящее время начата публикация материалов из раскопок 1996–2008 гг. (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 393–428, рис. 1–33).

заполнения найдены фрагменты разновременных амфор, красноглиняной и краснолаковой керамики, стеклянных сосудов, кости животных.

Яма В располагалась в юго-восточном углу площади I. В плане вытянутой формы с округлыми углами, размерами 0,60x1,10 м. Прослежена на глубину 2,10 м. Заполнена мусорным суглинком зеленого цвета с включением углей. Находок немного, они представлены амфорным материалом.

Яма Г располагалась в северо-восточном углу площади I. В плане округлая, диаметр по верху 0,90 м, расширялась к низу, достигая в поперечнике около 2,20 м по дну. Прослежена на глубину 3,20 м. Заполнена мусорным грунтом темно-коричневого цвета с включениями золы, углей и кусков печины. В грунте заполнения обнаружены фрагменты разновременных амфор, кувшинов, лепных и лощеных сосудов, кости домашних животных.

Яма Д (Рис. 196. Табл. 5) располагалась у северо-западного угла площади I. Верхняя часть ямы, вследствие сползания борта старого раскопа, не сохранилась. Западная часть ямы также разрушена старым раскопом. В плане яма грушевидной формы, диаметр круглого устья 0,80 м, дна 1,70 м. Прослежена на глубину около 3 м. Заполнена мусорным грунтом темно-коричневого цвета с горелыми включениями. В грунте заполнения обнаружены многочисленные фрагменты керамики, в том числе целые амфоры и фрагменты (Рис. 75.2, 79.3-4, 81.1-3, 83.1-2, 85.4, 87.4), два столовых кувшина (Рис. 116.11-12).

В 1976–1977 г. на расстоянии 16 м к югу от первого участка были заложены две площади (5x5 м) IV и V, в результате расширения площадь достигла 60 м². Верхний слой представлял собой выкид земли из старых раскопов XIX в.

Средневековый слой V–IX вв. (Рис. 62) открыт на глубине 1,40 м, представлен серой супесью. Толщина слоя достигала 1,10-1,15 м. К слою принадлежали кладки 3, 6, 20, вымостки 4, 5, ямы К, Л, М.

Кладка 3 представляла собой остатки глинобитной стены. Она располагалась в центральных частях площадей и ориентирована в направлении восток-запад. Стена прослежена в длину на 10 м. Ее ширина 0,60-0,70 м. Сохранилась на высоту 0,32-0,35 м. Подошва стены лежала на глубине 0,40-0,50 м.

Вымостка 4 располагалась в северной части площади IV, являлась черепяно-каменной. Восточный конец вымостки уходил под восточный борт раскопа. Общая протяженность вымостки с запада на восток 5 м, ширина с севера на юг достигала 0,80-1,20 м. Вымостка выложена в один ряд камней из мелких и средних размеров ракушечника, плитняка и дикарных пород, с включением фрагментов керамики и черепицы. Подошва лежала на глубине 0,40-0,80 м. По уровню залегания вымостка была синхронна кладке 3.

Вымостка 5 также находилась в северной части площади IV. Являлась черепяно-каменной. Размеры с запада на восток 4,50 м, с севера на юг 2,20-1,70 м. Подошва открыта на глубине 0,75 м. В вымостку вложены фрагменты керамики и черепицы. На вымостке обнаружены остатки раздавленных круглодонных корчажек. Поверхность вымостки понижалась в южном направлении. Сложена в один ряд из мелких и средних камней плитняка, ракушечника и дикарных пород. При разборке вымостки среди ее камней

обнаружен фрагмент античной мраморной скульптуры, выполненной в человеческий рост (кисть мужской руки, лежащая на подлокотнике кресла).

Кладка 6 (Рис. 62.1) располагалась в северо-западном углу площади V. Была выбрана в результате поздних перекопов. Остатки кладки прослежены на длину 3,12 м. Кладка ориентирована с запада на восток. Ее ширина 0,60-1,0 м. Один-два ряда камней сохранились в высоту на 0,20-0,30 м. Камни – ракушечник, плитняк и дикарные породы размерами 0,35x0,30x0,15 м; 0,20x0,30x0,10 м. В кладке использованы фрагменты керамики и черепицы. Среди строительного материала обнаружены четыре фрагмента надгробий с иудейской символикой вторичного использования (Рис. 138.9-10).

Кладка 20 (на чертеже отсутствует) открыта в южной части раскопа, на площади VI. Сохранилась на высоту 0,20 м (один ряд камней). Длина 1,90 м, ширина 0,80 м. Подошва открыта на глубине 0,90 м. Сложена из средних и мелких камней известняка и ракушечника, размерами 0,40x0,35x0,20 м; 0,30x0,30x0,10 м; 0,15x0,10x0,05 м. В кладке отмечены отесанные камни вторичного использования, среди них – два круглых жернова (Рис. 136.21-22), кормушка из ракушечника (Рис. 136.25) и фрагмент иудейского надгробия (Рис. 138.11).

Яма М располагалась к востоку от кладки 20. Имела круглую в плане форму, диаметром 1,15-1,10 м. Стенки ямы сужались ко дну. Глубина 1,05 м. Дно открыто на глубине 1,85 м. В юго-западной части яма имела небольшой приямок, полого спускающийся к ней. Приямок прямоугольной формы, с округлыми углами. Находки в яме заизвесткованы: фрагменты позднеантичных амфор, красноглиняных кувшинов, лепных сосудов, дно лепного светильника.

Яма К располагалась в северной части на границе между площадями IV и V. Круглое в плане устье ямы диаметром 1 м, открыто на глубине 1,20 м. Ко дну стенки ямы расширялись, диаметр дна достигал 2,20 м. Глубина 2,35 м. Яма была заполнена, темно-коричневым мусорным суглинком. В грунте заполнения найдены фрагменты раннесредневековых и позднеантичных амфор (Рис. 67.3), красноглиняной гончарной и лепной посуды, черепица, куски печины.

Яма Л (Рис. 197. Табл. 5) располагалась в северо-восточном углу площади IV. Устье ямы диаметром 1,80 м открыто на глубине 1,40 м, яма заполнена темно-серым мусорным грунтом с включениями золы, углей и кусков печины. Глубина ямы 1,20 м, заполнена темно-серой мусорной супесью. В яме обнаружено большое количество фрагментов керамики: античных и средневековых амфор, красноглиняных кувшинов и блюд, сероглиняных лощеных сосудов, лепных горшков, краснолаковых мисок, стеклянных сосудов, костей животных. На дне ямы обнаружены камни ракушечника и известняка, а также одна целая и две раздавленные амфоры (Рис. 75.3, 79.4, 81.4). Выделяются фрагменты амфор, шкатулка из рога, украшенная зигзагообразным орнаментом и совершенно разрушенный железный предмет в виде рамы 0,56 м, шириной 0,37 м, при толщине стенок 0,05 м. Особый интерес представляет целое иудейское надгробие (Рис. 138.8). Это плита ракушечника размерами 0,70x0,38x0,14 м. На лицевой стороне

вырезано изображение семисвечника и рога изобилия. Однако, это изображение не являлось первоначальным. В верхней части углубленного поля виден один скол, а в нижней два скола. Вероятно, первоначально в углубленном поле была вырезана человеческая фигура. Такие надгробия с изображением умершего типичны для боспорских надгробий первых веков н.э. На оборотной стороне плиты прорезан тамгообразный знак.

Находки в слое немногочисленны и заизвесткованы.

В 1979 г. к восточному борту была сделана прирезка – площадь IX размерами 10x3 м.

Слой начала VII – середины IX вв. – темно-серая рыхлая супесь мощностью 0,20-0,30 м. Строительные объекты также отсутствовали. Находок немного, все они заизвесткованы. Обнаружены фрагменты раннесредневековых амфор, серголиняных сосудов, гончарных горшков, куски печины, кости животных.

Слой V–VI вв. серой супесью, толщиной 0,10-0,12 м был вскрыт у южного борта. Лежал наклонно, понижаясь в северном направлении. Никаких строительных объектов не обнаружено. Находки немногочисленны и заизвесткованы. Найден лодчкообразный светильник, кости домашних животных.

В 1980 г. с востока был прирезан площадь X (10x3 м). К средневековым слоям начала VII – середины IX вв. относилась яма 140.

Яма 140 (Рис. 62.2), выявленная на глубине 1,63 м, располагалась в юго-восточном углу площади X и уходила в южный и восточный борта раскопа. Диаметр горловины 0,80 м, глубина не менее 0,53 м, дно открыто на глубине 2,16 м. Заполнение – зола с большим количеством древесного угля. На дне ямы обнаружена целая амфора, лежащая на боку и заполненная золой (Рис. 79.5). Рядом – верхняя часть еще одной амфоры.

Раскоп «Юго-Западный» исследовался в 1973 г. Он располагался в центре западной части верхнего плато городища, на месте обнаруженных при вспашке скоплений камней. Состоял из площадей I-III, V, VI, VIII, IX размерами 5x5 м и полуквадратов IV, VII, X-XIII (Рис. 63). Общая площадь раскопа составила 250 м² (Кобылина, 1973А, л. 12-21; 1978, с. 30-35, рис. 1-2; Кобылина, Долгоруков, 1974, с. 112; Паромов, 1993, с. 138, № 73).

Во время раскопок было обнаружено, что камни, видневшиеся на поверхности, явились результатом повреждения остатков жилых построек, находившихся на незначительной глубине (0,25-0,50 м). Эти остатки представляют собою каменные основания кладок целого ряда жилых помещений в слое второй четверти VIII – середины IX вв., перекрытым прослойкой пожарища (рыхлый грунт серо-коричневого цвета с включениями золы, сажи, кусков обгорелой глины.).

Остатки жилых помещений имели разную сохранность. На площадях II-IV сохранились три смежных помещения (А, Б, В) дома 1 с общими стенами. На площади V на расстоянии 1,50 м к северу (вероятно, через переулок) сохранился угол дома (кладки 7 и 16); на расстоянии 1,50 м к западу от него угол еще одного дома (кладки 14-15). На площадях XI-XII открыта кладка 10 и под прямым углом к ней – направление развала кладки 17, вероятно, также угол помещения. Сохранность кладок различна, лучше всего сохранились

кладки 2 и 3. Все они имели одинаковую конструкцию из камней известняка, также имели выходы на север. Судя по сохранившимся остаткам, постройки имели каменное основание, глинобитные стены и черепичную кровлю.

Все фундаменты представляли собой один ряд кладки с двумя панцирями, между которыми насыпаны мелкие камни и черепки (Рис. 64). При этом в одной кладке панцири различны. Один из панцирей выложен из мелких камней, поставленных наклонно, другой из более крупных, положенных горизонтально.

Западное помещение А (Рис. 63-64, 65.1) дома 1 сохранилось только в восточной части, оно было обрамлено с востока фундаментом 2, с юга развалом фундамента 1а и с севера развалом 4 со входом 5. Размеры сохранившейся части помещения А – 3,60х0,80 м.

Развал 1а обнаружен на глубине 0,12 м. Его длина 0,80 м, высота 0,10 м. Состоял из мелких и средних камней, беспорядочно лежащих полосой шириной 0,20 м. От кладки 4 остался один камень на уровне кладки 2 – раковистый известняк 0,31х0,23х0,05 м, имеющий вид плиты и лежащий плоско под прямым углом к кладке 2. Ниже его на 0,20 м лежал большой плоский камень-булыжник 5 – 0,68х0,46х0,10 м. Возможно, что это порожек, ведущий из помещения на улицу.

Между кладкой 2 и порошком 5 сохранился небольшой кусок пола (1,30х1 м) – глиняный настил толщиной 1-2 см. Он лежал на черепяно-каменной вымостке 6 из довольно крупных черепков и мелких камней. Вымостка 6 обнаружена на глубине 0,47 м и прослеживалась по всей площади II в виде отдельных камней. Хорошо сохранились только в северной части на протяжении 1,70 м с севера на юг и 2 м с востока на запад.

С востока к помещению А примыкало помещение Б (Рис. 63-64, 65.2), замкнутое стенами 2, 1, 4 и 3. Его размеры с севера на юг 3,60 м, с востока на запад 3,20 м. Оно имело не совсем правильную форму – кладка 3 не параллельна кладке 2. Сохранность кладок 1, 2 и 3 очень хорошая, кладка 4 – в худшем состоянии; возможно, что в восточной части кладки 4, где кладка сильно расширяется, был выход.

В помещении Б кроме обломков керамики и черепицы, в углу между кладками 1 и 2 была найдена разбитая посуда, крупные обломки кувшинов и амфор: верхняя часть амфоры, разбитый одноручный ойнохоевидный кувшин, расписанный чередующимися белыми и красными горизонтальными полосами (Рис. 115.10), куски большого сосуда с вдавленным орнаментом.

С востока к помещению Б примыкало помещение В. Оно было ограничено с запада фундаментом 3, с юга фундаментом 1, с севера фундаментом 4 и с востока предположительно фундаментом 8. Общие размеры помещения В (если кладка 8 относилась к нему) значительно больше помещения Б – 3,60 м с севера на юг и 5,40 м с востока на запад.

Кладка 8 полуразрушена, параллельна кладке 3, сохранившаяся длина 2,80 м, ширина 0,20-0,60 м.

Кладка 1 сохранилась в виде развала камней, продолжающих направление кладки 1 в помещении Б, обрывалась на восточном конце. Длина развала 1,40 м, ширина 0,40-0,60 м. Кладка 4 полуразрушена, продолжала на-

правление кладки 4 помещения Б.

На длину 2,80 м (от кладки 3) сохранились плоско уложенные камни южного панциря, развал мелких камней от северного панциря, а дальше к востоку до пересечения с кладкой 8, сохранился только развал мелких камней, продолжающий направление кладки; на расстоянии 3,20 м от кладки 3 имелся разрыв шириной 0,40-0,50, вероятно, здесь был выход из помещения В.

Печь 1 (Рис. 64, 65.2) обнаружена в северо-западном углу помещения В, на глубине 1 м ниже поверхности кладки 3. Печь уходила под кладку 4, открыта лишь ее часть размером 1,30x1,10 м. Развал сырцовой кладки печи 1 сохранился на высоту 0,25 м. Перемычка шириной 0,15 м, длиной 0,50 м, высотой 0,25 м, делила печь на две части.

В помещении В, при расчистке, были найдены большие плоские пирамидальные рыболовные грузила.

Печь 2 (Рис. 64) уходила в южный борт площади II, обнаружена на глубине 0,80 м. Развал сырцовой кладки печи занимал площадь длиной 1 м и шириной от 0,10 до 0,60 м. Расчищено отверстие печи длиной 0,80 м, высотой 0,25-0,30 м, уходящее в толщу грунта южного борта на 0,36 м, толщина свода 0,10 м.

Кладка 10 была обнаружена у восточного борта раскопа. Она ориентирована с ССВ на ЮЮЗ, сохранились на длину 3,60 м; с юга завершалась развалом в виде мелких камней на протяжении 1,30 м, шириной 0,70 м. Хорошо сохранился только западный панцирь кладки из плоско положенных довольно больших камней (0,20x0,40 м и меньше), местами сохранились мелкие камни восточного панциря, ширина кладки в лучшем сохранившейся части 0,60 м.

Трудно сказать связана ли эта кладка с развалом 17 (Рис. 65.3), длиной 3,10 м, расположенным западной части, под прямым углом к кладке 10. Вероятно, они относились к одному помещению. Сохранились лишь отдельные мелкие камни. Ширина развала 0,40-1,0 м. С севера у развала 17 лежали две амфоры с коротким горлом и реберчатым вытянутым круглодонным туловом и высокогорлый кувшин с плоской ручкой (Рис. 65.3-4, 79.1, 85.3, 95.2).

В северо-западном углу раскопа, на расстоянии 1,5 м от помещения А была выявлена часть дома – угол фундаментов 7 и 16.

Кладка 7 имела направление с ВЮВ на ЗСЗ параллельно кладке 4, она имела протяжение 4 метра с разрывом в 0,55 м, обрывалась на восточном конце, а на западном завершалась большим камнем. Ширина кладки 0,70 м (в ширину кладка расплзлась). Камень, завершающий кладку 7 являлся угловым. Его размеры 0,50x0,60 м, высота 0,24 м.

Под прямым углом к направлению кладки 7 находилась кладка 16, протяженностью 3,20 м, северный и южный концы оборваны. Между кладками 7 и 16 имелся разрыв в 1 м. Кладка 16 была обнаружена на расстоянии 1,50 м к северу от кладки 7, ее длина 3 м, ширина от 0,60 до 0,80 м, местами кладка расплзлась.

К кладке 16 с востока примыкала черепяно-каменная вымостка 21, которая, очевидно, была подстилом для поля. От нее сохранился небольшой

фрагмент размером 0,75x1,0 м. Глубина залегания от северного борта 0,60 м; подошва на глубине 0,70 м.

Печь 3 (Рис. 64, 65.5) обнаружена с восточной стороны фундамента 16, под вымосткой 21. Глубина залегания самой высокой части печи 0,50 м, самой низкой 1,70 м. Площадь печи 1,90 м с севера на юг и 1,35 м с востока на запад. Внутреннее пространство печи равняется: 1,60 м с севера на юг, 1,25 м с востока на запад. Толщина сырцовый кладки от 8-10 см до 17 см.

На расстоянии 1 метра от угла кладки 7 проходила полуразвалившаяся кладка 14 и под прямым углом к ней также полуразвалившаяся кладка 15. От кладки 14 осталась узкая часть западного панциря из камней, уложенных наклонно, длиной 3 м, шириной 0,37 м. Южный конец кладки лежал над пифосом. Кладка 15 уходила в западный борт, ее протяжение по линии восток-запад 1,50 м, ширина 0,60 м. Угол кладок 14-15 представлял собой развал камней, в котором на восточном конце сохранились два больших камня, очевидно угловые, их размер 0,27x0,25x0,25x0,25 м, остальные камни мелкие.

Пифос (Рис. 65.6, 98.5) обнаружен на границе площадей I и VIII, под снятой кладкой 14, на глубине 1 м. Пифос был пуст и закрыт камнем известняка.

На площади XI была обнаружена поверхность кладок 18 и 19.

Среди находок в слое отмечено: много обломков черепицы, ручки амфор овальные и профилированные, стенки амфор, графито на стенке амфоры – НЛ; обломок большого реберчатого сосуда с белой обмазкой, фрагменты пифоса (Рис. 99.3), лутериев, обломки большого сероглиняного сосуда с плоским дном; куски лепной жаровни; лепной черноглиняный светильник (Рис. 127.12); обломки кухонной посуды коричневой и черной глины, плоские пирамидальные грузила (из помещения В), глиняное пряслице (Рис. 134.5), фрагменты больших лощеных сосудов, ручка лепного сосуда в виде птицы (Рис. 113.39), фрагменты простых сосудов, среди них витые ручки кувшинов, плоские ручки, одна ручка с прилепами; фрагмент лощеного сосуда с коричневой обмазкой, края чашки с насечками, фрагмент мраморного сосуда, мелкие камни (булыжник известняк), донышко стеклянного сосуда зеленого цвета, бронзовый перстень со щитком, обломок кирпича, куски обгорелых сырцов, окислившиеся монеты. Астрагал с прорезанным знаком «Х», а также кости лошади, коровы, барана, свиньи, птиц и осетровых рыб.

На площади I и частично II, где не сохранилось сооружений, раскоп был доведен до глубины 1,80 м, где в слое была обнаружена сплошная масса сырца, очевидно, обвалившихся стен. Толщина слоя 0,40-0,60 м.

В восточной части городища (Рис. 1) только на трех небольших раскопах («Восточный берег», «Восточный береговой» и «Северо-Восточный») были выявлены раннесредневековые слои.

Раскоп «Восточный берег» исследовался в 1939 г. (Блаватский, 1939А, л. 65-67; 1940, с. 300; Паромов, 1993, с. 129, № 36). Был разбит в северо-восточной части городища, у берега моря. Представлял собой квадрат 5x5 м.

Слой нового времени выявлен на глубине 0,38 м. Грунт – темно-серый сухой гумус с примесью суглинка желтовато-серого цвета. Строительные остатки не обнаружены. Материал представлен фрагментами черепицы, ам-

фор и кувшинов, встречались фрагменты сосудов с зеленой поливой, обломки турецкой курительной трубки.

Средневековый слой начала VII – середины IX вв. (Рис. 66) толщиной 0,93 м открыт на глубине 1,55 м. Грунт – гумус с суглинком желтовато-серого цвета.

Кладка 1 располагалась в юго-восточной части раскопа. Была вытянута с севера на юг. У южного борта поворачивала под прямым углом и уходила в восточный борт. Кладка была сложена из лежащих вплотную друг к другу, лежащих в два ряда, небольших камней средней величины (0,20x0,08 м) и неправильной формы (ракушечник, известняк, песчаник, булыжник). Пространство между камнями заполнено бутом. Длина кладки с севера на юг 2,50 м, ширина 0,60 м. Открыта на глубине 1,10 м.

Кладка 2 располагалась у северного борта, на том же уровне, что и кладка 1, являясь ее продолжением. Также имела направление с севера на юг. Ее длина 0,70 м.

В северо-западном углу раскопа открыта кладка 5, ориентированная с юга на север. Проходила параллельно кладкам 1-2, на расстоянии 0,6 м от них. Состояла из двух рядов плоских камней средней величины (0,30x0,20 м.) уложенных в наклонном положении плотно друг к другу («ёлочка»). пространство между рядами камней заполнено мелким бутом, среди которого встречались отдельные фрагменты керамики. Длина сохранившейся части кладки 1,02 м, ширина 0,70 м. Открыта на глубине 1,22 м.

У южного борта была открыта кладка 3, состоящая из четырех крупных камней неправильной формы. Камни выложены в один ряд по направлению север-юг, уходя в южный борт. Длина кладки 2 м, ширина 0,70 м. Открыта на глубине 1 м.

С северо-западной стороны от кладки 3 открыт развал бутовых камней 4, очевидно относившийся к той же стене.

Материал с раскопа представлен фрагментами амфор и кувшинов, встречались фрагменты горшков. Уже отмечено, что лепная посуда в раннесредневековых слоях на раскопе представлена в большем количестве, в отличие от античных слоев (Кругликова, 1951, с. 89, табл. 2).

Раскоп «Восточный береговой» исследован в 1940 г. (Блаватский, 1940А, л. 82-84; 1941Б, с. 221; Паромов, 1993, с. 129, № 39). Располагался восточнее раскопа «Восточный берег», у берега моря. Представлял собой квадрат 5x5 м. Верхний слой до глубины 1 м оказался перекопан.

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. открыт на глубине 2 м. Грунт представлен плотным и сухим темно-серым гумусом, а в нижнем горизонте – влажной супесью с довольно значительным содержанием желтой глины.

Мощный завал керамики 3 (Рис. 66) был открыт у восточного борта, на глубине 1,18 м. Общая протяженность завала составляла 3 м по линии север-юг; ширина в центре 1,10 м, севернее 0,70 м. Завал состоял из фрагментов раннесредневековых амфор, небольшого количества лепных горшков; встречены венчик пифоса, крупный фрагмент фляги, обломки стеклянного сосуда.

Группа камней 1 обнаружена в западной половине раскопа, на одном уровне с завалом 3, на глубине 1,18 м. Вытянуты грядой в один-два ряда с

севера на юг. Длина 2,5 м, ширина 0,2 м.

Группа из трех камней 2 (Рис. 66) обнаружена в северо-восточном углу раскопа. Камни средней величины, располагались в направлении север-юг, параллельно камням 1, в 3 м от них. Вероятно, эти камни являлись остатками дороги.

Таким образом, следует отметить, что в средневековое время этот участок представлял собой загородный пустырь, по которому проходила дорога, с восточной стороны которой располагалась свалка битой посуды.

Раскоп «Северо-восточный» в 1940 г. был заложен на берегу залива, вдоль обрыва, на восточной окраине нижнего плато, с целью поиска восточной границы городища. Представлял собой 10 площадей (исследованы только 3) длиной по 5 м и шириной от 2,6 м до 4 м. Исследованная площадь составила 75 м² (Блаватский, 1940А, л. 85-88; Паромов, 1993, с. 129-130, № 40).

Слой второй четверти VIII – середины IX вв. (Рис. 66) имел глубину 2,15-2,95 м. Грунт – сухой гумус серого цвета; ниже – гумус с примесью суглинка и гуммированная супесь желтоватого цвета. Глубина слоя до 2,15 м (площадь I) и до 2,95 м (площадь III). Грунт – рыхлый серый гумус.

Группа камней 3 и 4 открыта на площади III на глубине 0,91 м. Располагались на одном уровне и, вероятно, являлись частями одного помещения.

Развал кладки 3 находился в юго-восточной части площади. Среди камней встречены два прямоугольных камня средней величины (0,40х0,29 м и 0,30х0,27 м), лежащих рядом.

Группа камней 2 располагалась с северо-восточной стороны от кладки 3, на глубине 0,51 м. Камни средней и малой величины (0,32х0,25 м) лежали в беспорядке. Занимали площадь в 2,20 м в направлении с севера на юг и 4,60 м с запада на восток. Вероятно это бутовый завал кладки 3.

Группа камней 4, расположенная грядой, имела протяженность 1,70 м в направлении с юго-запада на северо-восток. Камни небольшие (в среднем 0,20х0,30 м), неправильной формы. Лежали в один ряд не соприкасаясь друг с другом, некоторые наклонно, другие вертикально. Эта группа камней представляла собой остатки разрушенной кладки, относящейся к той же постройке, что и кладка 3.

Группа камней 1, открытая на глубине 0,51 м, находилась с северо-западной стороны от группы камней 4. Камни средней и малой величины, лежали в беспорядке в один ряд. Занимали площадь 1,40 м с севера на юг и 0,70 м с востока на запад. Вероятно камни 1 – разрушенная вымостка.

В центре и в восточной части площади I, на глубине 1,78 м располагались камни небольшой величины, лежащие группами (5а-д) в беспорядке. Представляли собой остатки завала.

На площади III, между южным бортом раскопа и кладкой 3, на глубине 1,36 м прослежено большое пятно горелого сырца. Размеры пятна 0,90х0,50 м. Очевидно, это – остатки разрушенного сырцового сооружения, на месте которого впоследствии было сооружено здание, от которого сохранилась часть фундамента – кладка 3.

Сред находок в слое отмечены: фрагменты амфор, пифосов, лепной посуды.

Слой второй четверти – третьей четверти VI в. был открыт на площадях I и III на глубине 2,70 м. Его мощность 0,60 м. Грунт – гуммированная супесь, местами песок.

Архитектурные остатки не обнаружены. На площади I открыта яма. В северо-восточном углу площади III – слой горелого сырца 2,40x0,90 м.

Разновременность находок в слое свидетельствует, что грунт был перекопан.

Также в **северо-западной части городища**, над обрывом, отдаленным от моря 15 метровой полосой прибрежного песка, располагался **раскоп «Некрополь А»**, исследованный в 1936 г (Блаватский, 1936А, л. 6, 35-36; 1941а, с. 6-7, 26-27; Паромов, 1993, с. 126, № 25; Атавин, 2009, с. 89) (Рис. 1). Раскоп состоял из тринадцати площадей.

Участок, на котором был разбит раскоп, представлял собой загородный пустырь, возле двух древних дорог, шедших от города на запад (Блаватский, 1941а, рис. 13).

Остатки дороги, представленные группами камней, прослежены на площади XI. Камни залегали на глубине 0,40-0,70 и тянулись в направлении ЮЮЗ-ССЗ, сосредотачиваясь в юго-западной части площади.

Остатки другой дороги открыты на площадях II, IV, VI. Это прерывающаяся группа камней, которая тянулась с востока на запад, немного отклоняясь к ЗЮЗ. Камни залегали на глубине 0,50-1,30 м.

На площади IX был найден кухонный гончарный горшок из грубой глины (Рис. 107.1).

По наличию в окружающем слое керамики, дороги могут быть датированы позднеантичным–раннесредневековым временем.

* * *

Таким образом, при раскопках Фанагории, практически на всех раскопах, четко прослежены пять раннесредневековых слоев:

1. конца IX – начала X вв.
2. второй четверти VIII – середины IX вв.
3. начала VII – начала VIII вв.
4. второй четверти – третьей четверти VI в.
5. третьей четверти V – начала VI вв.

Спорадически встречены слои XI–XII вв., XV–XVII вв. и XIX в.

Вместе с этим важно отметить, что на ряде раскопов, в силу особенностей методики раскопок не всегда удалось четко проследить средневековые напластования, в силу чего пришлось ограничиться общей датировкой: начало VII – середина IX вв. на раскопах «Город А» (1936–1937 и 1974 гг.), «Северный город» (1948 г.) и «Западный». На раскопе «Верхний город» проследить стратиграфическую картину не удалось.

При этом верхний раннесредневековый слой конца IX – начала X вв. отсутствовал на раскопах «Город А», «Юго-Западный», «Восточный берег», «Восточный береговой» и «Северо-восточный». Все эти раскопы находились на окраинах средневекового города и можно полагать, что с конца IX в. здесь находились пустыри (Рис. 1).

В целом, стратиграфическая колонка Фанагории совпадает с истори-

ко-археологическими периодами Таманского полуострова, предложенными разработками А.В. Сазанова (Sazanov, Achkasova, 1996, p. 438-439, periode 2-6).

Так на городище выявлено три раннесредневековые прослойки пожарища⁸, которые можно датировать достаточно четко.

Во второй четверти VI в. Фанагория подвергается разгрому и разрушению – об этом свидетельствует первая прослойка пожарища, в том числе обнаруженные снаряды от метательных машин. Эти события связаны с восстанием против вассала Византии варварского князя Горда или Грода и ответных действий против варваров византийских войск и флота в 528 или 534 гг. После чего жизнь в городе на некоторое время затухает. Это также подтверждается анализом красноглиняной керамики, ременной гарнитуры, фибул, находками костяных наконечников «гуннских» стрел (Сазанов, 1986, с. 129; 1989, с. 58; 1999а, с. 32-36, табл. 7; 2008, с. 413; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 100; Атавин, 1993, с. 170; Гавритухин, 2008, с. 365; Строков, 2009б, с. 316; см.: Сокольский, 1968, с. 253-261, рис. 4, 9).

Следующий слой пожара датируется последней четвертью VI в. и связан с событиями 576 г. – походом тюрок на Боспор, когда пострадала большая часть крепостей и малых городов Керченского и Таманского полуостровов (Атавин, 1988, с. 22; 1992, с. 173-174; 1993, с. 167, 170; Сазанов, 1999а, с. 36, табл. 7; 1999б, с. 254).

Последнее пожарище – второй половины IX в. связано с нашествием печенегов или венгров (см. Глава IV).

После этого город ненадолго возрождается и существует до первых десятилетий X в.⁹, после чего его размеры сокращаются до небольшого поселка, существующего в X–XI в. После этого, вплоть до XV в. (см. Приложение) жизнь на территории городища замирает.

Городская планировка Фанагории нерегулярная, достаточно подробно исследована на раскопе «Центральный», где был исследован целый квартал из 6 домов и две улицы с переулками. Судя по сохранившимся домам, они соединялись в кварталы на всей территории раннесредневекового города. На большинстве же исследованных раскопов выявленные строительные остатки достаточно разрозненны, представляя собой не связанные друг с другом обрывки кладок. Насыщенность культурных слоев многочисленными пересекающимися друг с другом кладками, скученность строений, выявленная на ряде раскопов, говорят о том, что город был достаточно густо заселен (хотя размеры его и количество населения сократились по сравнению с предшествующим периодом). Можно констатировать, что город был протяжен в длину более чем на 800 м, в ширину до 700 м. Общая же территория

⁸ Еще одно, самое раннее пожарище, выявленное на раскопе «Береговой Стратиграфический» датируется промежутком между 450-480 гг. (Сазанов, 1999б, с. 235) и выходит за рамки настоящего исследования.

⁹ Здесь необходимо остановиться на ошибочном утверждении В.В. Майко, который ссылаясь на В.С. Долгорукова пишет: «как показывают многолетние раскопки Фанагорийского городища, стратиграфически, и здесь слой VIII – первой половины X вв. отделяется от горизонта второй половины X–XI вв.» (Майко, 2000б, с. 251). Отметим, что в работе В.С. Долгорукова нет ни слова о первой половине X в., а стратиграфия раскопов «Береговой А» и «Береговой Б» достаточно условна (Долгоруков, 1975, с. 54-59).

Фанагории занимала не более 50 га.

Практически на всех участках раскопов открыты следы регулярной и периодической строительной деятельности. При этом, судя по всему, раннесредневековая городская планировка не нарушила позднеантичную планировку – дома выстроены на основе стен IV–V вв. (Гадло, 1973, с. 272; 2004, с. 98; ср.: Якобсон, 1964, с. 62). Дома ориентированы стенами по сторонам света с незначительными отклонениями. Встречены дома с внутренними дворами, огороженными заборами или оградами на нетолстых каменных фундаментах. Такие дворыки являлись хозяйственными помещениями без крыши. Зачастую во дворах находились ямы (некоторые использовались как зерновые) или были вкопаны пифосы, предназначенные для хозяйственных нужд. Это же относится и к жерновам, часто встречающимся в строениях и близ них.

Мощные битой керамикой и костями животных узкие улочки и переулки раннесредневекового города имели ширину, не превышающую 2-2,5 м. При этом в городе существовали и широкие, длинные улицы. Как показывают исследования раскопа «Центральный», посередине города, с севера на юг проходила дорога, имеющая направления от центра города к морю. На этом же раскопе выявлена широкая улица, имеющая регулярное мощение и существующая весь период раннесредневековой Фанагории, начиная с позднеантичного времени.

В пяти направлениях от Фанагории расходились дороги. Две из них уходили от города вдоль берега, на запад (раскоп «Некрополь А»), к Таматархе и на северо-восток («Восточный берег» и «Восточный береговой») к Кепам. Еще три дороги вели на юго-восток, юг и восток (Паромов, 2003, с. 164-165, рис. 9).

Всего в Фанагории исследовано 19 более-менее сохранившихся раннесредневековых строений (Табл. 2). Дома отличаются разнообразием. Если в Таматархе отмечены лишь небольшие однокомнатные и двухкомнатные («пятистенки») сооружения, то в Фанагории встречаются и трехкомнатные, причем достаточно обширные помещения (Рис. 3, 4, 6, 15, 22, 32, 35, 38, 45, 50, 52, 53, 57, 59, 63) (ср.: Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 394-406, рис. 1-27). Выявлен и большой дом с четырьмя помещениями (раскоп «Северный город», 1948 г.) (Рис. 37). Дома были одноэтажными, но не исключено, что в ряде случаев наличествовал и второй этаж.

По своему внешнему облику и функциональному назначению строения приближаются к домам провинциально-византийского типа, что является одним из характерных признаков византинизации региона. Так близкие типы домов выявлены в Восточной Таврике, в Приазовье и Подонье, это определялось как природно-климатическими условиями, и социально-экономическими причинами, так и наличием тесных контактов между населением указанных территорий.

Дома пятистенки в Северном Причерноморье неизвестны до VIII в., а в VIII–X вв. они уже повсеместно распространены на провинциальных византийских поселениях Южного берега Крыма, Восточной Таврики и Таманского полуострова (Чхаидзе, 2008а, с. 120; Кашаев, Кашовская, 2010, с.

292, рис. 6).

Трехкомнатные дома характерны именно для Фанагории, некоторые из них по сути являются теми же “пятистенками”, с той разницей, что между двумя помещениями находится маленькое среднее помещение, могущее выполнять функцию “прихожей” или коридора. Вместе с тем, не исключено, что наиболее массивные из трехкомнатных домов (а так же дом из четырех помещений) выполняли какие-либо административные функции. Так в застройке позднеантичной Фанагории встречались монументальные здания, возведенные в традициях античной архитектуры, с колоннами, вымостками, колодцами, которые в обновленном виде могли существовать в VI–VII вв. (Сорочан, 2004а, с. 119).

Относительно строительной техники раннесредневековой Фанагории, можно констатировать, что так же как и в Таматархе (Чхаидзе, 2008а, с. 114-120; 2009б, с. 295-296), дома в Фанагории (см: Сорочан, 2004а, с. 121-122) по крайней мере с конца VI по начало X вв. ставились на каменный цоколь, выложенный в технике *opus spicatum* («ёлочка») (Кропоткин, 1957, с. 37; Плетнёва, 1967, с. 49; 1981а, с. 13; 1999, с. 153, 157, 159, 167; Якобсон, 1970, с. 120; Баранов, 1981, с. 66; Флёров, 2005, с. 340-341; 2011, с. 142, 173-177) – в два панциря (внешний и внутренний) с забутовкой на глиняном растворе. Практически всегда камень – местный известняк, ракушечник или песчаник. Камень применялся без обработки, кладки выложены вперевязку. На углах и у входов домов обычно использовались достаточно крупные блоки со следами подтески. Подобные элементы построек заимствованы из провинциально-византийской строительной традиции (Баранов, 1990, с. 50-51; Айбабин, 1999, с. 189; Сорочан, 2004, с. 126; 2005, с. 413; см.: Флёров, 2011, с. 140-177). Забутовка состояла из мелких камней и щебня, залитых жидкой глиной. Максимальная зафиксированная высота цоколя достигает шести рядов камней – 1,5 м, ширина колеблется от 0,4 до 0,8 м (в среднем – 0,6 м). Верхний ряд кладки, тщательно заравнивался уложенными небольшими каменными плитами или горизонтально обмазывался толстым слоем глины, в последнем случае иногда заметны следы сырцовых кирпичей – остатки стен, ставившихся на выровненной поверхности. Остатками стен являются и заплывы глины, часто встречающиеся вокруг кладок. В начале VII – середине IX вв. пол в помещениях глинобитный, переходящий в обмазку внутреннего панциря цоколя. Дважды (раскоп «Берег») встречен земляной пол. Один раз (раскоп «Центральный») отмечен черепичный пол – первой половины VI в. (Табл. 2).

Технология укладки *opus spicatum*, известна с поздней античности и фигурирует среди прочих регулярных систем кладок (Сорочан, 2004а, с. 117; 2005, с. 397). В позднеантичной Фангории, так же как и на Таманском городище использовалась кладка в два-три ряда камней, положенных плашмя или на ребро, середина кладок заполнена мелким бутом.

Opus spicatum получает распространение в слоях V–VI вв. Таманского городища, Керчи, Судака, Илурата, Баклы и других памятников, а с VII–VIII вв. эта техника укладки уже встречается повсеместно в Крыму и на Таманском полуострове (Чхаидзе, 2008а, с. 116-117). В Керчи *opus spicatum* сохраняется вплоть до XII в. (Сорочан, 2004а, с. 123, 126; 2005, с. 407, 412),

на Таманском городище – является устойчивым строительным приемом вплоть до XV в. (Чхаидзе, 2008а, с. 117; 2009б, с. 296)¹⁰.

Все дома углублены в грунт: в вырытые котлованы вдоль стенок ставили каменные цоколи, на 0,2-0,3 м возвышавшиеся над котлованом. Некоторые дома в цокольной части имели дверные проемы, в которые вкладывались крупные, иногда хорошо обработанные каменные блоки, обрамленные ровно подогнанными, поставленными на ребро плитами. Иногда присутствуют камни, являвшиеся порошками. Печь (очаг) как правило располагалась в одном из углов жилой комнаты. Печи почти квадратные в плане, сложены из сырцовых кирпичей, обмазанных глиной. Глинобитный свод, с круглым отверстием сверху, опирался на столб из сырцовых кирпичей, поставленных в центр топки. О наличии в домах окон, позволяют говорить находки оконного стекла (Рис. 130. 38-49).

Помимо камня стены жилища возводились из местных строительных материалов, прежде всего из преобладающих на полуострове глинистых почв, что было обусловлено крайним недостатком строительной древесины. Основной строительный материал – саманный кирпич. Изготовление саманного кирпича – местная традиция, с уходящими в далекое прошлое строительными приемами. Аналоги этой традиции обнаружены во время археологических исследований на городищах и поселениях Таманского по-

¹⁰ Здесь остановимся на высказанном недавно мнении Л.А. Голофаст, однозначно утверждающей, что *opus spicatum* распространяется “на Тамани с первой половины VIII в. и ни разу не прослеживается в ранних кладках Фанагории” (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 411). Далее автор пишет, что аргументы о времени появления этой кладки в V-VI вв. на Таманском городище приводимые В.Н. Чхаидзе (использующего данные отчетов 1965, 1968–1969, 1973, 1976 гг.) “не могут быть использованы в качестве безусловного обоснования” (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 424; см.: Чхаидзе, 2008а, с. 117). И здесь хотелось бы возразить Л.А. Голофаст. Из отчета 1965 г. следует, что на участке V-VI вв. с кладкой *opus spicatum* действительно присутствуют более поздние ямы, но говорить о “многочисленности” этих ям (всего 5) и “крайней потревоженности слоя” – явное преувеличение. Вообще перекопанность средневековых слоев, увы, характерная черта Таманского городища, но из этого не следует, что мы должны сплошь и рядом не доверять датировке слоев. Тоже самое можно сказать о данных отчетов 1968 и 1969 гг. – в слое V-VI вв. присутствует более поздняя керамика, которая, кстати, представлена в тексте, и лишь в описании (!), что не мешает Л.А. Голофаст делить ее на типы (“возможно, формы 3 группы «Понтийской краснолаковой»”) и утверждать о ее “значительном количестве”, хотя никакие статистические данные в отчетах не приводятся. Из отчета за 1973 г. Л.А. Голофаст цитирует, что камни в кладках “положены плашмя или торчком, но не наклонно «в елочку, как в более поздних слоях»”. Между тем в тексте отчета сказано: “положены плашмя или торчком в 2-3 слоя...”, а на чертеже кладка имеет выраженные черты *opus spicatum*. Наконец, касаясь отчета 1976 г. Л.А. Голофаст признает, что кладка *opus spicatum* относится к слою V-VI вв., но при этом добавляет: “Однако, указанная кладка могла быть впущена в этот слой и в ходе более позднего строительства” – на каком основании делается подобное заключение нам остается не понятно. В итоге хотелось бы отметить, что мы вовсе не опровергаем “вывод о массовом использовании кладки *opus spicatum* после VII в.” как считает Л.А. Голофаст и, безусловно, согласны с тем, что техника такой укладки “в отдельных случаях использовалась и в более раннее время”, однако обнаружение подобной кладки в слоях V-VI вв. как ряда крымских памятников, так и Таманского городища (см: Сорочан, 2005а, с. 407-408; Чхаидзе, 2008а, с. 115-118; ср.: Джанов, 2004, с. 63, рис. 5), и Фанагории, говорит само за себя. В целом, хотелось бы услышать от Л.А. Голофаст более развернутых аргументов относительно времени начала использования кладки *opus spicatum*, в том числе, с привлечением материалов крымских памятников. Иначе, правым окажется один из исследователей, считающий, что “дискуссия об истоках и времени появления кладки “в елочку” давно уже вышла за рамки частной проблемы и далека от завершения” (Пономарев, 2012, с. 71). Также отметим, что, как считает Л.А. Голофаст, техника строительства раннесредневековых домов в Фанагории “очень близка” характеру построек Таматархи (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 409). По нашему же мнению и как показывают материалы – они идентичны.

луострова (Башкиров, 1927, с. 30; Блаватский, 1950, с. 39; Чхаидзе, 2004б, с. 41-42).

Другим видом местного строительного материала являлась камка – морская трава, использовавшаяся для устройства крыши. Трава, выбрасываемая морем во время прилива, просушивается солнцем и устилает всю береговую полосу залива. Ее особенность заключается в том, что она практически не гниет. Вероятно, традиция использования камки была принесена в дельту Кубани греками, так как впервые данная технология была засвидетельствована только в районе непосредственного проживания греческого населения на Таманском полуострове. Использование “камки” прослеживается на археологических материалах всех прибрежных таманских городищ и поселений (Чхаидзе, 2004б, с. 43).

Вследствие того, что в слоях в значительном количестве встречается черепица (керамиды), можно утверждать и об ее использовании (дома на раскопах «Берег», «Юго-Западный») наряду с традиционным кровельным материалом – камкой, соломой или камышом, обмазанных глиной, скрепленной стебли кровельного покрытия. Вероятно, крыша обмазывалась слоем саманной массы; при этом обмазка крыши требовала постоянного ухода и подновления. Находки черепицы, скорее всего, объясняются ее вторичным использованием после прекращения существования дома (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 409); при этом в раннесредневековых строениях использовалась и черепица античного времени.

Таким образом, сохранение регулярной планировки, многослойное мощение улиц, отсутствие целиком сырцовых, полуземляночных, а также юртообразных жилищ, позволяет утверждать что Фанагория (так же как и Таматарха) была включена в круг боспорской культуры (Сорочан, 2005а, с. 405; Чхаидзе, 2008а, с. 140), имеющей провинциально-византийские признаки.

Вместе этим следует отметить, что при раскопках Фанагории не выявлены постройки общественного характера, в частности давяльни для винограда или колодцы (ср.: Чхаидзе, 2008а, с. 134-138, рис. 73-77). При этом в позднеантичный период колодцы в городе функционировали (Кобылина, 1963а, с. 100, рис. 38; 1969б, с. 102-104, рис. 35). Вообще о водоснабжении раннесредневекового города ничего определенного сказать нельзя – был ли здесь водопровод, колодцы или цистерны? (ср.: Созюмов, 1967, с. 42; Майко, 2004а, с. 109-110; Полканов, Шутов, 2004, с. 152-157; Ушаков и др., 2006б, с. 307-312). То же относится и к производственным комплексам (печи, горны и пр.), которые, вероятно, находились вне городской территории, как это имело место в античный период (ср.: Гайдукевич, 1934а, с. 53, рис. 21; Цветаева, 1966, с. 19-20, 31-33, табл. 22-25).

Вслед за В.С. Флёровым, можем констатировать, что оборонительная система Фанагории не исследовалась (Флёров, 2005, с. 339; 2007, с. 70) и говорить что-либо о фортификационных сооружениях не представляется возможным. Хотя отдельные исследователи допускают такую возможность (см.: Гадло, 2004, с. 75). Правда, К.К. Гёрцем упоминаются обнаруженные в

1859 г. остатки стены толщиной более 2,5 м, сложенной из слоев земли и глины и, вероятно, окружавшей город (Гёрц, 1870, с. 92-93). Но время ее бытования неизвестно, а остатки стены за прошедшие годы встречены¹¹.

Ничего не известно и о портовых сооружениях раннесредневековой Фанагории – во время проведения подводных исследований в затопленной части города (в том числе в последние годы), они пока не выявлены.

В заключение раздела, учитывая приведенные данные, можно констатировать, что Фанагория с античного времени непрерывно сохраняла облик городского поселения и являлась городом в полном смысле (Чхаидзе, 2006д, с. 165). В свете рассмотренных выше данных, об этом свидетельствуют такие факторы сложения городских структур как большая заселенная территория, наличие, по меньшей мере, четырех видов жилых сооружений, планировка, присущая крупному населенному пункту.

Что же касается топографии Фанагории, то она была подчинена ее роли крупного торгового и перевалочного пункта, расположенного на границе греческого и варварского мира. Это – важная гавань, посреднический пункт торговли. Здесь можно вновь привести в пример Таматарху (Чхаидзе, 2008а, с. 143), а так же другие поселения крымско-таманского региона, в основе определения культурной принадлежности которых возможно видеть состав местного населения и облик местной материальной культуры, независимо от того в какую политическую или государственную структуру входило то или иное поселение. Так, включив в VII в. эти поселения в сферу своих интересов, хазары не изменили их структуры и не оказали существенного влияния на облик местной материальной культуры, остававшейся по сути провинциальной византийской, в которую и влились элементы культуры Хазарского каганата.

Таким образом, можно констатировать, что в начале VIII – середине IX вв. Фанагория достигает наивысшего расцвета. Город играет важную экономическую, административную и военную роль Хазарии в проливе. С другой стороны в Фанагории продолжает проявляться сохранение и сильное влияние Византии. Подобный показатель – еще одно свидетельство непрекращающихся хазаро-византийских культурных контактов на Боспоре.

---

¹¹ При этом установлено, что в V–IV вв. до н.э. на юго-восточной окраине города функционировала каменная крепостная стена, имевшая толщину до 1 м, а в конце III–II вв. до н.э. стена на этом месте была сооружена вновь (Кобылина, 1963в, с. 86-87, рис. 4; 1966а, с. 105; 1969б, с. 98, рис. 30).

ГЛАВА II

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ФАНАГОРИИ
В VI–X ВВ.

Основным источником сведений о быте, культуре, торговых связях средневекового города являются археологические находки: керамические и стеклянные изделия, украшения и монеты, предметы вещевого комплекса. При этом важно отметить, что абсолютные даты слоев в известной степени условны и отражают не столько реальные исторические периоды, сколько современные представления о хронологии керамического материала. В настоящей работе использованы все доступные вещи из раскопок 1936–1995 г. слоев VI–X вв. а также подъемный материал. Работа с большинством предметов проводилась *de visu* – в таком случае дается подробное описание, размеры приводятся в таблицах (Табл. 3-4)¹.

Керамика. В основу исследования керамического комплекса Фанагории положен целый ряд уже опубликованных работ, в значительной мере дополненный новыми материалами из раскопок, с учетом последних хронологических и типологических данных, основанных на материалах синхронных памятников. Керамический комплекс, по функциональному назначению, делится на несколько категорий: тарную, кухонную и столовую, в каждой из которых выделены группы, типы и виды посуды.

Амфоры². В настоящее время изучение групп позднеантичных и раннесредневековых (IV–X вв.) амфор проводится, главным образом, с целью публикации новых комплексов, а также сужения существующих датировок (Сазанов, 1989, с. 41-51; 1998, с. 54-56; 1999б, с. 224-259; 2000, с. 221-236; 2001, с. 240-245; Седикова, 1995а, с. 170-171; 1995б, с. 132-124; Науменко, 1997, с. 326-335; 2009, с. 35-50; Зинько, Пономарев, 1999, с. 190-196; Рыжов, Седикова, 1999, с. 313-315; Сазанов, Мокроусов, 1999, с. 168-202; Айбабин, 2000, с. 168-173; Голофаст, Рыжов, 2000, с. 78-80; Голофаст, 2001, с. 100-122; Сазанов, Могаричев, 2002, с. 475-501; Нессель, 2006, с. 96-99; Таскаев, Чхаидзе, 2007, с. 403-407; и др.). При этом группы раннесредневековых тарных сосудов рассматриваются как продолжение эволюционного развития позднеантичных форм. Однако установлению четких датировок амфор во многом препятствует небольшое количество известных комплексов. Важно отметить и то, что раннесредневековые амфоры, в отличие от античных, зачастую изготавливались без точного соблюдения стандартов, в различных керамических мастерских и, как следствие, с применением разных технологических приемов и из различных составов глины. Все это также препятствует разработке достаточно четких классификационных схем. По сути, каждый тип раннесредневековых амфор варьируется и морфологически, и по составу теста. В

¹ В таблицах и подписях под иллюстрациями приводится шифр материала. Пример: Ф-75 Ц ХХIV-ХХVI/9 (оп. 60), № 55 – Год раскоп площадь/пласт (полевая опись), № по описи коллекции, в 2012 г. подготовленной к сдаче на хранение в ГИМ.

² При написании этого раздела использована наша публикация «Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.)» (Чхаидзе, 2005а), а также неоконченная и неопубликованная работа А.П. Абрамова и А.Г. Атавина «Средневековые амфоры из Фанагории» (1993 г.).

данной связи, на современном этапе изучения амфорной керамики видится максимально полная публикация каждого целого сосуда или профильного фрагмента, с обязательным указанием метрических характеристик и состава глины.

В настоящей работе мы разделяем амфорную керамику на три большие группы: I – позднеантичные сосуды, последние этапы бытования которых приходятся на раннесредневековое время; II – раннесредневековые амфоры с яйцевидным, вытянутым желобчатым корпусом; III – раннесредневековые амфоры яйцевидной формы с зональным рифлением.

Из всего массива амфорной керамики выделено 16 типов. Однако следует отметить, что мы не рассматриваем выделение типов амфор Фанагории в качестве какой-то особой типологии – это сделано исключительно для удобства при работе с материалом; тем более, что все эти типы давно присутствуют в различных классификационных разработках, что и отражено в дальнейшем.

В **группу I** – позднеантичных (позднеримских) амфор, которые доживают до VI–VII вв., включено семь типов сосудов.

Тип I – большие красноглиняные широкогорлые амфоры (Зеест, 1960, табл. XXXVIII.96-97; Сокольский, 1966, тип. IV; Абрамов, 1993, табл. 64; Sazanov, 1997, type 20). Тип представлен целым экземпляром, тремя горловинами, тремя венчиками, ручкой и четырьмя ножками (Рис. 67).

Целый экземпляр (Рис. 67.1). Амфора с туловом округлых очертаний с небольшим расширением в верхней части, заканчивающимся цилиндрической ножкой (диаметр по подошве 43 мм). Горло плавно соединяется с туловом и состоит из двух частей, нижней – суживающейся кверху и верхней, расширяющейся кверху, несколько воронкообразной. Со стороны ручек горло сдавлено. Венчик вытянут по вертикали с небольшим расширением в нижней части. Ручки крепятся непосредственно под венцом, в вертикальном сечении почти прямые, в верхней части имеется легкий изгиб. Ручки овальные, профилированы по верхней образующей линии контура четырьмя желобками подтреугольной формы. На сосуде имеется желобок от подставки (на высоте 110 мм), на которой амфора просушивалась до обжига в печи.

Глина сосудов светло-коричневая, красная или розовая, иногда с серым закалом в центре. Глина тонкозернистая, плотная, с примесью шамота и включениями слюды.

Несколько фрагментов происходят из раскопок 1940 г. (Зеест, 1960, с. 119, табл. XXXVIII.97) и позже (Сазанов, 1989, рис. 2.9и) (Рис. 67.2).

Горловина была обнаружена в 1976 г. (Рис. 67.3).

Еще один экземпляр происходит из раскопок 1990 г. (Рис. 67.4). Горло значительно ниже, прямое, с небольшим расширением в средней части. Венчик вытянут по вертикали с небольшим расширением в нижней части, однако ручки крепятся не непосредственно под венчиком, а на 25 мм под ним. Ручки овальные в сечении, по внешней стороне профилированы двумя

валиками. Данный образец является непосредственным прототипом, более близким античным образцам, чем целая амфора, рассмотренная выше. Профилировка венчика сближает данный экземпляр с типами розовоглиняных амфор второй половины II – первой половины III вв. н.э. (Зеест, 1960, с. 115-117, табл. XXXIV.83, XXXVI.89; Абрамов, 1993, с. 48, табл. 57).

В качестве аналогии приведем горловину подобной амфоры, происходящую с Таманского городища (раскопки 1952 г.) (Рис. 67.10) Глина сосуда розово-красная, с серым закалом в центре, со слюдой и белыми включениями.

Два венчика происходят из раскопок 1975 и 1989 гг. (Рис. 67.5-6). Венчики изготовлены из оранжевой глины с мелкими включениями шамота и слюды. Отметим и три донца из раскопок 1975, 1982 и 1985 гг. (Рис. 67.7-9).

Фрагменты этих амфор встречены в слое II–III вв. раскопа «Береговой А» 1971–1972 гг. (Сазанов, 2012, с. 147).

В качестве нижней хронологической границы бытования этих амфор, конец IV–начало V вв. в., использовалось наблюдение И.Б. Зеест, что на поселениях, погибших в III в. подобные амфоры не встречаются. А.В. Сазановым предложена их нижняя датировка – IV в. (вероятно, с конца III в.). Комплексы Ильичевского городища и Фанагории (раскоп «Керамик») фиксируют верхнюю хронологическую дату существования подобного типа – третья четверть VI в. и 570–580 гг. В VII в. эти сосуды не заходят (Сазанов, 1986, с. 129; 1989, с. 47, признак 9; 2000, с. 225, 234; 2002б, с. 38; 2012, с. 133-135; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 99; Абрамов, 1993, с. 51; Sazanov, 1997, p. 92, tab. 1.20).

Находки этих амфор в раннесредневековом слое Фанагории могут объясняться тем, что они, в силу своей вместительности, использовались в качестве врытых в землю пифосов.

И.Б. Зеест выделяет два варианта таких амфор, различающихся по размерам (Зеест, 1960, с. 119). Данные сосуды являлись местной продукцией: их производство зафиксировано в Фанагории, в обжигательной печи, раскопанной в 1930–1931 гг. (Подгаецкий, 1931А, л. 1-44; Иессен, Миллер, 1932, с. 61; Гайдукевич, 1934а, с. 84-85, рис. 44) и в трех печах, исследованных в 1964 г. на раскопе «Керамик»³ (Кобылина, 1966а, с. 178, 184, рис. 7.1-5, 16.3). Эти сосуды производились и в Пантикапее, где в 1929–1931 гг. были раскопаны печи для их обжига (Зеест, 1960, с. 119-120, табл. XXXVIII. 96; Сазанов, 1989, с. 47; 2012, с. 34).

Распространение этих амфор в Северном Причерноморье представлено А.В. Сазановым (Сазанов, 1986, с. 129; 1989, табл. 1.9, 2.9, 3.9, 4.9; 2000, с. 221). Экземпляр больших размеров происходит с Ильичевского городища – вероятно, один из вариантов этого типа сосудов (Зеест, 1960, с. 119; Николаева, 1984б, рис. 38.2; Сазанов, 1989, с. 47, рис. 2.9а; 2000, с. 225, рис. 6.1-3; Sazanov, 1996, p. 96-97, fig. 5.12; 1997, fig. 2.20; Гавритухин, Паромов, 2003, с. 153, табл. 63.55), там же известны фрагментированные экземпляры и фрагменты (Сокольский, 1966, с. 132, рис. 6.1; Николаева, 1984б, рис. 38.1, 3; Винокуров,

³ Печь № 3, в которой непосредственно обжигались эти амфоры, датируется в пределах 50-60-х гг. IV в. – первых десятилетий V в. (Сазанов, 2012, с. 172, 175-176).

Николаева, 2000, с. 19, рис. 9; ср.: Сазанов, 2012, с. 177, прим. 1). Помимо уже отмеченной верхней части амфоры, на Таманском городище найдены четыре ручки (Сазанов, 2000, с. 234, рис. 20.14, 21, 24-25; 2012, с. 147). Эти сосуды встречены на Патрейском городище (Абрамов, 1993, табл. 64.7.21; Сазанов, 2012, с. 143), поселениях Батарейка I (Сазанов, 1999б, с. 225, рис. 1.1-5, 2.1-3; 2012, с. 145, рис. 1.5), Батарейка II, Кучугуры, Кепы (Сазанов, 2012, с. 143, 145, 172).

В Крыму встречены: в Пантикапее (Айбабин, 1999, с. 135; 2000, с. 172, рис. 5.31; Сазанов, Могаричев, 2002, с. 478, 495, рис. 2.6, 4.Б.25; Смокотина, 2008, с. 110-111, рис. 8.10, 14), Тиритаке (Гайдукевич, 1952а, с. 112-113, рис. 138; с. Сазанов, Иващенко, 1989, с. 91, 97-98, рис. 5.1, 4, 10.1-10; Сазанов, 1989, с. 47, рис. 2.9.в, д-з; 1999б, с. 251, рис. 16.1-4; Зинько, 2008, с. 332, 336), Зеноновом Херсонесе (Сазанов, Иващенко, 1989, с. 100; Сазанов, 1989, с. 47, рис. 2.9.б, г), городище Золотое Восточное (Сазанов, Мокроусов, 1996, с. 90, 92-93, 96-97, 100, рис. II.1-3, 6-7, 9, IV.1, V.6, 6, 10, 12, VI.1, VII.13, IX.2, 6-7, 11-12, X.3-5, XII.1, 4, 8-9), Зеленый мыс (Сазанов, Мокроусов, 1999, с. 175, 177, 180, 189, 195, рис. 2.10-11, 27-28, 3.1-5, 5.18-21, 7.1-11), Киммерике (Голенко, 2007, с. 117-121, 124, 150, 152, 158-160, 230, 232, рис. 30.а.1-10, 13, 31.1, 32.1-12, 33.11, 13-14, 17, 34.6, 10-14, 17, 19, 21, 36.6, 9, 11, 37.5, 20, 21, 38.14, 41.2-3, 7-12, 17-18, 48.30, 57.3, табл. II.4.С-1, II.4.Е-1, II.4.Ж-1-2), Мангупе (Герцен, Науменко, 2006, с. 411, рис. 17.6; Иванова, 2011а, с. 269, 285, 288, 317), Херсонесе (Белов, 1969, с. 83; Сазанов, 1999б, с. 243, рис. 11.3-5; 2002б, с. 38, рис. 6.3-5; Голофаст, 2001, с. 106-107, 109, 120, рис. 17.4).

Существует мнение, что подобные амфоры известны в Болгарии (Borisov, 2010, p. 161, fig. 153.122), однако оно ошибочно.

Тип II – амфоры типа Газа–Ашкелон (Late Roman Amphora 4) (Сокольский, 1966, тип III; Антонова и др., 1971, тип III; Scorpan, 1977, type XIV; Якобсон, 1979, тип 8; Riley, 1979, type LR 3; Böttger, 1982, typ II Varia; Николаева, 1984б, тип IV; Keay, 1984, type LIV; Peacock, 1984, type LA 4; Хотелашвили, Якобсон, 1984, тип 5; Кузманов, 1985, тип IV; Воронов, Бгажба, 1985, тип 2; Peacock, Williams, 1986, class 49; Hayes, 1992, type 6; Поповић, 1988, тип VI; Романчук и др., 1995, класс 4; Bjelajac, 1996, tip XV; Sazanov, 1997, type 4). Тип амфор представлен верхней и донной частями (Рис. 68).

Верхняя часть и отдельно вторая ручка (Рис. 68.1-2). Корпус почти цилиндрический, с рифлением, начинающимся на уровне ручек. Рифление иррегулярное, желобки иногда в сечении полукруглые, иногда врезные, выполнены острым инструментом. Валики между ними – иногда без дополнительной обработки, заостренные или уплощенные. Венчик не выделен и представляет собой несколько отогнутую наружу, но поставленную почти вертикально часть горла. С внешней стороны – следы небрежной замазки. Ручки петлеобразные, прикреплены на 35 мм ниже верхнего края венчика, в сечении овальные, асимметричные, профилированы двумя валиками, пологими, сдвинутыми к одному из краев ручки. Глина коричневая, тонкозернистая плотная, с примесью мелких белых частиц.

Донная часть (Рис. 68.3). Изготовлена в виде кольцевого поддона. Вся внешняя поверхность профилирована асимметричными валиками с

наибольшим расширением в верхней части. Разделение желобков и валиков оформлено гранями. Шаг между валиками 10-60 мм. Высота ножки 44 мм, при диаметре подошвы 41 мм. Донце изготовлено из красно-коричневой глины с крупными белыми частицами и песком. Внутренняя поверхность серая, внешняя – коричневая.

Датировка этих амфор установлена в пределах II–III – конца VII вв. (Riley, 1979, p. 220-221; Keay, 1984, p. 395; Adan-Bayewitz, 1986, p. 98; Peacock, Williams, 1986, p. 198-199; Sodini, Villeneuve, 1992, p. 197; Majchereck, 1995, p. 169; Sazanov, 1997, tab. 1.4; 2000, p. 130; 2007, p. 806; Bonifay, Piéri, 1995, p. 112; Topoleanu, 200, p. 138; Piéri, 2007a, p. 302). По материалам из Болгарии подобные сосуды датируются от начала V до начала VII вв. (Кузманов, 1985, с. 12). В Херсонесе, по монетному материалу, верхняя граница бытования установлена до 70-х гг. VII в. (Антонова и др., 1971, с. 84; Sazanov, 1997, p. 88).

Выделено 6 вариантов этих сосудов (Piéri, 1998, p. 101-102, fig. 5; 2005a, p. 101-110; Piéri, 2007a, p. 302, fig. 5; 2007b, p. 614, fig. 8). По материалам раскопок Херсонеса известно 2 типа (Романчук и др., 1995, с. 21). Их производство предполагается в районе Газы (Палестина). Вероятно, эти сосуды предназначались для перевозки кунжутного масла и рыбы (Riley, 1979, p. 221-222; Peacock, Williams, 1986, p. 198; Blackley, 1988, p. 36-38; Сазанов, 1991a, с. 66-67; Piéri, 2007a, p. 302, fig. 16; 2007b, p. 612, 614, fig. 2, 9). Объем сосудов составляет 15-16 литров (Piéri, 1998, p. 101).

Аналогией верхней части амфоры из Фанагории (Рис. 68.1-2) является амфора из комплекса Бейрута, датированного около 600 г. (Reynolds, 2010, p. 98, fig. 7.x). Донце (Рис. 68.3) датируется V – началом VI вв. (ср.: Reynolds, 2005, p. 563-611, fig. 153.3)⁴.

Амфоры типа Газа–Ашкелон имели широкое распространение в Средиземноморском (концентрируясь в его восточной части) и, частично, Черноморском бассейнах (Scorpan, 1977, p. 281, fig. 20; Fabian, Gorev, 2002, p. 145, fig. 1; de Vingo, 2007, p. 69, fig. 3f). Происходят из раскопок многих памятников на территории Палестины и Сирии (Landgraf, 1980, p. 82, fig. 26; Keay, 1984, p. 278-281; Fulford, Peacock, 1984, p. 121, fig. 35.12-13; Peacock, Williams, 1986, p. 198-199, fig. 116; Blackley, 1988, p. 37, fig. 6; Sodini, Villeneuve, 1992, p. 197, fig. 2.3; Watson, 1992, p. Fig. 10.76; Monfort, Williams, 2002, p. 134-142, fig. 1, 4; Fabian, Gorev, 2002, p. 145-150, fig. 2-3; Piéri, 2007a, p. 302, fig. 6; Walmsley, 2007, p. 328, fig. 7.1; и др.). Известны в Египте (Majchereck, 1995, p. 169, pl. 7-8; 2002, p. 63, fig. 2.7; Şenol, 2007, p. 65, 73, fig. 7), Италии (Sorrenti e.t.c. 1985, p. 589, fig. 312.36-41; De Caprariis, Fortini, Palombi, 1988, p. 305-320; Gelichi, 2006, p. 151-183, fig. 23.1; Augenti, 2006, p. 185-217, fig. 24.1), отмечены на южном побережье Франции (Bonifay, Villedieu, 1989, p. 27-29, fig. 8.7, 9; Пиери, 1994, с. 95; Bonifay, Piéri, 1995, p. 112, fig. 9) и в Испании (Scorpan, 1976, p. 165, pl. XIII.3; 1977, p. 280, fig. 19.3; Remola, 2000, p. 226-228, fig. 83-86). Найдены при раскопках Карфагена (Peacock, 1984, p. 121, fig. 35.12-13), Бенгази (Riley, 1979, p. 219-223, fig. 92.351-356), Коринфа (Williams, Zervos, 1982, p. 139-140, fig. 3.73-74, pl. 44.74; 1983, p. 26, fig. 13; 1988, p. 97-98, fig. 3; и др.), Аргоса (Aupert, 1980, p. 438, fig. 45.321; Abadie-Reynal, 1989, p. 54, fig.

⁴ Благодарю А.В. Сазанова за эти ценные указания.

11), Патары (Korkut, 2007, p. 164-165, №№ 62-63), Стамбула (Hayes, 1992, p. 64-65, 103, fig. 22.4-5, 47.166-167). Присутствуют в турецких музеях: Алании (Sibella, 2002, p. 12-13, fig. 16) и Тасучу (Şenol, 2009, p. 158-159, 257-259, №№ 94-97). Большая группа сосудов происходит из кораблекрушений близ Книда (Малая Азия) (Lloyd, 1984, p. p. 20-25, ill. 5-6, pl. 7-8); Кипра (Leidwanger, 2007, p. 311-312, fig. 7), известны из кораблекрушения близ Тантуры (Палестина) (Sibella, 1995, p. 15, fig. 2.D). Отмечены в Сербии (Поповић, 1988, с. 18, сл. 14.35; Vjelajac, 1996, p.50-52, sl. XVI.68, 70, 74, 76). Встречены на территории Великобритании (Tomber, Williams, 1986, p. 51, fig. 7F).

Они известны в Болгарии (Böttger, 1982, p. 140, taf. 24.554; Кузманов, 1985, с. 13, табл. 4.A 34-36; Кузманов, Салкин, 1992, с. 51, табл. X.133), Румынии (Condurachi, 1960, p. 241, fig. 11.3; Scorpan, 1975, p. 268, pl. I.5; 1976, p. 165, pl. XIII.4; 1977, p. 281, fig. 19.4, 39.5-6; Popescu, 1994, p. 386-387, fig. 99, tav. XXII; Oprait, 2004, p.208-209, pl. 9.7-12; Topoleanu, 2000, p. 137-138, pl. XLIII.346-349), Грузии и Абхазии (Гамбашидзе, 1977, с. 134, рис. 24.2; Хотелашвили, Якобсон, 1984, с. 195, рис. 2.5; Воронов, Бгажба, 1985, с. 71, рис. 26.1-2, 5-7; Хрушкова, 2002, с. 268, рис. 105.4, табл. LXIII.2; Миндорашвили, Мамуладзе, 2008, с. 132, таб. II.2-3). Присутствуют в Керчи (Смокотина, 2008, с. 109), на Мангупе (Иванова, 2011, с. 79, рис. 1.9; Иванова, 2011б, с. 157-158, рис. 1.9), в Херсонесе (Якобсон, 1951, с. 327, рис. 3.9; 1979, с. 12, рис. 2.5; Антонова и др., 1971, с. 84, рис. 4; Кутайсов, 1982, с. 162, 164, рис. 5.2-5; Романчук, Белова, 1987, с. 60, рис. 2.6-7; Сазанов, 1991а, с. 66, рис. 10.4-9; 1999б, с. 229, 243, рис. 3.40, 11.11-12; 2002б, с. 40, рис. 6.11-12, 7.8; Романчук и др., 1995, с. 21-22, табл. 5.25-27, 6.23-24, 7. 22; Золотарев, Ушаков, 1997, с. 34, рис. 4.6; Sazanov, 1997, fig. 1.4; 2000, p. 130, 138, fig. 3.12-16, 8.1-2; Голофаст, Рыжов, 2000, с. 79, рис. 9.5-6, 8; Голофаст, 2001, с. 105-109, 111, 114-120, рис. 2.1-11, 18.7-11, 37.4, 53.2, 54.3, 71.2, 79.5; 2007, с. 76, 111-112, рис. 6.4, 32; Ушаков и др., 2006а, с. 193, рис. 10.15-16; Golofast, 2007, p. 50, 55, fig. 9.5-6, 8, 15.2; Ушаков, 2010а, с. 243; 2010б, с. 293, 305, рис. 9.44, 15.28; Самойленко, 2010, с. 45, рис. 18.6). Известны на Ильичевском городище (Сокольский, 1966, с. 132, рис. 4.2; Николаева, 1984б, л. 58-59, рис. 27.3; Сазанов, 1991а, с. 67; 2000, с. 226, рис. 7.1-2; Sazanov, 1996, p. 96-97, fig. 5.14; Гавритухин, Паромов, 2003, с. 153, табл. 62.86) и в Танаисе (ранняя форма) (Арсеньева, Науменко, 1992, с. 95, рис. 46.1).

Находка подобной амфоры на городище Батарейка II (Якобсон, 1979, с. 13) была неверно отнесена А.В. Сазановым к типу III по классификации Г. Кузманова (Сазанов, 1989, с. 41, рис. 1.1). В отличие от типа III, амфоры типа IV по Г. Кузманову имеют иную профилировку венчика – от верхней части горла амфор отделены гранью и имеют характерную наклоненную внутрь, при этом уплощенную внешнюю образующую контура (Кузманов, 1985, табл. 4.A 29-36).

В Херсонесе известны случаи использования этих амфор в качестве вместилищ для детских погребений (Бунатян, Зубарь, 1991, с. 233-234, рис. 6.3, 9).

Тип III – амфоры с перехватом и коническим дном (т.н. псевдо-колхидские) (Зеест, 1960, табл. XL.103; Сокольский, 1966, тип I; Антонова и др., 1971, тип I; Scorpan, 1977, type XV; Якобсон, 1979, тип 7; Николаева, 1984б, тип I;

Хотелашвили, Якобсон, 1984, тип 6; Кузманов, 1985, тип IX; Воронов, Бгажба, 1985, тип 5; Романчук и др., 1995, класс 1; Sazanov, 1997, type 11; Мыц, 2002, тип 5; Внуков, 2012, тип KxID2). Амфоры представлены целым и фрагментированным экземплярами и шестью фрагментами (Рис. 69).

Целая амфора (Рис. 69.1), с вытянутым корпусом, имеющим два перехвата и заканчивающимся конической полый ножкой с валиками на внешней поверхности. Валиками профилирована и верхняя часть корпуса, ниже уровня нижнего прикрепления ручек. В верхней своей части тулово сужается и соединяется с невысоким горлом. Венчик образован согнутой под тупым углом и загнутой внутрь стенкой горла без утолщения. Ниже на 15 мм от верхнего края венчика имеется грань, образованная углом стенки. Ручка крепится на 25 мм ниже верхнего края венчика и в вертикальном сечении имеет Г-образную форму. В сечении ручка уплощена и профилирована с внутренней и внешней стороны неглубокими и широкими валиками. Амфора изготовлена из темной красно-коричневой глины с черными блестящими включениями. Объем сосуда 10300 см³.

Верхняя часть амфоры (Рис. 69.2). Горло суживающееся кверху. Венчик в сечении приближается к кругу, несколько отогнут наружу. Все образующие линии контура выпуклые, с внутренней стороны под венчиком имеется желобок. Ручки в своем верхнем окончании крепятся на уровне максимального диаметра венчика в вертикальном сечении, плавно изогнуты, в сечении уплощены. Внешняя поверхность профилирована не глубоким, а широким желобком. Внешняя поверхность обработана небрежно, без следов заглаживания. Глина светло-коричневая, крупнозернистая, с многочисленными белыми частицами и кварцевым песком.

Центральная часть корпуса (Рис. 69.3). С внешней стороны заметен валик – следы сборки; на внутренней поверхности несколько скошенные затертости – следы заглаживания места соединения. На внешней поверхности – вдавленные вертикальные желобки, шириной 4-5 мм. Глина плотная, по цвету двухслойная желтая с внешней стороны, и красноватая с внутренней. Примеси серого песка.

Нижняя часть корпуса (Рис. 69.4). Ножка коническая, полая. На высоте ок. 60 мм на обеих сторонах имеются пологие валики – следы сборки; выше места соединения фиксируется перехват. На внешней поверхности перекрещивающиеся желобки (след сетки для просушки?). Вся поверхность с внешней стороны слабо желобчатая, с внутренней стороны, хорошо заглаженной, присутствуют остатки смолы. Изготовлена из желтовато-красной пористой глины со слюдой, крупными железняковыми включениями и кварцевым песком и слюдой.

Фрагмент венчика с верхним корнем ручки (Рис. 69.5). Венчик валикообразный, с наибольшим расширением в средней части. Верхняя часть ручки крепится к центральной части венчика. Ручка в сечении уплощенная, ее внешняя образующая линия контура профилирована неглубоким, но широким валиком. Изготовлен из желтоватой глины с серым закалом в центре, с примесью песка и белыми включениями. Поверхность покрыта темно-серым ангобом.

Фрагмент венчика с верхним корнем ручки (Рис. 69.6). Венчик несколько вытянут по вертикали, в сечении валикообразный. Все образующие линии контура выпуклые, нижняя вогнутая – оформлена подчеркнутой линией. С внутренней стороны горла, под венчиком, расположен желобок. Ручка в своей верхней части крепится к венчику в его центральной части. В сечении ручка уплощенная, с вогнутым контуром внутренней и внешней образующих линий. На внешней поверхности присутствуют налепы необработанной глины. Изготовлен из кирпично-красной глины с серым закалом в центре, с включением золотистых блесков слюды, с примесью шамота и белых частиц.

Фрагмент венчика с верхним корнем ручки (Рис. 69.7). Венчик валикообразный, несколько вытянутый по вертикали. В центре, на внешней стороне, имеется грань. Ручка крепится непосредственно у верхнего края венчика, в сечении приближается к прямоугольнику. Все образующие линии контура уплощены. На внешней и внутренней поверхности – следы обмазки смолой. Горло плавно расширяется книзу. Глина красно-коричневая, плотная, с белыми и серыми включениями.

Еще одна горловина такой амфоры известна лишь по рисунку (Рис. 69.8).

Ранее датировка этих сосудов устанавливалась в пределах IV–VII вв. (Якобсон, 1951, с. 329; Зеест, 1960, с. 121; Антонова и др., 1971, с. 33; Scorpan, 1977, р. 281); теперь она сужена до второй-третьей четверти VI–VII вв. (Сазанов, 1991а, с. 66; 2000, с. 225, Sazanov, 1997, tab. 1.11; 2000, р. 131).

Классификация этих амфор, состоящая из 5 типов по материалам из музея Самсуна, представлена в работе Д. Кессаб-Тизгёр (Kassab-Tezgör, Akkaya, 2000, р. 127-132, fig. 1-6, №№ 1-13). В Херсонесе выделяется 2 типа, различающихся шириной горла и профилировкой венчика (Романчук и др., 1995, с. 16; Сазанов, 2002б, с. 38).

Объем амфор из Херсонеса варьируется от 7 до 8,62 л (Барабанова, Платонов, 1979, с. 130, рис. 2.1-2), однако встречаются более вместительные экземпляры.

Сосуды этого типа являются подражанием широко распространенным в римское время в черноморском бассейне коричневоглиняным амфорам с перехватом, производившимся на территории Колхиды и в прилегающих областях (Внуков, 2006, с. 84). Местом производства псевдо-колхидских амфор являются юго-восточное и, вероятно, южное Причерноморье (Хотелашвили, Якобсон, 1984, с. 197; Kassab-Tezgör, Akkaya, 2000, р. 133-134).

В целом, ареал распространения этих сосудов – бассейн Черного моря (Scorpan, 1977, р. 281, fig. 18.XV). Амфоры распространены на Таманском городище (Плетнёва, 1963, с. 50, рис. 31; Сазанов, 2000, с. 234, рис. 20.22, 27; Ильина, 2009А, л. 10, рис. 22, 23.а), Ильичевском городище (Сокольский, 1966, с. 131-132, рис. 4.1; Николаева, 1984б, л. 56-57, рис. 27.1-2; Сазанов, 1991а, с. 66; 2000, с. 225, рис. 3.4-5; Sazanov, 1996, р. 96-97, fig. 5.10; 1997, fig. 1.11), в Пантикапее (Гайдукевич, 1952а, с. 120, рис. 149.2; Зеест, 1960, с. 121; Айбабин, 1999, с. 135, 185, рис. 55.8, 10-11, 15, 21, 25, 32, 79.П.1; 2000, с. 168-173, рис. 5.21-28; Сазанов, Могаричев, 2002, с. 478, 480, 484-485, 495, рис. 2.3, 3.3-4, 4.Б.12-19), Тиритаке (Гайдукевич, 1940б, с. 313, рис. 10; 1952а, с. 62,

120, рис. 70, 149.1; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 91, 98, рис. 5.3, 10.11, 14-15; Сазанов, 1989, с. 51, рис. 4.13.в; 1999б, с. 251, рис. 16.9; Зинько, Зинько, 2008, с. 94), Зеноновом Херсонесе (Сазанов, 1989, с. 51, рис. 4.13.а-б, г), городище Золотое Восточное (Сазанов, Мокроусов, 1996, с. 90, 93, 95, 98, рис. II.10-11, V.14, 17, VI.2, 4, VII.1, 4, 11, 15-16, IX.6, 9, X.8), Зеленый мыс (Сазанов, Мокроусов, 1999, с. 174-175, 177, 181, 185, 189, 196, рис. 2.8-9, 25-26, 4.4, 5.22, 8.8-14), Бакле (Талис, 1982, с. 57, рис. 4.1-2, 4-5; Сазанов, 1993, с. 41), Эски-Кермене (Айбабин, 2007, с. 135, рис. 9.12-13, 10.8-9, 18; 2008, с. 316), Мангупе (Герцен, Науменко, 2006, с. 406, 411, рис. 13.1, 16.3-5, 10-11, 14, 16; Иванова, 2011, с. 81, рис. 1.16-20; Иванова, 2011а, с. 267-272, 274, 276, 280-281, 283, 286, 318; 2011б, с. 158-159, рис. 1.16-20), Алустоне (Мыц, 2002, с. 24), Киммерике (Голенко, 2007, табл. II.4.C-1); Херсонесе (Антонова и др., 1971, с. 32-33, рис. 2; Якобсон, 1979, с. 12, рис. 3.1; Сазанов, 1991а, с. 66, рис. 10.1-3; 1999б, с. 229, 242, 249, рис. 3.39, 10.20-26, 15.19; 2002б, с. 38, рис. 5.20-26, 7.4; Романчук и др., 1995, с. 17-19, табл. 2.1-3, 7, 3.4-6, 4.8-18; Голофаст, Рыжов, 2000, с. 79, рис. 5.27-28, 9.9-10, 10; Sazanov, 2000, p. 131, 138, 145, fig. 3.30-32, 7.14-16, 10.3; Голофаст, 2001, с. 105, 108-109, 112-115, 117-119, рис. 2.12-27, 53.4, 55.2; 2007, с. 76-77, 100-104, 112, рис. 6.5, 13.5, 16.4, 9, 34, 46.6; Golofast, 2007, p. 50, 54, fig. 8.1-7), среди подводных находок (Зеленко, 2008, с. 70). Встречены на Средней Кубани (Галаган, Нарожный, 1996, с. 20, рис. 2.6). Один сосуд происходит из Новочеркасского музея (Якобсон, 1951, с. 327, рис. 3.9; 1979, рис. 2.3). В Абхазии эти амфоры также достаточно распространены (Сокольский, 1966, с. 131, сноска 16; Хотелашвили, Якобсон, 1984, с. 196, рис. 2.6; Воронов, Бгажба, 1986, с. 72, рис. 29.1-17, 30.1-15; Хрушкова, 2002, с. 171, 268, 288, рис. 55, 105.6, 111.1, табл. XXXV.2, LXIII.2; Внуков, 2012, с. 13, рис. 8.1-3). Встречаются в Грузии (Микеладзе, 1978, с. 78, табл. LII; Якобсон, 1979, с. 12; Хотелашвили, Якобсон, 1984, с. 196-197), на южном побережье Черного моря (Аккава, 1999, p. 242, Pl. III.11; Kassab-Tezgör, Touma, 2001, p. 113, fig. 13-14; Kassab-Tezgör, 2002, p. 205-206, fig. 27-28), в Болгарии (Минчев, 1972, с. 45, табл. I.2, 7-9, 11; Кузманов, 1985, с. 15-16, табл. 6; Кузманов, Салкин, 1992, с. 42, табл. V.50-51), Румынии (Condurachi, 1960, p. 241, fig. 11.5; Scorpan, 1975, p. 277, pl. V.5-6; 1976, p. 165, pl. VIII.4-6; 1977, p. 281, fig. 12.4-6, 39.8), в единицах – в Сирии (Kassab-Tezgör, Touma, 2001, p. 113, fig. 12).

В амфоре, обнаруженной в Тиритаке находилась нефть (Успенский, 1952, с. 415-421). Вероятно, часть этих амфор использовалась для перевозки нефти, так же как и предшествующие им колхидские амфоры (см.: Gamkrelidze, 2012, p. 171-175).

Отбитая нижняя часть амфоры использовалась в качестве вместилища для погребения младенца в подбойной могиле некрополя в Инкерманской долине (Крым) (Борисова, 1959, с. 181, рис. 6). В Херсонесе такая амфора была применена при погребении младенца (Бунатян, Зубарь, 1991, с. 229, рис. 5., 6.1). Амфора с отбитым горлом использована в тризне, в одном из курганов могильника Общественный II в Закубанье (Сорокина, 2001, с. 43-44, рис. 19.3).

Тип IV – амфоры с рифлением типа “набегающей волны” (Late Roman Amphora 1) (Robinson, 1959, M 326, 333; Сокольский, 1966, тип. II; Антонова

и др., 1971, типы VIII-X; Scorpan, 1977, type VIII; Якобсон, 1979, тип 9; Riley, 1979, type LRA 1; Böttger, 1982, typ II.1; Bass, 1982, type II; Keay, 1984, type LIII; Peacock, 1984, type LA1; Хотелашвили, Якобсон, 1984, тип 7; Николаева, 1984б, тип II; Кузманов, 1985, тип XIV; Воронов, Бгажба, 1985, тип 1; Peacock, Williams, 1986, classes 44, 54; Поповић, 1988, тип I; Hayes, 1992, types 5, 21; Романчук и др., 1995, классы 12, 13; Bjelajac, 1996, tip XXI; Sazanov, 1997, type 1; Мыц, 2002, типы 3, 4). Тип амфор представлен почти целым экземпляром с отбитыми дном и ручкой, нижней частью и несколькими фрагментами ручек и венчиков (Рис. 70).

Возможно выделение двух вариантов этих амфор.

Вариант 1. Почти целый экземпляр (Рис. 70.1). Корпус почти цилиндрический с небольшим расширением в верхней части и с характерным рифлением. В нижней части корпус профилирован симметричными валиками, полукруглыми в сечении с шагом 5 мм между ними, выше – зона без рифления, далее – рифление в виде асимметричного валика с наибольшим возвышением в верхней части и шагом ок. 30-40 мм, которые занимают всю среднюю часть корпуса. В верхней части корпуса, ниже уровня нижнего крепления ручек, корпус профилирован асимметричным валиком с шагом около 7 мм, причем наибольшее возвышение валика наблюдается в его нижней части, то есть направление “волны” меняется. От тулова резко отделяется цилиндрическое горло, толщина стенок которого превышает толщину стенок корпуса. На месте соединения горла с туловом с внутренней стороны – характерный валик – след сборки. На внешней поверхности горла слабое рифление – следы формовки. Горло завершается венчиком, по форме приближающимся к треугольнику с наибольшим расширением в нижней части, диаметром 8 мм. Внутренняя и внешняя образующие линии контура – выпуклые, внешняя (нижняя) вогнутая. Резкий переход между выпуклой верхней и вогнутой внешней образующими линиями контура выделены гранью. Под венчиком, на расстоянии 8-10 мм проходит рельефный валик. Ручка в верхней своей части крепится несколько ниже валика, в сечении приближается к овалу. С внешней стороны профилирована четырьмя заостренными валиками. Диаметр ручки 35×27 мм. Глина светлая, с многочисленными темными включениями и песком.

Одна из наиболее близких аналогий происходит из материалов Афинской Агоры, где датируется началом VI в. (Robinson, 1959, p. 115, M 333, pl. 32). Амфора из крепости Акра также достаточно близка рассматриваемому экземпляру (Кузманов, 1985, с. 20, табл. 9. А 91). По морфологическим и метрическим параметрам так же близок экземпляр из Тиритаки (Гайдукевич, 1952а, с. 122, рис. 150.1). Венчик амфоры – варианта 2 по материалам Цибилиума (Воронов, Бгажба, 1985, с. 71, рис. 23.6-7, 24.1, 3).

Вариант 2 (Рис. 70.2) представлен амфорой более крупных размеров. Нижняя часть корпуса профилирована симметричными валиками, полукруглыми в сечении с шагом 8-10 мм. Выше них располагаются асимметричные валики “набегающая волна” с наибольшим расширением в верхней части. Глина сосуда светлая, крупнозернистая, поверхность более светлая с многочисленными темными включениями.

Необходимо отметить экземпляр из Херсонеса (квартал XVIII, верхний уровень засыпи винодельни), датированный монетами конца V – начала VI вв. Обращают на себя внимание крепление ручек амфоры непосредственно под венчиком и наклонный характер рифления стенок (Белов и др., 1953, с. 204, рис. 516). Данные признаки наблюдаются в качестве отличительных у амфор, найденных в цистерне 4 поселения Проватон (Кузманов, 1985, с. 19, табл. 8.А 75, 77-78).

Так как при подробном описании этих амфор важен такой параметр как диаметр венчика и состав теста, остановимся на фрагментах подробнее.

Диаметр венчика 11 мм. Диаметр ручки 33×18 мм. Глина красно-коричневая, без заметных включений (Рис. 70.3).

Диаметр венчика 11 мм. Диаметр ручки 26×21 мм. Глина темно-коричневая, без заметных включений (Рис. 70.5).

Диаметр венчика 11 мм. Диаметр ручки 40×26 мм. Глина темно-коричневая, с многочисленными включениями (Рис. 70.12).

Диаметр венчика 10 мм. Диаметр ручки 32×22 мм. Глина светло-коричневая, серый ангоб (Рис. 70.14).

Диаметр венчиков 9 мм. Глина красно-коричневая, без заметных включений (Рис. 70.16-17).

Диаметр венчиков 11 мм. Диаметр ручек 33×15 мм и 31×19 мм. Глина светло-оранжевая, белый ангоб (Рис. 70.6, 8).

Диаметр венчика 11 мм. Диаметр ручки 32×22 мм. Глина светло-оранжевая, без заметных включений (Рис. 70.7).

Диаметр венчика 13 мм. Диаметр ручки 30×22 мм. Глина оранжевая, белый ангоб. Включения шамота и пироксена (Рис. 70.9).

Диаметр венчиков 8 мм. Диаметр ручки 36×17 мм. Глина красно-оранжевая, с немногочисленными включениями слюды (Рис. 70.4, 18).

Диаметр венчика 14 мм. Глина красно-оранжевая, с немногочисленными включениями слюды (Рис. 70.22).

Диаметр венчика 7 мм. Диаметр ручки 34×23 мм. Глина красно-оранжевая, белый ангоб. Включения пироксена (Рис. 70.11).

Диаметр венчика 10 мм. Диаметр ручки 27×22 мм. Глина светло-серая, без заметных включений (Рис. 70.10).

Диаметр венчика 11 мм. Глина светло-серая, с немногочисленными включениями кварца (Рис. 70.13).

Диаметр венчика 8 мм. Диаметр ручки 22×9 мм. Глина серая, без заметных включений (Рис. 70.15, 19).

Диаметр венчика 16 мм. Глина серая, без заметных включений (Рис. 70.20).

Диаметр венчика 9 мм (Рис. 70.21).

Для первой половины VI в. характерными признаками являются рифление, с чередованием полос и достаточно низкое крепление ручек в верхней части по отношению к венчику. Высота амфор до 495 мм при диаметре 211-239 мм. Для вариантов середины – второй половины VI в. характерно высокое расположение верхнего крепления ручек и изменение характера рифления стенок, он становится наклонным. Высота до 440-500 мм, при диаметре 220-260 мм. Для конца VI – начала VII вв. характерны небольшие амфоры

высотой 350-360 мм и диаметром корпуса 92-120 мм. Характер рифления различный. К аналогичным выводам по изменению характера рифления пришел А.В. Сазанов (Сазанов, 1992, с. 55-56, рис. 6.1; Sazanov, 1999, p. 268).

Датировка сосудов устанавливается в пределах последней трети IV – третьей четверти VI вв. и, до середины–второй половины VII в. (Bonifay, 1987, p.290; Сазанов, 1989, с. 44; 1991а, с. 65; 1992, с. 57; Sazanov, 1997, p. 87-88, tab. 1.1; 1999, p. 269; Amr, Schick, 2001, p. 115; Demesticha, 2001, p. 291). 625–626 гг. датируется кораблекрушение в бухте Ясси Ада (Bass, 1982, p. 155-157, fig. 8.1-3). В Сирии и Стамбуле эти сосуды бытуют еще в VIII в. (Sodini, Villeneuve, 1992, p. 64; Hayes, 1992, p. 104).

Выделено 4 формы этих сосудов (Piéri, 1998, p. 98-99, fig. 2; 2005а, p. 70-81; 2007а, p. 299, fig. 2). Классификация этих амфор, состоящая из 14 типов, представлена разработками А.В. Сазанова (Сазанов, 1992, с. 51-59, рис. 1-6; пересмотренная – Sazanov, 1999, p. 265-279, fig. 2-12; 2007, p. 803-804, fig. 2). По материалам кораблекрушения в бухте Ясси Ада (Турция) выделено 11 типов этих сосудов (Van Alfen, 1995, p. 4-34, fig. 1-13).

Прототипами этих сосудов предлагаются римские амфоры, в большинстве своем происходящие с Афинской Агоры (Orait, 2010, p. 1015-1017, fig. 2-15). Производство этих сосудов зафиксировано вдоль южного побережья Малой Азии (Айяс, Тарсус, Каратас, Йумурталики, Арсуз), в районе Антиохии в Сирии, на о. Кипр (Пафос, Китион, Саламин) и о. Родос, где были обнаружены мастерские с керамическим браком; эти центры – крупнейшие производители оливкового масла (Riley, 1979, p. 212; Peacock, Williams, 1986, p. 186; Сазанов, 1991а, с. 65; Emperur, Picon, 1989, p. 241-242; Jacobsen, 2004, p. 145; Piéri, 2007а, p. 300-301, fig. 16; 2007b, p. 612-617, fig. 2, 4-5; Şenol, 2009, p. 145-148). Объем этих сосудов составляет 15-19 литров (Piéri, 1998, p. 98). Объем амфор из Херсонеса варьируется от 3,5 до 10 л (Барабанова, Платонов, 1979, с. 131, рис. 2.7-8).

Данная группа амфор была широко распространена в Средиземноморском (в основном, в восточной части) и Черноморском бассейнах (Scorpan, 1977, p. 277, fig. 13.VIII; Sazanov, 1999, p. 265, fig. 1; Jurišić, 2000, map 47; de Vingo, 2007, p. 69, fig. 3d; см.: Robinson, 1959, p. 115, M 326, 332-333, pl. 32; Чангова, 1959, с. 249, обр. 1.8, 3; Condurachi, 1960, p. 241, fig. 11.6; Rădulescu, 1976, p. 111, pl. XI.1-2; Scorpan, 1976, p. 163, pl. VIII.1-3; 1977, p. 278, fig. 12.1-3, 39.2; Riley, 1979, p. 212-216, fig. 41-42, 91, pl. XXXV; Якобсон, 1979, с. 14; Aupert, 1980, p. 438, fig. 45.322; Hautumm, 1981, p. 58, abb. 187, 189; Bass, 1982, p. 163-164; Böttger, 1982, p. 45-47, taf. 11.d, 22; Williams, Zervos, 1983, p. 29, pl. 11.77-78; 1988, p. 99, fig. 5, pl. 33.6; Keay, 1984, p. 268-278, fig. 32.7-8, 116-120, 124.1-5; Peacock, 1984, p. 119, fig. 34.1-2; Хотелашвили, Якобсон, 1984, с. 197-198, рис. 2.7, 3; Biers, 1985, p.80, 105, № 126, pl. 33.c-d; Кузманов, 1985, с. 18-20, табл. 8-9; Борисов, 1985, с. 42, обр. 1.ж, 2.б; Peacock, Williams, 1986, p. 186, 208; fig. 105; Попович, 1988, с. 13, сл. 13.1-5; Bonifay, Villedieu, 1989, p. 23-25, fig. 4, 5.1-2; Arthur, 1989, p. 85, 87, fig. 5, 7-8; Abadie-Reynal, 1989, p. 52, fig. 10; 1999, p. 264, fig. 23; Hayes, 1992, p. 63-64, 69, fig. 47.156-157, 49.193-194; Orssaud, 1992, p. 221, Fig. B.2.12; Doorninck, Mayer, 1992, 22-23; Пиери, 1994, с. 94; Popescu, 1994, p. 383-384, fig. 96, tav. XXII; Кузманов, Салкин,

1992, с. 44-47, табл. V.63-67, VI.68-86, VII.87-96; Sibella, 1995, p. 15, fig. 2.E; 2002, p. 10-12, fig. 14; Watson, 1992, p. 239, fig. 10; Bonifay, Piéri, 1995, p. 108-109, fig. 6-7; Bjelajac, 1996, p. 74, 76, sl. XXV, tab. III.4; Vida, 1999, p. 90-91, 242-243, typ IF/b₁, abb. 27-28, taf. 38.1, 39.1-2, 129; Topoleanu, 2000, p. 134-136, pl. XLI.336-338, XLII.339-343; Kassab-Tezgör, Dereli, 2001, p. 217, fig. 11, 17E; Piéri, 2005a, p. 69-85; 2005b, p. 586, fig. 7; 2007a, p. 299-302, 304-305, fig. 3-4; 2007b, p. 617, fig. 15; Amr, Schick, 2001, p. 115, fig. 3; Demesticha, 2001, p. 291, fig. 9-10; Хрушкова, 2002, с. 171, 288, рис. 55, 105.7, табл. XXXV.2, LXIII.2; Opait, 2004, p. 207, pl. 7; Fournet, Piéri, 2008, p. 210-214, fig. 26-27; Cirelli, Fontana, 2009, p. 98, fig. 8.3; Şenol, 2009, p. 228-247, №№ 52-82; Грозданова, 2009, с. 247, табл. 1; и др.). Встречены на территории Великобритании (Tomber, Williams, 1986, p. 47-48, fig. 7B-C).

Эти амфоры во множестве отмечаются на Таманском полуострове и в Крыму. Встречены на Таманском городище (Плетнёва, 1963, с. 50, рис. 31, 32.5-6; Якобсон, 1979, с. 13; Коровина, 2002, с. 90, рис. 46.г, д; Сазанов, 2000, с. 232-233, рис. 20.1), Ильичевском городище (Сокольский, 1966, с. 132, рис. 5.1-3; Николаева, 1984б, л. 57-58, рис. 28-29; Сазанов, 1991а, с. 64-65; 2000, с. 225, рис. 4.1-4, 5.1-7; Sazanov, 1996, p. 96-97, fig. 5.15), в Керчи (Айбабин, 1999, с. 135, 185, рис. 55.30, 79.II.5-6; 2000, с. 168-173, рис. 5.14-16, 19-20, 32-33, 6.II.1-3, 5; Сазанов, Могаричев, 2002, с. 478, 480, 493, рис. 2.1-2, 3.2, 4.A.1, 4.B.1-11; Смокотина, 2008, с. 108, рис. 10.1), Тиритаке (Книпович, Славин, 1941, с. 56, рис. 81; Гайдукевич, 1940а, с. 203, рис. 14; 1952а, с. 122, рис. 150.1; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 98, рис. 7.4, 9.4, 7, 8; Сазанов, 1989, с. 44, рис. 1.5.а; 1991а, с. 64; 1999б, с. 251, рис. 16.5-6, 14; Sazanov, 1996, p. 96-97, fig. 3.1-7; Зинько, 2008, с. 332; Зинько, Зинько, 2008, с. 94, рис. 8), Мирмекии (Якобсон, 1979, с. 14), Бакле (Талис, 1982, с. 59, рис. 8.2-3; Сазанов, 1993, с. 41), Зеноновом Херсонесе (Сазанов, Иващенко, 1989, с. 100; Сазанов, 1989, с. 44, рис. 1.5.б-в), городище Золотое Восточное (Сазанов, Мокроусов, 1996, с. 90, 93, 95, 97-98, рис. II.12, V.1, 9, VI.3, VII.8, 10, 12, IX.4-5, 10, 13, X.15, 18, 21), Зеленый мыс (Сазанов, Мокроусов, 1999, с. 174, 177, 181, 185, 188, 195-196, рис. 2.1-4, 22-24, 3.9-10, 4.5, 13-22, 8.1-7), Изобильном (Айбабин, 1999, с. 97, рис. 35.21), Эски-Кермене (Айбабин, 2007, с. 133, 135-136, рис. 9.1, 6, 11, 15, 10.1; 2008, с. 319, 323-325; 2010, с. 217), Мангупе (Герцен, Науменко, 2001, с. 146, рис. 6.1; 2006, с. 407, 411, рис. 13.2, 6, 16.2, 8, 12-13; 2010, с. 245; Герцен и др. 2010, с. 253; Иванова, 2011, с. 78, рис. 1.7; Иванова, 2011а, с. 268-276, 280-283, 285-287, 317; 2011б, с. 156-157, рис. 1.7), Алустоне (Мыц, 1992, с. 174, рис. 2.8, 10; 2002, с. 23-24, рис. 2.8-10), Киммерике (Голенко, 2007, с. 120, 124, 160, рис. 34.18, 38.21, табл. II.4.C-1, II.4.E-1, II.4.J-1-2); Херсонесе (Якобсон, 1951, с. 330, рис. 3.14; 1979, с. 13, рис. 2.6, 3.8-9; Антонова и др., 1971, с. 86-87, рис. 9-11; Кутайсов, 1982, с. 162-164, рис. 5.6-7; Романчук, Белова, 1987, с. 63, рис. 3.1-2; Сазанов, 1991а, с. 64-65, рис. 8; 1999б, с. 228, 240-241, рис. 9.8-13, рис. 3.12-19; 2002б, с. 35-36, рис. 4.8-13, 8.19-26; Романчук и др., 1995, с. 29-34, табл. 10.56, 65, 11.63, 12.52-55, 60-62, 64, 14.57, 15.58, 16.59; Sazanov, 1997, fig. 1.1; 2000, p. 124-127, 136-137, fig. 2.10-25, 6.1-6; Голофаст, Рыжов, 2000, с. 78-79, рис. 1-3; 2011, с. 371, 373, 378, 382-383, рис. 7.4, 8.1, 13.1, 16.1-4, 17.2; Голофаст, 2001, с. 105-109, 111-120, рис. 4.1-10, 17.8-9, 18.5-6, 37.1, 42.1, 53.5, 54.4,

55.1, 5-6, 8-12, 58.4, 59.1-3, 66.1, 71.1, 3-4, 74.1-4, 75.5, 79.4; 2007, с. 95, 97-99, 101-102, 109, 119, рис. 13.1-3, 16.1, 3, 6, 17-20; Ушаков и др., 2006а, с. 193, рис. 4.43-44; 2010, с. 502, рис. 8.23, 57; Golofast, 2007, p. 48-49, 53, 55, fig. 4-5, 12, 15.1, 3-4; Ушаков, 2010а, с. 243; 2010б, с. 293, 305-306, рис. 8.26-32, 15.11-19; Самойленко, 2010, с. 44-45, рис. 18.2-5). Происходят из кораблекрушения у мыса Плака (Зеленко, 2002, с. 112, рис. 3.1-13; Morozova, 2009, p. 160-161, fig. 2-3). Известны эти сосуды и в Танаисе (Сазанов, 1999б, с. 232).

В Херсонесе такая амфора использовалась в качестве вместилища для детского захоронения (Бунатян, Зубарь, 1991, с. 232-233, рис. 6.2, 8). При раскопках Карфагена отмечено использование этих сосудов в погребальном обряде в качестве одного из вместилищ для тела умершего взрослого человека (у сосуда было отбито дно) (Hurst, Roskams, 1984, fig. 54).

Два крупных фрагмента несколько отличаются по форме венчика и составу глины, являясь явной имитацией или подражательным типом амфор с рифлением типа “набегающей волны”. Об этом же говорит характерное дипинто на горле сосуда⁵.

Горло (Рис. 71.1) цилиндрическое, плавно соединяется с верхней частью корпуса амфоры и заканчивается относительно округлым массивным венчиком, диаметром 14 мм. Все образующие линии контура выпуклые, на внутренней стенке, ниже венчика имеется желобок. Ручка в сечении приближается к овалу, профилирована двумя слабо выраженными желобками, которые образуют в центральной части внешней образующей линии контура уплощенный валик. Диаметр ручки 26×15 мм. На верхней части плеча амфоры присутствует дипинто, нанесенное красной краской. На внутренней поверхности амфоры имеются отрывы глины – дутики, образовавшиеся при обжиге. Глина тонкозернистая, красно-коричневая с крупными белыми и темными включениями.

Нижняя часть корпуса амфоры (Рис. 71.2). Амфора тонкостенная. На нижней части корпуса имеется пять желобков, шириной 3-5 мм и глубиной 2 мм. Желобки выделены гранями. Выше имеется еще два аналогичных желобка. В верхней части корпуса – еще один желобок, шириной ок. 10 мм и находящийся под ним валик шириной 6 мм. На донной части амфоры имеется слабо выраженное рифление. На внутренней поверхности – многочисленные отрывы глины – дутики, образовавшиеся при сторании известняковых включений. Глина двухслойная по цвету. Внешняя поверхность серо-коричневая, внутренняя – красная. Поверхность хорошо заглажена. Примеси – крупные белые частицы, хорошо видные на поверхности.

Сюда же можно отнести два венчика (Рис. 71.3-4), глина которых соответствует двум вышеописанным фрагментам. Диаметр первого из них – 10 мм, второго – 11 мм.

Тип V – желобчатые круглодонные амфоры (Зеест, 1960, табл. XXXIX. 98а; Антонова и др., 1971, тип V; Scorpan, 1977, type IX, XVIII; Якобсон, 1979, тип 5; Николаева, 1984б, тип VII; Кузманов, 1985, тип XVI; Воронов, Бгажба, 1985, типы 3, 6; Баранов, 1990, тип 7; Hayes, 1992, type 11, 27, 36/37; Романчук и др., 1995, класс 6, 11; Vjelajac, 1996, tip XXIV; Sazanov, 1997, type 27, 28А-

⁵ Благодарю А.В. Сазанова за это ценное замечание.

В.1-2; Orait, 2004, type B-Id). Тип амфор представлен тремя крупными фрагментами, тремя горловинами, тремя донцами, набором венчиков и ручек (рис. 72).

Корпус амфоры был обнаружен на верхнем уровне пожара раскопа «Береговой Стратиграфический» (Рис. 72.1). Корпус почти цилиндрический с наибольшим расширением в верхней части. Рифление разделяется на две части – в верхней валики шириной 4 мм с шагом 7-11 мм, в центральной части корпуса – широкие и округлые с шагом ок. 25 мм. Валики несколько уплощены, желобки в верхней части полукруглые в сечении. В верхней части корпуса желобок отделяется от валика хорошо выраженными гранями. Изготовлен из красно-коричневой плотной глины с белыми и серыми включениями, поверхность покрыта серым ангобом, сохранившимся частично.

Из того же слоя верхнего пожара происходят два горла амфоры. Первое (Рис. 72.2) цилиндрическое, четко отделяется от верхней части корпуса. На внутренней поверхности по бесформенным валикам четко фиксируется место соединения горла с корпусом. Венчик в сечении приближается по форме к треугольнику с наибольшим расширением в верхней части. Внутренняя и внешняя образующие линии конура выпуклые, внешняя уплощена. Имеется грань на месте соединения верхней и нижней образующих линий контура. Горло покрыто полукруглыми желобками, которые разделяются хорошо выраженными ребрами. Ручка в своей верхней части крепится на 15 см ниже венчика и в сечении приближается к кругу. Профилирована с внешней стороны тремя валиками. Горло изготовлено из двухслойной темно-красной на поверхности и серой тонкозернистой глины с белыми включениями, иногда довольно крупными.

Второй фрагмент – горло с верхней частью корпуса (Рис. 72.3). Горло цилиндрическое, сдавлено со стороны прикрепления ручек. Место соединения горла в верхней частью корпуса амфоры фиксируется на внешней поверхности слабо выраженным, несколько заостренным валиком, а на внутренней поверхности – хорошо выраженным желобком и трещиной. Венчик в сечении приближается к треугольнику с наибольшим расширением в средней части. Внутренняя и верхняя образующие линии контура выпуклые, внешняя уплощена. Имеется грань на месте соединения верхней и внешней образующих линий контура венчика. Ручка в верхней части крепится на 10 мм ниже верхнего края венчика и в сечении профилирована двумя желобками и одним, несколько уплощенным валиком. Профилировка асимметрична и несколько сдвинута к одной из сторон. В верхней части корпуса профилировка начинается выше прикрепления ручки и состоит из узких валиков, шириной около 2 мм и уплощенных желобков шириной 3-4 мм. Имеет на сколе двухслойную расцветку глины, на внешней и внутренней частях она розовато-красная, внутри – серая, тонкозернистая, с белыми включениями.

В качестве примера приведем корпус такой амфоры из раскопок Ильичевского городища (Рис. 72. 7). Сосуд изготовлен из красной глины с крупными белыми включениями и светлым ангобом.

Кроме того, можно выделить два варианта венчиков.

1. Венчики, по форме приближающиеся к треугольнику, с небольшим расширением в верхней или средней части. Внутренняя и верхняя образующие линии контура которых выпуклые, внешняя уплощена, с характерной гранью на месте соединения верхней и внешней образующих линий контура.

2. Венчик в сечении приближается к кругу, с наибольшим расширением в нижней части (Рис. 72.4). Все образующие линии контура выпуклые, нижняя несколько уплощена. Горло цилиндрическое, несколько сдавлено со стороны верхнего прикрепления ручек. Отличительным признаком является грань на месте соединения внешней и нижней образующих линий контура. Изготовлено из кирпично-красной глины с белыми и серыми включениями. Белые включения хорошо видны на поверхности.

Несколько фрагментированных венчиков сохранились только у верхнего основания ручек, в том месте, где венчик достаточно сильно деформирован верхним прикреплением ручки.

Ручки представлены следующими вариантами профилировки (Рис. 72.8-40):

1. Ручка в сечении приближается к кругу. С внешней стороны профилирована тремя валиками, постепенно понижающимися к одной из сторон. Сечение 27×23 мм.

2. Ручка в сечении приближается к овалу. По внешней поверхности профилирована асимметрично размещенными двумя широкими желобками и одним упрощенным валиком. Сечение 30×20 мм.

3. Ручка в сечении приближается к овалу. Профилирована с внешней стороны тремя желобками и двумя уплощенными валиками. Сечение 29×22 мм.

Донные части этих амфор (Рис. 72.44-46) профилированы небольшим дисководным выступом, диаметром 23 мм при высоте 2 мм. В желобках на внешней поверхности сохранился белый ангоб. Подошва ножки слегка выпуклая. Глина кирпично-красная с белыми и серыми включениями.

Таким образом, эти амфоры изготовлены из плотной глины, как правило, краснокирпичного цвета, иногда с серым закалом с примесью белых или серых частиц. Поверхность, как правило, покрывалась белым ангобом, который часто сохраняется только в желобках. Венчик имеет профилировку, приближающуюся в разрезе к кругу. Наиболее характерным признаком для венчиков является грань на поверхности. Горло цилиндрическое, иногда сдавлено со стороны верхнего прикрепления ручек. На внешней поверхности горла встречаются наклонно размещенные желобки, разделенные гранями. В верхней части ручка крепится на 10-15 мм ниже верхнего края венчика, в сечении как правило асимметрична, профилирована несколькими валиками и желобками, которые отделяются друг от друга гранями, иногда профилировка более расплывчатая. Желобки могут быть полукруглыми в разрезе или несколько уплощенными, но встречаются и достаточно глубокие. Уплощенными могут быть и валики. Профилировка ручки меняется в зависимости от места сечения. Характерным признаком являются неболь-

шие линейные размеры ручек в сечении, когда наибольшая ширина редко достигает 30 мм. Корпус имеет почти цилиндрическую форму с наибольшим расширением в верхней части. Наиболее значимым признаком является узкое рифление в верхней части корпуса амфор.

Желобчатые амфоры датируются второй четвертью VI – концом VII вв., доживающие до второй половины IX в. и даже заходя в X в. (Сазанов, 1991а, с. 64; 2000, с. 224-225; Романчук и др., 1995, с. 24; Sazanov, 1997, p. 94, tab. 1.27; 2000, p. 124; Науменко, Пономарев, 2008, с. 204). Согласно мнению А.В. Сазанова, эти амфоры после VII в. сменяют связанные с ними генетически «причерноморские» амфоры, но представляющие новые типы.

А.В. Сазанов выделяет 7 вариантов и 3 вида этих амфор (Сазанов, 2000, с. 224-225). Вероятный центр производства сосудов – район Черного моря (Vjelajac, 1996, p. 80).

Ареал распространения этих сосудов – черноморский бассейн, Средиземноморье и Северная Африка. Обнаружены в комплексах Ильичевского (где они составляют достаточно большой процент амфорного материала) (Николаева, 1984б, л. 60, рис. 32; Sazanov, 1997, fig. 3.1-2; Сазанов, 2000, с. 224-225, рис. 1.1-7, 2.1-6, 3.1-3) и Таманского городищ (Коровина, 2002, с. 90, рис. 46.б-д; Сазанов, 2000, 231-233, рис. 20.1, 7-13, 15-19, 23, 36), Керчи (Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX.98а; Сазанов, Могаричев, 2002, с. 478, рис. 2.7, 4.А.3-4; Смокотина, 2008, с. 109, рис. 9.1-7, 10; Могаричев, 2009, с. 266, рис. 1-2), Тиритаки (Сазанов, 1999б, с. 251-252, рис. 16.11; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 98, рис. 9.17; Зинько, 2008, с. 334; Зинько, Зинько, 2008, с. 94), Золотого Восточного (Сазанов, Мокроусов, 1996, с. 90, 93, 95, 97, 100, рис. II.5, V.11, 15, VI.5-6, VII.2-3, 5, 7, 9, 14, IX.15, 17, X.1-2, 6-7, 9-14, 16-17, 19-20, XII.6), Зеленого мыса (Сазанов, Мокроусов, 1999, с. 174, 177, 181, 185, 189, 194, рис. 2.5, 29, 3.11, 4.1-3, 5.10-17, 6.1-15), Пташкино (Гадло, 1980, с. 141, рис. 7.Г; Sazanov, 1997, p. 94, fig. 2.3), Тау-Кипчака (Баранов, 1990, с. 31, рис. 10.1, 3; Баранов, 2004, с. 25, рис. 1.6), Баклинсокого городища (Талис, 1982, с. 57, рис. 2.4; Сазанов, 1993, с. 40-41), Эски-Кермена (Айбабин, 2007, с. 133, 135, рис. 9.2-5, 7, 17, 10.6-7; 2008, с. 319, 323-325; 2010, с. 217-218), Мангуца (Герцен, Науменко, 2001, с. 139, 146, рис. 6.2; 2006, с. 400, 406, 411, рис. 13.5, 7-8, 16.1, 6-7, 9, 15; 2010, с. 245; Герцен и др. 2006, с. 380; 2010, с. 253; Иванова, 2011, с. 80, рис. 1.11-15; Иванова, 2011а, с. 268-274, 277-282, 284-286, 290, 318; 2011б, с. 158, рис. 1.11-15) и Херсонеса (Белов, 1959, с. 23, рис. 9; Антонова и др., 1971, с. 85, рис. 6; Якобсон, 1979, с. 11, 16, рис. 2.1, 3.6-7; Романчук, Белова, 1987, с. 62, рис. 3.12-13; Сазанов, 1991а, с. 61-64, рис. -7, 9.27-28, 14.1-3; Романчук и др., 1995, с. 24-25, 28-29, табл. 7.32-33, 8.34, 12.44-45, 13.46-51; Sazanov, 1997, p. 94, fig. 2.27.2; 2000, p. 124, 138, fig. 2.1-9, 8.5-7; Голофаст, Рыжов, 2000, с. 79, рис. 4, 5.1-23; 2011, с. 371, 373, 378-379, 383, рис. 7.3, 8.2, 13.2, 17.2, 4; Голофаст, 2001, с. 111, 112-117, 119-120, рис. 37.2, 6, 44.2, 53.6, 54.1, 55.3-4, 7; 67.3-4, 75.2, 4; 2007, с. 77, 90, 95-96, 99-100, 102, 104, 109-110, рис. 4, 9.2, 13.7-10, 16.5, 8, 21-24, 46.5; Ушаков и др., 2006а, с. 193, рис. 3.68, 4.17; Golofast, 2007, p. 49, 53, fig. 6.1-9, 13.2, 4). Известны в Танаисе (Нидзельницкая, 2008, с. 384-385, рис. 1.1), Циббилиуме (Воронов, Бгажба, 1985, с. 30, 72, рис. 27.12,

28.4, 32.1, 4-5, 33.1, 4, 7, 13, 20; Sazanov, 1997, p. 94, fig. 2.27.1). Встречаются в Болгарии (Чангова, 1959, с. 244, 247, 249, обр. 1.1, 7, 2; Минчев, 1972, с. 46, 50, табл. II.18, IV.38-43; Кузманов, 1985, с. 22-24, табл. 12.A114-125, 13.A126-127; Кузманов, Салкин, 1992, с. 43, табл. V.52-54), Румынии (Condurachi, 1960, p. 241, fig. 11.2, 4; Rădulescu, 1976, p. 111, pl. XII.1-1a; Scorpan, 1975, p. 275, pl. IV.1-3; 1976, p. 163, pl. IX.1-2; 1977, p. 278, 283, fig. 14.1-2, 24.1-2, 42.6-7; Opaít, 2004, p. 28-29, pl. 17.5, 8), Сербии (Bjelajac, 1996, p. 81, sl. 152-155). Найдены при раскопках Карфагена (Peacock, 1984, p. 123, fig. 36.16) и Стамбула (Hayes, 1992, p. 66, 69, 71, 73, 107, fig. 22.7, 47.161, 49. 185, 51.35, 54.73, 57.27, 36-37, 43).

Тип VI – тонкостенные амфоры с вытянутым корпусом (Зеест, 1960, табл. XXXIX.99; Антонова и др., 1971, тип VI; Brukner, 1981, tip 4; Николаева, 1984б, тип V; Романчук и др., 1995, класс 16; Sazanov, 1997, type 22). Тип представлен тремя крупными фрагментами.

Почти целая амфора без ножки (Рис. 73.1). Тулово вытянутой формы с небольшим расширением в верхней части. Нижняя часть отсутствует. Горло резко отделяется от верхней части корпуса. Чуть ниже места их соединения, с внутренней стороны, имеется характерный валик – следы сборки. Горло разделяется перехватом на две части, нижнюю, суживающуюся кверху и верхнюю, расширяющуюся в верхней части. Перехват горла находится на уровне верхнего прикрепления ручек. Венчик не выделен и представляет отогнутую наружу часть стенки. Ручка в вертикальном разрезе имеет почти полукруглую форму, в сечении приближается к прямоугольнику, все образующие линии контура уплощенные, внешняя несколько вогнута. Глина светло-коричневая, с белыми включениями и слюдой, поверхность покрыта светлым ангобом.

Верхняя часть аналогичной амфоры (Рис. 73.2). Венчик не сохранился. На горле перехват не выделяется. Ручка в сечении приближается к овалу. Глина розовая, плотная, с белыми включениями.

Нижняя часть аналогичной амфоры (Рис. 73.3). Стенки гладкие, без дополнительной профилировки. На донце характерное полукруглое углубление. Глина светло-коричневая, плотная, с белыми и темными включениями, покрыта светлым ангобом.

Ряд венчиков и два донца (Рис. 73.4-9, 12-13) сформованы из такой же глины, как крупные экземпляры.

Две ручки таких амфор (Рис. 73.10-11) отличаются несколько большими размерами. Глина светло-серая, с немногочисленными включениями шамота.

Э.Я. Николаева считала эти сосуды привозными: глина по качеству напоминает продукцию о. Родос (Николаева, 1984б, л. 59). Однако впоследствии было показано происхождение этих амфор с острова Крит (Yangaki, 2005, p. 503-521).

И.Б. Зеест датировала эти сосуды III–IV вв. (Зеест, 1960, с. 120). По первоначальному мнению А.В. Сазанова их датировка устанавливалась в пределах VI в. – 650–670 гг. (Coldstream, 1973, p. 172; Сазанов, 1989, с. 50; 1991а, с. 69; Романчук и др., 1995, с. 36; Sazanov, 1999, p. 92, tab. 1.22; 2000, p. 131;

2007, p. 807, fig. 7). Впоследствии, на основании типологии, разработанной на материалах Гортине (Portale, Romeo, 2001, p. 307, 409-410, app. 2-3) и Элефтерны (Yangaki, 2005), бытование этих сосудов (TRC 4) установлено с конца V в. и в течении VI–VII вв. (доклад А.В. Сазанова “Cretan amphorae from northern black sea region: contexts, chronology, typology” почитанный в 2011 г. в Салониках и находящийся в печати)⁶.

По материалам Ильичевского городища А.В. Сазановым выделено два варианта этих амфор (Сазанов, 2000, с. 226-227). Впоследствии, с учетом критских материалов, этот тип амфор был сгруппирован в три категории: TRC 4.1, TRC 4.2, TRC 4.3 с вариантами (TRC 4.1.1, TRC 4.1.2, TRC 4.2.1, TRC 4.2.2).

Объем таких сосудов из Херсонеса варьируется от 3 до 7,47 л (Барабанова, Платонов, 1979, с. 130, рис. 2.4-5).

Распространение этих амфор в Причерноморье представлено А.В. Сазановым (Сазанов, 1986, с. 129; Sazanov, 2007, p. 808). Известны на Ильичевском городище (Сокольский, 1966, с. 132, рис. 5.4; Николаева, 1984б, л. 59, рис. 31.1-2; Сазанов, 1991а, с. 69; 2000, с. 226-227, рис. 9.2-5; Sazanov, 1996, p. 96-97, fig. 5.11; 1997, fig. 2.22), в Пантикапее (Зеест, 1960, с. 120; Айбабин, 1999, с. 135, рис. 55.12, 36; Сазанов, Могаричев, 2002, с. 478-479, рис. 2.5, 4.А.2; Смокотина, 2008, с. 107-108, рис. 2-6), Тиритаке (Сазанов, 1991а, с. 69; Зинько, 2008, с. 334; Зинько, Зинько, 2008, с. 94), Зеноновом Херсонесе (Сазанов, Иващенко, 1989, с. 100; Сазанов, 1989, с. 49, рис. 3.11.б-г); Генеральском (Масленников, Чевелев, 1985, с. 53, рис. 4.1-2), Золотом Восточном (Сазанов, Мокроусов, 1996, с. 92-93, 96, рис. IV.2-4, V.5, 16, VI.7-8, VII.6), Зеленый Мыс (Сазанов, Мокроусов, 1999, с. 188-189, 197, рис. 5.1-9, 8.16-19), Китее (Сазанов, 1989, с. 49, рис. 3.11.а), Киммерике (Голенко, 2007, с. 150, 152, 160-161, рис. 46.40, 57.6, табл. II.4.С-1, II.4.Е-1, II.4.Ж-1-2), Херсонесе (Антонова и др., 1971, с. 85, рис. 7; Сазанов, 1989, с. 50; 1991а, с. 68, рис. 12; Голофаст, 1994, с. 215, рис. 1.4-5; 2001, с. 110-117, 119, рис. 37.3, 44.1, 53.3, 67.1-2, 75.1; 2007, с. 79, 95, 100, 103, 110, рис. 6.6, 13.4, 6, 16.2, 28; Романчук и др., 1995, с. 36-37, табл. 11.68, 17.69-72; Голофаст, Рыжов, 2000, с. 79, рис. 7; Sazanov, 2000, p. 130-131, 138, fig. 3.23-29, 7.1-5; Golofast, 2007, p. 46, 49, fig. 1.1, 6.10-11). Также отмечены в Абхазии (Воронов, Бгажба, 1985, рис. 27.7-9), Румынии (Orait, 1996, p. 213, pl. 17.4-7; 2004, p. 24, pl. 15.4-7; Topoleanu, 2000, p. 144-145, pl. XXLVI.369-370), Греции (о-в Китира) (Coldstream, 1973, p. 172, pl. 49.54-55) и Хорватии (Brukner, 1981, p. 122, tab. 156.12).

Тип VII. Крупная целая амфора (отсутствуют некоторые части корпуса) (Рис. 74). Корпус округлых очертаний, с наибольшим расширением в верхней части. Дно гладкое, не выделено. Тулово имеет дополнительную профилировку только в центральной части, состоящую из желобков шириной от 5 до 12 мм. Между желобками – уплощенные валики шириной 18-25 мм. Горло с внешней стороны плавно соединяется с верхней частью корпуса и имеет с внутренней стороны уступ, фиксирующий место стыковки при сборке сосуда. Горло состоит из двух частей, разделяющихся на уровне нижнего при-

⁶ Благодарю А.В. Сазанова, ознакомившего меня с выдержками из своего доклада.

крепления ручек. Нижняя часть горла расширяется книзу, верхняя расширяется кверху. Горло заканчивается непрофилированным в плане венчиком. Внутренняя и внешняя образующие линии контура вогнутые, верхняя – выпуклая. Имеется грань на месте соединения внешней и внутренней образующих линий контура. Ручки в верхней своей части крепятся непосредственно под венцом. В сечении приближаются к овалу. С внешней стороны профилированы пятью заостренными валиками. Глина кирпично-красная, с крупными белыми включениями, с дутиками на поверхности и темными включениями. Поверхность покрыта плотным светло-желтым ангобом.

Амфора была обнаружена на раскопе «Береговой Стратиграфический» в яме О, перекрытой слоем пожара 20-30-гг VI в. Аналогии не известны. По форме (и вероятно, по составу глины) ей близка фрагментированная амфора с поселения у д. Пташкино в Крыму (Гадло, 1980, с. 141, рис. 7В; Sazanov, 1997, p. 97, type 50, fig. 4.50). Однако, амфора из Пташкино датируется второй половиной IX в. (Sazanov, 1997, tab. 1.50) и у нее иная форма венчика и расположение верхнего прилепа ручек под горлом – судя по всему, мы имеем случайное сходство форм.

Группа II представлена шестью (VIII-XIII) типами амфор с яйцевидным, вытянутым желобчатым корпусом. Эти сосуды широко распространены и включены в ряд классификаций (Антонова и др., 1971, тип XVI; Науменко, 1997, тип 4; Зинько, Пономарев, 1999, тип 1; Рыжов, Седикова, 1999, тип I; Паршина и др., 2001, тип II).

Первоначально эти амфоры были известны под названием «туземных» или «салтовских» (Ляпушкин, 1941, с. 208, 227, табл. XI.8), впоследствии назвались «причерноморскими» амфорами (Якобсон, 1951, с. 334), более точно 2 вариант «причерноморского» типа. Отметим, что подобные аморфные и неудачные термины, зачастую объединяющие все известные группы амфор VII–X вв., продолжают оставаться в употреблении (Паршина и др., 2001, с. 4-75). Остается открытой и проблема хронологии (Баранов, Майко, 2000, с. 86; Зинько, Пономарев, 2001, с. 148-149; Паршина и др., 2001, с. 77; Майко, 2004а, с. 184-185; Науменко, Пономарев, 2008, с. 204-205; Науменко, 2009, с. 49-50; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, 414). До сих пор большинство исследователей при находках таких амфор традиционно датируют их VIII–IX вв. на основании устаревших хронологий А.Л. Якобсона и С.А. Плетневой.

Исходной формой сосудов этой группы предполагаются два типа позднеантичных амфор: это отмеченные выше сосуды типа IV – амфоры с рифлением типа «набегающей волны» и типа V – желобчатые амфоры.

Несмотря на то, что в раннесредневековый период, вследствие большого количества мастерских по производству амфорной тары и не придерживающихся регламентированного метрического единообразия продукции, для рассматриваемой второй группы амфор уже сейчас возможно выделение ряда подтипов и вариантов, отличающихся друг от друга отдельными морфологическими особенностями, которые могли производиться в пределах одного или нескольких гончарных центров. Однако пока еще их общую эво-

люцию проследить невозможно (Паршина и др., 2001, с. 76; Науменко, 2009, с. 37-38; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 414). Этим и объясняется частое дублирование вариантов этих амфор в различных типологических построениях⁷.

Амфоры группы II представлены: 24 целых или фрагментированных сосуда, 38 тулов или придонных частей, а так же 50 горловин или их фрагментов (Рис. 75-87).

Тип VIII. Четыре целые амфоры (Рис. 75) и 76 фрагментов (Рис. 76-78) относятся к типу амфор с овальным венчиком и отходящими от него ручками (Баранов, 1990, тип 1; Hayes, 1992, types 27, 52; Sazanov, 1997, type 25). Глина сосудов плотная, лиловато-красная, с включениями мелких частиц известняка, шамота.

Представляется возможным наметить ряд морфологических признаков амфор этого типа. Высота верхней части – 160-190 мм, максимальный диаметр – 210-230 мм. Вытянутый корпус с наибольшим расширением в верхней части. Горло плавно соединяется с верхней частью корпуса. Ручки в сечении близки ромбовидным, с выпуклой внутренней образующей, гребнем в центре или уплощенной внешней поверхностью. Корпус профилирован уплощенными валиками. Венчик в сечении приближается к прямоугольнику. Ручки крепятся непосредственно к венчику. Глина светлых тонов, красно-коричневая, с большим количеством темных и белых включений, присутствует светлый ангоб.

Ряд изученных *de visu* экземпляров.

Полный реставрированный экземпляр (Рис. 75.4). Горло цилиндрическое. Венчик имеет характерную грань на месте соединения выпуклой верхней образующей с вогнутой внешней. На внутренней стороне горла – уступ. Ручки в верхней своей части крепятся у середины венчика. Ручки в сечении приближаются к треугольнику с уплощенной внешней и выпуклой внутренней образующими линиями контура. Тулово несколько сужается книзу, в верхней части профилировано уплощенными валиками с полукруглыми желобками между ними. Дно не имеет дополнительной профилировки. Глина кирпично-красная, крупнозернистая, с темными и белыми включениями. На поверхности присутствует ангоб красноватых тонов.

Верхняя часть корпуса амфоры (Рис. 77.9). Горло плавно соединяется с

⁷ В одной из своих недавних работ В.Е. Науменко, критикуя дробное членение массива «причерноморских» амфор (т.е. разработки А.В. Сазанова) пишет, что «в статье В.Н. Чхайдзе «причерноморские» амфоры, найденные в Фанагории, разделены на восемь типов ... однако, по сути, все это разновидности амфор «причерноморского» типа также являются морфологическими вариациями их основных типов» и далее «нужно отдать должное А.В. Сазанову и В.Н. Чхайдзе, которые впервые попытались целенаправленно совместить существующие представления в отечественной историографии о типологии и хронологии «причерноморских амфор с едва ли не единственной классификацией византийских амфор VIII-X вв., разработанной Дж. Хейсом по результатам раскопок квартала Сарачхане в Стамбуле» (Науменко, 2009, с. 38). Здесь хотелось бы возразить, что я в публикациях никогда не делил раннесредневековые амфоры на типы, используя классификационные разработки А.В. Сазанова, которые, с моей точки зрения, заслуживают доверия. А расширение круга поиска аналогий вовсе не ограничивается находками в Стамбуле – здесь используется вся совокупность данных Восточноевропейской равнины, Восточного, Южного и Западного Причерноморья, Средиземноморского бассейна. При этом приходится констатировать, что исследователи, обращающиеся к описанию раннесредневековых амфор и критикующие схемы А.В. Сазанова (В.Е. Науменко, Л.Ю. Пономарев, В.В. Майко, Л.А. Голофаст, В.И. Баранов и др.) так и не предложили свои типологические выкладки.

верхней частью корпуса. Тулово в верхней части имеет рифление в виде полукруглых валиков в верхней части корпуса и уплощенных валиков в центральной части корпуса. Ширина валиков 12-15 мм, между ними – полукруглые в сечении желобки. Венчик валикообразный в плане, с небольшим расширением в нижней части; по форме приближается к четырехугольнику. Внутренняя образующая линия контура вогнутая, внешняя и верхняя – выпуклые, нижняя – вогнутая. Имеется характерная грань между выпуклой внешней и вогнутой нижней образующими линиями контура. Ручка по форме сечения приближается к ромбу, с внешней стороны профилирована двумя желобками, образующими в центральной части гребень. В верхней части ручка крепится непосредственно к уровню венчика. Глина красно-розовая, светлая, с большим количеством белых и черных включений, хорошо заметных на поверхности с внутренней стороны. С внешней стороны амфора покрыта плотным светло-желтым ангобом.

Верхняя часть корпуса амфоры (Рис. 78.8). Горло цилиндрическое, плавно соединяется с туловом. Тулово профилировано уплощенными валиками, шириной 10-12 мм; в верхней части тулова валики более округлые, с полукруглыми желобками между ними. Венчик по форме приближается к четырехугольнику, вытянутому по вертикали. Внутренняя образующая линия контура вогнутая, верхняя и внешняя – выпуклые, нижняя – вогнутая. Имеется две хорошо выраженные грани при соединении внутренней и верхней образующих линий контура, а также внешней и нижней образующих линий. Ручка в верхней части крепится непосредственно к венчику; в сечении приближается к ромбу. Внутренняя образующая линия контура выпуклая, внешняя – уплощена. Глина коричневая, с большим количеством темных (органических?) и белых включений; с внешней стороны покрыта плотным серым ангобом.

Корпус амфоры (Рис. 78.9). На высоте 33 мм на корпусе имеется выраженная грань. Нижняя часть корпуса оформлена одним кольцевым желобком, на высоте 20 мм. Глина бежевая, крупнозернистая, с примесью песка и крупных темных и светлых включений. Рифление корпуса не выраженное, иррегулярное.

Несколько целых форм и ряд фрагментов происходят из раскопок «Верхнего города» 2007–2008 гг. (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, 414, рис. 28.1-4, 29.1-3, 5, 32. 2-3, 6).

Фрагменты, происходящие с Таманского городища датируются 570–580 гг. (Сазанов, 2000, с. 233, рис. 20.2-6). Один экземпляр с поселения Тау-Кипчак датируется последней третью VI – третьей четвертью VII вв. или концом VII – началом VIII вв. (Баранов, 1990, с. 26-29, рис. 9.2; Sazanov, 1997, fig.2.25.2; Айбабин, 1999, с. 192, рис. 81.1; Баранов, 2004, с. 24, рис. 1.4). VIII – первой четвертью IX вв. датирован сосуд из комплекса усадьбы № 32 в предместье Херсонеса (Яшаева, 1999, с. 354, рис. 7.3). К комплексу VIII–IX вв. относятся фрагменты амфоры из ямы 108 на городище Артезиан (Винокуров, 2004, с. 72, рис. 14.4). С поселения у деревни Пташкино происходит целый сосуд, датированный второй половиной IX в. (Гадло, 1980, с. 141, рис. 7.Б; Sazanov, 1997, p. 92, fig. 2.25.3; Айбабин, 1999, рис. 81.4; Сазанов, 2001, рис.

13.А.2). Этим же временем датируются фрагменты со средневековой усадьбы у деревни Ходжа-Сала у подножия Мангупа (Науменко, 1997, с. 333, рис. 3.6, 7; Сазанов, 2001, рис. 13.А.1) и с салтовского святилища у с. Заветного (Пономарев, 2003, с. 271, 273, рис. 8.1, 2). Концом IX – X вв. датируется комплекс амфор из раскопок Сидоровского городища (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 245-246, рис. 20.3, 25.2, 26.4, 5, 6). Находки таких сосудов, датированных началом X в., известны в Стамбуле (Hayes, 1992, p. 69, 73, fig. 25.9, 47.161). В комплексах Херсона датируются первой половиной X в. (Рыжов, Седикова, 1999, с. 313-314, рис. 2.1, 5) и первыми десятилетиями XI в. (Сазанов, 2001, с. 245; рис. 13.А.3-5). Общая датировка рассматриваемой группы амфор укладывается в период от второй четверти VI до первых десятилетий XI вв. (Sazanov, 1997, p. 94, tab. 1.25; Сазанов, 2001, с. 245, рис. 13.А). Однако, согласно мнению А.В. Сазанова, в XI в. эти сосуды, скорее всего, являются примесью более раннего материала, тем более, что в местах их производства они не выходят за вторую половину IX в.

Производство этих сосудов зафиксировано в Чабан-Куле, Канакской балке, урочище Сотера, пгт. Гаспра, пгт. Мисхор (Паршина и др., 2001, с. 54-59, 61, 65-67, рис. 15, 19, 29, 31). В Херсонесе, в районе Песочной бухты и Радиогорки (Борисова, 1960, с. 45, рис. 3; Рыжова, 1982, с. 149-155; Седикова, 1995в, с. 434-435, рис. 1, 3).

Тип IX. К следующему типу амфор с расширяющимся горлом (Баранов, 1990, тип 1; Sazanov, 1997, type 23) относятся шесть сосудов (Рис. 79) и 22 фрагмента (Рис. 80). Глина оранжевая, с включениями шамота и извести, присутствует зеленовато-белый ангоб.

Целая амфора (Рис. 79.1) (Кобылина, 1978, рис. 2.2; Чхаидзе, 2005а, рис. 6.3). Корпус почти цилиндрический, профилированный в верхней части (приблизительно на $\frac{2}{3}$ высоты), уплощенный валиками шириной 10-12 мм, с полукруглыми желобками между ними. Желобки отделены от уплощенных валиков четкими гранями. Горло цилиндрическое, резко отделяется от верхней части тулова. Венчик по форме приближается к четырехугольнику. Все образующие линии контура уплощены, переходы между ними выражены гранями. Ручки в своей верхней части крепятся несколько ниже венчика, в сечении имеют форму, приближающуюся к треугольнику, профилированы с внешней стороны двумя уплощенными желобками, образующими по краям внешней поверхности два ребра, а в центре несколько уплощенный валик. В нижней части, у основания ручек – пальцевые вдавления. В нижней части корпуса с одной стороны имеется вмятина. Дно выделено с внешней стороны. Амфора изготовлена из красно-коричневой глины с темными и белыми включениями.

Амфора с отбитой нижней частью корпуса и дном (Рис. 79.6). Максимальное расширение корпуса находится в верхней части. Корпус в верхних $\frac{2}{3}$ профилирован уплощенными валиками шириной ок. 11 мм с полукруглыми желобками между ними. Нижняя часть корпуса профилирована более широкими валиками шириной 15-18 мм. Горло постепенно сужается кверху, на внутренней стороне имеется два характерных желобка – следы соединения горла с верхней частью корпуса амфоры. Венчик несколько отставлен на-

ружу, в сечении его форма приближается к четырехугольнику, вытянутому по вертикали. Внутренняя образующая линия контура вогнутая, верхняя – выпуклая, внешняя – уплощена, внутренняя – вогнута. Ручки поднимаются высоко и крепятся непосредственно к венчику. В сечении приближаются к ромбу, образуют линии контура и несколько уплощены, что и образует четыре грани. У нижнего основания ручек – пальцевые вдавления. Амфора изготовлена из кирпично-красной крупнозернистой глины с крупными белыми и темными включениями.

Горло амфоры (Рис. 80.1). Горло цилиндрическое, с резким расширением в верхней части. Венчик в сечении имеет сложнопрофилированную форму. Внешняя образующая линия контура выпуклая, внутренняя вогнута. Имеется грань на месте их соединения. Венчик несколько наклонен внутрь. Ручки в верхней своей части крепятся непосредственно под венчиком, в сечении приближаются к треугольнику, за счет уплощенной внешней образующей линии контура. Горло изготовлено из кирпично-красной глины с белыми и крупными темными (органическими?) включениями.

Ряд фрагментов и целых сосудов происходят из раскопок «Верхнего города» 2007–2008 гг. (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, 414, рис. 29.4, 30.1, 3, 31.4-5, 7).

Фрагмент из Цибилиума датирован второй четвертью VI в. (Воронов, Бгажба, 1985, с. 72, рис. 27.1; Sazanov, 1997, fig. 2.23.1). Горло из Керчи относится к последней четверти VI – третьей четверти VII вв. (Айбабин, 1999, с. 135, 192, рис. 55.14). Амфора с поселения Тау-Кипчак датируется концом VII – началом VIII вв. (Баранов, 1990, с. 26-29, рис. 9.3 (указанные аналогии из Болгарии и с Афинской Агоры неверны); Sazanov, 1997, fig. 2.23.2; Айбабин, 1999, с. 192, рис. 81.8). Началом VIII – первой половиной IX вв. датирована амфора из подводного комплекса в Кепях (Таскаев, Чхаидзе, 2007, с. 404, рис. 1.2). Фрагменты такой амфоры обнаружены в комплексе VIII–IX вв. на городище Артезиан (яма 108) (Винокуров, 2004, с. 72, рис. 14.6). Два сосуда с поселения у деревни Пташкино датируются второй половиной IX в. (Гадло, 1980, с. 141, рис. 7.3; Sazanov, 1997, fig. 2.23.3). Концом IX–X вв. датирован комплекс амфор Сидоровского городища (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 245-246, рис. 20.1, 2, 24.1, 5, 25.3). Общая датировка – от второй половины VI в. до второй половины IX в. (Sazanov, 1997, p. 92, tab. 1.23; Сазанов, Могаричев, 2006б, с. 188).

Эти амфоры производились в печах в окрестностях села Лучистое (Паршина и др., 2001, с. 61, рис. 21), а так же в районе Песочной бухты и Радиогорки в Херсонесе (Седикова, 1995в, с. 434-435, рис. 1, 3).

Тип X. К выделенному типу амфор с веретенообразным корпусом (Кузманов, 1985, тип XIII; Баранов, 1990, тип 5; Sazanov, 1997, type 30) относятся пять амфор (Рис. 81) и 14 фрагментов (Рис. 82). Глина сосудов кирпично-красная, с плотным ангобом из блестящей глины.

Целая амфора с отбитой ручкой (Рис. 81.5). Корпус – сужающийся книзу, с наибольшим расширением в верхней части, заканчивается округлым дном. Верхняя часть корпуса профилирована симметричными полукруглыми в сечении валиками шириной 7-9 мм, разделенными врезными желобка-

ми. Центральная часть корпуса профилирована симметричными уплощенными валиками шириной 9-15 мм, между ними уплощенные желобки шириной 9-12 мм. Горло цилиндрическое. Венчик сложнопрофилированный в сечении. Внутренняя и внешняя образующие линии контура вогнутые, верхняя выпуклая. Имеется грань на месте соединения внешней и нижней образующих линий контура. Ручки в верхней своей части крепятся непосредственно под венчиком; в сечении приближаются к ромбу. Образующая линия контура с внутренней стороны выпуклая, с внешней симметрично профилирована двумя широкими желобками, образующими в центре гребень. На корпусе, на 36-38 мм выше донной части, имеется уступ – место соединения с нижней частью корпуса амфоры. Глина красно-оранжевая, плотная, с белыми включениями.

Одна целая амфора и фрагмент верхней части происходят с раскопа «Верхний город» 2007–2008 гг. (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, 414, рис. 30.2, 4, 31.6).

В тесте присутствуют добавки шамота и известняка. Донная часть из Цибилиума отнесена к середине VI в. (Воронов, Бгажба, 1985, с. 28, рис. 33.2). На ряде поселений Мезийского Подунавья (Сербия) датируются второй половиной VI в. (Bjelajac, 1996, p. 74, fig. XXV.133, 134). Конец VI – начало VII вв. – датировка амфоры из закрытого комплекса в Херсонесе (Белов и др., 1953, с. 213, рис. 63). Этим же временем датированы подобные сосуды на памятниках Болгарии (Кузманов, 1985, с. 18, табл. 7.A 68-69). Второй половиной VII – началом VIII вв. датированы подобные сосуды с поселения Тау-Кипчак (Баранов, 1990, с. 29-30, рис. 9.9; Sazanov, 1997, fig. 3.30.2; Айбабин, 1999, с. 192, рис. 81.6; Баранов, 2004, с. 23, рис. 1.2). К VIII–IX вв. относится амфора из комплекса ямы 108 на городище Артезиан (Винокуров, 2004, с. 72, рис. 14.5). Ко второй половине IX в. относится сосуд из комплекса в Пташкино (Гадло, 1980, с. 141, рис. 7.Д). Итак, амфоры этого типа можно хронологически локализовать в пределах второй половины VI – рубежа VII–VIII вв., хотя отдельные сосуды «доживают» до второй половины IX в. (Sazanov, 1997, p. 94, tab. 1.30).

Производство этих сосудов зафиксировано в гончарных печах в западной части Херсонеса (Якобсон, 1979, с. 71, рис. 43.1).

Тип XI. Четыре сосуда (Рис. 83) и 19 фрагментов (Рис. 84) относятся к типу амфор с расширяющимся кверху горлом и валикообразным венчиком (Романчук и др., 1995, класс 36; Sazanov, 1997, type 41).

Целая амфора (Рис. 83.4). Тулово по форме приближается к конусовидному, в верхней части, начиная с уровня крепления ручек, профилировано полукруглыми валиками и полукруглыми желобками, шириной 7-10 мм; в нижней части корпуса имеется два отдельных желобка. Горло цилиндрическое, резко отделяется с внешней и внутренней стороны от верхней части корпуса амфоры. Венчик в сечении приближается к трапеции, все образующие линии контура уплощены, переходы между ними оформлены гранями. Наибольшее расширение венчика в сечении находится в верхней части. Ручки крепятся непосредственно под венчиком, в сечении приближаются к треугольнику и профилированы с внешней стороны двумя округлыми вали-

ками. Дно не выделено. Амфора изготовлена из красно-коричневой крупнозернистой глины с крупными белыми и темными включениями и шамотом.

Горло амфоры (Рис. 84.4). Почти цилиндрическое, с венчиком, в разрезе приближающимся к овалу, вытянутому по вертикали. Внутренняя и верхняя образующие линии контура выпуклые, внешняя несколько уплощена. Место наибольшего расширения венчика находится в верхней части. Ручки крепятся в верхней части, асимметрично по отношению к венчику; в одном случае непосредственно под венчиком, во втором несколько ниже. Ручки в сечении приближаются к треугольнику и профилированы с внешней стороны тремя желобками, образующими два гребня. С внутренней стороны, на месте соединения горла с верхней частью тулова, имеется желобок, фиксирующий стык сборки. Глина кирпично-красная, плотная, с крупными белыми включениями.

Горло амфоры (Рис. 84.5). Имеет сужающуюся кверху форму. Венчик валикообразный в сечении, приближающийся к кругу. На внутренней стороне горла, под венчиком, имеется желобок. На месте соединения горла с верхней частью амфоры, на внутренней поверхности, присутствует сглаженный валик. Ручки в сечении приближаются к ромбу, с внешней стороны профилированы двумя желобками, образующими в центре ручки гребень. Глина красно-коричневая, плотная, с белыми включениями.

Три фрагмента происходят из раскопок «Верхнего города» 2007–2008 гг. (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, 414, рис. 31.3, 32.4-5).

Первой половиной IX в. датируются подобные экземпляры с поселений Горный Ключ (Романчук и др., 1995, с. 60, табл. 23.128; Sazanov, 1997, p. 96, fig. 4.41; Сазанов, 2001, с. 245, рис. 13.Б.1) и Заря Свободы (Романчук и др., 1995, с. 60-61, табл. 23.129). Ко второй половине IX в. относится сосуд из комплекса в Пташкино (Гадло, 1980, с. 141, рис. 7.Ж). К концу IX–X вв. отнесен комплекс амфор Сидоровского городища (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 245-246, рис. 20.4, 24.2, 5). Первыми десятилетиями XI в. датировано горло из Херсонеса (Сазанов, 2001, с. 245, рис. 13.Б.2). Общая датировка этого типа – первая половина IX – первые десятилетия XI вв. (Sazanov, 1997, p. 96, tab. 1.41; Сазанов, 2001, с. 245, рис. 13.Б).

Производство этих сосудов зафиксировано в урочище Сотера (Паршина и др., 2001, с. 61, рис. 19).

Тип XII. Амфоры с плавно отогнутым венчиком (Тарабанов, 1993, тип 2; Sazanov, 1997, type 42). Глина желтая или кирпично-красная, с примесями крупного шамота и карбонатов. Поверхность покрыта красным ангобом. Сосуды представлены пятью целыми или фрагментированными экземплярами (Рис. 85) и 18 фрагментами (Рис. 86).

Целая амфора (Рис. 85.3) (Кобылина, 1978, рис. 2.3; Чхаидзе, 2005а, рис. 7.3). Корпус амфоры приближается к конусовидному, с небольшим расширением в верхней части. Тулово имеет слабовыраженную профилировку, образованную пальцевыми вдавлениями. Горло цилиндрическое, заканчивается валикообразным венчиком, в сечении приближающимся к кругу. Все образующие линии контура, за исключением нижней, выпуклые; нижняя – вогнутая. Имеется четко выраженная грань на месте соединения внешней и

нижней образующих линий контура. Ручки в верхней своей части крепятся непосредственно под венчиком и в сечении приближаются к овалу. С внешней стороны, ручки с двух сторон несколько уплощены под тупым углом, что дает возможность наметить грань в центре. Амфора изготовлена из кирпично-красной глины с песком, белыми и темными включениями.

Целая амфора (Рис. 85.5). Собрана из трех частей. Соединение горла и корпуса выражено желобком на внутренней поверхности, а соединение нижней части корпуса с донной частью – желобком на внешней поверхности. Корпус округлых очертаний, с наибольшим расширением в верхней части, где плавно соединяется с цилиндрическим горлом. Весь корпус покрыт рифлением. Основной его элемент – желобки, между которыми проходят уплощенные валики с шагом 5 мм в верхней части корпуса и до 20 мм в нижней. Рифление не горизонтально. Дно округлое. Ножка выделена пальцевым желобком. Венчик в сечении приближается к кругу. Все образующие линии контура выпуклые, внешняя линия уплощена. Имеется грань на месте соединения верхней и внешней образующих линий контура. Ручки в верхней части крепятся асимметрично, одна непосредственно под венцом, другая несколько ниже. В сечении ручки приближаются к овалу. Внутренняя поверхность выпуклая, внешняя уплощена с двух сторон – в центре, благодаря этому уплощению образуется грань. Глина мелкозернистая, двухслойная по цвету – бежевая с внешней стороны и красная внутри, с белыми включениями, снаружи покрыта светлым ангобом.

Горло амфоры (Рис. 86.5). Достаточно резко отделяется от верхней части корпуса. На месте соединения, с внутренней стороны, имеются два желобка – следы сборки. Венчик валикообразный. Верхняя и внешняя образующие линии контура выпуклые, внутренняя уплощена. Венчик несколько отогнут наружу. Ручка в сечении овальная, с внешней стороны профилирована валиком. Глина светло-бежевая, с блестками слюды.

Горло амфоры (Рис. 86.6). Несколько расширяется в верхней части и заканчивается округлым в плане венчиком. Внутренняя и верхняя образующие линии контура венчика выпуклые, внешняя уплощена. Имеется грань на месте соединения верхней и внешней образующих линий контура. За счет некоторой вытянутости верхней части корпуса амфоры, создается впечатление достаточно высокого горла, что дополняется достаточно длинными в своей вертикальной части ручками. Место соединения выделено на внутренней стенке достаточно резким желобком, находящимся на 108 мм ниже верхней части венчика. Ручки в вертикальном сечении имеют угол, приближающийся к 90°, почти прямой. В сечении приближены к овалу, профилированы по внешней поверхности двумя достаточно широкими желобками, которые образуют два острых ребра. Глина светлая, розовато-коричневая, плотная, с белыми включениями.

Горло амфоры (Рис. 86.7). Цилиндрическое, толщина стенок превышает толщину корпуса. На внутренней стороне горла – глубокие желобки – следы формовки. На месте соединения горла с туловом, с внутренней стороны – характерный желобок, фиксирующий место сборки. Аналогичный желобок

присутствует и на внешней поверхности. Венчик валокообразный. Внутренняя и верхняя образующие линии контура – выпуклые, внешняя – вогнутая. Имеется грань на месте соединения верхней и внешней образующих линий, что можно рассматривать в качестве характерного признака. Ручки в своей верхней части крепятся непосредственно под венчиком, в сечении овальные, профилированы с внешней стороны валиком. Глина светлая, бежевая с внешней стороны и серая с внутренней; мелкозернистая, с крупными белыми включениями.

Два фрагмента происходят с раскопа «Верхний город» 2007–2008 гг. (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, 414, рис. 31.2, 32.1). Одна целая амфора найдена в Кехах (Чхаидзе, 2006б, с. 496, рис. 10.1).

Ранние виды датируются второй половиной VII в.: из ямы с поселения Тау-Кипчак (Баранов, 1990, с. 25, 31, рис. 7.26, 10.7; Айбабин, 1999, с. 192, рис. 81.13; Сазанов, 2001, рис. 12.1; Баранов, 2004, с. 25, рис. 1.9). На Тепсене датированы второй половиной VIII – серединой IX вв. (Баранов, 1990, с. 25, рис. 7.8; Sazanov, 1997, fig. 4.42; Сазанов, 2001, рис. 12.2). VIII–IX вв. датирован сосуд, обнаруженный в яме 120 на городище Артезиан (Винокуров, 2004, с. 70, рис. 14.1). Концом VIII–IX вв. датирована амфора из Героевки (Гадло, 1968б, с. 79, рис. 19.6). IX в. датированы находки с о. Хиос (Ballance etc., 1989, p. 114, fig. 43.280). Второй половиной IX в. датирована амфора из Пташкино (Гадло, 1980, с. 141, рис. 7.Е; Сазанов, 2001, рис. 12.3). Концом IX–X вв. датируется комплекс амфор из раскопок Сидоровского городища (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 245–246, рис. 24. 4, 26.7, 8). Амфора из цистерны 5 в Херсонесе датируется первой половиной X в. (Рыжов, Седикова, 1999, с. 314, рис. 3.1; Сазанов, 2001, рис. 12.4). Ко второй половине X в. отнесена амфора из разрушений Саркела (Плетнева, 1959, с. 244, рис. 28.2; Якобсон, 1979, с. 31, рис. 13.3; Сазанов, 2001, рис. 12.5). Первыми десятилетиями XI в. датировано горло из комплекса Херсонеса (Сазанов, 2001, рис. 12.6). Датировка устанавливается в пределах второй половины VII – первых десятилетий XI вв. (Sazanov, 1997, p. 96–97, tab. 1.42; Сазанов, 2001, с. 245, рис. 12).

Производились в Херсонесе в районе Радиогорки (Рыжова, 1982, с. 152–153, рис. 2). Производство зафиксировано и в Канакской балке, урочище Сотера (Паршина и др., 2001, с. 58–59, 61, рис. 15, 19).

38 крупных фрагментов (Рис. 87), представляющих собой тулова с отбитыми горловинами или придонные части в целом относятся к рассматриваемой группе амфор, отнесение их к какому-либо выделенному типу затруднительно (см.: Кузнецов, Голофаст, 2010, рис. 32.7–9).

Нижняя часть корпуса амфоры (Рис. 87.2). Корпус округлых очертаний, с наибольшим расширением в верхней части. Профилировка – несколько желобков в нижней части корпуса, с шагом 18–20 мм. На высоте 45 мм – рельефный уступ – след соединения донной части с нижней частью корпуса. Донная часть с внешней стороны оформлена несколькими кольцевыми желобками. Глина красно-коричневая (бежевая), плотная, с белыми включениями.

Нижняя часть корпуса (Рис. 87.8). Несколько сужается книзу, завершаясь

дискообразным выступом, которому с внутренней стороны соответствует полукруглая выемка. Диаметр выступа на подошве – 20 мм. На высоте 45 мм от дна имеется характерный уступ – след соединения донной части с нижней частью корпуса. Корпус в своей средней части профилирован полукруглыми желобками и расположенными между ними уплощенными валиками. Толщина желобков 10-12 мм, толщина валиков между ними 20-22 мм. Глина светло-коричневая, плотная, с мелкими белыми включениями.

Тулово амфоры (Рис. 87.9), горло с ручками отбиты. Корпус в верхней части профилирован полукруглыми и уплощенными валиками шириной 10-12 мм, между которыми расположены полукруглые в сечении желобки шириной 9-12 мм. Глина кирпично-красная, с белыми и крупными темными включениями. На внутренней стенке корпуса присутствуют дутики.

Все рассмотренные типы амфор группы II находят аналогии в раннесредневековом слое Таманского городища (Чхаидзе, 2008а, с. 147-151, рис. 78-82).

Несколько особняком стоят амфоры, выделенные нами в тип XIII – амфоры с вогнутым дном (Баранов, 1990, тип 8; Sazanov, 1997, type 21). Эти сосуды представлены исключительно доньями, которые в стратиграфическом отношении обнаружены выше верхнего уровня пожара последней четверти VI в., прослеженного на раскопе «Береговой стратиграфический». Дно (Рис. 88.1) имеет диаметр по подошве 112 мм. В центре дна имеется конусовидный выступ. Изготовлено из красно-коричневой плотной глины с примесью многочисленных белых частиц.

Второй фрагмент дна (Рис. 88.2) диаметром 104 мм. В центре дна имеется выступ полусферической формы. Поверхность имеет характерный брак – несколько смята при сушке. Дно изготовлено из тонкозернистой розоватой глины с белыми включениями. Поверхность покрыта очень плотным ангобом светло-желтого цвета.

Также встречен фрагмент из коричневатой-желтой плотной глины без заметных примесей (Рис. 88.3).

Единственный, известный фрагментированный экземпляр такой амфоры происходит из комплекса ямы 6 поселения Тау-Кипчак в Крыму (Баранов, 1990, с. 33, рис. 10.21). Близкие донья встречены на Кордон-Обе (Баранов, 1981, с. 61).

Похожие амфоры происходят из раскопок туннеля Эвпалина на о. Самос (Nautum, 2004, p. 296, taf. 76.1744) и музея Измира (Турция) (Bass, 1982, p. 186, P 78, fig. 8.20); их отличие от сосуда с Тау-Кипчака – иной изгиб ручек.

И.А. Баранов датирует такие амфоры второй половиной VII – началом VIII вв. (Баранов, 1990, с. 33; Sazanov, 1997, p. 92, tab. 1.21).

Во II херсонесской классификации амфора из Тау-Кипчака неверно соотносится с амфорами с “рифлением типа набегающая волна” (Романчук и др., 1995, с. 33-34, класс 13, табл. 10.64, 12.64). В свою очередь А.И. Айбабин неверно соотносит эту амфору (Айбабин, 1999, с. 192, рис. 81.12) с широкогорлой амфорой из засыпи первой половины IX в. в Херсонесе (см.: Седикова, 1995а, с. 171, тип V, рис. 5.3), близкие формы которой происходят с Пар-

тенита (Паршина, 2002, с. 98, рис. 7.3) и из Сирии, где датируются VII–IX вв. и где предполагается их производство (Piéri, 2005b, p. 583-586, fig. 2-6; 2007a, p. 307, fig. 15).

К **группе III** отнесены три типа амфор яйцевидной формы с высоким горлом, утолщенным венчиком и зональным рифлением (состоящим из нескольких кругов по 5-6 тонких врезных желобков). Эти амфоры, широко распространенные в Причерноморье, Приазовье и Средиземноморском бассейне, получили общее отражение в ряде классификаций (Антонова и др., 1971, типы XIII, XIV; Седикова, 1995а, тип I; Паршина и др., 2001, тип I).

Эти сосуды продолжают развитие ранних типов понтийских амфор IV–VII вв. (Late Roman Amphora 2) с яйцевидным корпусом, укороченным горлом и валикообразным венчиком (Паршина и др., 2001, с. 76), место производства которых предполагается в центрально-византийских районах – Арголиде с центром в Аргосе и, предположительно, на о. Хиос (Robinson, 1959, p. 109, pl. 40, type M 272; Антонова и др., 1971, с. 87-88, типы XI, XII, рис. 12, 13; Rădulescu, 1976, p. 110, pl. X.1; Scorpan, 1977, p. 274-277, type VII, fig. 10; Якобсон, 1979, с. 14-16, тип 10, рис. 2.7, 3.2, 3, 4; Riley, 1979, p. 217-219, LRA 2, fig. 43, 44, 91, 92; Böttger, 1982, p. 38-42, typ I.1, taf. 11.a, 17-18; Bass, 1982, p. 163-164; Keay, 1984, p. 352-356, type LXV; Biers, 1985, p.80, №№ 128-129, pl. 34.a-b; Кузманов, 1985, с. 9-11, тип I, табл. 1-3; Peacock, Williams, 1986, p. 182-184; Williams, Zervos, 1988, p. 98, pl. 33.4; Попович, 1988, с. 13-15, тип II, сл. 13.6; Hayes, 1992, p. 66, 71, types 9, 10, 32, 33, fig. 22.10-12, 23.7, 13, 57.28, 29, 47.171; Кузманов, Салкин, 1992, с. 47-50, табл. VII.100-103, VIII.104-114, IX.115-127, X.128-130; Пиери, 1994, с. 95; Романчук и др., 1995, с. 38-40, класс 18, табл. 9.80, 14.75, 15.74, 16.76-79; Bjelajac, 1996, p. 67-72, tip XX, fig. XXIII-XXIV; Sazanov, 1997, p. 88, type 2, fig. 1.2; 2000, p. 128-130, 138, 145, fig. 3.1-11, 6.7-10, 10.1; 2007, p. 804, fig. 3; Piéri, 1998, p. 99-100, fig. 3; 2005а, p. 85-92; 2007а, p. 307, fig. 14.6-7, 16; 2007b, p. 612, fig. 2; Vida, 1999, p. 90, 93, 243, typ IF/b₃, abb. 27, taf. 39.3; Remola, 2000, p. 206-208, fig. 72; Karagiorgou, 2001, p. 129-155, fig. 7.1; Sibella, 2002, p. 12, fig. 15; и др.). Эволюция этих амфор разработана по находкам из кораблекрушения 625–626 гг. в бухте Ясси Ада (Турция), где было обнаружено более 850 подобных сосудов (Bass, 1982, p. 157-161, type II, fig. 8.4-6; Doorninck, 1989, p. 248-250, fig. 1). Такие амфоры известны и на Таманском полуострове (Якобсон, 1979, с. 16; Сазанов, 1989, с. 43, табл. 1.26; 2000, с. 225, рис. 9.6; Пономарев, Бейлин, 2005, с. 308-309, рис. 1).

История изучения яйцевидных амфор с высоким венчиком в общих чертах была изложена Л.Ю. Нидзельницкой (Нидзельницкая, 2001, с. 91; 2004, с. 472-473; 2009, с. 257-258). Первоначально они были введены в научный оборот под названием амфор «салтовского» типа (Ляпушкин, 1941, с. 208, 227), затем появился термин – амфоры «причерноморского» типа (Якобсон, 1951, с. 334), под которым длительное время и практически до сих пор понимаются все типы амфор, относимые к VIII – началу X вв., место производства которых установлено в Крыму. До настоящего времени отсутствует четкая классификация, хронология и общая система описания данных сосудов (Паршина и др., 2001, с. 74), различные исследователи

по своему усмотрению определяют их типологию. В классификации А.Л. Якобсона амфоры данной группы из-за неверных прорисовок отнесены к различным типам сосудов, причем в один тип были объединены как эти сосуды, так и близкие им амфоры с бороздчатым туловом. Дело в том, что к «первому причерноморскому» варианту были отнесены три горла, на самом деле являющиеся «третьим причерноморским» (Якобсон, 1979, с. 29-32). Основное различие между ними заключается в форме тулова: у «третьего причерноморского» корпус округло-яйцевидный, у «первого причерноморского» – продолговатый и бороздчатый, между тем, как горла у обоих типов практически идентичны. Большую роль для установления детальной типологии этого типа сыграли комплексы средневекового Херсона. В I херсонесской классификации подобные сосуды ошибочно отнесены к разным типам (Антонова и др., 1971, с. 88-89, рис. 14, 15), хотя представляют собой единый тип амфор, имеющих различие в стандартах, тем более – во II херсонесской классификации отмечается, что данный тип амфор (класс 29) представлен исключительно фрагментированными горловинами (Романчук и др., 1995, с. 50-52, 55, 56, табл. 22, 25).

Группа представлена 157 фрагментами, исключительно горловинами с ручками и венчиками (Рис. 89-92) Глина фрагментов оранжевая, с включением известковых частиц, блесток слюды, с примесями шамота; тесто плотное, хорошо промешанное. Большая часть покрыта белым ангобом. Внутренняя и внешняя поверхности тщательно заглажены (Табл. 3).

Выделяется несколько подтипов и вариантов амфор этой группы (до 11), отличающихся отдельными морфологическими особенностями (Седикова, 1995а, с. 170-171, рис. 1, 2; Науменко, 1997, с. 326, рис. 2.1-6; Зинько, Пономарев, 1999, с. 194-196, рис. 2.1-4, 9; Нидзельницкая, 2009, с. 280-281), однако их эволюцию при современном состоянии источниковой базы проследить сложно (Паршина и др., 2001, с. 76). Тем не менее, на основании типобразующей формы венчика, 126 фрагментов можно отнести к трем, уже выделенным типам сосудов.

Тип XIV. К типу амфор с плоскосрезанным венчиком (Якобсон, 1979, рис. 12.3-5, 13.5-8; Баранов, 1990, тип 4; Тарабанов, 1993, тип 6; Романчук и др., 1995, классы 24, 29; Sazanov, 1997, type 24; Зинько, Пономарев, 1999, типы 3.1, 3.3) относится 46 фрагментов (Рис. 89). Глина сосудов от светло-серой до оранжевой, с включением известковых частиц, блесток слюды, с примесью шамота. Большая часть покрыта белым ангобом. В верхней части тулова амфоры украшены мелким зональным рифлением.

Один фрагмент происходит из раскопок «Верхнего города» 2007–2008 гг. (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 414, рис. 29.3).

Эти амфоры датируются VII в. по находкам в Херсонесе и с поселения Тау-Кипчак (Баранов, 1990, с. 29, рис. 9.8; Айбабин, 1999, с. 192, рис. 81.5; Баранов, 2004, с. 23, рис. 1.3), а также из Равенны (Италия) (Augenti, Cirelli, 2010, p. 610, fig. 17). Временем до VIII в. датирована амфора из Танаиса (Нидзельницкая, 2002, с. 331, 337, рис. 1.1). Эти сосуды обнаружены в засыпи колодца первой половины IX в. в Портовом квартале 1 (Романчук и

др., 1995, с. 51-52, табл. 20, 21, 22.95) и засыпи колодца второй половины IX в. в общественном здании в Цитадели, где так же встречены монеты Василия I (867–886 гг.) (Седикова, 1995б, с. 123-124, рис. 1). Второй половиной IX в. датируется амфора с городища Кыз-Кермен (Белый, Назаров, 1992, с. 139-140, рис. 12.4). Датировка материалов из Керчи варьирует от первой половины IX до последней трети X – начала XI вв. (Сазанов, 1998, с. 53, 68, 74, рис. II.10, VII.1, 2, 8, XIV.30). Началом IX–XI вв. датируются сосуды на Мангупе (Иванова, 2011а, с. 269, 275, 282, 318). Таким образом, хронология распространения амфор может быть ограничена концом VII – началом VIII – первой половиной IX вв. (Sazanov, 1997, p. 92, tab. 1.24; Баранов, Майко, 2000, с. 85, рис. 4.12; Герцен, Науменко, 2006, с. 400-401; Сазанов, Могаричев, 2006б, с. 188), или второй половиной IX – серединой X вв. (Пономарев, 2003, с. 267-268) в Восточном Крыму.

Тип XV. 34 фрагмента (Рис. 90) можно соотнести с желобчатыми амфорами с валикообразным венчиком, удлиненным корпусом и «перехватом» (Якобсон, 1979, рис. 12.1, 2, 6; Воронов, Бгажба, 1985, тип. 4; Баранов, 1990, тип 3; Hayes, 1992, types 29, 35, 41; Тарабанов, 1993, тип 5; Романчук и др., 1995, класс 26; Науменко, 1997, типы 1, 2; Sazanov, 1997, type 29; Зинько, Пономарев, 1999, тип 3.2).

Подобные сосуды из Цибилиума датируются VI в. (Воронов, Бгажба, 1985, с. 72, рис. 28.1-3). К VI–VII вв. относится амфора из Танаиса (Нидзельницкая, 2001, с. 91, рис. 1.1). По материалам раскопок на о. Кипр эти амфоры датируются VII–VIII вв. (Hermayr etc., 1989, p. 872, fig. 28-29). Концом VII–VIII вв. по погребальному инвентарю (материалы ременных наборов) датированы амфоры из раннеболгарских могильников Урень II и Бруснянский III близ Самарской Луки (Багаутдинов и др., 1998, с. 146-149, 165, рис. 40.1-3, табл. II.5, 6). С VII–VIII вв. до начала IX в. датируются находки этих амфор на Кипре (Megaw, 1972 p. 328, 340, fig. C, pl. 25; May, 1989, p. 871-873, fig. 29). VIII в. датированы сосуды в комплексах Стамбула (Hayes, 1992, p. 71, fig. 23.2, 3, 8, 10, 52.10, 57.27, 38), Спарты (Sanders, 1995, p. 451-453, fig. 6.4, 6), Рима (Sagui etc., 1997, p. 44, fig. 6.1-3), в Болгарии (Грозданова, 2009, с. 248-249, табл. 2.1). Амфора из ямы 108 комплекса на городище Артезиан датирована VIII–IX вв. (Винокуров, 2004, с. 72, рис. 14.3). К первой половине IX в. относится комплекс с такими сосудами на городище Кыз-Кермен (Белый, Назаров, 1992, с. 139-140, рис. 12.3) и Комплекс 26 (водохранилище на южном участке) из Херсонеса (Романчук, Седикова, 1991, с. 39, рис. 4.2; Романчук и др., 1995, с. 53, табл. 22.97). Таким образом, датировать данный тип амфор можно второй половиной VI – первой половиной IX вв. (Sazanov, 1997, p. 94, tab. 1.29).

Тип XVI. 45 фрагментов (Рис. 91) относятся к амфорам с наклонносрезанным венчиком (Баранов, 1990, тип 2; Hayes, 1992, types 40/41, 50; Романчук и др., 1995, класс 27; Sazanov, type 28A.3). Глина сосудов светлая, с включениями частиц шамота и пироксена.

Такие амфоры из комплексов Баклинского (Талис, 1982, с. 57-58, рис. 2.1, 2, 5, 6), и Ильичевского (Гавритухин, Паромов, 2003, с. 153, табл.

63.54) городищ, датируются 570–580 гг. (Сазанов, 2001, с. 241, рис. 11.1-3). Сосуды из Белграда и Костола датированы VI – началом VII вв. (Bjelajac, 1996, p. 73, 76, fig. XXV.141, 143). Концом VI – началом VII вв. датируются амфоры из засыпи колодца в Первом квартале Херсонеса (Сазанов, 2001, с. 241, рис.11.4). Амфора из Тау-Кипчака относится ко второй половине VII в. (Баранов, 1990, с. 27, рис. 9.4; Айбабин, 1999, с. 192, рис. 81.2; Сазанов, 2001, с. 241; Баранов, 2004, с. 25, рис. 1.8). VII – первой половиной VIII вв. датируется сосуд с поселения Мартыново (Нидзельницкая, 2004, с. 473, рис. 3.1). VIII–IX вв. датирован сосуд из ямы 120 в комплексе городища Артезиан (Винокуров, 2004, с. 70-71, рис. 14.2). К первой половине IX в. относятся сосуды из комплекса 26 (водохранилище на южном участке городища) (Романчук, Седикова, 1991, с. 39, рис. 1.1; Романчук и др., 1995, с. 54, табл. 24.99-104) и водохранилища (Седикова, 1995а, с. 170, рис. 1.3) в Херсонесе. Второй половиной IX в. датируется материал из печи в Радиогрке (Рыжова, 1982, с. 152, рис. 2), с городища Кыз-Кермен (Белый, Назаров, 1992, с. 139-140, рис. 12.1), из Керчи (Сазанов, 1998, с. 68, рис. VII.24) и амфора с Дмитриевского поселения (Плетнева, 1989, с. 61, рис. 28.6). Горловина из Стамбула имеет датировку до X в. (Hayes, 1992, p. 73, type 50, fig. 25.3; Сазанов, 2001, с. 241, рис. 11.11). По аналогии материалам из Калабрии подобные сосуды относятся ко времени X–XI вв. (Di Gangi, Lebole, 1997, p. 154, fig. 1). Таким образом, время бытования амфор этого типа укладывается в период от 570–580 гг. до начала XI в. (Sazanov, 1997, p. 94, tab. 1.28; Сазанов, 2001, с. 40-243, рис. 11; Сазанов, Могаричев, 2006б, с. 188).

Верхняя часть аналогичной амфоры была обнаружена в затопленной части городища Патрей (Таскаев, 1991А, л. 4, рис. 10).

Целый ряд фрагментов (Рис. 92-93) затруднительно отнести к какому-либо выделенному типу в данной группе сосудов. На двух фрагментах присутствуют граффити (Рис. 92.19, 32).

Место производства рассматриваемой группы амфор находилось в Крыму, где они известны в Чабан-Куле и Канакской балке, в урочище Сотера, в окрестностях с. Лучистое, на территории курортной застройки г. Алушта, в урочищах Суат и Аутка близ Ялты, над пгт. Ливадия, в районе пгт. Гаспра, в Мисхоре и около села Трудолюбовка (Паршина и др., 2001, с. 54-59, 61-66, 71-72, 77, рис. 10, 15, 19, 20, 23, 26-29, 31, 42). Несмотря на многочисленные находки фрагментов этих сосудов вблизи остатков гончарных печей в Херсонесе (побережье Карантинной бухты, Севстопольская бухта, район Радиогорки) (Якобсон, 1979, с. 31, рис. 12.4, 5; Золотарев, 1982, с. 145-148, рис. 2; Седикова, 1995в, с. 434-435, рис. 1, 3; Ivaschenko, 1997, p. 76-77, fig. 10; Паршина и др., 2001, с. 70-71, рис. 39, 40), о возможности их местного производства можно лишь предполагать (Сазанов, Ченцова, 1996, с. 440; Паршина и др., 2001, с. 77; ср.: Нидзельницкая, 2009, с. 272-273).

Еще более гипотетичным является предположение о возможности производства таких амфор на территории Таманского полуострова и конкретно в Таматархе (Плетнева, 1963, с. 67-68; Нидзельницкая, 2007, с. 111; 2009, с. 278).

На Таманском полуострове группа яйцевидных амфор отмечается на многих памятниках. Такая амфора была найдена в 1936 г. в Фанагории на раскопе «Некрополь А», в разрушенной могиле 3 (см.: Глава III). Изображения амфоры не обнаружено (Блаватский, 1941, с. 26-27; Анфимов, 1953, с. 154). Три таких целых сосуда, на $\frac{3}{4}$ заполненные нефтью, были обнаружены в районе Кеп (Анфимов, 1953, с. 151-154, рис. 52). Также целый экземпляр и семь горловин происходят из подводного комплекса начала VIII – первой половины IX вв. в Кехах (Таскаев, Чхаидзе, 2007, с. 403-407, рис. 1.1, 3-9). Горловина такой же амфоры была обнаружена во время подводных работ у мыса Тузла (Шилик, 1982А, л. 12, рис. 43). Такие сосуды известны на поселениях: Приморский 13, Вышестеблиевская 10, 11, 13, 14, 15; Старотитаровская 3, 4, 13; Голубицкая 4; Курчанская 2, поселение Гаркуша (Патрей) и др. Большое количество фрагментов и один фрагментированный экземпляр происходят с поселения у балки Лисовицкого. Одно горло поднято со дна моря у мыса Тузла (коллекции осмотрены автором). Пока не находит объяснения тот факт, что фрагменты амфор этой группы не встречены в слоях Таманского городища (Чхаидзе, 2008а, с. 153).

Далее следует отметить и тип амфор, появляющихся не ранее первой половины X вв. – уже после того как жизнь в Фанагории затухла. Немногочисленные фрагменты этих сосудов встречаются в вышележащих слоях Фанагории в том числе в слоях перекопа. Речь идет о «воротничковых» или «грушевидных» амфорах, 13 фрагментов которых (один – ручка с граффито) были обнаружены на раскопе «Берег» в 1989 и 1994 гг. (Рис. 94).

Воротничковые амфоры известны во многих типологических разработках (Антонова и др., 1971, тип XXI; Günsenin, 1990, type II; Hayes, 1992, type 60; Романчук и др., 1995, класс 43; Sazanov, 1997, type 52; Булгаков, 2000, тип 1Р; Коваль, 2010, группа II тип 1).

Горло этих сосудов высокое, венчик отогнут, напоминая отложной воротничок. Ручки уплощенные (иногда овальные), крепятся под венчиком и на плечах сосуда, поднимаются вертикально, достигают уровня венчика или несколько поднимаются над ним. Иногда по плечикам проведены 3-4 полосы линейного орнамента. Тулово сильно выраженной грушевидной формы. Поверхность сглажена и лишена бороздчатости (рифление встречается довольно редко), стенки толстые. Размеры сосудов: высота 42-48 см (без ручек), наибольший диаметр 23-36 см. Объем этих амфор составляет 9-10 литров (Барабанова, Платонов, 1979, с. 131, рис. 21.4).

Датировка установлена в пределах первой половины X – начала XII вв. (Hayes, 1992, p. 75, type 60; Sazanov, 1997, p. 98, tab. 1.52; Булгаков, 2000). Во время раскопок в Судаке данные амфоры зафиксированы в комплексах с монетами времени совместного правления императоров Константина VII и Романа II (945–954 гг.) (Баранов и др., 1997, с. 38-45).

А.Л. Якобсон выделял два варианта «воротничковых» амфор, различающихся формой ручек. У наиболее раннего варианта ручки не возвышались над венчиком (Якобсон, 1979, с. 109, рис. 68.1-4). Впоследствии они поднимаются все выше, венчик атрофируется, превращается в валик, зажатый меж-

ду двумя массивными ручками. Различные формы этих сосудов, позволили говорить о хронологической разнице. Во второй херсонесской классификации «воротничковые» амфоры выделяются в два класса, различающиеся структурой черепка (Романчук и др., 1995, с. 69), однако, если основываться лишь на анализе глин, то количество видов этих амфор может достигать до четырех. В материалах многолетних раскопок Таманского городища, фрагменты подобных амфор всегда различаются по составу глины. Преобладают светло-красные черепки с большим количеством пор, редкими блестками слюды, и иногда с примесью соломы, часто покрытые белым или серым ангобом. Реже попадаются серо-глиняные, с незначительным содержанием слюды, обязательным наличием пор и примесью соломы. Совсем мало коричнево-красных со слюдой и порами, и оранжевых, со слюдой, порами и примесями рубленой соломы в тесте (Плетнёва, 1963, рис. 32.2; Чхаидзе, 2008а, с. 158).

В.В. Булгаков, основываясь на изучении дипинти, присутствующих на «воротничковых» амфорах из раскопок константинопольского квартала Манганы в Стамбуле, и на основании того, что главные находки амфор этого типа концентрируются в черноморском бассейне, утверждает о локализации производившего их центра в зоне неподконтрольной византийской администрации. Наиболее вероятной территорией называется юго-восточная часть Причерноморья, с таким центром как Трапезунд (Булгаков, 2001, с. 163-164). Данное предположение представляется более убедительным, чем гипотеза И.В. Волкова и В.Ю. Ковалья, считающих, что эти сосуды производились в окрестностях Никеи (в частности в Трилли) (см: Коваль, 2010, с. 157-159), что основано лишь на логических умозаключениях.

Воротничковые амфоры являются наиболее распространенным типом тарных сосудов в археологических слоях городищ и поселений именно Керченского и Таманского полуостровов. Так, при раскопках в Керчи фрагменты этих сосудов составляли 75 % керамического материала (Макарова, 1998, с. 362). Они же во множестве присутствуют в слоях Таманского городища (известно более 35 000 фрагментов) (Плетнёва, 1963, с. 47-52, рис. 29-30; Чхаидзе, 2008а, с. 158-161, рис. 87-88). Фрагменты таких амфор неоднократно отмечались в Кечах (Чхаидзе, 2006б, с. 490, 493-496, рис. 10.2-4).

Встреченные в Фанагории экземпляры воротничковых амфор, различных морфологических вариантов, датируются второй половиной X – третьей четвертью XI вв. (Булгаков, 2000, типы 2.1-6.1Р).

Высокогорлые кувшины с плоскими ручками (ВКПР)⁸ – сосуды вытянутых пропорций с удлиненным горлом и небольшим, сильно выраженным венчиком. По плечикам и горлу иногда проведены одна или две бороздки линейного орнамента. Их характерная особенность – плоские и широкие ручки (в основном одна, реже две). Средняя высота кувшинов – 48-53 (65) см, наибольший диаметр тулова – 16-21 см, диаметр венчика – 8-10 мм, диаметр дна – 10-12 см, объем – 6-8 литров. Изготовлены из красно-коричневой или кирпично-красной глины, с включениями известняка и железистых мине-

⁸ При написании этого раздела использована наша работа «Высокогорлые кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье» (Чхаидзе, 2008б).

ралов, тесто плотное и слабо слоистое, снаружи присутствует красноватый ангоб. Изнутри до 80 % подобных кувшинов покрыты тонким слоем черного смолистого вещества. Объем составляет от 5,67 до 6,20 литров (Ляпушкин, 1941, с. 207; Плетнёва, 1959, с. 249; 1963, с. 52; Антонова и др., 1971, с. 92; Барабанова, Платонов, 1979, с. 133; Романчук и др., 1995, с. 63).

Неточное название для этих сосудов *“кувшины тмутараканского типа”* сохранялось длительное время, после выхода в свет работы С.А. Плетнёвой, подробно описавшей их по материалам Таманского городища (Плетнёва, 1963, с. 52-59). В первой херсонесской классификации эти кувшины были названы *“кувшинами-амфорами”* (Антонова и др., 1971, с. 91-92). Это неточное определение вошло в обиход и было воспринято другими исследователями (Романчук и др., 1995, с. 63; Нессель, 2006, с. 97). Существуют и вариации названия: *“кувшины с ленточной ручкой”* (Баранов, Майко, 2000, с. 86; Майко, 2000а, с. 104), с *“раструбовидным горлом”* (Ушаков, 2008, с. 187) и другие (см.: Науменко, 2009, с. 51). Недавно В.Ю. Ковалем было предложено условно именовать эти сосуды – тарными кувшинами типа *“Таматарха”*, на основании наиболее вероятного места производства этих кувшинов в предместьях Таманского городища (Коваль, 2010, с. 174). С нашей точки зрения, стремление, давать средневековым амфорам и кувшинам название по предположительному (!) месту производства, не оправданно. А наиболее приемлемое название, связанное с характерной формой этих сосудов – высокогорлые кувшины с плоскими ручками (аббревиатура – ВКПР) (Чхаидзе, 2008а, с. 161; ср.: Науменко, 2009, с. 51; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 416).

ВКПР обычно находят свое место в различных типологических построениях среди средневековых амфор (Якобсон, 1951, рис. 10.29-32; 1979, рис. 14.1-4, 43.8-10; Плетнёва, 1959, рис. 51; Антонова и др., 1971, тип XX; Романчук и др., 1995, класс 41; Sazanov, 1997, type 44). Приходится констатировать, что в настоящее время четкая классификационная шкала для этих сосудов не создана; не разработана их морфология, а так же возможные варианты хронологического развития (Майко, 2004а, с. 185; Чхаидзе, 2008а, с. 167; Науменко, 2009, с. 57).

Первоначально было выделено два варианта этих сосудов, следующих по времени один за другим (Плетнёва, 1963, с. 54; Якобсон, 1979, с. 33). Впоследствии *“по характеру глиняного теста и соотношению размеров отдельных частей с толщиной стенок”* выделялось четыре их варианта (Антонова и др., 1971, с. 92, рис. 20, 20а, 21, 21а), или же *“в зависимости от профилировки венчиков”* – три типа с двумя вариантами (Романчук и др., 1995, с. 63-66, табл. 30-32, №№ 135-143). На основании типобразующей формы венчика, по материалам из раскопок Цистерны 2 «Базилики 1989 г.» в Херсонесе, выделено семь типов и три подтипа этих кувшинов (Сазанов, 2001, с. 230-239, табл. 3, рис. 1-9). По материалам раскопок на Таманском городище, представлено развитие данной формы сосудов в рамках восьми видов (Чхаидзе, 2008а, с. 167, рис. 91).

По мнению С.А. Плетнёвой, ВКПР ведут свое происхождение от обычных средневековых амфор – якобы две амфоры-кувшина были обнаружены на Таманском городище (Плетнёва, 1963, с. 54; 1967, с. 133, рис. 33.3-4;

2006, с. 214). В подтверждение этого тезиса Т.И. Макарова, по материалам открытого при раскопках в Керчи пифоса, врытого в землю, датированного серединой IX вв. и наполненного мелкими черепками остродонных амфор VI–VII вв., а так же рассматриваемых кувшинов, предположила наличие генетической связи между амфорами и кувшинами – на основании схожести состава глины и наличия смоления внутренней части фрагментов, была предложена переходная форма кувшинов – с острыми днищами, которые были датированы ею VIII – начале IX вв. (Макарова, 1991, с. 129; 1998, с. 356, 358; 2003, с. 53, табл. 45; ср.: Герцен, Науменко, 2001, с. 135). Уже было отмечено, что сосуды такой необычной формы не зафиксированы ни на одном памятнике в Причерноморье, фрагменты же, обнаруженные в пифосе, не собираются в целые формы, а донья амфор, по-видимому, являются примесью более раннего материала из нижележащего слоя (Сазанов, Могаричев, 2002, с. 485). Вероятнее всего истоки происхождения этой формы следует искать на Таманском городище (Чхаидзе, 2008а, с. 166). Именно здесь эти кувшины встречаются в количествах, не сравнимых с иными причерноморскими памятниками – наиболее вероятный центр производства мог находиться именно здесь (Чхаидзе, 2008а, с. 163; Науменко, 2009, с. 53; Герцен и др. 2010, с. 255).

Нижняя и верхняя границы бытования ВКПР может быть представлена как с середины – второй половины (последней трети) IX в. до конца XI – начала – первых десятилетий XII вв. (Баранов, 1990, с. 23-24; Sazanov, 1997, р. 97, tab. 1.44; Рыжов, Седикова, 1999, с. 319; Зинько, Пономарев, 1999, с. 197; Айбабин, 2000, с. 173; Майко, 2000а, с. 104; Баранов, Майко, 2000, с. 86; 2004, с. 187; Сазанов, 2001, с. 232-239; Герцен, Науменко, 2001, с. 136-138; Сазанов, Могаричев, 2002, с. 485; Науменко, 2009, с. 57; Герцен и др. 2010, с. 256). Между тем, по материалам раскопок Таманского городища и поселения на горе Зеленской в 7 км к югу от Тамани, нижняя граница бытования этих сосудов может быть существенно удревнена, так как этот тип сосуда появляется на Таманском городище в VII в. При этом культурный слой поселения на вершине горы Зеленской твердо датируется первой половиной XI в., однако среди керамического материала фрагменты рассматриваемых кувшинов встречены в единицах, что позволяет поставить под сомнение вопрос о верхней дате бытования кувшинов, как окончательно установленной (Чхаидзе, 2008а, с. 164).

В данной связи обратим внимание на более крупный фрагмент подобного кувшина с раскопа «Берег» 1989 г., который выполнен из бежевого теста с примесью извести, мелкого шамота и крупных блесок золотистой слюды и который также возможно отнести к VII в. (Рис. 95. 12). Также сам за себя говорит факт присутствия высокогорлых кувшинов в комплексах ям Н и О на раскопе «Береговой Стратиграфический» 1985 г. (Рис. 198-199), впущенных в слой третьей четверти V – начала VI вв.⁹

⁹ По мнению А.В. Сазанова удревнение ВКПР до VII в. весьма проблемно. Требуется более подробная аргументация с описанием контекста находок на Таманском городище. Иным словами, для удревнения нижней даты кувшинов с плоскими ручками нужны весомые доказательства в виде безусловных контекстов VII в. Соглашаясь с этим мнением, следует отметить, что наши высказывания о более широкой датировке ВКПР в известной мере имеют гипотетический характер. Материалы с горы Зеленской пока не опубликованы и работа с кувшинами Таманского городища еще только предстоит.

ВКПР имеют широкий ареал распространения, наряду с амфорами. В настоящее время их находки известны более чем на 85 археологических памятниках, в основном на городищах и поселениях Таманского полуострова, Крыма, Прикубанья, Приазовья и Подонья (Чхаидзе, 2008б, с. 403-404, рис. 4-6; Науменко, 2009, с. 54-57). В последние годы было открыто кораблекрушение у горы Аю-Даг в Крыму основным материалом которого являлись эти кувшины (Герасимов, 2010, с. 74).

ВКПР также встречены на территории Древней Руси (Чхаидзе, 2008б, с. 404, рис. 6; Коваль, 2010, с. 174). Найдены они и при раскопках квартала Сарачхане в Стамбуле (Hayes, 1992, p. 58, 117, 120, 123, 126, 183, 186, 188, 191, fig. 21.3, 63.6, 66.41, 68.41, 71.53).

Традиционно считается, что в Фанагории фрагменты кувшинов с плоскими ручками встречаются редко (в основном ранние разновидности – с раздутым туловом и коротким горлом) (Кропоткин, 1957, с. 37; Плетнёва, 1967, с. 133; 1999, с. 147), в отличие от расположенного в 20 км западнее Таманского городища, где обломки этих сосудов в слоях VII–XII вв. составляют 50% всей керамики (Плетнёва, 1963, с. 52; 1967, с. 133; 2003а, с. 175, табл. 67.40-42; Чхаидзе, 2008а, с. 161-173, рис. 75.1, 89-91; Финогенова и др., 2010, с. 251, рис. 8.1).

С городища Фанагории происходит два целых сосуда с отбитыми горловинами. Один был случайно обнаружен на памятнике в 1970 г. (Рис. 95.1). Второй кувшин (Рис. 95.2) был открыт в 1973 г. на раскопе «Юго-Западный» (Рис. 65.3-4), возле средневекового фундамента вместе с двумя амфорами. Комплекс был неверно датирован второй половиной IV в. (Кобылина, 1978, с. 32, 34, рис. 2.2-4). Датировка первой амфоры – вторая половина VI – вторая половина IX вв.; второй – вторая половина VII – первые десятилетия XI вв. (Рис. 79.1, 85.3).

Интересно отметить погребение IX в., выявленное во время раскопок 1968 г. среди развалин средневековых построек на раскопе «Центральный» (см. Глава III). Здесь в ногах погребенного мужчины стоял кувшин, от которого сохранилось около 50 обломков (Зайцев 1968А, л. 29; Атавин, 1986, с. 264). По мнению В.Е. Науменко, комплекс датируется последней третью IX – началом X вв. (Науменко, 2009, с. 57).

Всего нами рассмотрено 62 фрагмента (2 фрагментированных экземпляра, 10 горловин, 20 венчиков, 20 ручек, 6 доньев и других фрагментов), происходящих из раскопок (Рис. 95-96). На одной из ручек присутствует граффито в виде литеры Н (Рис. 96.27)

Следует отметить, что в отчетных данных сведения о находках фрагментов присутствуют чрезвычайно редко. Так, на раскопе «Центральный» зафиксированы лишь два венчика (Плетнева, 1968А, л. 43). Отмечается, что на раскопе «Береговой стратиграфический» фрагменты кувшинов единичны (Атавин, 1982А, л. 18, табл. III) – нами рассмотрены 33 фрагмента из коллекции керамики этих раскопок¹⁰. Количество фрагментов кувшинов

¹⁰ В коллекции присутствует еще 24 стенки (Ф-82 IV/1, № 84, I/2 № 1047, IV/4 № 1043, IV/5, № 699, II/6 №№ 696, 1046, I/я.6 № 1041, Ф-84 I/10 № 1040, III/10 № 1042, VI/10, № 697, III/11 № 267, Ф-85 I/12 № 1044, II/12 № 1048, I/13, № 695, III/13 № 265, IV/14, № 698, я.И № 1116, я.Н № 694, я.О № 1045), а также 4 стенки с раскопа «Верхний Город» (Ф-80 X/2,4,6,8, № 692). Так же см.: Чхаидзе, 2008б, рис. 3.27, 28 (Ф-85 BC IV/2,4,9, вым.А, № 666).

с раскопа «Берег» 1989 г. составляет 490 фрагментов (Завойкин, Атавин, 1989А, л. 6, 8, 10, 13, 16, 19, табл. I-VIII).

Один фрагмент горла происходит из раскопок «Верхнего города» 2008 г. (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 416, рис. 31.1).

Метрические характеристики фрагментов кувшинов приведены в таблице 4.

Граффити и дипинти на тарной керамике.

Из-за использования тары в торговом обороте требовалась специальная номенклатура знаков, которыми могли пользоваться купцы при покупке, транспортировке и продаже товаров, находившихся в амфорах. Сохраняя античные традиции и учитывая то, что данные сосуды производились в пределах византийского круга, в основе этой номенклатуры знаков, лежали буквы греческого алфавита, использовавшиеся и в виде цифр. Причем купцы могли быть не только греческого происхождения, но и принадлежать к другим этносам, о чем позволяет говорить зеркальное переворачивание знаков, инверсия, наличие “юсов” и пр. Между тем, еще не удалось сгруппировать изображения на амфорной керамике, что отчасти объясняется тем, что импорт являлся довольно сложным источником, информирующим о системе знаков (Флёрова, 1997, с. 80). Многие граффити также связаны с позднеантичными символами, известными в Византии, откуда и распространились в Таврику и на Тамань.

До сих пор продолжает бытовать мнение о граффити, как материале, практически не поддающемся учету. Между тем изучение граффити на тарной керамике позволяет получить сведения об ономастике, этносе, религии, быте, грамотности людей, пользующихся тарой и номенклатуре предметов торговли (Романчук, 1983б, с. 64). Между тем приходится констатировать, что изучение граффити пока еще находится в стадии накопления материала.

Относительно причин, почему на стенки сосудов наносились подобные “метки”, существует множество различных версий. Это могла быть маркировка помещаемых в амфоры продуктов (торговая марка), для идентификации перевозчиков торговых грузов; мог быть знак собственности; обозначение меры вместимости, так как амфоры, будучи стандартной тарой, соответствовали определенным мерам объема, и пр. (Плетнёва, 1963, с. 52).

Граффити и дипинти (включая надписи) на позднеантичной амфорной керамике рассмотрены в работе Э. Попеску по материалам Румынии (Popescu, 1977, p.101-123, 164-177, 196, 208, 265-266, 314-349, №№ 66-80, 140-165, 187, 196, 248-250, 307-398), С.М. Дэвис по раскопкам в Карфагене (Davies, 1984, p. 141-154, fig. 46-54), Ж.-Л. Фурнье из раскопок Антинополиса (Египет) (Fournet, Piéri, 2008, p. 180-210, fig. 2-25), Е.И. Соломоник – ряда надписей на амфорах в Крыму (Соломоник, 1993, с. 107-112). А.И. Романчук были рассмотрены граффити на керамике из Херсонеса (Романчук, 1983а, с. 64-87, рис. 1-8; 1986, с. 171-182, рис. 1-8). Специальное исследование В.Е. Флёровой посвящено граффити из раскопок Маяцкого и Семикаракорского городищ, Саркела и Таматархи–Тмутаракани (Флёрова, 1997).

Из раскопок Фанагории, помимо уже отмеченных (Рис. 92.19, 32, 94.10,

96.27), происходит 11 фрагментов с граффити (Рис. 97.1-11).

Дипинти представлены фрагментированной линией (Рис. 97.12), неясной формой (Рис. 97.13) и двумя фрагментами с литерами: Λ I(?) I(?) (Рис. 97.14), Η I и, быть может Θ (Рис. 97.15) (ср.: Бёттгер, Шелов, 1998, № 1337, Табл. 60, 68, 70). Последнее дипинто, вероятно, проставлено на стенке позднеантичной амфоры.

Пифосы относятся к массовым видам керамики вследствие того, что они являлись обязательной принадлежностью жилого дома как в городах, так и на сельских поселениях. Основное их предназначение – долговременное хранение продуктов (Плетнёва, 1963, с. 59; Якобсон, 1966, с. 189; 1970, с. 43-46; Паршина, 1974, с. 57).

Средневековые пифосы известны двух видов – с желобчатым корпусом и гладкостенные (Якобсон, 1966, с. 192-200, рис. 3-8). При изготовлении, эти сосуды формовали из нескольких составных частей. Обжигались они в камере, свод которой возводился уже после того как пифос был установлен на поду печи. По окончании обжига свод разбирали (Чухаркин, 2000, с. 34-35). Производство пифосов в VIII – второй четверти X вв. засвидетельствовано в урочище Пошалы в раскопанном горне № 2 (там же известно еще 4 горна) (Якобсон, 1966, с. 190; 1979, с. 19, прим. 38; Паршина и др., 2001, с. 60 рис. 18).

Раннесредневековые пифосы красно-коричневого обжига. В состав глины включены известь, шамот и много морского песка. Цвет поверхности сосудов и ангоба от светло-оранжевого до красно-коричневого, многие фрагменты со следами воздействия огня. Нередко тулово покрыто гребенчатыми прочесами. Иногда под горлом сосуды украшены орнаментом в виде пальцевых вдавлений.

Систематизация средневековых пифосов проведена на основе находок в Крыму и Болгарии (Херсонес, Канакская Балка, Тепсень, Гончарное, Тырново и пр.) (Якобсон, 1966, с. 190-192, рис. 1, 2; 1979, с. 17-19, 33-38, 78-79, рис. 4-5, 15-17, 45-46; Романчук, 1976, с. 27; Майко, 2004а, с. 178, рис. 99), и Керчи (Сазанов, 1998, с. 50-53); а так же по материалам Ильичевского городища (Николаева, 1983, с. 110-117, рис. 1-3), района Новороссийска (Дмитриев, 1982а, с. 73-75) и Анапского музея (Зажигина, 1996а, с. 117-119, рис. 1-3). А.Г. Атавиным выделено шесть типов лощеных пифосов Фанагории (Атавин, 1992, с. 186-189, рис. 16, 17) (см. ниже).

Всего в Фанагории отмечено 6 целых форм раннесредневековых пифосов: из раскопок К.К. Гёрца 1859 г. (Рис. 98.1) (Гёрц, 1870, с. 86; Тункина, 2010, рис. 15.1), с раскопок «Город А» 1948 г. (Рис. 98.2), «Северный Город» 1949 г. (Рис. 98.3), «Юго-Западный» 1973 г. (Рис. 98.5)¹¹ и «Береговой Стратиграфический» 1985 г. (Рис. 98.6) (Атавин, 1987б, с. 126). Еще один пифос является случайной находкой на памятнике в 1970 г. (Рис. 98.4) (Флёров, 2011, с. 142, илл. 28).

Фрагменты пифосов представлены 31 венчиком и 4 доньями (Рис. 99).

Баклаги (фляги) – специфические кружальные тарные сосуды, бытовавшие у кочевников на протяжении VII–X вв. и позднее. Баклаги – крупные сосуды в форме цилиндра диаметром 17-18 см; обратная сторона плоская,

¹¹ Размеры пифоса: высота 1,60 м, диаметр устья 0,50 м, диаметр горла 0,32 м, диаметр ножки 0,20 м; высота ножки 0,02 м.

лицевая – выпуклая, покрыта ангобом. В верхней части расположено горло и две небольшие ручки (Рис. 100).

Использование таких баклаг зафиксировано уже в Аварском каганате в VI–VII вв. (Vida, 1999, p. 159-174, 300-301, abb. 69-75, taf. 92-95, 166-172, VIII.5-6).

Эти сосуды известны на всей территории Северного Причерноморья, хотя и не часто встречаясь на памятниках средневекового Крыма, Подонья и Прикубанья (Якобсон, 1979, с. 39, рис. 19; Михеев, 1985, с. 15, рис. 13.4; Аксенов, Михеев, 1998, с. 347, рис. 1.9; Кравченко, Шамрай, 2000, с. 78; Баранов, Майко, 2000, с. 87, рис. 4.13; Майко, 2004а, с. 187, рис. 104.1-6; Сорочан, 2005а, с. 472, рис. 145; Зинько, Пономарев, 2006, с. 533, 2.4-5; Чхаидзе, 2008а, с. 205; Науменко, 2009, с. 58-60, рис. 23, 26, 36.6-7, 119.1; Герцен и др. 2010, с. 256; и др.). Производились они в крымских гончарных печах наряду с амфорами (Якобсон, 1954б, с. 168; 1955, с. 109, рис. 47.7; 1958, с. 492, рис. 16.2-3; 1979, с. 39; Бабенчиков, 1960, с. 278, рис. 8; Фронджуло, 1968, рис. 4.6; Паршина, 1974, с. 60; Паршина и др. 2001, рис. 10, 14, 19, 28, 31; Айбабин, 2003, с. 58, табл. 35.9-10; Нидзельницкая, 2009, с. 278-279). Их датировка в целом соответствует времени бытования печей: VIII–IX вв. (вплоть до середины X в.). Типология разработана по материалам собраний Ростовского и Азовского краеведческого музеев (Ларенок, 1993, с. 130-137, рис. 1-3).

На Таманском полуострове такие баклагы известны на Таманском городище (Чхаидзе, 2008а, с. 206, рис. 119) и на могильнике Виноградный-7 (Марченко и др. 2007, с. 178, 179, 268, рис. 38.2, 39.5, 120.1-2).

Известны в Прикубанье (Тарабанов, 1993, с. 121, рис. 9.3), где местные гончары также изготавливали подражания этим баклагам (Тарабанов, 1983, с. 153, рис. 2.9; 1993, с. 121; Джигунова и др., 2010, с. 73, 77-78, рис. 1.5, 2.5-6).

Следует отметить, что находки баклаг отмечены на Аргосской Агоре (Pierart, Thalmann, 1980, p. 470, 480, B 37-39, Pl. IX) и Афинской Агоре (Shear, 1997, p.525, pl. 104.d).

Из раскопок Фанагории происходят два фрагмента (Рис. 100.1, 3) и один фрагментированный экземпляр (Рис. 100.2) (Атавин, 1984, с. 108). Высота баклагы – 20 см, ширина – 16 см, толщина стенок – 1,6 см, диаметр горла – 3,1 см, диаметр ручек – 2,5×1,7 см. Глина светло-коричневая. На фрагментированной, выпуклой, лицевой стороне сохранились линии росписи красной краской (ср.: Якобсон, 1979, с. 39, рис. 19.5; Паршина и др., 2001, рис. 14).

Кухонная посуда является наиболее типичной керамикой для большинства средневековых поселений Тамани и Таврики (Ваганов, 1990, p. 23-25, abb. 1). Классификация кухонной керамики разработана С.А. Плетнёвой по материалам Таманского городища (Плетнёва, 1963, с. 9-28, рис. 4-15). Исследовательница разделила ее на две группы: лепную и гончарную керамику.

Группа 1. Лепная кухонная керамика. Ряд форм раннесредневековых лепных сосудов является продолжением развития ранней посуды I–IV вв., которая встречается в Фанагории. Вообще же лепная посуда в раннесредневековых слоях представлена в количестве гораздо большем, нежели в слоях античных (Кругликова, 1951, с. 89, 104-105, табл. 1-2). И можно отметить, что лепная

керамика средневековой Фанагории близка к позднеантичным формам (ср.: Гадло, 1973, с. 271).

Тип А – горшки с яйцевидным туловом, слабо профилированным венчиком, без орнамента (Рис. 101-103). Тесто рыхлое, с примесью морского песка и мелкими включениями белых дробленых ракушек. Обжиг неровный, очажный: поверхность желтовато-серая, в изломе черная или темно-серая, заглажена мокрой рукой или реже – травой, от которой на глине остаются мелкие беспорядочно расположенные бороздки. По аналогии с Таманским городищем (Чхаидзе, 2008а, с. 179-181, рис. 96), лепные кухонные горшки на городище представлены тремя видами: 1 – глина снаружи розовато-черная, в изломе черная, обжиг очажный, с включениями дресвы, иногда с соломой; 2 – глина серая, слоистая, с обильными включениями дробленых ракушек, поверхность часто заглажена травой; 3 – глина палевая, с включением дробленых ракушек, ручки либо круглые либо квадратные в сечении.

Горшки типа А являются преобладающей формой кухонной керамики в раннесредневековой Фанагории. Аналогии им известны на многих средневековых памятниках юго-востока Восточной Европы, прежде всего в Крыму (Гадло, 1968б, рис. 19.а; Якобсон, 1970, с. 53-55, 183-184, рис. 17-18, 21.1; 1979, с. 64, рис. 35; Талис, 1982, рис. 12, 15; Баранов, 1990, с. 89-96, рис. 29-30; Сазанов, 1998, с. 60, рис. IV.33-35; Айбабин, 1999, с. 189, рис. 79.П.2; 2000, с. 170, рис. 3.6).

Тип Б. Пропорции, форма венчиков и величина горшков та же, что и у типа А. Орнамент на венчиках представлен в виде глубоких косых насечек или аккуратно сделанных вмятин. Орнамент на стенках – вертикальные бороздки по всему тулову, линейный и линейно-пересеченный орнамент на тулове или только на плечиках, а также глубокая однорядная волна на плечиках (Рис. 104-105). Все виды орнамента известны и на гончарной посуде.

Тип В. Эти сосуды сходны с горшками типов А и Б. Их основным отличием является заглаженная травой поверхность и нередко примесь рубленой соломы в тесте. Орнамент на венчиках представлен в виде мелких прямых или ногтевидных насечек и зацепов (Рис. 106.1-19). На плечиках располагаются в один неровный ряд вертикальные насечки, тонко прочерченный зигзаг или волна.

Аналогии сосудам типа В представлены в одновременных слоях Саркелла–Белой Вежи (Плетнёва, 1959, с. 230, рис. 18) и Таматархи (Чхаидзе, 2008а, с. 181, рис. 98). Вероятно, они связаны с кочевнической керамикой, которая из-за особенно пышного орнамента выделена в отдельный тип Г.

Тип Г (Рис. 106.20-30). Яйцевидные горшки с несколько суженным по сравнению с предыдущими типами горлом. Венчик в форме валика, почти всегда орнаментированный, представляющий собой сочетание прямых и серповидных насечек, лункообразных вмятин, кружков, вертикальных глубоких насечек. Орнамент расположен на венчике и плечиках сосудов, изредка покрывает все тело горшка. Внутренняя поверхность горшков почти всегда выглажена пучком травы, а в тесте, помимо обычных примесей (морской песок и ракушки), встречается большое количество рубленой соломы

(как в горшках типа Б).

Лепные горшки кочевнического типа (В (19 фрагментов) и Г (11 фрагментов)) – малочисленная группа кухонной посуды в Фанагории, как впрочем, и в Таматархе (Чхаидзе, 2008а, с. 184).

Целый ряд фрагментов донец лепных горшков (54 фрагмента в коллекции¹²) представлен вне типов.

Группа 2. Гончарная кухонная керамика. Сосуды изготовлены при помощи ручного гончарного круга. Большинство горшков сформовано на круге с гладкой, вероятно деревянной поверхностью. Ряд горшков – лепные, затем подправленные на гончарном круге и обожженные.

Тип А (Рис. 107-111, 156.2). К этому типу относятся многочисленные и сделанные на гончарном круге кухонные горшки, являющиеся характерной находкой на всех поселениях и могильниках VIII–X вв. Подонья, Приазовья, а так же Крыма. Это яйцевидные или шаровидные горшки с плоским небольшим дном и обыкновенно слабо отогнутым венчиком (от 10 до 30°). Изредка попадаются экземпляры с сильно изогнутым венчиком (до 45°). Края венчиков бывают закругленные, закругленные с небольшим утолщением и плоские или срезанные. Часть венцов снабжена полочкой для установки крышек. Обжиг сосудов ровный, черепок в изломе серый, поверхность темно-серая, нередко закопченная и с нагаром, иногда желтая, реже оранжевая. Как правило, все горшки имеют по днищу закраины. Единичные экземпляры с донцами, срезанными ниткой. Цвет черепков в изломе оранжевый. Линейно-волнистый орнамент по мере углубления в слой претерпевает некоторые изменения: вместо небрежных, рваных линий появляется аккуратная выделка орнамента, покрывающего сосуд тонкой линией (Плетнёва, 1981а, с. 14; 2003а, с. 182, табл. 71.7-8).

В тесте горшков в качестве отощителя добавлялись карбонатные породы, – в частности, всегда наличествует примесь речного песка в поселках, расположенных на берегах рек, а в приморских городах – морского песка с толченой ракушкой. Линейный сплошной, линейно-зональный, волнистый или линейно-волнистый орнамент покрывает всю поверхность от плечиков до донца. Он наносился костяным реберчатым штампом в три–семь острых зубцов (Флёров, 1972, с. 351-352). Венчик украшался косой, глубокой насечкой, наколами штампика, наколами круглой в разрезе палочки, волнистым орнаментом.

Уже отмечено (Чхаидзе, 2008а, с. 186-187), что для Таматархи, Фанагории (ср.: Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 418, рис. 33.4-7), поселений Таманского и

¹² 1-2 – Ф-39 ГА. 3 – Ф-70 Ц XX. 4 – Ф-83 БС IV/2, № 547. 5-6 – Ф-83 БС IV/4, №№ 548, 781. 7-9 – Ф-83 БС IV/5, №№ 524, 545, 546. 10 – Ф-84 БС I/8, № 962. 11 – Ф-84 БС III/9, № 791. 12 – Ф-84 БС I/10, № 961. 13-14 – Ф-84 БС V/10, №№ 792, 1371. 15-18 – Ф-84 БС II/11, №№ 522, 523, 527, 782. 19 – Ф-85 БС II/12, № 780. 20 – Ф-85 БС III/12, № 1012. 21 – Ф-85 БС III/13, № 1029. 22-23 – Ф-85 БС V/13, №№ 916, 1015. 24-25 – Ф-85 БС VI/13, №№ 874, 896. 26-27 – Ф-85 БС II/14, №№ 892, 894. 28-30 – Ф-85 БС IV/14, №№ 942, 943, 945. 31 – Ф-85 БС V/14, № 1010. 32-33 – Ф-85 БС VI/14-развал1, №№ 718, 1467. 34 – Ф-85 БС I/15, № 705. 35 – Ф-85 БС II/15, № 891. 36 – Ф-85 БС III/15, № 966. 37 – Ф-85 БС V/15, № 1373. 38-39 – Ф-85 БС VI/15, №№ 583, 888. 40 – Ф-85 БС I/16, № 361. 41-43 – Ф-85 БС II/16, №№ 366, 367, 377. 44 – Ф-85 БС VI/16, № 584. 45-46 – Ф-85 БС II/17, №№ 585, 586. 47 – Ф-85 БС II, № 1372. 48-51 – Ф-85 БС VI/пифос, №№ 881, 893, 908, 911. 52 – Ф-85 БС V/я.Л, № 924. 53-54 – Ф б/ш, №№ 544, 969.

Керченского полуостровов, Южного Крыма, правобережья Кубани и для Саркела, были характерны шаровидные формы горшков (Плетнёва, 1959, с. 220-222, рис. 9), а не яйцевидные, типичные, например, для Суворовского поселения на Дону (Ляпушкин, 1958, с. 328, 331, рис. 6, 10) и Херсона (Рыжов, Седикова, 1999, с. 323-324, рис. 8).

Расцвет производства этих горшков приходится на конец VIII–IX вв. По материалам Таматархи – в середине X в. ремесленные мастерские, изготовлявшие горшки типа А, исчезают и в слое конца X–XI вв. уже попадают круговые горшки иного облика – немногочисленная гончарная кухонная керамика типа Б, отличающаяся орнаментацией и способом ее нанесения на сосуд (Плетнёва, 1963, с. 24, рис. 14.1-13). Горшки типа Б встречены и в Фанагории.

Тип Б (Рис. 111.24-31). Всего выявлено 1 целый экземпляр и 7 фрагментов. Основное их отличие от горшков типа А – орнаментация и способ ее нанесения на сосуд. Это одна или несколько линий или волн на плечиках сосуда, нанесенные палочкой шириной 1,5-3 мм. Также характерна форма венчиков – с закраиной для крышки и крутыми плечиками. По материалам Таматархи такие горшки датируются X–XI вв. (Плетнёва, 1963, с. 24, рис. 14).

Тип Г. Котлы с внутренними ручками, сделанные на гончарном круге. С.А. Плетнёва приводит два рисунка таких сосудов, отмечая их частую встречаемость (?) в слоях городища (Плетнёва, 2003а, с. 182, табл. 71.9-10). Однако, нам не известны документированные находки котлов в Фанагории, не известно и происхождение рисунков двух котлов. Между тем, А.Г. Атавину были известны фрагменты этих сосудов, изготовленные из серой глины, с линейно-гребенчатой орнаментацией (Лопан, 2007, с. 280, № 113).

По характеру орнаментации такие котлы ближе всего относятся к кухонным горшкам типа А. Однако от последних они отличаются массивным венчиком, к которому внутренней стороны сосуда прикреплены внутренние “ушки” в виде двух налепов с вмятиной посередине и двумя отверстиями для продевания ремня или веревки для подвешивания; а так же круглым дном. По мнению С.А. Плетнёвой, почти полное отсутствие котлов в средневековой Таматархе, вероятно, может объясняться прочной оседлостью населения, не выезжавшего летом на кочевку в степь. Несмотря на то, что для открытых очагов жилищ подвесная посуда (железные или керамические котлы) представляла несомненное удобство, котлы выходили из употребления, когда хозяева переходили к оседлому образу жизни. Это наблюдается во всех крупных городах Причерноморья (Баранов, 1990, с. 96-98), в болгарских столицах (Плиске и Преславе), на верхнедонецких и верхнедонских поселениях, т.е. всюду, где население в силу исторических или географических причин не занималось и не могло заниматься кочевым скотоводством (Плетнёва, 1963, с. 28; 1981а, с. 14). При этом в сельских поселениях котлы с внутренними ручками продолжали использоваться (Гадло, 1968б, с. 89, рис. 22.а; Тарабанов, 1993, с. 117-118, рис. 4; Зинько, Пономарев, 2000, с. 189; 2005, с. 413, рис. 6.3). Помимо Таматархи, фрагменты котлов встречаются на памятниках Таврики, и Северного Кавказа: Правобережья Кубани, Верхнего

Прикубанья и Пятигорья (Kuznesov, 1990, p. 255-266, taf. 1-6; Лопан, 2008, с. 240-285, рис. 2-3; Чхаидзе, 2008а, с. 188, рис. 102; Пономарев, Пономарева, 2010, с. 456-457, рис. 2). По материалам из раскопок Керчи, датировка котлов установлена в пределах от конца IX до последней трети X вв. (Сазанов, 1998, с. 61).

Согласно мнению В.С. Флёрова – котлы с внутренними ушками являются одним из маркеров салтово-маяцкой культуры (Флёров, 2009, с. 480-481). В данной связи достаточно показательным является незначительное присутствие таких котлов в слоях Фанагории и Таматархи, а также их практическое отсутствие на сельских поселениях Таманского полуострова.

С другой стороны следует отметить, что в X–XIII вв. на территории Молдавии, Румынии и Трансильвании известны глиняные котлы с внутренними ушками, появление которых связывается с печенежско-половецким присутствием в регионе (Diaconu, 1956, p. 421-437, fig. 1-7; Teodor, 1963, p. 197-203, fig. 1-3; Takács, 1986, p. 5-162, taf. 1-111).

Столовая посуда. Классификация столовой посуды Таманского городища предпринята С.А. Плетнёвой (1963, с. 29-46, рис. 16-27). Нами она используется без существенных изменений (ср.: Чхаидзе, 2008а, с. 189-201).

Группа 1. Лепная столовая керамика. Представлена двумя типами сосудов. Как уже отмечалось, раннесредневековые лепные сосуды связаны с ранней фанагорийской посудой I–IV вв. (Кругликова, 1951, с. 104-105).

Тип А (Рис. 112, 113.1-26). Кувшины с прямоугольными или немного округлыми в разрезе ручками. К типу относятся кувшин с удлинённым горлом, раздутым туловом и массивной ручкой (Рис. 112.54) и горшкообразные кувшины с сильно схематизированными «зооморфными» ручками (Рис. 112.14, 113.5). Аналогичные сосуды встречены в Таматархе (Чхаидзе, 2008а, с. 189, рис. 103), на памятниках Таврики (Гадло, 1968б, с. 83, рис. 22.б; Баранов, 1990, с. 96, рис. 33). Все эти сосуды имеют ближайшие прототипы в позднееримском керамическом материале II–IV вв. (Кругликова, 1951, с. 97-100, рис. 5-6; Кастанян, 1981, с. 69-79, 87-88, рис. 16, 18, табл. XVIII–XXI, XXIII, XXVIII). Вероятно, к ним относится и зооморфная ручка с вдавленным изображением птицы с раскопа «Южный город» 1973 г. (Кобылина, 1978, с. 35, рис. 3.5) (Рис. 113.39).

Тип В (Рис. 113.27-38). Лепные миски и сковороды разнообразных форм. Встречаются миски с загнутыми внутрь краями, чашеобразные миски, а также миски с прямыми, слегка наклонными стенками. К этому же типу относятся глубокие миски с ручками-налепами (Рис. 113.30, 32, 35). Встречены сковородки с толстыми стенками и ручками: на некоторых имеется колесообразная ручка без отверстия в центре или же длинная ручка, овальная в сечении с вертикальным отверстием на конце (Рис. 113.28, 31, 37). Все миски типа В, исключая сковородки, судя по аналогиям датируются ранним временем. Их прототипы известны в позднееримское время во всех городах Боспора и Крыма (Илурате, Мирмекии, Тиритаке, Херсонесе и др.). На Таманском городище обломки этих мисок попадают в слое V–VII вв., преимущественно на восточном участке, где эти слои исследованы наиболее полно (Чхаидзе, 2008а, с. 190, рис. 104).

Группа 2. Гончарная столовая керамика представлена краснолаковой, ангобированной и лощеной посудой.

Подгруппа 1 – в настоящей работе описание краснолаковой посуды Фанагории опущено. Краснолаковая керамика из позднеантичных слоев подробно рассмотрена в работе А.Г. Атавина «Краснолаковая керамика IV–VI вв. н.э. из Фанагории» (Атавин, 1993, с. 149-171, рис. 1-10, табл. 1-2)¹³. Им выделено 19 типов, датированных первой четвертью IV – первой половиной VI вв. Отмечено, что наиболее поздних типов краснолаковой керамики второй половины VI–VII вв. в Фанагории не встречено, импорт этой керамики сюда прекращается (Атавин, 1993, с. 167). Подобная керамика в небольших количествах встречается при раскопках Таманского городища, попадаясь до середины слоя VIII вв., что, помимо сильной перекопанности слоев, может объясняться необычной прочностью этих чашек, на смену которым приходит лощеная керамика (Чхаидзе, 2008а, с.191-192, рис. 106). В Фанагории краснолаковая керамика встречается в раннесредневековых слоях лишь в результате перекопов.

Подгруппа 2. Ангобированная посуда представлена четырьмя типами, имеющими аналогии в Таматархе (Плетнёва, 1963, с. 36-37, рис. 21; Чхаидзе, 2008а, с. 192-194, рис. 107-108).

Тип Б (Рис. 114.1-3). Немногочисленные глубокие почти полушаровидные чашки с резко отогнутым горизонтальным широким венчиком. По верхней плоскости венчика проведены две или три глубокие линии. У ряда экземпляров (вероятно, местного производства) венчик массивный, без орнамента, стенки толстые, тесто грубоватое, с примесями.

Тип В (Рис. 114.4-5). Два фрагмента. Чашки с прямым венчиком и раздутыми стенками. Тесто хорошо отмученное, стенки толстые (5-7 см), оранжевого цвета, наружная поверхность покрыта ангобом.

Тип Г (Рис. 114.6-11). Пиалообразные небольшие чашечки с кольцевидным низким поддоном, тонкими стенками, снаружи покрытые ангобом.

Тип Е (Рис. 115). Ойнохоевидные кувшины с овальным туловом (емкостью до 1-1,5 л), невысоким горлом, ойнохоевидным сливом венчика и тонкой плоской ручкой, иногда с налетом-пуговкой сверху, у венчика. Кувшины сделаны на гончарном круге из теста, близкого по составу к тесту лощеных сосудов. Стенки тонкие, цвет черепка оранжевый или желтый. Горло и плечики покрыты линейно-волнистым орнаментом, проведенным ангобом.

В научной литературе получили название «баклинских» или «скалистинских» (Баранов, 1990, с. 25), так как наиболее вероятным местом производства является округа Баклы в Крыму (Науменко, 2009, с. 60-63), что подтверждается находкой производственного брака (Романчук, Рудаков, 1975, с. 221, рис. 4), а из Скалистинского могильника, располагающегося рядом с городищем происходит значительная коллекция этих сосудов – 296 экземпляров (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 191). С другой стороны, подобных центров могло быть несколько, в том числе, в них могли изготавливаться подра-

¹³ А.В. Сазановым была повторно проанализирована используемая А.Г. Атавиным краснолаковая керамика из самого нижнего слоя раскопа «Береговой Стратиграфический» (Сазанов, 1999б, с. 233-235).

жательные типы этих сосудов. Так, вероятно, изготавливались в Херсонесе (Рыжова, 1982, с. 153; Седикова, 1995а, с. 172, рис. 7).

Эта посуда бытовала с 70-х гг. VI в. до середины X в. (Сазанов, 1993, с. 45; 1998, с. 60), но встречаются и в XI в. (Герцен и др., 2010, с. 257).

Подобные сосуды встречаются практически на всех раннесредневековых памятниках Таврики (Майко, 2004а, с. 187-188, рис. 105, 115.5; Кутайсов, 2004, с. 116; см.: Потапова, Прокофьев, 2009, с. 233-234), а так же и на других раннесредневековых памятниках Тамани (Чхаидзе, 2008а, с. 194, рис. 108; Марченко, 2004, с. 16; Марченко и др. 2007, с. 268, рис. 118.7, 119) и Подонья (Плетнёва, 1994а, с. 329, рис. 59.2; Аксенов, Михеев, 1998, с. 345-347, рис. 1-2; Нидзельницкая, 2002, с. 331, рис. 3; 2009, с. 264, рис. 4). Целый такой кувшин происходит из погребения 341/21 конца VIII – первой половины IX вв. из грунтового могильника Кеп (Сорокина, 1969, с. 125-127, рис. 1.7; Чхаидзе, 2011, с. 125-126, рис. 10.1).

Ранее был опубликован один фрагментированный экземпляр ойнохой из Фанагории, отличающийся росписью в верхней части тулова в виде чередующихся белых с красными поясками линий, происходящий с раскопа «Юго-Западный» 1973 г. (Кобылина, 1978, с. 32, рис. 2.1) (Рис. 115.10). Еще один кувшинчик с частично отбитым горлом происходит с раскопа «Береговой А» 1972 г. Высота – 13,8 см, диаметр тулова – 9,4 см, диаметр ручки – 2,4×1,1 см, диаметр венчика – 0,7 см (Долгоруков, 1975, с. 57, рис. .2) (Рис. 115.37). Недавно были опубликованы еще один кувшинчик и ряд фрагментов с раскопа «Верхний город» (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 418, рис. 33.1-2).

Также в слоях встречено четыре фрагмента мисок (Рис. 114.12-15), стенки которых чуть расходились к верху. У одного фрагмента венчик чуть отогнут. Аналогичные миски встречены на Таманском городище (Плетнёва, 1963, с. 46, рис. 26; Чхаидзе, 2008а, с. 200, рис. 116). Вероятно, какие-то из этих фрагментов могут относиться к XI в.

Небольшая группа керамики относится к столовым кувшинам (Рис. 116), датировка части которых также может быть отнесена к X–XI вв. – времени существования на территории Фанагории небольшого поселения. Кувшины изготовлены из хорошо отмученного теста. Ручки этих сосудов обычно плоские, но встречаются и округлые. Аналогии известны на Таманском городище (Плетнёва, 1963, с. 46, рис. 27). В целом же такая керамика, имеющая византийское происхождение была достаточно широко распространена в средиземноморском и черноморском бассейнах (Hayes, 1968, p. 203, 205, fig. C.1-3; 1992, p. 138, 141-142, fig. 80, 85; Peschlow, 1978, p. 394, 399, abb. 8.59-61, 86, taf. 133.6, 134.1-3, 138.5; Böhlendorf-Arslan, 2007, p. 273-292, fig. 6-7, 9-11).

Подгруппа 3. Лощеная посуда¹⁴ (Рис. 114.17-18, 117-125). Составляет незначительную, но достаточно показательную группу средневековой керамики Фанагории. Обычно при раскопках средневековых слоев городища ее количество не превышает 4-5% от всей средневековой керамики¹⁵.

¹⁴ В основу описания лощеной посуды положена работа А.Г. Атавина «Лощеная керамика средневековой Фанагории» (Атавин, 1992, с. 173-211, рис. 1-17, табл. 1-3).

¹⁵ Для сравнения: на Правобережном Цимлянском городище лощеная керамика составляет 21,5% керамики (Флёров, 1994, с. 474), в Тиритаке: 0,2-0,5% в слое, 1,36-3,84% в комплексах, 13,63-33,3% в некоторых хозяйственных ямах и очагах (Зинько, Пономарев, 2009, с. 64).

Всего было исследовано около 600 фрагментов различных типов лощеной посуды (в работе приведено 388 фрагментов). При этом следует отметить, что на памятниках салтово-маяцкой культуры лощеная керамика достаточно распространена, хотя и не в таких количествах как другие формы кухонной и столовой посуды (Плетнёва, 1959, с. 214-217, рис. 4-5; Якобсон, 1964, с. 41; Баранов, 1990, с. 100, табл. 5; Флёров, 2001, с. 160, рис. 1; Виноградов, 2002, с. 76-80, рис. 3, 5; Зинько и др. 2004, с. 132). По мнению ряда исследователей, появление этой посуды возможно связывать с проникновением аланского населения с Северного Кавказа (Плетнёва, 2003а, с. 199; Майко, 2004а, с. 193). О северокавказском происхождении свидетельствует и текстурный или текстурирно-фактурный орнамент, присутствующий на многих лощеных сосудах (Плетнёва, 1967, с. 184; Зинько, Пономарев, 2009, с. 66-67).

Лощеная керамика Фанагории представлена следующими категориями: горшки, корчаги, кувшины, кружки, кубышки, миски и т.п. (Флёров, 1981, с. 170-181). По функциональному назначению эти сосуды относятся к группе парадной или столовой посуды. К группе тарной керамики относятся фрагменты лощеных пифосов.

Глиняное тесто лощеной посуды можно разделить по примесям на пять основных групп (Атавин, 1992, табл. 1).

1. Глина плотная, звонкая, очень хорошей, отмучки. Цвет – серый и темно-серый, примесей очень мало. Это мелкий песок, почти незаметный в сколе, который может быть естественной примесью; редко встречаются отдельные блески довольно крупных кусочков слюды.

2. Глина плотная, звонкая, но есть экземпляры из глины, мягкой на ощупь. Отмучка довольно хорошая, песка значительно больше. Есть фрагменты извести, встречаются крупные камешки, иногда примешан шамот, есть блески слюды. Ракушки очень редки. Цвет черепка, в основном, черный и темно-серый, но есть экземпляры из оранжевой, коричневой, желтой и красной, похожей на амфорную, глины. Фрагменты из белой глины встречаются реже.

3. Глина плотная звонкая, цвет черный и серый. Песка очень много, он даже выступает на поверхности. Блески встречаются как примесь самого песка.

4. Глина мягкая, черная в изломе, с большим количеством мелкой ракушки.

5. Глина в изломе коричневая, песчанистая и, что очень характерно, со множеством желтых блесков. Цвет черепка коричневый, лощение неглубокое и аккуратное. Иногда внешняя поверхность покрыта ангобом того же цвета, что и цвет черепка, который чем-то напоминает лак.

Первые три группы довольно близки, различаясь лишь в деталях. В процентном отношении они доминируют среди всех находок. Незначительный процент приходится на долю глин групп 4 и 5. При этом, если глины первых четырех групп явно местные, то изделия из глины пятой группы – привозные. По мнению А.Г. Атавина они имеют малоазийское происхождение (Атавин, 1992, с. 175).

Горшки (Рис. 117). Аналогии встречены на Таманском городище (Чхаидзе, 2008а, с. 199, тип Д, рис. 114.1-4, 10-11). Их обломки составляют пятую

часть всего количества фрагментов средневековой лощеной посуды Фанагории. Типы горшков выделяются по размерам, форме тулова и профилю венчика.

Тип 1. Выделено 2 подтипа.

Подтип а (Рис. 117.1-3). Большие горшки с чуть расходящимся кверху цилиндрическим туловом и неярко выраженными плечиками, расположенными на $\frac{2}{3}$ высоты сосуда. Венчики не сохранились. Диаметр дна от 14,5 до 19 см. Толщина стенок от 0,7 до 1,3 см, дна - от 0,5 до 1,0 см. Переход от стенок к дну плавный, в одном случае - с закраиной. Тулово горшков ornamentировано широкими вертикальными лощеными полосами, реже - косой сеткой. На уровне плечиков - горизонтальная углубленная полоса. Внешняя поверхность горшков обычно черная или темно-серая, есть фрагменты с оранжевой или светло-коричневой поверхностью. По глине это в основном сосуда второй группы.

Подтип б (Рис. 117.4). Такие же горшки, но меньших размеров. Венчиков также не сохранилось. Диаметр дна 10-11 см. Толщина стенок 0,7-1,2 см, дна - 0,5-1,0 мм. Орнаментация и пропорции сосудов такие, как и у предыдущих, но количество обломков их крайне незначительно - всего несколько штук. Цвет поверхности сосудов - темно-серый. По глине относятся ко второй и третьей группам.

Тип 2 (Рис. 117.6-7). Горшки средних размеров. Форма тулова неизвестна. Венчик чуть отогнут наружу и косо срезан с внешней стороны. Диаметр венчика 16 см. Переход от венчика к плечикам выражен довольно резко. Стенки не толстые - около 0,4 см. Орнамент сохранился лишь на плечиках: горизонтальные лощеные полосы. Лощение неглубокое, тускло блестит. По глине относятся к сосудам второй группы. Находки их фрагментов очень редки. Аналогичные сосуды известны на Правобережном Цимлянском городище, где, вероятно, располагался один из центров их производства (Флёров, 2001, с. 162-163, рис. 4).

Тип 3 (Рис. 117.8-9). Горшки средних размеров. Тулово, по всей видимости, вытянутых пропорций. Венчик отогнут наружу довольно сильно (около 35°), полукруглый в профиле, плавно переходящий в плечики. Диаметр венчика 15 см. Толщина стенок 0,4-0,7 см. При переходе от венчика к плечикам - углубленные полосы и небольшой уступ. Лощение сплошное, вертикальное, блестит. Цвет поверхности серый с коричневым отливом. По глине относится ко второй группе. Фрагменты таких горшков единичны.

Тип 4 (Рис. 117.10). Горшки средних размеров с округлым туловом и слабо отогнутым наружу верхним краем венчика в виде чуть заостренного валика. Диаметр венчика 14,5 см, стенки толстые - до 0,75 см. Переход от венчика к плечикам практически не выражен, но подчеркнут углубленной горизонтальной полосой. От нее вниз идут вертикальные полосы чуть блестящего лощения. Цвет поверхности серо-коричневый или черный. По глине относятся к изделиям четвертой группы. Количество находок невелико - несколько фрагментов.

Тип 5 (Рис. 117.11). Горшки средних размеров с округлым туловом и резко отогнутым наружу утолщенным венцом. Диаметры венчика и дна 14 см.

Толщина стенок 0,35-0,6 см. Орнаментация в виде пролощенной горизонтальной полосы под венцом и вертикального сплошного лощения тулова. Лощение встречено даже на внешней поверхности дна. Встречаются фрагменты с горизонтальным густым лощением тонкими короткими линиями. Цвет поверхности горшков коричневый или красно-коричневый. В глине – примесь песка и большое количество желтых блесток, которые позволяют отнести горшки пятого типа к привозным изделиям из глины пятой группы. Количество находок фрагментов подобных горшков исчисляется единицами.

Тип 6 (Рис. 117.13-16). Маленькие горшочки с чуть загнутым внутрь краем венчика. Форма тулова неизвестна. Переход от венчика к плечикам подчеркнут уступом. Диаметр венчика 10-11 см. Толщина стенок 0,5-0,6 см. Венчик украшен горизонтальными полосами лощения (но не блестящими). По глине относятся к изделиям второй группы. Находки фрагментов подобных горшков единичны.

Корчаги (Рис. 118). Аналогичные сосуды встречены в раннесредневековом слое Таманского городища (Чхаидзе, 2008а, с. 199, тип Д, рис. 114.5-9). Также известны в Крыму (Сазанов, 1998, с. 57, рис. III.22; Майко, 2004а, с. 194, тип II, рис. 107.11; Пономарев, Пономарева, 2010, с. 453, рис. 1.2-3) и Подонье (Плетнёва, 1959, с. 214-216, рис. 4.2, 5; 1989, с. 137-138, рис. 77-78; Flerov, 1990, s. 132-135, taf. 11-12). В Фанагории количество фрагментов корчаг невелико, всего около четырех десятков. От обычных горшков их отличает наличие ручек по бокам сосуда. Предназначены они были, по всей видимости, для хранения продуктов или уже приготовленной пищи, поэтому у большинства выделенных типов с внутренней стороны венца есть уступ для крышки. Корчаги делятся на типы по размерам и форме тулова. Дополнительными признаками являются система орнаментации и профиль венчика. Отличием фанагорийских корчаг является венчик, имеющий форму валика, загнутого внутрь, с ярко выделенным уступом для крышки. На большинстве аналогичных памятников венчики сосудов выгнуты наружу. Единственную почти полную аналогию венчикам корчаг из Фанагории можно найти среди материалов городища Семикаракоры на Нижнем Дону (Flerov, 1990, s. 134-135, taf. 11.4).

Тип 1 (Рис. 118.1-3). Крупные корчаги с широким и округлым, но чуть приземистым туловом. Высота сосудов до 23 см, диаметр венчика 19,5 см, дна – 20 см. Венчик в виде утолщенного валика, загнут внутрь и имеет уступ для крышки. Корчаги имели скорее всего по две ручки (сохранилась только одна), сильно уплощенные в профиле. Стенки корчаг не толстые – около 0,6 см, но к дну утолщаются до 1,0 см. Тулово сосудов украшено широкими вертикальными лощеными полосами и, кроме того, тремя углубленными горизонтальными полосами по плечикам, между которыми расположена зона косоугольного лощения в виде треугольников. Лощение неглубокое, но блестящее. Цвет поверхности сосудов – темно-серый. По глине относятся к изделиям второй группы.

Тип 2 (Рис. 118.4-5). Крупные корчаги с широким туловом, расширенным в верхней трети. Диаметр венчиков до 22 см, диаметр дна до 14,6 см. Высота сосудов до 27,2 см. Толщина стенок 1,1-1,2 см. Венчик в виде валика,

загнут внутрь. На внутренней стороне – уступ для крышки. Сосуды всегда имеют по две уплощенных в профиле ручки. Тулово украшено вертикальными лощеными полосами, по плечикам идет волна или волнообразная гирлянда, обрамленная двумя-четырьмя горизонтальными углубленными полосами. Цвет поверхности корчаг – коричневый. По глине относятся к изделиям второй группы. В Фанагории встречаются довольно часто, как при раскопках на Нижнем, так и на Верхнем городе. Также встречены на Тепсене и ряде других памятников Крыму (Майко, 2004а, с. 194-195, рис. 107.10-11), что позволяет предположительно считать их местным, крымским подражанием (Зинько, Пономарев, 2001, с. 153).

Тип 3 (Рис. 118.6-7). Небольшие корчажки с округлым туловом. Их можно считать и вариантом типа 2, но отсутствие на венце уступа для крышки позволяет их выделить в отдельный тип. Венчик сосудов чуть отогнут, закругленный в профиле. Имели по две калачевидной формы ручки, округлые в профиле. Диаметр венчика 14,5 см, толщина стенок 0,5-0,6 мм. По плечикам идут углубленные волны и горизонтальные линии, остальная поверхность сосудов украшена вертикальными лощеными линиями. На венчике встречается поперечное сплошное лощение. Цвет внешней поверхности коричневый. По глине эти сосуды относятся к изделиям второй группы. По-видимому, не имели широкого распространения.

Кувшины (Рис. 119-121). Фрагменты кувшинов составляют около половины общего количества лощеной керамики Фанагории. Делятся на типы по высоте горла и форме тулова. Дополнительными признаками являются количество и форма ручек. Подавляющее большинство кувшинов имеет слив или носик, за исключением единичных экземпляров.

Тип 1. Наиболее многочисленный. Это кувшины с высоким, 10 см и более, довольно узким горлом и яйцевидным или округлым туловом (Рис. 119.1-2). Диаметр венчиков от 7,5 до 11,5 см. Диаметр дна от 6,5 до 12 см. Переход от стенок к дну или резкий – под углом, или более плавных очертаний. В одном случае в месте перехода – выступающий наружу уступ (Рис. 119.3-4). Характерной особенностью этого типа кувшинов являются желобки в месте перехода от горла к тулову. Количество их колеблется от двух до шести, но, в основном, их бывает четыре-пять. Все сосуды имеют как правило слив или носик. Ручки высокие, округлые или овальные в профиле. Встречаются кувшины, у которых в месте прикрепления ручки к верхней части горла имеется выступ. Иногда ручки украшены поперечными лощеными полосами, но чаще встречается сплошное продольное лощение. Горло кувшинов типа 1 бывает залощено сплошь, тулово также украшено сплошным лощением или имеет лощение в виде косой сетки (Рис. 119.1). Единственный раз встречено лощение горизонтальными полосами. На дне кувшинов типа 1 встречены клейма в виде круга, разделенного на пять секторов, и квадрата. Цвет поверхности кувшинов черный или серый, реже – светло и темно-коричневый, бело-серый, оранжево-красный. По глине относятся к изделиям первой – третьей групп. Аналогичные сосуды известны на Таманском городище (Чхаидзе, 2008а, с. 195-198, тип А, рис. 110.1-7), в Кепях (Чхаидзе, 2006б, с. 493, рис.10.10-13), на сельских памятниках в Восточном

Крыму (Майко, 2004а, с. 194, тип Ia, рис. 107.3; Пономарев, 2007, с. 242, рис. 2.1, 4; Зинько, Пономарев, 2008, с. 425, рис. 4.28; 2009, с. 65, тип 2, рис. 49.4).

Необходимо отметить происходящую с раскопа «Берег» 1989 г., из ямы, единственную известную на городище стенку лощеного кувшина с врезным орнаментом в виде узора из квадратов, параллельных линий и кружков (Рис. 114.16). Прямые аналогии этой керамике – кувшинам на низком округлом тулове, с широким горлом и покатою ручкой – известны в Саркеле (Плетнёва, 1959, с. 42, рис. 24.10; Якобсон, 1979, с. 80, рис. 49.3), и на целом ряде памятников Крыма (Якобсон, 1979, с. 80, рис. 49.2; Талис, 1982, с. 63; Баранов, 1990, рис. 35.5; Baranov, 1990, p. 40, taf. 7.5; Сазанов, 1998, с. 57, рис. III.20; Айбабин, 1999, с. 222, рис. 87.6; Баранов, Майко, 1999, с. 289, рис. 1.2-3, 9; Майко, 2001а, с. 208-211, рис. 1.1-11; Майко, Сударев, 2010, с. 432-433; Наследие... 2011, с. 326, 616, № 387). Аналогичные сосуды встречены на Таманском городище (Чхаидзе, 2008а, с. 198, рис. 110.8-10) и в погребении у поселка “За Родину” (Майко, Сударев, 2010, с. 430, рис. 4). Также такие кувшины отмечены в Поднепровье (Довженко и др., 1966, табл. XII.3), Румынии (Comşa, 1967, p. 167, 170, fig. 104.11-16) и Болгарии (Тотев, Пелевина, 2009, с. 47, рис. 12.1). Датировка этих сосудов соответствует 30-м–40-м гг. X – второй половине XI вв. (Сазанов, 1994, с. 57). А.Л. Якобсон связал такие кувшины с Приазовьем или Северным Кавказом (Якобсон, 1979, с. 83). По мнению В.В. Майко, неоднократно обращавшемуся к этим сосудам, истоки подобного орнамента находятся на территории Северного Кавказа (Баранов, Майко, 1999, с. 287), а производство кувшинов может быть связано с территорией Юго-Восточного Крыма (Майко, 2001а, с. 212).

Тип 2. Кувшины с высоким, но более широким горлом и яйцевидным туловом (Рис. 119.7). Они также имеют от одного до четырех желобков в месте перехода от горла к плечикам. Желобки иногда встречаются и в нижней части тулова. Количество ручек, овальных в профиле, колеблется от одной до трех. Причем, в последнем случае две дополнительные ручки расположены по бокам в средней части тулова¹⁶ (Рис. 119.6). Обычно горло и ручки кувшинов покрыты сплошным блестящим лощением, а тулово украшено вертикальными полосами или косой сеткой. Реже попадаются комбинации косой сетки и сплошного лощения или вертикальных линий и спускающейся вниз волны (Рис. 119.8-9). Цвет поверхности кувшинов черный, реже – темно-серый. По глине относятся к изделиям первой и второй группы. Количество находок невелико по сравнению с кувшинами типа 1. Аналогичные кувшины известны на Таманском городище (Чхаидзе, 2008а, с. 198, тип Б, рис. 111), на сельских поселениях в Крыму (Баранов, 1990, с. 101, рис. 35.1-4; Baranov, 1990, s. 40, taf. 7.1-4; Айбабин, 1999, с. 222, рис. 87.2; 2000, с. 170, 173, рис. 3.11; Зинько, Пономарев, 2006, с. 533, рис. 3.1).

Тип 3 (Рис. 119.10-12). Кувшины с высоким горлом и двуствольной ручкой. Ручка имеет волнообразный ленточный налп в месте прикрепления к верхней части горла. Горло и тулово украшено вертикальными лощеными полосами. По плечикам идет горизонтальная лощеная полоса. Цвет поверхности серый. По глине относятся ко второй группе. К подобного рода

¹⁶ Близкой формы кувшин происходит с Кордон-Обы в Крыму (Баранов, 1990, с. 101, рис. 35.7).

кувшинам относится трехствольная ручка с витым средним стволом (Рис. 119.12). Находки таких кувшинов единичны.

Тип 4. Кувшины с высоким горлом. Так как целых сосудов не восстановлено, ничего нельзя сказать о форме тулова (Рис. 119.13-25). Похожи на кувшины типа 1, но есть и отличия, позволяющие выделить их в отдельный тип. Прежде всего – цвет поверхности. Он варьирует от темно-коричневого до светло-коричневого, хотя изредка попадаются экземпляры с серой поверхностью. Кроме того, большая часть фрагментов этих кувшинов покрыта светлым ангобом, по которому затем нанесено лощение. Лощение обычно не такое аккуратное, как на кувшинах типа 1. Чаще всего это вертикальные полосы, реже – сплошное поперечное лощение. Стенка одного из сосудов украшена выступающим валиком с овальными вмятинами по верхнему краю (Рис. 119.21). Ручки кувшинов, хотя и высокие, но в профиле почти всегда уплощенно-овальные с одним или двумя желобками, чего не встречается у кувшинов типа 1 (Рис. 119.17-19, 22-25). Большинство кувшинов имело слив или носик, в одном случае даже в виде широкого выступающего желоба (Рис. 119.20), но встречаются экземпляры и вовсе без него, что совершенно не характерно для кувшинов типа 1 (Рис. 119.19). Диаметр венчиков колеблется от 7,5 до 10,5 см. Стенка толщиной до 1,0 см. Также характерным является отсутствие желобков в месте перехода от горла к плечикам. По глине кувшины типа 4 относятся к изделиям первой и второй группы. Обжиг сосудов неровный, в центре всегда видна не прокаленная полоса. Количество фрагментов кувшинов типа 4 незначительно – два-три десятка.

Тип 5. Кувшины с коротким, от 3,3 до 6,0 см горлом и приземистым широким туловом (Рис. 120.1-15). Диаметр венчиков 8,0-11 см. Диаметр дна – 9,0-17 см. Цвет поверхности серый и черный, есть экземпляры желтого и коричневого цветов. Ручки у кувшинов калачевидной формы, овальные или сильно уплощенные в разрезе. В половине случаев они украшены поперечными лощеными полосами. В месте перехода от горла к плечикам от одного до трех желобков. Иногда желобки отсутствуют. Некоторые кувшины залощены сплошь, но чаще орнамент более разнообразен. При этом тулово сосуда бывает разделено на несколько зон глубокими желобками в нижней и верхней части сосуда. На плечиках встречаются комбинации из заштрихованных треугольников, сетки, косых линий, кругов, волны (Рис. 120.1, 4-5, 7-8, 10, 12). Есть сочетания сетчатого, сплошного и кругового орнамента (Рис. 120.6, 9). Остальная поверхность большей частью залощена сплошь или имеет вертикальные полосы, иногда в сочетании с сетчатым орнаментом. Кувшины сделаны из глины первой, второй, редко четвертой групп.

Такой кувшин происходит с раскопа «Верхний город» 2008 г. (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 418, рис. 33.3). Еще один кувшин известен на поселении Батарейка I (Сокольский, 1963а, с. 190, рис. 8.4). Ряд сосудов отмечен на Таманском городище (Чхаидзе, 2008а, с. 198-199, рис. 112). Встречены и на сельских поселениях в Восточном Крыму (Гадло, 1968б, с. 79, рис. 19в; Баранов, 1990, с. 101; Пономарев, 2007, с. 241-242; Зинько, Пономарев, 2008, с. 425, рис. 4.29-30; 2009, с. 65, тип 1, рис. 120), в степном массиве (Красильников, 2009, с. 105, рис. 2).

Тип 6 (Рис. 120.16-17). Небольшие кувшины с довольно высоким горлом и округлым или яйцевидным туловом, стоящим на невысоком, но ярко выраженном поддоне диаметром 6,5-9,0 см. В нашем распоряжении всего несколько фрагментов, относящихся к двум сосудам. Верхней части венцов и ручек не сохранилось, поэтому мы не можем сказать какие они были и были ли вообще. Цвет кувшинов от серого до светло-коричневого. На внешней поверхности одного из них сохранились остатки светлого ангоба. Тулово сосудов орнаментировано неаккуратными косыми лощеными полосами. У перехода стенок в поддон – пролощенная полоса. Плечики одного из сосудов украшены грубыми и кривыми горизонтальными желобками. Обжиг сосудов неровный, в середине видна непрокаленная полоса. По глине относятся к изделиям второй группы.

Тип 7. Низкогорлые кувшинчики с округлым туловом и плоским дном (Рис. 120.18). Диаметр венчика и дна 7,7 см (Рис. 120.19). По всей видимости, к ним относятся высокие массивные ручки, овальные в профиле, с выступом-шишечкой в верхней части (Рис. 120.20). Кувшинчики, имеющие натуральный светло-коричневый цвет, покрыты светлым ангобом и сплошь залощены. Обжиг их производился при невысокой температуре, так как в центре сохранилась непрокаленная полоса. По глине относятся к изделиям первой группы. Количество найденных фрагментов очень мало и измеряется единицами. При этом встречены фрагменты кувшинов больших размеров с диаметром дна до 13 см.

Целый ряд фрагментов кувшинов затруднительно соотнести с каким-либо типом (Рис. 121).

Кружки и кубышки (Рис. 122). Названия условны. В.С. Флёровым представлена их типология, разработанная на основе находок памятников салтово-маяцкой культуры (Флёров, 2001, с. 167-172, рис. 9-11). Представленные ниже типы 1 и 5 (по А.Г. Атавину) находят аналогии среди типов I-VIII кубышек (по В.С. Флёрову). Аналогии также встречены на Таманском городище (Чхаидзе, 2008а, с. 198-199, тип В, рис. 112), поселении Артющенко I (Виноградов, 2002, с. 78, рис. 3.6), на плато Тепсень (Майко, 2004а, с. 194, тип Iб, рис. 107.1-2), на степных салтово-маяцких городищах и поселениях (Красильников, 2009, с. 109-116, рис. 10-14, 17-18).

Количество фрагментов кружек и кубышек в Фанагории невелико – около четырех десятков но, тем не менее, их можно разделить на несколько типов. За основу деления берутся размеры и форма тулова, наличие или отсутствие ручек, их вид. Отдельные типы за неимением целых форм выделены по глине.

Тип 1 (Рис. 122.1-2). Кубышки с округлым туловом и чуть отогнутым венчиком (около 15°). Ручек по всей видимости у сосудов этого типа не было. Переход от горла к плечикам подчеркнут горизонтальным желобком. Диаметр венчиков 8,0-9,0 см. Толщина стенок 0,4-0,5 см. Цвет поверхности серый. Орнаментированы вертикальным сплошным лощением. По глине относятся к изделиям первой группы. Находки подобных сосудов единичны.

Тип 2 (Рис. 122.3-6). Кружки с округлым туловом и с петлевидной, уплощенной в профиле ручкой. Форма венчика неизвестна. По плечикам

и в нижней части тулова – горизонтальные желобки, внешняя поверхность залощена сплошь. Цвет черепка черный или серый. Возможно, что к подобного рода сосудам относятся уплощенные в профиле ручки с желобком на внешней стороне. По глине кружки типа 2 относятся к изделиям первой и второй групп. Аналогичная кружка известна на городище Тиритака (Пономарев, 2007, с. 242-243; Зинько, Пономарев, 2009, с. 66, рис. 9).

Тип 3 (Рис. 122.7-9). Кружки с округлым туловом и зооморфной ручкой, прямоугольной в разрезе. Форма венчика неизвестна. Горло довольно высокое и отделено от плечиков тремя глубокими и узкими пролощенными желобками. Тулово украшено полосами вертикального лощения. Цвет поверхности красный или черный. По глине относятся к изделиям первых двух групп. Хотя среди лощеной керамики известно много сосудов с зооморфной ручкой, прямых аналогий типу 3 не найдено.

Тип 4. Большие кружки с округлым, чуть приземистым туловом (Рис. 122.10). Венчик не сохранился. Диаметр дна около 15 см, толщина стенок 0,7-0,8 см. Ручка у сосудов в виде петельки, треугольная в разрезе (Рис. 122.11). Горло от плечиков отделяют три глубоких желобка с неаккуратным лощением в виде елочки. В нижней части тулова также два глубоких желобка, под ними – вертикальные полосы лощения. Тулово сосудов залощено сплошь. Цвет поверхности желтый. По глине относятся к изделиям второй группы. Все найденные фрагменты относятся к одному сосуду.

Тип 5 (Рис. 122.12-16). Кружки с широким и приземистым туловом и воронкообразным горлом. Имеют высокие круглые или уплощенные ручки, на некоторых экземплярах, судя по аналогиям, зооморфные. Обломки кружек типа 5 преобладают среди находок подобного рода в Фанагории. Диаметр дна их от 6,0 до 10,5 см. Толщина стенок 0,4-0,7 мм. Как правило, имеют один или два желобка, отделяющие нижнюю часть тулова от остального сосуда, и желобки или валик в месте перехода от горла к плечикам. Чаще всего тулово украшено сетчатым орнаментом, реже – косыми или вертикальными полосами, сплошным лощением. Цвет поверхности серый, черный, коричневый, иногда – красный. На дне одной из кружек встречено клеймо в виде круга с крестом.

Тип 6 (Рис. 122.17). Выделен условно, так как нет более или менее крупных фрагментов, позволяющих судить о форме сосуда. Вероятно, это небольшие сосуды с округлым или приземистым туловом. Отличает их от остальных типов глина. Они сделаны из глины пятой группы, больше всего похожей на малоазийскую. Внешняя поверхность сосудов коричневая или светло-коричневая и покрыта ангобом того же цвета. Лощение сплошное или тонкими горизонтальными и вертикальными полосами. Встречаются горизонтальные желобки, подчеркивающие переход от горла к плечикам. Количество фрагментов этой посуды крайне незначительно.

Миски, чаши, блюда, тазы (Рис. 123). Термины условны. Представлены повсеместно на салтово-маяцких памятниках (Флёров, 2001, с. 166, рис. 1). В Фанагории встречено два десятка фрагментов. Типы выделяются по размерам и форме тулова. Дополнительным признаком является профилировка

венчиков.

Тип 1 (Рис. 123.1-6). Количественно преобладает среди всех типов. Это небольшие по размерам миски с отогнутым наружу краем венчика и прямыми стенками, которые на середине высоты после резкого перегиба поворачивают к дну. Диаметр венчика 17-19 см. Диаметр дна 6,0-10 см. Часть экземпляров была покрыта светлым ангобом (его следы видны снаружи на нескольких венчиках). Поверхность серого или красного цвета, у ангобированных экземпляров – коричневая. Часть мисок делалась из белой глины. Характерной особенностью этого типа являются прямые и волнообразные лощеные линии на внутренней поверхности, сходящиеся к центру. В редких случаях лощился верхний обрез венчика. Внешняя поверхность не залощена, хотя встречаются фрагменты мисок со сплошным лощением снаружи. По форме миски типа 1 напоминают отдельные типы краснолаковой посуды, от которой, в конечном счете, ведут свое происхождение. По глине относятся к изделиям второй и третьей группы. Аналогичные миски встречены на Дмитриевском могильнике (Флёров, 2001, с. 163, рис. 5.26-27). Такая миска обнаружена на поселении Героевка-2 в Восточном Крыму (Зинько, Пономарев, 2005, с. 413, рис. 6.7; Пономарев, 2007, с. 243). Две близкие по форме миски известны на Таманском городище (Плетнёва, 1963, с. 46, рис. 26.8-9; Флёров, 2001, с. 165, рис. 5.29-30; Чхаидзе, 2008а, с. 200, рис. 116.4-5).

Тип 2 (Рис. 123.7-11). Большие или маленькие миски с прямыми или расходящимися вниз стенками. У одного экземпляра стенки после резкого перегиба поворачивают к дну, как у типа 1. По форме венчиков можно выделить несколько подтипов: подтип а – с отогнутым наружу краем венчика, как у типа 1; подтип б – с утолщенным чуть отогнутым венчиком; подтип в – с прямым венчиком, выступающим наружу и виде валика. Диаметр венчиков от 11 до 28 см. Лощение обычно сплошное внутри и снаружи или только снаружи. На внешней, редко – на внутренней поверхности встречаются также вертикальные лощеные полосы. Аналогий типу 2 не найдено. Возможно, что свое происхождение эти сосуды ведут от античных образцов. По глине относятся к изделиям второй и четвертой групп. По количеству фрагментов стоят на втором месте после типа 1. Аналогии этим мискам известны на некоторых памятниках в Подонье и на Таманском городище (Флёров, 2001, с. 161-162, рис. 2.1-4; Чхаидзе, 2008а, с. 200, рис. 116.1-3).

Тип 3 (Рис. 123.12). Большие миски с чуть отогнутым наружу краем венчика и полукруглыми стенками плавно изгибающимися в сторону дна. Диаметр венчиков от 20 до 24 см. Диаметр дна 10 см и более. Толщина стенок до 0,8 см. Цвет поверхности от серого до коричневого. Залощены сплошь снаружи и изнутри. По количеству фрагментов на третьем месте после первых двух типов.

Тип 4 (Рис. 123.13) представлен единичными находками. Это маленькие мисочки с расходящимися наружу стенками. Цвет поверхности коричневый, лощение не сплошное, но очень аккуратное. Сделаны из глины пятой группы. По форме похожи на позднеантичные краснолаковые миски (Флёров, 2001, с. 162, рис. 2.5) (Рис. 123.14).

Тип 5 (Рис. 123.15). Единственная и небольшая тонкостенная мисочка с загнутым внутрь венчиком. Диаметр венчика 17 см. Характерной особенностью является наличие ребра в верхней трети миски, после которого стенки поворачивают к дну. Мисочка залощена сплошь снаружи и изнутри. На внутренней поверхности есть еще вертикальные и горизонтальные лощеные полосы. Обжиг неровный, внутри не прокаленная полоса. Цвет поверхности черный. По глине сосуд относится к изделиям второй групп. Аналогичные, пиалообразные сосуды известны на Северском Донце, в Северном Приазовье, на Нижнем Дону (Флёров, 2001, с. 162, рис. 3). Миска бóльших размеров обнаружена в 1954 г. в Фанагории (Флёров, 2001, рис. 3.16) (Рис. 123.16).

Тип 6 (Рис. 123.17). Крупная миска с полукруглым, приземистым туловом. Край венчика загибается внутрь, диаметр его 31 см, толщина стенок 0,6-0,8 см. Миска орнаментирована двумя глубокими горизонтальными каннелюрами. Цвет поверхности темно-серый. По глине сосуд относится к изделиям второй группы. Обжиг неровный, внутри непрокаленная полоса. Лощеные миски с загнутым внутрь венчиком известны в Саркеле и на Дмитриевском могильнике (Флёров, 2001, с. 162, рис. 2.6-9). Миски с каннелюрами, но других форм известны близ Салтовского городища и с поселений на севере Таганрогского залива (Флёров, 2001, с. 165, рис. 7.37-39).

Тип 7 (Рис. 123.18). Крупная миска или тазик с туловом, имеющим на середине высоты ребро, с резко отогнутым наружу полочковидным венчиком, край которого загибается вверх. Венчик явно приспособлен для крышки. Его диаметр его 41 см. Стенки толстые, 0,8-1,0 см, чуть расходящиеся вниз и после резкого перегиба поворачивающие к дну. Поверхность черного цвета, снаружи залощена сплошь, а изнутри широкими горизонтальными полосами. Глина третьей группы с большим количеством песка.

Тип 8 (Рис. 123.19). Приземистая широкодонная миска диаметром 22 см. Венчик имел ложбинку, которая могла предназначаться для крышки. Также в стенке присутствовало сквозное отверстие, вероятнее всего, будучи не единственным, оно предназначалось для процеживания (Флёров, 2001, с. 162, рис. 2.11).

Тип 9 (Рис. 123.20-22). Три фрагмента венчиков двух небольших сосудов и одной миски с заостренным венчиком. Происходят с раскопа «Центральный» 1970 г. Относятся ли эти фрагменты к слою VIII в. или происходят из перекопов – сказать трудно (Флёров, 2001, с. 166, рис. 8.45-47).

Следует отметить и единственный фрагмент стенки крупной миски или, скорее, чаши с черной лощеной поверхностью. Орнаментирован фрагмент косыми широкими желобками. Вероятно, орнамент имитирует поверхность металлического сосуда типа круглой чаши ритуального назначения.

Пифосы (Рис. 124). Фрагменты лощеных пифосов встречаются в Фанагории не часто. А.Г. Атвиным исследовано чуть более пятидесяти фрагментов этих сосудов, из них большая часть – стенки, которые трудно отнести к тому или иному типу. Типы выделяются по ширине горла и профилю венчика. Дополнительными признаками являются орнаментация, наличие или отсутствие дополнительных деталей (ручек, венчиков, желобков), ангоб и цвет внешней поверхности сосудов. Аналогичные сосуды известны в Тама-

тархе (Чхаидзе, 2008а, с. 199, тип Д), Кепях (Чхаидзе, 2006б, с. 493, рис. 0.8), поселении Артющенко I (Виноградов, 2002, с. 80, рис. 5.1-3). Близкие формы встречены на салтово-маяцких поселениях в Восточном Крыму (Баранов, 1990, с. 101, рис. 35.6, 9; Зинько, Пономарев, 2000, с. 189, рис. 6.21; 2001, с. 153, рис. 4.3; 2005, с. 413, рис. 6.4; 2009, с. 65-66, рис. 82; Майко, 2000а, с. 107, рис. 6.12; 2004а, с. 194, тип IV, рис. 107.12; Пономарев, 2007, с. 241, рис. 1.1-3).

Тип 1 (Рис. 124.1). Широкогорлые тонкостенные пифосы с резко отогнутым наружу и косо срезанным с внешнего края венчиком. Венчик имеет утолщение изнутри и снаружи. Диаметр венчика 21 см. Толщина стенок 0,6 см. На плечиках два горизонтальных желобка, от которых вниз идут зоны вертикального сплошного лощения, перемежающиеся с вертикальными полосами. Цвет поверхности сосудов серый и черный. По глине пифосы относятся к изделиям второй группы.

Тип 2 (Рис. 124.2-5). Широкогорлые толстостенные пифосы с полочковидным, чуть отогнутым наружу краем венчика. Диаметр венчика 26,7 см. Толщина стенок 0,9-1,1 см. Цвет поверхности красный, но в дополнение покрыт слоем бело-желтого ангоба. По плечикам пифосы орнаментированы горизонтальной лощеной полосой, от которой вниз спускаются вертикальные полосы и волны. По глине изделия относятся ко второй группе.

Тип 3 (Рис. 123.6-7). Широкогорлые (диаметр 19,5-26,6 см) пифосы с чуть отогнутым наружу плоским сверху венчиком, имеющим закраину на внутренней стороне. Стенки толщиной 0,8-0,9 см. Орнаментированы сплошным горизонтальным или косым лощением. Цвет поверхности серо-оранжевый или коричневый. По глине пифосы относятся к изделиям второй группы.

Тип 4. Узкогорлые небольшие пифосы с рельсовидным, чуть отогнутым и плоским сверху венчиком (Рис. 123.8, 10). Диаметр венчика 17 см и более. Стенки тонкие – 0,5 см. К этому типу относится довольно большое число стенок с валиками и тонкими полосами вертикального лощения (Рис. 123.9). Цвет поверхности обычно бело-серый. По глине пифосы относятся к изделиям первых двух групп.

Тип 5 (Рис. 123.11). Широкогорлые пифосы с резко отогнутым наружу, напоминающим отложной воротничок венчиком. Диаметр венчика 22 см, толщина стенок 0,8-0,9 см. Край венчика украшен небольшими круглыми вдавлениями, под ним идет орнамент в виде наложенных друг на друга неправильных волн. К такого рода пифосам относятся также стенки с горизонтальными и вертикальными валиками и орнаментом из лощеных полосок. Цвет поверхности светло-серый или бело-серый. По глине это изделия первых двух групп. У пифосов типов 4 и 5 прослеживается определенная связь с корчагами типа 2.

Тип 6. Встречено лишь два фрагмента венчика (Рис. 123.12). Они относятся к широкогорлым и тонкостенным (0,5-0,6 см) сосудам, которые пифосами можно назвать довольно условно. Диаметр горла 28 см. Край венчика сильно отогнут наружу. Внешняя поверхность украшена аккуратными вертикальными полосами лощения. Цвет поверхности коричневый. Венчик выполнен из глины пятой группы.

Вышеописанными сосудами не исчерпываются все типы лощеных пифосов Фанагории. Встречаются еще стенки из черного песчанистого теста с неглубокими и широкими желобками и сплошным лощением. Желобки и лощение грубые и неаккуратные. Настоящая форма этих сосудов неизвестна (Атавин, 1992, табл. 1).

Целый ряд стенок лощеной посуды не может быть соотнесен с какой-либо категорией керамики (Рис. 125).

Аналогии с керамикой салтово-маяцкой культуры имеют кувшины типов 1, 2 и 5, кружки 1, 2, 5 типов, миски типов 1 и 3 (Плетнёва, 1959, с. 214, 218, рис. 1.4, 7.7; Flerov, 1990, s. 121-123, taf. 4, 5). Прямых аналогий горшкам типов 2, 4 к 6, корчагам 1 типа, кувшинам типов 2 и 3, кружкам 3 и 4 типов, мискам типа 2 и пифосам 1, 2 и 3 типов не найдено, но находки их фрагментов в одном слое совместно с салтовской лощеной керамикой, схожесть орнаментации и глины изделий, заставляют отнести данные типы к лощеной салтовской посуде второй половины VII – начала X вв.

Среди средневековой лощеной керамики из Фанагории раннесредневекового времени наиболее поздней, по аналогии с Таматархой, можно считать посуду с коричневой или оранжево-красной поверхностью. Особенно это касается некоторых горшков типа 1, корчаг типов 2 и 3, кувшинов 1 и 5 типов, кружек типов 4, 5, фрагменты которых найдены в самых верхних пластах раскопа «Береговой Стратиграфический». К раннему средневековью относятся и лощеные изделия из малоазийской глины (по мнению А.Г. Атавина). Фрагменты их составляют доли процента среди материалов второй половины VII – начала X вв. из Фанагории (горшки типа 4, кружки типа 6, миски типа 4, пифосы типа 6). Два фрагмента ручек кувшинов (Рис. 114.17-18) также относятся к ранней лощеной керамике. Фрагмент ручки с налепом в виде двустороннего завитка (стилизованные рога) имеет аналогию в Таматархе (Чхаидзе, 2008а, с. 195, рис. 109).

Остальные лощеные кувшины (типы 4, 6, 7), миски (типы 5-7), пифосы (типы 4, 5) значительно отличаются от вышеописанной посуды салтово-маяцкой культуры. Различия прослеживаются в форме, цвете внешней поверхности (часто покрытой светлым ангобом), характере лощения. Стратиграфические наблюдения за распространением этой керамики показывают, что пик ее бытования приходится на слой, где она встречена совместно с амфорами V–VI вв. и краснолаковой керамикой конца V–VI вв. (Атавин, 1993, с. 161, 167, 170). На раскопе «Береговой Стратиграфический» подобная лощеная керамика встречена в слое пожара второй четверти VI в. Пифосы типов 4 и 5 имеют полные аналогии в одновременных слоях Ильичевского городища на северо-западном берегу Таманского полуострова (Николаева, 1983, с. 114-115, типы III-IV, рис. 3.3, 4). Все это позволяет датировать подобную керамику из Фанагории в пределах V–VI вв.

Заканчивая описание лощеной керамики, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, вся лощеная керамика из раскопок средневековых слоев Фанагории не одновременна. Абсолютное большинство ее относится к раннему средневековью. Ассортимент керамики второй половины VII – начала X вв. весьма разнообразен: горшки, кувшины, кружки, кубышки, миски и

пифосы. Наиболее полные аналогии можно найти в керамических комплексах Таматархи и Саркела. Во-вторых, удалось выявить раннесредневековую лощеную импортную (из Малой Азии) керамику. Количество фрагментов и разнообразие форм невелико, что говорит о незначительности импорта. В-третьих, выделена более ранняя лощеная посуда V–VI вв. Ее ассортимент гораздо беднее: кувшины, миски, пифосы. Раннесредневековые лощеные сосуды связаны с ранней лощеной посудой III–IV вв., фрагменты которой встречаются в Фанагории (Кругликова, 1954, с. 110-112, табл. IV.4-7)¹⁷.

Поливная монохромная керамика (Рис. 126) представлена всего 16 фрагментами, светлоглиняными и красноглиняными, с различными оттенками глазури (светлым, зеленым, бурым). Орнамент выполнен простыми врезными линиями или отсутствует вовсе. Все фрагменты происходят из верхних слоев городища, относятся к XVI–XVIII вв. (ср.: Кропоткин, 1957, с. 38; Атавин, 1984, с. 107) и связаны с поселком османского времени, существовавшим на месте Фанагории. Об этом свидетельствуют и данные стратиграфии – все фрагменты происходят из верхних штыков раскопов «Береговой стратиграфический» и «Берег» (Табл. 1, 5).

Венчик чаши (глина светло-красная), с внешней стороны отмеченный рядом насечек и покрытый темно-зеленой глазурью (Рис. 126.1). Такие чаши мели высокий поддон.

Венчик чаши и стенка (глина светло-красная), покрытые светло-зеленой глазурью со светло-желтыми разводами (Рис. 126.2-3).

Венчик из светлой глины, со светлой глазурью и светло-зеленым орнаментом (Рис. 126.4).

Фрагмент тулова кувшинчика с ручкой, покрытый светло-зеленой глазурью (Рис. 126.5). Диаметр ручки 23×17 мм.

Нижняя часть тарелки из красной глины, покрытой темно-зеленой глазурью (Рис. 126.6).

Стенки и донце красноглиняного сосуда, покрытого темно-коричневой глазурью (Рис. 126.7, 9, 15).

Венчики красноглиняных ойнохоевидных кувшинчиков, покрытые зеленой глазурью (Рис. 126.8, 12). Венчик и ручка, покрытые аналогичной глазурью (Рис. 126.11, 13).

Стенка фаянсовой белоглиняной чашки, с синей росписью (Рис. 126.10), вероятно, производства Изника XVI в. («Iznik Ware») (Hayes, 1992, p. 244-247; Findik, 2007, p. 531-539; ср.: Герцен, Науменко, 2005, с. 264, рис. 23.1-5; Волков, 2006, с. 481-482; Arthur, 2007, p.249, fig. 7-8; Kontogiannis, Arvaniti, 2007, p. 358-359, fig. 9b; Плетнёв, 2007, с. 90-92, рис. 1-3; Майко, Алядинова, 2011, с. 233-234; и др.).

Донце сосуда и стенка, глина светло-красная, изнутри – покрытие светлой глазурью (Рис. 126.14, 16).

Аналогичная монохромная керамика встречена в поздних слоях Таман-

¹⁷ С.А. Плетнёва первой обратила на это внимание, приведя в пример лощеный кувшинчик, найденный в 1950 г. в одном из погребений III–IV вв. на раскопе «Холм И» (восточный некрополь Фанагории) (Кругликова, 1954, с. 112, табл. IV.7). С.А. Плетнёва “по инвентарю” отнесла это погребение к VII в. (Плетнёва, 1963, с. 42, сноска 42). Впоследствии эта датировка была повторена (Захаров, 2002, с. 143). Между тем, обнаруженные в погребении стеклянные бусы и пряжка, так же как и сам кувшинчик относятся именно к III–IV вв. (Марченко, 1956а, с. 126-127, рис. 5.16, 21).

ского городища (Макарова, 1963, с. 93; Финогенова, 1987, с. 207-208, рис. 10). Также представлена на Мангупе (Герцен, Науменко, 2005, с. 263-264, рис. 21-22; 2006, с. 397-398, рис. 6, 8.4).

Византийская поливная посуда середины IX – начала XI вв., изготовленная из белой или розовой каолиновой глины (ср.: Чхаидзе, 2008а, с. 201-204) в Фанагории пока не встречена.

Светильники (Рис. 127-128).

Выделяется два типа светильников (ср.: Плетнева, 1963, с. 60-62, рис. 38; Красильников, 1999, с. 176, рис. 10.1-5).

Тип А – лепные и реже гончарные, в виде открытой чаши или «сапожка» с двумя отверстиями для масла и фитиля (Рис. 127). Такие светильники простой и устойчивой формы, имеют античную традицию (Сорочан, 1999, с. 102-106) и распространены весь средневековый период. Представительная коллекция светильников происходит из Саркела–Белой Вежи (Плетнева, 1959, с. 218, 253, рис. 7.8, 38.1-6, 39, 52; 2006, с. 227-228, рис. 76). Известны на Таманском городище (Коровина, 2002, с. 118, табл. 18.15-17; Чхаидзе, 2008а, с. 206, рис. 120.1-4), Ильичевском городище (Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154, табл. 62.14, 16), поселении Батарейка II (Долгоруков, 1967, с. 120, рис. 47.1).

С раскопа «Город А» 1939 г. происходит светильник, изготовленный из темно-бурой глины (Рис. 127.1), который, по мнению автора раскопок, относится к раннесредневековому времени (найден в слое V–VI вв.) и имеет местное происхождение (Пятышева, 1960, с. 115, рис. 3.6).

Еще один лепной светильник с раскопа «Юго-Западный» 1973 г. изготовленный из черной глины (Рис. 127.12) из-за неверной датировки слоя был отнесен к IV в. (Кобылина, 1978, с. 35, рис. 3.1).

Интересными находками с раскопа «Береговой Стратиграфический», являются два позднеантичных светильника: один – с клеймом на дне в виде литер “IF” (или наоборот) (Рис. 127.17), второй светильник – с орнаментом на дне и штампом в виде миниатюрной ступни (Рис. 127.20). Знак ступни связан с представлениями о душе человека, находящейся в стопе. Аналогии такому штампу в Фанагории известны с античного периода (см.: Шавырина, 2010, с. 417, рис. 5). Такие светильники с клеймом в виде ступни (*planta pedis*) встречены в Херсонесе, они имеют Малоазийское происхождение (о Самос и Эфес) и датируются IV в. (Кадеев, 1969, с. 161-162; Залеская, 2006, с. 160-161, 193-194, №№ 314-317, 429-430).

Два фрагмента светильников имели маленькие ручки-петельки (Рис. 127.14-15).

Тип Б – на ножке (Рис. 128). Известны как лепные, так и гончарные светильники. Ножка обычно округлая, но иногда квадратной формы, с орнаментом (Рис. 128.6, 10) или волнистая (Рис. 128.3) – светильник позднеантичный (ср.: Рис. 128.9 (Кобылина, 1966а, с. 185, рис. 9.4-5)).

Эти светильники имеют позднеримскую традицию (Сорочан, 2005а, с. 248; см.: Книпович, Славин, 1941, с. 50, рис. 71). В раннесредневековое время они имели широкое распространение в Причерноморье (Чхаидзе, 2008а, с. 208), распространяясь далее на север, в частности, в Саркел–Белую Вежу

(Плетнёва, 1959, с. 224-225, 253, рис. 11.1-5, 38.7-11, 52; 2006, с. 228, рис. 77), примером чему служит находка подобного светильника, датированного концом IX в. на Рюриковом городище (Плохов, 2009, с. 207-209, рис. 1-2).

Светильники на ножке имели широкое распространение в Византии (Frantz, 1938, p. 465, E1, fig. 29; Rice, 1958, p. 111, fig 24.A-B; Peschlow, 1978, p. 404, 409, abb. 11.99-100, 17.119, taf. 140.2, 4, 142.6; Hayes, 1992, fig. 21.18). В том числе использовались для освещения в церквях (Чангова, 1966, с. 40, обр. 8).

В позднеантичное время такие светильники изготавливались в Фанагории, что зафиксировано в двух печах и двух развалах печей IV в., раскопанных в 1964 г. на раскопе «Керамик» (Кобылина, 1966а, с. 178, 185, рис. 9).

Представительная коллекция светильников на ножке происходит с Таманского городища (Коровина, 2002, с. 118, табл. 18.18; Чхаидзе, 2008а, с. 208, рис. 120.5-13). Они встречены на Ильичевском городище (Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154, табл. 62.13, 15), поселении Батарейка II (Долгоруков, 1967, с. 120-121, рис. 47.2, 4, 5).

Светильники на ножке, в том числе многоярусные (люстры) имеют римско-византийское происхождение (Якобсон, 1979, с. 83, рис. 50.4-6), на востоке были распространены одноярусные светильники с вытянутым носиком, для фитиля. В Средней Азии и Иране их называли «чираг» (Коваль, 2010, с. 178).

Строительная керамика. Керамические строительные материалы являются одним из наиболее массовых видов продукции гончаров и археологических находок на средневековых городищах Северного Причерноморья.

Из раскопок Фанагории происходит достаточно большое количество черепицы (только на раскопе «Береговой Стратиграфический выявлено» 2293 фрагмента (Табл. 1)). Однако, в рассмотренной нами коллекции черепица (керамиды) представлена лишь 14 фрагментами. При этом, так же как и на Таманском городище, калиптеры – полукруглые черепицы, перекрывающие стыки между керамидами, не встречены (Чхаидзе, 2008а, с. 208).

На городище известны находки 14 черепиц с рельефным клеймом, представляющим греческую надпись (имя) перевернутую зеркально: ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ. Две таких черепицы (размерами 34×25 см) известны из раскопок 1859 г. (Рис. 129.1) (Гёрц, 1870, с. 78; Придик, 1917, с. 130, №№ 72-73; Якобсон, 1958, с. 478; Гадло, 2004, с. 98; Тункина, 2010, с. 45, рис. 15.2). Еще 7 черепиц обнаружены при раскопках И.Е. Забелина в 1872 г. (Кропоткин, 1957, с. 37). Аналогичная черепица с надписью обнаружена в 1940 г. на раскопе «Северный город» (Блаватский, 1941б, с. 220). Еще одна происходит с раскопа «Центральный» в 1968 г. Фрагментированная черепица была найдена на городище в 1986 г. (Рис. 129.2). Еще две черепицы обнаружены во время работ 2008 г. на раскопе «Верхний город» (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, рис. 33.8-9).

Такие черепицы известны в Крыму: в Херсонесе (Якобсон, 1950, с. 138-139, № 241; 1979, с. 68, рис. 42.37), городище на плато Тепсень (Бабенчиков, 1953, с. 112, рис. 38.3; Якобсон, 1979, с. 68, рис. 42.36; Майко, 2004а, с. 211, рис. 118.1-4, 119.6), могильнике в Алуште (Кропоткин, 1957, с. 37), близ Фуны (Майко, 2004а, с. 211). Их датировка: VIII–X вв. (Якобсон, 1950, с. 139; 1958,

с. 478; Романчук, 2004, с. 130, № 241). По мнению А.Л. Якобсона, вероятно, производились в Восточной Таврике (Якобсон, 1979, с. 68). А.В. Гадло считал, что эта черепица производилась в мастерской близ Херсонеса (Гадло, 1964, с. 101), а клеймо – являлось именем фабриканта (Гадло, 2004, с. 98). Здесь обращает на себя внимание достаточно большое количество находок такой черепицы именно в Фанагории.

А.Я. Гаркави читал надпись как ΘΕΟΔΟΡΑΙΣΗΝΟ – Феодор или Феодора (Гаркави, 1881, с. 316). Этого же прочтения придерживался и А.Л. Якобсон (1979, с. 68). По мнению А.Ю. Виноградова надпись читается именно как ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ – имя Феодор. Подобная, уменьшительная форма имени встречена лишь три раза: на надписях в Сирии, Солоне и на надгробии из Херсонеса, предварительно датированном IV–V вв. (Латышев, 1905, с. 109, № 20)¹⁸. Между тем, по мнению В.П. Яйленко эта надпись, датированная не ранее VII в., читается: Θεοδόρα Ἰσῆο(υ) «Феодора, дочь Исаяи» и, соответственно, является иудейской (Яйленко, 2010, с. 638, табл. 4.23). Подобное прочтение нам представляется малоубедительным по той причине, что черепица является строительным материалом, а не надгробным памятником.

На раскопе «Северный город» в 1948 г. был обнаружен фрагмент черепицы с частью клейма “КНО”, а с раскопа «Берег» 1989 г. так же известна черепица с надписью “ΛΕΟ”.

Фрагмент черепицы с меткой в виде буквенного знака “эпсилон” (Рис. 129.3). Аналоги знаку известны в Херсонесе (Романчук, 2004, с. 144, табл. IV, табл. 8.E49, рис. 7.4) и на поселении близ Симеиза (Южный берег Крыма) (Якобсон, 1979, рис. 65.96).

Рельефные метки достаточно редки на Таманском полуострове. На Таманском городище они пока не встречены (Чхаидзе, 2008а, с. 208)¹⁹. Об их назначении однозначного ответа пока не получено (Завадская, 2010а, с. 142-144).

В последние годы появился ряд классификаций средневековой строительной керамики по материалам раскопок ряда памятников Крыма: Херсонеса (Романчук, 2004), Эски-Кермена (Завадская, 2008, с. 295-304, рис. 2-4; 2010б, с. 256-258, ил. 2-3), Мангупа (Моисеев, 2010а, с. 177-180, рис. 3, табл. 3; 2010б, с. 246-249, рис. 1.1). В этих работах предполагается, что большая часть черепицы изготавливалась в гончарных центрах, находящихся в округе городищ²⁰ и гораздо меньше черепицы импортной. В силу этого представляется проблематичным соотнесение черепицы из Фанагории с типологическими схемами Крыма, а также в силу немногочисленности и фрагментарности рассмотренной нами черепицы. По составу и структуре черепка выделяются четыре группы керамид:

1. Черепица из темно-оранжевой глины с включениями шамота, известняка и зерен кварца. Боковой бортик прямоугольной формы (Рис. 129.2). Один верхний бортик несколько загнут во внутрь (Рис. 129.11). По струк-

¹⁸ Благодарю за консультацию А.Ю. Виноградова, также указавшему мне на данную работу.

¹⁹ Во время работ 2012 г. на раскопе «Северный», Э.Р. Устаевой была обнаружена черепица с изображением лошади.

²⁰ (см.: Науменко и др., 2012, с. 52-54). Между тем, гончарные центры, специализирующиеся на изготовлении средневековой черепицы известны в Южном Крыму: на мысе Сарыч, урочищах Чабан-Таш, Батили-ман и близ Ялты (Паршина и др., 2001, с. 67-68; Тесленко, Лысенко, 2005, с. 296-297)

туре черепка аналогичны группе III черепицы Эски-Кермена (Завадская, 2010б, ил. 2.4).

2. Сероглиняная черепица с многочисленными включениями шамота и крупных железистых частиц (Рис. 129.5). Вероятно, относится к V–VI вв. У уже отмеченного фрагмента с меткой, поверхность покрыта белым ангобом (Рис. 129.3).

3. Черепица из глины светло-оранжевого цвета с крупными включениями шамота и песка. Бортик прямоугольной формы со скошенным во внутрь краем, высотой до 4,0-5,5 см (Рис. 129.4, 10, 13). В одном случае (Рис. 129.9) бортик округлый. Структура черепка аналогична группе Ib черепицы Эски-Кермена (Завадская, 2010б, ил. 2.2).

4. Черепица из темно-розовой глины с примесью шамота в тесте. Черепица – с коленчатым изгибом и водосливным желобком. Бортик не высокий – до 4,5 см, в сечении прямоугольный. (Рис. 129.6-8, 14), в одном случае – край несколько отогнут наружу (Рис. 129.12).

Также в средневековых строениях использовалась и черепица более раннего времени, прежде всего – первых веков н.э. (Кобылина, 1972в, с. 112-114, рис. 46), происходящая из разрушенных построек предшествующих периодов. Вообще, черепица, как довольно ценный материал, зачастую употреблялась на протяжении довольно длительного отрезка времени. При этом античная Фанагория являлась одним из центров изготовления черепицы (Гайдукевич, 1934б, с. 219-220; Мерперт, 1951, с. 227-235; Цветаева, 1966, с. 19-20).

К позднеантичным черепицам, вероятно, относятся три плоских фрагмента с валиком в 1,5 см от края (Рис. 129.15-17), толщиной до 1,8 см, обнаруженные в средневековом слое. Один фрагмент (Рис. 129.15) изготовлен из темно-оранжевой глины, с включением белых частиц, поверхность покрыта серым ангобом. Два фрагмента (Рис. 129.16-17) в изломе черные, с включениями, поверхность так же ангобирована. Еще один фрагмент гораздо больший по размерам (Рис. 129.18), толщиной 2,4 см, на краю расширяется. Фрагмент изготовлен из светло-серой глины, примеси практически отсутствуют. Присутствующий на фрагментах валик, равно как и утолщение отмечены на плоской боспорской черепице (Гайдукевич, 1934б, с. 222-223, рис. 60; Зеест, 1966, с. 53, 57-58, табл. 36.1, 46.3).

Известна и единственная керамическая плитка (Рис. 129.19), изготовленная из очень плотной, слоистой бело-красной глины, покрытая белым ангобом. Толщина – 2,5 см, ширина – 11,5 см. Плитка, вероятно, облицовочная. Подобные плитки известны на Правобережном Цимлянском городище²¹ (Флёров, Ермаков, 2010, с. 446-447, рис. 14). Возможно предполагать, что длина плиток равнялась 11-12 см, толщина (в средней части утолщение) составляла 2,5-3 см, ширина (в средней части расширение) до 18 см. Происхождение такой плитки остается под вопросом. Византийская плинфа имеет иные формы (квадрат) и размеры, в том числе, присутствующая в Стамбуле (Demangel, Mamboury, 1939, p. 15, 27, 104, fig. 17.3-4, 31, 32, 33.4, 119.1-2), Херсонесе (Романчук, 2004, с. 18, рис. 1-2), на поселениях южного берега Крыма

²¹ Благодарю В.С. Флёрова, указавшего на эти параллели.

(Паршина, 1974, с. 92, рис. 3.13-16, 35.1-2).

Кирпич представлен единственным экземпляром (Рис. 129.20). Его толщина – 5,1 см, сохранившиеся размеры – 13,5×10,5 см. Изготовлен из светло-серой глины с небольшим количеством включений. Поверхность покрыта белым ангобом, имеет две косых полосы. Можно полагать, что кирпич являлся квадратным и близок кирпичам Саркела и Семикаракор (Флёров, 2009б, с. 503-507, 512-513, табл. 11, 14).

Вещевой комплекс раннесредневековой Фанагории немногочислен – это изделия из стекла, железа и бронзы, кости и керамики и камня. Небольшое количество первых четырех групп объясняется особенностями почв на Таманском полуострове, в которых большая часть подобных предметов разрушается. Подобная картина наблюдается и в материалах Таманского городища (Чхаидзе, 2008а, с. 211).

Стекланные изделия (Рис. 130) представлены небольшим количеством фрагментов посуды, оконного стекла, браслетов и бус.

Стекланная посуда (Рис. 130.1-37) представлена фрагментами стаканов и чаш, а так же бокалов-рюмок, в большей своей части относящихся к позднеантичной Фанагории. Стекло отличается низким качеством. Сосуды выполнены в технике свободного дутья.

Края стаканов отогнуты наружу и завернуты, благодаря чему образуется валик. Цвет стекла – зеленовато-голубой. Сосуды покрыты патиной (Рис. 130.6, 7, 9, 10, 14).

Раздавленный стакан был найден в яме О на раскопе «Береговой А» 1972 г. (Долгоруков, 1975, с. 55, рис. 1.3) (Рис. 130.1). Это стакан с отогнутым наружу краем и округлыми стенками с декором из напаянных капель синего стекла. Такие стаканы могли выполнять и функцию ламп. Подобные сосуды датируются временем от 30-х гг. IV до первой трети VI вв. и достаточно распространены в Северном Причерноморье. Относится к типу I варианту В. (Сорокина, 1971, с. 85-101, рис. 1; Sazanov, 1995, p. 331-341, fig. 3; Засецкая, 2000, с. 209-217, рис. 2, 8; 2008, с. 8-24, рис. 2, 7; Айбабин, 2003, табл. 3.103, 113; см.: Голофаст, 2001, с. 123-126, рис. 81.1-10; Сазанов, 2012, с. 140-142). Значительное количество находок происходит из Анатолии (Canav Özgümüş, 2009, p. 18, fig. 10; Schwarzer, 2009a, p. 71, taf. 2.31-32; Schwarzer, 2009b, p. 90, taf. 1.17; Contardi, 2009, p. 126, fig. 14-15), известны в Грузии (Baghatura-Kner, 2009, p. 356, fig. 2-5) и, конечно, в Херсонесе (Golofast, 2009, p. 303-304, fig. 1.1-14, 17-18, 2). Такой стакан был обнаружен в комплексе IV – начала V вв. погребения 50 раскопа «Некрополь С» (Блаватский, 1941а, с. 45; Сорокина, 1971, с. 97, рис. 6.2; Сазанов, 2012, рис. 1.8; ср.: Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 64.60). Так же ближайшие аналогии известны на Таманском городище (Сорокина, 1963, с. 136, 138, рис. 1.1-4; Коровина, 2002, с. 89; Чхаидзе, 2008а, с. 213-214, рис. 123.7, 35). Вероятно, к этому же типу стаканов относятся еще три фрагмента венчиков (Рис. 130.5, 8, 11) (ср.: Schwarzer, 2009b, p. 90, taf. 1.15).

Близки этому типу стаканов и сосуды с рельефной поверхностью (Рис. 130.3). Имеют достаточно широкое распространение в средиземноморском и черноморском бассейнах (Schwarzer, 2009a, p. 72, taf. 2.33; Contar-

di, 2009, p. 126, fig. 16-17; Baghatura-Kner, 2009, p. 356, fig. 14-16; Golofast, 2009, p. 304, fig. 1.22-30). Датировка установлена в пределах IV–VII вв. Происхождение этих сосудов вероятно из мастерских Восточного Средиземноморья, в частности Сирии (Голофаст, 2001, с. 126-127, рис. 81.15-20). Аналогичный фрагмент известен в Таматархе (Чхаидзе, 2008а, с. 214, рис. 123.6).

Полусферическое донце стакана (Рис. 130.4) вогнутое, без поддона. Такие стаканы имеют широкое распространение в Северном Причерноморье с IV в. (Голофаст, 2001, с. 147-148, рис. 91.1-4, 6, 8; Golofast, 2009, p. 312, fig. 14.1-7). Встречены на Таманском городище (Чхаидзе, 2008а, с. 214, рис. 123.5, 9).

Один из фрагментов – чаша с цилиндрическим туловом, украшенным горизонтальными рельефными полосками (Рис. 130.2). Такие чаши были широко распространены в Восточной Европе и бытуют до третьей четверти VI в. (Голофаст, 2001, с. 136, рис. 14.11, 20.3).

Второй фрагмент (Рис. 130.13), с отогнутым наружу венчиком, изготовленный из зеленоватого стекла, также является чашей.

Один из фрагментов, изготовленный из черного стекла (Рис. 130.17), вероятно относится к XVI–XVIII вв. и связан с турецким присутствием на Тамани.

Бокалы-рюмки представлены исключительно низкими конусовидными ножками с валиком по краям (Рис. 130.18-37). Сами сосуды имеют колоколовидную форму. Время их бытования определено с конца IV в. до X в. включительно. По материалам раскопок Херсонеса установлено, что эти рюмки изготавливались в Северной Африке, Галилее, вероятно, в Восточном Причерноморье и Юго-Западном Крыму (Сазанов, 1998, с. 64, рис. V.56; Голофаст, 2001, с. 153-161, рис. 92; Засецкая, 2008, с. 34-36, рис. 12; Залесская, 2006, с. 265, 267-268, №№ 656, 665). Недавно, по форме ножек этих сосудов была предложена их типология (Çakmakçı, 2009, p. 50-57, tab. 1-12). Целая такая рюмка происходит из датированного IV в. погребения 8 раскопа «Некрополь В» (Блаватский, 1951а, с. 198, рис. 8.1; Сорокина, 1963, с. 147, рис. 9). Аналогичные фрагменты рюмок встречены на Таманском городище (Сорокина, 1963, с. 143, 146-147, рис. 5, 7; Чхаидзе, 2008а, с. 215, рис. 123.27-34). Имели широкое распространение в черноморском и средиземноморском бассейнах (Голофаст, 1994, с. 218, рис. 3.6.8-15; 1998, с. 228-242, рис. 1; Голофаст, Рыжов, 2000, с. 84, рис. 22.3-14; Герцен, Науменко, 2006, с. 405, 411, рис. 12.18-20, 15.17, 19-20; Atik, 2009, p. 3, fig. 53-59; Canav Özgümüş, 2009, p. 19, fig. 11-12; Schwarzer, 2009b, p. 92, taf. 2.33-34, 37-39; Contardi, 2009, p. 125, fig. 5-9; Milavec, 2009, p. 287, fig. 6.5-8, 14, pl. 1.22-36; Golofast, 2009, p. 315-317, fig. 16.1-11; Дамянов, 2009, с. 119, обр. 7-8; Stern, 2012, p. 52-54, fig. 4-5; и др.).

Отметим и единственную ручку миниатюрного сосудика (Рис. 130.73), вероятно от трехручной лампы (Голофаст, 1999, с. 140-141, рис. 3.12-14; 2001, с. 139-141, рис. 86; Golofast, 2009, p. 309, fig. 12.7; Atik, 2009, p. 3, fig. 62; ср.: Сорокина, 1963, с. 158, рис. 5.16-17; Засецкая, 2008, с. 32-34, рис. 11; Чхаидзе, 2008а, с. 215, рис. 123.20-23).

Стекланные изделия Таманского полуострова, датированные до середины VI в. изготавливались в печах, наподобие исследованной мастерской стеклодувов на Ильичевском городище (Николаева, 1991, с. 51-55, рис. 2, 3.а;

Лядова, 2011, с. 15). Э.Я. Николаева считает, что остатки стекольного производства зафиксированы в Фанагории (Николаева, 1991, с. 50), основываясь на находках кусков стеклянного шлака, сброшенных в качестве мусора в яму О на раскопе «Береговой А» (Десятчиков, 1975, с. 55-56). Нам подобные выводы представляются преждевременными. При раскопках позднеантичного слоя (III–IV вв.) раскопа «Центральный», в 1972 г. были вскрыты скопления развалившихся частей стеклодувных мастерских (Кобылина, 1973, с. 130), однако, по мнению А.В. Сазанова, конкретизировать дату слоя не возможно (Сазанов, 2012, с. 167).

На памятнике найдено и 12 фрагментов оконного стекла (Рис. 130.38-49) (Атавин, 1987а, с. 32; 1987б, с. 126). Стекло имеет зеленоватый оттенок и сильно патировано. Форма окон, в силу невыразительности фрагментов, восстановлена быть не может. Один из фрагментов (Рис. 130.49) с бортиком и, вероятно, пластина была плоской. Оконное стекло достаточно частая находка при раскопках раннесредневековых городских слоев; в качестве примера можно привести Херсонес (Голофаст, Рыжов, 2011, с. 376, 386, рис. 12.4-6, 20.14-16), Константинополь (Кануак, 2009, р. 26-46, fig. 1-35), как впрочем, и остальную территорию Византийской империи (Дамьянов, 2009, с. 116, обр. 4). В Причерноморье оконное стекло известно с эпохи античности, здесь же оно и изготавливалось (Островерхов, 1989, с. 25-26; 2010, с. 95-107). Так производство зафиксировано в стекольной мастерской Ильичевского городища (Лядова, 2011, с. 15). Фрагменты стекол отмечены и на Таманском городище (Сорокина, 1963, с.158-159; Чхаидзе, 2008а, с. 220, рис. 124.36).

К женским стеклянным украшениям относятся браслеты, бусы и вставки в перстни.

Браслеты (Рис. 130.50-59), изготовленные из синего стекла, представлены лишь 10 фрагментами. Это объясняется тем фактом, что массовое их производство и широкое распространение в Византии началось с конца IX–X вв., что было связано с общей политической и экономической ситуацией в Византии. К XIV в. браслеты на территории империи исчезают (Αυτωνάρας, 2006, с. 423-434, εικ. 1-13). Производство браслетов на территории Таманского полуострова и в Крыму не зафиксировано – следует считать их византийским импортом (Щапова, 1998, с. 115, 125-132, рис. 20.а-б). Достаточно представительная коллекция браслетов известна в Таматархе–Тмутаракани (Щапова, 1963, с. 102-118, рис. 1-2; Богословский, 1987, с. 53; Чхаидзе, 2008а, с. 217, рис. 124.1-30). Известны в Керчи (Безкоровайная, 2001, с. 136-138). Присутствуют и в Саркеле–Белой Веже (Львова, 1959, с. 308-323, рис. 1-4, 7.17-25; Плетнёва, 2006, с. 220-221). Имели массовое распространение на территории Византии (Remnants... 2007, р. 263-265; Майко, 2007, с. 118-122, рис. 62-65; Canav Özgümüş, 2009, р. 19, fig. 16-18; Schwarzer, 2009а, р. 74, taf. 4.60-70; Schwarzer, 2009b, р. 96-97, taf. 4.62-71; Yaraş, Yaraş, 2009, р. 113, fig. 1; Наследие... 2011, с. 404, 670-671, №№ 489-491; Antonaras, 2012, р. 119, fig. 5).

Так как ряд паспортизированных браслетов происходит из верхних штыков раскопа «Берег» 1989 г. (Табл. 5), их следует связать с поселением, существовавшим в XI в. на месте Фанагории (ср.: Кропоткин, 1957, с. 36-37).

Стеклянные перстни в Фанагории не найдены, однако встречены две стеклянные вставки-жуковины (Рис. 130.64, 67). Первая – темно-синего стекла, вторая – светло-зеленого.

Бусы представлены в незначительном количестве (Рис. 130.60-63, 65-66, 68-71). Это, как и в Таматархе, может объясняться какой-то особенностью набора женских украшений (ср.: Чхаидзе, 2008а, с. 218). Бусы по форме разнообразны, встречены изготовленные из пасты (Рис. 130.60-61, 66, 70), зеленого стекла (Рис. 130.62, 68), сердолика (Рис. 130.71).

Отдельно следует отметить фрагмент украшения в виде лепешки (Рис. 130.72), выполненного из синего стекла с напаянным орнаментом из полос красного и белого стекла. Его примерный диаметр – 3,5 см. Фрагмент турецкого времени.

Предметы из железа и бронзы (Рис. 131) немногочисленны. Использовались в быту и как украшения.

При раскопках города встречаются фрагменты фибул (в основном иглы и остатки пружин) (Рис. 131.3-4), в силу этого отнесение их к какому-либо определенному типу затруднительно. Известны лишь два хорошо сохранившихся экземпляра, исследованные И.О. Гавритухиным²².

Фибула с раскопа «Берег» 1989 г. (Рис. 131.1) «бронзовая», двучленная, длина 4 см (ножки – 1,8 см), высота – 2 см; пружина с нижней тетивой, короткая (4 оборота), ось крепилась к корпусу с помощью широкого кольца, загнутого вперед, спинка прямоугольного сечения дуговидно изогнута, приёмник сплошной, расклёпан из ножки и равен ей по длине.

По системе А.К. Амброза фибула соответствует группе 17, подгруппе 1, серии II, известной в Причерноморье, предварительно отнесённой к 4 в., правда, не встреченной в датированных комплексах (Амброз, 1966, с. 71). Схема и профилировка рассматриваемой фибулы имеет соответствия среди типов, обычных в V в. (см.: Гавритухин, 1989), а некоторые схожие элементы можно видеть и на образцах салтовского времени (Дмитриев, 1982б). Рассматриваемая фибула чужда типам, господствовавшим в позднеримское и в начале гуннского времени. Застежки этой эпохи с широким кольцом для крепления оси пружины (лучковые и т.д.) – подвязные, а «черняховского» круга, среди которых известны и фибулы со сплошным приёмником, имеют для крепления оси пружины вертикальную стойку.

В треугольнике Нижняя Кубань–Туапсе в это время господствуют фибулы с аналогичной системой крепления оси пружины, но с «трубчатым» приёмником (Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 192, табл. 73.37, 76.3-4, 78.62а). Кроме того, хотя у фибул с трубчатым приёмником встречается и уплощенное прямоугольное сечение дужки, у большинства оно уплощенное треугольное или сегментовидное. Образцы с сегментовидным сечением сравнительно массивной дужки, часто украшенные и перпендикулярными спинке рельефными линиями, с формирующимся трубчатым приёмником принадлежат наиболее архаичным вариациям этой подгруппы фибул.

Именно архаичные вариации фибул с трубчатым приёмником наиболее близки ещё одной серии боспорских фибул – со сплошным, чуть укорочен-

²² При описании фибул использована публикация И.О. Гавритухина «Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г.» (Гавритухин, 2008, с. 362-365, рис. 1.7, 19).

ным приемником, плавно продолжающим ножку. Для них установлена широкая дата: в рамках V–VI вв.

Можно предложить схему формирования фибул Северо-Восточного Причерноморья со сплошным приемником и кольцом для крепления оси пружины. Характерная для них дуговидная профилировка спинки не имеет местных прототипов и, очевидно, принесена с Дуная, где она обычна и связана как с провинциально-римскими, так и германскими прототипами. Прямоугольное сечение спинки – скорее местный, причерноморский элемент. Здесь такое решение спинки обычно с позднего римского времени. Западнее такие вещи встречаются много реже.

В отличие от двупластинчатых фибул или брошей-цикад, фибулы со сплошным приёмником не столь эффектны, они много проще по характеру деталей и в изготовлении. Судя по всему, большинство их делалось в зоне потребления. Отсюда локальное своеобразие серий, то открытых новациям, то дающим устойчивую преемственность деталей. Фибула из раскопок Фанагории 1989 г. – локальная боспорская вариация.

Фибулы с завитком на конце сплошного приёмника обычны на Кавказе и у связанных с ним культур в римское время, но к IV в. на большинстве территорий они вытесняются другими типами (Амброз, 1966, с. 43-44). В V в. завиток на конце сплошного приёмника появляется на ряде серий фибул, распространённых в Подунавье и, единично, западнее. Этот феномен объясним как влияниями «с востока», так и получившей хождение стилистике удлинения или выпячивания ножки фибулы (Гавритухин, 2002, с. 235-236). Но постепенно, к середине VI в., на «Западе» эта мода пропадает. Зато в Закавказье, к примеру, в Абхазии, фибулы с завитком получают распространение по крайней мере с VI в. и бытуют позднее (Воронов, 2003, с. 16, 30, 44-45, 58, 60, рис. 11.5, 51.23, 96.23, 99.16, 136.4-5, 30, 139.58, и т.д.). К VII в. такие фибулы распространяются и на Северном Кавказе, где единично известны и раньше (Гавритухин, Малашев, 1998, с. 64). Нельзя исключить их преемственность с традициями римского времени, но на резкое увеличение их числа к VII в., вероятно, повлияло участие местных группировок в византийско-персидском противостоянии на территории Закавказья. Таким образом – в центральной части Северного Кавказа были получены прототипы для фибул кубано-черноморской группы кремаций и некоторых других групп, подвластных хазарам. С этим населением фибулы с завитком вновь появились и в интересующем нас регионе.

Единственным исключением является еще одна фибула (Рис. 131.2) – случайная находка в Фанагории 1994 г. принадлежит, скорее всего, единичным импортам, вероятно, с Кавказа и не противоречит полученной картине.

Таким образом, по И.О. Гавритухину, фибула с раскопа «Берег» 1989 г. принадлежит особой боспорской серии – «Фанагория 1989», отличающейся от синхронных северо-кавказских и других фибул со сплошным приемником, а так же от более ранних и более поздних фибул этого и соседних регионов. Бытование этой серии во второй половине (с середины) V – первой половине VI вв., а отдельных вариаций и позднее – до конца VI – середины VII вв.

Среди украшений можно отметить: фрагмент бронзового браслета со вставкой (Рис. 131.5), бронзовые подвески различных форм (Рис. 131.6-9), игла, игла (Рис. 131.10), заклепка (Рис. 131.11), бляшки (Рис. 131.12-13), два свинцовых грузила (Рис. 131.14-15).

Встречен целый ряд фрагментов накладных дверных замков и их фрагментов (Рис. 131.16-17, 19, 22-23) (Атавин, 1984, с. 107; ср.: Якобсон, 1970, с. 103, рис. 60.11, 63), в том числе с запорным механизмом (Рис. 131.18), дверная задвижка (Рис. 131.20), дужка (Рис. 131.21), бронзовые скрепки (Рис. 131.28-29). Отмечены четыре ключа (Рис. 131.24-27). Подобные ключи встречаются в Таматархе (Чхаидзе, 2008а, с. 135, 222, рис. 75.3, 125.47-48), поселении Батарейка II (Сокольский, 1967, с. 114, рис. 43.7). Эти ключи имеют достаточно устойчивую форму и широкое распространение в Византии (Remnants... 2007, p. 180-181, 187-189; Наследие... 2011, с. 257, 546-548, №№ 244-247; Mercangöz, 2012, p. 227, fig. 2; Ferrazzoli, 2012, p. 292, pl. 4.33-34). Такие ключи достаточно часто оттиснуты в качестве клейма на круглых и биконических грузилах III–IV вв., бытующих вплоть до развитого средневековья (Блаватский, 1951б, с. 214, рис. 71.2; Онайко, 1956, с. 160; Гайдукевич, 1952б, с. 410, 413, табл. II.20-22, III.23-30; 1958, с. 35, рис. 22.7).

Отмечаются шесть фрагментированных железных ножей (Рис. 131.30-35), два наконечника стрелы (Рис. 131.36-37); железное кольцо (Рис. 131.38), две пряжки (Рис. 131.39-40), калачевидное кресало без перемычки (Рис. 131.41), зубило (Рис. 131.42).

Достаточно частой находкой являются железные и бронзовые гвозди (Рис. 131.43-65), в том числе кованые, различных размеров, с округлым или четырехгранным стержнем и дисковидной шляпкой (ср.: Чхаидзе, 2008а, с. 222, рис. 125.35-43).

Отдельно отметим фрагмент (стенка и венчик) бронзовой кастрюли или казана (Рис. 131.66).

Изделия из кости (Рис. 132). Использование в хозяйстве костей домашних животных (Добровольская, 2010, с. 442, рис. 3) – обычное явление в городской жизни. В Фанагории наблюдается такое же разнообразие находок как в Таматархе (Чхаидзе, 2008а, с. 222-224, рис. 126) и в Херсонесе (Романчук, 1981, с. 84-98, рис. 1-8; Шаманаев, 1997, с. 49-63, рис. 1-3; Shamanaev, 1999, p. 203-208, fig. 1-3; Андреева, 2011, с. 412-416, рис. 1; Klenina, 2012, p. 441-454, fig. 5-11).

К инструментам относится проколка (шило?, булавка?) (Рис. 132.14) – распространенное изделие с античного периода (Петерс, 1986, с. 51, табл. VI.25-33; Красильников, 1979, с. 83-84, рис. 4.7).

К бытовым предметам относится костяной игральный кубик (Рис. 132.1) – достаточно распространенная находка на раннесредневековых городищах и поселениях (Плетнёва, 1967, с. 156, рис. 42.6-7; Флёрова, 2001, с. 107, рис. 54.1-6). Известны с античного времени (Петерс, 1986, с. 88-90, табл. XIX.2-8) и вплоть до позднего средневековья (Адаксина и др., 2006, рис. 150; Сергеева, 2011, с. 103-104, табл. 49.10-11, 16), использовались для игры в «зернь» (Руденко, 2005, с. 75, табл. 21.411-412). Раннесредневековые аналогии известны в Херсонесе (Романчук, 1981, с. 95, рис. 7.137-138;

Шаманаев, 1997, с. 62; Наследие... 2011, с. 289, 584-585, №№ 323-327), Саркеле (Плетнёва, 1981б, рис. 36.97). Известны они и в погребениях в т.н. «курганах с подквадратными ровиками» (Мошкова, Максименко, 1974, с. 48; Власкин, Гармашов, 1990, с. 149, рис. 5.20, 27; Плетнёва, 1999, рис. 97-98; Чхаидзе, 2012б, с. 393, рис. 6.1-2; ср.: Багаутдинов и др., 1998, с. 138, 192, рис. 36.4, табл. XIX.7).

К предметам вооружения и охоты следует отнести три наконечника стрел (Рис. 132.2, 8, 17) (ср.: Романчук, 1981, с. 88, рис. 2.38-39; Флёрова, 2001, с. 46-47, рис. 10.1-4; Сергеева, 2011, с. 109-110, табл. 51.10-12, 20-24).

Накладные предметы для украшения шкатулок и других предметов домашнего обихода – пластины с циркульным и геометрическим, а так же изобразительным (фрагмент) орнаментом (Рис. 132.3, 6-7) (см.: Долгоруков, 1975, с. 58, рис. 2.1).

Фрагмент кости с процарапанным изображением корабля (Рис. 132.11) (ср.: Петерс, 1986, с. 63, табл. XII.28).

В качестве украшений использовались: раковина морского гребешка (Pectinidae) (Рис. 132.15) (ср.: Нарожный и др., 2007, с. 24, рис. 8.13; Майко, 2011, с. 214, рис. 8.1) и костяная вставка в перстень (Рис. 132.16).

Обработанная трубчатая кость с отверстием (Рис. 132.4) (Петерс, 1986, с. 76, 148, табл. XV. 27). Подобные трубки использовались для вывода нечистот младенцев из люльки. Три таких находки происходят из Саркела (Флёрова, 2001, с. 78, рис. 35.1-3; ср.: Нарожный и др., 2007, с. 24, рис. 8.2). Известны с античного периода, встречаясь и в Фанагории (Петерс, 1986, с. 6-77, 148, табл. XV.22-26, 28).

Обработанная трубчатая кость, с подтесанной одной стороной и нанесенными на нее насечками (Рис. 132.10). Аналогичная кость была найдена в 1931 г. близ гончарной печи IV в. Ряды наколов на кости были сделаны пилой. Предполагается, что кость могла служить инструментом для рифления амфорных ручек и т.п. (Гайдукевич, 1934а, с. 88, рис. 46), для лощения посуды (Красильников, 1979, с. 81; 2009, с. 118-120, рис. 19; Чхаидзе, 2008а, с. 222, рис. 126.1-3), использовалась в качестве рашпиля (Петерс, 1986, с. 42-43, табл. II-III.1-11), для мятья шкур (Флёрова, 2001, с.84-87, рис. 40-41) (ср.: Семенов, 1959, с. 353-361).

Астрагалы (бабки) (Рис. 132.5, 9), один из которых – с бронзовой вставкой (см.: Герцен и др., 2006, с. 378, рис. 9.4; Сергеева, 2011, табл. 46), использовались как для игры, так и в качестве амулетов. Использование астрагалов известно с античного периода (Петерс, 1986, с. 79-84, рис. 48-50, табл. XVI-XVII) и вплоть до XIV–XV вв. (Герцен и др., 2006, с. 389). В средневековье встречены в Таматархе (Чхаидзе, 2008а, с. 224, рис. 126.26-27), Херсонесе (Шаманаев, 1997, с. 62; Золотарев, Ушаков, 2004, с. 283, рис. 5; Klenina, 2012, p. 453-454, fig. 10-11), Судаке (Баранов, Майко, 2000, с. 90, рис. 6.16; Майко, 2007, с. 234, рис. 145.2, 146.2, 148.2, 7), на Мангупе (Душенко, 2009, с. 440-441, рис. 3.II.29-30), Тепсене (Майко, 2004а, с. 233-236, рис. 132-133), в Саркеле–Белой Веже (Флёрова, 2001, с. 108-111, табл. 5, рис. 55-58), на поселениях салтово-маяцкой культуры (Красильников, 1979, с. 84, 87-88, рис. 4.12, 6), раннесредневековых погребениях в Закубанье (Каминская, 1997, с. 27-30,

рис. 1.2-3), а также на достаточно большом количестве раннесредневековых городищ и поселений Восточной Европы (Comşa, 1978, p. 134-135, fig. 103, pl. XXVII; Руденко, 2005, с. 74, табл. 17).

К неопределенным предметам относятся распиленная кость (томар?) и втулка (Рис. 132.12-13).

Изделия из глины (Рис. 133-134). Достаточно многочисленны в средневековой Фанагории.

Следует отметить две подставки (сепай) (Рис. 133.1-2) на трехлопастной ножке и стержнем посередине (см.: Долгооруков, 1975, с. 55, рис. 2.2). Такие подставки использовались для перекаладывания сосудов при обжиге, это свидетельство изготовления в городе посуды (ср.: Чхаидзе, 2008а, с. 225, рис. 127.31; Адаксина и др., 2003, рис. 81; 2006, рис. 80).

Присутствуют большие круглые грузила (Рис. 133.3-14), имеющие форму дисковидной лепешки, диаметром до 0,10 м, с наружной стороны нередко украшенные зигзагообразными линиями или знаками, процарапанными до обжига (ср.: Гайдукевич, 1952б, с. 414, табл. IV.1-2). Производились в печах IV в. (Кобылина, 1966а, с. 185, рис. 16.6). Одно из грузил (Рис. 134.3) происходит из раскопок «Города А» 1939 г. Грузило вогнуто с одной стороны, на которой косыми насечками нанесено изображение схематической, по видимому женской фигуры (Пятышева, 1960, с. 117, рис. 3.5; Онайко, 1956, с. 159, рис. 3.3).

Дисковидные грузила датируются с ранней античности и вплоть до развитого средневековья. Известно достаточно большое количество этих грузил из раскопок античных слоев в Фанагории (ОАК, 1875, с. VIII; 1876, с. 65; Кобылина, 1956, с. 93, рис. 25.3; Онайко, 1956, с. 156-160, рис. 1.3-4, 2.4; Марченко, 1957, с. 232, рис. 1). Более 100 грузил было обнаружено на поселении Батарейка I, они были найдены рядом с керамической печью IV в., где и обжигались (Сокольский, 1963а, с. 185, рис. 6.1-4; 1969, с. 62-63, рис. 20). Известны на поселении Виноградное 7 (Марченко, 2004, с. 16). Такие грузила отмечены в Тиритаке (Книпович, Славин, 1941, с. 52 рис. 75; Гайдукевич, 1952а, с. 32, рис. 25.2) и Пантикапее (Блаватский, 1951б, с. 214, рис. 71.2). Как впрочем, на всей территории Византийской империи (Çoruhlu, 2012, p. 168, res. 9).

На одном из грузил присутствует небесно-солярная символика (Рис. 133.13) в виде беспорядочно расположенных округлых давлений на одной из сторон. Отметим, что в Саркеле–Белой Веже и на раннесредневековых памятниках в Восточном Крыму встречены глиняные лепешки полусферической формы с подобными символами. Эти изделия, датирующиеся X в., могли выполнять функцию домашних амулетов – своеобразных символов благополучия (Плетнёва, 1994б, с. 166-172, рис. 1-2), или являться ритуальной имитацией хлебных лепешек (Пономарев, 2005, с. 97-99, рис. 1; Зинько, Пономарев, 2009, с. 23, рис. 34.1, 198.6-7). Подчеркнем, что упомянутые кружки не использовались в качестве грузил и были лишены характерного сквозного отверстия.

Отдельно нужно отметить ткацкие грузила (Рис. 133.15-21) – пирамидки с дырочками в верхней части (для крепления нити), которые массивнее

и больше по размерам чем обычные ткацкие подвески. Эти грузила также начинают бытовать с ранней античности и продолжают использоваться вплоть до развитого средневековья (Онайко, 1956, с. 156-160, рис. 1.1-2, 5-11, 2.1-3, 5-13, 3.1-2, 5-7).

Такие грузила известны на Таманском городище (Чхаидзе, 2008а, с. 225, рис. 127.36-30), в Патрее (Таскаев, 2009, с. 111). По материалам Ильичевского городища Н.И. Сокольским было предложено, что эти изделия использовались в качестве наплитных съемных подставок для приготовления рыбы и мяса, на них же ставилась съемная керамическая плита-сушилка (Сокольский, 1966, с. 135-137, рис. 8.5, 9; ср.: Гайдукевич, 1952б, с. 397-398). В Болгарии 40 таких пряслиц были обнаружены при раскопках позднеантичной виллы близ Софии, связанной с овцеводством (Станчева, 1981, с. 63, обр. 14).

Найден глиняный тигель (Рис. 133.23), использовавшийся в металлопроизводстве (ср.: Марченко, 1956б, с. 162-163, рис. 4). Аналогичные тигли и льячки происходят из Херсонеса (Якобсон, 1959, с. 329-330, рис. 181; Сорочан, 2005а, с. 1140-1143, рис. 455-456).

Отметим лоцило из ручки античной амфоры (Рис. 133.22) и две глиняные фигурные игрушки (?) (Рис. 133.24-25).

Найдено большое количество пряслиц дисковидной или биконической формы (Рис. 134.1-32) различных размеров, пряслиц, в большинстве выточенных из стенок амфор или специально выполненных из глины (Рис. 134.3, 5, 7, 27), гораздо реже – шиферных (Рис. 134.2, 4, 20, 25, 26). На одном пряслице присутствует волнистый орнамент (Рис. 134.27). Отмечена и заготовка глиняного пряслица (Рис. 134.6). Пряслица, используемые в прядении и ткачестве, или же в качестве рыболовных грузил (ср.: Михеев, 1980, с. 84, рис. 3), имеют многочисленные аналогии на раннесредневековых памятниках (Шрамко, 1959, с. 261, рис. XVI; Левенок, 1959, с. 340-352, табл. I-VII; Якобсон, 1970, с. 150-151, рис. 60.1-3, 7-8; Паршина, 1974, с. 76, рис. 16.1-6; Comşa, 1978, p. 56-59, fig. 37-38; Пархоменко, 1985, с. 93, рис. 7.1-10; Белый, 1993, с. 56, рис. 14; Плетнёва, 1994а, с. 322, рис. 45.1-19; Флёров, 1994, рис. 15.16, 16.4, 7; 18.3-13; Багаутдинов и др., 1998, с. 132-135, рис. 34; Майко, 2004а, с. 211-214, рис. 120-121; Нарожный и др., 2007, с. 24, рис. 9.10, 12; Чхаидзе, 2008а, с. 225, рис. 127.2-25; Теліженко, 2012, с. 127, рис. 1.2-3, 5-6, 8; и др.).

Найдены и многочисленные крышки из стенок амфор и других сосудов, включая пифосы (Рис. 134.33-67) (ср.: Смокотина, 2008, с. 122, рис. 18.5-8). Часть из них может являться заготовками для пряслиц. Также известно, что глиняные кружки, сделанные из посудных черепков, оббитых по краям, в античное время использовались при обжиге гончарной посуды в качестве прокладок между сосудами (Гайдукевич, 1934а, с. 87-88, рис. 45).

Литейные формочки (Рис. 135) являлись основой для изготовления изделий из металлов, в том числе цветных. В Фанагории встречены как открытые, так и составные формочки, изготовленные из известняка или сланца. Их находки – свидетельство местного производства ювелирных украшений. Литейные формочки представляют собой блоки для отливки предметов,

имеющих аналогии среди древностей IX – начала X вв. (Плетнёва, 2003а, с. 182).

Наиболее полно сохранившаяся литейная формочка (Рис. 135.1) была обнаружена в береговом обрыве к западу от раскопа «Северный город» (Кобылина, 1952А, л. 26) и опубликована Б.А. Рыбаковым (Рыбаков, 1956, с. 180-182, Рис. 1.1, 3, 2. 12-13). Это прямоугольный брусок размерами 86×53×28 мм, из серого плотного сланца, четыре грани которого (кроме двух торцовых) были использованы литейщиком. Для скрепления двух блоков использовались свинцовые стержни; также блоки обвязывались веревкой. Из вырезанных в литейной формочке предметов выделяются пять разнотипных серег на лицевой стороне: украшение в виде конуса с продольными валиками – в поперечном сечении получается девятилепестковая розетка – “самоварчик”; полусферическое украшение, орнаментированное насечкой, три серьги с наглухо скрепленными подвесками внизу и миниатюрным боковым отростком в виде шариков на самом конце²³. На одной боковой стороне формочки – прямоугольная подвеска с зигзагообразным орнаментом (ручка копоушки или ногтечистки?). На второй боковой стороне – вероятно аналогичная вещь туалетного назначения. На обратной стороне – лунница с ушком, орнаментированная насечкой, медалевидная подвеска с ушком, два плоских кольца с насечкой. Вещи изготавливались не ранее второй половины IX в. (Плетнёва, 2003а, с. 182). Впрочем, серьги с подвесками были достаточно распространены в Восточной и Южной Европе весь средневековый период (Рябцева, 2010, с. 273-283, рис. 5-8).

Второй брусок (Рис. 135.2) сохранился плохо, он сильно оббит, но на одной стороне осталось отчетливое изображение двух формочек: копоушки с зигзагообразным орнаментом на ручке и серьги, аналогичной трем серьгам с первой формочки (Плетнёва, 2003а, с. 182). Длина бруска 8,5 см, ширина 4,5-5 см.

Формочка, изготовленная из известняка (Рис. 137.3). Служила для изготовления медалевидных подвесок.

Два бруска (Рис. 135.4-5) фрагментарны. Первый изготовлен из сланца, второй – из глины.

Двухсторонняя формочка (Рис. 135.6), изготовленная из сланца, имеет размеры 53×46×22 мм. На обеих сторонах прорезаны формы для изготовления медалевидных подвесок, аналогичных первой и третьей формочкам.

Последняя формочка (Рис. 135. 7), размерами 75×64×13 мм, изготовлена из сланца. На боковых гранях изображения отсутствуют; на лицевой стороне помещены формочки для отливки круглых подвесок; на обратной – массивный наконечник для поясной воинской гарнитуры и круглая подвеска (Плетнёва, 2003а, с. 182).

Двум фанагорийским формочкам (Рис. 135.3, 6) близка фрагментированная формочка с тремя литейными углублениями, происходящая с Таманского городища (ТМ-53) (Чхаидзе, 2005г, с. 106, рис. 7).

²³ Многочисленные раннесредневековые погребения с такими серьгами отмечены на могильнике Виноградный-7 (Марченко и др. 2007, с. 265-266, рис. 45.15-18, 62.5, 67.1, 73.2-3, 79.5, 80.4, 85.5-6, 100.7, 104.5-6).

Находки раннесредневековых литейных формочек (в том числе, аналогичных по составу украшений) встречаются на территории Крыма (Якобсон, 1959, с. 325-328, рис. 178-180; Фронджуло, 1968, с. 147-148, рис. 13; Баранов, 1977, с. 242-245, рис. 1, 3; 1990, с. 83-85, рис. 28; Рудаков, Цибулькина, 1982, с. 142; Майко, 2004а, с. 237-241, рис. 136; Сорочан, 2005а, с. 242, 245-246, 458, рис. 63.6, 72, 138-139). Многочисленные формы происходят из Саркела–Белой Вежи (Артамонов, 1952, с. 59, рис. 10; 1958, с. 69, рис. 47; Плетнёва, 2006, с. 231-232, рис. 79-81) и ряда памятников салтово-маяцкой культуры (Михеев, 1966, с. 98, рис. 6; 1985, с. 93-94, рис. 38; Шамрай, Духин, 1997, с. 281-282). В целом же, формочки для отливки различных украшений, в том числе культовых предметов, широко известны весь средневековый период на территории Византии (Teodor, 1970, p. 102, fig. 3; Remnants... 2007, p. 77, 257; Наследие... 2011, с. 169, №№ 50-52; Çoruhlu, 2012, p. 170, res. 11; Pirson, 2012, p. 183, abb. 21; Mercangöz, 2012, p. 231, fig. 11), Болгарии (Станчев, 1955, с. 192, обр. 12; Долмова-Лукановска, 1979, с. 45-51, обр. 1-7; Михайлова, 1992, с. 214-218, обр. 1-5; Комитова, 2009, с. 475-476, обр. 5), в Древней Руси (Колчин, 1985, с. 262-263, табл. 105-106; Сагайдак, 1991, с. 92-92, рис. 48-49), в более позднее время – в Золотой Орде (Крымина, 1977, с. 249-266, рис. 1-7; Гудименко, 1993, с. 17, рис. 2.6; 2001, с. 76, 78, рис. 1, 2.3; Полякова, 1996, с. 161-165, рис. 55-58; Белинский, Масловский, 2001, с. 43, рис. 3.3-5; и др.).

С территории Фанагории известны и литейные формы (для отливки амфорок и бус для ожерелий), относимые к античному периоду (Гайдукевич, 1949, с. 514, сноска 98; Марченко, 1956б, с. 161-163, рис. 1-3).

Из раскопок Фанагории происходят и разнообразные **архитектурные детали** (Рис. 136. 1-16), выполненные из мрамора, известняка, ракушечника или песчаника. Так в 1939 г. на раскопе «Город А», в слое VI–VII вв. был выявлен обломок беломраморной капители пилястры с овсами, размерами 25×13×11 см (Пятышева, 1960, с. 115, рис. 3.1) (Рис. 136.3). В 1940 г. на раскопе «Северный город» был найден камень в форме стрельчатой арки с четырехугольным отверстием в средней части и плоским основанием (Рис. 136.4). Его лицевая сторона была украшена резным орнаментом в виде сходящихся под прямым углом коротких прямых линий, заполняющих все свободное пространство между отверстием и краями. Высота камня 0,29 м, ширина 0,14 м. Возможно, камень имел культовое назначение (киот?).

Также отмечают: мраморный и известковый карнизы (Рис. 136.1-2); фрагмент базы мраморной колонны высотой 0,40 м, диаметром 0,40 м (Рис. 136.5); фрагменты мраморного стола (?) округлой формы (Рис. 136.6-8). Некоторые из этих архитектурных деталей вполне могли использоваться в церковном интерьере.

Часты на городище находки орудий переработки урожая – жерновов (Рис. 136.17-23), изготовленных из местного ракушечника или более твердых пород камня (ср.: Чхаидзе, 2008а, с. 227, рис. 128.1). Встречены две известняковые зернотерки (обломок второй размерами примерно 0,25х0,20х0,10 м) (Рис. 136.24, 27) и кормушка (Рис. 136.25), выполненная из песчаника, ступка размерами 0,38х0,29х0,84 м с овальным углублением в

верхней части (в плане 0,25x0,18 м, глубиной 0,19 м) (Рис. 136.26).

Найдены точильные бруски (оселки) или ложила: из сланца (Рис. 136.28, 31-32, 34) (ср.: Герцен, Науменко, 2001, с. 144, рис. 5.11; Марченко и др., 2007, с. 194, рис. 52.10), песчаника (Рис. 136.29-30, 33), булыжника (Рис. 136.35) и галечника (Рис. 136.42) (ср.: Малахов, 1999, с. 31-33, рис. 1).

Также отмечена мраморная пробка (Рис. 136.36).

Встречены пять каменных ядер для пращи (Рис. 136.37-41). Вес соответственно: 0,801 кг; 0,180 кг; 0,107 кг; 0,317 кг, 0,113 кг (ср.: Костылев, 2012, с. 155-158, рис. 1-3).

Иудейские надгробия использовались в Фанагории исключительно как строительный материал. Начиная со второй половины XIX в. выявлено более 130²⁴ иудейских надгробий различной степени сохранности (Рис. 137-138) – все²⁵ во вторичном использовании, частью в кладках средневековых строений, частью в погребальных конструкциях (каменные ящики) (См.: Глава III). На пяти из надгробий имелись древнееврейские надписи, в основном имена; на 28 – тамгообразные знаки на оборотной стороне (Гёрц, 1870, с. 87, 99; ОАК, 1874, с. V; 1875, с. VI-VII; Люценко, 1876, с. 576-580, табл. III-VI, рис. 1-14; Хвольсон, 1884, с. 133-138; Блаватский, 1941а, с. 61; Долгоруков, 1976А, л. 28, рис. 39-41; 1977А, л. 13, рис. 49; Даньшин, 1992, л. 131-132, 199, табл. 64-69; 1993, с. 65-66; Носоновский, 2002; Плетнёва, 2003а, с. 183; Чхаидзе, 2006а, с. 59-60, рис. 11; Иванов, 2006, с. 35-36, рис. 1; Петрухин, Флёров, 2009б, с. 152-153; Петрухин и др. 2009, с. 103, рис. 8; Яйленко, 2010, с. 634-639, табл. 4.21-22, 5.24; Флёров, 2012, с. 302, рис. 4).

Аналогичные надгробные памятники, также обнаруженные во вторичном использовании, происходят из раскопок Таманского городища (Чхаидзе, 2008а, с. 229, рис. 132; Финогенова и др., 2010, с. 251, рис. 8.5) и пос. Вышестеблиевская (Кашаев, Кашовская, 2008, с. 343-344, 350, рис. 6-13; 2009, с. 69, рис. 3; Кашаев, 2009, с. 218-221, рис. 1-2)²⁶. Одно надгробие обнаружено в XIX в. в 10 км к югу от Тамани (Люценко, 1876, с. 575). Еще одно надгробие было использовано в качестве одного из камней плитовой могилы в погребении близ пос. Веселовка (Чхаидзе, 2006а, с. 60, рис. 12; Петрухин и др. 2009, с. 103, рис. 7).

Подобные надгробия во множестве известны в Керчи, часть из которых в XIX в. была привезена с Тамани. На территории Крыма иудейские надгробия также найдены в районе Алушты, Партенита и Мангупа, Херсонеса, Вилино, Эски-Кермена, Судака (Люценко, 1876, с. 575-580; Шкорпил, 1914, с. 20-21, 92-114, рис. 10; КБН, №№ 724, 735, 736, 743, 746, 777, 1225; Чуистова, 1959, с. 248, рис. 14; Даньшин, 1992, л. 203-205; 1993, с. 68; Соломоник, 1994, с. 13-15; 1997, с. 19, рис. 3-4; Оверман, Макленнан, Золотарев, 1997, с. 57-58;

²⁴ Значительное количество надгробий обнаружено в последние годы во время работ на раскопе «Верхний город». Ряд из них были обнаружены вторично, после раскопок XIX в. (Фанагория, 2008, с. 15; Phanagoreia, 2009, р. 20; Кузнецов, 2009, с. 394; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 397).

²⁵ Некоторые авторы пишут: «большая часть плит найдена во вторичном использовании» (Кашаев, Кашовская, 2010, с. 288), однако подчеркнем, что речь может идти только обо всех (!) надгробиях.

²⁶ По мнению авторов раскопок на поселении также открыт культовый комплекс, оставленный местным иудаизированным населением (Кашаев, Кашовская, 2008, с. 341-349, рис. 1-5, 14; 2009, с. 70-71, рис. 2). Это утверждение нам представляется излишне смелым (ср.: Флёров, 2012, с. 297-298).

Плетнёва, 1999, с. 153, рис. 105; Могаричев, 2001, с. 269-270; 2003, с. 291-292, рис. 2; Майко, 2007, с. 78, рис. 30, 159.13; Кашаев, Кашовская, 2009, с. 57-58; Зубарь, 2009, с. 90, 332, рис. 225, 509.2; Шестаков, 2011, с. 447-452; Наследие... 2011, с. 152, 435, № 24). Еще одно надгробие обнаружено на поселении X–XI вв. под Азовом (Масловский, 2006, с. 125, рис. 16.2; Флёров, 2012, с. 298, рис. 1.1-2; Рашковский, 2012, с. 335-337).

Надгробные камни вытесаны из местного ракушечника или пористого известняка грубой работы. Некоторые из них украшены треугольными фронтонами, другие вверху закруглены. Нижняя часть многих отесана в виде клина, для укрепления его в другом камне, горизонтально положенном на могиле. На всех надгробиях выбиты иудейские символы – полукруглые меноры-подсвечники, имеющие пять, семь, девять или одиннадцать ветвей; вокруг меноры располагались лулав (пальмовая или оливковая ветвь) и шофар (трубный бараний рог) или этрог (плод). Изображения вырезаны в виде рельефа или же барельефа.

На пяти надгробиях из Фанагории присутствуют древнееврейские надписи. Изучивший их Д.А. Хвольсон датировал надписи временем не позднее IV–V вв. Эту датировку подтверждают и новые надписи из пос. Вышестеблиевский (Хвольсон, 1884, с. 5-9; Даньшин, 1992, л. 199-200, табл. 70; 1993, с. 63, 65; Кашаев, Кашовская, 2008, с. 343, 350-351, рис. 7, 15-16; 2009, с. 65-68, 71-74, рис. 4-5).

На оборотной стороне некоторых надгробных стел вырезаны тамгообразные знаки, представляющий собой сочетание или переплетение линий, кругов и других геометрических фигур (Даньшин, 1992, л. 201, табл. 70; 1993, с. 66; Кашаев, Кашовская, 2009, с. 63; Кашаев, 2009, с. 218). Тамги на надгробиях близки сарматским (в том числе иранские имена, вырезанные еврейским письмом в греческой форме) (Даньшин, 1992, л. 221; 1993, с. 66; Медведев, 2009, с. 241) и, по мнению С.А. Яценко, были нанесены представителями сарматоаланского населения в первые века н.э. (Кашаев, Кашовская, 2008, с. 348-349). С другой стороны, В.Г. Тизенгаузен атрибутировал их как тюркские родовые метки, необоснованно связав с хазарами, принявшими иудаизм (Гёрц, 1870, с. 100; Люценко, 1876, с. 576; Хвольсон, 1884, с. 133). Как считает В.В. Майко – тамги имели сакральный характер и были связаны с культом Тенгри, либо говорили о родовой принадлежности погребенного (Майко, Фарбей, 1995, с. 75-80; Майко, 2004б, с. 87).

Мы уже неоднократно писали (Чхаидзе, 2006а, с. 62; 2006г, с. 40; 2008а, с. 233) о том, что можно с большой долей уверенности полагать, что использование в кладках строений и для сооружения христианских гробниц надгробий в Фанагории, Таматархе, Вышестеблиевской, указывает на располагавшееся неподалеку позднеантичное иудейское кладбище. Наиболее вероятное место расположения – сопка Фанагорийская Блевака, находящаяся возле станицы Сенной (Люценко, 1876, с. 176). Здесь, на северном склоне сопки в 1866 г. была исследована земляная катакомба, заложенная с западной стороны большой плитой. В катакомбе было обнаружено несколько полуистлевших человеческих костей. Судя по всему, погребенный лежал

вдоль катакомбы головой на восток. Хорошо сохранился кожаный плащ, украшенный по двойным швам и бортам медными позолоченными пуговицами, а по краям такими же колокольчиками, в виде усеченных, трехгранных пирамидок, снабженных на вершинах серебряными кольцами, сохранившими остатки ремней. Обнаружены также: золотое украшение в виде полумесяца, с лицевой стороны покрытое красной эмалью, две лентообразные пластинки из листового золота, несколько фрагментов железного ножа, части стеклянных сосудов (в изголовье погребенного) и сильно помятая большая бронзовая чаша, в которой находились кости барана; в ней же – небольшой медный узкогорлый сосуд с птичьими костями внутри. Чаша стояла на железном (?) треножнике, под которым выявлен большой обломок от белого мраморного блюда. В стороне от чаши лежал бронзовый поврежденный кувшин, обломки стригала и покрытая патиной серебряная жертвенная ложка. По предположению А.Е. Люценко, в катакомбе был захоронен прах одного из иудейских первосвященников, которыми практиковался обычай привешивания к одежде колокольчиков. К.К. Гёрц датировал погребение VI–VII вв. н.э. (ОАК, 1868, с. XII–XIV; Гёрц, 1870, с. 89–91; Ростовцев, 1925, с. 264; Даньшин, 1992, л. 202). Подобная датировка представляется завышенной.

На ряде раскопов Фанагории также были выявлены дисковидные глиняные грузила с различными процарапанными по свежей глине рисунками. Среди них встречаются изображения веточек, похожих на семисвечник или лулав (Рис. 133.4) (Кобылина, 1952А, рис. 28; 1954А, л. 23; 1956, с. 93; 1972А, л. 11). Грузила с подобными изображениями из раскопок Илурата и Китея датируются до IV в. н.э. (Даньшин, 1993, с. 67).

Изображения меноры встречаются и на иных предметах, происходящих с территории Европейского Боспора и датирующихся позднеантичным временем: две – дипинты на горловинах амфор с поселения Зеленый Мыс (Могаричев, 2003, с. 294, рис. 3) и из Керчи (Емец, 2005, с. 190, табл. CVVI; Могаричев, 2009, с. 266–268, рис. 1–2; Флёров, 2012, с. 329, рис. 10); еще два дипинто с менорами на фрагментах позднеантичных амфорах из Тиритаки (Зинько, 2011, с. 131–132); мраморное блюдо, также из Керчи (Могаричев, 2009, с. 268–271, рис. 4–5).

Важно подчеркнуть, что иудейские надгробия не связаны с конкретными погребальными памятниками и всегда находятся во вторичном использовании – при раскопках Фанагории и Таманского городища надгробия открыты в строительных кладках раннесредневекового времени. В целом же надгробия датируются I–V вв. н.э. (Даньшин, 1993, с. 68; Могаричев, 2003, с. 291, 293; Чхаидзе, 2008а, с. 234; Кашаев, Кашовская, 2008, с. 349). Также ряд надгробий из Керчи по палеографическим признакам относятся именно к этому времени (Айбабин, 1999, с. 45).

Таким образом, можно однозначно утверждать о присутствии иудейского населения на территории Боспора в первые века н.э. (Даньшин, 1992, л. 206–207) – рассмотренные памятники принадлежат позднеантичной иудейской общине, однако связывать их иудеями Фанагории и окрестностей,

упоминаемыми во второй половине VII в. (Чичуров, 1980, с. 60)²⁷, а так же с хазарами²⁸, нет никаких оснований (Могаричев, 2001, с. 269)²⁹. В раннем средневековье, в Фанагории и Таматархе, иудейские надгробия – это строительный материал.

Монеты.

Из раскопок Фанагории известно лишь 17 средневековых монет – практически все они не связаны со средневековыми слоями, зачастую происходят из верхних, перекопанных слоев. Монеты могут быть распределены по трем основным группам (Атавин, Чхаидзе, 2003, с. 53-54; Чхаидзе, Атавин, 2005, с. 351-352; Атавин, 2009, с. 91-92).

I. Монеты Византии, представленные десятью экземплярами:

1. Лев I Макелла (457–474) медь, чекан Константинополя (1962 г., «Береговой» / Вым. 2, оп. 43) (Фролова, 1981, с. 103, 104, № 34, табл. I.18; Abramzon, 2011, p. 253, tab. 1, 3).

2. Зинов (474–475/76–491) золотой солид (1959 г., «Центральный») (Кропоткин, 1961, с. 40, № 21; Abramzon, 2011, p. 252-253, tab. 1, 3, pl. 2.1).

3. Медная монета плохой сохранности, подходящая к типу монет императора Анастасия I (491–518), датированная V–VI вв. (1937 г., «Город А», пл. XVI) (Крушкол, 1951, с. 262, № 29).

4. Юстиниан I (527–565), золотой солид, чекан 538–565 гг.³⁰ (2006 г., обнаружен на акрополе, в траншее XIX в.) (Фанагория, 2008, с. 13, 87; Phanagoreia, 2009, p. 16, 91-92; Abramzon, 2011, p. 264-265, pl. 2.2).

5. Ираклий (610–641) или Констант II (641–668) медная в 40 нуммий плохой сохранности (1939 г., «Северный берег» – 3, шт. 1) (Кропоткин, 1962, с. 22, № 19a)³¹.

²⁷ С.А. Плетнёва неверно относит это упоминание к VIII в. (Плетнёва, 2002, с. 111). Некоторые же авторы утвердительно пишут об “античном и раннесредневековом этапе жизни иудеев на берегах Черного моря” (Кашаев, Кашовская, 2010, с. 288, 299). Однако эти утверждения основаны лишь на предположении о существовании долговременных и непрерывных иудейских общин. В подобном случае следовало бы учитывать, что раннесредневековая иудейская община двух городов – Фанагории и Таматархи, безусловно наблюдала за разорением иудейского кладбища (кладбищ?) и использования надгробий в качестве строительного материала.

²⁸ Называть эти памятники “хазарскими надгробиями” (Захаров, 2002, с. 130) по меньшей мере ненаучно (см.: Сорочан, 2004, с. 139, сноска 38). Также определенный скепсис вызывает желание ряда авторов связать присутствующую на надгробиях иудейскую изобразительную традицию с традицией тюрков, в надежде “прояснить проблему обращения хазар” (Петрухин и др. 2009. С. 104).

²⁹ Вместе с этим, отождествление Фанагории с городом Какракубаном, который упоминается на эпитафии 909 г. на последнем листе Пятикнижия из Карасубазарской синагоги (Даньшин, 1993, с. 71-72) следует отвергнуть. Доказано, что приписка 909 г. является подделкой Авраама Фирковича (Могаричев, 2001, с. 275-276). Упоминание евреев в византийском Крыму приведено в работе: (Могаричев, 2008, с. 327-332). О евреях в Причерноморье в развитом средневековье: (Волков, 2002, с. 43-44).

Здесь же отметим ряд глав, написанных израильским ученым Даном Шапирой в вышедшем недавно издании «История еврейского народа». Практически все их отличает низкий методический уровень, в лучшем случае присущий студенческой курсовой работе. Это усугубляется еще и неверной передачей географических названий и терминов при переводе с иврита на русский. В отношении позднеантичной иудейской общины Фанагории Д. Шапира неверно интерпретирует исторические источники и обнаруживает явное незнание современной археологической ситуации в регионе (Шапира, 2009, с. 15-17, 34).

³⁰ Два подобных солида найдены в составе клада 1975 г. обнаруженного при раскопках Ильичевского городища (Фролова, Николаева, 1978, с. 175, 178-179, рис. 2.8-9).

³¹ Обратить внимание на отсутствие в монетном комплексе Фанагории монет второй половины VII – первой половины VIII вв. – времени активных византийско-хазарских отношений, в центре которых находились события, связанные с низложением и бегством в Фанагорию Юстиниана II (см.: Круглов, 2005а, с. 173-174).

6. Константин V Копроним (741–775) или Лев IV Хазар (775–780) золотой солид (приобретен в 1928 г.) (Кропоткин, 1962, с. 22, № 17).

7-8. Василий II Булгароктон и Константин VIII (976–1025)³² две серебряные (1865 г., из погребений в каменных ящиках) (ОАК, 1866, с. VII; Кобылина, 1949, с. 51; 1956, с. 9; Якобсон, 1958, с. 478-479; Кропоткин, 1962, с. 22, № 16).

9. Константин X Дука и Евдокия Макремволитисса (1059–1067) медная анонимная (1954 г., случайная находка) (Шелов, 1962, с. 119, № 945; Кропоткин, 1962, с. 22, № 20; 1965, с. 167, № (20)).

10. Никифор III Вотаниат (1078–1081) из низкопробного серебра (1950 г., случайная находка) (Харко, 1968, с. 98, № 95, рис. 3.2; Шелов, 1962, с. 125, № 1285; Кропоткин, 1962, с. 47, № 21а; 1965, с. 167, № 4 (21а)).

II. Восточной монетой, обнаруженной на городище, является обрезанный по кругу³³, серебряный аббасидский дирхем халифа ал-Мансура (754–775), с упоминанием имени наследника ал-Махди (Рис. 139.1) (1978 г. «Юго-западный некрополь» / I, шт. 2) (Чхаидзе, Атавин, 2005, с. 352, рис. 2) (анalogии см.: Тизенгаузен, 1873, с. 93-118). Известно о находке еще одной куфической серебряной монеты, найденной в развалинах Фанагории при раскопках И.Е. Забелина в 1870 г. (Марков, 1910, с. 14, № 79)³⁴.

III. Подражания византийскому милиарисию Василия II и Константина VIII (976–1025), представленные одной серебряной, двумя биллоновыми и тремя медными монетами (Рис. 139.2-8) (Крушкол, 1951, с. 259, 272, № 1; Голенко, 1953, с. 270-272, рис. 1.1-3, 6, 7; 1961, №№ 3, 15, 16, 40, 41, 47, табл. I, II, IV; Кропоткин, 1962, с. 22, №№ 17а, 18, 18а, 18б, 19, 21, рис. 1.1-3, 6, 7; 1965, с. 168, № 6 (21); Шелов, 1962, с. 117, № 1088), все найдены на территории городища, одна – медная, плохой сохранности из раскопок 1937 г. (Крушкол, 1951, с. 259, № 1). Основная масса подобных подражаний (известно более 500 экземпляров) встречается на Таманском полуострове, а так же на Керченском полуострове и, в единичных экземплярах, на территории Древнерусского государства. Для данного номинала установлено постепенное искажение прототипа – византийского милиарисия по степени деградации: самая ранняя группа подражаний изготовлена из серебра, в дальнейшем появляются биллоновые монеты худшей чеканки, последняя стадия – изготовление медных и железных (!) монет, что было вызвано массовым производством некачественных монет частными чеканщиками, дополнявшими официальных мастеров. Серебряные подражания соответствуют группе милиарисиев, выпускавшихся в 977–989 гг. Подражания чеканились непосредственно в Тмутаракани, в период с конца X до третьей четверти XI вв., первоначально являясь основным средством денежного обращения, а затем выполняя функцию мелкой разменной монеты (Голенко, 1953, с. 273; 1961, с. 220; Кропоткин, 1967, с. 53-54; Резник, Марков, 2001, с. 116; Сергеев, 2001,

³² Еще три таких монеты обнаружены при раскопках Таманского городища (Чхаидзе, 2008а, с. 237-238, №№ I, Ia.1-2).

³³ Мы уже писали, о возможности того, что в VIII–IX вв. на территории Восточного Крыма и Таманского полуострова монеты могли резаться, т.е. подгоняться, под какую-то местную денежную систему (Чхаидзе, 2008а, с. 237).

³⁴ Следует обратить внимание на находки еще трех восточных монет: двух аббасидских и одного абу-даудидского дирхемов IX в. (Гончаров, Чхаидзе, 2005, с. 343, рис. 1.1-3). Существует вероятность, что эти монеты были обнаружены в Фанагории. Еще два дирхема были открыты в 2006 г. при исследовании поселения к балки Лисовицкого (Шишлов, 2007, с. 12, рис. 2).

с. 84-87; 2012, с. 224-225; Захаров, 2002, с. 113-118; Устаева, Чхаидзе, 2005, с. 278-280; Бабаев, 2009, с. 22, 39, 61-67). С поселения Батарейка II на севере Таманского полуострова происходит клад из 21 такого подражания (Сергеев, 2012, с. 147-151, 224-225, №№ 564-584). Подражания из Фанагории, являясь ранним и наиболее распространенным типом этих монет, могут быть связаны со временем продолжительного пребывания в Тмутаракани князя Мстислава Владимировича (988–1023) (см: Безуглов, 2002, с. 54-57).

Как показывают имеющиеся в наличии монеты, основным материалом денежного обращения Фанагории в раннесредневековое время являлись монеты византийской чеканки. Аналогичная ситуация наблюдается и в Таматархе (Чхаидзе, 2008а, с. 234-239)³⁵, а также на остальной территории Таманского полуострова и дельты Кубани. С Таманского полуострова происходит клад бронзовых византийских монет конца VI в. (Пьянков, 2001, с. 38-46, рис. 1-5). Находки византийских монет отмечены на поселениях: Гаркуша (Патрей) (VII–VIII вв.) (Крушкол, 1958, с. 137, № 6, рис. 4; Кропоткин, 1962, с. 21-22, 47, №№ 11, 27, 27.1, рис. 17.17), Запорожская (анонимная) (Кропоткин, 1965, с. 167, № 3 (492)), Ахтанизовская (клад 1911 г. в котором встречены 50 золотых монет второй половины X – начала XI вв.) (Кропоткин, 1962, с. 21, № 4), Голубицкая (вторая половина X в.) (Кропоткин, 1965, с. 167, № 2 (491)), Курчанская (первая половина VIII в.) (Кропоткин, 1962, с. 22, № 14), Варениковская (первая половина VIII в.) (Кропоткин, 1962, с. 21, № 6). Отдельно следует отметить “Славянский” клад VIII в., обнаруженный близ ст. Анастасиевской и состоящий из более чем 250 монет (Semenov, 1994, p. 83-85, pl. 3-6; Füeg, 2007, p. 13-22, taf. 1.A.1, C.1-2, 2.A.1, B.4, 9, 3.A.7, D.1, 3-4, 4.A.1, 3-6, B.1-3, 6, 5.A.1-2, 4-5, B.1, C.1, 6.A.1-5, B.1-8, 7.A.2, 4-5, B.1, C.1; Гурулева, 2004б, с. 43-44; 2009, с. 75-84, №№ 1-34; Гурулева и др., 2011, с. 136-186, табл. 1, XXI-XXXIV).

Обращает на себя внимание преобладание среди всех монет солидов Льва III (717–741), Константина V (741–775) и Льва IV (775–780) – императоров-иконоборцев. В данной связи неслучайным видится и брак Константина V с дочерью хазарского кагана в 732 г. и, как следствие – появление солидов собственно на территории каганата (Копылов, Смоляк, 1988, с. 60-61, табл. 1; Круглов, 2004, с. 53; 2005а, с. 175; Гурулева, 2004а, с. 430; 2009, с. 71). Следует отметить, что на более чем половине монет, происходящих из Славянского клада, присутствует около 300 граффити. Большинство знаков по своему начертанию тождественны тюркским рунам, что свидетельствует об их нанесении во время нахождения монет в Хазарии (Гурулева и др., 2011, с. 143-144, табл. 2; ср.: Добровольский и др., 1991, с. 29-77, рис. 2-38; Нахапетян, Фомин, 1994, с. 139-176, рис. 2-9). При этом ряд граффити являются христианскими символами, греческими буквами и цифровыми знаками, наносимыми как знаки собственности или в процессе подсчета денежных сумм, что свидетельствует о нахождении монет в обращении среди грекоязычного населения Тамани и Крыма (Семенов, 1993, с. 95; Гурулева, 2003, с.

³⁵ При этом интересно отметить наличие в раннесредневековых слоях Фанагории и Таматархи значительного количества поздантических монет, что может являться как следствием «примеси снизу», так и указанием на то, что до VI–VII в. внутреннее денежное обращение удовлетворялось за их счет.

45-46; 2004а, с. 438; 2004б, с. 44; 2009, с. 72-73).

Монеты использовались во время рыночных сделок, а также при таможенных и налоговых сборах (Гурулева, 2004а, с. 437; 2009, с. 71). Так, большинство известных солидов – в разной степени обрезаны по краям, что является свидетельством обращения этих монет именно на территории империи, так как именно здесь существовала подобная практика, вызванная несовершенством техники монетной чеканки, в результате которой допустимое законом колебание веса монеты достигало одного грамма. Подобная мошенническая практика, сурово каравшаяся властями (а иногда, возможно и санкционированная ими), была особо выгодна чиновникам, купцам, менялам, сборщикам налогов и др.; однако, подданные империи, при обрезании краев солидов, старались не заходить за ободок, ограничивающий поле монеты (Гурулева, 2004а, с. 439-440; 2009, с. 72). С другой стороны обрезаемые солиды может быть объяснено использованием их в качестве разменной монеты – разница в весе соответствовала номиналам семисса ($\frac{1}{2}$ солида), тремисса $\frac{1}{3}$, а также $\frac{1}{4}$ солида (местный номинал, аналога которому в Византии нет – его необходимость могла быть продиктована местным рынком) (Гурулева, 2004а, с. 440-441).

Следует отметить, что в Крыму и на Тамани имели хождение и подражания византийским солидам, в частности – типу монет Константина V (Кропоткин, 1967, с. 52-53; Семенов, 1996, с. 29-31; Коршенко, 1999, с. 37-38; Гурулева, 2005, с. 44-45; 2009, с. 73; Гурулева и др., 2011, с. 142, №№ 131-134). При этом и в Восточном Предкавказье в VII в. существовали центры, чеканящие такие подражания (Прокопенко, 1999, с. 43-44), однако эти имитации более точно следовали прототипу и, как правило, изготавливались из золота, в то время как крымские и таманские разделяются на несколько групп: из золота, меди, плакированной золотом и без следов золочения (Коршенко, 1999, с. 36-38; Гурулева, 2009, с. 73-74).

Следует отметить, что в VIII в. существуют центры в Хазарии (в том числе в Крыму и, вероятно, на Тамани), чеканящие подражания золотым куфическим монетам, в частности умейядским и аббасидским динарам (Быков, 1974, с. 30-69; Мухамадиев, 1990, с. 78-89; Семенов, 1996, с. 31; Прокопенко, 1999а, с. 45; 1999б, с. 44-46; Сидоренко, 2002, с. 435-437, табл. 5; Kovalev, 2005, р. 220-253; Гурулева и др., 2011, с. 145, № 246).

Вместе с тем, уже с рубежа 760–780-х гг. наблюдается активное распространение арабских монет, что связано с поражением Хазарского каганата в войнах с Арабским халифатом и утратой Хазарией заинтересованности в союзе с Византией (Круглов, 2004, с. 53; 2005а, с. 175-176; Гурулева, 2009, с. 73). При этом, как показывают материалы Крыма и Тамани – поступление византийских монет сюда продолжалось.

В свете вышеизложенного достаточно четко проступает тезис, что в VI–VIII вв., в то время как юго-западный Крым являлся внутриимперской областью, зависимой от Херсона, восточный Крым и Таманский полуостров самостоятельно осуществляли связь с Византией (Кропоткин, 1967, с. 51; Соколова, 1969, с. 262; ср.: Гурулева, 2004а, с. 437-438; 2009, с. 72). В этой связи, мы еще раз констатируем, что многочисленные находки византийских

монет VI–X вв. на Таманском полуострове и в Восточном Крыму являются показателем того, что эти территории были не только вовлечены в экономическую орбиту Византии, но и являлись составной частью империи (Чхаидзе, 2008а, с. 239).

В отличие от Таматархи, в материалах раскопок Фанагории, обращает на себя внимание отсутствие византийских печатей, а так же экзагиев³⁶. Между тем можно отметить, что из средневековых слоев происходит достаточно большое количество античных монет. Это можно объяснить как закономерной “примесью снизу”, так и использованием вышедших из употребления античных монет в средневековый период, в качестве гирек (см.: Горелый, 1996, с. 87-97, рис. 1-2; Шалобудов, 1999, с. 143-146), тем более что некоторые экземпляры этих монет обрезаны или спилены. Материалом для гирек-экзагиев античные монеты стали служить после VI в. и бытовали вплоть до X–XI вв., их вес соответствовал византийским монетным единицам, драхме, солиду и его фракциям – тремиссу и семиссу или кратным номиналам. В.Н. Шалобудовым было проанализировано 179 единиц таких монет (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) с территории Боспора, в том числе 8 – из Фанагории, изготовленных, кстати, не на монетных кружках (Шалобудов, 1998, с. 96-109, табл. 1-2, рис. 1, №№ 2, 35, 36, 69, 88, 96, 124, 156).

Находки некоторых фрагментов керамики (воротничковых амфор, стенки лощеного кувшина с врезным орнаментом), стеклянных браслетов и ряда монет X–XI вв.³⁷ (Рис. 94, 114.16, 130.50-59, 139.2-8) позволяет утверждать о существовании в Фанагории поселка, входившего в состав Тмутаракани, вопреки мнению об окончательной гибели города в начале X вв. (Sazanov, Achkasova, 1996, p. 439, periode 8; Чхаидзе, Атавин, 2005, с. 353). В XVI–XVIII вв. в Фанагории также существовал поселок (см.: Приложение).

* * *

Отметим, что формирование материальной культуры Фанагории подчинено закономерностям и особенностям исторического развития этого города. Материальная культура ясно отражает симбиоз позднеантичной и раннесредневековой культур, местного, боспорского населения и пришлого – как греческого, так и болгаро-хазарского. Характерной особенностью археологических проявлений материальной культуры Фанагории, как и остальных городских центров Северного Причерноморья, таких как

³⁶ Здесь хотелось бы внести одно уточнение. Ранее нами была опубликована происходящая из раскопок Таманского городища “стеклянная печать” с крестообразной монограммой, датированная IX в. (Чхаидзе, 2008а, с. 250, рис. 135). По любезному уточнению В.В. Гурулевой (ГЭ), данная находка является экзагием – гирькой для проверки полновесности золотых монет. Стеклообразные экзагии изготавливались для солидов, семиссов и тремиссов. Они датируются временем не позднее начала VII в., будучи характерными для Египта, Сирии и других регионов Малой Азии, которые перестали быть византийскими в результате арабских завоеваний. Крестообразная монограмма на экзагии читается достаточно ясно: это имя епарха Прокопия, исполнявшего свою должность в Константинополе в 562 г. В собрании Эрмитажа присутствуют два подобных экзагия для солида и семисса (Гурулева, 2004в, с. 27; также см.: Кропоткин, 1973, с. 262-263). Остается только сожалеть, что опубликованный экзагий нам не удалось обнаружить среди материалов раскопок, для изучения *de visu* – соответственно нельзя узнать его вес.

³⁷ Также существует вероятность, что в Фанагории были обнаружены: саманидский фулюс 976–997 гг. (Гончаров, Чхаидзе, 2005, с. 344, рис. 1.5) и монета Ратибора, в 1079–1081 гг. русского посадника в Тмутаракани (Зайцев, 2007, с. 9, 14, № 14, табл. 4.14).

Таматарха, Боспор, Сугдея, Херсон и других, является первостепенная роль керамики, прежде всего тарной. Находки в Фанагории ряда керамических изделий могут свидетельствовать о производственном континуитете в гончарном ремесле между античностью и ранним средневековьем. Ремесленники медленно совершенствовали свою технику, постепенно отходя от античных традиций. Особенно отчетливо преемственность древней традиции проявляется на примере местного керамического производства – находкам кухонных и столовых горшков.

Сложение материальной культуры было обусловлено особенностями развития торговли и ремесленного производства, способствовавших быстрому экономическому подъему города. Фанагория находилась на одном из важнейших торговых путей Восточной Европы, это обстоятельство не могло не стимулировать развитие денежного обращения и торговли, что в свою очередь вызывало активизацию всей хозяйственной жизни города.

Керамический комплекс Фанагории находит многочисленные аналогии среди керамики Южного и Восточного Крыма, Приазовья и Нижнего Подонья, что может свидетельствовать о сохранении постоянных и тесных контактов между населением указанных регионов.

Тарная керамика является самой представительной категорией находок на городище. Это, во-первых, разнообразные типы и виды позднеантичных и раннесредневековых амфор, хронология которых укладывается в период от конца IV и вплоть до начала XI вв. Позднеантичные типы амфор, заканчивающие свое бытование в раннесредневековый период, частью производились на территории Византийской империи – в бассейне Средиземного и Черного морей. Между тем, в настоящее время невозможно определить, какие раннесредневековые амфоры были привозными из Византии или Крыма, а какие местными – крымскими или боспорскими. При этом остается гипотетичным предположение о возможности производства этих сосудов на территории Таманского полуострова.

Обращают на себя внимание несколько керамических комплексов, выявленных при исследованиях раннесредневекового города. Первый из них представлен двумя амфорами (Рис. 75.1, 85.1) с раскопа «Северный город» 1939 г., одна из которых была опубликована и неверно датирована IV в. (Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX.986; см.: Сазанов, 1989, с. 51). Еще две амфоры и высокогорлый кувшин с раскопа «Юго-Западный» 1973 г. (Рис. 65.4, 79.1, 85.3, 95.1) были обнаружены в жилом комплексе построек и также неверно отнесены к IV в. (Кобылина, 1978, с. 30-35, рис. 2; см.: Сазанов, 1989, с. 51). Десять амфор и два кувшина открыты в яме Д, на раскопе «Верхний город» 1975 г. (Рис. 196. Табл. 5). Еще три амфоры и иудейское надгробие открыты в яме Л, на том же раскопе 1976 г. (Рис. 197. табл. 5). На раскопе «Береговой Стратиграфический» 1985 г. (Табл. 5) в яме Н выявлены амфоры, высокогорлые кувшины и кухонные горшки (Рис. 198); такой же состав находок происходит из ямы О (Рис. 199). Все раннесредневековые амфоры, открытые в комплексах, различаются типологически.

При этом на территории Таманского полуострова известно не так много раннесредневековых керамических комплексов. Один из них происходит с

затопленной части городища Кепы, располагающегося близ Фанагории (см.: Таскаев, Чхаидзе, 2007, с. 403-407, рис. 1; Таскаев, 2009, с. 150-155).

Важно отметить, что в слоях памятника встречены ранние разновидности «воротничковых» амфор, имеющих период бытования вплоть до третьей четверти XI в. и связанных с существовавшим здесь средневековым поселением.

Высокогорлые кувшины с плоскими ручками, составляют небольшой процент всей керамики на городище. Вопрос о происхождении этих кувшинов еще очень далек от своего разрешения. Мнение о том, что эти кувшины происходят от обычных средневековых амфор, остается не подкрепленным. Эволюционное развитие этого типа сосудов составляет более 400 лет. Материалы из раскопок Фанагории подтверждают прослеженную по материалам Таманского городища вероятность удревнения нижней границы бытования этих кувшинов до VII в. (см.: Чхаидзе, 2008а, с. 164), а может быть и вплоть до VI в. (Табл. 5).

Отмечаются многочисленные находки кухонных горшков с линейно-волнистым орнаментом, которые являются характерной находкой на всех поселениях и могильниках VIII–X вв. Подонья, Приазовья, а так же Крыма и Северо-Восточной Болгарии. Эти горшки вытесняют лепные яйцевидные горшки местных типов. Точно так же происходит замена грубых лепных кувшинов и мисок многочисленными лощеными сосудами. Иными словами смену керамического комплекса можно объяснять широким внедрением гончарного круга и, как следствие, развитием в городе ремесла.

Столовая посуда в Фанагории также продолжает использоваться весь период ее существования. К позднему периоду существования турецкого поселка на месте Фанагории относятся находки поливной керамики.

Керамические строительные материалы из раскопок Таманского городища представлены плоскими кровельными черепицами – керамидами, известных в северопричерноморских городах весь средневековый период. Несомненно, вторично активно использовалась и античная черепица. Производство строительной керамики могло являться местной традицией, этой особенностью может объясняться и отсутствие меток на керамидах. При этом значительное количество находок кровельных черепиц позволяет говорить о том, что ряд жилых домов раннесредневекового города имели черепичное покрытие.

Находки глиняных светильников, а также некоторого количества фрагментов стеклянных лампад, позволяют полагать, что жилища горожан освещались и в темное время суток.

Об одной из особенностей быта населения раннесредневекового города свидетельствует отсутствие стеклянных изделий, кроме браслетов, относимых к средневековому поселку XI–XII вв. Так, можно сделать вывод, что в эпоху раннего средневековья местное производство стеклянной посуды в Фанагории если и существовало, то не играло заметной роли, в отличие от предшествующего, позднеантичного периода.

В городе были развиты прядение и ткачество, о чем говорят многочисленные находки керамических пряслиц и пирамидок для крепления нити.

Находки немногочисленных костяных предметов со следами обработки могут подтверждать существование в городе косторезных мастерских. Наконечники стрел свидетельствуют, что одним из занятий жителей являлась охота.

Ряд находок свидетельствует о занятии горожан земледельческим хозяйством. Находки жерновов позволяют говорить не только об обычном помоле зерна, но и предполагать выделение мукомольного ремесла в городе.

Как свидетельствуют невыразительные находки, могло иметься железоделательное ремесло и металлообрабатывающее производство (находка тигелька). Однако находки литейных формочек однозначно свидетельствуют о наличии местного ювелирного производства в городе.

Важнейшим показателем товарно-обменных связей Фанагории с Византийской империей на протяжении V–XI вв. выступают византийские монеты, составляющие значительную часть нумизматического комплекса раннесредневекового города. Торговые отношения основаны на денежном эквиваленте товара. Об этом также свидетельствуют находки византийских монет на остальной территории Таманского полуострова. В XI в. здесь имеет хождение чеканенная в Тмутаракани монета – подражания византийскому милиарисию.

Подобные факты, вкуче с изложенными выводами, в отношении Фанагории позволяют говорить не столько о городе Хазарского каганата, сколько о провинциальном городе византийского типа. Иными словами, параллельно с континуитетом материальной культуры, в городе сохранялось очень сильное византийское влияние, что обусловлено наибольшей активностью торговых связей, прежде всего с Византией.

ГЛАВА III

НЕКРОПОЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

С запада, юга и востока городище Фанагория располагаются могильники, в большинстве своем античного времени. Среди большого числа античных погребений известно и значительное количество погребений средневековых (Чхаидзе, 2009а, с. 495-499, рис. 1). В научной литературе рассмотрены 23 погребения, совершенные в грунтовых ямах, из раскопок на южной окраине городища (Атавин, 1986а, с. 262-266, рис. 1-2). Изданы и 14 средневековых погребений в каменных ящиках, располагавшиеся компактно на западной окраине памятника (Чхаидзе, 2006а, с. 55, 58-60, рис. 2-3, 8-10).

Всего количество известных погребений средневекового периода составляет 244 (не считая 8 захоронений 13 черепов). Абсолютное большинство из них – 227, совершены в грунтовых могилах, 17 – в каменных ящиках. Можно констатировать, что средневековые погребения открыты на 11 различных раскопах, заложенных в западной и южной частях памятника¹. С востока городища выявлены некрополи только античного периода.

Западная окраина городища (Рис. 1). Здесь, прежде всего выделяется участок, на котором обнаружено 17 погребений, совершенных в каменных ящиках, открытых в 1947 г. и в 1973 г. на раскопе «Западный», там же вскрыты два грунтовых погребения. На расположенном поблизости раскопе «D» выявлено одно грунтовое погребение. Аналогичные погребения обнаружены на раскопах «Некрополь А» и «Юго-Западный некрополь».

Погребения в каменных ящиках (Кобылина, 1947А, л. 27, рис. 47-54; 1949, с. 48-51; Паромов, 1993, с. 131-132, № 47; Плетнёва, 1999, с. 148; 2003а, с. 183; Чхаидзе, 2006а, с. 55, рис. 2-3; Атавин, 2009, с. 89) были обнаружены в 1947 г. в северо-западной части городища при обследовании траншей военного времени.

Семь каменных ящиков, перерезанные и обнаженные траншеей, были впущены в слой первых веков н.э., располагались в среднем на глубине 0,50 м, и были вытянуты по линии запад-восток. Только одно погребение сохранилось полностью (Рис. 140). Остальные в большой степени подверглись разрушению (Рис. 141.1-5). Шесть ящиков однотипны – стенки их сложены из поставленных на ребро каменных плит, перекрытых несколькими плитами. Плиты хорошо обтесаны с внутренней стороны и плохо – с наружной. Покойные были ориентированы головой на запад (лицами повернуты на восток), уложены вытянуто на спине, руки сложены в области живота. Подстилкой и покрытием для умерших служила камка. От погребения 7 сохранилась лишь часть гробницы, перекрытая большими кусками плит и черепицы (соленов) (Рис. 141.4). Здесь были обнаружены кости таза и ног (Рис. 141.5); слева, у пояса находилось железное кресало калачевидной формы (несколько вытянутых пропорций), два кремня, круглая костяная пуговица с отверстием (плоская с одной стороны и выпуклая с другой),

¹ Следует отметить, что часть этих погребений условно может относиться к периоду средневековья, вследствие отсутствия погребального инвентаря.

справа от кисти правой руки – железный нож длиной 0,16 м. Опираясь на мнение А.П. Смирнова, М.М. Кобылина условно отнесла эти погребения к XII–XIII и XIV–XV вв. отнеся их к “адыгам” («керкетам» античных авторов, родственным синдам и меотам !?). С.А. Плетнёва датировала эти погребения IX в. и еще более ранним временем.

Следует отметить, что в 1962 г., в 40 м к востоку от раскопанных каменных ящиков, был разбит **раскоп «Юго-западный 1»** (слои I в. до н.э. – IV в. н.э.). В верхнем слое раскопа было вскрыто разрушенное погребение – обнаружен раздавленный череп и передвинутые кости предплечья (Кобылина, 1962А, л. 4; Паромов, 1993, с. 136, № 63).

В 1984 г. на одном из холмов западной окраины городища было раскопано средневековое погребение в каменном ящике (Атавин, 1986б, с. 91).

Погребение 1 (Рис. 142). Каменный ящик открыт на глубине 0,38 м. Состоял из шести боковых плит, стоящих плашмя (одна завалилась) и перекрытых пятью плитами. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп раздавлен. Руки вытянуты вдоль тела и сложены в области живота. Ноги вытянуты. Инвентарь отсутствовал.

Впервые каменные ящики эпохи средневековья на полуострове были исследованы А.Е. Люценко близ городища Фанагории к юго-востоку от сопки Блевака в 1865 г. Два раскопанных каменных ящика были сложены из небольших известковых плит и покрыты дикими камнями. Каждая гробница содержала одиночное погребение, покойные уложены головой на запад. В одном случае около пояса был обнаружен сопроводительный инвентарь: серебряная пряжка и две серебряные византийские монеты Василия II и Константина VIII (976–1025) (ОАК, 1866, с. VII; Гёрц, 1870, с. 98; Кобылина, 1949, с. 51; 1956, с. 9; Яacobсон, 1958, с. 478-479).

На территории Западного некрополя, в районе обнаружения погребений в каменных ящиках, в 1971 г. была случайно найдена христианская надгробная плита (Рис. 138.15). В настоящее время место нахождения надгробия не известно (Кобылина, 1971А, л. 19, рис. 30; 1972а, с. 145; 1972б, с. 97; Даньшин, 1992, л. 130-131, 231, табл. 71). Надгробие представляет собой известняковую стелу, несколько сужающуюся книзу, на которой примерно в половину высоты вырезан крест, по обе стороны от которого расположена греческая надпись: Κύριε, βοήθη Θεόδωτος – Господи, помоги Феодоту. По палеографическим данным надгробие может быть датировано второй половиной IV–V вв. (Виноградов, 2010б, с. 152-153, рис. 8; Виноградов, Чхаидзе, 2011).

Раскоп «Западный» исследован в 1973 г. (Кобылина, 1973А, л. 29-34, рис. 63-76; Кобылина, Долгоруков, 1974, с. 113; Паромов, 1993, с. 138, № 74; Чхаидзе, 2006а, с. 58-60, рис. 8-10). Раскоп был заложен на северо-западном краю верхнего плато, у границы городища, рядом с обнаруженными в 1947 г. каменными ящиками. Площадь раскопа составила 87 м². Раскоп доведен до глубины 1,50 м, при этом были выявлены культурные слои I в. до н.э. – IV в. н.э., поверх которых находилось средневековое кладбище, где выявлены 9 погребений, 7 из которых совершены в каменных ящиках (Рис. 143). Могильные ящики были сложены из камней вторичного использования.

Ряд плит представлял собой обломки архитектурных деталей, надгробий (на одном вырезан крест, на пяти других меноры). Погребения сохранили следы подстилки из камки. Дно могил земляное, тщательно выровненное. Наличие двух грунтовых могил позволяет считать этот могильник биритуальным.

Верхние слои были повреждены современными перекопами; в центральной части располагалась грабительская яма, частично разрушившая два погребения. Посередине западного борта проходила траншея, ведущая к блиндажу военного времени.

Погребение 1 (Рис. 144.1). Каменный ящик длиной 2,17 м и шириной 0,70 м. Сооружен из крупных и средних камней ракушечника и известняка размерами 0,50х0,50х0,20 м, 0,30х0,25х0,15 м. Один из боковых камней являлся фрагментом надгробной плиты с изображением семисвечника (Рис. 138.1), на надгробии также имелась еврейская надпись квадратным письмом (Даньшин, 1992, л. 200; 1993, с. 66). Еще один камень также являлся фрагментом иудейского надгробия (Рис. 138.2). Каменные плиты, составляющие перекрытие, вероятно, были вывернуты грабителями и лежали на поверхности. Остатки скелета плохой сохранности покоились на глубине 1,0 м. Были зафиксированы только кости черепа, позвоночника и предплечий. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад. В районе грудной клетки была обнаружена костяная пуговица, около пояса, с правой стороны – железная пряжка и фрагмент железного предмета с кремнем (кресало?).

Погребение 2 (Рис. 144.2) располагалось непосредственно с востока от погребения 1. Сохранившаяся длина каменного ящика 1,70 м, ширина 0,70 м. Подошва камней фиксировалась на глубине 1,0 м от современной дневной поверхности. Восточная часть ящика не сохранилась. Сверху ящик был перекрыт каменными плитами. Один из камней перекрытия являлся обломком архитектурной детали, на другом был вырезан крест. Костные остатки не сохранились.

Погребение 3 (Рис. 144.3) располагалось в 1,5 м к северу от погребения 1. Западная часть каменного ящика не сохранилась, его первоначальная длина составляла 2,0 м, ширина 0,60 м. Погребение обнаружено на глубине 0,65 м. Скелет длиной 1,6 м лежал на спине головой на юго-запад. Ноги вытянуты, руки скрещены на тазовой кости, голова повернута вправо. В районе грудной клетки обнаружен фрагмент железного предмета.

Погребение 4 (Рис. 144.4) расположено у южного борта раскопа. Длина каменного ящика 2,02 м, ширина 0,86 м. Погребенный лежал на глубине 0,95 м. Скелет длиной 1,55 м ориентирован головой на запад. Череп повернут влево, правая рука вытянута вдоль скелета, левая согнута в локте и фаланги пальцев лежали на тазе. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 5 (Рис. 145.1) расположено в 1 м к востоку от погребения 2. Было совершено в могильной яме, размеры которой установить не удалось. У левого колена погребенного находилась каменная плита размерами 0,60х0,60х0,12 м. Скелет длиной 1,74 м уложен на спине, головой на запад. Череп повернут вправо, кисти рук были сомкнуты и лежали на костях таза. Около правого виска было обнаружено бронзовое колечко.

Погребение 6 (Рис. 145.2) расположено в юго-восточном углу раскопа. Каменный ящик сложен из хорошо отесанных плит плотного ракушечника, длина ящика 2,35 м, ширина на западе 0,85, на востоке 0,50 м. Один из камней обкладки представлял собой вторично использованное надгробие с изображением семисвечника (Рис. 138.3) Сверху погребение было перекрыто каменными плитами. Скелет длиной 1,64 м был обнаружен на глубине 1,0 м, лежал на спине, головой на юго-запад. Голова повернута влево, фаланги пальцев покоились на тазе. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 7 (Рис. 146.1) было в значительной степени разрушено окопом времен Великой Отечественной войны. Никаких следов каменного ящика не сохранилось. Вероятно, могила являлась грунтовой. От скелета, выявленного на глубине 0,80 м, обнаружены только кости черепа, предплечий и верхней части грудной клетки. Судя по останкам, скелет лежал на спине, голова повернута вправо, ориентировка западная. На груди обнаружены две бронзовые пуговицы, около затылка – бронзовая шаровидная подвеска.

Погребение 8 (Рис. 146.2) располагалось у восточного борта раскопа, в 1,70 м от погребения 5. Каменный ящик длиной 1,65 м и шириной 0,50 м (на западе), 0,35 м (на востоке). Сверху перекрыт каменными плитами, из которых одна представляла собой прямоугольный камень с отверстием в центре. Глубина залегания погребения составляла 0,85 м. Скелет длиной 1,55 м лежал на спине, головой на запад. Лицевая часть незначительно обращена на север. Правая рука, согнутая в локте, лежала поперек нижней части грудной клетки. Лучевая кость левой руки лежала в направлении к шейным позвонкам. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 9 (Рис. 146.3) располагалось в 1,0 м к северу от погребения 8. Длина каменного ящика 1,75 м, ширина в западной части 0,80 м, в восточной – 0,50 м. В обкладку могилы были заложены четыре иудейских надгробия с изображением семисвечника (Рис. 138.4-7) и одна архитектурная деталь из известняка. Скелет лежал на глубине 1,0 м, на спине, головой на запад; голова повернута влево. Кости рук перекрещены на груди. Инвентарь также отсутствовал.

Раскоп «D» (Блаватский, 1939А, л. 74-75; 1940, с. 300; 1951а, с. 209; Паромов, 1993, с. 129, № 37) исследовался в 1939 г. на террасе, примыкающей с запада к верхнему плато городища. Раскоп имел форму прямоугольника размером 1,75х6,0 м, площадью 11,3 м² (Рис. 147). Глубина достигала 2,25 м. Длинной осью ориентирован по линии ЮЮВ-ССЗ. К основному прямоугольнику была сделана прирезка “А”. Никаких архитектурных остатков на раскопе обнаружено не было. В северо-восточном углу раскопа, на глубине около 0,85 м, находилось скопление плохо сохранившихся человеческих костей. У западного борта и в прирезке “А” обнаружено погребение 120.

Погребение 120 (Рис. 147) открыто на глубине 1,82-1,93 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ССВ. Голова повернута к правому плечу. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги вытянуты. Правая ступня повернута вправо, левая лежала прямо. Длина скелета 1,65 м. Инвентарь отсутствовал.

Раскоп «Некрополь А» (Блаватский, 1936А, л. 33-39; 1940, с. 290; 1941а, с. 6-7, 26-27; 1951а, с. 189; Анфимов, 1953, с. 154; Паромов, 1993, с. 126, № 25).

Исследовался в 1936 г. в северо-западной части городища, над обрывом, отдаленным от моря 15-метровой полосой прибрежного песка. Состоял из 13 площадей в 330 м².

В западной части площади XII выявлено разрушенное грызунами погребение 3. Могильная яма не прослеживалась. На глубине 1,68 м была обнаружена раздавленная рифленая амфора с разбитым горлом, в которой находился фрагментированный горшок из грубой коричневой глины с отбитой ручкой (высота около 0,105 м, диаметр основания 0,08 м) (Рис. 107.1), красноглиняный одноручный сосуд и кости коровы. Выше амфоры лежали остатки человеческих костей. Рядом с амфорой обнаружены фрагменты простого кувшина с плоской ручкой, грубого сосуда и простого тонкостенного сосуда, а также трубчатые кости коровы.

Ниже (глубина 2,16 м) найдены фрагмент верхней части и горловина амфоры, отмеченной выше. В горле оказался фрагмент мела, под горлом – мелкие угольки, рядом лежали фрагменты грубого сосуда, обломок стекла, фрагмент человеческого ребра и ножная кость птицы.

Погребение относится к раннесредневековому времени.

В 2 м на северо-восток от погребения 3, на глубине 1,95 м был выявлен человеческий череп, лежащий лицевой частью вниз (погребение 3а). Кроме небольшого фрагмента красноглиняного сосуда с белым ангобом, других остатков погребения возле черепа обнаружено не было.

Раскоп «Юго-Западный некрополь» исследован в 1978 г. Располагался к юго-западу от городища. Площадь раскопа 850 м². Выявлено 72 погребения, большая часть из которых относилась к III в. до н.э. – III в. н.э. 16 безинвентарных могил, вероятно, относились к средневековому времени (Масленников, 1978А, л. 1-4, 7-9, 13-14, 18-20, 22-24; Кузнецов и др., 1979, с. 134; Шавырина, 1983, с. 69-70; Паромов, 1993, с. 140, № 78).

Погребение 1 (Рис. 148.1) выявлено на границе площадей I и II, на глубине 1,45 м. Могильная яма имела форму вытянутого по оси северо-западно-юго-восток четырехугольника с прямыми углами. Размеры ямы 2,10x0,70 м. На дно могильной ямы был насыпан слой золы. Погребенный лежал вытянуто, на спине, с протянутыми руками и ногами. Голова повернута вправо и ориентирована на северо-запад. Сохранность костей хорошая. Длина скелета 1,62 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 зафиксировано в восточном углу площади V, на глубине 0,10 м. Форма могильной ямы в суглинке не прослежена. От скелета сохранилась только большая берцовая кость, лежащая по оси северо-восток – юго-запад. Инвентарь представлен расслоившимся фрагментом железного ножа.

Погребение 3 (Рис. 148.2) обнаружено на площади IV у северо-западного борта, на глубине 0,20-0,30 м. Могильная яма не прослежена. Скелет лежал на спине. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая покоилась на тазовых костях. Ноги перекрещены в щиколотках. Голова ориентирована на север и слегка повернута к правому плечу. Длина скелета до пяточных костей составляла 1,65 см. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 6 (Рис. 148.3) располагалось в юго-восточной части площади VI на глубине 0,30 м. Могильная яма имела форму вытянутого овала с

расширением в головной части. Длина могильной ямы 1,60 м, ширина 0,30 м в ногах и 0,50 м в районе головы. Скелет хорошей сохранности, лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги параллельны одна другой. Голова ориентирована на север, лицевой частью вверх. Длина скелета 1,40 м. Инвентаря нет.

Погребение 10 (Рис. 149.1) выявлено в северо-западной части площади X на глубине 0,60 м. Форма могильной ямы не зафиксирована. Скелет плохой сохранности лежал на спине, руки и ноги вытянуты. Голова ориентирована на восток, лицевой частью вверх. Длина скелета 1,60 м. Инвентаря нет.

Погребение 16 открыто в северном углу площади XV, на глубине 0,40 м. Скелет сохранился плохо, погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад. Форма могильной ямы не прослежена. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 18 (Рис. 149.2) располагалось в южном углу площади XXI. Скелет лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и ногами. Череп обращен лицевой частью вверх и ориентирован на северо-запад. Длина скелета 1,30 м. Инвентаря нет.

Погребение 21 (Рис. 149.3) обнаружено в южном углу площади XXI, на глубине 0,40 м. Форма могильной ямы не прослежена. Скелет очень плохой сохранности лежал в вытянутом положении на спине, черепом на восток, лицевой частью вверх. Кисть правой руки лежала на тазовых костях, левая рука вытянута вдоль туловища. Правая нога вытянута, кости левой ноги не сохранились. Длина скелета 1,58 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 23 открыто в северном углу площади XX на глубине 0,40 м. Форма могильной ямы не прослежена. Захоронение было сильно разрушено, кости переломаны и перемешаны, череп раздавлен. Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на север. Инвентаря нет.

Погребение 30 обнаружено в у северо-восточного борта площади XXVI, на глубине 0,40 м. Форма могильной ямы не прослежена. Могила разрушена, череп раздавлен, кости рук и ног переломаны. Скелет лежал на спине, головой на запад. Длина скелета 1,35 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 35 было расположено вдоль северо-восточного борта площади XXVI, на глубине 0,50 м. Форма могильной ямы не зафиксирована. Скелет очень плохой сохранности лежал вытянуто, на спине, головой на северо-восток. Во рту находилась неопределенная монета – “обол Харона”. Другой инвентарь отсутствовал.

Погребение 44 выявлено в центре площади XXX, на глубине 0,40 м. Форма могильной ямы не прослежена. От скелета сохранились отдельные фрагменты костей, череп истлел. Скелет лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на север. Длина скелета 1,85 м. Инвентаря нет.

Погребение 49 (Рис. 150.1) открыто в северо-восточном углу площади XXVII, на глубине 0,70 м. Контуры могильной ямы не зафиксированы. Скелет хорошей сохранности лежал вытянуто на спине. Руки согнуты в локтях и кисти лежали на тазовых костях. Голова повернута влево и ориентирована на юг. Инвентарь отсутствовал. Погребение 49 перекрывало находящееся ниже погребение 50, датированное I в. до н.э. – I в. н.э.

Погребение 52 (Рис. 149.4) находилось у северо-восточного борта площади XXV на глубине 0,60 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Скелет лежал на спине с вытянутыми ногами. Руки согнуты в локтях и отстояли от туловища. Голова обращена на север. Длина скелета 1,60 м.

Погребение 56 (Рис. 150.2) обнаружено в северо-восточной части площади XXXIV, на глубине 0,40 м. Форма могильной ямы не прослежена. Женский скелет лежал на спине с вытянутыми конечностями. Голова повернута влево и обращена на восток. Инвентарь: в районе левого уха обнаружена бронзовая сережка-колечко. Время захоронения не ясно.

Погребение 58 (Рис. 150.3) выявлено в северо-западном углу площади XXIX на глубине 0,80 м. Форма могильной ямы не прослежена. Скелет лежал на спине с вытянутыми руками и ногами. Голова сильно повернута к правому плечу и обращена на северо-восток. Длина скелета 1,40 м. Инвентарь отсутствовал.

Южная окраина городища (Рис. 1) представлена грунтовыми погребениями, открытыми на раскопах «Восточный некрополь», «Керамик», «Участок А», «Южный город», «Южный» и «Майские II и III».

Раскоп «Восточный некрополь» исследовался в 1939–1940 гг. (Блаватский, 1939А, л. 84-89; 1940А, л. 97-105; 1940, с. 298-300; 1941б, с. 221; 1951а, с. 210-221, рис. 13.1; Паромов, 1993, с. 128-129, № 34). Был разбит на одном из холмов, прилегающих к городищу с востока. Представлял собой прямоугольник размерами 10х30 м, длинными сторонами ориентированный по линии север-юг (Рис. 151). Исследовано 290 м². Южная часть раскопа была перекрыта керамической свалкой античного времени мощностью 0,10-0,45 м. 12 вскрытых погребений с большой вероятностью относятся к средневековому периоду.

Погребение 110 (в прирезке С в юго-восточном углу площади XII). На глубине 0,41-0,60 м обнаружен скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, руки, видимо, были расположены вдоль туловища, ноги вытянуты. Сохранность костей плохая, сохранились отдельные трубчатые кости, фрагменты черепа, нижняя челюсть, следы позвонков и таза. Общая длина сохранившихся костей – 1,14 м. Над скелетом прослежено небольшое скопление обломков керамики.

Погребение 117 (в северо-восточной части площади III). На глубине 0,65-0,78 м открыт скелет, ориентированный головой на север с отклонением к востоку. Он лежал на спине, череп был несколько сдвинут к левому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты. Сохранность костей плохая. Общая длина скелета – 1,38 м, длина до пяточной кости – 1,35 м. Под черепом наблюдались следы истлевшей поперечной доски. В могильной земле встречались обломки простой керамики.

Погребение 118 (в юго-восточной части площади III). На глубине 0,42-0,49 м найден скелет ребенка, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была слегка приподнята, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Смещенная правая сторона скелета залегала ниже левой. Сохранность костей плохая. Кости кистей рук и ступней ног не сохранились. Общая длина костей – 0,83 м.

Погребение 122 (у западного края площади III). На глубине 0,29-0,37 м обнаружен скелет, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к западу. Он лежал на спине с протянутой вдоль туловища правой рукой и согнутой в локте левой, кисть ее покоилась на правом бедре. Ноги были вытянуты и сведены (возможно, перекрещены) в голенях. Сохранность костей плохая, череп и плечевые, кости левой голени и ступней ног не сохранились. Общая длина сохранившихся останков – 1,13 м. В 0,10 м к западу от левой голени на 0,10 м ниже горизонта, на котором лежал погребенный, обнаружена медная монета. Принадлежность ее погребению весьма сомнительна.

Погребение 123 (в западной части площади VI). На глубине 0,40-0,64 м открыт детский скелет, ориентированный головой на ССВ. Он лежал на спине, голова была, по-видимому, повернута к правому плечу, правая рука расположена вдоль туловища, правая нога вытянута. Сохранность костей плохая, сохранились следы черепа, фрагментированные трубчатые кости правого плеча, предплечья, бедра и голени, следы правой тазовой кости и отдельных ребер. Общая длина скелета – 0,78 м.

Погребение 124 (в средней части площади VIII). На глубине 0,86-1,11 м найден скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была повернута направо и склонена к правому плечу. Правая рука была расположена вдоль туловища. Левая плечевая кость руки, видимо, была смещена (лежала на грудной клетке), кости предплечья расположены вдоль туловища, а кисть покоилась на бедре. Ноги вытянуты и сближались в ступнях. Сохранность костей средняя, череп раздавлен. Общая длина скелета – 1,36 м, длина до пяточной кости – 1,25 м.

В заполнении могил погребений 122, 123 и 124 встречались обломки простых сосудов.

Погребение 126 (у южного борта площади VII). На глубине 0,31-0,35 м обнаружен скелет, ориентированный головой на северо-запад. Сохранилась лишь нижняя часть скелета (фрагменты ребер, тазовых костей, бедер и голеней), судя по которым, покойник лежал на спине с вытянутыми и, вероятно, скрещенными в ступнях ногами. Сохранность костей средняя. Общая длина сохранившихся костей 0,85 м.

Погребение 130 (в северо-западной части площади VII). На глубине 0,48-0,60 м обнаружен скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была немного наклонена к правому плечу и обращена лицом вверх. Руки расположены вдоль туловища, кисти их покоились на тазовых костях. Ноги вытянуты и сведены к ступням. Сохранность костей плохая. Длина скелета до пяточной кости – 1,20 м. В могильной земле встретилось несколько фрагментов простых сосудов.

Погребение 131 (в юго-западной части площади VI). На глубине 0,90-1,05 м открыт скелет, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к западу. Он лежал на спине, голова была повернута к правому плечу. Руки расположены вдоль туловища, кисти их лежали под тазовыми костями. Ноги вытянуты и сведены в ступнях. Сохранность костей хорошая. Общая длина скелета – 1,47 м, длина до пяточной кости – 1,37 м.

Погребение 132 (в юго-восточном углу площади VI и прирезке Е). На глубине 0,92-1,22 м найден скелет, ориентированный головой на северо-запад. Он лежал на спине, голова была повернута к правому плечу. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая приподнята, согнута в локте, кисть ее покоилась на тазовых костях. Ноги вытянуты и сведены в ступнях. Сохранность костей хорошая. Часть костей потревожена, отчасти это было вызвано тем обстоятельством, что труп покойника при захоронении был втиснут в крайне узкую могильную яму. Общая длина скелета – 1,52 м, длина до пяточной кости – 1,41 м. В засыпи могильной ямы обнаружен мелкий фрагмент керамики.

Погребение 133 (в юго-западном углу площади V). На глубине 0,58-0,70 м обнаружен детский скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была повернута к правому плечу. Руки вытянуты вдоль туловища. Сохранность костей очень плохая, нижняя часть скелета не сохранилась. Общая длина сохранившихся костей – 0,41 м.

Погребение 134 (у южного борта площади V). На глубине 1,05-1,25 м открыт скелет, ориентированный головой на восток. Он лежал на спине, голова была повернута к правому плечу. Руки были расположены вдоль туловища, ноги вытянуты и сведены в ступнях. Сохранность костей плохая, кисти рук не сохранились. От ступней сохранились следы костей. Правая сторона скелета опущена на 0,15-0,20 м ниже, чем левая. Общая длина скелета – 1,70 м. В засыпи могилы найдено несколько фрагментов простых сосудов.

Раскоп «Южный» исследовался в 1940 г. на северном склоне сопки Блевака (Блаватский, 1940А, л. 110-121; 1941б, с. 222; 1951а, с.221-226, рис. 14.5, 17.1; Кобылина, 1949, с. 47; Даньшин, 1992, л. 202; Паромов, 1993, с. 130, № 41). Раскоп имел форму прямоугольника 10х5 м и был разбит на две площади, к которым был сделан ряд прирезок. Вскрытая площадь составила 53,1 м². Здесь открыто 17 могил средневекового периода (Рис. 152). Все они представляли трупоположения в простых ямах, всегда неглубоких, а часто даже незначительных по глубине – от 0,15 до 1,07 м. Погребенные были ориентированы головами на север, иногда с незначительными отклонениями. Девять могил – детские. Инвентарь при погребенных отсутствовал.

Погребение 135 (в западной части площади II). На глубине 0,16-0,25 м обнаружен детский скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине с протянутыми вдоль туловища руками и параллельно вытянутыми ногами. Погребенный был уложен так, что ноги находились несколько ниже головы. Сохранность костей плохая, особенно черепа, от которого осталась только часть верхней челюсти. Отсутствовали кости кистей рук и ступней ног. Общая длина скелета – 0,69 м. Кости немного смещены и местами раздроблены, так как захоронение было произведено на совсем небольшой глубине.

Погребение 136 (в восточной части площади I). На глубине 0,16-0,35 м открыт детский скелет, ориентированный головой на север с незначительным отклонением к западу. Погребенный лежал на спине. Голова была слегка повернута к правому плечу. Правая рука была вытянута вдоль туловища,

левая – положена поверх ребер и таза; ноги сведены в коленях, голени расположены параллельно. Сохранность костей средняя, череп и грудная клетка раздавлены и частично смещены, фаланги рук и ног почти не сохранились. Общая длина скелета – 1 м.

Погребение 137 (в северной части площади I и на прирезке А). На глубине 0,25 м найден скелет подростка, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к востоку. Погребенный лежал на спине, левая часть скелета располагалась чуть выше правой. Руки вытянуты вдоль туловища; левое плечо и предплечье лежали поверх ребер. Ноги расположены параллельно, с незначительным изгибом в коленях. Сохранность костей средняя. Общая длина скелета – 1,32 м, длина до пяточной кости – 1,25 м.

Погребение 138 (близ центра площади I). На глубине 0,20-0,34 м обнаружен детский скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги – протянуты. Сохранность костей плохая, череп раздавлен, лицевые кости, позвонки, кисти рук и ступни ног отсутствовали. Общая длина скелета – 0,74 м. Как и в погребениях 135 и 136, часть костей смещена и раздавлена.

Погребение 139 (в северо-западном углу площади II). На глубине 0,30-0,51 м открыт скелет, ориентированный головой на север, с небольшим отклонением к востоку. Он лежал на спине с расположенными вдоль туловища руками, кисти их были положены на бедра, вытянутые ноги сходились в ступнях. Череп повернут к левому плечу. Сохранность костей хорошая. Общая длина скелета – 1,67 м, длина до пяточной кости – 1,58 м. Около левой части тазовой кости у кисти руки обнаружен сильно окислившийся кусок бронзы, вероятно не связанный с погребением, попавший в него случайно.

Погребение 140 (в западной части площади II). На глубине 0,36-0,44 м найден детский скелет, ориентированный головой на север. Скелет лежал на спине, причем левая часть его была приподнята по сравнению с правой. Руки расположены вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях. Сохранность костей плохая, череп раздавлен, кисти рук и ступни ног не сохранились. Общая длина скелета – 0,64 м.

Погребение 141 (в северо-западной четверти площади II). На глубине 0,30-0,43 м обнаружен детский скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и ногами, скрещенными в ступнях. Сохранность костей плохая, череп раздроблен, кисти рук и ступни почти полностью утрачены. Общая длина скелета 0,71 м.

Погребение 142 (в средней части площади II). На глубине 0,42-0,52 м открыт детский скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, лицевая часть была обращена кверху, руки расположены вдоль туловища, кисти положены на бедра, ноги вытянуты параллельно. Сохранность костей средняя, череп раздроблен, ступни не выявлены. Общая длина скелета – 0,70 м.

Погребение 143 (в юго-восточном углу площади II) (Рис. 152.1). На глубине 0,67-0,90 м найден скелет, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к востоку. Он лежал на спине, голова была повернута к левому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно.

Череп раздавлен, сохранность остальной части скелета очень хорошая. Общая длина скелета – 1,72 м, длина до пяточной кости – 1,54 м. Сверху погребенный был покрыт какой-то органикой, вероятно, тканью. Перегной ее образовал черную пелену 1,70 м длиной и 0,48 м шириной, лежавшую над костями. Аналогичное пятно перегноя было обнаружено и под костями скелета.

Погребение 144 (в средней части площади II). На глубине 0,20-0,25 м обнаружен детский скелет, ориентированный головой на север, с отклонением к востоку. Он лежал на спине, правая рука была вытянута вдоль туловища. Сохранность костей очень плохая, выявлены фрагменты черепа, один позвонок, правое плечо и предплечье, фрагмент правого бедра. Длина скелета – 0,35 м.

Погребение 145 (в южной части площади II). На глубине 0,56-0,76 м открыт скелет, ориентированный головой на север с отклонением к востоку. Он лежал на спине, голова склонена к правому плечу, лицевой частью череп обращен на лево. Руки расположены вдоль туловища, а кисти их находились под тазовыми костями. Ноги вытянуты параллельно. Общая длина скелета – 1,59 м, длина до пяточной кости 1,48 м. Под черепом лежал большой камень, возможно, оказавшийся в погребении случайно. Под костями обнаружены остатки органического перегноя, возможно ткани, имевшей вид черного пятна. Это пятно (местами прерываясь) занимало пространство от черепа до бедер около 0,75 м в длину. В засыпи могильной ямы найдено несколько фрагментов простых сосудов.

Погребение 146 (в северной части площади II и прирезке В). На глубине 0,66-0,83 м обнаружен скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была повернута к левому плечу. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть ее покоилась на тазовых костях. Ноги вытянуты. Сохранность костей, кроме черепа, очень хорошая. Общая длина скелета – 1,62 м, длина до пяточной кости – 1,48 м. В засыпи могилы найдено несколько обломков простых сосудов.

Погребение 147 (в западной части площади I) (Рис. 152.2). На глубине 0,50-0,70 м найден скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была повернута к левому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты и сближены в ступнях. Левое предплечье лежало под тазовой и бедренной костью. Сохранность костей хорошая. Общая длина скелета – 1,58 м, длина до пяточной кости – 1,48 м.

Погребение 148 (в северо-восточном углу площади II и на прирезке С). На глубине 0,64-0,72 м открыт скелет подростка, ориентированный головой на север, с незначительным отклонением к востоку. Он лежал на спине, голова была склонена к левому плечу, лицевая часть обращена кверху, руки расположены вдоль туловища, слегка согнутые в коленях ноги вытянуты. Череп раздавлен, сохранность остальной части скелета хорошая. Позвоночный столб сильно искривлен. Общая длина скелета около 1 м, до пяточной кости – 0,90 м. Под скелетом местами обнаружены пятна черного органического перегноя, возможно, остатки ткани, так же как и в погребениях 143 и 145.

Погребение 149 (в юго-восточном углу площади I и на прирезке Д). На глубине 0,85-1,03 м найден скелет, ориентированный головой на север. Он лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, кисти которых были положены на бедра, ноги вытянуты параллельно. Общая длина скелета 1,70 м, длина до пяточной кости – 1,58 м.

Погребение 150 (в северо-восточном углу площади I). На глубине 1,00-1,07 м открыт скелет, ориентированный головой на север, с незначительным отклонением к востоку. Он лежал на спине, голова была наклонена к правому плечу, руки располагались вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Сохранность костей очень хорошая. Нижняя челюсть отпала от черепа. Общая длина скелета – 1,75 м, длина до пяточной кости – 1,65 м. Над верхней частью скелета, на пространстве от черепа до таза, на 0,02-0,10 м над костями, прослежено пятно плохо сохранившихся следов дерева. Протяжение его с севера на юг – 0,60 м, с востока на запад – 0,70 м. Судя по следам, здесь было положено шесть брусков дерева, видимо, – сучьев, расположенных по направлению с востока на запад. Первый, считая с севера, отпечатан на глине, сохранились отдельные мелкие волокна; след сохранился в длину на 35 см, ширина его – 2,5 см. Второй – длиной 5,1 см и шириной 4,5 см – также представлял отпечаток на глине с мелкими волокнами. Третий прослеживался только по отпечатку на глине 0,62 м длиной и 4,2 см шириной. Лучше сохранились остатки четвертого бруска. Остатки дерева темно-коричневого, местами черного цвета, тянулись на 3,9 см в длину, 0,4 см в ширину, при толщине от 0,1 до 0,3 см. От пятого бруска лишь частично сохранились остатки дерева; в основном он прослеживается по отпечатку на глине 5,6 см длиной и 4,5 см шириной. То же следует сказать и о шестом, заметном на 0,44 м в длину и 0,044 м в ширину. Судя по следам, описанные бруски или сучья лежали наклонно, западные концы на 1-1,3 см были выше восточных. Расстояние между брусками колебалось от 2 до 7 см. Вероятно, описанный настил – часть несохранившегося перекрытия могильной ямы. Это предположение подтверждается также отпавшей от черепа нижней челюстью, указывающей, что разложение трупа происходило в пространстве, не заполненном землей.

Погребение 151 (у восточного края площади I). На глубине 0,10-0,15 м обнаружен детский скелет, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к востоку. Он лежал на спине, руки расположены вдоль туловища, бедренные кости ног вытянуты параллельно. Сохранность скелета плохая, череп раздавлен, многие из костей, в том числе кости голени утрачены. Общая длина сохранившейся части скелета – 0,44 м.

Как и в погребениях 135, 136 и 138, часть костей смещена и раздавлена.

По мнению В.Д. Блаватского, отсутствие погребального инвентаря сильно затрудняет датировку погребений и определение культурной принадлежности погребенных. Самая глубокая из могил была сооружена выше, чем зольник с античными амфорами, открытый на раскопе. Это наводит на мысль о сравнительно позднем времени могил, в полном соответствии с чем является несвойственное античному обряду похорон совершенное отсутствие погребального инвентаря, которое вряд ли следует объяснять од-

ной лишь бедностью покойников. Также характер костей хорошо сохранившихся скелетов побуждает думать скорее о средних веках, чем об античной эпохе. Обращает внимание и сравнительная одновременность могил. Если согласиться с датировкой погребений эпохой средневековья, тогда ориентация покойников головой на север, а лицом на юг, может быть связана с ориентацией на Иерусалим, свойственной иудеям (Блаватский, 1951а, с. 225-226). Однако с такой интерпретацией согласится трудно – зафиксированная ориентировка и положение скелетов могут объясняться также, например, влиянием позднесарматских погребальных традиций (Даньшин, 1993, с. 67).

Раскоп «Майский II» исследован в 1947 г. (Кобылина, 1947А, л. 14-16, рис. 39, 43; 1949, с. 47; 1951а, с. 236-239, рис. 1; Паромов, 1993, с. 131, № 45). Был заложен на склоне Майской горы в южной части городища. Вскрытая площадь составила 60 м².

На «Майском II» раскопе было обнаружено 16 погребений, впущенных в верхний эллинистический слой (Рис. 153). Эти погребения залегали на разных уровнях, некоторые очень близко от поверхности. По-видимому, более поздние погребения разрушили более ранние. Вследствие особенностей грунта форму могил определить было невозможно.

Некрополь связан с рядовым населением города, о чем свидетельствует почти полное отсутствие инвентаря. Могилы представляют собой простые ямы; умершие были положены без гробов, – никаких следов последних не обнаружено; в одном случае – погребение 9 (160) было покрыто досками.

Только одно погребение 3 (154) датируется (III–IV вв. н. э.). Все остальные погребения, которые были впущены в слой III–I вв. до н. э., могут быть как позднеантичными (первых веков н.э.), так и средневековыми.

Погребение 1 (152) открыто на глубине 0,35 м. Сохранились малые берцовые кости. Вероятно, погребенный был ориентирован на северо-запад. Вещей нет.

Погребение 2 (153) (Рис. 154.1) открыто на глубине 0,32-0,40 м, разрушено. Сохранились лишь кости черепа, руки, ключицы, несколько ребер. Скелет ориентирован головой на юг. Вещей нет.

Погребение 5 (155) (Рис. 154.2) открыто на глубине 0,58 м, скорченное погребение подростка, ориентированное головой на северо-запад, лицом на юг. Вещей нет.

Погребение 6 (156) открыто на глубине 0,48-0,50 м, сдвинуто погребением 3 и разрушено. Судя по направлению сохранившихся берцовых костей и костей таза, скелет был ориентирован головой на север. Вещей нет.

Погребение 7 (157) открыто на глубине 0,58 м, сильно разрушено. Судя по направлению сохранившихся костей, скелет был ориентирован головой на северо-запад. Вещей нет.

Погребение 8 (158) открыто на глубине 0,85 м, разрушено; скелет был ориентирован головой на север. Вещей нет.

Погребение 9 (159) открыто на глубине 1,13 м. Погребение сильно разрушено, скелет ориентирован головой на северо-запад. Вещей нет.

Погребение 10 (160) открыто на глубине 0,83 м. Довольно хорошо сохранившийся скелет, ориентированный головой на северо-запад, лежал на

спине, руки вытянуты вдоль тела; длина скелета до пяточных костей 1,57 м. Был перекрыт деревянной доской длиной 1,78-1,85 м, шириной 0,08 м. Вещей нет.

Погребение 11 (161) открыто на глубине 1,25 м; скелет хорошей сохранности был расположен головой на юго-запад, лежал на спине, руки были вытянуты вдоль тела; погребение частично впущено в материк. Длина скелета до пяточной кости – 1,83 м. Вещей нет.

Погребение 12 (162) открыто на глубине 0,45 м; скелет плохой сохранности, головой на север, лежал на спине, как бы сдавленный с боков, руки расположены вдоль тела, длина – 1,40 м. Вещей нет.

Погребение 13 (163) (Рис. 154.3) открыто на глубине 0,65 м. Погребение сильно разрушено, скелет, ориентированный головой на северо-запад, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, длина скелета – 1,40 м. Вещей нет.

Погребение 14 (165) (Рис. 154.4) открыто на глубине 0,39 м. Погребение нарушено, скелет ориентирован головой на северо-запад, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Длина скелета – 1,50 м, сохранность костей плохая. Вещей нет.

Погребение 15 (166) открыто на глубине 0,72 м; скелет плохой сохранности, ориентированный головой на северо-запад, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, длина скелета – 1,50 м. Вещей нет.

Погребение 16 (167) открыто на глубине 0,78 м; скелет лежал на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль тела, длина скелета – 1,55 м. Вещей нет.

Раскоп «Майский III» исследован в 1947 г. (Кобылина, 1947А, с. 16-17, рис. 45; 1951а, с. 239-240; Паромов, 1993, с. 131, № 46). Находился на западном холме, почти против юго-западного угла городища, к югу от полотна железной дороги. Этот холм ограничен с севера и запада довольно глубокими балками, на их пересечении образовался мыс, на склоне которого было множество фрагментов керамики (очевидно, смытых сверху).

Обнаружено только одно средневековое погребение 17(168) на глубине 0,80 м. Сохранность погребения плохая, скелет, ориентированный головой на юго-запад, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, правая рука слегка сдвинута в сторону, ноги чуть согнуты. Длина скелета – 1,50 м. Вещей нет.

Раскоп «Керамик», расположенный в юго-восточном районе верхнего плато, с перерывами исследовался с 1930 по 1964 гг. Открыты слои с VI в. до н.э. по IV в. н.э. Общая площадь раскопа составила ок. 910 м². В средневековое время здесь располагался некрополь. Выявлено 18 погребений. В 1952 г. шесть грунтовых погребений средневекового периода, в 1954 и 1955 гг. – по одному, в 1964 г. было открыто десять погребений (Кобылина, 1952А, л. 24-26; 1955А, л. 24; 1956, рис. 26; 1964А, л. 3-5, рис. 2-3; 1967, с. 129; Атавин, 1986, с. 262, табл. 1, №№ 1-17, рис. 1-2; Долгоруков, 1991, с. 43; Паромов, 1993, с. 125-126, № 23; 2003, с. 165).

Погребение 1 (Рис. 155.1) открыто в северо-восточном углу площади II на глубине 0,87 м. Могильная яма не прослежена. Погребение уходило в восточный борт, из-за чего была сделана прирезка. Погребенный лежал головой на запад, в неестественном положении: череп – отдельно, на месте

левого плеча, лицевой частью на восток, нижняя челюсть – на черепе. Руки были разведены в стороны. Кисти рук не сохранились. В правом виске обнаружено круглое отверстие. Длина скелета 1,50 м, ширина в плечах 0,65 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (Рис. 155.2) детское, открыто на глубине 0,75 м в юго-западной части площади V. Могильная яма не прослежена. Погребенный ориентирован головой на северо-восток, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Длина скелета 1,20 м. Инвентаря нет.

Погребение 3 (Рис. 155.3) открыто на глубине 1,10 м в юго-западном углу площади IV. Могильная яма не прослежена. Погребение мужское, ориентировка на северо-восток. Скелет лежал на спине, но ноги согнуты в коленях вправо, правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и лежала на поясе. Длина скелета 1,15 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 4 (Рис. 157.1) открыто на глубине 1,21 м у северного борта площади V. Могильная яма не прослежена. Скелет лежал головой на северо-запад, на спине, руки вытянуты вдоль тела, ноги согнуты в коленях вправо, лицевая часть черепа обращена на запад, челюсть отвисла. Длина скелета 1,15 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 5 (Рис. 156.1) открыто на глубине 0,43 м в западной части площади VI. Могильная яма не прослежена. Скелет мужчины лежал головой на ЮЮВ, на спине, левая рука вытянута вдоль тела, правая рука чуть согнута в локте и упиралась локтевым суставом в кусок сырцового кирпича (вероятно, попал в могилу случайно), ноги вместе, лицевая часть черепа обращена на северо-запад, к правому плечу. Длина скелета 1,80 м. Около лица стоял лепной горшок, подновленный на гончарном круге VIII–IX вв. из черной глины (Рис. 156.2) с линейно-волнистым орнаментом. Тулово шаровидное, тесто – с примесью дробленой ракушки. Около запястья найден маленький глиняный кружочек.

Погребение 6 (Рис. 157.2) детское, открыто на глубине 0,55 м на площади VI. Могильная яма не прослежена. Погребение частично разрушено. Череп обращен затылком вверх, кости рук и ребра сдвинуты, кости ног, кроме одной берцовой, отсутствовали. Длина сохранившегося скелета 0,75 м. Около ног лежала бусина.

Погребение 7 (Рис. 157.3) открыто над развалом гончарной печи IV в. н.э. Могильная яма не прослежена. Погребенный ориентирован головой на север, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, ноги вместе, череп повернут влево. Возле головы, с правой стороны, стоял кувшинчик (не сохранился).

Погребение 8 открыто на глубине 1,13-1,15 м на площади XVII. Могильная яма не прослежена. Погребение было ориентировано на северо-запад, разрушено. Сохранились тазовые кости и трубчатые кости ног. Вероятно скелет лежал на спине, ноги вытянуты параллельно. Длина скелета 1,30 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребения, открытые в 1964 г.

Погребение 1 (Рис. 158.1) открыто на глубине 0,20 м у западного борта площади XXXI. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на слое сажи и золы головой на север, вытянуто на спине, руки сложены на тазе.

Длина скелета 1,10 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (Рис. 158.2) открыто на глубине 0,25 м у южного борта площади XXXI. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал головой на ЗСЗ, вытянуто на спине, руки вдоль тела. Длина скелета 1,30 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 3 открыто на глубине 0,25 м в восточной части площади XXXVI. Могильная яма не прослежена. Сохранился только череп, по положению которого можно предположить, что погребение было ориентировано на ССВ. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 4 (Рис. 158.3) открыто на глубине 0,30 м в восточной части площади XXXVI. Могильная яма не прослежена. Сохранились только части берцовых костей, лежавшие на расстоянии 0,30 м от погребения 3, перпендикулярно к черепу. Длина костей 0,30 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 5 (Рис. 158.4) открыто на глубине 0,30 м на площади XXXVI. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал головой на северо-восток, лицевой частью на юго-восток, вытянуто на спине, руки вдоль тела. Длина скелета 1,35 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 6 (Рис. 159.1) располагалось над погребением 5, но несколько смещено к северо-востоку, отделено от погребения 5 слоем грунта толщиной 0,15 м. Погребенный лежал головой на северо-восток, лицевой частью на юго-восток, вытянуто на спине. Длина скелета 1,25 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 7 (Рис. 159.2) открыто на глубине 0,50 м в юго-восточном углу площади XXXVI. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал головой на северо-запад, вытянуто на спине, руки вдоль тела. Длина скелета 1,40 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 8 (Рис. 159.3) открыто на глубине 1,50 м в юго-западном углу площади XXXI. Могильная яма не прослежена. Ориентировка погребенного – головой на северо-запад, лицевая часть слегка повернута на северо-восток; умерший лежал вытянуто на спине, правая рука на костях таза, левая не сохранилась. Длина скелета 1,50 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 9 (Рис. 159.4) открыто на глубине 0,35 м у северного борта площади XXX. Могильная яма не прослежена. Погребение разрушено. Сохранилась часть черепа и к северу от нее два сосуда: лепной горшок, расслоившийся на мелкие фрагменты и лощеный гончарный кувшинчик с широким, сужающимся к горлу туловом и отбитой ручкой.

Погребение 10 открыто на глубине 0,15 м у восточного борта площади XXXIX. Могильная яма не прослежена. Погребение разрушено. Сохранилась часть черепа.

Раскоп «Участок А» исследовался в 1965 г. С юга и запада примыкал к раскопу «Керамик». Выявленные строительные остатки относились к V в. до н.э. – IV в. н.э. В средневековье эта территория служила кладбищем – здесь было открыто шесть погребений (Рис. 160) (Кобылина, 1965А, л. 8-9; 1970а, с. 72, рис. 28; Атавин, 1986, с. 262, табл. 1, №№ 18-23; Паромов, 1993, с. 137, № 67).

Погребение 1 (Рис. 161.1) вскрыто у северного борта площади XLV

на глубине 0,60 м. Могильная яма не прослежена. Сохранность скелета плохая. Погребенный лежал головой на север, на спине, руки на груди, ноги скрещены. Длина скелета 1,40 м.

Погребение 2 (Рис. 161.2) полуразрушено. Вскрыто в средней части площади XLII на глубине 1,98 м. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал головой на восток, на спине, руки вдоль тела. Длина сохранившегося скелета 0,98 м. Над погребенным прослежены следы деревянной доски в виде полосы коричневого цвета, длиной 0,30 м, шириной 0,01 м.

Погребение 3 (Рис. 161.3) вскрыто на площади XLIII. Прослежены очертания могильной ямы длиной 1,50 м, шириной 0,60 м. Погребенный лежал головой на северо-восток, лицевая часть повернута на север, вытянуто на спине, руки вдоль тела, ступни не сохранились. Длина скелета 1,44 м.

Погребение 4 (Рис. 161.4) открыто в северо-западном углу площади XLVII и юго-западном углу площади XLIX, на глубине 0,66 м. Могильная яма не прослежена. Сохранность скелета плохая – распался череп, отсутствовали фаланги. Погребенный лежал головой на ССЗ, вытянуто на спине, руки вдоль тела. Длина скелета 1,40 м.

Погребение 5 вскрыто у южного борта площади LI на глубине 0,10 м. Могильная яма не прослежена. Погребение разрушено, на пространстве 0,40x0,35 м сохранилось лишь несколько беспорядочно лежащих костей, среди которых встречены кости черепа и берцовые кости.

Погребение 6 (Рис. 161.5) открыто у южного борта площади XLIX, на глубине 0,15 м. Могильная яма не прослежена. Сохранность скелета плохая – поврежден череп, кости таза и ног. Погребенный лежал головой на север, вытянуто на спине, руки скрещены на груди. Длина скелета 1,45 м.

Раскоп «Южный город» исследовался в связи с прокладкой напорного трубопровода по южной части городища в 1979–1991 гг. Представлял собой траншею длиной 570 м и шириной от 5 м (более 100 площадей (Рис. 164) и ряд прирезок к ним). Общая исследованная площадь составила ок. 2850 м². Впоследствии был прирезан к раскопу «Керамик». На раскопе выявлены городские слои от начала V в. до н.э. до III–IV вв. н.э. На многих участках архаичные слои оказались перекрыты большим средневековым кладбищем – выявлено 146 погребений (Усачева, 1979А, л. 10-18; Долгоруков, 1980А, л. 32-44; 1981А, л. 33-34; 1983, с. 116; 1984А, л. 14, 50-51; 1985А, л. 118, 122; 1987, с. 137; Новиков, 1981А, л. 1-21; Завойкин, 1988А, л. 24-25; 1990А, л. 14-15; Паромов, 1993, с. 140, № 79; 2004, с. 106).

Работы 1979 г. на восточных площадях.

Погребение 20 (Рис. 162.1) открыто на площади LIII, на глубине 0,28 м. Могильная яма овальной формы, длиной 1,60-1,65 м, шириной 0,47-0,7 м, ориентирована по линии север-юг, в северной части расширилась. Погребенный лежал на спине, головой на север, руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты и скрещены у щиколоток. Череп раздавлен и склонен к правому плечу, лицевой частью обращен на юго-запад. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 23 (Рис. 162.2) открыто на глубине 0,57 м. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на северо-восток.

Верхняя часть скелета и череп не сохранились. Судя по оставшимся костям правой руки и ног, они были вытянуты. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 26 (Рис. 163.1) выявлено на глубине 0,41 м. Могильная яма не прослежена. Верхняя часть скелета и череп не сохранились. Судя по сохранившейся части, погребенный лежал на спине, головой на север, ноги вытянуты. Инвентаря нет.

Погребение 30 (Рис. 163.2) залегало на глубине 1,03 м. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела, кисти рук, кости таза и ног не сохранились. Череп склонен к правому плечу. Инвентарь представлен обломком железного ножа, лежащего у левой локтевой кости руки.

Погребение 31 (Рис. 163.3) обнаружено на глубине 1,08 м. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Череп раздавлен, отсутствовали кисти рук, берцовых костей и стоп. Длина скелета 0,90 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 34 (Рис. 163.4) находилось на глубине 1,15 м. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута и лежала на тазе. Нижние кости ног не сохранились. Судя по сохранившимся берцовым костям, ноги были вытянуты. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 41 (Рис. 163.5) обнаружено на глубине 3,98 м. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на северо-запад. Руки и ноги вытянуты. Череп склонен к левому плечу. Длина скелета 1,45 м. Инвентарь отсутствовал.

Работы 1979 г. на западных площадях (Рис. 165).

Погребение 1 (Рис. 168.1) располагалось на глубине 0,56 м, в северо-восточном углу площади III. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто, на спине, ориентировка на северо-запад. Череп отсутствовал. Руки протянуты вдоль туловища. Кисть левой руки не сохранилась. Ноги вытянуты. Инвентаря нет. Чуть ниже левой ступни найдены гвоздь и железный предмет, вероятно, связанные с небольшой ямой, обнаруженной под ногами погребенного. Яма прямоугольная в плане, размерами 0,45x0,25 м, глубиной 0,90 м.

Погребение 2 (Рис. 168.2) обнаружено на глубине 1,21 м на площади V. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на северо-запад. Череп лежал на затылочных костях, немного повернутый вправо. Руки вытянуты вдоль тела. Левая нога вытянута, правая согнута в колене. Инвентаря нет.

Погребение 3 (Рис. 168.3) открыто на глубине 1,22 м у южного борта площади V. Могильная яма не прослежена. Погребение детское, разрушено. Погребенный лежал на спине, головой на запад. От черепа сохранилась только нижняя челюсть. Руки, вероятно, были вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 4 (Рис. 168.4) открыто на глубине 0,55 м в юго-восточном углу площади III. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на

спине, головой на запад. Череп лежал на затылочных костях, немного повернут вправо. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Инвентаря нет. Возле черепа, слева, обнаружена кость животного.

Погребение 5 (Рис. 169.1) обнаружено на глубине 2,25 м на границе площадей VI и VII. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп лицевой частью обращен на юг. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Кисть левой руки (не сохранилась) покоилась на костях таза. Инвентарь отсутствовал. Севернее левой плечевой кости обнаружена лопатка животного.

Погребение 6 (Рис. 169.2) открыто на глубине 1,92 м на площади V. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Череп лицевой частью обращен на юг. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Инвентаря нет. Чуть ниже правого колена лежала кость животного.

Погребение 7 (Рис. 169.3) открыто на глубине 0,63 м у южного борта площади I. Могильная яма не прослежена. Погребение ребенка, разрушено. Погребенный лежал на спине, на запад. Череп, кости ног и частично рук, не сохранились. Руки вытянуты вдоль тела. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 8 (Рис. 169.4) открыто на глубине 0,65 м в центре площади I. Могильная яма не прослежена. Погребение ребенка было совершено на спине, головой на юго-запад. Череп раздавлен. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Инвентаря нет.

Погребение 9 (Рис. 169.5) обнаружено на глубине 0,82 м на площади I. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп покоился на затылочных костях. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Инвентаря нет.

Погребение 10 (Рис. 169.6) открыто на глубине 0,94 м у восточного борта площади III (стопа левой ноги уходила в бровку). Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп лицевой частью обращен на юг. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Левое предплечье значительно приподнято. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 11 (Рис. 169.7) открыто на глубине 1,23 м у северного борта площади V, рядом с погребением 2. Могильная яма не прослежена. Череп погребенного раздавлен, остальные кости не сохранились. Инвентаря нет.

Погребение 12 (Рис. 169.8) открыто на глубине 2,43 м на площади VII. Могильная яма не прослежена. Погребение ребенка, разрушено. Вероятно, погребенный лежал головой на запад. Сохранились только кости раздавленного черепа. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 13 (Рис. 170.1) обнаружено на глубине 0,86 м в северо-восточном углу площади I. Прослежена могильная яма, имеющая закругленные углы и длину 1,93 м, ширину 0,76 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп чуть повернут вправо. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Инвентаря нет. Возле костей обеих предплечий и вдоль левой руки прослежены остатки деревянных плашек от гробовища.

Погребение 14 (Рис. 170.2) открыто на глубине 2,51 м у восточного борта площади VII. Ступни погребения уходили в восточную бровку. Могильная

яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп лежал на затылочных костях, чуть повернут влево. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Левая нога чуть согнута в колене. Инвентаря нет.

Погребение 15 (Рис. 170.3) располагалось на глубине 2,40 м у северного борта площади VIII. Могильная яма не прослежена. От погребения сохранились только кости раздавленного черепа и фрагменты керамики, в том числе разбитый кувшин, дата которого не определена (кувшин не сохранился).

Погребение 16 (Рис. 170.4) открыто на глубине 2,45 м у восточного борта площади VIII. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Череп покоился на затылочных костях. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Кисть левой руки лежала поверх большой берцовой кости. Инвентаря нет.

Погребение 17 (Рис. 171.1) открыто на глубине 2,69 м в северо-западном углу площади VIII. Могильная яма не прослежена. Погребенный ребенок лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп покоился на затылочных костях. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 18 (Рис. 171.2) находилось на глубине 1,11 м на площади V, южнее погребения 2. Могильная яма не прослежена. Погребение разрушено, сохранившиеся кости разбросаны.

Погребение 19 (Рис. 171.3) открыто на площади IV. Прослежена могильная яма с закругленными углами, длиной 1,23 м, шириной 0,45 м. Погребенный подросток лежал на спине, головой на запад. Череп лицевой частью обращен на юг. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Правая нога чуть согнута в колене. Инвентаря нет.

Погребение 20 (Рис. 172.1) открыто на площади VI. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп повернут лицевой частью к югу. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 21 (Рис. 172.2) находилось на площади VI, южнее погребения 20. Могильная яма не прослежена. Погребенный ребенок лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Череп повернут лицевой частью к югу. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги не сохранились. Инвентаря нет.

Погребение 22 (Рис. 172.3) находилось на площади VI, севернее погребения 20. Могильная яма не прослежена. Захоронение черепа, лежащего лицевой частью к югу.

Погребение 23 (Рис. 172.4) открыто на глубине 0,16 м, у южного борта площади IV. Могильная яма не прослежена. Погребение детское, разрушено. Погребенный лежал на спине, на запад. Череп, кости предплечий, кости голеней не сохранились. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 24 (Рис. 172.5) располагалось у северного борта площади VI. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут лицевой частью на юг. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Кисть левой руки (не сохранилась) лежала поверх

большой берцовой кости. Инвентаря нет. Чуть выше колен сохранились остатки деревянной плашки.

Погребение 25 (Рис. 172.6) открыто на площади II. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп покоился на затылочных костях, повернут чуть вправо. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Инвентаря нет.

Погребение 26 (Рис. 172.7) открыто на площади IV. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, на северо-запад. Череп, кости предплечий и грудной клетки, не сохранились. Руки были вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты. Инвентарь отсутствовал.

Работы 1980 г. (Рис. 165, 166).

Погребение 27 (Рис. 173.1) обнаружено на глубине 0,62 м в северо-западном углу площади II. Могильная яма не прослежена. Погребенная женщина, лежала вытянуто на спине, головой на запад. Череп завалился направо. Левая рука вытянута и обращена ладонью вверх, ладонь находилась под костями таза. Правая рука слегка согнута в локте, кисть лежала на тазовых костях. Правая нога, согнутая в колене, упиралась пяткой в пятку левой ноги. Длина скелета 1,46 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 28 (Рис. 173.2) открыто на глубине 0,90 м в юго-восточной части площади VI. Могильная яма не прослежена. Погребенный грудной ребенок лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки вдоль тела. Ноги скелета не сохранились. Длина скелета 0,43 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 29 (Рис. 173.3) находилось на глубине 0,76 м в юго-восточной части площади II. Могильная яма не прослежена. Скелет разрушен. Вероятно, погребенный был ориентирован головой на запад и лежал вытянуто на спине. Сохранилась малая берцовая кость и фаланги пальцев рук, очевидно, лежавшие на тазовой кости. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 30 (Рис. 173.4) открыто на глубине 0,61 м у северного борта площади XI. Могильная яма не прослежена. Погребенный – ребенок с полными молочными зубами, лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут лицевой частью на юг. Кости рук согнуты в локтях и лежали ладонями на тазе. Длина скелета 0,86 м. В 0,20 м к югу от черепа обнаружено ребро коровы и фрагмент трубчатой кости птицы.

Погребение 31 (Рис. 173.5) располагалось на глубине 0,54 м у юго-восточного угла площади XI. Могильная яма не прослежена. Погребение значительно разрушено, вероятно, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Кости правой руки слегка согнуты, ладонь покоилась на тазе. Кости левой руки отсутствовали. Длина скелета 1,0 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 32 (Рис. 173.6) открыто на глубине 0,60 м в центральной части площади XI. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, немного наклонен на правый бок, головой на запад. Череп лицевой частью обращен на юг. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Длина скелета 1,10 м. С левой стороны у черепа обнаружена кость барана.

Погребение 33 (Рис. 173.7) обнаружено на глубине 0,64 м у восточного борта площади XI и частично уходило под него. Могильная яма не просле-

жена. Сохранилась только верхняя часть скелета, лежащего на спине, головой на запад. Череп повернут лицевой частью на юг. Ладони Согнутых в локтевых суставах рук, лежали на тазовых костях. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 34 (Рис. 174.1) открыто на глубине 0,62 м в юго-восточной части площади XII. Могильная яма не прослежена. Погребение было перекрыто досками, остатки которых зафиксированы на 0,05 м выше скелета. Погребенный мужчина, лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут лицевой частью к югу, левое плечо слегка приподнято. Руки вытянуты вдоль туловища. Пальцы левой руки чуть согнуты. Ступни ног не сохранились. Длина скелета 1,45 м. В 0,20 м к северу от черепа, обнаружена баранья кость.

Погребение 35 (Рис. 174.2) открыто на глубине 0,64 м в северо-западном углу площади XII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение ребенка с полными молочными зубами. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут лицевой частью на юг. Длина скелета 0,76 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 36 (Рис. 174.3) располагалось на глубине 0,65 м у северного борта площади XI. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Череп лицевой частью обращен на юг. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Кости левой руки, лучевая кость правой руки и фаланги пальцев ног отсутствовали. Длина скелета 0,80 м. Инвентаря нет.

Погребение 37 (Рис. 175.1) обнаружено на глубине 0,38 м в северной части площади X. Могильная яма не прослежена. Погребенный ребенок (6-8 лет) лежал на спине, головой на запад. Череп лицевой частью обращен на юг. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Лучевые кости правой руки и кости голени правой ноги не выявлены. Частично сохранилась плечевая кость левой руки. Судя по сохранившимся остаткам, ладони рук покоились на костях таза. Длина скелета 0,80 м. Инвентаря нет. Севернее черепа и костей таза обнаружены фрагменты стенок античных амфор.

Погребение 38 (Рис. 175.2) открыто на глубине 0,64 м в северо-восточном углу площади XII. Могильная яма не прослежена, ее дном служила вымостка давяльной площадки винодельни позднеантичного времени. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Череп обращен лицевой частью вверх. Кости рук слегка согнуты в локтях, кисти рук покоились на тазе. Ноги в коленях слегка разведены в стороны. Длина скелета 0,47 м. Инвентаря нет.

Погребение 39 (Рис. 175.3) обнаружено на глубине 0,32 м на границе площадей IX и X. Могильная яма не прослежена. Верхняя часть скелета не сохранилась. Судя по остаткам, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Инвентаря нет.

Погребение 40 открыто на глубине 0,38 м у южного борта площади X (на плане не обозначено). От погребения сохранился лишь фрагмент черепа.

Погребение 41 обнаружено в 0,60 м к северу от погребения 40, на площади X (на плане не обозначено). Сохранилась лишь небольшая берцовая кость.

Погребение 42 (Рис. 176.1) расположено на глубине 1 м у южного борта площади IX. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытяну-

то, в положении на правом боку, головой на запад. Череп лицевой частью обращен на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть около таза. Левая рука согнута в локте и покоилась на ребрах. Ноги слегка согнуты в коленях. Пяточная кость правой ноги лежала у левой ступни. Длина скелета 1,25 м. Перед черепом обнаружена медная монета I в. до н.э., вероятно, не связанная с погребением. У левого бока выявлен фрагмент дна красноглиняного кувшина на кольцевом поддоне, на котором лежала неопределенная бронзовая монета.

Погребение 43 (Рис. 176.2) обнаружено на глубине 0,67 м у западного борта площади IX. Могильная яма не прослежена, ее дно выстлано глиняной подстилкой толщиной 0,06 м. Погребенный подросток (14-16 лет) лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп слегка завален на левый висок, нижняя челюсть выявлена на грудной клетке. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте, ладонь лежала на костях таза. Ноги вытянуты. Длина скелета 1,56 м. Севернее черепа обнаружена неопределенная бронзовая монета; еще одна бронзовая монета лежала на локтевом суставе левой руки. У левого бока обнаружена кость барана.

Погребение 44 (Рис. 176.3) найдено на глубине 0,86 м в северо-западном углу площади XIII. Следы могильной ямы прослежены только в ногах погребенного ребенка. Вероятно, она имела прямоугольную форму с округлыми углами, длиной около 1 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп лицевой частью обращен на юг. Руки слегка согнуты в локтях, ладони покоились на костях таза. Длина скелета 0,80 м. Инвентаря нет.

Погребение 45 (Рис. 177.1) располагалось на глубине 1,02 м в западной части площади XIII. Могильная яма не прослежена. Погребенный мужчина лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Череп повернут лицевой частью на юг. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты. Длина скелета 1,63 м. Инвентарь отсутствовал. Между бедренными костями ног зафиксирован скелет змеи. На правом предплечье найдены остатки напутственной пищи в виде трубчатой кости животного. Над могилой на глубине 0,40 м были обнаружены два рваных камня известняка размерами 0,15x0,20x0,10 м. Вероятно они представляли собой остатки каменной насыпи над погребением.

Погребение 46 (Рис. 177.2) выявлено на глубине 1,05 м в северо-восточном углу площади XIII и частично уходило в восточный борт раскопа. Могильное пятно проследить не удалось. Погребенный мужчина лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Руки и ноги вытянуты. Левая рука несколько отставлена в сторону. Правая нога слегка согнута в колене. Длина скелета 1,72 м. Инвентаря нет.

Погребение 47 (Рис. 177.3) обнаружено на глубине 0,86 м к югу от северного борта прирезки к северному борту площади XII. Могильная яма не прослежена. Погребенный мужчина лежал на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – слегка согнута в локте и кисть ее лежала на костях таза. Ноги вытянуты. Длина скелета 1,36 м. Инвентаря нет.

Погребение 48 (Рис. 178.1) обнаружено на глубине 0,82 м в северо-западном углу площади X. Могильная яма не прослежена. Представлено детским захоронением, перекрытым деревянными плахами. Скелет лежал на правом боку головой на запад. Правая рука, согнутая в локте, лежала под ребрами, кисть ее отставлена в сторону от правой бедренной кости. Левая рука вытянута. Ноги немного согнуты в коленях. Длина скелета 0,90 м. Инвентаря нет. Над черепом обнаружены остатки дерева от перекрытия, размерами 0,40x0,20x0,15 м. Остатки дерева найдены и несколько севернее скелета.

Погребение 49 (Рис. 178.2) выявлено на глубине 1,03 м у западного борта площади X. Могильная яма не прослежена. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Положение правой руки нарушено. Левая рука согнута в локте и кисть ее лежала на костях таза. Фаланги пальцев отсутствовали. Ноги вытянуты. Длина скелета 1,60 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 50 (Рис. 178.3) располагалось на глубине 0,53 м у западного борта площади X, севернее погребения 49. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты, нижние кости отсутствовали. Длина скелета 0,90 м. Инвентаря нет.

Погребение 51 (Рис. 178.4) открыто на глубине 0,74 м в юго-западном углу прирезки к северному борту площади XII. Могильная яма не прослежена. Погребенный мужчина лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Кисти рук, согнутых в локтях, покоились на костях таза. Ноги вытянуты, фаланги пальцев отсутствовали. Длина скелета 1,50 м. Инвентаря нет. Над правой бедренной костью обнаружена стенка сосуда с вдавленным орнаментом и остатки скорлупы 9 куриных яиц.

Погребение 52 (Рис. 178.5) зафиксировано в юго-восточном углу площади XIV. Представляло собой захоронение шести черепов, лежащих на глубине 0,55 м. В центральной части над черепами открыта каменная насыпь из мелкого рваного камня.

Погребение 54 (Рис. 178.6) располагалось на глубине 0,42 м в северо-восточном углу площади XVII, у северного борта. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Правая рука вытянута вдоль тела. Левая рука, слегка согнутая в локте, несколько отставлена в сторону. Ноги вытянуты. Длина скелета 1,75 м. Инвентаря нет. У локтя левой руки обнаружена бронзовая монета II–I вв. до н.э., вероятно, попавшая в погребение случайно.

Погребение 55 (Рис. 179.1) открыто на глубине 0,78 м в юго-западном углу площади X. Могильная яма не прослежена. Погребенный ребенок (7-9 лет) лежал на правом боку, головой на запад. Череп повернут вправо, на юг. Кости правой руки отсутствовали. Ноги согнуты в коленях. Длина скелета 0,96 м. Инвентаря нет.

Погребение 56 (Рис. 179.2) располагалось на глубине 0,85 м в южной части площади XV. Могильная яма не прослежена. Сверху над могильной ямой, на глубине 0,20-0,30 м, была устроена каменная засыпка из необработанных

каменной ракушечника и известняка размерами 1,35x0,52 м. Камни размерами 0,08x0,17x0,18 м. Погребенная женщина (?) (старческого возраста) лежала вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут к югу. Левая рука вытянута вдоль тела. Кисть правой руки лежала на бедренной кости. Ноги согнуты в коленях и разведены в стороны. Ступни ног лежали в перекрещенном положении. Фаланги пальцев ног не сохранились. Длина скелета 1,45 м. Череп лежал на двух красноглиняных черепках. Вблизи захоронения обнаружено глиняное пряслице.

Погребение 57 (Рис. 179.3) открыто на глубине 0,95 м у западного борта площади XVII. Могильная яма не прослежена. Погребенная женщина (?) лежала вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Кисть, локтевая и лучевая кости правой руки, голень левой ноги и кости правой ноги, не сохранились. Левая рука, согнута в локте, кистью лежала на поясе. Ноги вытянуты. Длина скелета 0,90 м. Инвентаря нет.

Погребение 58 (Рис. 180.1) располагалось на глубине 1,05 м вблизи северо-восточного угла площади XV. Могильная яма не прослежена. Сверху могила была перекрыта завалом из мелких камней ракушечника, плитняка и гальки размером 1,05x0,35 м. Погребенный мужчина (?) лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп слегка повернут лицевой частью к югу. Левая рука вытянута вдоль тела. Правая рука слегка согнута в локте. Ноги вытянуты. Длина скелета 1,61 м. Инвентаря нет.

Погребение 59 (Рис. 180.2) открыто на глубине 0,98 м в юго-восточном углу площади XVII. Могильная яма не прослежена. Сверху, на глубине 0,20 м, могила была перекрыта каменной насыпью размером 1,60x0,60 м. Насыпь сложена из камней плитняка, гальки и дикарных пород размерами 0,25x0,30x0,10 м. Погребенный мужчина лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Правая рука вытянута вдоль тела. Левая рука, согнута в локте. Ноги вытянуты. Вокруг скелета и под ним обнаружен тлен дерева, вероятно, являвшийся остатками гроба. Длина скелета 1,70 м. Инвентаря нет.

Погребение 60 (Рис. 180.3) открыто на глубине 0,93 м в восточной части площади XVII. Могильная яма не прослежена. Сверху, на глубине 0,15 м, могила была перекрыта каменной насыпью размером 1,60x0,50 м. Насыпь сложена из камней ракушечника и известняка. Погребенный лежал в вытянутом положении, немного повернутым на правый бок, головой на запад. Череп повернут вправо. Нижняя часть правой руки отсутствовала. Левая рука слегка согнута в локте. Ноги согнуты в коленях и повернуты на юг. Длина скелета 1,45 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 61 (Рис. 181.1) открыто на глубине 1,30 м в юго-восточном углу площади XVI. Размеры могильной ямы 1,25x0,50 м. Сверху могила имела каменный завал, размерами 1,0x0,20-0,30 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Череп – на затылочных костях. Руки вытянуты вдоль тела и прижаты к тазовым костям. Позвоночник сильно искривлен. Длина скелета 1,16 м. Инвентаря нет.

Погребение 62 (Рис. 181.2) располагалось на глубине 1,33 м в северо-восточном углу площади XVI. Могильная яма не прослежена. Погребенный

лежал на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Правая рука вытянута вдоль тела. Левая рука слегка согнута в локте. Ноги вытянуты. Левая нога немного согнута в колене и отставлена в сторону. Длина скелета 1,65 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 63 (Рис. 181.3) открыто на глубине 1,30 м в центральной части площади XVI. Могильная яма не прослежена. Сверху, на глубине 0,30 м, могила была перекрыта завалом камней размером 0,20x0,35-0,40 м. Завал состоял из мелких и средних дикарных плит размерами 0,12x0,20x0,08 м. Погребенный лежал в вытянутом положении на юго-запад. Кости черепа, левой руки, фаланги пальцев ног и рук отсутствовали. Судя по сохранившимся остаткам, руки были вытянуты вдоль тела. Ноги слегка согнуты в коленях и повернуты вправо. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 64 (Рис. 182.1) располагалось на глубине 1 м на границе площадей X и XVII. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Череп повернут вправо. Нижняя челюсть лежала на ключевом суставе. Правая рука вытянута вдоль тела, Левая – согнута в локте. Кисть левой руки находилась на тазовой кости. Ноги вытянуты. Длина скелета 1,65 м. Инвентаря нет.

Погребение 65 (Рис. 182.2) открыто на глубине 1,08 м в юго-восточном углу площади XIX. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на юго-запад. Череп – на затылочных костях. Руки и ноги вытянуты. Длина скелета 1,04 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 66 (Рис. 182.3) открыто на глубине 0,93 м в центральной части площади XIX. Могильная яма не прослежена. Сверху, на глубине 0,20 м, могила была перекрыта каменной насыпью размером 1,0x0,40 м. Погребенный лежал на спине, головой на северо-запад. Череп повернут вправо. Руки слегка согнуты в локтях и покоились на тазе. Ноги вытянуты. Длина скелета 0,90 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 67 (Рис. 182.4) находилось на глубине 1,05 м у северного борта площади XIX. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад. Череп повернут влево. Руки вытянуты вдоль тела. Фаланги пальцев не сохранились. Ноги вытянуты. Длина скелета 1,43 м. Инвентаря нет.

Погребение 68–1 (Рис. 182.5) открыто на глубине 1,04 м у южного борта площади XIX. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад. Череп повернут влево. Руки слегка согнуты в локтях и покоились на тазе. Фаланги пальцев не сохранились. Ноги вытянуты. Инвентаря нет.

Работы 1981 г. (Рис. 165-167).

Погребение 68–2 (Рис. 183.1) открыто на глубине 0,90 м. Погребение расположено в 1,05 м от западного и 0,70 м от южного борта площади XX. Представляло собой захоронение ребенка 5-6 месяцев. Могильная яма не прослежена. Скелет лежал вытянуто на спине головой на запад. Череп сильно разрушен. Руки вытянуты вдоль тела, фаланги пальцев рук частично отсутствовали. Ступни также отсутствовали. Длина скелета около 0,65 м. Инвентаря нет.

Погребение 69 (Рис. 183.2) залегало на глубине 0,83 м. Скелет располагался на расстоянии 1 м от западного и 1,40 м от южного борта площади XXI. В районе черепа частично прослеживалась могильная яма длиной 1,70 м, шириной 1,15 м. Ее дно не прослежено. Край могильной ямы зафиксирован на расстоянии 0,80 м от западного борта и 0,85 м от южного. Заполнение ямы идентично окружающему грунту, но несколько темнее по цвету. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, головой на запад. Нижняя челюсть опущена на шейные позвонки. Руки вытянуты вдоль тела. Правая рука, подвернута под таз, большой палец левой руки отставлен перпендикулярно кисти. Правая коленная чашечка лежала в районе большой берцовой кости. Ступни ног вытянуты и развернуты в противоположные стороны. Фаланги пальцев правой ноги разбросаны в районе ступни. С правой стороны на тазе лежал железный предмет (нож?) длиной 8 см, шириной 0,015 м, имеющий в сечении прямоугольную форму. Его конец заострен. Другой фрагмент этого же предмета длиной 4 см выявлен в районе левой коленной чашечки. На предмете остались следы дерева. В 0,15 м от правого локтевого сустава лежал на ребре кусок известняка размерами 0,10x0,13x0,03 м, длиной 1,66 м.

Погребение 70 (Рис. 183.3) открыто на глубине 0,80 м в 1,50 м от западного и 1,60 м от северного борта площади XXI. Могильная яма не прослежена. Погребенный мужчина был уложен вытянуто на спине головой на запад. Голова повернута вправо. Руки вытянуты вдоль тела. Ступни ног вытянуты, развернуты в противоположные стороны. В районе левого коленного сустава, на расстоянии 0,04 м от него, лежал на ребре кусок известняка размерами 0,10x0,12x0,03 м. В районе таза и бедренных костей обнаружены обломки яичной скорлупы (примерно от трех яиц). Длина скелета около 1,85 м. Инвентарь отсутствует.

Погребение 71 (Рис. 183.4) обнаружено на глубине 0,56 м в 2,35 м от южного и 0,55 м от западного борта площади XXII. Могильная яма не прослежена. Представляет собой погребение ребенка, предположительно девочки. Череп сильно поврежден. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Ступни ног развернуты вправо. Длина скелета 1,25 м. Инвентаря нет.

Погребение 72 (Рис. 183.5) открыто на глубине 0,68 м на расстоянии 0,35 м от южного и 0,15 м от западного борта площади XXII. Могильная яма не прослежена. Представляет собой захоронение женщины. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Голова повернута влево. Руки согнуты в локтях и лежали на груди. 9-11 и 18-20 позвонки отсутствовали. Ступни ног вытянуты. Таз слегка приподнят. Не исключено, что труп перед погребением был расчленен. Между коленными суставами лежал зуб барана. Длина скелета 1,60 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 73 (Рис. 183.6) обнаружено на глубине 0,70 м в 2,60 м от южного и 1,74 м от восточного борта площади XXII. Могильная яма не прослежена. Представляет собой погребение ребенка. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Голова повернута вправо. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты. Длина скелета 0,75 м. Инвентарь отсутствует.

Погребение 74 (Рис. 183.7) залегало на глубине 0,50 м в 2,05 м от северного

и 1,55 м от западного борта площади XXIII. Погребение очень сильно разрушено. Видимо, представляло собой захоронение ребенка. Могильная яма не прослежена, инвентарь отсутствовал. Сохранились остатки черепа и правой руки, вытянутой вдоль тела. Скелет лежал на спине, головой на запад.

Погребение 75 (Рис. 183.8) обнаружено на глубине 0,55 м на границе площадей XXII и XXIII у самого южного борта раскопа и ногами уходило под него. Могильная яма не прослежена. Погребение мальчика. Погребенный был уложен вытянуто на спине головой на запад. Голова повернута вправо, руки вытянуты вдоль тела. Третий шейный позвонок находился в районе грудины. Ноги слегка согнуты в коленях и развернуты вправо. Длина скелета 1,08 м. Инвентаря нет.

Погребение 76 (Рис. 184.1) располагалось на глубине 0,50 м, на расстоянии 1,85 м от восточного борта площади XXIV и уходило в северный борт. Представляло собой погребение подростка. В 0,05 м выше скелета, на глубине 0,45 м прослежены следы деревянных плах, перекрывавших могилу, лежащих над скелетом наклонно к северу. Направление – поперек могилы. Толщина плах около 0,02 м. Границы могильной ямы не прослежены. Скелет был уложен вытянуто, повернут вправо, почти на боку, головой на запад. Череп обращен вправо, лицевой частью на юг. Руки вытянуты вдоль тела, пальцы слегка согнуты. Ноги полусогнуты в коленях и развернуты вправо. Длина скелета 1,35 м. Инвентаря нет.

Погребение 77 (Рис. 184.2) открыто на глубине 0,52 м, на расстоянии 2,65 м от восточного и 1,90 м от северного борта площади XXIV. Могильная яма не прослежена. Скелет мужчины длиной 1,70 м лежал вытянуто на спине (слегка развернут вправо), головой на запад. Череп повернут вправо. Руки вытянуты вдоль тела, левая полусогнута в локте, пальцы слегка согнуты. Ступни ног развернуты вправо. У левой коленной чашечки – бронзовая височная подвеска. В том же районе (близ левого коленного сустава) обнаружены следы древесного угля.

Погребение 78 (Рис. 184.3) располагалось на глубине 0,64 м на площади XXIII, на расстоянии 4,57 м от восточного и 1,35 м от южного борта. Могильная яма не прослежена. Скелет мальчика длиной 1,12 м, лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль тела. Голова слегка приподнята и повернута вправо. Левая рука при согнута в локте, кисти рук немного разведены в стороны. Ноги чуть согнуты в коленях и повернуты вправо. Ступни также развернуты вправо. В районе лучевой кости левой руки лежал обломок ребра животного. Инвентаря нет.

Погребение 79 (Рис. 184.4) обнаружено на глубине 0,60 м на площади XXIII, на расстоянии 1,70 м от южного и 0,45 м от восточного борта. Погребение уходило в восточный борт. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение ребенка длиной 0,85 м. Череп погребенного, нижняя часть позвоночного столба и таз сильно разрушены. Скелет лежал вытянуто на спине головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Голова приподнята и повернута вправо. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 80 (Рис. 184.5) располагалось на глубине 0,50 м, на расстоянии

1,20 м от южного и 1,55 м от восточного борта площади XXV. Могильная яма не прослежена. Представляло собой погребение подростка, видимо, девочки. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль тела. Голова приподнята и повернута вправо. Руки слегка согнуты в локтях. Ноги также согнуты и развернуты вправо. Позвоночник сильно искривлен и имел изгиб вправо. Длина скелета 1,38 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 81 (Рис. 184.6) обнаружено на глубине 0,55 м, в 2,70 м от южного и 0,95 м от восточного борта и уходило в восточный борт площади XXV. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение женщины. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Голова слегка приподнята и повернута вправо. Руки протянуты вдоль тела и слегка согнуты в локтях. Позвоночник сильно искривлен. Ноги слегка согнуты в коленях, приподняты и развернуты вправо. Длина скелета 1,50 м. Инвентаря нет.

Погребение 82 (Рис. 184.7) открыто на глубине 0,62 м, в 1,00 м от южного и 3,25 м от восточного борта площади XXIV. Могильная яма не прослежена. Представляло собой погребение ребенка, лежащего вытянуто на спине, головой на северо-запад. Голова слегка приподнята и повернута вправо. Руки вытянуты вдоль тела. Ступни ног, за исключением фрагментов правой, отсутствовали. Длина скелета 1 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 83 (Рис. 184.8) обнаружено на глубине 0,63 м, на расстоянии 1,53 м от южного борта площади XXV. Уходило головой в западный борт. Представляло собой погребение ребенка, видимо, мальчика. Могильная яма не прослежена. Погребенный вытянут на спине, головой на запад. Голова приподнята и повернута вправо. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги полусогнуты и развернуты вправо. Длина скелета 0,95 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 84 (Рис. 185.1) располагалось на глубине 0,25 м, на расстоянии 2,70 м от восточного и примыкало к северному борту площади XXVI. Могильная яма не прослежена. Погребение грудного младенца. Скелет плохой сохранности, лежал на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль тела, голова приподнята и повернута вправо. Ноги полусогнуты в коленях и развернуты вправо. Длина скелета 0,73 м. Инвентаря нет.

Погребение 85 (Рис. 185.2) вскрыто на глубине 0,30 м, на расстоянии 1,85 м от северного и 3,12 м от восточного борта площади XXVI. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение эмбриона (6-7 месяцев), лежащего в позе зародыша в утробе матери. Скелет расположен на правом боку, головой на запад. Голова прижата к груди, ноги поджаты к животу и перекрещены, руки, видимо, вытянуты вдоль тела. Сохранность скелета крайне плохая. Длина скелета около 0,30 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 86 (Рис. 185.3) открыто на глубине 0,70 м, на расстоянии 2,33 м от южного и 1,86 м от восточного борта площади XX. Могильная яма не прослежена. Представляло собой вытянутое на спине головой на запад погребение женщины. Голова повернута вправо и запрокинута, рот широко открыт. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты, ступни развернуты в разные стороны. Длина скелета 1,63 м. Инвентаря нет.

Погребение 87 (Рис. 185.4) располагалось на глубине 0,52 м, на расстоя-

нии 1,0 м от южного и 1,87 м от восточного борта площади XXII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение ребенка. Сильно повреждены череп и кости левой ноги. Кости таза сохранились лишь фрагментарно. Фаланги пальцев рук отсутствовали. Скелет вытянут на спине, головой на юго-запад. Голова повернута вправо. Правая рука лежала вдоль тела, у левой – сохранилась только плечевая кость, частично лежащая на ребрах. Длина скелета 0,47 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 88 (Рис. 185.5) обнаружено на глубине 0,50 м, на расстоянии 3,85 м от восточного и 1,30 м от северного борта площади XXVII. Могильная яма не прослежена. Захоронение ребенка. Скелет лежал на спине головой на запад, голова слегка приподнята. Правая рука вытянута вдоль тела, левая – согнута в локте, кисть лежала на тазе. Правая бедренная кость лежала поперек скелета в области таза. Тазовые кости частично отсутствовали. Нижняя часть позвоночника отсутствовала. Длина скелета 0,83 м. Инвентаря нет.

Погребение 89 (Рис. 185.6) располагалось на глубине 0,31 м. Примыкало к западному борту площади XXVII и находилось на расстоянии 0,70 м от южного борта и уходило в этот борт. Могильная яма не прослежена. Представляло собой погребение ребенка. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на север. Голова слегка приподнята, руки вдоль тела, позвоночник слегка изогнут вправо. Сохранность скелета плохая. Его длина – 0,95 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 90 (Рис. 185.7) открыто на глубине 0,65 м, на расстоянии 1,0 м от северного и 3,45 м от восточного борта площади XX. Могильная яма не прослежена. Представляло собой погребение мальчика. Скелет лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. Голова повернута влево. Руки вытянуты вдоль туловища. Сохранность скелета хорошая, отсутствовали только фаланги пальцев рук и ног. Длина скелета 1,30 м. Рядом с правой бедренной костью найдена бисерина со следами медной проволоки в отверстии.

Погребение 91 (Рис. 185.8) обнаружено на глубине 0,87 м, на расстоянии 0,75 м от северного и 1,55 м от восточного борта площади XXII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение женщины. Скелет вытянут, лежал на спине, головой на запад, голова повернута вправо. Правая рука лежала вдоль тела, левая – на лобковых костях. Длина скелета 1,65 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 92 (Рис. 186.1) обнаружено на глубине 0,45 м, на расстоянии 2,74 м от южного и 1,13 м от восточного борта площади XXX. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение черепа, повернутого вправо и обращенного лицевыми костями к югу. Шейные позвонки отсутствовали, поэтому определить, был ли труп расчленен до захоронения, не представлялось возможным. Череп, вероятно, принадлежал взрослому человеку, скорее всего мужчине.

Погребение 93 (Рис. 186.2) располагалось на глубине 0,54 м, на расстоянии 0,62 м от южного и 3,64 м от восточного борта площади XXVII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение черепа женщины, лежащего на затылочных костях. Свод черепа направлен на запад. Нижняя

часть опущена книзу.

Погребение 94 (Рис. 186.3) находилось на глубине 0,65 м, на расстоянии 1,30 м от южного и 3,60 м от восточного борта площади XXVII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой погребение девочки. Скелет лежал вытянуто на спине головой к юго-западу. Руки вытянуты вдоль тела. Четыре позвонка выявлены около правого бедра, один – возле кисти правой руки. Кости ступней ног отсутствовали. Длина скелета 1,0 м. Инвентаря нет.

Погребение 95 (Рис. 186.4) обнаружено на глубине 0,55 м, на расстоянии 2,15 м от северного и 3,79 м от восточного борта площади XXVII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой погребение младенца, лежащего на спине, головой на юго-запад. Голова повернута вправо. Часть костей скелета – от таза до коленных суставов отсутствовала. Длина скелета 0,67 м. Инвентаря нет.

Погребение 96 (Рис. 186.5) располагалось на глубине 0,50 м, на расстоянии 2,03 м от северного и 1,05 м от восточного борта площади XXVII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой погребение девочки. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Правая рука вытянута вдоль тела, левая – слегка согнута в локте, кисть лежала на тазовых костях. Левая стопа вытянута, правая – повернута вправо. Длина скелета 1,12 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 97 (Рис. 186.6) обнаружено на глубине 0,49 м, на расстоянии 0,25 м от южного и 2,86 м от восточного борта площади XXVII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение мальчика-подростка. Погребение вытянутое, на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Руки вдоль тела. Кисть левой руки лежала на левом бедре. Ноги вытянуты. Ступни ног повернуты вправо. Длина скелета 1,41 м. Инвентаря нет.

Погребение 98 (Рис. 186.7) открыто на глубине 0,65 м, на расстоянии 0,15 м от южного и 1,90 м от восточного борта площади XXIII. Могильная яма не прослежена. Погребение уходило в южный борт. Представляло собой захоронение женщины, уложенной вытянуто, головой на запад. Голова приподнята и повернута вправо. Правая рука лежала вдоль тела, левая – согнута в локте, ее кисть находилась на костях таза. Ступни ног развернуты в разные стороны. Длина скелета 1,70 м. Инвентаря нет.

Погребение 99 (Рис. 186.8) вскрыто на глубине 0,40 м, на расстоянии 0,80 м от северного борта и уходило в восточный борт площади XXVII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение черепа, лежащего на затылочных костях с поворотом вправо. Свод черепа направлен на восток.

Погребение 100 (Рис. 187.1) располагалось на глубине 0,50 м, на расстоянии 1,34 м от восточного и 1,46 м от южного борта площади XXVII. Могильная яма не прослежена. Погребение представляло собой захоронение женщины. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль тела. Голова немного приподнята, наклонена влево, лицевая часть слегка повернута вправо. Ступни ног вытянуты, правая ступня слегка повернута вправо. Позвоночник имел небольшой изгиб. Длина скелета 1,47 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 101 (Рис. 187.2) обнаружено на глубине 0,60 м, на расстоянии

2,20 м от северного и 1,40 м от восточного борта площади XXVI. Могильная яма не прослежена. Погребение представляло собой захоронение женщины, уложенной вытянуто на спине, головой на юго-запад. Череп повернут вправо. Руки лежали вдоль тела, ноги вытянуты, ступни ног развернуты вправо. Длина скелета 1,60 м. Инвентаря нет.

Погребение 102 (Рис. 187.3) находилось на глубине 0,55 м, в площадях XXVII-XXVIII, на расстоянии 0,50 м от южного и 0,60 м от восточного борта площади XXVII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой погребение девочки-подростка. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль тела. Череп слегка приподнят и повернут вправо. Левая рука немного согнута в локте, ее кисть лежала на тазе. Левая нога согнута в колене под прямым углом и сильно отставлена влево, правая – вытянута. Длина скелета 1,13 м, Инвентаря нет.

Погребение 103 (Рис. 187.4) располагалось на глубине 0,55 м на площадях XXV-XXVI, на расстоянии 0,70 м от северного и 0,70 м от восточного борта площади XXV. Могильная яма не прослежена. Представляло собой скелет мужчины длиной 1,70 м. Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Руки протянуты вдоль тела. Правая нога полусогнута в колене и развернута вправо. Инвентаря нет.

Погребение 104 (Рис. 187.5) располагалось на глубине 0,67 м на границе площадей XVII и XVIII, частично выходя за южную границу раскопа. Могильное пятно не прослежено. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп – на правой стороне лицевой частью на юго-запад. Челюсти плотно прижаты друг к другу. Анатомическое положение позвоночника нарушено в районе 6 – 10 позвонков. Грудная клетка сохранилась плохо. Кости правой руки вытянуты вдоль тела, кости левой согнуты в локтевом суставе и сдвинуты в северном направлении на 0,16 м. Кости предплечья и кисти полностью не сохранились, но судя по положению плечевой кости, кисть лежала на костях таза. На последних были обнаружены отдельные фаланги пальцев. Правая нога чуть согнутая в колене, лежала на боку. Длина скелета 1,6 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 105 (Рис. 187.6) открыто на глубине 0,65 м на расстоянии 0,45 м от северного и 2,40 м от восточного борта площади XXIII. Могильная яма не прослежена. Могила перекрыта 12-14 деревянными плахами шириной 0,05 м и длиной не менее 0,60 м, при толщине 0,02 м. Глубина их залегания 0,70-0,76 м. Плахи лежали поперек скелета и имели наклон к северу. Общая длина перекрытия не менее 1,75 м. Зазор между ними около 0,05 м – 0,03-0,05 м. Под перекрытием лежал скелет мужчины. Погребенный был уложен вытянуто, головой на запад. Руки протянуты вдоль тела, левая слегка согнута, кисть правой обращена ладонью вверх. Обе кисти полусжаты. Ступни ног вытянуты. Длина скелета 1,63 м. Инвентаря нет.

Погребение 106 (Рис. 188.1) располагалось на глубине 0,21 м на расстоянии 0,70 м от северного и 2,15 м от восточного борта площади XXXIII. Могильная яма не прослежена. Погребение детское. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Голова повернута направо, руки вытянуты вдоль туловища. Скелет слегка развернут на правый бок. Фаланги пальцев

рук и ног разбросаны. Длина скелета 1 м. Инвентаря нет.

Погребение 107 (Рис. 188.2) залегало на глубине 0,72 м на расстоянии 1,25 м от западного и 1,50 м от южного борта площади XXXIII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение мужчины, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Голова погребенного повернута вправо. Руки вытянуты вдоль туловища. Фаланги пальцев правой руки лежали под правой бедренной костью, левой руки – на бедренной кости. Позвоночный столб деформирован. Стопы ног вытянуты и развернуты в разные стороны. Длина скелета 1,80 м. Инвентаря нет.

Погребение 108 (Рис. 188.3) обнаружено на глубине 0,47 м на расстоянии 0,50 м от западного и 0,80 м от южного борта площади XXXI. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение ребенка, по-видимому, мальчика. Погребенный уложен на спине, головой на запад. Голова повернута вправо. Кисть правой руки находилась под тазом, левой – на бедренной кости левой ноги. Левая нога слегка согнута в колене. Стопы ног развернуты в разные стороны. Скелет длиной 1,10 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 109 (Рис. 188.4) располагалось на глубине 0,50 м на расстоянии 1,70 м от северного и 2,45 м от восточного борта площади XXXIII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой погребение женщины, уложенной на спине, головой на северо-запад. Голова погребенной слегка развернута вправо, руки вытянуты вдоль туловища, фаланги пальцев рук лежали на земле у бедренных костей, кисти ладонью вниз. Кости стоп немного развернуты вправо. Длина скелета 1,50 м. Инвентаря нет.

Погребение 110 (Рис. 188.5) залегало на глубине 0,51 м на расстоянии 1,40 м от южного и 0,65 м от восточного борта площади XXXIII. Могильная яма не прослежена. Вся нижняя часть скелета, начиная от грудной клетки, уходила в восточный борт раскопа. Захоронение женское. Погребенная уложена вытянуто на спине, головой на запад. Голова развернута вправо, нижняя челюсть опущена вниз. Руки вытянуты вдоль туловища. Фаланги пальцев правой руки лежали на правой бедренной кости. Ступни ног вытянуты. Длина скелета 1,75 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 111 (Рис. 189.1) обнаружено на глубине 0,79 м на расстоянии 1,00 м от западного и 2,20 м от южного борта площади XXXII. Удалось проследить могильную яму овальной формы, длиной 1,35 м, шириной 0,60 м, глубиной 0,91 м. Заполнение могильной ямы не отличалось от окружающего грунта, но было более рыхлым. Погребение ребенка, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Голова повернута вправо. Установить положение рук не удалось ввиду крайне плохой сохранности скелета. Ноги слегка согнуты в коленях и развернуты вправо. Скелет имел длину 0,95 м. Инвентаря нет.

Погребение 112 (Рис. 189.2) располагалось на глубине 0,60 м на расстоянии 1,80 м от южного и 2,45 м от восточного борта площади XXXI. Могильная яма не прослежена. Над скелетом обнаружены очень мелкие фрагменты сгнившего дерева, видимо, от перекрытия могильной ямы. Погребение женщины, уложенной на спине, головой на запад. Череп слегка развернут вправо и запрокинут. Руки протянуты вдоль туловища, кисти лежали около бедренных костей ладонью вниз. Стопы ног слегка развернуты вправо. Дли-

на скелета 1,50 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 113 (Рис. 189.3) находилось на глубине 1,18 м, в центре северной прирезки к площади XIX. Прослежена могильная яма с закругленными углами, длиной 0,95 м и шириной 0,38 м. Погребение ребенка, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Голова погребенного повернута вправо. Руки вытянуты вдоль туловища, фаланги пальцев рук лежали на тазовых костях. Возле локтя правой руки найдено три бусины, еще одна – у кисти.

Погребение 114 (Рис. 189.4) располагалось на глубине 1,13 м у западного борта северной прирезки к площади XIX. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Голова развернута вправо, лицевой частью на юг. Руки вытянуты вдоль туловища, левая рука чуть согнута в локте. Кисти лежали на земле у бедренных костей, кисть левой руки – ладонью вниз. Кости стоп немного сведены вместе. Инвентаря нет.

Погребение 115 (Рис. 189.5) открыто на глубине 1,12 м в северо-восточном углу северной прирезки к площади XIX. Могильная яма не прослежена. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на юго-запад. Голова развернута вправо, лицевой частью на юг. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги вытянуты. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 116 (Рис. 190.1) располагалось на глубине 1,31 м в центре южной прирезки к площади XIX. Могильная яма не прослежена. Погребение ребенка, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Голова развернута вправо, лицевой частью на юг. Руки вытянуты вдоль туловища, в локтях чуть согнуты. Правая нога чуть согнута в колене. Кости стоп немного сведены вместе. Инвентаря нет.

Погребение 117 (Рис. 190.2) залегало на глубине 0,83 м на расстоянии 0,60 м от западного и 0,50 м от южного борта площади XXXII. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение девочки-подростка. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Голова слегка приподнята, подбородок опущен вниз. Обе руки слегка согнуты в локтях и лежали на лобковой кости. Кисти рук полусогнуты и вывернуты наружу. Стопы ног развернуты в разные стороны. Скелет длиной 1,45 м. Инвентаря нет.

Погребение 118 (Рис. 190.3) располагалось на глубине 0,66 м на расстоянии 2,20 м от восточного и 1,75 м от северного борта площади XXXI. Могильная яма не прослежена. Представляло собой захоронение мужчины, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Голова развернута вправо, нижняя челюсть опущена на шейные позвонки. Руки вытянуты вдоль тела и чуть расставлены в стороны. Левая рука слегка согнута в локте. Ступни ног вытянуты и развернуты вправо. Длина скелета 1,63 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 119 открыто на глубине 0,82 м в юго-восточном углу площади XXXIV, в 1,05 м от восточного борта, в 0,68 м от южного. Погребение полностью разрушено, сохранились отдельные фрагменты черепа и голени.

Погребение 120 (Рис. 190.4) обнаружено на глубине 0,40 м на расстоянии 0,55 м от западного и 0,85 м от северного борта площади XXXII. Удалось про-

следить могильную яму. Она имеет прямоугольную форму с закругленными углами. Длина ямы 1,90 м, ширина 0,85 м, глубина 0,52 м. Заполнение не отличалось от окружающего грунта, но более рыхлое. Могильная яма была перекрыта деревянными плахами. Удалось проследить остатки трех таких плах в районе плеч, таза и берцовых костей. Габариты плах те же, что и в погребении 105. Под плахами находилось захоронение женщины. Она была уложена вытянуто на спине, головой на запад. Голова погребенной повернута вправо. Руки вытянуты вдоль туловища и полусогнуты в локтях. Фаланги пальцев левой руки лежали на левой бедренной кости. Стопы ног развернуты в разные стороны. Инвентарь отсутствовал. Длина скелета 1,60 м.

Погребение 121 (Рис. 191.1) залегало на глубине 0,93 м на расстоянии 1,90 м от южного и 1,40 м от восточного борта площади XXXII. Была прослежена могильная яма, имеющая прямоугольную форму с закругленными углами. Длина ямы 1,75 м, ширина 0,80 м, глубина 1,05 м. Заполнение не отличалось от окружающего грунта, но более рыхлое. Могильная яма была перекрыта деревянными плахами. Сохранились остатки трех плах: в районе плеч, таза и чуть ниже колен. Размеры плах те же, что и в погребениях 105 и 120. Захоронение мальчика-подростка, который был уложен вытянуто на спине, головой на запад. Голова повернута вправо. Руки полусогнуты в локтях и вытянуты вдоль тела. Кисти рук отсутствовали, но, по-видимому, лежали на бедренных костях. Ступня левой ноги вытянута, ступня правой – согнута и развернута вправо. Длина скелета 1,42 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 122 (Рис. 191.2) располагалось на глубине 0,89 м на расстоянии 1,30 м от восточного и 1,60 м от северного борта площади XXXII. Прослежена могильная яма, имеющая прямоугольную форму с закругленными углами. Длина ямы 1,65 м, ширина 0,75 м, глубина 1,01 м. Заполнение не отличалось от окружающего грунта, но было более рыхлым. Захоронение мужчины, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Голова повернута вправо, вся верхняя часть скелета сильно развернута влево. Кисти обеих рук находились под тазом и почти соприкасались под левой бедренной костью. Фаланги пальцев уплощены, на всех суставах имелись значительные наросты. Правая бедренная кость заметно искривлена. Видимо, погребенный при жизни страдал каким-то костным заболеванием. В районе плечевого пояса, таза и коленных суставов прослежены следы дерева от сгнивших плах перекрытия могильной ямы. Длина скелета 1,52 м (учитывая отсутствие ступней ног и сильно искривленный позвоночник, первоначальная длина скелета была больше). Инвентарь отсутствовал.

Погребение 123 (Рис. 191.3) обнаружено на глубине 0,67 м на расстоянии 0,10 м от южного и 1,80 м от западного борта площади XXXIII. Погребение почти целиком уходило в южный борт раскопа. Могильная яма не прослежена. Погребенный мужчина уложен вытянуто на спине, головой на запад. Голова повернута вправо и запрокинута. Нижняя челюсть опущена. Руки погребенного вытянуты вдоль туловища. Левая рука – под тазом, кисть правой – на тазовых костях. Стопы ног у скелета отсутствовали. Длина скелета 1,65 м. Над крестцом, в заполнении могилы, обнаружена бронзовая пластина.

Погребение 124 (Рис. 191.4) залегало на глубине 0,50 м в южной прирезке к площади XXVII, на расстоянии 1,25 м от южного и 5,20 м от восточного борта площади (головой уходило в западный борт). Могильная яма не прослежена. Погребение ребенка, видимо, мальчика. Он был вытянуто уложен на спине, головой на юго-запад. Голова погребенного повернута вправо, правая рука вытянута вдоль тела, фаланги трех пальцев разбросаны в области правого бедра. Левая рука согнута в локте, кисть лежала на тазе. Ноги вытянуты, кости ступней не сохранились. Весь скелет слегка развернут вправо. Длина скелета 1,05 м.

Погребение 125 (Рис. 191.5) располагалось в южной прирезке к площади XXVII на глубине 0,65 м на расстоянии 0,75 м от южного и 0,35 м от восточного борта площади. Могильная яма не прослежена. Представляет собой погребение младенца, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Голова приподнята и сильно вывернута вправо, руки вдоль тела, левая рука слегка согнута в локте, ноги вытянуты. Длина скелета 0,66 м. Инвентаря нет.

Погребение 126 (Рис. 192.1) обнаружено на глубине 0,75 м на площади XXVII и южной прирезке к нему, на расстоянии 2,60 м от южного и 0,20 м от западного борта прирезки. В борту прослежена могильная яма (в плане не читается) глубиной 0,80 м при длине 1,60 м. Погребение мужчины, который был уложен вытянуто на спине, головой на запад. Череп и частично кости ног уничтожены в ходе строительных работ. Руки погребенного вытянуты вдоль тела, кисть левой руки лежала на бедре, ноги вытянуты. Скелет имел длину 1,10 м (без черепа и ступней). Возле левой ноги слева около стопы лежали лопатка и три ребра животного (коровы?).

Погребение 127 (Рис. 192.2) располагалось на глубине 0,78 м в южной прирезке к площади XXVII, на расстоянии 1,70 м от западного и 1,0 м от южного борта площади. Могильная яма не прослежена. Над скелетом видны следы дерева от сгнившего перекрытия могильной ямы. Погребение мужчины. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Голова погребенного слегка приподнята и повернута вправо, нижняя челюсть опущена. Руки вытянуты вдоль тела. Кисть правой руки вывернута влево. Ноги вытянуты. Возле левой стопы лежала челюсть барана. Длина скелета 1,68 м. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 128 (Рис. 192.3) открыто на глубине 1,25 м у восточного борта прирезки к площадям XV-XVI. Могильная яма не прослежена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Голова немного развернута вправо, челюсть опущена. Руки протянуты вдоль туловища. Кисть левой руки лежала на бедренной кости. Ноги вытянуты, кости стоп сведены вместе. Инвентаря нет.

Погребение 129 (Рис. 192.4) располагалось на глубине 1,32 м у южного борта прирезки к площади XVI, уходя в него. Могильная яма не прослежена. Погребение вытянутое на спине, головой на юго-запад. Голова развернута вправо, лицевой частью на юг. Руки вытянуты вдоль туловища, левая рука чуть согнута в локте. Ноги вытянуты, кости стоп немного сведены вместе. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 130 (Рис. 192.5) располагалось на глубине 1,39 м у северного борта прирезки к площади XVI, уходя в него. Могильная яма не прослежена. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на юго-запад. Голова развернута вправо, лицевой частью на юг. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги вытянуты. Инвентаря нет.

Работы 1984 г.

Погребение 1 (Рис. 193.1) открыто на глубине 5,47 м в северо-западной части площади LXXXIII на расстоянии 1,10 м от западного борта и 1,55 м от северного борта. Могильная яма не прослежена. Не сохранилась лицевая часть черепа, кисть левой руки, берцовые кости правой ноги, кости ступней обеих ног. Скелет женщины, лежал в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на восток. Череп покоился на затылочных костях. Руки вытянуты вдоль тела, кисти лежали около таза. Пальцы правой руки сжаты в кулак. Ноги вытянуты. Коленные суставы имели большую величину – вероятно, вследствие какой-то болезни. Длина скелета 1,55 м. Инвентарь отсутствовал.

Также, в северо-западном углу площади LIII было зафиксировано два сброса костей животных (главным образом крупного рогатого скота). В одном из них найдена часть человеческого черепа из разрушенного погребения.

Работы 1985 г.

Погребение 1 (Рис. 193.2) выявлено на глубине 0,47 м у южного борта площади LX. Могильная яма не прослежена. Выявлен лишь фрагмент черепа. Лобная кость и кости лицевого отдела отсутствовали. Восточнее черепа, в 0,05 м обнаружена нижняя часть лепного сероглиняного горшка (Рис. 193.3); под сосудом – мелкие фрагменты костей животного.

Погребение 2 (Рис. 193.4) открыто на глубине 0,62 м в 2,48 м от северо-восточного и в 3,90 м от северо-западного углов площади LXIII. Могильная яма не прослежена. Выявлен череп, обращенный лицевой частью на восток. У черепа отсутствовала нижняя челюсть.

Погребение 3 (Рис. 193.5) располагалось на глубине 0,15 м в 0,65 м от западного и в 1,20 м от южного бортов площади LXIX. Могильная яма не прослежена. Погребенный подросток лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги слегка согнуты в коленях. Инвентарь отсутствовал.

Работы 1986 г.

Погребение 1 (Рис. 193.6) открыто на глубине 0,18 м, у западного борта площади LII. Могильная яма не прослежена. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на север. Голова чуть завалилась налево. Кисть левой руки лежала на тазовых костях, левая рука вытянута вдоль тела. Кости ног вытянуты. Не сохранились мелкие кости рук и стоп, ряд позвонков и ребер. Инвентарь отсутствовал.

Работы 1988 г.

Погребение 1 (Рис. 194.1) открыто на глубине 7,71 м на площади С. Могильная яма не прослежена. Кости нижней части скелета не сохранились. Череп удален от юго-западного угла площади на 2,3 м. Сохранившаяся часть

скелета позволяет предполагать, что погребенный был положен на боку, скорчено, головой на ЗЮЗ. Кости рук согнуты в локтях (несохранившиеся кисти рук – перед лицевой частью). Череп раздавлен, лицевая часть не сохранилась. Анатомический порядок костей сильно нарушен: отдельные позвонки лежали в стороне, обломки ребер рассеяны.

Среди разбросанных костей скелета лежали фрагменты керамики и обломки костей животных, в том числе – фрагмент рога и зубы коровы.

Погребение 2 (Рис. 194.2) обнаружено на глубине 7,93 м у западной бровки площади СII. Контуры могильной ямы не читались. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ (лицом на ЮВЮ); руки и ноги вытянуты. Длина скелета 1,02 м. Анатомический порядок нарушен: мелкие кости не сохранились. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 3 (Рис. 194.3) было разрушено. Его остатки открыты на глубине 8,21-8,27 м в юго-западном углу площади СII. Могильная яма не прослежена. Судя по компактному расположению беспорядочного скопления костей и наличию двух черепов, один из которых был пробит, вероятно, это перезахоронение в небольшой (не более 0,7 м в диаметре) яме, которая была впущена в культурный слой позднеантичного периода. Инвентарь не обнаружен.

Работы 1990 г.

Погребение 1 (Рис. 195.1) открыто на глубине 0,14 м в юго-восточном углу площади LXVIIIб. Могильная яма не прослежена. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине (с легким поворотом на левый бок), головой на ССЗ. Не сохранились мелкие кости рук и стоп. Руки перекрещены на груди. Кости ног вытянуты. Нижние конечности ног образовывали с позвоночным столбом угол около 170°. Длина скелета 1,27 м. На тазовой кости найдена стеклянная бусина (стекло синее, декорированное белой пастой) – вероятно, относившаяся к культурному слою засыпи могилы.

Центральная часть городища (Рис. 1), здесь обнаружены два захоронения.

Раскоп «Северный город» – в 1939 г. здесь, между кладками слоя начала VII – начала VIII вв. (см. Глава I), было открыто захоронение (Блаватский, 1939А, л. 13).

Погребение 1 (Рис. 35) открыто на глубине 1,5 м. Скелет лежал головой на север, на спине, но таз и ноги повернуты на три четверти, ноги перекрещены в коленях, руки раскинуты, лицевая часть повернута на восток. Судя по положению, погребенный умер насильственной смертью.

Раскоп «Центральный» – в 1968 г. среди остатков средневековых построек (см. Глава I) было открыто одно захоронение (Зайцев, 1968А, л. 29; Кобылина, 1969, с. 90; Атавин, 1986, с. 264).

Погребение 1 (Рис. 195.2, 55.2) обнаружено на глубине 1,97 м (череп), 2,24 м (ноги). Прорезало слой уплотненной неоднородной глины. Могильное пятно имело вид вытянутого овала размерами 1,80x0,45 м. Форма пятна прослеживалась лишь в северной части, контур в южной части терялся в пятне ямы. Погребенный лежал головой на север, вытянуто на спине. Череп находился почти вертикально, под черепом, несколько к северу, был вы-

явлен камень. Руки согнуты в локтях, кисти на груди, предплечье правой руки поднято под углом около 45°. Кости ног вытянуты. Длина скелета 1,6 м. Нижние конечности несколько сползли в яму, находящуюся под погребением, к этому моменту уже засыпанную. В заполнении встречены мелкие фрагменты керамики слоя городища, в нижней части грудной клетки – большой амфорный фрагмент, в области крестца – полностью окислившийся железный предмет (пряжка, кресало – ?), в ногах найдено около 50 фрагментов высокогорлого кувшина с плоской ручкой; в ручке кувшина отверстие (след ремонта).

Вероятная датировка погребения – IX в.

* * *

По аналогии с некрополями Таманского городища (Чхаидзе, 2008а, с. 302-303; 2009в, с. 96-100) можно полагать, что общей чертой средневековых некрополей Фанагории² является полиэтничность погребенных. При этом грунтовые могильники оставлены наиболее многочисленной прослойкой общества – “рядовым населением”, отображая наиболее полно из всех известных на сегодняшний день источников, его мировоззрение, уровень социального развития, особенности культуры.

Погребения в каменных ящиках из Фанагории имеют аналогии на Таманском полуострове и в Крыму (Чхаидзе, 2006а, с. 53-57, 60, 63-66, рис. 1, 4-7, 12; Пономарев, 2011, с. 287-292), где все каменные ящики ориентированы по линии запад-восток с сезонными отклонениями. В большинстве своем погребения в них безинвентарные.

Все погребения в каменных ящиках совершены по одинаковому обряду – на спине, головой на запад (с сезонными отклонениями). Единообразны и каменные ящики, состоящие из плит, без пола. Их глубина от 0,38 м до 1,0 м. Присутствующий в нескольких погребениях инвентарь – невыразителен.

В Крыму так называемые плитовые могилы известны с античности и бытуют вплоть до раннего средневековья, составляя небольшой процент погребальных сооружений. Лишь в VI–VII вв. на некоторых крымских могильниках этот тип могил начинает распространяться, становясь преобладающим во второй половине VIII–IX вв. и доживая до позднего средневековья (Махнева, 1968, с. 164-165; Айбабин, 1993, с. 130; 1999, с. 222). По мнению И.А. Баранова, появление плитовых могил в Крыму не связано с античными традициями, а вызвано установлением с первой половины VIII в. византийского господства и появлением византийского монашества (Баранов, 1974, с. 154; 1990, с. 108, рис. 37). Согласно В.В. Майко, появление этого типа могил связано с проникновением христианства в местную языческую среду тюрко-болгар (Майко, 1995, с. 105-106; 2001б, с. 46-47; Майко, Фарбей, 1995, с. 80).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что 15 из 17 погребений в каменных ящиках выявлены на достаточно компактной территории – западной окраине города. Учитывая то, что распространение подобных

² О процентном соотношении античных и средневековых погребений на некрополях Фанагории (см.: Ворошилова, 2010, рис. 3).

погребений связано с христианизацией местного населения Таманского полуострова и Восточного Крыма (Корпусова, 2002, с. 132-137), и по аналогии с Таманским городищем (Макарова, 2005, с. 385, рис. 13; Чхаидзе, 2006а, с. 55-56, рис. 4), одновременными памятниками Крыма³, Северо-Восточного Причерноморья⁴, Центрального Предкавказья⁵, Болгарии⁶, можно предполагать, что открытые плитовые могилы могли являться остатками кладбища, расположенного рядом с христианским храмом.⁷ На это может указывать и надгробная плита с крестом и греческой надписью (Рис. 138.15), происходящая с этой же территории.

Датировка погребений в каменных ящиках на территории Западного некрополя может быть установлена достаточно широко – в пределах V–XIV вв. Два погребения в каменных ящиках из раскопок 1865 г., расположенные отдельно от остальных, согласно нумизматическому материалу датируются XI в.

Среди грунтовых погребений Фанагории всего выявлено 18 мужских погребений, 16 женских, 60 детских, 109 не определены. В 22 случаях погребения были разрушены или сохранились фрагментарно. Значительное количество погребений детей говорит о высокой детской смертности в средневековой Фанагории, что впрочем, являлось обычным для этого периода.

Важно отметить выявленные на раскопе «Южный город» 7 захоронений, содержащих только черепа (погребения 22, 52 (6 черепов), 92, 93, 99, 1 и 2 (1985 г.)); еще один череп обнаружен в кладке строения конца IX – начала X вв. на раскопе «Северный город» (1948 г.). Здесь вероятно, встречена какая-то особенность погребального обряда (культ отрубленной головы? – (см.: Дмитриев, 1997, с. 212-218)), неизвестная на остальных некрополях полуострова, но встреченная на городище Артезиан в Крыму (Винокуров, 2004, с. 70-72, рис. 12-13).

Все погребения совершены на глубине от 0,10 м до 2,50 м, в среднем – 0,90-1,10 м. Контуры могильных ям обычно не прослеживались из-за особенностей грунта на полуострове, в тех же редких случаях, когда удалось их зафиксировать, можно судить, что могильные ямы имели в основном подпрямоугольную форму.

Общие данные о характере погребений и погребальном обряде приведены в таблице (Табл. 6).

В абсолютном большинстве погребенные уложены головой на запад с

³ Керчь (Макарова, 1998, с. 365-385, рис. 13-16; Науменко, Пономарев, 2009, с. 315-316); с. Золотое (Орлов, 1979, с. 114-129; рис. 6-7); Судак (Майко, 2007, с. 24-144, 206-249, рис. 11-12, 129, 131, 135, 139, 143); Бакла (Романчук, 1983б, с. 131-139, рис. 1; Рудаков, 1984, с. 50, табл. 2); Тепсень (Майко, 2004, с. 164-176, рис. 89; Сорочан, 2004, с. 131-132); Херсонес (Фомин, 2009, с. 363); и др.

³ Храмы в пос. Лоо и на горе Сахарная головка, базилики Леснянская II и у родника Крион Нерон (Василиненко, 2009, с. 28-29; Армарчук, 2010, с. 236; 2011, с. 256-257).

⁵ См.: Сысоев, 1898, с. 122-123; Алексеева, 1960, с. 22.

⁶ Плиска (Михайлов, 1955, с. 252-253, обр. 13).

⁷ В письменных источниках однозначно указывается на то, что в VI в. Фанагория являлась христианским епархиальным центром (см.: Глава IV). С большой долей вероятности можно предполагать, что в городе и за его чертой находились христианские храмы, а возможно и монастыри, остатки которых еще не обнаружены. В начале конце VII – начале VIII вв. в Фанагории пребывал опальный император Юстиниан II – в городе должен был располагаться храм и обслуживающий его клир, так как христианами являлись и сам император, его жена принявшая христианство, и близкие к ним люди (Гадло, 1991, с. 99).

отклонениями на СЗ или ЮЗ, реже ориентированы на север; в вытянутом положении на спине. Только в трех случаях (в том числе одно погребение не родившегося ребенка) на правом боку. Чаще всего встречено положение черепа – на правом виске, к югу, реже – на затылке. Позиции рук и ног варьируются. В двух погребениях обнаружены остатки деревянных гробов. В девяти случаях погребения перекрыты остатками деревянных досок, лежащих параллельно друг другу и перпендикулярно продольной оси захоронения. В восьми случаях встречено перекрытие могил камнями. Абсолютное большинство погребений безинвентарные, что препятствует их датировке. При этом важно отметить, что часть погребений, относимых к средневековому периоду, встречена на месте некрополей античного времени и это заставляет предполагать, что некоторые из них могут являться античными.

В редких случаях при погребенных обнаружен инвентарь. В разрушенной могиле с раскопа «Некрополь А» – фрагментированная раннесредневековая амфора, лепной сосуд и кувшин (Блаватский, 1941а, с. 26-27). В одном из погребений раскопа «Керамик» – кухонный горшок с линейно-волнистым орнаментом VIII–IX вв. (Атавин, 1986а, с. 262, рис. 2.2)⁸. В двух погребениях с того же раскопа – по кувшинчику (один датирован VIII в.) и лепной горшок (Кобылина, 1956, с. 95, рис. 26; 1967, с. 129; Атавин, 1986а, с. 262, 264). В трех погребениях с раскопа «Юго-Западный» встречены нож, бронзовая сережка-колечко и неопределимая медная монета, положенная в рот погребенного в качества т.н. “обола Харона”⁹. В нескольких погребениях с раскопа «Южный город» встречены фрагменты керамики и железные коррозированные предметы – вероятно, остатки ножей.

Вскрытые в Фанагории погребения по способу захоронения и глубине залегания могут быть разделены на две группы. Для первой характерно положение покойного головой на запад, с сезонными отклонениями – эти погребения обычно находятся неглубоко от дневной поверхности. У второй группы погребений выдержана северная ориентация, но присутствуют и отклонения на восток; глубина залегания обычно больше.

Обращаясь к хронологической интерпретации погребений из раскопок Фанагории, следует отметить, что пока приходится датировать их условно, основываясь на материалах аналогичных погребений с соседних памятников (Чхаидзе, 2006в, с. 196-197). Это объясняется практическим отсутствием погребального инвентаря, в том числе и керамики. А.Г. Атавин, основываясь на находках керамики из могил некрополя Фанагории, относил погребенных с северной или западной ориентировкой к т. н. “болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры”, датируя их VIII–IX вв. Разница в ориентировке объяснялась им смешанностью населения (Атавин, 1986а, с. 264-265). С нашей точки зрения, подобные выводы делать преждевременно¹⁰. С другой

⁸ Аналогичный горшок был найден в 1937 г. в одном из подбойных погребений на некрополе средневекового Херсонеса (Тахтай, 1948, с. 40, рис. 7).

⁹ Подобный обряд известен на Таманском полуострове в средневековое время. Так, близ городища Патрей, во рту одного из погребенных была найдена золотая византийская монета Константина V Копронима (741–775) (Миллер, 1932, с. 67-68). Впрочем, обычай класть в рот усопшему монету в средневековье был достаточно распространен на территории Евразии (см.: Кадырбаев, Бурнашева, 1970, с. 52-53; Парусимов, 1987, с. 60-61; Костюков, 2009, с. 217-220; и др.).

¹⁰ Некоторые одиозные авторы, совершенно не разбираясь в сути вопроса, называют эти погребения “этнически болгарскими”, попутно обозначая Фанагорию “поселением” и коверкая фамилии исследователей (Ловпаче, 2009, с. 140, 144).

стороны, А.Г. Атавин признавал, что точнее об этносе этих погребений могли бы сказать лишь антропологические исследования (Атавин, 1988, с. 23).

Этнический состав населения Фанагории IV – первой трети VI вв. представлен смешанным, греческо-варварским, боспорским по составу населением, с сохранением значительного количества античных традиций и греческого языка. На одном из участков восточного некрополя этого времени доминируют сарматские черты погребального обряда. Присутствие в составе населения гуннов не прослежено (Медведев, 2007, с. 224-229; 2008, с. 143; 2009, с. 240-242; Строков, 2009а, с. 423-425; ср.: Герасимова, 1976, с. 112). Подобная картина наблюдается и в расположенных по соседству Кепях (Сокольский, 1964, с. 209; 1968, с. 255).

Единственным средневековым погребением, которое возможно связать с каким-либо этносом, является захоронение из грунтового некрополя Кеп (Сорокина, 1969, с. 124-128, рис. 1.1-9; Чхаидзе, 2011, с. 124-126, рис. 10), по наличию погребального инвентаря датируемое концом VIII – первой половиной IX вв. и соотносимое с погребениями «типа Соколовской балки» (середина VII – первая половина IX вв.), атрибутируемыми как хазарские (Круглов, 2006, с. 282, 285)¹¹.

Таким образом, приходится констатировать, что для средневекового времени чрезвычайно трудно определить этническую и конфессиональную принадлежность погребенных: среди средневековых погребений Фанагории могли быть захоронения как христиан и мусульман, так и иудеев, и язычников.

В целом, безинвентарные средневековые погребения, совершенные по такому же обряду, встречены на Таманском городище (Чхаидзе, 2004а, с. 404-408, табл. 1-3, рис. 1-10; 2008а, с. 304-305, рис. 137; 2009в, с. 99-100, рис. 1), городище Кепы (Чхаидзе, 2006б, с. 496-498, рис. 11-13), поселении Патрей (Абрамов и др., 2007, с. 288; 2009, с. 329) и др. Это погребения в грунтовых ямах, скелеты в которых лежат на спине, руки и ноги вытянуты, но встречается и положение одной руки вдоль тела, другой в районе таза. Погребенные ориентированы головами на север или запад, с небольшими сезонными отклонениями. Инвентарь зачастую отсутствует, но имеются предметы, являвшиеся украшениями или деталями одежды (бусы, подвески, ножи). Во многих погребениях сохраняются остатки внутри могильных конструкций –

¹¹ Следует отметить, что погребения «типа Суханово» (вторая половина VI – первая треть VII вв.) и «типа Сивашовки» (вторая-третья трети VII в. – начало VIII вв.) – соотносимые с болгарями (Круглов, 2006, с. 284-285; Комар, 2008, с. 104-111) не известны ни в окрестностях Фанагории, ни на остальной территории Таманского полуострова, в отличие от Восточного Приазовья, где исследованы как имеющие признаки «сухановских», так и «сивашовские» и «соколовские» раннесредневековые погребальные памятники (Атавин, 2008, с. 28-43, табл. 1-27; Чхаидзе, 2010, с. 51-54, рис. 1-2; 2011, с. 115-124, рис. 1-9; Лимберис, Марченко, 2011, с. 420-439, рис. 3-13). Данное замечание весьма существенно, как иллюстрация к прочно утвердившемуся в историографии мнению, что Фанагория, якобы, являлась столицей Великой Болгарии (подробнее см.: Глава IV). В последние годы были раскопаны курганный и грунтовой могильники поселения Виноградный 7, располагающегося южнее Фанагории. Ряд средневековых захоронений отсюда также относится к памятникам «типа Соколовской балки» (Марченко и др., 2007, с. 262-269, рис. 113-121). С другой стороны, следует иметь в виду, что в настоящее время среди исследователей зачастую нет единства в вопросе отнесения одного и того же памятника к определенному типу погребений. Ряд погребений из Восточного Приазовья относятся и к «Соколовской балке» (Круглов, 2006, с. 281) и к «Сивашовке» (Рашев, 2007а, с. 78, 79, 87, №№ 43, 51, 115, табл. 27, 46, 49) и к «Сивашовке» с элементами «Суханово» (Комар, 2008, с. 109).

доски от гроба и железные гвозди, над и под покойником нередко лежит слой камки.

Возможно, ряд погребений мог быть оставлен позднесредневековым кочевым населением – подобные погребения встречены в курганном могильнике Старотитаровский II (Чхаидзе, 2008в, с. 89-94, рис. 1-4).

Есть основания полагать, что и большая часть из 144 погребений, открытых на раскопе «Южный город», совершены по мусульманскому обряду, о чем позволяет говорить поза погребенных: абсолютное большинство скелетов лежали на спине или правом боку, ориентация западная, голова повернута лицом к югу, в сторону Мекки. Мусульманскую принадлежность погребенных косвенно подтверждает отсутствие в могилах инвентаря. Подобные погребения открыты на Таманском полуострове у пос. Красноармейский, они датируются поздним средневековьем – новым временем (Чхаидзе, 2008г, с. 374-375).

Обращают на себя внимание два погребения, выявленные в пределах территории городища Фанагории (раскопы «Северный город» и «Центральный»), причем один из погребенных умер насильственной смертью. Пять подобных захоронений были выявлены при раскопках городских слоев Таманского городища (Чхаидзе, 2008а, с. 307, рис. 139). Подобные погребения зафиксированы на городище Артезиан в Крыму и могут быть связаны с какими-то ритуальными представлениями средневековых жителей (Винокуров, 2004, с. 64-70, рис. 8-10; 2011, с. 55-64, рис. 1-3) или иметь криминальное происхождение (ср.: Масловский, 2011, с. 226-231).

В настоящее время можно заключить, что некрополи средневековой Фанагории располагались на ее западной и южной окраинах. Эта территория служила кладбищем многоэтничному населению Фанагории¹². На территории восточного некрополя, где встречены позднеантичные погребения в грунтовых ямах, подбоях и склепах, в средневековый период захоронения не совершались – после второй четверти VI в. эта территория не использовалась под кладбище.

Дальнейшие исследования средневековых некрополей Фанагории позволили бы выделить хронологические этапы не только могильников, но и городища в целом.

---

12 Остается только сожалеть, что ни одно из раскопанных в Фанагории погребений не подверглось антропологическим исследованиям. Лишь в нескольких случаях Г.П. Романовой (ИА РАН) были определены пол и возраст погребенных из раскопок «Южного города» 1980 г.

ГЛАВА IV

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФАНАГОРИИ

Древнейшее упоминания Фанагории (Φαναγόρεια) встречается у Гекатея Милетского (VI – начало V вв. до н.э.), согласно которому город получил название от его основателя – Фанагора (Античные источники, с. 24; Кобылина, 1956, с. 13). Впоследствии Фанагорию упоминают различные античные авторы. Псевдо-Скимн Хиосский (III–I вв. до н.э.) (Античные источники, с. 101) отметил, что город был основан теосцами. Эти же сведения повторил Арриан (ок. 86 – после 161 гг. н.э.) (Античные источники, с. 147). Выходцами из ионийской земли жителей Фанагории называл Дионисий Периэгет (I в. н.э.) (Античные источники, с. 144). Об этом же сообщает ряд поздних авторов (Кузнецов, 2001, с. 229-230). В.В. Латышев отметил, что Фанагория получила название от своего ойкиста – Фанагора Теосского, бежавшего от военной угрозы персов около 540 г. до н.э. (Латышев, 1909, с. 71), что нашло отражение в последующей историографии (Жебелев, 1953, с. 61; Кобылина, 1956, с. 14; ср.: Суриков, 2012, с. 447-448, 461, 464).

В конце I в. до н.э. город на некоторое время был переименован в Агриппию (Αγρίππῆων), после чего ему было возвращено прежнее название (Гайдукевич, 1949, с. 317, 458-459; Болдырев, 1999, с. 30-36; Сапрыкин, 2002, с. 104-106).

Единственным исследователем, обратившимся к вопросу о наименовании города в средневековый период, явился П.П. Георгиев, по мнению которого оно звучало как Фанагурис. П.П. Георгиев полагает, что ойконимы, которые используют Прокопий Кесарийский в VI в. – Φαναγοῦρις (Procorii Caesariensis, II, p. 508) и Феофан Исповедник в VIII в. – Φαναγοῦρίας (Феофан Исповедник, с. 36) отличаются от Φαναγορίας, используемого античными авторами (см.: Античные источники, с. 24, 95, 101, 109, 144 и др.). По П.П. Георгиеву, трансформированное название «Фанагурис» появилось благодаря гуннам-утигурам, так как составная часть – ῥοῦρις содержится как *gur* в этнонимах «оногуры», «утигуры», «кутригуры» и др., а Прокопий и Феофан обозначают этим окончанием город с его округой, где концентрировались оногуро-утигурские, а затем болгарские «курени» (монг. *kurien*, *guriyen*) (Георгиев, 2004, с. 84-86; 2005, с. 36, 38, 43-44).

Нам представляются неубедительными основанные на вольных допущениях лингвистические штудии П.П. Георгиева, в стремлении объявить Фанагорию протоболгарским городом (см. ниже). С нашей точки зрения, вариант написания Прокопием фонетически искаженного ойконима «Фанагурис» и следующий ему вариант Феофана скорее может являться пересмыслением. Его можно признать гапаксом, видимо, диалектизмом. Подобное обилие форм ойконимов наблюдается в сочинениях других средневековых авторов, помимо того, что употребляется закономерно основанное на античной традиции название «Фанагория» (в ряде случаев, правда, являющееся калькой с античных авторов, прежде всего Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.) и Клавдия Птолемея (II в. н.э.) (Античные источники, с. 109, 112,

120, 192). Приведем ряд примеров.

Под документами патриаршего синода 518 г. в Константинополе присутствует подпись Иоанна, епископа Фанагории (Ἰωάννης ἐλέει θεοῦ ἐπίσκοπος Φαναγορέως) (АСО, р. 66, № 24).

В VI в. неоднократно Фанагорию (Φαναγορεία, Φαναγορείας, Φαναγορεύς) и ее жителей – фанагорейцев (Φαναγόρειον) упоминает Стефан Византиец (Stephani Byzantii, р. 103-104, 135, 177, 657), передающий свидетельство Гекатея Милетского.

Под названием Phanugoria-Fanaguron город фигурирует в составленной между 60-ми гг. VII в. и началом VIII в. «Космографии» Равеннского Анонима (Подосинов, 2002, с. 185, 194, 220, 265).

Помимо написания Φαναγορία, в одной из рукописей Феофана приводится Φαυανορία (Феофан Исповедник, с. 36, 39).

В латинском переводе Анастасия Библиотекаря (IX в.) написание: Phanogiam, Phenagoriam, Phenagoria (ЛИБИ, II, с. 247; Чичуров, с. 38, 39, 40).

У патриарха Никифора в «Бревиарии» (VIII в.) встречается искаженное Φαναώρη (Никифор, с. 155).

У Константина Багрянородного в трактате «о фемах» (середина IX в.): Φαναγόρειον (Constantini Porphyrogeniti, р. 12).

В «Обзрении истории» Георгия Кедрина (конец XI – начало XII вв.) встречается такая же форма как и у Феофана: Φαναγορία (Georgii Cedreni, р. 779).

Φαναγόρεια и Φαιναγόρας упоминается Евстафием Солунским (XII в.) в его комментариях Дионисия Перизгета (Eustathii Thessalonicensis, р. 306, 549).

В Певтингеровой карте, изготовленной в конце XII – начале XIII вв., но восходящей к первым векам н.э., Фанагория отмечена под названием Phamacorium (Подосинов, 2002, с. 310, 357).

В «Географии» Никифора Влеммида (XIII в.): Φαιναγόρη (Nicephori Vlemmydi, р. 426).

Наконец, аналогичное Георгию Кедрину прочтение – Φαναγορία отмечено в «Обзорной хронике» Феодора Скутариота (вторая половина XIII в.) (ГИБИ, VIII, с. 215).

Таким образом, в очередной раз приходится констатировать, что в средневековье Фанагория даже не изменила своего древнего названия (см.: Сорочан, 2004а, с. 119).

В раннесредневековый период дельта Кубани (Гипаниса) по-прежнему являлась главными воротами на Северный Кавказ. В V–VI вв. н.э. здесь еще продолжалась жизнь античных городов Боспорского царства, которые превратились в небольшие торжища-эмпории, осуществлявшие связь между Византией и населением Северного Кавказа. Историческое развитие региона Боспора в этот период определялось многообразными процессами континуитета античной и византийской культур (Виноградов, 1998, с. 233-247; 2011б, с. 139-140; Болгов, 2003, с. 164-165).

Между тем, со второй трети V в. Прокопий Кесарийский отмечает стол-

кновение гуннов (которых он называет утигурами¹), пришедших через Крым на Боспор Киммерийский и готов-тетракситов недалеко от «Меотийского болота» (Азовское море) (Procopii Caesariensis, II, p. 506). Следует полагать, что готы-тетракситы занимали территорию, прилегающую к Таманскому полуострову.

В конце V в. боспорские города добровольно входят в состав Византийской империи, о чем, вероятно, говорится в надписи 479–492 гг.² царя Тиберия Юлия Дойптуна, где он назван «*другом кесарей и другом римлян*» (φιλοκέσαρος καὶ φιλωρμέου); в этой надписи так же упоминаются появившиеся на Боспоре представители византийской администрации эпарх (ἐπάρχου) Эйсгудий и комит (κόμης) Спадин. Следовательно, на Боспоре в это время сохраняется царская власть, правящая династия и аппарат управления (КБН, с. 74-75, № 67; Латышев, 1894, с. 661-662; Виноградов, 1998, с. 234-238, 245-246, рис. 1; Фролова, 1998, с. 249-250; Сазанов, 1999а, с. 28, 33; Храпунов, 2002, с. 88-90; Болгов, 2005, с. 18-24; Виноградов, 2010а, с. 247-250, рис. 17; Яйленко, 2010, с. 619-624, табл. 1.6).

Без сомнения, с этими событиями в правление императора Юстина I (518–527), связано и первое упоминание епископской кафедры в Фанагории – уже отмеченная подпись епископа Иоанна под документами патриаршего синода 518 г. в Константинополе (АСО, р. 66, № 24; Le Quien, 1740, coll. 1327-1328; Fedalto, 1988, p. 392). Таким образом, через посредничество Боспорской епископии, в начале VI в. епископская кафедра была создана в Фанагории и находилась в непосредственном подчинении Константинополю (Le Quien, 1740, coll. 1325-1326; Плетнёва, 1980, с. 26; Гадло, 1991, с. 95; Болгов, 1996, с. 115; Адаксина, 2004, с. 166).

Вхождение Боспора в состав империи спровоцировало нападение гуннов на Боспор. В результате разгрома гарнизона и убийства трибуна, город был захвачен. Тогда же, как сообщает Прокопий, варварами, жившими «*в соседних землях*», были «*взяты и разрушены*» Кепы и Фанагория (Прокопий Кесарийский, с. 25; Гадло, 1979, с. 81; Храпунов, 2003, с. 173; Сорочан, 2005а, с. 1242)³. Для возвращения Боспора между 527/529 и 534 гг. император Юстиниан I (527–565) отправил морем к проливу наемную армию во главе с комитом Иоанном, усиленную вспомогательным войском готов под главен-

¹ Историографию вопроса см.: (Буданова и др., 2011, с. 229-233).

² Датировка надписи приводится по А.Ю. Виноградову (2010а, с. 248, 250). Между тем, В.П. Яйленко предпочитает датировку 402 г. (Яйленко, 2010, с. 621-624).

³ По мнению А.Ю. Виноградова (2010б, с. 142-143), разрушение Кеп и Фанагории не связано с этими событиями, а произошло после 560 г., когда к Боспору Киммерийскому подошли авары, бежавшие от натиска тюрков, о чем сообщает Евагрий Схоластик в своей «Церковной Истории» (Евагрий Схоластик, с. 192). Мы подобное предположение принять не можем. Помимо того, что Евагрий не приводит никаких данных о захвате Фанагории и других городов, как показали археологические исследования (см.: Глава I), первое разрушение города датируется первыми десятилетиями VI в. и, без сомнения, связано с рассматриваемыми событиями (см.: Сазанов, 1999, с. 32-35); второе – последней четвертью VI в. и связано с событиями 576 г. (также см.: Атавин, 1987а, с. 32; 1988, с. 22; 1992, с. 173-174; 1993, с. 167, 170; Сазанов, 1999б, с. 235; Аладжов, 2007, с. 268-269). В качестве еще одной гипотезы приведем мнение Г.З. Анчабадзе, согласно которому Кепы и Фанагория в середине VI в. были разрушены протоадыгскими племенами, упомянутыми в грузинских источниках как «хаскуны». Их в это время пытался подчинить своей власти Юстиниан I и в этом ему оказал помощь царь Картли Фарсман (542–557), совершивший поход в Прикубанье (Анчабадзе, 1988, с. 131; ср.: Гадло, 2004, с. 206).

ством Годилы и стратига Бадурия, которые двигались сушей. Боспор был возвращен и укреплен стенами. Об этом сообщают Прокопий, Иоанн Мала-ла и Феофан (Procopii Caesariensis, I, p. 56-57; Прокопий Кесарийский, с. 224; Ioannis Malalae, p. 412, 432; Theophanis, p. 175; Васильевский, 1912, с. 383; Васильев, 1927, с. 179-180; Пигулевская, 2011, с. 310-311; Храпунов, 2003, с. 171-172; Болгов, 2004, с. 65; Могаричев и др., 2007, с. 32). В это же время или чуть позже могли быть возвращены и Кепы с Фанагорией (Артамонов, 1962, с. 88-91). На это указывает найденная в 1893 году на Таманском полуострове и, вероятно, стоявшая в Фанагории мраморная плита с фрагментом строительной надписи с именем Юстиниана. Надпись датирована 533, 548 или 563 гг., в ней упоминается «*комит этого города*» (κόμητορ τούτης τῆς πόλεως) – представитель императорской власти на Боспоре (Латышев, 1896, с. 98-105, № 98, табл. X; Виноградов, 2001, с. 71; 2010б, с. 153-155, рис. 5). Следовательно, во владении Византии оказались оба берега Керченского пролива (Фролова, Николаева, 1978, с. 178-179; Фролова, 1998, с. 248)⁴.

Таким образом, ранее Боспор, пользуясь самостоятельностью во внутреннем управлении, платил дань гуннам (Гайдукевич, 1940а, с. 201), теперь он стал отдельным византийским церковным и административным центром, важным морским портом, контролировавшим пролив (Айбабин, 1999, с. 97; Могаричев и др., 2007, с. 32). Управление осуществлялось трибуном, занимавшимся строительством и муниципальными служащими, руководившими гражданской, повседневной сферой жизни (Храпунов, 2004а, с. 380). Именно с этого времени новое название города «Боспор» (ΒΟΣΠΟΡΟΣ) используется вместо прежнего «Пантикапей» (ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΟΝ) (Храпунов, 2003, с. 176-177). Важно отметить, что в конце VI в. для территории бывшего Боспорского царства сохранившееся название «Боспор» распространялось и на его Азиатскую часть (Сазанов, Могаричев, 2006а, с. 124).

Последняя четверть VI в. характеризуется кризисом Византийской империи, причиной чего послужили огромные финансовые затруднения и военные неудачи. Положение было усугублено и новой серьезной опасностью в лице тюркских орд, в семидесятих годах VI в. появившихся в Крыму. Как сообщает Менандр Протектор (вторая половина VI в.), во время войны, начатой тюркютами против Византии, в 576 г. войсками тюркютов Бохана и утигуров Анагея после осады Боспор был взят (Менандр Византиец, отрывок 47, с. 302.; Васильев, 1927, с. 183) и сожжен. Тогда же значительно пострадала и большая часть крепостей и малых городов Боспора (см.: Сазанов, 1999а, с. 36). Однако, в 588 г., если не раньше, пользуясь распрей, начавшейся в каганате после смерти кагана Арсилы, империи удалось восстановить свою власть над проливом. Как следует из обнаруженной в 1803 г. в Тамани надписи 589–590 гг. императора Маврикия (582–602 гг.), сообщающей, что

⁴ По мнению А.В. Гадло, Кепы и Фанагория не восстанавливались в течение длительного времени (Гадло, 1991, с. 95). Как видим, делать такие выводы, нет оснований.

⁵ Относительно недавно при раскопках в Балаклаве (византийский Символон) был обнаружен известняковый блок с датой 593/4 г., что позволило авторам раскопок высказать предположение и о местном монументальном строительстве в правление Маврикия (Адаксина, Мыц, 2008, с. 22, рис. 172).

здесь велось восстановление Кесареона⁵ – вероятно нового названия города Гермонассы, Боспор в это время уже потерял самостоятельность и был административно подчинен Херсону, находясь под управлением Евпатерия стратилата и дуки – военачальника провинции и пограничных мест (Латышев, 1894, с. 671-672; 1896, с. 105-109, № 99, табл. XI; Кулаковский, 1898, с. 14; Васильев, 1927, с. 185-186; Артамонов, 1962, с. 137-139; Айбабин, 1999, с. 133-134; Сорочан, 2004б, с. 262-326-327, 329-330; 2005а, с. 172-175, 181-182, 754-755, 1254; 2007б, с. 240-242; Могаричев и др., 2007, с. 34; Яйленко, 2010, с. 614; Виноградов, 2010б, с. 155-157, рис. 6).

В сильно пострадавших после нашествия тюрков городах и поселениях Боспора уменьшилось население, значительная часть которого либо погибла, либо была уведена тюрками. Лишь небольшому количеству населенных пунктов, находящихся под властью Византии, в том числе Боспору, удалось восстановиться ко второй половине VII в. (Сазанов, 1999а, с. 36-38; Айбабин, 1999, с. 141).

Можно полагать, что в связи с этими событиями, епархия Фанагории была упразднена и Таманские острова были подчинены юрисдикции епархии Зихии с центром в Никопсисе. Зихская епархия известна с середины VI в. (АСО, III, р. 28, 115, 126, 155, 162, 171, 184), ее основная задача – христианская миссия, рассчитанная на проповедь среди населения Северо-Западного Кавказа – зихов (Гадло, 1991, с. 95-96).

Относительно этничности населения Фанагории V–VI вв., можно отметить присутствие здесь греческого элемента. Об этом позволяют говорить две эпиграфические находки. Это уже отмеченная известняковая надгробная плита второй половины IV–V вв., на которой примерно в половину высоты вырезан крест, по обе стороны от которого расположена греческая надпись: «*Господи, помоги Феодоту*» (Рис. 138.15) (Виноградов, 2010б, с. 152-153, рис. 4; Виноградов, Чхаидзе, 2012, с. 51-57, рис. 1)⁶. Еще одним свидетельством является обнаруженная в 1853 г. мраморная плита – прошение Кириака: «*Господи, помоги рабу Твоему Кириаку капитану, всем морякам и Георгию грешнику*», относимая к VI–VII вв. (Гёрц, 1876, с. 86; Латышев, 1896, с. 113-113, № 104; Виноградов, 2010б, с. 158-159, рис. 8)⁷.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о присутствии в V–VI вв. в Фанагории протоболгар – тюркоязычных племен кочевников, пришедших из Азии и населявших восточноевропейские степи с IV в. Эти племена, родственные между собой и объединенные общим названием «булгары», впервые встречающимся у латинских писателей Комиса Марцелина и Иордана (VI в.) (ЛИБИ, I, с. 313, 318, 337; Иордан, с. 67; см.: Артамонов, 1936, с. 9-10; Плетнёва, 1980, с. 24-25; Ромашов, 1994, с. 211). К середине VI в. протоболгары и ряд родственных им племен сгруппировались на берегах Меотиды

⁶ Впрочем, не исключено, что Феодот происходил из среды иудеев и прозелитов (Виноградов, 2010б, с.153).

⁷ В связи с этими находками, отметим известняковое надгробие с аккуратно выбитым крестом, происходящее с раннесредневекового поселения на месте Кеп (Сокольский, 1963б, с. 55, рис. 21.1; Чхаидзе, 2006б, с. 494, рис.7.1).

(Азовское море), создав в 30-х гг. VII в. под предводительством вождя уногундулов хана Кубрата, как считается, основателя или предка рода Дуло⁸ (время жизни: начало VII в. – 60-е–70-е гг. VII в.), племенное объединение названное византийскими авторами «Великой Болгарией» (Dunlop, 1954, р. 25, 37, 41; Артамонов, 1962, с. 79-91, 157-169; Комар, 2006, с. 170).

Традиционно считается, что территория «Великой Болгарии» охватила восточное и северо-западное Приазовье – на этот счет существует обилие литературы (Чичуров, 1976, с. 80; Плетнёва, 1980, с. 25-26; 1997, с. 35-37; Тыпкова-Заимова, 1991, с. 43-44; Ромашов, 1994, с. 237-245; 2001, с. 311-318; Комар, 2002, с. 169-172; Приходнюк, 2002, с. 125-128; Рашев, 2004, с. 47-63; Торица, 2007, с. 51-61; Могаричев и др., 2007, с. 81; и др.), хотя существуют и альтернативные версии (см.: Чичуров, 1976, с. 67-68), например, о нахождении «Великой Болгарии» на территории ставропольской возвышенности (Гадло, 1979, с. 111-112) или в районе Днепра (Рона-Таш, 2005, с. 117).

После смерти Кубрата и кратковременного правления Безмера, так же из рода Дуло, власть над протоболгарами наследовали сыновья Кубрата. В силу полиэтничности объединения, «Великая Болгария» распалась на отдельные орды. Наиболее крупными являлись орды братьев Батбая и Аспаруха, кочевавшие в степях Нижнего Дона и Восточного Приазовья. Именно с ними около 679 года столкнулись пришедшие из Предкавказья хазары – сильное кочевническое объединение, отколовшееся от Тюркского каганата и укрепившееся к середине VII в. Этнически близкие протоболгарам, хазары, несмотря на родство, являлись враждебным протоболгарам племенным объединением, возглавляемым родом Ашина⁹ (Плетнева, 1981а, с. 12, рис. 7; 1981б, с. 65; 1997, с. 38; Тыпкова-Заимова, 1991, с. 44; Голден, 1993, с. 218-219; Гадло, 2004, с. 132-133; Комар, 2006, с. 187-188; Тортика, 2006, с. 70-74; и др.).

Таким образом, основываясь на показаниях письменных источников, время господства протоболгар в Приазовье устанавливается в пределах конца VI – третьей четверти VII вв.

Вместе с тем, уже достаточно давно было отмечено (Димитров, 1987, с. 89-90, 103, 107, 261), что в научной литературе прочно утвердилось неверное мнение, о том, что центром государственного (sic!) объединения протоболгар являлась именно Фанагория – соответственно и все поселения этого времени на островах кубанской дельты принадлежали протоболгарам.

Это мнение возникло на основе ошибочной интерпретации текстов Мовсеса Хоренаци, Стефана Византийца, Феофана Исповедника и патриарха Никифора. Еще в 1883 г. К.П. Патканов писал: «Кубрат, или

⁸ Недавно было отмечено, что род Дуло известен только из «Именника болгарских ханов», сохранившегося лишь в списках XV–XVI вв. Следовательно, в силу полулегендарного характера сведений, содержащихся в «Именнике», имеющих отношение к Дуло как правящему клану у болгар, а также в силу отсутствия дополнительных источников, делать такой вывод преждевременно (Шамяков, 2011, с. 277-278).

⁹ В последнее время принадлежность династии хазарских каганов к роду Ашина подвергается сомнению, так как в источниках не содержится сведений о подобной связи – единственное сообщение: «Худуд ал-Алам о хазарском царе который назван «тархан-хакан» от потомков (детей) Анса» (см.: Живков, 2010а, с. 8; 2010б, с. 78-82).

Кробат, властитель Котрагов и Булгар, умер в Фанагории, у устья реки Куфена (Кубани)» (Патканов, 1883, с. 26, сноска 2). Впоследствии эта идея была развита Н.Я. Мерпертом: «*Столицей Болгарской державы была, по-видимому, Фанагория. Есть сведения, что именно здесь после длительного царствования умер Кубрат*» (Мерперт, 1958, с. 598). Какие именно «сведения» имелись ввиду, автор не уточнил.

Эти два утверждения были безоговорочно приняты Е.П. Алексеевой: «*Столицей была Фанагория ... Там Кубрат и умер*» (Алексеева, 1963, с. 18, 1993, с. 16)¹⁰, А.П. Смирновым: «*...Фанагория, ставшая, по-видимому, столицей болгарской державы. Есть сведения, что именно здесь умер Кубрат*» (Смирнов, 1966, с. 331) и С.А. Плетневой: «*В первой половине VII в. она [Фанагория] была столицей так называемой Великой Болгарии*» (Плетнёва, 1967, с. 48), которая впоследствии неоднократно, хотя и не во всех работах, повторяет этот тезис (Плетнёва, 1976, с. 21, 91; 1980, с. 28; 1982, с. 49; 1997, с. 37).

Несмотря на то, что М.И. Артамонов пишет только о кубанских болгарях, которым (со второй половины VII в.) принадлежала Фанагория (Артамонов, 1962, с. 130, 196), в итоге, мнение о городе как первой столице Болгарии, так же как и о принадлежности полуострова протоболгарам, начинает кочевать из работы в работу, в том числе среди болгарских исследователей и вплоть до сегодняшнего дня воспринимается как бесспорный факт (Фёдоров, Фёдоров, 1978, с. 67; Литаврин, 1985, с. 138; Тъпкова-Заимова, 1992, с. 48; Тъпкова-Заимова, Павлов, 1993, с. 23; Ромашов, 1994, с. 245; 2001, с. 318; Георгиев, 2000, с. 47; Козлов, 2001, с. 70; Тортика, 2006, с. 67; Фанагория, 2008, с. 9, 14; Болгов и др., 2009, с. 67; и др.).

Следует отметить, что ряд болгарских исследователей не принимают всерьез эту версию (Ангелов, 1971, с. 190-194; Мутафчиев, 1986, с. 100-104; Степанов, 1995, с. 5-11). Эту же гипотезу последовательно в своих работах подвергал сомнению, а затем отверг Рашо Рашев (2000, с. 36; 2004, с. 57; 2007а, с. 59).

Между тем, своеобразной попыткой возврата к этой гипотезе является серия работ болгарского исследователя П.П. Георгиева. В отсутствие археологических данных этот автор утверждает, что именно исторические и ономастические свидетельства могут разрешить этот вопрос. Истолковывая эти источники, П.П. Георгиев полагает, что на территории Таманского полуострова (со столицей в Фанагории) находились основные центры Великой Болгарии – государственного образования с определенной территорией, владельцем и военно-политическими центрами. Фанагория (Фанагурис) и Таматарха (Томитуракан) якобы на протяжении V–VII вв. выполняли функции первостепенных центров для окрестного протоболгарского населения. По мнению автора, территория заселенная Аспарухом на Нижнем Дунае, в природно-географическом и культурно-историческом отношении является точным аналогом Таманского полуострова и, следовательно, болгары Аспаруха заселяли Нижний Дунай в соответствии с реалиями Великой

¹⁰ Впоследствии Е.П. Алексеева отказалась от этой точки зрения (Алексеева, 1992, с. 56).

Болгарии. Наконец, как уже отмечалось, П.П. Георгиевым проводятся ономастические изыскания о трансформации названий Фанагория в Фанагурис-Фанагуриас и Тмутаракань в Томитуракан под воздействием тюркоязычных (т.е. протоболгарских) племен (Георгиев, 2001, с. 17-39; 2004, с. 83-87; 2005, с. 34-49; 2007, с. 31-32).

С нашей точки зрения, доводы, приводимые исследователем, базируются на слишком большом количестве предположений. Мы не можем согласиться с этими тезисами, также как и с окончательным выводом о находящемся в дельте реки Кубань центре Болгарии Кубрата (см.: Чхаидзе, 2005б, с. 356-359; 2012а, с. 15-22)¹¹. Ниже мы еще не раз вернемся к предположениям П.П. Георгиева.

В «Хронографии» Феофана Исповедника (вторая половина VIII – начало IX вв.) сказано: *«В [землях] прилегающих к восточным частям озера [Азовского моря], у Фанагории и проживающих там евреев, обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис, где ловится болгарская рыба ксистон, простирается древняя Великая Болгария и живут соплеменные болгарам котраги»* (Феофан Исповедник, с. 36/60; см.: Чичуров, 1976, с. 66; Литаврин, 1981, с. 29-48; Комар, 2006, с. 159). Как из текста Феофана, так и его пересказа в «Хронографии» Анастасия Библиотекаря (IX в.) (ЛИБИ, II, с. 247) вовсе не следует, что котраги вместе со *«множеством народов»* проживали у Фанагории (ср.: Георгиев, 2004, с. 83; 2005, с. 35-37). Речь в приведенном отрывке идет о евреях Фанагории. Между тем уже в античную эпоху (Даньшин, 1993, с. 59-64; Болгов, 1996, с. 102; Могаричев, 2003, с. 287-288) значительную часть населения приморских торговых городов составлял именно еврейский компонент. Помимо евреев, население было представлено разноязычной смесью греков, синодо-меотов, сарматов, готов, алан и остатков кочевых, и полукочевых гуннов (Болгов, 1999, с. 253; Чхаидзе, 2008а, с. 287-289). Так же и присутствующее в грузинской хронике «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли») и замененное в своде XI в. название «хонни» (гунны) более понятным «евреи» (Обращение Грузии, с. 5; см.: Гадло, 1979, с. 20) не может служить доказательством того, что упоминаемые у Феофана евреи являлись переселенцами с юга – гуннами (ср.: Георгиев, 2005, с. 37-38). То, что речь идет именно о евреях, подтверждают многочисленные находки иудейских надгробий в Фанагории и близлежащих поселениях. Где-то поблизости, на указанной территории располагалось иудейское кладбище. Однако следует отметить, что вопрос о датировке таманских иудейских надгробий остается открытым. Наиболее вероятны хронологические рамки I–V вв. н.э. (см.: Глава II).

Иными словами, можно констатировать, что у Феофана и Никифора не говорится о Фанагории как столице Кубрата, а анализ текстов и рассмотрен-

---

¹¹ В сентябре 2006 г. на Международной научной конференции «Европейские степи и Средний Дунай в средневековье VIII–XIV вв.», проходившей в Балчике (Болгария), мы выступили с докладом «К вопросу о появлении протоболгар на Таманском полуострове», в котором подвергли критике концепцию П. Георгиева. Доклад вызвал повышенный интерес присутствующих коллег и завершился длительным диспутом с самим Павлом Георгиевым.

ные нами археологические данные позволяют с уверенностью утверждать, не только то, что Фанагория не принадлежала протоболгарам, но и вообще поставить под сомнение присутствие протоболгар на островах кубанской дельты вплоть до появления хазар (Димитров, 1987, с. 90; Чхаидзе, 2005б, с. 357)¹². Согласно же греческой и армянской локализации, протоболгары в VII в. проживали к востоку от Таманского полуострова и к северу от р. Кубань – в Восточном Приазовье (Комар, 2006, с. 163-166). Именно здесь встречаются: раннесредневековые погребальные памятники «типа Сивашовки» (вторая-третья трети VII в. – начало VIII вв.), соотносимые с болгарскими и «типа Соколовской балки» (середина VII – первая половина IX вв.), атрибутируемые как хазарские (Атавин, 2008, с. 28-43, табл. 1-27; Круглов, 2006, с. 280-283; 2007, с. 116-118; Рашев, 2007б, с. 30-31; Чхаидзе, 2010, с. 51-54, рис. 1-2). Эти памятники П.П. Георгиев почему-то приводит как доказательство овладения протоболгарами Таманского полуострова: *«Надежные археологические данные об овладении болгарскими территориями Таманского полуострова дают впущенные в древние курганные насыпи захоронения болгарских воинов, в том числе и времен «Великой Болгарии»»* (Георгиев, 2005, с. 43)¹³. Между тем на Таманском полуострове «сивашовские» (вероятно – болгарские) памятники до сих пор не выявлены, в отличие от «соколовских» (предположительно – хазарских), один из которых – грунтовое погребение конца VIII – первой половины IX вв. – известен в Кехах, близ Фанагории (см.: Глава III).

Немногочисленные археологические данные позволяют утверждать о наличии исключительно византийской власти в боспорских городах со второй половины V в. и до 650–670 гг. Причем возникновение «Великой Болгарии» не повлияло на политическое положение городов на Таманском полуострове (Сазанов, 1999а, с. 37-38; Гавритухин, Паромов, 2003, с. 152-157; Паромов, 2003, с. 157-161; Чхаидзе, 2007, с. 142)¹⁴.

Вероятно, единоличная власть империи на Боспоре сохранялась вплоть до появления здесь хазар, большой интерес которых вызывали приморские города с их близостью к византийской Таврике и возможностью непосред-

---

¹² Стремясь обосновать присутствие протоболгар на Таманском полуострове, П.П. Георгиев пишет: «За период VI–VII вв. число долговременных, в той или иной степени, лагерей-зимовищ невелико, но большая часть из них располагается на руинах более древних византийских поселений, в том числе прибрежных античных городов» (Георгиев, 2005, с. 42-43). На самом деле, на полуострове выявлено 25 поселенческих памятников V–VII вв., лишь 4 из них располагаются на месте более древних античных городов (см.: Паромов, 2003, с. 152, рис. 8). И нет никаких оснований называть их «лагерями-зимовищами».

¹³ Ни одного раннесредневекового подкурганного погребения датированного ранее конца X в. на Таманском полуострове не выявлено. Нет никаких данных и о «болгарских воинах». И это веский довод против предположения П.П. Георгиева о присутствии протоболгар на Таманском полуострове, в том числе о номадских лагерях-зимовищах в ближайших окрестностях городов (см.: Георгиев, 2005, с. 44, 48). Следы этих «лагерей-зимовищ» также до сих пор не известны.

¹⁴ Обозначение П.П. Георгиевым Фанагории как крепости (Георгиев, 2005, с. 44, 46) также неверно – фортификационные сооружения на памятнике раскопками до сих пор не выявлены (см. Глава I). С другой стороны, болгарский исследователь, не зная, что в Таматархе-Тмутаракани существовала крепостная стена и вал (Чхаидзе, 2008а, с. 120-132, рис. 65-70) допускает противоречивое утверждение: «Данные о земляной или другого рода раннесредневековой фортификации у античного города пока отсутствуют» (Георгиев, 2005, с. 45).

ственных сношений с Византийской империей. В источниках говорится об оседании хазар: «...из глубин Берзелии на земли болгар и все селения за Понтом Эвксинским... и достигли моря» (Феофан Исповедник, с. 36/60, 37/61; ср.: Никифор, 1980, с. 154/162). Можно констатировать, что к концу VII в. власть хазар распространилась на степи от Азово-Каспийского междуморья и вплоть до Днепра (Артамонов, 1962, с. 166-174; Плетнёва, 1980, с. 27-28; 1997, с. 38-39; Науменко, 2004а, с. 63; Сазанов, 1999а, с. 40; Айбабин, 1999, с. 185; Сорочан, 2006, с. 176; Комар, 2006, с. 184-186, 188, 191). Однако, тезис о том, что протоболгарские орды были разбиты и оттеснены с прежних кочевий в районе Таманского полуострова, должен быть подвергнут корректировке. В результате действий хазар, в 60-е гг. VII в., орда Батбая, в отличие от откочевавшей на Дунай орды Аспаруха, была подчинена хазарами и включена в их объединение. Судя по всему, объединение было действительно потеснено из района Восточного Приазовья–Кубани–Маныча и именно в район дельты Кубани (Атавин, 2008, с. 41). Таким образом, протоболгары наряду с греками, евреями, хазарами и др. составили основу населения приморских городов и поселений на полуострове, частью перейдя пролив, и начав осваивать Крымские степи, а также города и их окрестности (Плетнёва, 1997, с. 39; Ромашов, 2003, с. 116-117; Комар, 2006, с. 166, 186). Данные события могли иметь место именно в третьей четверти VII в. так как уже в 698 г. в Фанагории была создана резиденция бежавшего в Хазарию византийского императора Юстиниана II Ринотмета (685–695; 705–711) (см. ниже). При этом важно отметить, что текстологический анализ сведений Феофана Исповедника и патриарха Никифора дает однозначный ответ, что византийские авторы не считали земли Таманского полуострова, а также Крыма территориями Хазарии. На Боспоре, в Фанагории, осуществляли свои функции два хазарских чиновника. При этом, как на территории Боспора, так и в крымских архонтиях отсутствовали хазарские войска и гарнизоны. В свете изложенного можно поставить под вопрос утверждения, что Фанагория могла являться центром хазарской администрации, под контролем которой находились юго-западные владения каганата, также как и то, что после бегства Юстиниана в Дунайскую Болгарию, Фанагория и Боспор оставались во власти хазар (см.: Васильевский, 1912, с. 389; Dunlop, 1954, р. 172-173; Артамонов, 1962, с. 196-197; Плетнёва, 1980, с. 32; Гадло, 2004, с. 131, 208; Науменко, 2003, с. 427, сноска 2; и др.).

Таким образом, при современном состоянии источниковедческой базы, о появлении протоболгар на территории Таманского полуострова в качестве если не основного, но значительного компонента населения, можно говорить лишь с конца VII в. (см.: Чхаидзе, 2005б, с. 358-359). Утверждать же о какой-либо роли Фанагории и Гермонассы (Таматархи) в жизни населения Кубратовой Болгарии, также как и о находящемся здесь центре этого образования (ср. Георгиев, 2005, с. 34, 41, 48) не представляется возможным¹⁵.

¹⁵ Нет никаких оснований и обозначать «Болгарию Кубрата» государственным образованием или просто – государством, что позволяют себе отдельные историки (Семенов, 2010, с. 102-103). Мы можем говорить лишь об эфемерном союзе кочевых племен (Круглов, 2005б, с. 439).

Можно констатировать и то, что хазары, выйдя с территории Берзелии (которую помещают в Северном Дагестане или районе Самарской Луки) не ранее 660-х гг. заняли земли по течению реки Кубань вплоть до её впадения в море. Во время этих походов или чуть позже хазары подчиняют протоболгар Батбаяна. Все указанные события локализуются в районе от Северного Дагестана до Восточного Приазовья. Ни в одном случае источники не содержат сведений о захвате хазарами города Боспора. Все события происходили по другую сторону пролива, и, судя по отсутствию упоминаний о разрушении хазарами Фанагории, даже вне Таманского полуострова (Сазанов, 2002а, с. 220-221; Сорочан, 2005, с. 60; Сазанов, Могаричев, 2006а, с. 119-120; Могаричев и др., 2007, с. 79-80).

Как уже отмечалось, в 698 г. в Фанагории была создана резиденция Юстиниана II, свергнутого в 695 г. в Константинополе и сосланного в Херсон, а затем бежавшего к кагану Хазарии. Юстиниан находился в Фанагории около десяти лет. Для укрепления своего положения в каганате Юстиниан женился на сестре кагана, названной в крещении Феодорой (Сорочан, 2007а, с. 205, 211). В 704 г. он «отсылает Феодору в Хазарию (ἐν Χαζαρία/» (Феофан Исповедник, с. 39/63). В дальнейшем (706/707 гг.) «Юстиниан посылает в Хазарию (ἀπο Χαζαρίας) за своей женой Феодорой» (Никифор, с. 156/164)¹⁶. Вероятно, оба автора называют «Хазарией» Северо-западный Прикаспий. Именно на этой территории в тот период могла располагаться резиденция кагана (Сазанов, Могаричев, 2006а, с. 121; Могаричев и др., 2007, с. 83-84). Отправление же Юстинианом жены «в Хазарию» свидетельствует о том, что Фанагория в это время не считалась уделом каганата, выделенным опальному императору (Сорочан, 2007а, с. 211-212).

Под 711–712 гг. Никифор называет Херсон и Боспор архонтиями (ἐν Χερσῶνι καὶ Βοσφόρῳ καὶ τοὺς τῶν ἄλλων ἀρχοντιῶν). И далее, рассказывая о намерении Юстиниана послать против враждебных областей флот, сообщает: «Архонты же тех областей, проведав о такой молве, как могли, укрепились» (Никифор, с. 156/164-165). Соответственно, Боспор в начале VIII в. был областью–архонством, находившейся под управлением архонта (Сазанов, Могаричев, 2006а, с. 122-123; Могаричев и др., 2007, с. 86).

Под тем же 704–705 гг. у Феофана содержится описание попытки убийства Юстиниана II, якобы по приказу кагана. Исполнителями приказа у Феофана называются архонт от лица кагана (ὁ ἐκ προσώπου) в Фанагории Папац (Παπατζύν) и архонт Боспора Валгиц (Βαλγίτζιν τὸν ἀρχοντα Βοσφόρου) (Феофан Исповедник, с. 39/62, 40/63). У Никифора соответственно – местный хазарин (τὸν οἰκεῖον ἐκεῖον τὸν Χαζαρον καλέσας), архонт из единоплеменников (ἀρχοντι τῶν ὁμοφῶν), живший при Юстиниане (ῥκειωμένῳ δὲ Ιουστινιανῳ), а также архонт Скифского Боспора (ἀρχοντι τῷ τοῦ Βοσπόρου τοῦ Σκυφικοῦ) (Никифор, с. 155/163).

¹⁶ Сведения Феофана и Никифора о бегстве Юстиниана в Фанагорию повторены в «Обзорной хронике» Феодора Скутариота (XIII в.) (ГИБИ, VIII, с. 215).

Валгиц¹⁷, архонт Скифского (Киммерийского) Боспора, являлся чиновником, который от имени кагана контролировал пролив и власть которого распространялась на земли по обеим сторонам пролива. Валгиц, по всей видимости, – титул хазарского чиновника, ведавшего сбором податей со всей территории Боспора. При этом, как следует из текста Никифора, его резиденция находилась в Фанагории (Могаричев, 2005, с. 247; Сазанов, Могаричев, 2006а, с. 124-125; ср.: Сорочан, 2007а, с. 214). По менее аргументированной версии Валгиц мог занимать пост византийского наместника в Боспоре (Кулаковский, 1898, с. 80; Новосельцев, 1990, с. 144; Айбабин, 2000, с. 168; Науменко, 2001, с. 347-349).

Архонт Фанагории Папац был, вероятно, хазарским тудуном, так как греческое выражение *ὁ ἐκ προσώπου* может являться греческим осмыслением тюркской должности тудуна – наместника кагана. “*τοῦδουνον*” – титул представителя центральной власти на местах, известный в древнетюркских и китайских источниках (Васильев, 1927, с. 191-197; Новосельцев, 1990, с. 144; Науменко, 2003, с. 429; 2005, с. 56-58; Виноградов, Комар, 2005, с. 40; Комар, 2006, с. 146; Сорочан, 2007а, с. 204). Тот факт, что Никифор называет Папаца архонтом, говорит о том, что автор понимает под этим термином не только византийских чиновников, наместников или правителей областей, но и влиятельных варваров, каковым Папац и являлся (Шене, 2000, с. 315-316). Таким образом, Папац – хазарский чиновник, приставленный каганом к Юстиниану (Могаричев и др., 2007, с. 89).

По мнению А.В. Сазанова и Ю.М. Могаричева, в Фанагории находилась резиденция двух хазарских чиновников – архонта Скифского Боспора, ведавшего сбором податей, и архонта-тудуна Папаца, являвшегося представителем кагана на Боспоре. При этом архонтия Боспор управлялась византийским архонтом, резиденция которого, скорее всего, и находилась в городе Боспоре (Сазанов, Могаричев, 2006а, с. 125-126; Могаричев и др., 2007, с. 89-90). С этими авторами не согласен С.Б. Сорочан, считающий, что Папац и Валгиц не могли подчиняться только кагану, являясь представителями хазарской и местной, а значит, формально византийской власти, осуществлявшими свои полномочия в Византии (Сорочан, 2007а, с. 213-214).

Вне зависимости от указанных разногласий, следует, что Фанагория и Боспор в это время не находились в односторонней византийской или хазарской зависимости (Сорочан, 2007а, с. 212, 214). Это же может быть подтверждением высказанной недавно гипотезы о том, что на территории района Керченского пролива (включавшей территории как Европейского, так и Азиатского Боспора) осуществлялась система кондомината – византий-

¹⁷ По мнению С.А. Плетнёвой, имя Валгиц отражает этническое название большинства жителей города в конце VII в. – болгар (Плетнёва, 1981а, с. 15; ср.: Могаричев и др., 2007, с. 87). Вероятно, впоследствии протоболгарское население Боспора становится известным под именем «черных болгар» (Ромашов, 2004, с. 248-256; Чхайдзе, 2005в, с. 170-172), упоминаемых в сочинении Константина Багрянородного (Константин Багря-нородный, с. 52/53, 174/175) и договоре 944 г. князя Игоря Старого с Византией (ПВЛ, с. 25/162). Вероятная локализация «Черной Булгарии» – Прикубанье и Предкавказье (Артамонов, 1962, с. 172, 393) или Крым (Плетнёва, 1997, с. 40). С.Б. Сорочан не согласен с совпадением слов “валгиц” и “бул-ш-ци” (Сорочан, 2007а, с. 213; ср: Живков, 2010б, с. 278).

ско-хазарского «двоевластия» (Сорочан, 2002, с. 512-522; 2004в, с. 335; 2005а, с. 332-340; 2007а, с. 207-211; Науменко, 2002, с. 549; 2004б, с. 100; 2005, с. 61-65; Храпунов, 2004б, с. 333-334; Могаричев и др., 2007, с. 90; Романчук, 2007, с. 248-249; Чхаидзе, 2008а, с. 267-268; и др.).

Однако следует отметить, что кондоминат предполагает наличие двойного управления, а это должно было отразиться в присутствии хазарских войск на Боспоре. Никифор под 704–705 гг. пишет об отправке каганом в Фанагорию *«людей для охраны Юстиниана»* (Никифор, с. 155/163). Феофан в параллельном месте сообщает: *«Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану...»* (Феофан Исповедник, с. 39/62). Подобное словоупотребление свидетельствует об отправке в Фанагорию к Юстиниану людей для его охраны, иначе говоря, личной стражи, а не войска. Последнее упоминается у Никифора и Феофана, но выражено другим словом и в иных контекстах. Под 711–712 гг. Никифор сообщает: *«архонты же тех областей... направили послов к хазарам, чтобы они прислали войско для их охраны»* и далее *«когда (на ромеев) внезапно напало войско хазар...»* (Никифор, с. 156-157/165). У Феофана: *«Это услышали жители крепостей... послали к кагану в Хазарию просить войско для своей охраны»* (Феофан Исповедник, с. 41/64). Следовательно, ни в Крыму, ни на Таманском полуострове не было не только значительных военных сил хазар, но и сколько-нибудь существенной стражи, способной охранять Юстиниана. Весьма показательно, что за хазарским войском жители крымских архонтий посылают к кагану в Хазарию. Наличие системы кондомината основывалось не на военных, а на дипломатических действиях (Сорочан, 2002, с. 514; 2005а, с. 339-340, 1315; 2007а, с. 214; Науменко, 2005, с. 61; Сазанов, Могаричев, 2006а, с. 127; Могаричев и др., 2007, с. 90-91).

После убийства Папаца и Валгица, вероятно, предупрежденный об их намерениях каганом (Сорочан, 2007а, с. 212), Юстиниан бежал в приморское поселение Тома, где погрузился на галиаду, на которой и отплыл в Херсон (Феофан Исповедник, с. 39-40/63; Никифор, с. 155/163). Отождествлять Тома Феофана с Томами, располагавшимися в районе совр. Констанцы в Румынии – центром Мезийского Пентаполя (Бибииков, 2009, с. 112; см.: Rădulescu, 1963) – неверно (ср.: Сорочан, 2005а, с. 404-405). Вероятно, под Томами подразумевается какой-либо из неизвестных крымских топонимов (Чичуров, 1980, с. 126, 179) или же расположенная рядом с Фанагорией – Таматарха (Чхаидзе, 2007, с. 142).

В отношении церковной организации в это время, можно отметить, что в начале 80-х гг. VII – начале VIII вв. известны четыре автокефальные епархии в Северном Причерноморье – Херсон, Боспор, Никопсис и Себастополис (Герцен, Могаричев, 1999, с. 110). Первые три, непосредственно подчиненные патриарху Константинопольскому, носят наименование Зихии (ἑπαρχία Ζηχίς), четвертая именуется Аवासгийской (Абхазской). «Провинция Зихия» включала в себя церкви Фанагории, Боспора, Никопсиса и Херсона (Богданова, 1986, с. 155).

Таким образом, в конце VII – начале VIII в. на Боспоре, в Фанагории,

осуществляли свои функции два хазарских чиновника. При этом, как на территории Боспора, так и в крымских архонтиях отсутствовали хазарские войска и гарнизоны. Статус Боспора по данным письменных источников может быть определен как архонтия, управляемая византийским архонтом¹⁸. Как местным населением, так и византийскими авторами эти местности однозначно воспринимались как ромейские, а не хазарские или со статусом двойного подчинения. Хазары в рассматриваемых эпизодах выступают как наемники, которые участвуют в событиях за определенное материальное вознаграждение, естественно, желая по возможности его увеличить и обеспечить. Ни в одном источнике нет сведений о каких-либо политических требованиях со стороны хазар, наоборот, акцентируется внимание исключительно на их материальной заинтересованности. Таким образом, можно сделать вывод, что в начале VIII в. оба берега Боспора наравне с крымскими архонтиями и Херсоном оставались частью империи, как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских хронистов. Хазары здесь не претендовали на политическое господство. Вся политика каганата в то время, по отношению к Крыму заключалась в материальных интересах (Сорочан, 2005б, с. 67; 2007а, с. 214; Науменко, 2005, с. 61; Сазанов, Могаричев, 2006а, с. 128; 2006б, с. 195; Могаричев и др., 2007, с. 91).

Ситуация стала меняться с середины VIII в., когда наступает новый этап византийско-хазарских взаимоотношений и хазары действительно появляются в Крыму (Сорочан, 2005а, с. 430; Романчук, 2007, с. 236; Могаричев и др., 2007, с. 138-139, 145)¹⁹. Это было связано с перемещением части населения Хазарии в Крым, в частности с массовой колонизацией Приазовья и Подонья тюркским и аланским населением северокавказского происхождения после поражения хазар от арабов в 737 г. (Плетнёва, 1989, с. 268; Ковалевская, 2002, с. 66-67; Сазанов, Могаричев, 2006б, с. 198). Вероятно, это переселение было санкционировано Византией, находившейся в это время в союзнических отношениях с Хазарией (Могаричев, 2004, с. 166-168). В результате этих миграционных процессов происходит смещение политического, экономического и демографического центра Хазарского каганата на запад (Виноградов, Комар, 2005, с. 46).

Уже в 30-е гг. IX в. баланс сил в Северном Причерноморье, более ста лет определявшийся взаимоотношениями Византийской империи и Хазарского каганата, был нарушен сначала расселением мадьярских племен в Междуречье Днестра и Южного Буга, а затем появлением во второй половине IX века в степях печенегов (Науменко, 2001, с. 102; Ромашов, 2004, с. 219-222).

Вследствие этих событий, а также упадка хазарского влияния в Таврике, ослабления контроля над ситуацией на юге Восточной Европы и в Крыму, Византия изменяет методы ведения своей внешней политики. Весной – летом 841 г. в Таврике утверждается фема Климаты, которая включает в себя

¹⁸ Согласно предположению С.Б. Сорочана, дукат в Таврике был заменен архонтатом не ранее середины – последней четверти VII в. (Сорочан, 2007б, с. 244).

¹⁹ Вероятно, с этими событиями связано появление второго культурного слоя на городище Фанагория (см.: Глава I).

и приморские территории полуострова. Устанавливается режим прямого правления византийского стратига – имперского наместника с верховными полномочиями в округе. Однако, вследствие малочисленности источников можно лишь предполагать, что Боспор, Сугдея, Фуллы и Готия находились в подчинении стратига. При этом уже в 50-х гг. IX в. известны стратиги фемы Херсон. Трансформация фемы Климатов в фему Херсон, очевидно, была связана с сокращением ее территории до пределов Херсона и его округа, произошедшим в связи с напряженной военно-политической обстановкой в Крыму из-за походов венгров и хазар. Уже к концу IX в. фемной организацией вновь были охвачены приморские и горные районы Таврики – фема предположительно включала в себя пять территориальных единиц (Херсон, Боспор, Сугдея, Фуллы, Готия) (Цукерман, 1997, с. 312-316; Айбабин, 1999, с. 215-216; Науменко, 2001, с. 353; 2006, с. 231-237; Сорочан, 2005а, с. 554, 581; Романчук, 2007, с. 272-273; Могаричев и др., 2007, с. 217).

Между тем известно, что в последней трети IX века Боспор вновь принадлежал Византии, о чем позволяет судить письмо патриарха Фотия архиепископу Боспора Антонию, датированное 875 годом. В письме выражается поддержка стремлению архиепископа крестить всех евреев города, что было бы невозможно во владениях хазар, принявших к этому времени иудаизм (Цукерман, 1998, с. 676; Могаричев, 2001, с. 273; Сорочан, 2004в, с. 343, сноска 16; 2005а, с. 1169, 1208; Могаричев и др., 2007, с. 226). При этом отмечено, что речь могла идти о евреях Фанагории, упомянутых у Феофана Исповедника и, так как нам не известны границы Боспорской епархии того времени, не исключено, что в ее пределы входила азиатская сторона пролива (Могаричев, 2008, с. 328-329). Это может быть вероятно, так как в VIII в. Фанагория входила в юрисдикцию не Боспорской, а Зихской кафедры с центром в Никопсисе; в IX в. она уже подчинена епископии Таматархи – кафедры, связанной с Готской метрополией с епархиальным центром в Доросе (Гадло, 1991, с. 99, 101-102). Епископия Таматархи возникла во второй половине VIII в. на территории, явно отторгнутой от Зихской епархии (*Notitiae episcopatum*, р. 20-23, 231-232, 241-242, 245). В X в. в Таматарху переносится кафедра Зихии. Как автокефальная архиепископия она известна в XI в. (Кулаковский, 1898, с. 185; Васильевский, 1912, с. 383-385; Николаева, Десятчиков, 1998, с. 82; Чхаидзе, 2008а, с. 292-294; ср.: *Notitiae episcopatum*, р. 294).

Именно в пределах второй половины IX в. на городище Фанагории выявлен последний, третий слой пожарища (см.: Глава I). Относительно событий, связанных с пожарищем, исследователи высказываются уже давно.

В 1954 г. А.Л. Якобсон предположил, что в конце IX в. поселения восточного Крыма были опустошены в результате печенежских набегов (Якобсон, 1954а, с. 158-159).

В.В. Кропоткин, на основании отсутствия в слоях Фанагории стеклянных браслетов и рассмотрения известных на то время материалов отметил, что город прекратил свое существование до середины X в. так как жители оставили его в результате военных действий (Кропоткин, 1957, с. 36-38).

Впоследствии С.А. Плетнёва, развивая идею А.Л. Якобсона, но без до-

полнительной аргументации, предположила, что Фанагория была разрушена и сожжена печенегами (Плетнёва, 1966, с. 448; 1967, с. 48). Впоследствии этот тезис неоднократно повторялся исследовательницей (Плетнёва, 1976, с. 53; 1980, с. 26; 1981а, с. 15; 1996, с. 12; 2003а, с. 183; 2003б, с. 97; также см.: Макарова, 1998, с. 391). При этом ею, вслед за В.В. Кропоткиным, также было отмечено, что отсутствие некоторых категорий керамической посуды (высокогорлые кувшины и ранняя поливная керамика) свидетельствует о том, что жизнь в городе прекратилась в конце IX в. (Плетнёва, 1981а, с. 16; 1081б, с. 68; 1994, с. 333; 1999, с. 147; 2002, с. 111).

Д.И. Даньшин относил время гибели Фанагории к 913 г. (Даньшин, 1992А, л. 211; 1993, с. 72) лишь на основании предположения М.И. Артамонова, что именно в это время хазары отбивались от напавшей на них коалиции печенегов, гузов и асиев, организованной Византией, что вынудило кагана Вениамина (?), занятого войной, согласиться на требование пропустить появившееся в Керченском проливе войско русов через пролив и далее по Дону и Волге до Каспия (Артамонов, 1962, с. 358, 370; ср.: Алексеева, 1992, с. 89-91)²⁰.

В свою очередь К. Цукерман, солидаризируясь с мнением А.И. Айбабина о разрушении венграми Боспора в третьей четверти IX в., предположил, что и Фанагория была разрушена венграми, пришедшими из Крыма (Цукерман, 1998, с. 685-686; ср.: Айбабин, 1999, с. 222)²¹.

Таким образом, в отличие от информации источников о разгроме города в начале VI в., у нас нет однозначных свидетельств тому, кто стал виновником разгрома Боспора конца IX в. – венгры, печенеги или даже огузы²². На территории Таманского полуострова известны лишь два кочевнических погребения, относящихся к печенего-торческой эпохе. Первое, открытое в кургане Бугазский на юге полуострова, датировано концом X – началом XI вв.; второе – из слоя поселения Приазовский (север полуострова) относится к XI в. (Атавин, 2001, с. 162-163, рис. 1-3). С разрушением Фанагории они никак не связаны.

При этом в последние годы хорошо проиллюстрирована ситуация в Крыму, где в пределах второй половины IX в., за исключением Судака и Керчи, заканчивают свое существование практически все так называемые

²⁰ Между тем, согласно ал-Мас'уди (конец IX – середина X вв.), русы прибывшие к Керченскому проливу, застали там хазарский гарнизон: «там – люди, назначенные царем хазар, с сильным вооружением, сопротивляются тем, кто идет с этого моря, и тем, кто идет от той стороны суши ...» и «когда же прибыли корабли русов к людям хазар, поставленным у начала пролива...» (ал-Мас'уди, с. 114-115). Маловероятно, что речь в указанных фрагментах идет о Фанагории. Скорее всего, пунктом, где располагался хазарский гарнизон, в это время уже являлась Таматарха (Чхайдзе, 2008а, с. 276).

²¹ В связи с этим отметим сообщение ибн-Русте (IX – первая треть X вв.) о венграх на Боспоре (тюркская форма К-р-х): «И вот подходили мадьяры с пленными к К-р-х, выходили к ним ар-Рум и торговали там...» (Минорский, 1963, с. 217-221, приложение IV; ср.: Сорочан, 2005а, с. 1172-1173). Также известны сведения ал-Мас'уди о появлении в это время на Таманском полуострове огузов: «тюрки-огузы приходят к этой суше и зимуют там. Иногда замерзает вода, соединяющая реку хазар с заливом моря Понт, переходят по ней огузы на своих конях... Летом же нет [здесь] пути тюркам для переправы» (ал-Мас'уди, с. 114-115).

²² В качестве казуса, приведем мнение А.В. Гадло, ссылающегося на известия Ш.Б. Ногмова о якобы имевшей место «адыго-хазарской» войне в конце IX – начале X вв. когда «адыги» (правильно – касоги или зихи) совершили поход на Таманский полуостров и захватили «Тамтаракай» (Гадло, 2004, с. 216). Заметим: уже достаточно давно было отмечено, что к известиям Ш.Б. Ногмова следует относиться более чем осторожно (см.: Лавров, 1969, с. 139-140; ср.: Тохтасьев, 2012, с. 77).

«хазарские памятники» вследствие массового ухода населения из Крыма (Могаричев и др., 2007, с. 154-155; Сазанов, Могаричев, 2008, с. 585). Вероятно, с этой ситуацией можно связать и события в Фанагории.

Наконец, А.Г. Атавин отметил, что в конце IX в. город был разрушен в результате нашествия, а его жители уведены нападавшими – иначе жизнь возобновилась бы почти сразу. Между тем, на основании собственных раскопок А.Г. Атавиным было показано, что через некоторое время после этого события жизнь в Фанагории возрождается, но ненадолго (примерно до 920 г.). В начале X в. жизнь здесь окончательно замирает уже вследствие негативных изменений природных условий. В отличие от античного периода, когда удобное расположение Фанагории и уровень моря ниже современного на 2,5 м предопределили ее экономическое и политическое доминирование в регионе, в период средневековья в условиях начавшейся трансгрессии, значительная территория города оказывается под водой, берег активно размывается, русла Кубани “закупориваются” вследствие речных наносов и становятся не судоходными – город лишается удобных подходов для кораблей. Безусловно, это повлияло на судоходство и торговые связи – Фанагория утрачивает свое выгодное расположение и оказывается в стороне от торговых путей. Как следствие – после разгрома и повышения уровня моря – Фанагория окончательно теряет свое значение. Объективных причин и возможностей для полнокровного возрождения города уже не было (Атавин, 1987а, с. 31-34; 1988, с. 23; 1992, с. 174; Голенцов, Атавин, 1987, с. 79-83)²³.

Именно в результате этих событий экономический и политический центр Таманского полуострова перемещается в Таматарху, что во многом было обусловлено тем же повышением моря, так как Керченский пролив отныне становится судоходным (Атавин, 1987а, с. 33; Чхаидзе, 2008а, с. 273). Также у нас есть основания считать, что основная масса населения Фанагории переселилась в Таматарху (бывший одновременно и епархиальным центром). На месте заброшенного города в X–XI вв. продолжал существовать небольшой поселок (Чхаидзе, Атавин, 2005, с. 351-352)²⁴.

Переживает Фанагорию и поселение на месте городища Кепы, находившееся рядом с протокой Кубани, через которую можно было попасть в Азовское море; на памятнике выявлен слой X–XI вв. (Атавин, 1987а, с. 33-34; Чхаидзе, 2006б, с. 499).

Таким образом, можно констатировать, что в письменных источниках Фанагория – город, сохранивший свое античное название, упоминается лишь до начала VIII в. Еще с античности и вплоть до конца IX – первой четверти X вв. Фанагория играла роль центра кавказского берега пролива.

В V–VI вв. Фанагория во многом сохраняет античный облик, в это же время город попадает под власть Византийской империи. После возникновения здесь епископии в начале VI в., это одновременно и епархиальный центр Азиатского Боспора. Город являлся крупным торговым центром кав-

²³ С.А. Плетнёва в своих последних работах приняла это мнение (Плетнёва, 2003а, с. 183; 2003б, с. 97).

²⁴ Подобное наблюдение озвучивалось в историографии и ранее (Гадло, 1968а, с. 61; Sazanov, Achkasova, 1996, p. 439).

казской стороны Керченского пролива. Здесь, на его берегах, сходились основные торговые пути, что и служило причиной борьбы между Византийской империей и Хазарским каганатом.

В первых десятилетиях VI в. здесь прослежены слои разрушения, связываемые с нападением утигуров на Боспор. После этих событий Фанагория была возвращена под власть Византии, здесь находится «комит» – представитель императорской власти, вновь распространившейся на оба берега Боспора.

Еще одно разрушение Фанагории происходит в последней четверти VI в. и связано с событиями 576 г. – когда тюркские орды разорили практически все города и поселения Керченского и Таманского полуостровов. Однако в 588 г. Византия вновь восстановила власть над проливом, при этом вероятно, что епархия Фанагории была упразднена и город стал духовно подчинен епархии Зихии.

В конце VI – третьей четверти VII вв. византийская Фанагория соседствует с племенным объединением протоболгар, получившим наименование «Великая Болгария» и располагавшимся в Восточном Приазовье. Однако нет никаких данных, что Фанагория входила в это образование, равно как и того, что город являлся столицей «Великой Болгарии». Только с появлением хазар, в конце VII в. протоболгары, потесненные из Восточного Приазовья, появляются на островах кубанской дельты и в Таврике.

В начале VIII в. в результате установившейся на территории Боспора системы кондомината – византийско-хазарского двоевластия, в Фанагории находилась ставка двух хазарских чиновников – архонта Скифского Боспора, ведавшего сбором податей, и архонта-тудуна, являвшегося представителем кагана на Боспоре. При этом и на территории Боспора, и в крымских архонтиях отсутствовали хазарские войска и гарнизоны. В начале VIII в. оба берега Боспора оставались частью империи; хазары здесь не претендовали на политическое господство. Значение Фанагории в это время было таково, что именно здесь находится резиденция опального императора Юстиниана Ринотмета.

Византийско-хазарское двоевластие на Боспоре сохранялось более ста лет. Ситуация несколько изменилась в середине VIII в. В это время, вследствие колонизации Приазовья и Подонья тюркским и аланским населением, хазары появляются в Крыму, а в Фанагории начинается очередной строительный период.

Однако уже в 30-е гг. IX в. Междуречье Днепра и Южного Буга занимают венгры и, в результате временного ослабления Хазарии, уже не способной контролировать ситуацию на юге Восточной Европы и в Крыму, Византия изменяет свою внешнюю политику: в 841 г. в Таврике возникает фема Климаты, которая включает в себя приморские территории полуострова. На этой территории устанавливается режим прямого правления византийского стратига – имперского наместника с верховными полномочиями. А уже в 50-е гг. IX в. фема Климаты трансформируется в фему Херсон, что, возможно, было связано с сокращением территории фемы до пределов Херсона и его округи, произошедшим в связи с появлением на полуострове мадьяр и

хазар. Тем не менее, уже к концу IX в. феменной организацией вновь были охвачены приморские и горные районы Таврики – фема включала в себя пять территориальных единиц.

Можно полагать, что в это время население Фанагории состояло из разнообразного конгломерата этнических общностей, прежде всего связанных с торговлей – собственно греков, евреев, болгар, хазар, протоадыгов и ала-нов.

Наконец в пределах второй половины IX в. в Фанагории выявлена еще одна прослойка пожара – вероятные следы разгрома города ордами венгров или печенегов. На некоторое время жизнь в городе замирает, но затем вновь возрождается до первых десятилетий X в., когда окончательно затухает как в результате разгрома, так и вследствие негативных изменений природной среды – Фанагория теряет свое выгодное расположение, оказываясь в стороне от торговых путей. Правда, в X–XI вв. здесь еще располагается небольшой поселок, но можно констатировать, что именно в начале X в. большая часть населения покидает Фанагорию, вероятно переселившись в Таматарху.

С этого времени роль экономического, политического и религиозного центра на островах кубанской дельты надолго переходит к Таматархе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение раннесредневековой Фанагории является одним из звеньев в исследовании истории и культуры городов Северного Причерноморья, входивших в орбиту влияния Византийской империи. Заметную роль в жизни города оказал и Хазарский каганат. Проанализировав археологические и письменные источники раннесредневекового этапа истории Фанагории (начало VI – начало X вв.), можно прийти к целому ряду выводов¹.

Античный полис Фанагория, локализация которого подтверждается надписями с упоминанием города (КБН, с. 552, № 971; Виноградов, 1991, с. 16), в конце I в. до н. э. на короткий промежуток времени был переименован в Агриппию. Однако вскоре прежнее название было возвращено и под ним город известен весь раннесредневековый период. Уже в V–VI вв. Фанагория, сохраняющая свой античный облик, попадает под власть Византийской империи.

Ранее считалось, что в 360–370 гг. Фанагория и Боспор были разрушены гуннами (Сокольский, 1968, с. 255; Николаева, 1984а, с. 19), что однако не находит подтверждения ни в археологических, ни в письменных источниках (Сазанов, 1999а, с. 22, 28; 2012, с. 178–181).

Фанагория подвергается разгрому и разрушению во второй четверти VI в. – на это указывает мощная прослойка пожарища, в том числе обнаруженные снаряды от метательных машин. Это также подтверждается анализом красноглиняной керамики, ременной гарнитуры, фибул, находками костяных наконечников «гуннских» стрел. Эти свидетельства связаны с восстанием вассала Византии варварского князя Горда или Грода и ответных действий византийских войск и флота в 528 или 534 гг. Жизнь в городе на некоторое время затухает (Сазанов, 1989, с. 58; 1999а, с. 32–36, табл. 7; 2008, с. 413; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 100). После этих событий Фанагория возвращается под власть Византии, здесь находится представитель императорской власти – комит.

Следующий слой пожара датируется последней четвертью VI в. и связан с событиями 576 г. – походом тюрок на Боспор, когда пострадала большая часть крепостей и малых городов Керченского и Таманского полуостровов (Сазанов, 1999а, с. 36, табл. 7; 1999б, с. 254), в том числе – Ильичевское городище (Сазанов, 1999б, с. 254; 2000, с. 230–231). Однако уже в 588 г. Византия вновь восстановила власть над проливом.

В конце VI – третьей четверти VII вв. византийская Фанагория соседствует с племенным объединением протоболгар – Великой Болгарией в Восточном Приазовье. Однако нет никаких данных, указывающих на то, что Фанагория входила в это образование. Только с появлением хазар, в конце VII в. протоболгары, потесненные из Восточного Приазовья, появляются на островах кубанской дельты.

В конце VII в. Фанагория входит в орбиту влияния Хазарского кага-

¹ При этом необходимо констатировать, что к настоящему времени раскопана очень незначительная часть памятника и отсюда наших знания о городском устройстве Фанагории достаточно ограничены (ср.: Завойкин, Кузнецов, 2012, с. 144).

ната. Каганат, объединив под своей властью многочисленные племена, вступает в полосу экономического, культурного и политического подъема. Это выразилось в массовом оседании кочевников на землю, в появлении многочисленных ремесел. Кочевые племена, осев на территории современного Таманского полуострова, принесли с собой совершенно новые типы керамики, неизвестные ранее способы погребений и многое другое. Важно отметить, что, несмотря на различные политические и идеологические изменения статуса Фанагории, а также перемены в этническом составе населения, она оставалась важным торговым центром вплоть до конца IX в., когда город гибнет в огне пожара, затем восстанавливается на короткий промежуток времени и в начале X в. жизнь здесь затухает.

Ключевую роль играло расположение Фанагории на берегу Керченского пролива – одном из узловых пунктов оживленных торговых путей Восточной Европы в средние века.

В VII – конце IX вв. город находился на периферии Хазарского каганата. Во многом благодаря географическому (островному) положению Фанагория не пережила серьезных внешних нашествий, что показывает стратиграфия – между последней четвертью VI в. и второй половиной IX в. пожары и связанных с ними разрушений не наблюдается. Именно в этот период здесь оживает торгово-экономическая деятельность.

В VI – конце IX вв. Фанагория была заселена потомками местного боспорского населения, отличающегося большой этнической пестротой, “гражданским” населением каганата – болгарами и хазарами, а также аланами, греками (ромеями). Кроме того, в городе проживали евреи. Таким образом, к концу VII в. здесь появляются новые поселенцы, пришедшие вместе с хазарскими властями. Вновь следует подчеркнуть, что проникновение болгар на полуостров и далее в Крым началось еще в VII в. уже после распада «Великой Болгарии» хана Кубрата.

Можно констатировать, что большая часть населения города придерживалась христианского вероисповедания. Об этом свидетельствуют данные письменных источников. Фанагория являлась религиозным центром православия: во время существования здесь епископии в VI в. в городе находился епархиальный центр Азиатского Боспора. Между тем нужно отметить, что раннесредневековый храм не обнаружен. Известны лишь косвенные свидетельства, указывающие на возможность его существования в городе, какими являются погребения в каменных ящиках, компактно сгруппированные на одной территории в западной части городища (остатки христианского кладбища?), происходящее оттуда же надгробие.

Отметим, что Фанагория являлась относительно крупным городом, по территории и, вероятно, по числу жителей, ненамного уступая другим раннесредневековым городам Северного Причерноморья. Городская планировка раннесредневековой Фанагории характеризуется кварталами, выявленными на всей территории города. И этот город был достаточно густо заселен. Такие признаки городских структур, как большая заселенная территория, наличие, по меньшей мере, четырех видов жилых сооружений и планировка, присущая крупному населенному пункту, позволяют считать

Фанагорию в полном смысле городом (ср.: Гадло, 2004, с. 76, 97), расположенным на границе греческого и варварского миров и имевшим значение крупнейшего в северо-западном Причерноморье.

Однако зададимся вопросом – можем ли мы считать Фанагорию хазарским городом? И ответ будет скорее отрицательным. Безусловно, какая-то часть носителей салтово-маяцкой культуры здесь присутствовала, однако местная культура практически во всех своих проявлениях имеет ярко выраженный византийский оттенок – и здесь я солидарен с мнением моего коллеги (см: Флёров, 2011, с. 166-167). Думается, давно уже следует отказаться от тезиса, что Фанагория является памятником салтово-маяцкой культуры (см.: Плетнёва, 1967, с. 195, № 248; 1981б, с. 68). При всем своеобразии города, Фанагория очень близка провинциальным городским центрам византийской ойкумены, известным в источниках под терминами “полис” – город или “кастрон” – укрепленное поселение, крепость (Созюмов, 1967, с. 42). И если последний термин применим лишь к Таматархе (Чхаидзе, 2008а, с. 295), то в случае Фанагории можно полагать, что это, прежде всего, центр внутренней и внешней торговли – город-эмпорий.

Социальный состав населения VII–IX вв. в настоящее время установлен быть не может даже приблизительно – из всех 244 раскопанных средневековых погребений (двух типов – грунтовых и в каменных ящиках) выделяется только одно захоронение конца VIII – первой половиной IX вв., а различия в погребальном обряде позволяют весьма общо говорить лишь об этническом разнообразии населения крупного торгового города в средневековье. Некрополи средневековой Фанагории располагались на ее западной и южной окраинах.

В настоящее время не может быть установлено и среднее количество жилых домов в период VI–IX вв. Внутренняя площадь средневековой Фанагории достигала 50 га. По аналогии с Таматархой, имевшей меньшие размеры, население города могло составлять более 6 тысяч жителей.

Градостроительство продолжается на всем протяжении VI–IX вв., город постоянно пополнялся новыми сооружениями, частично перестраивался. Жилищные постройки Фанагории имеют общие черты с жилищами других раннесредневековых городов Северного Причерноморья, прежде всего Таматархи. Устойчивым строительным приемом в раннесредневековом городе является система кладки *opus spicatum*.

Вместе с тем при изучении памятника остается целый комплекс неразрешенных проблем, таких как существование оборонительных сооружений и порта раннесредневековой Фанагории, водоснабжения города.

На основании вещевого материала проследить развитие экономики Фанагории удастся лишь приблизительно. При этом говорить о каком-либо экономическом упадке нет никаких оснований. Важную роль в жизни горожан играли сельскохозяйственные работы, прежде всего скотоводство. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней и лошадей. Мелкий рогатый скот незначительно превалирует над крупным. Уменьшается доля костей лошади в остеологическом материале. Доля свиньи пребывает на высо-

ком уровне, хотя и меньшем в сравнении с предшествующими периодами². Можно констатировать, что в мясном рационе жителей Фанагории преобладала говядина, а мясо остальных копытных играло второстепенную роль. Доля осли незначительна. Также отмечается присутствие костей собаки. В средневековье известны кошка и черная крыса (по сравнению с эллинистическим периодом ее доля увеличивается), в то время как домовая мышь не встречается.

Охота не играла значимой роли в жизни горожан, скорее всего, носила характер развлечения. Основными мясными промысловыми видами являлись благородный олень, кабан. Из пушных видов превалирует заяц-русак. В слое постоянно присутствуют кости птиц и рыб, что свидетельствует о разнообразии рациона жителей Фанагории (Добровольская, 2008, с. 349-350, табл. 2; 2009, с. 114-118, табл. 1-2; 2010, с. 440-444, табл. 1-2, рис. 1-2; Добровольская, Попова-Бондаренко, 2011, с. 102-105, табл. 1-2, рис. 1). Состав археозоологического комплекса Фанагории в целом идентичен комплексу Таматархи (Чхаидзе, 2008а, с. 308-312).

О занятиях жителей Фанагории земледельческим хозяйством данных немного – это находки жерновов, ям для хранения зерна. Вероятно, в городе существовало мукомольное ремесло.

На основании имеющихся косвенных данных затруднительно говорить о наличии в Фанагории многоотраслевого ремесла. Ряд свидетельств позволяет говорить о том, что в городе были развиты прядение и ткачество, косторезное ремесло, а также изготовление лепной и гончарной кухонной посуды. Есть данные и о железоделательном ремесле и металлообработке. С известной долей вероятности можно утверждать, что керамические и стеклодельные мастерские во избежание пожаров находились вне городской территории. Находки глиняных светильников и стеклянных лампад свидетельствует, что жилища горожан освещались и в темное время суток.

Таким образом, складывается картина достаточно устойчивой, слабо подверженной изменениям жизни Фанагории как в хозяйственной, так и в социально-экономической сферах. При этом следует отметить, что византизация, затронув социально-экономические структуры, наложила заметный отпечаток и на материальную культуру.

Экономическому и культурному подъему города способствовала торговля с другими городами, прежде всего византийскими. Торговые связи города с Византийской империей, с соседними населенными пунктами и с кочевниками осуществлялись по морю и по дорогам, проложенным еще в

---

² Здесь следует указать на заблуждение, допускаемое Е.В. Добровольской, стремящейся увязать уменьшение остеологических фрагментов свиньи в костном материале Фанагории с иудаизацией Хазарии. Исследовательница отмечает, что наличие костей свиньи свидетельствует о том, что иудаизация “не затронула все слои тогдашнего общества либо общество было терпимо к инакововерующим” и “хотя бы часть населения вела постоянный оседлый образ жизни” (Добровольская, 2010, с. 439-440; Добровольская, Попова-Бондаренко, 2011, с. 101-102, 104). Между тем, считать Фанагорию хазарским городом неверно, не говоря уже о том, что вопрос о времени принятия верхушкой Хазарии иудаизма остается дискуссионным, а основной массив раннесредневекового материала свидетельствует, что иудаизм не был принят рядовым населением каганата. Тем более это касается приморских торговых городов – средоточия различных народностей, находящихся под сильным византийским влиянием. При этом городское население Фанагории вело оседлый образ жизни, что и позволяло держать свинью в хозяйстве.

античный период. Пять магистралей сходились в Фанагории. Они обеспечивали город всем, что могли дать поселения полуострова. Одна дорога уходила от города вдоль берега, на запад, к Таматархе. Еще три дороги вели на юго-восток, юг и восток. Дорога вдоль берега на северо-восток приводила к поселению, расположенному на античных развалинах Кеп (Паромов, 2003, с. 164-165, рис. 9). Это небольшое приморское поселение, очень близкое Фанагории, сосуществует с нею весь раннесредневековый период, начиная с VII в. (Чхаидзе, 2006б, с. 498-499).

Торговля, помимо товарно-денежных отношений, основанных на денежном эквиваленте товара, вероятно, имела и меновой характер. Расширение торговли вызывало активизацию всей хозяйственной жизни города. Именно благодаря торговле в Фанагорию ввозились не только предметы производственного или хозяйственного назначения, но и предметы быта, и украшения. В подавляющем большинстве это продукция византийского (в том числе провинциального) ремесла. Значительно меньше вещей донского и северокавказского происхождения. При этом именно посреднический, транзитный характер торговли, может объяснять жизнеспособность и устойчивые, непрекращающиеся связи города с Византией. Налицо мощное греческое доминирование. Именно этот фактор позволяет говорить не только об экономической зависимости Фанагории от Византии, но и об идеологическом, культурном и политическом влиянии империи в городе, так похожем на провинциально-византийские города Таврики.

Именно византийско-хазарские взаимоотношения могли способствовать мирным экономическим связям с конца VII в. на рассматриваемой территории. В этой связи кажется не лишним предположение, что Фанагория, наряду с Боспором и остальными ромеизированными центрами (полисами) Таврики, входила в систему взаимовыгодного кондоминиума – византийско-хазарского «двоевластия», когда порожденные им реальные отношения строились на основе нейтралитета, предусматривающего отсутствие постоянных воинских формирований, и присутствие одновременно представителей властных структур Империи и каганата, озабоченных получением пропорционально равных доходов в виде налогов или дани. Согласно источникам, в Фанагории в это время находилась ставка двух хазарских чиновников – архонта Скифского Боспора, ведавшего сбором податей, и архонта-тудуна, являвшегося представителем кагана на Боспоре. При этом и на территории Боспора, и в крымских архонтиях отсутствовали хазарские войска и гарнизоны, а оба берега Боспора оставались частью империи; хазары здесь не претендовали на политическое господство. Но можно лишь предполагать, что Фанагорией управлял «архонт», выбиравшийся из местной городской знати (ср.: Созюмов, 1967, с. 68). Значение Фанагории в это время было таково, что именно здесь находится резиденция опального императора Юстиниана II.

Система кондомината продолжалась вплоть до второй трети IX в., когда после нарушения системы «двоевластия», создания феодальной системы в Таврике, утвердилось единоличное управление Фанагорией хазарами. Именно в это время, город защищает западные пределы каганата.

Ко второй половине IX в. город прочно удерживал за собой статус не только ключевого укрепленного центра Нижнего Прикубанья, но и крупного торгового узла, связанного с хазарскими и причерноморскими центрами и с городами Средиземноморья.

Наконец, в пределах второй половины IX в. в Фанагории выявлена еще одна прослойка пожарища³, связанная с крупным нашествием и вероятным разгромом города ордами венгров или печенегов. На некоторое время жизнь в Фанагории замирает, но затем вновь возрождается вплоть до первых десятилетий X в., когда окончательно затухает как в результате разгрома, так и вследствие негативных изменений природной среды – Фанагория теряет свое выгодное расположение, оказываясь в стороне от торговых путей (Атавин, 1988, с. 23). Город умирает. Но как показывает история античных и раннесредневековых городов, затухание городской жизни не приводит к исчезновению населения, оно перебирается на новые места, зачастую в расположенные поблизости более безопасные города (Созюмов, 1967, с. 43, 45). Именно в начале X в. большая часть населения покидает Фанагорию и у нас есть все основания полагать, что это население не осело на новом не обжитом месте, но нашло пристанище неподалеку, в 25 км к востоку, в городе, который с этого времени становится крупнейшим центром Северо-западного Предкавказья. Название этого города – Таматарха.

---

³ Здесь отметим, что В.В. Майко, традиционно объясняя смену материальной культуры в юго-восточном Крыму в 40-х гг. X в. с походом хазарского полководца Песаха, соотносит эти события с пожарищем в Таматархе, по его мнению, датирующимся тем же временем, но не ограничивается этим и «привлекает» туда же пожарище в Фанагории, где «зафиксированы и многочисленные случаи поспешного оставления жилых и хозяйственных хозяйственных помещений» (Майко, 2009, с. 232). Никакие подобные «случаи» в Фанагории не зафиксированы, а последнее пожарище в городе датируется второй половиной IX в. Слой же пожарища в Таматархе относится к 80-м гг. X в. (Сазанов, Могаричев, 2012, с. 141-147; ср.: Чхаидзе, 2008а, с. 301).

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАХОДКИ ОСМАНСКОГО ВРЕМЕНИ
НА ТЕРРИТОРИИ ФАНАГОРИИ

Летом или осенью 1475 г. военные силы Османской империи заняли Крым и вторглись на территорию Северо-Западного Предкавказья – Таманский полуостров был захвачен. Следующий военный поход состоялся в 1479 г. Чтобы укрепить свою власть и влияние, Порта на рубеже XV–XVI вв. приступает к развертыванию в регионе системы крепостей и опорных пунктов, одним из которых с 1501 г. являлась Таманская крепость, получившая название Хункала. В 1515–1519 гг. возводятся крепости Темрюк-Керман, Кызыл-Таш, Атчу и Агджа. В крепостях размещаются турецкие гарнизоны, в Тамани базировался османский флот. Именно отсюда, на протяжении XVI–XVII вв. осуществляются карательные походы в Предкавказье, против адыгов. Таманский полуостров был включен в систему административного деления Османской империи: здесь находились Таманский и Адахунский санджаки, входившие в Каффинский эйялет. В Тамани находился пункт сбора пошлин. Только в 1783 г. Таманский полуостров был присоединен к Российской империи (Некрасов, 1990, с. 42, 73, 89; Прий-мак, 1997, с. 15-21, 28-29, 49).

Следует отметить, что османский период в истории Таманского полуострова остается практически не исследованным. Кратко описана лишь часть надгробий конца XVII–XVIII вв. из Тамани (Волков, 2009, с. 51-52, рис. 1.1-5), а также, опубликован керамический комплекс из слоя XVII–XVIII вв. поселения Гаркуша (Волков, Петерс, 2003, с. 251-253, рис. 7-8).

Помимо двух этих памятников, с территории городища Фанагории также происходит ряд находок XVI–XVIII вв.

В разделе, посвященном керамике городища, описаны 16 фрагментов поливной посуды османского времени (Рис. 126), а также фрагменты стеклянных изделий (стакан? и лепешка) (Рис. 130.17, 72).

С раскопов «Береговой Стратиграфический» и «Берег» происходят 10 курительных трубок (Рис. 139.10-19) из красной глины, покрытых лощением и штампованным орнаментом. Подобные трубки изготавливались в конце XVII–XIX вв. на территории Османской империи (Турция, Болгария, Крым) (Robinson, 1985, p. 149-170; Hayes, 1992, p. 391-395, fig. 149; Волков, 1999в, с. 226-231; Кабачкова, 2012, с. 30-32). Клейменные трубки в Фанагории не встречены.

На территории Таманского полуострова турецкие курительные трубки обнаружены на Таманском городище, поселениях Гаркуша (Абрамов, 1995, с. 7, илл. 6; Волков, Петерс, 2003, с. 252, рис. 8), Веселовка 2 (Горлов, Чхаидзе, 2008, с. 189, рис. 3.32), в одном из погребений могильника у пос. Красноармейский (Чхаидзе, 2008г, с. 375). Встречаются в Прикубанье (Волков, 1999в, с. 240), в районе турецких крепостей и черкесских поселений: Анапа (Волков, 1994, с. 40-42; Зажигина, 1996б, с. 33-34; 1997, с. 32-34, рис. 1-4; 1998, с. 37-38; Тихонова, 2007, с. 54, рис. 4.6-8), Благовещенская (Новичихина, 2002, с. 38-

40, рис. 1), и др. Представительные коллекции турецких трубок происходят из Азова (Гусач, 2002, с. 368-388, рис. 1-6; 2006, с. 136, рис. 9-10; Волков, 2006, с. 486-494, рис. 5; и др.); Керчи (Перепелкина, 2001, с. 126-131, рис. 1-17), с остальной территории Крыма (Краснова, 1993, с. 267-271, рис. 1.1-19; Герцен и др., 2007, с. 249-250, рис. 42, 49.1; и др.).

В акватории Фанагории был обнаружен железный якорь-кошка XVII–XVIII вв. На одном конце его веретена, квадратного в сечении, было четыре лапы (две обломаны), на другом конце – кольцо для привязывания каната (Кузнецов и др., 2003, с. 161, рис. 14).

С городища Фанагории происходят 17 монет, относящихся к XVI–XVIII вв., все они турецкого и крымского происхождения (Шелов, 1962, с. 84, 99, 111, 116, 120. №№ 350, 353, 685, 946-954, 1064, 1158, 1163, 1181).

Турецкие монеты:

1-2. Сулейман I Кануни (1520–1566), две серебряных, чекан Сируза (одна из раскопок: Ф-54 СГ XVI/3).

3. Осман II (1604–1622), серебро (1027 г.х. = 1613/14).

Крымские монеты:

4-6. Сахиб-Гирей I (1532–1551), серебро (944 г.х. = 1537/38) и еще две серебряных, чекан Карк-Ир.

7. Мухаммед-Гирей II Семин (1577–1584), медь, чекан Кузлу.

8-9. Гази-Гирей II Бора (1588–1594–1608), две серебряных (996 г.х. = 1587/88) (1954 г., случайная находка).

10. Селим-Гирей III (1764–1767), медь (1184 г.х. = 1770/71), чекан Бахчисарая (1957 г., случайная находка).

11-15. Шаин-Гирей (1777–1783) медь, (1192–1193 г.х. = 1778–1779), медь (1193 г.х. = 1779), две медных (1194 г.х. = 1780), медь, чекан Бахчисарая (1955 г., случайная находка)

16. Одна монета Гиреев, чекан Бахчисарая (XVIII в.) (Ф-55 «Береговой» II/5).

17. К этому списку следует добавить еще одну медную монету Шаин-Гирея (1777–1783) (Рис. 139.9) (Ф-83 БС I/1) (Атавин, 1986б, с. 91; Чхаидзе, Атавин, 2005, с. 352, рис. 3) – данный экземпляр имеет прямые аналогии (Retowski, 1905, p. 250-252, taf. XVIII-XIX).

Вполне закономерно, что многочисленные находки гиреевских монет отмечаются и на территории Таманского городища (два клада XVII в. и XVIII в.) (Волков, Туманов, 2005, с. 40-44, рис. 1-2). С Голубицкого городища на севере Таманского полуострова происходит клад из 1500 монет хана Менгли-Гирея I (1478–1514) (Десятчиков, 1998, с. 9). Отметим, что из окрестностей ст. Старотитаровской происходит клад польских, литовских, данцигских, прусских, германских и венгерских серебряных монет конца XV–XVI вв. (Завьялов, Пьянков, 2004, с. 339-337, №№ 1-86; 2005, с. 359-360, №№ 1-9). С начала XX в. известен клад монет, найденный близ ст. Петровской, состоящий из 23686 османских (1444–1481) и крымских (1441–1483) монет, а также единичных монет Владимира Ольгердовича (1363–1394), Ивана III (1462–1505) и Ивана IV (1533–1584) (ОАК, 1911, с. 214, 256; Пахомов, 1940, с. 880; 1959, с. 105-106; Федоров-Давыдов, 1960, с. 171, № 227; Виноградов, 1989, с.

115-116). Клад из 165 турецких и русских монет конца XVIII в. известен из Анапы (Волков, 1999а, с. 47-51; Зажигина, 1998, с. 38-39).

Сведения о находках значительного количества монет именно X–XI вв. (см.: Часть II) и XVI–XVIII вв. в Фанагории, позволяют поставить закономерный вопрос о существовании здесь двух разновременных поселков, вопреки устоявшемуся мнению об окончательной гибели города в начале X вв. Первый поселок входил в состав Тмутаракани, второй – Османской империи. Вполне возможно, это были небольшие поселения, явные следы которых археологически еще не выявлены.

Так доминиканский монах Джованни да Лукка (первая половина XVII в.) сообщает, что «между Таманью и Темрюком находится коса земли, на берегу которой несколько деревень» (АБКИЕА, с. 70).

Турецкий путешественник Эвлия Челеби (ок. 1611 – ок. 1682), посетивший Таманский полуостров весной 1665 г., оставил описание располагающихся на Таманском полуострове (тогда островах) крепостей Тамань, Темрюк, Кызыл-Таш, разрушенных крепостей Адахун и Тузла, деревень Шоломкай, Рамзан-бей, Шан-Мерд, Совуджук, Идрис (Эвлия Челеби, с. 42-52).

Локализация крепостей Тамань, Темрюк и Тузла проста и понятна. Крепость Кызыл-Таш, по мнению И.В. Волкова, располагалась на западном берегу современного лимана Цокур, на месте поселения Веселовка 2 (Волков, 1999б, с. 46, 52, 60), где раскопками выявлен слой XVI–XVIII вв. (Горлов, Чхаидзе, 2008, с. 187-190, рис. 3.19-34). Крепость Адахун, согласно И.В. Волкову, располагалась на одноименном острове; предлагается три пункта его локализации, один из которых – на месте городища Кепы (Волков, 1999б, с. 47-48, рис. 1.5; 2000, с. 43-44, рис. 1). По нашему предположению на месте Кеп находилась деревня Шоломкай (Чхаидзе, 2006б, с. 499-500). Следует отметить, что городище Фанагория также располагалось на острове Адахун, омываемом с юга протокой Шемардинский рукав, с севера – протокой Субботин Ерик.

Вместе с этим Абри де ла Мотрэ (ок. 1674–1743) в 1711 г. наблюдал между Таманью и Темрюком лишь развалины (АБКИЕА, с. 126)¹.

В турецком трактате, составленном в 20-х гг. XVIII в. отмечены крепости Тамань, Темрюк, Кизилташ и Ачу, которая располагается на полуострове Минтана. Река Кубань раздваивается и охватывает этот полуостров, крепость построена вблизи устья, где река впадает в залив (Весела, 1969, с. 124, 129-131).

Локализация крепости Ачу неясна.

Анонимный турецкий источник 1740 г. упоминает крепость Адчу вблизи Кызыл-Таша (Губоглу, 1964, с. 150).

Шарль де Пейсонель (1727–1790) в 50-х гг. XVIII в. бывший французским консулом в Крыму, помимо Тамани и Темрюка отмечает крепость Атчу, расположенную в 22 милях к северо-западу (!?) от Тамани, на одном из

¹ Следует отметить и крепость Адда (Ада, Адасс), располагавшейся близ Темрюка, о которой упоминают француз Ферран в 1702 г. и Абри де ла Мотрэ (АБКИЕА, с. 110, 126). Вероятно, это крепость, построенная турками в 1697 г. в районе впадения Кубани в Азовское море (ср.: Гёрц, 1870, с. 30-31, 101).

устьев Кубани (!). Еще одна крепость – Агджа в 20 милях к юго-западу (!?) от Тамани (АБКИЕА, с. 190-191)².

Наконец, в турецком рапорте 1785 г., наряду с крепостями Тамань, Темрюк и Атче, упоминается и о крепости Атчу, находящейся на Таманском полуострове (История адыгов, с. 21).

В настоящее время нет веских оснований для локализации какой-либо турецкой крепости или деревни в районе городища Фанагории, но представляется, что работа в этом направлении может быть продолжена.

---

² Представляется, что данные Пейсонеля не верны. К северо-западу от Тамани не может находиться одно из устьев р. Кубань, расположенной к востоку. Так же, по Пейсонелю, к северо-западу от Тамани, в 6 милях (!) находится и Темрюк (в реальности – к северо-востоку). Мало информативны и данные о расстояниях, так как далее Пейсонель пишет о располагающейся в 22 милях от Тамани городе Каплу (генуэзская Копа, Ло Коппа), которая, по мнению ряда исследователей, располагалась в районе Славянска-на-Кубани, а согласно И.В. Волкову, на Голубицком городище, близ Темрюка (Волков, 1998, с. 14-39, рис. 2). В.К. Гарданов предполагал, что Агджа – это Анапа (АБКИЕА, с. 190), хотя такое название больше нигде не встречается.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

Античные источники. – Античные источники. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том I. Составитель А.В. Подосинов. М., 2009.

ГИБИ, VIII. – Гръцки извори за Българската история. VIII. Под редакцията на М. Войнов, В. Тъпкова-Заимова, Л. Йончев. София, 1972.

Евагрий Схоластик. – Евагрий Схоластик. Церковная история. Перевод СПб. Духовной Академии, пересмотрен и исправлен В.В. Серповой. М., 1997.

Иордан. – Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской 2-е изд., исправленное и дополненное. СПб., 1997.

История адыгов. – История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. 1. Ответственный редактор Б.Х. Бгажноков. Составитель А.В. Кушхабиев. Нальчик, 2009.

КБН. – Корпус Боспорских надписей. Под редакцией В.В. Струве. М.-Л., 1965.

Константин Багрянородный. – Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий. Под редакцией Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Издание второе, исправленное. М., 1991.

ЛИБИ, I. – Латински извори за Българската история. I. Под редакцията на И. Дуйчев, М. Войнов, Б. Примов, В. Велков. София, 1958.

ЛИБИ, II. – Латински извори за Българската история. II. Под редакцията на И. Дуйчев, М. Войнов, С. Лишев, Б. Примов. София, 1960.

ал-Мас'уди. – ал-Мас'уди. Золотые копи и россыпи самоцветов // Восточные источники. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том III. Составители Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М., 2009.

Менандр Византиец. – Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки. Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Подготовка к изданию А.И. Цепковым. Рязань, 2003.

Никифор. – Патриарх Никифор. Бревиарий // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М., 1980.

Обращение Грузии. – Такайшвили Е.С. Три хроники. Источники грузинских летописей // СМОМПК. 1900. Вып. 28.

ПВЛ. – Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статья и ком-

ментарии Д.С. Лихачева. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Издание второе, исправленное и дополненное М.Б. Свердловым. СПб., 1996.

Певтингерова карта. – Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Прокопий Кесарийский. – Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. II. Перевод С.П. Кондратьева. М., 1996.

Равеннский Аноним. – Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Феофан Исповедник. – Феофан Исповедник. Хронография // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М., 1980.

Эвлия Челеби. – Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Выпуск 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Составитель и ответственный редактор А.Д. Желтяков. М., 1979.

АСО. – Acta conciliorum oecumenicorum. Iussu atque mandato. Societatis Scientiarum Argentoratensis. Edidit E. Shwartz. Tomus III. Berolini, 1940.
Constantini Porphyrogeniti. – Pertusi A. Costantino Porfirogenito. De thematibus (Studi e Testi 160). Vatican, 1952.

Eustathii Thessalonicensis. – Müller K. Geographi Graeci minores. Vol. 2. Paris, 1861.

Georgii Cedreni. – Bekker I. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae opera. Vol. 1. Bonn, 1838.

Ioannis Malalae. – Dindorf L. Ioannis Malalae Chronographia. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). Bonn, 1831.

Nicephori Blemmydi. – Müller K. Geographi Graeci minores. Vol. 2. Paris, 1861.

Notitiae episcopatum. – Darrouzès J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.

Procopii Caesariensis. – Wirth G. (post Haury J.). Procopii Caesariensis opera omnia. Vol. I-II. De bellis libri I–VIII. Leipzig, 1962–1963.

Stephani Byzantii. – Meineke A. Stephan von Byzanz. Ethnika. Berlin: Reimer, 1849.

Theophanis. – de Boor C. Theophanis Chronographia. Vol. I. Leipzig, 1883.

Абрамов, 1993. – Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. 3.

Абрамов, 1995. – Абрамов А.П. Патрей. Раскопки 1990–1991 годов. Каталог выставки. М., 1995.

Абрамов и др., 2007. – Абрамов А.П., Васильев А.Г., Захаров Е.В., Копейкин В.В., Морозов П.А., Паромов Я.М., Тургумбаев Т.М. Исследования Патрея // АО 2005 года. 2007.

Абрамов и др., 2009. – Абрамов А.П., Васильев А.Г., Захаров Е.В., Копейкин В.В., Морозов П.А., Шувалова Н.В. Исследования Патрейского отряда Таманской экспедиции // АО 2006 года. 2009.

Адаксина, 2004. – Адаксина С.Б. Ещё раз о христианизации Крыма // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб., 2004.

Адаксина, Мыц, 2008. – Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году. СПб.; Симферополь, 2008.

Адаксина и др., 2003. – Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году. СПб.; Симферополь, 2003.

Адаксина и др., 2006. – Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году. СПб.; Симферополь, 2006.

Айбабин, 1993. – Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.

Айбабин, 1999. – Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин, 2000. – Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.

Айбабин, 2003. – Айбабин А.И. Памятники крымского варианта салтовомаяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.

Айбабин, 2007. – Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.

Айбабин, 2008. – Айбабин А.И. О времени сооружения оборонительных стен городища Эски-Кермен // Византия в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения Алисы Владимировны Банк. 1906–1984. Материалы конференции. Труды Государственного Эрмитажа. XLII. СПб., 2008.

Айбабин, 2010. – Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.

Аксенов, Михеев, 1998. – Аксенов В.С., Михеев В.К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Аладжов, 2007. – Аладжов А. Византийский град и болгарите на Кримския полуостров // Проблеми на прабългарската история и култура. 4-1. София, 2007.

- Алексеева, 1960.* – Алексеева Е.П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаво-Черкесии. Черкесск, 1960.
- Алексеева, 1963.* – Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963. 2-е изд.: М., 1993.
- Алексеева, 1992.* – Алексеева Е.П. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X–XV вв. в отечественной исторической науке. Черкесск, 1992.
- Амброз, 1966.* – Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Д1-30. 1966.
- Ангелов, 1971.* – Ангелов Д. Образование на българската народност. София, 1971.
- Андреева, 2011.* – Андреева О.А. Костяные изделия из цистерн Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
- Антонова и др., 1971.* – Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Каде-ев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Сб. 7.
- Анфимов, 1953.* – Анфимов Н.В. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX.
- Анчабадзе, 1988.* – Анчабадзе Г.З. Поход картлийского царя в Прикубанье в середине VI в.: вымысел или факт? // Вопросы истории народов Кавказа (сборник статей, посвященных памяти З.В. Анчабадзе). Тбилиси, 1988.
- Армарчук, 2010.* – Армарчук Е.А. Раскопки христианского храма на горе Сахарная Головка под Адлером // АО 2007 года. М., 2010.
- Армарчук, 2011.* – Армарчук Е.А. Раскопки христианского храма на горе Сахарная Головка под Адлером // АО 2008 года. М., 2011.
- Арсеньева, Науменко, 1992.* – Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.
- Артамонов, 1936.* – Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- Артамонов, 1952.* – Артамонов М.И. Белая Вежа // СА. 1952. Том XVI.
- Артамонов, 1958.* – Артамонов М.И. Саркел–Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I. МИА. 1958. № 62.
- Артамонов, 1962.* – Артамонов М.И. История хазар. Л., 1963. 2-е изд.: СПб., 2001.
- Атавин, 1982А.* – Атавин А.Г. Отчет о работе Средневекового отряда в Фанагории в 1982 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 8980.
- Атавин, 1983А.* – Атавин А.Г. Отчет о работе Средневекового Фанагорийского отряда в 1983 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 10326.
- Атавин, 1984.* – Атавин А.Г. Работы Средневекового отряда в Фанагории // АО 1982 года. 1984.
- Атавин, 1984А.* – Атавин А.Г. Отчет о работе Средневекового Фанагорийского отряда в 1984 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 10320.
- Атавин, 1985А.* – Атавин А.Г. Отчет о работе средневекового отряда ИА АН СССР в Фанагории (пос. Сенной Темрюкского р-на Краснодарского края) в 1985 г. М., 2013 / Архив ИА РАН.

- Атавин, 1986а.* – Атавин А.Г. Средневековые погребения из Фанагории // СА. 1986. № 1.
- Атавин, 1986б.* – Атавин А.Г. Раскопки в Фанагории // АО 1984 года. 1986.
- Атавин, 1987а.* – Атавин А.Г. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М., 1987.
- Атавин, 1987б.* – Атавин А.Г. Работы Фанагорийского отряда // АО 1985 года. 1987.
- Атавин, 1988.* – Атавин А.Г. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. М., 1988.
- Атавин, 1992.* – Атавин А.Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. 1992. 1.
- Атавин, 1993.* – Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV–VI вв. н.э. из Фанагории // БС. 1993. 2.
- Атавин, 2001.* – Атавин А.Г. Средневековые кочевнические погребения с чучелами коней на Таманском полуострове // Средневековые древности евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж, 2001.
- Атавин, 2008.* – Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008.
- Атавин, 2009.* – Атавин А.Г. Историография средневековой Фанагории // ДБ. 2009. Том 13.
- Атавин, Чхаидзе, 2003.* – Атавин А.Г., Чхаидзе В.Н. Средневековые монеты из Фанагории // Одиннадцатая ВНК. Санкт-Петербург 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003.
- Бабаев, 2009.* – Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. М., 2009.
- Бабенчиков, 1953.* – Бабенчиков В.П. Средневековое поселение близ села Планерское. (Раскопки 1949–1951 годов) // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX.
- Бабенчиков, 1960.* – Бабенчиков В.П. Раннесредневековая гончарная печь в Мисхоре // ЗОАО. 1960. Том I.
- Багаутдинов и др., 1998.* – Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Барabanова, Платонов, 1979.* – Барabanова О.О. Платонов С.Б. К методике изучения объемов средневековых амфор // Социальное развитие Византии. АДСВ. 1979. Сб. 16.
- Баранов, 2004.* – Баранов В.И. Амфоры Тау-Кипчака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Часть II. Причерноморье, Византия и Крым от средневековья до современности. Киев; Судак, 2004.

Баранов, 1974. – Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974.

Баранов, 1977. – Баранов И.А. Средневековая литейная форма из Старого Крыма // СА. 1977. № 2.

Баранов, 1981. – Баранов И.А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. 2. Прабългарската култура: Материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София, 1981.

Баранов, 1990. – Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990.

Баранов, Майко, 1999. – Баранов И.А., Майко В.В. К вопросу о типологии столовой лощеной посуды юго-восточного Крыма второй половины X века // ХСб. 1999. Вып. X.

Баранов, Майко, 2000. – Баранов И.А., Майко В.В. Праболгарские горизонты Судакского городища VIII – первой половины X в. // БСП. 2000. Том VII.

Баранов и др., 1997. – Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В. Раскопки в средневековой Сугдее // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.

Басовская и др., 1977. – Басовская Н.И., Долгоруков В.С., Кузнецов В.Д., Шавырина Т.Г. Раскопки в Фанагории // АО 1976 года. 1977.

Безкоровайная, 2001. – Безкоровайная Ю.Г. Стекланные браслеты X–XIII вв. из Керчи // 175 лет Керченскому Музею Древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001.

Безуглов, 2002. – Безуглов С.И. К характеристике некоторых таманских подражаний византийскому серебру X–XI вв. // ДА. 2002. № 1-2 (14-15).

Белинский, Масловский, 2001. – Белинский И.В., Масловский А.Н. Раскопки в г. Азове на ул. Толстого в 2000 году // ИАИАИАНД в 1999–2000 гг. 2001. Вып. 17.

Белов, 1959. – Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХСб. 1959. Вып. V.

Белов, 1969. – Белов Г.Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып. 116.

Белов и др., 1953. – Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII. (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // Материалы по археологии Юго-западного Крыма. (Херсонес, Мангуп). МИА. 1953. № 34.

Белый, 1993. – Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Белый, Назаров, 1992. – Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Керман. Постройка № 1 // Проблемы истории “Пещеных городов” в Крыму. Симферополь, 1992.

Бёттгер, Шелов, 1998. – Бёттгер Б. Шелов Д.Б. Дипинти на амфорах из Танаиса / Pontus Septentrionalis I. Tanais I. М., 1998.

- Бибиков, 2009.* – Бибиков М.В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные источники. II. М., 2009.
- Блаватский, 1936А.* – Блаватский В.Д. Отчеты о раскопках в Фанагории в 1936 г. (краткий и предварительный) / Архив ИИМК. Ф. 2. № 242.
- Блаватский, 1937.* – Блаватский В.Д. Раскопки на Таманском полуострове (в 1936 г.) // Искусство. 1937. № 3. М.
- Блаватский, 1938.* – Блаватский В.Д. Раскопки на Таманском полуострове в 1937 г. // Искусство. 1938. № 1. М.
- Блаватский, 1939А.* – Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в 1939 г. в Фанагории / Архив ИИМК. Ф. 35. №№ 181, 182.
- Блаватский, 1940.* – Блаватский В.Д. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3/4.
- Блаватский, 1940А.* – Блаватский В.Д. Отчет о раскопках городища Фанагория в 1940 г. / Архив ИИМК. Ф. 45. № 152.
- Блаватский, 1941а.* – Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 г. // Труды ГИМ. Работы археологических экспедиций. 1941. Вып. XVI. М.
- Блаватский, 1941б.* – Блаватский В.Д. Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941. № 1.
- Блаватский, 1950.* – Блаватский В.Д. О строительном деле Фанагории // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. IX. М., 1950.
- Блаватский, 1951а.* – Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 1951. № 19.
- Блаватский, 1951б.* – Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
- Блаватский, 1958.* – Блаватский В.Д. О подводной археологии // СА. 1958. № 3.
- Блаватский, 1961.* – Блаватский В.Д. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. // СА. 1961. № 1.
- Блаватский, Кузицин, 1959.* – Блаватский В.Д., Кузицин В.И. Подводные разведки в 1958 г. // Вестник АН СССР. 1959. № 1.
- Блаватский, Кузицин, 1961.* – Блаватский В.Д., Кузицин В.И. Подводные разведки в 1958 г. // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Богданова, 1986.* – Богданова Н.М. Херсон X–XIII веков по данным Notitiae episcopatum // Количественные методы в изучении стран Востока. М., 1986.
- Богословский, 1987.* – Богословский О.В. Стекланные браслеты Таманского городища // Древности Кубани. Краснодар, 1987.
- Болгов, 1996.* – Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород, 1996.
- Болгов, 1999.* – Болгов Н.Н. Поздний Боспор и варварские королевства как политический феномен переходной эпохи (V–VI вв.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999.

- Болгов, 2003.* – Болгов Н.Н. Поздний Боспор: к дискуссии о континуитете государства и социальных структур // ВДИ. 2003. № 2.
- Болгов, 2004.* – Болгов Н.Н. Между империей и варварами: финал античности на Боспоре Киммерийском // Україна в Центрально-Східній Європі. 3 найдавніших часів до кінця XVIII ст. Вип. 4. Київ, 2004.
- Болгов, 2005.* – Болгов Н.Н. Об историческом контексте надписи Дуптуна (КБН 67) // Боспорские чтения. Вып. VI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005.
- Болгов и др., 2009.* – Болгов Н.Н., Прокопенко С.Н., Рябцева М.Л. Боспор Киммерийский в древности и средневековье. Курс лекций. Белгород, 2009.
- Болдырев, 1999.* – Болдырев С.И. О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ. 1999. Том 2.
- Борисов, 1985.* – Борисов Б.Д. Ранновизантийски амфори (IV–VI в.) от Сливенски окръг // Археология. 1985. Кн. 1. София.
- Борисова, 1959.* – Борисова В.В. Могильник у высоты “Сахарная головка”. (По раскопкам и разведкам 1951 и 1953 годов) // ХСб. 1959. Вып. V.
- Борисова, 1960.* – Борисова В.В. Средневековая гончарная печь // Сообщения Херсонесского музея. 1960. Вып. I. Симферополь.
- Буданова и др., 2011.* – Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. – СПб., 2011.
- Булгаков, 2000.* – Булгаков В.В. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 4 (5). (Размещен в сети Internet).
- Булгаков, 2001.* – Булгаков В.В. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морська торгівля в Північному Причірномор’ї. Київ, 2001.
- Бунатян, Зубарь, 1991.* – Бунатян Е.П., Зубарь В.М. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // СА. 1991. № 4.
- Быков, 1974.* – Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М., 1974.
- Василиненко, 2009.* – Василиненко Д.Э. Погребальный обряд населения междуречья Псоу-Шахе в эпоху средневековья // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.
- Васильевский, 1912.* – Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. Том II. Вып. 2. СПб., 1912.
- Васильев, 1927.* – Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. Том V. 1927.
- Веймарн, Айбабин, 1993.* – Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Весела, 1969.* – Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. II. М., 1969.

Виноградов, 2001. – Виноградов А.Ю. К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова / ХСб. 2001. Вып. XI.

Виноградов, 2010а. – Виноградов А.Ю. Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda // Вопросы эпиграфики. Вып. IV. М., 2010.

Виноградов, 2010б. – Виноградов А.Ю. Азиатский Боспор в позднеантичное и ранневизантийское время // Античное наследие Кубани. Том II. М., 2010.

Виноградов, Комар, 2005. – Виноградов А.Ю., Комар А.В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев; Судак, 2005.

Виноградов, Чхаидзе, 2012. – Виноградов А.Ю., Чхаидзе В.Н. Позднеантичная христианская надпись из Фанагории // ВДИ. 2012. № 3.

Виноградов, 1989. – Виноградов В.Б. Монетный клад у станицы Петровской // I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1989.

Виноградов, 2002. – Виноградов Ю.А. Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки Восточного Отделения Российского археологического общества. Новая серия. Том I (XXVI). СПб., 2002.

Виноградов, 2009. – Виноградов Ю.А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.

Виноградов, 2010. – Виноградов Ю.А. Об исследованиях И.Е. Забелина на городище Фанагория в 1872 г. // ДБ. 2010. Том 14.

Виноградов, 1991. – Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4.

Виноградов, 1998. – Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. (В свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1998. № 1.

Винокуров, 2004. – Винокуров Н.И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений крымского Приазовья) // Орус: междисциплинарные исследования в археологии. 3. М., 2004.

Винокуров, 2011. – Винокуров Н.И. Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан) // Боспорские чтения. Вып. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.

Винокуров, Николаева, 2011. – Винокуров Н.И., Николаева Э.Я. Винодельческие сооружения Ильичевского городища // ИАА. 2000. Вып. 6.

Власкин, Ильюков, 1990. – Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. № 1.

- Внуков, 2006.** – Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006.
- Внуков, 2012.** – Внуков С.Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. № 4.
- Волков, 1994.** – Волков И.В. Турецкие курительные трубки из Анапы и трактат Шарля Пейсонеля «О торговле в Черном море» // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов IV археологического семинара). Новочеркасск, 1994.
- Волков, 1998.** – Волков И.В. О возможностях локализации Копы (Копарио – Ло Коппа) // ДК. 1998. Вып. 12.
- Волков, 1999а.** – Волков И.В. Клад монет из Анапы времени строительства турецкой крепости // ДК. 1999. Вып. 14.
- Волков, 1999б.** – Волков И.В. Таманские острова в “Книге путешествия” Эвлии Челеби // ДК. 1999. Вып. 15.
- Волков, 1999в.** – Волков И.В. Частная коллекция “Турецких” курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М., 1999.
- Волков, 2000.** – Волков И.В. Еще раз об Адахунском сражении казачьего флота в 1638 г. // ДК. 2000. Вып. 16.
- Волков, 2002.** – Волков И.В. Фрагмент амфоры с еврейской надписью из Анапского музея // ДК. 2002. Вып. 18.
- Волков, 2006.** – Волков И.В. Закрытый комплекс турецкого времени из Азова // ИАИАИАНД в 2004 году. 2006. Вып. 21.
- Волков, 2009.** – Волков И.В. Турецкая эпиграфика из Таманского археологического музея // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.
- Волков, Петерс, 2003.** – Волков И.В., Петерс Б.Г. Средневековый керамический комплекс поселения Гаркуша // МИАК. 2003. Вып. 3.
- Волков, Туманов, 2005.** – Волков И.В., Туманов В.В. Два клада гиреевских монет из ст. Тамань // ДК. 2005. Вып. 21.
- Воронов, 2003.** – Воронов Ю.Н. Могилы апсиллов (Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах). М., 2003.
- Воронов, Бгажба, 1985.** – Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. (Итоги исследований Цибилиума в 1978–1982 гг.). Тбилиси, 1985.
- Ворошилова, 2010.** – Ворошилова О.М. История исследования некрополя Фанагории // ПИФК. 2010. № 3.
- Гавритухин, 1989.** – Гавритухин И.О. Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации) // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda, 1989.
- Гавритухин, 2002.** – Гавритухин И.О. Фибулы византийского круга в Восточной Европе (литые дунайско-иллирийские) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
- Гавритухин, 2008.** – Гавритухин И.О. Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008.

Гавритухин, Малашев, 1998. – Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Гавритухин, Паромов, 2003. – Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и памятники его округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.

Гавритухин, Пьянков, 2003. – Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.

Гадло, 1964. – Гадло А.В. О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерского // Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Л., 1964.

Гадло, 1968а. – Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник ЛГУ. 1968. № 14.

Гадло, 1968б. – Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. 1968. Вып. 113.

Гадло, 1973. – Гадло А.В. Рецензия на: А.Л. Якобсон Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. – МИА, № 168, 1970 // ВВ. Том 34. 1973.

Гадло, 1979. – Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.

Гадло, 1980. – Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. 1980. Вып. 17.

Гадло, 1991. – Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.

Гадло, 2004. – Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

Гайдукевич, 1934а. – Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. / Известия ГАИМК. Вып. 80. М.-Л., 1934.

Гайдукевич, 1934б. – Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы // Из истории Боспора / Известия ГАИМК. Вып. 104. М.-Л., 1934.

Гайдукевич, 1940а. – Гайдукевич В.Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. Том VI.

Гайдукевич, 1940б. – Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937–1938 гг. // ВДИ. 1940. № 3-4.

Гайдукевич, 1949. – Гайдукевич В.Ф. Боспорские царство. М.-Л., 1949.

Гайдукевич, 1952а. – Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. I. МИА № 25. 1952.

Гайдукевич, 1952б. – Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // Боспорские города. I. МИА № 25. 1952.

Гайдукевич, 1958. – Гайдукевич В.Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. МИА. 1958. № 85.

Галаган, Нарожный, 1996. – Галаган Н.А., Нарожный Е.И. Тарная керамика Средней Кубани эпохи раннего средневековья // Третьи чтения по археологии Средней Кубани. (Краткое содержание докладов). Армавир, 1996.

Гамбашидзе, 1977. – Гамбашидзе О.С. Результаты археологических раскопок на VII участке города-крепости Бичвинта // Великий Питиунт. Том II. Тбилиси (на груз. яз.).

Гаркави, 1881. – Гаркави А.Я. Еврейские надгробные памятники, найденные на Таманском полуострове // Еврейские записки. 5. СПб., 1881.

Георгиев, 2000. – Георгиев П. Плискова-Плесков и прабългарите в източното Приазовие и Северното Причерноморие // БСП. 2000. Том VII.

Георгиев, 2001. – Георгиев П. Столицата на хан Кубрат // Трудове на катедрите по история и богословие. Том 4. Шумен, 2001.

Георгиев, 2004. – Георгиев П. Фанагурис – Томитуракан и «Велика България» // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004.

Георгиев, 2005. – Георгиев П. Фанагурис, Томитуракан и «Великая Болгария» // АДСВ. 2005. Вып. 36.

Георгиев, 2007. – Георгиев П. Varna historica et protobulgarica. Опит за характеристика // Проблеми на прабългарската история и култура. 4-2. София, 2007.

Герасимов, 2010. – Герасимов В.Е. Подводно-археологические исследования на Черноморском шельфе южного берега Крыма в 2008–2009 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ-Луцьк, 2010.

Герасимова, 1976. – Герасимова М.М. Население античной Фанагории по палеоантропологическим данным // КСИА. 1976. Вып. 145.

Герцен, 1990. – Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.

Герцен, Могаричев, 1999. – Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. 1999. Вып. 30.

Герцен, Науменко, 2001. – Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32.

Герцен, Науменко, 2005. – Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев.

Герцен, Науменко, 2006. – Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа. (По материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун) // АДСВ. 2006. Вып. 37.

Герцен, Науменко, 2010. – Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 года. Труды Государственного Эрмитажа. LIII. СПб., 2010.

Герцен и др., 2006. – Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2007. Вып. XII.

Герцен и др., 2007. – Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.

Герцен и др., 2010. – Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.

Гёри, 1870. – Гёри К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.

Гёри, 1876. – Гёри К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. М., 1876.

Голден, 1993. – Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен Восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.

Голенко, 1953. – Голенко К.В. Подражания византийским монетам X–XI вв., найденные на Таманском полуострове // ВВ. Том VII. 1953.

Голенко, 1961. – Голенко К.В. Новые материалы к изучению Таманских подражаний византийским монетам // ВВ. Том XVIII. 1961.

Голенко, 2007. – Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.

Голенцов, Атавин, 1987. – Голенцов А.С., Атавин А.Г. Влияние природных факторов на жизнь древнего города Фанагории на Таманском полуострове // Человек и природа. 1987. № 2. М.

Голофаст, 1994. – Голофаст Л.А. Комплекс VI в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.

Голофаст, 1998. – Голофаст Л.А. Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса // АДСВ. 1998. Вып. 29.

Голофаст, 1999. – Голофаст Л.А. Стекланные осветительные приборы позднеантичного и раннесредневекового Херсона // Древности. 1997–1998. Харьков, 1999.

Голофаст, 2001. – Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.

- Голофаст, 2007.* – Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
- Голофаст, Рыжов, 2000.* – Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. 2000. Вып. IX.
- Голофаст, Рыжов, 2011.* – Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
- Гончаров, Чхаидзе, 2005.* – Гончаров Е.Ю., Чхаидзе В.Н. Находки средневековых монет на территории Таманского полуострова // МИАК. 2005. Вып. 5.
- Горелый, 1996.* – Горелый А.В. Идентификация обрезанных боспорских монет с византийскими гирьками // РА. 1996. № 1.
- Горлов, Чхаидзе, 2008.* – Горлов Ю.В., Чхаидзе В.Н. Средневековое поселение Веселовка 2 на Таманском полуострове // ДБ. 2008. Том 12/1.
- Грозданова, 2009.* – Грозданова Г. Амфорният материал от раннесредневекового селище при с. Капитан Андреево, община Свиленград // Eurika. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе. София, 2009.
- Губоглу, 1964.* – Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
- Гудименко, 1993.* – Гудименко И.В. Итоги раскопок III Азовского археологического отряда и отряда “Дельта” в 1991 году // ИАИАИАНД в 1991 году. 1993. Вып. 11.
- Гудименко, 2001.* – Гудименко И.В. Итоги исследований II Азовского археологического отряда в 2000 г. // ИАИАИАНД в 1999–2000 гг. 2001. Вып. 17.
- Гурулева, 2003.* – Гурулева В.В. Граффити на золотых византийских монетах VIII в. из коллекции Эрмитажа // Одиннадцатая ВНК. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003.
- Гурулева, 2004а.* – Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судакe // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
- Гурулева, 2004б.* – Гурулева В.В. Новая группа византийских монет из Славянского клада // Двенадцатая ВНК. Москва, 19–24 апреля, 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004.
- Гурулева, 2004в.* – Гурулева В.В. Перспективы изучения византийских стеклянных экзагиев как источников для датировки памятников из стекла // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвященной памяти А.В. Банк. СПб., 2004.
- Гурулева, 2005.* – Гурулева В.В. Особенности и разновидности подражаний монетам византийских императоров первой половины VIII в. в Крыму и Хазарии // Тринадцатая ВНК. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005.

- Гурулева, 2009.* – Гурулева В.В. Византийские монеты из Славянского (Анастасиевского клада) в собрании Государственного Эрмитажа // *Материалы и исследования Отдела нумизматики. Памяти А.А. Марковой (1895–1975). Труды Государственного Эрмитажа. XLVIII.* СПб., 2009.
- Гурулева и др., 2011.* – Гурулева В.В., Кулешов В.С., Юрченко Т.В. Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада // *НЭ. 2011. Том XVIII.*
- Гусач, 2002.* – Гусач И.Р. Закрытые комплексы с «турецкими» курительными трубками из Азова // *ИАИАИАНД в 2001 году. 2002. Вып. 18.*
- Гусач, 2006.* – Гусач И.Р. Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак // *ИАИАИАНД в 2004 году. 2006. Вып. 21.*
- Дамянов, 2009.* – Дамянов Д. Ранновизантийско стъкло от манастирски комплекс в Смолян – Средни Родопи // *Eurika. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе.* София, 2009.
- Даньшин, 1992.* – Даньшин Д.И. Население Фанагории в I в. до н.э. – IV в. н.э. (этнический состав и этнокультурные традиции). Диссертация ... к.и.н. М., 1992 / Архив ИА РАН. Р-2. № 2515.
- Даньшин, 1993.* – Даньшин Д.И. Фанагорийская община иудеев // *ВДИ. 1993. № 1.*
- Десятчиков, 1998.* – Десятчиков Ю.М. Ст. Голубицкая // *Тамань археологическая (II раздел). Сборник. 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань, 1998.*
- Джанов, 2004.* – Джанов А.В. Сугдея в III–VII вв. // *Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.*
- Джигунова и др., 2010.* – Джигунова Ф.К., Пьянков А.В., Тов А.А., Хушт М.А. Комплекс предметов с христианским крестом из фондов Национального музея республики Адыгея // *Археологический журнал. № III-IV. Армавир, 2010.*
- Дмитриев, 1997.* – Дмитриев С.В. Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общезазиатский контекст) // *Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории.* СПб., 1997.
- Димитров, 1987.* – Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. (Към вопроса за тяхното присъствие и история в дешните руски земи и ролята им при образуването на българска държава). Варна, 1987.
- Дмитриев, 1982а.* – Дмитриев А.В. Средневековые пифосы из Новороссийска и его окрестностей // *Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 1982.*
- Дмитриев, 1982б.* – Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // *Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.*
- Добровольская, 2008.* – Добровольская Е.В. Новые археозоологические материалы из раскопок Фанагории (2005–2007 гг.) // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Том III. М., 2008.*
- Добровольская, 2009.* – Добровольская Е.В. Археозоологические исследования Фанагории (2005–2008 гг.) // *Боспорские чтения. Вып. X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь.*

Добровольская, 2010. – Добровольская Е.В. Археозоологические исследования в Фанагории хазарского времени // ПИФК. 2010. № 1.

Добровольская, Попова-Бондаренко, 2011. – Добровольская Е.В., Попова-Бондаренко Е.Д. Хазары – иудаизм и прежние верования (по материалам археозоологических исследований) // Боспорские чтения. Вып. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.

Добровольский и др., 1991. – Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.

Довженок и др., 1966. – Довженок В.Й. Гончаров В.К. Юра Р.О. Давньоруське місто Воїнь. Київ, 1966.

Долгоруков, 1967. – Долгоруков В.С. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109.

Долгоруков, 1971А. – Долгоруков В.С. Раскоп “Береговой А”. Раскоп “Береговой Б” // Кобылина М.М. Раскопки Фанагории в 1971 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4603.

Долгоруков, 1972а. – Долгоруков В.С. Фанагорийская винодельня // АО 1971 года. 1972.

Долгоруков, 1972б. – Долгоруков В.С. Раскопки в западной части Фанагории // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.

Долгоруков, 1972А. – Долгоруков В.С. Раскоп “Береговой А” // Кобылина М.М. Раскопки Фанагории в 1972 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4805.

Долгоруков, 1974А. – Долгоруков В.С. Отчет о работах Фанагорийской экспедиции 1974 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5712.

Долгоруков, 1975. – Долгоруков В.С. Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 143.

Долгоруков, 1975А. – Кобылина М.М., Долгоруков В.С. Отчет о раскопках Фанагории / Архив ИА РАН. Р-1. № 5578.

Долгоруков, 1976. – Долгоруков В.С. Фанагорийская винодельня I–II вв. н.э. // КСИА. 1976. Вып. 145.

Долгоруков, 1976А. – Долгоруков В.С. Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1976 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5877.

Долгоруков, 1977А. – Долгоруков В.С. Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1977 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6905.

Долгоруков, 1979А. – Долгоруков В.С. Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8796.

Долгоруков, 1980А. – Долгоруков В.С. Полевой отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции на городище Фанагория в сезоне 1980 года (Верхний и Южный город) / Архив ИА РАН. Р-1. № 14167/14168.

- Долгоруков, 1981А.* – Долгоруков В.С. Отчет об археологических исследованиях городища Фанагория в 1981 г. М. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10078.
- Долгоруков, 1983.* – Долгоруков В.С. Исследования в Фанагории // АО 1981 года. 1983.
- Долгоруков, 1984А.* – Долгоруков В.С. Полевой отчет о раскопках в Фанагории в 1984 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11166.
- Долгоруков, 1985А.* – Долгоруков В.С. Отчет о раскопках Фанагории в 1985 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11165.
- Долгоруков, 1987.* – Долгоруков В.С. Исследования Фанагории // АО 1985 года. 1987.
- Долгоруков, 1991.* – Долгоруков В.С. Новые исследования в Фанагории // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991.
- Долгоруков и др., 1975.* – Долгоруков В.С., Масленников А.А., Шавырина Т.Г. Охранные работы Фанагорийской экспедиции // АО 1974 года. 1975.
- Долмова-Лукановска, 1979.* – Долмова-Лукановска М. За производството на средновековни накити в Царевград Търнов // Археология. 1979. № 4. София.
- Душенко, 2009.* – Душенко А.А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
- Емец, 2005.* – Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М., 2005.
- Жебелев, 1953.* – Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953.
- Живков, 2010а.* – Живков Б.Н. Интегративни и дезинтегративни тенденции в Хазарския каганат. Края на IX–X век. Автореферат на присъждеане на образователната и научна степен “доктор”. София, 2010.
- Живков, 2010б.* – Живков Б.Н. Хазария през IX и X век. София, 2010.
- Журавлев и др., 2011.* – Журавлев Д.В., Шлотцауэр У., Кельтербаум Д., Камелина Г.А., Ломтадзе Г.А. Работы в северо-восточной части Таманского полуострова // АО 2008 года. М., 2011.
- Завадская, 2008.* – Завадская И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003–2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
- Завадская, 2010а.* – Завадская И.А. К вопросу о назначении рельефных меток на средневековой черепице Крыма // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010.
- Завадская, 2010б.* – Завадская И.А. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров юго-западного Крыма // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 года. Труды Государственного Эрмитажа. LIII. СПб.
- Завойкин, 1988А.* – Завойкин А.А. Полевой отчет об охранных раскопках на городище Фанагория в полевом сезоне 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14041.

Завойкин, 1990А. – Завойкин А.А. Раскопки в Фанагории в 1990 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 15218.

Завойкин, Атавин, 1989А. – Завойкин А.А., Атавин А.Г. Полевой отчет о раскопках в Фанагории в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14333.

Завойкин, Кузнецов, 2012. – Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории // Боспорские чтения. Вып. XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012.

Завьялов, Пьянков, 2004. – Завьялов С.Л., Пьянков А.В. Старотитаровский клад европейских монет XV–XVI вв. (часть 1) // МИАСК. 2004. Вып. 4.

Завьялов, Пьянков, 2005. – Завьялов С.Л., Пьянков А.В. Старотитаровский клад европейских монет XV–XVI вв. (часть 2) // МИАСК. 2005. Вып. 5.

Зайцев, 1968А. – Зайцев А.К. Раскопки средневековых напластований на квадратах XXIII, V и VI // Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанагории в 1968 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 3761.

Зайцев, 2007. – Зайцев В.В. О новых находках древнерусских монет X–XI вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М., 2007.

Зажигина, 1996а. – Зажигина Л.Ю. Средневековые пифосы из собрания Анапского музея // ИАА. 1996. Вып. 2.

Зажигина, 1996б. – Зажигина Л.Ю. Керамические курительные трубки из Анапы // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов. Керчь, 1996.

Зажигина, 1997. – Зажигина Л.Ю. Керамические курительные трубки с поселения у ст. Гостагаевской // ДК. Материалы семинара посвященного 85-летию Никиты Владимировича Анфимова. 1997.

Зажигина, 1998. – Зажигина Л.Ю. Археологические материалы турецкого времени в собрании Анапского музея // ДК. 1998. Вып. 7.

Залесская, 2006. – Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб., 2006.

Засецкая, 2000. – Засецкая И.П. О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // НАВ. 2000. Вып. 3.

Засецкая, 2008. – Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа) / БИ. 2008. Вып. XX.

Захаров, 2002. – Захаров В.А. История раскопок раннесредневековых слоев Таманского городища и поселений Таманского полуострова в XVIII–XX вв. // От Тмутороканя до Тамани IX–XIX вв. Сб. РИО, № 4 (152). М., 2002.

Зеест, 1960. – Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.

Зеест, 1966. – Зеест И.Б. Боспор. Строительные керамические материалы // Керамическое производство и античные керамические материалы / САИ. Г1-20. М., 1966.

Зеленко, 2002. – Зеленко С.М. Подводные археологические исследования шельфа в районе Большой Алушты // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.

Зеленко, 2008. – Зеленко С.М. Подводная археология Крыма. Киев, 2008.

Зинько, 2008. – Зинько А.В. Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. // Византия в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения Алисы Владимировны Банк. 1906–1984. Материалы конференции. Труды Государственного Эрмитажа. XLII. СПб., 2008.

Зинько, 2011. – Зинько А.В. Амфоры с минорами из раскопок ранневизантийской Тиритаки // Боспорские чтения. Вып. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.

Зинько, Зинько, 2008. – Зинько В.Н., Зинько А.В. Тиритака в V–VI вв. н.э. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.

Зинько, Пономарев, 1999. – Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. III. Керчь, 1999.

Зинько, Пономарев, 2000. – Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.

Зинько, Пономарев, 2001. – Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. 2001. Вып. I.

Зинько, Пономарев, 2005. – Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.

Зинько, Пономарев, 2006. – Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Салтовская полуземлянка на городище Тиритака // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Часть 2.

Зинько, Пономарев, 2008. – Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008.

Зинько, Пономарев, 2009. – Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / БИ. 2009. Supplementum 5.

Зинько и др., 2004 – Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В. Исследования хоры Нимфея и городища Тиритака // АБУ. 2002–2003 pp. 2004.

Золотарев, 1982. – Золотарев М.И. Херсонесский гончарный комплекс VIII–IX вв. // Византия и ее провинции. АДСВ. 1982. Вып. 19.

Золотарев, Ушаков, 1997. – Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал северо-восточного Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // ХСб. 1997. Вып. VIII.

Золотарев, Ушаков, 2004. – Золотарев М.И., Ушаков С.В. Новые исследования в северо-восточном районе Херсонеса (средневековые памятники) // АДСВ. 2004. Вып. 35.

- Зубарь, 2009.* – Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса–Херсона и его округа / МАИЭТ. Supplementum 6. Симферополь, 2009.
- Иванов, 2006.* – Иванов А.В. Новая находка плиты с иудейской символикой // Тринадцатые чтения по археологии Средней Кубани. (Краткое содержание докладов). Армавир, 2006.
- Иванова, 2011.* – Иванова О.С. Амфори IV–VII ст. з комплексів некрополя в балці Алмалик–дере (Мангуп) // Гілея: науковий вісник. Вип. 44. Київ, 2011.
- Иванова, 2011а.* – Иванова О.С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
- Иванова, 2011б.* – Иванова О.С. Торговые связи населения Мангупа и его округа в раннее средневековье (по амфорам из комплексов некрополя в балке Алмарик-дере, Мангуп) // Боспорские чтения. Вып. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.
- Иессен, Миллер, 1932.* – Иессен А.А., Миллер А.А. Таманская экспедиция 1931 г. // ИГАИМК. 1932. № 11/12.
- Ильина, 2009А.* – Ильина Т.А. Отчет о раскопках на территории городища Гермонасса–Тмутаракань за 2008 год. М., 2009 / Архив ИА РАН.
- Кабачкова, 2012.* – Кабачкова А.В. Курительные трубки османского периода: историография вопроса // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012.
- Кадеев, 1969.* – Кадеев В.И. Импортные светильники I–IV вв. из Херсонеса // СА. 1969. № 3.
- Кадырбаев, Бурнашева, 1970.* – Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
- Каминская, 1997.* – Каминская И.В. Захоронения с альчиками из грунтового могильника городища Куньша // ДК. Материалы семинара посвященного 85-летию Никиты Владимировича Анфимова.
- Кастанян, 1981.* – Кастанян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- Кашаев, 2009.* – Кашаев С.В. К вопросу об иудейских некрополях Боспора (на примере поселения Вышестеблиевская-11) // Боспорские чтения. Вып. X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
- Кашаев, Кашовская, 2008.* – Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Культовый комплекс (СК-6) и эпиграфические материалы с поселения Вышестеблиевская-11 // ДБ. 2008. Том 12. Вып. I.
- Кашаев, Кашовская, 2009.* – Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии // Archeologia Abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.

Кашаев, Кашовская, 2010. – Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Иудеи на берегах Боспора. По материалам археологических исследований // Хазары. Миф и история. М.; Иерусалим, 2010.

Книпович, Славин, 1941. – Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки в юго-западной части Тиритаки // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. МИА. 1941. № 4.

Кобылина, 1947А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанагорийской экспедиции / Архив ИА РАН. Р-1. № 150.

Кобылина, 1948А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках в Фанагории в 1948 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 253.

Кобылина, 1949. – Кобылина М.М. Фанагорийская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.

Кобылина, 1949А. – Кобылина М.М. Раскопки в Фанагории в 1949 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 362.

Кобылина, 1950. – Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII.

Кобылина, 1951а. – Кобылина М.М. Раскопки «Южного» некрополя Фанагории в 1947 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 1951. № 19.

Кобылина, 1951б. – Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.

Кобылина, 1952А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанагории в 1952 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 744.

Кобылина, 1954А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках в Фанагории в 1954 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1010.

Кобылина, 1955А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках в Фанагории в 1955 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1420.

Кобылина, 1956. – Кобылина М.М. Фанагория // Фанагория. МИА. 1956. № 57.

Кобылина, 1959А. – Кобылина М.М. Фанагорийская экспедиция 1959 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2070.

Кобылина, 1960А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках в Фанагории в 1960 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 2333.

Кобылина, 1962А. – Кобылина М.М. Раскопки Фанагории в 1962 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 2490.

Кобылина, 1963а. – Кобылина М.М. Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. // КСИИМК. 1963. Вып. 95.

Кобылина, 1963б. – Кобылина М.М. Исследования Фанагории в 1959–1960 и 1962 гг. // СА. 1963. № 4.

Кобылина, 1963в. – Кобылина М.М. Культура Фанагории досарматского периода // Античный город. М., 1963.

Кобылина, 1964А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанагории в 1964 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2897.

Кобылина, 1965А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанагории в 1965 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3229.

Кобылина, 1966а. – Кобылина М.М. Керамическое производство Фанагории в IV в. // СА. 1966. № 3.

Кобылина, 1966б. – Кобылина М.М. Открытия в Фанагории // АО 1965 года. 1966.

Кобылина, 1967. – Кобылина М.М. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109.

Кобылина, 1968А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанагории в 1968 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 3761.

Кобылина, 1969а. – Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // АО 1968 года. 1969.

Кобылина, 1969б. – Кобылина М.М. Сооружения V в. до н.э. на южной окраине Фанагории // КСИА. 1969. Вып. 116.

Кобылина, 1970а. – Кобылина М.М. Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА. 1970. Вып. 124.

Кобылина, 1970б. – Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // АО 1969 года. 1970.

Кобылина, 1970А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанагории 1970 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4420.

Кобылина, 1971. – Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // АО 1970 года. 1971.

Кобылина, 1971А. – Кобылина М.М. Отчет Фанагорийской экспедиции 1971 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4603.

Кобылина, 1972а. – Кобылина М.М. Фанагорийская экспедиция // АО 1971 года. 1972.

Кобылина, 1972б. – Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.

Кобылина, 1972в. – Кобылина М.М. Фанагорийская кровельная черепица первых веков н.э. // КСИА. 1972. Вып. 130.

Кобылина, 1972А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанагории 1972 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4805.

Кобылина, 1973. – Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // АО 1972 года. 1972.

Кобылина, 1973А. – Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанагории в 1973 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 5192.

Кобылина, 1974А. – Кобылина М.М. Раскопки Фанагории в 1974 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5711.

- Кобылина, 1978.* – Кобылина М.М. Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Кобылина, 1989.* – Кобылина М.М. Фанагория. М., 1989.
- Кобылина, Долгоруков, 1974.* – Кобылина М.М., Долгоруков В.С. Раскопки Фанагории // АО 1973 года. 1974.
- Ковалевская, 2002.* – Ковалевская В.Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // ХА. 2002. Том 1.
- Коваль, 2010.* – Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М., 2010.
- Козлов, 2001.* – Козлов В.И. К вопросу о локализации Черной Болгарии // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар; Анапа, 2001.
- Колчин, 1985.* – Колчин Б.А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. М., 1985.
- Комар, 2002.* – Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2002.
- Комар, 2006.* – Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 5. Хазарское время. Донецк, 2006.
- Комар, 2008.* – Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев; Судак, 2008.
- Комитова, 2009.* – Комитова Ц. Производство на накити в средновековния Мелник // Eurika. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе. София, 2009.
- Копылов, Смоляк, 1988.* – Копылов В.П., Смоляк А.Р. Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII – первой половине VIII вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988.
- Коровина, 2002.* – Коровина А.К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.
- Корпусова, 2002.* – Корпусова В.М. Об одной особенности христианского погребального обряда средневекового населения Восточного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев; Судак, 2002.
- Коршенко, 1999.* – Коршенко А.Н. Медное “золото” Крыма и Тамани // Седьмая ВНК. Ярославль, 19–23 апреля 1999 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1999.
- Костюков, 2009.* – Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.
- Кравченко, Давыденко, 2001.* – Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. 2. Донецк, 2001.

Кравченко, Шамрай, 2000. – Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами с территории Донецкой области // ДА. 2000. № 3-4 (8-9).

Красильников, 1979. – Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. № 2.

Красильников, 1999. – Красильников К.И. Кухонна кераміка та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Средньодонеччя // Vita Antiqua. № 2. Київ, 1999.

Красильников, 2009. – Красильников К.И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментация, клейма) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. Хазарское время. Донецк, 2009.

Краснова, 1994. – Краснова Т.Н. Коллекция керамических курительных трубок из фондов БГИКЗ // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Кропоткин, 1957. – Кропоткин В.В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. 1957. Вып. 68.

Кропоткин, 1961. – Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Е 4-4. 1961.

Кропоткин, 1962. – Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Е 4-4. 1962.

Кропоткин, 1965. – Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. Том XXVI. 1965.

Кропоткин, 1968. – Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.

Кропоткин, 1973. – Кропоткин В.В. Византийский экзагий из Керчи // ВВ. Том 34. 1973.

Кругликова, 1951. – Кругликова И.Т. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. I. МИА. 1951. № 19.

Кругликова, 1954. – Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. II. МИА. 1954. № 33.

Круглов, 2004. – Круглов Е.В. Обращение византийских и арабских монет в Хазарском каганате в VIII в. и их датирующие возможности // Двенадцатая ВНК. Москва, 19–24 апреля, 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004.

Круглов, 2005а. – Круглов Е.В. Обращение византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Византия: общество и церковь. Армавир, 2005.

- Круглов, 2005б.* – Круглов Е.В. Хазары – поиск истины // Хазары. Иерусалим–М., 2005.
- Круглов, 2006.* – Круглов Е.В. Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени // НАВ. 2006. Вып. 8.
- Круглов, 2007.* – Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // Проблеми на прабългарската история и култура. 4-1. София, 2007.
- Крушкол, 1951.* – Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // СА. 1951. Том XV.
- Крушкол, 1958.* – Крушкол Ю.С. Монеты из раскопок Патрея 1949–1951 гг. // ВДИ. 1958. № 3.
- Крымина, 1977.* – Крымина М.М. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 3.
- Кузманов, 1985.* – Кузманов Г. Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII в.) / Разкопки и проучвания. Книга XIII. София, 1985.
- Кузманов, Салкин, 1992.* – Кузманов Г., Салкин А. Антични амфори от акваторията на черноморского крайбрежие на южна Добруджа // Известия на народния музей Варна. № 28 (43). Варна, 1992.
- Кузнецов, 1998.* – Кузнецов В.Д. Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина. 1998. Вып. 1. СПб.
- Кузнецов, 2001.* – Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. Том 4.
- Кузнецов, 2005.* – Кузнецов В.Д. Фанагория: новые исследования // КСИА. 2005. Вып. 219.
- Кузнецов, 2009.* – Кузнецов В.Д. Исследования в Фанагории // АО 2006 года. 2009.
- Кузнецов, Голофаст, 2010.* – Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 1.
- Кузнецов и др., 1979.* – Кузнецов В.Д., Масленников А.А., Шавырина Т.Г. Работы Фанагорийской экспедиции // АО 1978 года. 1979.
- Кузнецов и др., 2003.* – Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // ДБ. 2003. Том 6.
- Кулаковский, 1898.* – Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке // ЖМНП. 1898. № 2.
- Кутайсов, 1982.* – Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1.
- Кутайсов, 2004.* – Кутайсов С.В. Раннесредневековый слой Калос-Лимена (по предварительным данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Часть II. Причерноморье, Византия и Крым от средневековья до современности. Киев; Судак, 2004.

Лавров, 1969. – Лавров Л.И. Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского фольклора // СЭ. 1969. № 2.

Ларенок, 1993. – Ларенок П.А. Баклажки в собрании Ростовского и Азовского краеведческих музеев // ИАИАИАНД в 1991 году. 1993. Вып. 11.

Латышев, 1894. – Латышев В.В. Этюды по византийской эпитафийке // ВВ. 1894. Том I. Вып. 1.

Латышев, 1896. – Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

Латышев, 1905. – Латышев В.В. Эпитафийческие новости из Южной России // ИАК. Том 14. СПб., 1905.

Латышев, 1909. – Латышев В.В. ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии и эпитафийке Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.

Левенок, 1959. – Левенок В.П. Пряслица городища Саркел–Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II. МИА. 1959. № 75.

Лимберис, Марченко, 2011. – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка. СПб.; Кишинев, 2011.

Литаврин, 1981. – Литаврин Г.Г. К проблеме становления Болгарского государства // История СССР. 1981. № 4.

Литаврин, 1985. – Литаврин Г.Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII – начало XI в.) // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985.

Ловпаче, 2009. – Ловпаче Н.Г. П.А. Дитлер и археология Адыгеи раннего средневековья // Археология Адыгеи. К 90-летию П.А. Дитлера. Майкоп, 2009.

Лопан, 2007. – Лопан О.В. 2007. Средневековые глиняные подвесные котлы с внутренними ручками-ушками // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. М.; Иерусалим, 2007.

Львова, 1959. – Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II. МИА. 1959. № 75.

Люценко, 1876. – Люценко А.Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов. Том I. СПб., 1876.

Лядова, 2011. – Стекланная посуда из раскопок крепости Ильич на Тамани // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация. Тезисы докладов. М.

Ляпушкин, 1941. – Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. 1941. № 6.

Ляпушкин, 1958. – Ляпушкин И.И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской // Труды Волго-Донской археологической экспедиции Том I / МИА. 1958. № 62.

Майко, 1995. – Майко В.В. К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма // Проблемы археологии древней и средневековой истории Украины. Харьков, 1995.

Майко, 2000а. – Майко В.В. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского горизонта городища Тепсень в юго-восточном Крыму (предварительная типология) // БСП. 2000. Том VII.

Майко, 2000б. – Майко В.В. Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария // Великая Скуфь. Stratum plus. № 5. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000.

Майко, 2001а. – Майко В.В. К вопросу о крымских керамических импортах на территории хазарского Саркела // ПИФК. 2001. Вып. XI.

Майко, 2001б. – Майко В.В. Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба (к вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма) // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. II. Севастополь; Краков, 2001.

Майко, 2004а. – Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004.

Майко, 2004б. – Майко В.В. Средневековый плитовый могильник в с. Дачное Судакского района // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судацкой международной конференции. Часть II. Причерноморье, Византия и Крым от средневековья до со-временности. Киев; Судак, 2004.

Майко, 2007. – Майко В.В. Средневековые некрополи Судацкой долины. Киев, 2007.

Майко, 2009. – Майко В.В. К вопросу о причинах смены материальной культуры на Таманском полуострове в середине X в. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.

Майко, Алядинова, 2011. – Майко В.В., Алядинова Д.Ю. Турецкая поливная керамика из материалов Раскопа VI в портовой части Сугдеи // Боспорские чтения. Вып. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.

Майко, Сударев, 2010. – Майко В.В., Сударев Н.И. Погребение второй половины X в. из Краснодарского края // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев; Судак, 2010.

Майко, Фарбей, 1995. – Майко В.В., Фарбей О.М. Християнізація тюрко-болгар Криму в світлі археологічних джерел (на прикладі поховального обряду) // Археологія. 1995. № 4. Київ.

Макарова, 1963. – Макарова Т.И. Поливная керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

- Макарова, 1991.* – Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991.
- Макарова, 1998.* – Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- Макарова, 2003.* – Макарова Т.И. Боспор // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.
- Макарова, 2005.* – Макарова Т.И. Церковь св. Богородицы в Тмутаракани // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
- Малахов, 1999.* – Малахов С.Н. Гончарные лоцила VIII–IX вв. // III Минаевские чтения. Материалы научной конференции. Ставрополь, 1999.
- Марков, 1910.* – Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
- Марченко, 1956а.* – Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Фанагория. МИА. 1956. № 57.
- Марченко, 1956б.* – Марченко И.Д. Две литейные формы из Фанагории // Фанагория. МИА. 1956. № 57.
- Марченко, 1957.* – Марченко И.Д. К вопросу о боспорских торговых судах // СА. 1957. № 1.
- Марченко, 2004.* – Марченко И.И. Раскопки средневекового поселения “Виноградное 7” на Тамани // Археологические открытия на Кубани в 2004 году. Краснодар, 2004.
- Марченко и др., 2007.* – Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю. Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005–2006 гг. // МИАК. 2007. Вып. 7.
- Масленников, 1978А.* – Масленников А.А. Отчет о раскопках Юго-западного некрополя Фанагории в 1978 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 8437.
- Масленников, Чевелев, 1985.* – Масленников А.А., Чевелев О.А. Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 1985. Вып. 182.
- Масловский, 2006.* – Масловский А.Н. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году // ИАИАНД в 2005 году. 2006. Вып. 22.
- Масловский, 2011.* – Масловский А.Н. Клады и экстраординарные погребения. Комплексы криминального (?) происхождения из раскопок Азака (попытка интерпретации) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Астрахань.
- Махнева, 1968.* – Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
- Медведев, 2007.* – Медведев А.П. Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 года) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Часть 1. СПб., 2007.

Медведев, 2008. – Медведев А.П. Исследование Восточного некрополя Фанагории (2005–2007 гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Том II. М., 2008.

Медведев, 2009. – Медведев А.П. Сарматы в позднеантичной Фанагории // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.

Мерперт, 1951. – Мерперт Н.Я. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 1951. № 19.

Мерперт, 1958. – Мерперт Н.Я. Древнейшие болгарские племена в Причерноморье // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. М., 1958.

Микеладзе, 1978. – Микеладзе Т.К. Археологические исследования в нижнем течении р. Риони. (Материалы к истории древнего Фасиса). Труды Колхетской археологической экспедиции. I. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).

Миллер, 1932. – Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7/8.

Миндорашвили, Мамуладзе, 2008. – Миндорашвили Д., Мамуладзе Ш. Археологические раскопки башни № 20 Гонио-Апсара // Средневековые археологические памятники Грузии. Тбилиси, 2008 (на груз. яз.).

Минорский, 1963. – Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963.

Минчев, 1972. – Минчев А. Амфори от IV–VI в. във Варненски музей // Известия на народния музей Варна. Том VIII (XXIII). Варна, 1972.

Михайлов, 1955. – Михайлов С. Дворцовата църква в Плиска // Известия на археологическия институт. Том XX. София, 1955.

Михайлова, 1992. – Михайлова Т. Нови данни за производството на накити в Преслав // Приноси към Българската археология. I. София, 1992.

Михеев, 1966. – Михеев В.К. До питання про ремісниче виробництво салтівської культури // Вісник Харківського університету. Історія. Вип. I. Харків, 1966.

Михеев, 1980. – Михеев В.К. Рибальський промисел у населення салтівської культури Подоння // Вісник Харківського університету. № 201. Історія. Вип. 12. Харків, 1980.

Михеев, 1985. – Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Могаричев, 2001. – Могаричев Ю.М. К вопросу о “хазарском наследстве” (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. 2001. Вып. X.

Могаричев, 2003. – Могаричев Ю.М. К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму // ХСб. 2003. Вып. XII.

Могаричев, 2004. – Могаричев Ю.М. О некоторых спорных вопросах истории Крыма середины-второй половины VIII в. // ХСб. 2004. Вып. XIII.

Могаричев, 2005. – Могаричев Ю.М. К вопросу о хазарах в Крыму в начале VIII в. // Хазары. Иерусалим–М., 2005.

Могаричев, 2008. – Могаричев Ю.М. Евреи в византийском Крыму по данным письменных источников // Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко. Симферополь, 2008.

Могаричев, 2009. – Могаричев Ю.М. Новые материалы по истории еврейской диаспоры позднеантичного-раннесредневекового Боспора // ХА. 2009. Том 8.

Могаричев и др., 2007. – Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Могаричев и др., 2009. – Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.

Моисеев, 2011а. – Моисеев Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности 2011. Харьков, 2011.

Моисеев, 2011б. – Моисеев Д.А. Комплекс строительной керамики фемного времени из раскопок поселения в Лагерной балке (Мангуп): опыт археологической реконструкции // Боспорские чтения. Вып. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.

Мошкова, Максименко, 1974. – Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Поволжья. II. М., 1974.

Мутафчиев, 1986. – Мутафчиев П. История на българския народ (681–1323). София, 1986.

Мухамадиев, 1990. – Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990.

Мыц, 1992. – Мыц В.Л. Алустон в VI–VII вв. // Византия и средневековый Крым. АДСВ. 1992. Вып. 26.

Мыц, 2002. – Мыц В.Л. Ранний этап строительства крепости Алустон // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.

Нарожный и др., 2007. – Нарожный Е.И., Сазонов П.В., Соков П.В. Охранно-спасательные раскопки в Славянском районе // Археологические открытия на Кубани в 2005–2006 гг. Краснодар, 2007.

Наследие... 2011. – Наследие Византийского Херсона. Автор концепции и руководитель проект: Т. Яшаева. Севастополь; Остин, 2011.

Науменко, 2001. – Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. 2001. Вып. 2.

Науменко, 2002. – Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. 2002. Вып. XII.

Науменко, 2003. – Науменко В.Е. Хазарский “тудун” в Херсонесе в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. Вып. X. 2003.

Науменко, 2004а. – Науменко В.Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // ХА. Том 2. 2004.

Науменко, 2004б. – Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // ХА. Том 3. 2004.

Науменко, 2005. – Науменко В.Е. К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в.: пример Херсона и Боспора // АДСВ. Вып. 36. 2005.

Науменко, 2006. – Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // Боспорские чтения. Вып. VII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Окоç. Керчь, 2006.

Науменко, 2009. – Науменко В.Е. Пифосы. Амфоры. Фляги. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / БИ. 2009. Supplementum 5.

Науменко, Пономарев, 2008. – Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Средневековые амфоры из фондов Генического краеведческого музея // Боспорские чтения. Вып. IX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008.

Науменко, Пономарев, 2009. – Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К вопросу о территории и археологических памятниках Боспора–Керчи X–XII вв. // Боспорские чтения. Вып. X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.

Нахапетян, Фомин, 1994. – Нахапетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах обращавшихся в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. 1994.

Некрасов, 1990. – Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990.

Нессель, 2006. – Нессель В.А. 2006. Керамический комплекс // Херсонесский сборник. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартала VII. (IX–XI вв.). Севастополь, 2006.

Нидзельницкая, 2001. – Нидзельницкая Л.Ю. Раннесредневековая амфора из Танаиса // Донская археология. 2001. № 1-2 (10-11). Ростов-на-Дону.

Нидзельницкая, 2002. – Нидзельницкая Л.Ю. Раннесредневековая керамика из западного пригорода Танаиса // ИАИАИАНД в 2001 году. 2002. Вып. 18.

Нидзельницкая, 2004. – Нидзельницкая Л.Ю. Новые данные к датировке поселения Мартыново-I // ИАИАИАНД в 2003 году. 2004. Вып. 20.

Нидзельницкая, 2007. – Нидзельницкая Л.Ю. Византийские амфоры с линейно-зональным орнаментом VII – начала IX веков из собраний донских музеев (опыт классификации) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2007.

Нидзельницкая, 2008. – Нидзельницкая Л.Ю. Новые находки позднеримских амфор на территории Недвиговского городища // ИАИАНД в 2006 году. 2008. Вып. 23.

Нидзельницкая, 2009. – Нидзельницкая Л.Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам Донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.

Николаева, 1983. – Николаева Э.Я. Пифосы Ильичевского городища // КСИА. 1983. Вып. 174.

Николаева, 1984а. – Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1984.

Николаева, 1984б. – Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия. Дисс. ... к.и.н. М., 1984 / Архив ИА РАН. Р-2. № 2333.

Николаева, 1991. – Николаева Э.Я. Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 1991. Вып. 204.

Николаева, Десятчиков, 1998. – Николаева Э.Я., Десятчиков Ю.М. О распространении христианства на Боспоре // Таманская старина. Вып. 1. СПб., 1998.

Новиков, 1981А. – Новиков И.В. Полевой отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции на раскопе “Южный город” городища Фанагория (восточный участок) / Архив ИА РАН. Р-1. № 9684.

Новичихина, 2002. – Новичихина Л.Ю. Керамические курительные трубки из окрестностей ст. Благовещенской // ДК. 2002. Вып. 18.

Новосельцев, 1990. – Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Носоновский, 2002. – Носоновский М. Еврейский памятник VIII–IX веков из Тамани // Заметки по еврейской истории. Интернет-журнал еврейской истории, традиции, культуры. № 4. 2002.

ОАК, 1866. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1865 год. СПб., 1866.

ОАК, 1868. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1866 год. СПб., 1868.

ОАК, 1874. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1870 и 1871 годы. СПб., 1874.

ОАК, 1875. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1872 год. СПб., 1875.

ОАК, 1876. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1873 год. СПб., 1876.

ОАК, 1911. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909 и 1910 годы. СПб., 1911.

Оверман, Макленнан, Золотарев, 1997. – Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М.И. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологія. 1997. № 1. Київ.

Онайко, 1956. – Онайко Н.А. О фанагорийских грузилах. (По материалам из раскопок 1936–1940 гг. и 1947–1952 гг.) // Фанагория. МИА. 1956. № 57.

Орлов, 1979. – Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.

Островерхов, 1989. – Оконное стекло античных городов Северного Причерноморья // Стекло и керамика. М., 1989.

Островерхов, 2010. – Островерхов А.С. Віконне скло з античних міст Північного Причорномор'я (досвід комплексного дослідження) // Археологія. 2010. № 3. Київ.

Панкратова, 2008. – Панкратова Е.Г. И.Е. Забелин и В.Г. Тизенгаузен к истории взаимоотношений исследователей Фанагории // История и практика археологических исследований. СПб., 2008.

Панкратова, 2011. – Панкратова Е.Г. Археологическое изучение Фанагории в 20-30-х гг. XX в. // АВ. Вып. 17. 2011.

Паромов, 1993. – Паромов Я.М. Археолого-топографический план Фанагории // БС. 1993. 2.

Паромов, 2003. – Паромов Я.М. Фанагорийская округа. Хазарский период (VIII – начало X в.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.

Паромов, 2004. – Паромов Я.М. Краткий обзор новострочных и хоздоговорных исследований на Таманском полуострове // 30 лет Отделу охранных раскопок. Труды Отдела охранных раскопок. Том 2. Тула, 2004.

Парусимов, 1987. – Парусимов И.Н. Еще раз об «оболе Харона» // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье (тезисы докладов к семинару). Новочеркасск, 1987.

Паршина, 1974. – Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974.

Паршина, 2002. – Паршина Е.А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.

Паршина и др., 2001. – Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.

Патканов, 1883. – Патканов К. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. Март 1883. Часть ССХХVI.

Пахомов, 1940. – Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940.

Пахомов, 1959 – Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VIII. Баку, 1959.

Перепелкина, 2001. – Перепелкина Н.В. Коллекция глиняных курительных трубок из фондов Керченского Государственного историко-культурного заповедника // 175 лет Керченскому Музею Древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001.

Петерс, 1986. – Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.

Петрухин и др., 2009. – Петрухин В.Я., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Флёров В.С. «Хазарский проект»: новые исследования на юге Восточной Европы // Дивногорский сборник. Вып. 1. Археология. Воронеж, 2009.

Петрухин, Флёров, 2009. – Петрухин В.Я., Флёров В.С. Иудаизм в Хазарии по данным археологии // История еврейского народа в России. Том 1. От древности до нового времени. Иерусалим–М., 2009.

Пигулевская, 2011. – Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2011.

Пиери, 1994. – Пиери Д. Импорт восточномедиземноморских амфор в Галлию (V–VII вв.): состояние исследований // Тезисы международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)». Симферополь, 1994.

Плетнёва, 1959. – Плетнёва С.А. Керамика Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II. МИА. 1959. № 75.

Плетнёва 1963. – Плетнёва С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

Плетнёва, 1966. – Плетнёва С.А. Кочевые народы VII–XIII вв. // История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966.

Плетнёва, 1967. – Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 142.

Плетнёва, 1968А. – Плетнёва С.А. Отчет о работе средневекового отряда Фанагорийской экспедиции на участках XX–XXII Центрального раскопа в 1968 году // Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанагории в 1968 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 3761.

Плетнёва, 1976. – Плетнёва С.А. Хазары. М., 1976. 2-е изд.: М., 1986.

Плетнёва, 1980. – Плетнёва С. Древните българи в Източна Европа // Известия на Българското историческо дружество. 1980. Кн. XXIII. София.

Плетнёва, 1981а. – Плетнёва С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. 2. Прабългарската култура: Материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София, 1981.

- Плетнёва, 1981б.* – Плетнёва С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Плетнёва, 1982.* – Плетнёва С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнёва, 1989.* – Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Плетнёва, 1994а.* – Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городища. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Плетнёва, 1994б.* – Плетнёва С.А. О домашних оберегах в Саркеле–Белой Веже // РА. 1994. № 1.
- Плетнёва, 1996.* – Плетнёва С.А. Саркел и «Шелковый путь». Воронеж, 1996.
- Плетнёва, 1997.* – Плетнёва С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. 1997. № 1. Казань.
- Плетнёва, 1999.* – Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М., 1999.
- Плетнёва, 2002.* – Плетнёва С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // ХА. 2002. Том 1.
- Плетнёва, 2003а.* – Плетнёва С.А. Фанагория / Города Таманского полуострова в конце VIII–XII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.
- Плетнёва, 2003б.* – Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века. Воронеж, 2003.
- Плетнёва, 2006.* – Плетнёва С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж, 2006.
- Плетнёв, 2007.* – Плетнёв В. Турски фаянс от Варна // «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.». II международная научная конференция. Тезисы конференции. Ялта, 2007.
- Плохов, 2009.* – Плохов А.В. Уникальная керамическая находка с Рюрикова городища // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009.
- Подгаецкий, 1931А.* – Подгаецкий Ю.В. Дневник Фанагорийского отряда Таманской экспедиции ГАИМК 1931 г. / Архив ИИМК. Ф. 2. № 862.
- Полканов, Шутов, 2004.* – Полканов Ю.А., Шутов Ю.И. Колодцы Мангуп-Кале и Судакской крепости // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Часть II. Киев; Судак, 2004.
- Полякова, 1996.* – Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Пономарев, 2003.* – Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. 2003. Вып. III.
- Пономарев, 2005.* – Пономарев Л.Ю. Глиняные лепешки с солярно-небесной символикой из салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Символ в религии и философии. Севастополь, 2005.

Пономарев, 2007. – Пономарев Л.Ю. Лощеная керамика салтово-маяцких поселений на городище Тиритака и в окрестностях пос. Эльтиген // Боспорские чтения. Вып. VIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.

Пономарев, 2011. – Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // Боспорские чтения. Вып. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.

Пономарев, 2012. – Пономарев Л.Ю. Жилища салтово-маяцких поселений в окрестностях поселка Эльтиген (Керченский полуостров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 9. Хазарское время. Донецк, 2012.

Пономарев, Бейлин, 2005. – Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В. Византийские амфоры со дна Керченского пролива // БИ. 2005. Вып. VIII.

Пономарев, Пономарева, 2010. – Пономарев Л.Ю., Пономарева И.А. Редкие формы салтово-маяцкой nelloщенной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев; Судак.

Потапова, Прокофьев, 2009. – Потапова Ю.Б., Прокофьев Р.В. Два идентичных салтово-маяцких комплекса из Нижнего Подонья // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 9. Одесса, 2009.

Поповић, 1988. – Поповић М. Светинья, нови подаци о рановизантијском Виминацијуму // Старинар. XXXVIII. Београд, 1988.

Придик, 1917. – Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917.

Приймак, 1997. – Приймак Ю.В. К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX вв.). Армавир, 1997.

Приходнюк, 2002. – Приходнюк О.М. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // ХА. 2002. Том 1.

Прокопенко, 1999а. – Прокопенко Ю.А. К вопросу о чеканке в VII в. золотых подражаний византийским монетам в районе р. Сулак (Дагестан) // Седьмая ВНК. Ярославль, 19–23 апреля 1999 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1999.

Прокопенко, 1999б. – Прокопенко Ю.А. О чеканных золотых подражаниях византийским монетам из Верхнечирюртовского могильника (район р. Сулак – Дагестан) // III Минаевские чтения. Материалы научной конференции. Ставрополь, 1999.

Пьянков, 2001. – Пьянков А.В. Клад византийских бронзовых монет VI века найденный на Тамани в 1995 году // Музейный вестник (к 25-летию музея-заповедника). Краснодар, 2001.

Пятышева, 1939А. – Пятышева Н.В. Отчет о раскопках в 1939 г. городища Фанагория / Архив ИИМК. Ф. 35. №№ 179, 180.

Пятышева, 1960. – Пятышева Н.В. Отчет о раскопках Государственного исторического музея в Фанагории в 1939 г. // Археологический сборник / Труды ГИМ. 1960. Вып. 37. М.

Рашев, 2000, 2004, 2007а. – Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. В. Търново, 2000. 2-е доп. изд.: София, 2004. 4-е доп. изд.: В. Търново, 2007.

Рашев, 2007б. – Рашев Р. Болгары и хазары в VII веке // Проблемы на прабългарската история и култура. 4-1. София, 2007.

Рашковский, 2012. – Рашковский Б.Е. О плите с еврейской символикой из окрестностей поселка Переволочный Ерик в дельте реки Дон // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 9. Хазарское время. Донецк, 2012.

Резник, Марков, 2001. – Резник Л.И., Марков Д.Б. «Таманские подражания» византийским милиарисиям и поиск путей датировки подражательных эмисий // Девятая ВНК. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001.

Романчук, 1981. – Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // Античный и средневековый город. АДСВ. 1981. Вып. 18.

Романчук, 1983а. – Романчук А.И. Граффити на средневековых амфорах из Портового района Херсонеса // Развитие феодализма в центральной и юго-восточной Европе. АДСВ. 1983. Вып. 20.

Романчук, 1983б. – Романчук А.И. Об этнической принадлежности некоторых памятников юго-западного Крыма (по материалам раскопок храма и могильника на поселении под Баклой) // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983.

Романчук, 1986. – Романчук А.И. Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. 1986. № 4.

Романчук, 2004. – Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.

Романчук, 2007. – Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Часть 2. Византийский город. Екатеринбург, 2007.

Романчук, Белова, 1987. – Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // Проблемы идеологии и культуры. АДСВ. 1987. Вып. 23.

Романчук, Рудаков, 1975. – Романчук А.И., Рудаков В.Е. Керамический комплекс IX–X веков Баклинского городища // СА. 1975. № 2.

Романчук, Седикова, 1991. – Романчук А.И., Седикова Л.В. “Темные века” и Херсон. Проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. Киев, 1991.

Романчук и др., 1995. – Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова А.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона // Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки. Часть 2. Екатеринбург, 1995.

Ромашов, 1994. – Ромашов С.А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // АЕМА. Vol. VIII. 1992–1994. 1994.

Ромашов, 2001. – Ромашов С.А. Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) / Введение / Глава I. Источники и историография / Глава II. Появление хазар. Возникновение хазарского каганата и формирование его территории // АЕМА. Vol. 11 (2000–2001). 2001.

Ромашов, 2003. – Ромашов С.А. Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) / Глава III. Территория Хазарского каганата в период расцвета (VIII–IX вв.) // АЕМА. Vol. 12 (2002–2003). 2003.

Ромашов, 2004. – Ромашов С.А. Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) / Глава IV. Города Хазарского каганата / Глава V. Распад Хазарского каганата // АЕМА. Vol. 13 (2004). 2004.

Рона-Таш, 2005. – Рона-Таш А. Хазары и мадьяры // Хазары. Иерусалим-М., 2005.

Ростовцев, 1925. – Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.

Рудаков, 1984. – Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. // Античная и средневековая идеология. АДСВ. 1984. Вып. 21.

Рудаков, Цибульникова, 1982. – Рудаков В.Е., Цибульникова В.А. К характеристике металлических изделий из раскопок Баклинского городища // Византия и ее провинции. АДСВ. 1982. Вып. 19.

Руденко, 2005. – Руденко К.А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань, 2005.

Рыбаков, 1956. – Рыбаков Б.А. Средневековая литейная форма из Фанагории // Фанагория. МИА. 1956. № 57.

Рыжов, Седикова, 1999. – Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X века из раскопок квартала X “Б” северного района Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. X.

Рыжова, 1982. – Рыжова Л.А. Гончарная печь VIII–IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // Византия и ее провинции. АДСВ. 1982. Вып. 19.

Рябцева, 2010. – Рябцева С.С. О «гроздевидных» украшениях // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. СПб., 2010.

Сагайдак, 1991. – Сагайдак М.А. Давньо-Київський поділ. Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991.

Сазанов, 1986. – Сазанов А.В. Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов III конференции молодых ученых. М., 1986.

Сазанов, 1989. – Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.

Сазанов, 1991а. – Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II.

Сазанов, 1991б. – Сазанов А.В. Боспор у ранньовізантійський час // Археологія. 1991. № 2. Київ.

Сазанов, 1992. – Сазанов А.В. Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючої хвилі (IV–VII ст. н. е.) // Археологія. № 1. Київ, 1992.

Сазанов, 1993. – Сазанов А.В. К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Сазанов, 1994. – Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Сазанов, 1998. – Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. 1998. Вып. V.

Сазанов, 1999а. – Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1999.

Сазанов, 1999б. – Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. 1999. Вып. VII.

Сазанов, 2000. – Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 2000. Вып. 3.

Сазанов, 2001. – Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // БИАС. 2001. Вып. 2.

Сазанов, 2002а. – Сазанов А.В. Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII вв. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев; Судак, 2002.

Сазанов, 2002б. – Сазанов А.В. О хронологии амфор IV–V вв. из Северного Причерноморья // Археологія. № 4. Київ, 2002.

Сазанов, 2008. – Сазанов А.В. Боспор и гунны // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М., 2008.

Сазанов, 2012. – Сазанов А.В. Азиатский Боспор в позднеримское время // ISEUM. Сборник статей, посвященный истории, религии и культуре Древнего мира. М., 2012.

Сазанов, Иващенко, 1989. – Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев Боспора // СА. 1989. № 1.

Сазанов, Могаричев, 2002. – Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII–начале VIII вв. // ПИФК. 2002. Вып. XII.

Сазанов, Могаричев, 2006а. – Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. (по данным письменных источников) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. Труды ГИМ. Вып. 159. М., 2006.

Сазанов, Могаричев, 2006б. – Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазарский каганат в конце VII – середине VIII вв. // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С. 195.

Сазанов, Могаричев, 2008. – Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. 2008. Вып. XXI.

Сазанов, Могаричев, 2012. – Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К дискуссии о так называемом походе Песаха в Крым: археологический аспект // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Археологический альманах. № 28. Донецк, 2012.

Сазанов, Мокроусов, 1996. – Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. 1996. Вып. III.

Сазанов, Мокроусов, 1999. – Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс (Восточный Крым) // ПИФК. 2000. Вып. VII.

Сазанов, Ченцова, 1996. – Сазанов А.В., Ченцова В.Г. Рецензия на кн.: Причерноморье в средние века. М., 1991 // МАИЭТ. 1996. Вып. V.

Самойленко, 2010. – Самойленко В.Г. Археологические исследования куртины 19 оборонительных сооружений Херсонеса в 2008 году // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.

Сапрыкин, 2002. – Сапрыкин С.Ю. Боспорские царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

Седикова, 1995а. – Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2.

Седикова, 1995б. – Седикова Л.В. Керамический комплекс 2-й половины IX в. из цитадели в Херсонесе // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

Седикова, 1995в. – Седикова Л.В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. 1995. Вып. IV.

Семенов, 1993. – Семенов А.И. О датирующих способностях византийских солидов VII–VIII вв. // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1993.

Семенов, 1996. – Семенов А.И. «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата // Четвертая ВНК. Дмитров, 22–26 апреля 1996 г. Тезисы докладов. М., 1996.

Семенов, 2010. – Семенов И.Г. Держава Кубрата – болгарская или унно-гундурская? // «Творчество Леонида Ивановича Лаврова (1909–1982) и история этнографических исследований на Кубани» (к 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного этнографа). Материалы круглого столасеминара. Краснодар, 2010.

Семенов, 1959. – Семенов С.А. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II. МИА. 1959. № 75.

Сергеев, 2001. – Сергеев А.Я. Варварский чекан на Тамани // Нумизматика в историческом музее. Труды ГИМ. Вып. 115. М., 2001.

Сергеев, 2012. – Сергеев А.Я. Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции А.Я. Сергеева в ГИМ. М., 2012.

Сидоренко, 2002. – Сидоренко В.А. Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // МАИЭТ. 2002. Том IX.

- Смирнов, 1937А.* – Смирнов А.П. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Государственного исторического музея в 1937 году / Архив ИИМК. Ф. 2. №№ 236, 286, 288.
- Смирнов, 1958.* – Смирнов А.П. К вопросу об истоках Приазовской Руси // СА. 1958. № 2.
- Смирнов, 1966.* – Смирнов А.П. Кочевники IV–VII вв. н.э. // История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966.
- Смокотина, 2008.* – Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
- Созюмов, 1967.* – Созюмов М.Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // ВВ. 1967. Том XXVII.
- Соколова, 1969.* – Соколова И.В. Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму // ВВ. 1969. Том XXIX.
- Сокольский, 1963а.* – Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1.
- Сокольский, 1963б.* – Сокольский Н.И. Раскопки городища Кепы в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95.
- Сокольский, 1964.* – Сокольский Н.И. Погребение V в. в Кепях // СА. 1964. № 4.
- Сокольский, 1966.* – Сокольский Н.И. Ильичевское городище // СА. 1966. № 4.
- Сокольский, 1967.* – Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109.
- Сокольский, 1968.* – Сокольский Н.И. Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968.
- Сокольский, 1969.* – Сокольский Н.И. О гончарном производстве в Азиатской части Боспора // КСИА. 1969. Вып. 116.
- Соломоник, 1993.* – Соломоник Е.І. Надписи на крымських амфорах перших століть нашої ери // Археологія. 1993. № 2. Київ.
- Соломоник, 1994.* – Соломоник Э.И. Новая находка в Крыму плиты с изображением семисвечника // Крымский музей. 1994. № 1. Симферополь.
- Соломоник, 1997.* – Соломоник Э.И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997.
- Сорокина, 2001.* – Сорокина И.А. Курганные могильники Закубанья. Краснодар, 2001.
- Сорокина, 1963.* – Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Сорокина, 1969.* – Сорокина Н.П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
- Сорокина, 1971.* – Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4.

Сорочан, 1999. – Сорочан С.Б. Светильник и свеча в ранней Византии, или две эпохи осветительных приборов // Древности. 1997–1998. Харьков, 1999.
Сорочан, 2002. – Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. 2002. Вып. XII.

Сорочан, 2004а. – Сорочан С.Б. Об *opus spicatum* и населении Таврики // ХА. 2006. Том 3.

Сорочан, 2004б. – Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. 2004. Вып. V.

Сорочан, 2004в. – Сорочан С.Б. Судья в “Темные века” // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.

Сорочан, 2005а. – Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Части 1 и 2. Харьков, 2005.

Сорочан, 2005б. – Сорочан С.Б. К исторической географии Хазарского каганата: Пространственные пределы юго-западной границы в VII в. // ХА. 2005. Том 4.

Сорочан, 2006. – Сорочан С.Б. К вопросу о юго-западных пространственных пределах Хазарского каганата в VII в. // ВЕДС. XVIII. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. 2006.

Сорочан, 2007а. – Сорочан С.Б. Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // ХА. 2007. Том 6.

Сорочан, 2007б. – Сорочан С.Б. О политическом статусе Таврики во второй половине VI – первой половине VII вв. // ВЕДС. XIX Политические институты и верховная власть. 2007.

Степанов, 1995. – Степанов Ц. О локализации «Великой Болгарии» Кубрата // Bulgarian Historical Review. № 2. Sofia, 1995.

Станчев, 1955. – Станчев С. Разкопки и новооткрыти материалы в Плиска през 1948 г. // Известия на археологическия институт. Том XX. София, 1955.

Станчева, 1981. – Станчева М. Вила рустика в кв. Обеля в София // Археология. 1981. № 1-2. София.

Строков, 2009а. – Строков А.А. Население Азиатского Боспора в позднеантичную эпоху // Боспорские чтения. Вып. X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.

Строков, 2009б. – Строков А.А. Ременные гарнитуры гуннской эпохи Азиатского Боспора // БИ. 2009. Вып. XXI.

Суриков, 2012. – Суриков И.Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. Том 16.

Сысоев, 1898. – Сысоев В.М. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VII. М., 1898.

Талис, 1982. – Талис Д.Л. Керамический комплекс Баглинского городища как источник по этнической истории горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Часть 2. Труды ГИМ. 54. М., 1982.

Тарабанов, 1983. – Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983.

Тарабанов, 1993. – Тарабанов В.А. Поселение болгар на правом берегу Кубани // Древности Кубани и Черноморья. I. Краснодар, 1993.

Таскаев, 1991А. – Таскаев В.Н. Отчет о работе Таманского подводного археологического отряда в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 16027.

Таскаев, 2009. – Таскаев В.Н. Античная подводная археология Северного Причерноморья. М., 2009.

Таскаев, Чхаидзе 2007. – Таскаев В.Н., Чхаидзе В.Н. Подводный комплекс раннесредневековых амфор из Кеп // ДБ. 2007. Том 11.

Тахтай, 1948. – Тахтай А.К. Раскопки херсонесского некрополя в 1937 году // ХСб. Вып. IV. 1948.

Теліженко, 2012. – Теліженко С.А. Дослідження на місці Сотера // Археологічні дослідження в Україні 2011. Київ, 2012.

Тесленко, Лысенко, 2005. – Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Археологические разведки на территории Ялтинского горсовета в 2004 г. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005.

Тизенгаузен, 1873. – Тизенгаузен В. Монеты восточного халифата. СПб., 1873.

Тихонова, 2007. – Тихонова Т.С. Вечный дуэт двух городов // Археологические открытия на Кубани в 2005–2006 гг. Краснодар, 2007.

Тортика, 2006. – Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харьков, 2006.

Тотев, Пелевина, 2009. – Тотев Б., Пелевина О. Археологические данные о контактах населения Хазарского каганата и дунайских болгар // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. Хазарское время. Донецк. 2009.

Тохтасьев, 2012. – Тохтасьев С.Р. Из комментариев к Константину Багрянородному // Письменные памятники Востока. 2012. № 1 (16). М.

Тыпкова-Заимова, 1991. – Тыпкова-Заимова В. Южные славяне, протоболгары и Византия. Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII–IX вв. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991.

Тыпкова-Заимова, 1992. – Тыпкова-Заимова В., Павлов П. Българите по Северното Причерноморие до X в. // БСП. 1992. Том I.

Тыпкова-Заимова, Павлов, 1993. – Тыпкова-Заимова В., Павлов П. Северните “варвари” и Черноморието (уседналите и номадските народи в Югоизточна Европа и връзката им Черно море) // БСП. 1993. Том II.

Тункина, 2002. – Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб., 2002.

Тункина, 2010. – Тункина И.В. История изучения // Античное наследие Кубани. Том I. М., 2010.

Успенский, 1952. – Успенский В.А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // Боспорские города. I. МИА. 1952. № 25.

Усачева, 1979А. – Усачева О.Н. Отчет о результатах раскопок Западного некрополя Фанагории в 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8036.

Устаева, Чхаидзе, 2005. – Устаева Э.Р., Чхаидзе В.Н. Новая группа таманских подражаний моливдовулу Василия II и Константина VIII (976–1025) // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.

Ушаков, 2008. – Ушаков С.В. О стратиграфии и хронологии позднеантичных и средневековых слоев Херсонеса Таврического // Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко. Симферополь, 2008.

Ушаков, 2010а. – Ушаков С.В. Базилика «Крузе» в Херсонесе: результаты исследований 2005–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев, 2010.

Ушаков, 2010б. – Ушаков С.В. Когда были сооружены могилы в нартексе Базилики «Крузе» в Херсонесе? // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев; Судак, 2010.

Ушаков и др., 2006а. – Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В. Керамический комплекс из засыпи цистерны V–VI вв. в ХСVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. Вып. XV. 2006.

Ушаков и др., 2006б. – Ушаков С.В., Макаев И.И., Струкова Е.В. Цистерны и колодцы античного и византийского города: конструкция, комплексы находок и хронология (на примере ХСVII квартала северо-восточного района Херсонеса) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции. Том II. Киев; Судак, 2006.

Ушаков и др., 2010. – Ушаков С.В., Макаев И.И., Струкова Е.В. Цистерны и колодцы античного и византийского города: конструкция, комплексы находок и хронология (на примере ХСVII квартала северо-восточного района Херсонеса) // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев; Судак, 2010.

Фанагория, 2008. – Фанагория. По материалам Таманской экспедиции Института археологии РАН. Под редакцией В.Д. Кузнецова. М., 2008.

Фёдоров, Фёдоров, 1978. – Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (историко-этнографические очерки). М., 1978.

Федоров-Давыдов, 1960. – Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. 1960. Том I.

Финогенова, 1987. – Финогенова С.И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. 1987. № 2.

Финогенова и др., 2010. – Финогенова С.И., Ильина Т.А., Чхаидзе В.Н. Новейшие результаты исследований на Таманском городище и некрополе // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев, 2010.

Флёров, 1970А. – Флёров В.С. Отчет о работе средневекового отряда Фанаторийской экспедиции на участках XI, XIX–XXII Центрального раскопа в 1970 году // Кобылина М.М. Отчет о раскопках Фанатории 1970 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4420.

Флёров, 1972. – Флёров В.С. Орудия VIII–IX вв. для орнаментации керамики // СА. 1972. № 3.

Флёров, 1981. – Флёров В.С. Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска-Преслав, 2. Прабългарската култура: Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София, 1981.

Флёров, 1994. – Флёров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.

Флёров, 2001. – Флёров В.С. Лощенные миски, блюда, чаши и кубышки Хазарского каганата // БИ. 2001. Вып. 1.

Флёров, 2005. – Флёров В.С. Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект проблемы // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.

Флёров, 2007. – Флёров В.С. «Города» Хазарии. Что это такое? // Проблемы на прабългарската история и култура. 4-1. София, 2007.

Флёров, 2009а. – Флёров В.С. Лепные горшки, котлы и другие виды керамики как индикаторы салтово-маяцкой культуры // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ, Г.А. Федорова-Давыдова / Донские древности. Вып. 10. Азов, 2009.

Флёров, 2009б. – Флёров В.С. Обоженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. Хазарское время. Донецк, 2009.

Флёров, 2011. – Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2011.

Флёров, 2012. – Флёров В.С. Почему иудаизм не получил распространения в Хазарском каганате (в поисках ответа) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 9. Хазарское время. Донецк, 2012.

Флёров, Ермаков, 2010. – Флёров В.С., Ермаков С.Н. Восточная стена Правобережной Цимлянской крепости, могильник у х. Овчинников. Четвертый-пятый полевые сезоны экспедиции «Хазарский проект» // ИАИАИАНД в 2007–2008 гг. 2010. Вып. 24.

Флёров, Чхаидзе, 2007. – Флёров В.С., Чхаидзе В.Н. Глиняный «жертвенник» начала VIII в. из Фанатории // Боспорские чтения. Вып. VIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.

Флёрова, 1997. – Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997.

Флёрова, 2001. – Флёрова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела–Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2001.

Фомин, 2009. – Фомин М.В. О внутригородских кладбищах византийского Херсона // Дриновский сборник. Том III. Харьков; София, 2009.

Фролова, 1981. – Фролова Н.А. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 г. // ВДИ. 1981. №1.

Фролова, 1998. – Фролова Н.А. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. 1998. № 1.

Фролова, Николаева, 1978. – Фролова Н.А., Николаева Э.Я. Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. 1978. Том 39.

Фронджуло, 1968. – Фронджуло М.А. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.

Харко, 1968. – Харко Л.П. Монетные находки из Фанагории // Сообщения ГМИИ. Том IV. М., 1968.

Хвольсон, 1884. – Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей в Крыму. СПб., 1884.

Хотелашвили, Якобсон, 1984. – Хотелашвили М.К., Якобсон А.Л. Византийский храм в селе Дранда // ВВ. 1984. Том 45.

Храпунов, 2002. – Храпунов Н.И. К дискуссии о «надписи Дуптуна» // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Часть 1. СПб., 2002.

Храпунов, 2003. – Храпунов Н.И. О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Vita Antiqua. № 5-6. Київ, 2003.

Храпунов, 2004а. – Храпунов Н.И. Администрация византийского Боспора в VI веке // Боспорские чтения. Вып. V. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004.

Храпунов, 2004б. – Храпунов Н.И. Некоторые особенности развития византийской администрации Херсона // ПИФК. 2004. Вып. XIV.

Хрушкова, 2002. – Хрушкова Л.Г. Христианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002.

Цветаева, 1966. – Цветаева Г.А. Фанагория. Керамическое производство // Керамическое производство и античные керамические материалы / САИ. Г1-20. М., 1966.

Цукерман, 1997. – Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсон // БИАС. 1997. Вып. 1.

Цукерман, 1998. – Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.

Чангова, 1959. – Чангова Й. Средновековни амфори в България // Известия на Археологическия институт. Книга XXII. София, 1959.

Чангова, 1966. – Чангова Й. Разкопки на Ловешката крепост // Археология. 1966. Кн. 2. София.

Чичуров, 1976. – Чичуров И.С. Экскурс Феофана о протоболгарах // ДГ. 1975 г. 1976.

Чичуров, 1980. – Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М., 1980.

Чуистова, 1959. – Чуистова Л.И. Новые находки из некрополей Керченского полуострова // Некрополи Боспорских городов. МИА. 1959. № 69.

Чухаркин, 2000. – Чухаркин А.Л. О технологии производства пифоса из Горькой Балки // Седьмые чтения по археологии Средней Кубани. (Краткое содержание докладов). Армавир, 2000.

Чхаидзе, 2004а. – Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения Таманского городища // ДБ. 2004. Том 7.

Чхаидзе, 2004б. – Чхаидзе В.Н. Народное жилище в станице Тамань (XIX – первая половина XX в.) // ЭО. 2004. № 3.

Чхаидзе, 2005а. – Чхаидзе В.Н. Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // ДБ. 2005. Том 8.

Чхаидзе, 2005б. – Чхаидзе В.Н. Протоболгары на Таманском полуострове? // Боспорские чтения. Вып. VI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005.

Чхаидзе, 2005в. – Чхаидзе В.Н. Бул-ш-ци Песах «Кембриджского документа» и вопрос о локализации Черной Булгарии сочинения Константина Багрянородного и «Повести временных лет» // Проблемы всеобщей истории. Вып. 10. Армавир, 2005.

Чхаидзе, 2006а. – Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология Евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетнёвой. Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3. М.; Йошкар-Ола, 2006.

Чхаидзе, 2006б. – Чхаидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. 2006. Том 10.

Чхаидзе, 2006в. – Чхаидзе В.Н. Погребальные памятники эпохи средневековья с территории Таманского полуострова // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006.

Чхаидзе, 2006г. – Чхаидзе В.Н. Стелы с иудейской символикой в погребениях с Таманского полуострова // Археология, этнография и краеведение Кубани. (14-я конференция). Армавир; Краснодар, 2006.

Чхаидзе, 2006д. – Чхаидзе В.Н. Рецензия на: Гадло А.В. “Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжения на Северном Кавказе”. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 362 с. // РА. 2006. № 4.

Чхаидзе, 2007. – Чхаидзе В.Н. Гермонасса–Томы–Таматарха: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре // АВ. Вып. 14. 2007.

Чхаидзе, 2008а. – Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.

Чхаидзе, 2008б. – Чхаидзе В.Н. Высокогорные кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008.

Чхаидзе, 2008в. – Чхаидзе В.Н. Кочевнические погребения из раскопок Старотитаровского II курганного могильника на Таманском полуострове // Археологический журнал. № II. Армавир, 2008.

Чхаидзе, 2008г. – Чхаидзе В.Н. Мусульманский могильник у пос. Красноармейский на Таманском полуострове // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008.

Чхаидзе, 2009а. – Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения из раскопок Фанагории // Боспорские чтения. Вып. X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.

Чхаидзе, 2009б. – Чхаидзе В.Н. Таманское городище. Строительная техника и строительные материалы VII–X вв. // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009.

Чхаидзе, 2009в. – Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения Таманского городища (работы 2007 г. на «Западном» некрополе) // ИАА. 2009. Вып. 9.

Чхаидзе, 2010. – Чхаидзе В.Н. Раннесредневековые кочевнические погребения из курганного могильника Лебеди I в Восточном Приазовье // Археологический журнал. № III-IV. Армавир, 2010.

Чхаидзе, 2011. – Чхаидзе В.Н. Раннесредневековые кочевнические погребения из Восточного Приазовья // МИАСК. 2011. Вып. 12.

Чхаидзе, 2012а. – Чхаидзе В.Н. К вопросу о присутствии протоболгар на территории Таманского полуострова в конце VI – конце VII вв. и о “столице” Великой Болгарии – Фанагории // Дриновский сборник. Том V. Харьков; София, 2012.

Чхаидзе, 2012б. – Чхаидзе В.Н. Раннесредневековые курганы из могильника Кузнецовский I // ИАИАИАНД в 2010 г. Вып. 26. Азов, 2012.

Чхаидзе, Атавин, 2005. – Чхаидзе В.Н., Атавин А.Г. Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.) // МИАСК. 2005. Вып. 5.

Шавырина, 1983. – Шавырина Т.Г. Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. // КСИА. 1983. Вып. 174.

Шавырина, 2010. – Шавырина Т.Г. О некоторых сакральных символах в погребальных памятниках первых веков нашей эры (на материале некрополя Фанагории) // GAUDEAMUS IGITUR: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010.

Шалобудов, 1998. – Шалобудов В.Н. К вопросу использования обрезанных античных монет на Боспоре // Проблеми археології Подніпров'я. Вип. 1. Дніпропетровськ, 1998.

Шалобудов, 1999. – Шалобудов В.Н. Вторичное использование античных монет в средневековой метрологии // Матеріали міжнародної конференції “Етнічна історія та культуранаселення степу та лісостепу Євразії (від кам’яного віку по ранне середньовіччя)”. Дніпропетровськ, 1999.

Шаманаев, 1997. – Шаманаев А.В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсоне: по материалам раскопок Портового квартала 2 // АДСВ. 1997. Вып. 28.

Шамяков, 2011. – Шамяков Ю. «Джагфар тарихы»: как изобреталось болгарское самосознание // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011.

Шамрай, Духін, 1997. – Шамрай А., Духін О. Ювілірний центр на Сіверському Дінці // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Тези доповідей. Київ, 1997.

Шапира, 2009. – Шапира Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего средневековья // История еврейского народа в России. Том 1. От древности до нового времени. Иерусалим; М., 2009.

Шелов, 1962. – Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ. 1962. Том III.

Шене, 2000. – Шене Ж.-К. Поздний архонт: пример из Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.

Шестаков, 2011. – Шестаков С.А. К вопросу об иудейской общине в Пантикапее // Боспорские чтения. Вып. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.

Шилик, 1982А. – Шилик К.К. Отчет о работе Боспорского подводно-археологического отряда в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9296.

Шишлов, 2007. – Шишлов А.В. Поселение у балки Лисовицкого // Археологические открытия на Кубани в 2005–2006 гг. Краснодар, 2007.

Шкорпил, 1914. – Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в Керчи в 1920 г. // ИАК. 1914. Вып. 40.

Шрамко, 1959. – Шрамко Б.А. Кераміка салтівської культури // Ученіе записки Харківського державного університету. Том С (100). Харків, 1959.

Щапова, 1963. – Щапова Ю.Л. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

Щапова, 1998. – Щапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998.

Яйленко, 2010. – Яйленко В.П. Христианские и парохристианские надписи Боспора IV–VI вв. // ДБ. 2010. Том 14.

Якобсон, 1950. – Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / МИА. 1950. № 17.

Якобсон, 1951. – Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. 1951. Том XV.

Якобсон, 1954а. – Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Том XXI.

- Якобсон, 1954б.* – Якобсон А.Л. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму // КСИИМК. 1954. Вып. 54.
- Якобсон, 1955.* – Якобсон А.Л. Средневековые гончарные печи в районе Судака. (По раскопкам 1953 г.) // КСИИМК. 1955. Вып. 60.
- Якобсон, 1958.* – Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. МИА. 1958. № 85.
- Якобсон, 1959.* – Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры / МИА. № 63. М.-Л., 1959.
- Якобсон, 1964.* – Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры. М.-Л., 1964.
- Якобсон, 1966.* – Якобсон А.Л. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 1966. № 2.
- Якобсон, 1970.* – Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики / МИА. № 168. Л., 1970.
- Якобсон, 1979.* – Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Яшаева, 1999.* – Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеяском полуострове // ХСб. 1999. Вып. X.
- Abadie-Reynal, 1989.* – Abadie-Reynal C. Les amphores protobyzantines d'Argos (IVe–VIe siècles) // Recherches sur la Céramique Byzantine. BCH. 1989. Suppl. XVIII.
- Abadie-Reynal, 1999.* – Abadie-Reynal C. Les amphores Romaines en Mer Noire (Ier – IVe s.) // Production et Commerce des Amphores Anciennes en mer Noire. Aix-de-Provence, 1999.
- Abramzon, 2011.* – Abramzon M. The Roman and early Byzantine coins from the 1988, 2005–2010 excavations at Phanagoria // Phanagoreia, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxienos. Göttingen, 2011.
- Adan-Bayewitz, 1986.* – Adan-Bayewitz D. The pottery from the Late Byzantine Building (Stratum 4) and its Implications // Levine L.I., Netzer E. Excavations at Caesarea Maritima 1975, 1976, 1979. Final Report. Jerusalem, 1986.
- Akkaya, 1999.* – Akkaya M. Les amphores du musée de Samsun // Production et Commerce des Amphores Anciennes en mer Noire. Aix-de-Provence, 1999.
- ‘Amr, Schick, 2001.* – ‘Amr K., Schick R. The Pottery from Humeina: The Closed Corpus from the Lower Church // La Céramique Byzantine et proto-islamique en Syrie-Jordanie (IVe–VIIIe siècles apr. J.-C.). Beyrouth, 2001.
- Αντωνάρας, 2006.* – Αντωνάρας Α. Γυάλινα Μεσοβυζαντινά Βραχιόια. Συμβολή σε θέματα διάδοσης, παραγωγής, τιπολογίας και χρήσης // Δελτίο της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. Τόμος ΚΖ. Αθήνα, 2006.
- Antonaras, 2012.* – Antonaras A.C. Middle and Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region // Byzantine Small Finds in Archeological Contexts. BYZAS 15. İstanbul, 2012.

Arthur, 1989. – Arthur P. Aspects of Byzantine Economy: an Evaluation of Amphora Evidence from Italy // *Recherches sur la Céramique Byzantine*. BCH. 1989. Suppl. XVIII.

Arthur, 2007. – Arthur P. Byzantine and Turkish glazed ceramics in southern Apulia, Italy // *Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archeological Contexts*. BYZAS 7. Basel, 2007.

Atik, 2009. – Atik Ş. Late Roman / Early Byzantine Glass from the Marmaray Rescue Excavations at Yenikapı in Istanbul // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009.

Augenti, 2006. – Augenti A. Ravenna e Classe: archeologia di due città tra la tarda antichità e l'alto medioevo // *Le città italiane tra la tarda antichità e l'alto medioevo*. Atti del convegno (Ravenna 26–30 febbraio 2004). Firenze, 2006.

Augenti, Cirelli, 2010. – Augenti A., Cirelli E. Classe: osservatorio privilegiato per il commercio della tarda Antichità // *LRCW 3 Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean*. Vol. II. *British Archaeological Reports. International Series*. 2185 (II). Oxford, 2010.

Aupert, 1980. – Aupert P. Objets de la vie quotidienne a Argos en 585 Ap. J.-C. // BCH. 1980. Suppl VI.

Baghatura-Kner, 2009. – Baghatura-Kner E. Late Antique / Early Byzantine Glass Vessels from the Cemeteries of Kodori and Machara Valleys (Georgia) // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009.

Ballance etc., 1989. – Ballance M., Boardman J., Corbett S., Hood S. Excavations in Chios. 1952–1955. *Byzantine Emporio*. Oxford, 1989.

Baranov, 1990. – Baranov I.A. Die keramik der Saltovo-Majaki-Kultur in der Krim // *Die keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten*. *Varia Archaeologica Hungarica*. III. Budapesht, 1990.

Bass, 1982. – Bass G. The Pottery // *Yassi Ada*. Vol. I. A Seventh Century Byzantine Shipwreck. Texas, 1982.

Biers, 1985. – Biers J.C. The Great Bath on the Lechaion Road / Corinth. Vol. XVII. Princeton, 1985.

Bjelajac, 1996. – Bjelajac L. Amfore gornjo Mezijskog Podunavlja. Beograd, 1996. Blackley, 1988. – Blackley J.A. Ceramics and Commerce: Amphorae from Caesarea Maritima // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. Vol. 271. Boston, 1988.

Bonifay, 1987. – Bonifay M. Observations sur les amphores tardives Marseille d'après les fouilles de la Bourse (1980–1984) // *Revue archéologique de Narbonnaise*. Tome 19. Paris, 1987.

Bonifay, Piéri, 1995. – Bonifay M., Piéri D. Amphores du Ve au VIIe s. à Marseille: nouvelles données sur la typologie et le contenu // *Journal of Roman Archaeology*. 1995. Vol. 8. Portsmouth.

Bonifay, Villedieu, 1989. – Bonifay M., Villedieu F. Importations d'amphores orientales en Gaule (Ve–VIIe siècle) // *Recherches sur la Céramique Byzantine*. BCH. 1989. Suppl. XVIII.

Böhlendorf-Arslan, 2007. – Böhlendorf-Arslan B. Stratified Byzantine Pottery from the City Wall in the Southwestern Sector of Amorium // Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archeological Contexts. BYZAS 7. Basel, 2007.

Borisov, 2010. – Borisov B.D. Dyadovo. Vol. 2. The Sanctuary of the Thracian Horseman and The Early Byzantine fortress. Varna, 2010.

Böttger, 1982. – Böttger B. Die Gefabkeramik aus dem Kastell Iatrus / Iatrus-Krivina. Bd. II. Ergebnisse der Ausgrabungen 1966-1973 // Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike. 17. Berlin, 1982.

Brukner, 1981. – Brukner O. Rimska keramika u Jugoslovenscom Delu Provincije Donie Pannonij. Beograd, 1981.

Canav Özgümüş, 2009. – Canav Özgümüş Ü. Late Roman / Early Byzantine Glass from the Marmaray Rescue Excavations at Sirkeci, Istanbul // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. Izmir, 2009.

Cirelli, Fontana, 2009. – Cirelli E., Fontana S. Le produzioni ceramiche dell'isola Gerba dall'età tardoantica alla prima età islamica: cambiamenti di modelli culturali e tecnologie // A Medieval en el Mediterráneo. Tomo 1. Ciudad Real, 2009.

Condurachi, 1960. – Condurachi E. Şantierul Archeologic Histria // MCA. 1960 Tome VII.

Coldstream, 1973. – Coldstream J.N. Deposits of Pottery from the settlement. Tombs: the Finds // Kythera. Excavations and studies. London, 1973.

Comşa, 1967. – Comşa M. Cermica locală // Dinogetia. I. Aşezarea Feudală timpurie de la Bisericuţf-Garvăn. Bucuresti, 1967.

Comşa, 1978. – Comşa M. Cultura materială veche Românească (Aşezările din secolele VIII–X de la Bucov-Ploeşti). Bucureşti, 1978.

Contardi, 2009. – Contardi S. Late Antique Glass from Iasos (Caria) // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. Izmir, 2009.

Çakmakçı, 2009. – Çakmakçı Z. A Typological Approach to the Glass Goblet Production from Late Antiquity to the Middle Ages in the Light of Recent Finds // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. Izmir, 2009.

Çoruhlu, 2012. – Çoruhlu T. Ören (Adramytteion Antik Kenti) Kazılarında Ele Geçen Bizans Küçük Buluntular // Byzantine Small Finds in Archeological Contexts. BYZAS 15. İstanbul, 2012.

Davies, 1984. – Davies S.M. The Dipinti, Stamps and Graffiti / Fulford M.G., Peacock D.P.S. Excavations at Carthage: The British Mission. I.2. The Avenue de President Habib Bourgiba, Salambo: The Pottery and other ceramic objects from the site. Sheffield, 1984.

De Caprariis, Fortini, Palombi, 1988. – De Caprariis A., Fortini C., Palombi D. Contenitori da trasporto dell' area siro-palestinese // Mélanges de l'Ecole Française de Rome. Antiquité, 1988.

Demangel, Mamboury, 1939. – Demangel R., Mamboury E. Le Quartier des Manganes et la Première region de Constantinople. Paris, 1939.

Demesticha, 2001. – Demesticha S. The Excavation of a Late Roman I Amphora Kiln in Paphos // La Céramique Byzantine et proto-islamique en Syrie-Jordanie (IVe–VIIIe siècles apr. J.-C.). Beyrouth, 2001.

Di Gangi, Lebole, 1997. – Di Gangi G., Lebole C.M. Anfore, ceramica d'uso comure e ceramica rivestita VI e XIV secole in Calabria: prima classificazione e osservazioni sulla distribuzione e la circolazione dei manufatti // La Céramique Médiévale en Méditerranée. Aix-en Provence, 1997.

Diaconu, 1956. – Diaconu P. Cu privire la problema căldărilor de lut în epoca feudală timpurie (sec. X–XIII) // SCIV. 1956. Anul VII. № 3-4.

Doorninck, 1989. – Doorninck Van F.H. The Cargo Amphoras on the 7th century Yassi Ada and 11th century Serce Limani Shipwrecks: Two Examples of a Reuce of Byzantine Amphoras as Transport Jars // Recherches sur la Céramique Byzantine. BCH. 1989. Suppl. XVIII.

Doorninck, Mayer, 1992. – Doorninck Van F.H., Mayer F.R. Amphora Research Continues in Eastern Europe in Bodrum // The INA Quaterly. 1992. Vol. 19. № 4. Dunlop, 1954. – Dunlop D. The History of the Jewish Khazars. Princeton, New Jersey, 1954.

Empereur, Picon, 1989. – Empereur J.-Yv., Picon M. Les régions de production d'amphores impériales en Méditrranee orientale // Anfore romane e storia economica: un decennio di ricerca. Roma, 1989.

Fabian, Gorev, 2002. – Fabian P., Gorev Y. A new type of late Roman storage jar from the Negev // The Roman And Byzantine Near East. Vol. 3. Portsmouth, 2002. Fedalto, 1988. – Fedalto G. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Vol. 1. Patriarchatus Constantinopolitanus. Padova, 1988.

Ferrazzoli, 2012. – Ferrazzoli A.F. Byzantine Small Finds from Elaiussa Sebaste // Byzantine Small Finds in Archeological Contexts. BYZAS 15. İstanbul, 2012.

Findik, 2007. – Findik N.Ö. Slip Painted Iznik Ceramics // Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archeological Contexts. BYZAS 7. Basel, 2007.

Flerov, 1990. – Flerov V.S. Einige arten der polierten keramik der Saltovo-Majaki-Kultur // Die keramik der Saltovo-Majaki Kultur und iher Varianten. Varia Archaeologica Hungarica. III. Budapesht, 1990.

Fournet, Piéri, 2008. – Fournet J.-L., Piéri D. Les dipinti amphoriques d'Antinoopolis // Antinoe I. Florence. 2008.

Frantz, 1938. – Frantz M.A. Middle Byzantine Pottery in Athens // Hesperia. Vol. VII. № 3. Athens, 1938.

Fulford, Peacock, 1984. – Fulford M.G., Peacock D.P.S. The Avenue du Président Habib Bourguiba, Salamambo: the pottery and other ceramic objects from the site. Excavations at Carthage: the british mission. Vol. I.2. Sheffield, 1984.

Füeg, 2007. – Füeg F. Corpus of the Nomismata from Anastasios II to John I in Constantinople 713–976. Structure of the Issues. Corpus of Coin Finds. Contribution on the Iconographic and Monetary History. Lancaster; London, 2007.

Gamkrelidze, 2012. – Gamkrelidze G. About petroleum Transportation in Phasis and the “Medea’s Oil” according to the Archaeological Data // Researching in Iberia–Colchology by Gela Gamkrelidze. Tbilisi, 2012.

Gelichi, 2006. – Gelichi S. Venezia tra archeologia e storia: la costruzione di un’identità urbana // Le città italiane tra la tarda antichità e l’alto medioevo. Atti del convegno (Ravenna 26–30 febbraio 2004). Firenze, 2006.

Golofast, 2007. – Golofast L. Early Byzantine deposits from Chersonesos // Kiev–Cherson–Constantinople. Kiev; Simferopol; Paris, 2007.

Golofast, 2009. – Golofast L. Early Byzantine Glass from the Tauric Chersonesos (Crimea) // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. Izmir, 2009.

Günsenin, 1990. – Günsenin N. Les amphores Byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d’après les collections turques. Paris, 1990.

Hautumm, 1981. – Hautumm W. Studien zu Amphoren der spätrömischen und frühbyzantinischen Zeit. Bonn, 1981.

Hautumm, 2004. – Hautumm W. Kermik aus dem tunnel sowie aus zwei benachbarten Zisternen // Jantzen U. Samos. Bd. XX. Die Wasserleitung des Eupalinos. Die Funde. Bonn, 2004.

Hayes, 1968. – Hayes J.W. A Seventh-Century Pottery Group. Excavations at Sarachane in Istanbul: Fifth Preliminary Report // DOP. 1968. Vol. 22.

Hayes, 1992. – Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.

Hermayr etc., 1989. – Hermayr A., etc. Rapport sur les Travaux de l’École Française à Amathonte de Chypre en 1988. (Mission cofinancée par le Ministère des Affaires Étrangères) // BCH. 1989. Tome CXIII. Vol. II.

Hurst, Roskams, 1984. – Hurst H.R., Roskams S.P. Excavations at Carthage: the British Mission. Vol. I. 1. The Avenue du Président Habib Bourguiba, Salammbô the site and things other than Pottery. Sheffield, 1984.

Ivaschenko, 1997. – Ivaschenko Y. Les Ateliers de Céramiques du VIe au XVe s. Au nord de la mer Noire: le problème de la continuité // La Céramique Médiévale en Méditerranée. Aix-en-Provence, 1997.

Jacobsen, 2004. – Jacobsen K.W. Regional Distribution of Transport Amphorae in Cyprus in the Late Roman Period // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Vol. 5. Acts of an International Colloquium at the Danish Institute of Athens, 26–29 September 2002. Athens, 2004.

Jurišić, 2000. – Jurišić M. Ancient Shipwreck of the Adriatic. Maritime transport during the first and second centuries. AD / British Archaeological Reports. International Series. 828. Oxford, 2000.

Kanyak, 2009. – Kanyak S. Late Roman / Early Byzantine Glass from the Marmaray Rescue Excavations at Sirkeci, Istanbul // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. Izmir, 2009.

Karagiorgou, 2001. – Karagiorgou O. LR2: a Container for the Military annona on the Danubian Border? // Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Oxford, 2001.

Kassab-Tezgör, 2002. – Kassab-Tezgör D. La production sinopéenne et les relations avec la Colchide à l'époque romaine // Pont-Euxin et commerce. La Genèse de la "Route de la Soire". Paris, 2002.

Kassab-Tezgör, Akkaya, 2000. – Kassab-Tezgör D., Akkaya M. Les Amphores "Pseudo-Colchidiennes" du Musée de Samsun // Anatolia Antiqua. Eski Anadolu. VIII. De Boccard, 2000.

Kassab-Tezgör, Dereli, 2001. – Kassab-Tezgör D., Dereli F. Rapport de la Fouille de Demirci-Sinop 2000 // Anatolia Antiqua. Eski Anadolu. IX. De Boccard, 2001.

Kassab-Tezgör, Touma, 2001. – Kassab-Tezgör D., Touma M. Amphores Exportées de Mer Noire en Syrie du Nord // Anatolia Antiqua. Eski Anadolu. IX. De Boccard, 2001.

Keay, 1984. – Keay S. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. A typology and economic study: the Catalan evidence / British Archaeological Reports. International Series. Vol. 196. London, 1984.

Klenina, 2012. – Klenina E. Byzantine Bone Wares from Chersonesos in Taurica: Interpretations and Chronology // Byzantine Small Finds in Archeological Contexts. BYZAS 15. İstanbul, 2012.

Kontogiannis, Arvaniti, 2007. – Kontogianis N.D., Arvaniti S. The Medieval Kato Kastro (Lower Castle) of Andros: Excavation Data and Ceramic Material // Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archeological Contexts. BYZAS 7. Basel, 2007.

Korkut, 2007. – Korkut T. Die spätantike und frühbyzantinische Keramik aus Patara // Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archeological Contexts. BYZAS 7. Basel, 2007.

Kovalev, 2005. – Kovalev R.K. Creating Khazar identity through coins: the special issue dirhams of 837/8 // Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. Ann Arbor, 2005.

Kuznecov, 1990. – Kuznecov V.A. Nordkaukasische Tonkessel // Die keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Varia Archaeologica Hungarica. III. Budapesht, 1990.

Landgraf, 1980. – Landgraf J. Keisan's Byzantine pottery // Tell Keisan. 1971–1976 pp. Une cite phénicienne en Galilee. Paris, 1980.

Le Quien, 1740. – Le Quien M. Oriens Christianus, in Quatuor Patriarchatus Digestus. Tomus Primus. Parisiis, 1740.

Leidwanger, 2007. – Leidwanger J. Two Late Roman Wreck from Southern Cyprus // The International Journal of Nautical Archaeology. Vol. 36.2. Oxford, 2007.

- Lloyd, 1984.* – Lloyd M.F. A Byzantine Shipwreck at Iskandiul Burnu, Turkey: Preliminary Report. Texas, 1984.
- Majcherek, 1995.* – Majcherek G. Gasan Amphorae: Typology Reconsidered // Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean. Advances in Scientific Studies, The Second Workshop at Nieborów. Varsovie, 1995.
- Majcherek, 2002.* – Majcherek G. Marea 2001: note on the pottery // Polish Archaeology in the Mediterranean. Vol. XIII. Reports 2001. Warsaw, 2002.
- May, 1989.* – May T. La ceramique protobyzantine d'Amathonte: remarques sur le materiel trouve en 1988 / Rapport sur les Travaux de l'Ecole Francaise a amathonte de Chypre en 1988 (Mission odinee par le Ministere des Affaires Etrangeres) // BCH. 1989. Tome CXIII. Vol. II.
- Megaw, 1972.* – Megaw A.H.S. Supplementary Excavations on a Castle site at Paphos Cyprus, 1970–1971 // DOP. 1972. Vol. 26.
- Mercangöz, 2012.* – Mercangöz Z. Kuşadası, Kadıkalesi / Anaia Kazısı: Bizans Döneminden Birkaç Küçük Buluntu // Byzantine Small Finds in Archeological Contexts. BYZAS 15. İstanbul, 2012.
- Milavec, 2009.* – Milavec T. 5th–6th Century Glass from Hilltop Settlement of Tonovcov Grad (Slovenia) // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. Izmir, 2009.
- Monfort, Williams, 2002.* – Monfort C.C., Williams D.F. “Carrot” amphoras: a Syrian or Palestinian connection? // The Roman And Byzantine Near East. Vol. 3. Portsmouth, 2002.
- Morozova, 2009.* – Morozova Y. Medieval Maritime Traffic and Amphorae Distributions along the Northern Coast of The Black Sea // A Medieval en el Mediterráneo. Actas des VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Meditwerráneo. Tomo I. Ciudad Real, 2009.
- Opait, 1996.* – Opait A. Aspecte ale vieții economice din provincial Scythia (secolele IV–VI p. Ch.). Producția ceramicii locale și de import. București, 1996.
- Opait, 2004.* – Opait A. Local and imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th centuries AD): Aspects of Economic Life In the Province of Scythia / British Archaeological Reports. International Series. 1274. Oxford, 2004.
- Opait, 2010.* – Opait A. On the Origin of Carthage LR Amphora 1 // LRCW 3 Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Miditerranean: Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean. Vol. II. British Archaeological Reports. International Series. 2185 (II). Oxford, 2010.
- Orssaud, 1992.* – Orssaud D. Le Passage de la Céramique Byzantine a la Céramique Islamique. Quelques Hypothèses a Partir du Mobilier Trouvé a Dêhès // La Syrie du Byzance a l' Islam VIIe–VIIIe siècles. Damas, 1992.
- Peacock, 1984.* – Peacock D.P.S. The Amphorae: typology and chronology / Fulford M.G., Peacock D.P.S. Excavations at Carthage: The British Mission. I.2. The Avenue de President Habib Bourgiba, Salambo: The Pottery and other ceramic objects from the site. Sheffield, 1984.

Peacock, Williams, 1986. – Peacock D.P.S., Williams D.F. Amphorae at the Roman Economy. London – New York, 1986.

Peschlow, 1978. – Peschlow U. 1978. Byzantinische Keramik aus Istanbul // Istanbuler Mitteilungen. Band 27/28, 1977/1978. Tübingen, 1978.

Phanagoreia, 2009. – Phanagoreia. Die vergessene Metropole am Schwarzen Meer Eine Expedition berichtet. Herausgegeben von V. Kuznetsov und N. Povalachev. Göttingen, 2009.

Pierart, Thalmann, 1980. – Pierart M., Thalmann J-P. 1980. Ceramique Romaine et medievale // BCH. 1980. Suppl. VI. Etudes Argiennes.

Piéri, 1998. – Piéri D. Les importations d'amphores orientales en Gaule méridionale durant l'Antiquité tardive (IVe–VIIe siècles après J.-C.). Typologie, chronologie et contenu // Importations d'amphores en Gaule du Sud, du règne d'Auguste à l'Antiquité tardive. Actes du Congrès d'Istres (21–24 mai 1998). Marseille, 1998.

Piéri, 2005a. – Piéri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (IVe–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005.

Piéri, 2005b. – Piéri D. Nouvelles productions d'amphores de Syrie du Nord aux époques protobyzantine et Omeyyade // Travaux et Mémoires du Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. 2005. Vol. 15. Paris.

Piéri, 2007a. – Piéri D. Béryte dans le grand commerce méditerranéen. Production et importation d'amphores dans le Levant protobyzantin (Ve–VIIe s. ap. J.-C.) // Productions et échanges dans la Syrie gréco-romaine. Actes du 2e colloque international sur la Syrie antique (Tours, 12-13 juin 2003). Supplement. 2007. Vol. 8. Topoi.

Piéri, 2007b. – Piéri D. Les centres de production d'amphores en Méditerranée orientale durant l'Antiquité tardive: quelques remarques // LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. British Archaeological Reports. International Series. 2662 (II). Oxford, 2007.

Pirson, 2012. – Pirson A. Byzantinischer Schmuck und Trachtbestandteile aus Pergamon // Byzantine Small Finds in Archeological Contexts. BYZAS 15. Istanbul, 2012.

Popescu, 1976. – Popescu E. Inscriptiile grecești și latine bin secolele IV–XIII descoperite în România. București, 1976.

Popescu, 1994. – Popescu E. Cristianitas daco româna. Editura Academiei Române. București, 1994.

Portale, Romeo, 2001. – Portale E.C., Romeo I. Contenitori da trasporto // Gortina Vol. 3.I. Lo scavo del Pretorio (1989–1995). Padova, 2001.

Rădulescu, 1963. – Rădulescu A. Monumente Romano-Byzantine Din Sectorul De Vest Al Cetății Tomis. Dobrogea, 1963.

Rădulescu, 1976. – Rădulescu A. Amfore Romane și Romano-Bizantine din Scythia Minor // Pontica. Tomul IX. București, 1976.

Remnants... 2007. – “The Remnants”. 12th and 13th Centuries, Byzantine Objects in Turkey. Editor: Prof. Dr. A. Ödekan. Istanbul, 2007.

Remola, 2000. – Remola A. Vallverdo. Las anforas tardo-antiguas en Tarraco (Hispania Tarraconensis). Barcellona, 2000.

Retowski, 1905. – Retowski O. Die Munzen der Girei. Moskau, 1905.

Reynolds, 2005. – Reynolds P. Levantine amphorae from Cilicia to Gaza: a typology and analysis of regional production trends from the 1st to 7th centuries // LRCW 1. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. British Archaeological Reports. Oxford, 2005.

Reynolds, 2010. – Reynolds P. Trade networks of the East, 3rd to 7th centuries: the view from Beirut (Lebanon) and Butrint (Albania) (fine wares, amphorae and kitchen wares) // LRCW 3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean. British Archaeological Reports. International Series. 2185 (I). Oxford, 2010.

Rice, 1958. – Rice T.D. The Byzantine Pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperors. II. Edinburgh, 1958.

Riley, 1979. – Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice / Barker G., Bonnano A., Riley J.A. Excavations at Sidi Chrebish. II. Supplement to Libya Antiqua. V.II. Bengazi (Berenice), 1979.

Robinson, 1959. – Robinson H.S. Pottery of the Roman period. Chronology // The Athenian Agora. V. Princeton, New Jersey, 1959.

Robinson, 1985. – Robinson R.C.W. Tobacco Pipes of Corinth and of the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 54. № 2. Athens, 1985.

Sagui etc., 1997. – Sagui L. Ricci M. Romei D. Nuovi dati ceramologici per la storia economica di Roma tra VII e VIII secolo // La Céramique Médiévale en Méditerranée. Aix-en Provence, 1997.

Sanders, 1995. – Sanders G.D.R. Pottery from Medieval Levels in the Orchestra and Lower Cavea // Excavations at the Ancient Theatre of Sparta 1992-4. Oxford, 1995.

Sazanov, 1995. – Sazanov A. Verres a décor a pastilles bleues provtnant des fouilles de la Mer Noire // La verre de l' Antiquite tardive et du Haut Moyen Age. Typologie–Chronologie–Diffusion. Aix-en Provence, 1995.

Sazanov, 1996. – Sazanov A. Le nord de la mer Noire du iv au VIIe s.: le probleme de la transition entre le tardo-Antiquite et le Moyen-Âge // XIII International congress of Prehistoric and Protohistoric sciences. Forli–Italia, 1996.

Sazanov, 1997. – Sazanov A. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la mer Noire // La Céramique Médiévale en Méditerranée. Aix-en Provence, 1997.

Sazanov, 1999. – Sazanov A. Les amphores “La 1 Carthage” dans la region de la mer Noire // Production et Commerce des Amphores Anciennes en mer Noire. Aix-de-Provence, 1999.

Sazanov, 2000. – Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe–troiseme quart du VIIe siecles: la chronologie de la céramique // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen Age. Leiden; Boston; Köln, 2000.

Sazanov, 2007. – Sazanov A. Les amphores orientales d'époque proto-byzantine au Nord de la Mer Noire: chronologie et typologie // LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. British Archaeological Reports. International Series. 2662 (II). Oxford, 2007.

Sazanov, Achkasova. 1996. – Sazanov A., Achkasova A. La presqu'île de Taman (le sud de Russie) à l'époque Moyen-Âge // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Vol. I. Forli-Italia, 1996.

Schwarzer, 2009a. – Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandria Troas // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. Izmir, 2009.

Schwarzer, 2009b. – Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und Glasfunde aus Pergamon // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. Izmir, 2009.

Scorpan, 1975. – Scorpan C. Ceramica Romano-Bizantina de la Sacidava // Pontica. Tomul VIII. București, 1975.

Scorpan, 1976. – Scorpan C. Origini și linii evolutive în ceramica Romano-Bizantina (sec. IV–VII) din spațiul Mediteranean și Pontic // Pontica. Tomul IX. București, 1976.

Scorpan, 1977. – Scorpan C. Contribution à la connaissance de certains types céramiques Romano-Byzantins (IVe–VIIe siècles) dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. 1977. XXI. București.

Semenov, 1994. – Semenov A. New Evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) Hoard of the 8th Century AD Byzantine and Arab Gold Coins // New Archeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. SPb., 1994.

Şenol, 2007. – Şenol A.K. A Statistical Essay on the Distribution of Imported Amphorae Finds of the CE Alex Salvage Excavations // Amphores d'Égypte de la basse époque à l'époque arabe. Vol. I. Caire, 2007.

Şenol, 2009. – Şenol A.K. Taşucu Arslan Eyce Amphora Müzesi. Taşucu, 2009.

Shamanaev, 1999. – Shamanaev A. Use-Wear Analysis of Bone and Antler Artefacts of Medieval Cherson // АДСВ. 1999. Вып. 30.

Shear, 1997. – Shear T.L.J. The Athenian Agora: Excavations of 1989–1993 // Hesperia. Vol. 66. Num. 1. Princeton, 1997.

Sibella, 1995. – Sibella P. The Ceramics / The 1994 INA/CMS Joint Expedition to Tantura Lagoon // The INA Quaterly. 1995. Vol. 22. № 2.

Sibella, 2002. – Sibella P. The George McGhee Amphora Collection at the Alanya Museum, Turkey / The INA Quaterly. 2002. Vol. 29. Suppl. 1.

Sodini, Villeneuve, 1992. – Sodini J.P., Villeneuve E. La passage de la Céramique Byzantine à la Céramique Omeyyade. En Syrie du nord, en Palestine et en Transjordanie // La Syrie du Byzance à l'Islam VIIe–VIIIe siècles. Damas, 1992.

- Sorrenti, Meneghini, Incitti, 1985.* – Sorrenti S., Meneghini R., Incitti M. “Lungotevere Testaccio”. Relazioni su scavi, trovamenti, restauri in Roma e suburbia. *Bullettino Comunale*. Roma 1985.
- Stern, 2012.* – Stern E.M. Early Byzantine Glass from Athens (5th–8th centuries) // *Byzantine Small Finds in Archeological Contexts*. BYZAS 15. İstanbul, 2012.
- Takács, 1986.* – Takács M. Die apradenzeitlichen tonkessel im Karpatenbecken / *Varia archaeological Hungarica*. Budapest, 1986.
- Teodor, 1963.* – Teodor D.G. Cîteva observații în legătura cu căldările de lut descoperite la Răducăneni (r. Hușt, reg. Iași) // *SCIV*. 1963. Tomul XIV. № 1.
- Teodor, 1970.* – Teodor D.G. Elemente și influențe Byzantine în Moldova în secole VI–IX // *SCIV*. 1970. Tomul XXI. № 1.
- Topoleanu, 2000.* – Topoleanu F. Ceramica romană și romano-bizantină de la Halmyris (sec. I–VII d. Ch.). Tulcea, 2003.
- Tomber, Williams, 1986.* – Tomber R., Williams D. Late Roman Amphorae in Britain // *Journal of Roman Pottery Studies*. 1986. Vol. 1. London.
- Van Alfen, 1995.* – Van Alfen P.G. A Restudy of the Cycladical Amphoras from the Seventh-Century Yassi Ada Shipwreck. Texas, 1995.
- Vida, 1999.* – Vida T. Die awarenzeitliche keramik. I. (6.–7. Jh.) / *Varia archaeological Hungarica*. VIII. Berlin-Budapest, 1999.
- de Vingo, 2007.* – de Vingo P. Le relazioni commerciali tra il periodo romano e la dominazione bizantina della Liguria // *Il Tesoro Sevelato*. Storie dimenticate e rinvenimenti straordinari riscrivono la storia di Noli antica. Genova, 2007.
- Walmsley, 2007.* – Walmsley A. Economic Developments and the Nature of Settlement in the Towns and Countryside of Syria-Palestine, ca. 565–800 // *DOP*. 2007. Vol. 61.
- Watson, 1992.* – Watson P. Change in foreign and regional economic links with Pella in the seventh century A.D.: the ceramic evidence // *La Syrie du Byzance a l’Islam VIIe–VIIIe siècles*. Damas, 1992.
- Williams, Zervos, 1982.* – Williams II C.K., Zervos O.H. Corinth, 1981: East of the Theater // *Hesperia*. Vol. 51. Num. 2. Baltimor, 1982.
- Williams, Zervos, 1983.* – Williams II C.K., Zervos O.H. Corinth, 1982: East of the Theater // *Hesperia*. Vol. 52. Num. 1. Baltimor, 1983.
- Williams, Zervos, 1988.* – Williams II C.K., Zervos O.H. Corinth, 1987: South of Temple e and East of Theater // *Hesperia*. Vol. 57. Num. 2. Princeton, 1988.
- Yangaki, 2005.* – Yangaki A.G. Amphores crétoises: le cas d’Eleutherna, en Crète // *BCH*. 2004–2005. Vol. 128–129.
- Yaraş, Yaraş, 2009.* – Yaraş A., Yaraş C. Glass Bracelets from Güre-Ilıca (Mysia) // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
 АДСВ – Античная древность и Средние века. Свердловск/Екатеринбург.
 АО – Археологические открытия. М.
 БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
 БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь.
 БС – Боспорский сборник. М.
 БСП – Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Велико Търново.
 ВВ – Византийский Временник. М.
 ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ВЕДС – Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Тезисы докладов (Материалы конференции) М.
 ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция.
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры. Л.
 ГИМ – Государственный исторический музей. М.
 ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
 ДА – Донская археология. Ростов-на-Дону.
 ДБ – Древности Боспора. М.
 ДГ – Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования / Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования). М.
 ДК – Древности Кубани. Краснодар.
 ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения. СПб.
 ЗОАО – Записки Одесского археологического общества. Одесса.
 ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир; М.
 ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
 ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
 ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры имени Н.Я. Марра. Л.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
 МГУ – Московский государственный университет.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

МИАСК	– Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
НАВ	– Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК	– Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск.
РА	– Российская археология. М.
РАНИОН	– Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Л.
СА	– Советская археология. М.; Л.
САИ	– Свод археологических источников. Археология СССР. М.
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
СЭ	– Советская этнография. М.
ХА	– Хазарский альманах. Киев; Харьков.
ХСб	– Херсонесский сборник. Севастополь.
ЭО	– Этнографическое обозрение. М.
АЕМА	– Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden.
ВСН	– Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris.
ДОР	– Dumbarton Oaks Papers. Washington.
ІNA	– Institute of Nautical Archaeology.
МСА	– Materiale și Cercetări Arheologice. București.
SCIV	– Studii și cercetări de istorie veche. Bukarest

SUMMARY

Phanagoria in VI–X centuries

The study of pre-medieval Phanagoria is one of the links in the investigation of the history and culture of the cities of the Northern Black Sea Region that belonged within the sphere of influence of the Byzantine Empire. A considerable role in the life of the city was also played by the Khazar Kaganate. It is for the first time that a single study based on an integrated analysis of archeological and written data presents the history of the city of Phanagoria in the 6th – the first quarter of the 10th century.

The study is based on archeological materials stored in the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, and also scientific reports of expeditions. Used for comparison are materials from the excavations of early medieval monuments of the Taman Peninsula. Dating is largely based on medieval ceramic containers, i.e. whole and fragmented amphorae and also tall-necked jugs with flat handles. Of no less importance was the early-medieval local ceramics, including kitchenware and dishware – molded and ceramic special-purpose vessels, and glass articles (dishes, bracelets, beads), some individual finds (of iron, bone and clay), numismatic materials, fully studied and introduced by the author for the first time. The investigation and analysis of the entire material from the early-medieval layer of Phanagoria, where synchronization of the ceramic material is of primary importance, reveal the relative chronology of the layers of the 6th – 10th centuries and a number of stages in the development of the material culture of all the beddings of the monument: 1. the end of the 9th – early 10 century; 2. the second quarter of the 8th – the middle of the 9th century; 3. the early 7th – early 8th century; 4. the second quarter – the third quarter of the 6th century; 5. the third quarter of the 5th – early 6th century. Occurring sporadically were the layers of the 11th – 12th centuries, the 15th – 16th centuries and the 19th century.

The ancient polis Phanagoria for a brief period of the end of the 1 century B.C. was renamed Agrippia. However, the original name was shortly returned, and it was retained during the entire mid-medieval period. As early as the 5th – 6th centuries, Phanagoria, which retained its ancient appearance, fell under the reign of the Byzantine Empire.

Phanagoria was routed and destroyed in the first quarter of the 6th century, which is indicated by a thick burned area interlayer, including catapult missiles, ceramics, belt fitting, fibulae, finds of bone points, and “Hun’s” arrows. Those finds were associated with the uprising against the Barbarian prince Gord, a Byzantine vassal, and the counter-attack of the Byzantine troops and the navy in the years of 528 or 534. The life in the city discontinued for some time. After those events, Phanagoria returned under the power of the Byzantine Empire. Stationed there was a representative of the emperor’s power – «comit».

The next fire layer is dated the last quarter of the 6th century is associated with the events of the year 576, the raid of Turki to Bosphorus, when a large number of

fortresses and small towns of the Kerch and Taman Peninsulas were destroyed. However, as early as 588, Byzantium again recovered its power over the Strait.

During the late 6th – the third quarter of the 7th century, Byzantine Phanagoria neighbored the tribal unity of Proto-Bulgarians – «the Great Bulgaria» in the eastern Azov Region. However, there are no data available to the effect that Phanagoria was a member of that unity. It is as late as the appearance of Khazars in the late 7th century that Proto-Bulgarians, ousted from the Eastern Azov Region, appeared in the delta of the Kuban River.

In the late 7th century, Phanagoria came under the influence of the Khazar Kaganate. The Kaganate united numerous tribes, and was on an economic, cultural and political rise. That rise was manifested in nomads settling down on a large scale, a number of crafts appearing. The nomad tribes that settled down on the territory of the present-day Taman Peninsula brought along some absolutely new ceramic crafts, some previously unknown methods for burial and a number of other things. It is noteworthy that despite various political and ideological changes in the city status and also ethnic changes in the composition of the population, the city remained an important trade center until the end of the 9th century when Phanagoria perished in the fire and was restored for a brief period, and in the early 10th century life discontinued there again, and then recovered for a brief period, and in the early 10th century life ceased there.

Of greatest importance was the situation of Phanagoria on the shore of the Kerch Strait – one of the key sites of the trade pathways of Eastern Europe during the Middle Ages. This fact accounts for the role of the city as a most important transfer and customs point. During the last third of the 7th – early 10th century, the city was on the periphery of the Khazar Kaganate. Mostly due to the geographical (insular) situation, Phanagoria did not see any serious external invasions, which is also indicated by stratigraphy – until the second half of the 9th century, no fires or associated destructions were observed.

In the 6th through late 9th century Phanagoria was populated by descendants of the local Bosporean population characterized by great ethnic diversity, “the civil” population of the Kaganate – Bulgarians and Khazars, and also Alans and Greeks (Romeans). In addition, the city was also inhabited by Jews. Thus, by the end of the 7th century, there also appeared some new settlers there, who arrived together with Khazar authorities.

The majority of the city population were Christians. Phanagoria was a religious center of the Orthodoxy. during the existence of the Episcopate there – in the 6th century the city had the Eparchial center of Asian Bosporus. It is noteworthy that an early medieval church was not found. Some indirect evidence is known that indicates a possibility of the existence of that church in the city. This evidence pertains to burials in stone boxes clustered in a compact manner on the same territory in the western part of the site of the ancient town (the remains of a Christian on cemetery?), and a gravestone that was found there.

Phanagoria was a relatively big city (Fig. 1), in terms of area and in terms of the population, only little inferior to the other early-medieval cities of the Northern

Black Sea Region. The town planning design of the early-medieval Phanagoria is characterized by blocks found throughout the entire city area (Figs. 10, 15, 22, 38, 49, 63). That city was fairly densely populated. A large populated area, a presence of at least four types of living structures, and the planning design gives ground to believe that Phanagoria was a full-fledged city on the border of the Greek and barbarian world, the largest city in the Northwestern Black Sea Region.

A question arises if Phangoria can be considered to be a Khazar city. The answer would be most certainly negative. It is no doubt that some of the bearers of the Saltov-Mayatsky culture were present there, however, the local culture in all its manifestations is clearly Byzantine. It appears that the concept advanced by S.A. Pletneva to the effect that Phanagoria is a monument to the Saltov-Mayatsky culture should have been long rejected. No matter how peculiar it is, Phanagoria is very close to the provincial urban centers of the Byzantine oikoumene, which is known in the sources as “polis” – city or “castron” – a fortified town, a fortress. In the case of Phanagoria, there are grounds to believe that it is primarily a center of home and foreign trade – an emporium city.

Today, an average number of homes in the period from the 6th through the 9th centuries cannot be established. The inner area of the medieval Phanagoria attained 50 ha. The population of the city could be over 6 thousand people.

City construction continued throughout the entire 6th – 9th centuries. Some new structures appeared, and the city was partly redeveloped. The homes of Phanagoria were partly similar to the homes of other early medieval cities of the Northern Black Sea Region. The principles of home building and, primarily, the setting is a sustainable building technique in the early medieval city.

Along with that the study of the monument leaves a large number of unsolved problems as the existence of port fortifications of the early medieval Phanagoria, including city water supply.

The social composition of the population of the 7th – 9th centuries cannot be determined today, if only roughly – of all the 244 excavated medieval burials (of two types – ground and in stone boxes (Figs. 140-195)) only a single burial is distinguished of the late 8th – the first half of the 9th century (Fig. 156), and the differences in the burial rite are suggestive, if only in very general terms of the ethnic diversity of a large trade city in the Middle Ages. The necropolises of the medieval Phanagoria were situated on its western and southern outskirts.

It is only tentatively that one can trace the development of the economy of Phanagoria. In this case, there are no grounds to deduce any economic decline. The major occupation of Taman dwellers was agriculture, and primarily livestock breeding. Sheep and goat breeding was much less common.

There is little information available on Phanagoria citizens being engaged in farming. This information applies to the finds of millstones (Fig. 136), holes for grain storage (Figs. 39, 47, 57, 61; etc.). Presumably, there existed a flour milling craft in the city.

Some indirect data available hardly give reason to believe that there were multi-branch crafts in Phanagoria. There is some evidence available to the effect

that spinning and weaving were developed in the city (Figs. 133-134), as wells as bone carving (Fig. 132), and also the production of molded dishes and pottery ware (Figs. 101-114). There are data available on iron-making and metalwork existing in the city (Figs. 131, 135). There are grounds to believe that ceramic and glass-making shops were outside the city boundaries. The finds of clay lamps (Figs. 127-128) and glass lamps (Fig. 130) indicate that the dwellings of the citizens were also illuminated during the dark hours.

Thus, one can see that the life in Phanagoria was stable and little changeable both in economic and socio-economic spheres. The economic and cultural upsurge of the city was promoted by trade with other cities, primarily, Byzantine. The trade bonds of the city with the Byzantine Empire, neighbors and nomads were effected by sea and the roads constructed in the period of Antiquity. There were five main roads that joined in Phanagoria. They provided the city with everything that village of the Peninsula could provide. One road led from the city along the shore westward to Tamatarkha. Another three roads led south-east, south and east. The road leading northeast reached a village situated on the ancient ruins of Keps. That small seaside village, very close to Phanagoria, co-existed with Phanagoria throughout the entire early-medieval period since the 7th century.

In addition to commodity-money relations, based on the commodity equivalent, trade, most likely, was of exchange nature. The expansion of trade activated the entire economic life of the city. It is owing to trade that Phanagoria received not only production or economic articles (Figs. 67-100), but also domestic articles and decorations. The majority of those products were produced by Byzantine (including provincial) craftsmen. There were fewer articles produced at the Don and North-Caucasus regions. In this case, it is the mediate, transition nature of trade that can account for viability and sustainability of the links between the city and Byzantine. There was a very substantial Greek dominance. That factor is suggestive not only of the economic dependence of Phanagoria on Byzantine but also the ideological, cultural and political impact of the Empire on the city, which was so similar to the provincial Byzantine cities of Taurica.

It is the Byzantine-Khazar relations that could promote the peaceful economic relations from the late 7th century in the area in question. In this connection there is reason to assume that along with Bosphorus and other Romeinized centers (polises) of Taurica, Phanagoria belonged to a system of mutually-profitable condominium, i.e., "diarchy" where the originated relations were based on neutrality envisaging an absence of constant military units along with a concurrent presence of the authorities of the Empire and the Kaganate, concerned with obtaining proportionally equal incomes in the form of taxes. According to the sources two Khazar officials were stationed in Phanagoria during that period – the Archont of Scythia and Bosphorus in charge of collection of taxes and the Tudun Archont, who was a representative of Kagan in Bosphorus. In this case, both in Bosphorus and Crimean archontias there were no Khazar troops or garrisons, and both shores of Bosphorus were part of the Empire. Khazars did not pretend to political dominance there. It is only an assumption that Phanagoria was ruled by an Archont elected

by the local city nobility. The importance of Phanagoria during that time was accounted by the fact that there was the residence of the disgraced Emperor Justinian II (685–695; 705–711).

The system of condominium continued until the second third of the 9th century, when after the system of diarchy was destroyed and the theme of Climates was established in Taurica, Khazars individually ruled Phanagoria. It is during that time that the city defended the western frontiers of Khazaria.

By the second half of the 9th century, the city was not only a key fortified center of the Lower Kuban Region, but also a trade center associated with Khazar and Black Sea cities and the Mediterranean cities.

The study describes and systematizes all the structures (mostly fragmentary). A total of 19 buildings were studied. Data on these buildings were obtained from excavations that were not entirely systematic (Figs. 3, 4, 6, 15, 22, 32, 35, 37, 38, 41, 45, 50-53, 57, 59, 63) – the situation characteristic of monuments with a complicated stratigraphy including several different periods. The peculiarities of the setting and mortars are taken into account, the stoves and household storage holes dating the finds are described, etc. The most informative in the situation when the structures are fragmentary is the construction technique. Of special interest was the setting *opus spicatum*, which was associated with Khazars appearing in Bosphorus. After S.B. Sorochan and V.S. Flerov I believe that such setting appeared on the Taman town site before Khazars came there, i.e., in the 5th – 6th centuries.

The condition of the sources is such that the town planning design can only be studied in a fragmentary way. The planning design of the 7th century follows up the preceding one. The houses were built on the basis of the walls of the 4th – 5th centuries, but they became one-storey, made of adobe bricks and in addition to tiles covered with damask, thatch or bulrush, and the houses had adjacent yards. Narrow streets, 2,5 m wide, can be seen but there is also a street of up to 10 m in width. On the basis of regular planning, an absence of adobe-brick, yurt-like and semi-dugout dwellings, Phanagoria can be classified as monuments of the Bosphorus culture.

The articles of material culture of Phanagoria of the 6th – 10th centuries were studied in detail. Analyzed was the most abundant material – ceramics. In addition to the amphora material (Fig. 66-94), of special interest is analysis of tall-necked jugs with flat handles, not characteristic of the town site (Fig. 95-96). Simple dishware (Fig. 115-125) beginning the second half of the 9th century was gradually replaced by glazed ceramics (Fig. 126), which indicates the strengthened bonds with Byzantium. Tiles (ceramids) (Fig. 129) in most cases bear no marks characteristic of Crimean-produced tiles, which suggests its local origin.

Glass articles include dishware (Fig. 130.1-37), Byzantine-produced bracelets (Figs. 130.52-59); and there is a small number of beads (Figs. 130.60-71), which is to reflect the local specificity of the costume. The article set (Figs 131-136) of Phanagoria is not rich. Jewish gravestones are listed separately (Figs. 137-138) (with Black-Sea Region analogies stated) found in the «Khazar» layer, but reused. The numismatic material has also been systematized.

Thus, of considerable importance in the concept proposed as to the ideological, cultural and political dependence of Phanagoria on the Byzantine Empire is analysis of individual categories of material culture (container ceramics, glass articles, a number of material complex articles) with respect to direct and indirect effect of Byzantium. The issue of Roman elements in the early medieval city of the 6th – 10th centuries has been elaborated so profoundly and seriously for the first time.

Within the second half of the 10th century still another interlayer of the burnt site associated with a large inroad and a possible destruction of the city by hordes of Hungarians or Pechenegs was found. For some time, the life in Phanagoria discontinued, to be recovered until the first decades of the 10th century, when it stopped absolutely both as a result of the destruction and the detrimental changes in the natural environment – Phanagoria lost its important situation and turned out to be away from the trade routes. The city died, but as demonstrated by the history of ancient and early-medieval cities, the cessation of the city life did not cause the population to disappear, which moved to other areas, and frequently to safer cities situated nearby. It is in the early 10th century that the majority of the population left Phanagoria, and we have every reason to believe that population did not settle down at a new vacant site but concentrated nearby, 25 kilometers east, in the city of Tamatarkha, which since that time became the largest center of the Northwestern Pre-Caucasian Region.

Раскоп «Береговой стратиграфический» 1982-1985 гг.

Статистические подсчеты керамики
Площадь I

Глубина	Черепица	Пифосы	Амфоры			Кухонная	Лощеная	Лепная	Красно глиняная	Красный лак	Полива
			Античные	V-VII вв.	VIII-X вв.						
0-20	3	-	25	-	8	2	4	1	2	2	2
21-40	35	20	286	13	17	7	3	1	10	20	3
41-60	42	34	479	17	42	14	7	4	8	16	1
61-80	16	28	635	9	64	26	6	9	23	24	-
81-100	22	16	440	12	39	19	11	9	34	13	1
101-120	25	22	508	8	38	17	9	20	21	10	2
121-140	34	25	565	18	51	18	8	4	4	6	-
141-160	11	9	183	24	61	13	3	4	3	3	-
161-180	8	4	91	15	39	9	1	2	-	-	-
181-200	18	7	191	88	69	40	8	5	7	6	-
201-220	20	9	137	55	30	3	7	5	10	1	-
221-240	27	54	276	87	274	30	24	20	19	18	-
241-260	54	44	164	396	7	1	14	20	44	8	-
261-280	10	42	74	224	2	1	4	11	10	16	-
281-300	37	102	118	285	2	2	9	19	21	14	-
301-320	20	40	74	13	-	-	9	9	21	4	-
бровка	-	-	2	2	5	11	1	1	5	-	-
стена	25	44	338	68	-	-	-	-	68	-	-
яма б	9	6	8	-	-	-	-	-	1	-	-
яма И	22	48	186	22	-	4	1	9	8	-	-
яма К	2	3	17	1	-	1	-	1	4	-	-
Итого:	440	557	477	1357	748	218	129	154	323	161	9
8893											

Площадь II

Глубина	Черепица	Пифосы	Амфоры			Кухонная	Лощеная	Лепная	Красно глиняная	Красный лак	Полива
			Античные	V-VII вв.	VIII-X вв.						
0-20	7	4	34	2	2	3	1	-	-	1	-
21-40	36	37	237	8	20	18	6	10	1	21	1
41-60	21	28	462	9	50	31	13	9	11	9	-
61-80	9	12	407	26	23	12	10	11	8	13	1
81-100	19	28	354	19	13	22	4	11	14	9	-
101-120	24	18	413	17	28	9	1	12	21	11	-
121-140	9	15	114	39	86	23	7	9	10	12	-
141-160	10	17	132	15	54	14	3	-	-	5	-
161-180	10	-	179	11	45	10	1	3	1	3	-
181-200	7	14	75	70	1	4	3	-	3	-	-
201-220	7	16	147	47	26	30	1	3	2	3	-
221-240	10	56	111	89	67	5	3	15	13	-	-
241-260	35	29	179	221	-	1	6	14	51	4	-
261-280	37	60	509	73	4	1	6	18	22	22	-
281-300	11	36	129	2	1	1	2	4	13	2	-
301-320	57	73	344	30	2	2	5	22	20	19	-
321-340	34	79	235	19	4	33	2	-	79	4	-
яма Д2	-	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-
печьД2	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-
стена12	-	3	1	-	-	-	-	-	1	-	-
стена12а	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
пол под кладкой 12	10	28	42	24	16	3	-	13	14	16	-
пол под вымост- кой	-	2	-	4	-	-	3	8	-	-	-
Итого:	353	558	4107	725	442	222	77	162	286	154	3
7089											

Площадь III

Глубина	Черепица	Пифосы	Амфоры			Кухонная	Лощеная	Лепная	Красно глиняная	Красный лак	Полива
			Античные	V-VII вв.	VIII-X вв.						
0-40	50	35	617	6	44	22	4	2	5	7	1
41-60	41	24	514	14	41	28	3	7	5	21	2
61-80	25	6	322	7	51	23	3	1	5	10	2
81-100	21	2	165	11	80	21	4	5	5	23	2
101-120	25	12	189	8	177	27	3	4	1	4	1
121-140	16	3	99	3	93	10	4	2	6	2	-
141-160	13	7	274	22	90	20	3	-	8	-	-
161-180	12	4	159	57	27	17	3	2	10	-	-
181-200	6	29	171	130	25	29	3	-	5	-	-
201-220	9	4	138	106	30	14	1	4	5	3	-
221-240	13	15	150	233	89	8	3	-	9	-	-
241-260	10	15	162	156	2	7	4	5	5	-	-
261-280	14	27	181	112	2	3	1	3	19	1	-
281-300	15	28	115	160	6	4	10	6	18	2	-
301-320	11	8	26	89	1	8	2	2	13	-	-
яма Д	1	-	45	3	23	8	1	-	1	5	-
вымостка В	1	-	-	3	143	1	-	-	-	-	-
бровка	-	-	-	3	12	23	-	-	-	-	-
Итого:	283	219	3327	1123	936	273	52	43	120	78	8
6462											

Площадь IV

Глубина	Черепица	Пифосы	Амфоры			Кухонная	Лощеная	Лепная	Красно глиняная	Красный лак	Полива
			Античные	V-VII вв.	VIII-X вв.						
0-20	9	5	133	7	32	2	7	-	3	6	1
21-40	42	17	376	16	143	48	13	6	8	9	-
41-60	13	9	180	5	99	32	10	5	5	2	-
61-80	61	20	417	22	240	196	26	20	32	18	-
81-100	25	15	464	67	307	134	17	-	7	6	2
101-120	3	16	92	7	50	9	1	-	-	1	-
121-140	14	21	129	66	128	18	5	2	20	3	-
141-160	10	14	41	58	27	6	-	2	15	1	-
161-180	6	6	71	18	33	5	-	1	17	-	-
181-200	8	19	59	91	10	8	3	-	6	-	-
201-220	19	35	258	140	3	36	3	15	8	1	-
221-240	24	25	318	140	1	29	-	9	15	8	-
241-260	22	19	45	190	-	16	4	2	15	6	-
261-280	36	50	93	501	4	73	24	46	16	33	-
281-300	84	130	163	626	2	10	13	8	44	6	-
301-320	74	96	302	188	-	5	3	6	53	13	-
321-340	43	86	276	12	-	-	-	-	44	8	-
вымостка А	2	1	95	7	635	39	3	-	19	3	-
вымостка Б	-	-	-	1	15	2	1	-	1	-	-
яма Н	5	-	19	1	-	44	-	-	29	-	-
яма О	4	1	21	9	-	12	1	4	6	-	-
Итого:	504	589	3593	2198	1732	730	270	130	364	124	3
10237											

Прирезка (впоследствии площади V-VI)

Глубина	Черепица	Пифосы	Амфоры			Кухонная	Лощеная	Лепная	Красно глиняная	Красный лак	Полива
			Античные	V-VII вв.	VIII-X вв.						
0-60	41	30	538	20	76	15	9	5	6	31	-
61-80	17	7	175	3	33	12	1	5	3	15	-
81-100	19	11	280	11	38	15	4	-	4	15	-
101-120	33	10	578	27	137	49	10	4	10	15	-
121-140	33	7	528	29	155	46	6	9	6	11	-
141-160	30	16	306	55	163	23	4	1	3	4	-
161-180	15	7	226	43	67	35	5	5	9	1	1
181-200	18	25	221	87	70	71	6	1	10	3	-
201-220	32	44	307	155	30	34	6	11	22	6	-
221-240	-	-	158	30	10	14	5	6	2	2	-
яма Е	8	1	99	4	45	59	1	6	4	4	-
Итого:	246	158	3416	464	824	373	57	53	79	107	1
5778											

Площадь V

Глубина	Черепица	Пифосы	Амфоры			Кухонная	Лощеная	Лепная	Красно глиняная	Красный лак	Полива
			Античные	V-VII вв.	VIII-X вв.						
241-660	34	65	588	193	4	13	10	46	114	13	-
261-280	18	18	167	34	3	8	8	7	58	1	-
281-300	29	63	217	71	5	1	3	10	33	5	-
301-320	40	152	175	154	-	-	2	30	67	4	-
развал 3	32	65	212	21	-	4	2	7	20	3	-
яма Л	6	13	115	31	-	-	1	3	2	-	-
Итого:	159	376	1474	504	12	46	26	103	294	26	-
3020											

Площадь VI

Глубина	Черепица	Пифосы	Амфоры			Кухонная	Лощеная	Лепная	Красно глиняная	Красный лак	Полива
			Англичные	V-VII вв.	VIII-X вв.						
241-260	26	44	182	92	1	3	8	11	29	8	-
261-280	38	71	336	144	1	1	3	7	46	22	-
281-300	109	176	338	97	1	6	5	18	111	9	-
301-320	51	196	318	35	-	-	2	12	60	26	-
развал 1	76	310	51	838	1	5	24	13	61	-	-
пифос 1	-	3	-	11	-	-	-	2	5	-	-
пифос 2	3	7	19	48	1	1	-	18	22	-	-
печь 1	1	8	10	64	-	-	1	5	10	3	-
яма М	4	2	14	48	-	4	-	1	3	-	-
Итого:	308	817	1268	1378	5	20	42	87	347	68	-
4339											

Жилые комплексы Фанагории

Раскоп	№ дома	Ориентировка	Размеры в м	Цоколь	Стены	Углубление в грунт в м	Печь	Пол	Ямы	Дата	№ рисунка
«Береговой стратиграфический» 1982-1985 гг.	1	С-Ю/ 3-В	3,6×2,4	+	-	-	+	-	-	кон. IX-нач. X вв.	3
	2	С-Ю/ 3-В	4,25×2,0	+	сырец	-	+	глинобит	+	нач. VII - сер. IX вв.	4, 6
	3	С-Ю/ 3-В	6,4×2,8	+	-	-	-	-	-	3 четв. V - нач. VI вв.	15
«Берег» 1989 г.	2	С-Ю/ 3-В	6,7×4,0	+	-	-	-	земля	-	1 пол. IX в.	22
	4	С-Ю/ 3-В	16,9×6,2	+	-	-	-	земля	-	1 пол. IX в.	

«Береговой А» 1971-1972 гг.	1	СВ-Ю3	4,2×ок.7	+	сырец	-	-	глинобит	+	нач. VII - нач. VIII вв.	45
«Северный город» 1954 г.	A	С-Ю/ 3-В	1,9×2,0	+	-	-	-	-	-	2 четв. VIII - сер. IX вв.	41.1-2
«Северный город» 1949 г.	1	С-Ю/ 3-В	9,75×?	+	сырец	-	-	-	-	2 четв. VIII - сер. IX вв.	38
«Северный город» 1948 г.	A	ЮВ-С3/ Ю3-СВ	7,7×?	+	сырец	0,65	-	-	-	кон. IX - нач. X вв.	37
«Северный город» 1939 г.	С	С-Ю/ 3-В	5,75×4,8	+	-	-	-	-	-	нач. VII - сер. IX вв.	35
«Город А» 1970 г.	1	С-Ю/ 3-В	4,6×3,3	+	-	-	-	-	-	нач. VII - сер. IX вв.	32

«Центральный» 1959-1960, 1968, 1970 гг.	1	С-Ю/ 3-В	8,35×4,35	+	-	-	+	глинобит	-	2 четв. VIII - сер. IX вв.	50
	2	С-Ю/ 3-В	-	+	-	-	-	глинобит	-	2 четв. VIII - сер. IX вв.	50, 51
	3	С3-ЮВ	7,10×4,70	+	-	-	+	глинобит	-	2 четв. VIII - сер. IX вв.	50, 52
	4	С3-ЮВ	7,10×?	+	-	-	-	глинобит	-	2 четв. VIII - сер. IX вв.	50, 52
	5	С3-ЮВ	-	+	-	-	+	глинобит	-	2 четв. VIII - сер. IX вв.	53
	6	С3-ЮВ	4,65×?	+	-	-	-	-	-	2 четв. VIII - сер. IX вв.	53, 57
	7	С3-ЮВ	-	+	-	-	+	черепяный	-	2 четв. - 3 четв. VI в.	59
«Юго-Западный» 1973 г.	1	С-Ю/ 3-В	бол. 9,4×3,6	+	-	+	-	глинобит	-	2 четв. VIII - сер. IX вв.	63

Тип IV

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-85 БС V/я.Л, IV/1, I/13, V/13, VI/14, V/16, V/я.Л, VI/пифос	-430	239	-	213	85	78	35×27	70.1
Ф-85 БС I/13, VI/14-развал, I/15	-	-268	-	-	-	-	-	70.2
Ф-85 БС I/12, №1531	-	-	-	-	-	-	33×18	70.3
Ф-85 БС I/12, №1532	-	-	-	-	-	-	36×17	70.4
Ф-85 БС I/13, №1530	-	-	-	-	-	-	26×21	70.5
Ф-85 БС II/14, №180	-	-	-	-	-	-	33×15	70.6
Ф-83 БС IV/5 вым. 16а, №1256	-	-	-	-	-	-	32×32	70.7
Ф-83 БС IV/6, №175	-	-	-	-	-	-	31×19	70.8
Ф-85 БС IV/14, №395	-	-	-	-	-	-	30×22	70.9
Ф-85 БС IV/15, №1537	-	-	-	-	-	-	27×22	70.10
Ф-83 БС V-VI/5, №136	-	-	-	-	-	-	34×23	70.11
Ф-83 БС VI/5, №137	-	-	-	-	-	-	40×26	70.12
Ф-83 БС V-VI/5, №186	-	-	-	-	-	-	29×20	70.13
Ф-83 БС V-VI/5, №1262	-	-	-	-	-	-	32×22	70.14
Ф-85 БС IV/пифос, №1337	-	-	-	-	-	-	22×9	70.15
Ф-85 БС III/12, №1322	-	-	-	-	-	-	-	70.16
Ф-83 БС IV/5-вым. 16а, №1299	-	-	-	-	-	-	-	70.17
Ф-85 БС IV/14, №1294	-	-	-	-	-	-	-	70.18
Ф-85 БС V/16, №125	-	-	-	-	-	-	-	70.19
Ф-85 БС IV/я.О, №1624	-	-	-	-	-	-	-	70.20
Ф-94 Б IV/3	-	-	-	-	-	-	-	70.21
б-ш, №1462	-	-	-	-	-	-	-	70.22
Ф-85 БС IV/14	-	-	-	-	120	59	26×15	71.1
Ф-85 БС IV/14-пифос, IV/15, IV/16, №149	-	198	-	-	-	-	-	71.2
Ф-83 БС IV/5-вым. 16а, №1296	-	-	-	-	-	-	-	71.4
Ф-83 БС IV/5-вым. 16а, №1313	-	-	-	-	-	-	-	71.5

Тип V

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-85 БС VI/14, №22	-	185	-	-	-	-	-	72.1
Ф-82 БС II/14	-	-	-	-	86	75	27×23	72.2
Ф-85 БС VI/14-разв. 1, №700	-	-	-	-	80	73	30×20	72.3
Ф-85 БС VI/14, №1393	-	-	-	-	84	64	29×24	72.4
Ф-90 ВГ я.7	-	-	-	-	88	58	34×20	72.5
Ф-85 БС II/13, II/15-под кладкой, №1431	-	155	-	170	78	50	24×15	72.6
ИЛ-80 пом.1 яма	-	175	-	-	-	-	28×22	72.7

Тип VI

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-85 БС VI/12, V/16	-420	170	-	152	90	48	20×14	73.1
Ф-85 БС VI/12, I/15	-160	160	-	-	-70	-	22×14	73.2
Ф-85 БС VI/14-развал, VI/пифос, VI/печь	-240	150	-	-	-	-	-	73.3
Ф-85 БС VI/14, №88	-	-	-	-	-	39	17×9	73.4
Ф-85 БС VI/пифос, VI/печь, №118	-	-	-	-	-	-	-	73.5
Ф-85 БС IV/пифос, №1339	-	-	-	-	-	-	-	73.6
Ф-83 БС III/3, №1293	-	-	-	-	-	-	-	73.7
Ф-85 БС IV/я.О, №1623	-	-	-	-	-	-	-	73.8
Ф-85 БС IV/13, №1285	-	-	-	-	-	-	-	73.9
Ф-85 БС VI/14, №217	-	-	-	-	-	-	31×22	73.10
Ф-85 БС VI/пифос, №218	-	-	-	-	-	-	34×14	73.11
Ф-85 БС VI/14, №89	-	-	-	-	-	-	-	73.12
Ф-85 БС VI/пифос, №124	-	-	-	-	-	-	-	73.13

Тип VII

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-85 БС IV/я.О	640	348	-	300	180	78	46×30	74

Группа II

Тип VIII

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-39 СГ III-I/13	400	200	-	-	-	-	-	75.1
Ф-75 ВГ я.Д (оп.5)	400	210	443	162	71	48	36×29	75.2
Ф-76 ВГ я.Л (оп.2)	415	220	410	160	50	50	-	75.3
Ф б/ш	415	224	-	170	60	55	30×18	75.4
Ф-48 СГ I/14 (оп.71)	-	-	-	-	45	32	31×29	76.1
Ф-48 СГ II/6 (оп.184)	-	-	-	-	58	52	-	76.2
Ф-54 СГ IX-XIII (оп.216)	-	-	-	-	34	47	31×20	76.3
Ф-54 СГ XIV/1(оп.988)	-	-	-	-	56	-	32×19	76.4
Ф-54 СГ XV/5	-	-	-	-	68	-	55×25	76.5
Ф-54 СГ XV-XVI/2 (оп.144)	-	247	-	183	62	44	-	76.6
Ф-54 СГ XV/3 (оп.50)	-	207	-	150	57	50	31×22	76.7
Ф-54 СГ XVII/6 (оп.37)	-	-	-	-	48	52	-	76.8
Ф-54 СГ б/ш	-	-	-	-	45	-	-	76.9
Ф-68 Ц XX/5	-	-	-	-	-	-	38×17	76.10
Ф-68 Ц XX/5	-	-	-	-	58	-	40×24	76.11
Ф-68 Ц XX/7	-	-	-	-	-	-	30×13	76.12

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-68 Ц XXII/8	-	-	-	-	65	-	29×23	76.13
Ф-70 Ц XX/9 (оп.2)	-	-	-	-	-	58	-	76.14
Ф-72 БА б/ш	-	-	-	-	-	-	-	76.15
Ф-77 ВГ VI/3	-	-	-	-	67	-	33×19	76.16
Ф-77 ВГ VI/4	-	-	-	-	64	48	33×22	76.17
Ф-80 ВГ I/9	-	-	-	-	67	50	35×17	76.18
Ф-80 ВГ II/6, №230	-	-	-	-	-	-	32×17	77.1
Ф-82 БС I/2, №1272	-	-	-	-	-	-	38×29	77.2
Ф-82 БС I/3, №1269	-	-	-	-	-	-	30×16	77.3
Ф-82 БС I/3, №1434	-	-	-	-	-	-	34×23	77.4
Ф-83 БС V-VI/1-3, №1394	-	-	-	-	-	52	30×18	77.5
Ф-83 БС II/3, №520	-	-	-	-	-	-	36×18	77.6
Ф-83 БС II/3, дом 1 ус.стены, №191	-	-	-	-	-	-	33×21	77.7
Ф-83 БС III/4, №1233	-	-	-	-	-	-	29×17	77.8
Ф-83 БС IV/2-4, №701	-	210	-	160	67	54	33×19	77.9
Ф-82 БС I/5, №1255	-	-	-	-	-	-	-	77.10
Ф-82 БС III/1-2, 6, №1432	-	-	-	-	-	-	29×17	77.11
Ф-82 БС III/4-5, №1398	-	-	-	-	-	48	28×17	77.12
Ф-82 БС III/5, №1439	-	-	-	-	-	-	33×16	77.13
Ф-82 БС III/6, №1254	-	-	-	-	-	-	30×18	77.14
Ф-82 БС III/6, №1264	-	-	-	-	-	-	32×17	77.15
Ф-82 БС III/6, №1435	-	-	-	-	-	-	33×21	77.16
Ф-82 БС III/7, №1433	-	-	-	-	-	-	32×20	77.17
Ф-82 БС III/7, №1194	-	-	-	-	-	50	37×23	77.18
Ф-82 БС I/я.6, №1396	-	-	-	-	-	-	31×17	77.19
Ф-85 БС III/10, №843	-	-	-	-	-	-	35×22	77.20
Ф-84 БС IV/вым.16а, №1193	-	-	-	-	-	-	34×24	77.21
Ф-82 БС IV/вым.16а, №1321	-	-	-	-	-	-	-	77.22
Ф-84 БС IV/11, №1442	-	-	-	-	-	-	32×18	77.23
Ф-85 БС I/12, №842	-	-	-	-	-	-	27×17	77.25
Ф-85 БС IV/12, №1092	-	-	-	-	-	-	36×21	78.1
Ф-85 БС IV/12, №1436	-	-	-	-	-	-	31×21	78.2
Ф-85 БС II/15, №223	-	-	-	-	-	-	26×24	78.3
Ф-85 БС III/14, №1274	-	-	-	-	-	-	28×18	78.4
Ф-85 БС VI/14-развал, №95	-	-	-	-	-	-	21×17	78.5
Ф-85 БС VI/15, №1399	-	-	-	-	-	-	32×12	78.6
Фб/ш, № 1263	-	-	-	-	-	-	31×18	78.7
Ф-85 БС IV/я.Н, №977	-	230	-	190	70	60	31×17	78.8
Ф-85 БС IV/я.Н, №1	-	230	-	-	-	-	-	78.9

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-89 Б IIIA/1	-	-	-	-	-	-	31×14	78.10
Ф-89 Б IIIA/1	-	-	-	-	-	-	33×20	78.11
Ф-89 Б IIIA/3	-	-	-	-	-	-	32×18	78.12
Ф-89 Б IIIA/3	-	-	-	-	-	-	31×13	78.13
Ф-89 Б IIIA/3	-	-	-	-	-	-	32×21	78.14
Ф-89 Б III/4	-	-	-	-	-	-	30×21	78.14
Ф-89 Б III/4	-	-	-	-	-	-	30×20	78.16
Ф-89 Б III/4	-	-	-	-	-	-	33×21	78.17
Ф-89 Б III/4	-	-	-	-	-	-	38×22	78.18
Ф-89 Б VA/2	-	-	-	-	-	-	34×26	78.19
Ф-89 Б V/7	-	-	-	-	63	49	32×18	78.20
Ф-89 Б VIA/1	-	-	-	-	-	-	36×22	78.21
Ф-89 Б VIA/1	-	-	-	-	-	-	34×20	78.22
Ф-89 Б VIA/1	-	-	-	-	-	-	30×19	78.23
Ф-89 Б VIA/1	-	-	-	-	-	-	31×20	78.24
Ф-89 Б VIA/1	-	-	-	-	-	-	30×20	78.25
Ф-89 Б VIA/4	-	-	-	-	-	-	30×16	78.26
Ф-89 Б VIIA/2	-	-	-	-	-	-	29×20	78.27
Ф-89 Б VIIA/4	-	-	-	-	-	-	-	78.28
Ф-89 Б VIIA/4	-	-	-	-	-	-	29×21	78.29
Ф-94 Б I/2	-	-	-	-	-	-	30×24	78.30
Ф-94 Б II/3	-	-	-	-	-	-	-	78/31
Ф-94 Б IV	-	-	-	-	-	-	32×23	78.32
Ф-95 Б VIII/4	-	-	-	-	-	-	34×22	78.33

Тип IX

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-73 ЮЗ XII/кл.17	450	213	-	200	70	62	30×23	79.1
Ф-75 ВГ я.Д(оп.3)	475	210	465	170	53	-	30×20	79.2
Ф-75 ВГ я.Д(оп.12)	409	240	403	150	54	-	30×22	79.3
Ф-76 ВГ я.Л(оп.1)	395	190	355	170	51	42	-	79.4
Ф-80 ВГ б/ш	470	240	-	150	60	42	-	79.5
Ф-85 БС IV/13 я.Н	-	220	-	150	65	58	37×18	79.6
Ф-85 БС IV/13 я.Н	-	-	-	-	58	57	32×21	80.1
Ф-95 БV/3	-	260	-	200	70	61	35×24	80.2
Ф-54 СГ XV/5 (оп.177)	-	-	-	-	67	-	32×25	80.3
Ф-54 СГ IX-XI/1 (оп.302)	-	-	-	-	60	-	35×22	80.4
Ф-70 Ц XXII/9 (оп.29)	-	-	-	-	62	-	34×18	80.5
Ф-73 Ц IX-XVIII-XI/17 (оп.16) № 991	-	-	-	-	-	-	30×23	80.6

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-82 БС I/4, № 1397	-	-	-	-	-	-	28×13	80.7
Ф-83 БС III-IV/бровка, № 1266	-	-	-	-	-	-	31×20	80.8
Ф-83 БС IV/4, № 1267	-	-	-	-	-	-	29×21	80.9
Ф-83 БС IV/4, № 1463	-	-	-	-	-	-	-	80.10
Ф-83 БС IV/5, № 1275	-	-	-	-	-	-	32×18	80.11
Ф-83 БС IV/7, № 1129	-	-	-	-	-	-	27×17	80.12
Ф-83 БС IV/7, № 1276	-	-	-	-	-	-	28×17	80.13
Ф-84 БС III/8, № 1265	-	-	-	-	-	-	28×11	80.14
Ф-85 БС III/16, № 1271	-	-	-	-	-	-	28×17	80.15
Ф-85 БС IV/4 я.Н, № 1395	-	-	-	-	-	-	30×20	80.16
Ф-85 II/под кладкой, № 1495	-	-	-	-	48	40	34×25	80.17
Ф-85 II/под кладкой, № 1534	-	-	-	-	-	-	30×22	80.18
Ф-89 Б VI/3	-	-	-	-	-	42	-	80.19
Ф-94 Б II/2	-	-	-	-	-	-	27×17	80.20
Ф-94 Б I/4	-	-	-	-	-	-	33×26	80.21
Ф-94 Б I/4	-	-	-	-	-	-	32×24	80.22

Тип X

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-75 ВГ я.Д (оп.1)	480	244	470	160	78	52	39×20	81.1
Ф-75 ВГ я.Д (оп.14)	430	222	424	150	55	48	32×21	81.2
Ф-75 ВГ я.Д (оп.8)	420	223	415	148	62	55	37×18	81.3
Ф-76 ВГ я.Л (оп.3)	410	240	390	124	60	46	-	81.4
Ф-83 БС IV/2-5, 9	385	218	377	143	75	51	34×22	81.5
Ф-49 СГ VIII/10	-	-	-	-	70	52	35×22	82.1
Ф-54 СГ XV-XVI/3 (оп.154)	-	-	-	-	67	-	34×23	82.2
Ф-68 Ц XX/5	-	-	-	-	52	-	40×27	82.3
Ф-710 Ц XXII/9 (оп.16)	-	-	-	-	-	-	35×28	82.4
Ф-72 БА б/ш	-	-	-	-	-	-	-	82.5
Ф-83 БС III/4, № 1464	-	-	-	-	-	-	-	82.6
Ф-83 БС III/6-вым.А, № 1324	-	-	-	-	-	-	-	82.7
Ф-83 БС III-IV/бровка, № 1259	-	-	-	-	-	-	34×19	82.8
Ф-85 БС IV/12, № 1192	-	-	-	-	68	54	25×18	82.9
Ф-85 БС IV/15, № 1533	-	-	-	-	-	-	36×28	82.10
Ф-85 БС IV/15, № 1535	-	-	-	-	-	-	33×20	82.11
Ф-85 БС IV/я.1, № 1553	-	-	-	-	-	-	35×22	82.12
Ф-85 БС IV/пифос, № 1336	-	-	-	-	-	-	36×27	82.13
Ф-89 Б VIIA/2	-	-	-	-	-	48	36×19	82.14

Тип XI

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-75 ВГ я.Д (оп.2)	410	224	405	160	60	52	30×17	83.1
Ф-75 ВГ я.Д (оп.4)	420	240	-	180	52	-	28×06	83.2
Ф б/ш	410	230	-	144	72	58	28×17	83.3
Ф-85 БС IV/15	423	230	-	263	60	52	35×24	83.4
Ф-54 СГ XVII/5 (оп.25)	-	-	-	-	-	56	-	84.1
Ф-72 БА б/ш	-	-	-	-	-	-	-	84.2
Ф-77 ВГ VI/4	-	-	-	-	78	49	33×22	84.3
Ф-83 БС IV/7	-	-	-	-	65	67	35×23	84.4
Ф-87 ЮГ LXXXVIII (оп.88.3)	-	-	-	-	110	74	34×22	84.5
Ф-80 ВГ Ч/6, №244	-	-	-	-	-	-	30×19	84.6
Ф-82 БС IV/1, №1461	-	-	-	-	-	-	-	84.7
Ф-82 БС IV/3, №1289	-	-	-	-	-	-	-	84.8
Ф-82 БС IV/3, №1317	-	-	-	-	-	-	-	84.9
Ф-83 БС III/5, №1400	-	-	-	-	-	-	32×18	84.10
Ф-83 БС IV/5, №1302	-	-	-	-	-	-	-	84.11
Ф-83 БС IV/5, №1306	-	-	-	-	-	-	-	84.12
Ф-83 БС IV/5, №1309	-	-	-	-	-	-	-	84.13
Ф-83 БС IV/5, №1311	-	-	-	-	-	-	-	84.14
Ф-83 БС IV/5, №1320	-	-	-	-	-	-	-	84.15
Ф-83 БС IV/5, №1323	-	-	-	-	-	-	-	84.16
Ф-83 БС IV/5, №1410	-	-	-	-	-	-	-	84.17
Ф-85 БС VI/8, №1288	-	-	-	-	-	-	-	84.18
Ф-85 БС IV/15, №1536	-	-	-	-	-	-	29×19	84.19

Тип XII

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-39 СГ III-I/13 (оп.705)	450	220	-	200	70	66	34×24	85.1
Ф-49 СГ XI/3 (оп.314)	294	200	-	166	70	55	34×23	85.2
Ф-73 ЮЗ XII кл.17 (оп.2)	415	227	-	160	65	64	27×23	85.3
Ф-75 ВГ я.Д (оп.11)	435	233	-	184	84	62	42×11	85.4
Ф-85 БС IV/я.Н	420	240	412	170	50	60	34×18	85.5
Ф-54 СГ XV-XVI/3 (оп.153)	-	-	-	-	63	-	34×24	86.1
Ф-68 Ц XXII/8	-	-	-	-	54	-	42×29	86.2
Ф-71 БА я.В	-	-	-	-	60	52	40×27	86.3
Ф-75 б/ш	-	-	-	-	52	-	-	86.4
Ф-82,84 IV/5-вым.А	-	-	-	-	70	55	34×20	86.5
Ф-83 БС III/6	-	-	-	-	135	70	32×20	86.6
Ф-84 БС IV/9	-	-	-	-	58	67	32×19	86.7

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-83 БС V-VI/1-3, №1319	-	-	-	-	-	-	-	89.16
Ф-83 БС IV/3, №750	-	-	-	-	-	-	-	89.17
Ф-83 БС IV/5, №1282	-	-	-	-	-	-	-	89.18
Ф-83 БС I/7, №277	-	-	-	-	-	-	-	89.19
Ф-83 БС II/7, №276	-	-	-	-	-	-	-	89.20
Ф-83 БС II/7, №738	-	-	-	-	-	-	-	89.21
Ф-83 БС II/7, №1279	-	-	-	-	-	-	-	89.22
Ф-84 БС I/8, №771	-	-	-	-	-	-	-	89.23
Ф-84 БС II/8, №745	-	-	-	-	-	-	-	89.24
Ф-84 БС III/8, №6	-	-	-	-	-	-	-	89.25
Ф-84 БС III/8, №1316	-	-	-	-	-	-	-	89.26
Ф-84 БС I/9, №763	-	-	-	-	-	-	-	89.27
Ф-84 БС I/9, №770	-	-	-	-	-	-	-	89.28
Ф-84 БС III/9, №13	-	-	-	-	-	-	-	89.29
Ф-84 БС III/9, №741	-	-	-	-	-	-	-	89.30
Ф-84 БС I/10, №742	-	-	-	-	-	-	-	89.31
Ф-84 БС V/10, №761	-	-	-	-	-	-	-	89.32
Ф-84 БС I/11, №740	-	-	-	-	-	-	-	89.33
Ф-84 БС I/11, №746	-	-	-	-	-	-	-	89.34
Ф-84 БС II/11, №15	-	-	-	-	-	-	-	89.35
Ф-84 БС V/11, №760	-	-	-	-	-	-	-	89.36
Ф-84 БС VI/11, №739	-	-	-	-	-	-	-	89.37
Ф-84 БС IV/я.4, №1304	-	-	-	-	-	-	-	89.38
Ф-85 БС III/12, №11	-	-	-	-	-	-	-	89.39
Ф-85 БС III/12, №757	-	-	-	-	-	-	-	89.40
Ф-85 БС I/13, №743	-	-	-	-	-	-	-	89.41
Ф-85 БС I/13, №749	-	-	-	-	-	-	-	89.42
Ф-85 БС III/13, №756	-	-	-	-	-	-	-	89.43
Ф б/ш, №764	-	-	-	-	-	-	-	89.44
Ф б/ш, №723	-	-	-	-	84	59	34×21	89.45
Ф б/ш	-	282	-	210	72	-	-	89.46

Тип XV

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-48 СГ III/2 (оп.384)	-	-	-	-	75	52	-	90.1
Ф-48 СГ III/3 (оп.937)	-	-	-	-	77	-	33×26	90.2
Ф-48 СГ III/3 (оп.396)	-	-	-	-	68	44	-	90.3
Ф-49 СГ IX/7(оп.285)	-	-	-	-	53	-	-	90.4
Ф-54 СГ IX-XII/1 (оп.337)	-	-	-	-	70	62	36×28	90.5

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-82 БС I/3, №1308	-	-	-	-	-	-	-	91.8
Ф-82 БС II/3, №398	-	-	-	-	-	-	-	91.9
Ф-82 БС II/5, №1277	-	-	-	-	-	-	-	91.10
Ф-82 БС I/я.А, №766	-	-	-	-	-	-	-	91.11
Ф-83 БС III/3, №1298	-	-	-	-	-	-	-	91.12
Ф-83 БС III-IV, №449	-	-	-	-	-	-	-	91.13
Ф-83 БС IV/2, №1312	-	-	-	-	-	-	-	91.14
Ф-83 БС III/5, №1303	-	-	-	-	-	-	-	91.15
Ф-83 БС IV/5, №1286	-	-	-	-	-	-	-	91.16
Ф-83 БС IV/5, №1292	-	-	-	-	-	-	-	91.17
Ф-83 БС III/6, №1318	-	-	-	-	-	-	-	91.18
Ф-83 БС III/7, №1280	-	-	-	-	-	-	-	91.19
Ф-83 БС III/7, №1300	-	-	-	-	-	-	-	91.20
Ф-83 БС IV/7, №762	-	-	-	-	-	-	-	91.21
Ф-83 БС IV/7, №1257	-	-	-	-	-	-	34×14	91.22
Ф-83 БС III-IV/7, №1268	-	-	-	-	-	-	30×19	91.23
Ф-84 БС I/8, №9	-	-	-	-	-	-	-	91.24
Ф-84 БС VI/8, №1295	-	-	-	-	-	-	-	91.25
Ф-84 БС VI/9, №737	-	-	-	-	-	-	-	91.26
Ф-84 БС IV/11, №736	-	-	-	-	-	-	-	91.27
Ф-84 БС IV/вым.А, №1278	-	-	-	-	-	-	-	91.28
Ф-84 БС IV/вым.А, №1281	-	-	-	-	-	-	-	91.29
Ф-84 БС IV/вым.А, №1301	-	-	-	-	-	-	-	91.30
Ф-84 БС IV/вым.А, №13058	-	-	-	-	-	-	-	91.31
Ф-84 БС IV/я.А, №15528	-	-	-	-	-	-	-	91.32
Ф-84 БС VI, №1459	-	-	-	-	-	-	-	91.33
Ф-85 БС III/12, №730	-	-	-	-	-	-	35×25	91.34
Ф-85 БС V-VI/12, №726	-	-	-	-	-	-	33×19	91.35
Ф-85 БС V-VI/12, №1498	-	-	-	-	-	-	-	91.36
Ф-85 БС III/13, №744	-	-	-	-	-	-	-	91.37
Ф-85 БС IV/14, №1499	-	-	-	-	-	-	29×22	91.38
Ф-85 БС VI/15, №154	-	-	-	-	67	-	35×21	91.39
Ф-85 БС III/16, №747	-	-	-	-	-	-	-	91.40
Ф-85 БС III/16, №751	-	-	-	-	-	-	33×31	91.41
Ф-85 БС I/я.И, №187	-	-	-	-	-	-	-	91.42
Ф-85 БС VI/печь, №727	-	-	-	-	-	-	-	91.43
Ф-89 Б II/4	-	-	-	-	-	-	31×24	91.44
Ф-89 Б II/4	-	-	-	-	73	74	-	91.45

Неатрибутируемые фрагменты

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-39 СГ (оп.105а)	-	-	-	-	-	-	39×26	92.1
Ф-48 СГ III/1 (оп.374)	-	-	-	-	-	-	-	92.2
Ф-48 СГ III/1 (оп.375)	-	-	-	-	-	-	-	92.3
Ф-48 СГ III/1 (оп.376)	-	-	-	-	-	-	-	92.4
Ф-48 СГ III/1 (оп.377)	-	-	-	-	-	-	-	92.5
Ф-48 СГ III/2 (оп.382)	-	-	-	-	-	-	-	92.6
Ф-48 СГ VIII/15 (оп.83)	-	-	-	-	65	-	39×27	92.7
Ф-49 СГ VIII/15 (оп.261)	-	-	-	-	84	-	47×22	92.8
Ф-54 СГ XVI/6 (оп.191)	-	-	-	-	55	-	-	92.9
Ф-54 СГ XVII/16 (оп.410)	-	-	-	-	80	-	34×26	92.10
Ф-83 БС IV/2-3, №1260	-	-	-	-	-	-	28×18	92.11
Ф-83 БС IV/7, №1134	-	-	-	-	-	-	31×16	92.12
Ф-83 БС IV/8-9, №80	-	-	-	-	-	-	37×20	92.13
Ф-83 БС IV/бр., №85	-	-	-	-	-	-	34×23	92.14
Ф-84 БС I/10, №83	-	-	-	-	-	-	34×20	92.15
Ф-84 БС I/10, №86	-	-	-	-	-	-	33×23	92.16
Ф-84 БС III/10, №76	-	-	-	-	-	-	32×23	92.17
Ф-84 БС III/11, №87	-	-	-	-	-	-	31×21	92.18
Ф-85 БС III/12, №81	-	-	-	-	-	-	33×26	92.19
Ф-85 БС I/13, №731	-	-	-	-	-	-	34×25	92.20
Ф-85 БС III/13, №73	-	-	-	-	-	-	37×26	92.21
Ф-85 БС III/13, №77	-	-	-	-	-	-	37×24	92.22
Ф-85 БС II/14, №1497	-	-	-	-	-	-	23×17	92.23
Ф-85 БС III/15, №75	-	-	-	-	-	-	34×24	92.24
Ф-85 БС III/15, №724	-	-	-	-	-	-	33×27	92.25
Ф-85 БС III/16, №732	-	-	-	-	-	-	35×29	92.26
Ф-85 БС VI/печь, №845	-	-	-	-	-	-	34×17	92.27
Ф-85 БС VI/6	-	-	-	-	-	-	-	92.28
б/ш, №734	-	-	-	-	-	-	33×25	92.29
б/ш, №733	-	-	-	-	-	-	31×28	92.30
б/ш, №753	-	-	-	-	-	-	33×20	92.31
б/ш, №735	-	-	-	-	-	-	27×22	92.32

Воротничковые амфоры

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-89 Б II/3	-	-	-	-	-	-	53×21	94.1
Ф-89 Б ПА/1	-	-	-	-	-	82	-	94.2

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	H	D	H ₀	H ₁	H ₃	d	dR	
Ф-89 Б V/3	-	-	-	-	-	-	-	94.3
Ф-89 Б VIIA/4	-	-	-	-	-	-	51×22	94.4
Ф-89 Б VIIA/4	-	-	-	-	-	-	35×21	94.5
Ф-94 Б I/1	-	-	-	-	-	-	52×24	94.6
Ф-94 Б I/1	-	-	-	-	-	-	63×26	94.7
Ф-94 Б I/2	-	-	-	-	-	-	52×26	94.8
Ф-94 Б I/4	-	-	-	-	-	-	-	94.9
Ф-94 Б II/2	-	-	-	-	-	-	52×22	94.10
Ф-94 Б II/2	-	-	-	-	-	-	-	94.11
Ф-94 Б II/2	-	-	-	-	-	-	-	94.12
Ф-94 Б IV/перекоп	-	-	-	-	-	-	54×22	94.13

**Метрические характеристики
высокогорлых кувшинов с плоской ручкой**

Первый столбец - паспортные данные сосуда. Далее - минимальный набор линейных характеристик в миллиметрах: Н - высота сосуда, D - максимальный диаметр тулова, Н_з - высота горла, d - диаметр устья горла, dD - диаметр дна, tV - толщина веныча, dR - диаметр ручки. Завершающий столбец - отсылка к рисунку данного сосуда.

Происхождение	Линейные размеры, мм							Рис.
	Н	D	Н _з	d	dD	tV	dR	
Ф-70 б/ш	-	-	-	-	-	-	-	95.1
Ф-73ЮЗ XII/10, №628	460	250	85	64	140	-	47×13	95.2
Ф-48 СГ I/К	-	-	120	-	-	18	-	95.3
Ф-54 СГ XVII/6(оп.39)	-	-	98	84	-	18	-	95.4
Ф-80 ВГ X, ЮЦ/6, №665	-	-	-	-	-	21	54×23	95.5
Ф-85 БС IV/я.О, №629	-	-	105	95	-	17	47×13	95.6
Ф-85 БС IV/я.Н, №664	-	-	120	-	-	18	49×14	95.7
Ф-85 БС III/15, №261	-	-	-	-	-	14	42×12	95.8
Ф-85 БС III/15, №663	-	-	-	-	-	-	52×14	95.9
Ф-85 БС III/15	-	-	73	78	-	-	53×15	95.10
Ф-84 БС II/11, №687	-	-	-	-	-	-	52×13	95.11
Ф-89 Б III/3	-	-	-	-	-	-	-	95.12
Ф-85 БС IV/я.О	-	-	-	-	145	-	-	95.13
Ф-85 БС IV/4, 7, вым.А, III/12, №662	-	-	-	-	140	-	-	95.14
Ф-48	-	-	-	-	-	20	-	96.1
Ф-68 Ц XXI/я.1 (оп.1)	-	-	-	-	-	18	-	96.2
Ф-68 Ц XXI/я.1 (оп.2)	-	-	-	-	-	17	-	96.3
Ф-80 ВГ X, ЮЦ/5, №670	-	-	-	-	-	16	-	96.4
Ф-83 БС III/3, №1460	-	-	-	-	-	-	-	96.5
Ф-83 БС III/4, №672	-	-	-	-	-	17	-	96.6
Ф-83 БС IV/5, №672	-	-	-	-	-	22	-	96.7
Ф-83 БС II/7, №1039	-	-	-	-	-	13	-	96.8
Ф-84 БС IV/8, №691	-	-	-	-	-	12	-	96.9
Ф-84 БС II/11, №668	-	-	-	-	-	32	-	96.10
Ф-85 БС III/15, №263	-	-	-	-	-	23	-	96.11
Ф-85 БС IV/я.О, №667	-	-	-	-	-	16	-	96.12
Ф-85 БС IV/я.О, №669	-	-	-	-	-	15	-	96.13
Ф-94 БС IV/1	-	-	-	-	-	14	-	96.14
Ф-94 БС IV/1	-	-	-	-	-	14	-	96.15
Ф-89 БС IV/2	-	-	-	-	-	8	-	96.16

Стратиграфическое распределение датирующего материала

Обозначения: Зеест, 96-97 = Тип I; Late Roman Amphora 4 = Тип II; Якобсон, 7 = Тип III; Late Roman Amphora 1 = Тип IV; Зеест, 99 = Тип VI; Sazanov, 25 = VIII; Sazanov, 23 = Тип IX; Баранов, 5 = Тип X; Sazanov, 41 = Тип XI; Sazanov, 42 = Тип XII; Баранов, 8 = Тип XIII; Sazanov, 24 = Тип XIV; Sazanov, 29 = Тип XV; Баранов, 2 = Тип XVI; Günsenin, II = Воротничковые амфоры; ВКПР = Высокогорлые кувшины с плоской ручкой.

Цифра, стоящая перед обозначением материала - количество фрагментов.

«Береговой Стратиграфический» 1982-1985 гг.

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
I	1	Монета Шаин-Гирея (1777-1783)	139.9
		Баранов, 2	91.6
II	1	Зеест, 96-97	67.8
IV	1	Якобсон, 7	69.2
		Late Roman Amphora 1	70.1
		Sazanov, 41	84.7
		ВКПР	-
I	2	2 Sazanov, 25	77.2, 11
		Баранов, 2	91.7
		ВКПР	-
IV	2	2 Якобсон, 7	69.2
		Баранов, 2	91.14
		ВКПР	-
I	3	2 Sazanov, 25	77.3-4
		Баранов, 2	91.8
II	3	2 Sazanov, 25	77.6-7
		Баранов, 2	91.9
		Поливная керамика	126.6
III	3	Зеест, 99	73.8
		Sazanov, 42	86.11
		Баранов, 2	91.11
		ВКПР	96.5
IV	3	2 Sazanov, 41	84.8-9
		Sazanov, 24	89.17
		ВКПР	96.40
		Ойнохоя	115.15
VI	3	Турецкая трубка	139.11

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
I	4	Sazanov, 23	80.7
		Баранов, 5	82.6
		2 ВКПР	96.25-26
III	4	Sazanov, 25	77.8
		ВКПР	96.6
IV	4	Якобсон, 7	69.2
		2 Sazanov, 23	80.9-10
		3 Sazanov, 42	86.8, 14-15
		4 ВКПР	95.14, 96.35
I	5	Sazanov, 25	77.10
		Поливная керамика	126.2
II	5	баранов, 2	91.10
III	5	2 Sazanov, 2	77.12-13
		Sazanov, 41	84.10
		Sazanov, 42	86.12
		Баранов, 2	91.15
IV	5	5 Late Roman Amphora 1	70.7, 12, 17, 71.3-4
		Sazanov, 23	80.11
		7 Sazanov, 41	84.11-17
		Sazanov, 24	89.18
		4 Sazanov, 29	90.16-19
		2 Баранов, 2	91.16-17
		4 ВКПР	96.7, 40, 44
		Ойнохоя	115.16
		2 Поливная керамика	126.7-8
		Стеклянная рюмка	130.20
V-VI	5	3 Late Roman Amphora 1	70.11, 13-14
I	6	Sazanov, 25	77.11
		Поливная керамика	126.3
II	6	2 ВКПР	-
III	6	3 Sazanov, 25	77.14-16
		Sazanov, 42	86.6
		Баранов, 2	91.18
III-IV	вым. А	Баранов, 5	82.7
		Sazanov, 42	86.5
		3 Sazanov, 29	90.23-25
		4 Баранов, 2	91.28-31
		3 ВКПР	95.14, 96.34
IV	6	Late Roman Amphora 1	70.8
		ВКПР	96.27

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
I	7	Sazanov, 24	89.19
		Стеклянная рюмка	130.18
II	7	Sazanov, 42	86.9
		3 Sazanov, 24	89.20-22
		ВКПР	96.8
III	7	2 Sazanov, 25	77.17-18
		2 Sazanov, 42	86.10, 13
		2 Баранов, 2	91.19-20
		ВКПР	96.28
IV	7	2 Sazanov, 23	80.12-13
		Sazanov, 41	84.4
		3 Баранов, 2	91.21-23
		ВКПР	95.14
I	8	Sazanov, 24	89.23
		Баранов, 2	91.24
		Ойнохоя	115.17
II	8	Sazanov, 24	89.24
III	8	Sazanov, 25	77.23
		Sazanov, 23	80.14
		2 Sazanov, 24	89.25-26
		3 Ойнохоя	115.18-20
IV	8	3 ВКПР	96.9, 29, 40
VI	8	Sazanov, 41	84.18
		Баранов, 2	91.25
		Ойнохоя	115.22
		Стеклянная рюмка	130.21
I	9	АДСВ, V	72.17
		2 Sazanov, 24	89.27-28
III	9	2 Sazanov, 24	89.29-30
		ВКПР	96.30
		Ойнохоя	115.21
IV	9	Баранов, 5	81.5
		Sazanov, 42	86.7
		ВКПР	-
VI	9	Sazanov, 29	90.20
		Баранов, 2	91.26
I	10	Sazanov, 24	89.31
		3 ВКПР	96.33, 46
		Ойнохоя	115.23

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
III	10	Sazanov, 25	77.20
		2 ВКПР	96.31
		ойнохоя	115.24
IV	10	Баранов, 8	88.3
V	10	Sazanov, 24	89.32
		Sazanov, 29	90.21
VI	10	ВКПР	-
I	11	2 Sazanov, 24	89.33-34
		2 Ойнохои	115.25, 30
II	11	Якобсон, 7	69.7
		Баранов, 8	88.2
		Sazanov, 24	89.35
		3 ВКПР	95.11, 96.10, 32
III	11	Sazanov, 29	90.22
		ВКПР	-
IV	11	Sazanov, 25	77.24
		Sazanov, 2	91.27
V	11	Sazanov, 24	89.36
VI	11	Sazanov, 24	89.37
		Ойнохоя	115.28
		2 Late Roman Amphora 1	70.3-4
		2 АДСВ, V	72.10, 41
		Sazanov, 25	77.25
		Sazanov, 29	90.27
		ВКПР	-
Ойнохоя	115.31		
II	12	Sazanov, 29	90.28
		ВКПР	-
III	12	Late Roman Amphora 1	70.16
		Sazanov, 24	89.39-40
		Баранов, 2	91.34
		ВКПР	95.14
IV	12	Якобсон, 7	69.5
		2 АДСВ, V	72.19-20
		2 Sazanov, 25	78.1-2
		Баранов, 5	82.9
		ВКПР	96.35
		Ойнохоя	115.32
VI	12	2 Зеест, 99	73.2-3
		2 Баранов, 2	91.35-36

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
I	13	3 Late Roman Amphora 1	70.1-2, 5
		Sazanov, 24	89.41
		ВКПР	-
II	13	АДСВ, V	72.6
		Стеклянная рюмка	130.22
III	13	Баранов, 8	88.1
		Sazanov, 24	89.43
		Баранов, 2	91.37
		ВКПР	-
IV	13	АДСВ, V	72.15
		Зеест, 99	73.10
		Стеклянная рюмка	130.23
V	13	Late Roman Amphora 1	70.1
		2 Стеклянные рюмки	130.24-25
VI	13	Стеклянная рюмка	130.26
I	14	АДСВ, V	72.25
		2 Стеклянные рюмки	130.27-28
II	14	2 Late Roman Amphora 4	68.1-2
		Late Roman Amphora 1	70.6
		2 АДСВ, V	72.2, 40
		Sazanov, 29	90.29
		Ойнохоя	115.33
III	14	Стеклянная рюмка	130.29
		Sazanov, 25	78.4
		3 Sazanov, 29	90.30-32
IV	14	4 Late Roman Amphora 1	70.9, 18, 71.1-2
		9 АДСВ, V	72.4, 9, 11, 13-14, 22-23, 29
		Sazanov, 29	90.33
		Баранов, 2	91.38
		ВКПР	-
V	14	Стеклянная рюмка	130.30
		Стеклянная рюмка	130.31
VI	14	Late Roman Amphora 4	68.1, 3
		2 Late Roman Amphora 1	70.1-2
		2 АДСВ, V	72.1, 3
		Амфора типа VI	73.1
		4 Зеест, 99	73.4-5, 11, 13
		Sazanov, 25	78.5
Sazanov, 29	90.29		

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
I	15	Late Roman Amphora 1	70.2
		4 АДСВ, V	72.12,18, 22, 26
		Зеест, 99	73.3
II	15	АДСВ, V	72.6
		Sazanov, 25	78.3
III	15	АДСВ, V	72.27
		4 ВКПР	95.8-10, 96.11
		Ойнохоя	115.26
IV	15	Late Roman Amphora 1	70.10
		2 АДСВ, V	72.8, 72.2
		Баранов, 5	82.10-11
		2 Sazanov, 41	83.4, 19
VI	15	Sazanov, 25	78.6
		Баранов, 2	91.39
I	16	Стеклянная рюмка	130.33
II	16	2 АДСВ, V	72.16,44
		Ойнохоя	115.34
III	16	Якобсон, 7	69.3
		АДСВ, V	72.21
		Sazanov, 23	80.15
		2 Баранов, 2	91.40-41
		2 Ойнохои	115.27, 35
IV	16	2 Якобсон, 7	69.4, 6
		АДСВ, V	72.2
V	16	2 Late Roman Amphora 1	70.1, 19
		Зеест, 99	73.2
		2 Стеклянные рюмки	130.34-35
VI	16	Зеест, 96-97	67.9
IV	вым.16а	Late Roman Amphora 1	70.5, 17
		2 АДСВ, V	72.4-5
		2 Sazanov, 25	77.21-22
I	яма 6(А)	Sazanov, 25	77.19
		Sazanov, 24	89.14
		Поливная керамика	126.4-5
I	яма И	Баранов, 2	91.42
		ВКПР	-
I	яма К	Стеклянная рюмка	130.32
V	яма Л	Late Roman Amphora 1	70.1
VI	яма М	Ойнохоя	115.30

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
IV	яма Н	2 Sazanov, 25	78.8-9
		3 Sazanov, 23	79.6, 80.1, 16
		Баранов, 5	82.12
		Sazanov, 42	85.5
		Баранов, 2	91.32
		3 ВКПР	95.7, 96.39
		Ойнохоя	113.32
IV	яма О	Late Roman Amphora 1	70.20
		Зеест, 99	73.9
		Амфора типа VIII	74
		5 ВКПР	95.6, 13, 96.12-13
VI	пифос 1	Late Roman Amphora 1	70.15
		АДСВ, V	72.28
		Зеест, 99	73.7
		Баранов, 5	82.13
VI	пифос 2	Late Roman Amphora 1	70.1
		4 Зеест, 99	73.4, 6, 12, 14
	печь 1	АДСВ, V	72.46
		2 Зеест, 99	73.4, 6
		Баранов, 2	91.43

«Берег» 1989 г.

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
IIA	1	Günsenin, II	94.2
		Турецкая трубка	139.12
IIIA	1	2 Sazanov, 25	78.10-11
VIA	1	5 Sazanov, 25	78.21-26
		2 ВКПР	96.41-42
		Поливная керамика	126.11
VIIA	1	Турецкая трубка	139.14
IA	2	Турецкая трубка	139.13
IV	2	ВКПР	96.16
V	2	Стекланный браслет	130.51
		ВКПР	-
VA	2	Sazanov, 25	78.19
VII	2	Кавказский кувшин	114.16
VIIA	2	Sazanov, 25	78.27
		Баранов, 5	82.14
		2 Ойнохои	115.41-42
		Стекланный браслет	130.52
II	3	Günsenin, II	94.1

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
IIIА	3	3 Sazanov, 25	78.12-14
		ВКПР	95.12
V	3	Günsenin, II	94.3
VA	3	Sazanov, 29	90.34
VI	3	Sazanov, 23	80.19
VII	3	Стеклянный браслет	130.53
VIIА	3	Зеест, 96-97	67.4
		Ойнохоя	115.53
II	4	2 Баринов, 2	91.44-45
III	4	4 Sazanov, 25	78.15-18
IV	4	ВКПР	96.18
V	4	Поливная керамика	126.9
VIA	4	Sazanov, 25	78.26
VIIА	4	2 Sazanov, 25	78.28-29
		3 Sazanov, 42	86.16-17
		2 Günsenin, II	94.4-5
VI	5	Поливная керамика	126.10
V	6	Стеклянный браслет	130.54
V	7	Sazanov, 25	78.20

«Берег» 1994-1995 гг.

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
I	1	2 Günsenin, II	94/6-7
II	1	Поливная керамика	126.13
IV	1	2 АСДВ, V	72.36-37
		3 ВКПР	96.14-15, 23
I	2	Sazanov, 25	78.30
		Günsenin, II	94.8
II	2	Sazanov, 23	80.20
		3 Günsenin, II	94.10-12
VIII	2	Турецкая трубка	139.19
I	3	Sazanov, 42	86.18
II	3	Sazanov, 25	78.31
		2 ВКПР	96.47-48
IV	3	Late Roman Amphora 1	70.21
		4 АСДВ, V	72.38-39, 42-43
		ВКПР	96.17
V	3	Sazanov, 23	80.2
VI	3	ВКПР	96.36

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
I	4	2 Sazanov, 23	80.21-22
		Günsenin, II	94.9
		Поливная керамика	126.12
VIII	4	Sazanov, 25	78.33

«Северный город» 1939-1940, 1948-1948, 1954 гг.

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
IX-XII	1	Sazanov, 23	80.4
		2 Sazanov, 24	89.2-3
		2 Sazanov, 29	90.5-6
XIV	1	Sazanov, 25	76.4
III	2	Sazanov, 29	90.1
IX-XII	2	ВКПР	96.21
XV	2	Sazanov, 29	90.10
XVI	2	Якобсон, 7	69.8
		Sazanov, 25	76.6
III	3	2 Sazanov, 29	90.2-3
XI	3	Sazanov, 42	85.2
XV	3	Sazanov, 25	76.7
XVI	3	Монета сулеймана I (1520-1566)	-
		Баранов, 5	82.2
		Sazanov, 42	86.1
I	4	Sazanov, 25	76.1
XV	5	Sazanov, 25	76.5
		Sazanov, 23	80.3
XVI	5	Sazanov, 29	90.11
XVII	5	Sazanov, 41	84.1
II	6	Sazanov, 25	76.2
XVII	6	Sazanov, 25	76.8
		ВКПР	95.4
IX	7	Sazanov, 24	89.1
		Sazanov, 29	90.4
XIII	7	Ойнохоя	115.1
XV	7	Sazanov, 24	89.8
IX-XII	8	Sazanov, 24	89.4
IX-XII	9	2 Sazanov, 29	90.7-8
		Баранов, 2	91.3
VIII	10	Баранов, 5	82.1
		Баранов, 2	91.1
XIV	10	Sazanov, 24	89.5
XV	10	Ойнохоя	115.2

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
XIV	11	Sazanov, 24	89.6
IX-XII	12	Ойнохоя	115.3
IX-XII	13	2 Ойнохои	115.4-5
V	14	Зеест, 96-97	67.2
XVII	14	2 Ойнохои	115.6-7
VIII	6	Баранов, 2	91.2
IX-XII	18	Ойнохоя	115.8
XVII	18	Ойнохоя	115.9

«Центральный» 1968, 1978, 1973, 1975 гг.

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
XX	5	2 Sazanov, 25	76.10-11
		Баранов, 5	82.3
XX	7	Sazanov, 25	76.12
XXI	8	Баранов, 2	91.4
XXII	8	Sazanov, 25	76.13
		Sazanov, 42	86.2
XXIV-XXVI	8	АСДВ, V	72.30
XX	9	Sazanov, 25	76.14
		Sazanov, 24	89.11
XXII	9	Sazanov, 23	80.5
		Баранов, 5	82.4
XXIV-XXVI	9	Зеест, 96-97	67.5
XXIV-XXVI	10	Зеест, 96-97	67.7
XXI	яма 1	2 ВКПР	96.2-3

«Верхний город» 1975-1977, 1980, 1990, 1995 гг.

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
X	1	ВКПР	96.43
XVI	1	ВКПР	96.19
VI	3	Sazanov, 25	76.16
VI	4	Sazanov, 25	76.17
		Sazanov, 41	84.3
VIII	4	ВКПР	96.20
X	4	ВКПР	96.24
X	5	ВКПР	96.4
II	6	Sazanov, 25	77.1
X	6	Sazanov, 41	84.6
		ВКПР	95.5
I	9	Sazanov, 25	76.18

Площадь	Штык	Датирующий материал	№ рисунка
	яма Д	Sazanov, 25	75.2
		2 Sazanov, 23	79.2-3
		3 Баранов, 5	81.1-3
		2 Sazanov, 41	83.1-2
		Sazanov, 42	85.4
		тулово	87.4
	яма К	Зеест, 96-97	67.3
	яма Л	Sazanov, 25	75.3
		Sazanov, 23	79.4
		Баранов, 5	81.4
	яма 5	Зеест, 96-97	67.6
	яма 7	7 АДСВ, V	72.5, 31-35

Таблица 6

Грунтовые погребения средневековой Фанагории

Пол погребенных	Всего	Ориентировка							Положение в могиле		Положение черепа			Погребальное сооружение		
		З	ЮЗ	СЗ	Ю	С	СВ	В/ЮВ	спина	правыйбок	правый	левый	затылок	гроб	деревянное перекрытие	каменное перекрытие
Мужское	18	17	1	-	-	-	-	-	18	-	16	-	1	1	3	3
Женское	16	10	3	1	-	-	-	2/0	16	-	12	2	2	-	1	-
Детское	59	29	13	7	-	11	-	-	56	4	29	2	11	-	3	-
Неопределенное	109	28	11	25	2	25	10	5/3	109	-	32	10	25	1	2	5
Разрушенное	24	-	1	6	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого:	227	84	29	39	3	37	11	7/3	199	4	89	14	39	2	9	8
%	100	37	12,7	17,1	1,3	16,2	4,8	3/1,3	87,6	1,7	39,2	6,1	17,1	0,8	3,9	3,5

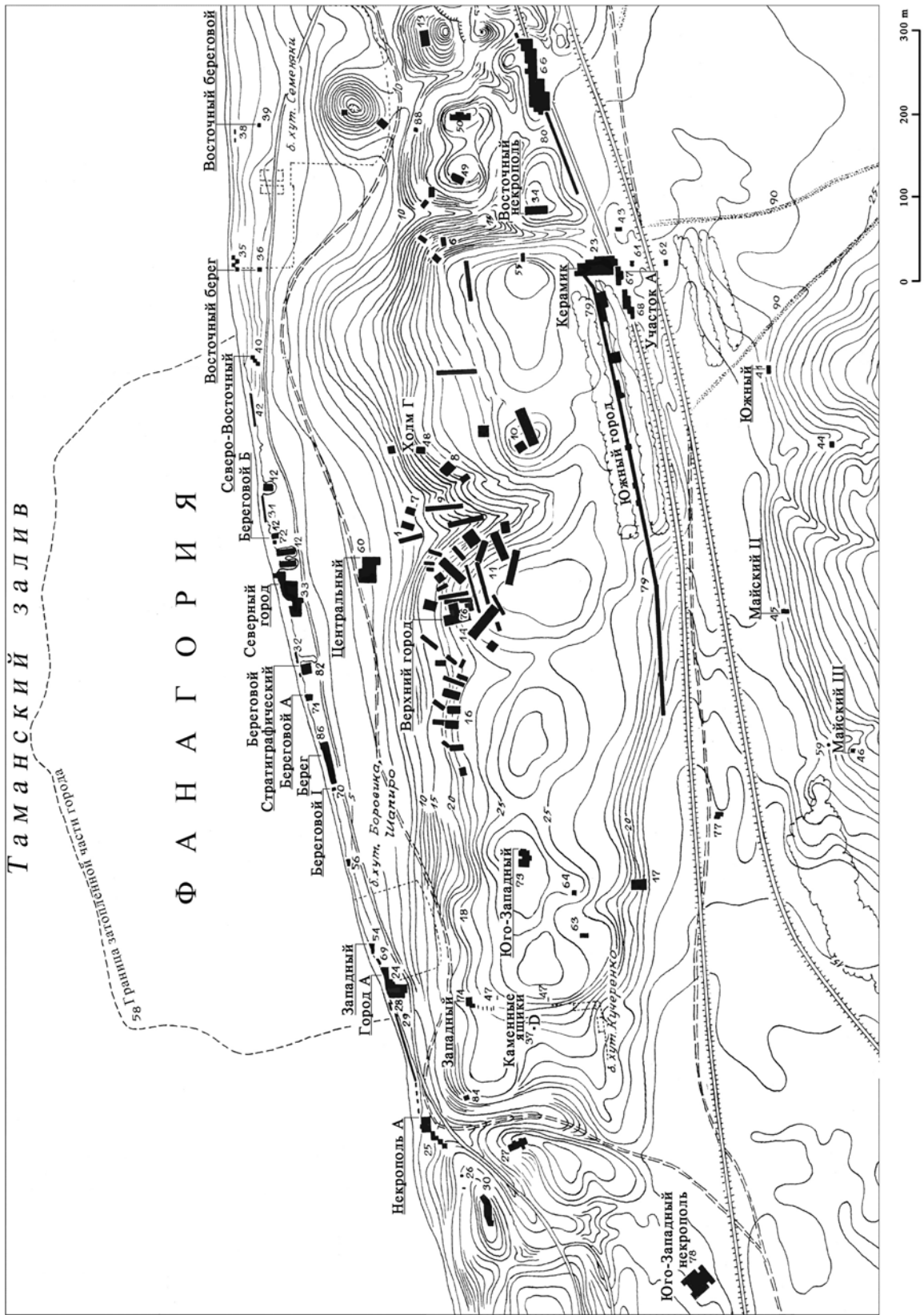

Рис. 1. Городище Фанагория. Раскопы, на которых выявлены средневековые слои (план составлен Я.М. Паромовым)

Рис. 2. 1 – В.Д. Блаватский (1899–1980), Т.В. Блаватская (1917–2007), М.М. Кобылина (1897–1988).
2 – С.А. Плетнёва (1926–2008). 3 – В.С. Долгоруков (1940–2001). 4 – А.Г. Атавин (1954–2004)

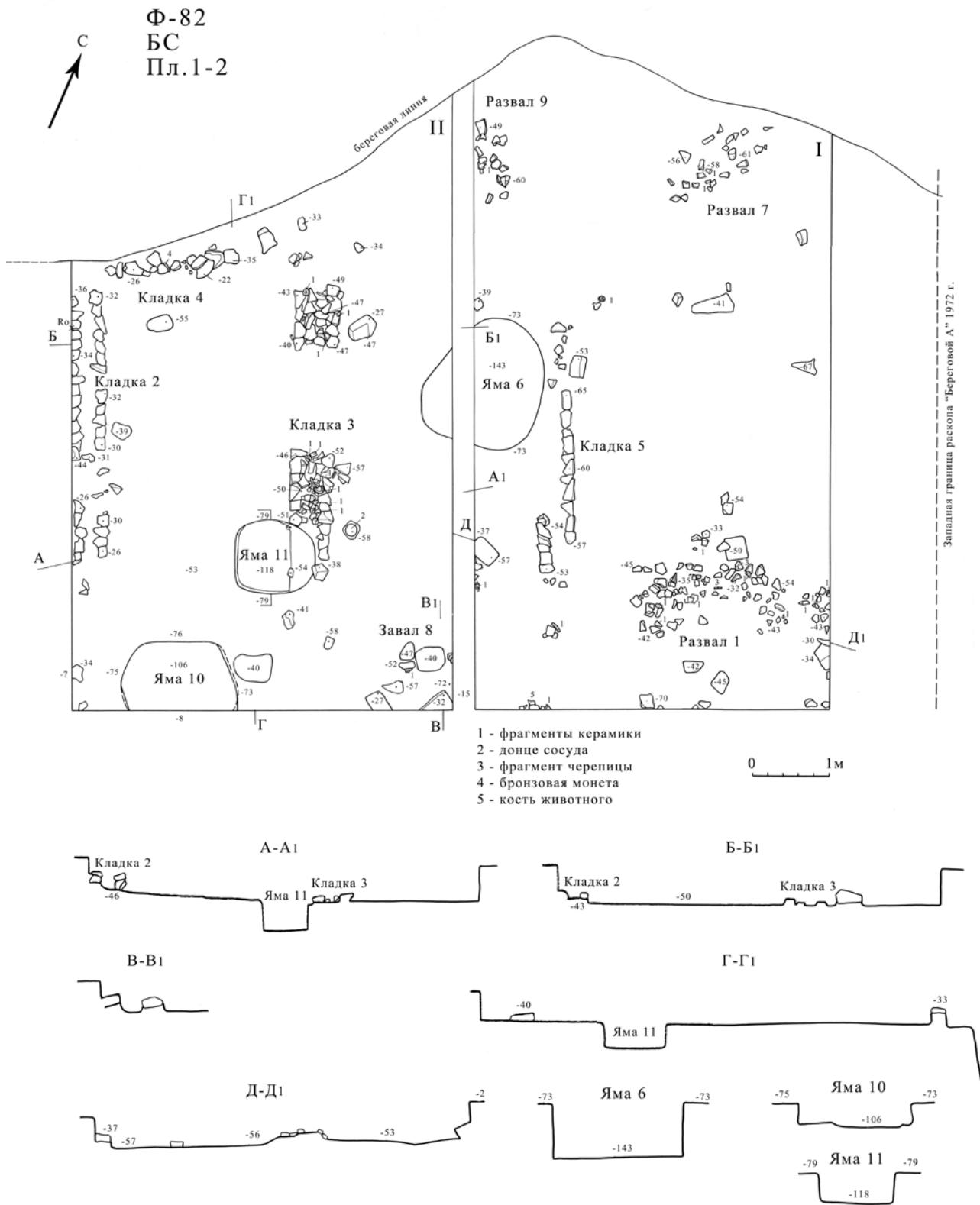

Рис. 3. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1982 г. Площади I-II. Пласты 2-3. Дом 1. План. Разрезы

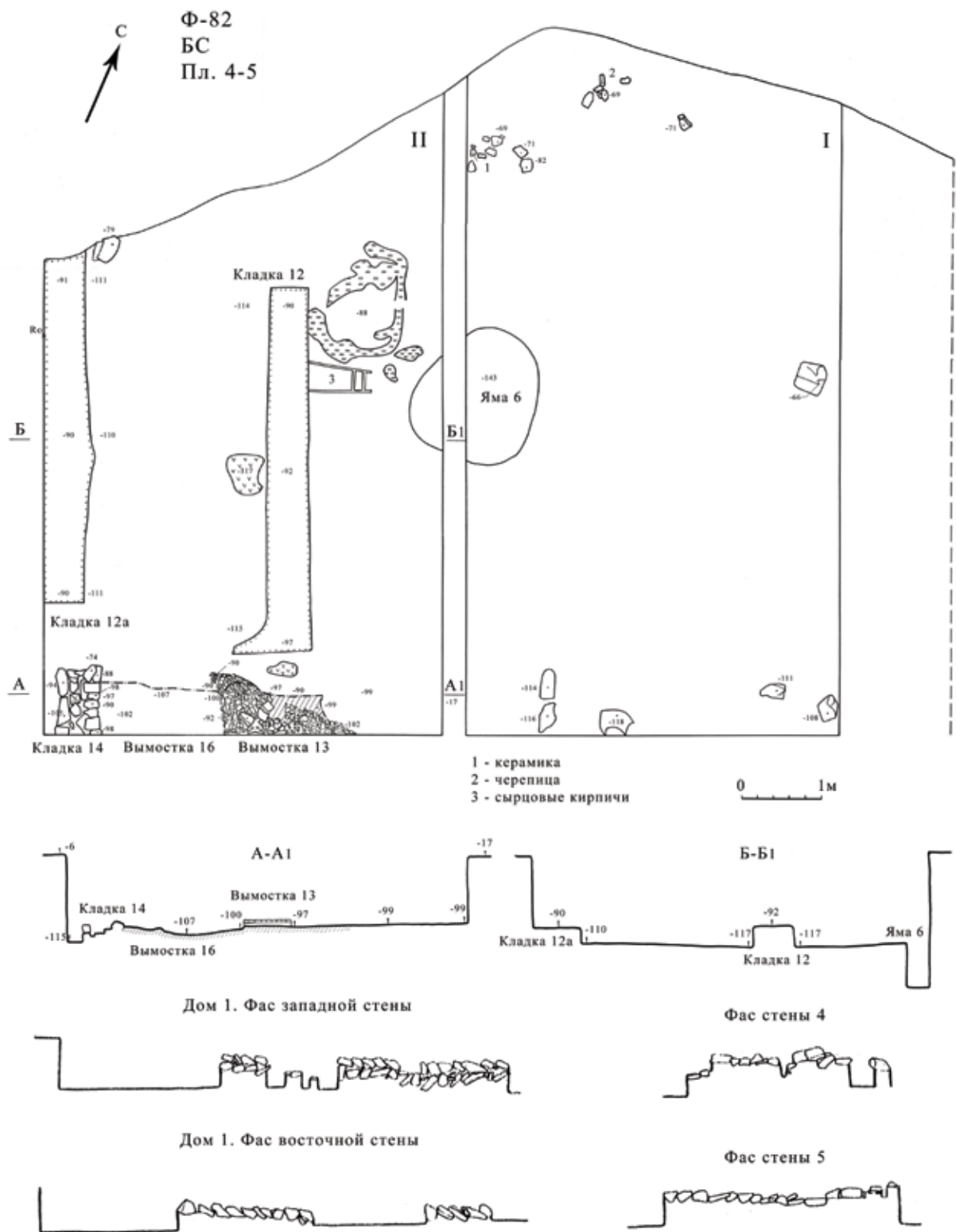

Рис. 4. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1982 г. Площади I-II. Пласты 4-5. Дом 2.
План. Разрезы. Фасы кладок

1

2

3

4

5

6

Рис. 5. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1982 г. Площади I-II. Пласты 2-5. Фото.
 1 – Дом 1. Вид с юга. 2 – Яма 11. Вид с юга. 3 – Развал 1. Вид с юга. 4 – Кладка 5.
 Вид с юга. 5 – Дом 2. Сырцовые стены. Вид с востока. 6 – Кладка 14. Вид с востока

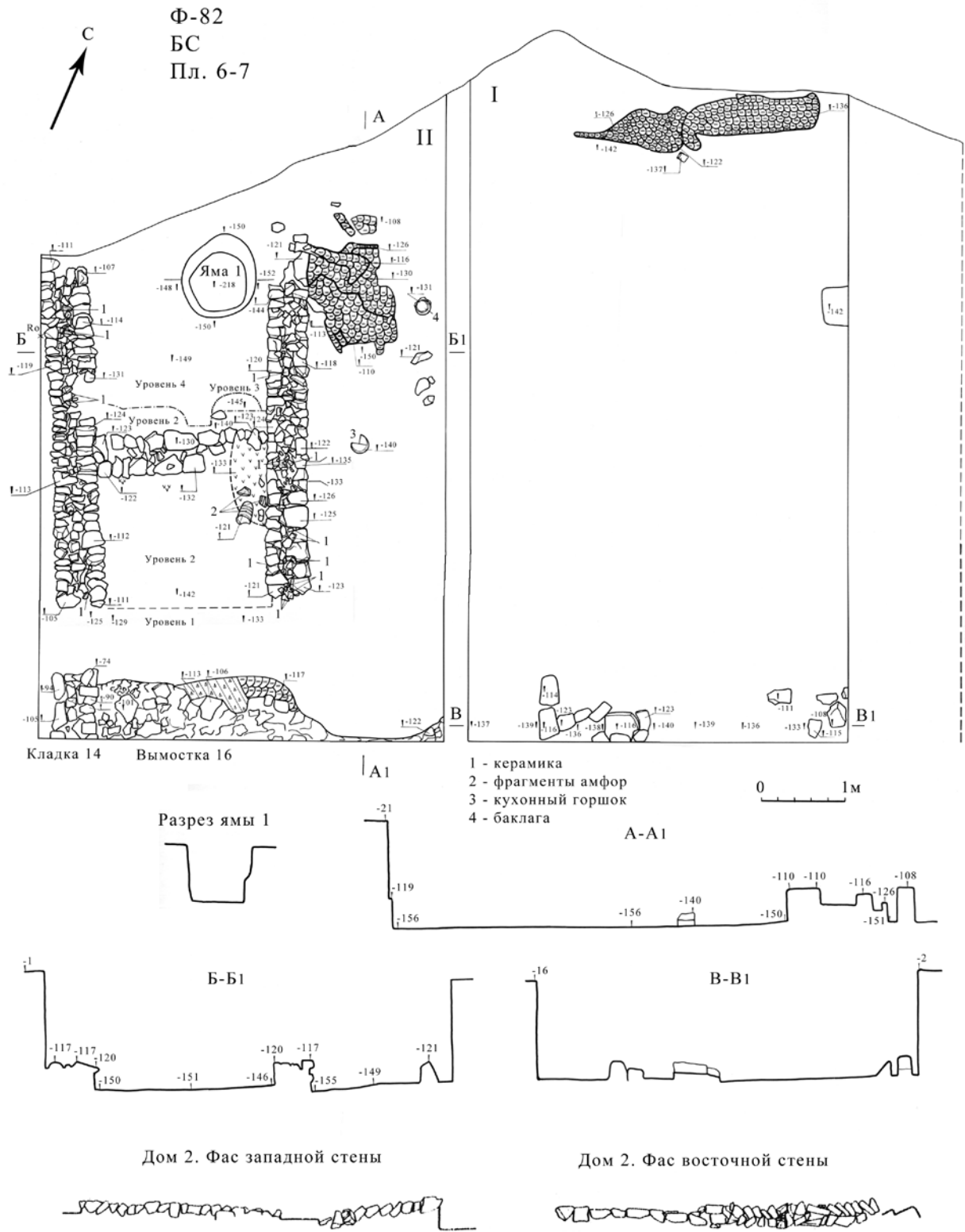

Рис. 6. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1982 г. Площади I-II. Пласты 6-7. Дом 2. План. Разрезы

1

2

3

4

5

6

Рис. 7. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1982 г. Площади I-II. Пласты 6-7. Фото.
1 – Дом 2. Вид с юго-востока. 2 – Вид с юга. 3 – Фрагменты амфор у восточной стены дома 2.
Вид с запада. 4 – Печь у дома 2. Вид с юга. 5 – Вид с севера. 6 – Вид с юга

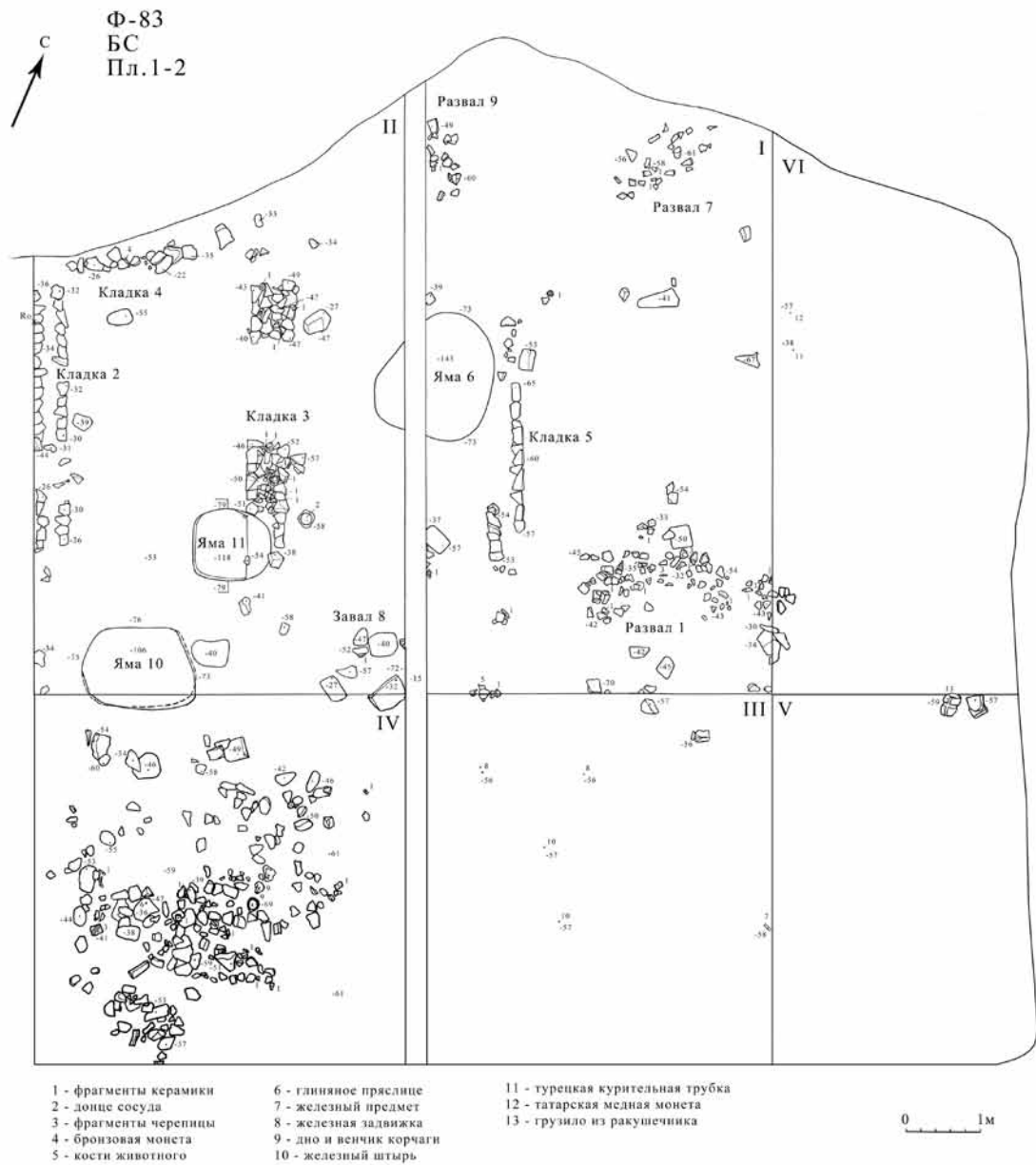
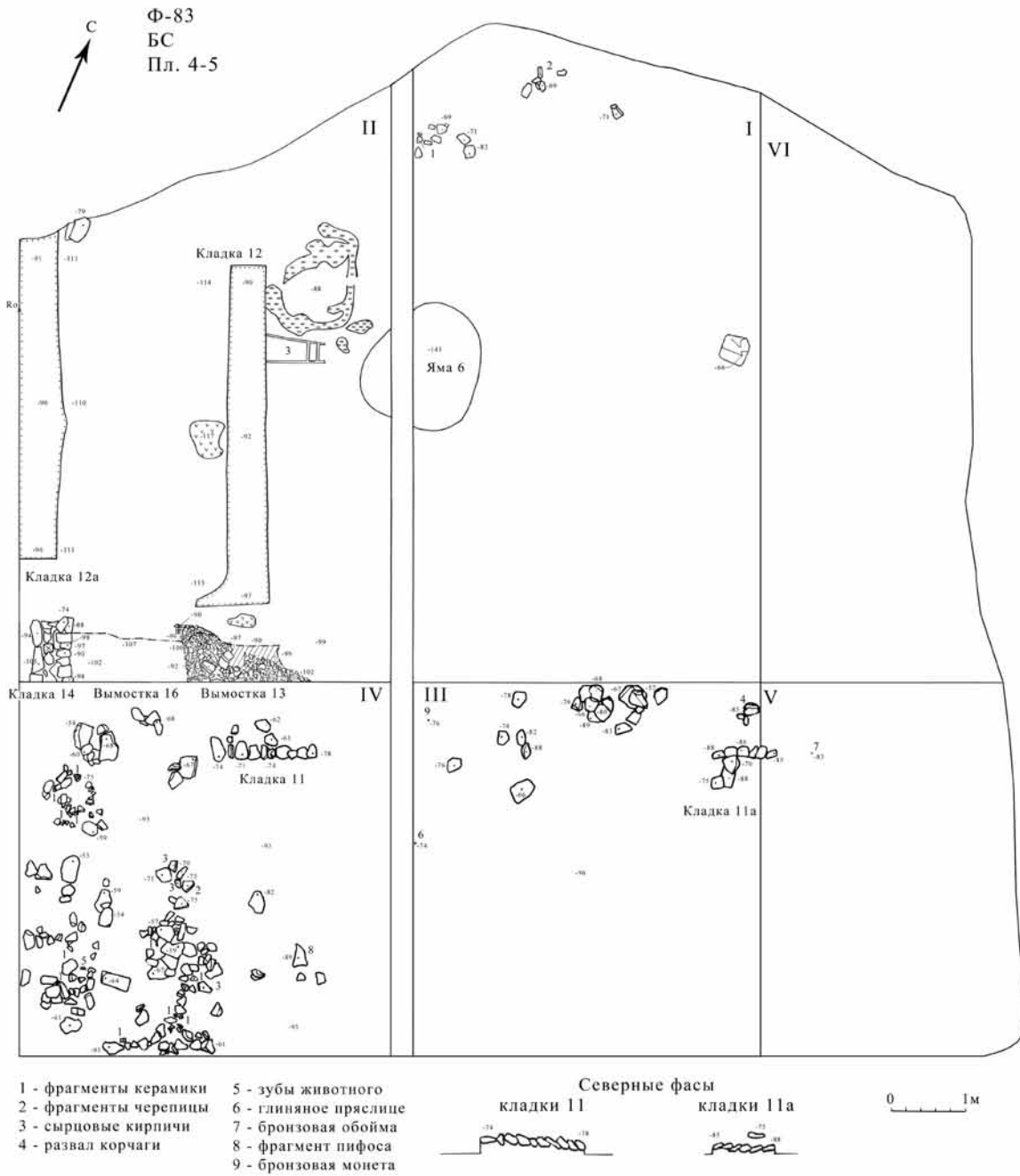

Рис. 8. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1983 г. Площади I-VI. Пласты 2-3. План.
Фото. 1 – Развал камней на Площади IV. Вид с юго-востока.
2 – Каменное грузило на площади V. Вид с запада

1

2

3

Рис. 9. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1983 г. Площади I-VI. Пласты 4-5.
План. Фасы кладок.

Фото. 1 – Развал камней и кладка 11 на площади IV. Вид с юго-востока.
2 – Кладка 11. Вид с юга. 3 – Кладка 11а на площади III. Вид с севера

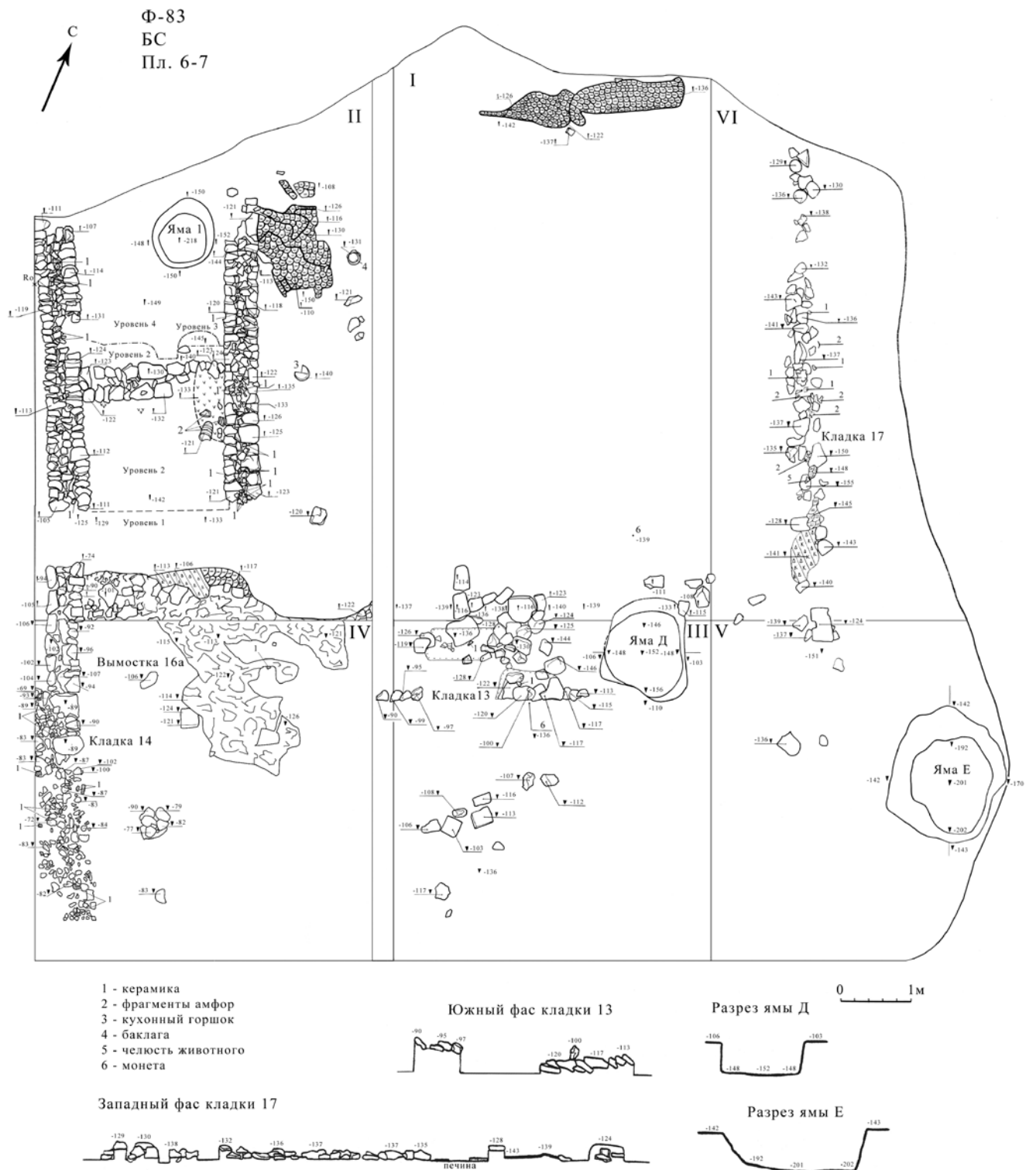

Рис. 10. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1983 г. Площади I-VI. Пласты 6-7.
План. Разрезы. Фасы кладок

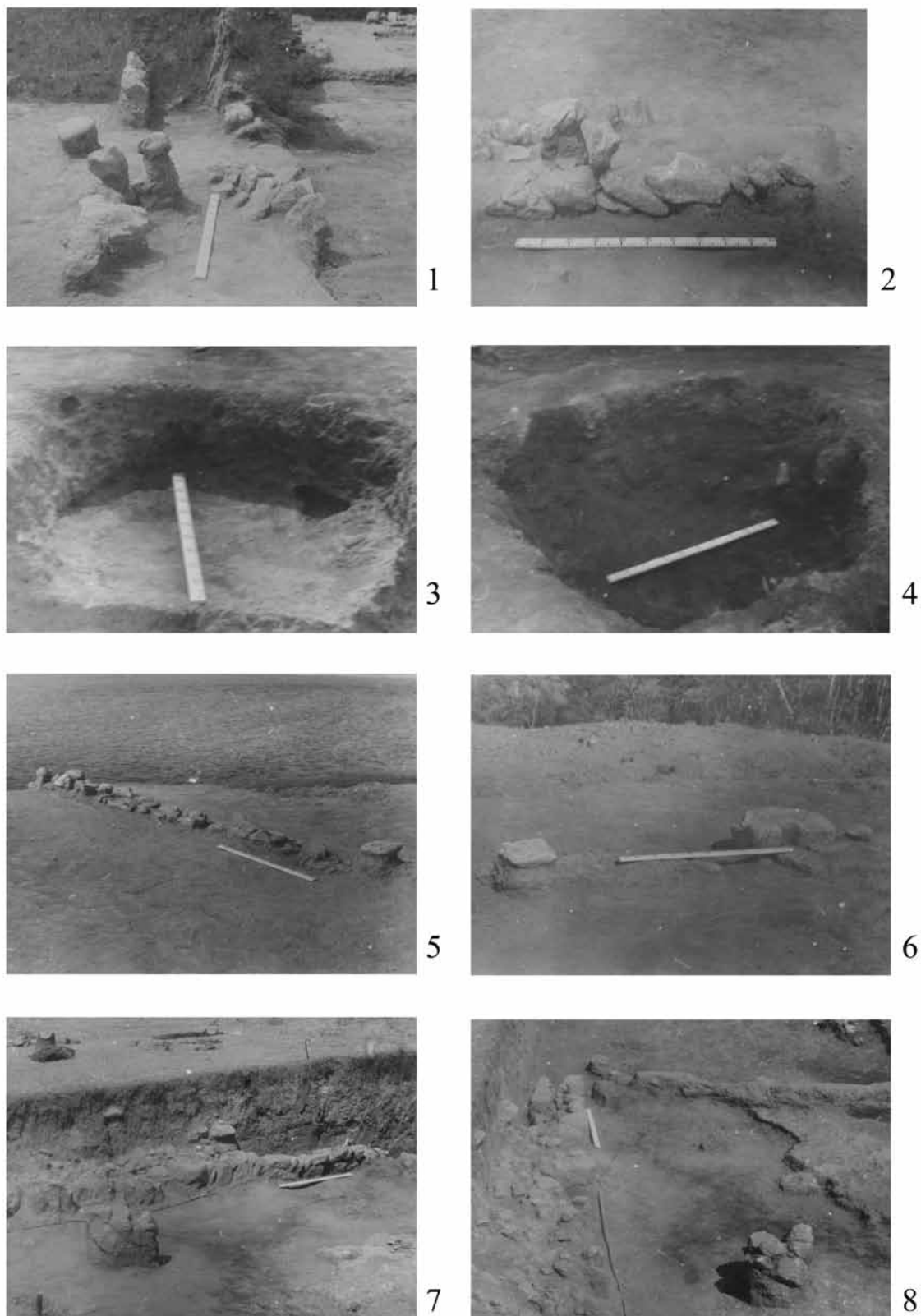

Рис. 11. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1983 г. Площади I-VI. Пласты 6-7. Фото. 1 – Развал камней и кладка 13 на площади III. Вид с востока. 2 – Кладка 13. Вид с юга. 3 – Яма Д на площади III. Вид с севера. 4 – Яма Е на площади V. Вид с юго-запада. 5 – Кладка 17 на площади VI. Вид с юго-запада. 6 – Воротный камень и проем ворот на площадях V-VI. Вид с севера. 7 – Кладка 14 на площади IV. Вид с юго-востока. 8 – Кладка 14 и вымостка 16а. Вид юга

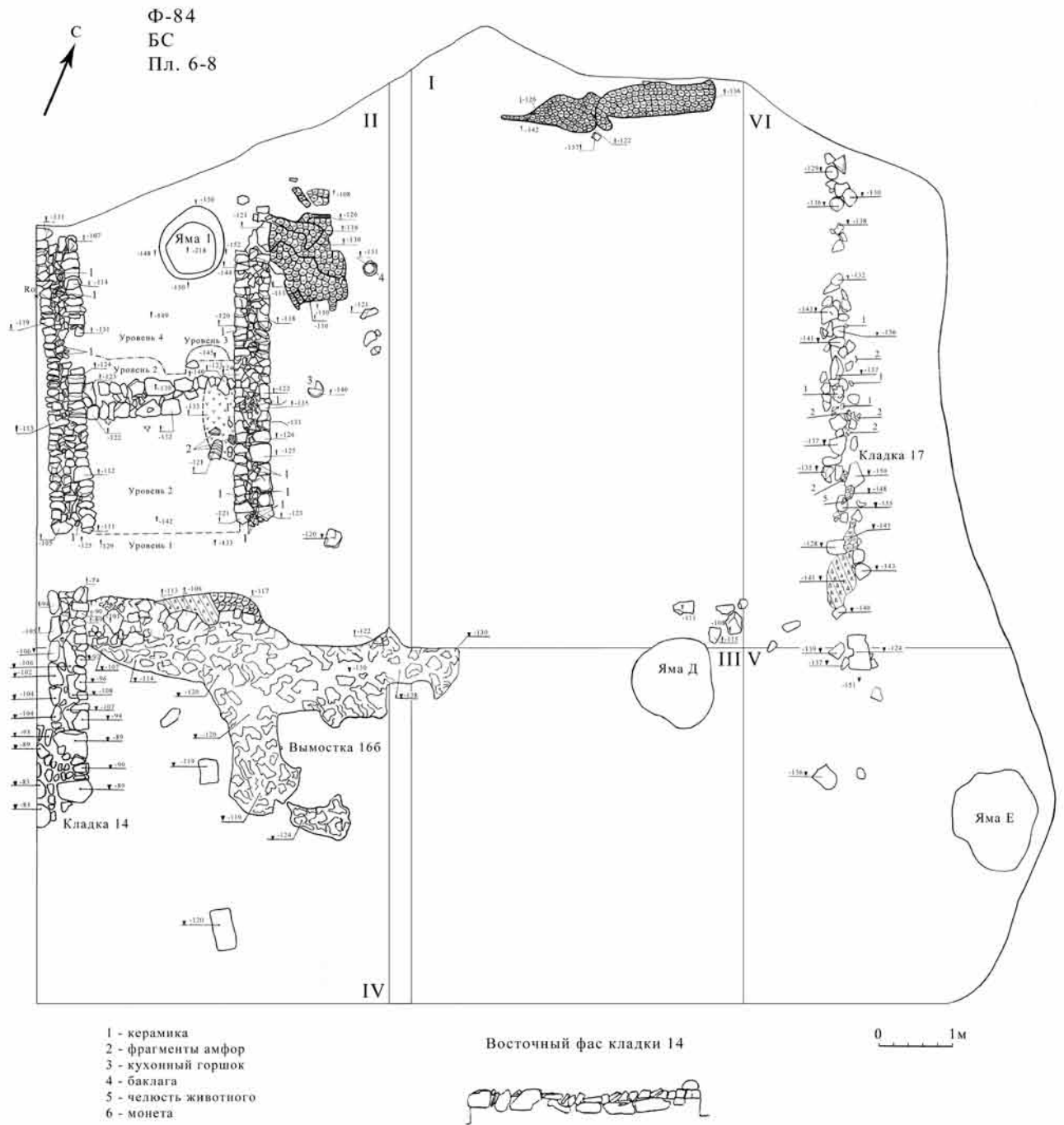

Рис. 12. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1984 г. Площади I-VI. Пласты 6-8.
План. Фас кладки. Фото. 1-2 – Вымостка 166 на площади IV. Вид с юга

Рис. 13. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1984 г. Площади I-VI. Пласты 9-11. План. Разрезы. Фас кладки. Фото. 1 – Западный профиль продольной бровки из сырового кирпича, между площадями I и II. На заднем плане разрушенные печи. Вид с запада. 2 – Кладки 17а и 15 на площадях V-VI. Вид с юга. 3 – Кладка 15 на площади VI. Вид с севера

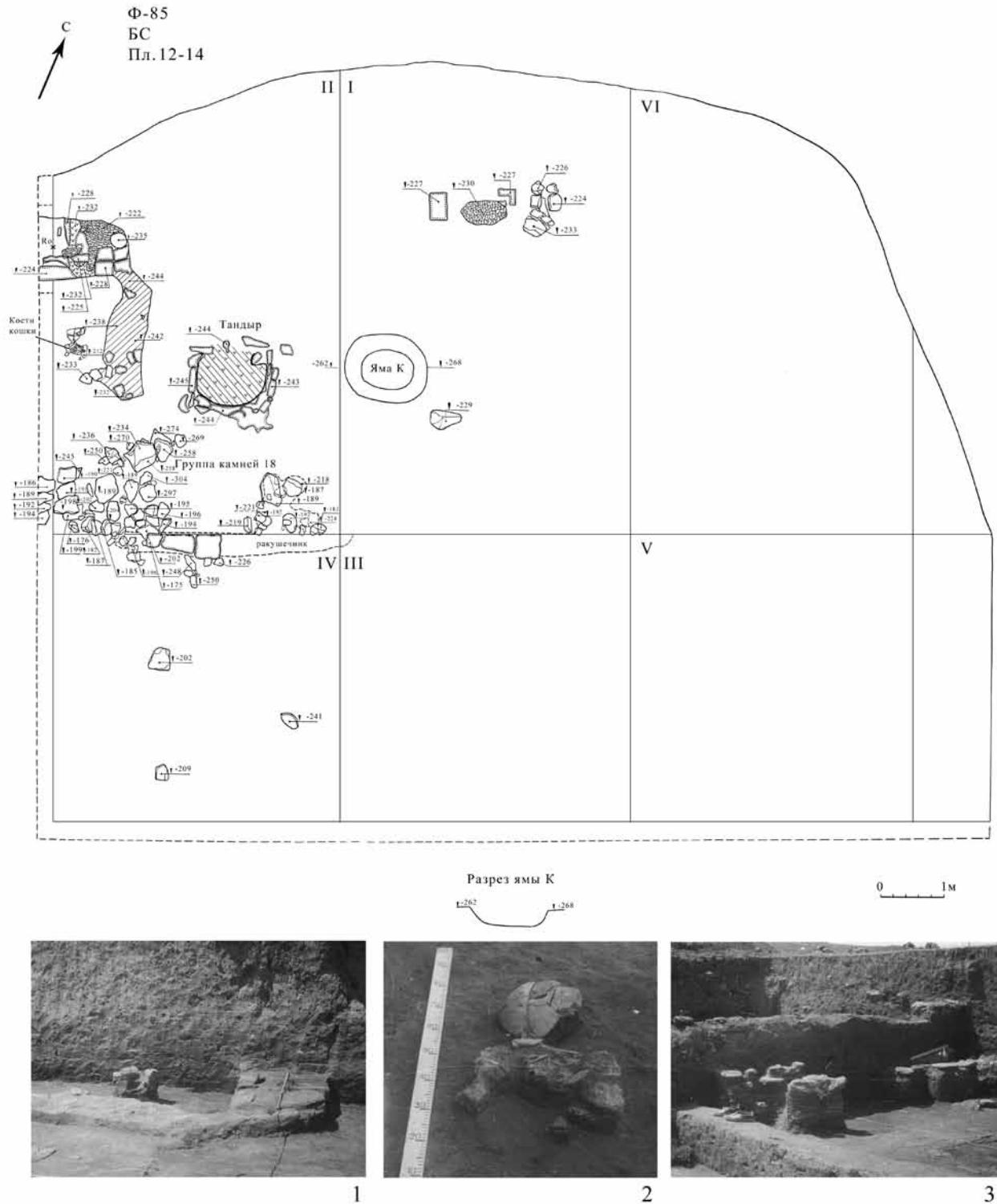

Рис. 14. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1985 г. Площади I-VI. Пласты 12-14. План. Разрез. Фото. 1 – Сырцовые стены, кости кошки и развал керамики у западного борта площади II. Вид с востока. 2 – Кости кошки и развал керамики. Вид с юга. 3 – Группа камней 18 у южного борта площади II. Вид с северо-востока

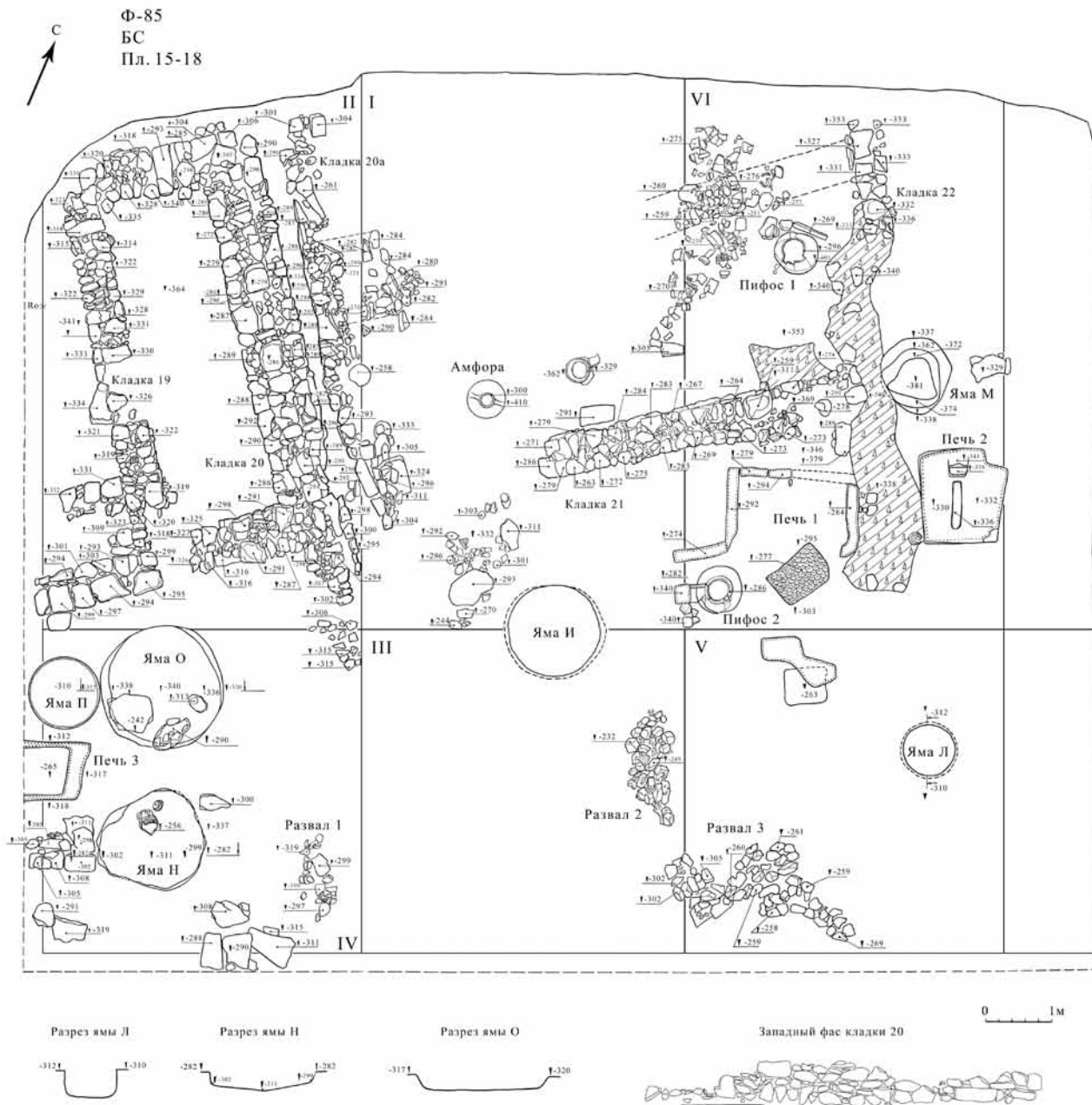

Рис. 15. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1985 г. Площади I-VI. Пласты 15-18. План. Разрезы. Фас кладки. Фото. 1 – Раскоп. Вид с юга

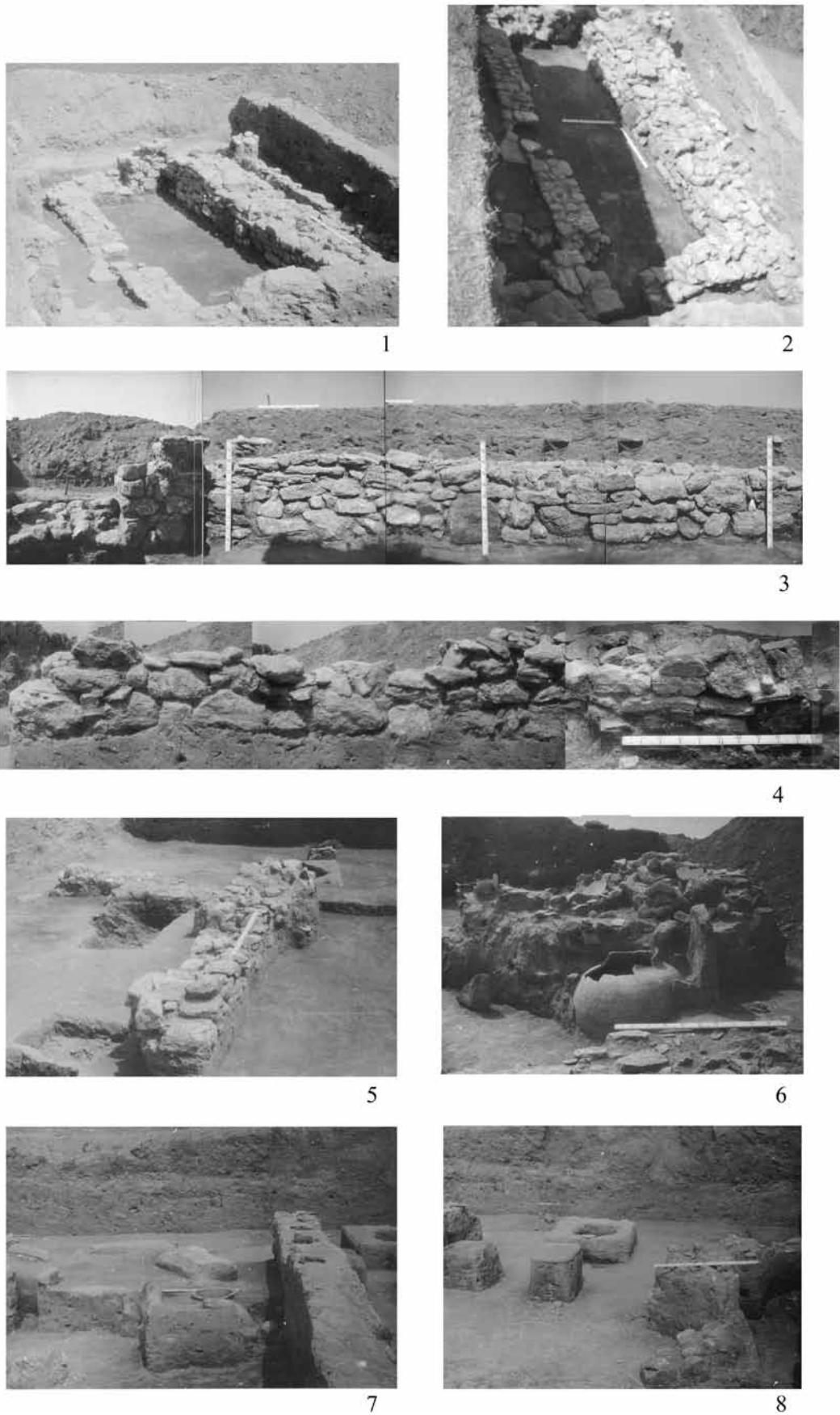

Рис. 16. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1985 г. Площади I-VI. Пласты 15-18. Фото. 1-2 – Дом 3 на площади II. Вид с юга. 3 – Кладка 20 на площади II. Вид с востока. 4 – Кладка 21 на площадях I и VI. Вид с юга. 5 – Кладка 21. Вид с запада. 6 – Пифос 1 на площади VI. Вид с востока. 7 – Печь 1 и пифос 2 на площади VI. Вид с запада. 8 – Яма Л, развал камней 3 на площади V. Вид с запада

Условные обозначения

	- гумус		- темно-серая гумусированная супесь
	- светло-серая рыхлая супесь		- печина
	- желтовато-серая рыхлая супесь с развалами сырца		- камни
	- желтовато-серая плотная супесь с обломками печин, сырца и углями		- керамика
	- темное заполнение ям и перекопов		- черепичная вымостка
	- сырец		- границы уровней глинобитных полов
	- угли и угольные прослойки		- коричневатато-желтая супесь с сырцом, углями и известковой крошкой
	- обожженная глиняная обмазка		- желтовато-серая плотная супесь с обломками печин, сырца, углями и известковой крошкой
	- черепяно-копая вымостка		

Ф-82-85
БС

Профиль западного борта

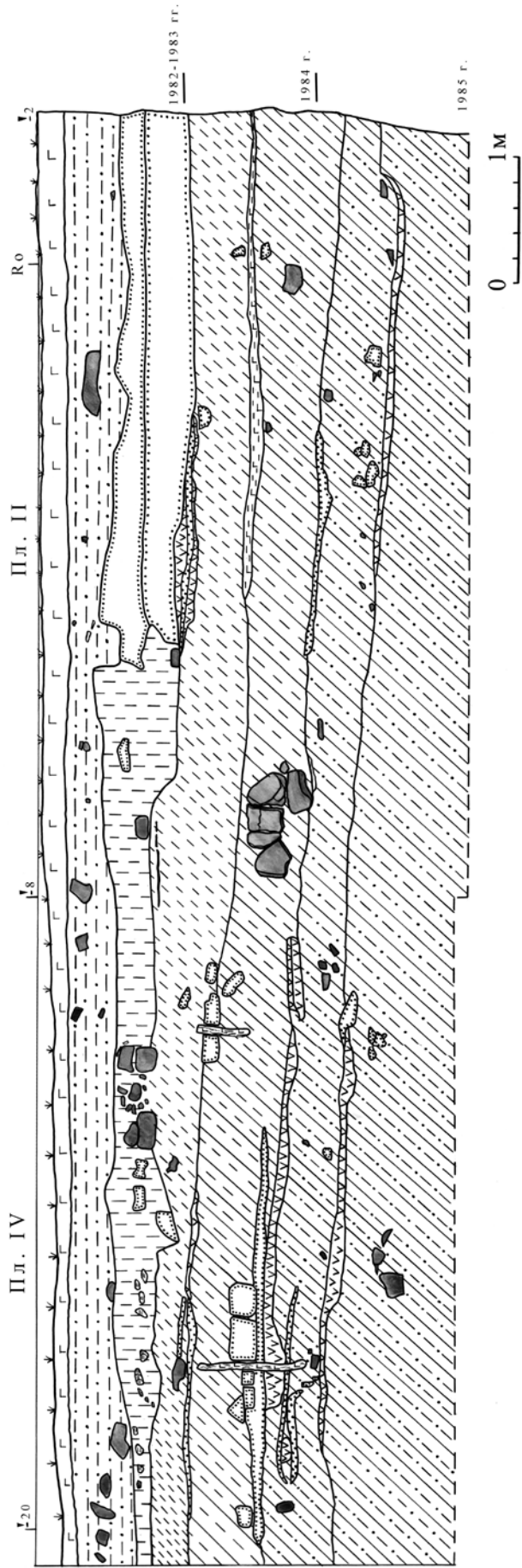
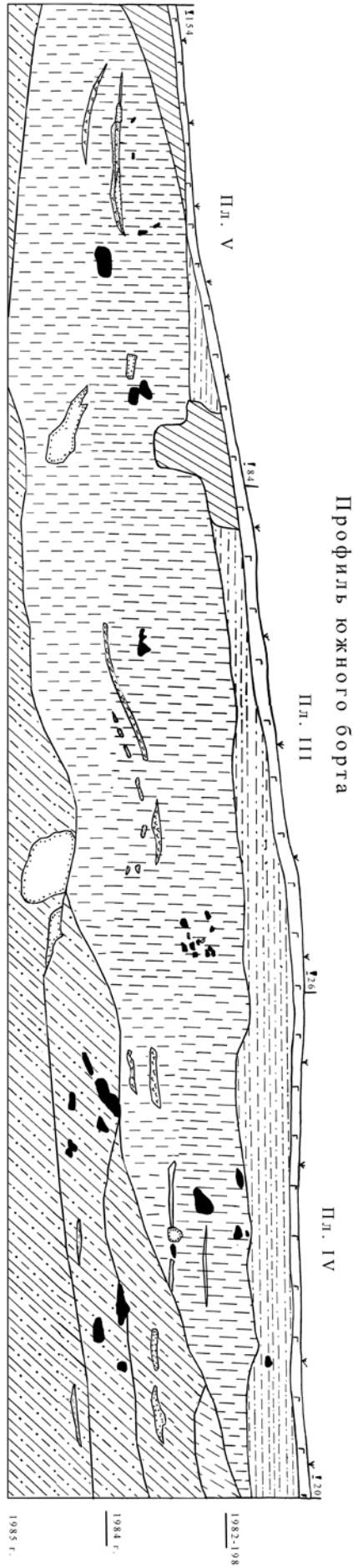

Рис. 17. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1982–1985 гг. Профили. Профиль западного борта (площади II-IV). Условные обозначения

Ф-82-85
БС

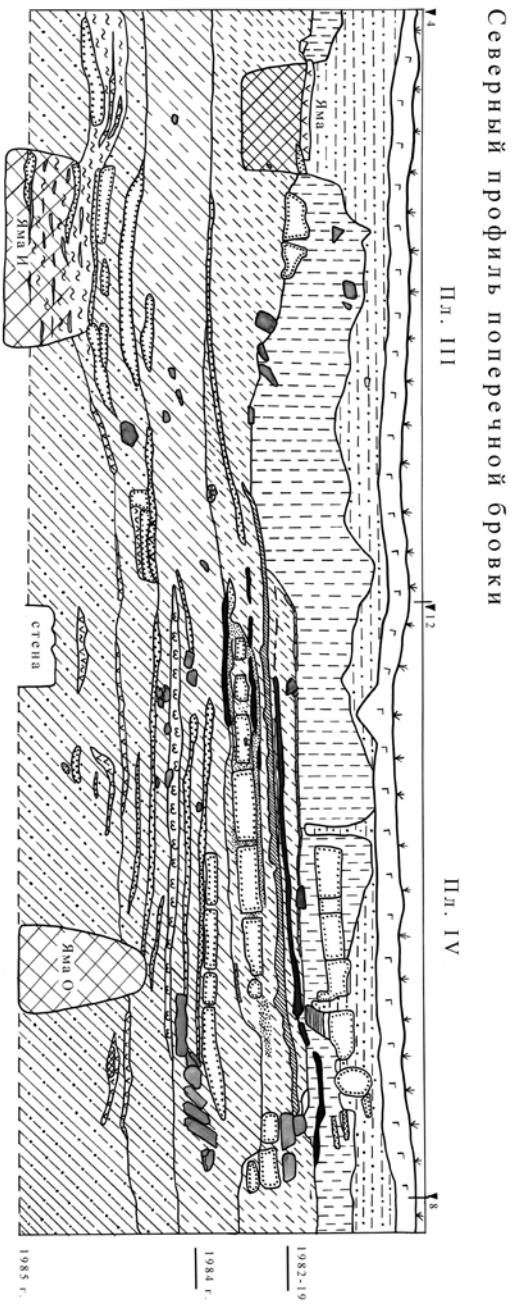
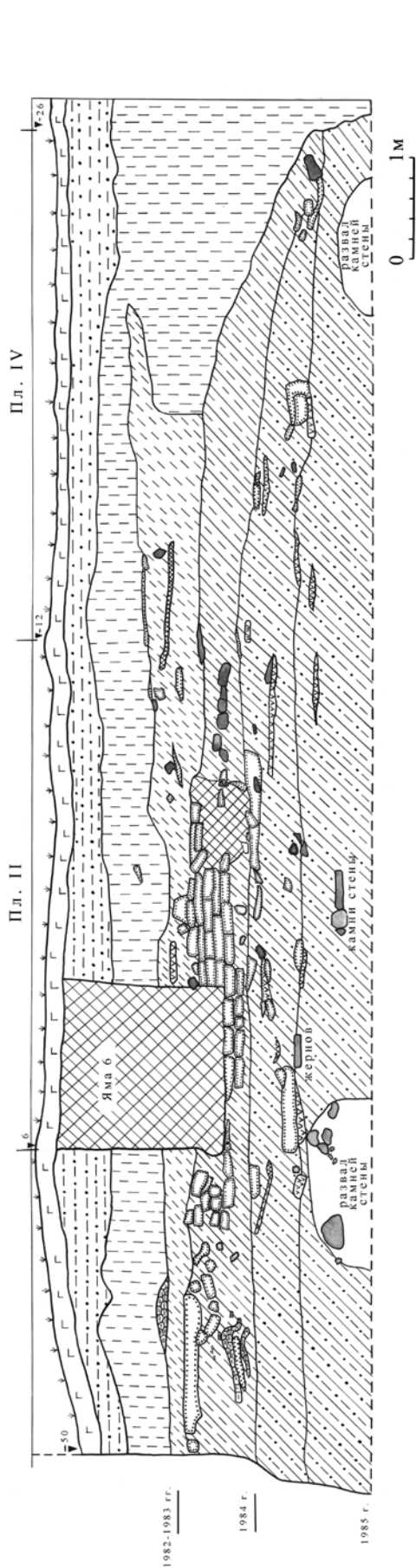

Рис. 18. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1982–1985 гг. Профили. Профиль южного борта (площади IV-III-V).
Северный профиль поперечной бровки (площади II-I)

Ф-82-85
БС

Западный профиль продольной бровки

Восточный профиль продольной бровки

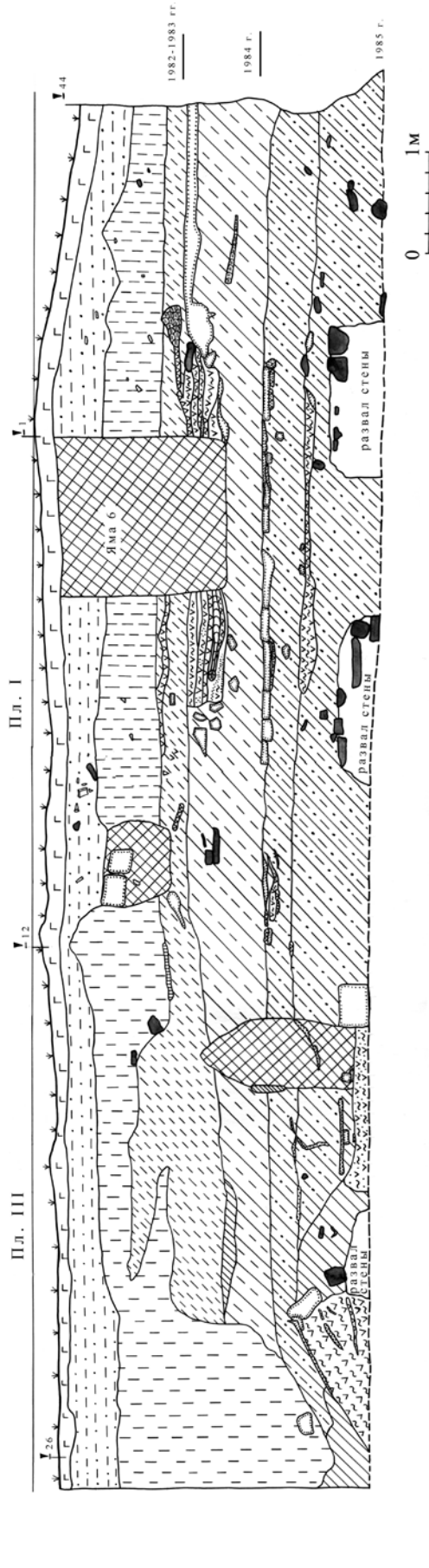
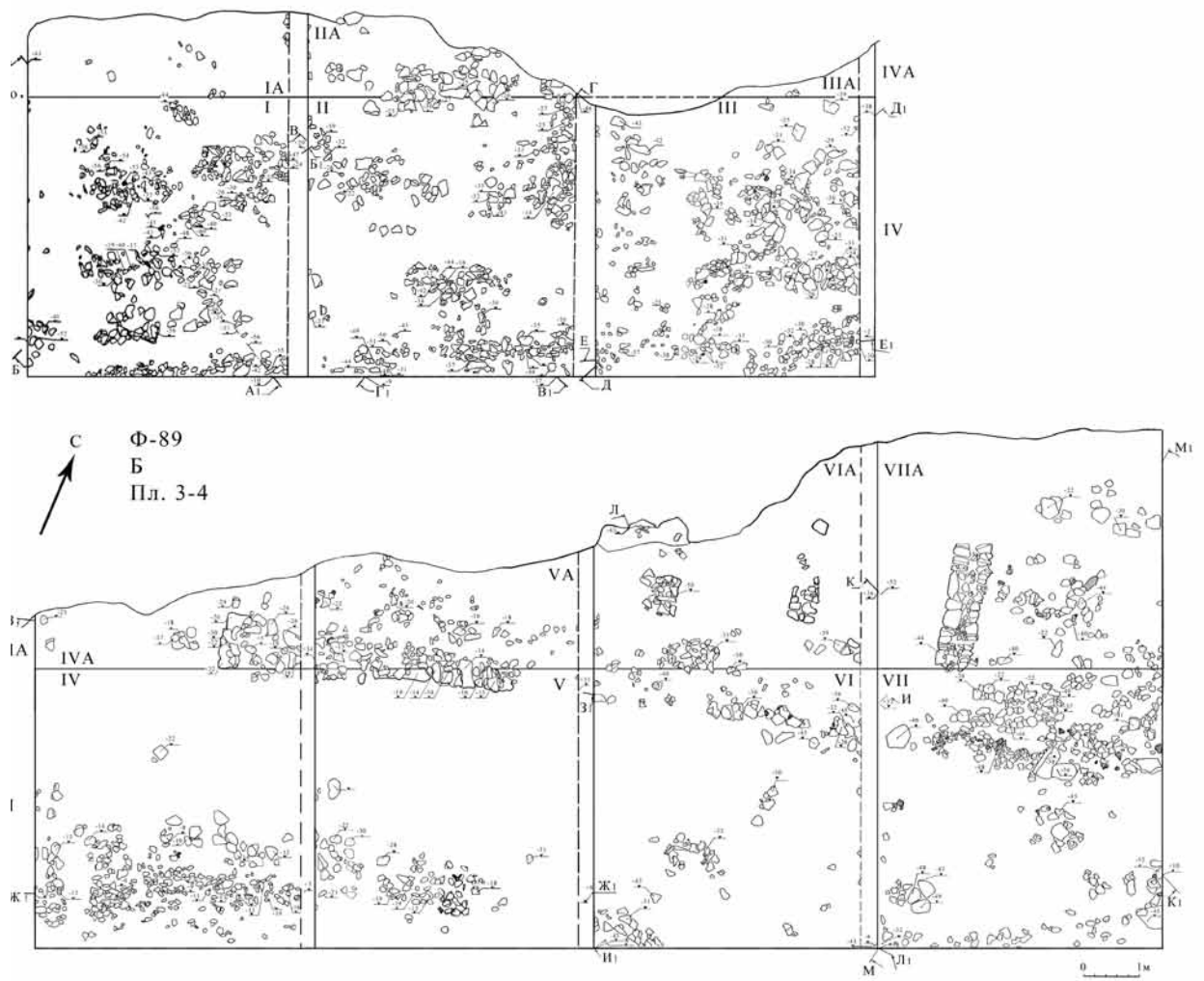

Рис. 19. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1982–1985 гг. Профили. Западный профиль продольной бровки (площади II-IV). Восточный профиль продольной бровки (площади III-I)

1

2

Рис. 20. Раскоп «Берег». 1989 г. Площади I-VII, IA-VIIA. Пласты 3-4. План. Фото.
1 – Развал на площади I-IA. Вид с юго-запада. 2 – Развал на площади II-IIA.
Вид с юго-востока

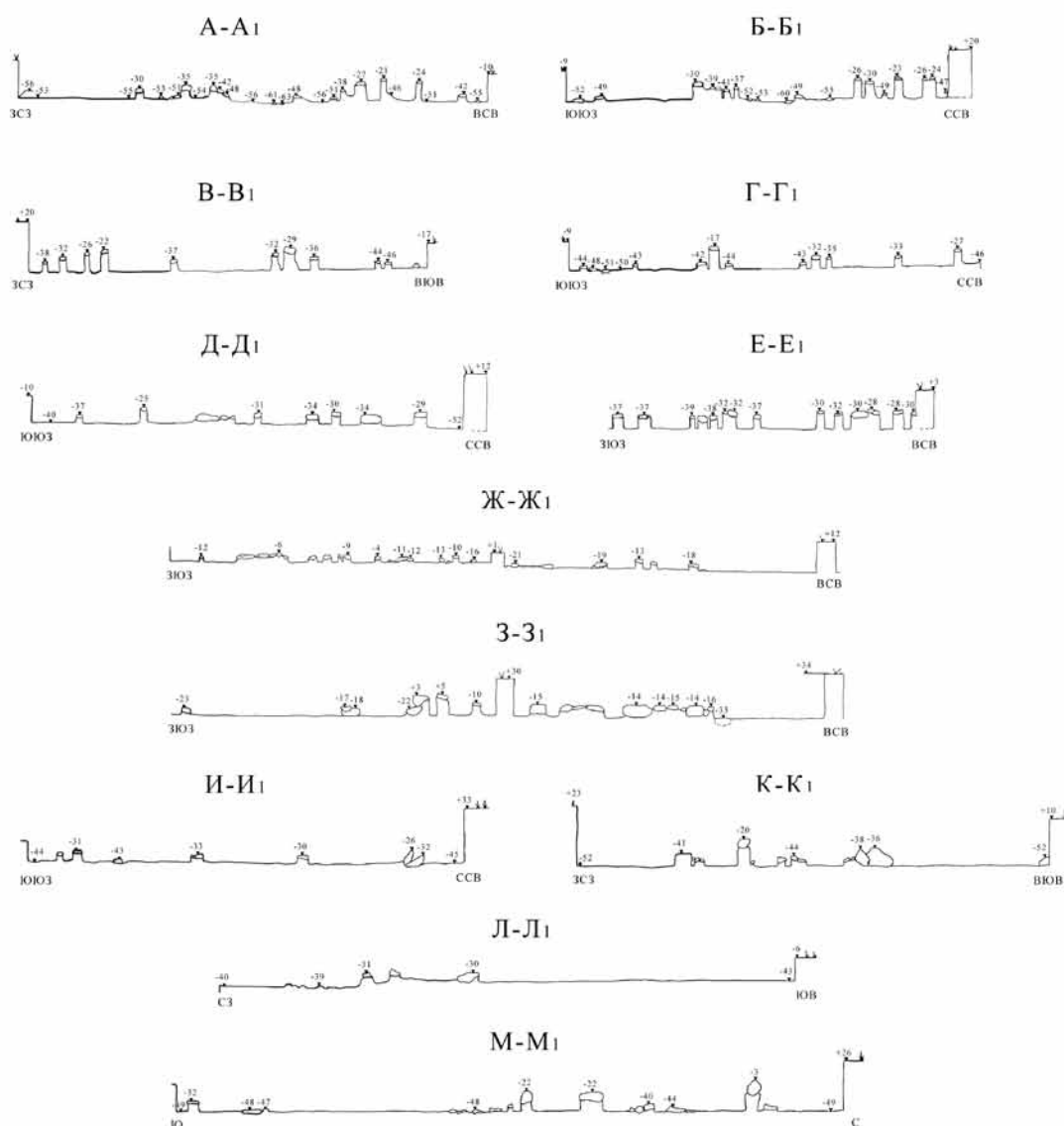

Рис. 21. Раскоп «Берег». 1989 г. Площади I-VII, IA-VIIA. Пласты 3-4. Разрезы.
 Фото. 1 – Развал на площади III-IIIА. Вид с юго-запада. 2 – Развал на площади VI-VIA.
 Вид с юга

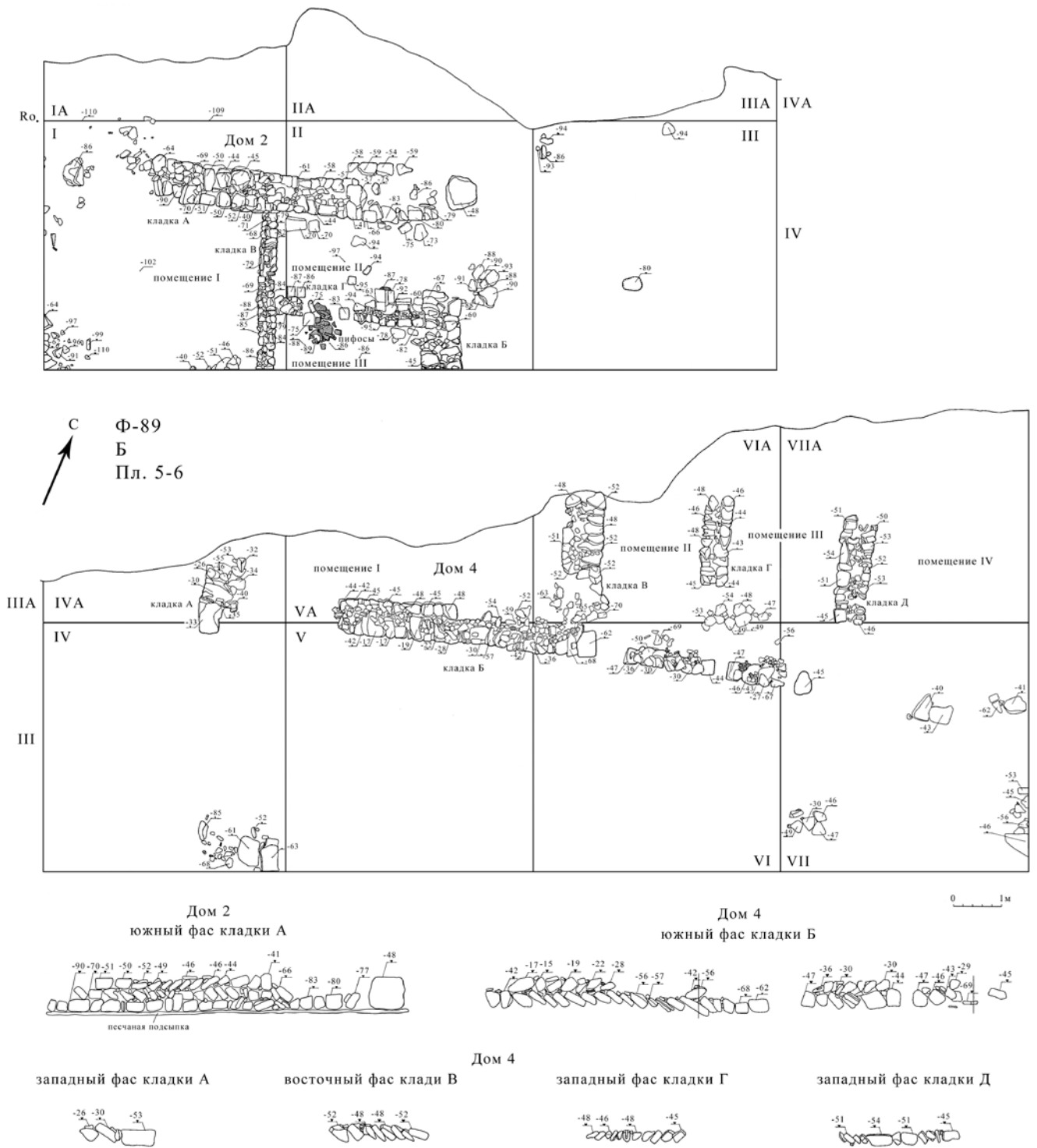

Рис. 22. Раскоп «Берег». 1989 г. Площади I-VII, IA-VIIA. Пласты 5-6. План. Фасы кладок

1

2

3

4

5

6

Рис. 23. Раскоп «Берег». 1989 г. Площади I-VII, IA-VIIA. Пласты 5-6. Фото. 1 – Дом 2 на площадях I-II. Вид с запада. 2 – Дом 2. Развал пифосов. Вид с северо-запада. 3 – Дом 2 на площадях I-II, IA-IIA. Вид с юго-востока. 4 – Дом 2. Помещение I. Угол между стеной дома и кладкой, разделяющей помещения I и II. Вид с юго-запада. 5 – Дом 4 на площадях IV-VII, IVA-VIIA. Вид с юго-запада. 6 – Дом 4 на площадях VI-VII, VIA-VIIA. Вид с востока

1

2

3

4

5

6

Рис. 24. Раскоп «Берег». 1989 г. Площади IV-VII, IVA-VIIA. Пласты 5-6. Фото. 1 – Дом 4. Кладка А на площади IVA. Вид с юго-востока. 2 – Дом 4. Кладка Б на площади V. Вид с юго-востока. 3 – Кладка Б на площади VI. Вид с востока. 4 – Дом 4. Кладка В на площади VIA. Вид с северо-востока. 5 – Дом 4. Кладка Г на площади VIA. Вид с востока. 6 – Дом 4. Кладка Д на площади VIIA. Вид с востока

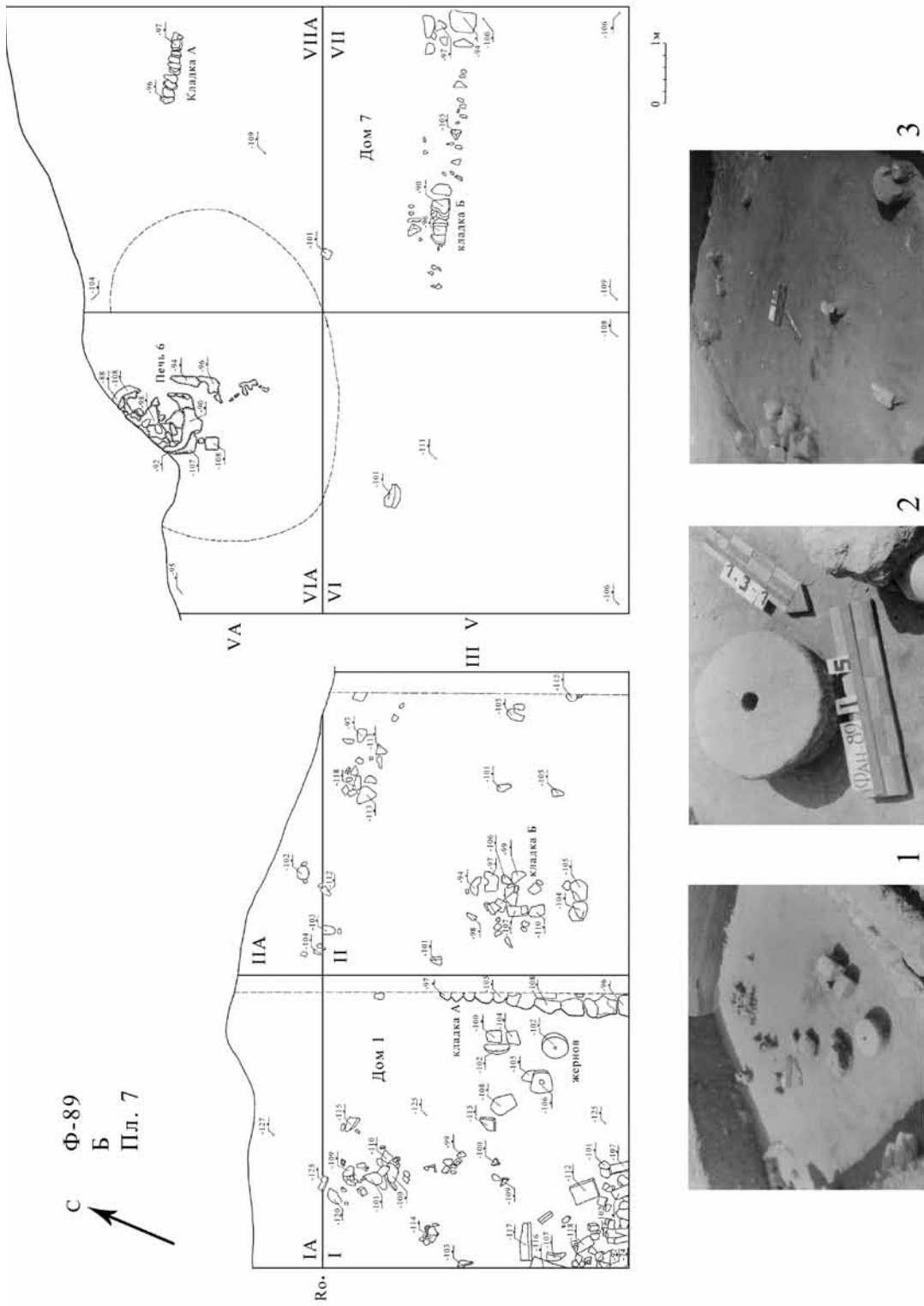

Рис. 25. Раскоп «Берег». 1989 г. Площади I-Ц, IA-IIA, VI-VII, VIA-VIIA. План. Фото. 1 – Остатки дома 1 на площади I-IA. Вид с юго-востока. 2 – Жернов на площади I. Вид с северо-запада. 3 – Строительные остатки на площади II-IIIА. Вид с юго-востока

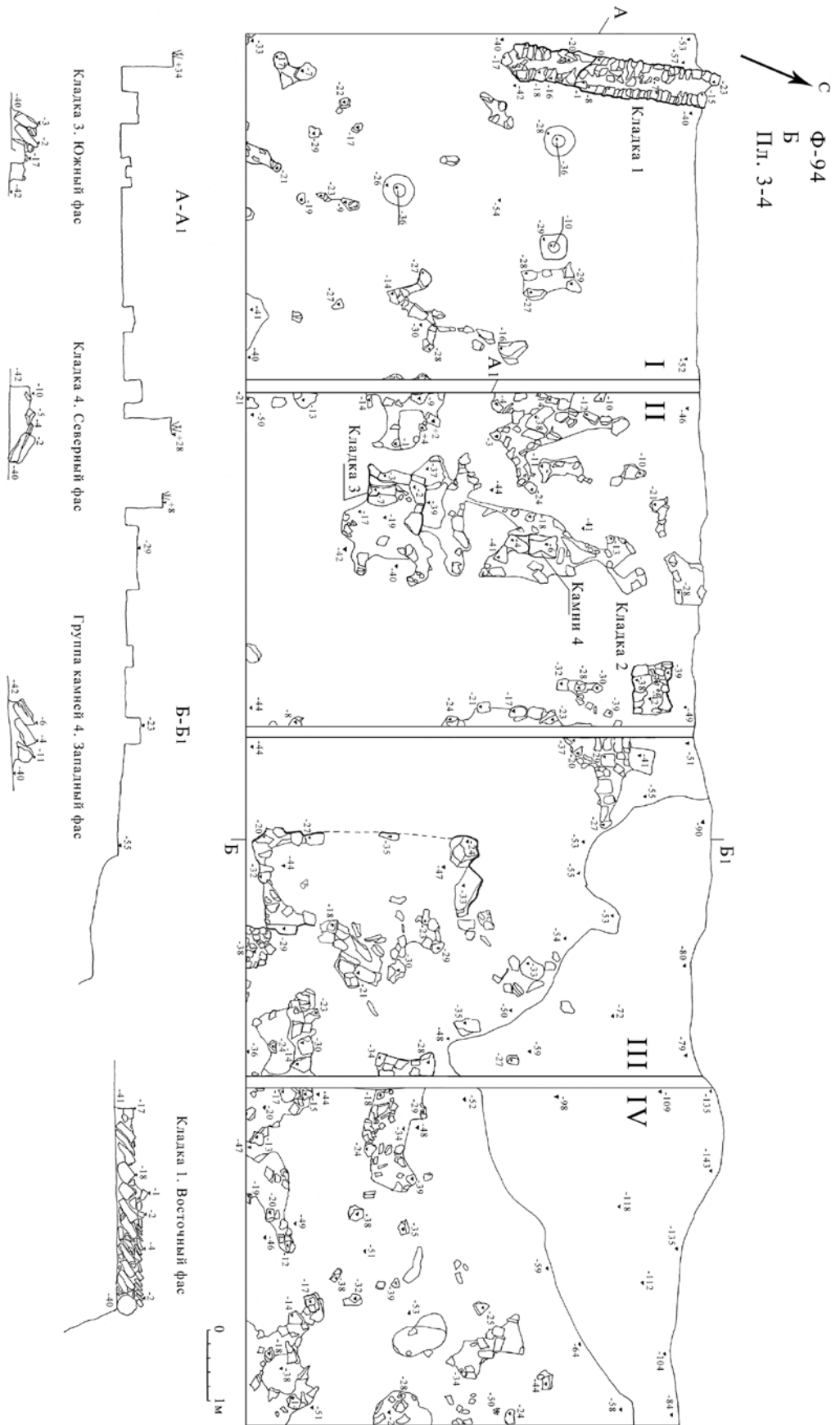

Рис. 26. Раскоп «Берег». 1994 г. Площади I-IV. Пласты 3-4. План. Разрезы. Фасы кладок

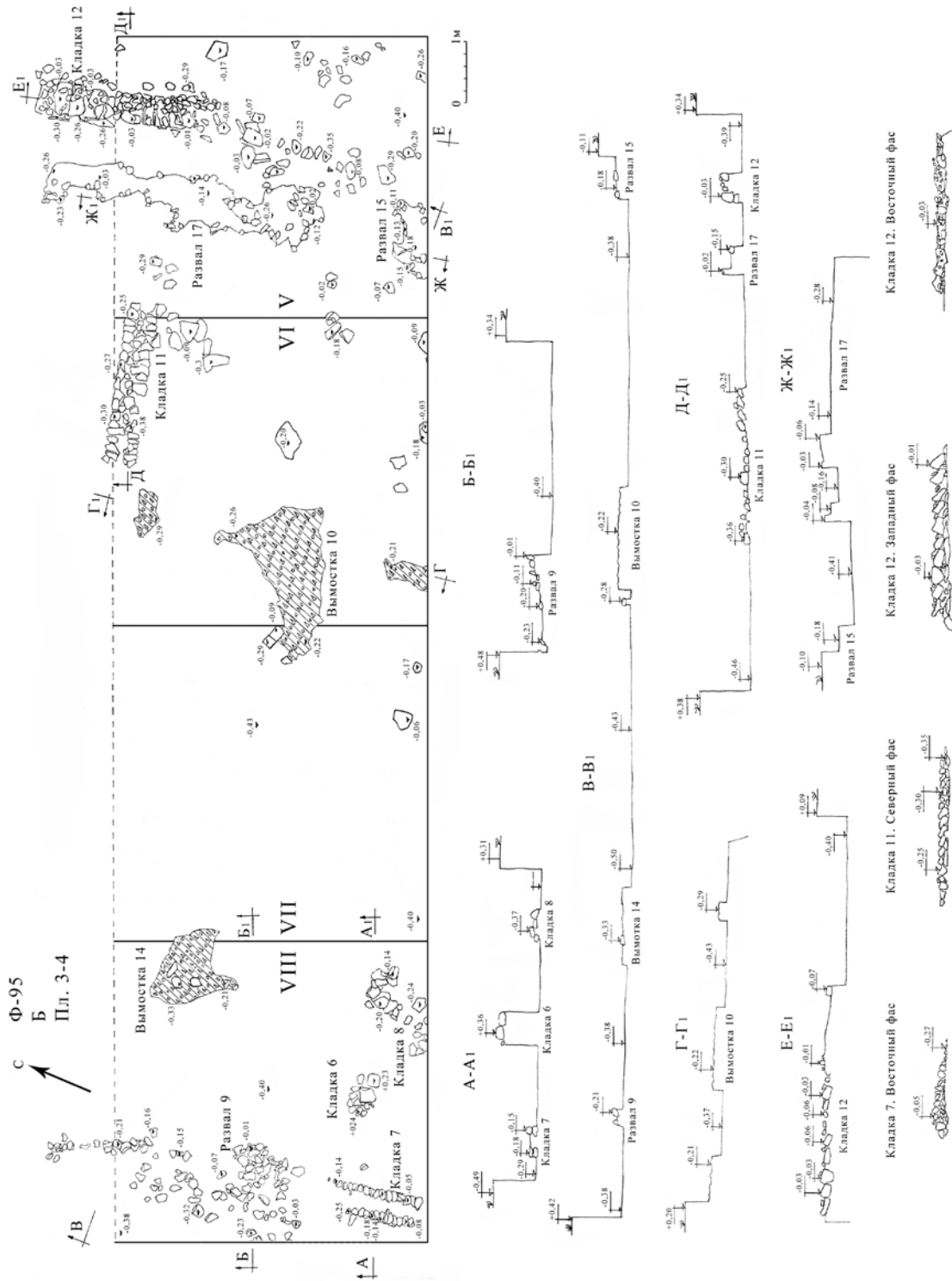

Рис. 27. Раскоп «Берег». 1995 г. Площади У-VIII. Пласты 3-4. План. Разрезы. Фасы кладок

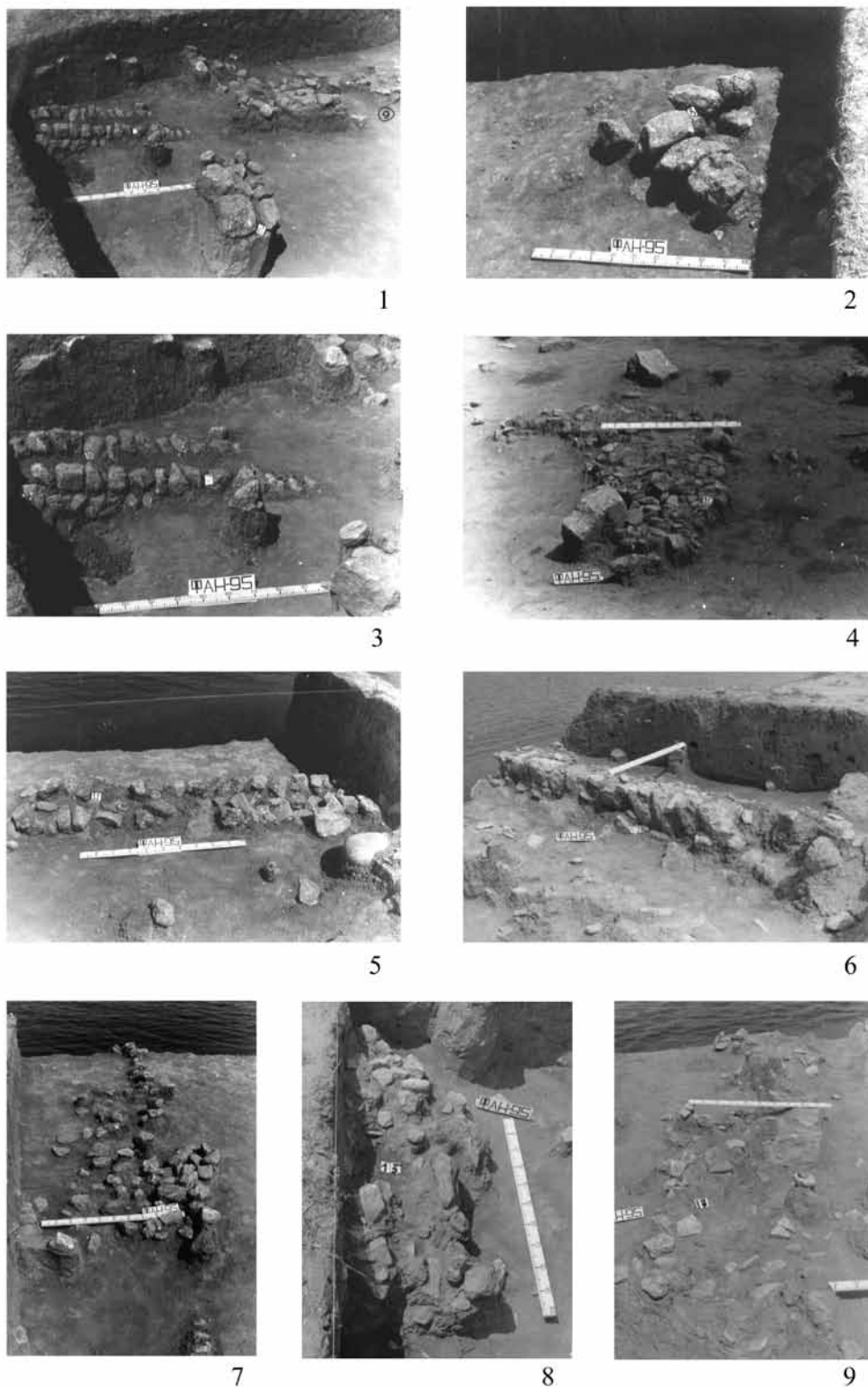

Рис. 28. Раскоп «Берег». 1995 г. Площади V-VIII. Пласты 3-4. Фото. 1 – Кладки 6 и 7, развал 9 на площади VIII. Вид с востока. 2 – Кладка 8 на площади VIII. Вид с севера. 3 – Кладка 7. Вид с востока. 4 – Вымостка 10 на площади VI. Вид с запада. 5 – Кладка 11 на площади VI. Вид с юга. 6 – Кладка 12 на площади V. Вид с юго-запада. 7 – Развал 9 на площади VIII. Вид с юга. 8 – Развал 15 на площади V. Вид с востока. 9 – Развал 17 на площади V. Вид с юга

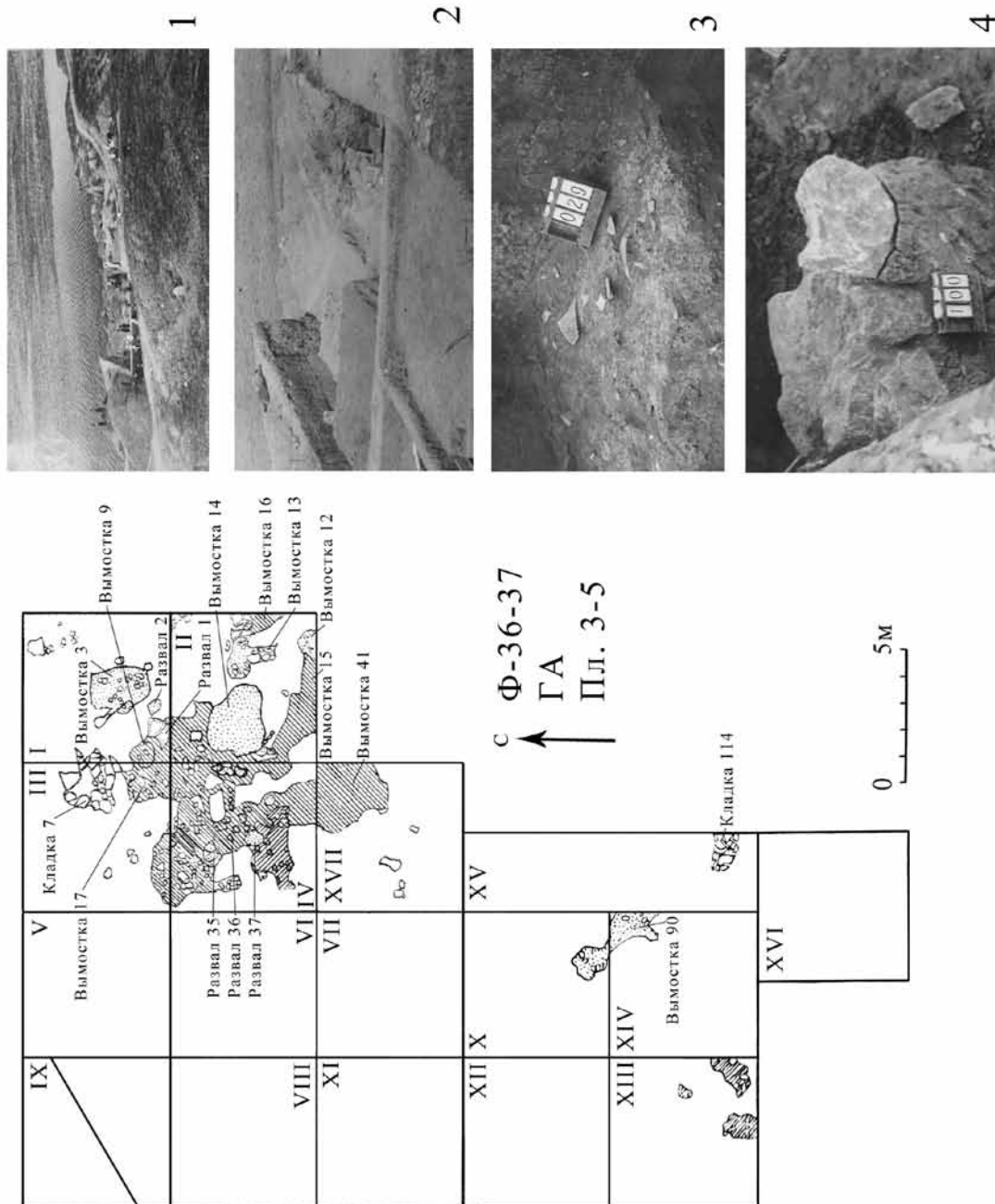

Рис. 29. Раскоп «Город А». 1936–1937 гг. Площади I–XVII. Пласты 3–4. План. Фото. 1 – Общий вид на раскоп с юга. 2 – Начало работ на раскопе. Вид с юго-востока. 3 – Черепяная вымостка 90 на площади XIV. Вид с юга. 4 – Кладка 114 на площади XV. Вид с севера

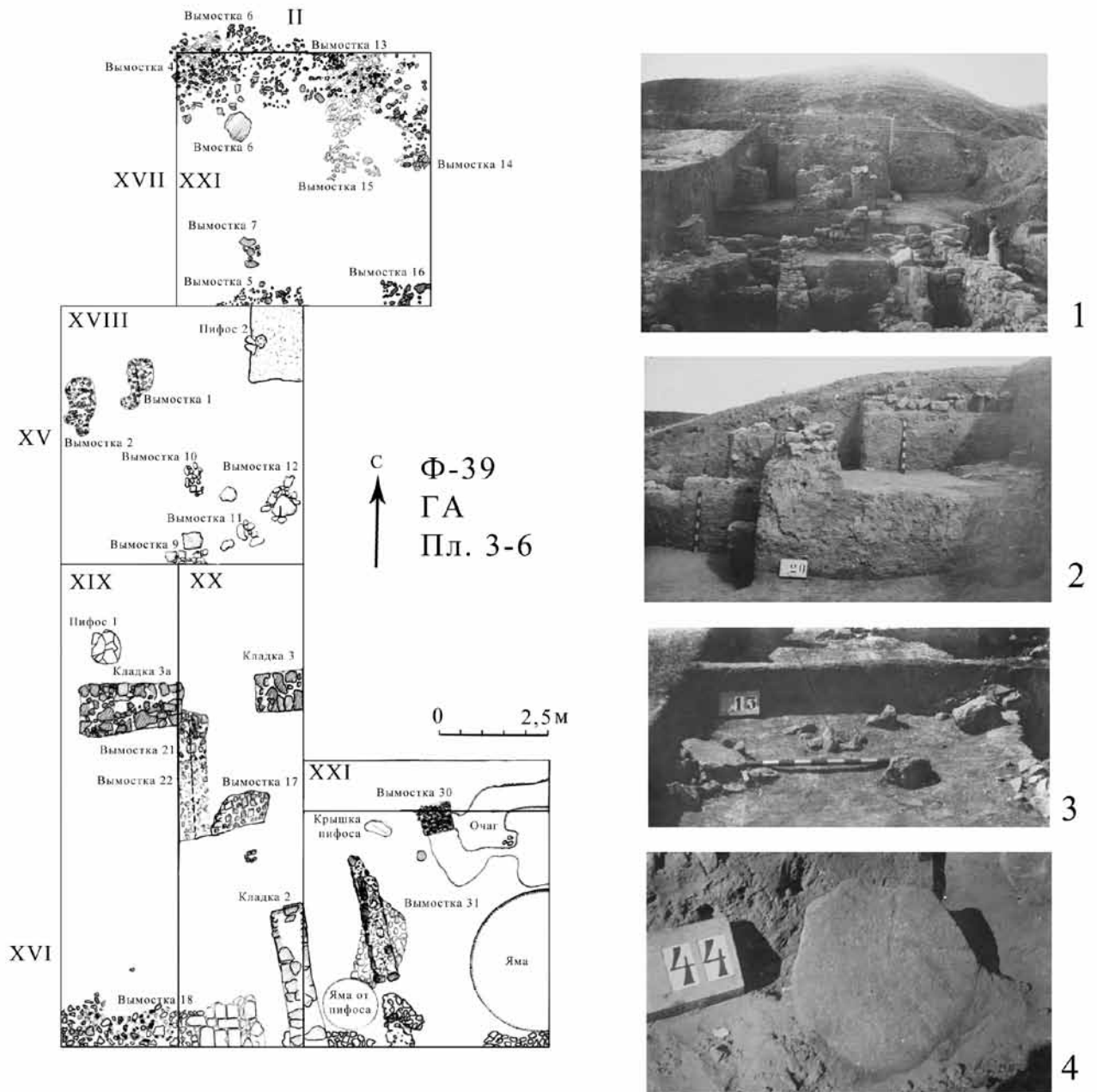

Рис. 30. Раскоп «Город А». 1939 г. Площади XVIII–XXII. Пласты 3-6. План. Фото. 1 – Общий вид на раскоп с севера. 2 – Кладка 2 и вымостка 17 на площади XX. Вид с запада. 3 – Остатки сырцового очага на площади XXII. Вид с севера. 4 – Крышка пифоса с крестообразным знаком на площади XXII. Вид с юга

1

2

3

4

5

6

Рис. 31. Раскоп «Город А». 1939 г. Площади XVIII–XXII. Пласты 3–6. Фото. 1 – Вымостки 4, 5, 6, 13, 14, 15, 16 на площади XXI. Вид с юго-запада. 2 – Вымостки 4, 13, 14, 16. Вид с севера. 3 – Вымостка 6 на площади XXI. Вид с юга. 4 – Вымостка 18 на площади XIX. Вид с севера. 5 – Пифос 1 на площади XIX. Вид с запада. 6 – Пифос 1, кладка 3а, вымостка 22 на площади XIX. Вид с запада

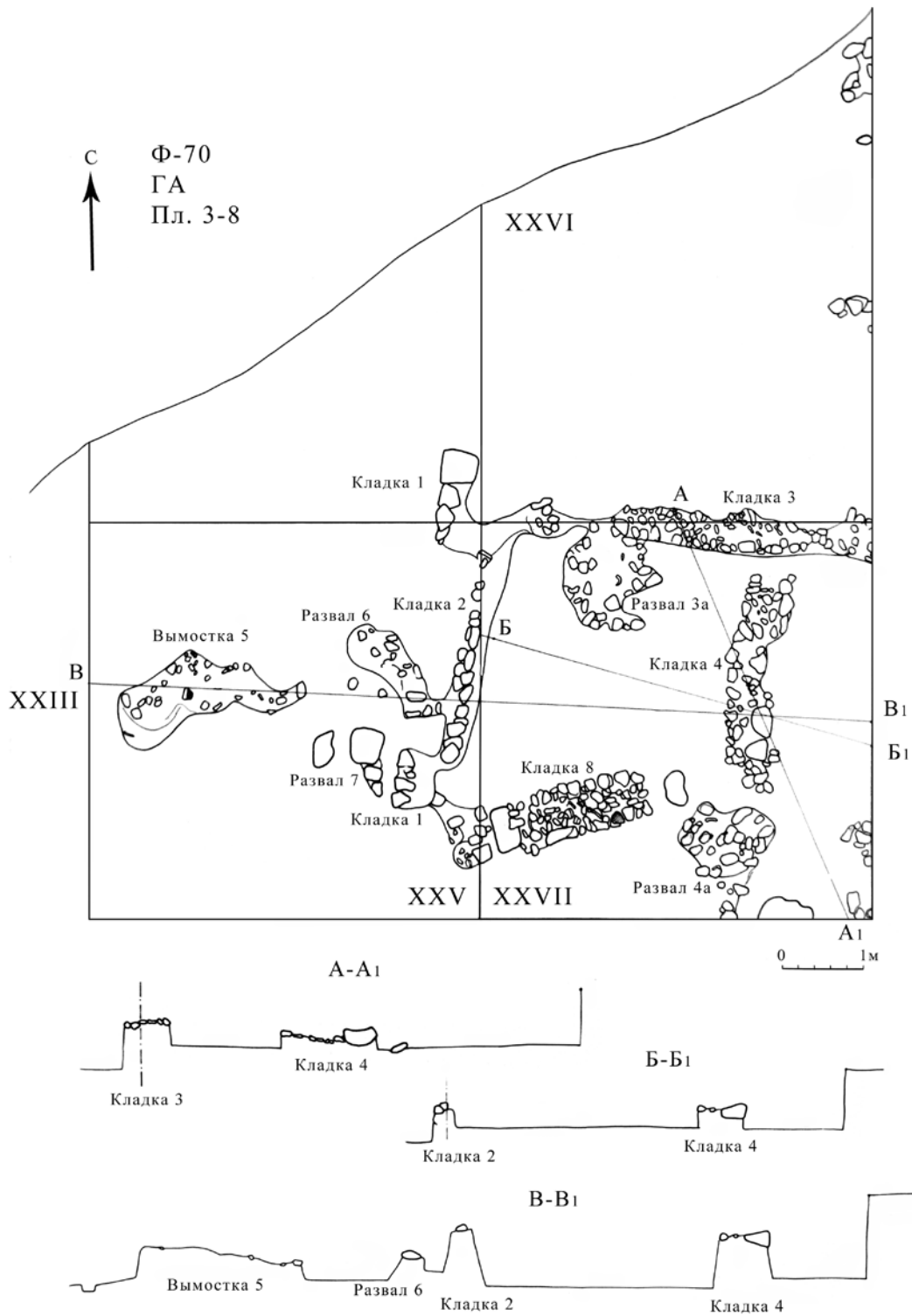

Рис. 32. Раскоп «Город А». 1970 г. Площади XXIII–XXVII. Пласты 3-8. План. Разрезы

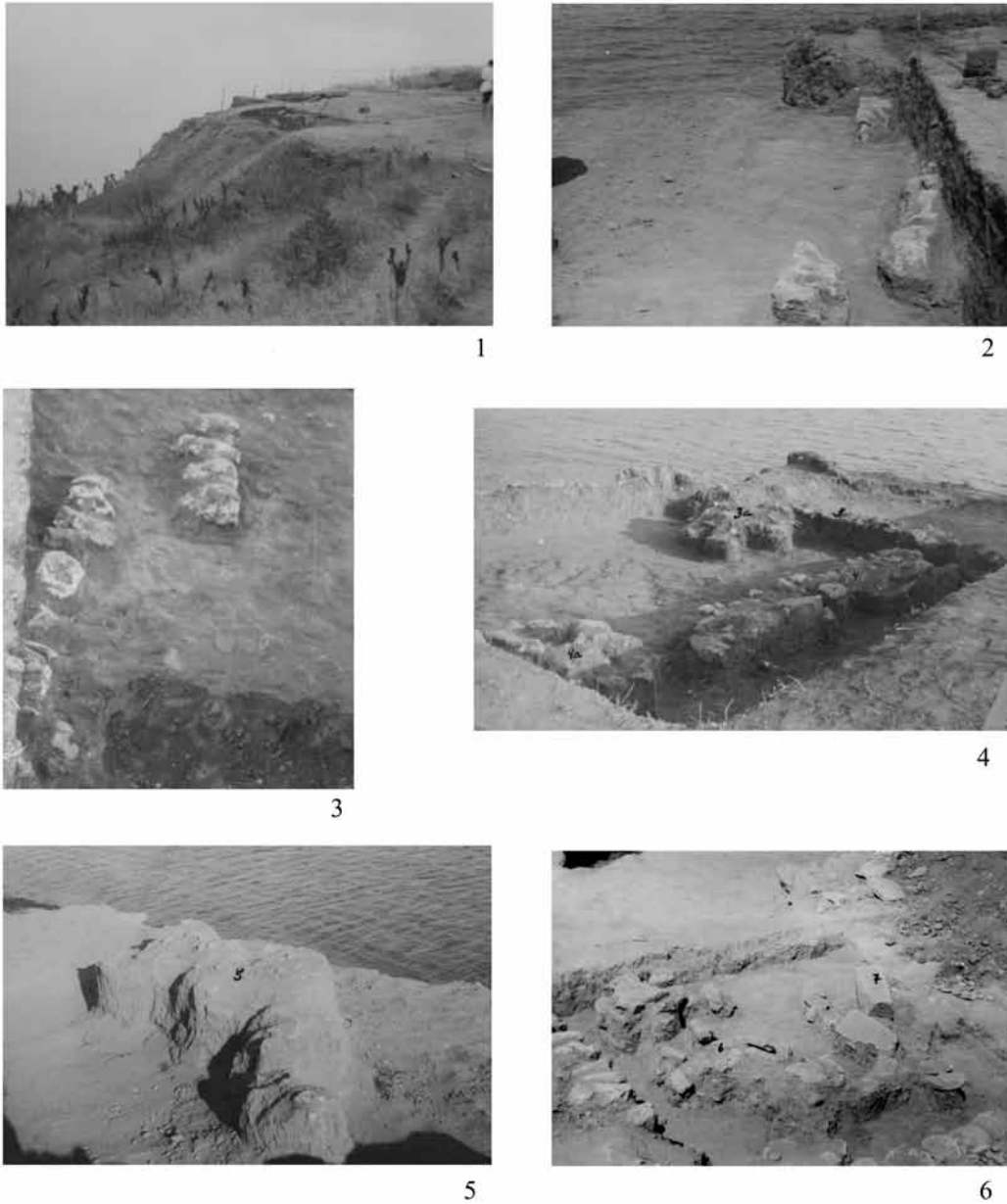

Рис. 33. Раскоп «Город А». 1970 г. Площади XXIII–XXVII. Пласты 3-8. Фото. 1 – Раскоп с юго-запада. 2 – Кладки 1 и 2 на площади XXV. Вид с юга. 3 – Кладки 1 и 2. Вид с севера. 4 – Кладки 3 и 4, развалы камней 3а и 4а на площади XXVII. Вид с юго-востока. 5 – Вымостка 5 на площади XXV. Вид с востока. 6 – Развалы камней 6 и 7 на площади XXV. Вид с запада

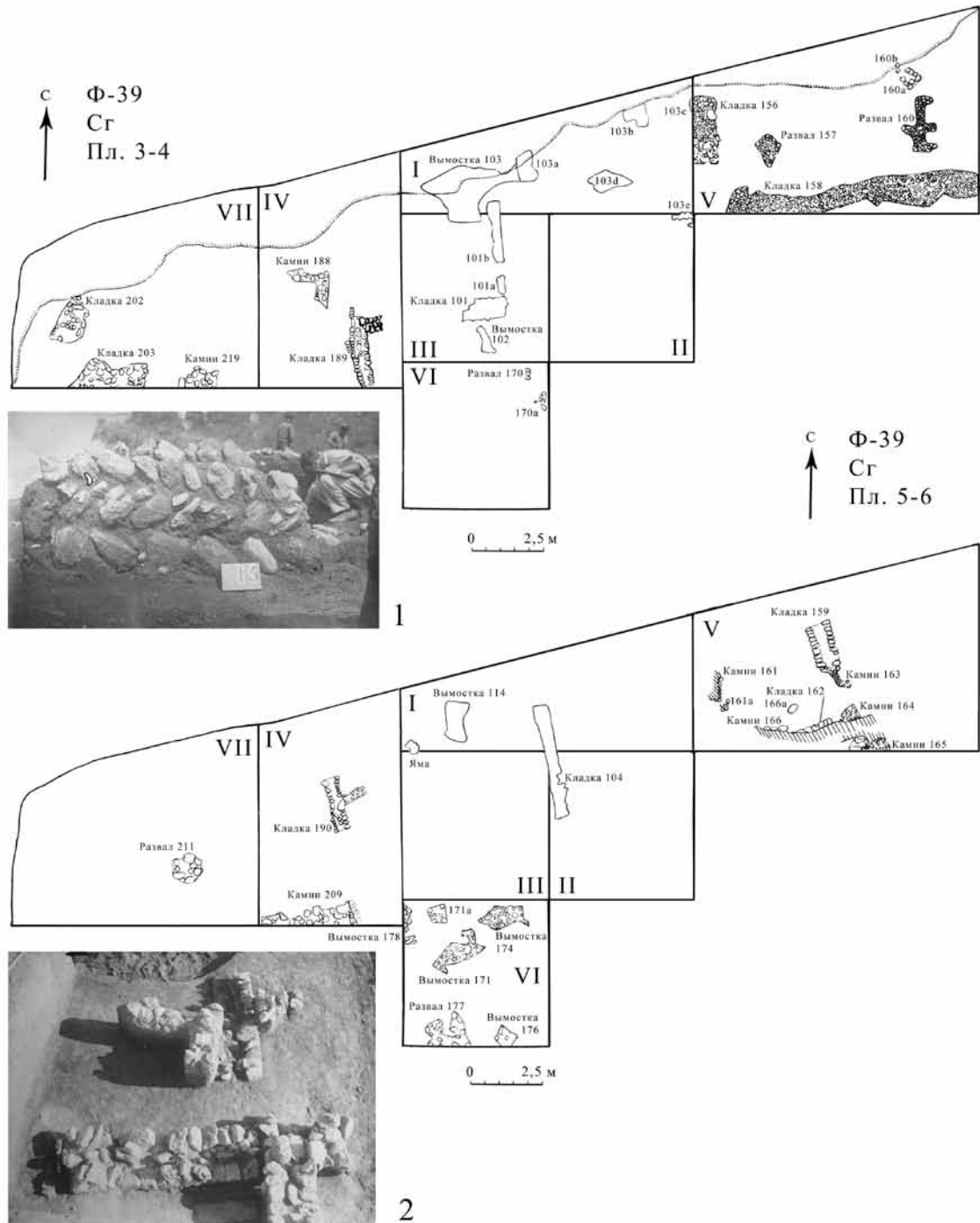

Рис. 34. Раскоп «Северный город». 1939–1940 гг. Площади I-VII. Пласты 3-4 и 5-6. Планы. Фото. 1 – Кладка 156 на площади V. Вид с запада. 2 – Камни 188, 209, кладки 189, 190 на площади IV. Вид с юга

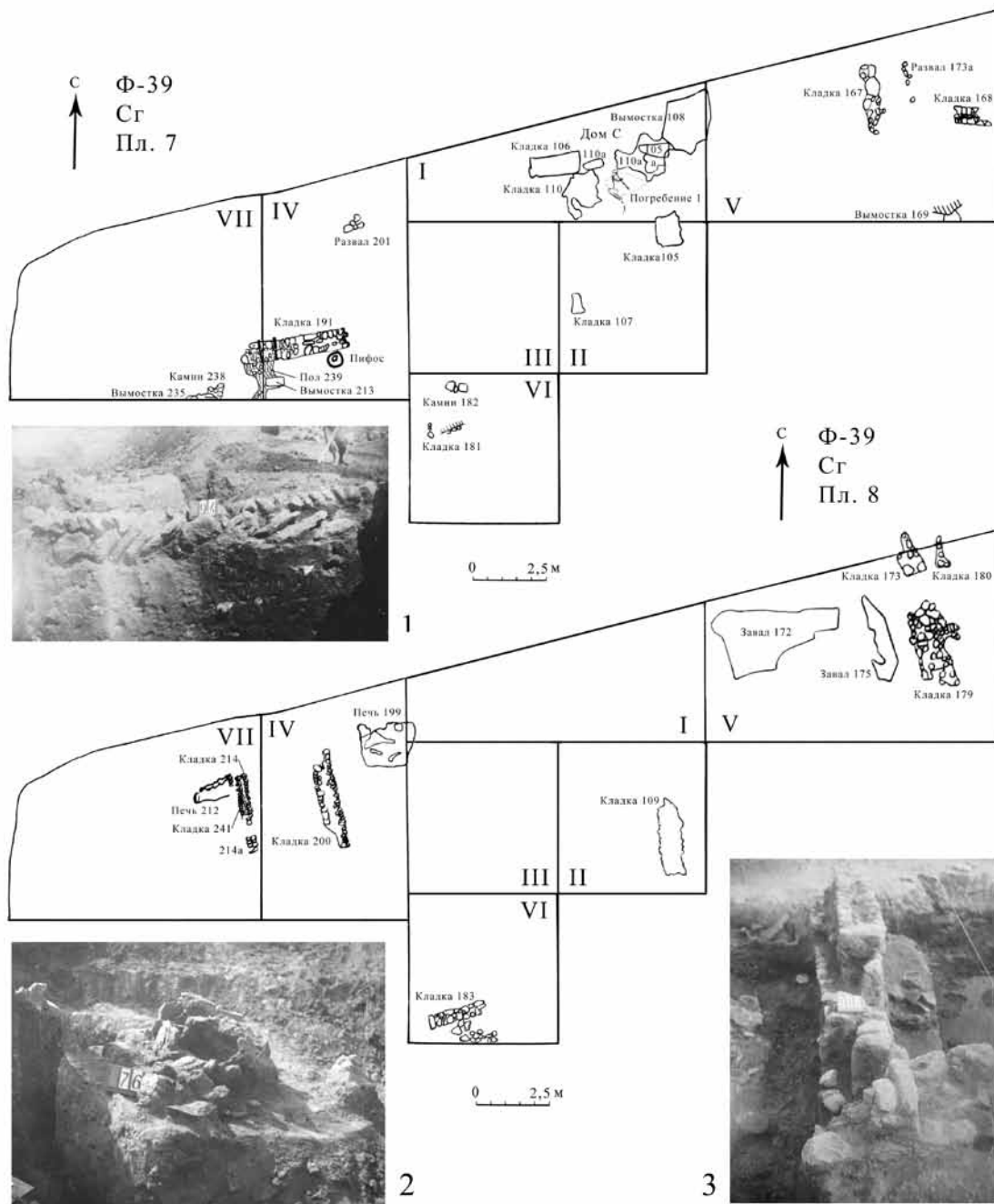

Рис. 35. Раскоп «Северный город», 1939–1940 гг. Площади I-VII. Пласты 7 и 8. Планы. Фото. 1 – Кладка 200 на площади IV. Вид с запада. 2 – Печь 199 на площади IV. Вид с востока. 3 – Кладки 214 и 228 на площади VII. Вид с юга

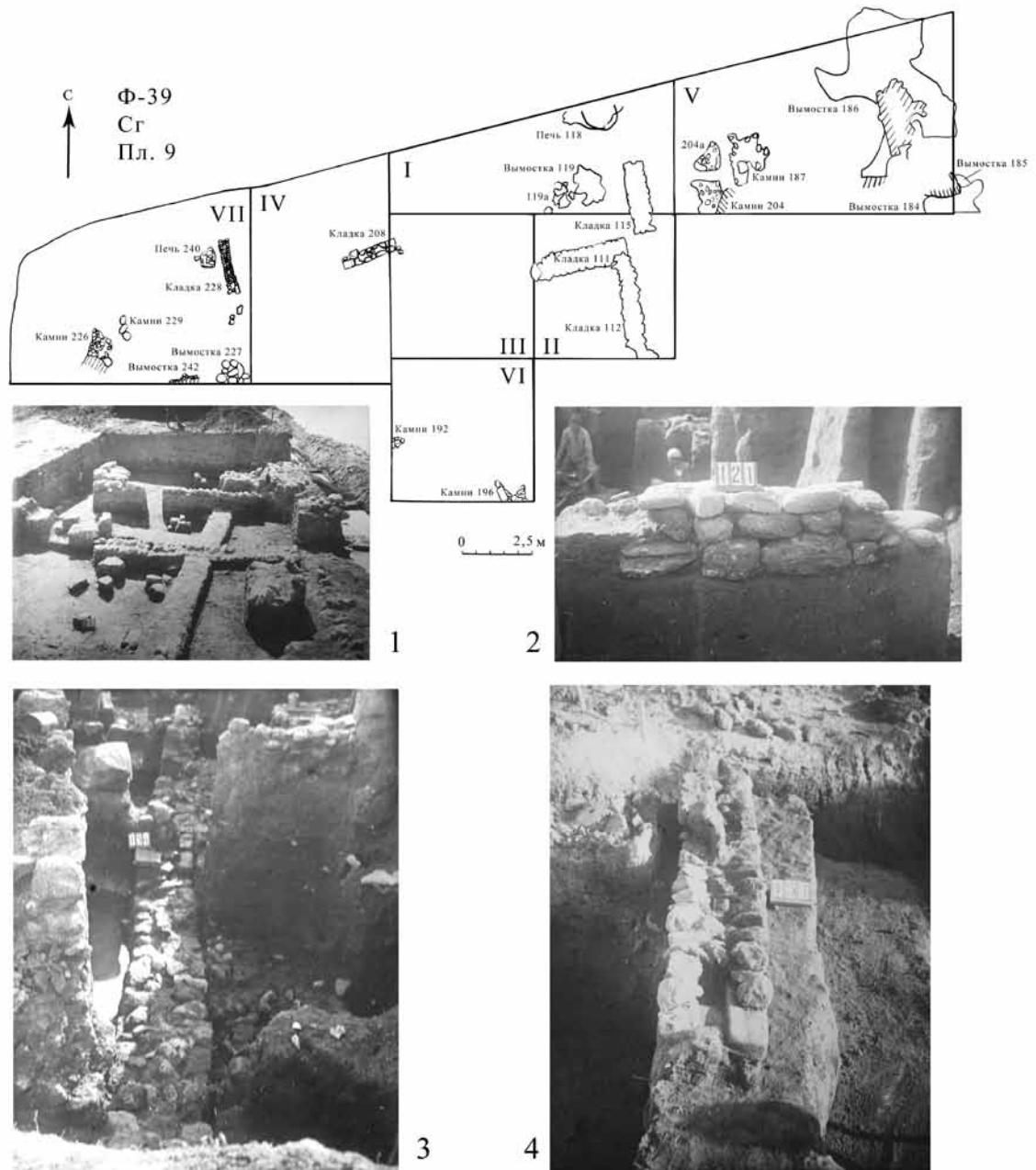

Рис. 36. Раскоп «Северный город». 1939–1940 гг. Площади I–VII. Пласт 9. План. Фото. 1 – Площади IV, VII, вид с востока (Блаватский, 1940, рис. 5). 2 – Кладка 208 на площади IV. Вид с севера. 3 – Кладка 226 на площади VII. Вид с севера. 4 – Кладка 228 на площади VII. Вид с юга

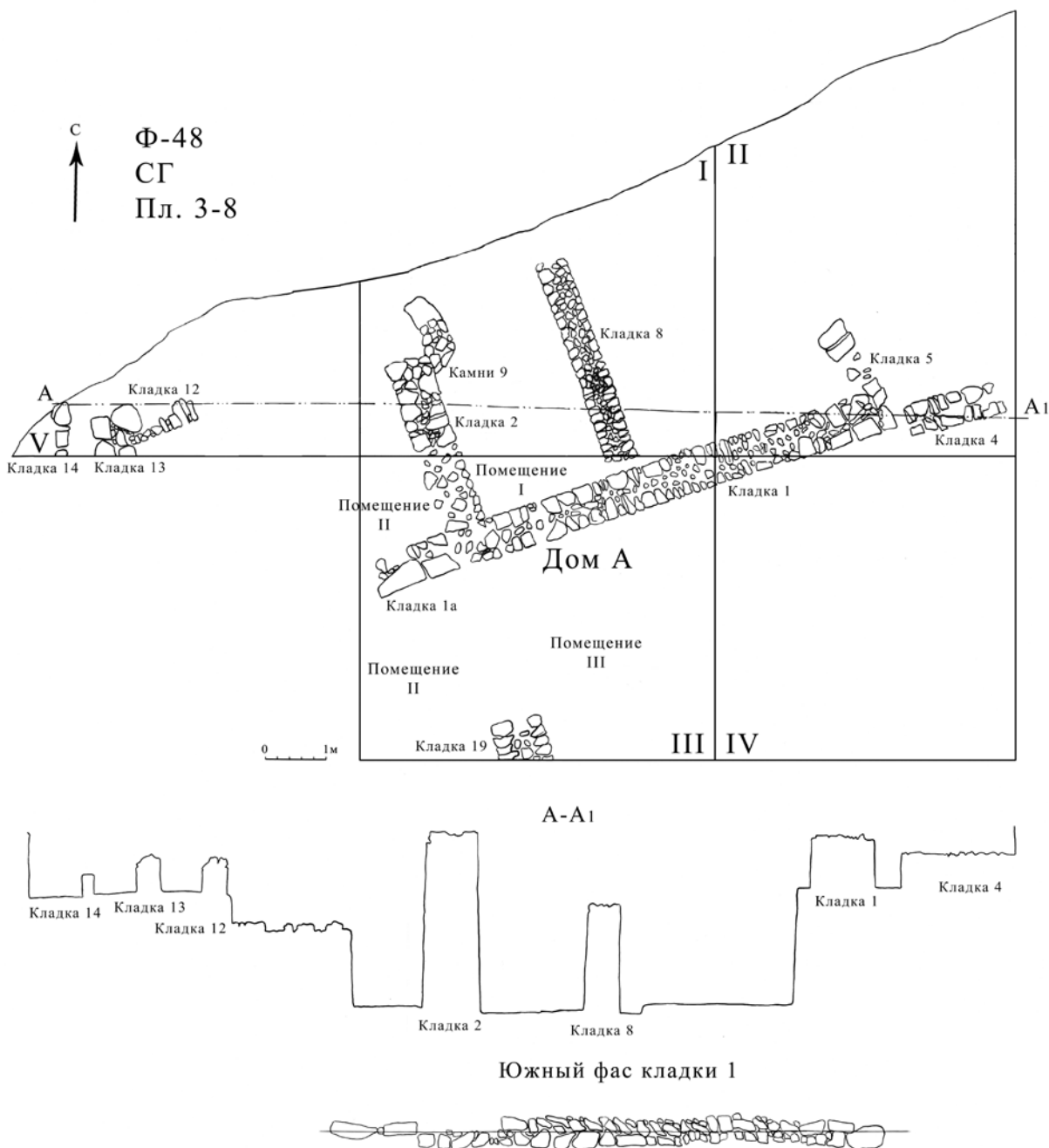

Рис. 37. Раскоп «Северный город». 1948 г. Площади I-V. Пласты 3-8.
 План (Кобылина, 1950, рис. 41). Разрез. Фас

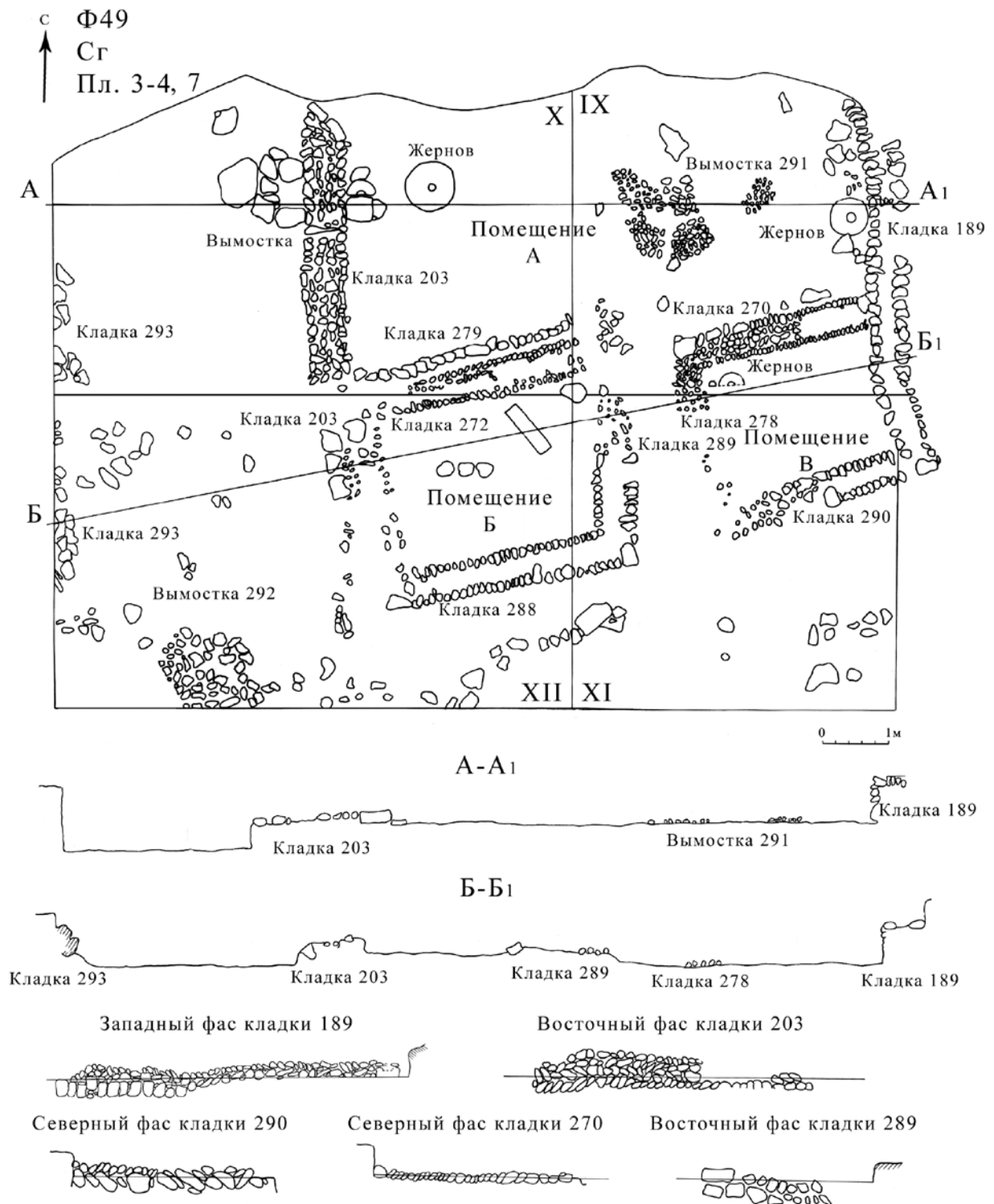

Рис. 38. Раскоп «Северный город». 1949 г. Площади IX-XII. Пласты 3-4, 7.
 План (Кобылина, 1951б, рис. 76). Разрезы. Фасы

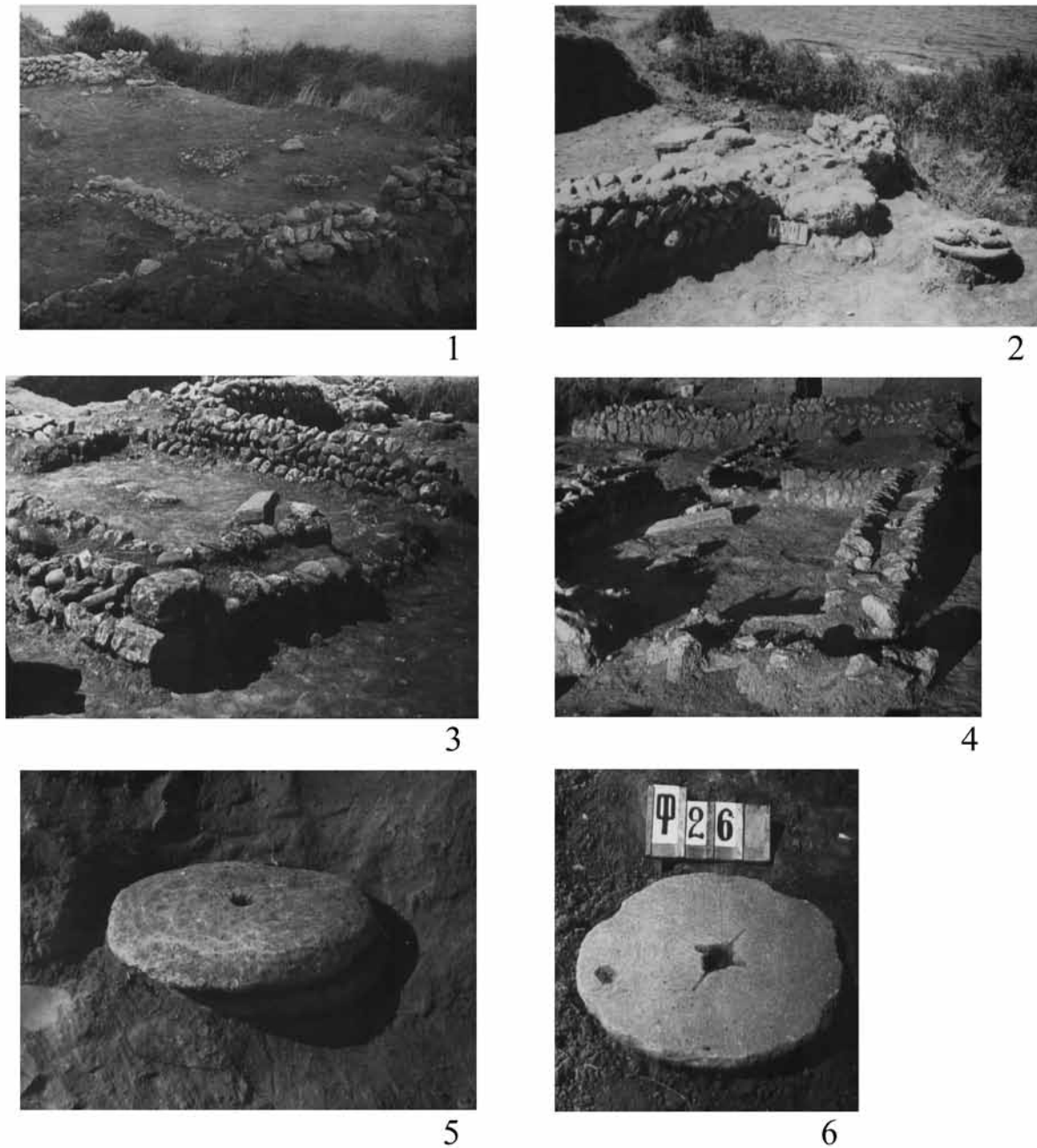

Рис. 39. Раскоп «Северный город». 1949 г. Площади IX-XII. Пласты 3-4. Фото.
 1 – Помещение А на площади IX. Вид с юго-востока. 2 – Кладка 203 с примыкающей к
 ней вымосткой и жернов на площади X. Вид с юго-востока. 3 – Помещение Б на площади
 XI-XII. Вид с юго-востока. 4 – Помещение В на площади XI. Вид с запада.
 5-6 – Жернова из помещения А

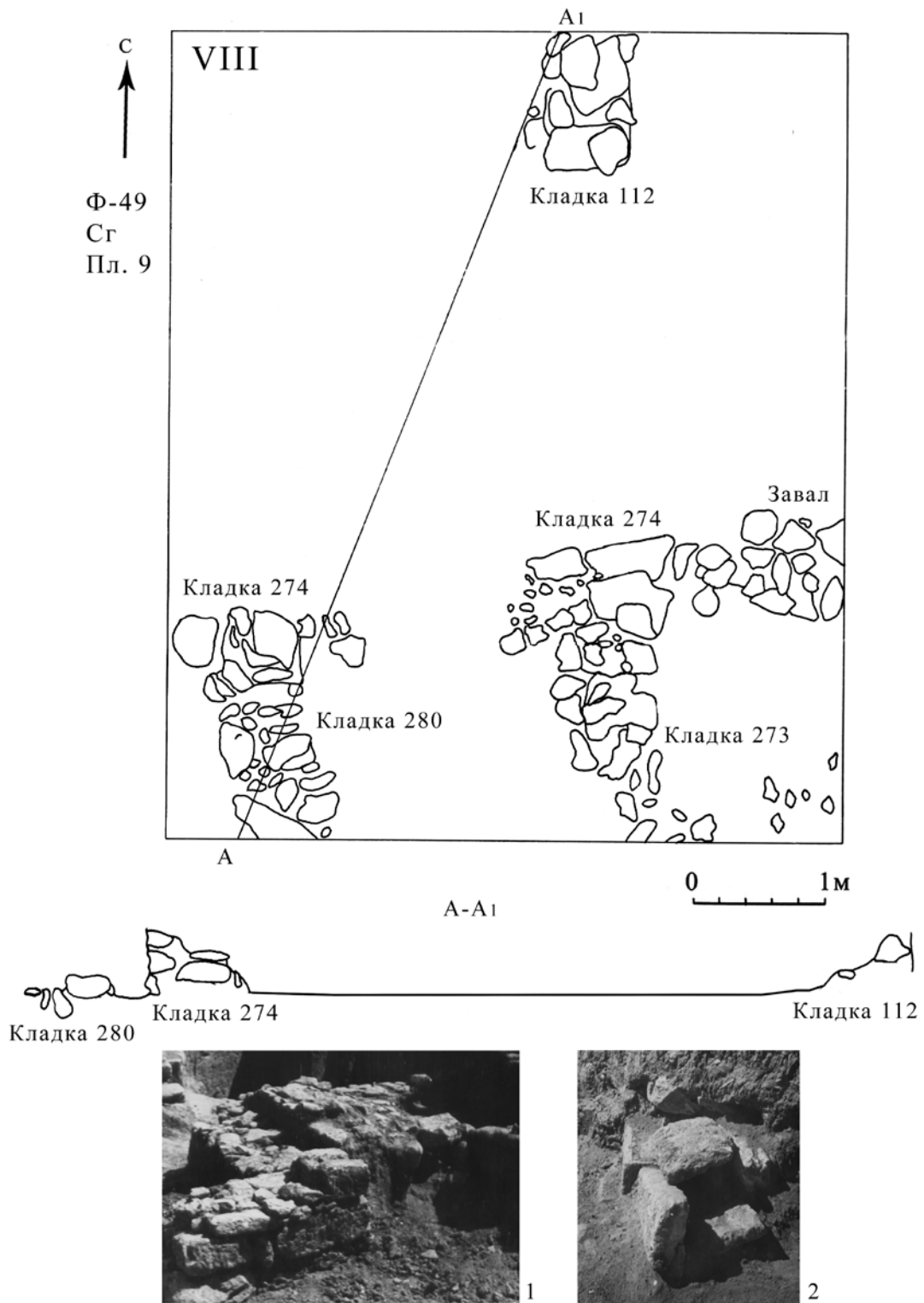

Рис. 40. Раскоп «Северный город». 1949 г. Площадь VIII. Пласт 9. План. Разрез.
 Фото. 1 – Кладки 273, 274. Вид с севера. 2 – Кладка 112. Вид с юга

1

2

3

4

5

6

Рис. 41. Раскоп «Северный город». 1954 г. Площади IX, XIII-XV. Пласты 3-6.

Фото. 1 – Дом А (кладки 298, 293, 294) на площади XIII. Вид с юга.

2 – Дом А. Вид с юго-востока. 3-4 – Развалы 299а, 299б, 299в и пифосы на площади XV.

Вид с юга. 5 – Кладка 295 и печь 296 на площади XIV. Вид с юго-востока.

6 – Кладка 305 на площади IX и дом А на площади XIII. Вид с северо-запада

1

2

3

4

5

6

Рис. 42. Раскоп «Северный город». 1954 г. Площади IX, X-XII, XVII. Пласты 5-10. Фото. 1 – Кладка 305 на площади IX. Вид с запада. 2 – Кладки 309 и 314 на площади XVII. Вид с юга. 3 – Развал камней 308 на площади XVII. Вид с юга. 4 – Кладки 340, 341, 361. На площадях X-XII. Вид с юга. 5 – Кладка 340. Вид с запада. 6 – Кладка 349 на площади XII. Вид с востока

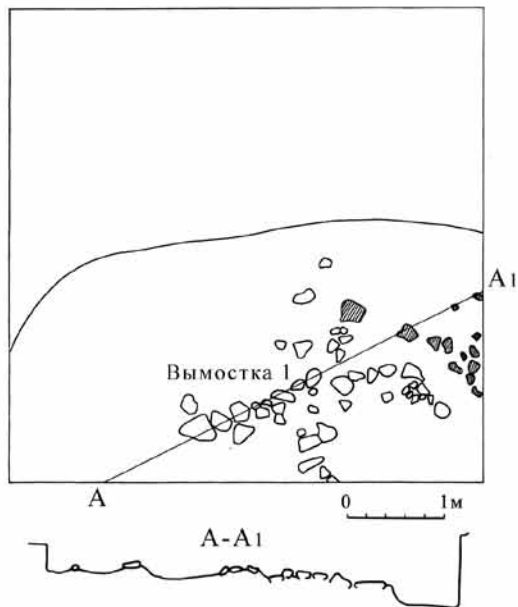

1

2

Ф-68
Б1
Пл. 3-4

3

Рис. 43. Раскоп «Западный». 1954 г. Пласты 3-6.
 Фото. 1 – Вид с запада. 2 – Вымостка 1. Вид с севера.
 Раскоп «Береговой I». 1968 г. Пласты 3-4. План. Разрез.
 Фото. 3 – Вымостка 1. Вид с запада

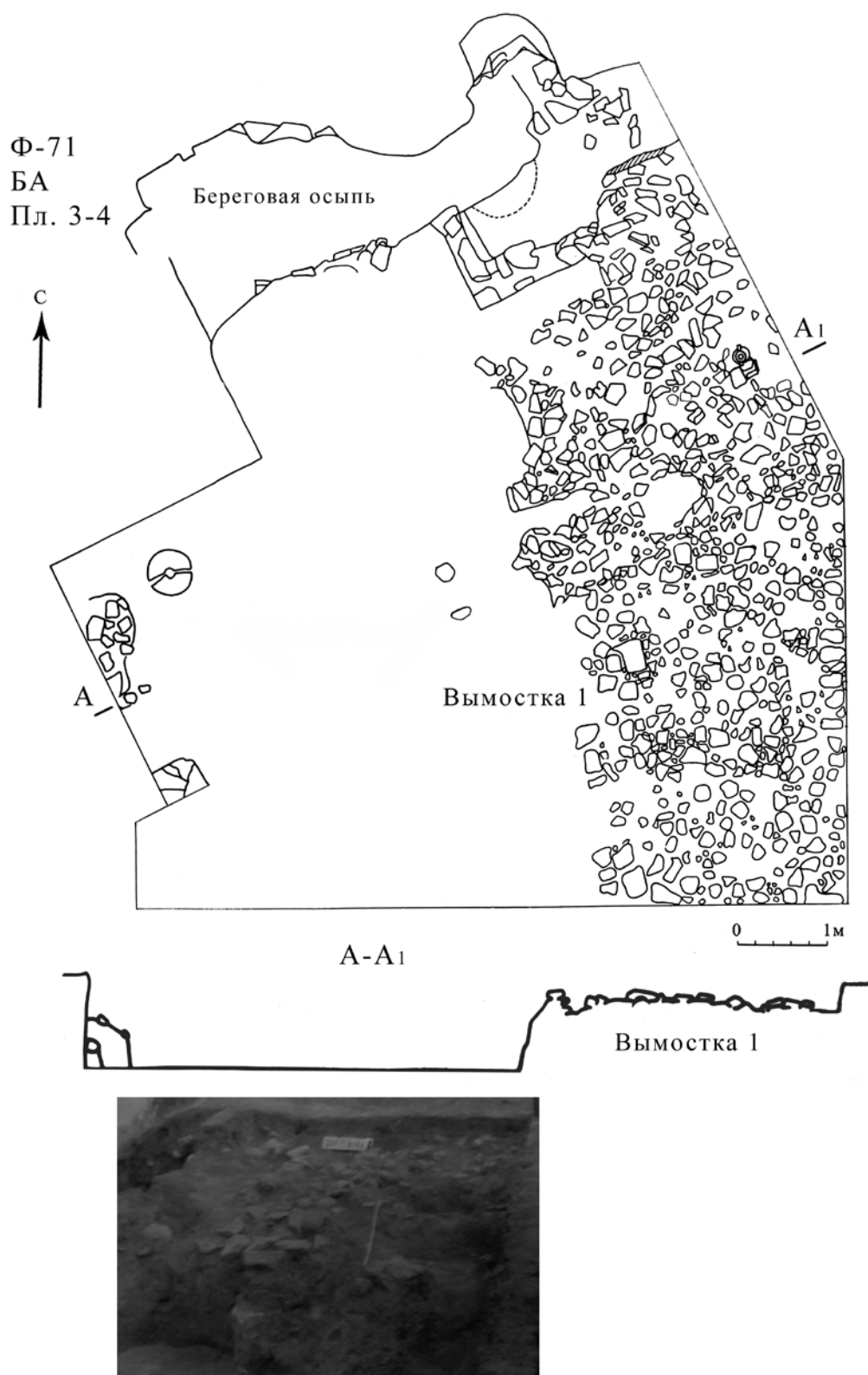

Рис. 44. Раскоп «Береговой А». 1971 г. Пласты 3-4. План. Разрез. Фото.
 Вымостка 1. Вид с запада

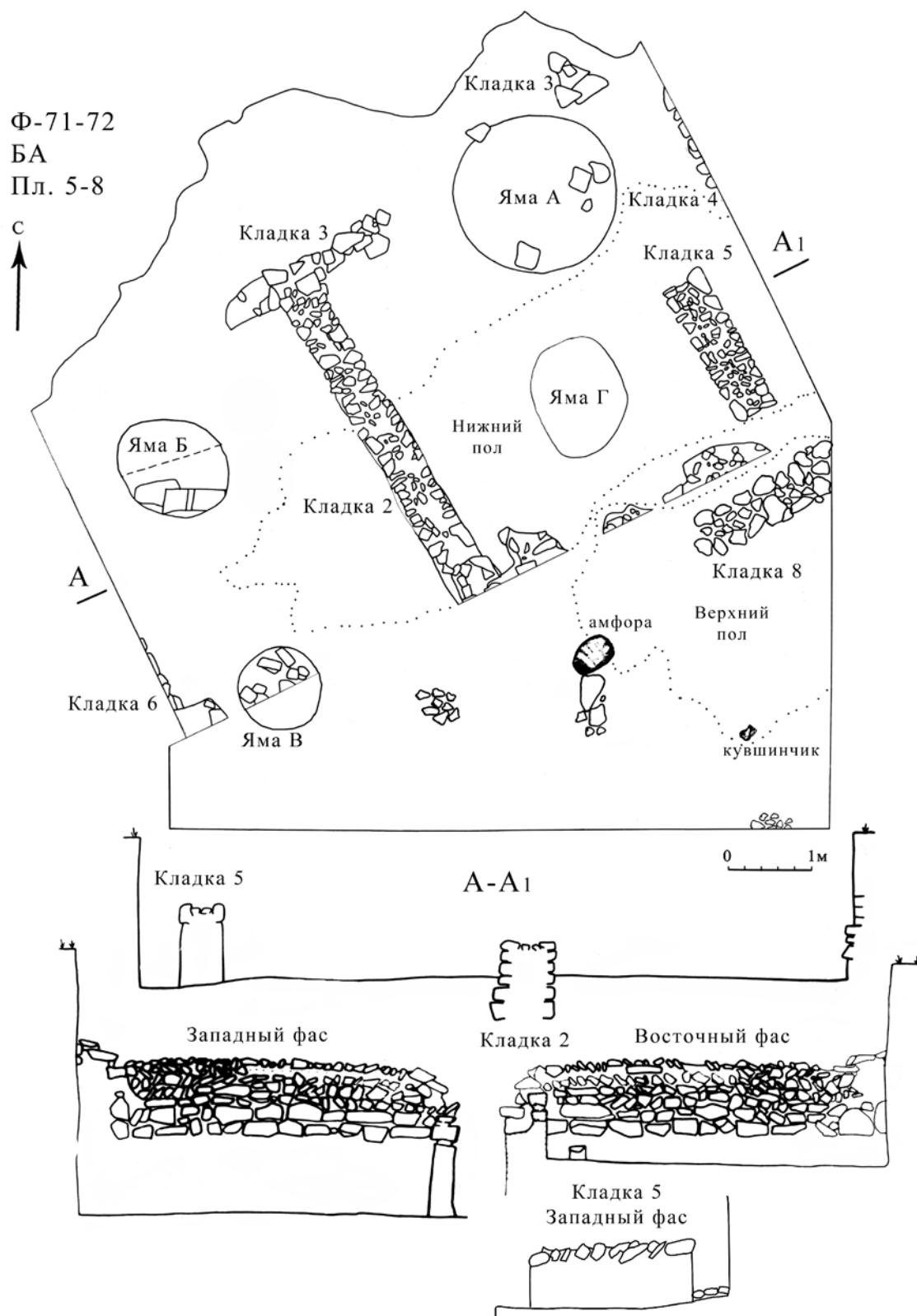

Рис. 45. Раскоп «Береговой А». 1971–1972 гг. Пласты 5-8.
План (Долгоруков, 1975, рис. 3). Разрез. Фасы

1

2

3

4

Рис. 46. Раскоп «Береговой А». 1971–1972 гг. Пласты 5–10. Фото. 1– Дом (кладки 2 и 5) вид с запада. 2 – Кладка 2. Вид с востока. 3 – Кладка 8. Вид с запада. 4 – Кладка 2, яма Ж. Вид с востока

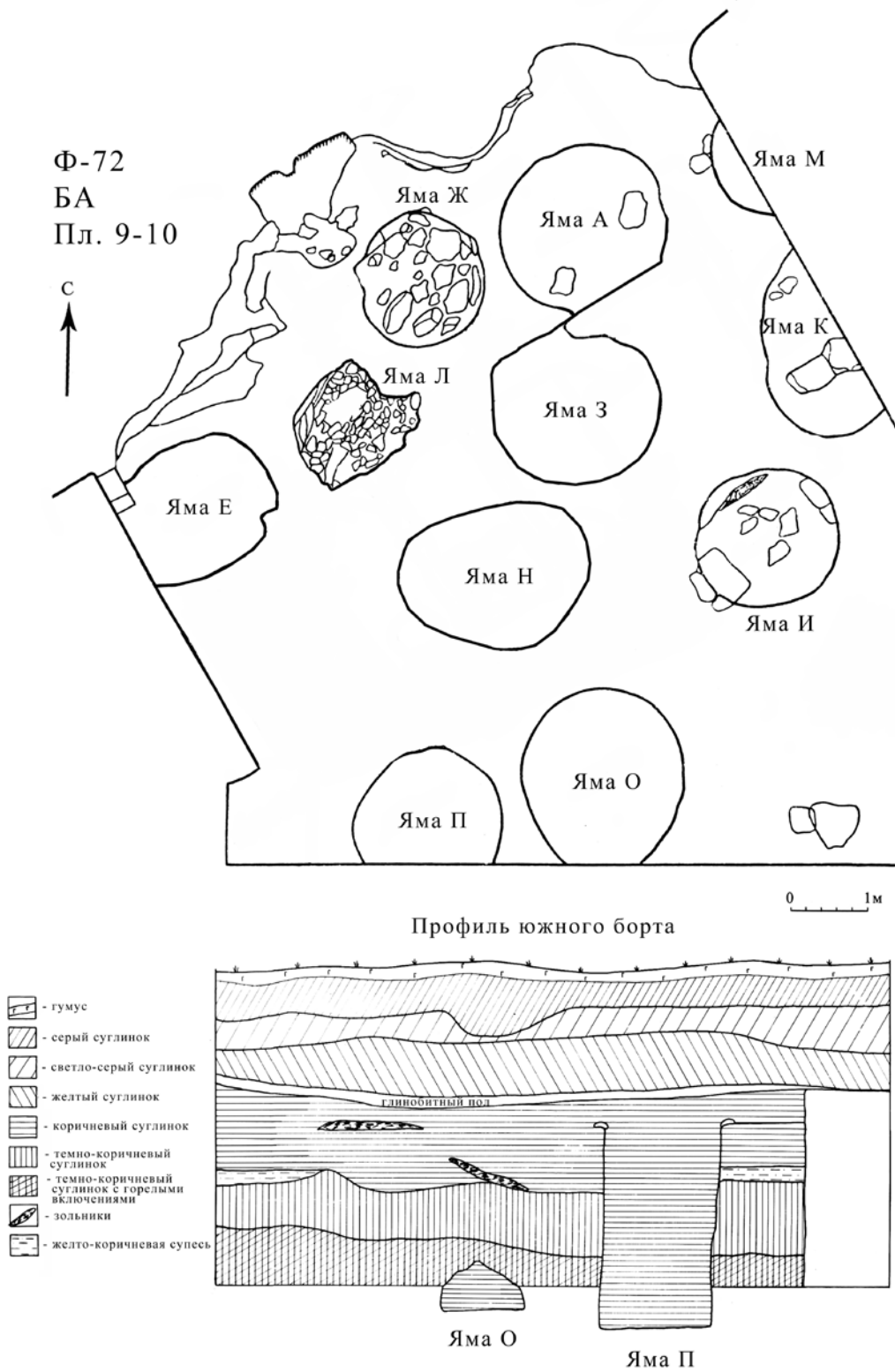

Рис. 47. Раскоп «Береговой А». 1972 г. Пласты 9-10. План. Профиль южного борта

Рис. 48. Раскоп «Береговой Б». 1971 г. Пласты 5-8. План. Разрез. Фас.
Профиль южного борта

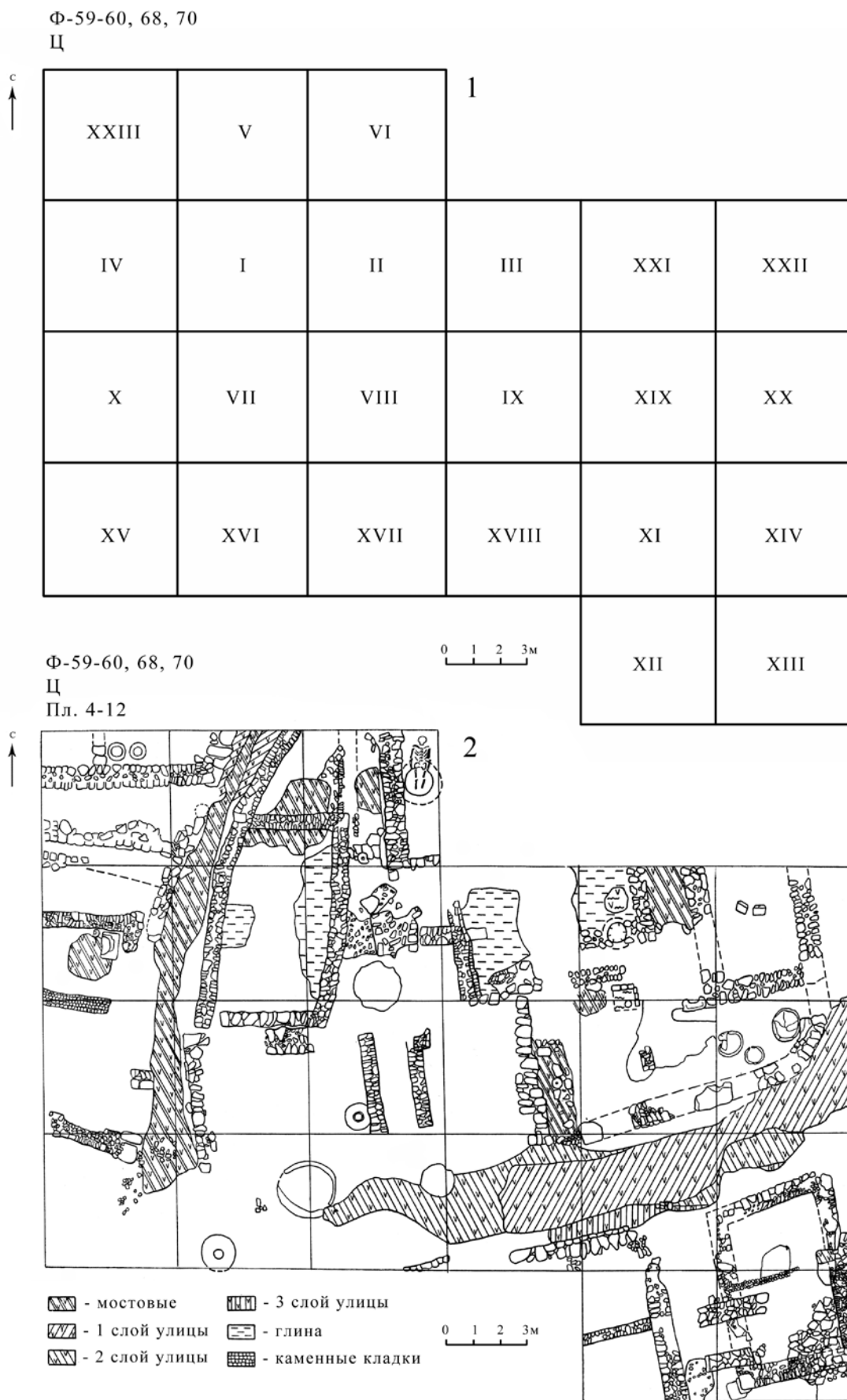

Рис. 49. Раскоп «Центральный». 1959–1960, 1968, 1970 гг. 1 – План раскопанных площадей. 2 – Строительные остатки V – середины X вв. План (Плетнёва, 1981б, рис. 42.4)

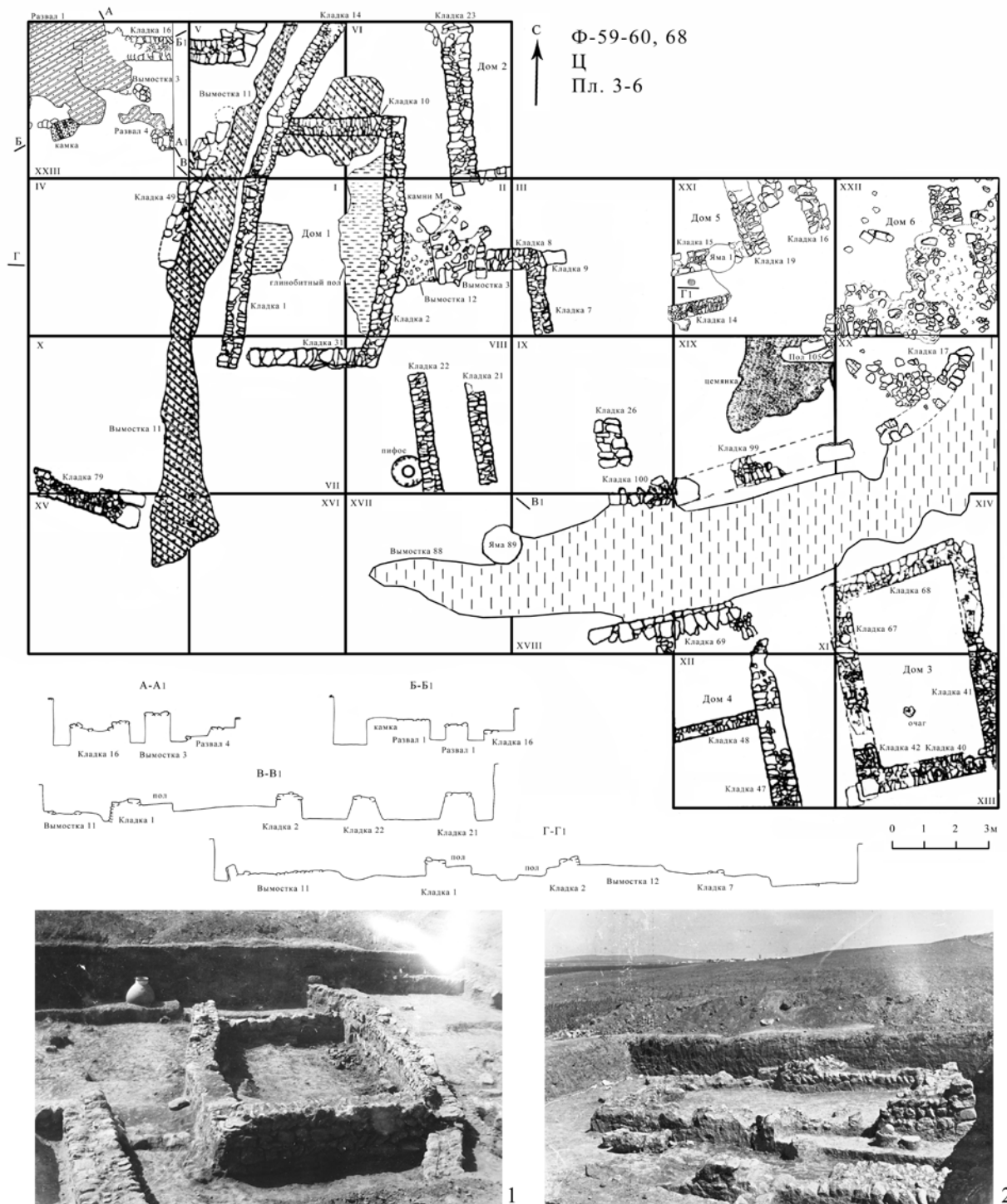

Рис. 50. Раскоп «Центральный». 1959–1960, 1968 гг. Площади I-XXIII. Пласты 3-6.
План. Разрезы. Фото. 1 – Дом 1. Вид с севера. 2 – Дом 3. Вид с запада

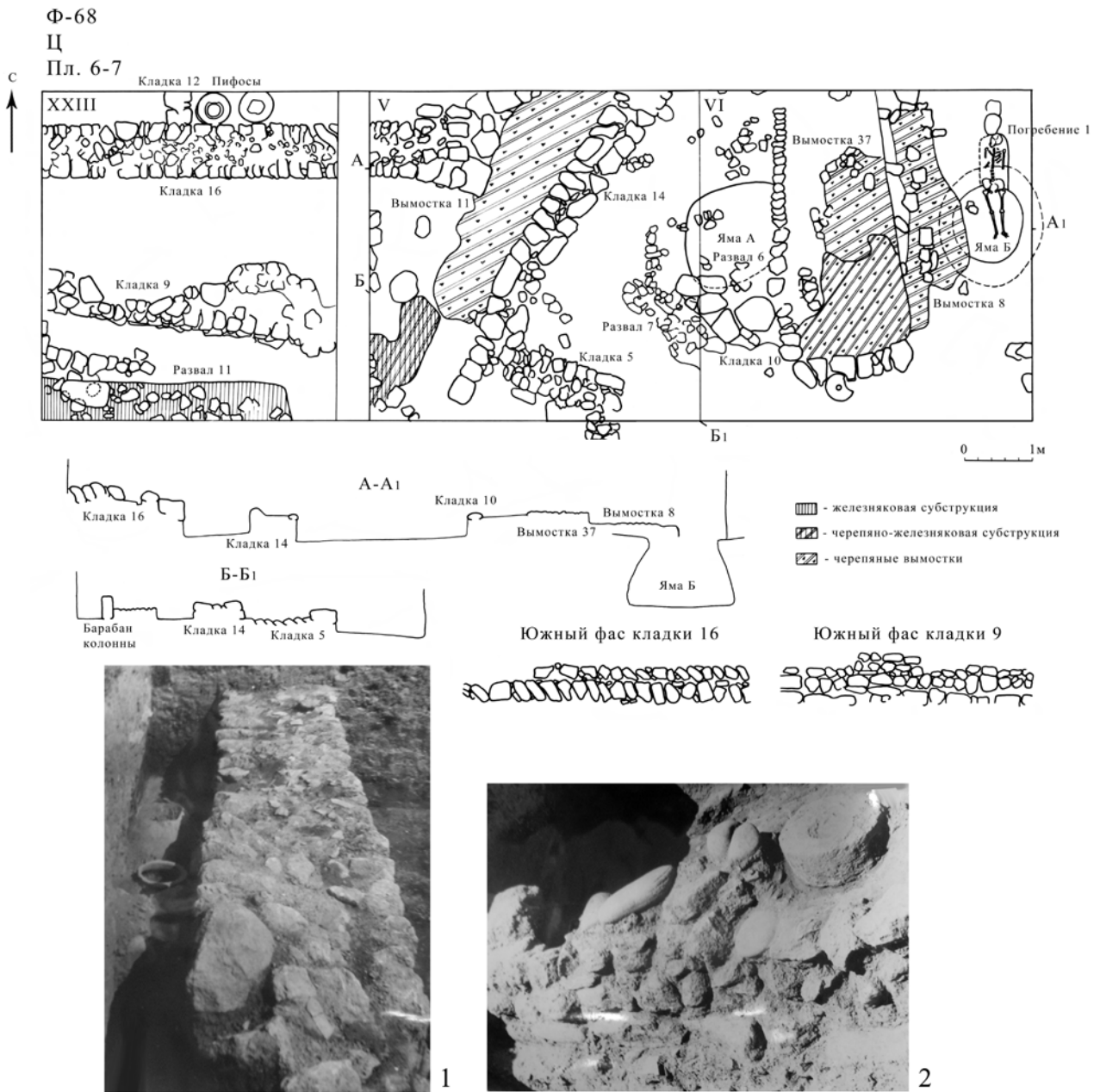

Рис. 51. Раскоп «Центральный». 1968 г. Площади ХХХІІІ, V, VI. Пласты 6-7.
План. Разрезы. Фасы. Фото. 1 – Кладки 16, 12, пифосы на площади ХХХІІІ. Вид с запада.
2 – Кладка 9 на площади ХХХІІІ. Вид с юго-востока

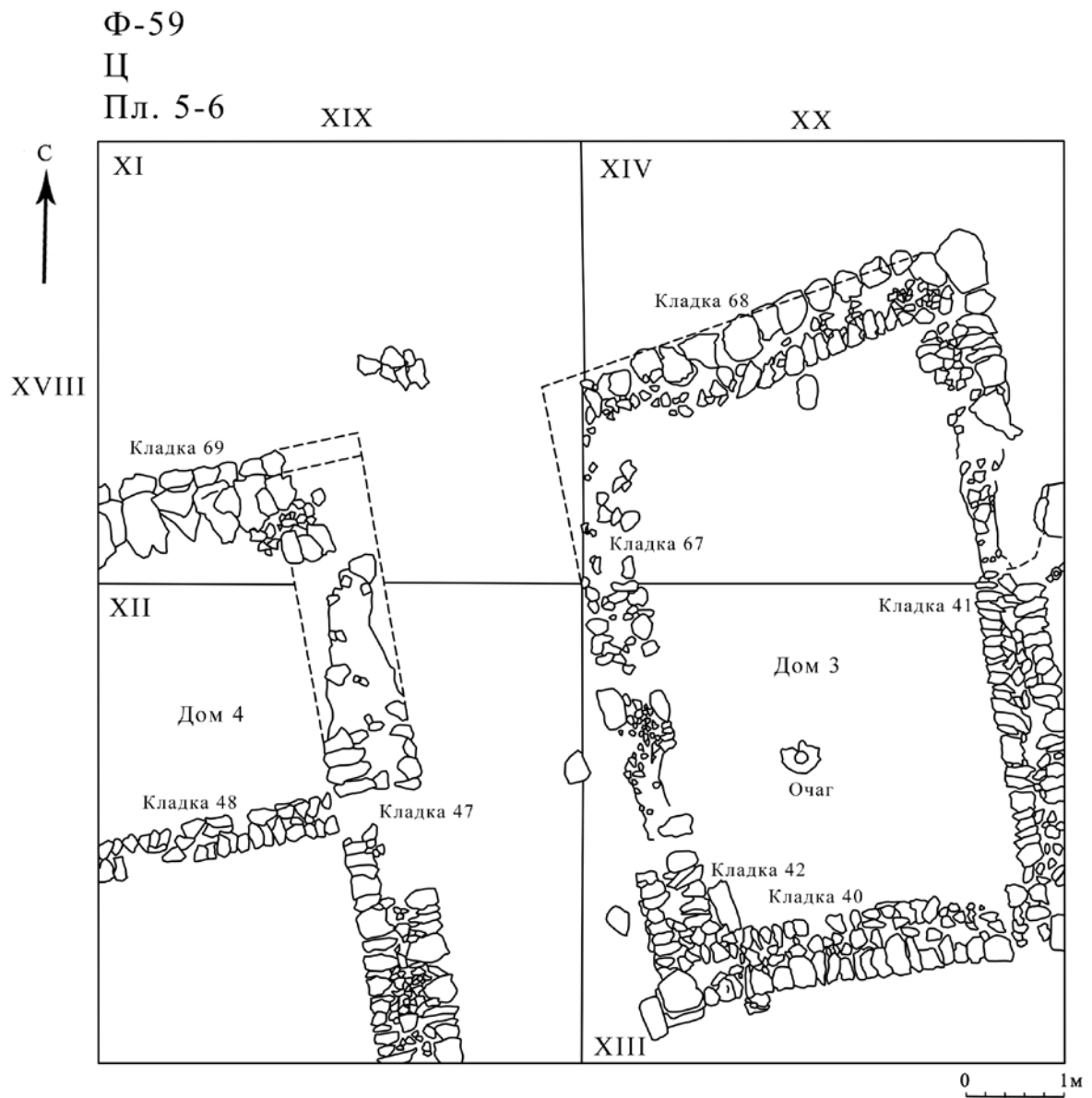

Рис. 52. Раскоп «Центральный». 1959 г. Площади XI-XIV. Пласты 5-6. План.
Фото. 1 – Дом 3. Вид с севера. 2 – Дом 3. Очаг и кладки 40, 42. Вид с востока

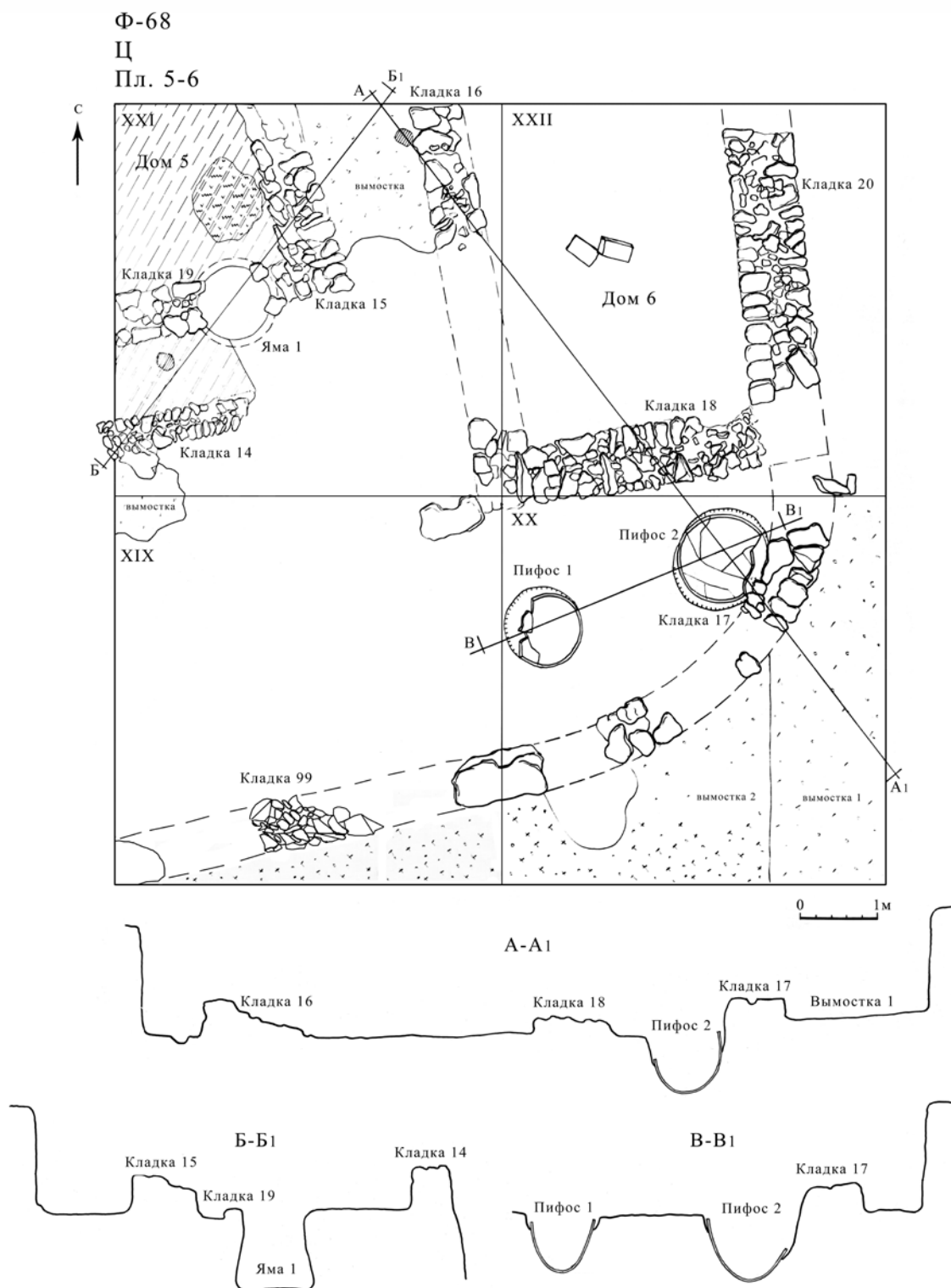

Рис. 53. Раскоп «Центральный». 1968 г. Площади XIX-XXII. Пласты 5-6.
План. Разрезы

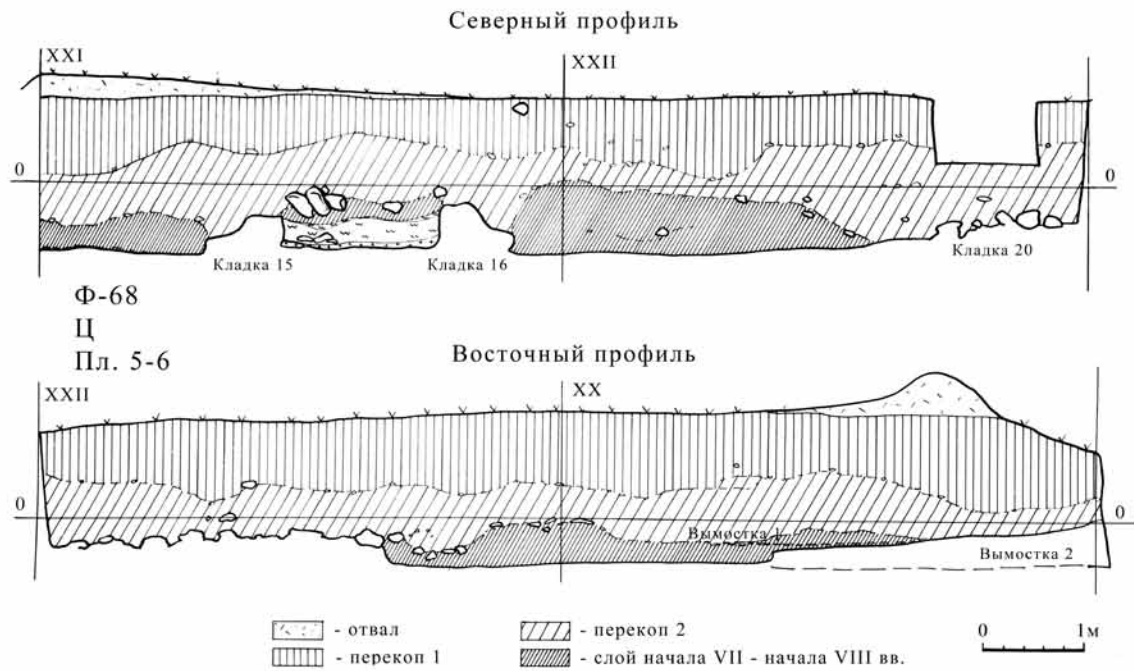

Рис. 54. Раскоп «Центральный». 1968 г. Площади XX-XXII. Пласты 5-6. Северный и восточный профили. План. Фото. 1 – Кладка 14 на площади XXI. Вид с юга. 2 – Кладки 15 и 19, яма 1. Вид с севера. 3 – Южная часть дома 6 и пифос 2. Вид с севера. 4 – Дворик с пифосами 1 и 2. Вид с запада

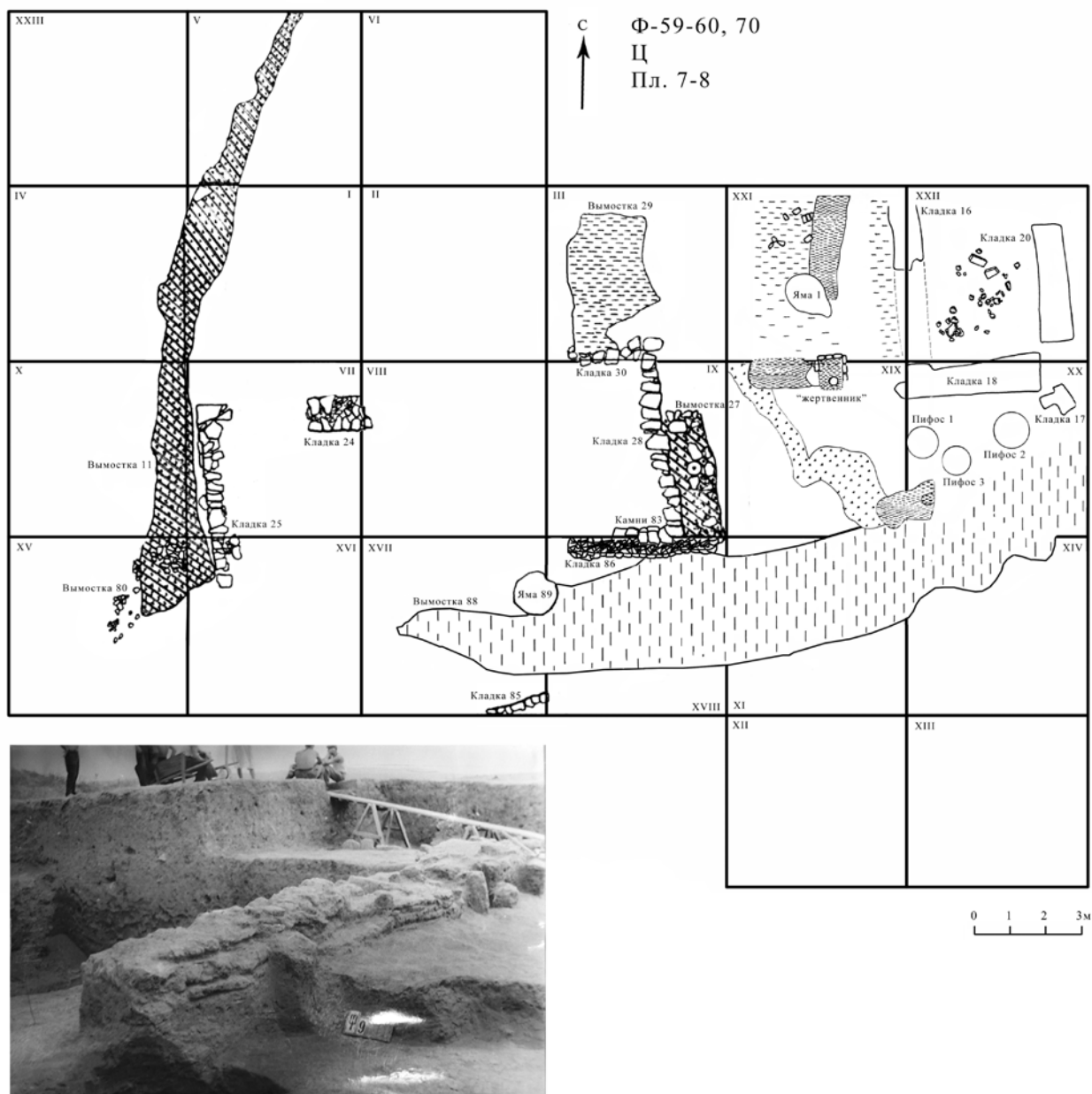

Рис. 55. Раскоп «Центральный». 1959–1960, 1970 гг. Площади I-XXIII. Пласты 7-8.
 План. Фото. Кладка 86. Вид с юго-запада

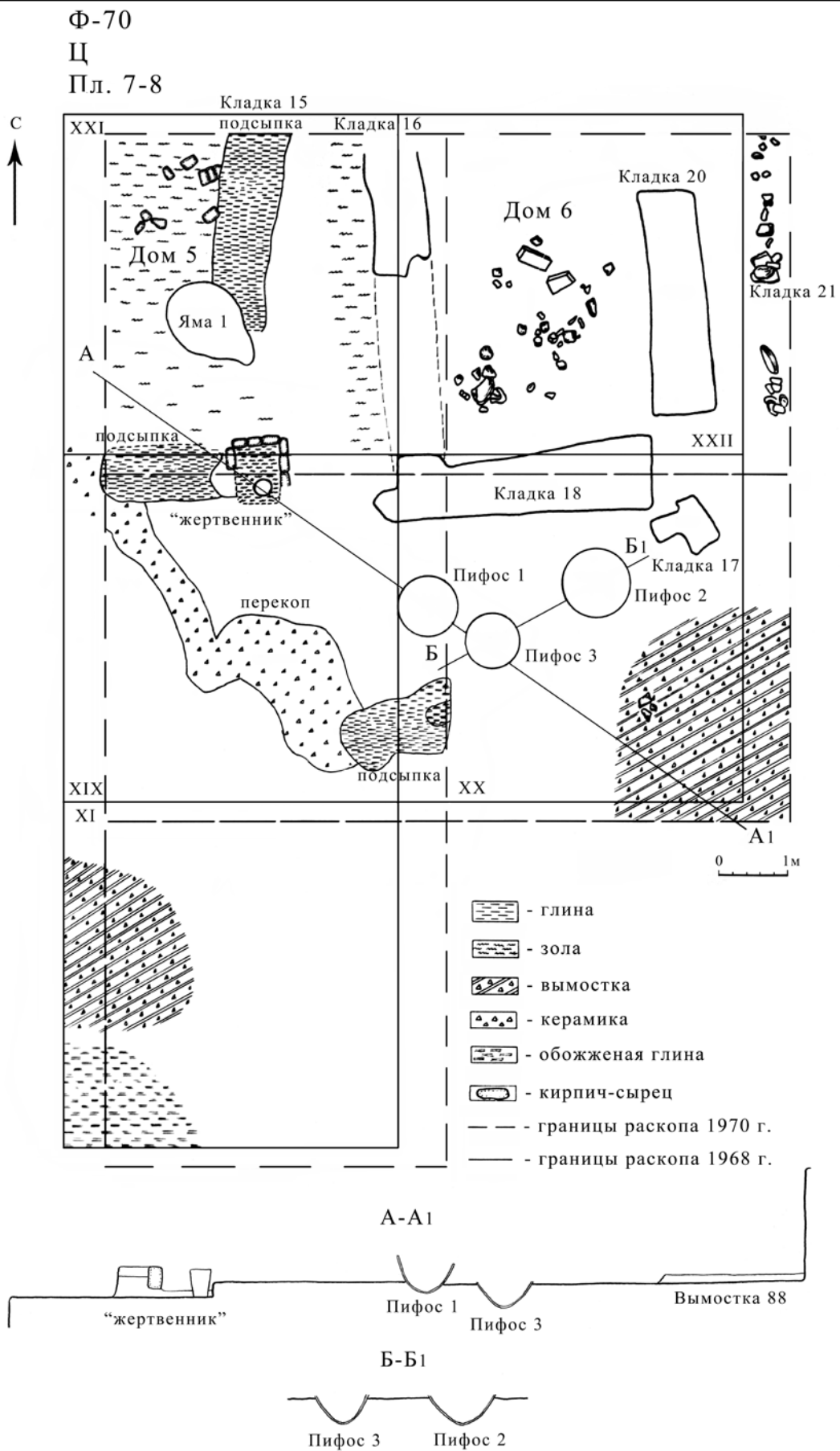

Рис. 56. Раскоп «Центральный». 1970 г. Площади XI, XIX-XXII. Пласты 7-8.
План. Разрезы

1

2

3

4

5

6

Рис. 57. Раскоп «Центральный». 1970 г. Площади XI, XIX-XXII. Пласты 7-8.
 Фото. 1 – Раскоп. Вид с юго-запада. 2 – Раскоп. Вид с севера. 3 – Дом 6 на площади XXII.
 Вид с севера. 4 – Кладки 20 и 21 на площади XXII. Вид с северо-запада. 5 – Пифосы 2 и 3
 на площади XX. Вид с юго-востока. 6 – Пифосы 2 и 3. Вид с востока

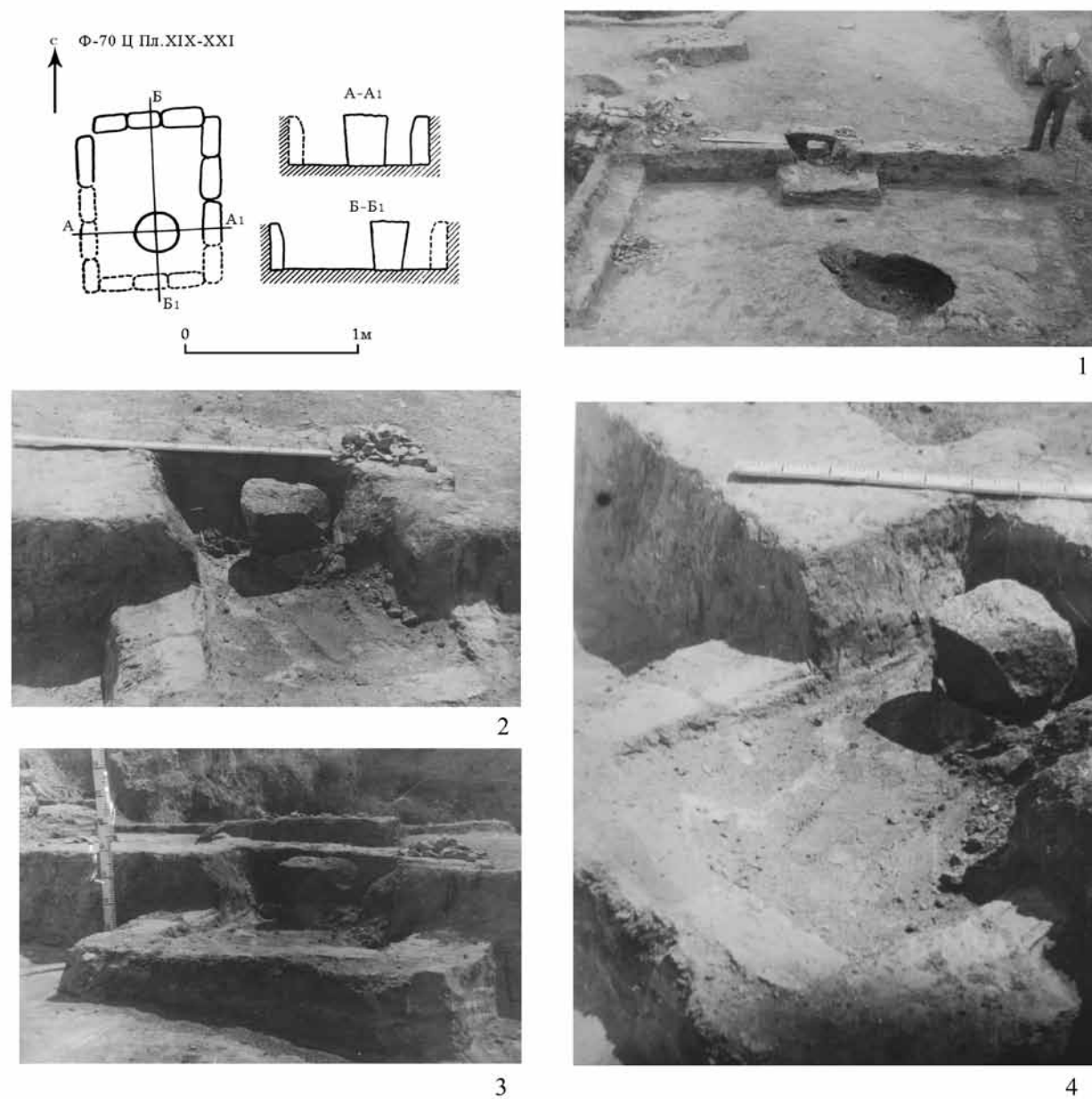

Рис. 58. Раскоп «Центральный». 1970 г. Площади XIX, XXI. Пласты 7-9. «Жертвенник». План (Флёров, Чхаидзе, 2007, рис. 1). Фото. 1-2 – Вид с севера. 3-4 – Вид с северо-запада

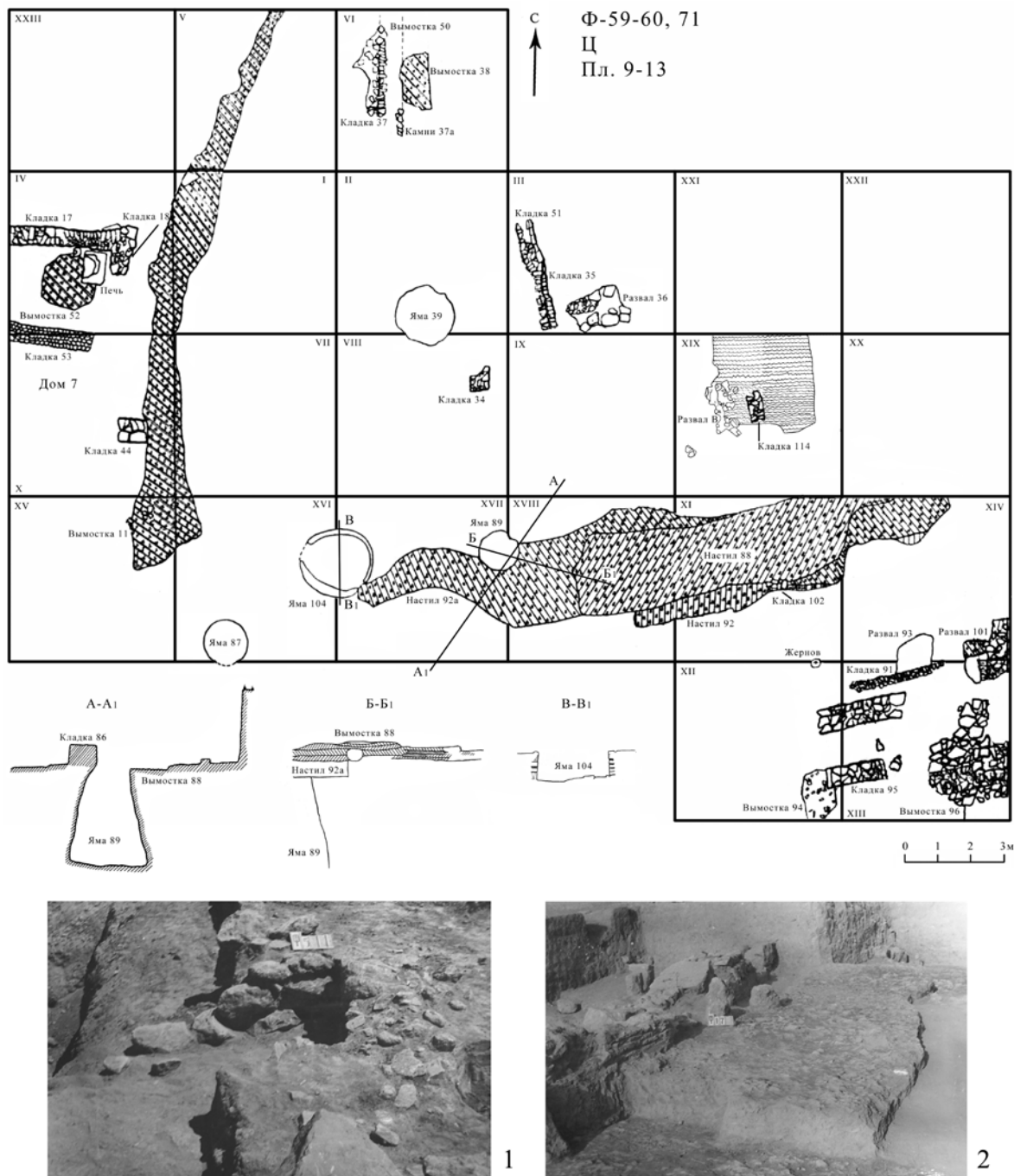

Рис. 59. Раскоп «Центральный». 1959–1960, 1971 гг. Площади I-XXIII. Пласты 9-13.
План. Разрезы. Фото. 1 – Яма 89 на площади XVII-XVIII. Вид с востока.
2 – Вымостка 88 на площади XI, XVIII. Вид с востока

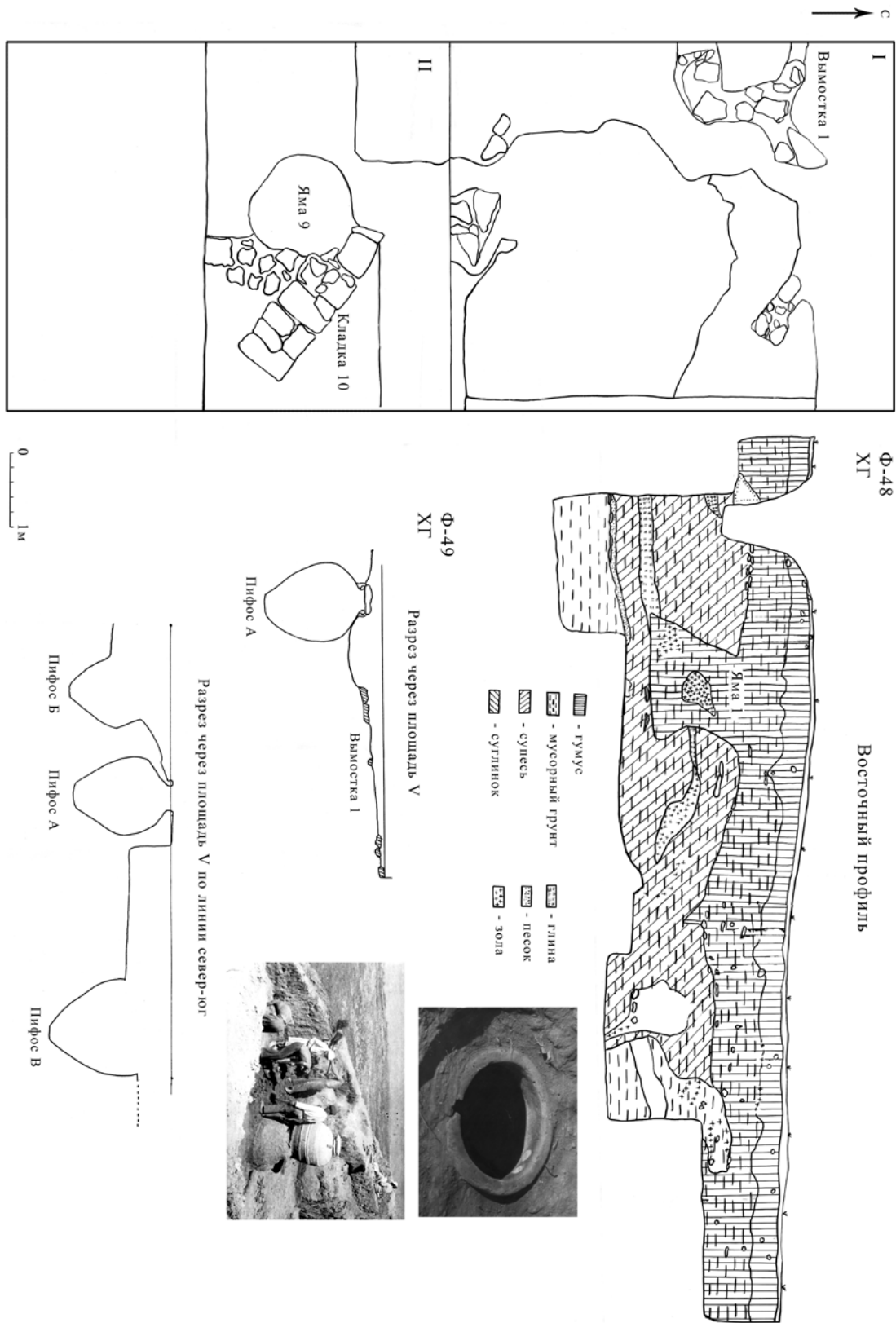

Рис. 60. Раскоп «Холм Г». 1948-1949 гг. Площади I-II, V. План. Профиль восточного борта. Разрезы. Фото. Пифос А

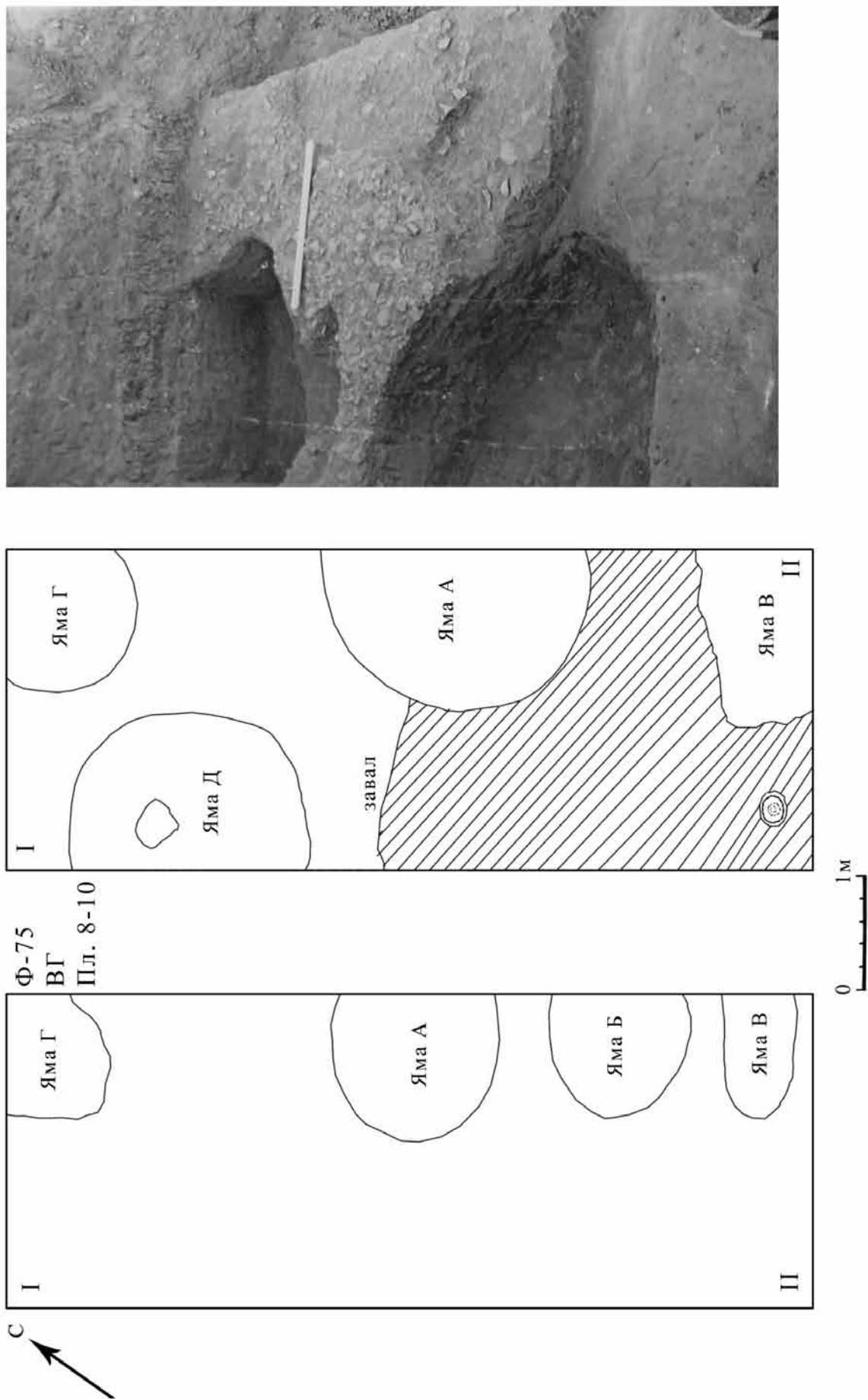

Рис. 61. Раскоп «Верхний Город». 1975 г. Площади I-II. Пласты 8-10. План. Фото. Черепяный завал. Вид с северо-запада

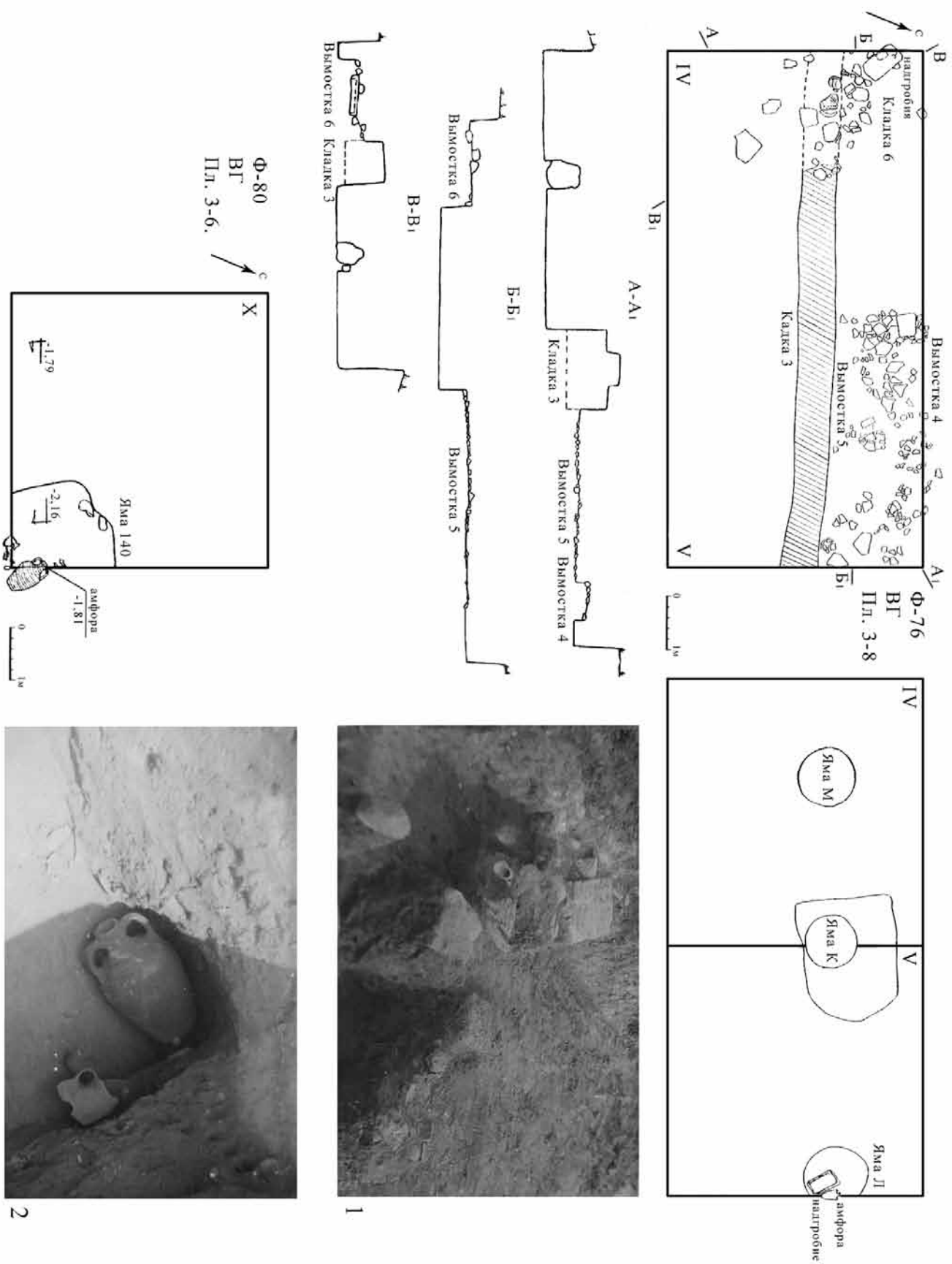

Рис. 62. Раскоп «Верхний Город». 1976 г. Площади IV-V. Пласты 3-8. План. Разрезы. 1980 г. Площадь X, южная часть. Пласты 3-6. План. Фото. 1 – Кладка 6. Вид с востока. 2 – Яма 140, находки. Вид с северо-запада

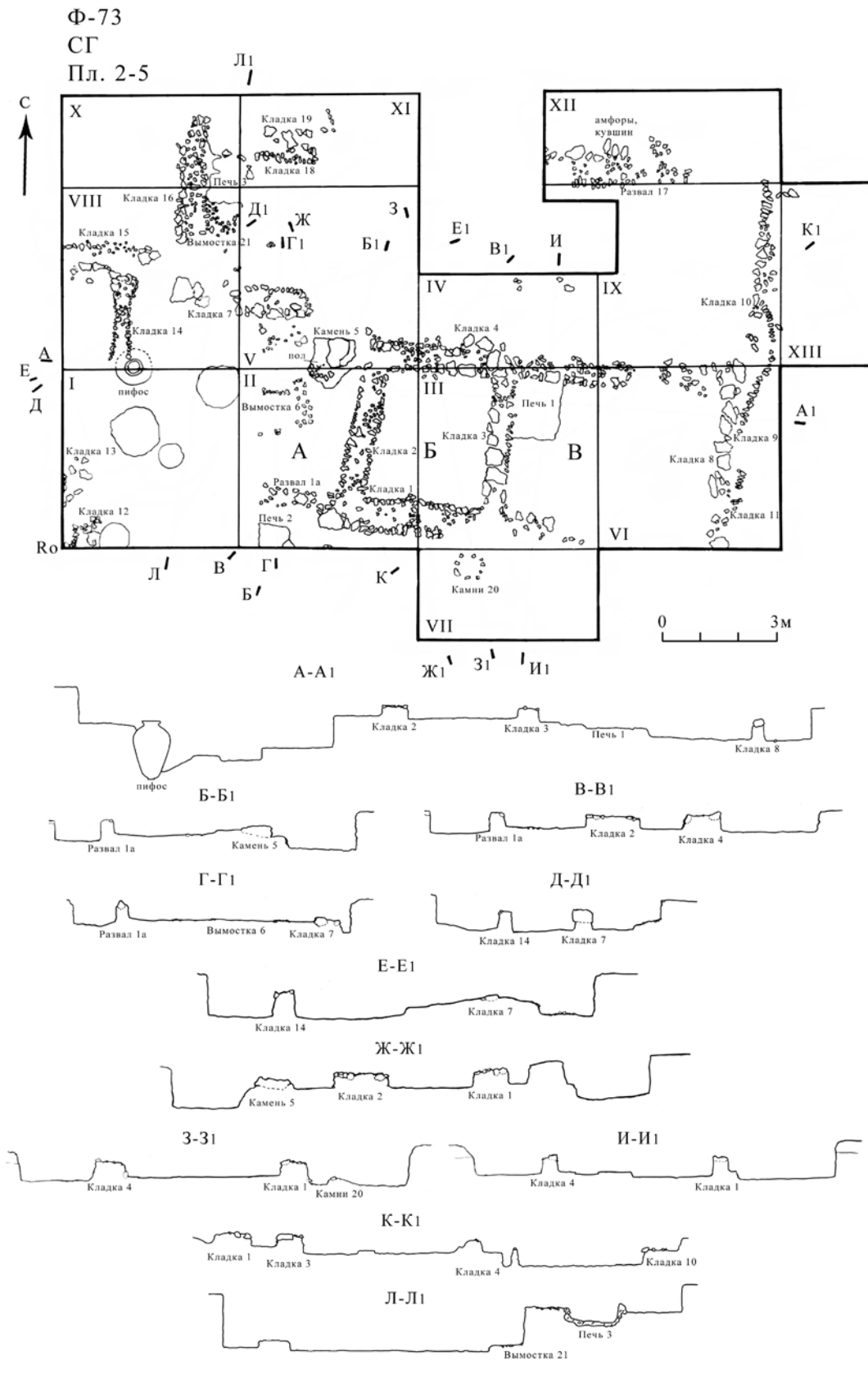

Рис. 63. Раскоп «Юго-Западный». 1973 г. Площади I-XIII. Пласты 2-5.
План. Разрезы

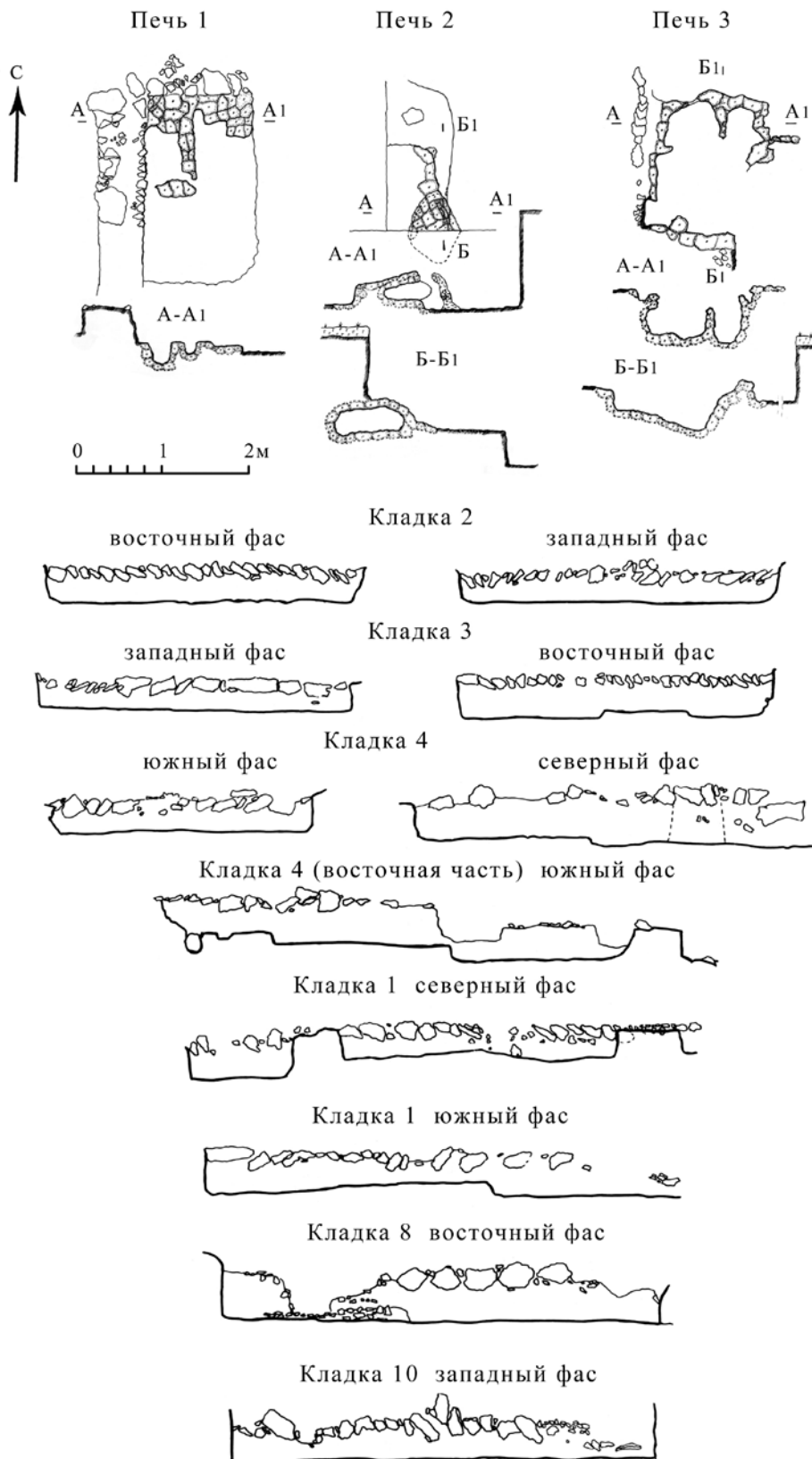

Рис. 64. Раскоп «Юго-Западный». 1973 г. Печи.
Планы, разрезы. Кладки. Фасы

1

2

3

4

5

6

Рис. 65. Раскоп «Юго-Западный». 1973 г. Фото. 1 – Дом 1, помещение А на площади II. Вид с юга. 2 – Помещения Б и В, печь 1 на площади III. Вид с юга. 3 – Развал 17, амфоры и кувшин на площади XII. Вид с востока. 4 – Амфоры и кувшин. Вид с запада. 5 – Печь 3 и кладка 16 на площадях VIII, X. Вид с востока. 6 – Кладка 14 и пифос на площадях I, VIII. Вид с запада

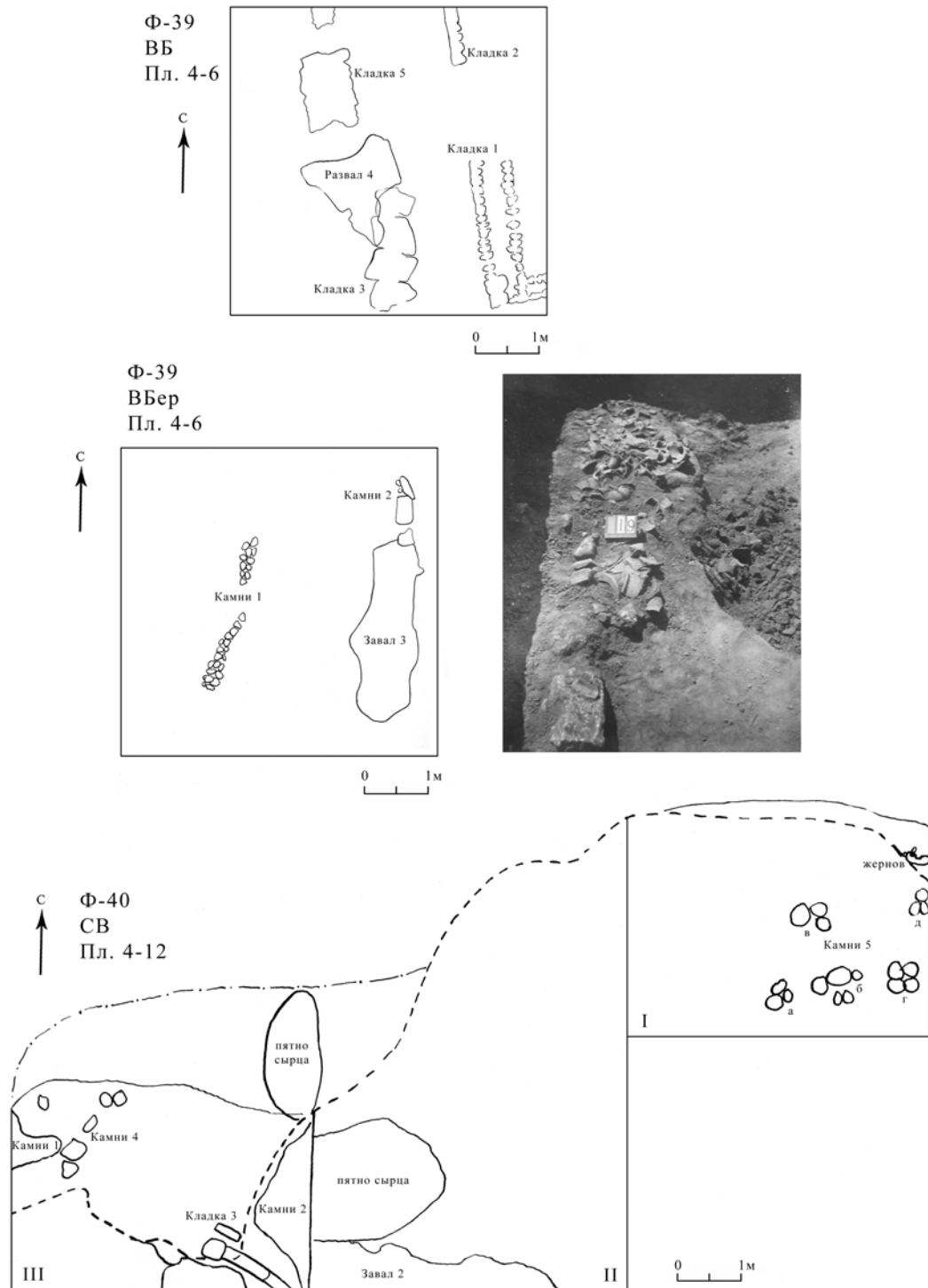

Рис. 66. Раскоп «Восточный берег». 1939 г. Пласты 4-6. План.
 Раскоп «Восточный береговой». 1939 г. Пласты 4-6. План. Фото.
 Камни 2, завал 3. Вид с севера.
 Раскоп «Северо-Восточный». 1940 г. Площади I-III. Пласты 5-12. План

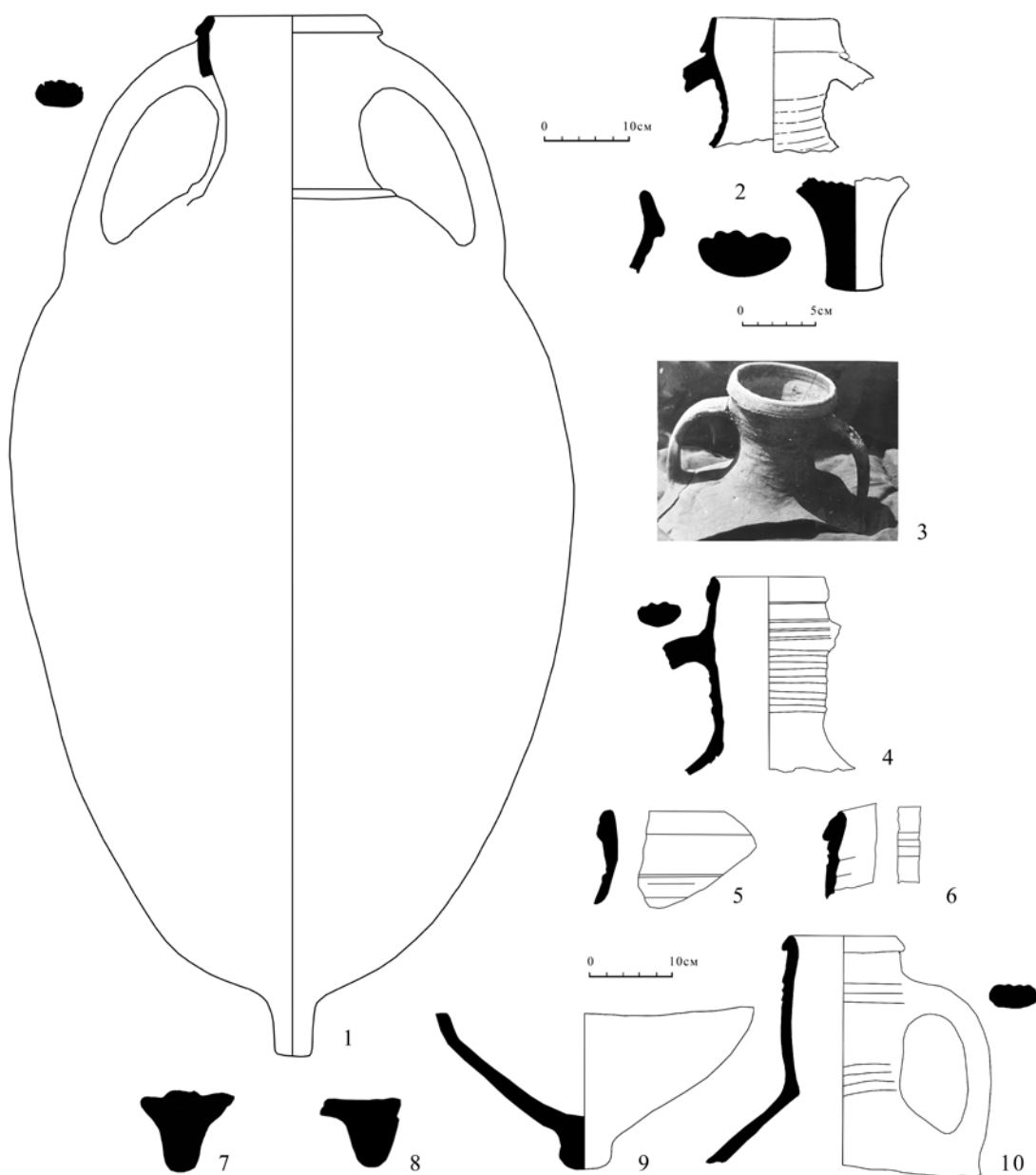

Рис. 67. Амфоры типа I. Большие красноглиняные широкогорлые. 1 – Ф б/ш. 2 – Ф-40 СГ V/14 (оп. 113) (Зеест, 1960, табл. XXXVIII.97). 3 – Ф-76 ВГ я.К 4 – Ф-89 Б VIIA/3. 5 – Ф-75 Ц XXIV-XXVI/9 (оп. 60), № 55. 6 – Ф-90. ВГ. я.5. 7 – Ф-75 Ц XXIV-XXVI/10 (оп. 70), № 59. 8 – Ф-82 БС II/1. 9 – Ф-85 БС VI/16, № 1343. 10 – ТМ-52. X/5 (оп. 58)

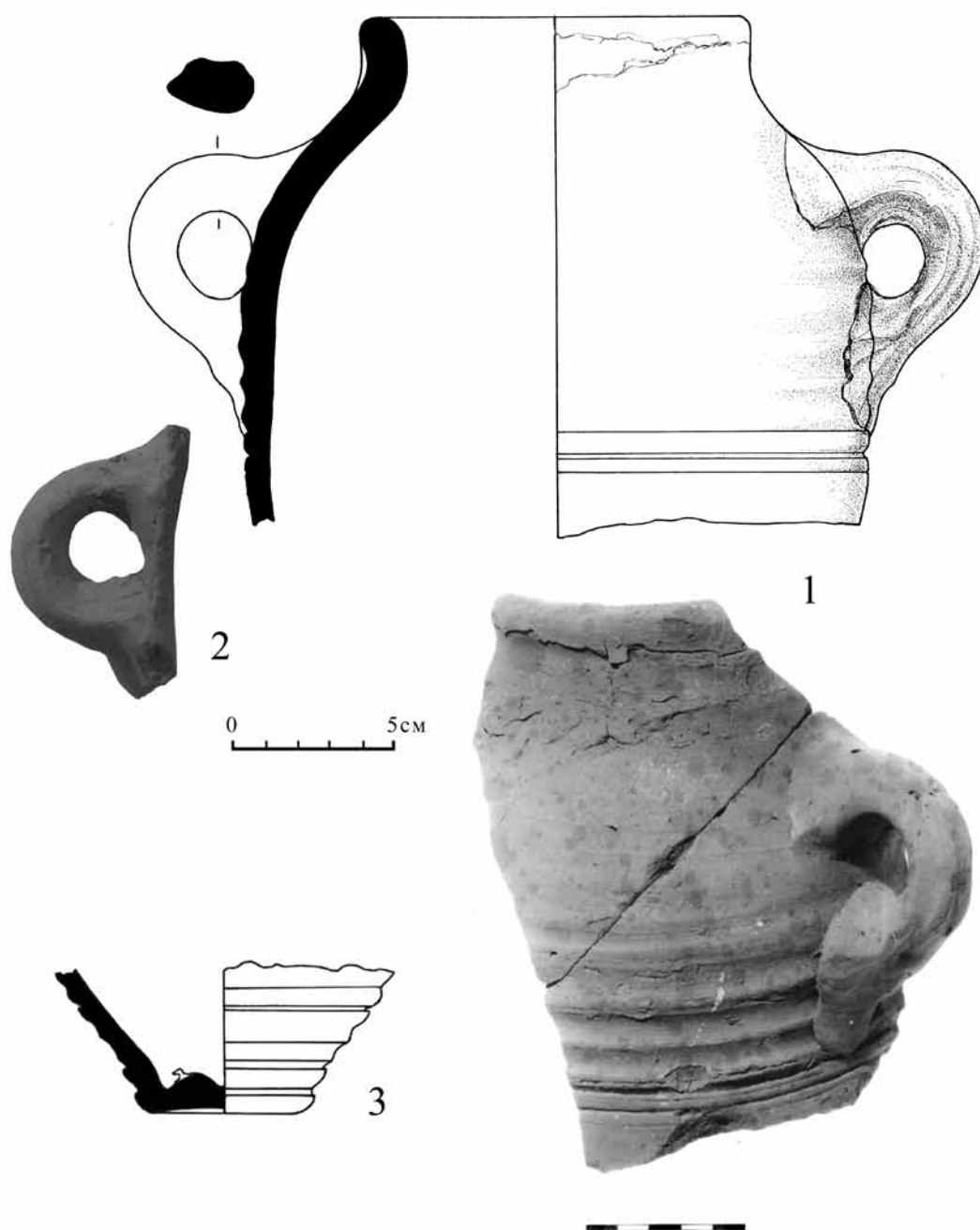

Рис. 68. Амфоры типа II. Газа. 1 – Ф-85 БС II/14, VI/14, № 3.
2 – Ф-85 БС II/14, № 115. 3 – Ф-85 БС VI/14, № 66

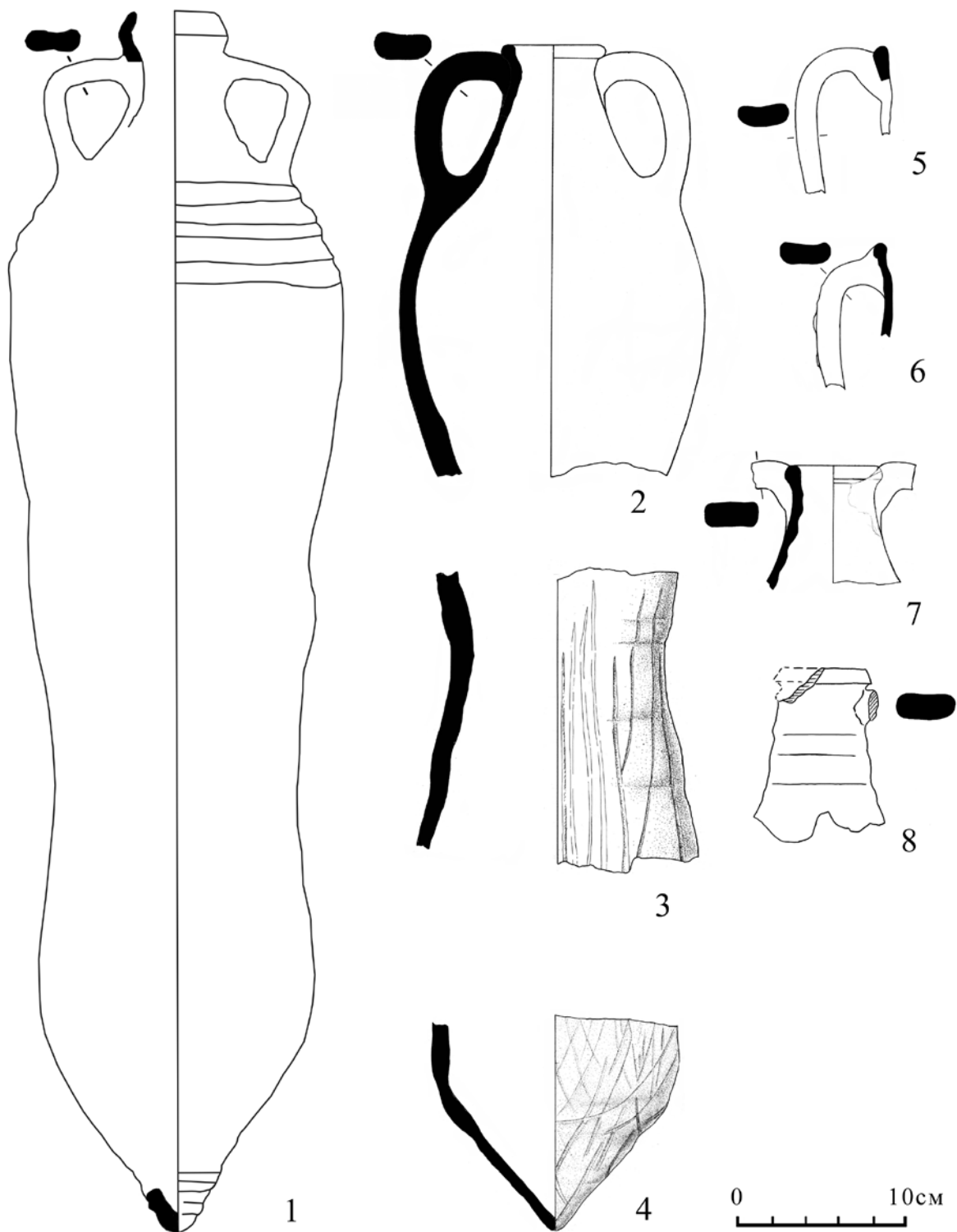

Рис. 69. Амфоры типа III. С перехватом и коническим дном. 1 – Ф 6/ш. 2 – Ф-83 БС IV/2, IV/4, IV/2, IV/1, № 72. 3 – Ф-85 БС III/16, № 68. 4 – Ф-85 БС IV/16, № 67. 5 – Ф-85 БС IV/12, № 63. 6 – Ф-85 БС IV/16, № 65. 7 – Ф-84 БС II/11, № 64. 8 – Ф-54 СГ XVI/2 (оп. 779)

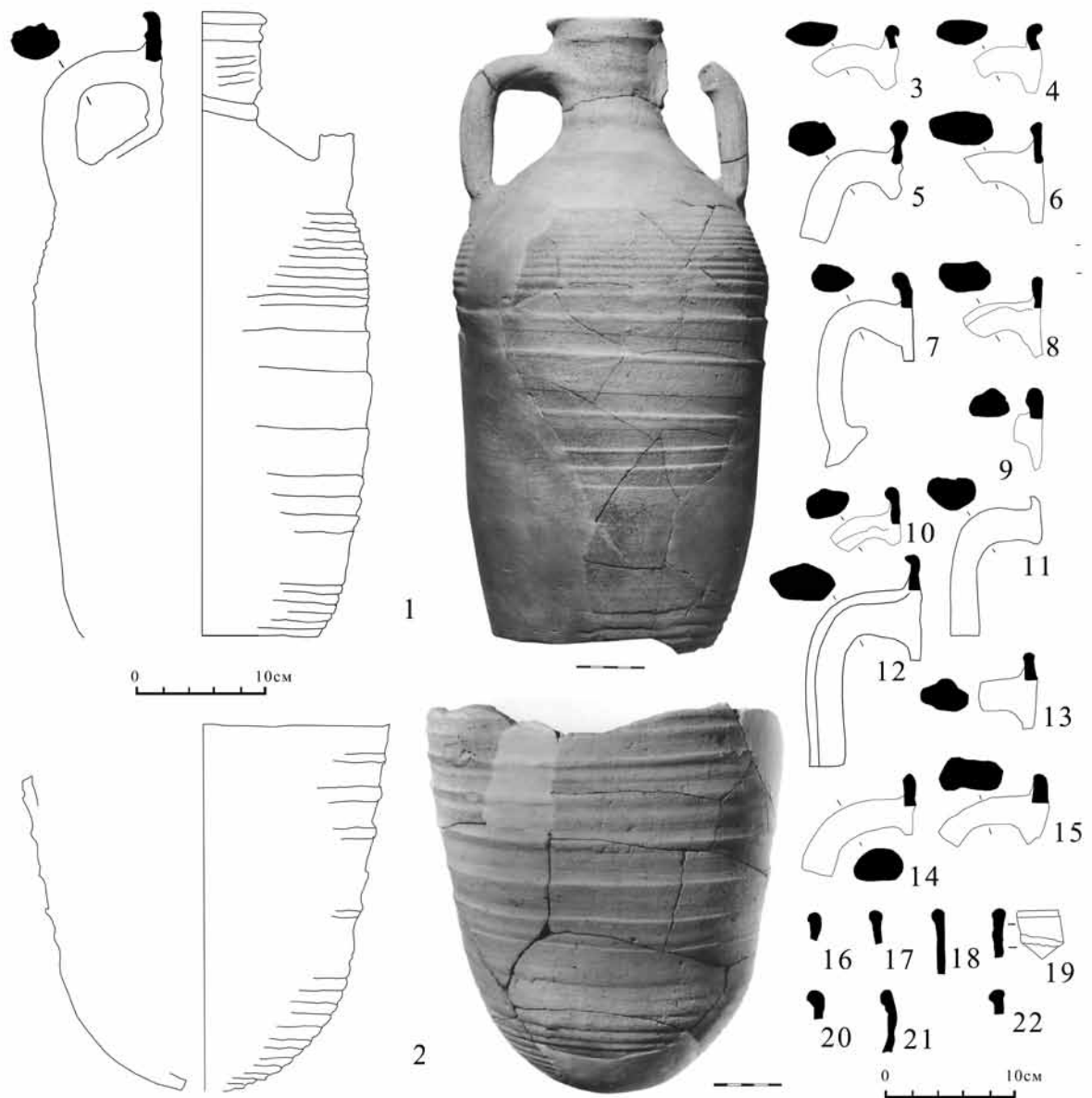

Рис. 70. Амфоры типа IV. С рифлением типа “набегающей волны”. 1 – Ф-82-85 БС IV/1, I/13, V/13, VI/14, V/16, V/я.Л, VI/пифос2. 2 – Ф-85 БС I/13, VI/14-развал, I/15. 3 – Ф-85 БС I/12, № 1531. 4 – Ф-85 БС I/12, № 1532. 5 – Ф-85 БС I/13, № 1530. 6 – Ф-85 БС II/14, № 180. 7 – Ф-83 БС IV/5 вым.16а, № 1256. 8 – Ф-83 БС IV/6, № 175. 9 – Ф-85 БС IV/14, № 395. 10 – Ф-85 БС IV/15, № 1537. 11 – Ф-83 БС V-VI/5, № 136. 12 – Ф-83 БС IV/5, № 137. 13 – Ф-83 БС V-VI/5, № 186. 14 – Ф-83 БС V-VI/5, № 1262. 15 – Ф-85 БС VI/пифос1, № 1337. 16 – Ф-85 БС III/12, № 1322. 17 – Ф-83 БС IV/5-вым.16а, № 1299. 18 – Ф-85 БС IV/14, № 1294. 19 – Ф-85 БС V/16, № 125. 20 – 85 БС IV/я.О, № 1624. 21 – Ф-94 Б IV/3. 22 – Ф б/ш, № 1462

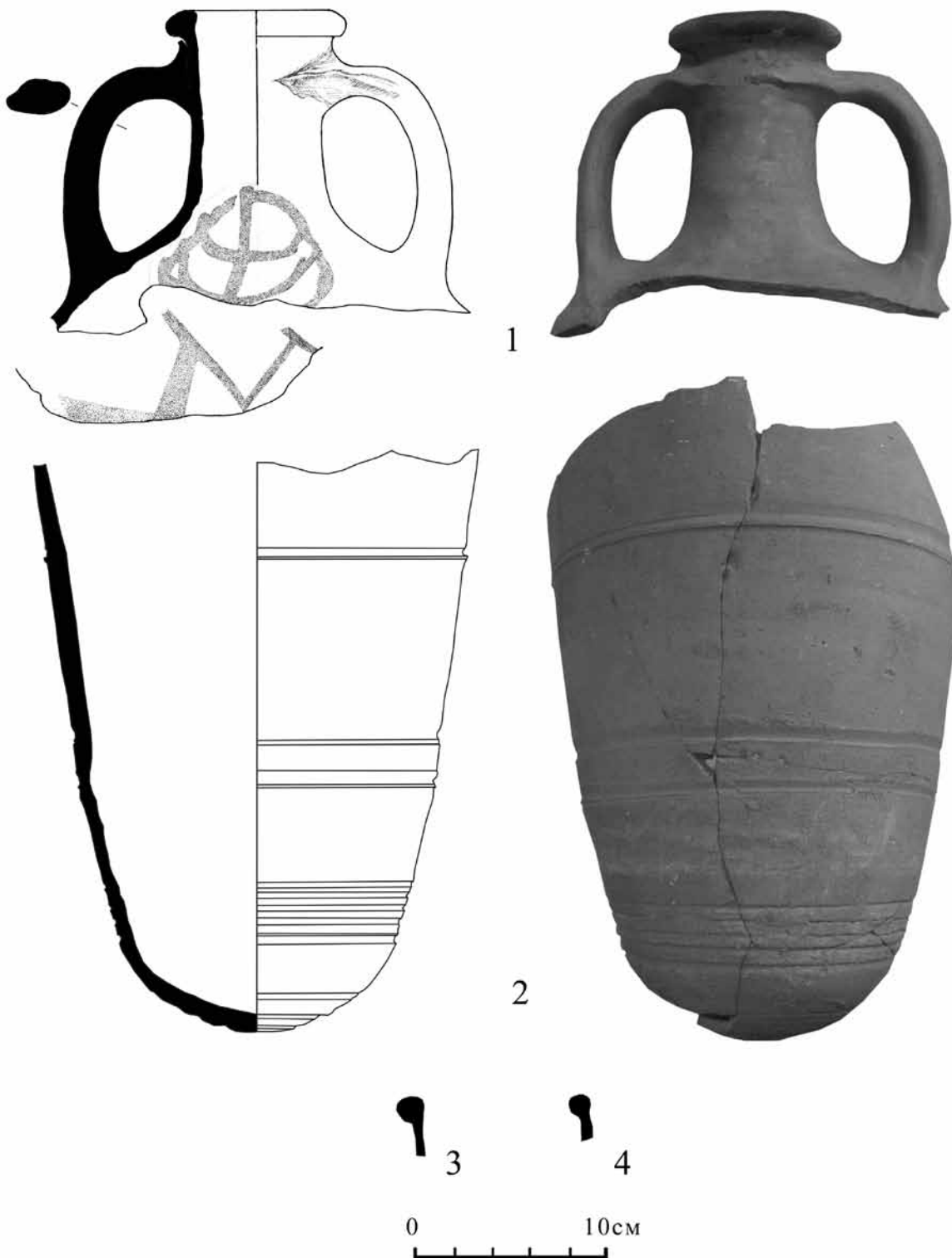

Рис. 71. Амфоры типа IV. Подражательный тип. 1 – Ф-85 БС IV/14. 2 – Ф-85 БС VI/14, IV/15, IV/16, № 149. 3 – Ф-83 БС IV/5-вым.16а, № 1296. 4 – Ф-83 БС IV/5-вым.16а, № 1313

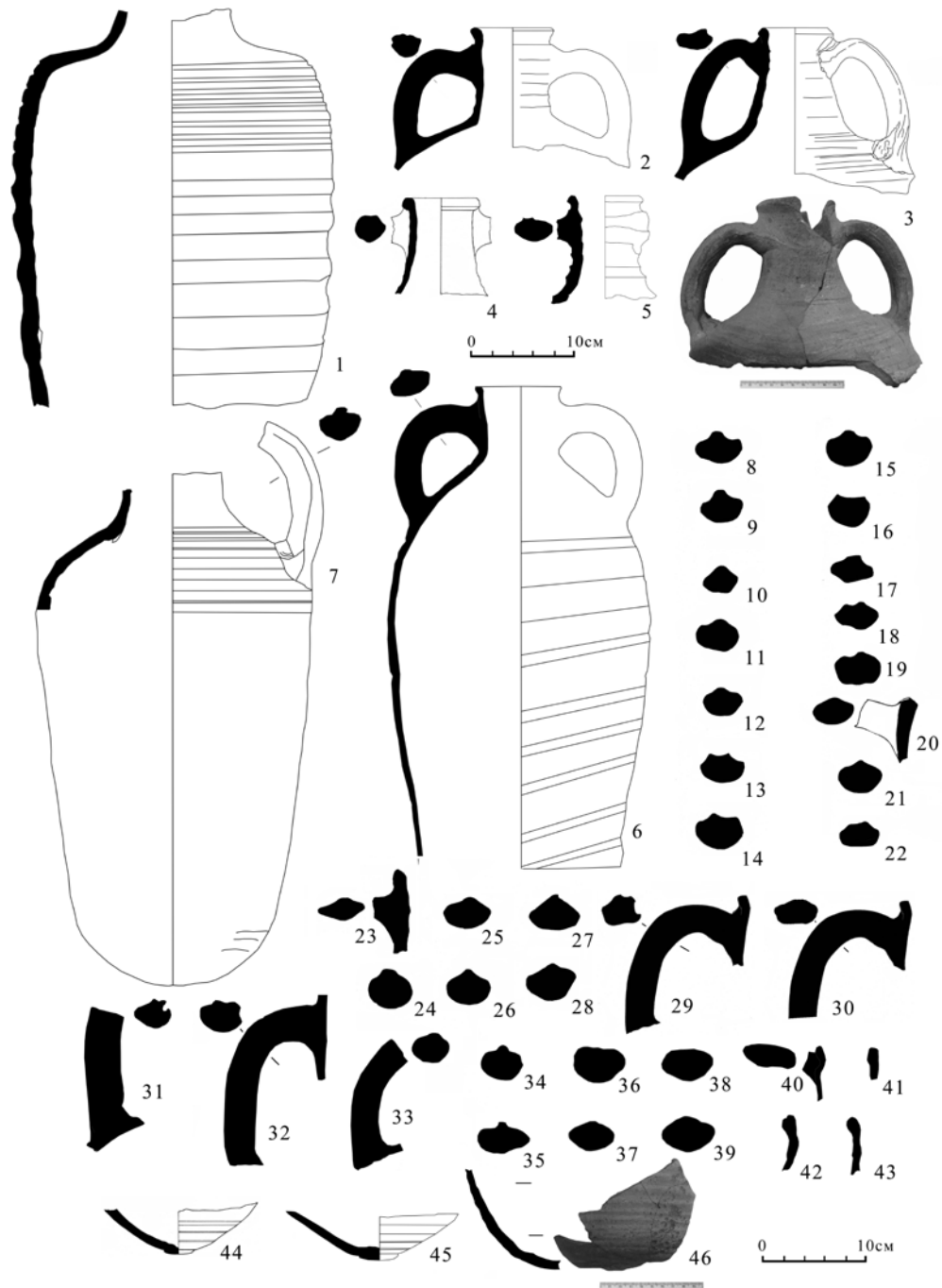

Рис. 72. Амфоры типа V. Желобчатые круглодонные. 1 – Ф-85 БС VI/14, № 22. 2 – Ф-82 БС II/14. 3 – Ф-85 БС VI/14-разв. 1, № 700. 4 – Ф-85 БС IV/14, № 1393. 5 – Ф-90 ВГ я.7. 6 – Ф-85 БС II/13, II/15- под кладкой, № 1431. 7 – ИЛ-80 пом.1 яма. 8 – Ф-85 БС IV/15, № 36. 9 – Ф-85 БС IV/14, № 40. 10 – Ф-85 БС I/12, № 39. 11 – Ф-85 БС IV/14, № 37. 12 – Ф-85 БС I/15, № 32. 13 – Ф-85 БС IV/14, № 41. 14 – Ф-85 БС IV/14, № 43. 15 – Ф-85 БС IV/13, № 28. 16 – Ф-85 БС II/16, № 34. 17 – Ф-84 БС I/9. 18 – Ф-85 БС I/15, № 25. 19-20 – Ф-85 БС IV/12, №№ 31, 42. 21 – Ф-85 БС III/16, № 35. 22 – Ф-85 БС I/15, № 29. 23 – Ф-85 БС IV/14, № 45. 24 – Ф-85 БС I/14, № 38. 26 – Ф-85 БС I/15, № 30. 27 – Ф-85 БС III/15, № 33. 28 – Ф-85 БС VI/пифос1, № 24. 29 – Ф-85 БС IV/14. 30 – Ф-75 Ц XXIV-XXVI/8 (оп.59), № 58. 31-35 – Ф-90 ВГ я.7. 36-37 – Ф-94 Б IV/1. 38-39 – Ф-94 Б IV/3. 40 – Ф-85 БС II/14, № 844. 41 – Ф-85 БС I/12, № 1315. 42-43 – Ф-94 Б IV/3. 44 – Ф-85 БС II/16, № 225. 45 – Ф б/ш, № 48. 46 – 85 БС VI/печь1, № 174

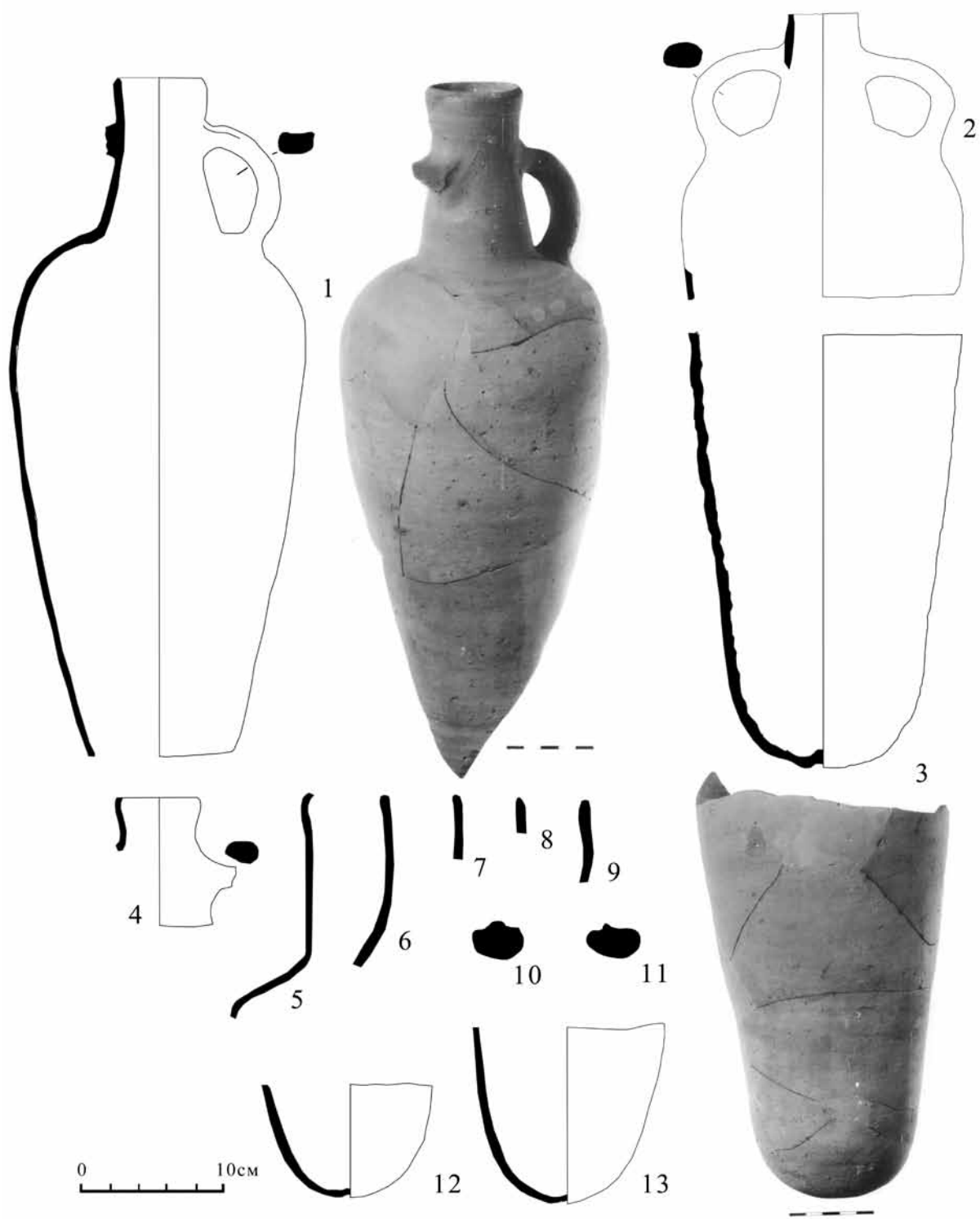

Рис. 73. Амфоры типа VI. Тонкостенные с вытянутым корпусом. 1 – Ф-85 БС VI/12, V/16. 2 – Ф-85 БС VI/12, I/15. 3 – Ф-85 БС VI/14-развал, VI/пифос 2, VI/печь 1. 4 – Ф-85 БС VI/14, № 88. 5 – Ф-85 БС VI/пифос 2, VI/печь 1, № 118. 6 – Ф-85 БС VI/пифос 1, № 1339. 7 – Ф-83 БС III/3, № 1293. 8 – Ф-85 БС IV/я.О, № 1623. 9 – Ф-85 БС IV/13, № 1085. 10 – Ф-85 БС VI/14, № 217. 11 – Ф-85 БС VI/пифос 2, № 218. 12 – Ф-85 БС VI/14, № 89. 13 – Ф-85 БС VI/пифос 2, № 124

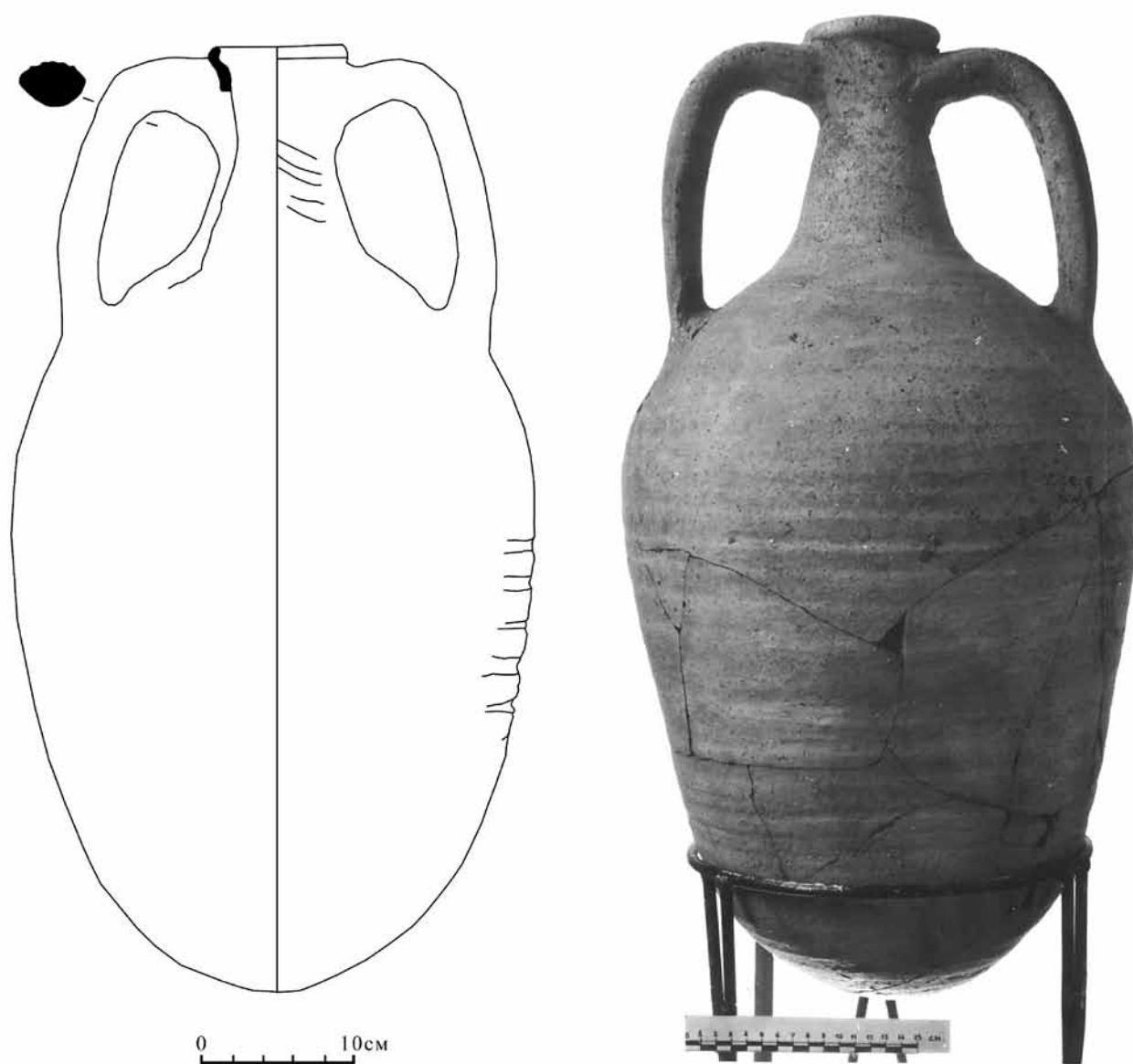

Рис. 74. Амфора типа VII. 1 – Ф-85 BC IV/я.О

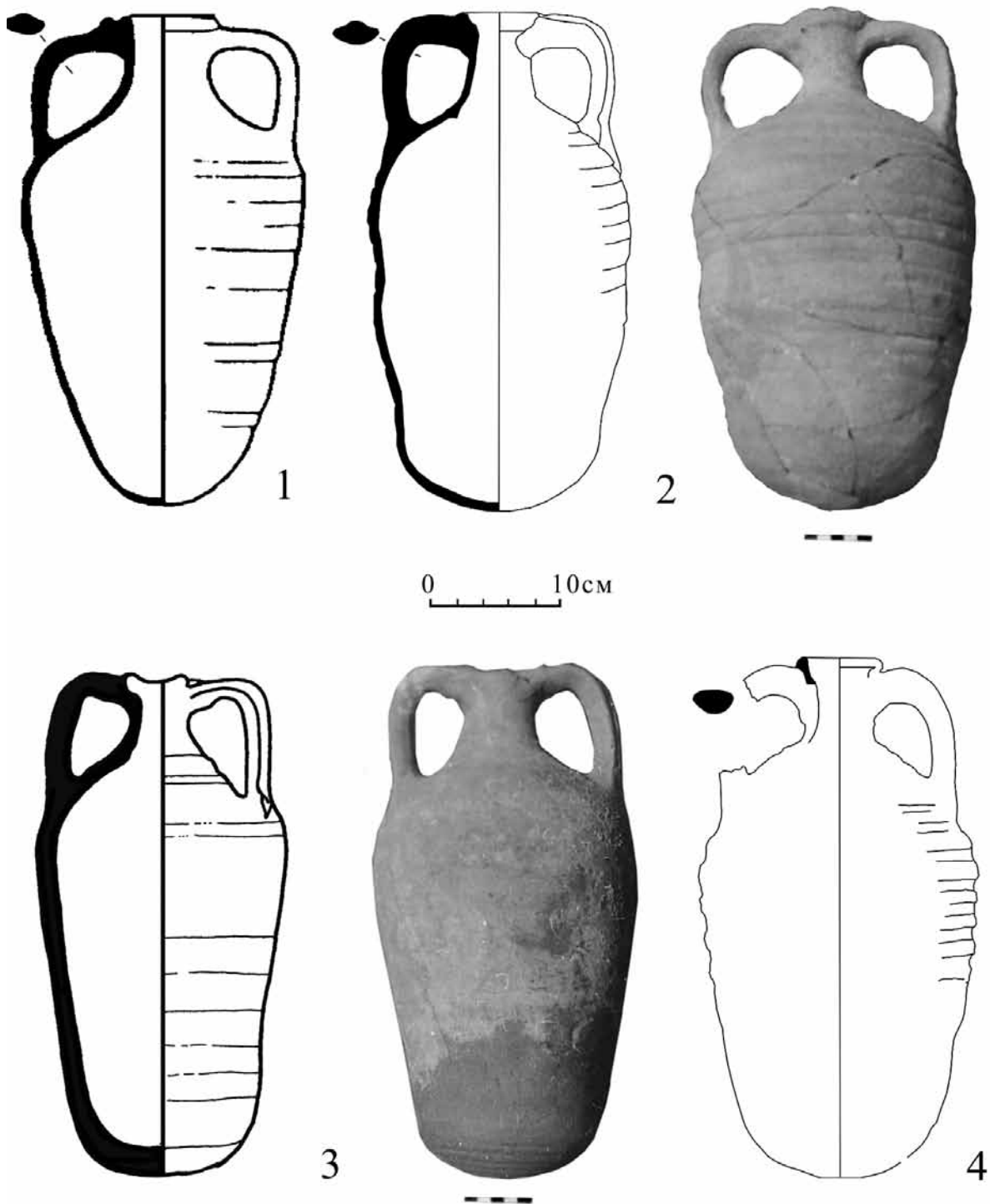

Рис. 75. Амфоры типа VIII. С овальным венчиком и отходящими от него ручками.

1 – Φ-39 СГ III-I/13 (Зеест, 1960, табл. XXXIX.986). 2 – Φ-75 ВГ я.Д (оп. 5).

3 – Φ-77 ВГ я.Л (оп. 2). 4 – Φ б/ш

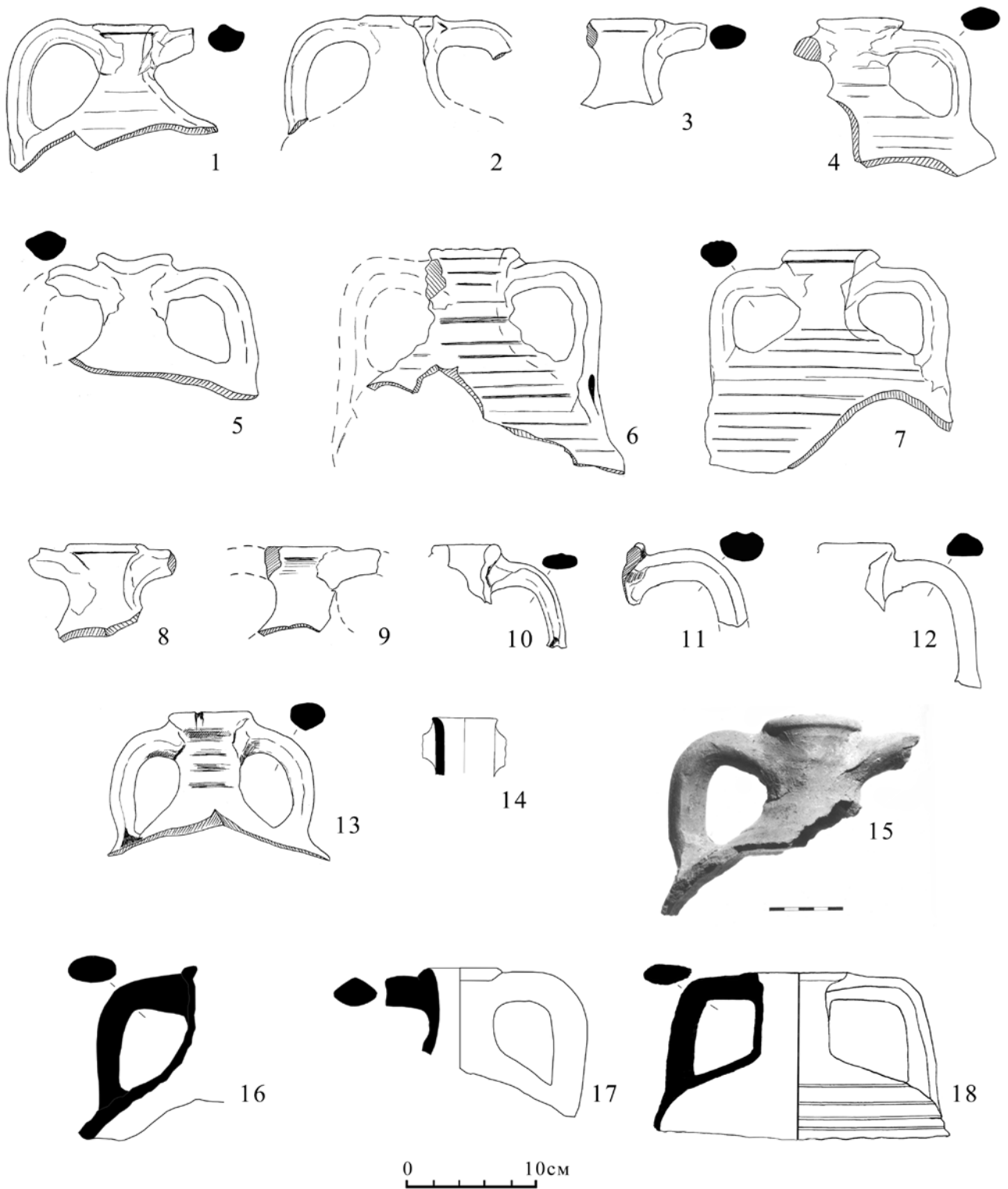

Рис. 76. Амфоры типа VIII. С овальным венчиком и отходящими от него ручками.
 1 – Ф-48 СГ I/4 (оп. 71). 2 – Ф-48 СГ II/6 (оп. 184). 3 – Ф-54 СГ IX-XII (оп. 216). 4 – Ф-54 СГ XIV/1 (оп. 988). 5 – Ф-54 СГ XV/5. 6 – Ф-54 СГ XV-XVI/2 (оп. 144). 7 – Ф-54 СГ XV/3 (оп. 50). 8 – Ф-54 СГ XVII/6 (оп. 37). 9 – Ф-54 СГ б/ш. 10-11 – Ф-68 Ц XX/5. 12 – Ф-68 Ц XX/7. 13 – Ф-68 Ц XXII/8. 14 – Ф-70 Ц XX/9 (оп. 2). 15 – Ф-72 БА б/ш. 16 – Ф-77 ВГ VI/3. 17 – Ф-77 ВГ VI/4. 18 – Ф-80 ВГ I/9

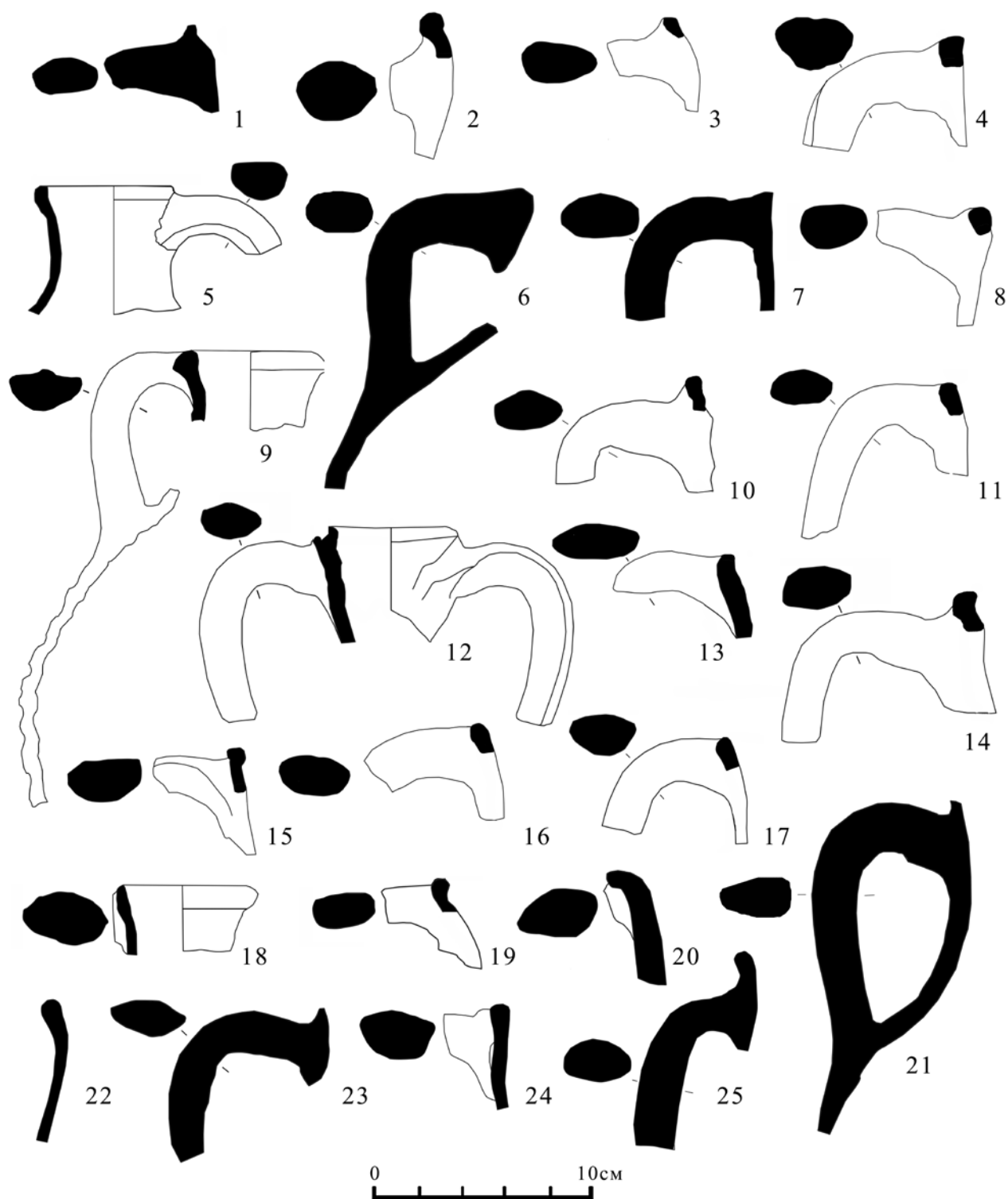

Рис. 77. Амфоры типа VIII. С овальным венчиком и отходящими от него ручками. 1 – Ф-80 ВГ II/6, № 230. 2 – Ф-82 БС I/2, № 1272. 3-4 – Ф-82 БС I/3, №№ 1269, 1434. 5 – Ф-83 БС V-VI/1-3, № 1394. 6 – Ф-82 БС II/3, № 520. 7 – Ф-82 БС II/3 дом 1 у сев. стены, № 191. 8 – Ф-83 БС III/4, № 1233. 9 – Ф-83 БС IV/2-4, № 701. 10 – Ф-82 БС I/5, № 1255. 11 – Ф-82 БС III/1-2, 6, № 1432. 12 – Ф-82 БС III/4-5, № 1398. 13 – Ф-82 БС III/5, № 1439. 14-16 – Ф-82 БС III/6, №№ 1254, 1264, 1435. 17-18 – Ф-82 БС III/7, №№ 1433, 1194. 19 – Ф-82 БС I/я.6, № 1396. 20 – Ф-85 БС III/10, № 843. 21-22 – Ф-84 БС IV/вым.16а, №№ 1193, 1321. 23 – Ф-84 БС III/8, № 1213. 24 – Ф-84 БС IV/11, № 1442. 25 – Ф-85 БС I/12, № 842

Рис. 78. Амфоры типа VIII. С овальным венчиком и отходящими от него ручками. 1-2 – Ф-85 БС IV/12, №№ 1092, 1436. 3 – Ф-85 БС II/15, № 223. 4 – Ф-85 БС III/14, № 1274. 5 – Ф-85 БС VI/14развал, № 95. 6 – Ф-85 БС VI/15, № 1399. 7 – Ф б-ш, № 1263. 8-9 – Ф-85 БС IV/я.Н, №№ 977, 1. 10-11 – Ф-89 Б IIIA/1. 12-14 – Ф-89 Б IIIA/3. 15-18 – Ф-89 Б III/4. 19 – Ф-89 Б VA/2. 20 – Ф-89 Б V/7. 21-25 – Ф-89 Б VIA/1. 26 – Ф-89 Б VIA/4. 27 – Ф-89 Б VIIA/2. 28-19 – Ф-89 Б VIIA/4. 30 – Ф-94 Б I/2. 31 – Ф-94 Б II/3. 32 – Ф-94 Б IV. 33 – Ф-95 Б VIII/4

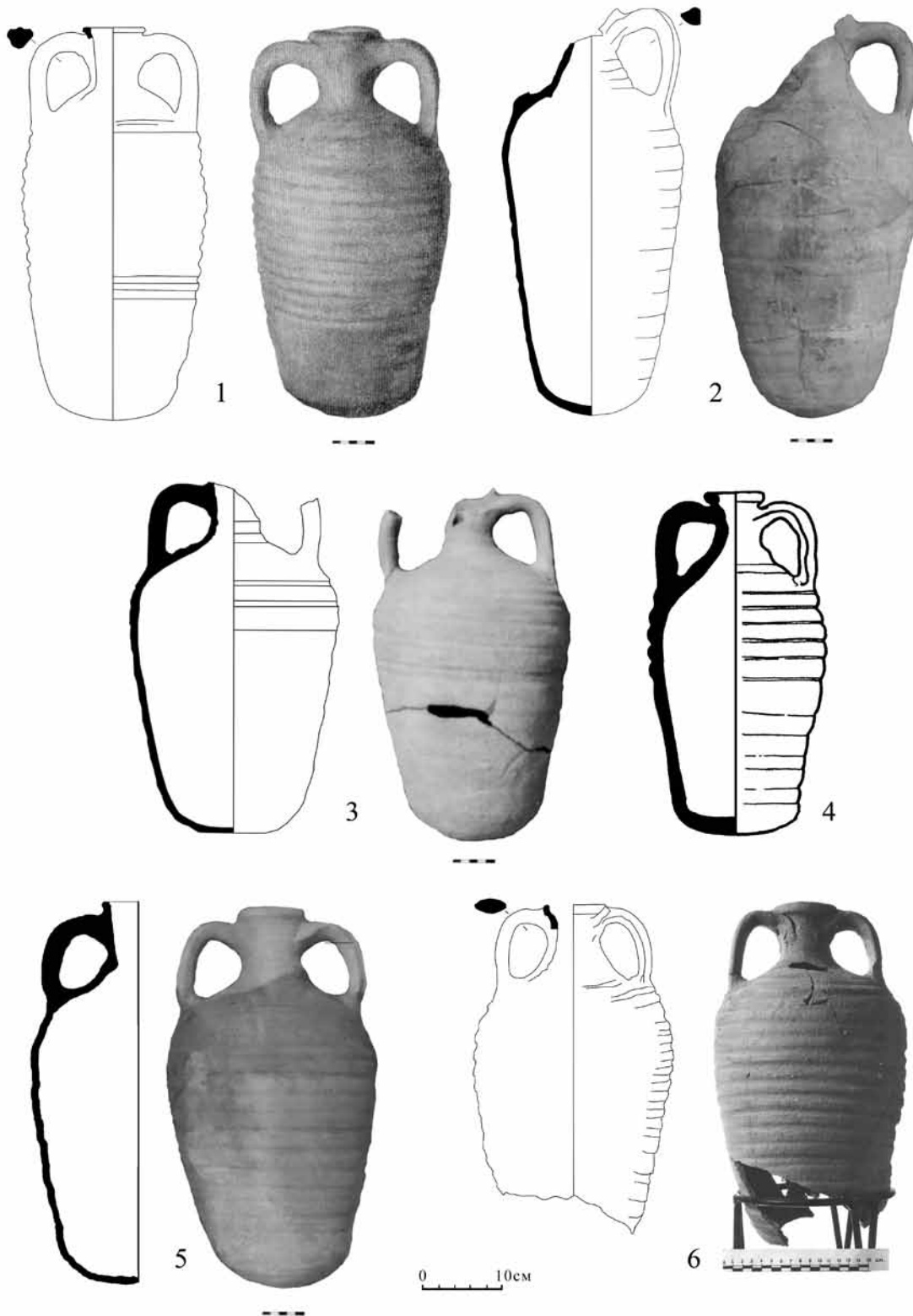

Рис. 79. Амфоры типа IX. С расширяющимся горлом. 1 – Ф-73 ЮЗ XII/кл.17 (Кобылина, 1978, рис. 2.2). 2 – Ф-75 ВГ я.Д (оп. 3). 3 – Ф-75 ВГ я.Д (оп. 12). 4 – Ф-76 ВГ я.Л (оп. 1). 5 – Ф-80 ВГ X/я.140. 6 – Ф-85 БС IV/13 я.Н

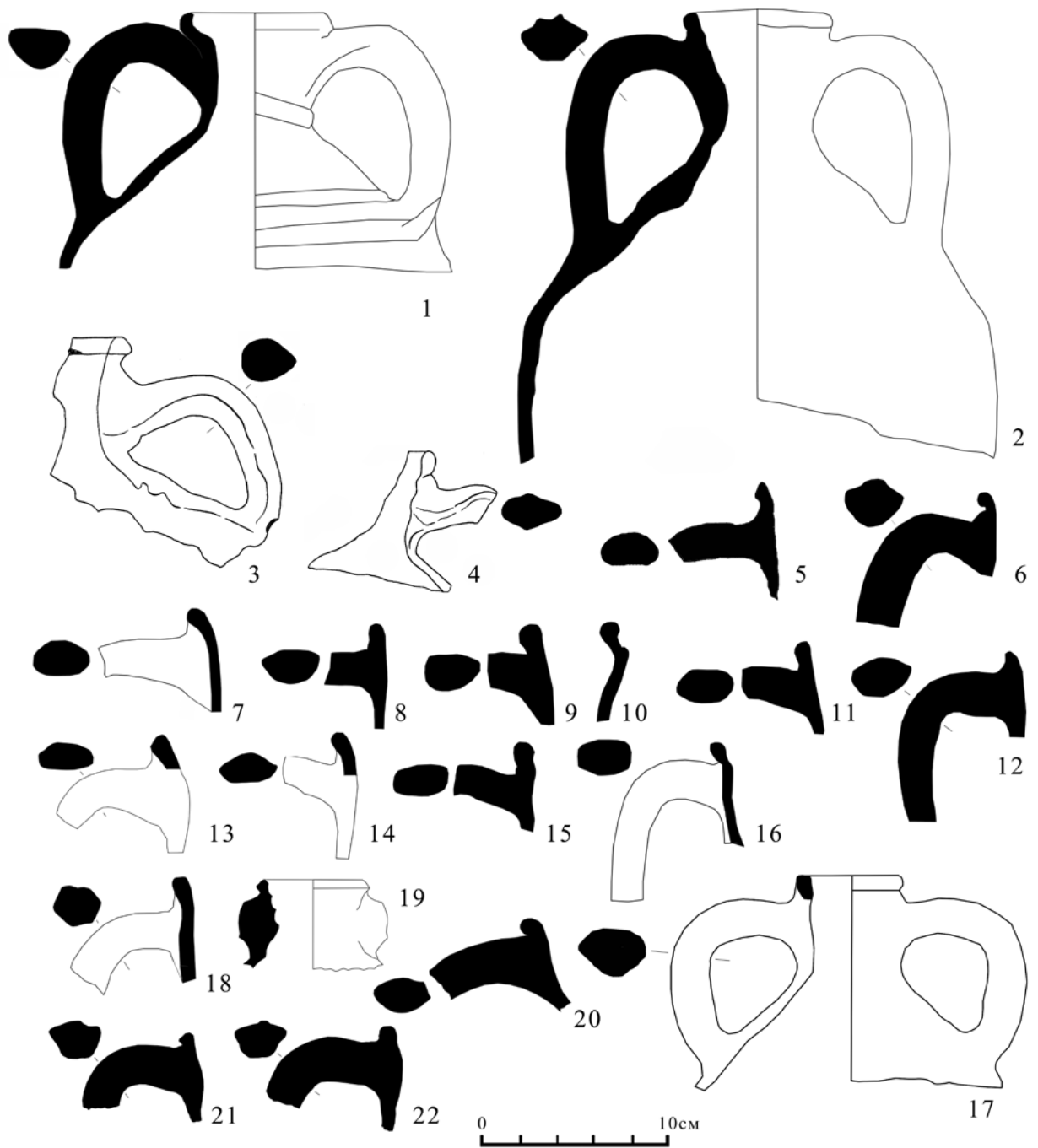

Рис. 80. Амфоры типа IX. С расширяющимся горлом. 1 – Ф-85 БС IV/13 я.Н. 2 – Ф-95 Б V/3. 3 – Ф-54 СГ XV/5 (оп. 177). 4 – Ф-54 СГ IX-XI/1 (оп. 302). 5 – Ф-70 Ц XXII/9 (оп. 29). 6 – Ф-73 Ц IX-XVIII-XI/17, (оп. 16) № 991. 7 – Ф-82 БС I/4, № 1397. 8 – Ф-83 БС III-IV/бровка, № 1266. 9-10 – Ф-83 БС IV/4, №№ 1267, 1463. 11 – Ф-83 БС IV/5, № 1275. 12-13 – Ф-83 БС IV/7, №№ 1129, 1276. 14 – Ф-84 БС III/8, № 1265. 15 – Ф-85 БС III/16, № 1271. 16 – Ф-85 БС IV/4 я.Н, № 1395. 17-18 – Ф-85 II/под кладкой, №№ 1495, 1534. 19 – Ф-89 Б VI/3. 20 – Ф-94 Б II/2. 21-22 – Ф-94 Б I/4

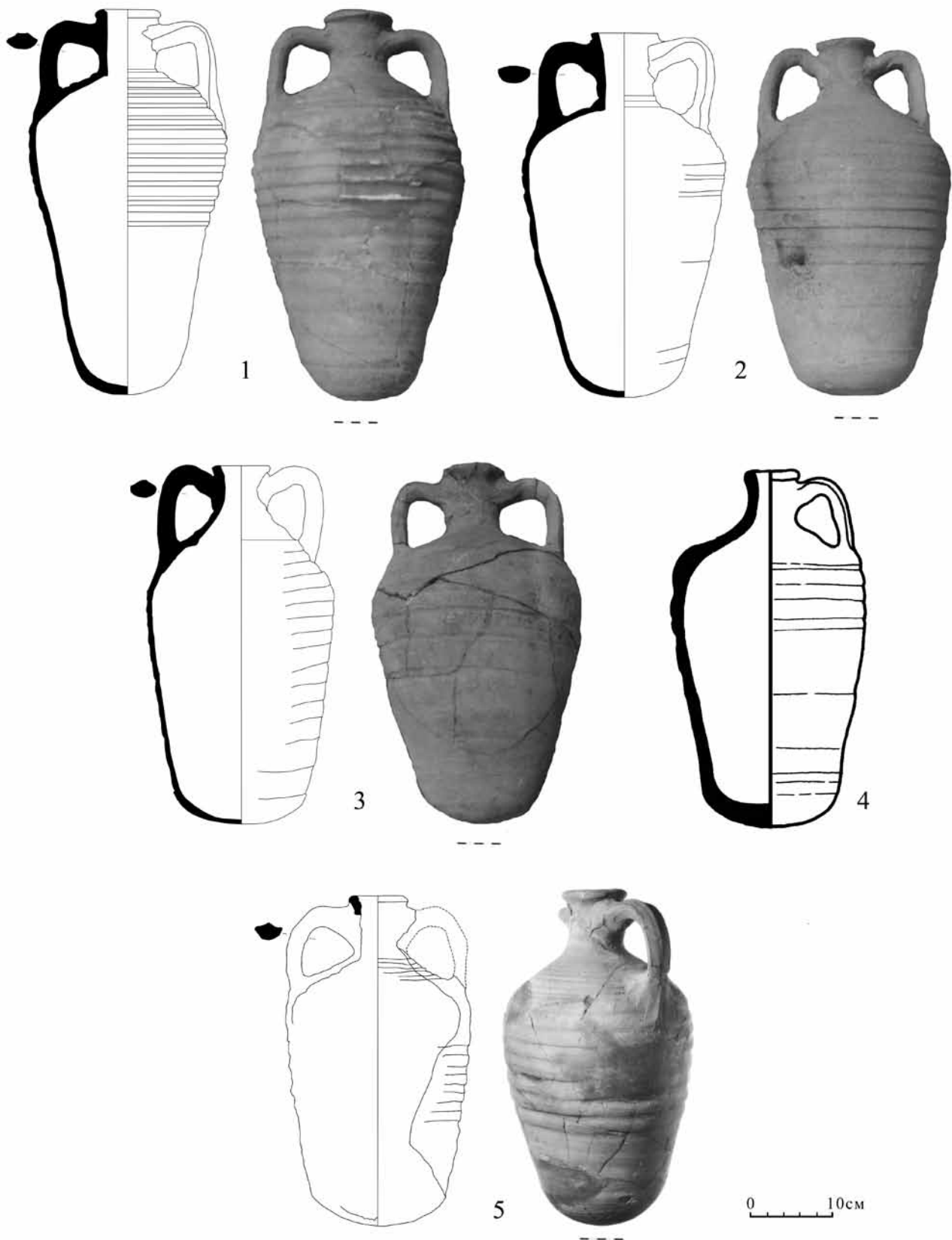

Рис. 81. Амфоры типа X. С веретенообразным корпусом. 1 – Ф-75 ВГ я.Д (оп. 1). 2 – Ф-75 ВГ я.Д (оп. 14). 3 – Ф-75 ВГ я.Д (оп. 8). 4 – Ф-76 ВГ я.Л (оп. 3). 5 – Ф-83 БС IV/2-5, 9

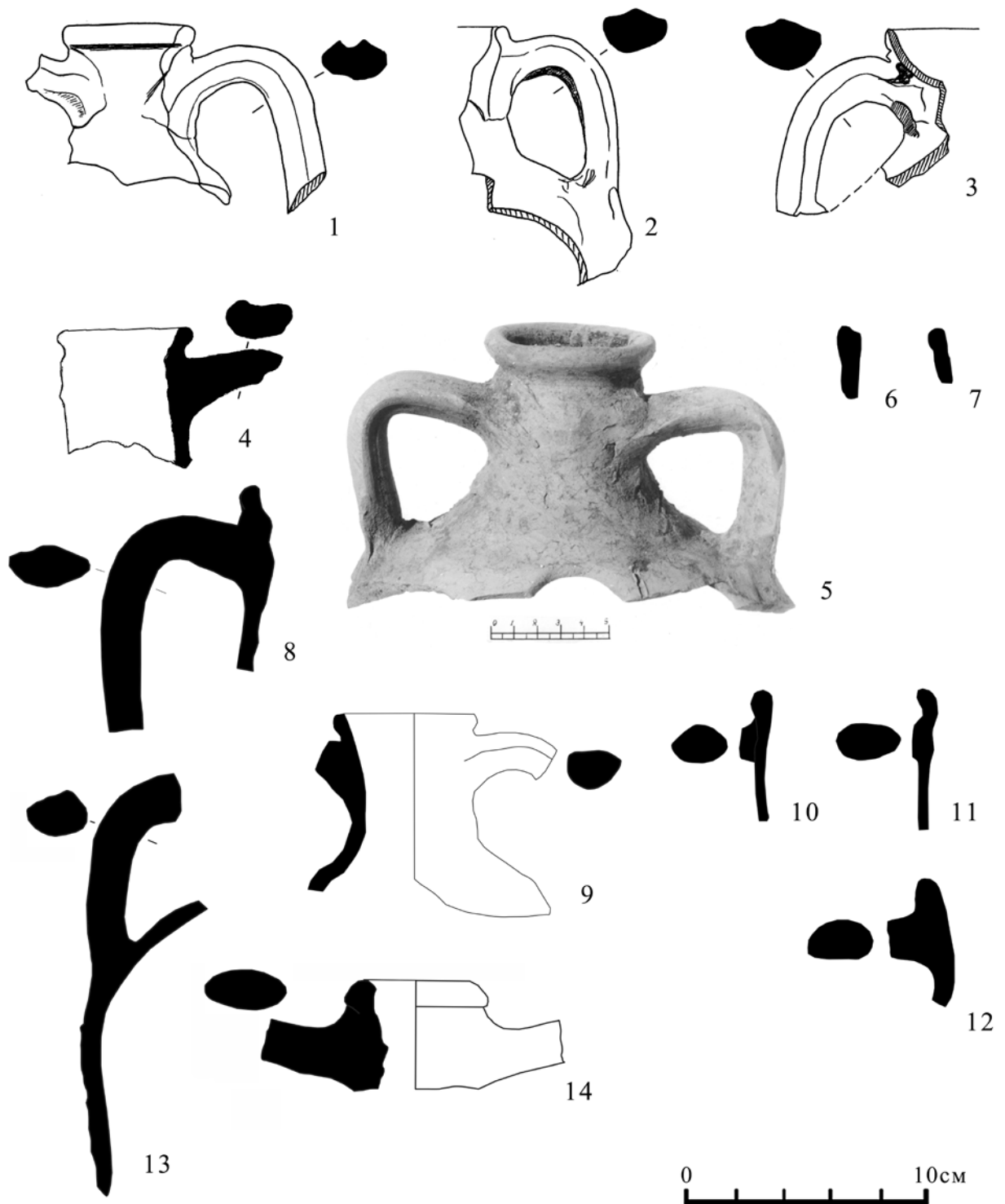

Рис. 82. Амфоры типа X. С веретенообразным корпусом. 1 – Ф-49 СГ VIII/10. 2 – Ф-54 СГ XV-XVI/3 (оп. 154). 3 – Ф-68 Ц XX/5. 4 – Ф-70 Ц XXII/9 (оп. 16). 5 – Ф-72 БА б/ш. 6 – Ф-83 БС III/4, № 1464. 7 – Ф-83 БС III/6-вым.А, № 1324. 8 – Ф-83 БС III-IV/бровка, № 1259. 9 – Ф-85 БС IV/12, № 1192. 10-11 – Ф-85 БС IV/15, №№ 1533, 1535. 12 – Ф-85 БС IV/я.Н, № 1553. 13 – Ф-85 БС VI/пифос1, № 1336. 14 – Ф-89 Б VIIA/2

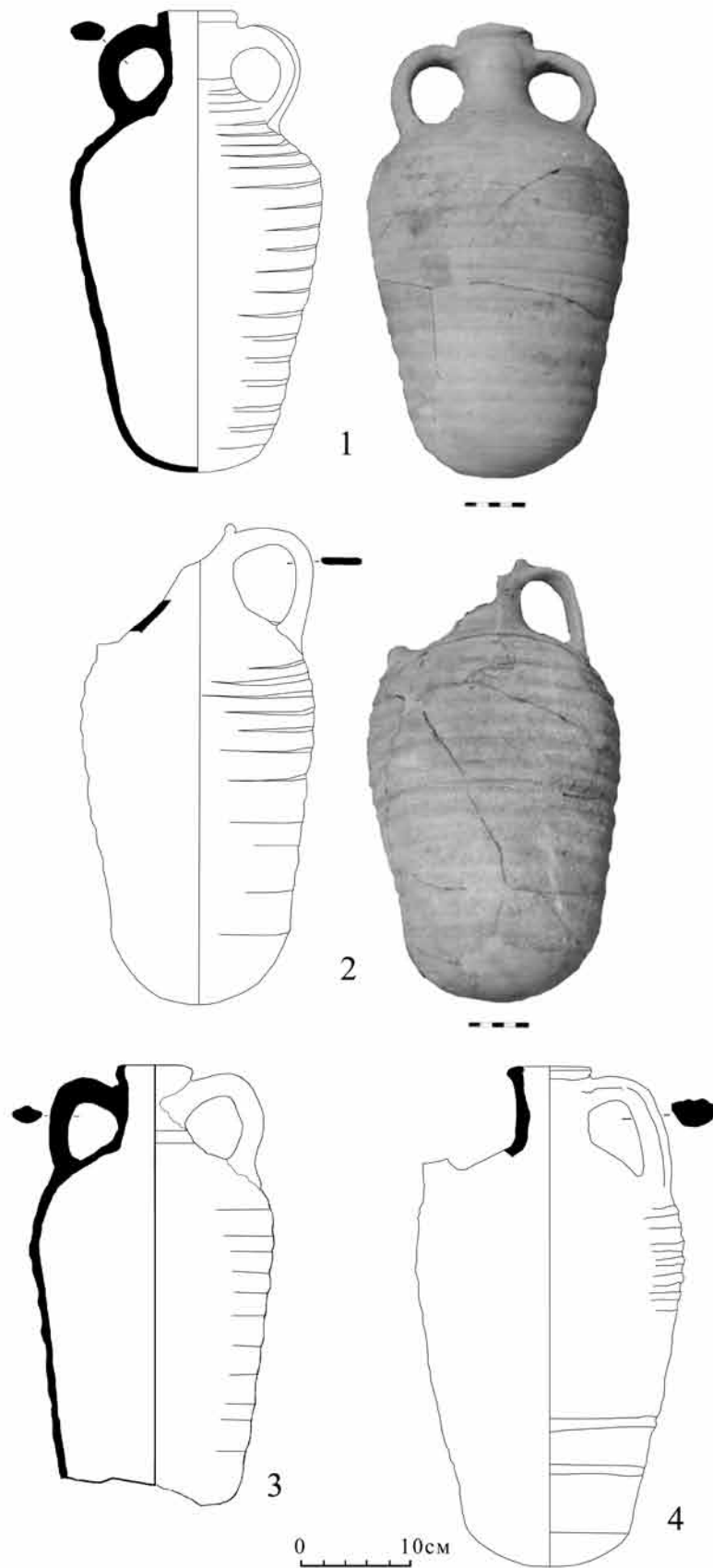

Рис. 83. Амфоры типа XI. С расширяющимся кверху горлом и валикообразным венчиком. 1 – Ф-75 ВГ я.Д (оп. 2). 2 – Ф-75 ВГ я.Д (оп. 4). 3 – Ф б/ш. 4 – Ф-85 БС IV/15

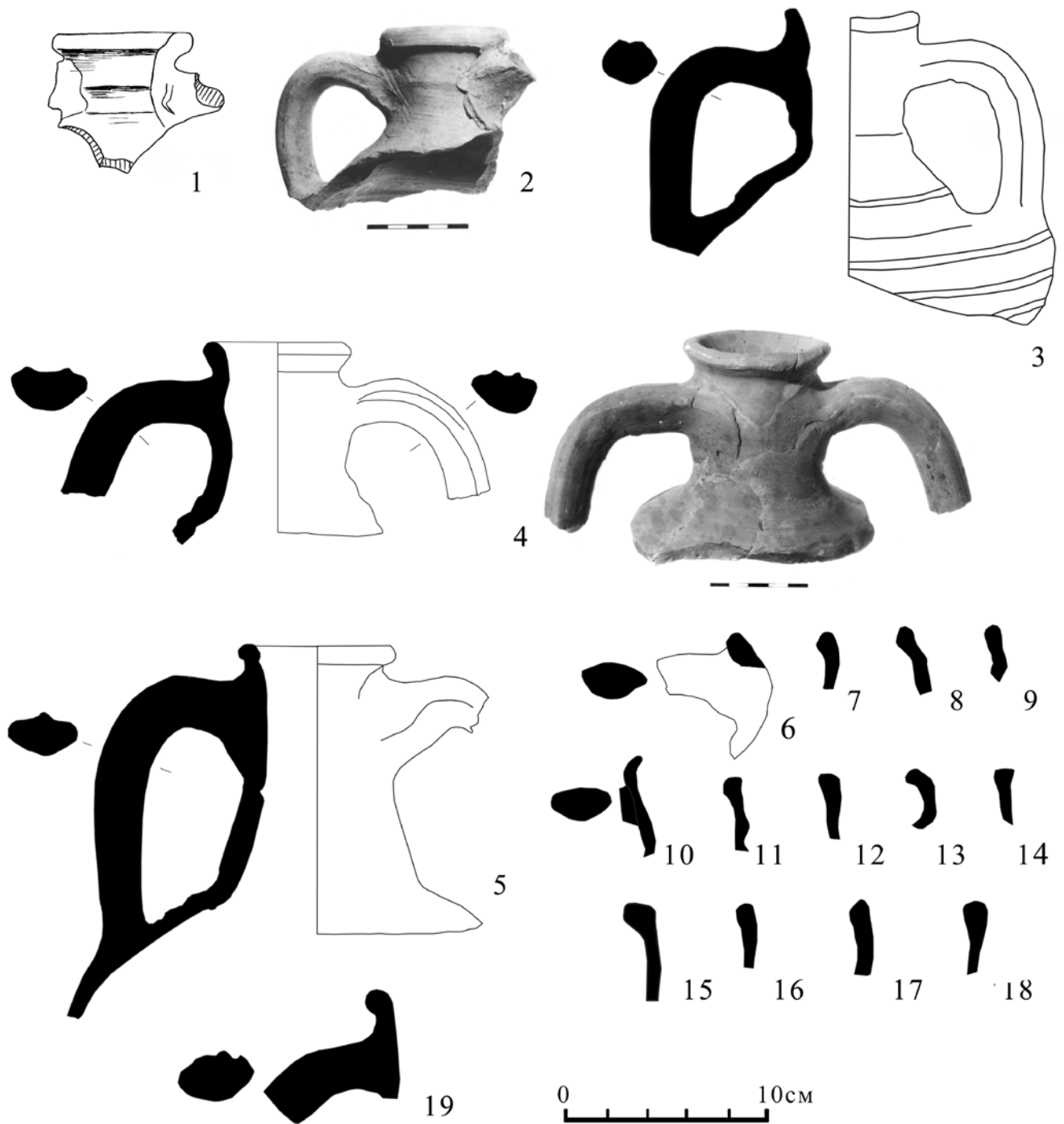

Рис. 84. Амфоры типа XI. С расширяющимся кверху горлом и валикообразным венчиком.
 1 – Ф-54 СГ XVII/5 (оп. 25). 2 – Ф-72 БА б/ш. 3 – Ф-77 ВГ VI/4. 4 – Ф-83 БС IV/7. 5 – Ф-87 ЮГ LXXXVIII (оп. 88.3). 6 – Ф-80 ВГ X/6, № 244. 7 – Ф-82 БС IV/1, № 1461. 8-9 – Ф-82 БС IV/3, №№ 1289, 1317. 10 – Ф-83 БС III/5, № 1400. 11-17 – Ф-83 БС IV/5, №№ 1302, 1306, 1309, 1311, 1320, 1323, 1410. 18 – Ф-85 БС VI/8, № 1288. 19 – Ф-85 БС IV/15, № 1536

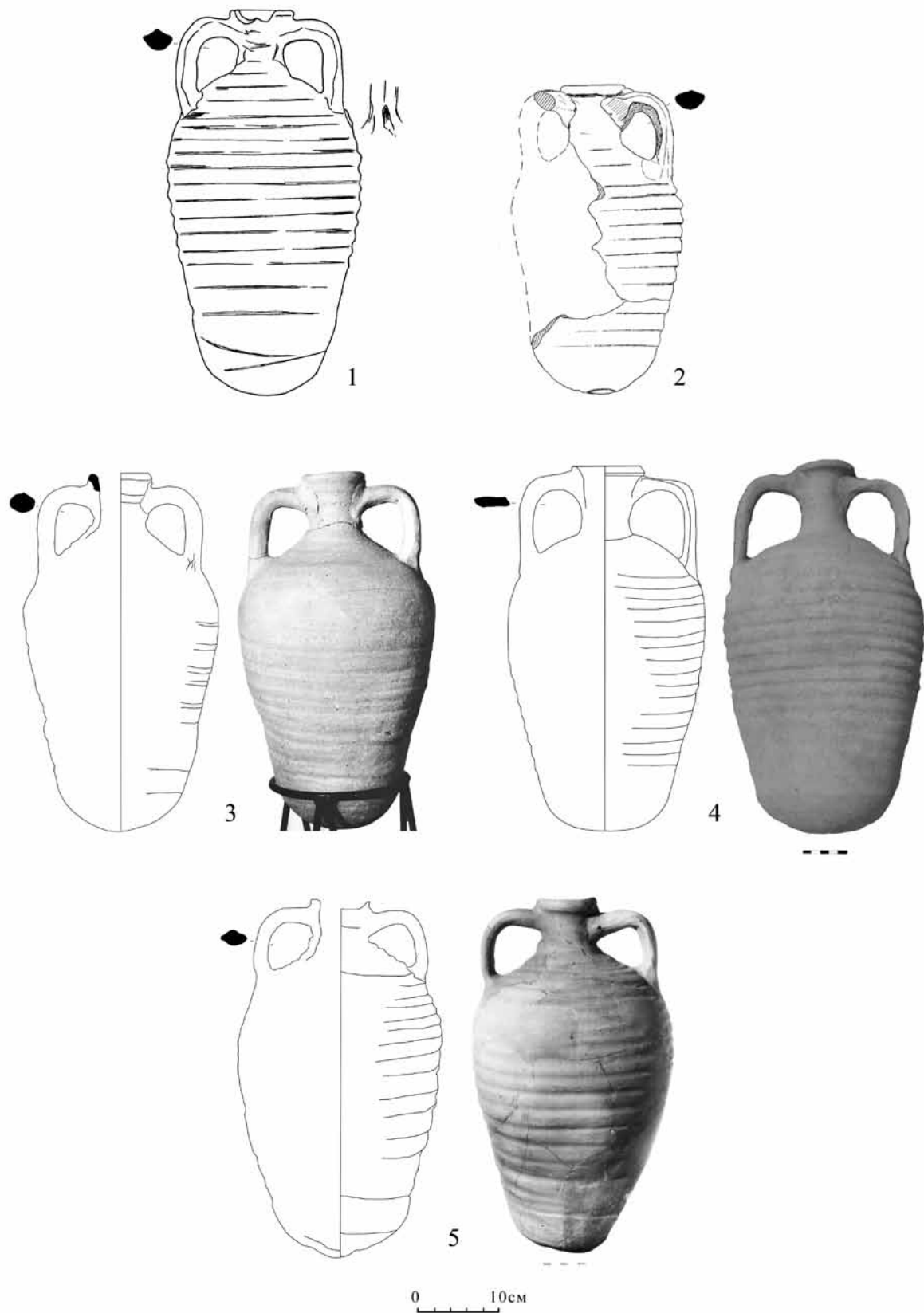

Рис. 85. Амфоры типа XII. С плавно отогнутым венчиком. 1 – Ф-39 СГ III-I/13 (оп. 705). 2 – Ф-49 СГ XI/3 (оп. 314). 3 – Ф-73 ЮЗ XII/кл.17 (оп. 2) (Кобылина, 1978, рис. 2.3). 4 – Ф-75 ВГ я.Д (оп. 11). 5 – Ф-85 БС IV/я.Н

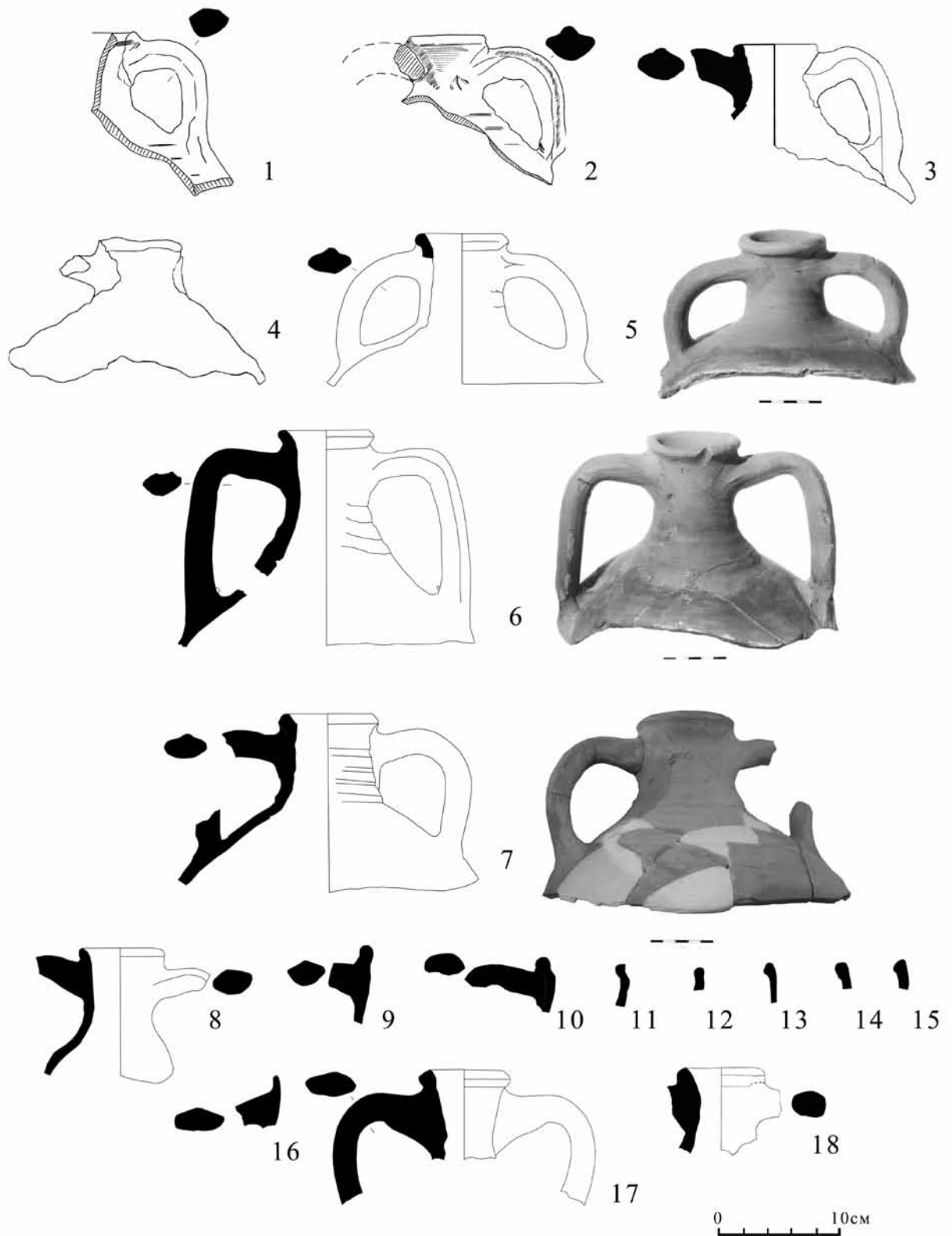

Рис. 86. Амфоры типа XII. С плавно отогнутым венчиком. 1 – Ф-54 СГ XV-XVI/3 (оп. 153). 2 – Ф-68 Ц XXII/8. 3 – Ф-71 БА я.В. 4 – Ф-75 б/ш. 5 – Ф-82 вым. А / Ф-84 IV/5-вым. А. 6 – Ф-83 БС III/6. 7 – Ф-84 БС IV/9. 8 – Ф-83 БС IV/4, № 1122. 9 – Ф-82 БС II/7, № 1273. 10 – Ф-83 БС III/7, № 1258. 11 – Ф-83 БС III/3, № 1284. 12 – Ф-83 БС III/5, № 1328. 13 – Ф-83 БС III/6-7, № 1401. 14-15 – Ф-83 БС IV/4, №№ 1285, 1307. 16-17 – Ф-89 Б VIIA/4. 18 – Ф-94 Б I/3

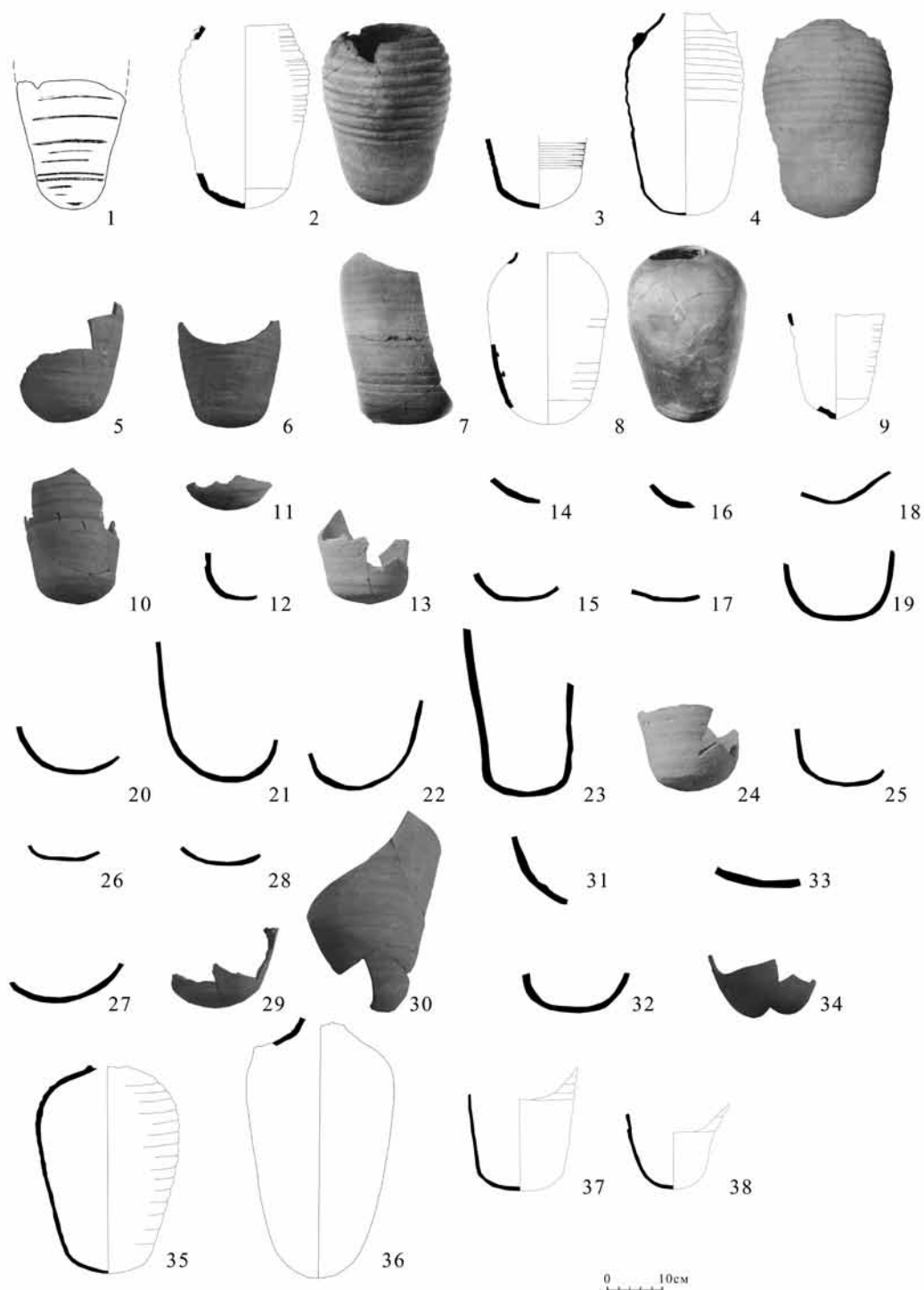

Рис. 87. Группа II. Тулова амфор. 1 – Ф-54 СГ XVII/15-18 (оп. 454). 2 – Ф-68 Ц б/ш. 3 – Ф-70 Ц XX/9. 4 – Ф-75 ВГ я.Д (оп. 15). 5 – Ф 82-83 БС II/4-6, № 132. 6 – Ф 82 БС II/6 дом 2, № 51. 7 – Ф-83 БС V-VI/1-3, № 52. 8 – Ф-84 БС III/9. 9 – Ф-83 БС IV/2-3, IV/2. 10 – Ф-83 БС IV/2-3, № 2. 11 – Ф-82 БС II/3 дом 1, № 192. 12 – Ф-83 БС III-IV/1-3, № 1392. 13 – Ф-83 БС III/5, № 1385. 14 – Ф-83 БС IV/4, № 1375. 15 – Ф-82 БС II/6, № 1391. 16 – Ф-82 БС II/7, № 1411. 17 – Ф-82 БС II, № 269. 18 – Ф-83 БС III/7 вым. Б, № 1558. 19 – Ф-84 БС III/8, № 1376. 20 – Ф-84-85 БС III/10, 12-13, № 271. 21 – Ф-84 БС I/9-10, № 1378. 22 – Ф-84-85 БС III/11, 13, № 1381. 23-24 – Ф-84 БС IV/11, №№ 1382, 1384. 25 – Ф-84-85 БС IV/11-12, № 1377. 26 – Ф-85 БС IV/12, № 274. 27 – Ф-85 БС I/12, № 272. 28 – Ф-85 БС V/11, № 273. 29 – Ф-85 БС II/14, № 155. 30 – Ф-85 БС V-VI/14, 16 развал, № 91. 31 – Ф-85 БС I/я.И, № 1379. 32 – Ф-85 БС IV/я.Н, № 1383. 33 – Ф-85 БС VI-печь1, № 90. 34 – Ф б/ш, № 270. 35-38 – Ф б/ш (оп. 6, 7, 9, 13)

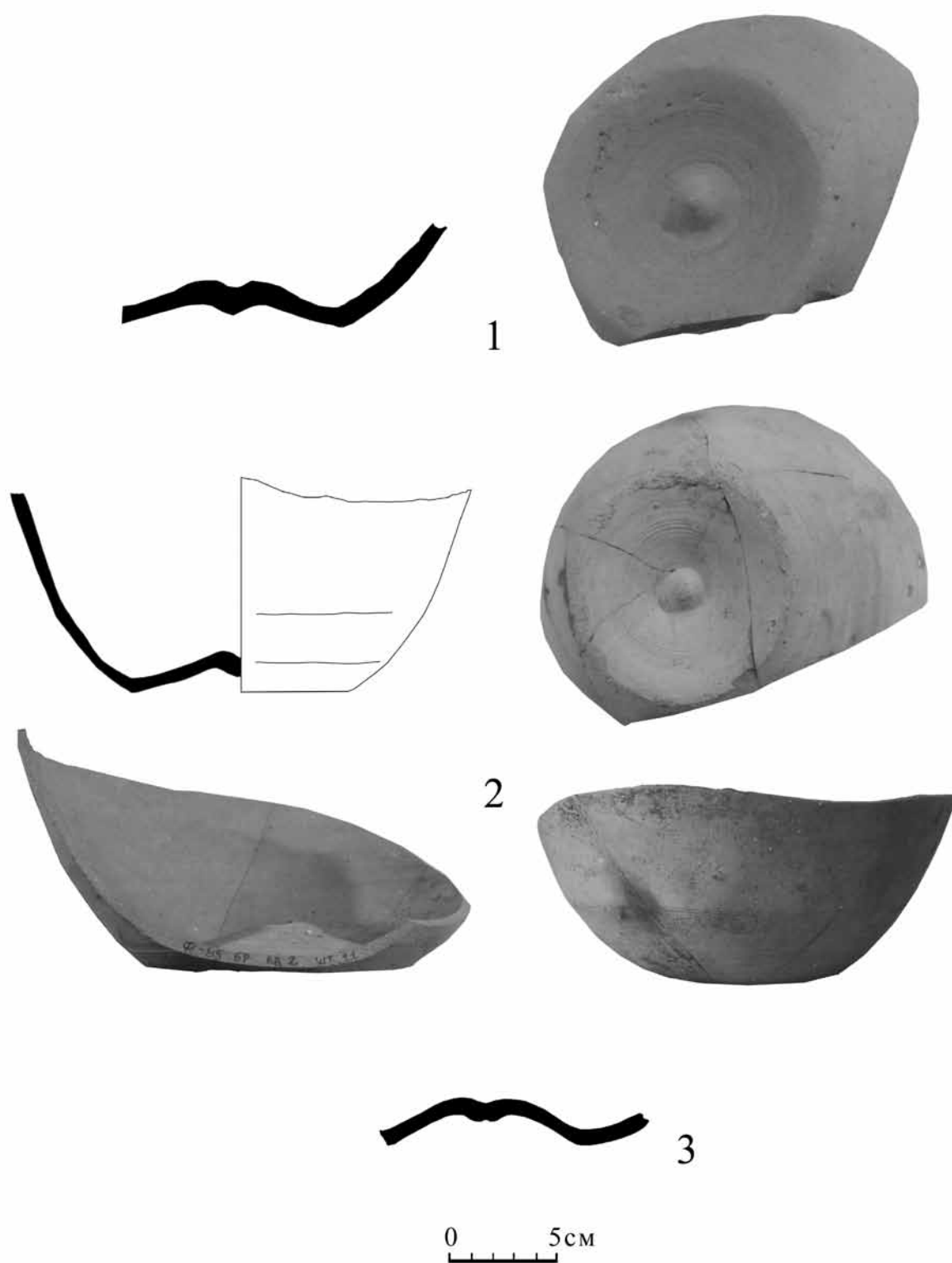

Рис. 88. Амфоры типа XIII. С вогнутым дном. 1 – Ф-85 БС III/13, № 1095. 2 – Ф-85 БС II/11, № 1096. 3 – Ф-84 БС IV/10, № 268

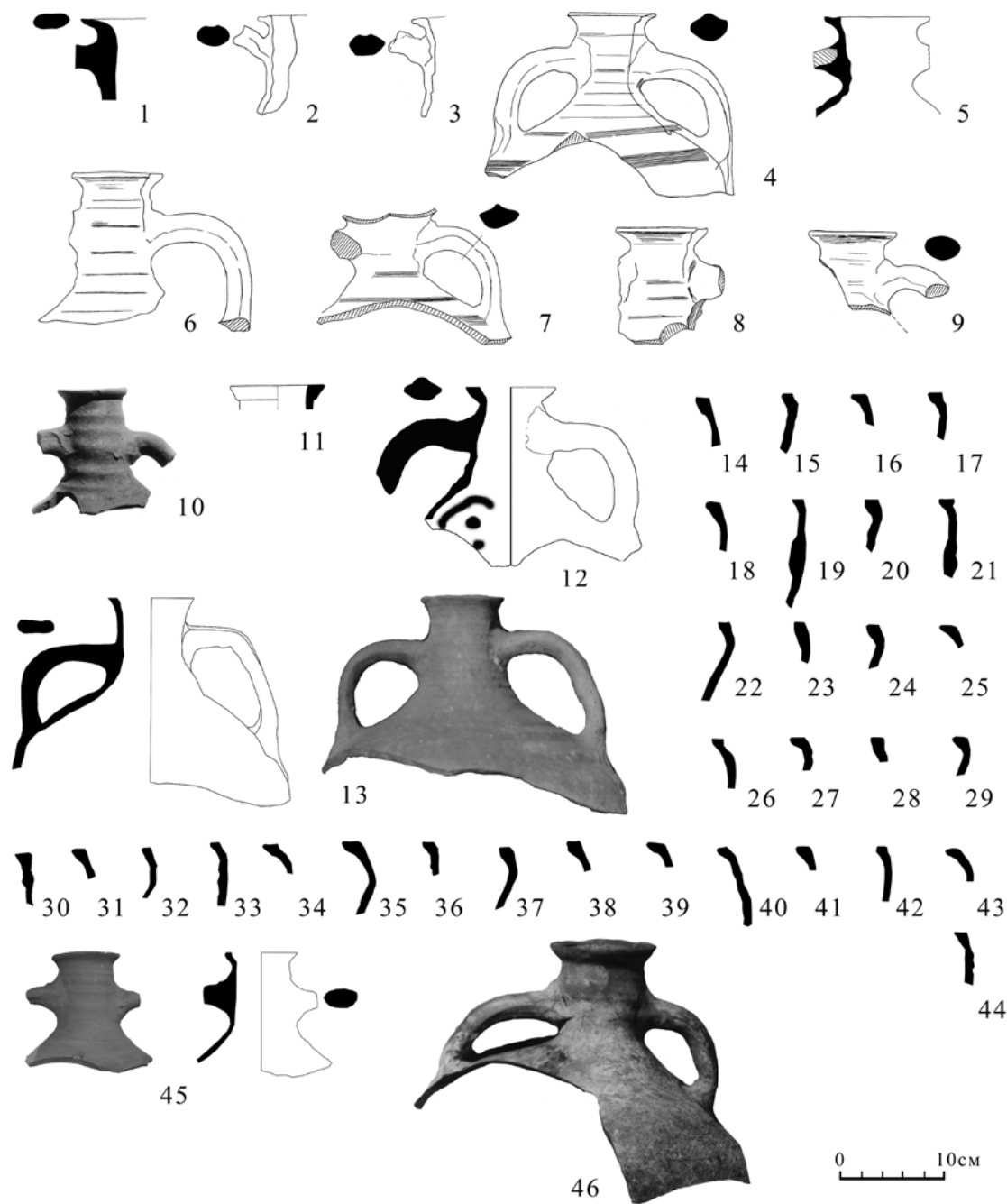

Рис. 89. Амфоры типа XIV. С плоскосрезанным венчиком. 1 – Ф-49 СГ IX/7 (оп. 290). 2-3 – Ф-54 СГ IX-XII/1 (оп. 303, 305). 4 – Ф-54 СГ IX-XII/8 (оп. 215). 5 – Ф-54 СГ XIV/10 (оп. 995). 6 – Ф-54 СГ XIV/11 (оп. 1007). 7 – Ф-54 СГ XIV/С (оп. 990). 8 – Ф-54 СГ XV/7 (оп. 631). 9 – Ф-54 б/ш. 10 – Ф-68 Ц XXIII/вым.8. 11 – Ф-70 Ц XX/9. 12 – Ф-72 БА ш.12. 13 – Ф-75 БА ш.10 (оп. 1073). 14 – Ф-82 БС I/я.6, № 728. 15-16 – Ф-83 БС V-VI/1-3, №№ 765, 1319. 17 – Ф-83 БС IV/3, № 750. 18 – Ф-83 БС IV/5, № 1282. 19 – Ф-83 БС I/7, № 277. 20-22 – Ф-83 БС II/7, №№ 276, 738, 1279. 23 – Ф-84 БС I/8, № 771. 24 – Ф-84 БС II/8, № 745. 25-26 – Ф-84 БС III/8, №№ 6, 1316. 27-28 – Ф-84 БС I/9, №№ 763, 770. 29-30 – Ф-84 БС III/9, №№ 13, 741. 31 – Ф-84 БС I/10, № 742. 32 – Ф-84 БС V/10, № 761. 33-34 – Ф-84 БС I/11, №№ 740, 746. 35 – Ф-84 БС II/11, № 15. 36 – Ф-84 БС V/11, № 760. 37 – Ф-84 БС VI/11, № 739. 38 – Ф-84 БС IV/я.4, № 1304. 39-40 – Ф-85 БС III/12, №№ 11, 757. 41-42 – Ф-85 БС I/13, №№ 743, 749. 43 – Ф-85 БС III/13, № 756. 44-45 – Ф б/ш, №№ 764, 723. 46 – Ф б/ш

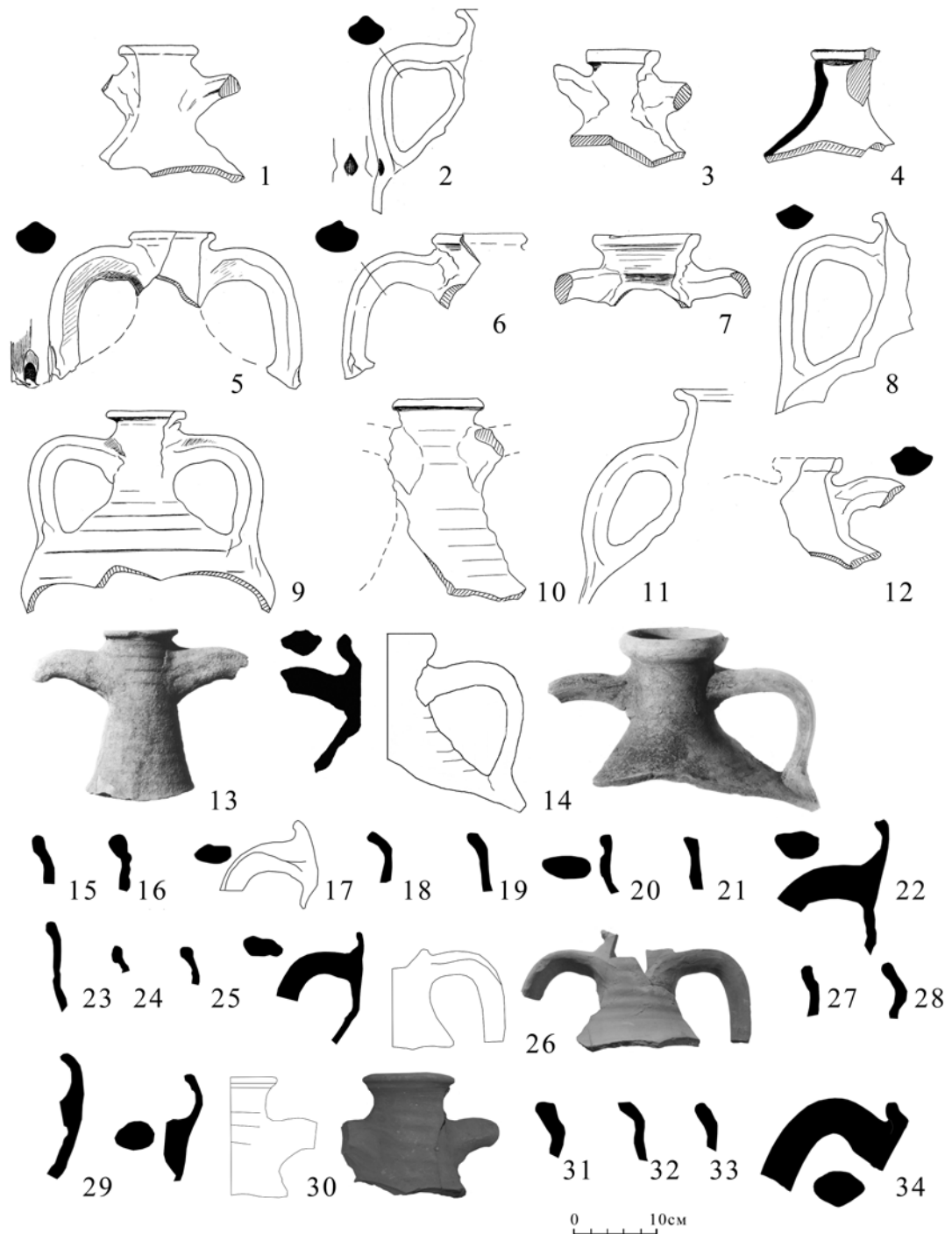

Рис. 90. Амфоры типа XV. С валикообразным венчиком. 1 – Ф-48 СГ III/2 (оп. 384). 2-3 – Ф-48 СГ III/3 (оп. 937, 396). 4 – Ф-49 СГ IX/7 (оп. 285). 5-6 – Ф-54 СГ IX-XII/1 (оп. 337, 338). 7-8 – Ф-54 СГ IX-XII/9 (оп. 230, 227). 9 – Ф-54 СГ IX-XII (оп. 617). 10 – Ф-54 СГ XV/2 (оп. 152). 11 – Ф-54 СГ XVI/5 (оп. 181). 12 – Ф-54 3 II/13 (оп. 121). 13 – Ф-71 БА вым.13 (оп. 49). 14 – Ф-72 БА ш.9 (оп. 1071). 15 – Ф-83 БС III-IV/1-3, № 1297. 16-18 – Ф-83 БС IV/5, №№ 1253, 1261, 1325. 19 – Ф-84 БС I/9,5, № 748. 20 – Ф-84 БС VI/9, № 1500. 21 – Ф-84 БС V/10, № 759. 22 – Ф-84 БС III/11, № 729. 23-25 – Ф-84 БС IV/вым.А, №№ 1283, 1287, 1291. 26 – Ф-84 БС IV/бр, № 1123. 27 – Ф-85 БС I/12, № 758. 28 – Ф-85 БС II/12, № 767. 29 – Ф-85 БС II/14, VI/14, № 6. 30-32 – Ф-85 БС III/14, №№ 725, 755, 1622. 33 – Ф-85 БС IV/14, № 768. 34 – Ф-89 Б VA/3

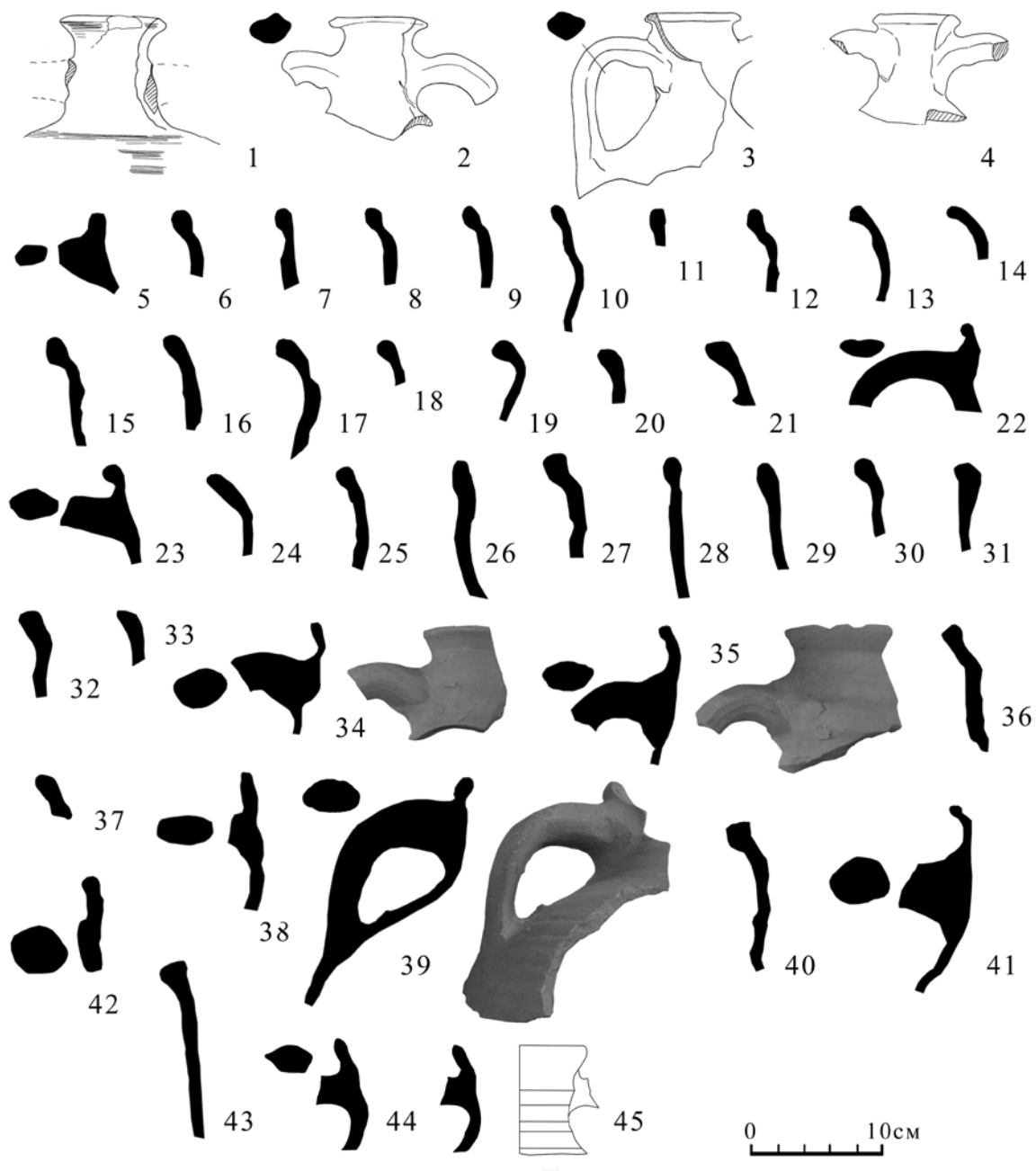

Рис. 91. Амфоры типа XVI. С наклонносрезынным венчиком. 1 – Ф-49 СГ VIII/10 (оп. 51). 2 – Ф-49 СГ VIII/16 (оп. 98). 3 – Ф-54 СГ IX-XII/9 (оп. 227). 4 – Ф-68 Ц XXI/8. 5 – Ф-80 ВГ X/ЮЦ-траншея, № 245. 6 – Ф-82 БС I/1, № 1326. 7 – Ф-82 БС I/2, № 1270. 8 – Ф-82 БС I/3, № 1308. 9 – Ф-82 БС II/3, № 398. 10 – Ф-82 БС II/5, № 1277. 11 – Ф-82 БС I/я.6, № 766. 12 – Ф-83 БС III/3, № 1298. 13 – Ф-83 БС III-IV, № 449. 14 – Ф-83 БС IV/2, № 1312. 15 – Ф-83 БС III/5, № 1303. 16-17 – Ф-83 БС IV/5, №№ 1286, 1292. 18 – Ф-83 БС III/6, № 1318. 19-20 – Ф-83 БС III/7, №№ 1280, 1300. 21-22 – Ф-83 БС IV/7, №№ 762, 1257. 23 – Ф-83 БС III-IV/7, № 1268. 24 – Ф-84 БС I/8, № 9. 25 – Ф-84 БС VI/8, № 1295. 26 – Ф-84 БС VI/9, № 737. 27 – Ф-84 БС IV/11, № 736. 28-31 – Ф-84 БС IV/вым.А, №№ 1278, 1281, 1301, 1305. 32 – Ф-85 БС IV/я.Н, № 1552. 33 – Ф-84 БС VI, № 1459. 34 – Ф-85 БС III/12, № 730. 35-36 – Ф-85 БС V-VI/12, №№ 726, 1498. 37 – Ф-85 БС III/13, № 744. 38 – Ф-85 БС IV/14, № 1499. 39 – Ф-85 БС VI/15, № 154. 40-41 – Ф-85 БС III/16, №№ 747, 751. 42 – Ф-85 БС I/я.И, № 187. 43 – Ф-85 БС VI/печь1, № 727. 44-45 – Ф-89 Б II/4

Рис. 92. Амфоры группы III. 1 – Ф-39 СГ I/13 (оп. 105а) (Якобсон, 1958, рис. 2.5). 2-5 – Ф-48 СГ III/1 (оп. 374, 375, 376, 377). 6 – Ф-48 СГ III/2 (оп. 382). 7-8 – Ф-49 СГ VIII/15 (оп. 83, 261). 9 – Ф-54 СГ XVI/6 (оп. 191). 10 – Ф-54 СГ XVII/17 (оп. 410). 11 – Ф-83 БС IV/2-3, № 1260. 12 – Ф-83 БС IV/7, № 134. 13 – Ф-83 БС IV/8-9, № 80. 14 – Ф-83 БС IV/бр., № 85. 15-16 – Ф-84 БС I/10, №№ 83, 86. 17 – Ф-84 БС III/10, № 76. 18 – Ф-84 БС III/11, № 87. 19 – Ф-85 БС III/12, № 81. 20 – Ф-85 БС I/13, № 731. 21-22 – Ф-85 БС III/13, №№ 73, 74. 23 – Ф-85 БС II/14, № 1497. 24-25 – Ф-85 БС III/15, №№ 75, 724. 26 – Ф-85 БС III/16, № 732. 27 – Ф-85 БС VI/печь1, № 845. 28 – Ф-89 Б VI/6, дом 4. 29-32 – Ф б/ш, №№ 734, 733, 753, 735

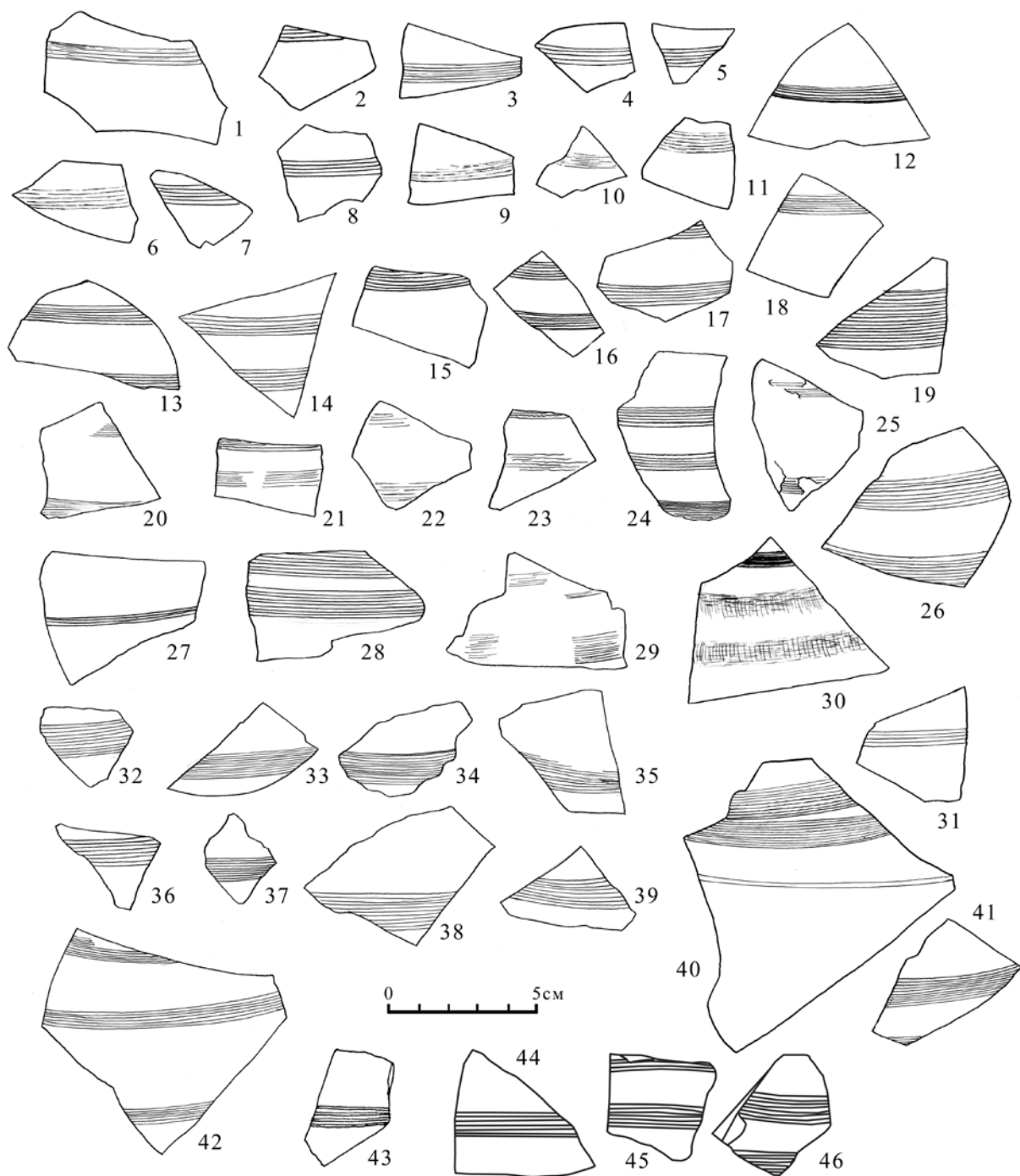

Рис. 93. Стенки амфор группы III. 1-33 – Ф-70 Ц XIX. 34-42 – Ф-70 Ц XXI. 43 – Ф-94 Б III/1. 44-46 – Ф 94 Б IV/1

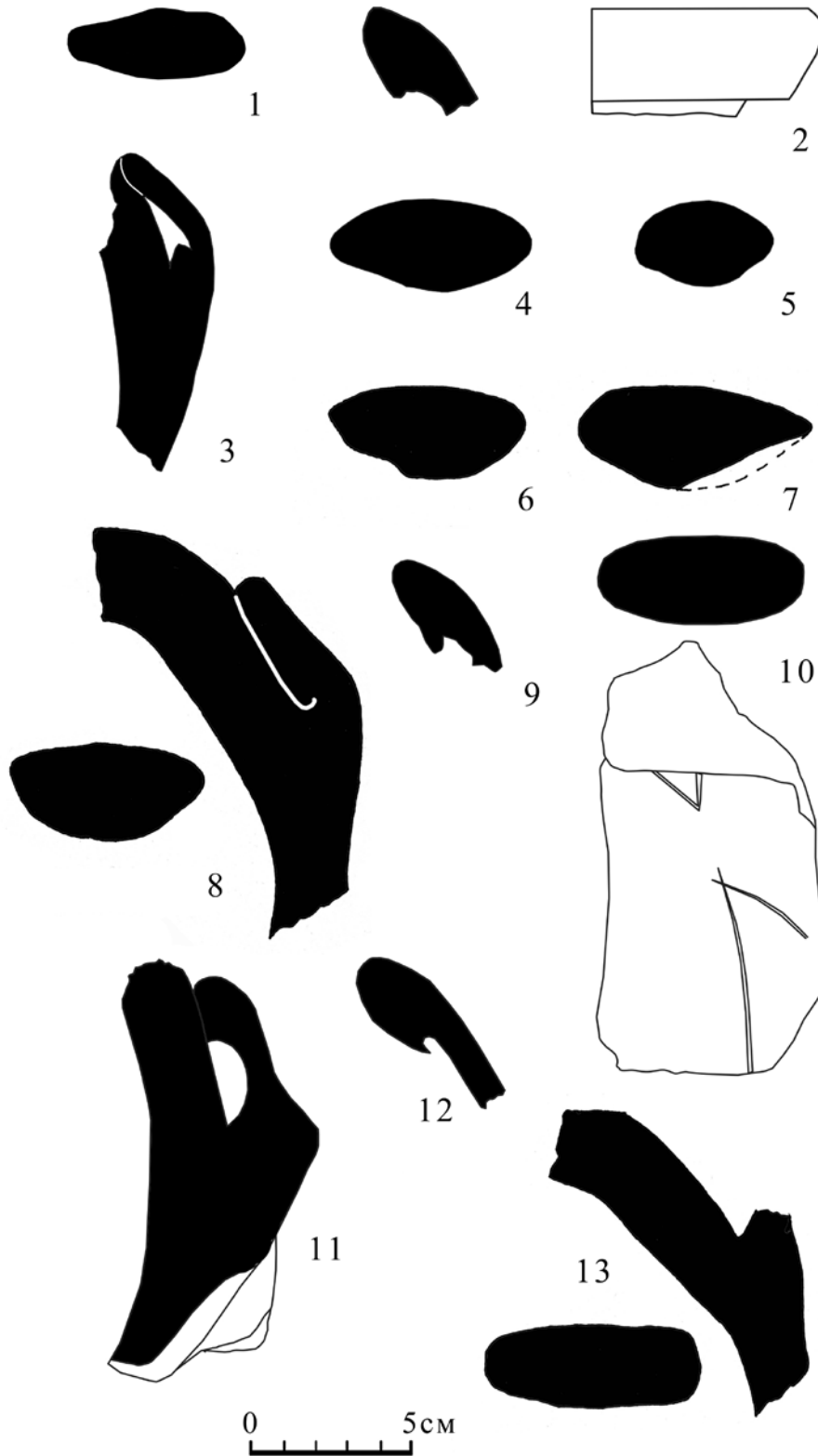

Рис. 94. Воротничковые амфоры. 1 – Ф-89 Б II/3. 2 – Ф-89 Б IIА/1. 3 – Ф-89 Б V/3. 4-5 – Ф-89 Б VIIА/4. 6-7 – Ф-94 Б I/1. 8 – Ф-94 Б I/2. 9 – Ф-94 Б I/4. 10-12 – Ф-94 Б II/2. 13 – Ф-94 Б IV/перекоп

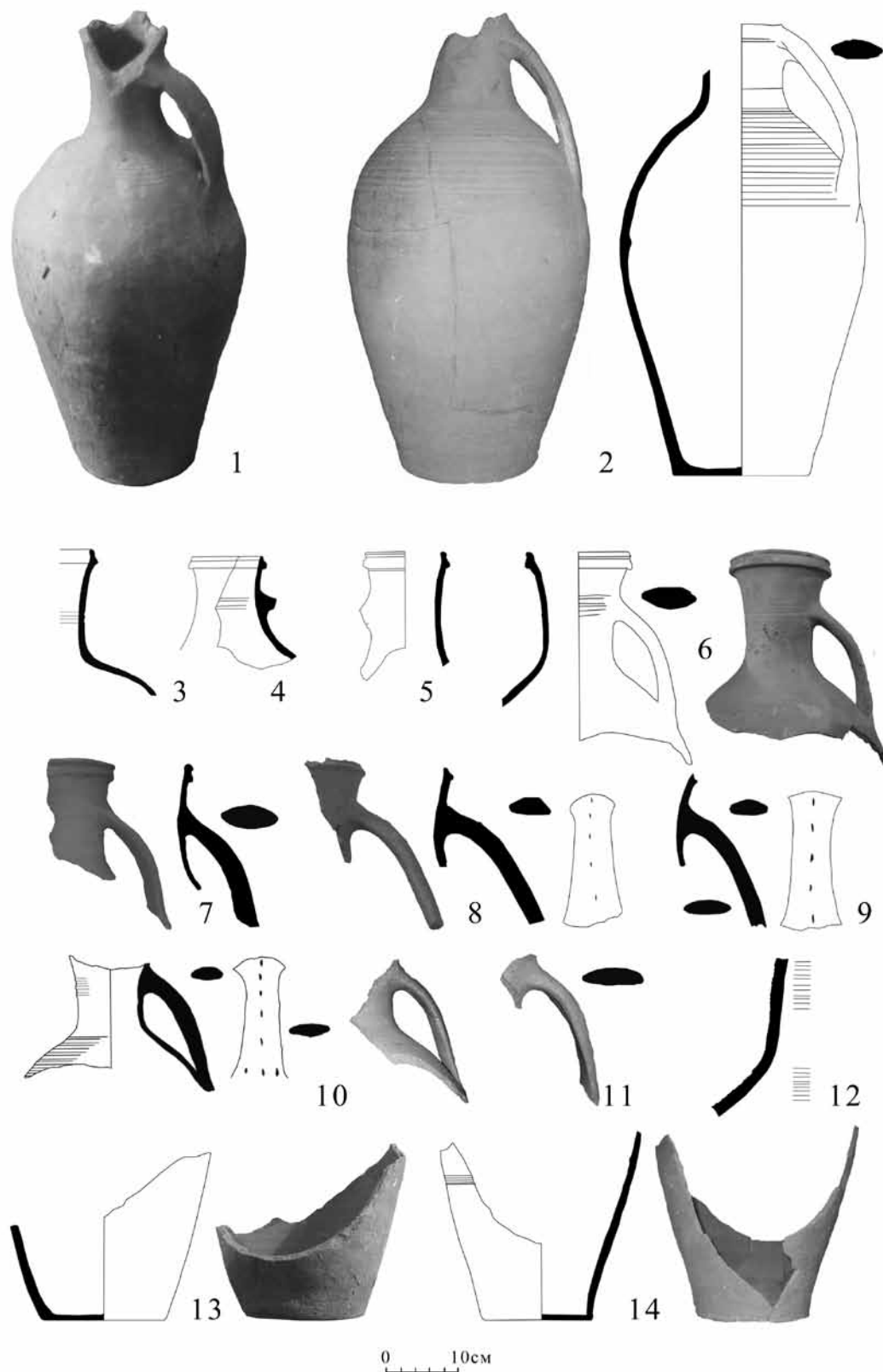

Рис. 95. Высокогорлые кувшины с плоской ручкой. 1 – Ф-70 б/ш. 2 – Ф-73 ЮЗ XII/10, № 628 (Кобылина, 1978, рис. 2.4). 3 – Ф-48 СГ I/К. 4 – Ф-54 СГ XVII/6 (оп. 39). 5 – Ф-80 ВГ X, ЮЦ/6, № 665. 6 – Ф-85 БС IV/я.О, № 629. 7 – Ф-85 БС IV/я.Н, № 664. 8-9 – Ф-85 БС III/15, №№ 261, 663. 10 – Ф-85 БС III/15. 11 – Ф-84 БС II/11, № 687. 12 – Ф-89 Б IIIA/3. 13 – Ф-85 БС IV/я.О, № 133. 14 – Ф-85 БС IV/4, 7, вым.А, III/12, № 662

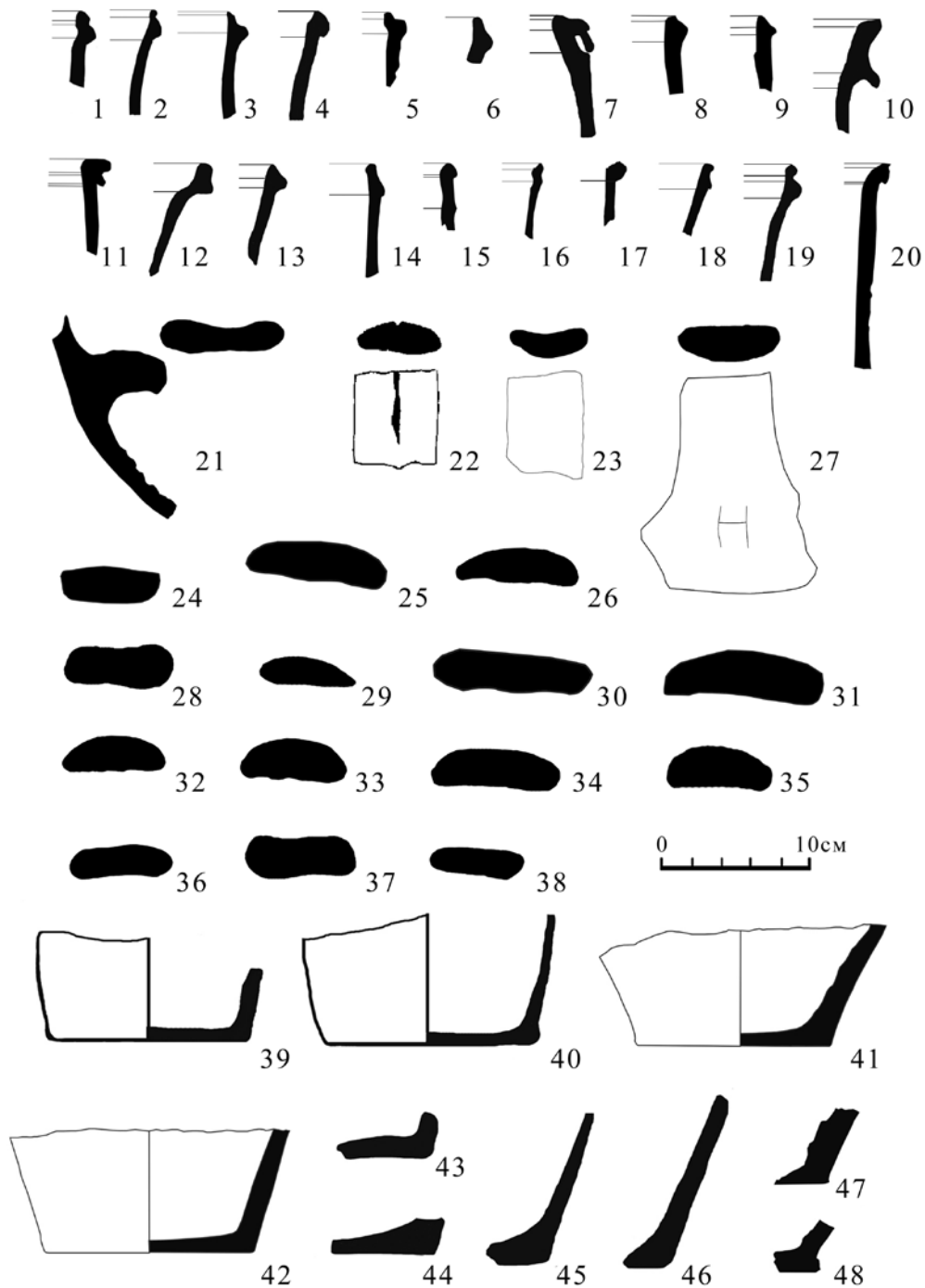

Рис. 96. Высокогорлые кувшины с плоской ручкой. 1 – Ф-48. 2 – Ф-68 Ц XXI/я.1 (оп. 1). 3 – Ф-68 Ц XXI/я.1 (оп. 2). 4 – Ф-80 ВГ X, ЮЦ/5, № 670. 5 – Ф-83 БС III/3, № 1460. 6 – Ф-83 БС III/4, № 672. 7 – Ф-83 БС IV/5, № 671. 8 – Ф-83 БС II/7, № 1039. 9 – Ф-84 БС IV/8, № 691. 10 – Ф-84 БС II/11, № 668. 11 – Ф-85 БС III/15, № 263. 12-13 – Ф-85 БС IV/я.О, №№ 667, 669. 14-15 – Ф-94 Б IV/1. 16 – Ф-89 Б IV/2. 17 – Ф-94 Б IV/3. 18 – Ф-89 Б IV/4. 19 – Ф-95 ВГ XVI/1. 20 – Ф-95 ВГ VIII/4. 21 – Ф-54 СГ IX-XII/2 (оп. 1173). 22 – Ф-54 З II/6 (оп. 362). 23 – Ф-94 Б IV/1. 24 – Ф-80 ВГ X ЮЦ/4, № 242. 25-26 – Ф-82 БС I/4, №№ 674, 689. 27 – Ф-83 БС IV/6, № 680. 28 – Ф-83 БС III/7, № 678. 29 – Ф-84 БС IV/8, № 673. 30 – Ф-84 БС III/9, № 262. 31 – Ф-84 БС III/10, № 264. 32 – Ф-84 БС II/11, № 677. 33 – Ф-84 БС I/10, № 676. 34 – Ф-84 БС IV/вым.А, № 675. 35 – Ф-85 БС IV/4,12, № 679. 36 – Ф-95 Б VI/3. 37 – Ф б/ш, № 690. 38 – Ф б/ш. 39 – Ф-84 БС IV/я.Н, № 681. 40 – Ф-84 БС IV/3,5,8, № 686. 41-42 – Ф-89 Б VIA/1. 43 – Ф-80 ВГ X ЮЦ/1, № 685. 44 – Ф-83 БС IV/5, № 684. 45 – Ф-83 БС VI, № 683. 46 – Ф-84 БС I/10, № 682. 47-48 – Ф-94 Б II/3

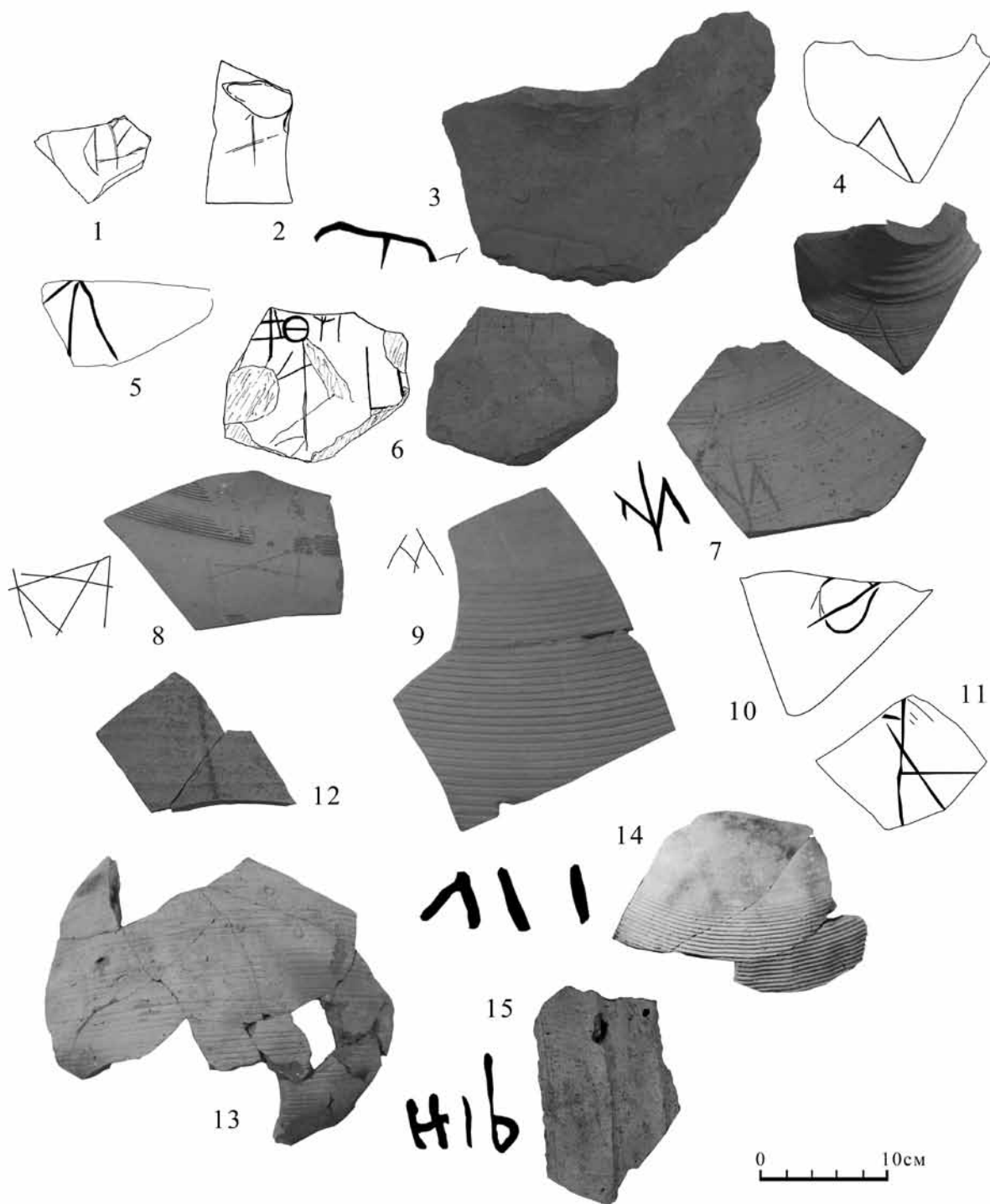

Рис. 97. Граффити и дипинти на тарной керамике. 1 – Ф-54 СГ IX-XII/18 (оп. 1108). 2 – Ф-54 3 II/6 (оп. 360). 3 – Ф-72 Ц вым.142 (оп. 426), № 980. 4 – Ф-75 Ц XXIV-XXVI/10 (оп. 68), № 57. 5 – Ф-82 БС II/вым.13. 6 – Ф-83 БС III/7, № 1И. 7 – Ф-84 I/11, № 201. 8 – Ф-84 III/11, № 200. 9 – Ф-85 БС VI/пифос2, № 1342. 10 – Ф-89 Б IIА/3. 11 – Ф-89 Б IVА/3. 12 – Ф-72 Ц II/7, камни 144 (оп. 984). 13 – Ф-83 БС IV/4-5, № 1519. 14 – Ф-85 БС III/13, VI/14, № 1341. 15 – Ф-85 БС IV/15, № 215

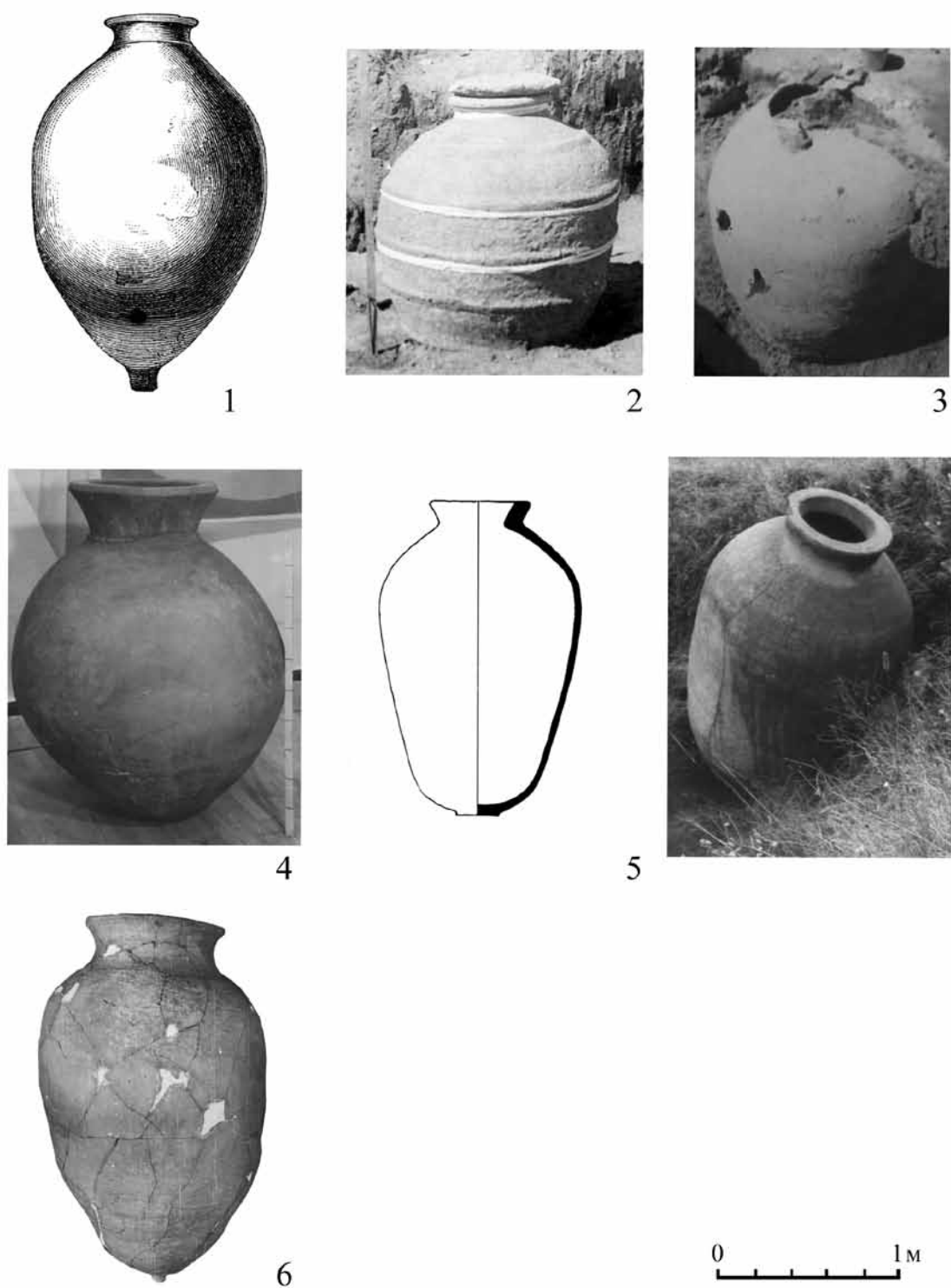

Рис. 98. Пифосы. 1 – Ф-1859 (Гёрц, 1870; Тункина, 2010, рис. 15.1). 2 – Ф-48 ГА пифос А. 3 – Ф-49 СГ. 4 – Ф-70. 5 – Ф-73 ЮЗ. 6 – Ф-85 БС VI/у печи 1

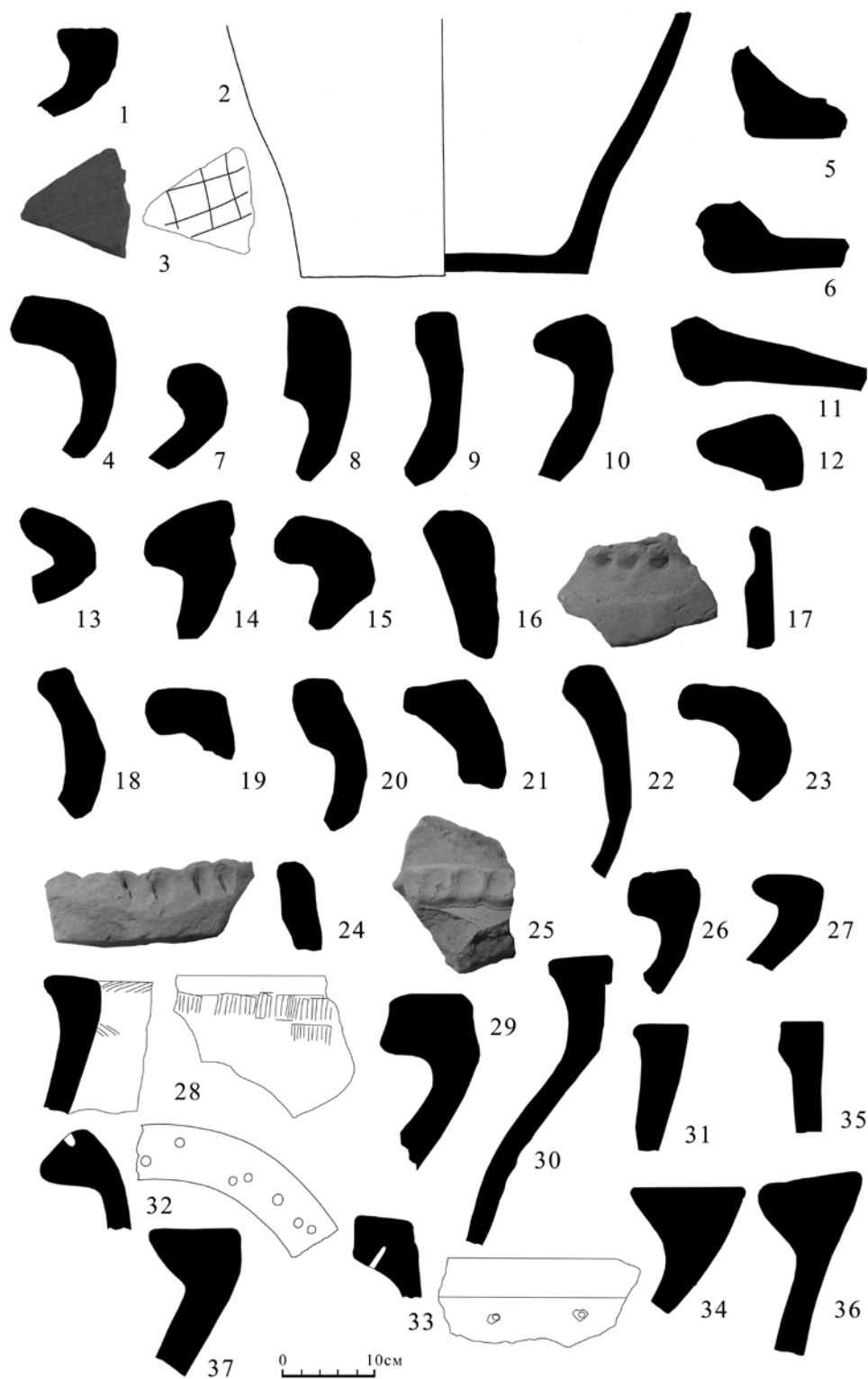

Рис. 99. Пифосы. 1 – Ф-54 СГ XVII/16 (оп. 548). 2 – Ф-70 Ц XXI/я.1. 3 – Ф-73 ЮЗ VIII/9 (оп. 269), № 993. 4 – Ф-82 БС I/1, № 601. 5 – Ф-82 БС II/1, № 1476. 6 – Ф-82 БС I/2, № 609. 7 – Ф-82 БС II/2, № 447. 8-9 – Ф-82 БС I/3, №№ 615, 1330. 10 – Ф-82 БС II/3, № 446. 11-12 – Ф-82 БС I/4, №№ 613, 614. 13 – Ф-82 БС II/4, № 453. 14 – Ф-83 БС IV/4, № 602. 15 – Ф-82 БС II/6, № 459. 16 – Ф-84 БС IV/11, № 1117. 17 – Ф-85 БС I/12, № 1474. 18-19 – Ф-85 БС II/12, №№ 1469, 1472. 20-21 – Ф-85 БС IV/14, №№ 1470, 1471. 22 – Ф-85 БС VI/14, разв.1, № 1331. 23 – Ф-85 БС III/15, № 260. 24 – Ф-85 БС V/15, № 1473. 25 – Ф-85 V/я.Л, № 1478. 26 – Ф-85 БС V/15, № 1475. 27 – Ф-89 Б III/1. 28 – Ф-89 Б IA/2. 29 – Ф-89 Б VI/3. 30-31 – Ф-89 Б II/4. 32 – Ф-89 Б VI/4. 33 – Ф-89 Б VIIA/4. 34-35 – Ф-89 Б V/5, стена 2. 36-37 – Ф-89 Б VI/5

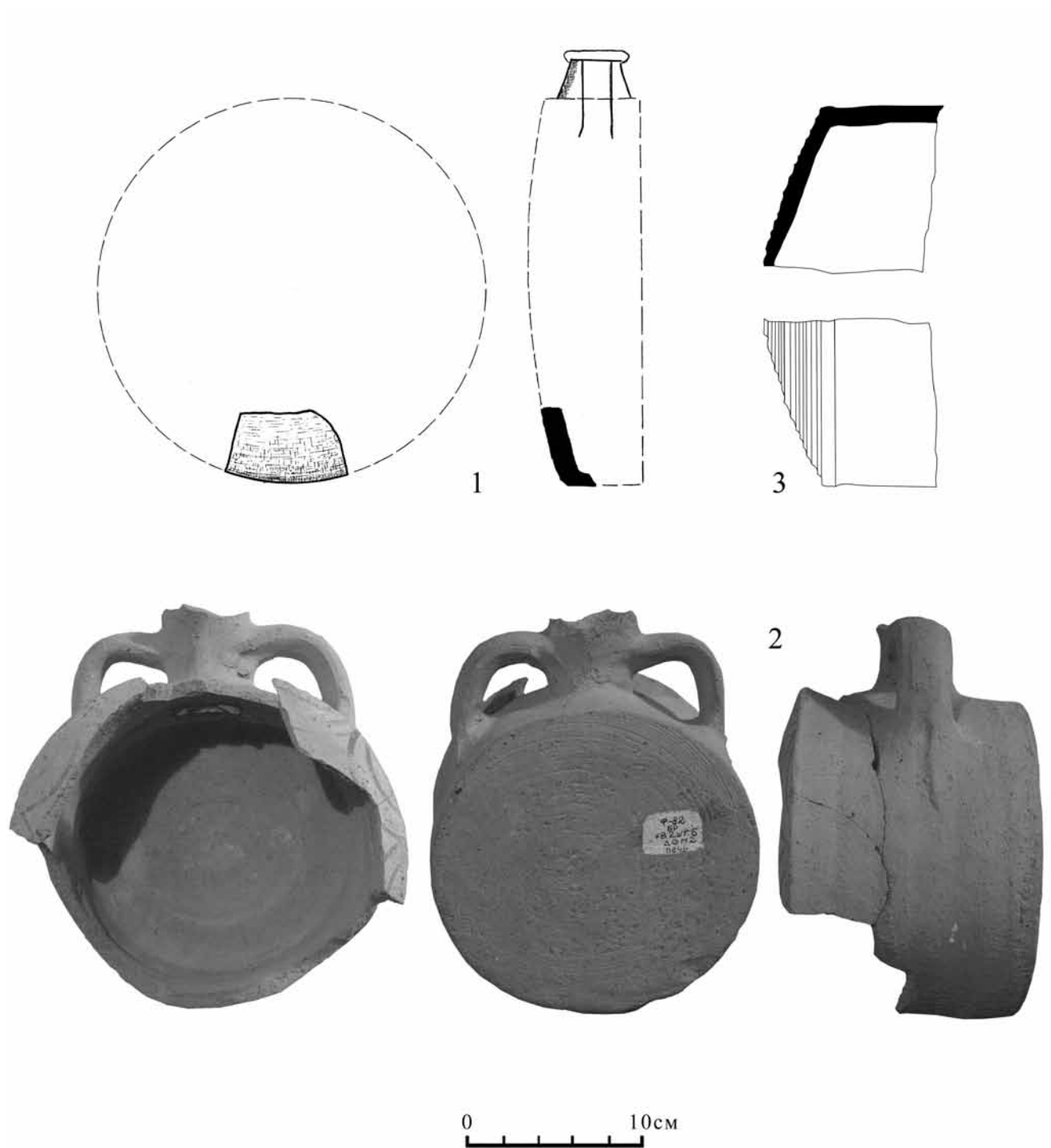

Рис. 100. Баклаги (фляги). 1 – Ф-70 Ц XXI. 2 – Ф-82 БС II/6, дом 2/печь, № 150.
3 – Ф-89 Б II/4, дом 2

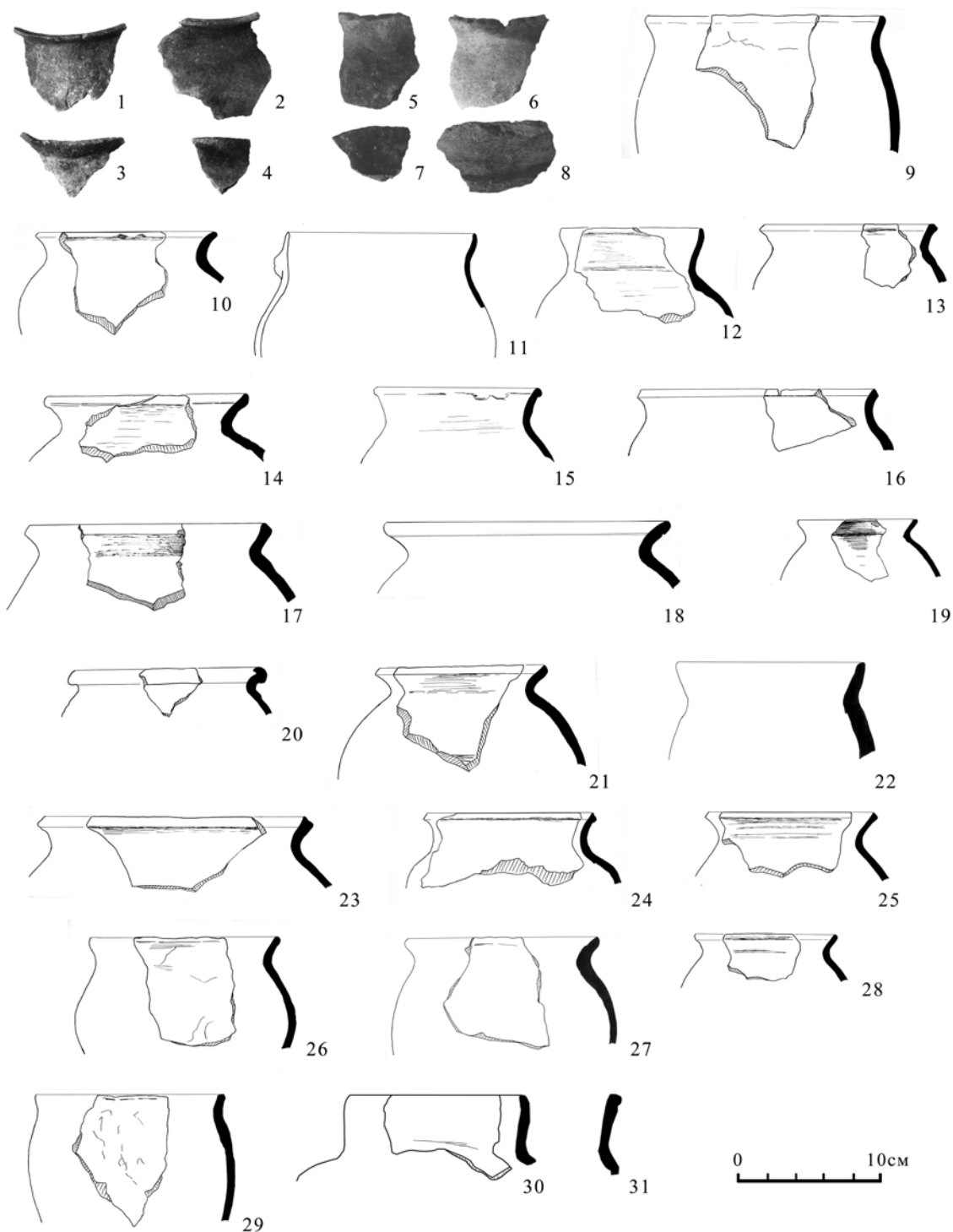

Рис. 101. Лепная кухонная керамика. Тип А. 1-8 – Ф-39 ГА. 9 – Ф-49 СГ VIII/11 (оп. 65). 10 – Ф-49 СГ VIII/11 (оп. 86). 11-12 – Ф-49 СГ VIII/18 (оп. 110, 111). 13 – Ф-54 ЗГ II/2 (оп. 326). 14 – Ф-54 СГ IX-XII/1 (оп. 322). 15 – Ф-54 СГ XVII/2 (оп. 277). 16 – Ф-54 СГ IX-XII/4 (оп. 692). 17 – Ф-54 СГ IX-XII/7 (оп. 203). 18 – Ф-54 СГ XIII/7 (оп. 719). 19 – Ф-54 СГ IX-XII/8 (оп. 218). 20-21 – Ф-54 СГ IX-XII/9 (оп. 228, 248). 22 – Ф-54 СГ XVII/9 (оп. 62). 23 – Ф-54 СГ XVII/11 (оп. 675). 24 – Ф-54 СГ IX-XII/12. 25 – Ф-54 СГ IX-XII/15. 26-27 – Ф-54 СГ XVII/17 (оп. 414, 416). 28 – Ф-54 СГ у48г/5. 29 – Ф-54 б/ш. 30 – Ф-71 Ц XIX/17 (оп. 265) №№ 982-983. 31 – Ф-80 ВГ X ЮЦ/8 № 228

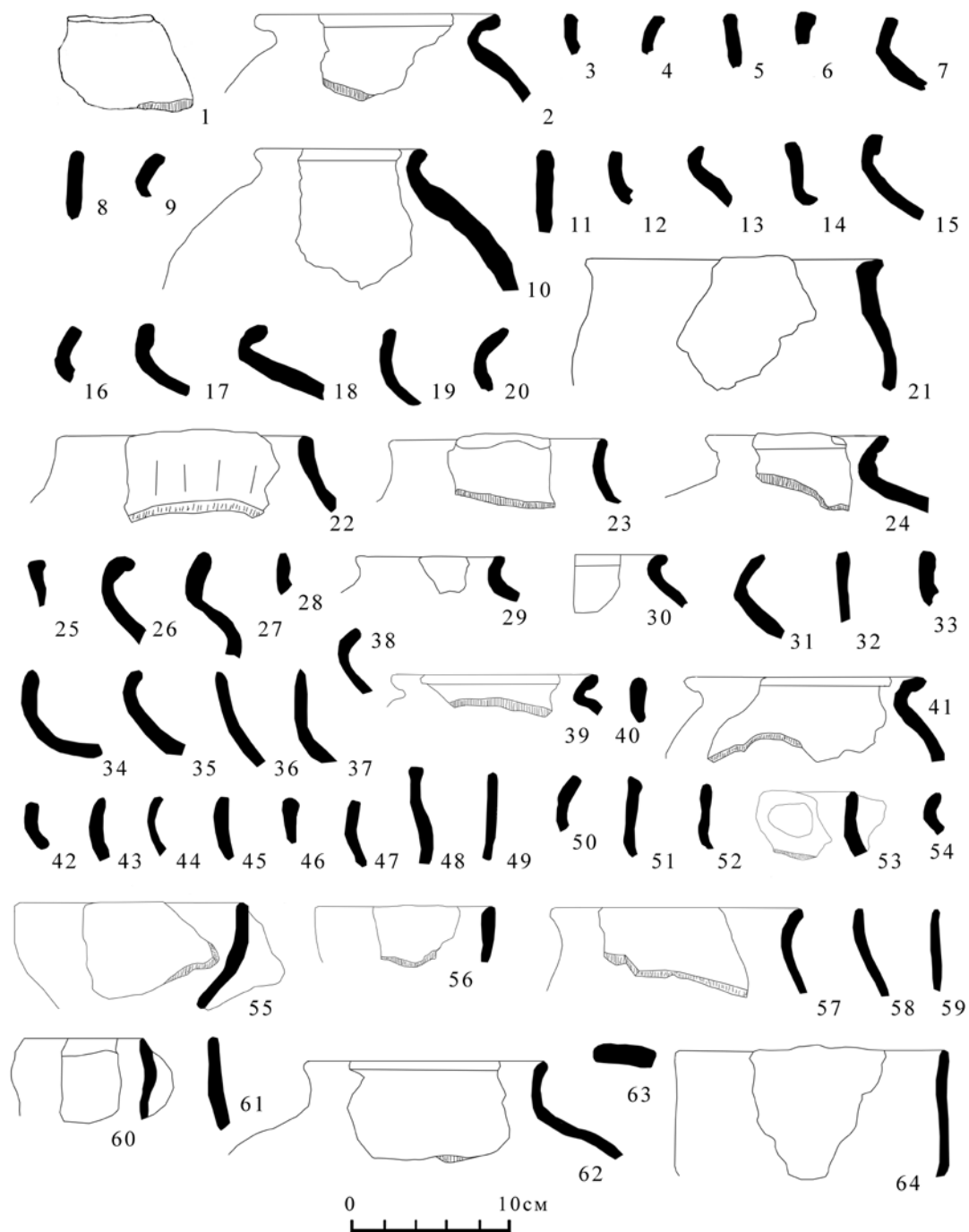

Рис. 102. Лепная кухонная керамика. Тип А. 1 – Ф-82 БС I/1. 2 – Ф-82 БС I/2, № 345. 3 – Ф-82 БС IV/2, № 542. 4 – Ф-82 БС II/3, № 784. 5 – Ф-83 БС IV/4, № 531. 6 – Ф-83 БС III/6, № 541. 7 – Ф-83 БС I/7, № 976. 8 – Ф-84 БС I/8, № 972. 9 – Ф-84 БС III/8, № 1360. 10 – Ф-84 БС V/8, № 347. 11 – Ф-84 БС I/9, № 1021. 12 – Ф-84 БС II/9, № 785. 13-14 – Ф-84 БС III/9, №№ 382, 384. 15 – Ф-84 БС IV/9, № 1019. 16 – Ф-84 БС V/9, № 1361. 17-18 – Ф-84 БС I/10, №№ 1020, 1022. 19 – Ф-84 БС III/10, № 801. 20 – Ф-84 БС I/11, № 975. 21 – Ф-84 БС II/11 № 529. 22-23 – Ф-84 БС IV/11, №№ 360, 389. 24-28 – Ф-85 БС I/12, №№ 348, 970, 971, 973, 1017. 29 – Ф-85 БС I/12, № 528. 30-31 – Ф-85 БС II/12, №№ 530, 787. 32-33 – Ф-85 БС I/13, №№ 703, 1016. 34-37 – Ф-85 БС II/2-13, №№ 864, 884, 889, 905. 38-40 – Ф-85 БС III/13, №№ 959, 1018, 1023. 41-44 – Ф-85 БС V/13, №№ 357, 927, 929, 930. 45-47 – Ф-85 БС VI/13, №№ 903, 912, 915. 48-50 – Ф-85 БС II/14, №№ 901, 906, 910. 51-53 – Ф-85 БС IV/14, №№ 944, 948, 1011. 54 – Ф-85 БС V/14, № 1024. 55-56 – Ф-85 БС VI/14-развал 1, №№ 717, 719. 57-59 – Ф-85 БС I/15, №№ 706, 708, 1466. 60-61 – Ф-85 БС II/15, №№ 577, 902. 62 – Ф-85 БС III/15, № 343. 63 – Ф-85 БС IV/15, № 895. 64 – Ф-85 БС VI/15, № 571

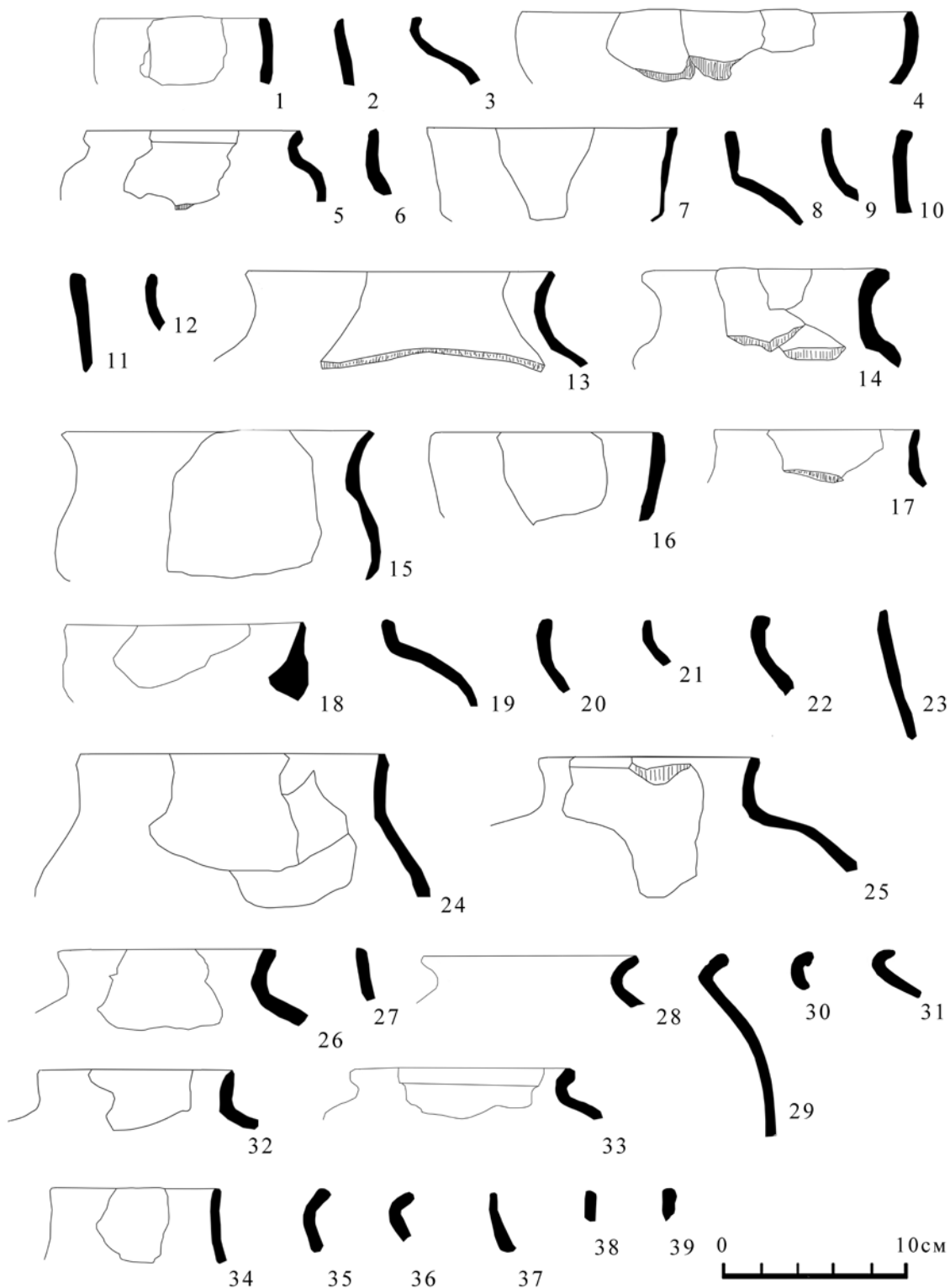

Рис. 103. Лепная кухонная керамика. Тип А. 1 – Ф-85 БС I/16, № 711. 2-4 – Ф-85 БС II/16, №№ 387, 388, 800. 5 – Ф-85 БС III/16, № 379. 6 – Ф-85 БС V/16, № 926. 7-12 – Ф-85 БС VI/16, №№ 570, 863, 877, 898, 909, 914. 13-18 – Ф-85 БС II/17, №№ 568, 572-575, 578. 19-20 – Ф-85 БС VI/печь1, №№ 865, 907. 21-24 – Ф-85 БС VI/пифос2, №№ 882, 885, 890, 1468. 25 – Ф-85 БС I/я.И, № 346. 26-27 – Ф-85 БС IV/я.О, №№ 386, 913. 28-29 – Ф-89 Б VI/6, дом 4. 30 – Ф-95 Б VI/2. 31 – Ф-95 Б VI/4. 32-39 – Ф б/ш, №№ 364, 368, 579, 783, 786, 928, 931, 1014

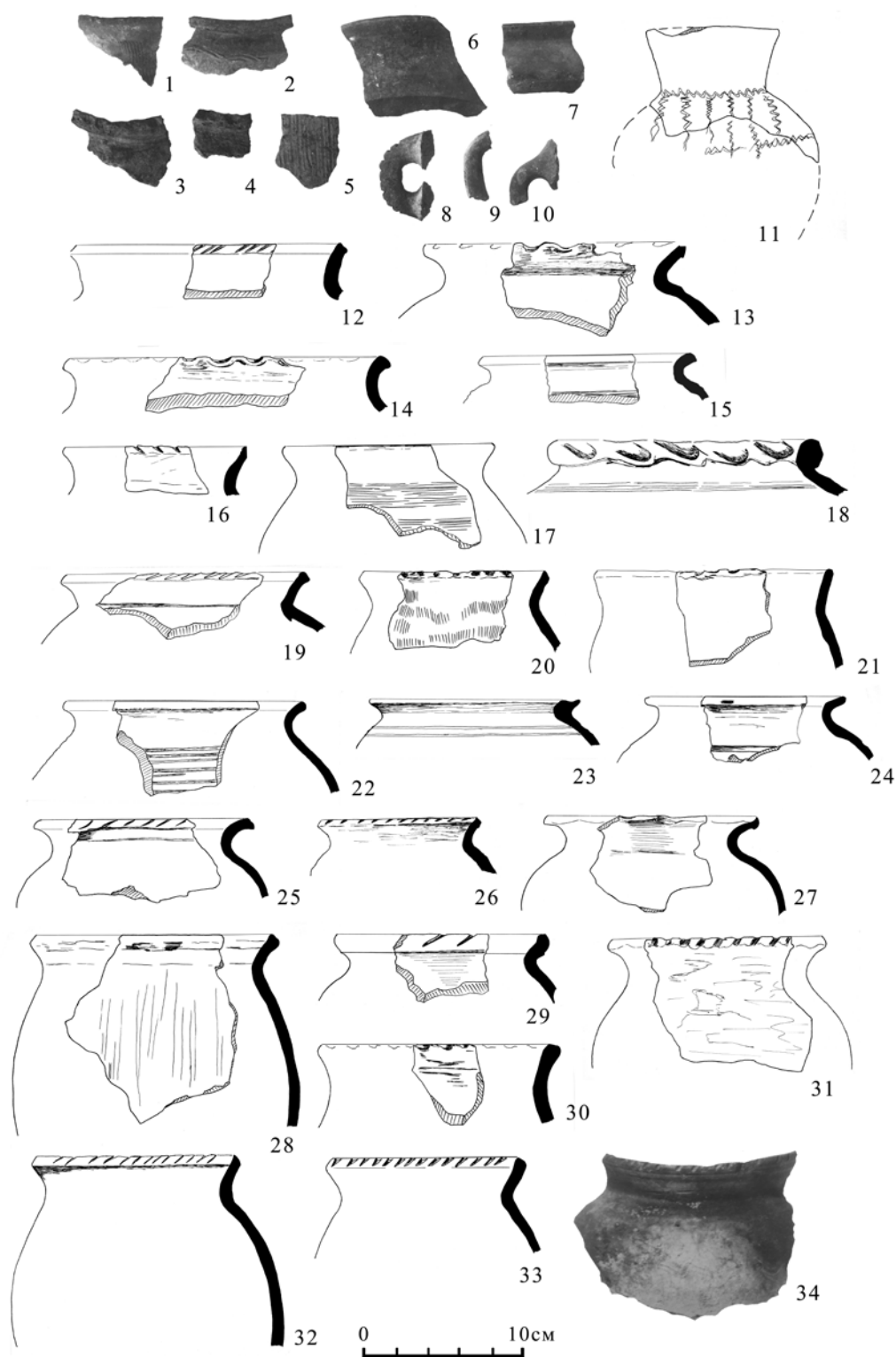

Рис. 104. Лепная кухонная керамика. Тип Б. 1-10 – Ф-39 ГА. 11 – Ф-48 СГ III/3 (оп. 415-416). 12 – Ф-48 СГ II/4 (оп. 344). 13 – Ф-48 СГ II/11 (оп. 221). 14 – Ф-54 СГ IX-XII/I/6 (оп. 906). 15 – Ф-54 СГ IX-XII/I (оп. 334). 16-17 – Ф-54 СГ IX-XII/I/6 (оп. 905, 907). 18 – Ф-54 СГ XIV/3 (оп. 113). 19 – Ф-54 СГ XVIII/4 (оп. 790). 20 – Ф-54 СГ IX-X/6. 21 – Ф-54 СГ IX-XII/3 (оп. 889). 22 – Ф-54 СГ IX-XII/7 (оп. 205). 23 – Ф-54 СГ XIII/8 (оп. 723). 24 – Ф-54 СГ IX-XII/8 (оп. 223). 25 – Ф-54 СГ XVII/10 (оп. 257). 26 – Ф-54 СГ XVII/10 (оп. 259). 27 – Ф-54 СГ IX-XII/13 (оп. 888). 28-30 – Ф-54 СГ IX-XII/14. 31 – Ф-54 СГ IX-XII/16 (оп. 1080). 32 – Ф-54 СГ IX-XII/17 (оп. 1889). 33 – Ф-54 СГ IX-XII (оп. 1097). 34 – Ф-70 ГА

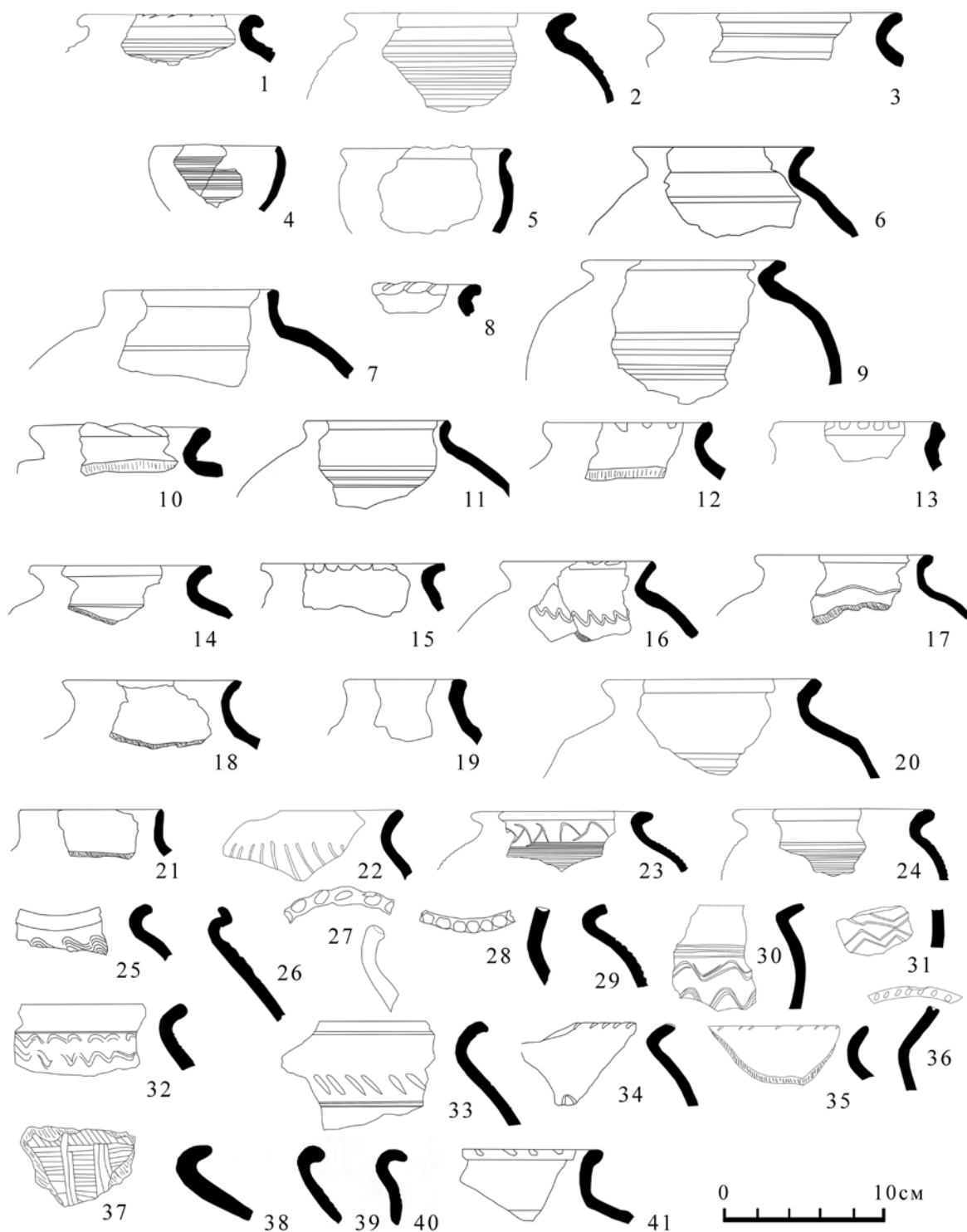

Рис. 105. Лепная кухонная керамика. Тип Б. 1-2 – Ф-82 п/м-берег №№ 815-816. 3 – Ф-83 п/м-берег № 814. 4 – Ф-84 БС IV/2 № 540. 5 – Ф-84 БС V/9 № 1353а. 6 – Ф-84 БС VI/9 № 358. 7 – Ф-84 БС I/10 № 342. 8 – Ф-84 БС VI/10 № 1354. 9 – Ф-84 БС II/11 № 359. 10 – Ф-84 БС VI/11 № 383. 11-13 – Ф-85 БС I/12 №№ 341, 365, 1074. 14 – Ф-85 БС II/12 № 788. 15 – Ф-85 БС II/14 № 567. 16 – Ф-85 БС V/14 № 340. 17 – Ф-85 БС VI/14-развал № 375. 18-19 – Ф-85 БС I/16 № 355, 710. 20 – Ф-85 БС III/16 № 344. 21 – Ф-85 БС II/17 № 576. 22 – Ф-89 Б VI/3. 23-24 – Ф-89 Б VIIA/3. 25 – Ф-89 Б II/4. 26 – Ф-89 Б III/4. 27 – Ф-89 Б VIIA/4. 28 – Ф-89 Б V/5. 29 – Ф-89 Б IV/4. 30-31 – Ф-89 Б IV/7. 32-34 – Ф-89 Б VI/6, дом 4. 35-36 – Ф-89 Б VI-VII/бровка. 37 – Ф-94 Б II/2. 38-40 – Ф-95 Б VI/4. 41 – Ф б/ш № 353

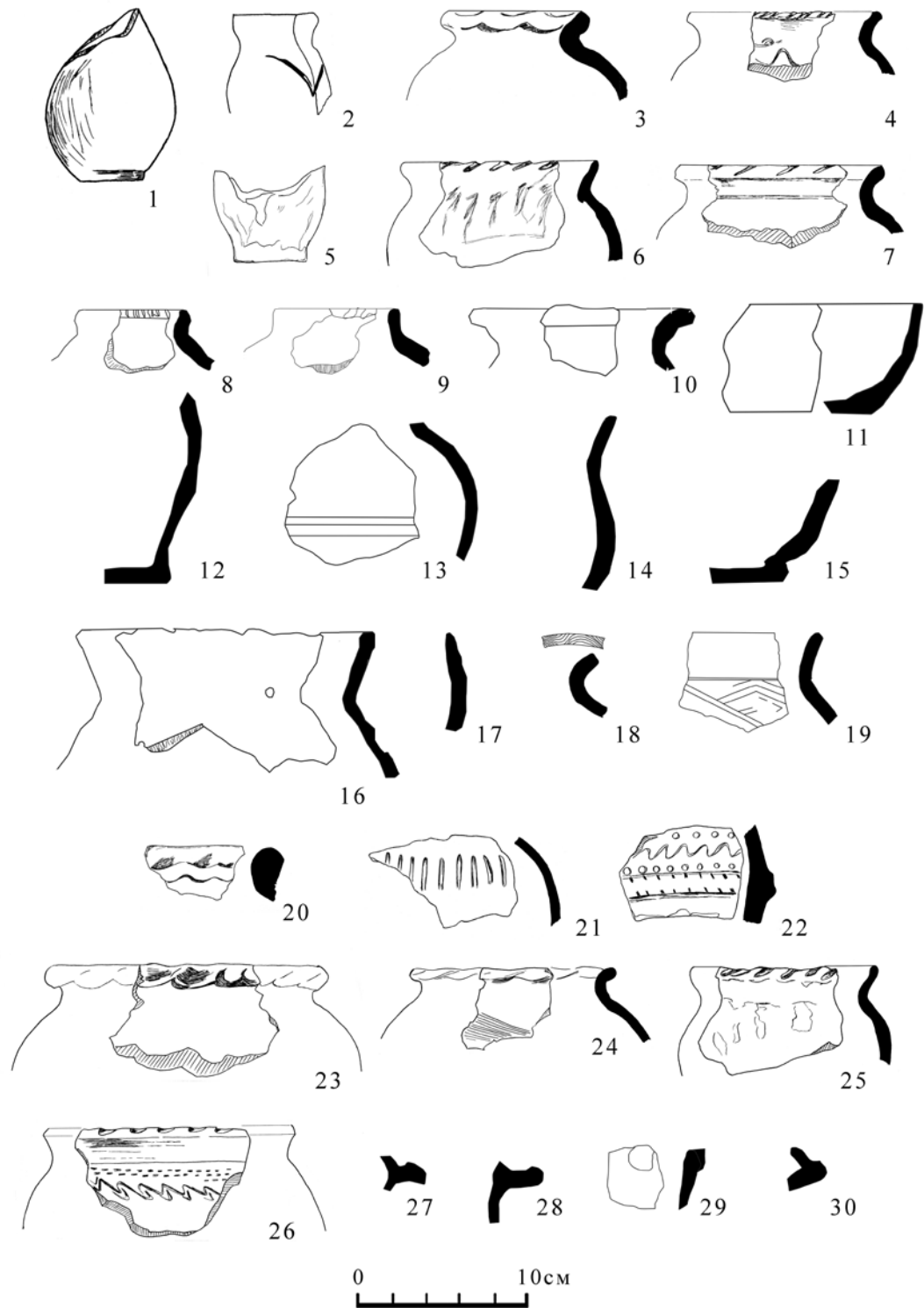

Рис. 106. Лепная кухонная керамика. Тип В. 1 – Ф-49 СГ VIII/6 (оп. 20). 2 – Ф-54 З II/7 (оп. 368). 3 – Ф-54 СГ XVII/3 (оп. 16). 4-5 – Ф-54 СГ XVII/9 (оп. 63, 67). 6 – Ф-54 СГ IX-XII/12 (оп. 701). 7 – Ф-54 СГ XVII/16 (оп. 596). 8 – Ф-84 БС IV/8, № 356. 9 – Ф-84 БС I/11, № 965. 10 – Ф-84 БС II/11, № 532. 11 – Ф-85 БС I/13, № 702. 12 – Ф-84 БС II/14, № 866. 13 – Ф-85 БС VI/15, № 569. 14-15 – Ф-85 БС VI/15, №№ 880, 883. 16 – Ф-85 II, № 378. 17 – Ф-85 БС I/я.И, № 1076. 18 – Ф-89 Б II/2. 19 – Ф-89 Б VA/2. Лепная кухонная посуда. Тип Г. 20 – Ф-48 СГ I/6 (оп. 90). 21 – Ф-54 СГ IX-XII/3 (оп. 890). 22 – Ф-54 СГ XV/3 (оп. 155). 23 – Ф-54 СГ IX-XII/7 (оп. 208). 24 – Ф-54 СГ IX-XII/8-9 (оп. 220, 244, 245). 25 – Ф-54 СГ IX-XII/12 (оп. 701). 26 – Ф-54 З II/7 (оп. 372). 27 – Ф-85 БС II, 802. 28 – Ф-85 БС VI/14, № 1013. 29 – Ф-85 БС VI/пифос2, № 897. 30 – Ф б/ш, № 1362

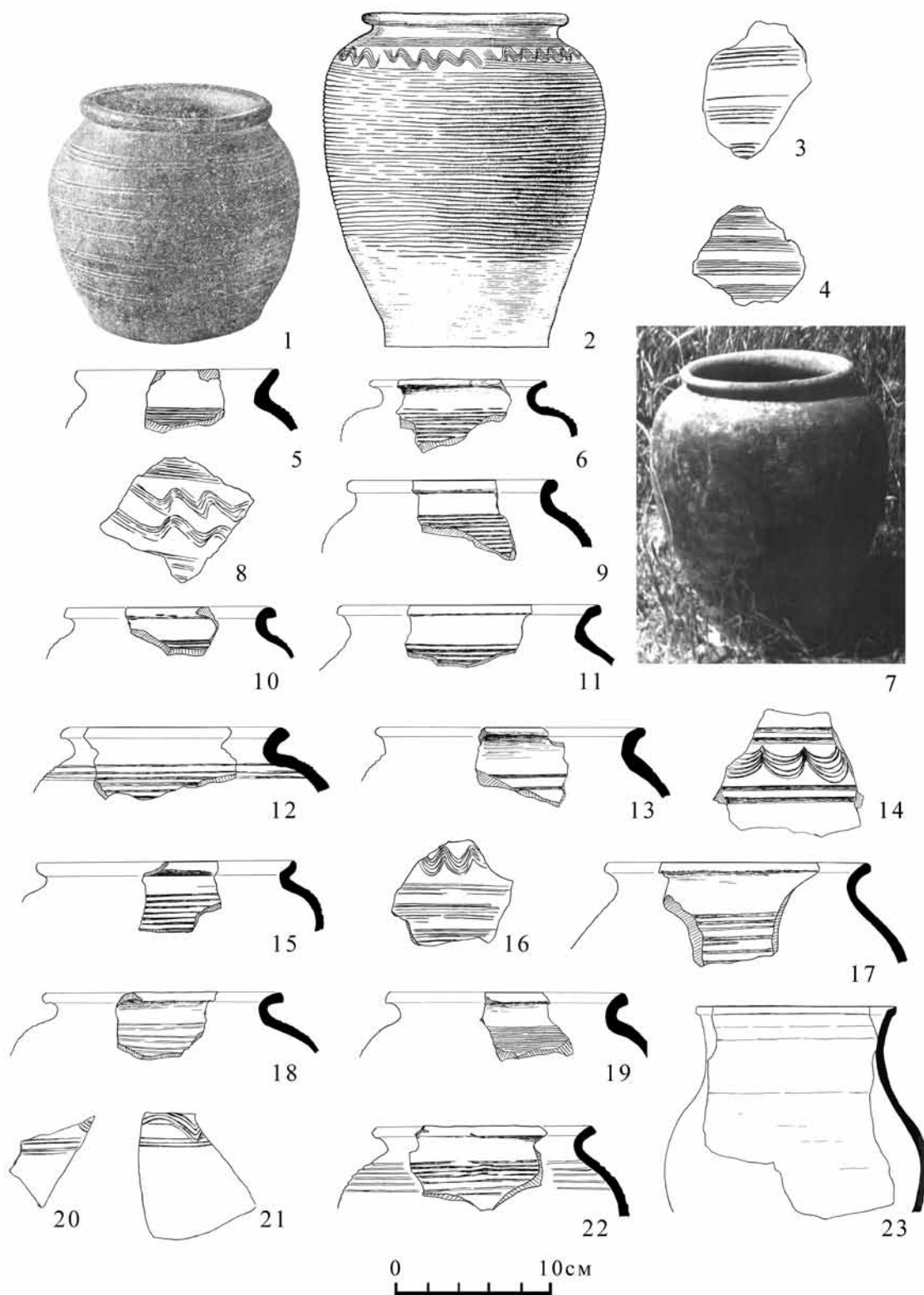

Рис. 107. Гончарная кухонная керамика. Тип А. 1 – Ф-36 НА (Блаватский, 1941а, рис. 14). 2 – Ф-39 СГ I (оп. 99) (Якобсон, 1958, рис. 5а.1). 3 – Ф-48 СГ. 4-5 – Ф-48 СГ II/4 (оп. 340, 343). 6 – Ф-48 СГ II/5 (оп. 180). 7 – Ф-49 СГ. 8 – Ф-49 СГ VIII/1 (оп. 53). 9 – Ф-49 СГ X/3 (оп. 299). 10-11 – Ф-49 СГ X/4 (оп. 304, 305). 12-13 – Ф-49 СГ VIII/5 (оп. 11, 309). 14-15 – Ф-49 СГ X/5 (оп. 307, 310). 16 – Ф-49 СГ VIII/6 (оп. 17). 17 – Ф-49 СГ IX/6 (оп. 269). 18-19 – Ф-49 СГ IX/7 (оп. 288, 289). 20 – Ф-49 СГ VIII/8 (оп. 33). 21 – Ф-49 СГ VIII/10 (оп. 46). 22 – Ф-49 СГ VIII/11 (оп. 63). 23 – Ф-49 СГ VIII/13 (оп. 70)

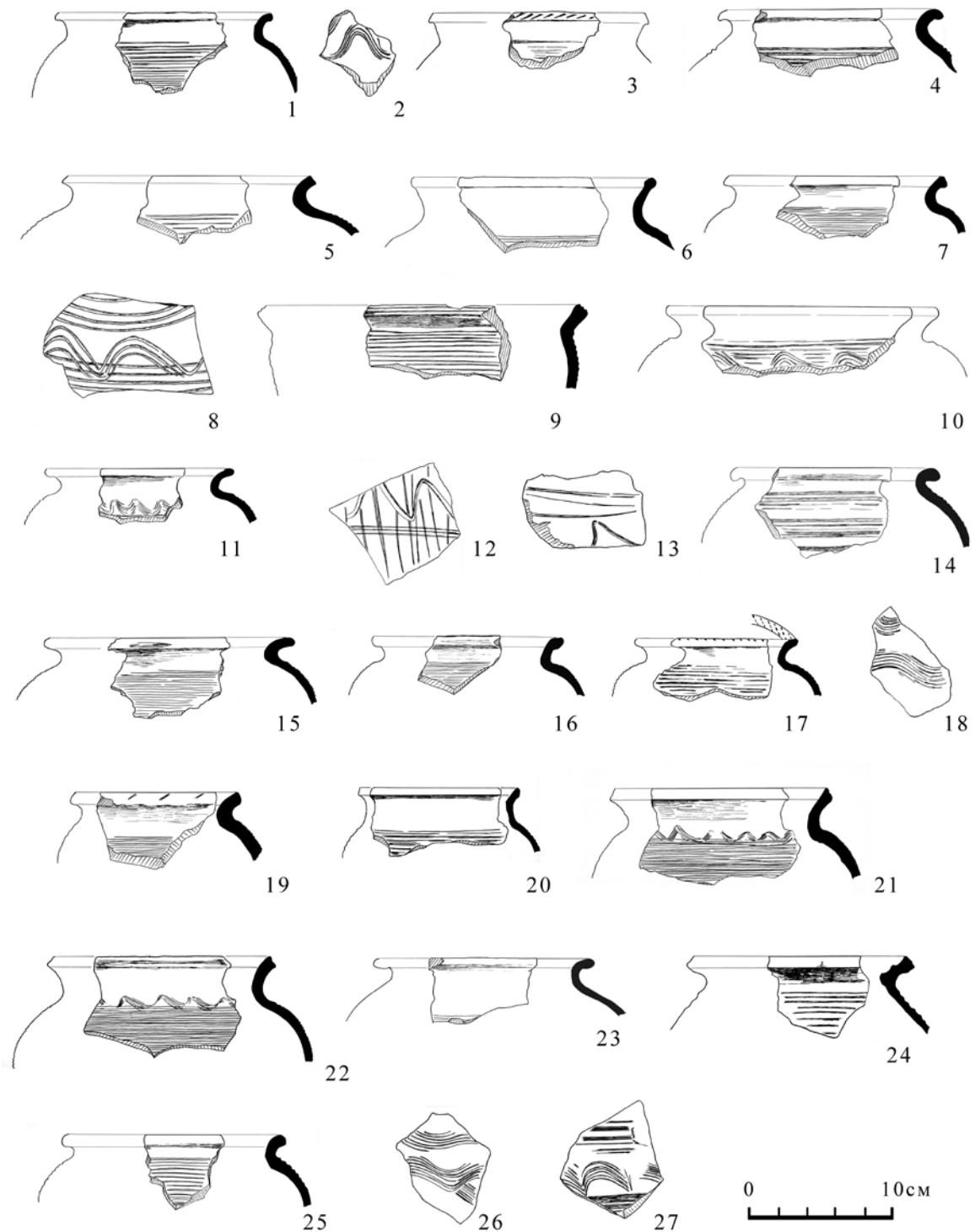

Рис. 108. Гончарная кухонная керамика. Тип А. 1-2 – Ф-54 З II/5 (оп. 353, 357). 3 – Ф-54 З II/6 (оп. 363). 4 – Ф-54 З II/7 (оп. 371). 5 – Ф-54 З II/пол 1 (оп. 412). 6 – Ф-54 СГ XVII/2 (оп. 304, 392). 7 – Ф-54 СГ XV-XVI/2 (оп. 141). 8 – Ф-54 СГ VII/22-3 (оп. 825). 9 – Ф-54 СГ XIII/4). 10 – Ф-54 СГ у48г./5. 11-12 – Ф-54 СГ XVII/6 (оп. 44, 46). 13 – Ф-54 СГ и3в/6 (оп. 906). 14 – Ф-54 СГ VIII/7 (оп. 13, 25). 15 – Ф-54 СГ IX-XII/7 (оп. 205). 16 – Ф-54 СГ IX-XII/8 (оп. 222). 17 – Ф-54 СГ IX-XII/9 (оп. 220). 18-19 – Ф-54 СГ IX-XII/10 (оп. 664, 666). 20 – Ф-54 СГ IX-XII/11 (оп. 674). 21-22 – Ф-54 СГ IX-XII/12 (оп. 700, 700-1). 23 – Ф-54 СГ IX-XII/13 (оп. 223). 24 – Ф-54 СГ IX-XII/пол 3 (оп. 1184). 25 – Ф-54 СГ XIV/17 (оп. 101). 26 – Ф б/ш (оп. 316). 27 – Ф б/ш (оп. 331)

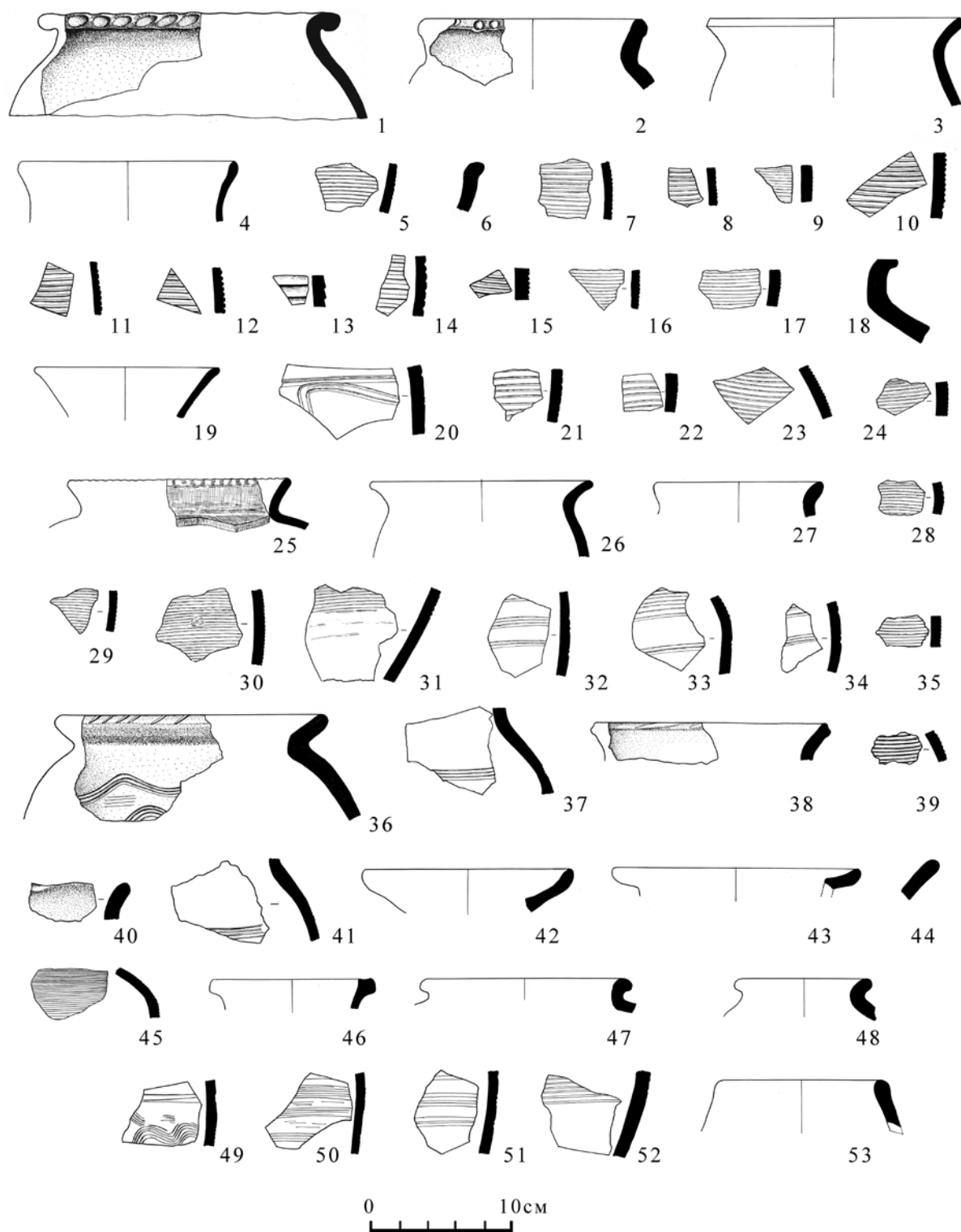

Рис. 109. Гончарная кухонная керамика. Тип А. 1 – Ф-70 Ц XI. 2-15 – Ф-70 Ц XIX. 16-34 – Ф-70 Ц XX. 35-46 – Ф-70 Ц XXI. 47-53 – Ф-70 Ц XXII

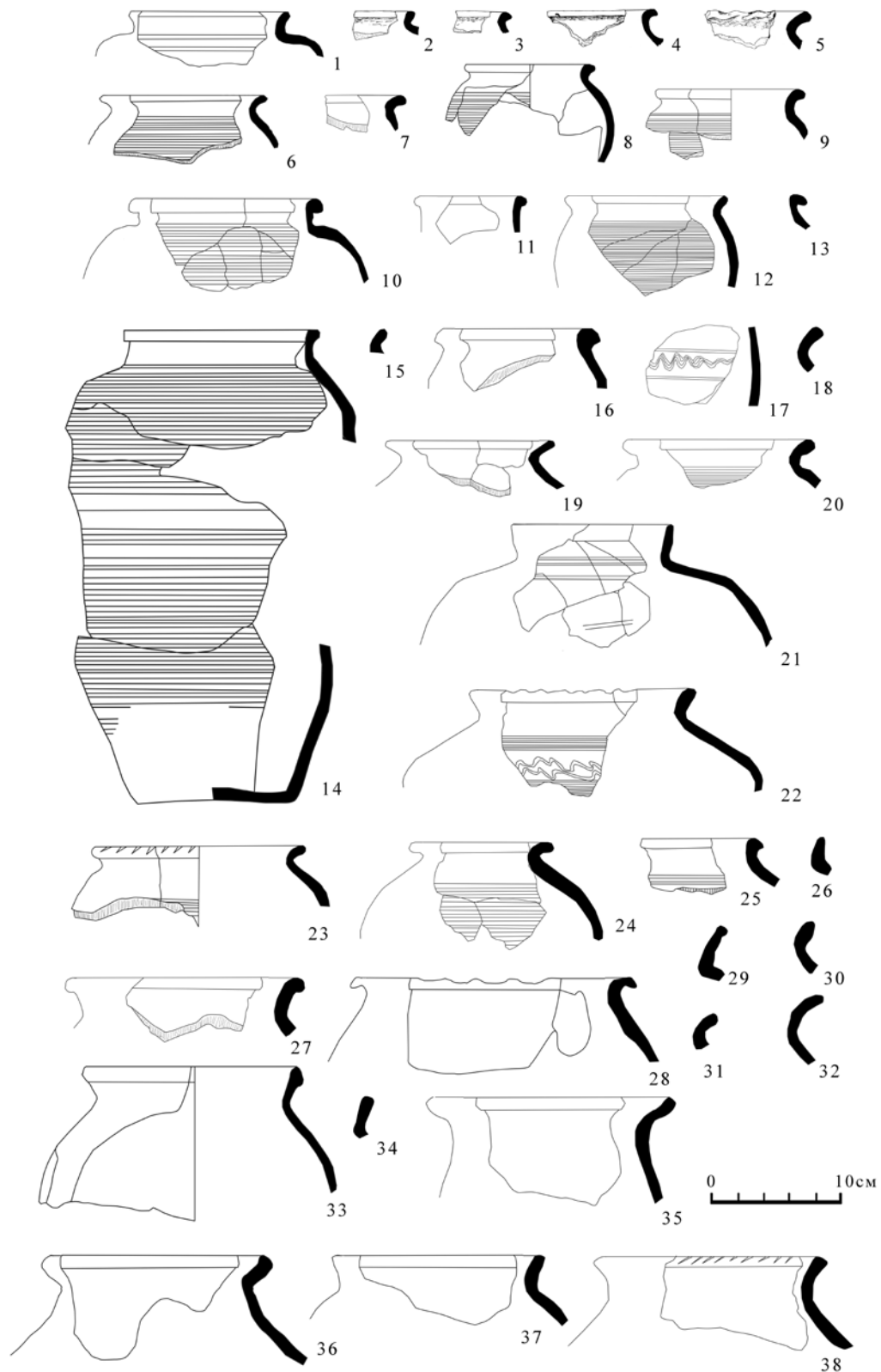

Рис. 110. Гончарная кухонная керамика. Тип А. 1 – Ф-80 ВГ Х ЮЦ/3, № 251. 2-3 – Ф-82 БС I/1. 4 – Ф-82 БС II/2, № 1518. 5 – Ф-82 БС II/2. 6 – Ф-83 БС III-IV/1-3, № 660. 7 – Ф-83 БС III/3, № 539. 8-10 – Ф-83 БС IV/4, №№ 655, 658, 661. 11-12 – Ф-83 БС IV/5, №№ 543, 657. 13 – Ф-83 БС IV/6, № 1517. 14 – Ф-83 БС шт 6. 15 – Ф-83 БС II/7, № 456. 16 – Ф-83 БС III-IV/7, № 445. 17 – Ф-84 БС V/8, № 1370. 18 – Ф-84 БС II/9, № 1359. 19 – Ф-84 БС V/9, № 1357. 20 – Ф-84 БС VI/9, № 1355. 21 – Ф-84 БС I/8, 10, № 349. 22-23 – Ф-84 БС III/10, №№ 363, 659. 24 – Ф-84 БС III/10, II/4-5, № 656. 25 – Ф-84 БС V/10, № 1356. 26-27 – Ф-84 БС I/11, №№ 1032, 1051. 28 – Ф-84 БС V/11, № 350. 30 – Ф-85 БС I/12, № 968. 31 – Ф-85 БС V-VI/12, № 1358. 32 – Ф-85 БС I/13, № 1028. 33-34 – Ф-85 БС V/13, №№ 354, 1075. 35 – Ф-85 БС III/16, № 1050. 36 – Ф-85 БС V/разв.3, № 1049. 37-38 – Ф-85 БС VI/яма, №№ 351, 1049

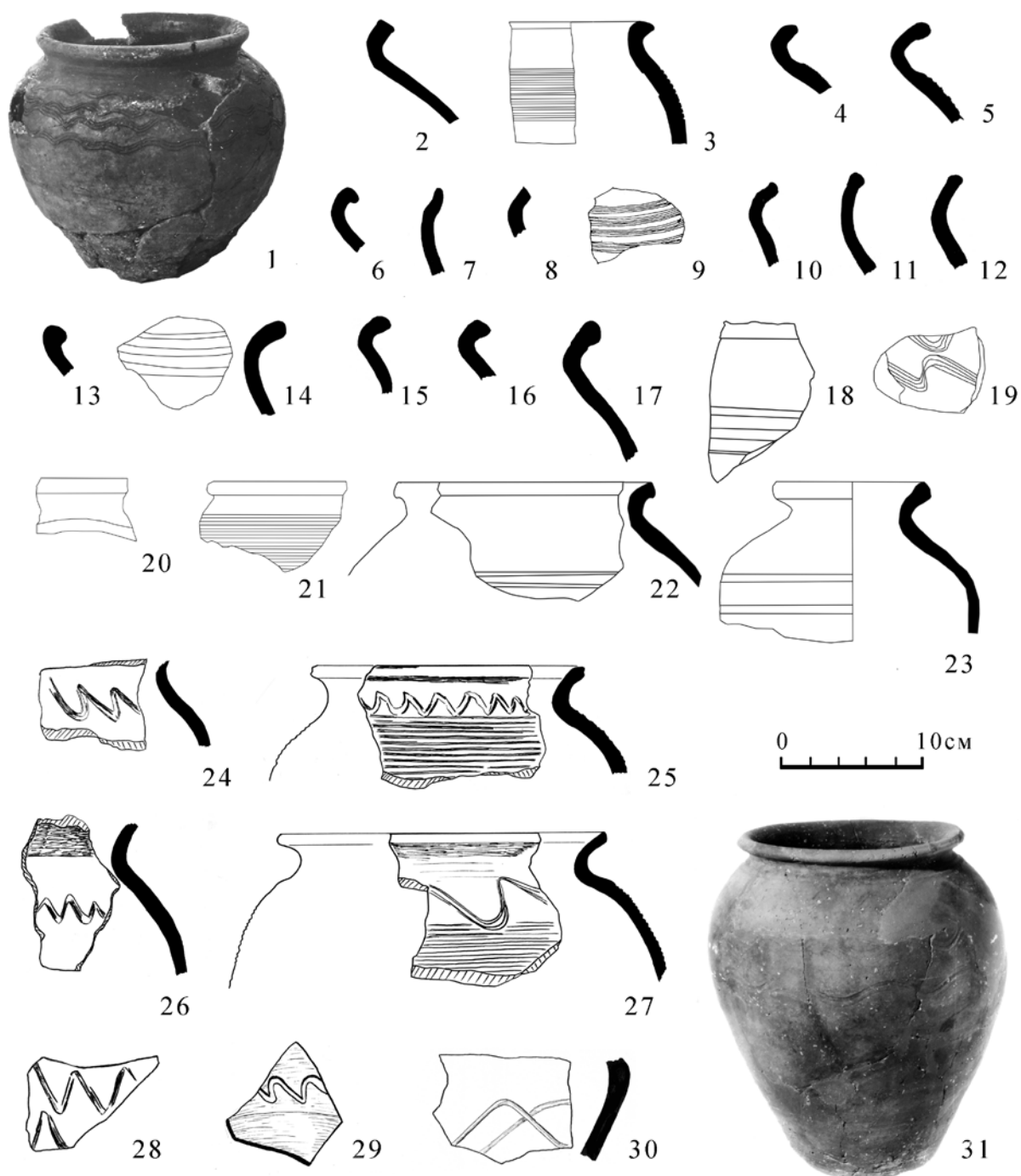

Рис. 111. Гончарная кухонная керамика. Тип А. 1 – Ф-85 БС IV/я.Н. 2 – Ф-89 Б I/4. 3 – Ф-89 Б II/3. 4 – Ф-89 Б IV/4. 5 – Ф-89 Б VIA/4. 6 – Ф-89 Б VIIA/4. 7-9 – Ф-94 Б I/2. 10-13 – Ф-94 Б I/3. 14 – Ф-94 Б II/2. 15 – Ф-94 Б III/2. 16-17 – Ф-94 Б II/3. 18-21 – Ф-95 Б. 22-23 – Ф б/ш, №№ 352, 1551.

Гончарная кухонная керамика. Тип Б. 24 – Ф-49 СГ X/1. 25 – Ф-54 СГ IX-XII/7 (оп. 202). 26 – Ф-54 СГ IX-XII/9 (оп. 246). 27 – Ф-54 СГ XV-XVI/3 (оп. 156). 28 – Ф-54 СГ XVII/4 (оп. 24). 29 – Ф-70 Ц XI. 30 – Ф-70 Ц XX. 31 – Ф-85 БС IV/я.Н

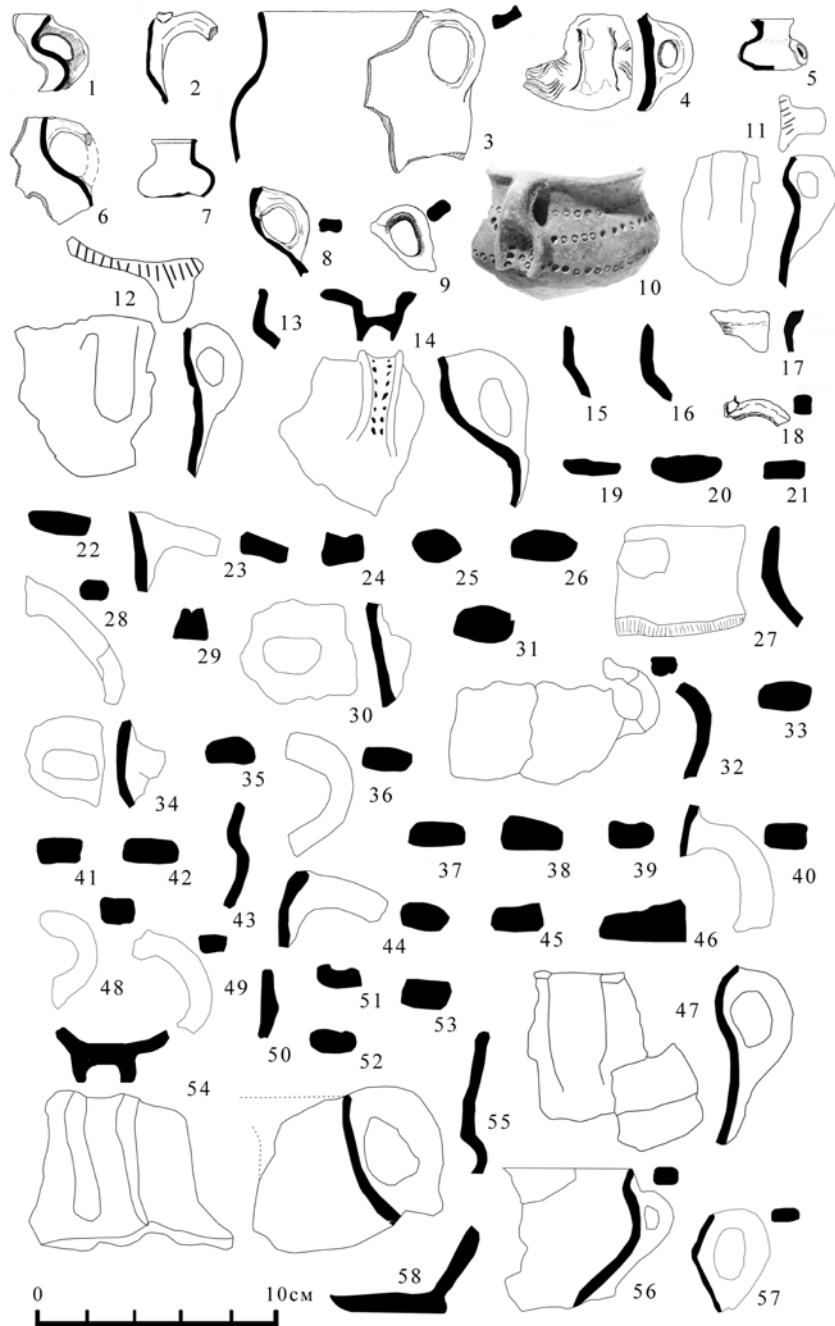

Рис. 112. Лепная столовая керамика. Тип А. 1 – Ф-48 СГ II/15 (оп. 270). 2 – Ф-48 СГ II/16 (оп. 275). 3 – Ф-49 СГ VIII/15 (оп. 85). 4 – Ф-54 СГ XVI/9 (оп. 171). 5 – Ф-54 СГ XV-XVI/2 (оп. 139). 6 – Ф-54 СГ IX-XII/16 (оп. 1081). 7 – Ф-54 СГ IX-XII/17 (оп. 1088). 8 – Ф-54 СГ XVII/18 (оп. 432). 9 – Ф б/ш. 10 – Ф-60 Ц. 11 – Ф-71 Ц XII/15 (оп. 189), № 988. 12-13 – Ф-73 Ц IX-XVIII-XI/14 (оп. 5а, 5б), №№ 989, 990. 14 – Ф-75 Ц XXI/19 (оп. 153), № 985. 15-16 – Ф-80 ВГ X-ЮЦ/9, №№ 255, 256. 17-18 – Ф-82 БС II/2. 19-20 – Ф-83 БС IV/5, №№ 534, 535. 21 – Ф-84 БС VI/9, № 795. 22 – Ф-84 БС I/10, № 964. 23 – Ф-84 БС I/11, № 371. 24-25 – Ф-85 БС I/12, №№ 963, 974. 26 – Ф-85 БС IV/12, № 947. 27 – Ф-85 БС I/13, № 791. 28-31 – Ф-85 БС V/13, №№ 917, 918, 932, 933. 32 – Ф-85 БС V/13, VI/развал 3, № 712. 33-34 – Ф-85 БС VI/13, №№ 879, 904. 35-36 – Ф-85 БС I/14, №№ 793, 871. 37-39 – Ф-85 БС II/14, №№ 868, 876, 900. 40 – Ф-85 БС III/14, № 869. 41-43 – Ф-85 БС IV/14, №№ 870, 941, 946. 44 – Ф-85 БС V/14, № 919. 45-47 – Ф-85 БС VI/14/разв.1, №№ 720, 721, 1465. 48 – Ф-85 БС I/15, № 709. 49 – Ф-85 БС IV/15, № 867. 50-53 – Ф-85 БС V/15, №№ 713-716. 54-55 – Ф-85 БС VI/15, №№ 846, 873. 56-58 – Ф-85 БС II/16, №№ 362, 374, 381

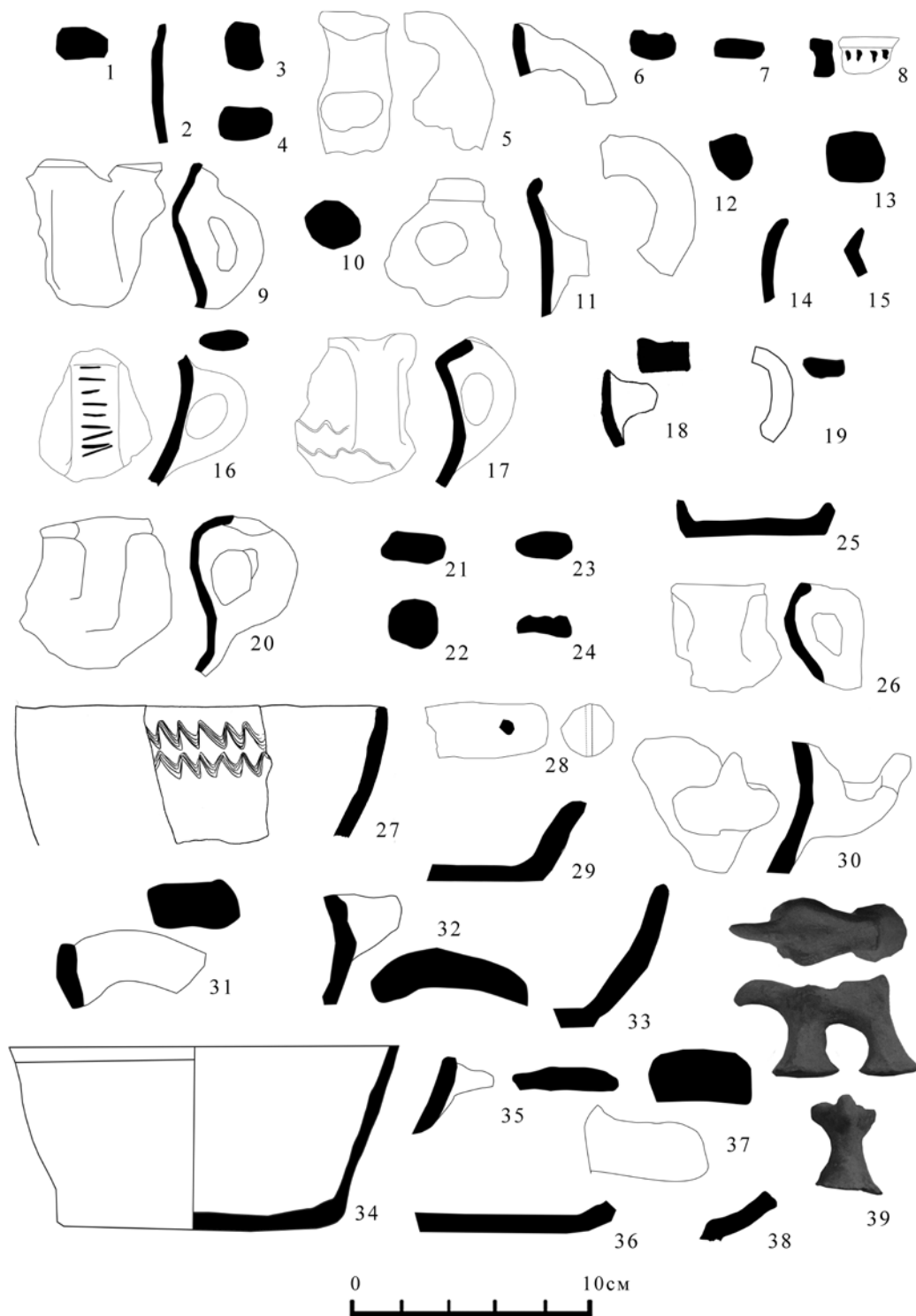

Рис. 113. Лепная столовая керамика. Тип А. 1-2 – Ф-85 БС IV/16, №№ 372, 799. 3-4 – Ф-85 БС V/16, №№ 920, 922. 5 – Ф-85 БС VI/16, № 887. 6-7 – Ф-85 БС II/17, №№ 580, 582. 8-9 – Ф-85 БС II/под кладкой, №№ 370, 376. 10-11 – Ф-85 БС IV/бровка, №№ 1030, 1033. 12 – Ф-85 БС V/я.Л, № 925. 13 – Ф-85 БС IV/я.Н, № 872. 14 – Ф-89 Б II/4. 15 – Ф-89 Б V/7. 16 – Ф-89 Б VIA/4. 17 – Ф-89 Б V-VI/бровка. 18 – Ф-94 Б I/1. 19-26 – Ф б/ш, №№ 148, 339, 385, 526, 581, 796, 923, 1334.

Лепная столовая керамика. Тип В. 27 – Ф-54 СГ IX-XII/12 (оп. 699). 28 – Ф-84 БС II/11, № 525. 29 – Ф-82 БС I-II/бровка/3, № 1031. 30 – Ф-85 БС II/14, № 875. 31 – Ф-85 БС III/15, № 967. 32 – Ф-85 БС IV/15, № 373. 33 – Ф-85 БС VI/15, № 878. 34 – Ф-85 БС II/16, № 369. 35-36 – Ф-85 БС V/16, №№ 380, 921. 37 – Ф-85 БС V/я.Л, № 934. 38 – Ф-89 Б III/4.

39 – Ф-73 ЮЗ I/4 (оп. 34), № 56 (Кобылина, 1978, рис. 3.5)

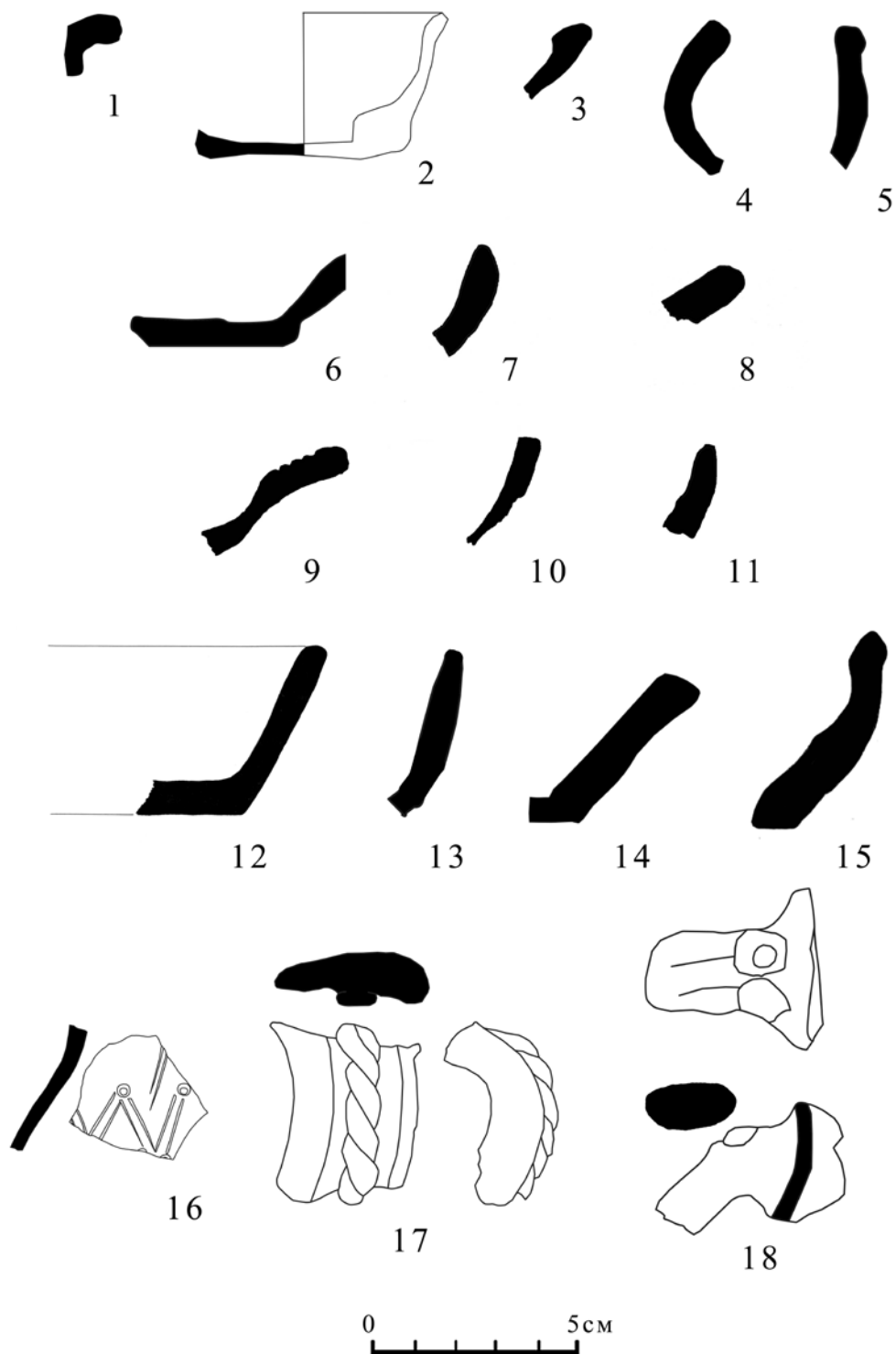

Рис. 114. Гончарная ангобированная столовая керамика. Тип Б. 1 – Ф-82 БС I/2, № 1567. 2 – Ф-85 БС II/16, № 369. 3 – Ф-94 Б IV/3.

Тип В. 4 – Ф-84 БС VI/11, № 1057. 5 – Ф-85 БС V/13, № 320.

Тип Г. 6 – Ф-85 БС V/18, № 319. 7 – Ф-94 Б I/3. 8 – Ф-94 Б II/1. 9 – Ф-94 Б II/3. 10-11 – Ф-94 Б IV/3. Миски. 12 – Ф-54 СГ XIII/3 (оп. 103). 13 – Ф-82 БС IV/2, № 458. 14 – Ф-89 Б VI-VII/6р. 15 – Ф-95 Б V/4.

Кавказский кувшин. 16 – Ф-89 Б VII/2.

Ранняя лощеная керамика. 17 – Ф-71 Ц XIX/18-развал (оп. 274), № 987. 18 – Ф б/ш, № 385

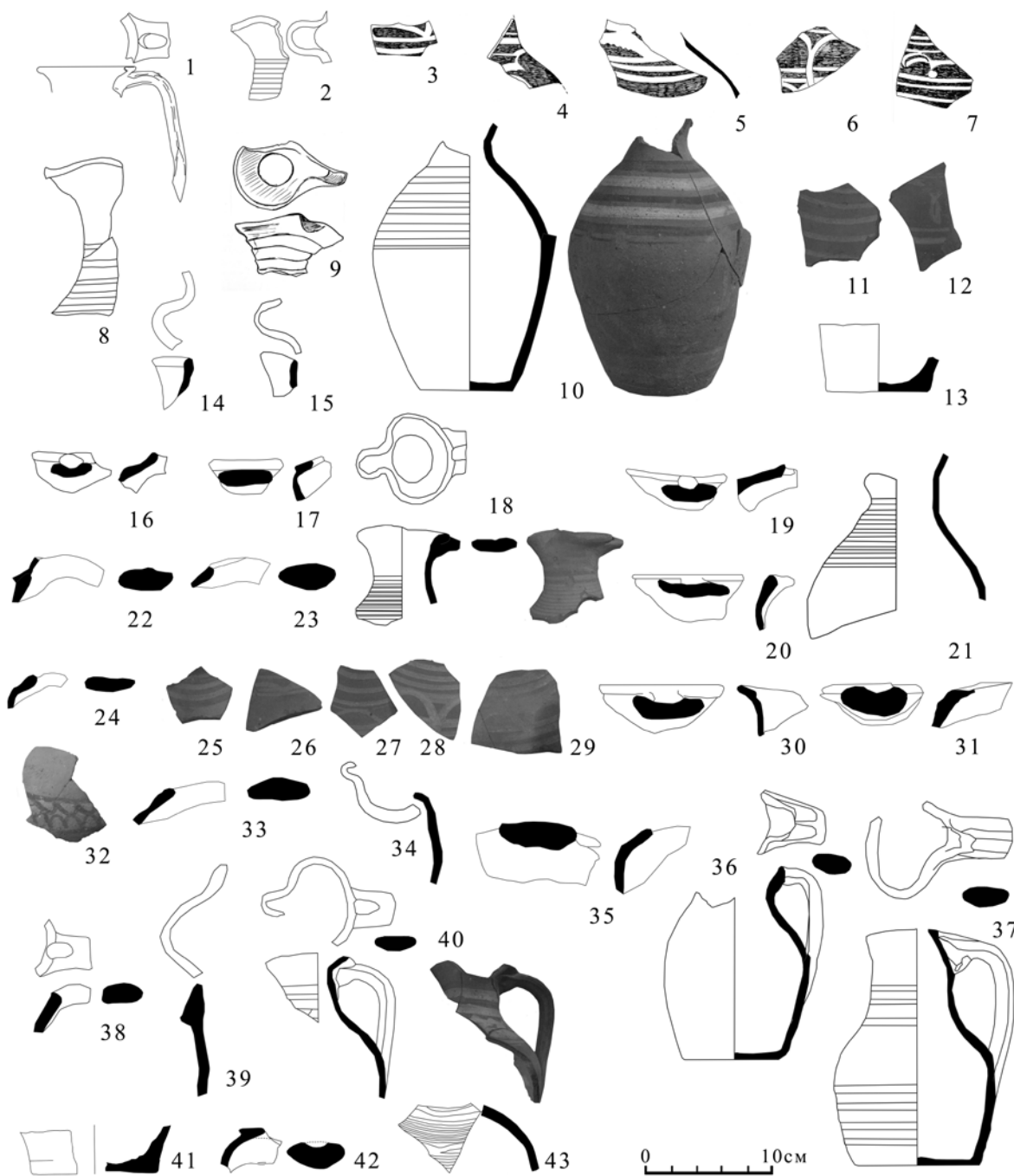

Рис. 115. Гончарная ангобированная столовая керамика. Тип Е. Ойнохоевидные кувшины. 1 – Ф-54 СГ XIII/7 (оп. 721). 2 – Ф-54 СГ XV/10 (оп. 649). 3 – Ф-54 СГ IX-XII/12 (оп. 705). 4-5 – Ф-54 СГ IX-XII/13 (оп. 893, 894). 6-7 – Ф-54 СГ XVII/14 (оп. 298, 300). 8 – Ф-54 СГ IX-XII/18 (оп. 1110). 9 – Ф-54 СГ XVII/18 (оп. 436). 10 – Ф-73 ЮЗ (оп. 46), № 151 (Кобылина, 1978, рис. 2.1). 11-12 – Ф-73 Ц IX-XVIII-XI/14 (оп. 3), №№ 635-635а. 13 – Ф-80 ВГ X/прирезка, № 226. 14 – Ф-80 ВГ ЮЦ/8, № 227. 15 – Ф-83 БС IV/3, № 312. 16 – Ф-83 БС IV/5, № 651. 17 – Ф-84 БС I/8, № 642. 18-20 – Ф-84 БС III/8, №№ 632, 647, 648. 21 – Ф-84 БС III/9-10, № 634. 22 – Ф-84 БС VI/8, № 652. 23 – Ф-84 БС I/10, № 643. 24 – Ф-84 БС III/10, № 649. 25-29 – Ф-84-85 БС I/11, III/15, III/16, VI/11, VI/я.М, №№ 636-640. 30 – Ф-84 БС I/11, № 644. 31 – Ф-85 БС I/12, № 645. 32 – Ф-85 БС IV/13, я.Н, № 1557. 33 – Ф-85 БС II/14, № 646. 34 – Ф-85 БС II/16, № 798. 35 – Ф-85 БС III/16, № 650. 36 – Ф б/ш, № 152. 37 – Ф-72 БА /9 (оп. 975), № 153 (Долгоруков, 1975, рис. 1.2). 38-40 – Ф б/ш №№ 653, 654, 722. 41-42 – Ф-89 Б VIIA/2. 43 – Ф-89 Б VIIA/3

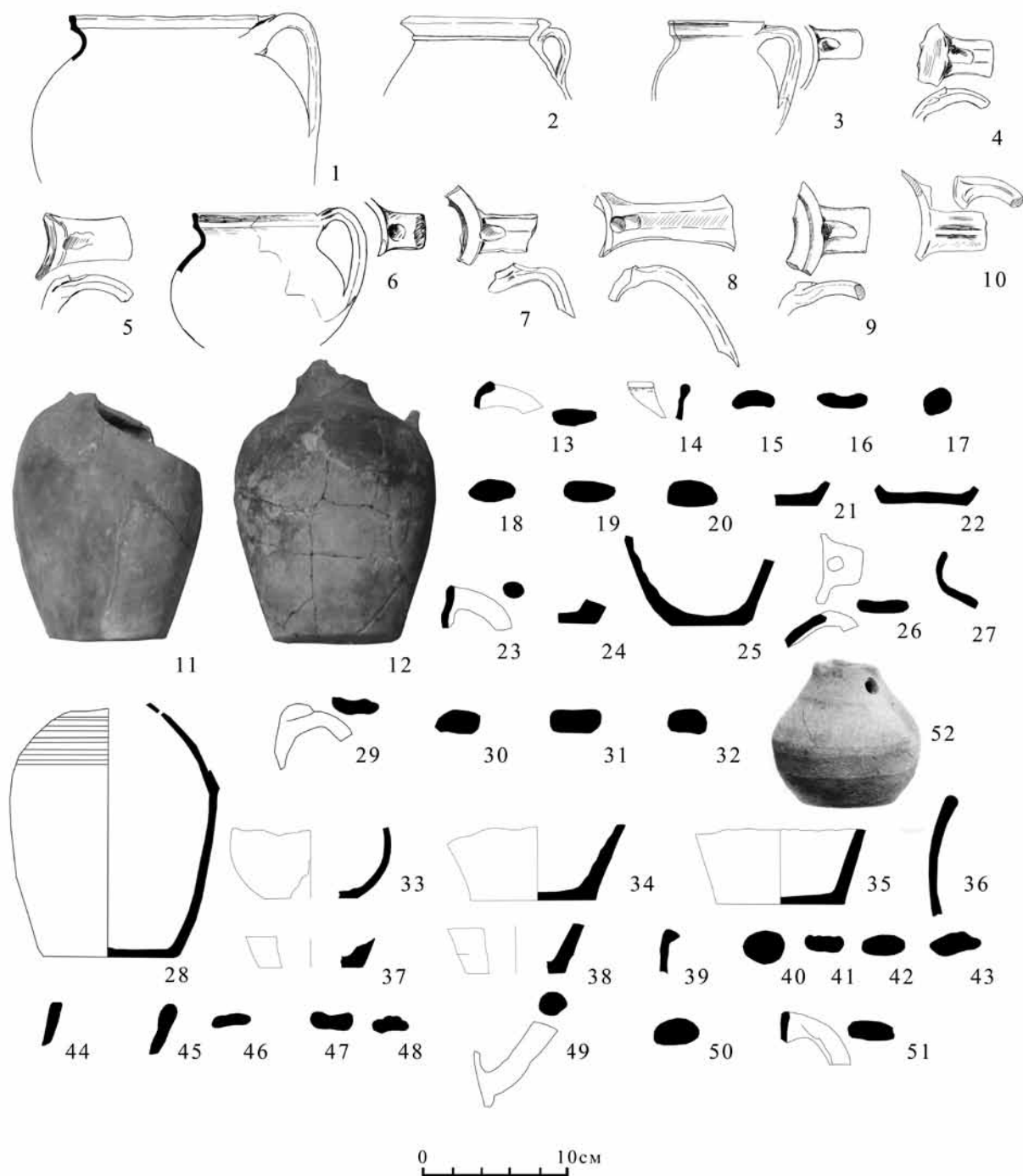

Рис. 116. Столовые кувшины. 1 – Ф-49 СГ VIII/11 (оп. 56). 2 – Ф-54 СГ IX-XII/3-пом.351-363 (оп. 1267). 3 – Ф-54 СГ XII/5 (оп. 1210). 4-5 – Ф-54 СГ XVII/6-пом.300-304 (оп. 399, 402). 6 – Ф-54 СГ XVII/7 (оп. 52). 7 – Ф-54 СГ XVII/7-пом.300-304 (оп. 387). 8 – Ф-54 СГ IX-XII/17 (оп. 413). 9 – Ф-54 СГ XVII/24 (оп. 930). 10 – Ф-54 СГ XVII/пом.308 (оп. 494). 11-12 – Ф-75 ВГ я.Д (оп. 16, 18). 13 – Ф-80 ВГ X ЮЦ/4, № 246. 14 – Ф-82 БС I/1. 15 – Ф-82 БС I/3, № 1568. 16 – Ф-83 БС V/3, № 317. 17 – Ф-83 БС IV/5, № 1572. 18 – Ф-83 БС IV/7, № 1573. 19 – Ф-83 БС V-VI/7, № 1566. 20 – Ф-84 БС IV/8, № 1574. 21 – Ф-84 БС I/9, № 536. 22 – Ф-84 БС IV/10, № 321. 23 – Ф-84 БС V/11, № 1575. 24-25 – Ф-85 БС I/12, №№ 1055, 1569. 26-27 – Ф-85 БС III/12, №№ 1052, 1058. 28 – Ф-85 БС III/14, № 633. 29 – Ф-85 БС VI/14, № 311. 30 – Ф-85 БС VI/16, № 1576. 31-32 – Ф-85 БС I/я.И, №№ 1053, 1054. 33 – Ф-89 Б III/1. 34-35 – Ф-89 Б VIA/1. 36 – Ф-89 Б II/4. 37 – Ф-89 Б VIIA/2. 38 – Ф-89 Б VIA/4. 39 – Ф-94 Б IV/2. 40-42 – Ф-95 Б V/3. 43 – Ф-95 Б V/4. 44 – Ф-95 Б VI/2. 45-46 – Ф-95 Б VI/3. 47-48 – Ф-95 Б VII/4. 49-51 – Ф б/ш №№ 794, 1571, 1578

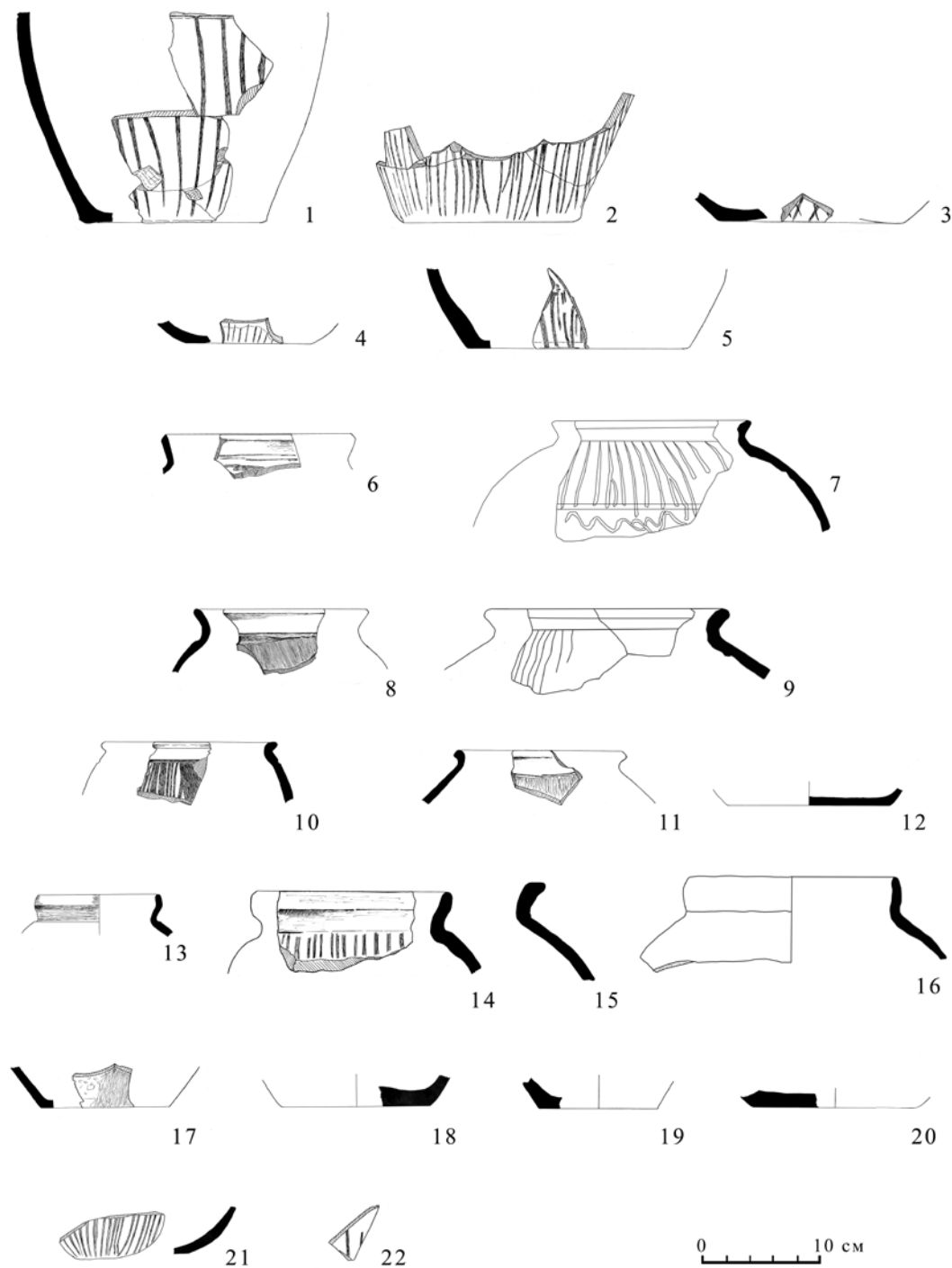

Рис. 117. Лощеная керамика. Горшки.

Тип 1. 1-4 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 1.1-4). 5 – Ф б/ш.

Тип 2. 6 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 2.1). 7 – Ф-75 Ц колодец (оп. 177), № 978.

Тип 3. 8 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 2.2). 9 – Ф-75 Ц III/5 (оп. 179, 188), № 981.

Тип 4. 10 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 2.3).

Тип 5. 11-12 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 2.4-5).

Тип 6. 13 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 2.6). 14 – Ф-54 СГ XX/9, (оп. 643). 15 – Ф-54 СГ

XXI/6. 16 – Ф-95 Б VI/4. 17-22 – Ф б/ш

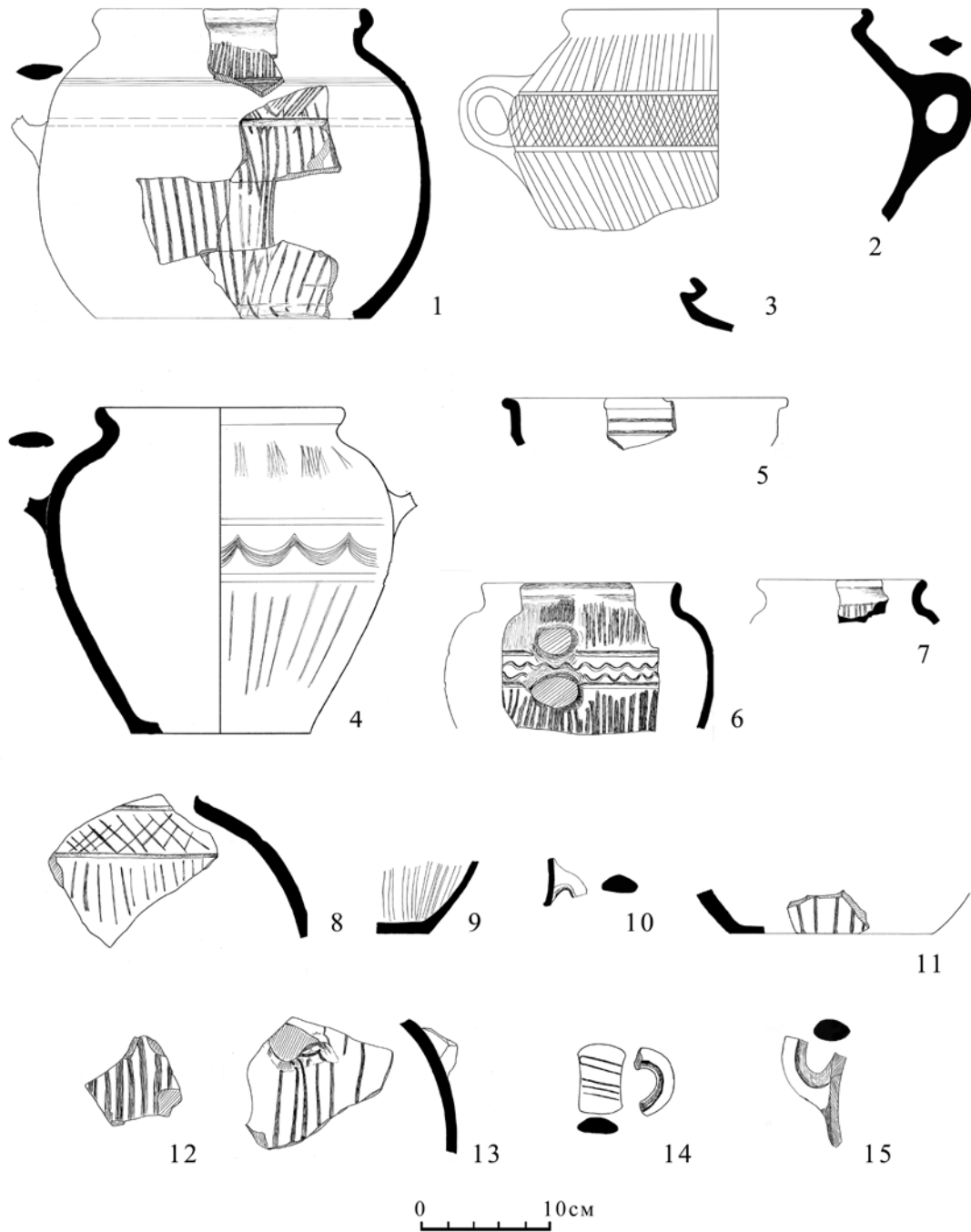

Рис. 118. Лощеная керамика. Корчаги.

Тип 1. 1 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 3.1). 2 – Ф-89 Б I/5, дом 2. 3 – Ф-89 Б VIIA/2.

Тип 2. 4 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 4.1). 5 – Ф. б/ш.

Тип 3. 6 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 3.2). 7 – Ф-54 З II/5 (оп. 355).

8 – Ф-48 СГ I/4 (оп. 73). 9 – Ф-54 З II/14 (оп. 140). 10 – Ф-82 БС I/1. 11-15 – Ф б/ш

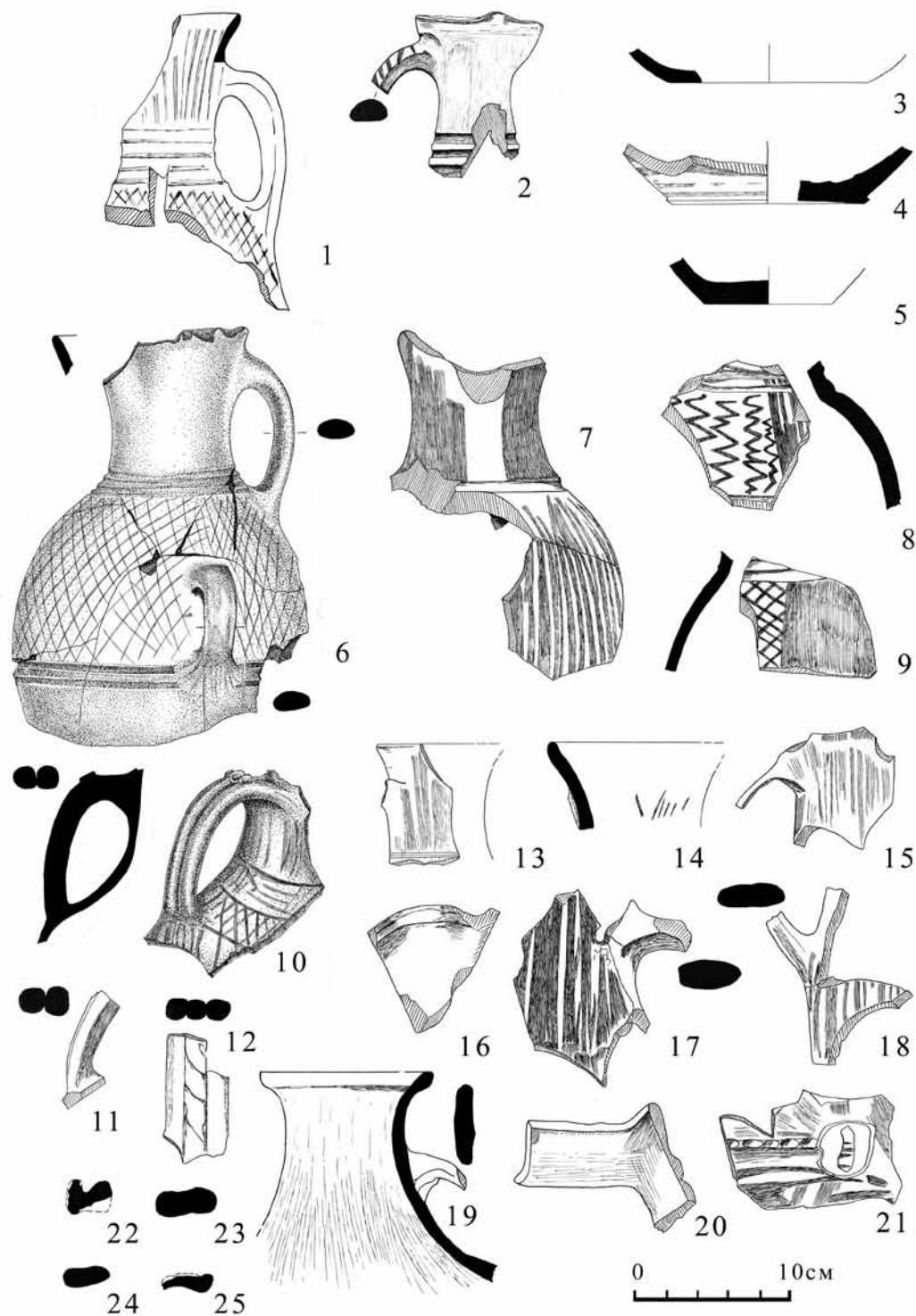

Рис. 119. Лощеная керамика. Кувшины.

Тип 1. 1 – Ф-48 СГ II/15 (оп. 265) (Атавин, 1992, рис. 5.1). 2-4 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 5.2-4). 5 – Ф б/ш.

Тип 2. 6 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 6). 7-9 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 5.5-7).

Тип 3. 10 – Ф-83 ЮГ XLVI/86 (Атавин, 1992, рис. 4.2). 11-12 – Ф б/ш.

Тип 4. 13-18 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 7.1-6). 19 – Ф-54 СГ IX-XII/18 (оп. 1128) (Атавин, 1992, рис. 8.1). 20-25 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 8.2-7)

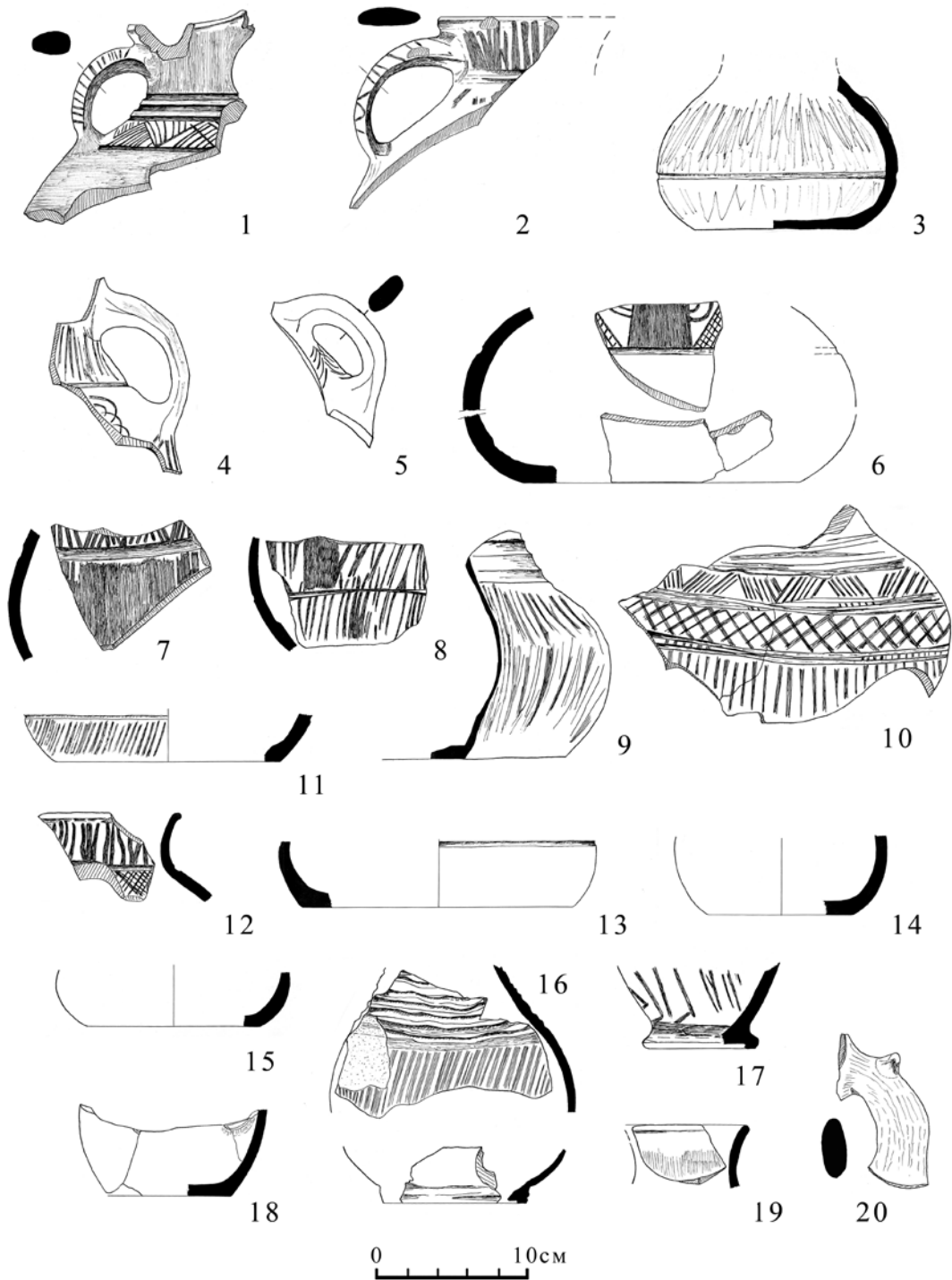

Рис. 120. Лощеная керамика. Кувшины.

Тип 5. 1-2 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 9.1-2). 3 – Ф-54 СГ XV/5 (оп. 184) (Атавин, 1992, рис. 9.3). 4 – Ф-49 СГ IX/6 (оп. 271) (Атавин, 1992, рис. 10.1). 5 – Ф-49 СГ IX/7 (оп. 288) (Атавин, 1992, рис. 10.2). 6-8 Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 10.3-5). 9 – Ф-48 СГ II/15 (оп. 462). 10 – Ф-60 Ц я.б/вым.112 (оп. 581). 11-15 – Ф б/ш.

Тип 6. 16-17 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 11.1-2).

Тип 7. 18-20 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 11.3-4)

Рис. 121. Лощеная керамика. Кувшины. 1 – Ф-54 СГ IX-XII/1 (оп. 325). 2-3 – Ф-54 СГ XVII/12 (оп. 275, 276). 4 – Ф-54 СГ XVII/16 (оп. 678). 5-7 – Ф-70 Ц, 8 – Ф-71 Ц XIX/16. 9 – Ф-89 Б VIIA/2. 10 – Ф-89 Б III/3. 11-12 – Ф-89 Б VIA/4. 13 – Ф-94 Б IV/2. 14 – Ф-94 Б IV/3. 15-76 – Ф 6/ш

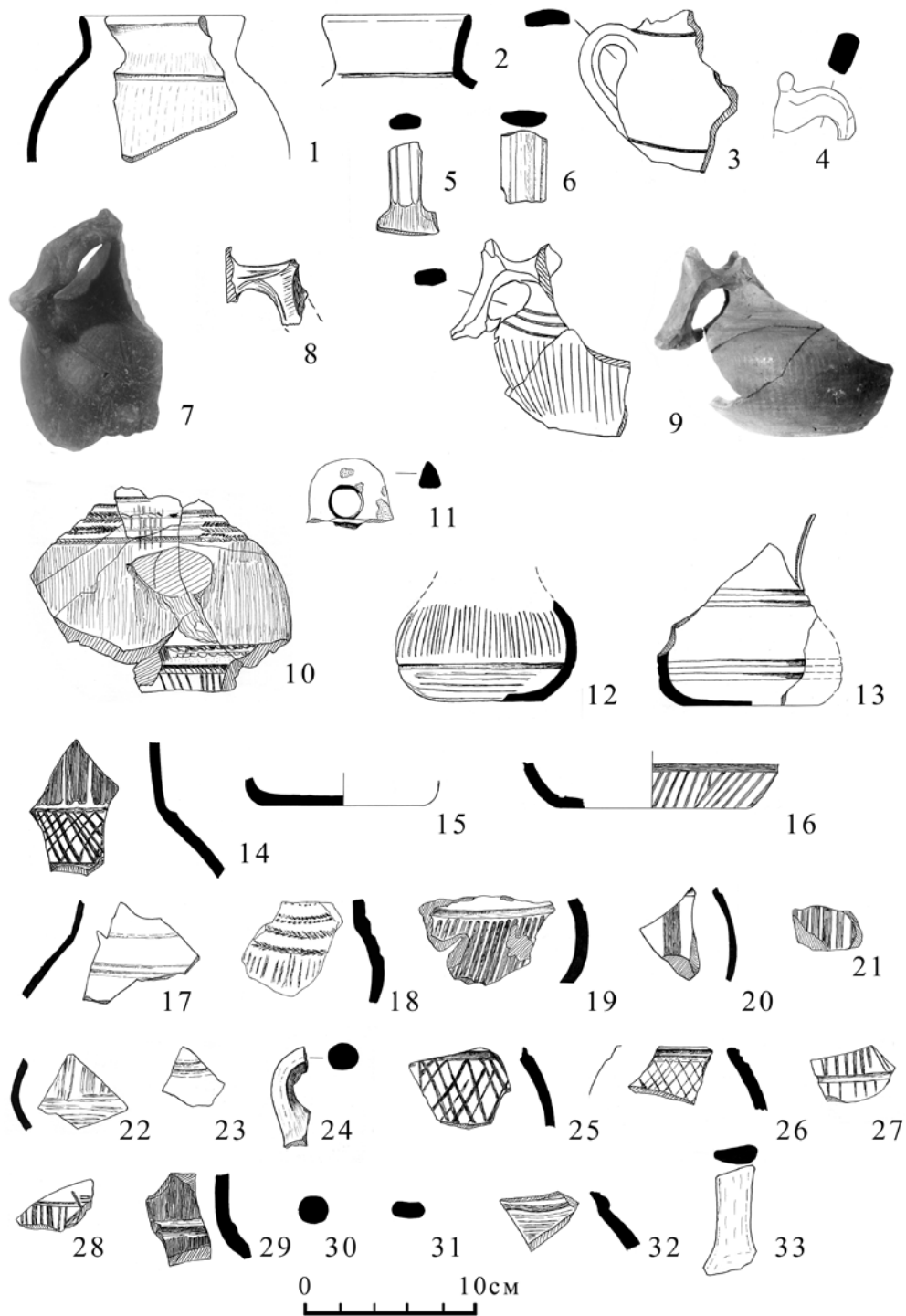

Рис. 122. Лощеная керамика. Кружки и кубышки.

Тип 1. 1 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 12.1). 2 – Ф-54 СГ XVII/12 (оп. 696).

Тип 2. 3 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 12.2). 4 – Ф-54 СГ XIII/10 (оп. 738). 5-6 – Ф б/ш.

Тип 3. 7 – Ф-52 К. 8 – Ф-54 З II/7 (оп. 387). 9 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 12.3).

Тип 4. 10-11 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 13.1-2).

Тип 5. 12 – Ф-54 СГ XVIII/15-18 (оп. 463) (Атавин, 1992, рис. 13.3). 13 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 13.4).

Тип 6. 14 – Ф-84 БС I/8 (Атавин, 1992, рис. 13.5). 15-16 – Ф б/ш.

Тип 6. 17 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 13.6).

18 – Ф-82 БС II/1. 19-33 – Ф б/ш

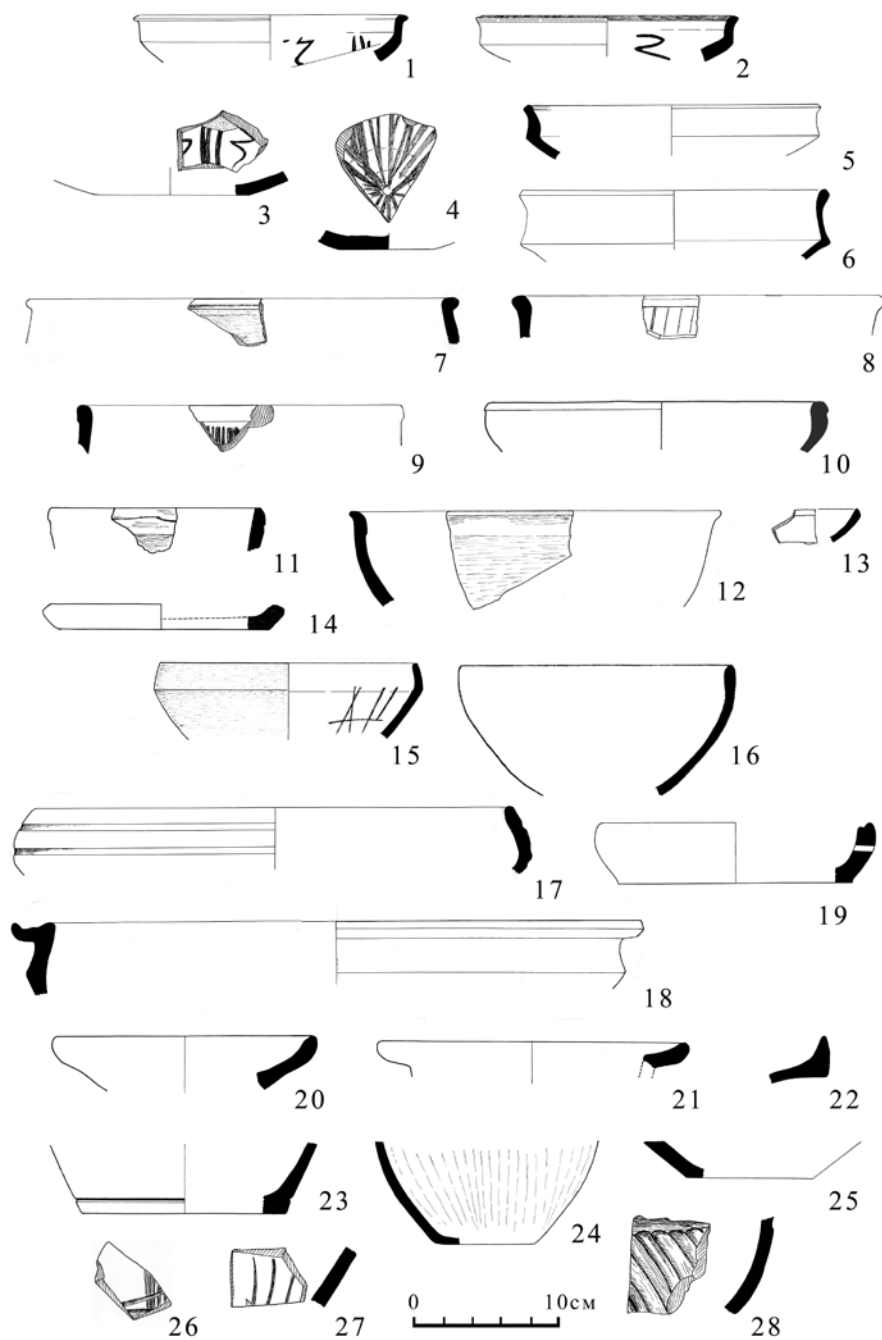

Рис. 123. Лощеная керамика. Миски, чаши, блюда, тазы.

Тип 1. 1-4 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 14.1-4). 5-6 – Ф б/ш.

Тип 2. 7-9 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 14.5-7). 10 – Ф-70 Ц XI. 11 – Ф б/ш.

Тип 3. 12 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 15.1).

Тип 4. 13 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 15.2). 14 – Ф-70 Ц XIX (Флёров, 2001, рис. 2.5).

Тип 5. 15 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 15.3). 16 – Ф-54 (Флёров, 2001, рис. 3.16).

Тип 6. 17 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 15.4).

Тип 7. 18 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 15.5).

Тип 8. 19 – Ф-70 Ц XXII (Флёров, 2001, рис. 2.11).

Тип 9. 20-22 – Ф-70 Ц XXI (Флёров, 2001, рис. 8.45-47).

23 – Ф-70 Ц XXI. 24-28 – Ф б/ш

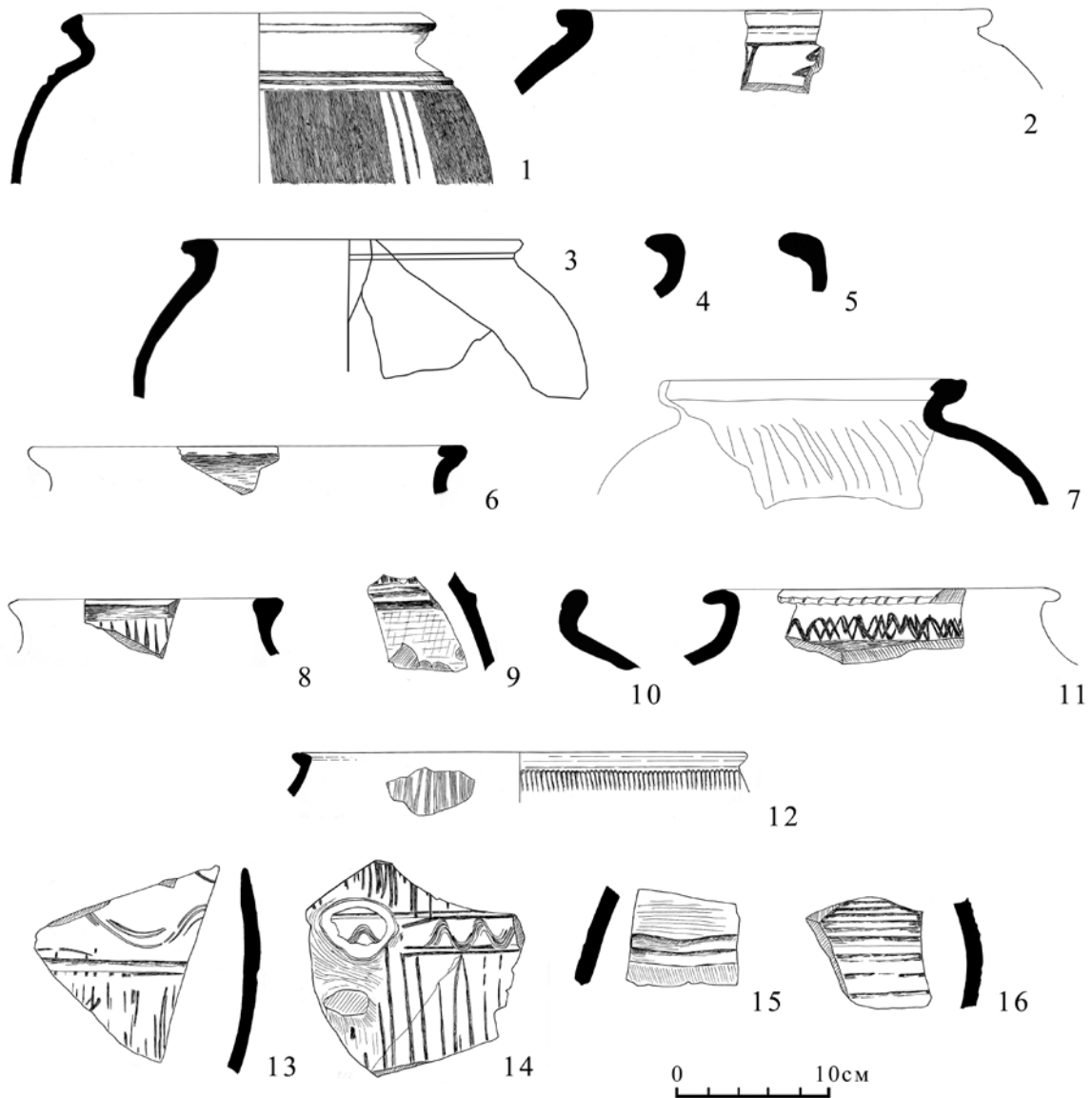

Рис. 124. Лощеная керамика. Пифосы.

Тип 1. 1 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 16.1).

Тип 2. 2 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 16.2). 3 – Ф-82 БС II/6, дом 2, № 53. 4 – Ф-85 БС VI/13, № 841.

5 – Ф-85 БС VI/14, развал, № 838.

Тип 3. 6 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 16.3). 7 – Ф-54 СГ XIII/яма (оп. 760).

Тип 4. 8-9 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 17.1, 3). 10 – Ф-89 Б VII/6.

Тип 5. 11 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 17.2).

Тип 6. 12 – Ф б/ш (Атавин, 1992, рис. 17.4).

13-16 – Ф б/ш

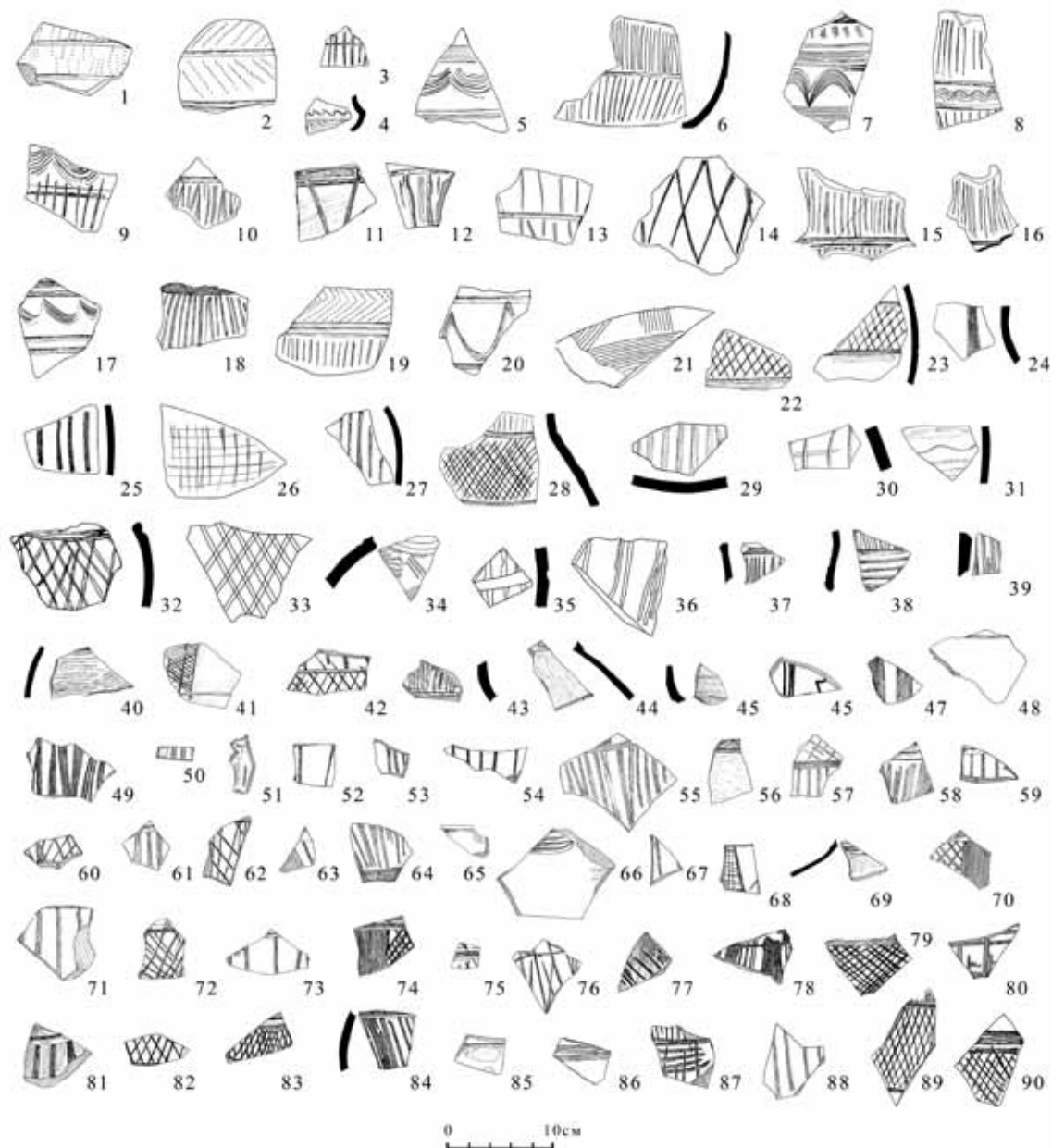

Рис. 125. Лощеная керамика. 1-2 – Ф-48 СГ III/2 (оп. 393, 394). 3 – Ф-49 СГ IX/2 (оп. 257). 4 – Ф-49 СГ IX/3 (оп. 282). 5 – Ф-49 СГ IX/6 (оп. 270). 6-7 – Ф-49 СГ VIII/7 (оп. 26, 27). 8 – Ф-49 СГ VIII/8 (оп. 34). 9-10 – Ф-54 СГ IX-XII/7 (оп. 209, 1102). 11-12 – Ф-54 СГ IX-XII/11 (оп. 667 (2)). 13 – Ф-54 СГ IX-XII/18 (оп. 1103). 14 – Ф-54 СГ IX-XII/33-поп (оп. 1185). 15-17 – Ф-54 СГ IX-XII/I сл (оп. 329, 330, 6/ш). 18 – Ф-54 СГ XVI/12 (оп. 1237). 19 – Ф-54 СГ XVII/4 (оп. 22). 20 – Ф-54 СГ XVIII/15-18 (оп. 450). 21 – Ф-54 З II/3 (оп. 333). 22 – Ф-54 З II/14 (оп. 145). 23-24 – Ф-71 БА /6. 25 – Ф-71 БА /15. 26-27 – Ф-71 БА /16. 28 – Ф-70 Ц XI/15. 29-31 – Ф-70 Ц XX. 32 – Ф-82 БС II/2. 33 – Ф-89 Б IA/2. 34 – Ф-89 Б II/2. 35-36 – Ф-94 Б I/4. 37-90 – Ф б/ш

Рис. 126. Поливная керамика. 1 – Ф-74 Ц XVII-XVIII/15, № 58. 2 – Ф-82 БС I/5, № 57. 3 – Ф-82 БС I/6, № 56. 4-5 – Ф-82 БС II/я.6, №№ 1351, 1352. 6 – Ф-83 БС III/3, № 444. 7-8 – Ф-83 БС IV/5, №№ 537, 538. 9 – Ф-89 Б V/4. 10 – Ф-89 Б VI/5, № 77. 11 – Ф-89 Б VIA/1. 12 – Ф-94 Б I/4. 13 – Ф-94 Б II/1. 14-16 – Ф б/ш, №№ 1490-1492

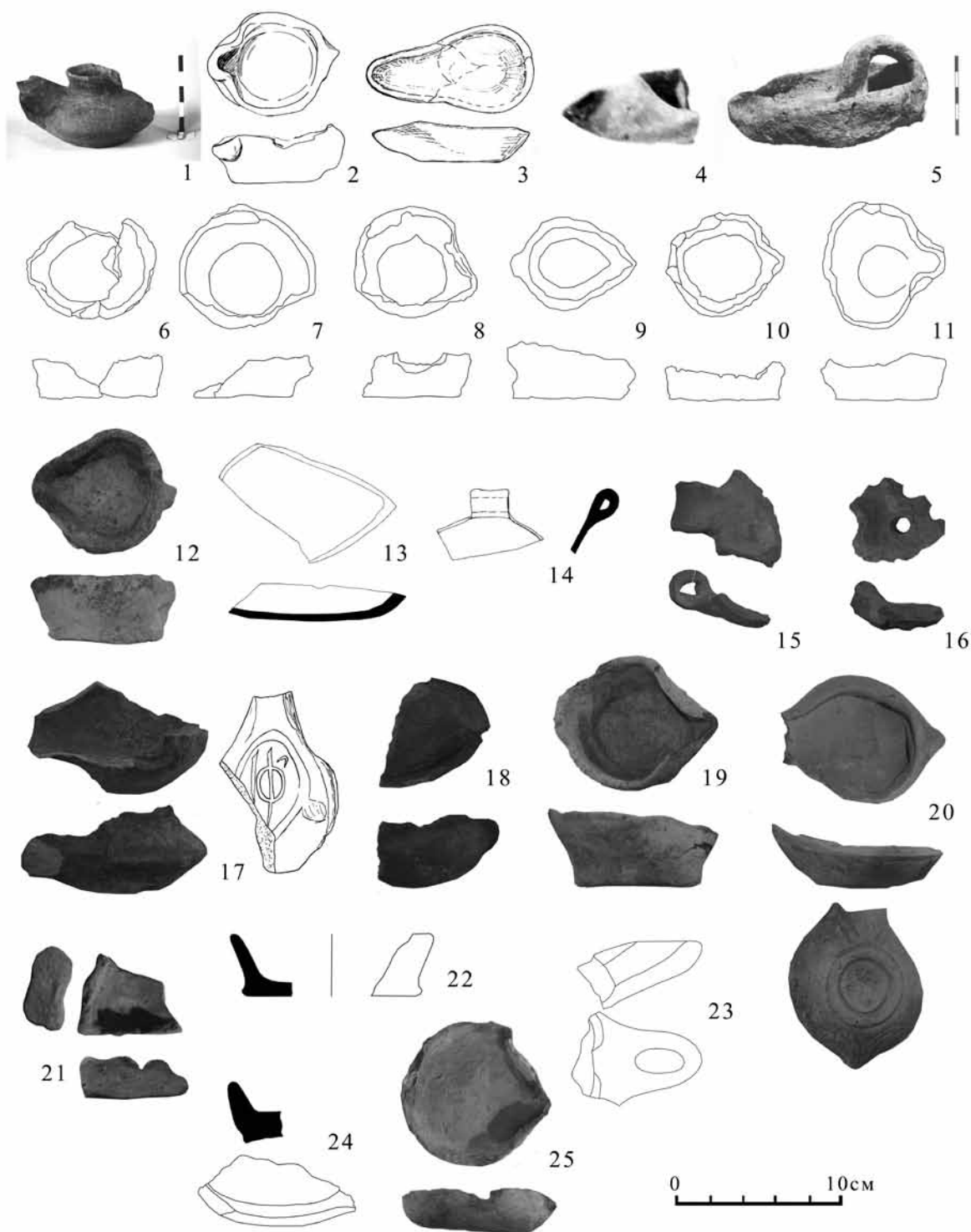

Рис. 127. Свечи́льники. Тип А. 1 – Ф-39 ГА (Пятышева, 1960, рис. 3.6). 2 – Ф-54 СГ XV/7-299Б (оп. 869). 3 – Ф-68 Ц. 4 – Ф-70 ГА. 5 – Ф-71 БА. 6 – Ф-72 БА /5 (оп. 973). 7 – Ф-72 БА /6 (оп. 965). 8 – Ф-72 БА /9 (оп. 974). 9 – Ф-72 БА /10 (оп. 7). 10 – Ф-72 БА я.А (оп. 1067). 11 – Ф-72 БА я.Н (оп. 1055). 12 – Ф-73 ЮЗ I/4, (оп. 33) № 986 (Кобылина, 1978, рис. 3.1). 13 – Ф-82 БС II/2, № 48. 14 – Ф-82 БС I/6, № 52. 15 – Ф-82 п/м берег, № 812. 16 – Ф-83 БС IV/4, № 594. 17 – Ф-83 БС IV/5, № 21. 18 – Ф-84 БС III-IV/8-10, № 960. 19 – Ф-85 БС V/13, № 121. 20 – Ф-85 БС I/15, № 158. 21 – Ф-85 БС IV-15, № 1525. 22 – Ф-89 Б II/2. 23 – Ф-89 Б IVA/3. 24 – Ф-89 Б I/4. 25 – Ф б/ш, № 1027

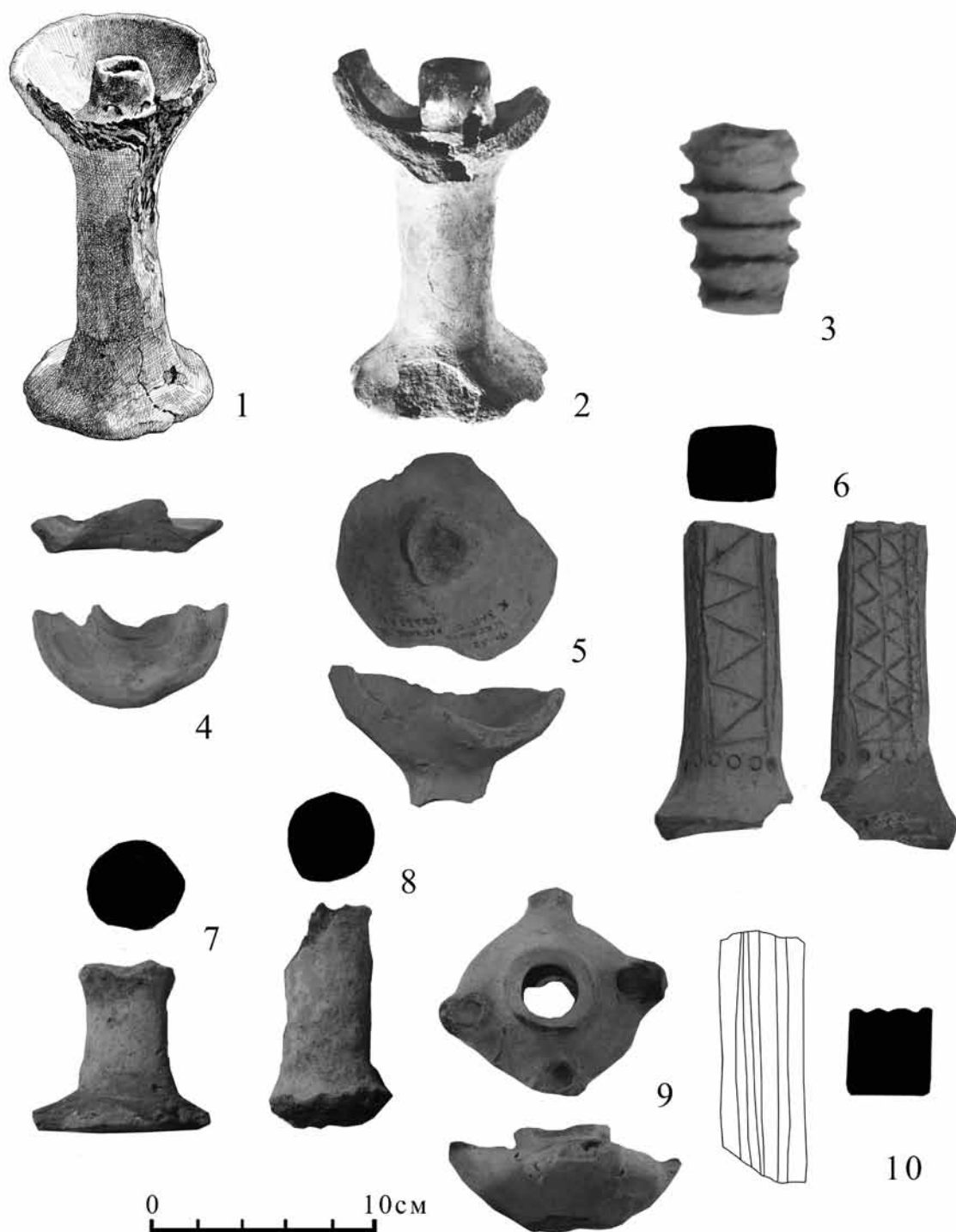

Рис. 128. Свечи. Тип Б. 1-2 – Ф-62 ЮЗ. 3 – Ф-71 ГА. 4 – Ф-82 БС I/4, № 47. 5 – Ф-82 п/м берег, № 811. 6 – Ф-83 БС III-IV/4, № 19. 7-8 – Ф-85 БС IV/15. №№ 1522, 1523. 9 – Ф-85 БС VI/16, печь 1, № 168. 10 – Ф-89 Б ПА/4, дом 2

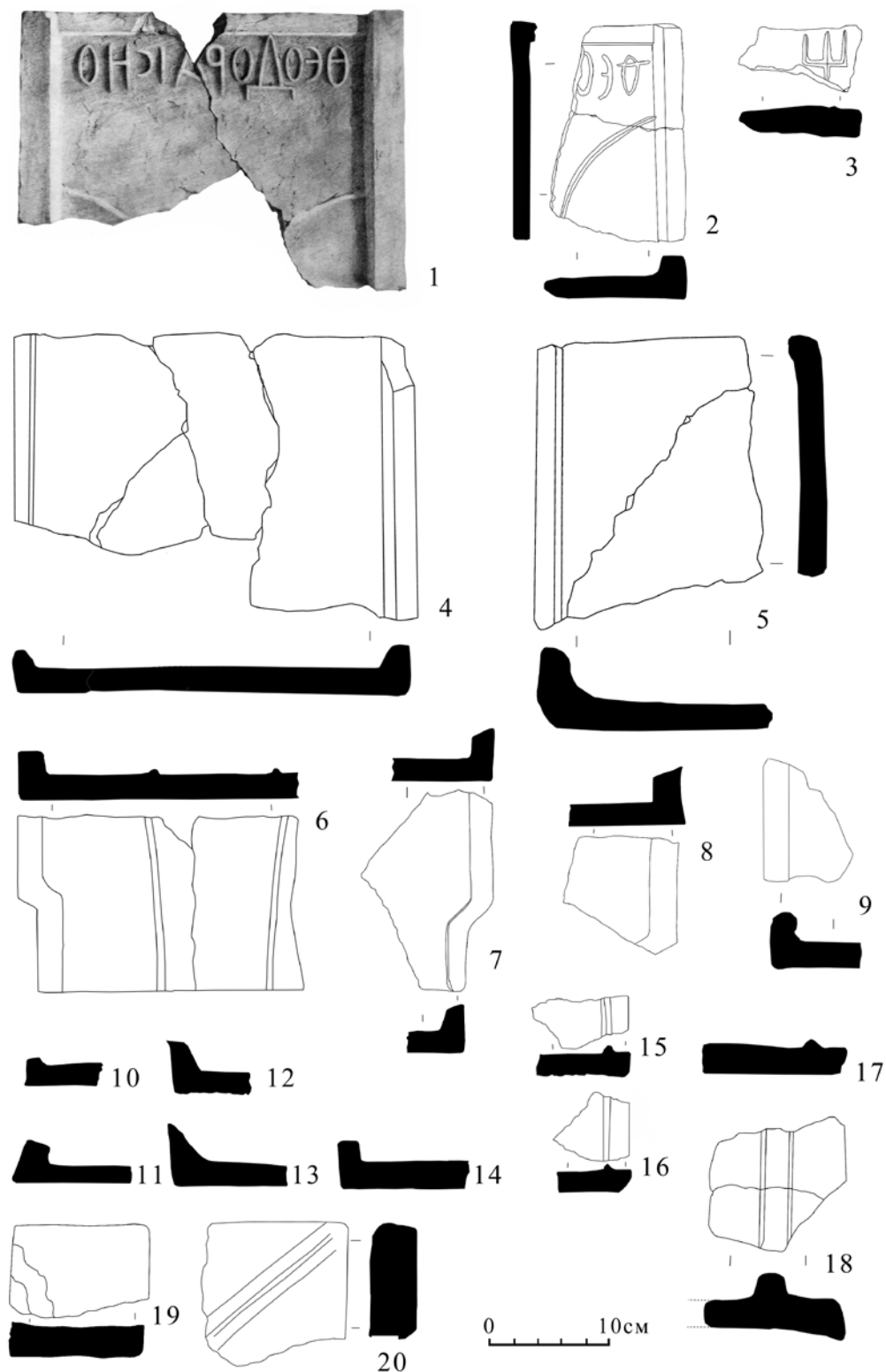

Рис. 129. Черепица (керамиды). 1 – Ф-1859 (Гёрц, 1870, с. 78; Тункина, 2010, рис. 15.2). 2 – Ф-86 п/м, № 803. 3 – Ф-86 п/м, № 804. 4 – Ф-83 БС IV/4, № 837 / Ф-85 БС IV/11, № 823. 5 – Ф-85 БС VI/14, № 1119. 6 – Ф-89 Б I/4, дом 2. 7 – Ф-89 Б VI/4. 8 – Ф-89 Б III. 9 – Ф-83 БС V-VI/1-3, № 1477. 10 – Ф-82 БС II/2, № 824. 11 – Ф-83 БС IV/4, № 830. 12 – Ф-83 БС III/3, № 835. 13 – Ф-85 БС VI/11, № 834. 14 – Ф-89 Б VIA/4. 15 – Ф-85 БС III/13, № 825. 16 – Ф-83 БС VI, № 832. 17 – Ф-83 БС V-VI/1-3, № 827. 18 – Ф-82 БС I/2, № 1479.

Плитка. 19 – Ф-82 БС II/3, № 452.

Кирпич. 20 – Ф-83 БС IV/2, № 1118

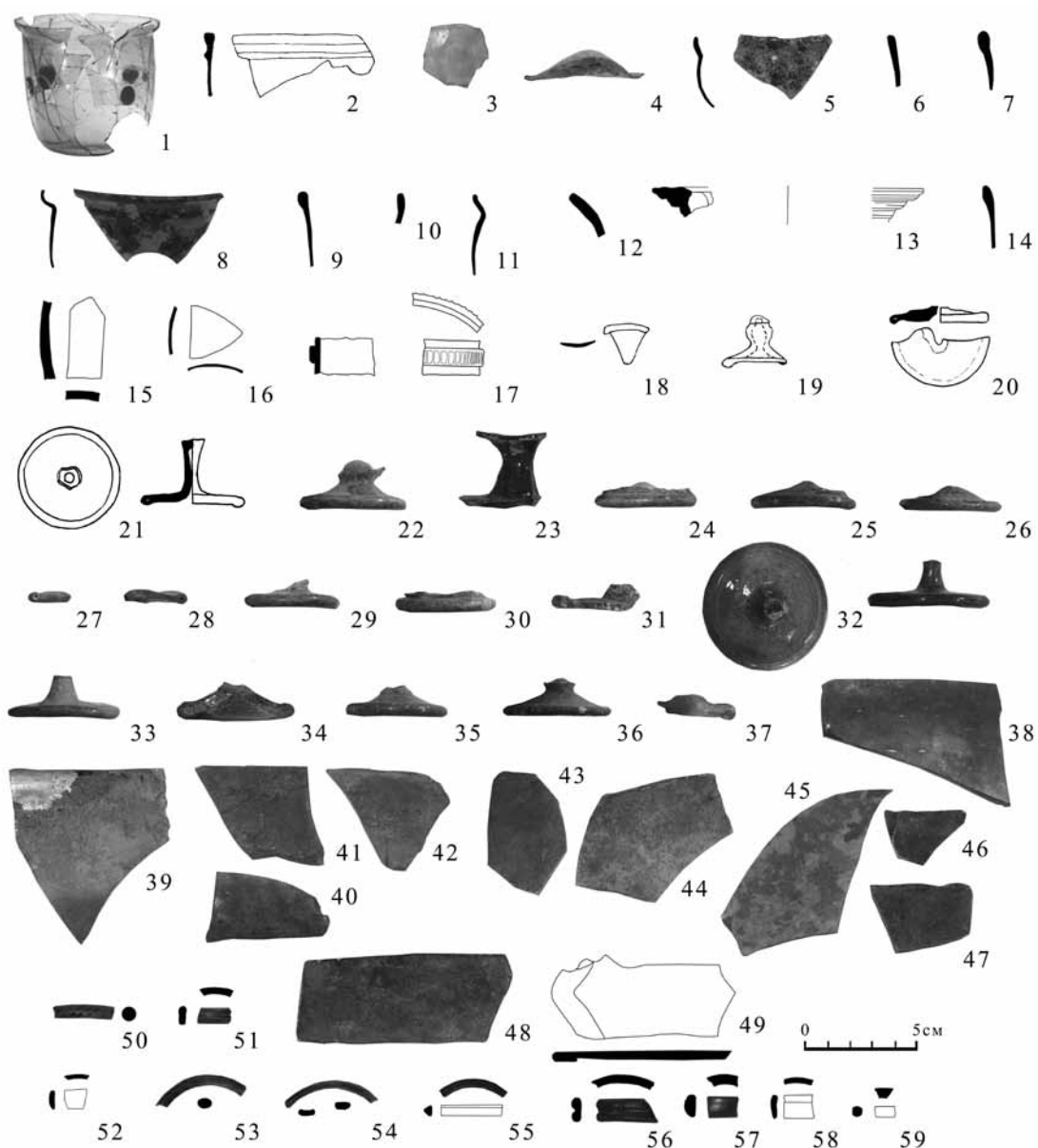

Рис. 130. Стеклопосуда. Стаканы. 1 – Ф-72 БА я.О (Долгоруков, 1975, рис. 1.3). 2 – Ф-82 БС П/5. 3 – Ф-83 п/м, № 1374. 4 – Ф-85 БС П/13, № 30(1). 5 – Ф-85 БС IV/13, № 22. 6 – Ф-85 БС I/14, № 35. 7 – Ф-85 БС IV/14, № 39. 8 – Ф-85 БС IV/15, № 45. 9 – Ф-85 БС I/16, № 44. 10-12 – Ф-85 БС П/16, № 34(1-3). 13 – Ф-89 Б IA/3. 14 – Ф-89 Б IIIA/3. 15-16 – Ф-89 Б V/4. 17 – Ф-89 Б п/м.

Рюмки. 18 – Ф-82 БС I/7. 19 – Ф-82 БС П/дом 2. 20 – Ф-84 БС IV/5, № 63. 21 – Ф-84 БС V-VI/8. 22 – Ф-85 БС П/13, № 29. 23 – Ф-85 БС IV/13, № 24. 24-25 – Ф-85 БС V/13, №№ 25, 25a. 26 – Ф-85 БС VI/13, № 26. 27-28 – Ф-85 БС I/14, №№ 31(1-2). 29 – Ф-85 БС II/14, № 30(2). 30 – Ф-85 БС IV/14, № 39. 31 – Ф-85 БС V/14, № 25. 32 – Ф-85 БС /14,я.К, № 27. 33 – Ф-85 БС I/16, № 44. 34-35 – Ф-85 БС V/16, № 23 (1-2). 36-37 – Ф б/ш №№ 102, 230.

Оконное стекло. 38 – Ф-73 Ц IV, XVIII/14, № 234. 39 – Ф-85 БС I/я.4, № 38. 40-42 – Ф-85 БС V/13, № 42(1-3). 43-44 – Ф-85 БС V/14, № 28(1-2). 45-47 – Ф-85 БС III/15, № 43(1-3). 48 – Ф-85 БС IV/15, № 45. 49 – Ф-89 Б VIA/3.

Браслеты. 50 – Ф-72 ? XIX-XI/2, № 240. 51 – Ф-89 Б V/2, № 202. 52 – Ф-89 Б VIIA/2. 53 – Ф-89 Б VII/3, № 195. 54 – Ф-89 Б V/6, № 193. 56-59 – Ф-89 п/м, №№ 186(1-3).

Бусы и вставки. 60-63 – Ф-70 Ц, 64 – Ф-73 ЮЗ IX/5, № 241. 65-66 – Ф-85 БС I/12, № 166(1-2). 67 – Ф-85 БС V/бровка, № 164. 68 – Ф-89 Б III/ю.стенка, № 188. 69 – Ф-89 Б VI/5. 70 – Ф-89 Б VI/6, № 82. 71 – Ф-89 Б п/м.

Стеклопосуда. 72 – Ф-89 Б IIIA/2, № 189.

Ручка сосуда. 73 – Ф-89 Б IV/отвал, № 141.

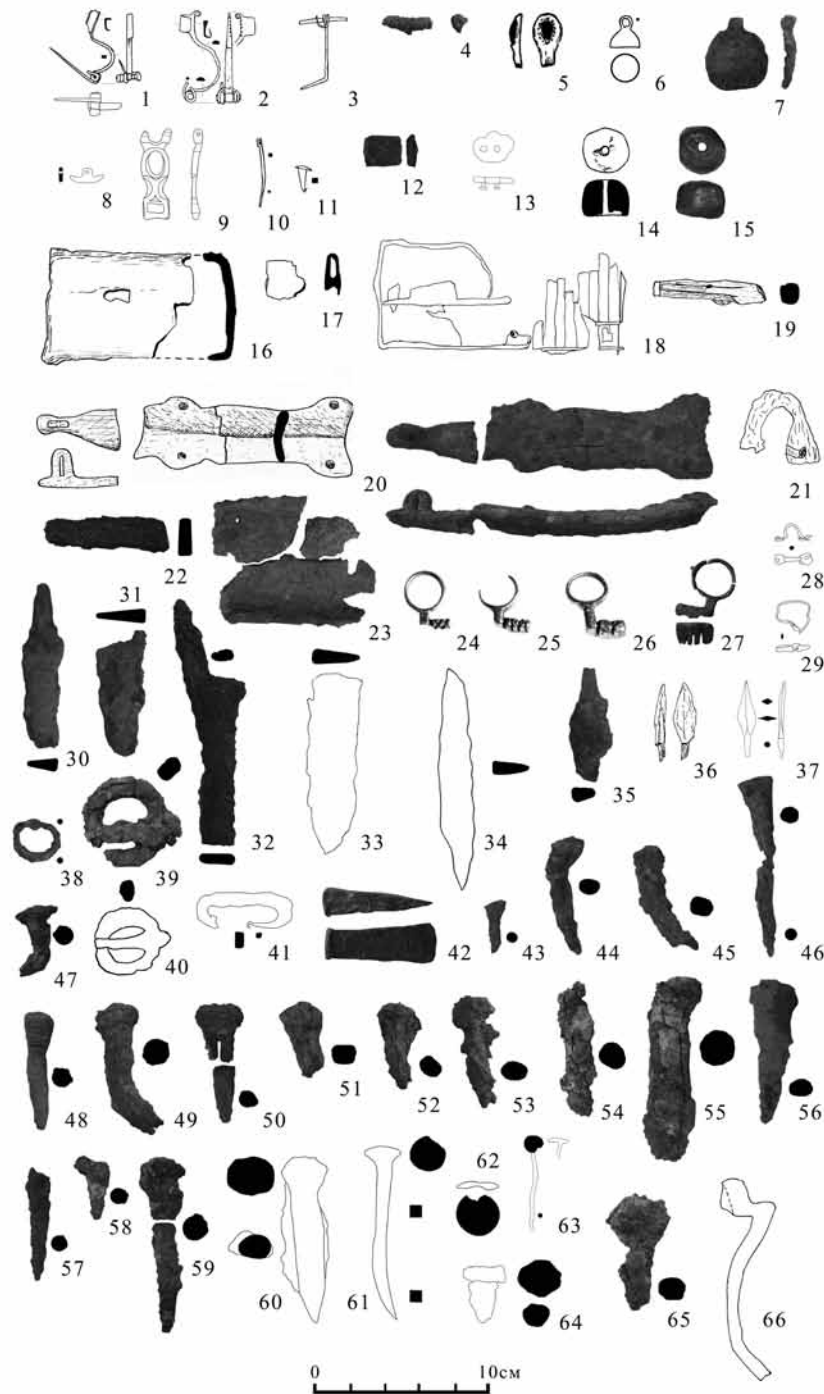

Рис. 131. Изделия из железа и бронзы. 1 – Ф-89 Б VI/5, дом 4 (Гавритухин, 2008, рис. 1.19). 2 – Ф-94 п/м (Гавритухин, 2008, рис. 1.7). 3 – Ф-82 БС I/4, № 1347. 4 – Ф-89 Б IVA/3 № 87. 5 – Ф-68 Ц, 6 – Ф-84 БС V/12, № 74. 7 – Ф-85 БС V/5, № 118. 8 – Ф-89 Б IA/2. 9 – Ф-89 Б п/м. 10 – Ф-83 БС V-VI/7, № 3. 13 – Ф-83 БС IV/4, № 9. 12 – Ф-85 БС II/11, № 154. 13 – Ф-89 Б ПА/4, дом 2, № 83. 14 – Ф-84 БС V-VI/8. 15 – Ф-84 БС V-VI/8, № 199. 16 – Ф-68 Ц, 17 – Ф-82 БС I/5, № 210. 18 – Ф-82 БС I-II/3. 19 – Ф-83 БС V-VI/1, № 17. 20 – Ф-83 БС I-III/1, № 194. 21 – Ф-83 БС V-VI/7. 22 – Ф-84 БС III/7, № 66. 23 – Ф-89 Б I/4, № 106. 24-26 – Ф-72 Ц, 27 – Ф-84 БС II/11, № 216. 28-29 – Ф-89 Б I/4, дом 2, № 85(1-2). 30 – Ф-68 БI I/6, (оп. 12) № 236. 31 – Ф-73 ЮЗ III/1, (оп. 882) № 237. 32 – Ф-82 БС I/4, № 46. 33 – Ф-82 БС II/4. 34 – Ф-84 БС III/8, № 59. 35 – Ф-85 БС IV/я.О, № 177. 36 – Ф-68 Ц, 37 – Ф-89 Б п/м. 38 – Ф-75 Ц XXV/8, № 150. 39 – Ф-83 БС III/7, № 1345. 40 – Ф-84 БС V-VI/10, № 98. 41 – Ф-89 Б VI/2, № 75. 42 – Ф-83 БС п/м, № 211. 43 – Ф-71 Ц XIX/13, (оп. 248) № 243. 44 – Ф-72 Ц II/под137, (оп. 433) № 247. 45 – Ф-73 ЮЗ III/1, (оп. 89) № 244. 46 – Ф-83 БС IV/4, № 2. 47 – Ф-83 БС III/6, № 1349. 48-49 – Ф-82 БС я.6, № 133(1-2). 50 – Ф-83 БС я.Д, № 18. 51 – Ф-84 БС III/10, № 1346. 52-53 – Ф-85 БС II, № 142(1-2). 54 – Ф-85 БС IV/12, № 163. 55 – Ф-85 БС V/13, № 119. 56 – Ф-85 БС VI/13, № 112. 57-59 – Ф-85 БС V/16, № 111(1-3). 60 – Ф-89 Б II/2, дом 2. 61 – Ф-89 Б IV/3. 62 – Ф-89 Б V/3. 63 – Ф-89 Б V/4. 64 – Ф-89 Б II/5. 65 – Ф б/ш, № 165. 66 – Ф-94 Б III/2

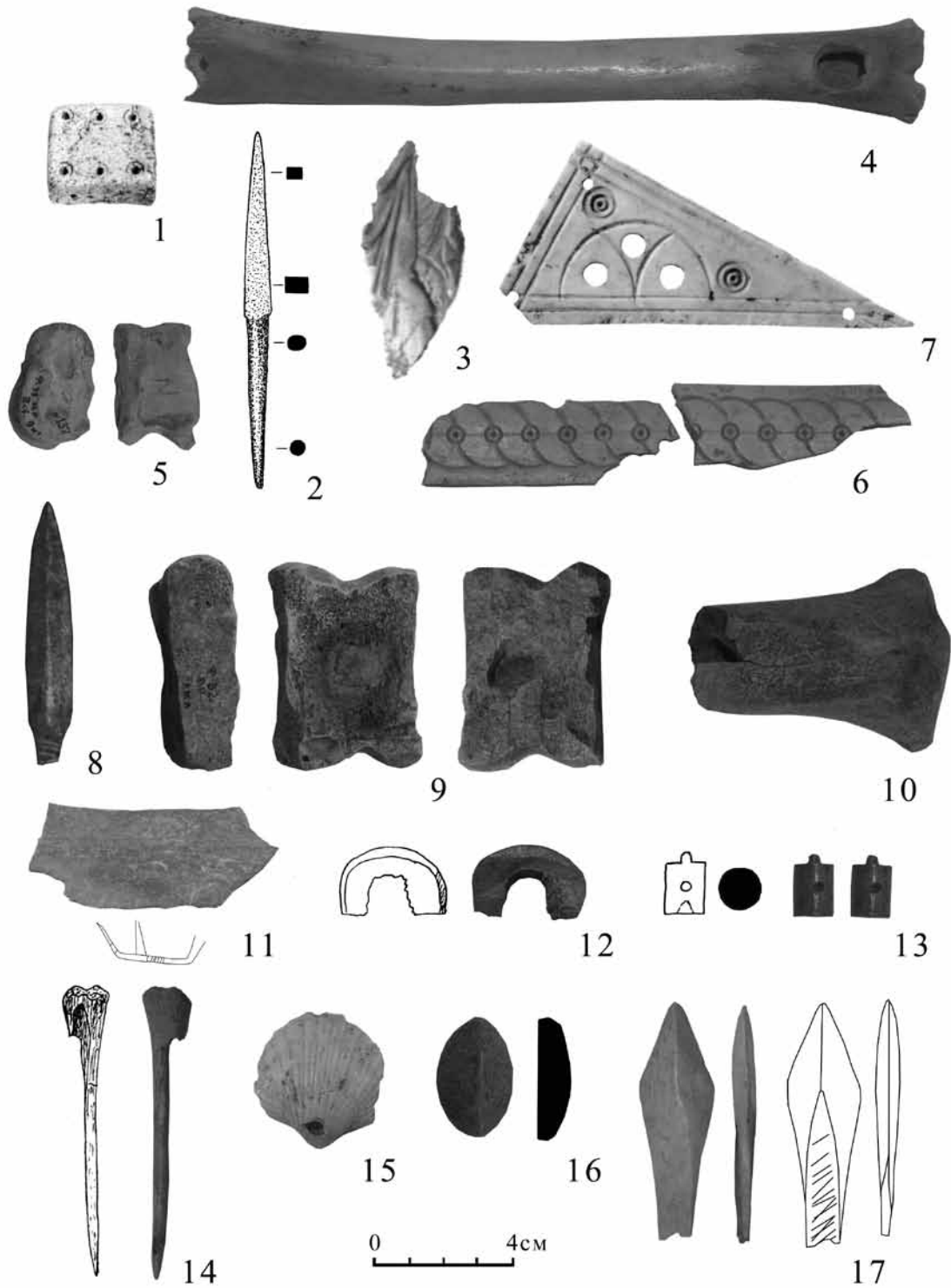

Рис. 132. Изделия из кости. 1 – Ф-59 Ц, 2 – Ф-70 Ц, 3 – Ф-71 БА (Долгоруков, 1975, рис. 2.1). 4 – Ф-75 Ц XXV/я.Г, (оп. 87) № 245 (Петерс, 1986, табл. XV.27). 5 – Ф-75 Ц VII/9, (оп. 137) № 242. 6 – Ф-75 Ц XXII-XXVI/5, (оп. 2) № 239. 7 – Ф-75 Ц XXVI/7. 8 – Ф-76 ВГ. 9 – Ф-82 БС I/я.6, разв.6, № 1350. 10 – Ф-82 БС I/6р, № 140. 11 – Ф-83 БС III-IV/я.Е, № 1348. 12-13 – Ф-83 БС III/IV6, №№ 4, 6. 14 – Ф-83 БС III/7, № 10. 15 – Ф-84 БС III/7, № 61. 16 – Ф-85 БС IV/16, № 124. 17 – Ф-89 Б VA/4, № 198

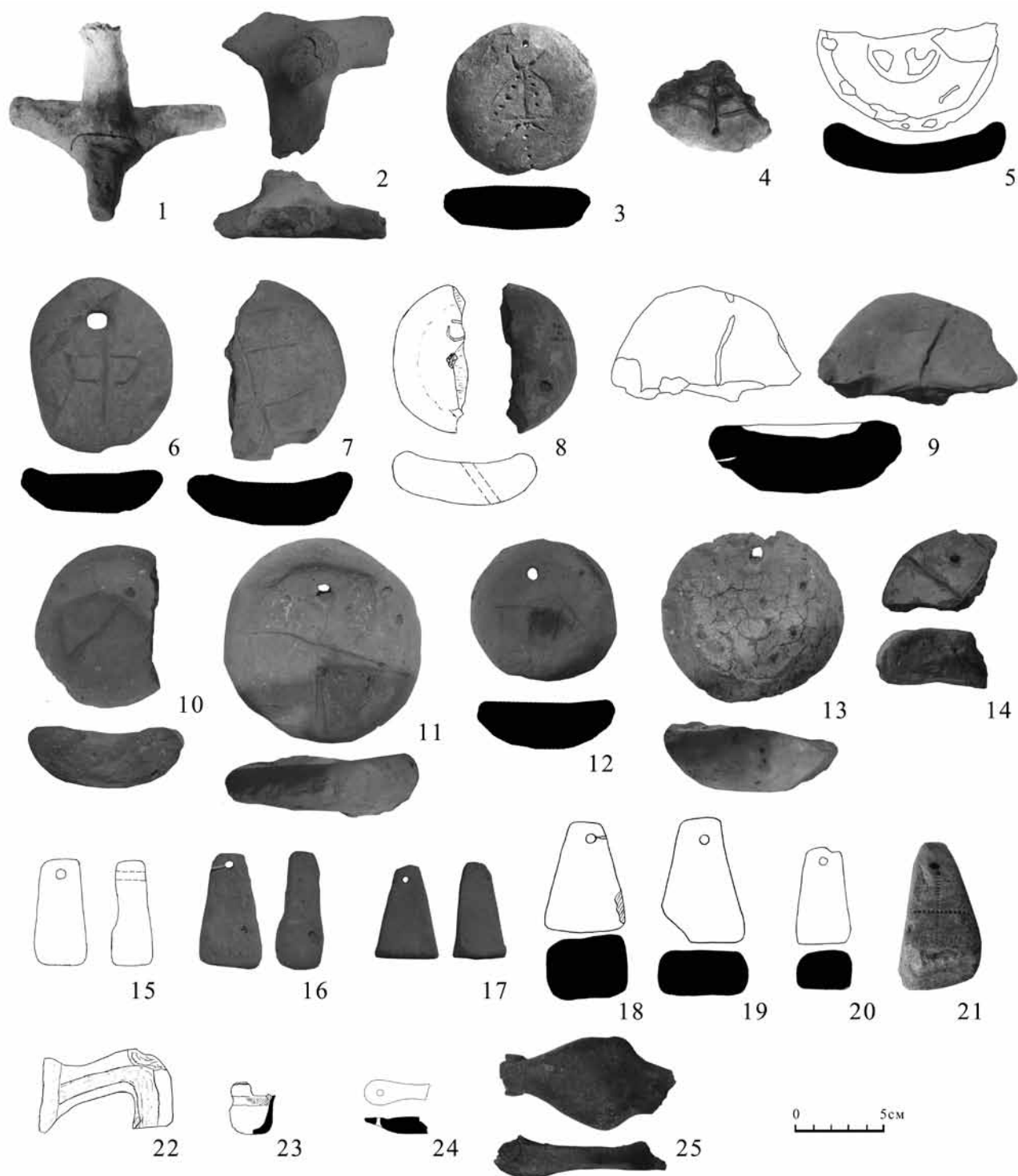

Рис. 133. Керамические изделия. 1 – Ф-72 БА я.О (Долгоруков, 1975, рис. 2.2). 2 – Ф-85 БС VI/15, № 183. 3 – Ф-39 ГА XVIII (Пятышева, 1960, рис. 3.5; Онайко, 1956, рис. 3.3). 4 – Ф-52 К. 5 – Ф-71 ББ шт.14, № 18. 6 – Ф-72 Ц (оп. 684), № 997. 7 – Ф-72 Ц п/м, № 998. 8 – Ф-82 БС I/6, № 49. 9 – Ф-82 БС I/я.6, № 1353. 10 – Ф-84 п/м, № 807. 11 – Ф-85 БС I/15, № 172. 12 – Ф-85 БС II/16, № 108. 13 – Ф-85 БС VI/яма М, № 171. 14 – Ф б/ш, № 310. 15 – Ф-82 БС II/3. 16 – Ф-82 п/м, № 810. 17 – Ф-82 БС я.6, № 146. 18 – Ф-84 БС III/7. 19 – Ф-84 БС IV/вым.А. 20 – Ф-84 БС I/10. 21 – Ф-95 Б V/3. 22 – Ф-83 БС V-VI/5, № 7. 23 – Ф-82 БС I/6, № 50. 24 – Ф-89 Б VIA/4. 25 – Ф-85 БС V/13, № 167

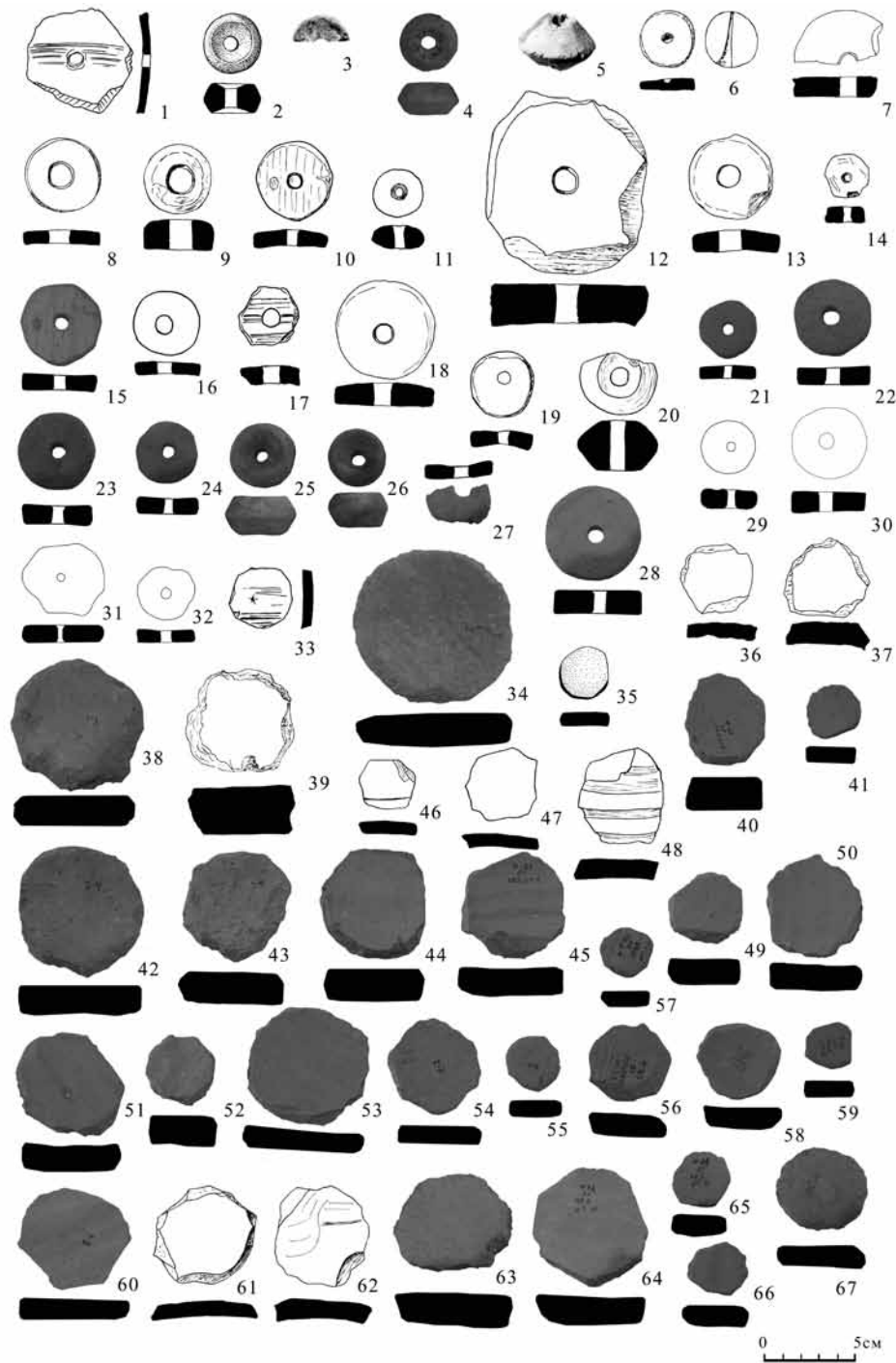

Рис. 134. Керамические изделия. 1 – 49 СГ VIII/8, № 32. 2 – 70 Ц. 3 – 70 ГА. 4 – Ф-71 Ц XX/13 (оп. 247), № 249. 5 – Ф-73 ЮЗ. 6 – Ф-82 БС I/1. 7 – Ф-82 БС II/2, № 51. 8 – Ф-83 БС III/3. 9 – Ф-83 БС IV/4. 10-11 – Ф-84 БС I/7. 12 – Ф-82 БС I/7, № 54. 13 – Ф-83 БС V-VI/7. 14-15 Ф-84 БС II/7, №№ 73, 196. 16-17 – Ф-84 БС V-VI/8-9, № 191(1-2). 18 – Ф-84 БС I/9. 19 – Ф-84 БС III/10, № 70. 20 – Ф-84 БС III/11, № 103. 21 – Ф-85 БС I/13, № 115. 22 – Ф-85 БС IV/13, № 122. 23 – Ф-85 БС IV/14, № 137. 24 – Ф-85 БС V/14, № 145. 25-26 – Ф-85 БС VI/15, № 128(1-2). 27 – Ф-85 БС VI/16, № 151. 28 – Ф-85 БС я.3, № 101. 29 – Ф-89 Б IIIA/1. 30 – Ф-89 Б VI/5. 31-32 – Ф-89 Б VIIA/3. 33 – Ф-48 С III/кл.41, (оп. 378). 34 – Ф-71 Ц XIX/16 (оп. 259), № 996. 35 – Ф-70 Ц. 36-37 – Ф-82 БС I/1, № 603(1-2). 38 – Ф-82 БС I/3, № 604. 39 – Ф-82 БС II/2, № 460. 40 – Ф-82 БС III/3, № 461. 41-44 – Ф-82 II/4, №№ 467-470. 45 – Ф-82 БС III/4, № 462. 46-48 – Ф-84 БС IV/5, №№ 68, 69, 71. 49-51 – Ф-82 БС I/6, № 605(1-3). 52-53 – Ф-82 БС I/-7, № 606(1-2). 54-55 – Ф-82 БС II/7, №№ 471, 472. 56-59 – Ф-83 БС V-VI, №№ 463-566. 60 – Ф-84 БС III/8, № 473. 61-62 – Ф-84 БС III/9, №№ 60, 62. 63 – Ф-84 БС IV/9, № 140. 64-65 – Ф-84 БС III/10, №№ 65, 67. 66 – Ф-84 БС I/11, № 806. 67 – Ф-84 БС IV/11, № 113

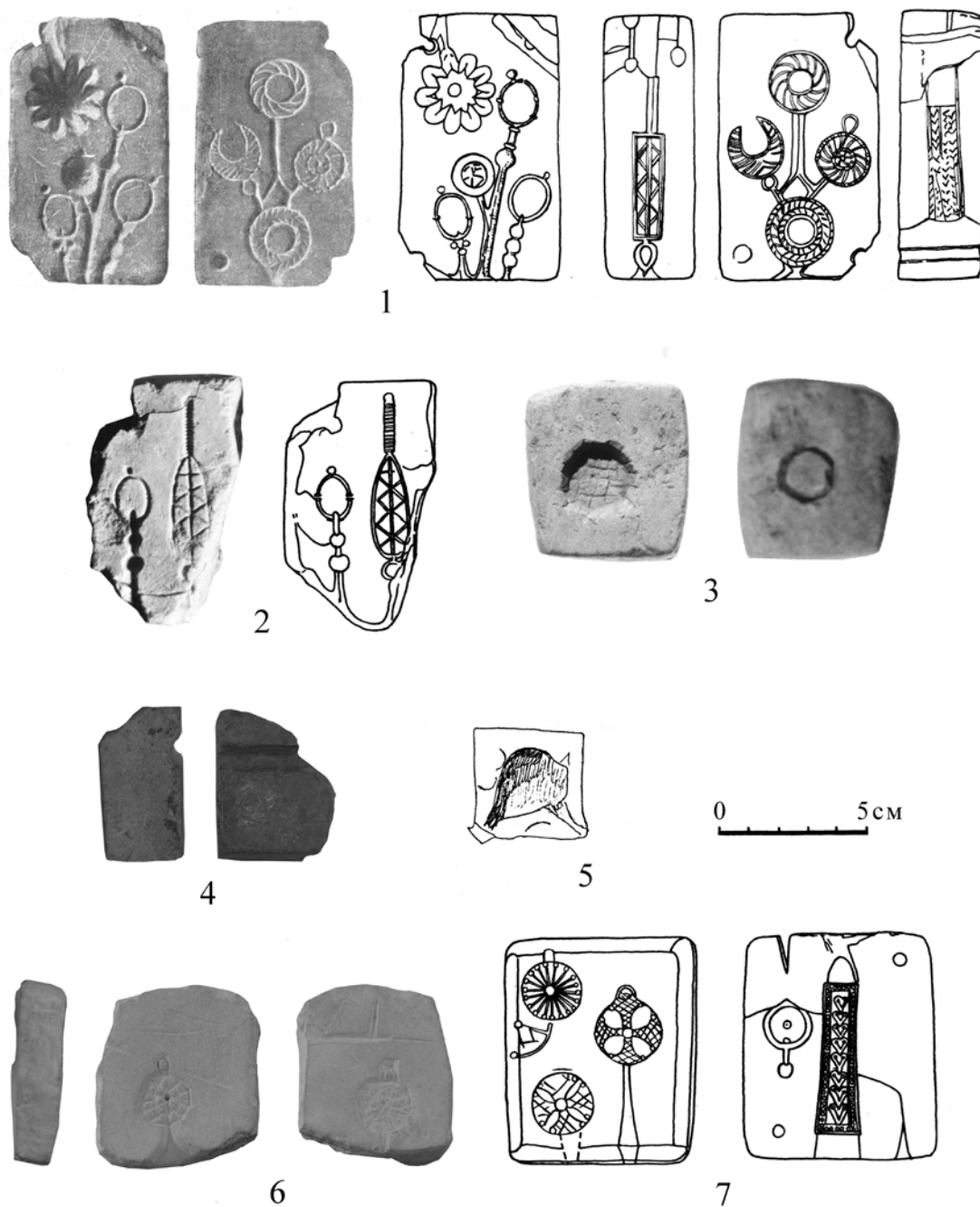

Рис. 135. Литейные формочки. 1 – Ф-52 СГ Н11 (Рыбаков, 1956, рис. 1.1, 3; Плетнёва, 2003а, табл. 71.4). 2 – Ф-59 Ц (Плетнёва, 2003а, табл. 71.6). 3 – Ф-71 БА. 4 – Ф-72 Ц (оп. 543) № 246. 5 – Ф-82 БС II/3. 6 – Ф-89 Б VII/7, дом 7, № 192. 7 – Ф б/ш (Плетнёва, 2003а, табл. 71.5)

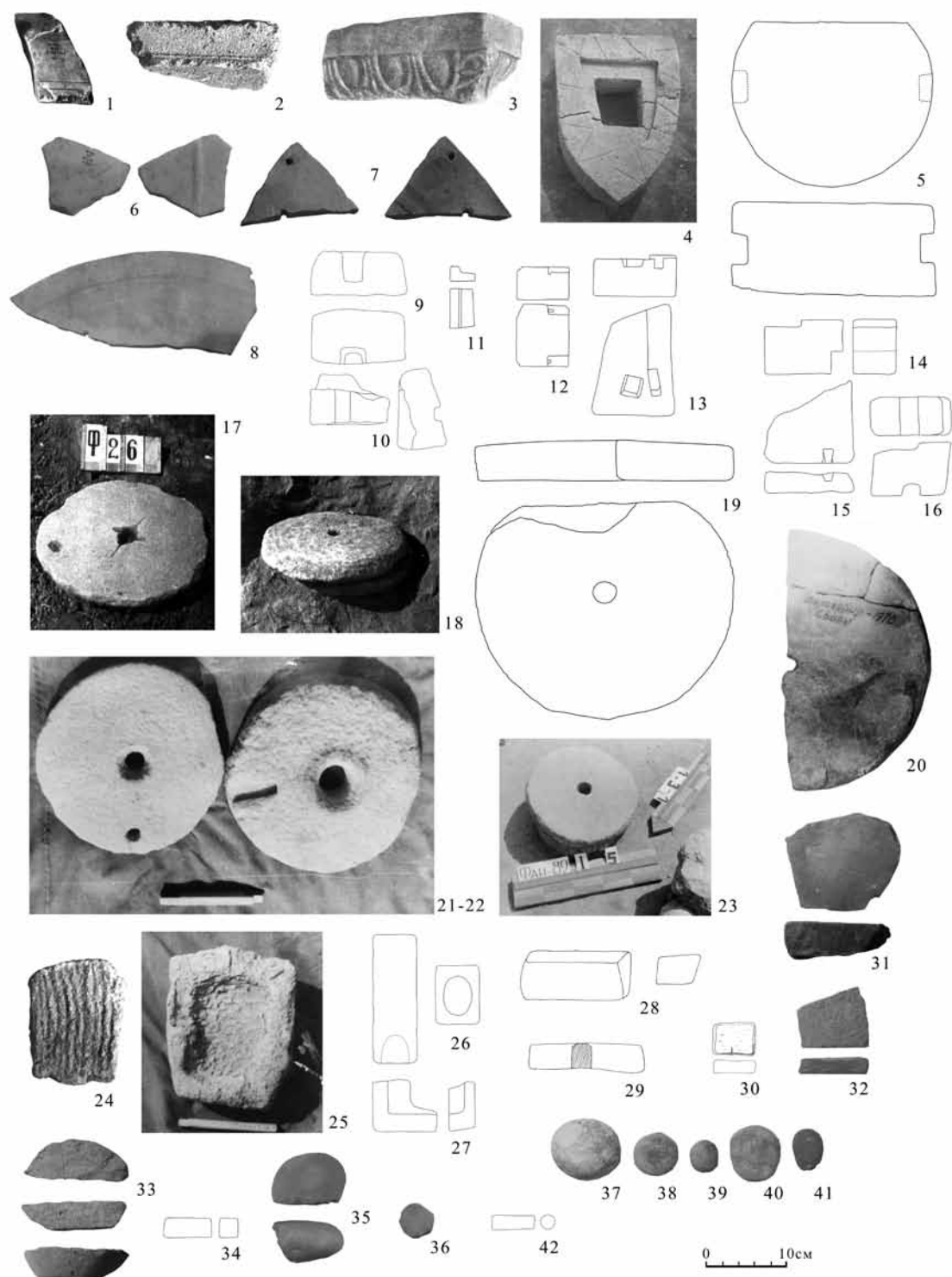

Рис. 136. Изделия из камня и архитектурные детали. 1-2 – Ф-39 ГА. 3 – Ф-39 ГА (Пятышева, 1960, рис. 3.1). 4 – Ф-40 СГ. 5 – Ф-68 Ц XXII/кл.9. 6 – Ф-74 Ц XXII/13 (оп. 287), № 61. 7 – Ф-85 БС V/16, № 62. 8 – Ф-85 БС I/15, № 616. 9-12 – Ф-89 Б II/2, дом 2. 13-16 – Ф-89 Б II/2, дом 4-7. 17-18 – Ф-49 СГ. 19 – Ф-68 Ц VI. 20 – Ф-70 п/м. 21-22 – Ф-77 ВГ VI/кл.20. 23 – Ф-89 Б IA/5, дом 1.2. 24 – Ф-39 ГА. 25 – Ф-77 ВГ VI/кл.20. 26-27 – Ф-89 Б IA/5, дом 2.2. 28 – Ф-82 БС II/7. 29 – Ф-83 БС III/6, № 13. 30 – Ф-83 БС IV/2, № 12. 31 – Ф-84 БС II/7, № 1488. 32 – Ф-85 БС II/12, № 1485. 33 – Ф-85 БС VI/я.М, № 1487. 34 – Ф-89 Б VI/1. 35 – Ф-82 БС I/6, № 612. 36 – Ф-83 п/м, № 145. 37-41 – Ф-85 БС II/14, III/14, I/15, №№ 1426-1430. 42 – Ф-89 Б VA/3

Рис. 137. Иудейские надгробия (Гёрц, 1870; Люценко, 1876)

Рис. 138. Иудейские надгробия. 1-2 – Ф-73 З п.1. 3 – Ф-73 З п.6. 4-7 – Ф-73 З п.9. (Чхаидзе, 2006а, рис. 11). 8 – Ф-76 ВГ я.Л. 9-10 – Ф-76 ВГ V/6. 11 – Ф-77 ВГ VI/кл.20. 12 – Ф-79. 13 – 2005 г. ст. Сенная (Иванов, 2006, рис. 1). 14 – 2008 г. близ городища Кепы (Петрухин и др., 2009, рис. 8).

Христианское надгробие. 15 – Ф-71 (Виноградов, Чхаидзе, 2012)

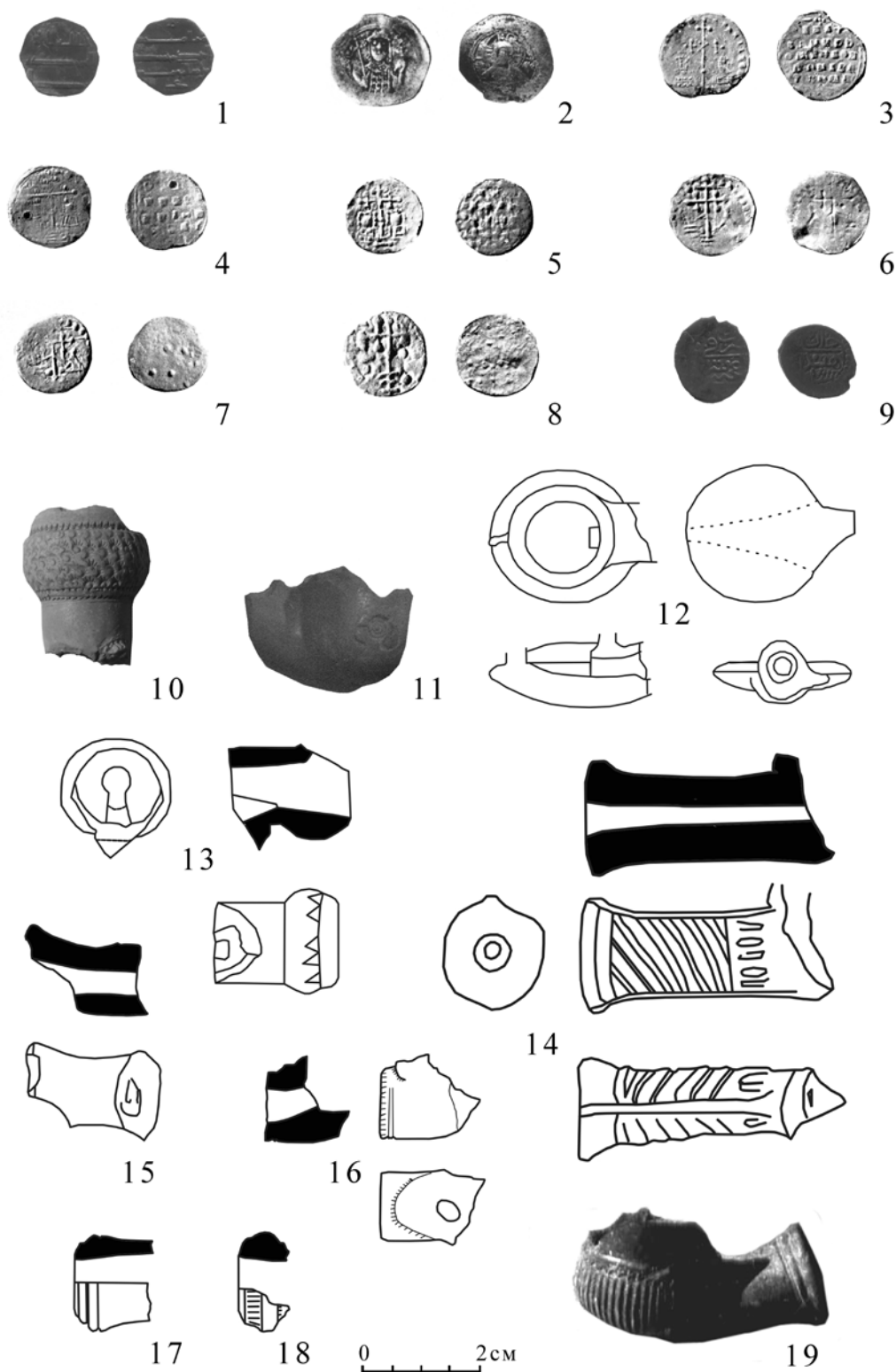

Рис. 139. Монеты. 1 – Ф-78 ЮЗ I/2 (Чхаидзе, Атавин, 2005, рис. 2). 2 – Ф-50 п/м (Харко, 1968, рис. 3.2). 3 – Ф-28 п/м (Голенко, 1953, рис. 1.1; 1961, табл. I.3). 4 – Ф-29 (Голенко, 1953, рис. 1.2; 1961, табл. II.15). 5 – Ф (Голенко, 1953, рис. 1.3; 1961, табл. II.16). 6 – Ф-28 п/м (Голенко, 1953, рис. 1.6; 1961, табл. IV.40). 7 – Ф-37 ГА VIII/2 (Голенко, 1953, рис. 1.7; 1961, табл. IV.41). 8 – Ф-47 (Голенко, 1961, табл. IV.47). 9 – Ф-83 БС I/1 (Чхаидзе, Атавин, 2005, рис. 3).

Турецкие курительные трубки. 10 – Ф-82 БС п/м, № 229. 11 – Ф-83 БС V-VI/3 № 187. 12 – Ф-89 Б IIA/1. 13 – Ф-89 Б IA/2. 14 – Ф-89 Б VIIA/1. 15-18 – Ф-89 Б п/м. 19 – Ф-95 Б VIII/2

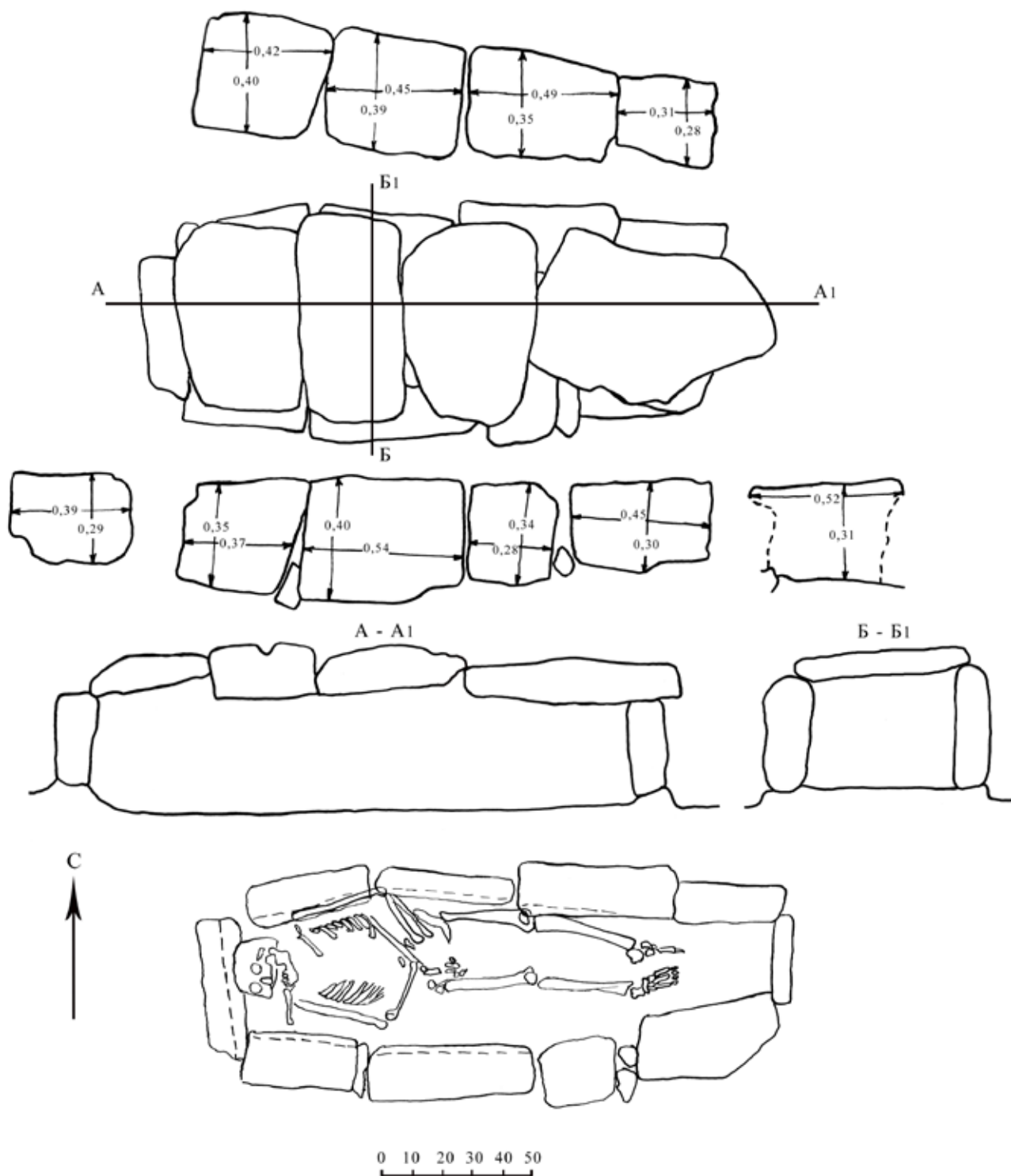

Рис. 140. Погребения в каменных ящиках. 1947 г. Погребение 1 (Чхайдзе, 2006а, рис. 2)

1

2

3

4

5

Рис. 141. Погребения в каменных ящиках. 1947 г. (Чхаидзе, 2006а, рис. 3). 1 – Погребение 4. Вид с юга. 2 – Погребение 5. Вид с востока. 3 – Погребение 6. Вид с юга. 4 – Погребение 7 (до расчистки). Вид с юга. 5 – Погребение 7 (после расчистки). Вид с востока

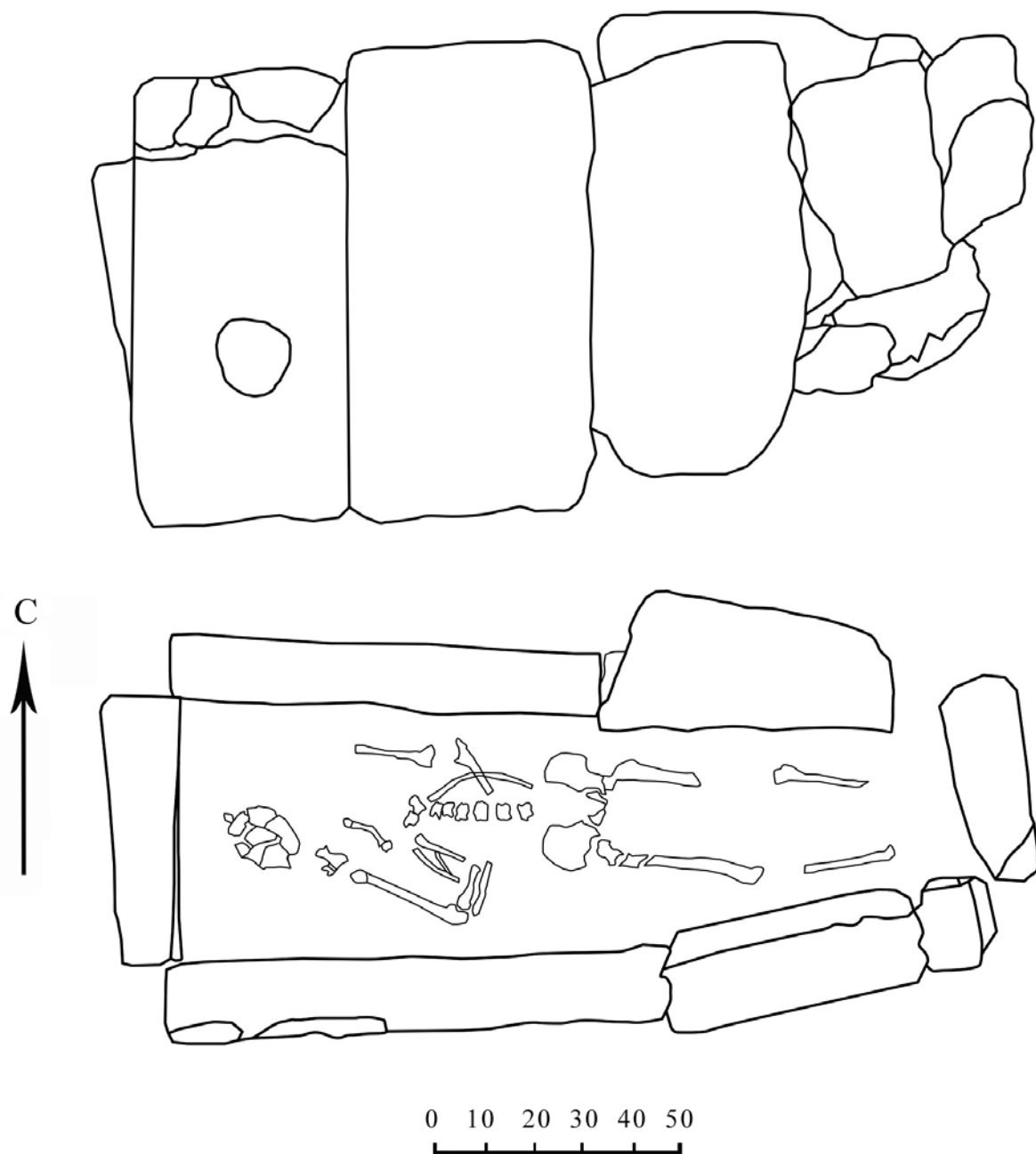

Рис. 142. 1984 г. Погребение в каменном ящике 1

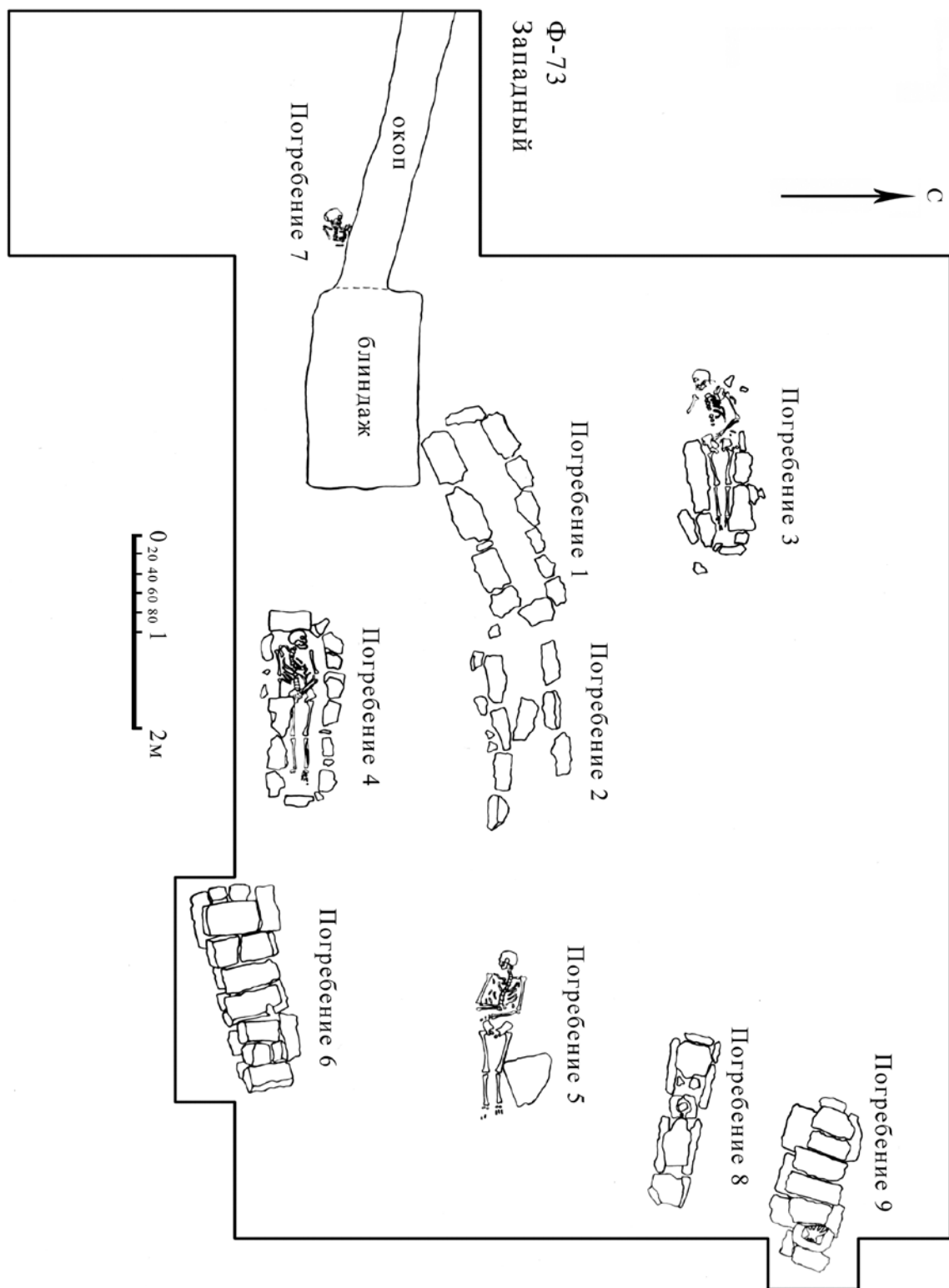

Рис. 143. Раскоп «Западный». 1973 г. (Чхаидзе, 2006а, рис. 8)

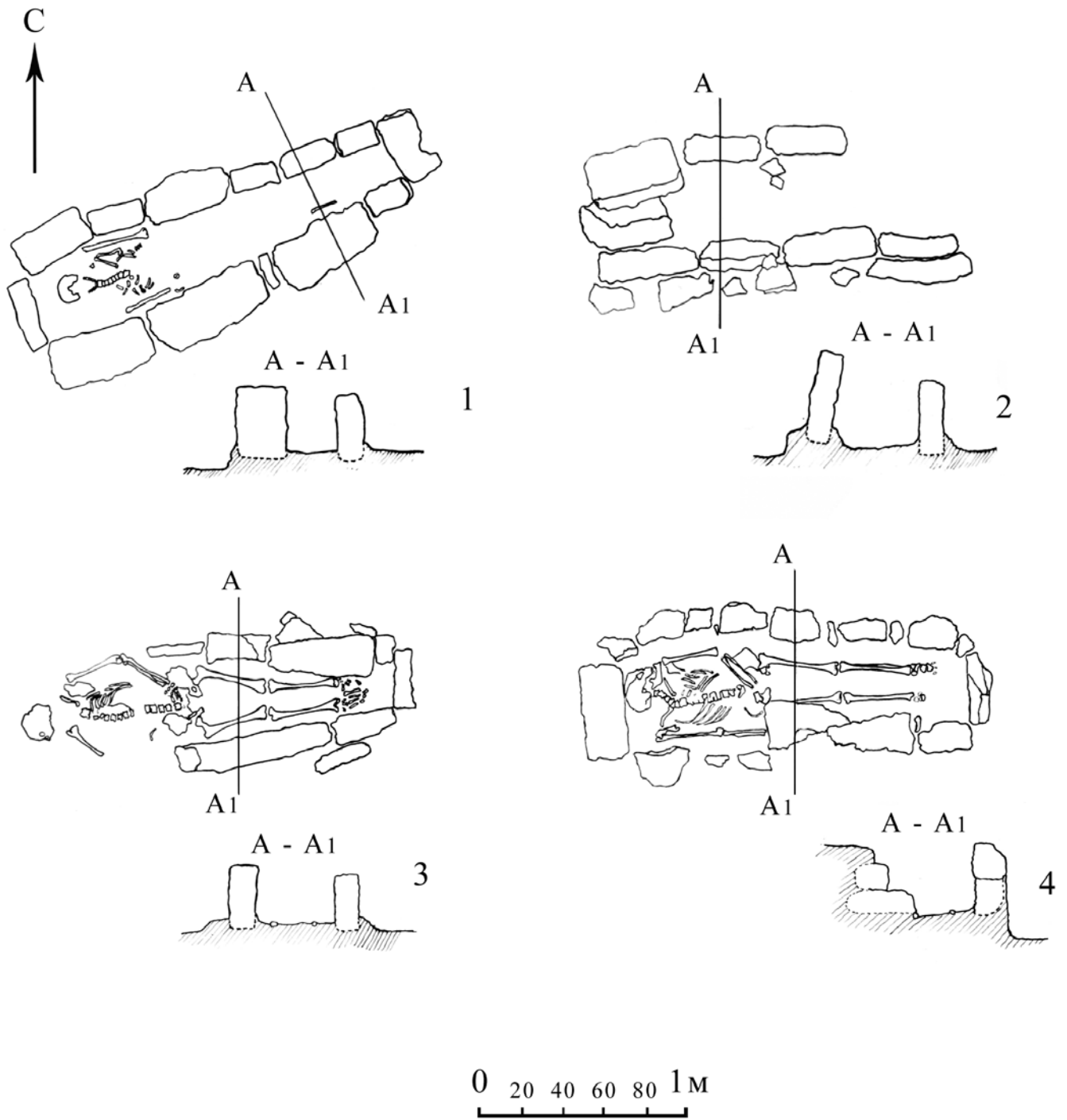

Рис. 144. Раскоп «Западный». 1973 г. (Чхаидзе, 2006а, рис. 9). 1 – Погребение 1.
 2 – Погребение 2. 3 – Погребение 3. 4 – Погребение 4

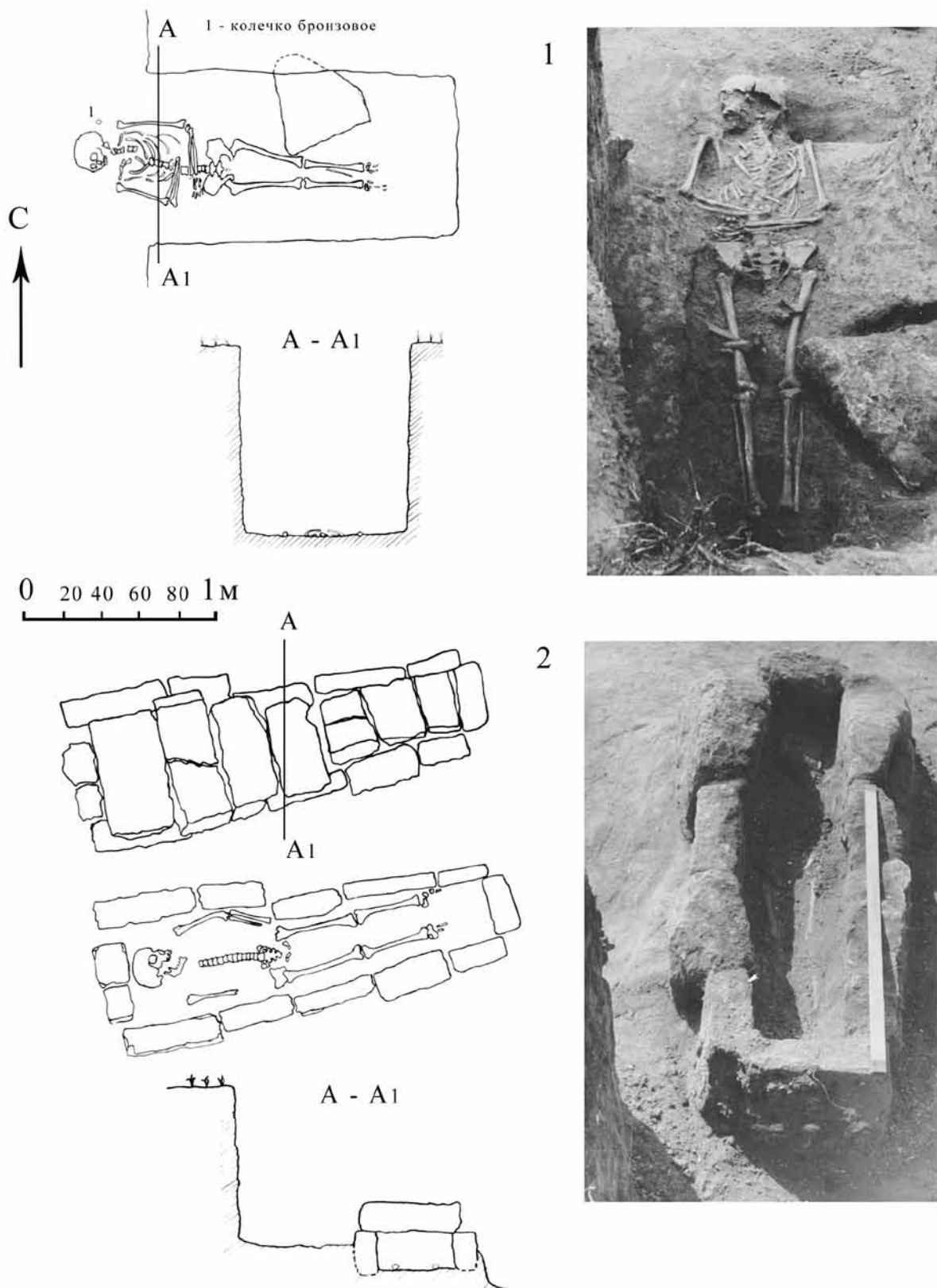

Рис. 145. Раскоп «Западный». 1973 г. (Чхаидзе, 2006а, рис. 10). 1 – Погребение 5. Фото, вид с востока. 2 – Погребение 6. Фото, вид с востока

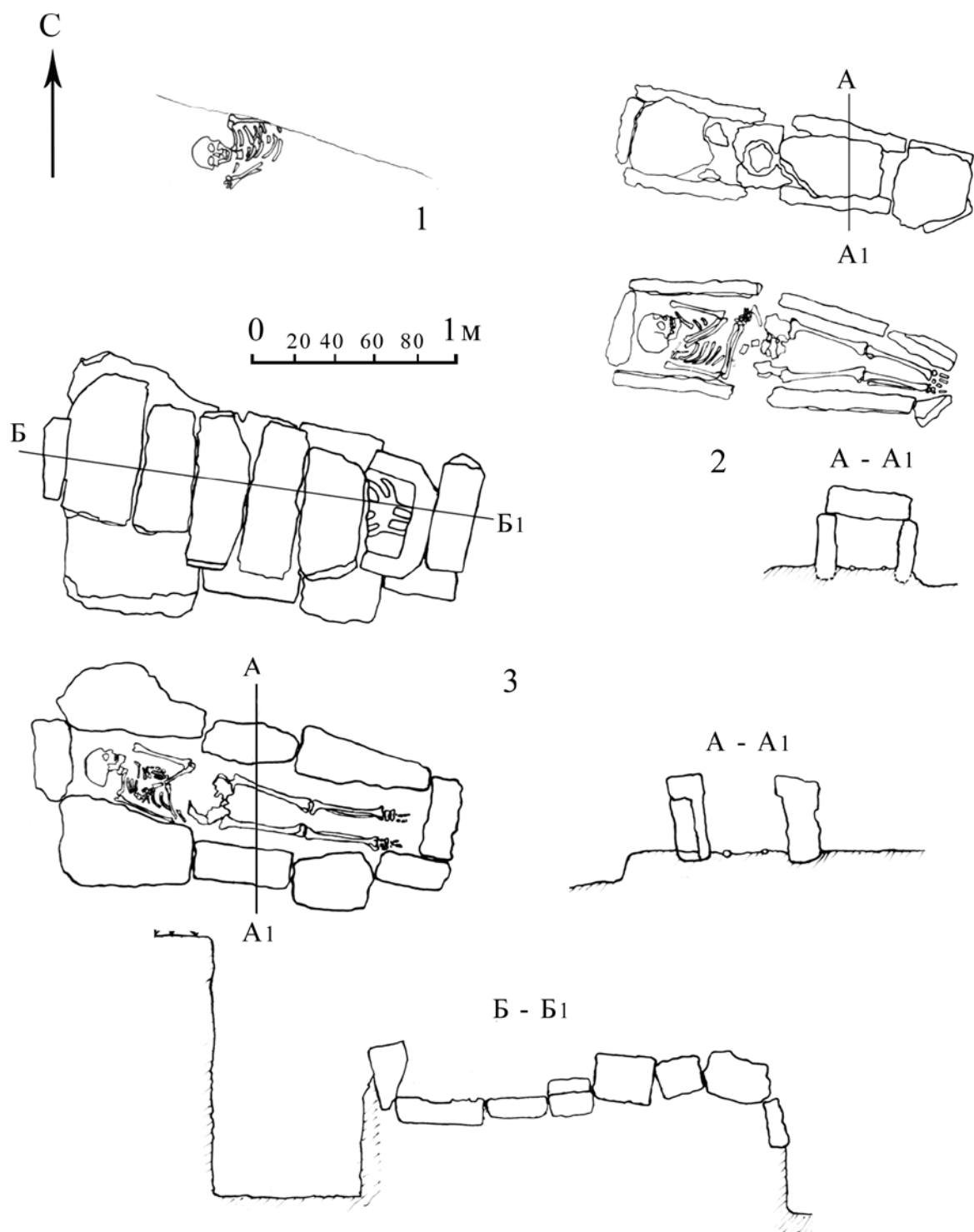

Рис. 146. Раскоп «Западный». 1973 г. (Чхаидзе, 2006а, рис. 10). 1 – Погребение 7.
2 – Погребение 8. 3 – Погребение 9

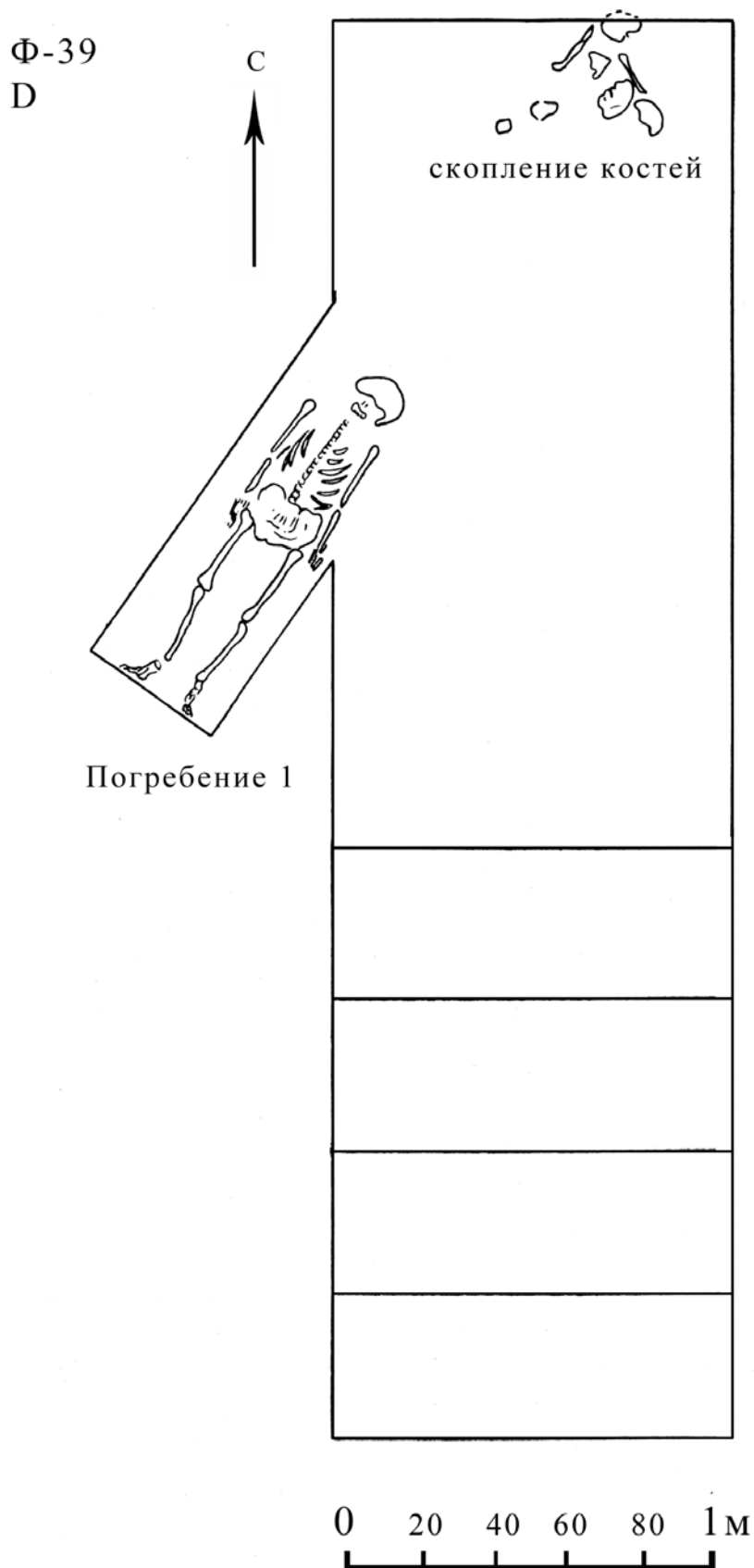

Рис. 147. Раскоп «D». 1939 г. (Блаватский, 1951а, рис. 12.4)

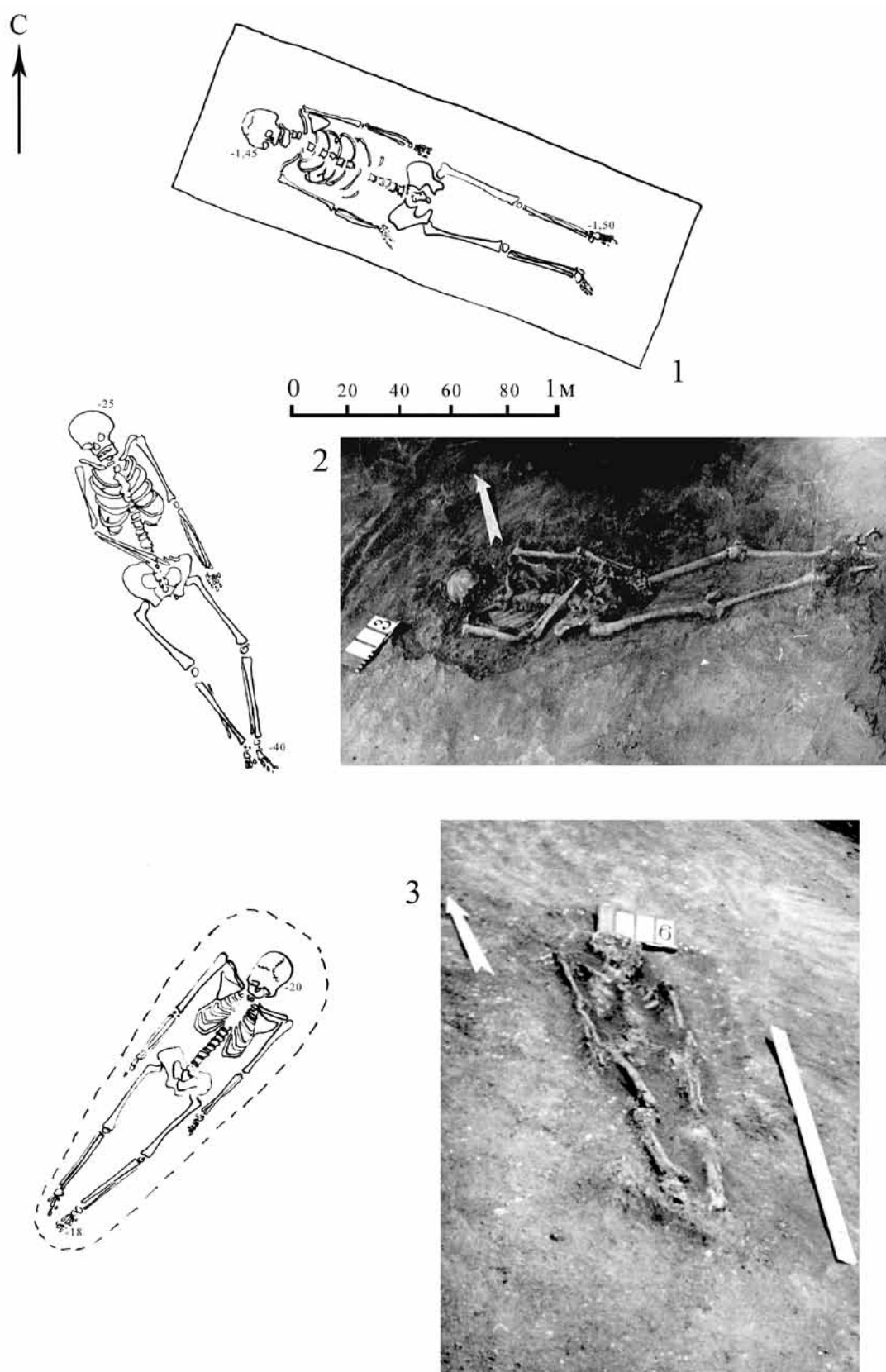

Рис. 148. Раскоп «Юго-Западный некрополь». 1978 г. 1 – Погребение 1. 2 – Погребение 3. Фото, вид с юго-запада. 3 – Погребение 6. Фото, вид с юго-запада

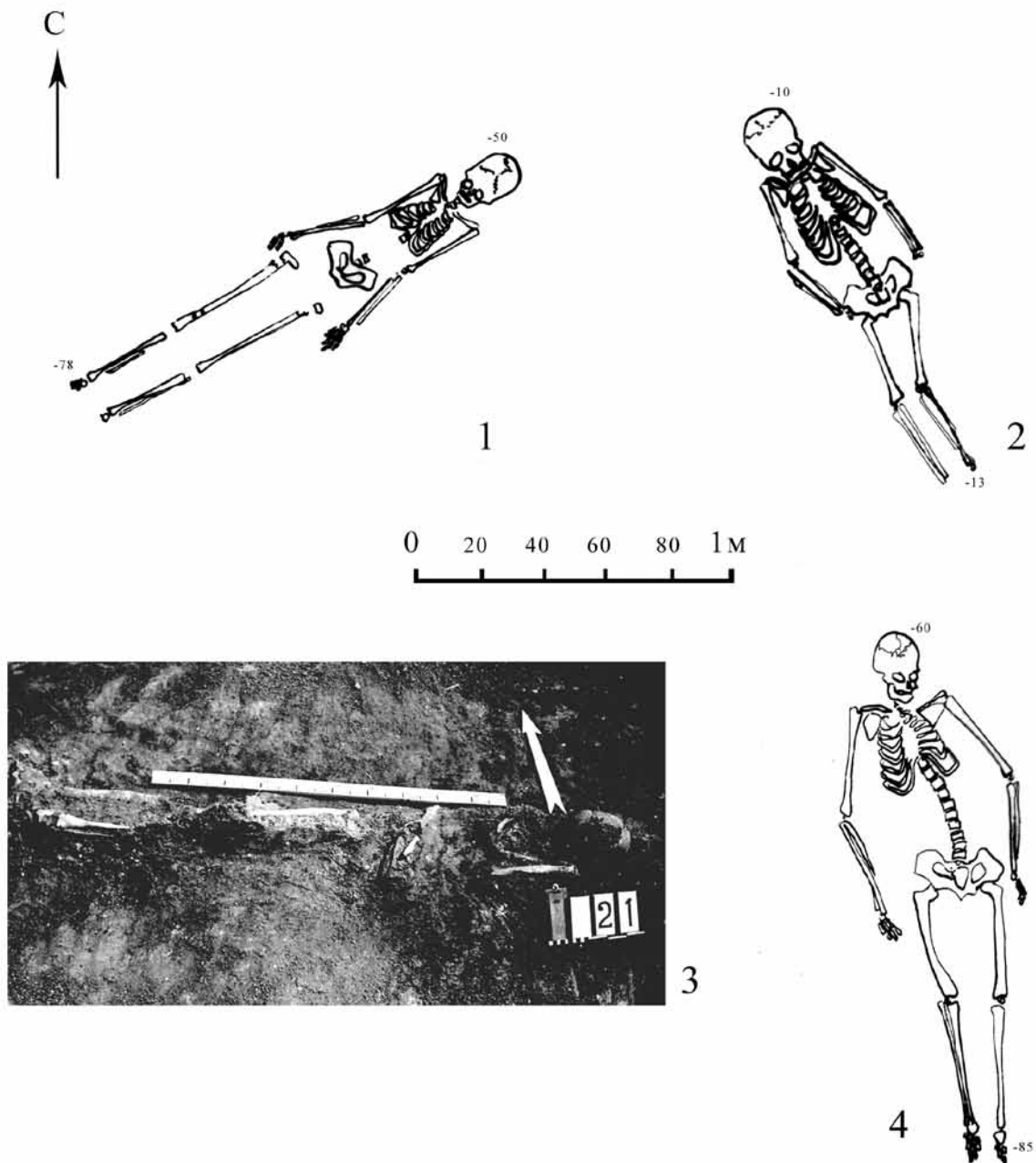

Рис. 149. Раскоп «Юго-Западный некрополь». 1978 г. 1 – Погребение 10. 2 – Погребение 18. 3 – Погребение 21. Фото, вид с юга. 4 – Погребение 52

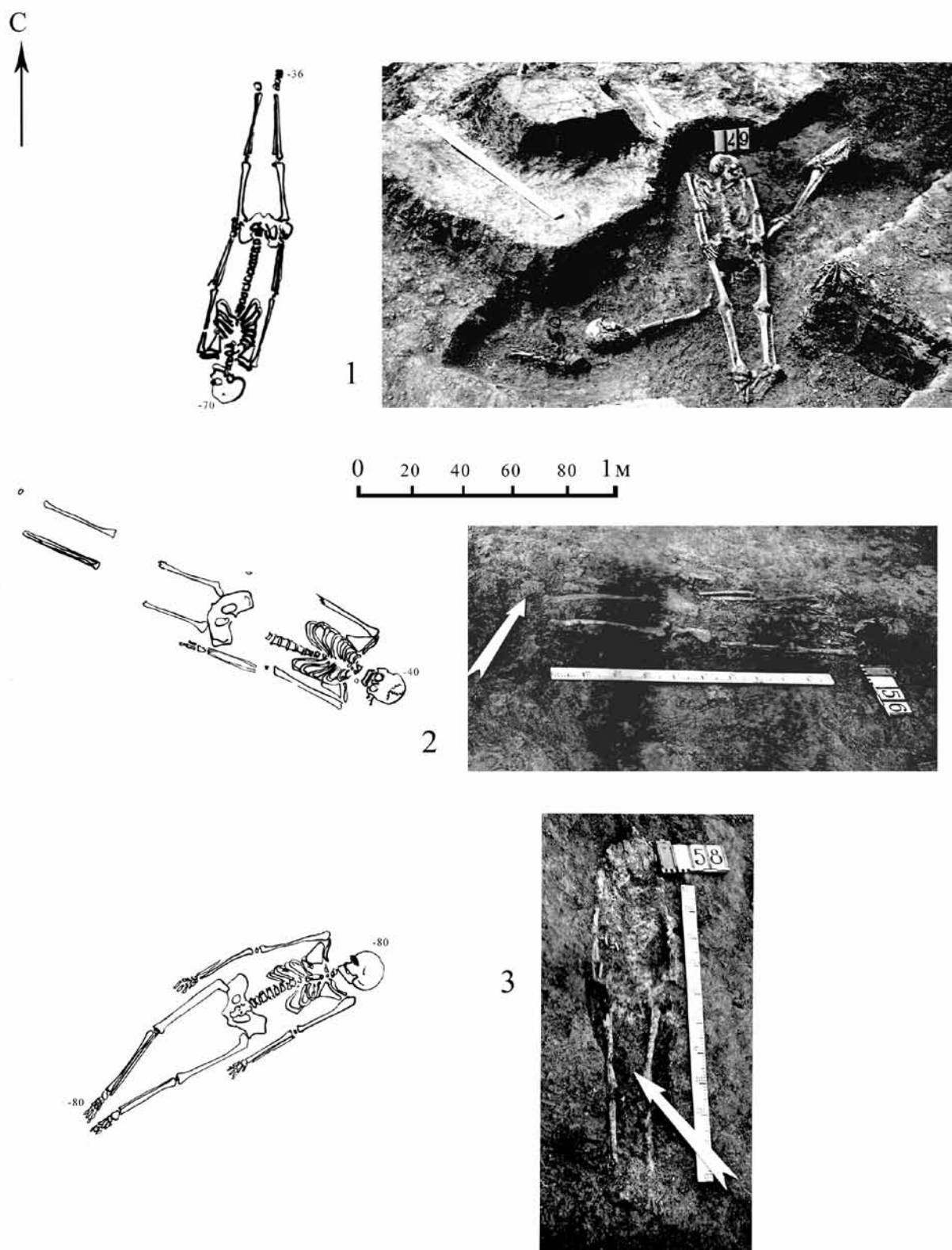

Рис. 150. Раскоп «Юго-Западный некрополь». 1978 г. 1 – Погребение 49. Фото, вид с севера. 2 – Погребение 56. Фото, вид с юга. 3 – Погребение 58. Фото, вид с юго-запада

Ф 39-40
Восточный некрополь

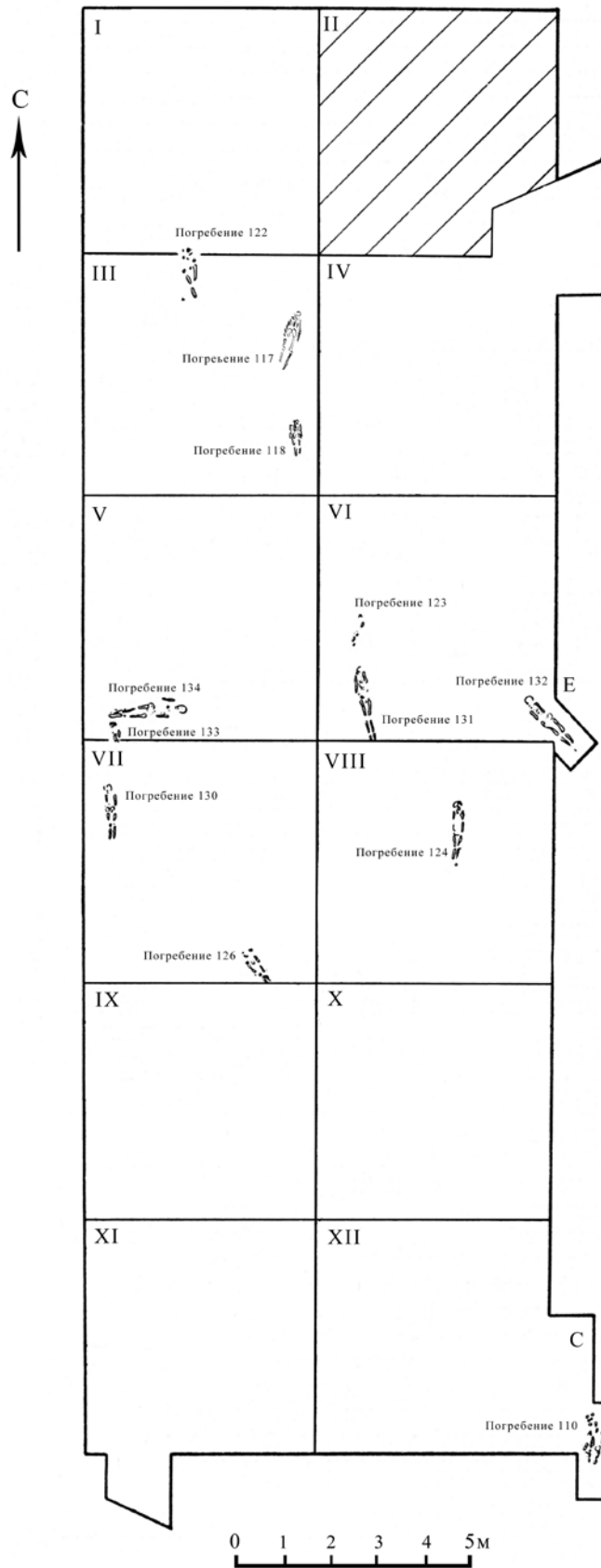
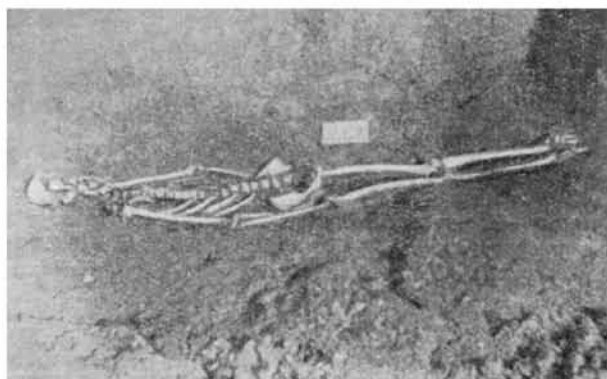
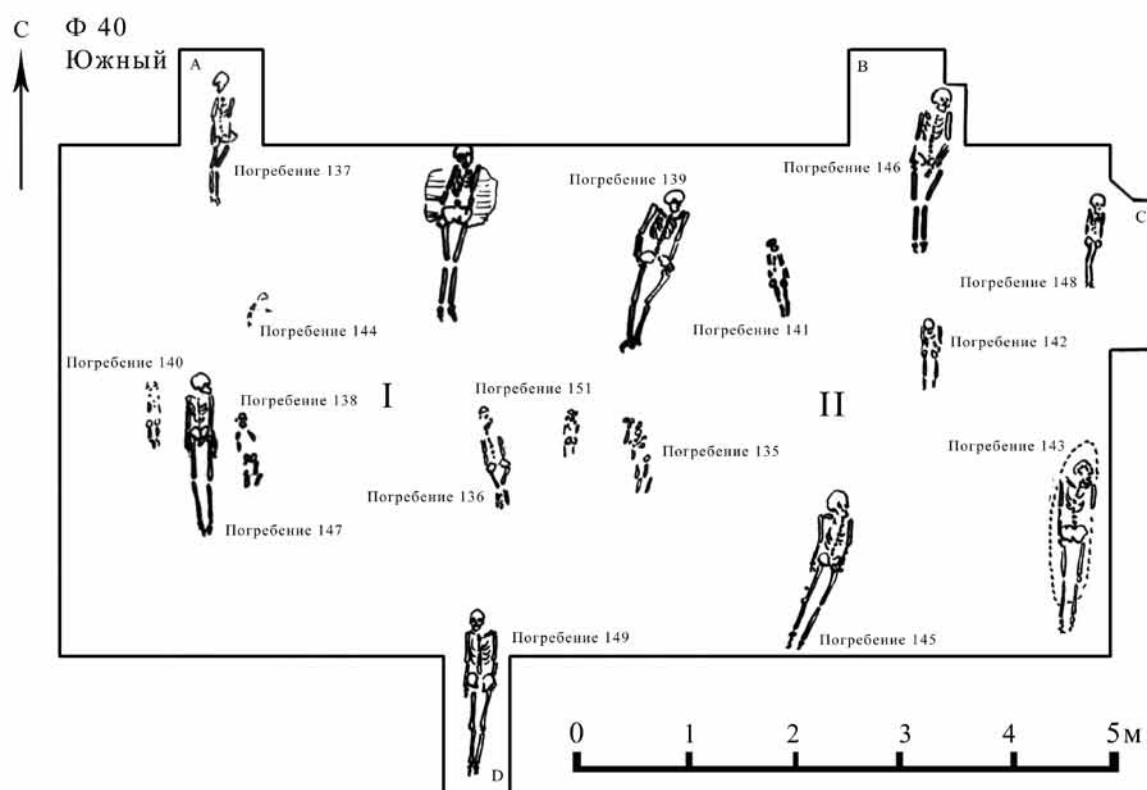

Рис. 151. Раскоп «Восточный некрополь». 1939–1940 гг. (Блаватский, 1951а, рис. 13)

1

2

Рис. 152. Раскоп «Южный». 1940 г. (Блаватский, 1951а, рис. 17.1). 1 – Погребение 143 (Блаватский, 1951а, рис. 14.5). Фото, вид с запада. 2 – Погребение 147. Фото, вид с запада

Ф 47
Майский II

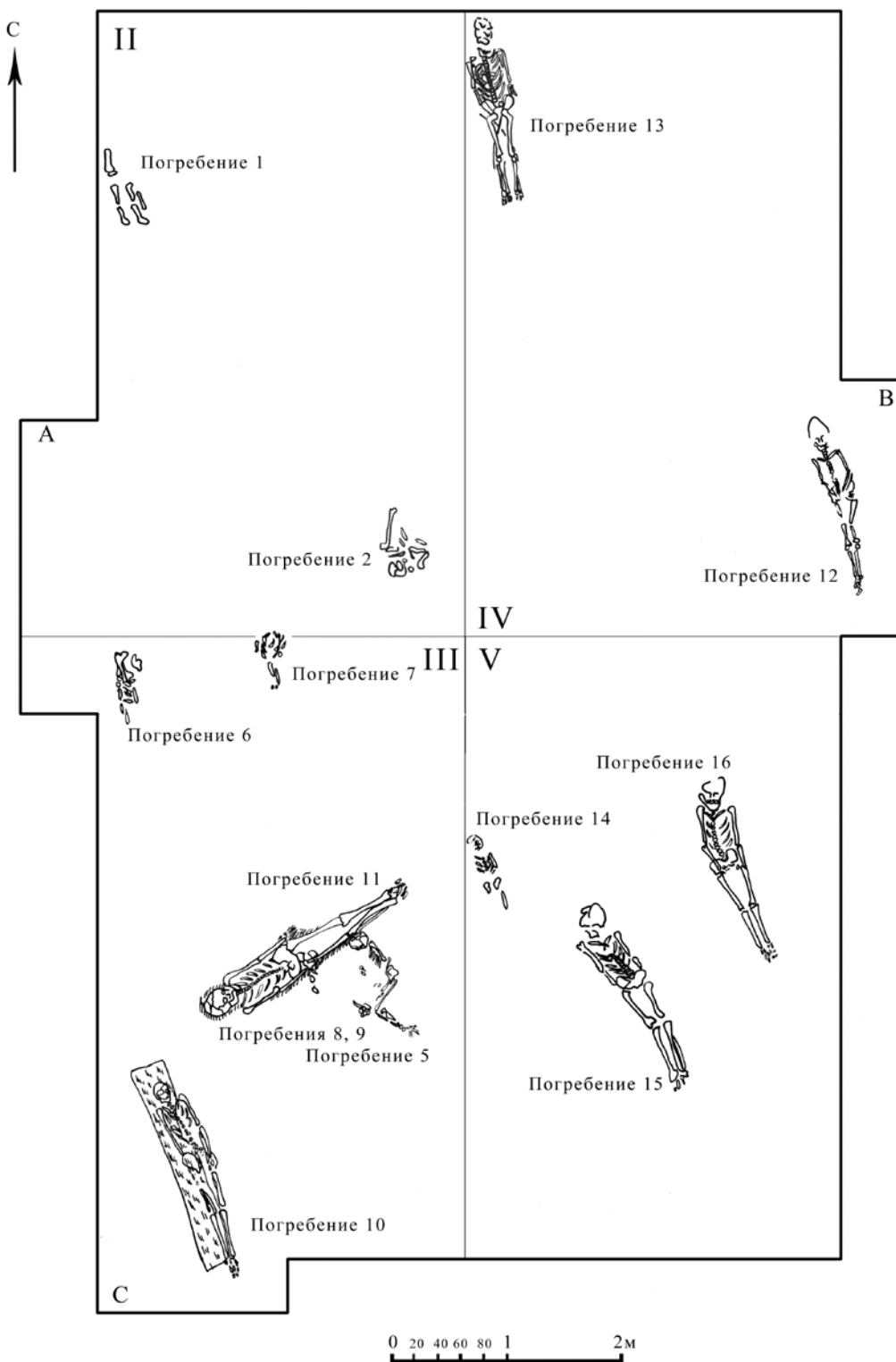

Рис. 153. Раскоп «Майский II». 1947 г. (Кобылина, 1951а, рис. 1)

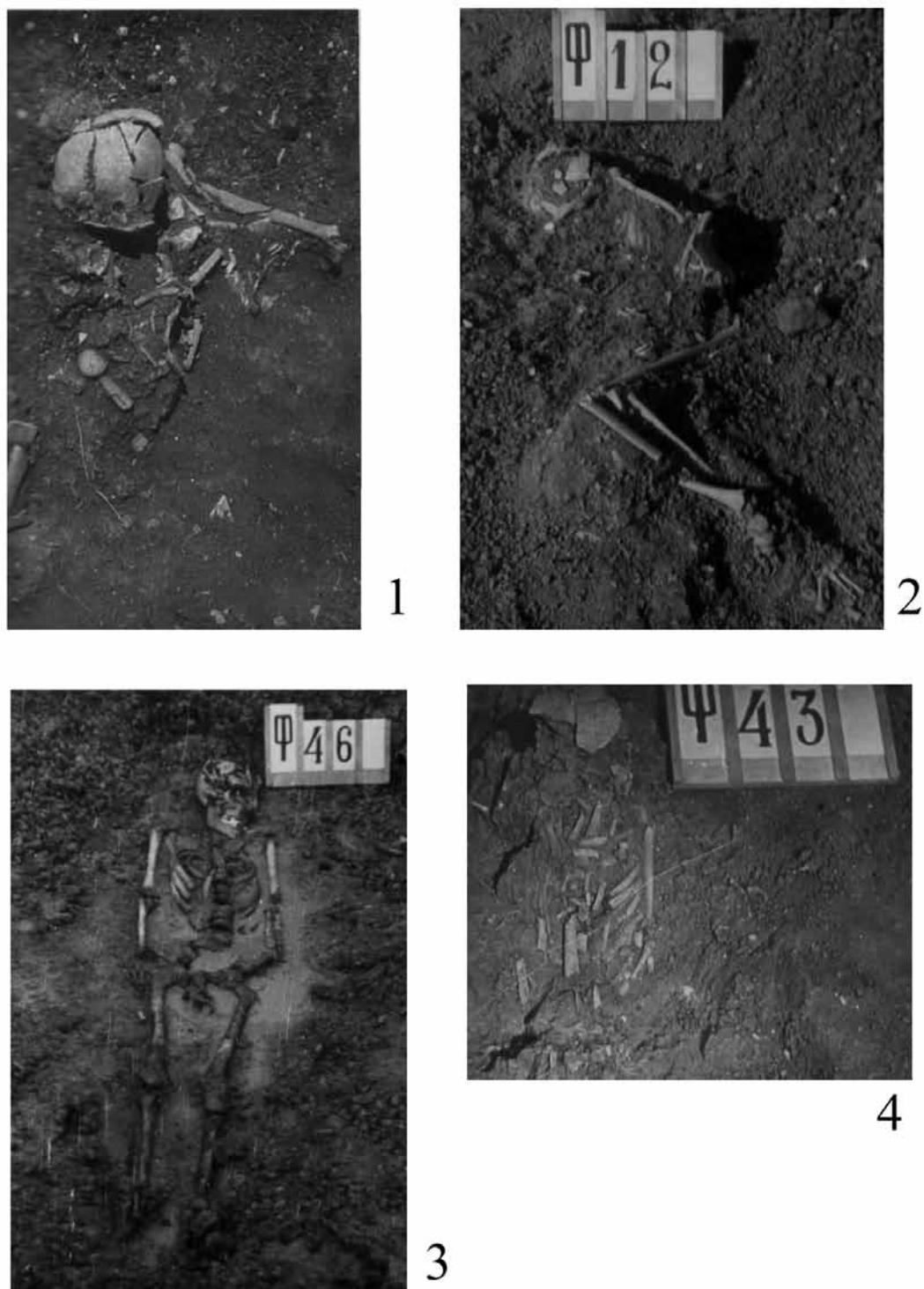

Рис. 154. Раскоп «Майский II». 1947 г. 1 – Погребение 2. Фото, вид с севера. 2 – Погребение 5. Фото, вид с юга. 3 – Погребение 13. Фото, вид с юга. 4 – Погребение 14. Фото, вид с юга

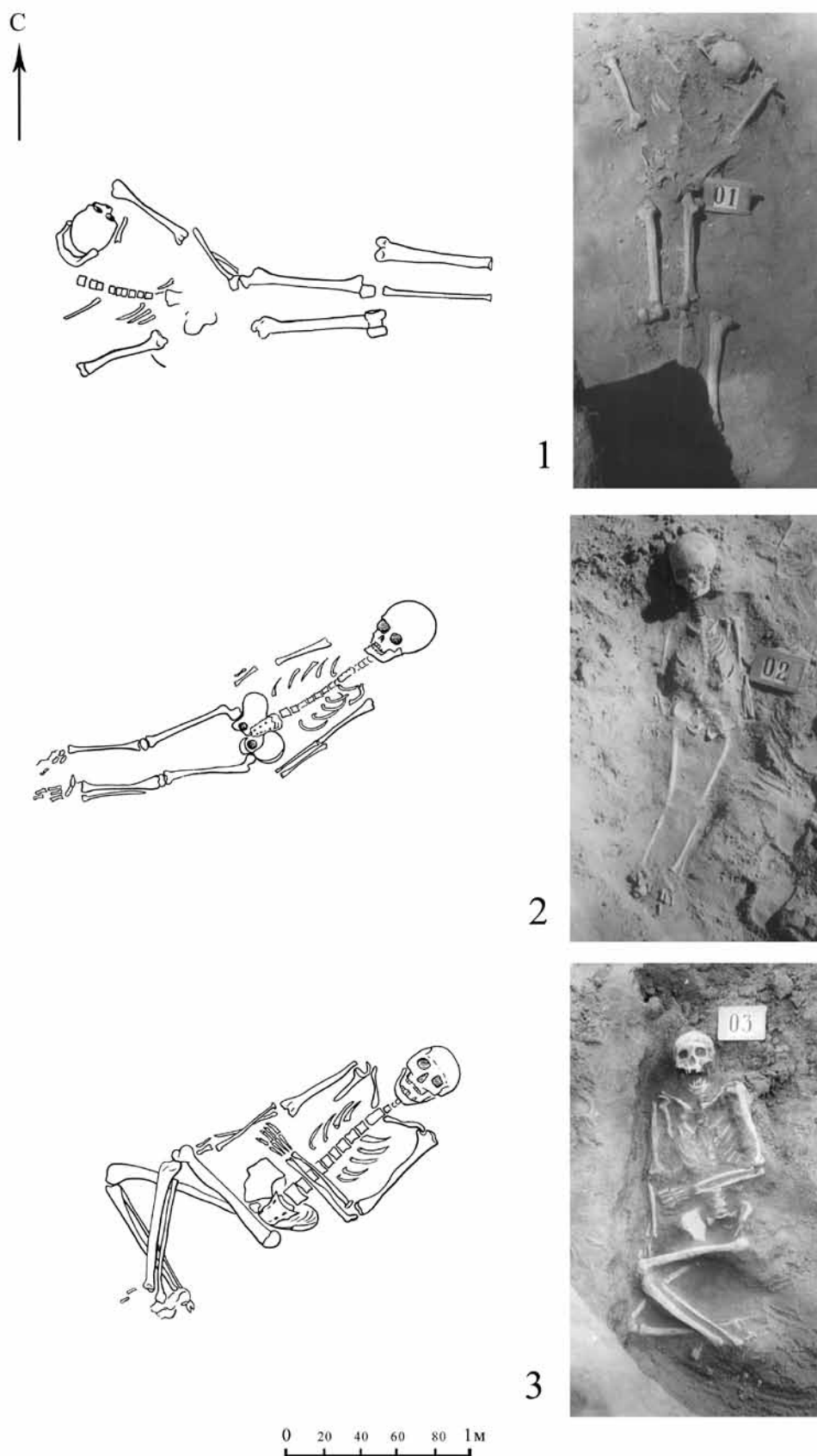

Рис. 155. Раскоп «Керамик». 1952 г. 1 – Погребение 1. Фото, вид с востока. 2 – Погребение 2. Фото, вид с юго-запада. 3 – Погребение 3. Фото, вид с юго-запада. (Атавин, 1986, рис. 1.1-3)

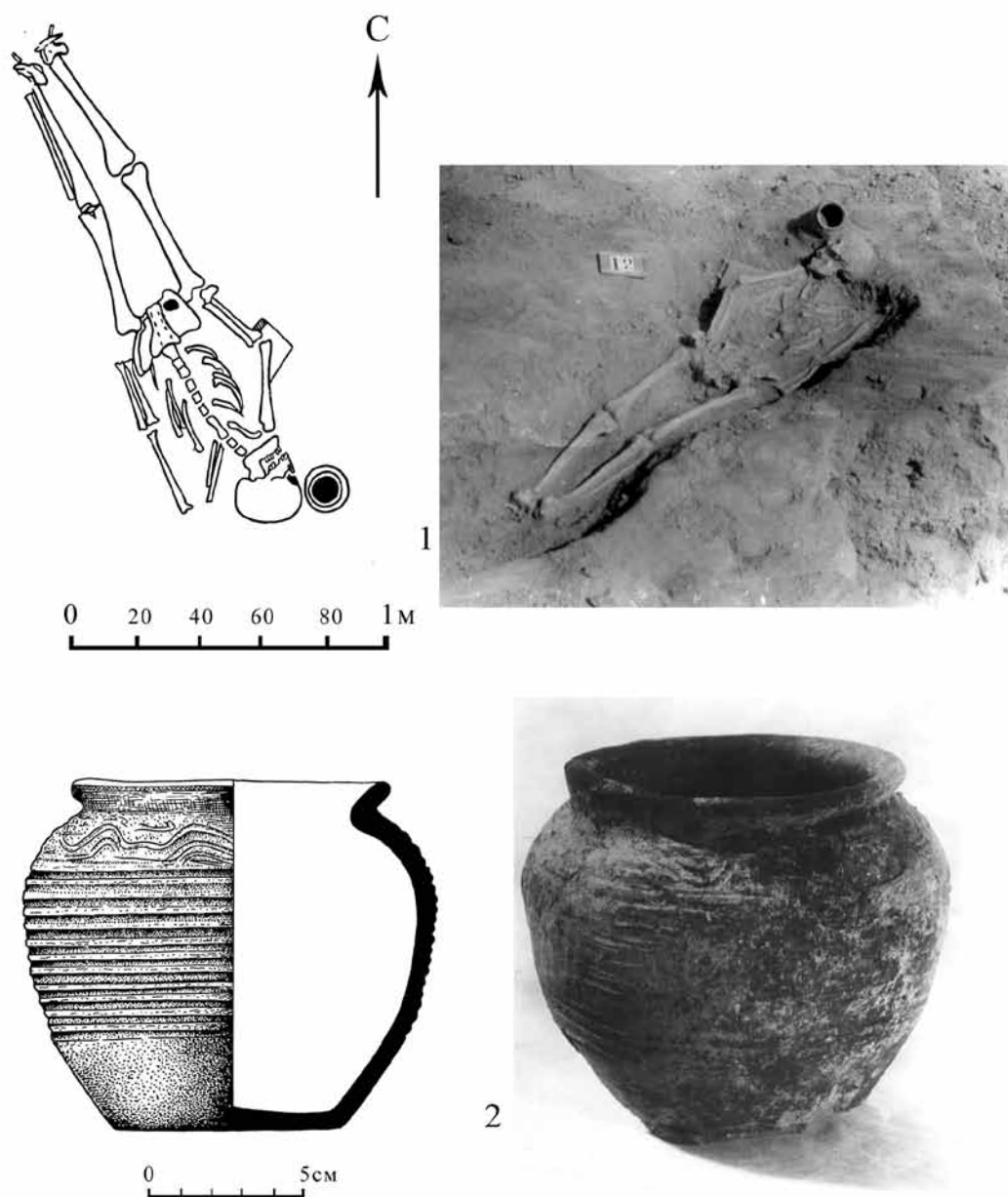
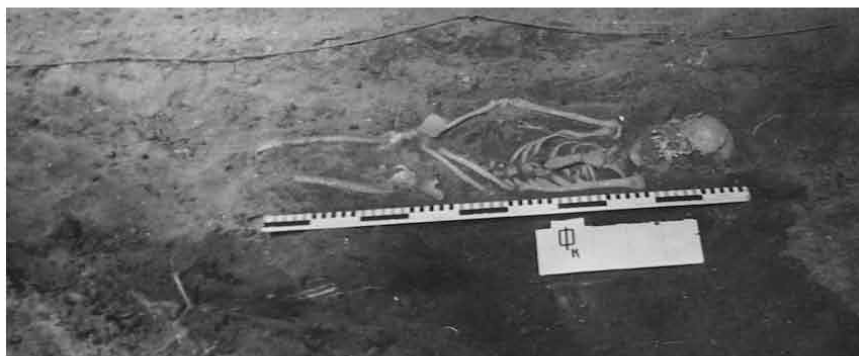

Рис. 156. Раскоп «Керамик». 1952 г. 1 – Погребение 5. Фото, вид с северо-запада.
2 – Горшок из погребения. (Атавин, 1986, рис. 2.1-2)

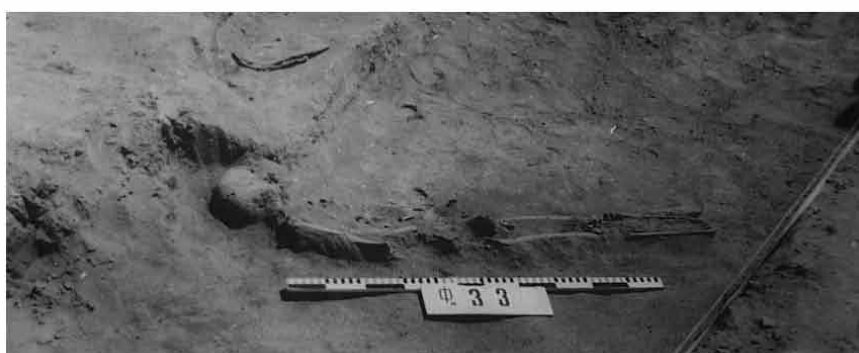
1

2

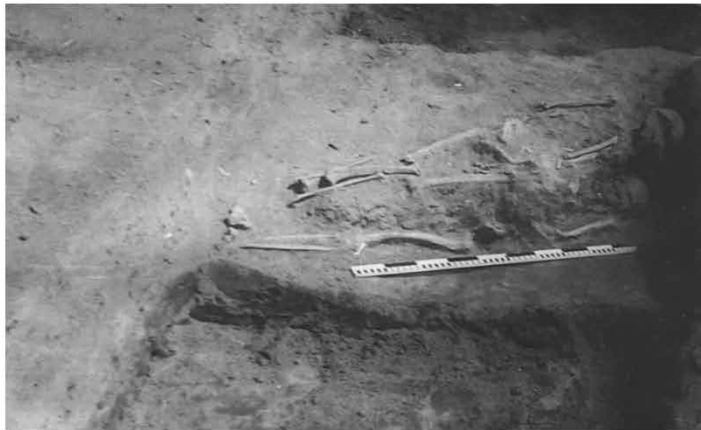

3

4

Рис. 158. Раскоп «Керамик». 1964 г. 1 – Погребение 1. Фото, вид с востока. 2 – Погребение 2. Фото, вид с востока. 3 – Погребение 4. 4 – Погребение 5. Фото, вид с северо-запада

1

2

3

4

Рис. 159. Раскоп «Керамик». 1964 г. 1 – Погребение 6. Фото, вид с юга. 2 – Погребение 7. Фото, вид с запада. 3 – Погребение 8. Фото, вид с юго-востока. 4 – Погребение 9. Фото, вид с юга

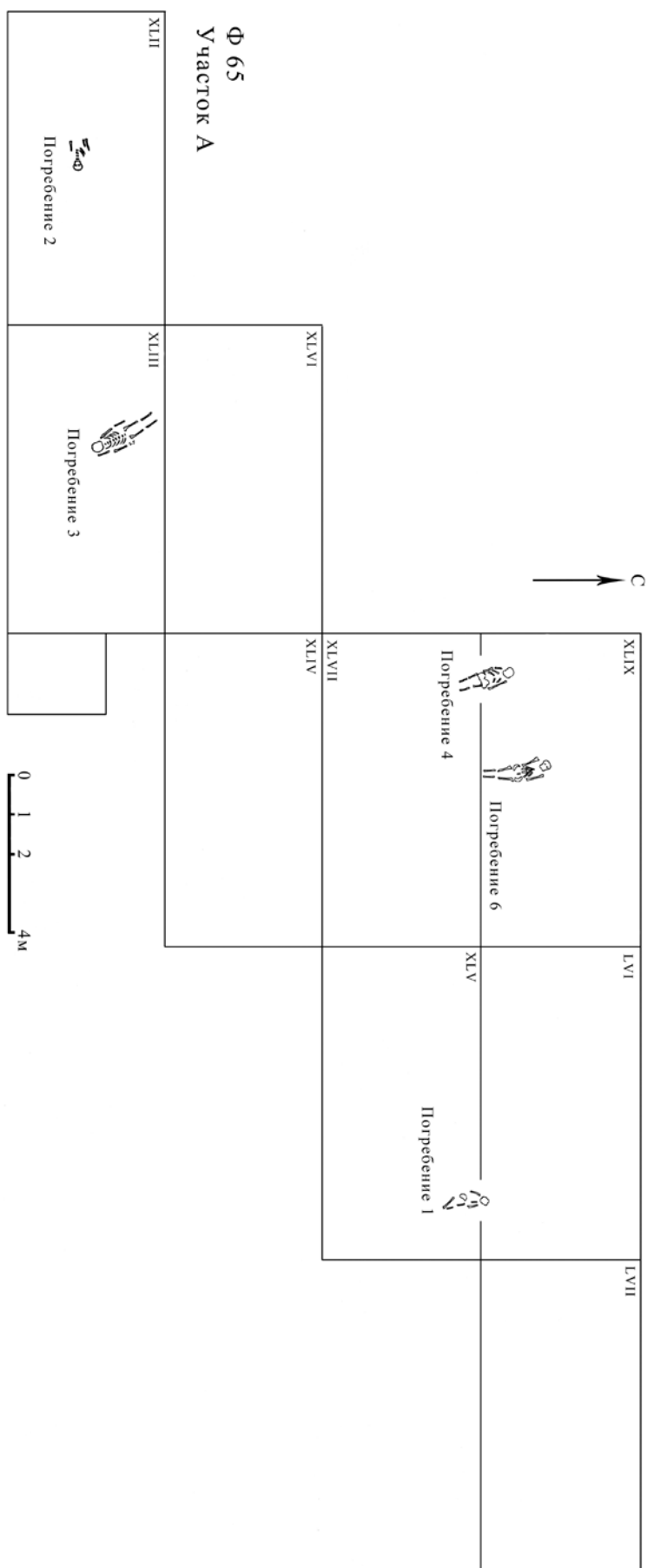

Рис. 160. Раскоп «Участок А». 1965 г. (Кобылина, 1970, рис. 28)

1

2

3

4

5

Рис. 161. Раскоп «Участок А». 1965 г. 1 – Погребение 1. Фото, вид с юго-запада. 2 – Погребение 2. Фото, вид с северо-запада. 3 – Погребение 3. Фото, вид с севера. 4 – Погребение 4. Фото, вид с юго-запада. 5 – Погребение 6. Фото, вид с юго-востока

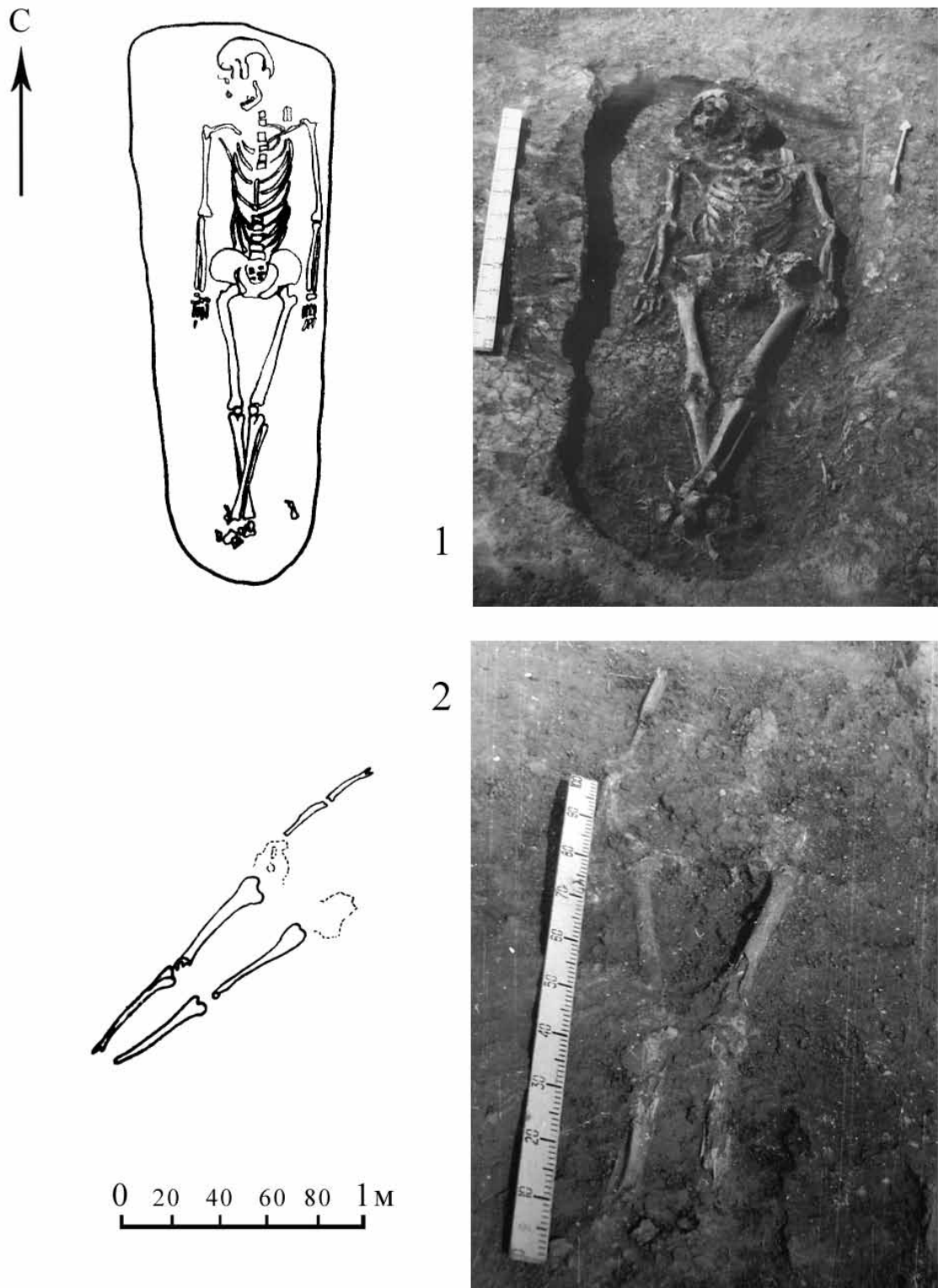

Рис. 162. Раскоп «Южный город». 1979 г. Погребение 20. Фото, вид с юга.
2 – Погребение 23. Фото, вид с юго-запада

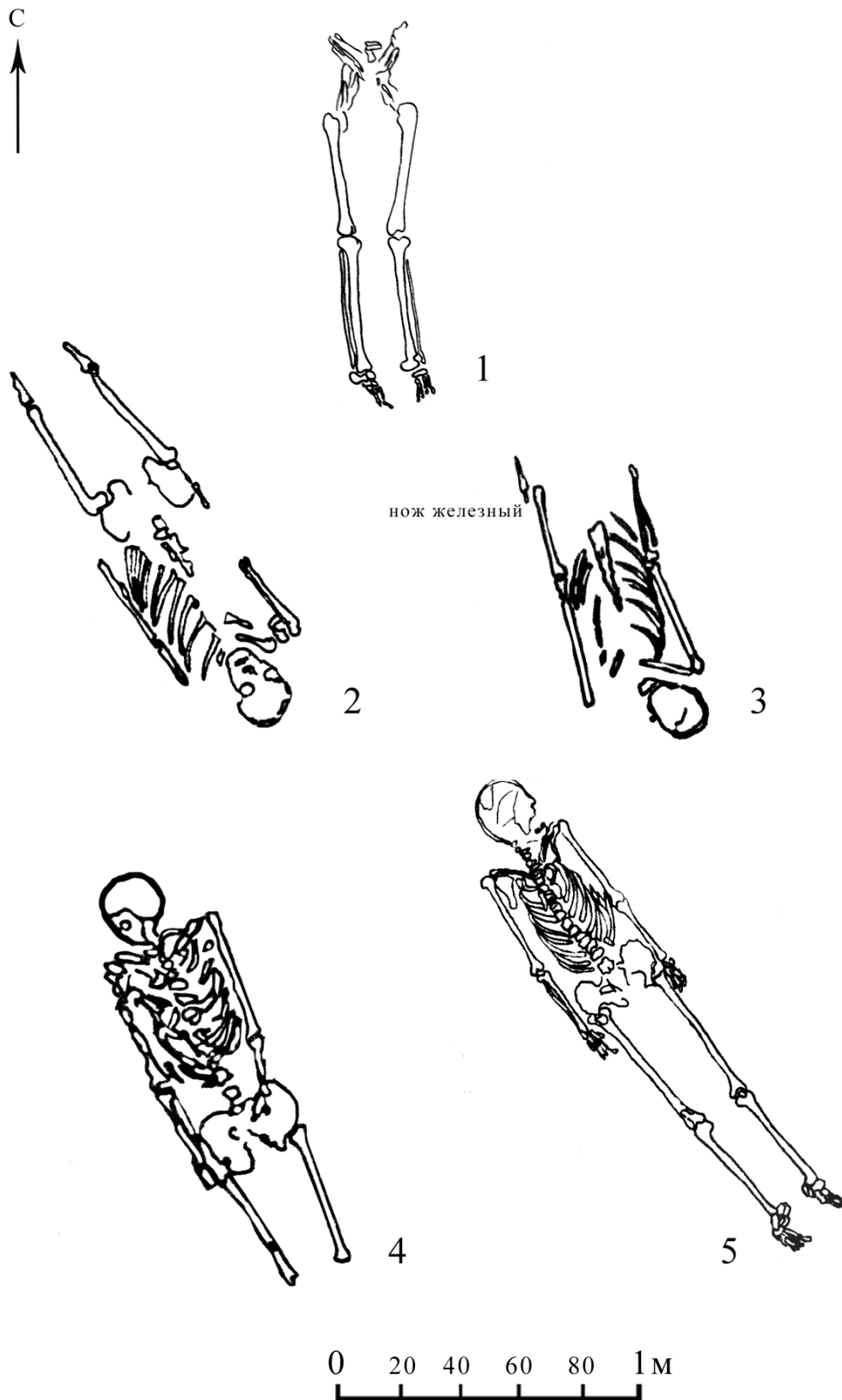

Рис. 163. Раскоп «Южный город». 1979 г. 1 – Погребение 26. 2 – Погребение 30.
3 – Погребение 31. 4 – Погребение 34. 5 – Погребение 41

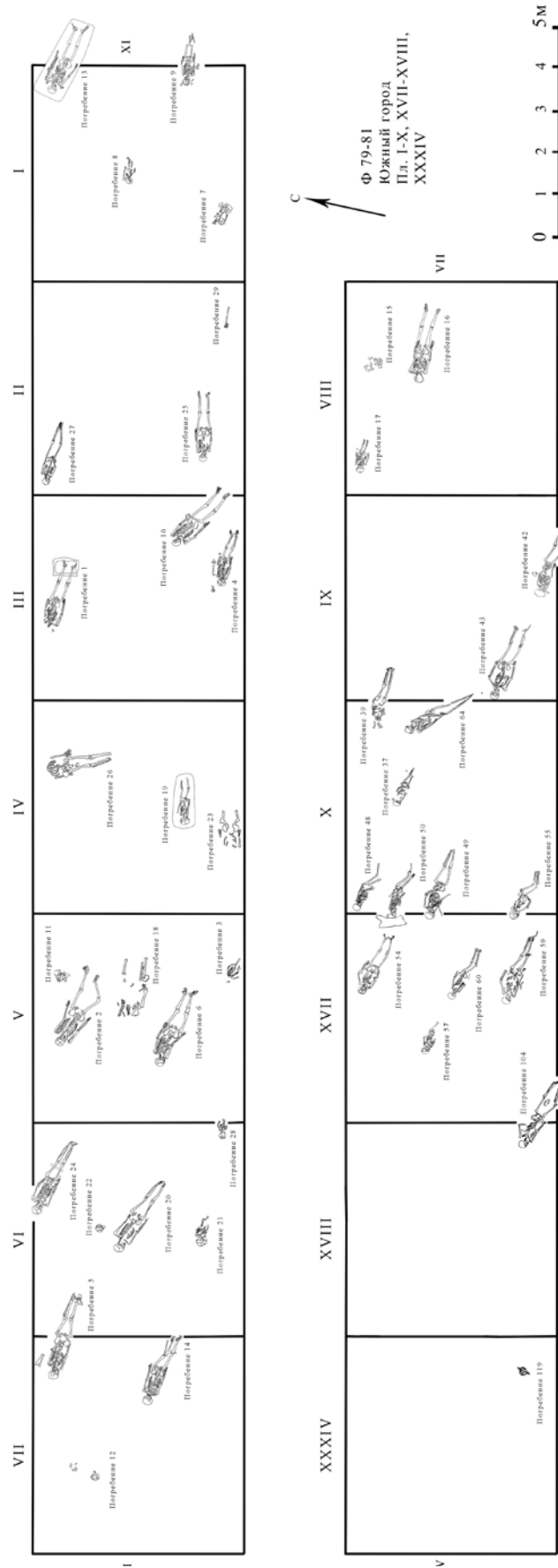

Рис. 165. Раскоп «Южный город». 1979–1981 гг. Площади I-X, XVII-XVIII, XXXIV

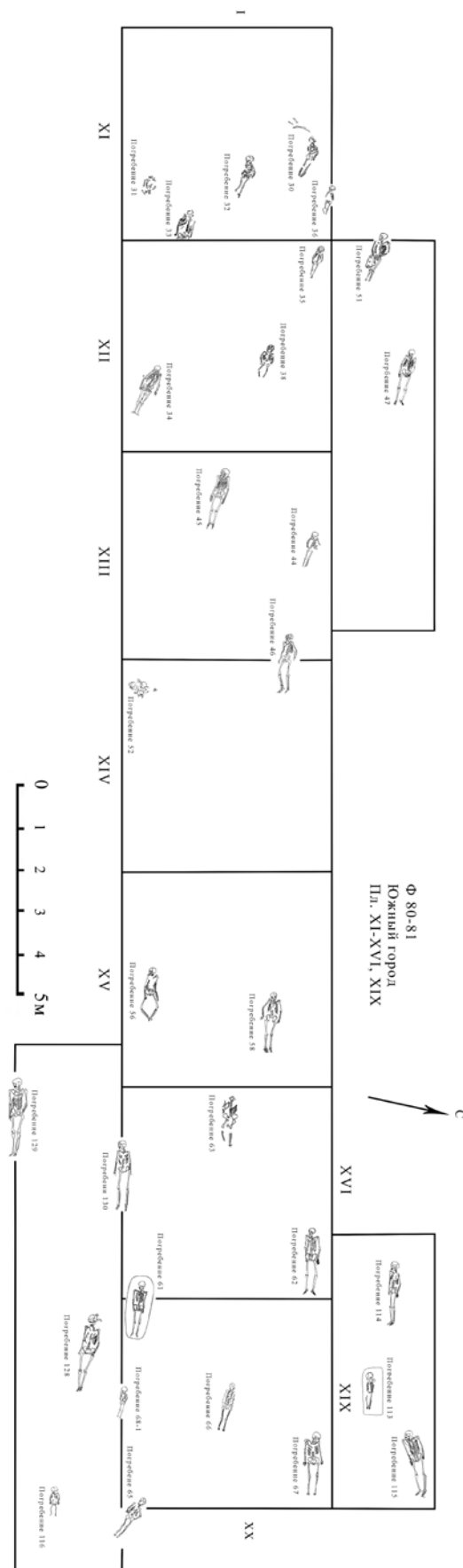

Рис. 166. Раскоп «Южный город». 1980–1981 гг. Площади XI-XVI, XIX

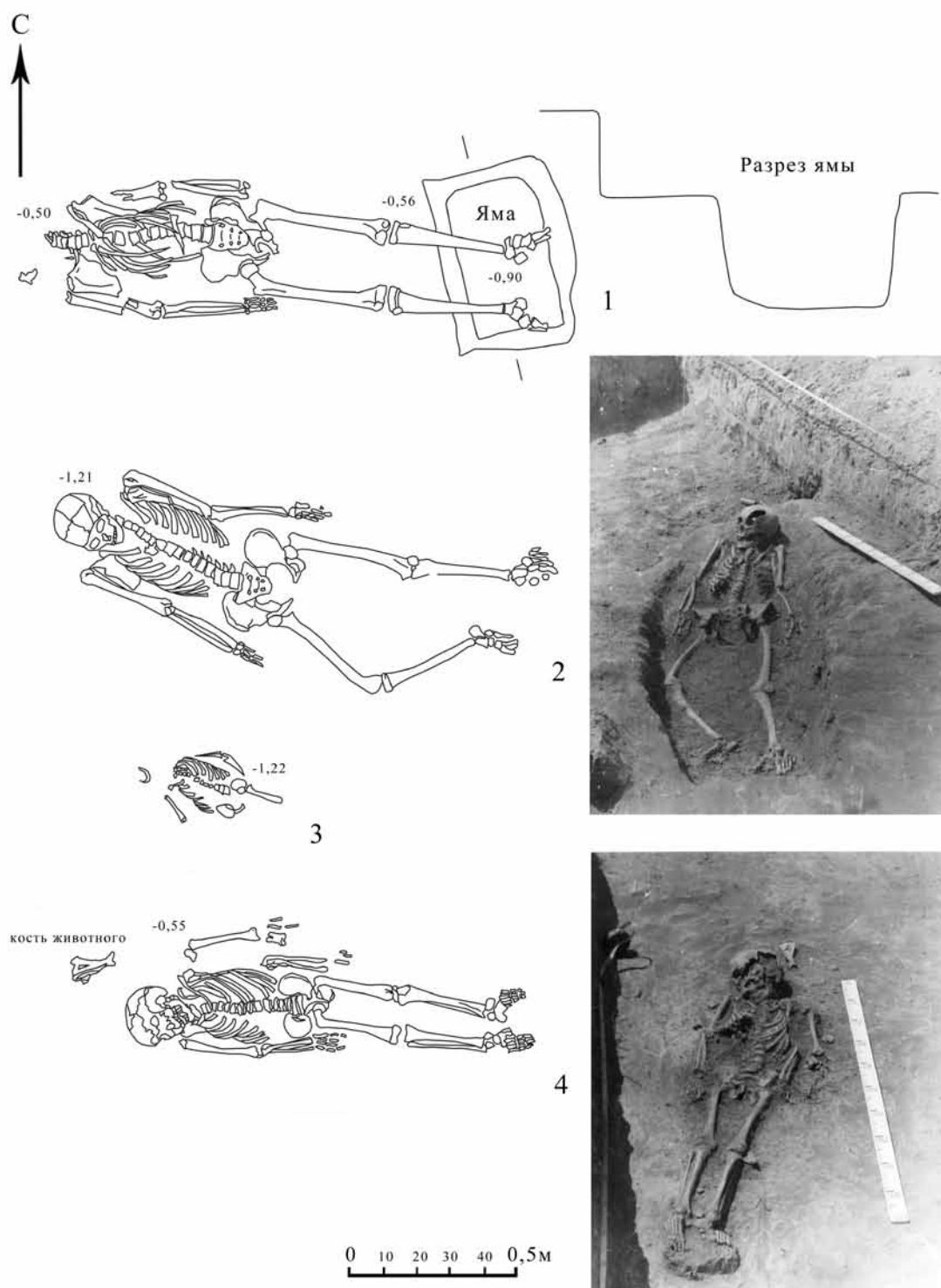

Рис. 168. Раскоп «Южный город». 1979 г. 1 – Погребение 1. 2 – Погребение 2. Фото, вид с востока. 3 – Погребение 3. 4 – Погребение 4. Фото, вид с востока

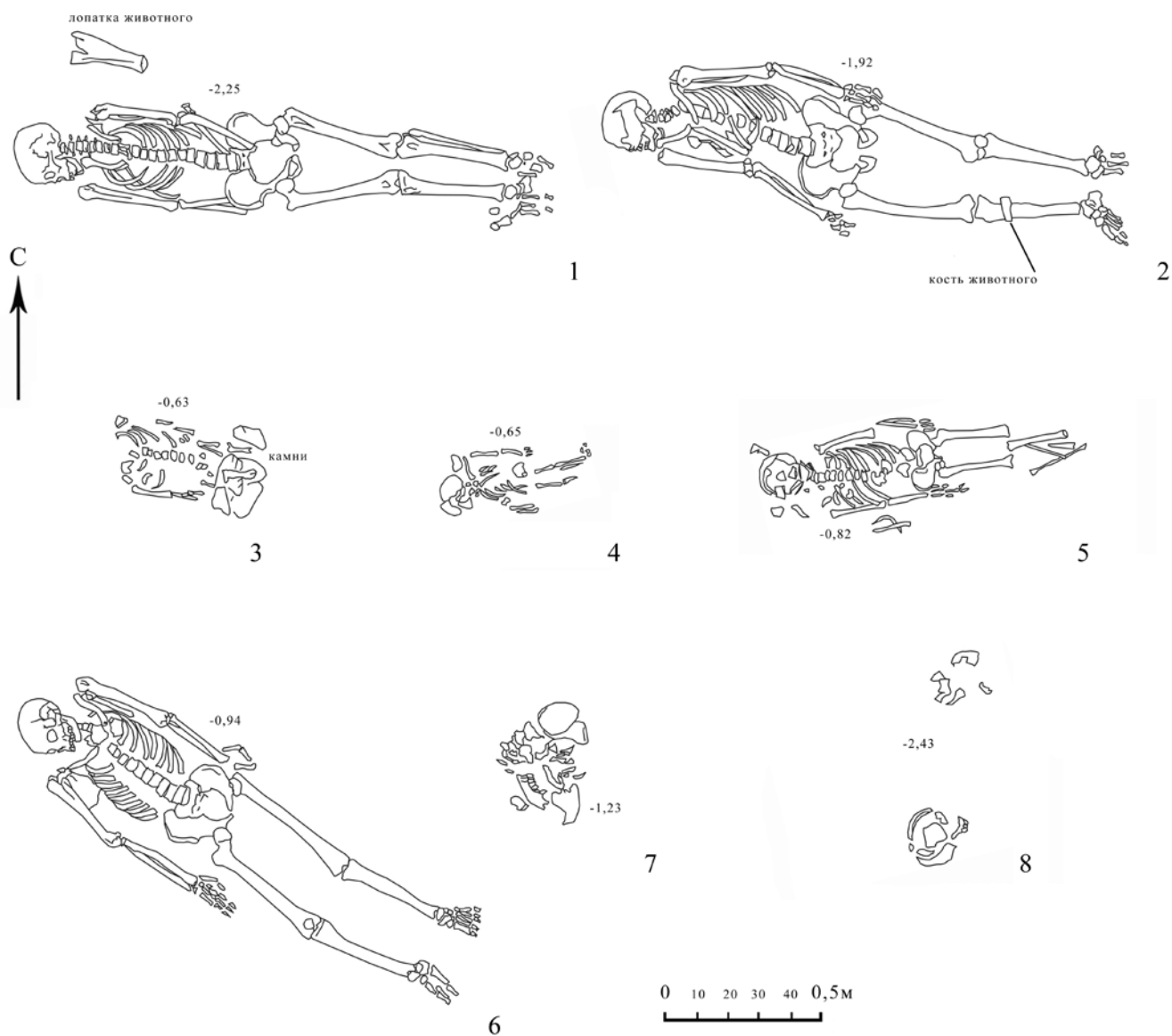

Рис. 169. Раскоп «Южный город». 1979 г. 1 – Погребение 5. 2 – Погребение 6.
 3 – Погребение 7. 4 – Погребение 8. 5 – Погребение 9. 6 – Погребение 10.
 7 – Погребение 11. 8 – Погребение 12

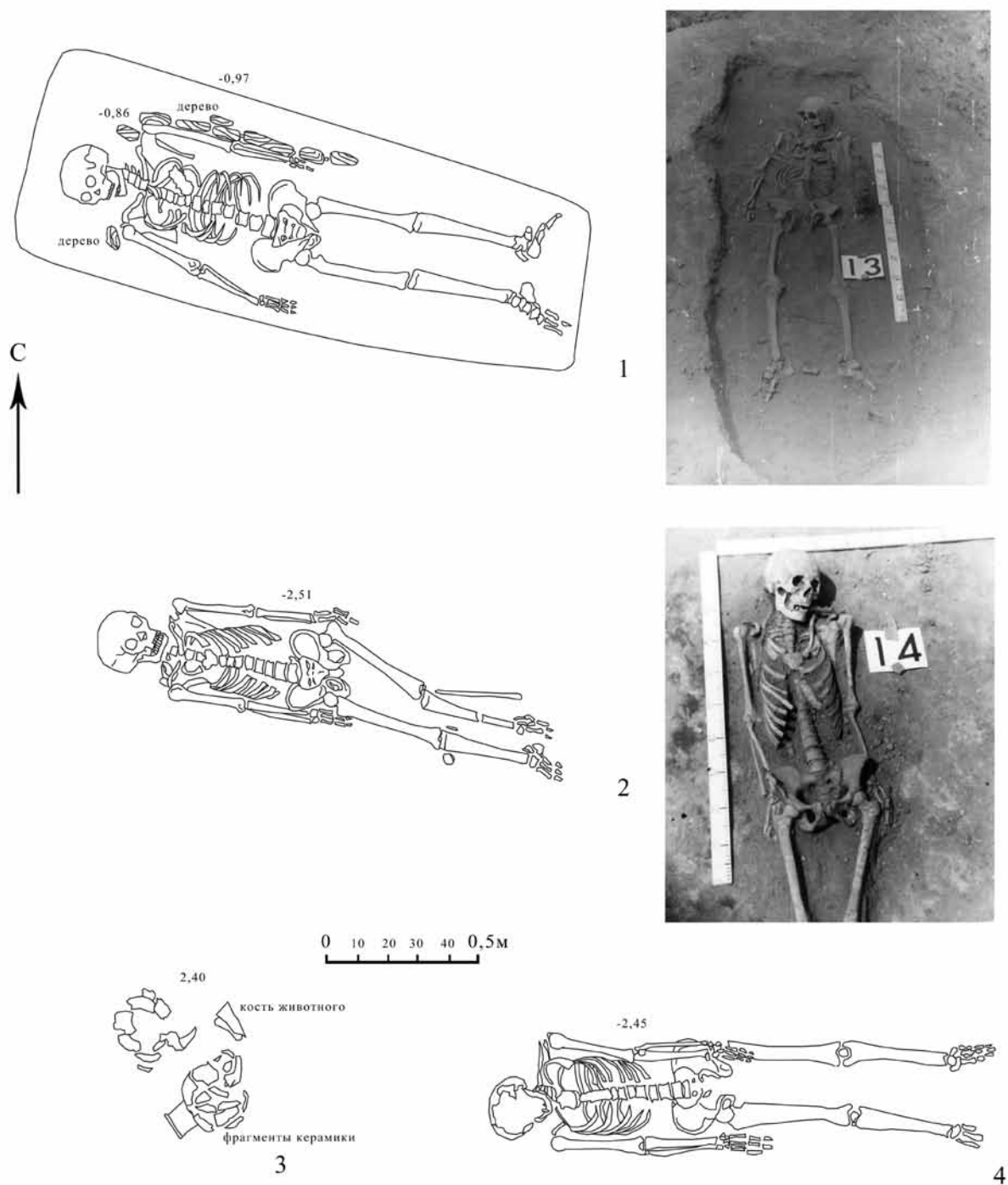

Рис. 170. Раскоп «Южный город». 1979 г. 1 – Погребение 13. Фото, вид с востока.
2 – Погребение 14. Фото, вид с востока. 3 – Погребение 15. 4 – Погребение 16

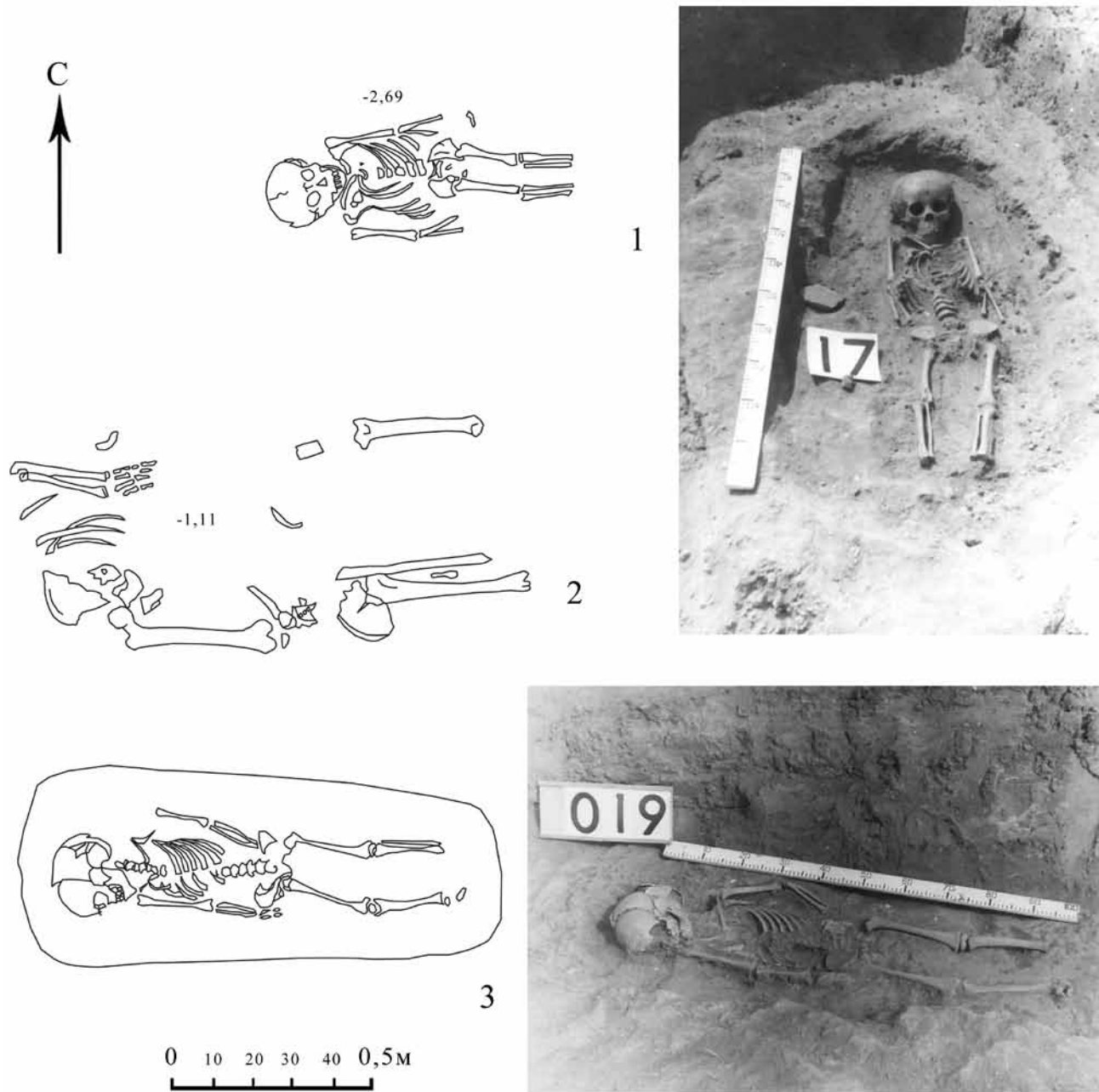

Рис. 171. Раскоп «Южный город». 1979 г. 1 – Погребение 17. Фото, вид с востока.
2 – Погребение 18. 3 – Погребение 19. Фото, вид с юга

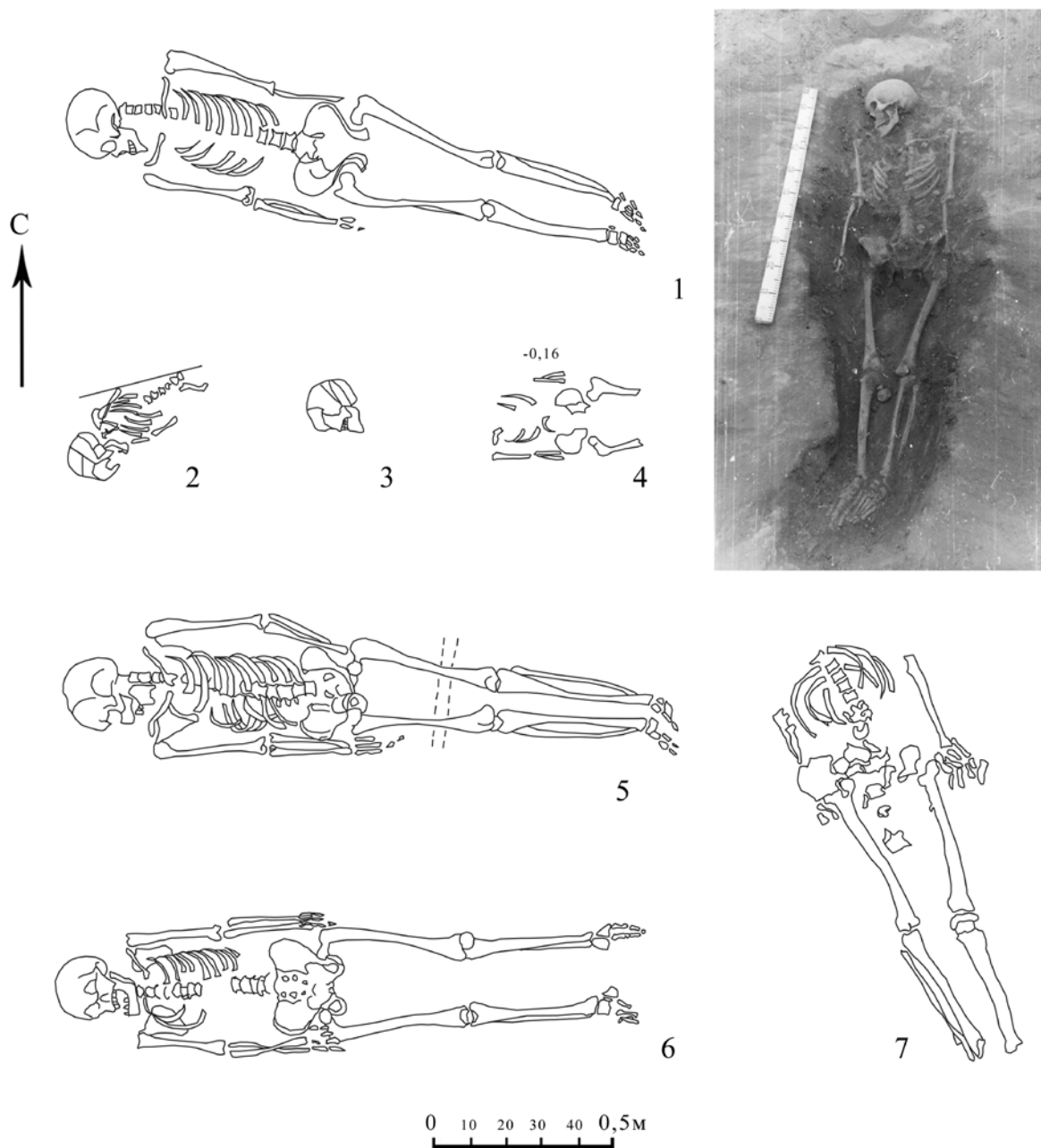

Рис. 172. Раскоп «Южный город». 1979 г. 1 – Погребение 20. Фото, вид с востока.
 2 – Погребение 21. 3 – Погребение 22. 4 – Погребение 23. 5 – Погребение 24.
 6 – Погребение 25. 7 – Погребение 26

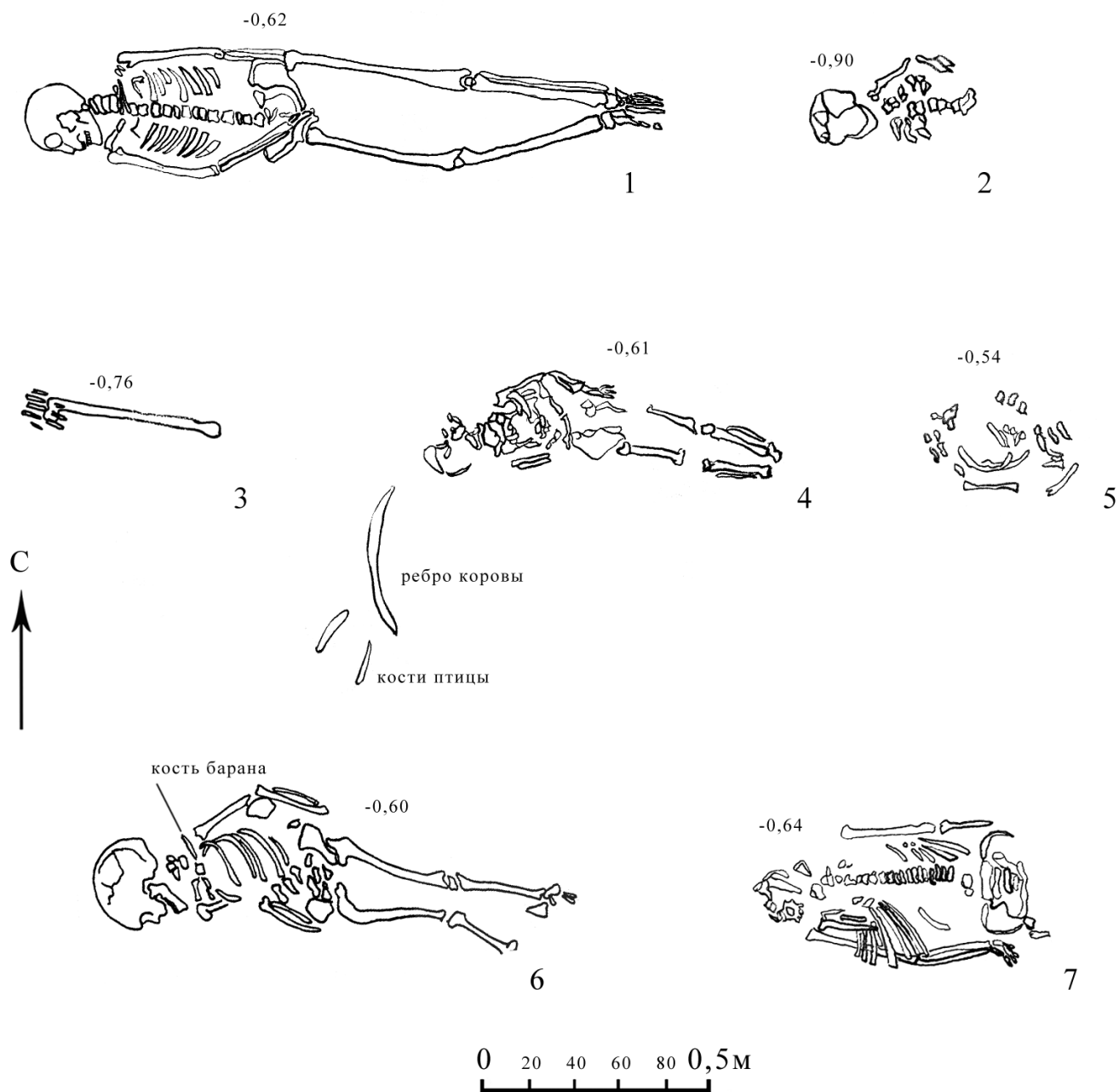

Рис. 173. Раскоп «Южный город». 1980 г. 1 – Погребение 27. 2 – Погребение 28.
 3 – Погребение 29. 4 – Погребение 30. 5 – Погребение 31. 6 – Погребение 32.
 7 – Погребение 33

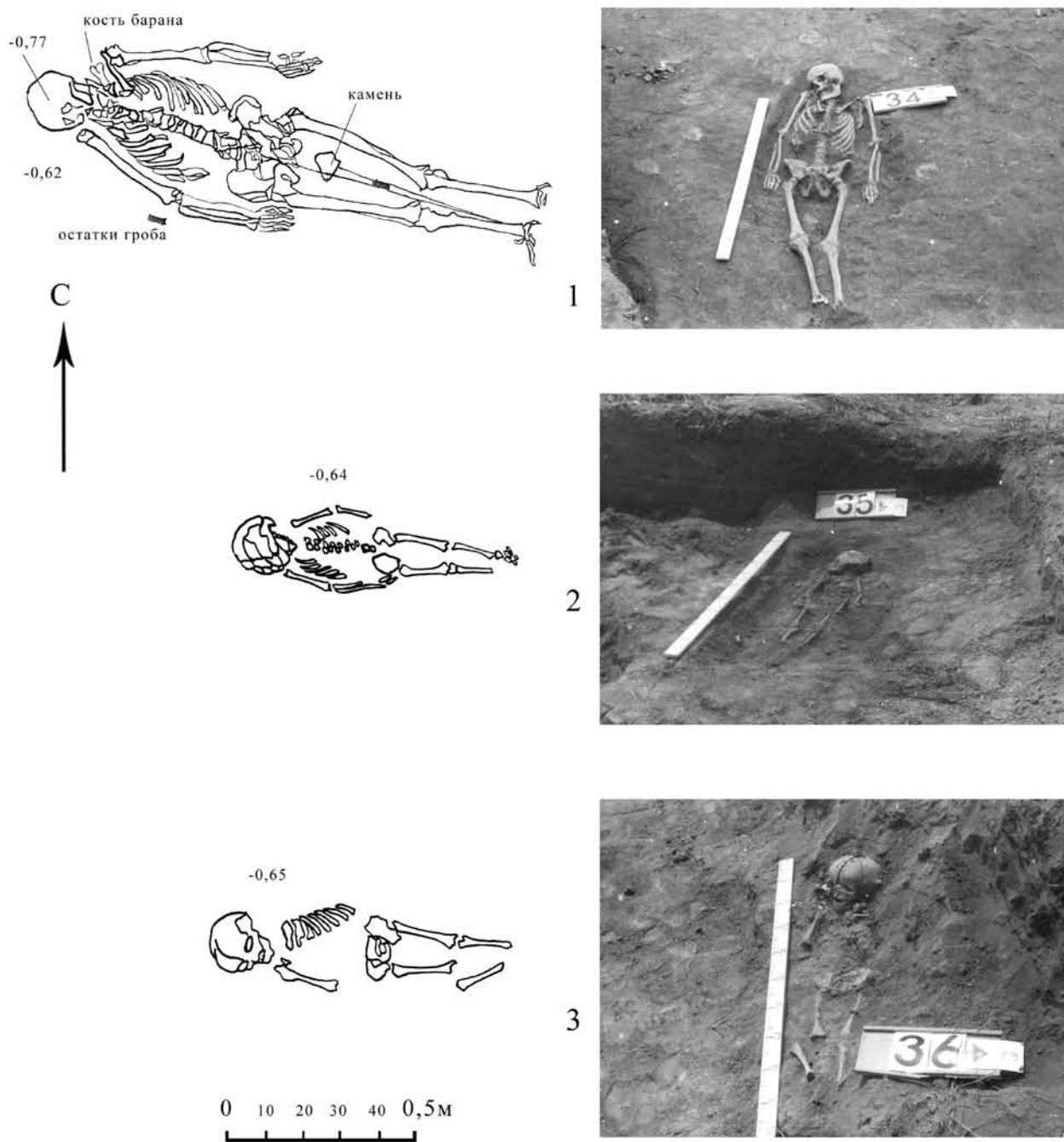

Рис. 174. Раскоп «Южный город». 1980 г. 1 – Погребение 34. Фото, вид с востока. 2 – Погребение 35. Фото, вид с востока. 3 – Погребение 36. Фото, вид с востока

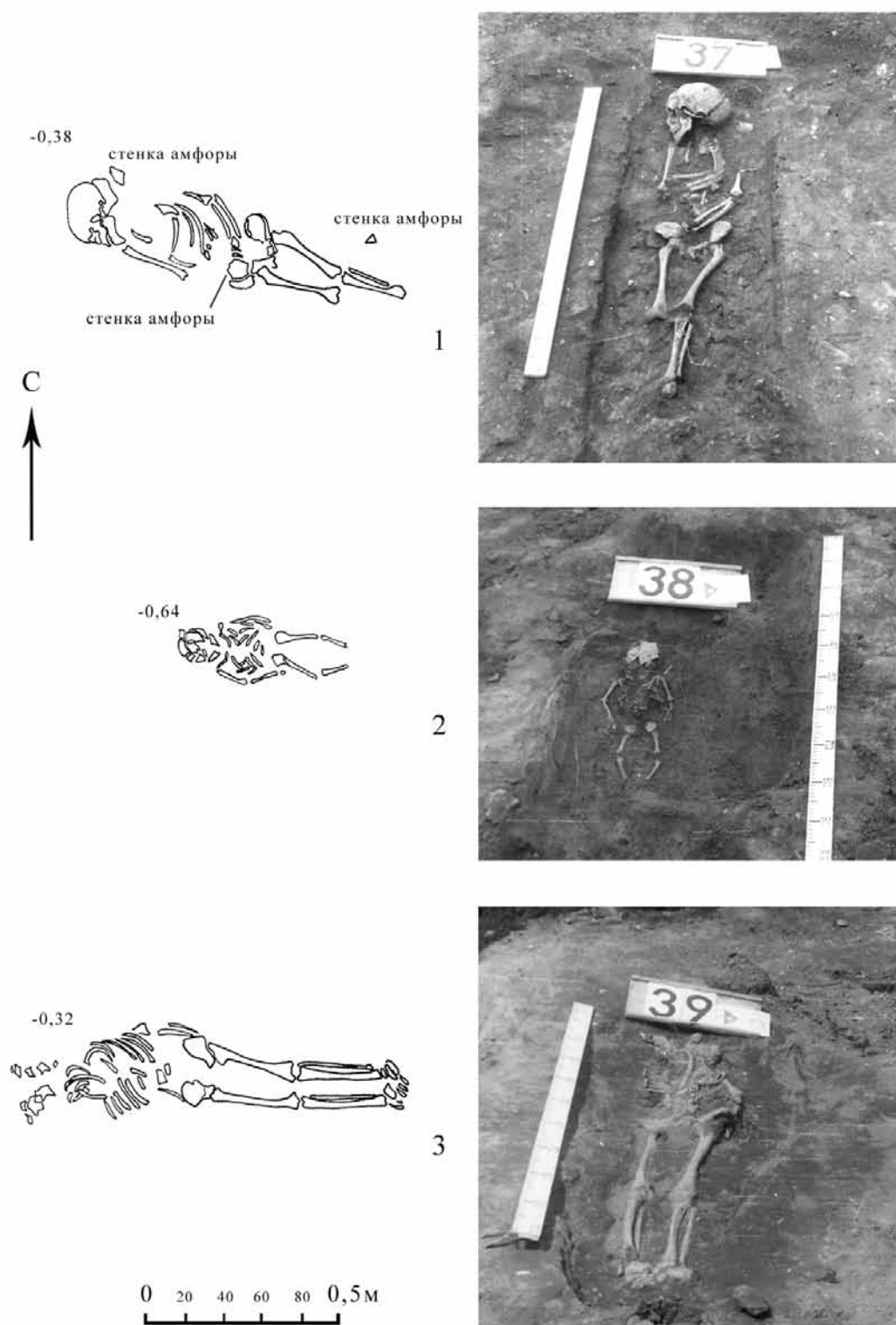
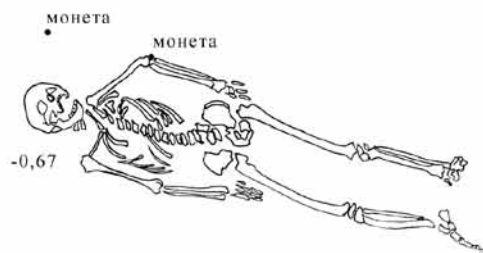

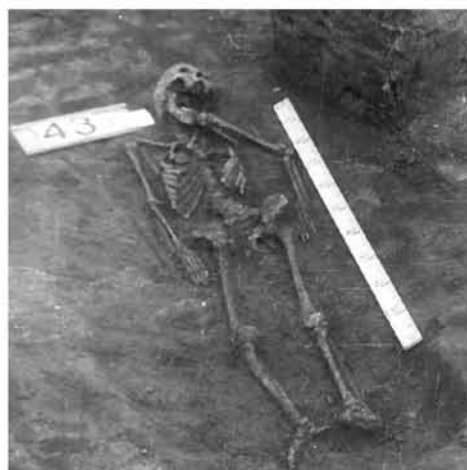
Рис. 175. Раскоп «Южный город». 1980 г. 1 – Погребение 37. Фото, вид с востока. 2 – Погребение 38. Фото, вид с востока. 3 – Погребение 39. Фото, вид с востока

1

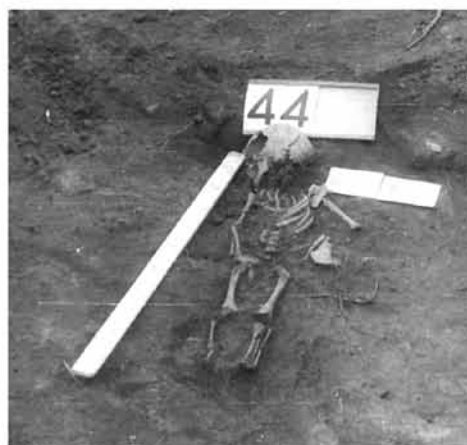
2

С

3

0 20 40 60 80 0,5 м

Рис. 176. Раскоп «Южный город». 1980 г. 1 – Погребение 42. Фото, вид с востока. 2 – Погребение 43. Фото, вид с востока. 3 – Погребение 44. Фото, вид с востока

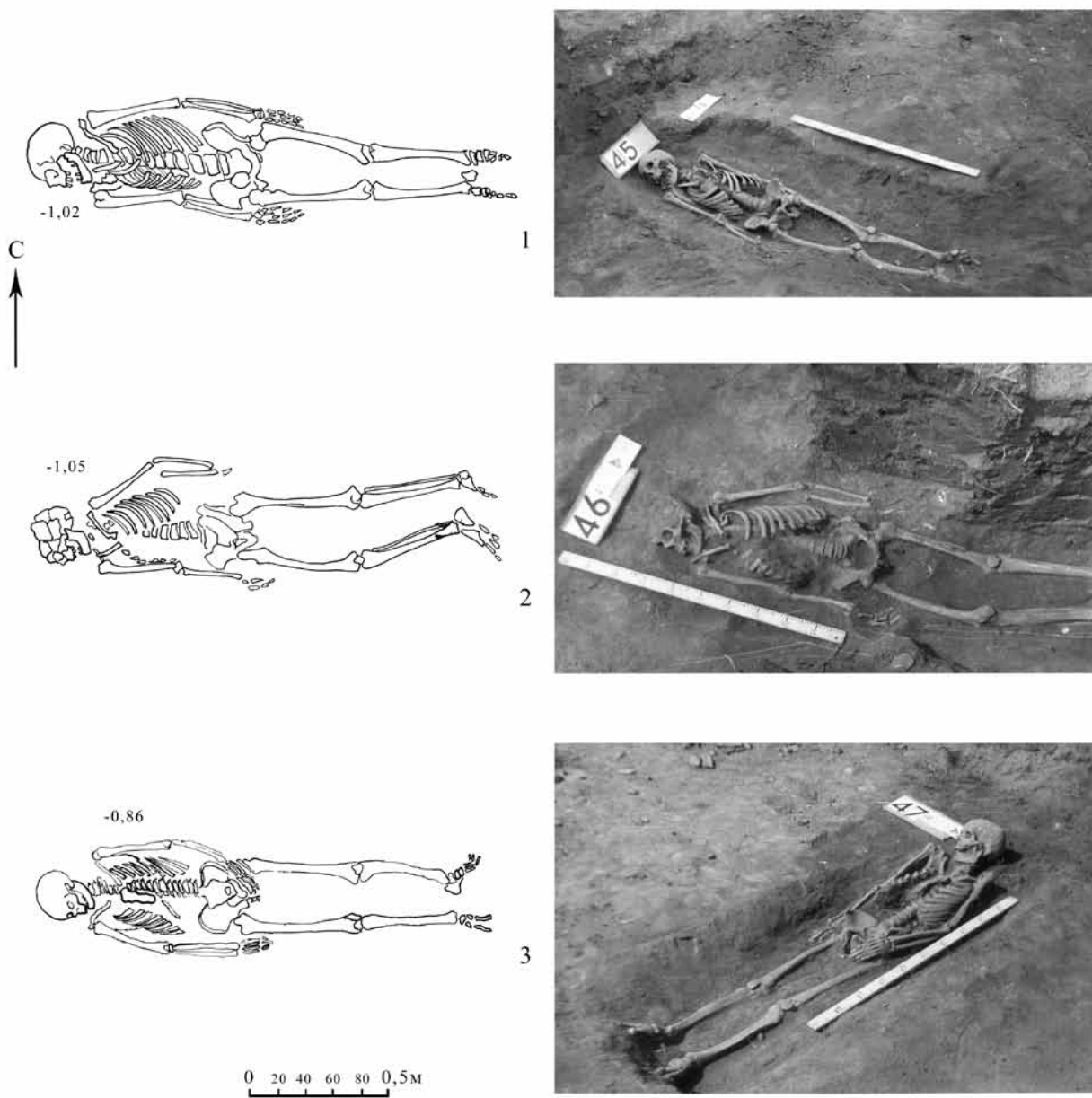

Рис. 177. Раскоп «Южный город». 1980 г. 1 – Погребение 45. Фото, вид с юго-востока. 2 – Погребение 46. Фото, вид с юга. 3 – Погребение 47. Фото, вид с северо-востока

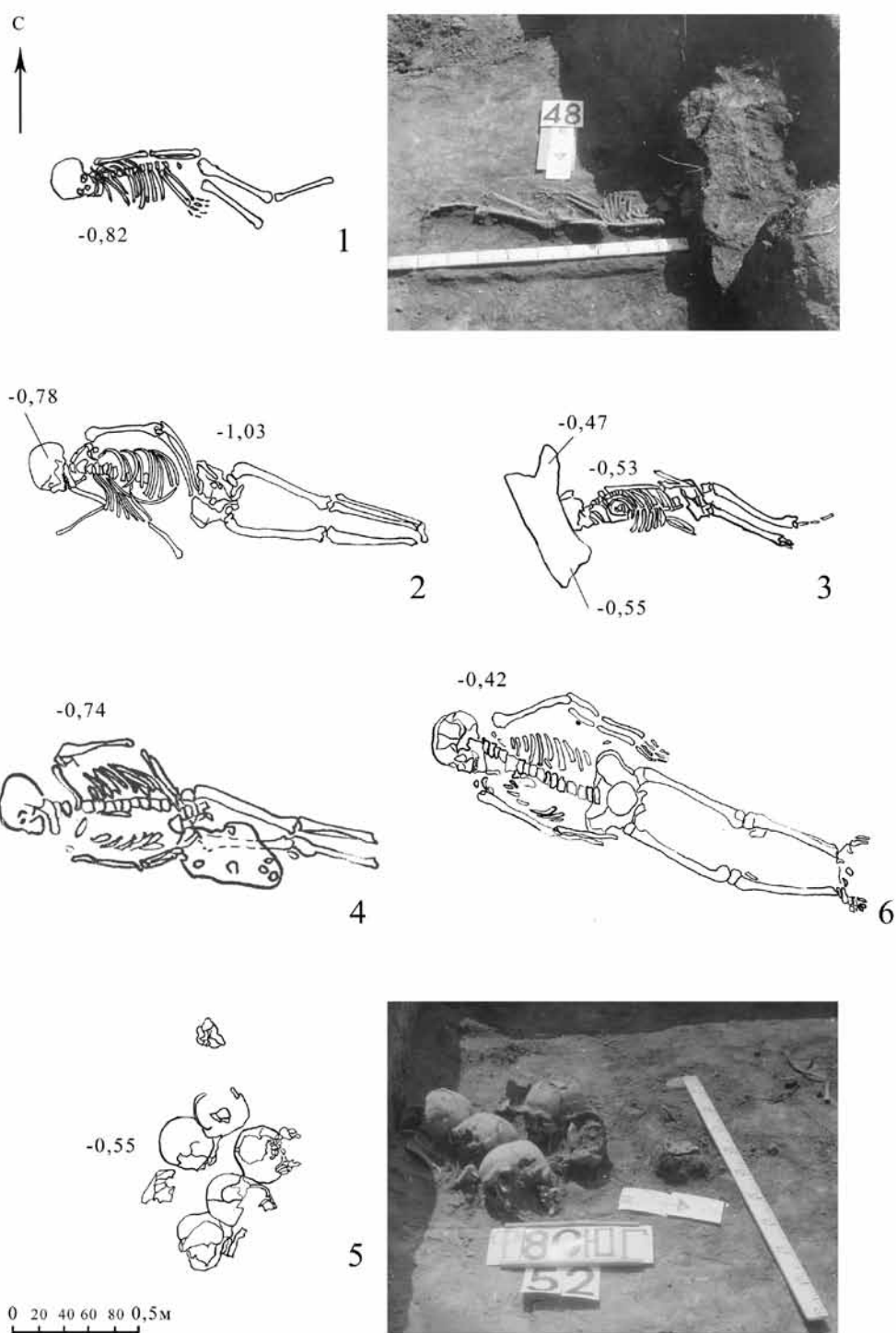

Рис. 178. Раскоп «Южный город». 1980 г. 1 – Погребение 48. Фото, вид с севера. 2 – Погребение 49. 3 – Погребение 50. 4 – Погребение 51. 5 – Погребение 52. Фото, вид с юга. 6 – Погребение 54

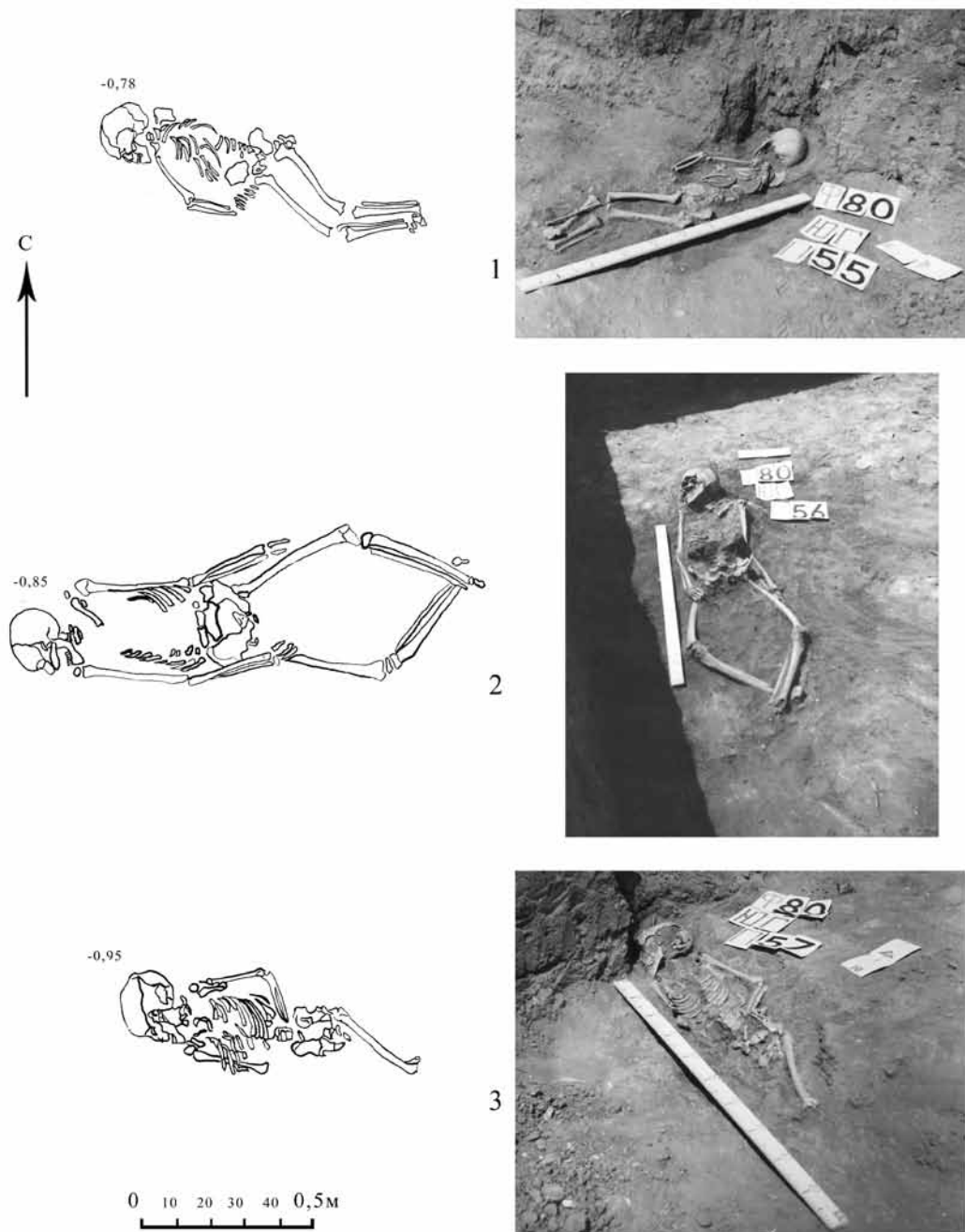
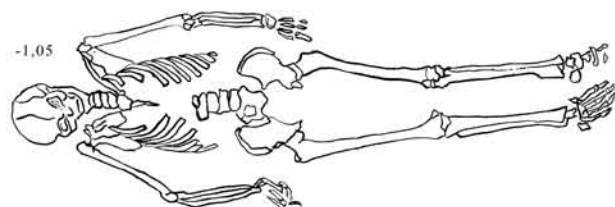
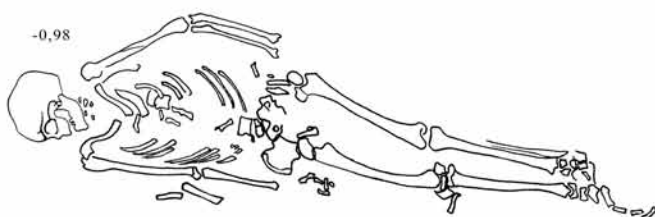

Рис. 179. Раскоп «Южный город». 1980 г. 1 – Погребение 55. Фото, вид с северо-востока.
2 – Погребение 56. Фото, вид с востока. 3 – Погребение 57. Фото, вид с востока

1

2

С

3

0 10 20 30 40 0,5М

Рис. 180. Раскоп «Южный город». 1980 г. 1 – Погребение 58. Фото, вид с юга. 2 – Погребение 59. Фото, вид с севера. 3 – Погребение 60. Фото, вид с северо-востока

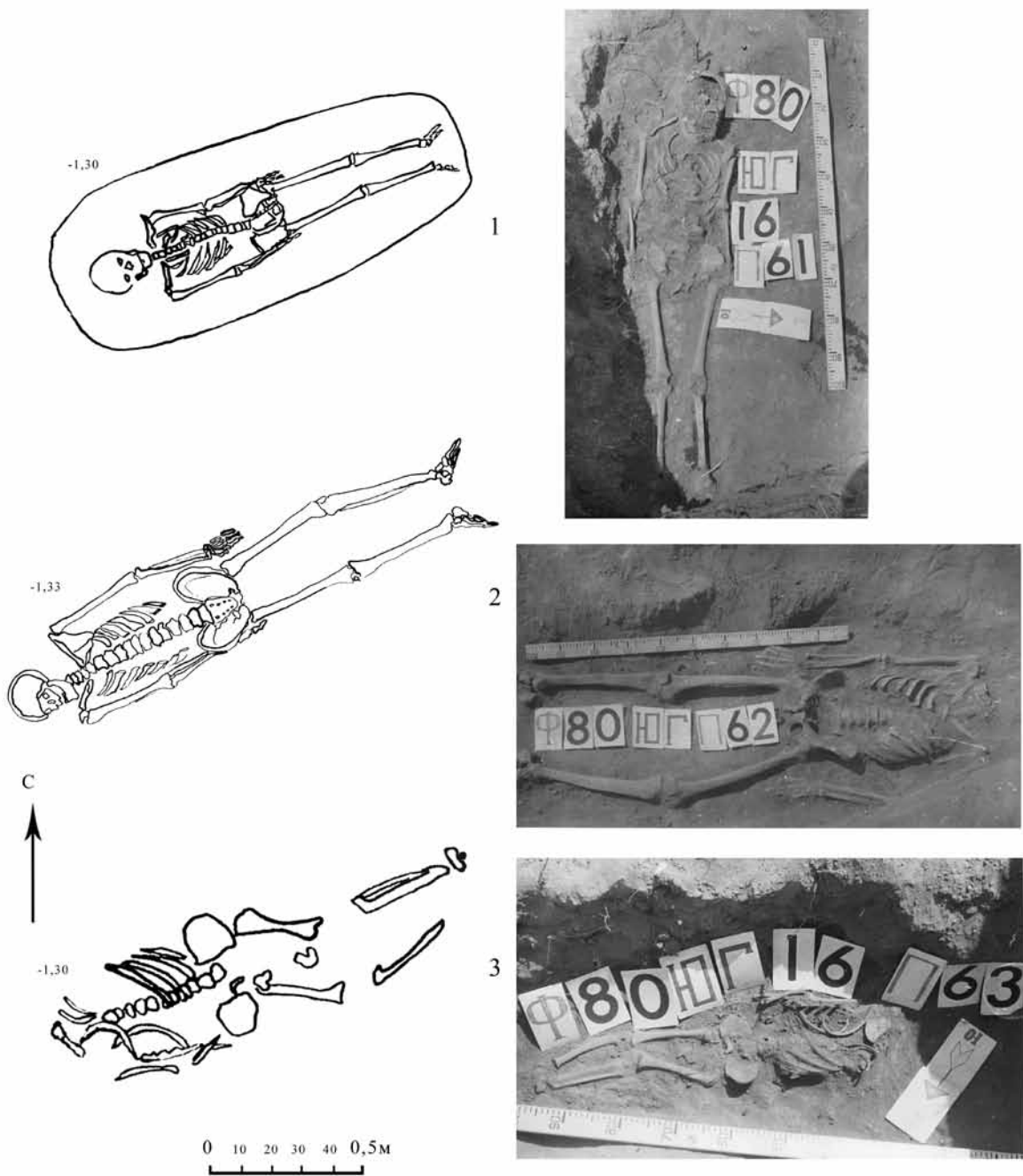

Рис. 181. Раскоп «Южный город». 1980 г. 1 – Погребение 61. Фото, вид с северо-востока.
2 – Погребение 62. Фото, вид с севера. 3 – Погребение 63. Фото, вид с севера

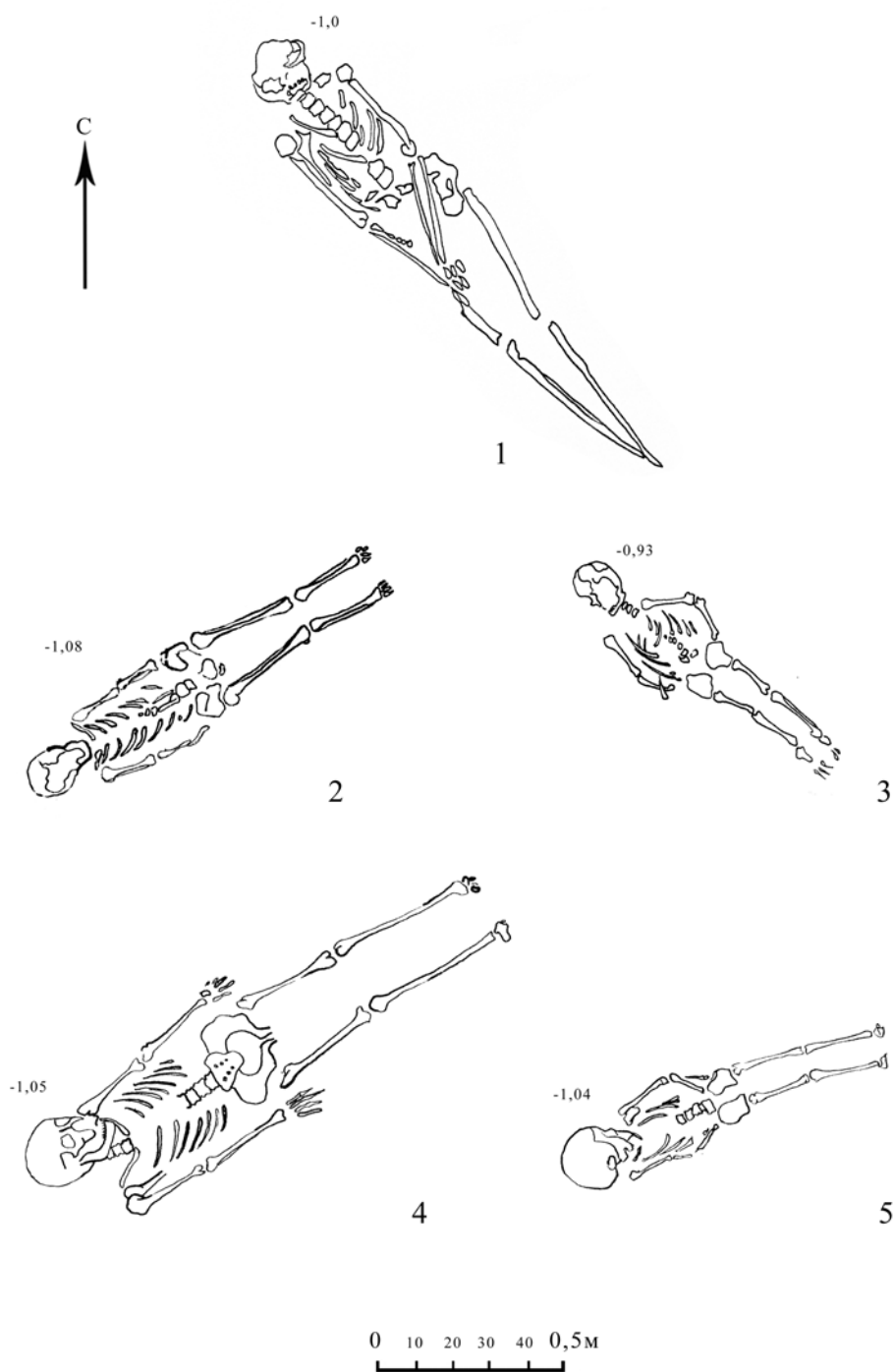

Рис. 182. Раскоп «Южный город». 1980 г. 1 – Погребение 64. 2 – Погребение 65.
3 – Погребение 66. 4 – Погребение 67. 5 – Погребение 68–1

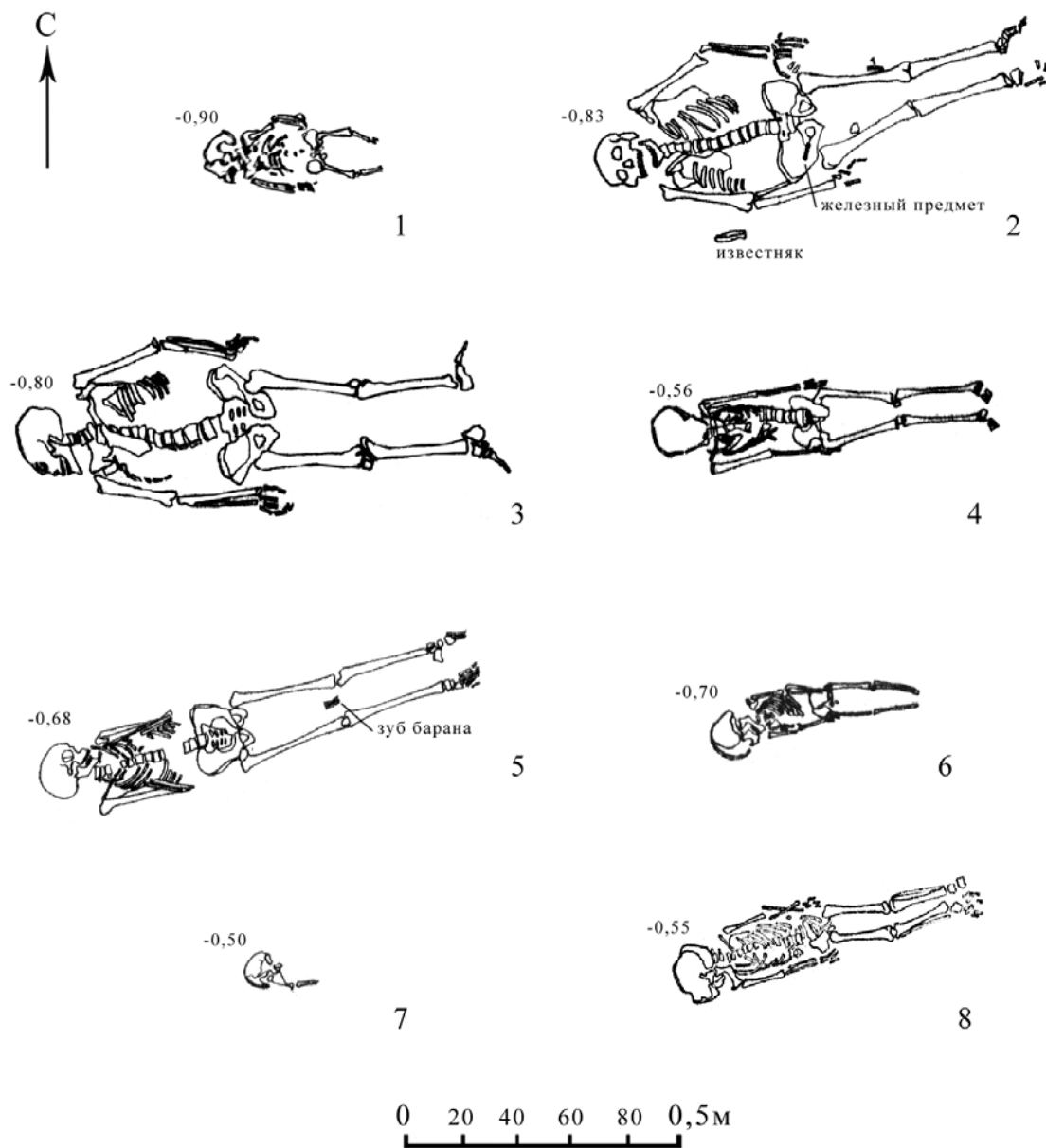

Рис. 183. Раскоп «Южный город». 1981 г. 1 – Погребение 68–2. 2 – Погребение 69.
 3 – Погребение 70. 4 – Погребение 71. 5 – Погребение 72. 6 – Погребение 73.
 7 – Погребение 74. 8 – Погребение 75

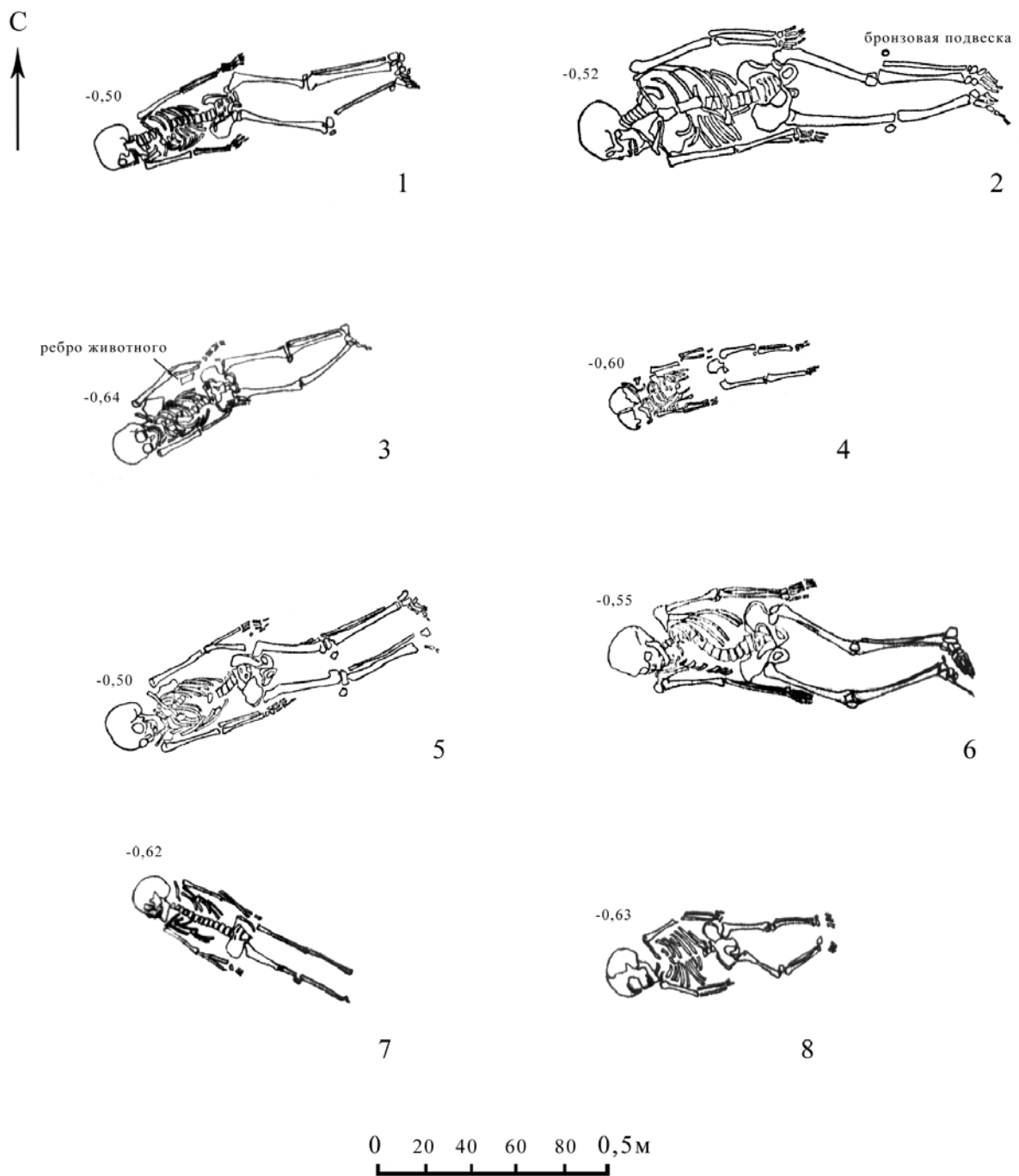

Рис. 184. Раскоп «Южный город». 1981 г. 1 – Погребение 76. 2 – Погребение 77.
 3 – Погребение 78. 4 – Погребение 79. 5 – Погребение 80. 6 – Погребение 81.
 7 – Погребение 82. 8 – Погребение 83

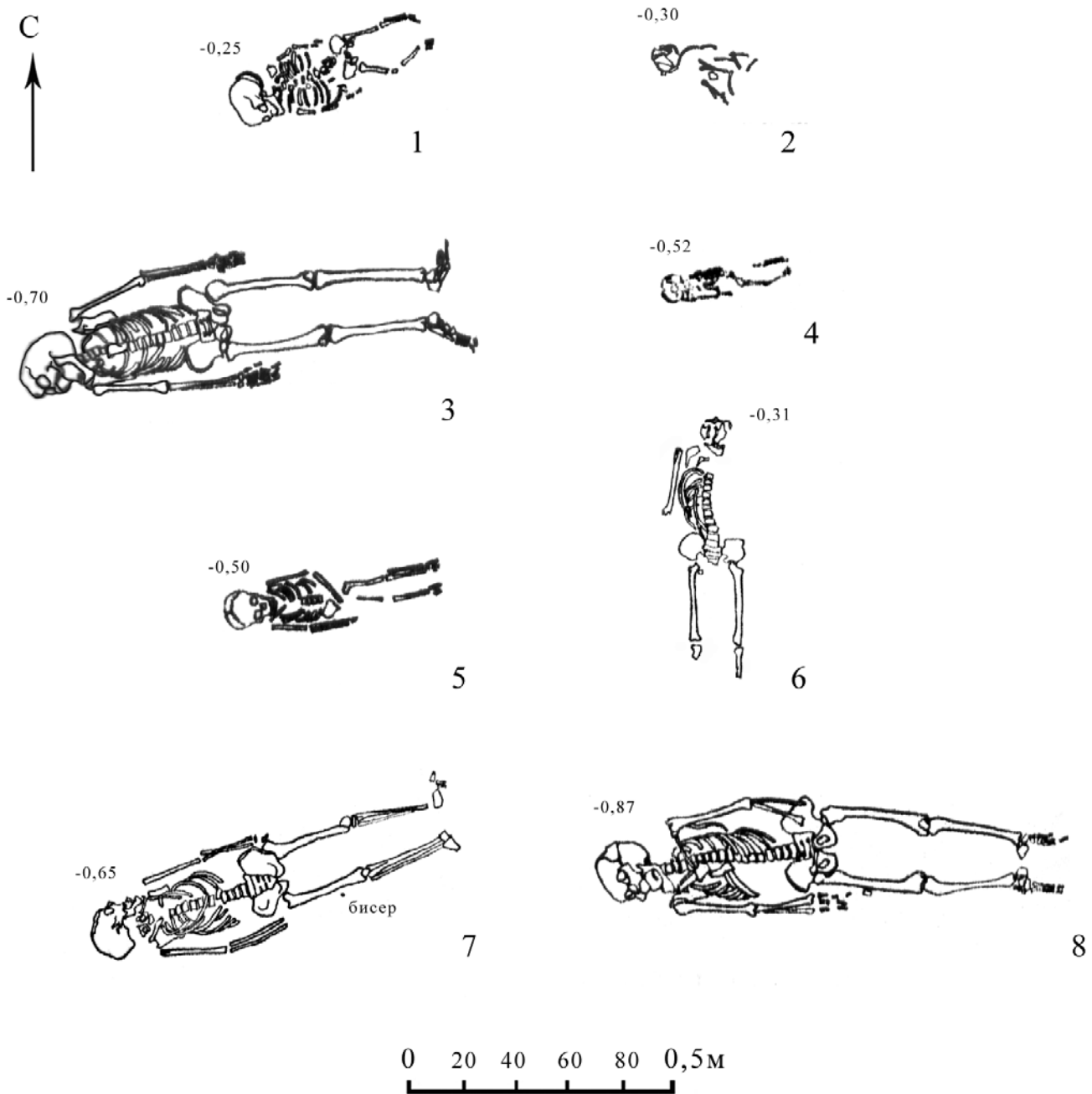

Рис. 185. Раскоп «Южный город». 1981 г. 1 – Погребение 84. 2 – Погребение 85.
 3 – Погребение 86. 4 – Погребение 87. 5 – Погребение 88. 6 – Погребение 89.
 7 – Погребение 90. 8 – Погребение 91

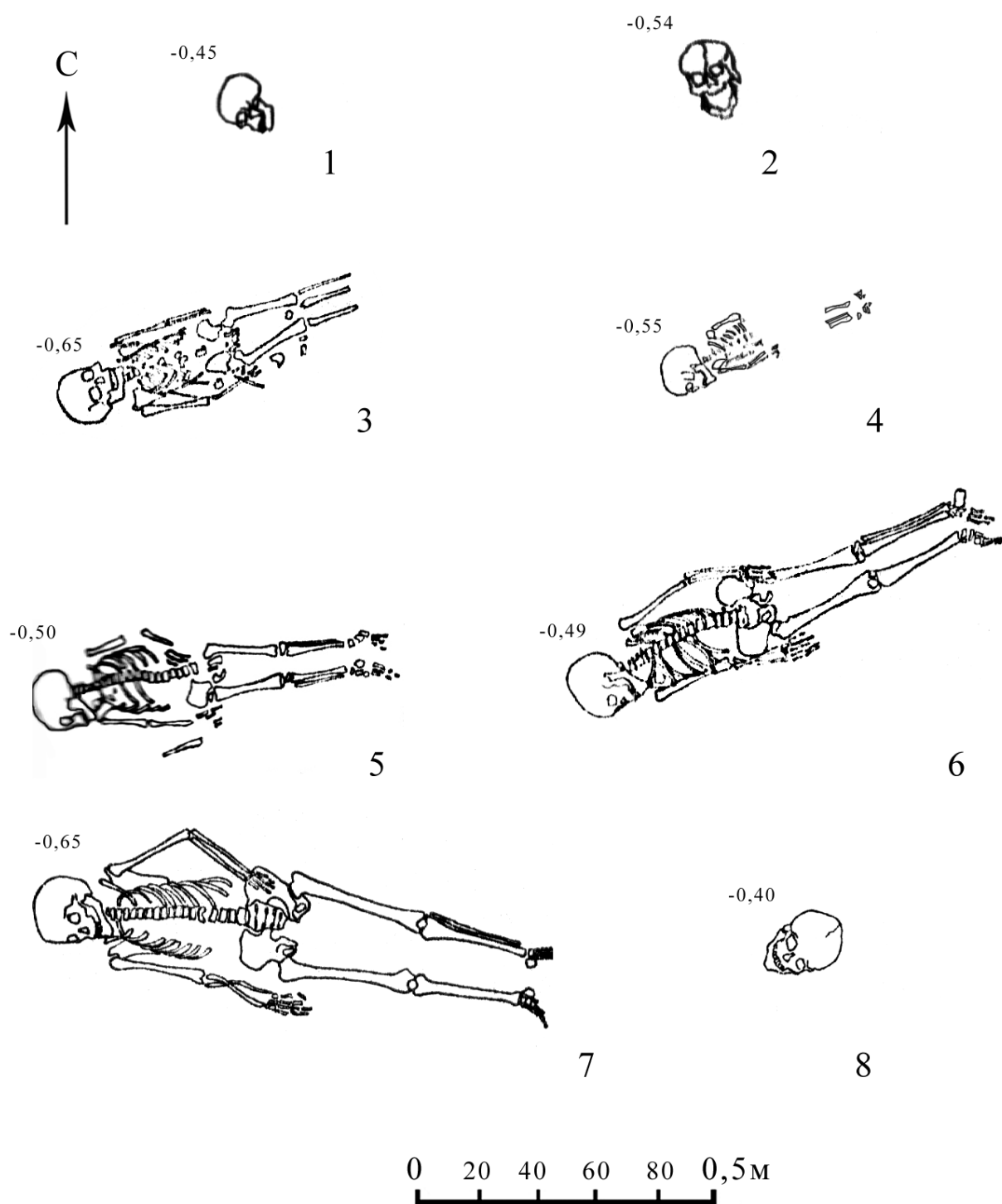

Рис. 186. Раскоп «Южный город». 1981 г. 1 – Погребение 92. 2 – Погребение 93.
 3 – Погребение 94. 4 – Погребение 95. 5 – Погребение 96. 6 – Погребение 97.
 7 – Погребение 98. 8 – Погребение 99

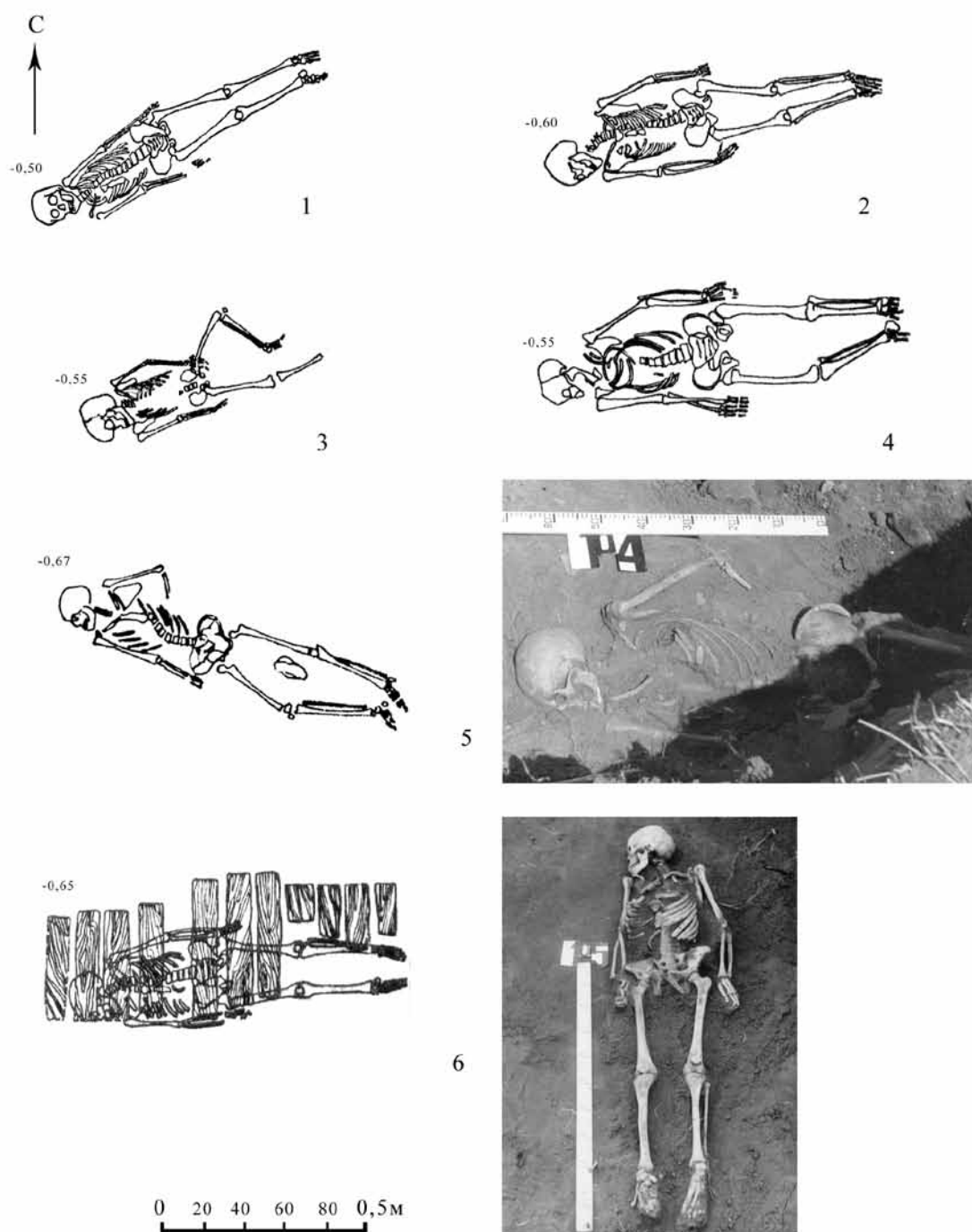

Рис. 187. Раскоп «Южный город». 1981 г. 1 – Погребение 100. 2 – Погребение 101. 3 – Погребение 102. 4 – Погребение 103. 5 – Погребение 104. Фото, вид с юго-запада. 6 – Погребение 105. Фото, вид с востока

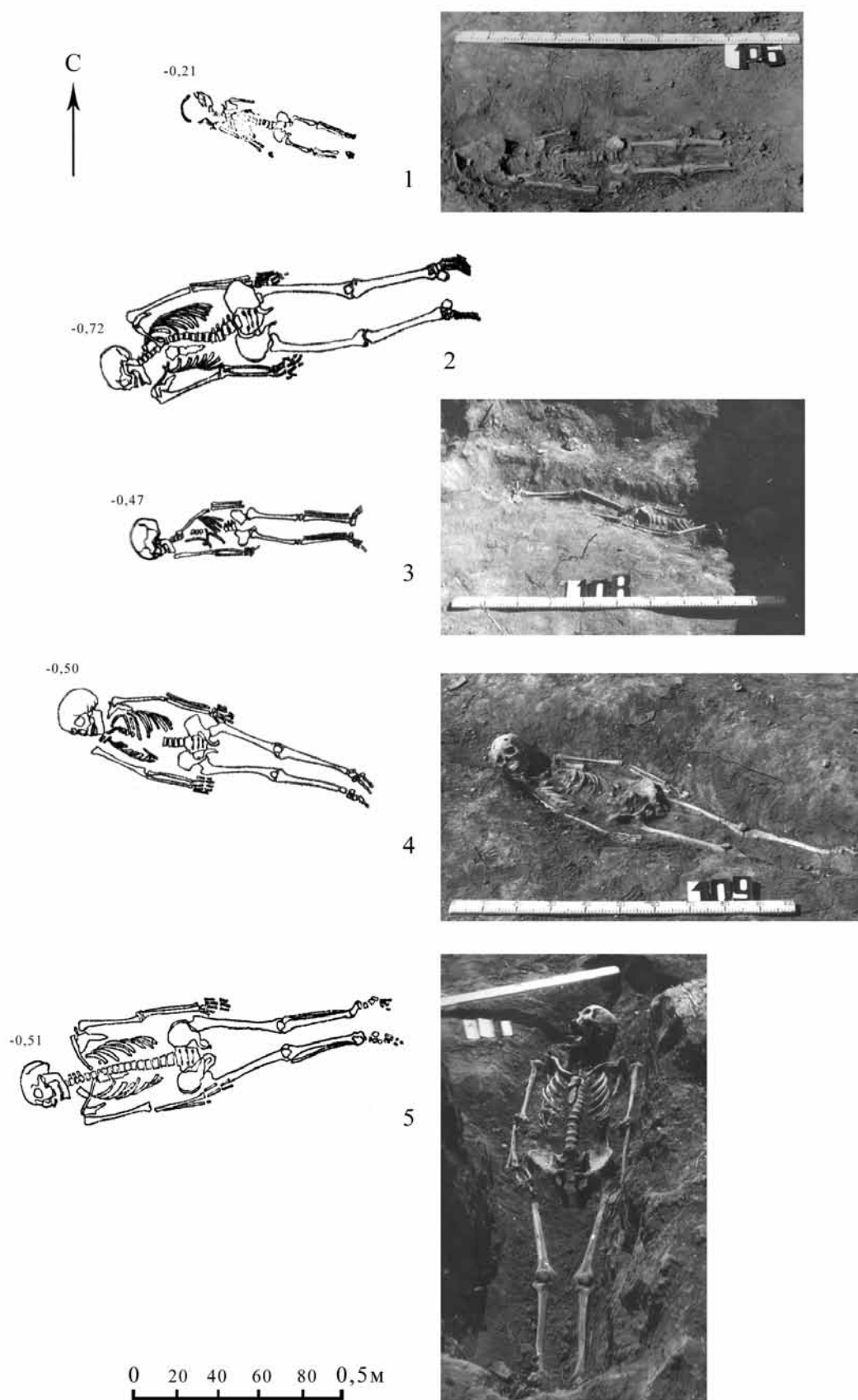

Рис. 188. Раскоп «Южный город». 1981 г. 1 – Погребение 106. Фото, вид с юга.

2 – Погребение 107. 3 – Погребение 108. Фото, вид с севера.

4 – Погребение 109. Фото, вид с юга. 5 – Погребение 110. Фото, вид с востока

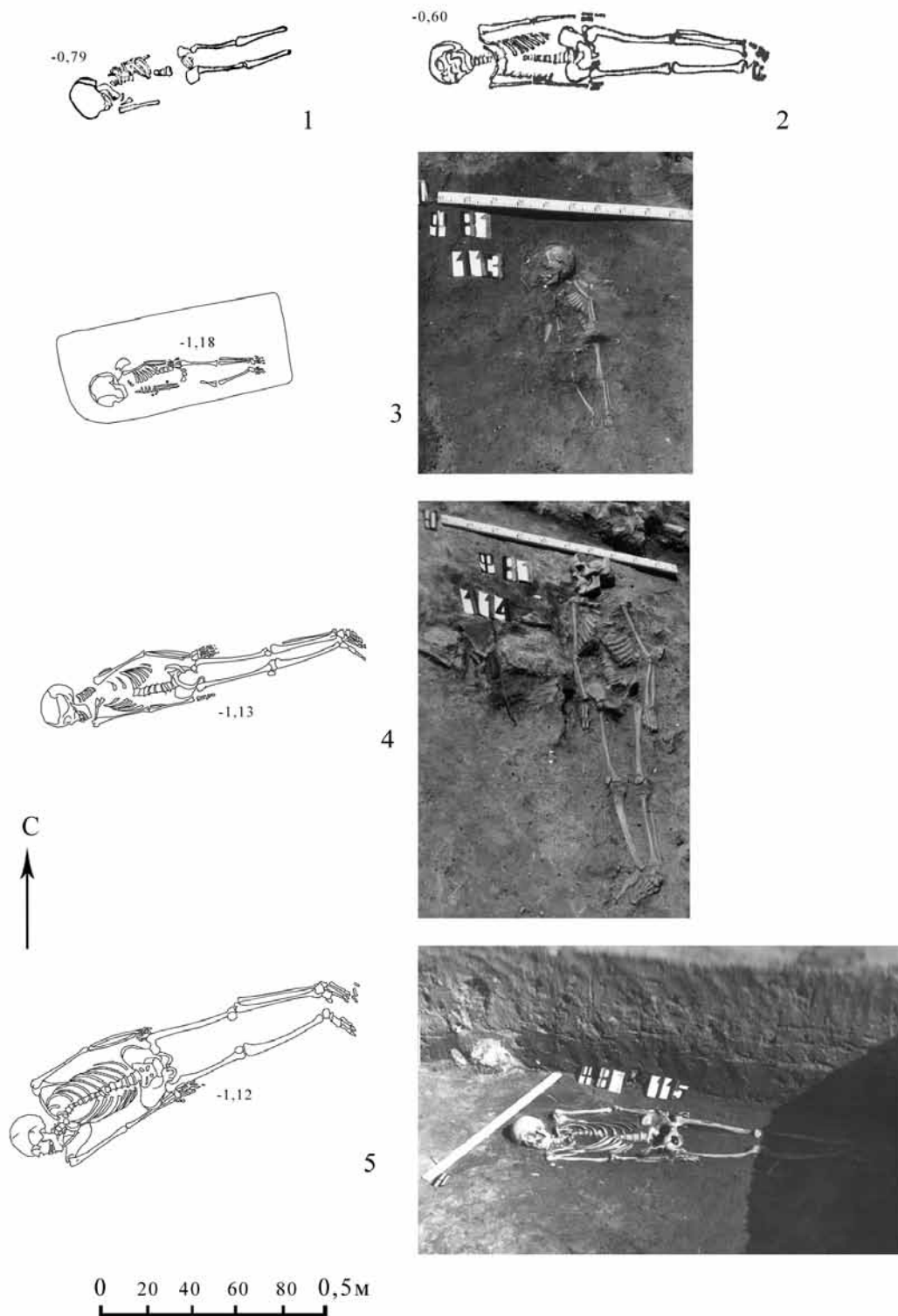

Рис. 189. Раскоп «Южный город». 1981 г. 1 – Погребение 111. 2 – Погребение 112. 3 – Погребение 113. Фото, вид с востока. 4 – Погребение 114. Фото, вид с востока. 5 – Погребение 115. Фото, вид с юга

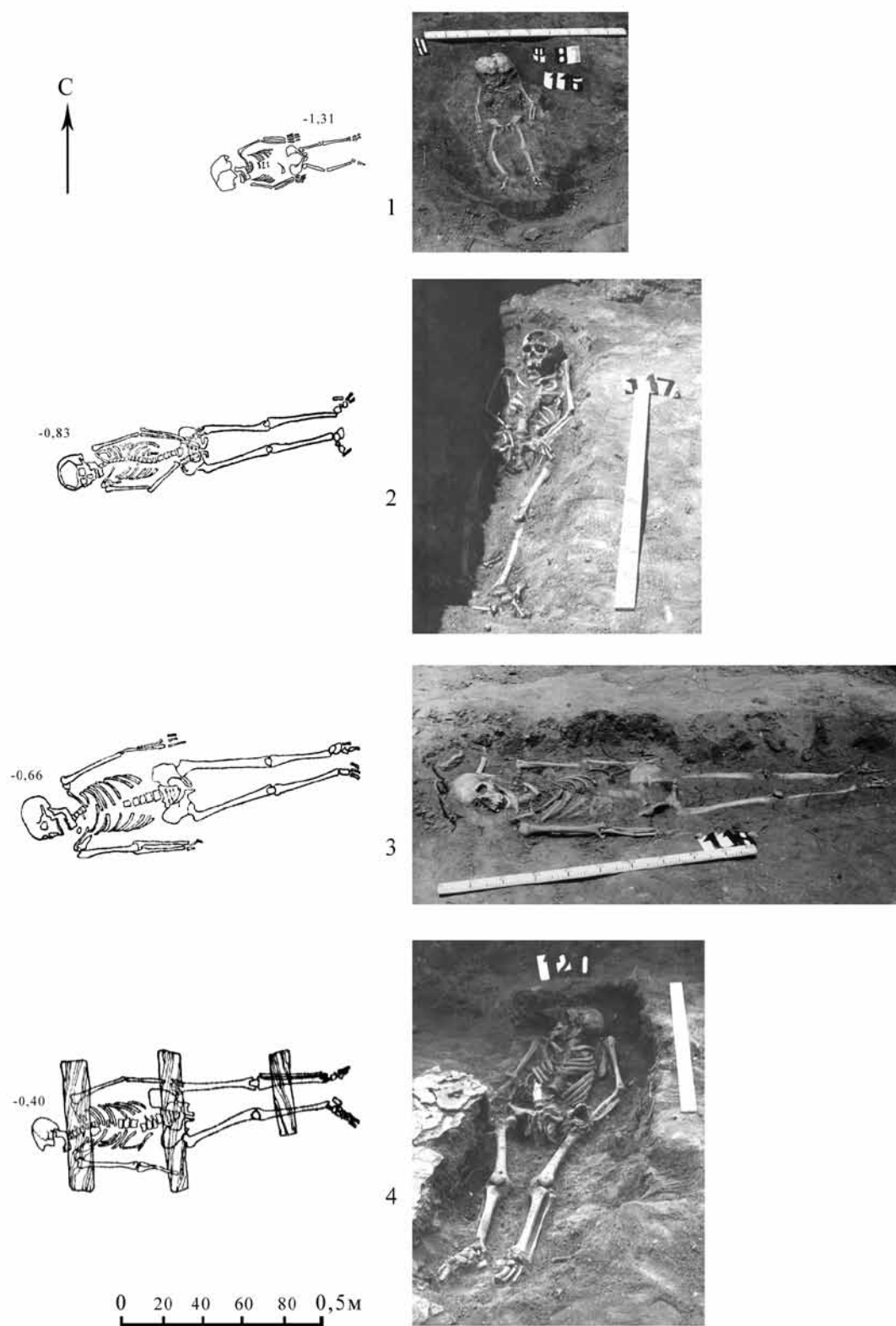

Рис. 190. Раскоп «Южный город». 1981 г. 1 – Погребение 116. Фото, вид с востока.
 2 – Погребение 117. Фото, вид с востока. 3 – Погребение 118. Фото, вид с юга.
 4 – Погребение 120. Фото, вид с востока

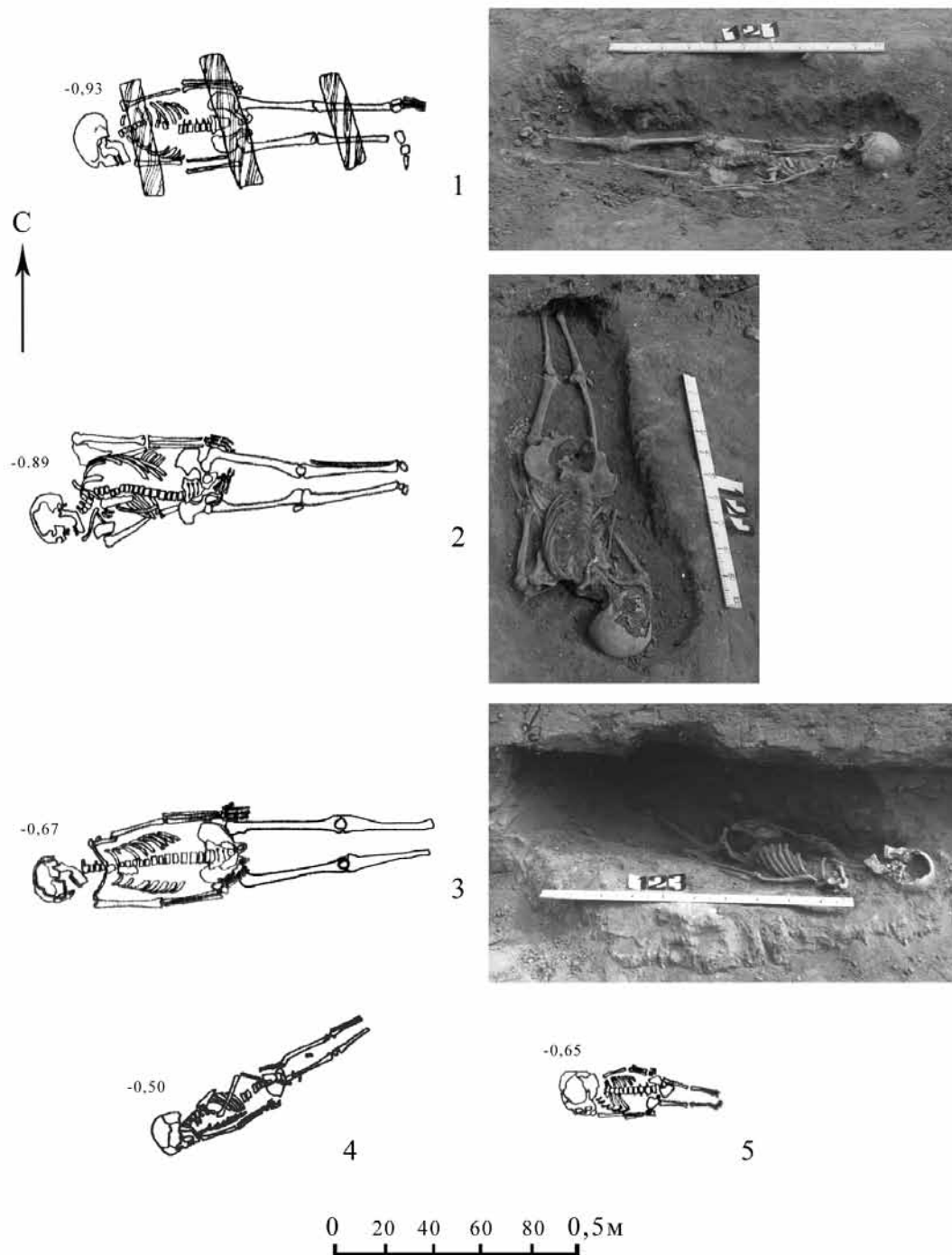

Рис. 191. Раскоп «Южный город». 1981 г. 1 – Погребение 121. Фото, вид с севера. 2 – Погребение 122. Фото, вид с запада. 3 – Погребение 123. Фото, вид с севера. 4 – Погребение 124. 5 – Погребение 125

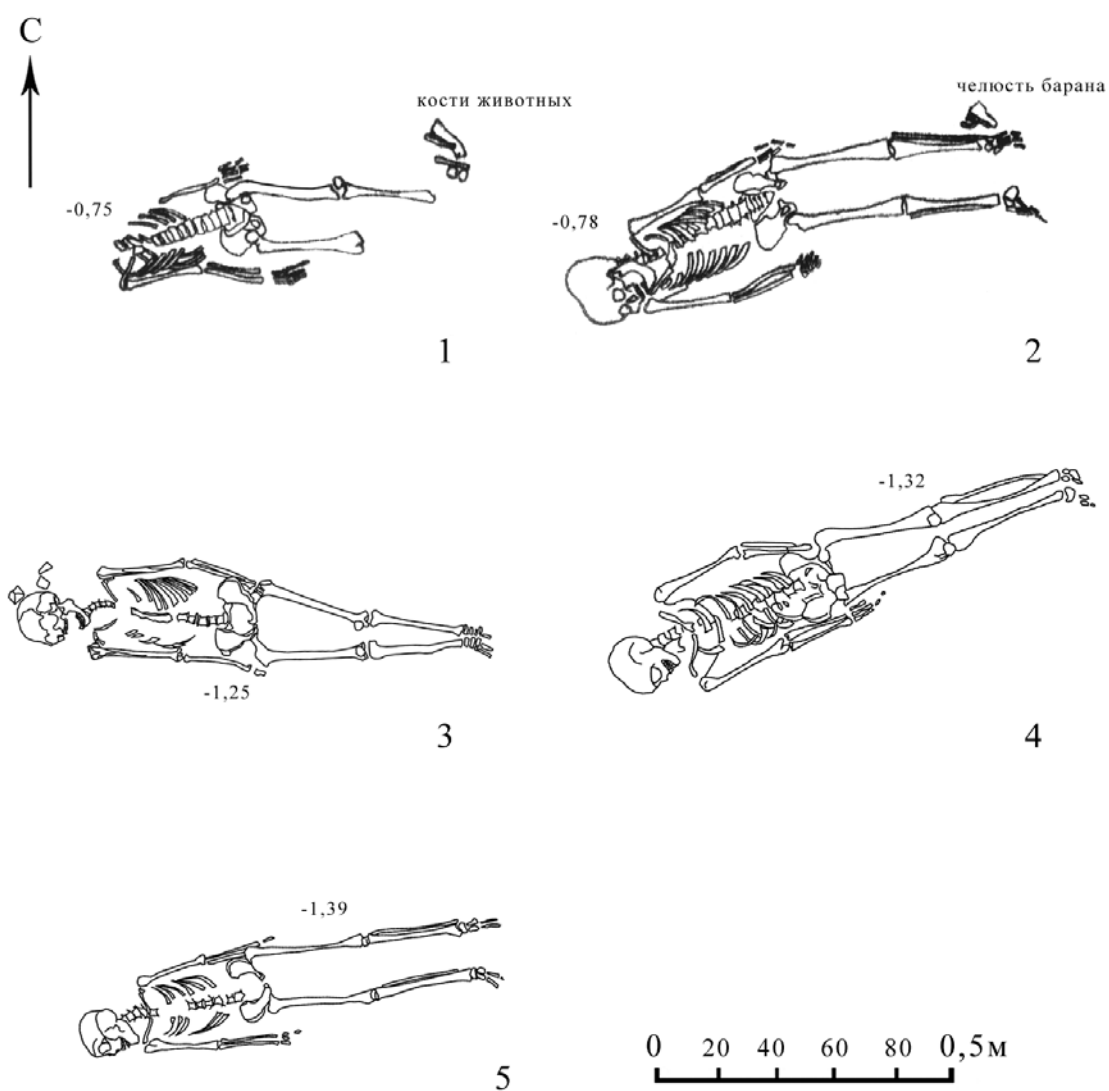

Рис. 192. Раскоп «Южный город». 1981 г. 1 – Погребение 126. 2 – Погребение 127.
3 – Погребение 128. 4 – Погребение 129. 5 – Погребение 130

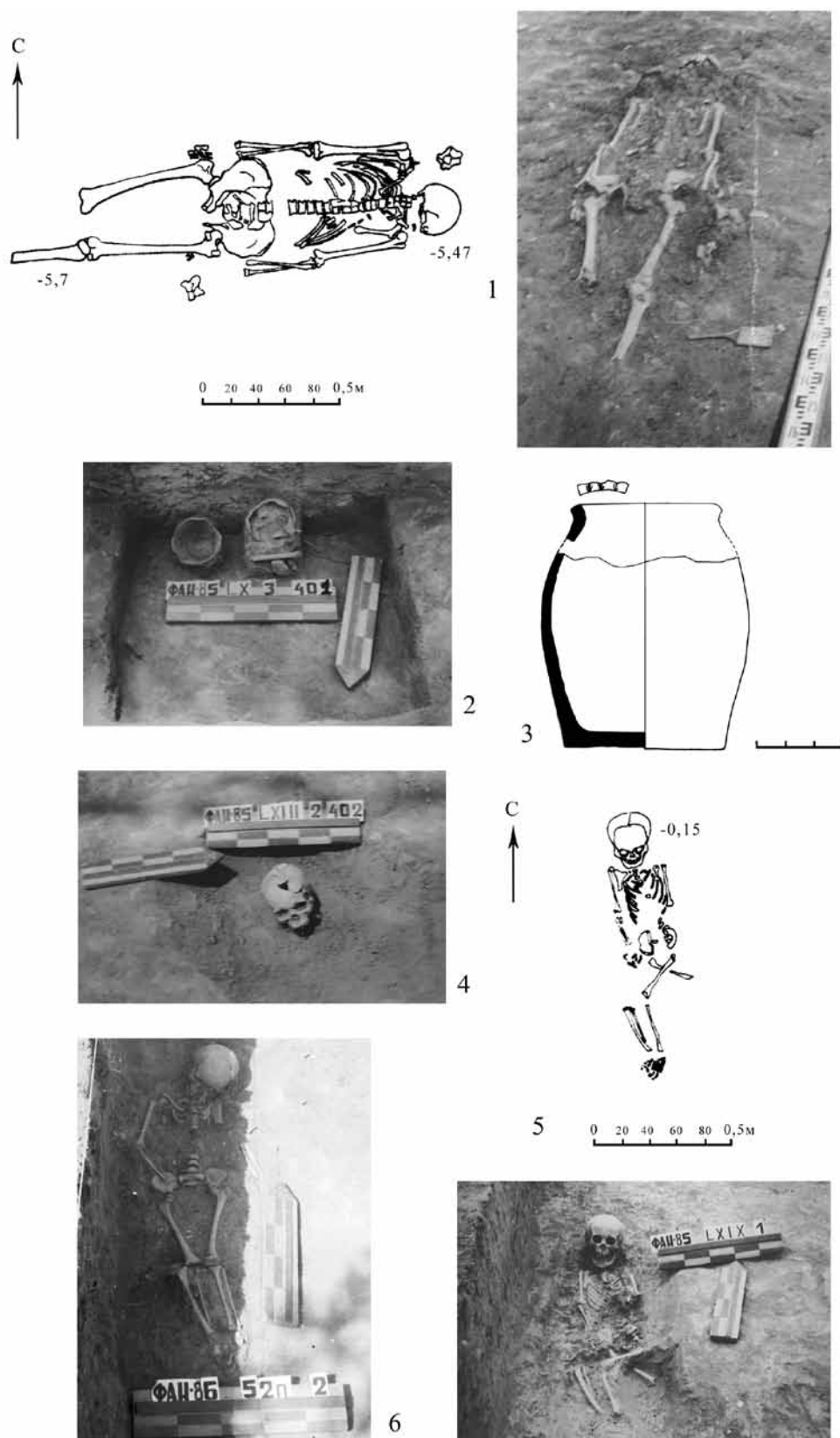

Рис. 193. Раскоп «Южный город». 1984 г. 1 – Погребение 1. Фото, вид с запада. 1985 г. 2 – Погребение 1. Фото, вид с севера. 3 – Горшок из погребения. 4 – Погребение 2. Фото, вид с востока. 5 – Погребение 3. Фото, вид с юга. 1986 г. 6 – Погребение 1. Фото, вид с юга

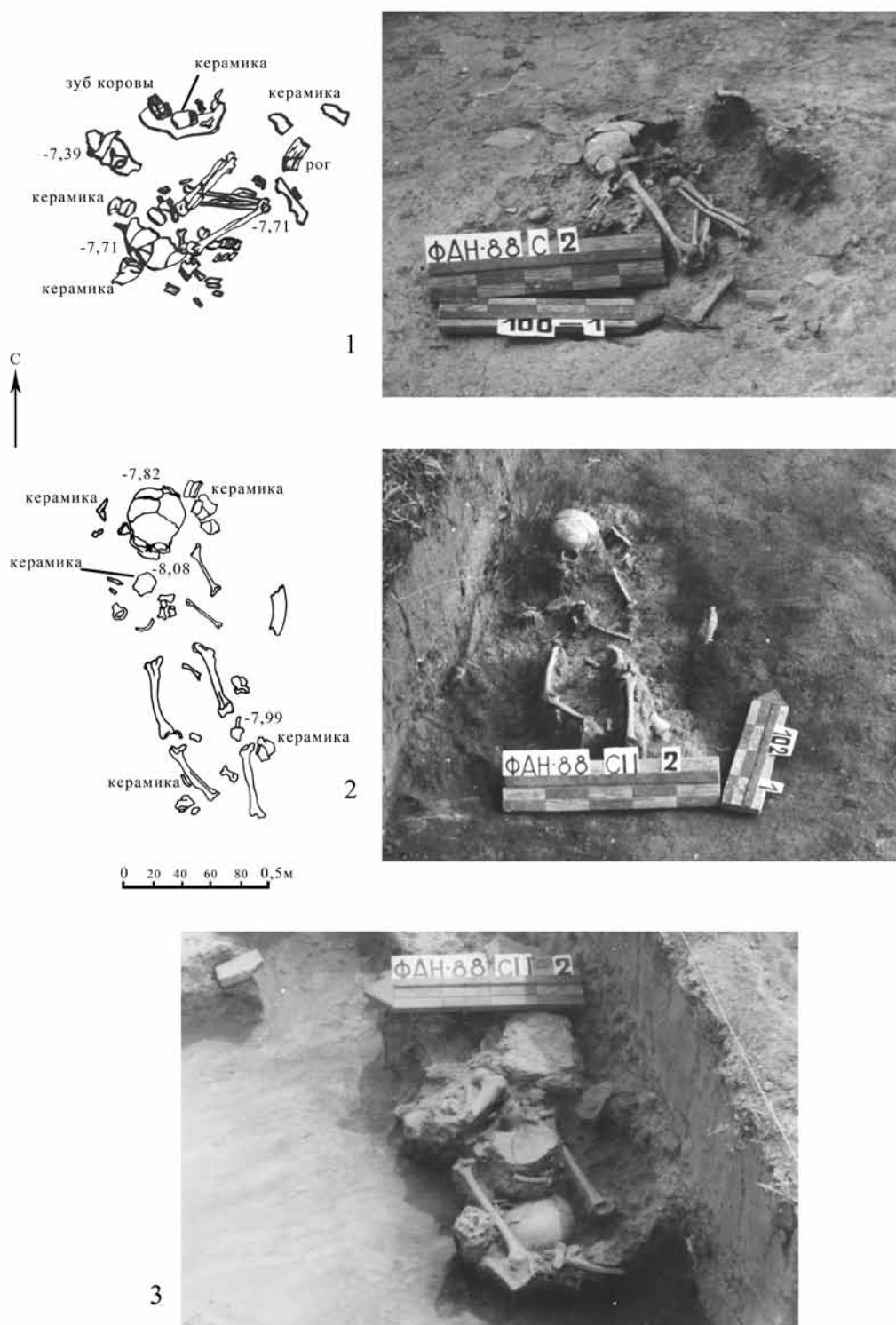

Рис. 194. Раскоп «Южный город». 1988 г. 1 – Погребение 1. Фото, вид с севера.
2 – Погребение 2. Фото, вид с юга. 3 – Погребение 3. Фото, вид с запада

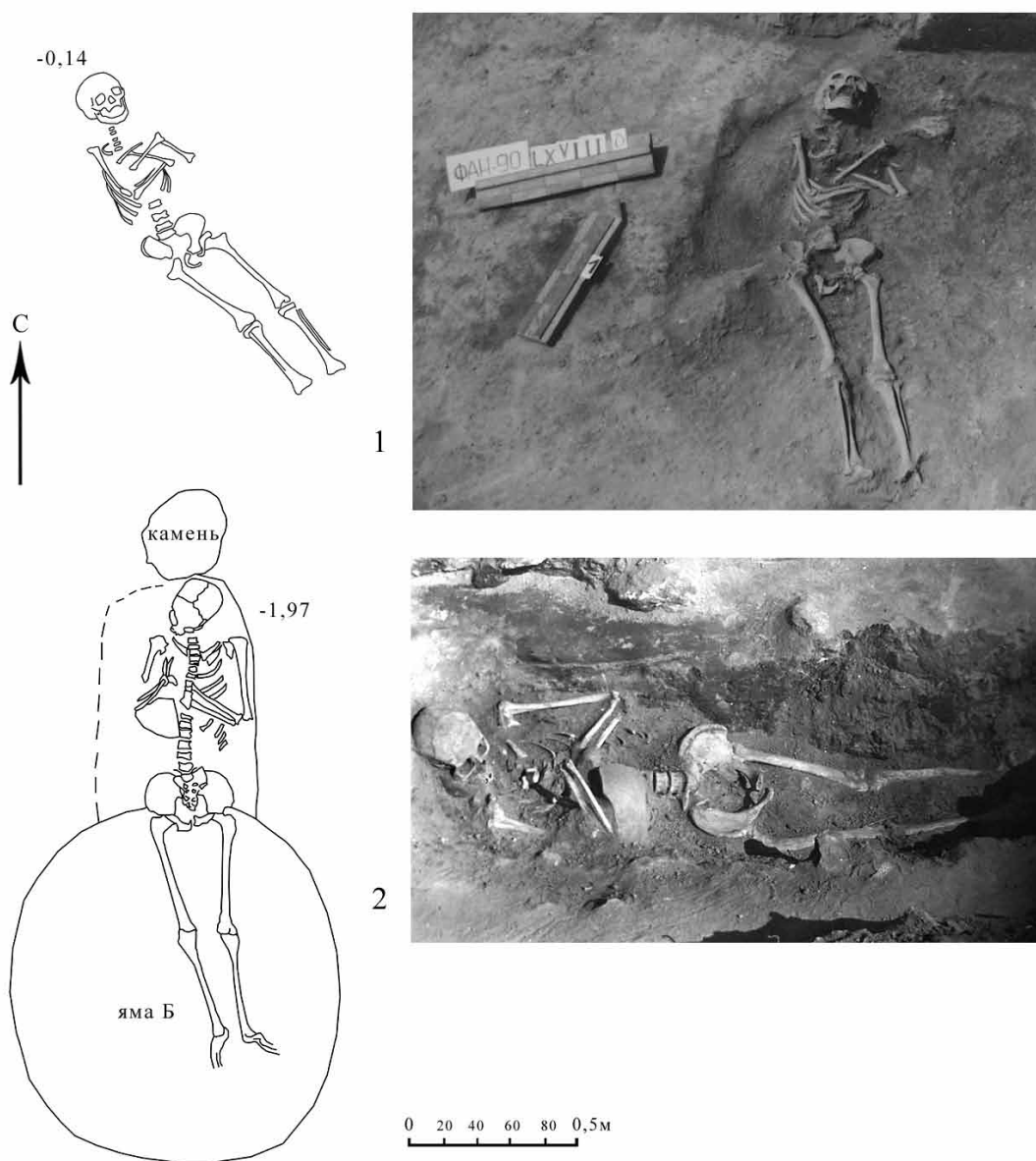

Рис. 195. Раскоп «Южный город». 1990 г. 1 – Погребение 1. Фото, вид с юга.
 Раскоп «Центральный». 1968 г. 2 – Погребение 1. Фото, вид с запада

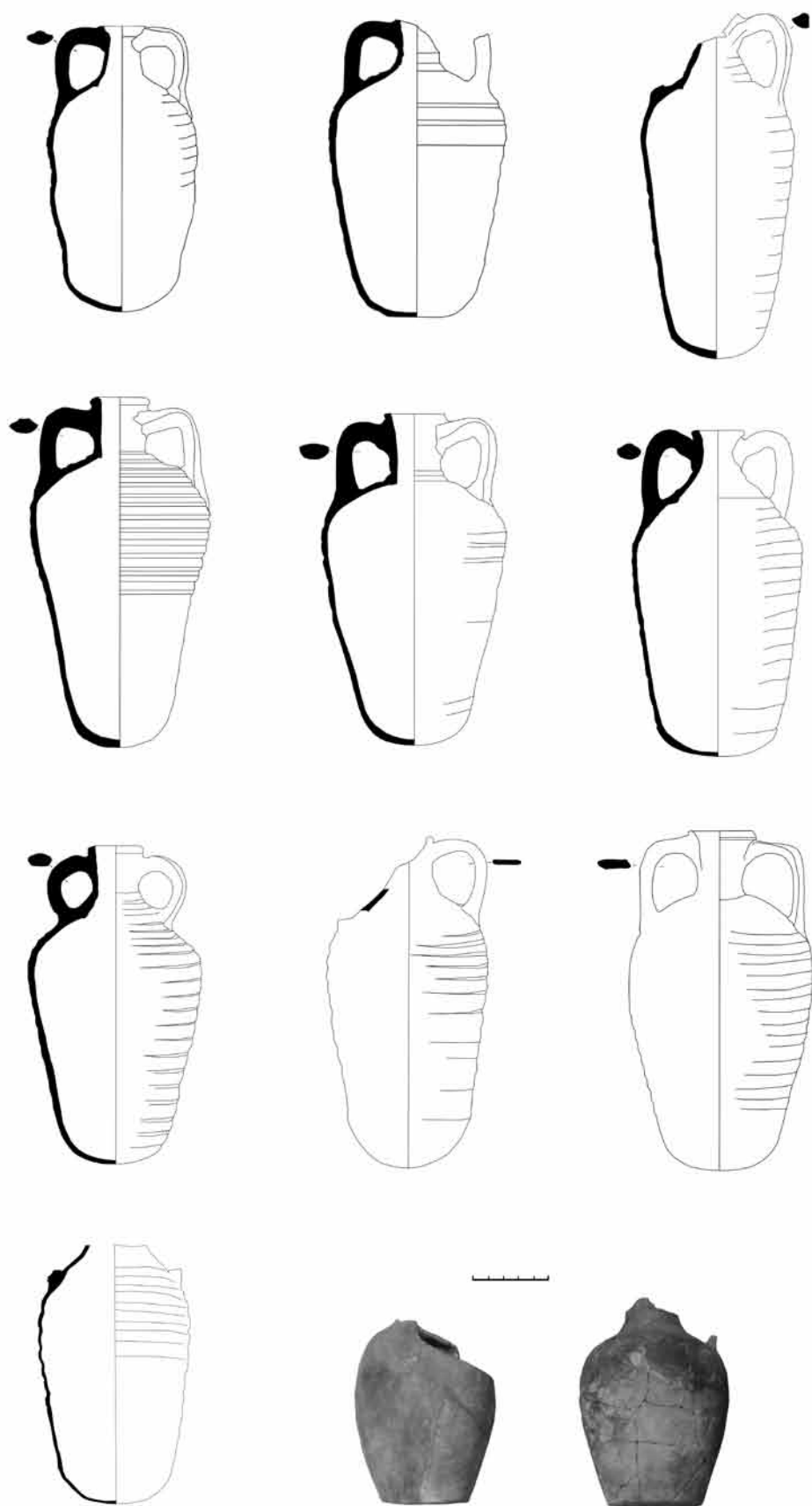

Рис. 196. Раскоп «Верхний город». 1975 г. Комплекс ямы Д

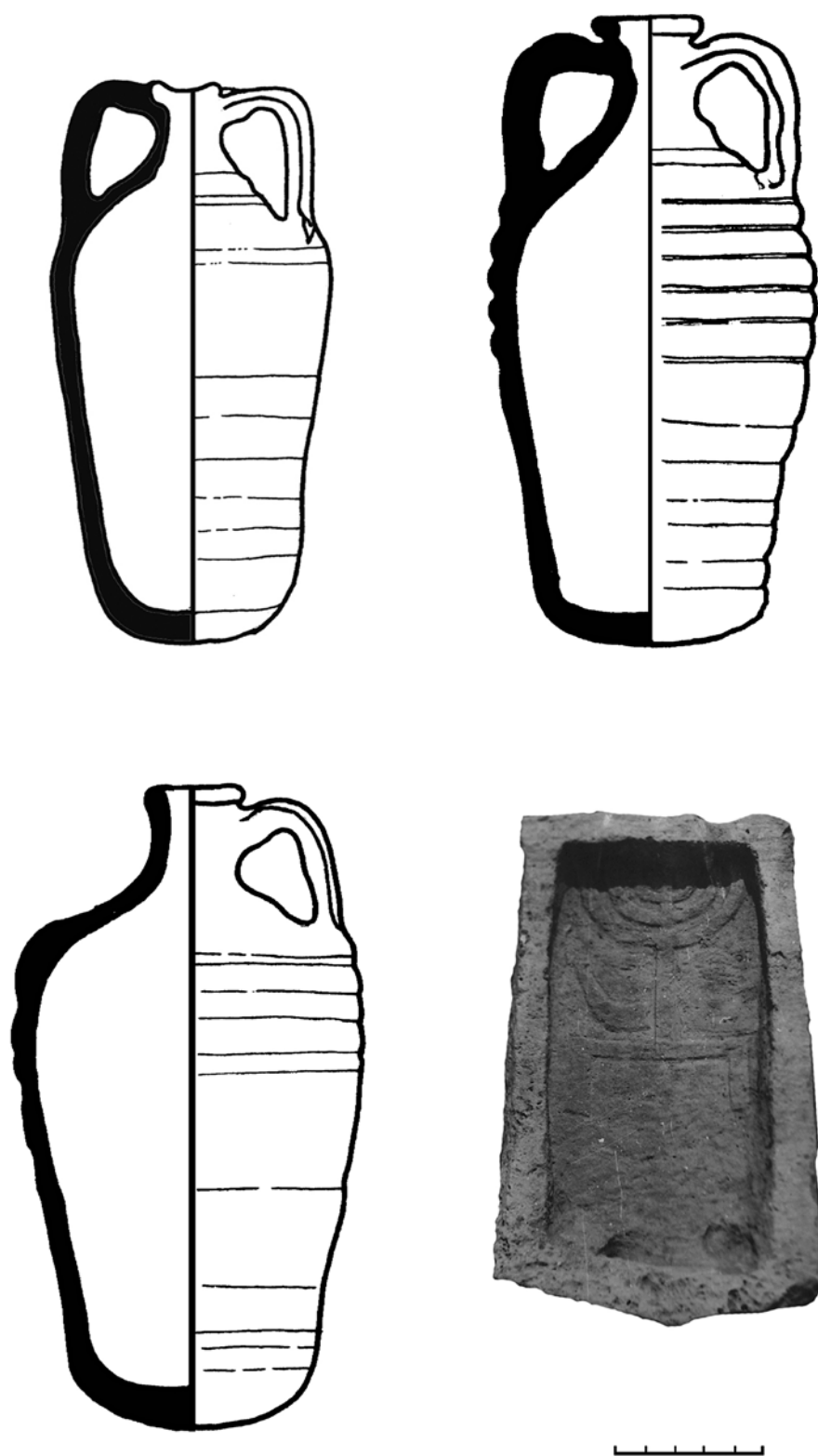

Рис. 197. Раскоп «Верхний город». 1976 г. Комплекс ямы Л

Рис. 198. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1985 г. Комплекс ямы Н

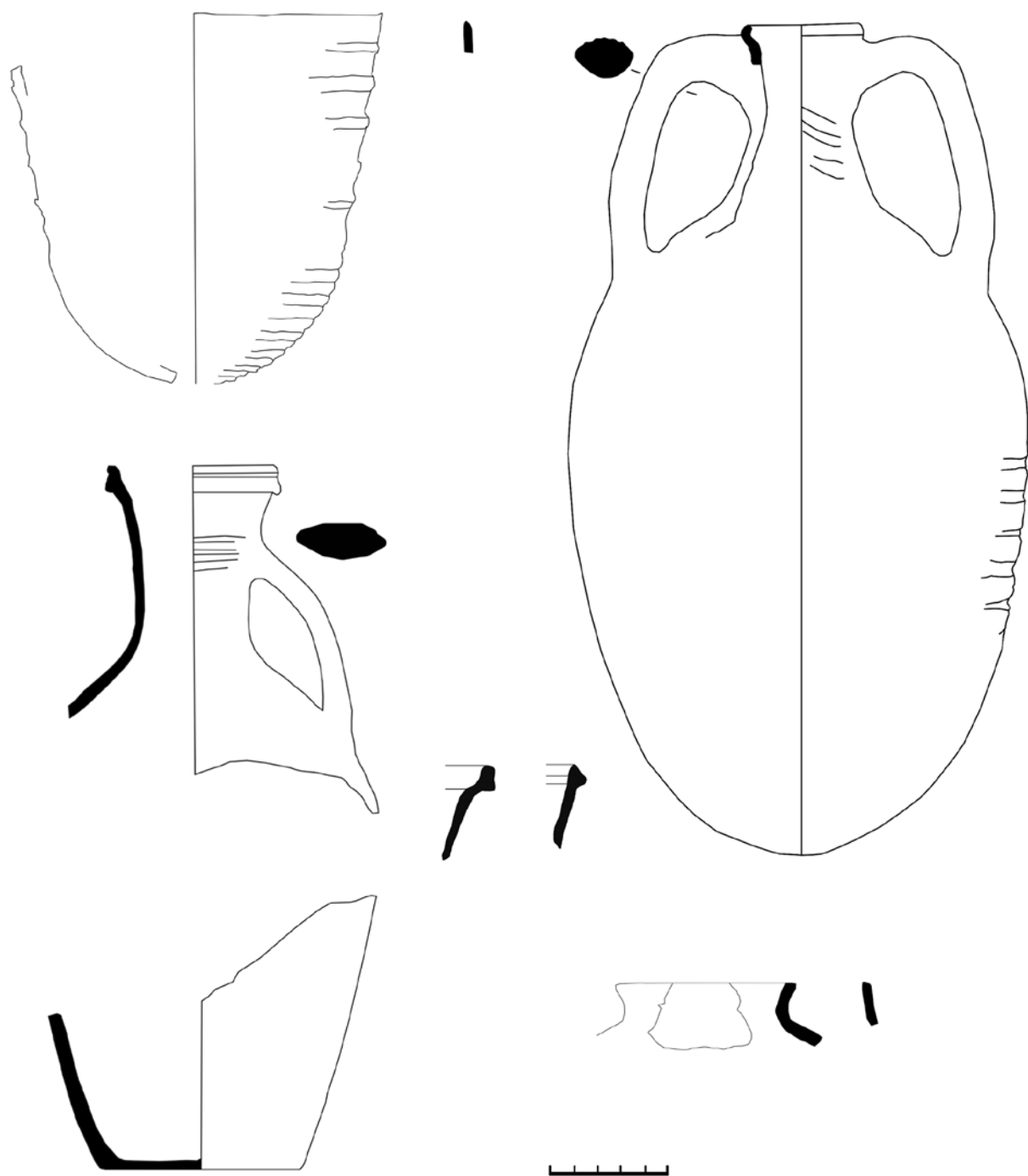

Рис. 199. Раскоп «Береговой Стратиграфический». 1985 г. Комплекс ямы О

Научное издание

В.Н. Чхаидзе

ФАНАГОРИЯ
в VI–X веках